

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

1895

1917

ЛЕНИНГРАД • «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1984

Коллективная монография «Кризис самодержавия в России» — фундаментальное исследование внутренней политики царизма конца XIX—начала XX в. — эпохи империализма, когда все противоречия российской действительности были обострены до предела, и верхи, господствующие классы уже не могли «сохранить в неизменном виде свое господство».

Книга основана на имеющейся литературе и преимущественно на широком круге источников — архивных материалах, документальных публикациях, мемуарах и прессе, в значительной мере впервые вводимых в научный оборот.

Авторы:

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН, Б. Б. ДУБЕНЦОВ, В. С. ДЯКИН, С. И. ПОТОЛОВ

Редакционная коллегия:

Б. В. АНАНЬИЧ, В. С. ДЯКИН (ответственный редактор),
А. Н. ЦАМУТАЛИ, В. А. ШИШКИН

Рецензенты:

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ, Ю. В. КОЖУХОВ, Л. С. СЕМЕНОВ, Ю. Б. СОЛОВЬЕВ,
В. А. УЛАНОВ, В. Г. ЧЕРНУХА

КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ. 1895—1917

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства А. Ф. Варустина. Художник Л. А. Яценко.
Технический редактор Н. Ф. Соколова. Корректоры Е. А. Гинетлинг
и С. Н. Добрянская

ИБ № 20711

Сделано в набор 30.05.83. Подписано к печати 03.02.84. М-19322. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л 48,55. Усл. кр.-отт. 48,55. Уч.-изд. л. 54,58. Тираж 3200. Тип. зак. 456. Цена 5 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199104, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 4

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199084, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

К 0505020000-534
042 (02)-04 42-03-71

© Издательство «Наука», 1984 г.

ВВЕДЕНИЕ

Кризис самодержавия в России в конце XIX—начале XX в. проявлялся по существу во всех сторонах экономической, социальной и политической жизни страны. «... Самодержавие, — писал В. И. Ленин в 1899 г., — воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России».¹ В основе кризиса самодержавия лежали разложение крепостнической системы хозяйства и развитие капиталистических отношений в стране, обострение классовой борьбы, особенно борьбы пролетариата — гегемона буржуазно-демократической и социалистической революции в России.

В советской исторической науке давно и успешно ведется разработка названных выше проблем, и это дает авторам настоящего издания право сосредоточить свое внимание на изучении кризиса самодержавия в более узком смысле — как кризиса верхов, поскольку в этом аспекте он до сих пор освещался меньше. В центре исследования — рассмотрение попыток царизма решить рабочий и аграрный вопрос, его взаимоотношений с экономически господствующими классами — помещичьим дворянством и буржуазией, механизма функционирования власти и проектов приспособления государственного аппарата к изменяющейся обстановке, т. е. внутренней политики царизма. Видное место занимает также проблема изменения государственно-правовых форм господства правящих классов, изучению которой придавал очень большое значение В. И. Ленин, подчеркивавший, что «прочность... режима, условия развития и разложения этого режима, способность этого режима к быстрому... фиаско — все это в сильной степени зависит от того, имеем ли мы перед собой более или менее явные, открытые, прочные, прямые формы господства определенных классов или различные опосредствованные, неустойчивые формы такого господства».²

Обращение к истории внутренней политики царизма представляется не только правомерным, но и настоятельно необходимым. Порождаемый несоответствием устаревшей политической надстройки изменившимся общественно-экономическим отношениям, кризис самодержавия находит свое конкретное воплощение в «невозможности для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство».³ Постоянно подчеркивая решающую роль революционной борьбы масс, В. И. Ленин отводил кризису верхов чрезвычайно важное место в ряду условий, не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 231.

² Там же, т. 22, с. 131—132.

³ Там же, т. 26, с. 218.

обходимых для возникновения революционных ситуаций, видел в нем «трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов».⁴ Отмечая, что для «наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому», В. И. Ленин указывал, что в периоды революционных кризисов массы пробуждаются к самостоятельному историческому выступлению «как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“...».⁵

Раз возникнув, эта невозможность для господствующих классов сохранять свое господство в неизменном виде остается (хотя и в менее острой форме) и в периоды спада революционного движения, когда она проявляется в постоянных конфликтах государственной власти с социально родственными ей классами или внутри правящих кругов, какими бы незначительными и, на первый взгляд, удаленными от настоящего очага революции они ни были. Эти конфликты не только отражают (хотя и в опосредованной форме) главные противоречия действительности, но и оказывают серьезное влияние на развитие событий «как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.».⁶ Поэтому, подчеркивая важность учета всех особенностей политической обстановки для выработки стратегии и тактики революционного движения, В. И. Ленин всегда призывал, в частности, «внимательно следить за всеми и великими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя».⁷

Важнейшим признаком кризиса верхов, отражающего не временные сбои внутренней политики, а постоянно углубляющийся кризис самодержавия как формы правления, является невозможность для правящих кругов выйти из него реформистским путем.

В эпоху становления и упрочения социально-экономической формации господствующие классы бывают в состоянии проводить и проводят как в области организации управления, так и в социальной сфере крупные реформы, направленные на ликвидацию остатков прежних экономических и политических институтов, на упрочение и регламентацию собственной власти, на создание и совершенствование осуществляющего их господство государственного аппарата. В эти эпохи реформы, проводимые господствующими классами, лежат в русле исторического развития и содействуют ему. В период разложения формации главной целью реформ, с точки зрения господствующих классов, становится сохранение их экономического и политического господства вопреки объективным тенденциям общественного развития, противодействие историческому прогрессу, предотвращение революции.

Вынуждаемые «силой экономического развития»⁸ и выступлениями масс, реформы такого рода всегда в конечном итоге являются побочным продуктом революционной борьбы. Но воздействие этой борьбы на «реформаторскую» деятельность старой власти сказывается не только непо-

средственно в период революции, но и задолго до и после открытого революционного взрыва. Пристально изучая проблему соотношения реформы и революции, В. И. Ленин различал два типа реформ: восходящей и нисходящей линий политического развития.

Реформы восходящей линии он рассматривал как меры, направленные против революционного класса, хотя и улучшающие его положение, и видел в них, с одной стороны, предвестников революции, а с другой — действия, предпринимаемые «для избежания революции».⁹

Реформы нисходящей линии политического развития, как указывал В. И. Ленин, проводятся в ситуациях, когда революционная буря уже пронеслась и «оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программ, завещанной их противниками».¹⁰

Царизм на протяжении второй половины XIX—начала XX в. прибегал к реформам и того, и другого рода, причем реальным содержанием их во всех случаях являлись попытки «взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции...».¹¹ Однако для понимания развития кризиса самодержавия важно учитывать обстоятельство, на которое постоянно указывал В. И. Ленин, — реформы, проводимые сверху, старой властью в ближайшей перспективе дают ей некоторую передышку, отсрочку ее падения, но не меняют общих тенденций развития и в исторической перспективе не укрепляют, а еще больше разлагают старую политическую надстройку.¹² Осознавая или инстинктивно предчувствуя это,¹³ правящие круги до последней возможности противятся всяким переменам в существующих порядках и лишь в наиболее критических ситуациях предпринимают «покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений», стремясь и в этих ситуациях пойти только на второстепенные уступки, «всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек»,¹⁴ с тем чтобы по миновании непосредственной угрозы постараться взять и эти уступки назад. При этом, чем дольше самодержавию удавалось оттягивать осуществление тех или иных реформ, тем больше увеличивался разрыв между социально-экономическим развитием России и ее политическим строем, тем более радикальные меры становились необходимы для сокращения этого разрыва, тем более опасными оказывались вероятные последствия даже самых незначительных и проводимых сверху реформ для самодержавия и помещичьего дворянства и тем сильнее становились их страх перед реформами и их сопротивление реформам. «„Неуступчивость“ русского самодержавия...», — подчер-

⁹ Там же, т. 7, с. 208.

¹⁰ Там же, с. 313.

¹¹ Там же, т. 17, с. 359.

¹² См.: там же, с. 401; т. 20, с. 85—86, 177—178; т. 22, с. 18.

¹³ В. И. Ленин неоднократно писал, что тактика царя не обязательно бывает «отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 30), а что важно объективное значение «тактики, на которую толкает правительство весь его громадный политический опыт и полицейский инстинкт» (там же, т. 7, с. 56).

¹⁴ Там же, т. 7, с. 313.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, т. 17, с. 280.

⁷ Там же, т. 6, с. 267.

⁸ Там же, т. 20, с. 173.

кивал В. И. Ленин в 1905 г., — зависит «всего более от того наследства русской истории, которое приперло к стене самодержавие и накопило невиданные в Западной Европе противоречия и конфликты под его сенью».¹⁵

Последний самодержавный режим в Европе — царизм — имел к тому же перед глазами опыт других абсолютных монархий, которые, начав с небольших уступок в попытке сохранить основы своей власти, в конечном итоге оказались либо сметенными революцией, либо вынужденными отказаться от неограниченной власти короны в пользу парламентских учреждений. Между тем, не говоря уже о психологическом неприятии царем перспективы ограничения его прерогатив, именно на полной неограниченности власти царя держались и возможность сохранения привилегий помещного дворянства, и все приемы управления, веками отработавшиеся российской бюрократией. Поэтому самодержавие упорно сопротивлялось всяким переменам даже на высших ступенях системы управления из боязни, что это послужит началом перемены формы правления.

Причина «неуступчивости» российского самодержавия заключалась не в какой-либо особой его природе, в силу которой оно имманентно неспособно было эволюционировать в буржуазном направлении, с тем чтобы такой эволюцией снять противоречие между капиталистическим характером классовой структуры общества и докапиталистической формой организации государственной власти. Всякая монархия, этот институт феодального строя — «не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособиться к различным классовым отношениям господства, учреждения».¹⁶ Опыт Западной Европы дал примеры постепенного перерождения феодальной монархии в буржуазную, но нигде такое перерождение не было добровольным. Ему всегда предшествовали буржуазные революции, причем завершенные революции вели к ликвидации монархии вообще, а незавершенные революции (или последующие реставрации) оказывались необходимым предварительным условием буржуазной эволюции монархии.

Но классы, заинтересованные в изменении политического строя, не всегда обладают достаточной силой для такого изменения, даже если оно уже назрело в результате общественно-экономического развития. Тогда, как отмечал В. И. Ленин, «общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия».¹⁷ Пореформенное развитие России характеризовалось как раз отсутствием силы, способной добиться буржуазной (конституционной) эволюции царизма.

Конституционные требования в пореформенной России, являясь по своему существу буржуазными, первоначально выдвигались определенными кругами дворянства (олигархической фрондой, с одной стороны, либеральными элементами — с другой). Дворянская оппозиция не могла принудить царизм к политическим уступкам, ибо она не опиралась в своих требованиях на большинство собственного класса, заинтересованного в гораздо большей степени в экономических льготах и

подачках власти. Буржуазия, в принципе прежде всего заинтересованная в конституционной эволюции монархии, была в 60—80-е гг. XIX в. в массе своей экономически слаба и политически неразвита. К тому же самодержавная власть препятствовала политической организации любых классов. Поэтому и после того, как в экономическом отношении Россия стала страной капиталистической, буржуазия не могла организовать в единую и сознательную политическую силу вплоть до революции 1905—1907 гг., а в ходе ее была вынуждена сличиваться уже не только и не столько против царизма, сколько против пролетариата, и искать союза с царизмом, отодвигая на второй план свои конституционные требования.

До выступления на исторической арене пролетариата как гегемона освободительного движения в России не было силы, способной принудить царизм к эволюции его политических форм господства, а пролетариат, выступив как самостоятельная сила, преследовал цель не буржуазной эволюции монархии, а ее ликвидации вообще. Поражение революции 1905—1907 гг. дало царизму последнюю отсрочку. Но даже потерпев поражение, пролетариат сделал впредь невозможным для царизма управление Россией без прямого союза с верхами буржуазии, без представительных учреждений и этим обусловил вынужденный «монархический конституционный поворот истории»,¹⁸ выразившийся в создании в стране «учреждений бонапартистской монархии».¹⁹

Конкретно-исторические условия развития России обусловили, таким образом, затяжной характер кризиса российского самодержавия. Предметом исследования в настоящей работе является последний этап этого кризиса, совпадающий с вступлением России в эпоху империализма, когда в связи с этим все противоречия российской действительности обострились до предела.

Проблемы кризиса верхов затрагиваются в общей форме в различных исследованиях, посвященных революционному движению и в трудах обобщающего характера. Уже с 1920-х гг. проявился и специальный интерес к истории правящих кругов России, нашедший свое воплощение прежде всего в публикации ряда ценных источников, а также отдельных монографий и статей. Однако, приступая в начале 1960-х гг. к изданию серии коллективных трудов, посвященных первой революционной ситуации, М. В. Нечкина справедливо отмечала недостаточную исследованность истории верхов, напоминая при этом, что В. И. Ленин ставил кризис верхов «на первое место в общеизвестном теоретическом разборе проблем революционной ситуации».²⁰ За прошедшее двадцатилетие положение в значительной мере изменилось в освещении как периодов первой и второй революционной ситуации, так и эпохи империализма.

Тем не менее приходится констатировать, что и сейчас целый ряд проблем и отдельных хронологических этапов остается недостаточно изученным или почти вообще неизученным. Если говорить о времени, предшествовавшем революции 1905—1907 гг., то наиболее освещенными

¹⁵ Там же, т. 10, с. 225—226.

¹⁶ Там же, т. 20, с. 350.

¹⁷ Там же, т. 11, с. 367.

¹⁸ Там же, т. 16, с. 20.

¹⁹ Там же, т. 17, с. 346.

²⁰ Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 9.

в историографии являются рабочая и аграрная политика царизма, в последнее время усилился интерес к дворянскому вопросу и земско-либеральному движению. В то же время кризис системы управления и попытки выхода из него практически не изучены. Нет и исследований, посвященных выяснению общеполитических концепций правящих кругов этого времени. Период революции 1905—1907 гг. в целом лучше исследован и в отношении истории верхов. Но и здесь в большей мере разработаны проблемы рабочей и аграрной политики царизма, образования и деятельности буржуазно-помещичьих партий, чем вопросы, связанные с кризисом самодержавной власти, с противоречиями в правящих кругах, вызванными вынужденными революцией уступками царизма в области государственного и политического строя России. Хотя эти вопросы рассматриваются в ряде монографий и статей, многие существенные аспекты проблемы нуждаются еще в изучении или дальнейшем освещении. Третьеиюньская монархия была предметом исследования ряда авторов. Однако большее внимание их было уделено столыпинскому периоду и годам первой мировой войны, тогда как очень важные для понимания процессов, проходивших в верхах, предвоенные годы изучены явно недостаточно. Нет также исследований, посвященных общему обзору экономической политики царизма в третьеиюньский период, а отдельные ее аспекты изучены неравномерно.

Все это и определило задачи, которые стояли перед авторами настоящей монографии. Опираясь на работы своих предшественников (там, где такие работы имелись), авторы должны были во многих случаях выступать в качестве первых исследователей еще не разработанных в советской историографии проблем. Это не могло не повлиять на общий характер монографии, которая во многих своих разделах не столько подводит итоги исследования, сколько ставит вопросы, требующие дальнейшего изучения. Тем не менее авторы надеются, что и в настоящем виде их работа представит интерес как для специалистов, занимающихся рассматриваемыми в монографии проблемами, так и для работающих в смежных областях истории.

Часть первая настоящей работы написана Б. В. Ананьичем, часть вторая — Р. Ш. Ганелиным, введение, главы 1, 2, 4—6 части третьей, часть четвертая и заключение — В. С. Дякиным, глава 7 части третьей — Б. Б. Дубенцовым и В. С. Дякиным, глава 3 части третьей и с. 300—313 главы 6 части второй — С. И. Потоловым. Т. В. Андреевой составлен именной указатель и проведена техническая работа по подготовке издания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОССИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

1895—1904 годы

Экономическое развитие и социально-политический строй России на рубеже XX столетия

Экономическая политика правительства. Реформы С. Ю. Витте

Политика царизма в крестьянском вопросе

Политика царизма в рабочем вопросе

Самодержавие и земство. Земская реформа 1898—1903 гг.

Самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В. К. Плеве

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX СТОЛЕТИЯ

Бурное промышленное развитие царской России началось после реформ 1860-х гг. и в последнее пятилетие XIX в. достигло самой высокой отметки. Россия втягивалась в стадию монополистического капитализма. Монополизация промышленности и банков, появление крупных предприятий с высокой концентрацией рабочей силы, новых промышленных районов, развитие путей сообщения, рост городов и городского населения — эти новые явления в экономике были тесно связаны с качественными переменами в социальной и общественной жизни страны. Уже в начале 90-х гг. наблюдалось оживление общественного движения, активизация политических течений, враждебных самодержавию, складывались политические группировки и партии.

На рубеже XX столетия Россия заняла особое место в мировом революционном процессе. К середине 90-х гг. широкое распространение в стране получили идеи марксизма. Начался новый пролетарский период в русском освободительном движении, связанный с именем В. И. Ленина. Под руководством В. И. Ленина осенью 1895 г. социал-демократы столицы объединились в нелегальную организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», сыгравшую важную роль в процессе соединения научного социализма с рабочим движением и явившуюся зачатком пролетарской революционной партии.

Появление в 1903 г. большевизма как политического течения и как политической партии имело решающее значение в общем процессе революционного кризиса, охватившего Россию в начале XX столетия.

«Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 год, — писал В. И. Ленин, — показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство».¹

К 1901 г. в России сложилась третья революционная ситуация. Возникшая в эпоху монополистического капитализма, по своим масштабам и последствиям она качественно отличалась от двух первых и переросла в революцию 1905—1907 гг.² В условиях революционной ситуации 1901—

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 176.

² См.: Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России. — Вопросы истории, 1980, № 10, с. 5—6.

1904 гг. общенациональный кризис нашел свое отражение решительно во всех областях общественной и государственной жизни, однако многие его признаки были налицо уже в самом начале 1890-х гг.

* * *

XIX век подходил к концу. Вступление в последнее его десятилетие Россия отметила событием, открывшим всему миру глубокий кризис системы государственного управления империей. Этим событием был год 1891—1892 гг. Осенью 1890 г. из-за засушливого лета с большим опозданием и на меньших чем обычно площадях прошел сев озимых. Ранняя весна 1891 г. с заморозками, погубившими всходы, сменилась страшной жарой. Были выжжены не только посевы, но луга и степи, засыхали и гибли деревья.³ От неурожая пострадали 29 из 97 губерний и областей России.⁴ От голода и сопутствовавшей ему холеры умерло более 500 тыс. человек.⁵

Неурожайные и голодные годы периодически повторялись в России и не были явлением чрезвычайным. Однако необычные размеры бедствия 1891—1892 гг., охватившего огромную империю (19 млн. квадратных верст) с многомиллионным населением, свидетельствовали о серьезных социальных причинах разраставшейся трагедии.

Голод поразил страну, три четверти населения которой были связаны с сельским хозяйством. По подсчетам В. И. Ленина, основанным на данных всеобщей переписи 1897 г., из 125,6 млн. жителей Российской империи сельскохозяйственное население составляло — 97, торгово-промышленное — 21,7, непроизводительное — 6,9 млн. человек.⁶ В. И. Ленин определял также и классовую структуру российского общества:⁷

Все население об. пола

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	ок. 3,0 млн.
Зажиточные мелкие хозяева	» 23,1 »
Беднейшие мелкие хозяева	» 35,8 »
Пролетарии и полупролетарии	» 63,7 »

Всего ок. 125,6 млн.

³ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909, ч. 1, с. 100—102.

⁴ В административном отношении Россия была разделена на 97 губерний и областей: 50 губерний и областей в Европейской России, 8 — в Финляндии, 10 — в Приволжском крае, 11 — в Предкавказье и Закавказье, 9 — в Сибири Восточной и Западной, 9 — в степных, среднеазиатских и закаспийских владениях.

⁵ Анфимов А. М. Продовольственный долг как показатель экономического положения крестьян дореволюционной России (конец XIX—начало XX века). Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960, т. 4, с. 294; Нерсисян Н. Н. Аграрная революция в России. М., 1956, т. 1, с. 58. По подсчетам американского историка Р. Роббинса, число умерших от голода составляло от 375 до 400 тыс. (см.: Robbins R. G. Jr. Famine in Russia 1891—1892. New York; London, 1973, p. 171).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 502.

⁷ Там же, с. 505.

Русское крестьянство и после реформы оставалось не только самой большой, но и самой бесправной частью населения России. Перейдя в состояние «свободных сельских обывателей», крестьяне были причислены к разряду «податных сословий» и являлись основными налогоплательщиками. Почти до конца 80-х гг. они облагались подушной податью, введенной еще в царствование Петра I, до 1874 г. несли рекрутскую повинность. Крестьянство было связано существовавшей паспортной системой ограничивавшей возможности свободного передвижения. Тяжелым бременем на крестьян легли выкупные платежи.

Кроме общих для всех сословий казенных и земских сборов, для крестьян были установлены мирские сборы и повинности, налог на обязательное страхование строений, сборы на пополнение продовольственных капиталов. Мир оплачивал содержание сельских церквей, выборные крестьянские должности. Волостное правление, подчиненное уездным административным и полицейским властям, выполняло довольно много обязанностей по воинской повинности, конским переписям, сбору статистических сведений, контролю над взиманием налогов и натуральных повинностей. Эти обязанности лежали и на сельских старостах. За счет мирских сборов производилась починка проселочных дорог, содержались волостные и сельские школы, осуществлялось призрение инвалидов и сирот. Наконец, в первую очередь на крестьянах, как беднейшей части населения, отразился рост в конце XIX в. косвенных налогов.⁸

После отмены крепостного права $\frac{4}{5}$ паделных земель оказались в общинном землепользовании.⁹ Община несла ответственность за уплату податей. Сельские сходы определяли раскладку налогов между членами общины, разделяли между ними земли, осуществляли надзор над налогоплательщиками. Община могла отбирать у недоимщиков наделы, подвергать их телесному наказанию по приговору волостного суда. В особых случаях выплещающая администрация прибегала к мерам взыскания: продаже движимости, скота и строений, принадлежавших недоимщикам. Если и эти меры оказывались недостаточными для покрытия налогов, причитавшихся с общины, вступала в силу круговая порука.

В пределах общины самостоятельной хозяйственной единицей была семья с домохозяином во главе. Он распоряжался семейным имуществом и отвечал перед общиной за исправную уплату налогов. В случае несостоятельности домохозяина община могла определить к нему опекуна или назначить старшим в доме другого члена семьи.

Социальное расслоение крестьянства способствовало выделению «из среды зажиточного крестьянства собственно капиталистических, фермерских хозяйств». Однако процесс этот «шел замедленными темпами и в целом не достиг широкого размаха».¹⁰ Зажиточная часть крестьянства стре-

⁸ Налоги и платежи крестьян Европейской России в 1901 г. составляли 762 691,7 тыс. р., в том числе прямые налоги — 182 939,8 тыс. р., косвенные — 189 821 тыс. р. (см.: Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901—1912 гг.). — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964, с. 502).

⁹ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX—начало XX века). М., 1969, с. 364.

¹⁰ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII—начало XX века. М., 1974, с. 370.

милась к увеличению своих наделов. В конце 80-х—начале 90-х гг. крестьяне скупали около $\frac{1}{3}$ всех продававшихся земель.¹¹ В то же время массы беднейшего крестьянства, страдавшего от малоземелья и череспосадницы, разорялись и превращались в пролетариев.¹²

Землеустройство в России носило сословный характер. Согласно официальной статистике, в 50 губерниях Европейской России было 350 млн. десятин земли, но из них только 280 млн. были пригодны для ведения сельского хозяйства. Из общего количества земель в 1905 г. 154.6 млн. десятин, или 39.1%, принадлежали государству, церкви и городам, 138.7 млн., или 35.1%, составляли наделные земли и, наконец, 101.7 млн., или 25.8%, — частновладельческие. Из них 53.1 млн. десятин принадлежали дворянам, 20.4 млн. — разным группам городского населения, 13.2 млн. десятин находились в личном владении крестьян, 7.6 млн. — у крестьянских товариществ и 3.7 млн. — у сельских обществ.¹³ Лучшие земли принадлежали представителям высшего сословия — дворянам. Существующее представление о распределении удобных и пахотных земель и сословной структуре землеустройства в России основано на земельных переписях 1877/78 и 1905 гг. За отделившие их друг от друга почти тридцать лет общая площадь дворянского землеустройства уменьшилась на 20 млн. десятин, а его удельный вес упал с 19.2 до 13.4% всех земель. Вместе с тем в пореформенный период росло крестьянское землеустройство. К 1905 г. крестьянские земли (наделные, находившиеся в личном владении, а также во владении общины и товариществ) составляли около двух третей всех обрабатывавшихся земель. Крестьянское хозяйство занимало «доминирующее положение в сельскохозяйственном производстве».¹⁴

В пореформенный период в Европейской России резко увеличился прирост сельского населения. С 1863 по 1897 г. оно возросло на 20 323 тыс. человек. За эти годы около 3 млн. крестьян ушли в города и превратились в промышленных рабочих. К началу XX в. в Европейской России возникло аграрное перенаселение.¹⁵ Это капиталистическое по своей природе явление стало одной из причин усилившегося еще в 90-е гг. переселенческого движения в Новороссию, на Кавказ, в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Крестьяне устремлялись на новые земли на густонаселенных районах страны: Земледельческого центра, Левобережной Украины, Поволжья, Восточной Белоруссии и Киевской губернии Правобережной Украины.¹⁶

Одно переселение крестьян на новые земли не оказало существен-

¹¹ Рундквистский П. Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978, с. 184.

¹² «Малоземелье» проявлялось в недостатке земель, неистощенных эксплуатацией, и в применении устаревших методов ведения хозяйства (общинное землеустройство, трехпольная система, экстенсивное земледелие).

¹³ Статистика землеустройства 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 11, 136.

¹⁴ Колпаченко И. Д., Милов Л. В. Указ. соч., с. 251, 372.

¹⁵ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980, с. 10—11, 23—26, 229.

¹⁶ С 1897 по 1916 г. число переселенцев составило 5.2 млн. (см.: Брук С. И., Кобылан П. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма. (Конец XIX в.—1917 г.). — История СССР, 1980, № 3, с. 82—85).

ного влияния на критическое положение крестьянского хозяйства и землеустройства в Европейской России. В 80-х гг. под влиянием мирового аграрного кризиса началось падение цен на хлеб, затянувшееся почти до конца 90-х гг.¹⁷ Подавляющее большинство российского крестьянства неспособно было бороться с падавшей доходностью своих хозяйств. К середине 90-х гг. перед царским правительством со всей остротой встала проблема так называемого оскудения Центра — экономического упадка и разорения крестьянских хозяйств центральных земледельческих губерний.¹⁸

Противостоявшие мелкому крестьянскому землеустройству огромные помещичьи латифундии олицетворяли собой старое барство и старое крепостническое хозяйство. Из 219 млн. десятин общей площади помещичьей и крестьянской земли помещикам принадлежало 79.3 млн. десятин, или 36.2%, «более трети земли находилось в руках собственников, доля которых в числе всех владельцев земли едва превышала 1%».¹⁹

Большинство помещиков были потомственными дворянами, а среди крупных землевладельцев преобладали представители старинной титулованной знати.²⁰ К 1897 г. в империи насчитывалось 1 853 184 потомственных, личных дворян и классных чиновников (с семьями) (без Польши, Финляндии и Прибалтики — 1 653 241), что составляло около 1.5% численности населения.²¹ Удельный вес поместного дворянства в общей массе самого привилегированного сословия империи упал в пореформенный период, но все еще оставался значительным и достигал к началу XX в. около 30—40%.²²

Во второй половине XIX столетия ускорился процесс имущественной дифференциации поместного дворянства. С 1877 по 1905 г. в общей массе дворян-землевладельцев несколько возрос (с 50.2 до 58.9) процент мелкопоместных дворян и сократился (с 29.8 до 25.3) — среднеломестного дворянства. Обедневшие и разорившиеся помещики превращались в простых хлебопашцев, попадали в разряд среднего и мелкого чиновничества, опускались иногда до положения дворян-пролетариев. К 1905 г. в 44 губерниях Европейской России было 59 748 мелкопоместных владений размером до 100 десятин, в том числе 33 205 владельцев имели земельные участки менее 20 десятин и реально уже не представляли класс помещиков.

¹⁷ Елизарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959, с. 162, 165.

¹⁸ См.: Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX—начале XX в. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 236—263.

¹⁹ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. с. 24—25. См. также: Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979, с. 62—68.

²⁰ Минаков Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX—начала XX в. М., 1971, с. 13—21; Корелин А. П. Указ. соч., с. 67.

²¹ Корелин А. П. Указ. соч., с. 44. По данным, приведенным А. П. Корелиным, в России к началу XX в. сохранилось 830 родов титулованной знати, в том числе «около 250 российско-княжеских, 310 графских... 1 герцогский род и 3 фамилии маркизов» (там же, с. 31).

²² Там же, с. 67, 286.

Среднепоместных владений от 100 до 500 десятин было 25 557, крупных и крупнейших от 500 до 1000 десятин — более 8 тыс., от 1000 до 5000 — 6882 и, наконец, свыше 5000 десятин — только 1131 владений.²³

Особенность помещичьего землевладения в России состояла в высокой концентрации земель в руках небольшой группы владельцев. Почти $\frac{4}{5}$ всей площади помещичьих земель приходилось на владения размером свыше 500 десятин.²⁴ «Пелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, — писал о земледелии России В. И. Ленин, — где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение»,²⁵ «Средний размер крупнейшего помещичьего имения — 2200 десятин, — подчеркивал В. И. Ленин, — Средний размер мелкого крестьянского участка — семь десятин.

Если бы земли тридцати тысяч крупнейших владельцев перешли к десяти миллионам крестьянских дворов, то землевладение этих дворов почти удвоилось бы»,²⁶ Мелкоземелье и нищета громадной массы крестьян ставила их в «кабальное отношение к наследственному владельцу латифундии, старому „барину“», находившее свое выражение в разного рода отработках. Именно эта «крепостническая задавленность», «беспомощность массы закабаленных мелких хозяев» и вела в России «к таким ужасным массовым голодовкам в эпоху быстро развивающейся и сравнительно высоко уже стоящей (в лучших капиталистических хозяйствах) земледельческой техники».²⁷

Развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало тому, что крупное землевладение постепенно утрачивало свой дворянский характер. К 1905 г. около одной трети крупных земельных собственников были выходцами из купцов и крестьян. В пореформенный период получило развитие дворянское предпринимательство. Многие крупные землевладельцы перестраивали свои имения на капиталистический лад, вкладывали капиталы в разного рода акционерные компании и промышленные предприятия.²⁸ Русская пореформенная деревня оказалась вовлеченной в буржуазную аграрную эволюцию. Это проявилось прежде всего в росте товарного производства хлебов, районировании и специализации сельского хозяйства. Конец XIX — начало XX в. было временем формирования аграрного капиталистического рынка.²⁹ «В 1888—1898 гг. Россия давала 50% мирового урожая ржи, 20—25% мирового урожая овса».³⁰ В конце 90-х — начале 1900-х гг. она выступала как один из главных поставщиков на мировом хлебном рынке, ведя конкурентную борьбу

²³ Там же, с. 62—66. См. также: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 13.

²⁴ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России, с. 24—25. См. также: Корелин А. П. Указ. соч., с. 62—68.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 275.

²⁶ Там же, т. 21, с. 266.

²⁷ Там же, с. 308—309.

²⁸ Дякин В. С. Указ. соч., с. 13—14; Корелин А. П. Указ. соч., с. 75, 106—119.

²⁹ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Указ. соч., с. 381.

³⁰ Там же, с. 39. См. также: Материалы по статистике хлебной торговли. Урожай хлебов в России и иностранных государствах. Ввоз, вывоз и запасы хлебов. СПб., 1899, вып. IV.

с США.³¹ Объем русского хлебного экспорта в эти годы составлял около 500 млн. пудов в год, примерно $\frac{1}{5}$ часть общего урожая зерновых.³²

Гораздо интенсивнее, чем в сельском хозяйстве, шел процесс капиталистического развития в промышленности страны. «Крестьяне голодали, вымикали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду“ разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность».³³ Рост промышленных предприятий, банков и акционерных обществ был связан с появлением нового типа деловых людей, развитием предпринимательства, возникновением предпринимательских организаций.

В России, как и в странах Запада, процесс промышленного развития носил неравномерный, циклический характер. 60—70-е гг. были периодом подъема. В конце 70-х гг. наступил некоторый спад. Середина 90-х гг. ознаменовалась новым бурным подъемом. Он продолжался уже до кризиса 1900—1903 гг.

За последние сорок лет XIX в. объем промышленной продукции в России увеличился в 7 с лишним раз, в то время как в Германии — в 5, во Франции — в 2,5, в Англии — в 2 с лишним раз.³⁴ Столь высокие темпы прироста промышленной продукции в значительной мере объяснялись относительно слабым уровнем промышленного развития России к началу 60-х гг., им сопутствовала и сравнительно низкая производительность труда и низкий уровень производства товаров на душу населения. «Нам роду у нас в 2 раза больше, чем в Штатах, а наша фабрично-заводская промышленность вырабатывает в год товаров по цене в 10 раз менее, чем С.-А. С. Штаты», — писал Д. И. Менделеев о России начала XX столетия.³⁵

По данным русского Министерства финансов, в 1898 г. выплавка чугуна на одного жителя составляла в Великобритании 13,1 пуда, в Соединенных Штатах Америки — 9,8, в Бельгии — 9,0, в Германии — 8,1, во Франции — 3,96, а в России — 1,04 пуда; добыча каменного угля в Великобритании — 311,7 пуда, в Бельгии — 204, в Соединенных Штатах Америки — 162,4, в Германии — 143,8, во Франции — 50,7, в России — только 5,8 пуда. Отставание в сфере производства соответственно отражалось на потреблении и торговле. Внешнеторговый оборот России, составивший в 1897 г. 1286 млн. р., более чем в 3 раза уступал торговому обороту Германии и США, в пять раз — Великобритании и равнялся торговому обороту Бельгии. Россия была бедна капиталами. «Общая сумма капиталов, привлеченных не только в ... акционерное, промышленное и торговое дело, но и на потребности государственного, городского, банковского и земельного кредита», составляла 11 млрд. р., «из коих около половины

³¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Очерки государственной политики. Л., 1978, с. 275.

³² Там же, с. 69.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

³⁴ Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967, с. 283.

³⁵ Менделеев Д. И. К познанию России. — Соч.: В 25-ти т. М.; Л., 1952, т. 21, с. 484.

притекли из-за границы», в то время, как в Германии и Франции «итог движимых ценностей» превышал 30 млрд. р., а в Англии 60 млрд. р.³⁶

Развитие промышленности в России способствовало росту рабочего населения и его концентрации. К концу XIX столетия по подсчетам В. И. Ленина в стране было уже «около десяти миллионов наемных рабочих».³⁷ В. И. Ленин разделял их на несколько групп: 1) 3,5 млн. сельскохозяйственных рабочих; 2) 1,5 млн. фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих; 3) 1 млн. строительных рабочих; 4) 2 млн. рабочих, занятых в лесном деле, земляными работами и вообще всякого рода «черными» работами; 5) 2 млн. рабочих, занятых на дому и работающих по найму в обрабатывающей промышленности.³⁸ Около 6810 тыс. рабочих жили в Европейской России, 1179 тыс. — в Польше, 498 тыс. — на Кавказе, 403 тыс. — в Сибири, 264 тыс. — в Средней Азии. К началу XX в. из 1571,8 тыс. рабочих разных отраслей промышленности почти половина (46%) была занята на 589 крупнейших предприятиях страны. 216 фабрик и заводов имели более тысячи рабочих, а 373 — от 500 до 1000.³⁹

Развитие промышленности было связано с ростом городов и городского населения. К концу 90-х гг. в них жило более 17 млн. человек, или около 13,25% всего населения империи.⁴⁰ По переписи 1897 г., население обеих столиц превышало миллион человек. Около полумиллиона жителей было в двух других крупных городах Российской империи — Одессе и Варшаве. Города приобретали промышленный облик. Петербург превратился в центр машиностроения. В нем развивались новые отрасли промышленности — химическая и электротехника. Московский промышленный район сохранил за собой положение крупнейшего в стране. Помимо старых (Центрального промышленного района и Урала), возникают новые — угольно-металлургический район на юге страны и нефтяной — в Баку. Металлургические заводы юга строились на иностранные капиталы, были оборудованы новейшей техникой и отличались высокой производительностью труда. К началу 90-х гг. внутреннее производство удовлетворило потребности страны в чугуне на 93,7%, железе — на 91,7%, стали — на 97,1%.⁴¹ К началу XX столетия Россия вышла на первое место в мире по добыче нефти. Однако она не сумела сохранить это первенство и вскоре уступила его США.

В пореформенной России велось интенсивное железнодорожное строительство, особенно в 70-е и 90-е гг. В среднем в России строилось в это

время около трех тысяч верст ежегодно. В двадцатый век Россия вступила, имея вторую в мире по протяженности железнодорожную сеть, причем 40% ее были построены в 90-е гг.⁴² Железнодорожное строительство способствовало развитию промышленности, сосредоточению капиталов в руках крупных финансистов и фабрикантов. В условиях железнодорожного грондерства 60—70-х гг. возникла целая группа «железнодорожных королей» и банкиров из людей, бывших до того либо мелкими подрядчиками, либо откупщиками. «Главным источником» их обогащения были «государственные средства».⁴³ Вместе с тем концессионная система с сопутствовавшей ей коррупцией сделалась источником доходов для большого количества представителей бюрократии и дворянства.

Бурное железнодорожное строительство, развитие промышленности и торговли ускорили приток в сферу предпринимательства представителей разных сословий русского общества и процесс консолидации русской буржуазии. По подсчетам В. Я. Лаверычева, в значительной степени основанным на данных о приобретении купцами гильдейских свидетельств, к началу 80-х гг. число предпринимателей, относившихся к разряду крупной буржуазии, достигало 800 тыс. — 1 млн. человек, а к концу века — около 1,5 млн.⁴⁴ В пореформенный период возросло влияние купечества и предпринимателей в биржевых комитетах, начали возникать новые предпринимательские организации. К середине 80-х гг., как отмечает В. Я. Лаверычев, российская буржуазия уже «выступила как класс по отношению к другим классам общества», а два десятилетия спустя «стала оформляться в класс, осознавший свои особые политические задачи, превращавшийся в единую и самостоятельную политическую силу».⁴⁵ Российский буржуа делал первые свои шаги, опираясь на правительственную поддержку, однако он с удивительной быстротой все крепче и крепче становился на ноги и начинал тяготиться опекой, сковывавшей его инициативу. Правительство бдительно следило за тем, чтобы сохранить в своих руках почти неограниченный контроль над экономической жизнью империи. Экономическая политика правительства приобретала все более и более противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, и тем самым развитию капитализма в промышленности, а с другой — неуклонно и последовательно отстаивало архаичную систему государственного управления, защищало интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало феодальные пережитки в деревне.

В то время как в экономике России пореформенного периода происходили разительные перемены, преобразования 60—70-х гг. не затронули основ системы государственного управления. Реформы 60-х гг. носили

⁴² Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975, с. 271.

⁴³ Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960, с. 44.

⁴⁴ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974, с. 70—71.

⁴⁵ Там же, с. 231.

³⁶ Вспомогательный доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности». Февраль 1900 г. — Историк-марксист, 1935, т. 2/3, с. 130—139.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 582. По данным, основанным на отчетах фабричной и горнозаводской промышленности, земств, а также переписи 1897 г., к началу XX в. в России было 14,2 млн. наемных рабочих, в том числе промышленных — 1,9 млн., сельскохозяйственных — 3,7 млн., кустарно-ремесленных — 4,6 млн. и 3,7 млн. отходников (см.: История рабочего класса России. М., 1972, с. 18).

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 582.

³⁹ Рашид А. Г. Формирование рабочего класса. М., 1958, с. 176—177; История рабочего класса России. М., 1972, с. 20.

⁴⁰ К началу XX столетия в городах США жило 26% населения, Франции — 41%, Англии — 65% (Менделеев Д. И. К познанию России. — Соч., т. 21, с. 439).

⁴¹ Менделеев Д. И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. — Соч., т. 21, с. 190.

буржуазный характер. В. И. Ленин писал о буржуазном содержании крепостнических реформ, имея в виду не только крестьянскую, но и реформы в области суда, управления, местного самоуправления. Они привели к изменению «всего уклада российского государства», и «это изменение было шагом на пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию».⁴⁶

Однако реформы не решили ни проблему всесословности, ни проблему представительства. Россия оставалась абсолютной монархией. Власть самодержавного императора была неограниченной. От воли императора зависели направление и характер как внутренней, так и внешней политики, ему подчинялись армия и вся гражданская администрация.

Высшие и центральные государственные учреждения не были существенно изменены в пореформенный период. В 1857 г. был создан Совет министров, однако он не играл роли объединенного правительства. Совет заседал под председательством царя, собирался по его усмотрению и нерегулярно. Со второй половины 60-х гг. число его заседаний резко сократилось, а в 1882 г. Совет вообще прекратил свою работу.⁴⁷

Высшим законосовещательным учреждением империи являлся Государственный совет. К 1890 г. в его состав входило 60 человек. Члены Государственного совета назначались царем. По должности в Совете стояли все министры. Важнейшие законодательные акты, прежде чем поступить на окончательное утверждение царя, обсуждались в департаментах и на общем собрании Государственного совета. Постоянным его председателем с начала 1880-х гг. и до 1905 г. был вел. кн. Михаил Николаевич.

Роль высшего административного органа выполнял Комитет министров, рассматривавший на своих заседаниях дела самого разнообразного характера, в том числе и законодательные акты. Комитет министров контролировал деятельность губернаторов и рассматривал их отчеты. Он координировал деятельность министров. Пост председателя Комитета министров считался одним из самых почетных, однако реальная власть председателя была незначительной. Так как в Российской империи вплоть до 1905 г. не было объединенного правительства, влияние министров зависело только от их близости к императору. Фактическое положение первого министра занимало обычно лицо, пользовавшееся особым доверием императора. Так, в 90-е гг. большое влияние на общее направление не только внутренней, но и внешней политики оказывал министр финансов С. Ю. Витте. В 1902 г. эта роль перешла к министру внутренних дел П. К. Пяеву. Министерство внутренних дел традиционно пользовалось в России особым влиянием. Оно выполняло не только административно-полицейские, но и административно-хозяйственные функции.

Управление империей осуществлялось через огромный бюрократический аппарат, состоявший из чиновников разных рангов. На протяжении XIX столетия он увеличился почти в 7 раз. К началу XX столетия

в России было около 385 тыс. чиновников.⁴⁸ Развитие капиталистических отношений отразилось на составе чиновничества, особенно в министерствах и ведомствах, связанных с экономикой, однако «как в дореформенный, так и в пореформенный период среди высшей бюрократии и верхов губернской администрации преобладали владельцы земельной собственности — помещики».⁴⁹

20 октября 1894 г. в Ливадии в возрасте 49 лет умер Александр III. Управление огромной империей перешло в руки наследника, великого князя Николая Александровича, мало подготовленного к государственной деятельности. Он провел детство в Гатчинском дворце, где его воспитанием занимались генерал Г. Г. Данилович, швейцарец Марк Фердинанд Тормейер и англичанин Чарльз Хис. «Ни один из них не имел представления об обязанностях, которые ожидали будущего императора».⁵⁰ По законодведению лекции наследнику читал обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, по финансовому праву — председатель Комитета министров Н. Х. Бунге. Будучи наследником, Николай II почти не привлекался к государственной деятельности. Исключение составляет его председательствование в Комитете по делам Сибирской дороги, где пост вице-председателя занимал тот же Бунге, фактически руководивший работой Комитета. Как и большинство Романовых, Николай II любил военное дело. Он командовал эскадрой лейб-гусарского полка, служил два года офицером в гвардейской конно-артиллерийской бригаде и к моменту вступления на престол в чине полковника числился командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Николай II охотно проводил вечера в обществе офицеров-однополчан, однако атмосфера офицерских собраний не могла «расширить его умственного кругозора».⁵¹

По свидетельству современников, у Николая II с ранних лет развилась склонность к фатализму и мистицизму. Этому способствовало вступление его в брак с внучкой английской королевы Виктории принцессой Алисой Гессенской, ставшей после принятия православия Александрой Федоровной. Царица была мало общительна и глубоко суеверна. В первые годы царствования она почти не говорила по-русски. Вечерами Николай II читал ей «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя или сочинения Н. К. Шильдера о царствовании Александра I. Александра Федоровна хорошо понимала русскую речь, но не решалась говорить сама. Царская семья часто приглашала к завтраку военного министра А. Н. Куропаткина, и царь в шутку приказал ему разговаривать с императрицей по-русски. Однако, когда в декабре 1898 г. Куропаткин попытался обратиться к ней по-русски, она ответила ему по-французски, «что ее успехи в русском языке недостаточны, что ей учиться трудно».⁵²

⁴⁸ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 221.

⁴⁹ Там же, с. 224. См. также: Корелин А. П. Указ. соч., с. 95—101.

⁵⁰ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933, т. 2, с. 167—168. См. также: Бенца Александр. Мои воспоминания. М., 1980, кн. 4, 5, с. 553.

⁵¹ Великий князь Александр Михайлович, т. 2, с. 178.

⁵² Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. Копии 1897—1902 гг. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 20, 25, 40.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 165.

⁴⁷ См.: Бронский Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, с. 206; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978, с. 170—196.

Царская семья вела замкнутый образ жизни. Николай II в начале царствования находился под большим влиянием своих родственников, особенно великих князей Александра Александровича, Сергея Александровича и Владимира Александровича, не отличавшихся ни природным умом, ни образованием.

Романовы были крупными помещиками. Во время переписи 1897 г. Николай II назвал себя «землевладельцем» и «хозяином земли русской». Царь был самым богатым человеком в России.

Управление хозяйством императора и царской семьи находилось в ведении Министерства двора. В его составе значительная роль принадлежала Кабинету. По положению 20 ноября 1897 г. в ведение Кабинета были переданы все хозяйственные и финансовые дела министерства.

Кабинету принадлежали значительные территории земель и лесов на Алтае, в Забайкалье и Польше, горные предприятия в Сибири. На Кабинетских землях, являвшихся собственностью короны, взималась феодальная рента. В Кабинет поступали собиравшиеся с населения Сибири, Архангельской и Пермской губернии ясак и оброчная подать.⁵³

Царская семья владела огромными территориями удельных земель, виноградарствами, охотами, рудниками, промыслами. Удельные владения оценивались в 100 млн. р. золотом. Они служили одним из источников личных доходов царя. Кроме того, на содержание императорской семьи ежегодно ассигновывалось из средств Государственного казначейства около 11 млн. р. Наконец, царь получал проценты с капиталов, находившихся в английских и немецких банках. 200 млн. р. царских денег со времени царствования Александра II хранились в Лондонском банке. Ежегодный личный доход царя достигал 20 млн. р.⁵⁴ Примерно в 160 млн. р. оценивался «мертвый капитал» императорской семьи — драгоценности Романовых, приобретенные за 300 лет их царствования. Камеральное отделение Кабинета ведало хранением драгоценностей императорского дома, а также подготовкой приданого для членов императорской фамилии. Великий князь, достигший совершеннолетия, получал ежегодную ренту в 200 тыс. р. Каждому новорожденному императорской крови полагался капитал в размере миллиона рублей. Такая же сумма выплачивалась при вступлении в брак каждой из великих княжон.⁵⁵

Русский двор славился своей роскошью. Большую часть года Николай II жил в Царском Селе и Александровском или Екатерининском дворцах, летом — в Петергофе, в Большом дворце или «Александрини», в Ливадийском дворце в Крыму или проводил время в плавании на яхте «Штандарт».

С началом нового царствования в либеральных кругах связывались надежды на возможные перемены в политическом курсе.

Середина 90-х гг. ознаменовалась оживлением и консолидацией земского либерального движения. В нем наметились два течения: радикальное (конституционалистское), представленное одним из лидеров

Черняговского, а затем Тверского земств И. И. Петрункевичем; и более умеренное — во главе с председателем Московской губернской земской управы Д. Н. Шиповым. Земцы-конституционалисты выступили инициаторами кампании подачи адресов Николаю II. В ней приняли участие девять земств: Тверское, Тульское, Уфимское, Полтавское, Тамбовское, Саратовское, Курское, Орловское и Черниговское. Адреса не содержали в себе требований изменения государственного строя, а лишь — призыв считаться с мнением общественности и просьбы о соблюдении законности и личных свобод.⁵⁶

Группа либерально настроенных тверских земцев решила обратиться с адресом к молодому царю в надежде, что он отзовется на их «свободный порыв», и это даст «тон, ноту движению» новых идей во внутренней политике. Проект обращения к Николаю II был составлен гласным Ф. И. Родичевым и после обсуждения в кругу единомышленников утвержден 8 декабря 1894 г. на Тверском земском собрании. Адрес был написан в традиционной верноподданнической манере, однако в нем выражалась надежда, что соблюдение законов в России будет обязательным для всех, в том числе и для представителей власти, что «права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы», что будут предоставлены «возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение».⁵⁷ Адрес передал министру внутренних дел И. Н. Дурново губернский предводитель дворянства Н. П. Оленин, приехавший вместе с тверскими депутатами в Петербург.

Обращение тверских земцев Николай II воспринял как вызов. Оно привело его в состояние гнева. За «дерзость» была сочтена даже совершенно невинная первая строка адреса: «В знаменательные дни начала служения вашего русскому народу...».⁵⁸ Родичеву было запрещено заниматься земской деятельностью. Из тверских депутатов только предводителю Осташковского дворянства, представителю крайне правых, был выдан билет в Зимний дворец на состоявшуюся 17 января церемонию встречи с царем. В этот день в Зимнем дворце прозвучала первая публичная речь Николая II. «Мне известно, — заявил Николай II, — что в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель».⁵⁹ Царь частью прочитал по записке, частью прокричал наизусть свою речь. По иронии судьбы одиннадцать лет спустя в том же Зимнем дворце Николаю II пришлось в торжественной обстановке выступать перед членами I Государственной думы. Однако в январе 1895 г. молодой царь был исполнен намерения строго следовать политическому курсу своего

⁵⁶ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977, с. 158—159.

⁵⁷ Родичев Ф. Из воспоминаний. — Современные записки (Париж), 1933, т. 3, с. 289—291.

⁵⁸ Там же, с. 242—245.

⁵⁹ Там же, с. 295.

⁵³ Жидков Р. Н. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 83—89, 258.

⁵⁴ Великий князь Александр Михайлович, т. 2, с. 157—158, 160.

⁵⁵ Там же.

отца. Могло показаться, что за минувшие тринадцать лет после вступления на престол Александра III ничто не изменилось. Николай II не только публично, как на присяге, заявил о своей верности идеям минувшего царствования, но и сделал это по шпаргалке, подготовленной для него идеологом реакционного курса 80-х гг. К. П. Победоносцевым. В январские дни 1895 г. Победоносцев подал Николаю II специальную записку об общих основах внутренней политики самодержавия, вызвавшую восторженную оценку царя. Победоносцев бдительно следил за тем, чтобы молодой царь не отступил в сторону от уже проложенного политического курса, реагируя с очень высокой чувствительностью на всякое от этого курса отклонение.⁶⁰ Победоносцеву важно было подтвердить положение придворного идеолога и подкрепить несколько пошатнувшийся в последние годы царствования Александра III свой престиж.⁶¹ Поэтому свою политическую концепцию Победоносцев постарался вписать в общенациональный процесс развития русского государства, выделив в нем особую роль царствующего дома Романовых. Все рассуждения Победоносцева основывались на том, что самодержавная власть «не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но и... существенное условие национального единства и политического могущества... государства».⁶² Подтверждение этому Победоносцев черпал из русской истории, толкуя ее в угоду своим построениям.

«Вера народа в своих государей, — утверждал Победоносцев, — позволила Петру Великому и его преемникам укрепить русское государство победами и реформами», а «Александру II совершить мирно великое преобразование — отмену крепостного права». «Ослабление принципов самодержавной власти» в последние годы царствования Александра II повлекло за собой внутренние раздоры, беспорядки... Однако Александр III положил всему этому предел, и с тех пор «принцип власти... оставался непоколебимым». Восхваляя самодержавие, Победоносцев обрушивался на западный парламентаризм как систему управления, совершенно неприемлемую для России.⁶³

Победоносцев заявлял о необходимости сохранить существовавший в России государственный строй в неизменном виде, ибо правительство, организованное на основе преобразований XIX в., представляет все неслыхательные гарантии общественного порядка и свободы личности в рамках закона». Николай II поставил на полях сочинения своего бывшего учителя самую высокую оценку: «Отлично».⁶⁴ Едва ли мысли Победоносцева поразили молодого царя своей новизной. Он пережил скорее восторг единомышленника, получившего лишний раз подтверждение правильности уже усвоенной им системы взглядов. Записка Победоносцева должна была только укрепить в Николае II веру в то, что испытанная в царствование его отца система государственного управления как нельзя

лучше подходит для России и русского народа и решительно не нуждается ни в каких усовершенствованиях. Вдохновленный поддержкой Победоносцева Николай II и последил провозгласить это в своем выступлении 17 января 1895 г., причем с такой прямолинейностью, что речь царя прозвучала как угроза пресечь малейшие проявления свободомыслия.

Политический дебют молодого монарха, по признанию петербургского высшего общества, даже той его части, что склонна была относиться с иронией к «санкюлотам из Твери», оказался неудачным.⁶⁵ Встреча с царем произвела тягостное впечатление на большинство участников церемонии, хотя несколько человек во главе с тульским губернским предводителем отправились из Зимнего дворца в Казанский собор служить благодарственный молебен.⁶⁶ Безусловное одобрение выступление Николая II вызвало со стороны Победоносцева в России и Вильгельма II в Германии.⁶⁷ Победоносцев выступил и публично, развив свои мысли о национальном характере самодержавия и особенностях исторического пути русского государства в опубликованном накануне коронации специальном философском труде «Московский сборник».⁶⁸ Многие страницы этого издания были посвящены обличению буржуазной демократии, механизма «парламентского лицедейства» и доказательству того, что конституция — «великая ложь нашего времени».⁶⁹ Идею самодержавия единодушно отстаивали такие представители правой печати, как Л. А. Тихомиров, Н. Энгельгардт, В. П. Мецкерский. Однако за этим единодушным отчетливо проступали признаки кризиса консервативной идеологии. Они проявлялись прежде всего в судорожных попытках охранителей любыми средствами подновить и усовершенствовать систему правового обоснования самодержавной власти.⁷⁰

Речь царя вызвала не только разочарование, но и недовольство либеральных кругов русского общества. Это нашло свое отражение в появившемся 19 января в Петербурге «открытом письме» к Николаю II. В нем было сказано, что «слова царя бьют по самым скромным надеждам» и «вызывают на борьбу все живые силы». «Вы первый начали борьбу, — писал, обращаясь к Николаю II, автор письма П. Б. Струве, — и борьба не заставит себя ждать».⁷¹ В 1895 г. в Женеве, в украинской типографии, вышел в свет брошюра, специально посвященная событиям 17 января 1895 г., «Первая царская речь». Автором ее был Ф. И. Родичев, сочини-

⁶⁰ Боданович А. В. Указ соч., с. 189, 192; Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955, с. 40.

⁶¹ Родичев Ф. Указ. соч., с. 295.

⁶² Вильгельм II — Николаю II 7 февраля 1895 г. — В кн.: Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923, с. 5.

⁶³ Характеристику этого издания см.: Эвсичик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. — В кн.: Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1960, № 309, с. 84—115. См. также: Веберников В. В. Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902 гг.). — Вестник ЛГУ, 1981, № 8, вып. 2, с. 104—107.

⁶⁴ Московский сборник/Изд. К. П. Победоносцева. М., 1896, с. 34—35, 41—42.

⁶⁵ Веберников В. В. Кризис консервативной идеологии..., с. 104—107.

⁷¹ Открытое письмо императору Николаю II. Женева, 1896. См. также: Пирумова Н. М. Указ. соч., с. 163.

⁶⁰ Боданович А. В. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия. — В кн.: Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 341—347.

⁶¹ Боданович А. В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924, с. 162.

⁶² Боданович А. В. Начало царствования Николая II..., с. 316—317.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

тель тверского адреса и глава делегации, приехавшей в Петербург приветствовать хлебом — солью молодого царя.⁷²

Оба этих протеста бесследно потонули в бурном потоке политических событий конца 1890-х гг. И только фраза о бессмысленных мечтаниях, как живое выражение политического курса самодержавия Николая II, прочно осталась связанной с началом его царствования.

Царская речь подтолкнула и без того уже начавшийся процесс консолидации либеральных сил. В 1896 г. в Женеве была издана брошюра видного земского деятеля Д. И. Шаховского «Адреса земств 1894—1895 гг. и их политическая программа». Шаховской выступил с целым рядом требований, имеющих в известной мере вид политической программы. В его брошюре говорилось о необходимости созыва Земского собора, реформы Государственного совета и введения в него представителей от губернских земств, расширения прав земств, установления свободы печати, совести, отмены сословных привилегий.⁷³

Во второй половине 90-х гг. все эти вопросы оживленно обсуждались в либеральных кругах на разного рода собраниях, заседаниях культурно-просветительных и общественных организаций. Одним из центров либеральной оппозиции стало Вольное Экономическое общество, особенно после того, как в 1895 г. его президентом был избран гласный земского собрания Пековской губернии граф П. А. Гейден.⁷⁴

Важной вехой в развитии либерального земского движения явилось объединение большой группы видных земских деятелей в полулегальном московском кружке «Всесел». Он был создан по инициативе князей Павла и Петра Долгоруковых, графа П. С. Шереметева и князя Д. И. Шаховского. Первое заседание кружка состоялось 17 ноября 1899 г. Несмотря на нестроту состава «Всесел», умеренность требований кружка, созданного с целью пробуждения «общественной деятельности, общественного мнения в России», он безусловно способствовал и распространению идей земского либерализма и определению его программы.⁷⁵

Повторим, что Николай II вступил на престол с твердым намерением следовать политическому курсу своего отца и в обращении к представителям земств отразились лишь общие черты его взглядов. Определенной внутриполитической программы он не имел. Поскольку «его способности», по свидетельству даже близких и расположенных к нему людей, «были не на уровне выдающегося правителя»,⁷⁶ Николай II шел к этой программе ослепленный, находясь под влиянием разных лиц из его окружения, неизменно при этом отдавал предпочтение наиболее консервативным взглядам.

⁷² Первая царская речь. Женеве, 1895.

⁷³ Марини С. (Шаховской Д. И.) Адреса земств 1894—1895 гг. и их политическая программа. Женеве, 1896. Характеристику этого издания см.: Пирумова Н. М. Указ. соч., с. 162—163.

⁷⁴ Вельяминов П. И. Земство и конституция. М., 1910, с. 43.

⁷⁵ Шаховской Д. И. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901—1904 гг.). — Исторические записки, т. 97, к. 54—57.

⁷⁶ Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой. Годы 1913—1914. — Новый журнал (Нью-Йорк), 1978, № 131, с. 168.

Судя по воспоминаниям управлявшего делами Комитета министров А. Н. Куломзина, в самом начале своего царствования Николай II прислушивался к советам председателя Комитета министров Бунге. Его влияние нашло отражение в резолюциях царя, оставленных на отчетах генерал-губернаторов и губернаторов. За первые семь месяцев после смерти Александра III Николай II «наложил на представленных ему отчетах 251 резолюцию». По заведенному в Комитете министров порядку Куломзин составил свод этих резолюций и написал к ним «обстоятельное введение», сгруппировав резолюции «в связи как с объяснениями губернаторов, так и картиной тяжелого экономического положения России, которая, несмотря на осторожные выражения губернаторов, бросалась в глаза».⁷⁸

В начале июня 1895 г. Бунге умер. Он еще успел внести исправления в подготовленное Куломзиным введение к своду «высочайших резолюций», но на просмотр царю оно было передано уже после смерти председателя Комитета министров. Кроме того, Куломзин представил царю найденное при разборе бумаг Бунге его политическое завещание, ставшее известным позднее как «загробные заметки». Документ этот с разрешения царя был напечатан на правах рукописи в 30 экземплярах, причем пятнадцать из них были розданы некоторым из министров и «членам Государственного совета из числа председателей департаментов».⁷⁹ В записке Бунге «на первый план», по выражению Куломзина, был поставлен «вопрос о введении широкой веротерпимости». Затем предполагалось распространение земского положения на западные губернии, повсеместное введение городского положения, прекращение враждебного отношения к земству, расширение сферы его деятельности. «Нельзя не пожалеть, — заключал Куломзин свои рассуждения о взглядах Бунге, — что эта записка не легла в основание нашей внутренней политики с самого начала царствования».⁸⁰

Однако против превращения самодержавия Николая II в «прогрессивное» стеною стали К. П. Победоносцев и И. Н. Дурново. В октябре 1895 г. Дурново был назначен председателем Комитета министров. Ему удалось убедить царя, что на этот пост его прочил еще Александр III. Назначение Дурново поддержала и Мария Федоровна,⁸¹ пользовавшаяся большим влиянием на своего сына.⁸²

⁷⁸ Куломзин А. Н. Пережитое. — ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 83—84.

⁷⁹ Там же, л. 83—84.

⁸⁰ Там же, л. 71—72. См. также: Шенгелев Л. Е. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге. — В кн.: Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. См. также: Snow George E. The Years 1881—1894 in Russia: A memorandum found in the Papers of N. Kh. Bunge / A Translation and Commentary. Philadelphia, 1981.

⁸¹ Там же, л. 82—83. Куломзин отмечал, что на записку Бунге позднее часто ссылался Витте, а когда после убийства Плеве министром внутренних дел был назначен Святополк-Мирский, то Куломзин вручил ему свой экземпляр бунговской записки — в течение 1,5 часов рассказал ему все ее содержание, и высочайший указ 12 декабря 1904 года явился полным ее осуществлением (там же, л. 83).

⁸² Куломзин А. Н. Пережитое, л. 108.

⁸³ «После смерти Александра III его вдова неохотно уступала свое место императрицы... В результате в России по существу оказалось два двора: двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны и меньший двор императрицы Александры Федоровны с немногими ее друзьями» (Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой... с. 178).

Когда Куломзин пытался вручить новому председателю Комитета министров экземпляр записки Бунге, Дурново «раскричался» и заявил Куломзину, что он и Бунге «взбунтуют» Россию.⁸³ Победоносцев и Дурново «принялись за всяческое запугивание теми воображаемыми гибельными последствиями, которыми чреват будто бы всякий прогрессивный шаг, сделанный свыше».⁸⁴ Однако между Дурново и Победоносцевым не было полного единства во взглядах, и борьба за влияние на царя и направление внутренней политики в конце 90-х гг. XIX в. приобрела довольно ожесточенный характер. В ней приняли самое активное участие, помимо обер-прокурора Синода и председателя Комитета министров, министр финансов С. Ю. Витте и И. Л. Горемыкин, назначенный министром внутренних дел.

Дурново не хотел передавать пост бывшему у него товарищем Горемыкину и предложил в качестве своего преемника кандидатуру В. К. Плеве. Но Николай II сомневался в «твердости» консервативных убеждений Плеве. «Плеве не могли простить, что началом своей карьеры он был обязан Лорис-Меликову и графу Игнатьеву». Когда не прошла кандидатура Плеве, Дурново выдвинул Д. С. Синягина, но это встретило «самый резкий отпор со стороны Победоносцева», заявившего, что «было бы безумием назначить столь ограниченного человека». Остановились на Горемыкине. В свое время благодаря Победоносцеву Горемыкин получил должность товарища министра юстиции при Н. А. Манасеине, затем был, вопреки воле Дурново, назначен товарищем министра внутренних дел, а в 1895 г., опять-таки «по настоянию» Победоносцева и вопреки воле Дурново, стал министром.⁸⁵

Новый министр внутренних дел был человеком хотя и неглупым, но «среди всего до крайности ленивым... легкомысленным и самоуверенным». Он «принялся за дело без определенного плана», руководствуясь общим правилом: «Угождать велениям сверху, как бы часто они не менялись».⁸⁶ Стремление «удержаться на месте и угодить» уживалось в нем с достаточно циничным отношением не только к другим представителям высшей бюрократии, но и к самому Николаю II.⁸⁷

Отсутствие единой и достаточно четкой внутривластной программы у Николая II, а также у влиятельных лиц из его окружения внесло дезорганизацию в работу государственного аппарата. В конце 1890-х гг. Горемыкин открыто жаловался военному министру Куропаткину на «внутреннюю неурядицу», обвиняя в ней прежде всего самого царя. Министр финансов Витте отзывался о царе как о человеке «без твердой еще воли», мало подготовленном, решавшем все «сплеча», не

осмыслив «значения подготовительной работы к тому или иному решению». Великий князь Михаил Николаевич наставлял в декабре 1897 г. Куропаткина, принимавшего от П. С. Ванновского военное министерство, что «надо все дела улаживать, не доводя до решения государя». «Забот Вам будет много, — говорил он Куропаткину, — министры идут вразлад. Каждый стремится обойти в законе указанный путь».⁸⁸ Политический курс вырабатывался не объединенным правительством, а в результате соперничества министров и определялся политикой министерств, в первую очередь финансов и внутренних дел, как наиболее влиятельных и обеспечивавших экономическое могущество и внутреннюю безопасность империи.

На рубеже XX столетия самодержавие Николая II оказалось со стареньким идейным багажом в виде философских построений Победоносцева, с допотопной, десятилетиями не усовершенствовавшейся, системой управления перед лицом тысяч и тысяч нерешенных государственных проблем. Под влиянием перемен в экономической, социальной и общественной жизни, роста революционного движения, в стране сложилась новая политическая обстановка. «Борются и будут бороться три главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии», — писал В. И. Ленин, оценивая соотношение классовых сил в России к началу XX в.⁸⁹ Однако уже втянувшись в эту борьбу, правительственный лагерь свято верил в прочность и незыблемость самодержавия и не помышлял о серьезном обновлении ни своего идейного арсенала, ни государственной машины.

⁸⁸ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина..., т. 5, 5 об., 10 об., 32. Характеристику Николая II и его окружения см.: Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года. — Вопросы истории, 1972, № 8, с. 119—140.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 172.

⁸³ Куломзин А. И. Пережитое..., т. 83.

⁸⁴ Там же, т. 72.

⁸⁵ Там же, т. 200, т. 1—2.

⁸⁶ Там же, т. 195, т. 108.

⁸⁷ «Горемыкин, — писал в своих воспоминаниях А. Н. Куломзин, — когда я по обязанности управляющего делами Комитета как-то объяснялся с ним по поводу задержки в доставлении объяснений Министерства внутренних дел по отметкам государя на отчетах, выразился: „Да что же нам отвечать на всякую его мазню“. Такого самовосприятия и такого низости! Он отлично знал, что я не донесу на него и высказал откровенно свой взгляд на государеву инициативу» (Куломзин А. И. Пережитое, т. 111 об.).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА. РЕФОРМЫ С. Ю. ВИТТЕ

Уроки поражения в Крымской войне заставили русское самодержавие ради сохранения своего могущества и влияния в Европе пойти на ускоренное развитие отечественной промышленности. Это определило общий характер экономической политики правительства в пореформенный период.¹

Правительственный аппарат Российской империи во второй половине XIX в. представлял собой весьма несовершенную и плохо управляемую бюрократическую машину. Однако Министерство финансов составило известное исключение. Во главе его в 60—90-е гг. стояли видные государственные деятели, такие как М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и, наконец, С. Ю. Витте. Бунге и Вышнеградский были учеными с мировым именем.²

В начале министерской деятельности Рейтерн заявил себя сторонником поощрения частного предпринимательства. В 1866—1870 гг. он выступал за развитие биржевых операций и «отстаивал не только частную инициативу в учреждении банков, но и полезность конкуренции между банками».³ Переход основных европейских стран в 60-е гг. от разрешительной к лицензионной системе учредительства послужил толчком для разработки в России законопроекта, предусматривавшего предоставление частной инициативе большего простора в учреждении акционерных компаний. Однако замысел этот, принадлежавший Рейтерну, не был осуществлен. Более того, в 1874 г. Рейтерн, очевидно, под влиянием биржевого краха 1873 г., распорядился оставить законопроект «без дальнейшего движения» и высказался за ограничение акционерного учредительства.⁴ В 1877 г. он выступил вообще за использование государственных средств для борьбы с биржевой спекуляцией, регулирования курса рубля и ценных бумаг и тем самым предложил в качестве меры правительственной политики «искусственное сдерживание свободной конкуренции». На этой основе возникла практика поддержки правительством «сильных» предприятий и банков, в том числе за счет выдачи

из Государственного банка неуставных ссуд.⁵ Таким образом, в 70-е гг. были выработаны некоторые меры государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, определилось отношение правительства к проблеме частного предпринимательства, наметился поворот в правительственной политике к строгому протекционизму.⁶

Взгляды Рейтерна на роль государства в экономической политике во многом разделили его преемники на посту министра финансов. Однако это не означает, что экономическая политика, проводившаяся в последующие годы, оставалась абсолютно неизменной. Она во многом зависела от общего направления политического курса и от личности министра. В этом смысле весьма показательны взгляды и деятельность Бунге как министра финансов (1881—1886 гг.). Бунге был хорошо знаком с современными ему западными экономическими теориями и мог оценить опыт промышленного развития европейских стран и США. В его сочинениях и ведомственных записках получила известное обоснование проблема соотношения частного предпринимательства и государственного начала в экономическом развитии страны.

Еще не вступив на министерский пост, в сентябре 1880 г. Бунге в записке Александру II высказывался за принятие мер общего характера для поднятия народного хозяйства России. «Для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям... — писал Бунге, — от правительства требуется... не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении на полстолетия». Промышленное развитие России, по его мнению, сдерживалось из-за «отсутствия в стране современного фабрично-заводского законодательства». Бунге выступил инициатором его разработки.⁷ Он считал необходимым пересмотр акционерного законодательства и создание условий для повсеместного учреждения акционерных коммерческих банков.⁸ Система взглядов Бунге в известной мере соответствовала духу реформ 60-х гг. В 1882—1886 гг. Бунге провел отмену подушной подати. Он выступал за принцип всеословности в податной политике, создание условий для развития производительных сил в деревне. Бунге связывал экономическое развитие страны с необходимостью изменений в системе государственного управления и создания в России объединенного правительства.

В лекциях наследнику престола, будущему императору Николаю II, прочитанных в 1888—1889 гг., Бунге подчеркивал право государства на «деятельное участие в делах промышленности» и надзор за «предприятиями, имеющими общественный характер», но выступал против крайностей в этом отношении, проявившихся в царствование Николая I. Бунге утверждал, что, оказывая поддержку частным предприятиям, пра-

¹ Общую характеристику экономических взглядов русских министров финансов пореформенного периода см.: *Шенгелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.

² См. *Зайончковский Н. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

³ *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960, с. 45.

⁴ *Шенгелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 112, 116.

⁵ *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика..., с. 46—47.

⁶ Там же, с. 48—49.

⁷ См.: *Лаврышев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974, с. 59. Записка Н. Х. Бунге Александру II 1880 г. была опубликована А. Погребинским в журнале «Исторический архив» (1960, № 2).

⁸ *Шенгелев Л. Е.* Акционерные компании в России, с. 120.

ительство должно исходить из трех принципов: «1) Государство должно помогать частной инициативе только тогда, когда этого требуют действительные государственные интересы, а не интересы частного хозяйства. 2) Государство должно браться за предприятия, которые имеют общепользовательный характер — средства сообщения, банки, устройство портов и пр. и при этом, если этим достигается действительно удешевление издержек производства. 3) Предоставление частным лицам участия в общественном хозяйстве необходимо в том случае, когда предпринимчивость частная работает дешевле и лучше, чем казенная администрация».⁹

Бунге с известной тревогой отмечал расширение «непосредственного участия правительства в делах промышленности», а также его контролирующей деятельности. Наряду с учреждением крупных банков — Крестьянского поземельного (1882 г.), и Государственного Дворянского земельного (1885 г.), выкупом в казну 7 тыс. верст, принадлежавших частным обществам железных дорог, подчинением государственному надзору городских и общественных банков (1883 г.) — за все это Бунге сам нес ответственность как министр финансов, он назвал еще целый ряд мер государственного характера, предпринятых уже после его отставки. В частности, вовлечение в торговые операции хлебом железнодорожных обществ с выдачей им ссуд за счет Государственного банка, регулирование государством железнодорожных тарифов, поощрение государством кустарной промышленности.¹⁰

Однако система взглядов Бунге не нашла в достаточной мере своего воплощения в его политической деятельности. Осторожный и нерешительный политик Бунге многие из намечавшихся им реформ либо не осуществил в полной мере, либо не решился даже отстаивать. Министерская деятельность Бунге совпала с резким изменением общеполитического курса. Один из идеологов нового курса редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков открыл кампанию против Бунге на страницах своей газеты. Его подручным в этой кампании выступил И. А. Вышнеградский — профессор механики Петербургского Технологического института, хорошо известный в предпринимательском мире как один из главных деятелей Петербургского водопроводного общества и фактический председатель правления Общества Юго-Западных железных дорог.

Трудно определить, в какой мере сотрудничество Вышнеградского с Катковым было продиктовано соображениями карьеры, а в какой — совпадением политических взглядов крупного ученого и редактора самой влиятельной в России консервативной газеты. Однако именно благодаря этому сотрудничеству Вышнеградский занял пост министра финансов после того как Каткову и результате газетной кампании удалось все-таки добиться отставки Бунге.¹¹ Вышнеградский возглавил Министерство финансов в январе 1887 г.

Это открыло путь на государственную службу управляющему Юго-Западными железными дорогами С. Ю. Витте, который безоговорочно

стал на сторону Вышнеградского в его полемике с Бунге. Бюрократическая карьера Витте также началась при поддержке «Московских ведомостей».¹² В 1889 г. Витте был назначен директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, а в августе 1892 г., в связи с болезнью Вышнеградского, сделался его преемником на посту министра финансов.

На первый взгляд, экономическая политика Вышнеградского, а затем и Витте представляла собой прямое продолжение политики Бунге, но это далеко не так. Вышнеградский и Витте (в первые годы своей министерской деятельности) пытались приспособить экономическую политику к общеполитической доктрине царствования Александра III. Это нашло свое выражение в отстаивании консервативных начал в аграрной политике 80-х — начала 90-х гг., а также в усилении государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Последнее проявилось прежде всего в тарифной политике Вышнеградского и Витте. Наряду с усилением протекционизма, нашедшем свое выражение в таможенном тарифе 1891 г., с 1889 г. устанавливается система государственного регулирования хлебных тарифов. Бывшим железнодорожным дельцам, прошедшим школу частного предпринимательства, пришлось преодолеть сопротивление и земельных собственников центральных и западных губерний, и владельцев железнодорожных обществ и показать им на практике, что (как докладывал Вышнеградский в июле 1890 г. Александру III) «лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономическими судьбами государства».¹³ Тарифное законодательство 1889 г., выработанное при Вышнеградском, получило дальнейшее развитие в 1893—1897 гг., когда министром финансов стал Витте. В эти годы чрезвычайно усилилась роль государства в регулировании хлебной торговли.

Именно неограниченное государственное вмешательство в сферу хлебной торговли побудило Бунге во второй половине 90-х гг. еще раз с осуждением отозваться (в так называемых «аграрных заметках») о политике Вышнеградского и Витте. Рассматривая проблему государственного вмешательства в ретроспективе, Бунге писал, что накануне Крымской войны «частное начало» в области «духовной и материальной жизни» было ограничено правительством «до крайности», «администрация и правительственные учреждения должны были не только восполнять, но даже заменять частную деятельность». «Разочарование, постигшее всех в пору Крымской войны, — продолжал свою мысль Бунге, — привело к внутренней политике..., которая ожидала всего от частной инициативы, и она проявлялась иногда в столь прискорбных формах, что люди благомыслящие начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственной деятельностью частной. В этом направлении мы продолжаем преуспевать и теперь, когда хотят, чтобы государство занялось в обширных размерах торговлей хлебом и снабжением им стоимиллионного населения. Кажется,

¹² См.: Ананьич В. В., Ганелин Р. Ш. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей». — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX вв. Л., 1972, с. 12—14.

¹³ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 95.

⁹ ОР и РК ГИБ, ф. 550 (ОСРК), № 238, л. 596—598.

¹⁰ Там же.

¹¹ Канда Акинори. Экономическая программа дворянской реакции и политика И. А. Вышнеградского. — The Journal of Asahikawa University, 1977, N 5, p. 195—214.

невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусства и науки, как предлагает Беллами (Looking backward)». ¹⁴

В своих «загробных заметках» Бунге не называл прямо имена Вышнеградского или Витте, однако направленность его критики для современников была совершенно бесспорной, и в первую очередь объектом ее была несомненно политика Витте. Пожалуй, ни один из министров финансов пореформенной поры не пользовался так широко средствами государственного воздействия на экономику, как Витте. Пройдя школу частного предпринимательства, Витте, конечно, достаточно хорошо понимал не только интересы представителей промышленного класса, но и значение частной инициативы и опыта в промышленном развитии империи. Поэтому с самого начала своей министерской деятельности, преодолевая препятствия существовавшей в России системы чиновничества, Витте привлекал в аппарат Министерства финансов лиц из сферы частного хозяйства, во с целью сделать еще более эффективным вмешательство государственных учреждений в экономическую жизнь страны. «В России, — писал по этому поводу Витте Николаю II в начале 1895 г., — по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... Таким образом, функции государственной жизни в этих двух странах совершенно различны, а в зависимости от сего должны быть различны и требования, предъявляемые к ним к лицам, стоящим на государственной службе, т. е. к чиновникам. В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно хозяйственной деятельности». ¹⁵

Для осуществления своего экономического курса Витте использовал государственные учреждения, в частности, такие, как Государственный банк или Особенная канцелярия по кредитной части. Он провел серию реформ, которые должны были способствовать ускоренному промышленному развитию страны под строгим контролем Министерства финансов. Одной из важнейших реформ в этом отношении явилось введение золотого денежного обращения. Реформа эта готовилась в русском Министерстве финансов, начиная с 1860-х гг.

Во второй половине XIX столетия по мере развития капиталистических отношений в Европе, увеличения торговых и промышленных оборотов, размеров платежей роль золота в денежном обращении западно-европейских стран становилась все более значительной. Золотая монета стала вытеснять серебро. Помимо Англии, где золотой монометаллизм

был введен в 1816 г., в начале 70-х гг. к золотому денежному обращению перешли основные европейские страны. Это не могло не подтолкнуть русское финансовое ведомство к более решительному проведению в жизнь программы укрепления валюты.

В 1889 г. Вышнеградский приступил к осуществлению разработанного еще при Бунге плана конверсии русских 5 и 6% иностранных займов в займы с более низким процентом и более длительным сроком погашения. Это была попытка упорядочить государственные долги России и тем самым сделать еще один шаг на пути подготовки реформы. Однако Вышнеградский не успел довести до конца этот план. Помешала болезнь и последовавшая в связи с ней отставка. В августе 1892 г. Вышнеградский уступил свой пост Витте, оставив ему в наследство сделанный в 1891 г. на парижской бирже, но так и не размещенный отчасти в связи с неурожаем и наступившим голодом заем.

К моменту его назначения министром финансов Витте еще не имел достаточно четкой экономической программы и, видимо, не был посвящен Вышнеградским в курс длительной подготовки реформы. Только этим можно объяснить первые шаги Витте — министра финансов и его попытку осенью 1892 г. значительно увеличить количество находившихся в обращении бумажных денег за счет специального выпуска «сибирских» рублей для покрытия расходов, связанных с постройкой Великого Сибирского пути. Однако год спустя Витте вплотную приступил к завершению дела, начатого его предшественниками. ¹⁶ В 1894 и 1896 гг. он заключил с помощью парижского Ротшильда два крупных государственных займа, позволивших ему подвести итог конверсионным операциям Вышнеградского, а также провел в 1894—1895 гг. ряд мер по стабилизации рубля и тем самым подготовил введение в России золотого денежного обращения. Реформа была проведена указом 29 августа 1897 г.

Золотое содержание рубля было уменьшено на одну треть. Кредитный рубль был приравнен к 66 2/3 к. золота. В результате реформы Государственный банк сделался эмиссионным учреждением. Ему было предоставлено право выпуска банкнот. Он мог выпускать не обеспеченные золотом кредитные билеты не более, чем на сумму 300 млн. р. Все кредитные билеты, выпускавшиеся в обращение сверх этой суммы, должны были быть обеспечены золотом рубль за рубль. В России был установлен очень жесткий эмиссионный закон, требовавший постоянного содержания большого запаса золота для обеспечения находившихся в обращении кредитных билетов.

После проведения денежной реформы экономическая программа Витте постепенно приобретала все более отчетливые контуры. Сложившаяся к этому времени система взглядов Витте на экономическое развитие России в наиболее законченном виде предстает в его записках, выступлениях и всеподданнейших докладах, связанных с разгоревшейся в правящих кругах России в 1897—1899 гг. острой полемикой по вопросу об отношении к иностранным капиталам. В своих рассуждениях о тор-

¹⁴ ЦГА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 721, л. 52.

¹⁵ Дубинцов В. В. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов). — В кн.: Проблемы отечественной истории. М.; Л., 1976, ч. 1, с. 216—217.

¹⁶ Подробнее см.: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 15; Шенгелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века..., с. 223—226.

гово-промышленной политике правительства, относящихся к концу 1893 г., Витте с некоторой осторожностью отзывался об иностранных капиталах и даже высказывал опасение, что «русская предприимчивость», несмотря на «таможенное ограждение», «оказывается иногда не в силах одолеть у себя соперничества иностранной предприимчивости».¹⁷ Однако к концу 90-х гг. Витте начал выступать за неограниченное привлечение иностранных капиталов и весной 1898 г. оказался перед лицом весьма серьезной оппозиции во главе с зятем царя великим князем Александром Михайловичем, выступившей за ограничение доступа иностранных капиталов в Россию, и в частности в нефтедобывающую промышленность. В связи с этим в первой половине марта 1899 г. намечено было созвать совещание министров под председательством царя, посвященное обсуждению общей политики в отношении иностранных капиталов.

Совещание состоялось 17/29 марта 1899 г. Готовясь к нему, Витте еще в феврале представил всеподданнейший доклад «О необходимости установить, и затем неуклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи», подробно изложив в нем свои взгляды на перспективы экономического развития России.¹⁸

Витте утверждал, что страна нуждается в том, чтобы «торгово-промышленная политика проводилась по определенному плану, со строгой последовательностью и систематичностью», ибо именно в результате твердой торгово-промышленной политики может быть решена «коренная не только экономическая, но и политическая задача» — создание своей собственной национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда». Что касается самого существа этой политики, то Витте сосредоточил внимание на двух важнейших ее сторонах: протекционизме и привлечении иностранных капиталов.

Витте не пытался отрицать, что протекционная система, основы которой были заложены таможенным тарифом 1891 г., требует значительных жертв от населения страны и тяжелым бременем ложится на «оскудевшие бюджеты землевладельцев». Бессмысленно было скрывать, да и об этом во весь голос говорили противники протекционизма, что русская обрабатывающая промышленность «еще не доросла до способности вполне удовлетворять внутреннему спросу», а населению приходится «покупать иностранные изделия по ценам, повышенным вследствие пошлин, и почти столько же приплачивать и за изделия внутреннего производства». В оправдание этого Витте мог заявить только одно: «Великие задачи требуют и великих жертв». Он, конечно, был за то, чтобы

¹⁷ ЦГА СССР, ф. 1152, оп. XI, 1893, д. 447, л. 14 об.

¹⁸ Совещание 17/29 марта было описано Б. А. Романовым (Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.; Л., 1955, 106—108) по Дневнику А. А. Подойцова (Красный архив, 1931, № 3). Доклад С. Ю. Витте впервые был напечатан на английском языке Теодором фон Лауэ (Journal of Modern History, 1954, v. XXVI, N 1, p. 64—74). На русском языке опубликован И. Ф. Гиндиным с обстоятельным предисловием и рядом сопутствовавших ему документов (Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX вв. — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1959, т. 6, с. 159—222).

сократить эти жертвы, ускорив «процесс образования вполне независимой национальной промышленности». Однако для этого, по мнению Витте, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, ибо без них «нет и знаний, и нет предприимчивости». Россия бедна капиталами — значит надо искать их за границей. Так Витте самым тесным образом связал протекционизм с необходимостью привлечения иностранных капиталов.¹⁹

В результате торгово-промышленная политика правительства за последние восемь лет была представлена царю как «последовательно продуманная система, все части коей неразрывно связаны одна с другой», и Николаю II предложено было решать: либо строго придерживаться этой системы, либо менять ее коренным образом. Витте же настаивал на сохранении, по крайней мере до 1904 г., таможенного тарифа 1891 г., а также на том, чтобы в течение этого времени не производилось никаких «стеснений притоку иностранных капиталов ни путем издания новых законов или распространительного толкования существующих, ни особенно путем административных распоряжений».²⁰

На совещании 17/29 марта Витте изложил основы проводившейся им экономической политики, хотя и не добился полного торжества своих взглядов. В частности, в решении, принятом по докладу Витте и утвержденном царем, были сохранены упоминания о «нежелательности в политическом отношении» сосредоточения в руках иностранных компаний «обширных поземельных владений» и о правах «местной административной власти» давать им разрешение на приобретение недвижимой собственности.²¹

Противники привлечения иностранных капиталов не сложили оружия и после мартовского совещания 1899 г., а полемика с ними не утратила свою остроту, и уже в самом начале 1900 г. Витте вновь поставил вопрос о необходимости покончить с ограничительными мерами, встречающимися на пути действующих в России иностранных капиталов. В представленном царю в феврале 1900 г. докладе Витте призывал спешить с развитием промышленности, подчеркивая, что «бедность капиталами» ее задерживает, и Россия «очень отстала», хотя по скорости и силе промышленного роста «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств».²²

Витте связывал экономическое развитие России при помощи иностранных капиталов с активной империалистической борьбой за рынки сбыта на восточных окраинах России, рассчитывая, что в течение нескольких лет русская промышленность достигнет столь высокого уровня развития, что сумеет занять на них прочные позиции. А это сделало бы русские товары не только конкурентоспособными на международном рынке, но и дало бы возможность «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию».²³ К 1900 г., когда

¹⁹ Материалы по истории СССР, т. 6, с. 173—174, 177—180.

²⁰ Там же, с. 181—182, 193, 195.

²¹ Там же, с. 170, 207.

²² Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности», Февраль 1900 г. — Историк-марксист, 1935, т. 2/3, с. 130—139.

²³ Материалы по истории СССР, т. 6, с. 167—168.

Витте писал эти строки, адресованные Николаю II, русское Министерство финансов уже вело борьбу за экономическое влияние на Дальнем и Среднем Востоке. Стремясь подготовить рынки для развивавшейся русской индустрии, оно со второй половины 90-х гг. приступило к осуществлению так называемого мирного экономического проникновения в Маньчжурию, Персию и Монголию. Причем решающая роль в проведении этой политики была отведена банкам — Учетно-ссудному банку Персии, являвшемуся фактическим филиалом Государственного банка, а также Русско-Китайскому банку, работавшему как на казенных русских, так и на иностранных капиталах и находившемуся под контролем русского правительства. С помощью казенных и «нейтральных» иностранных капиталов правительство и рассчитывало, не скупясь на затраты, сделать то, что было еще не по плечу слабой отечественной инициативе.

Под предлогом того, что страна де «нуждается в ... объединенном и твердом руководстве в области торгово-промышленной политики», Витте в феврале 1900 г. предложил Николаю II сосредоточить в руках министра финансов все управление экономикой страны, поставив его в правительственной иерархии в равное положение с министрами иностранных и внутренних дел.²⁴

В действительности к 1900 г. влияние Министерства финансов простиралось далеко за пределы отведенной ему сферы деятельности, а Витте уверенно выдвигался на первое место в российском бюрократическом аппарате и от него во многом зависело определение направления не только экономической, но и внешней политики. К этому времени Витте располагал уже весьма разветвленной сетью своих постоянных представителей в столицах крупнейших стран мира. Сразу же после вступления на пост министра финансов он принялся за реорганизацию учрежденного еще в 1848 г., но влачившего жалкое существование, института коммерческих агентов Министерства финансов за границей. В октябре 1898 г. коммерческие агенты были переименованы в агентов Министерства финансов и причислены к составу русских посольств и миссий с распространением на них всех тех прав и преимуществ, которыми пользовались за границей военные и морские агенты.²⁵ В Министерстве финансов начала поступать регулярная информация не только о настроенных всех крупнейших западноевропейских бирж, но и об основных событиях экономической и политической жизни крупнейших стран мира.²⁶

Главная задача агентов Министерства финансов состояла в подготовке русских новых финансовых операций за границей. Развитие промышленности, строительство железных дорог, покровительственная система, наконец, активная экономическая политика на Востоке требовали огром-

ных затрат, которые русское Министерство финансов надеялось и могло покрыть только с помощью иностранных бирж.

Денежная реформа способствовала стабилизации рубля и открывала дорогу в Россию иностранным капиталам. Независимо от этого Витте предпринял целый ряд мер, предусматривавших увеличение доходов казны в самой России прежде всего за счет усиления налогообложения. Сразу же после вступления на пост министра финансов Витте занялся пересмотром существовавшей системы промыслового налогообложения. В октябре 1892 г. с этой целью была образована специальная комиссия под председательством директора Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевского.

После реформы 1861 г. промысловый налог регулировался положением о пошлинах за право торговли и промыслов, изданным 9 февраля 1865 г. Оно предусматривало обложение предприятий по чисто внешним признакам, независимо от размеров вложенных в них капиталов и получаемой чистой прибыли. В начале 1885 г. были введены дополнительные сборы к промысловому налогу: 3% с доходов объявленных публичной ответственностью акционерных предприятий и раскладочный с предприятий гильдейских. С 1889 г. к платежу дополнительного раскладочного сбора были привлечены негильдейские предприятия, а с 1893 г. акцизные фабрики и заводы, к этому времени 3%-ный сбор был повышен до 5%, а общая сумма раскладочного — на 25%. В конце 1885 г. был введен 5%-ный сбор с доходов от денежных капиталов.²⁷

В результате всех этих мероприятий сумма промысловых сборов к 1893 г. возросла вдвое по сравнению с 1884 г. и достигла 40 475 тыс. р.²⁸

Положение о новом промысловом налоге было утверждено царем 8 июня 1898 г. Налог состоял, как и прежде, из основного и дополнительного. Основной налог выплачивался предпринимателями посредством приобретения промысловых свидетельств, причем размер оклада определялся в зависимости от размера предприятия, а не от подожжения владельца (принадлежность к той или иной гильдии), как это предусматривалось предшествовавшим законодательством. Для определения размера оклада страна разделялась на пять классов (в зависимости от уровня промышленного развития), а промышленные предприятия по их видам и размерам — на ряды. Дополнительный налог с акционерных предприятий, объявленных публичной отчетностью, разделялся на налог с капитала и процентный сбор с прибыли. Процентный сбор с прибыли равнялся лишь в том случае, если она превышала 3% на основной капитал и устанавливался на началах умеренной прогрессивности. Дополнительный налог с предприятий, не объявленных публичной ответственностью, разделялся на раскладочный и процентный сбор с прибыли. Размер обложения определялся из расчета некой средней прибыли для разного типа предприятий.

Таким образом, значительная часть промыслового налога была основана на архаичном и примитивном раскладочном принципе обложения,

²⁷ ПСЗ, III, т. VII, № 4469, 19 мая 1887 г.; т. IX, № 5719, 18 января 1889 г.; т. XII, № 9181, 24 декабря 1892.

²⁸ Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902, ч. II, с. 640.

²⁴ Историк-марксист, 1935, т. 2/3, с. 139.

²⁵ Исвод. докл. С. Ю. Витте «О причислении агентов Министерства финансов к императорским посольствам и миссиям» 22 октября 1898 г. — ЦГА СССР, ф. 40, оп. 1, л. 50, л. 153—156 об.

²⁶ Должности агентов Министерства финансов были упразднены только в 1911 г. Подробнее об этом см.: Апаньич В. В. Указ, соч., с. 27—28.

что в значительной степени явилось результатом плохого состояния отчетности предприятий и слабым еще развитием акционерного дела, чему препятствовало существовавшее в России акционерное законодательство, основанное на разрешительной системе. В 1894 г. С. Ю. Витте образовал специальную комиссию под председательством П. П. Цитовича, подготовившую к 1898 г. проект нового акционерного закона. Он предусматривал введение уже широко распространенного в западных странах явочного принципа акционерного учредительства. Однако проект комиссии Цитовича так и не был проведен в жизнь.²⁹

Новый промышленный налог увеличил доходы казны,³⁰ но решающее значение и в покрытии бюджетных дефицитов и накопления средств приобрели все-таки косвенные налоги, резко возросшие при Вышнеградском и Витте.

«Подочная и табачная монополии были мечтой И. А. Вышнеградского еще до призыва на министерский пост».³¹ С их введения Вышнеградский и пытался начать свою министерскую деятельность. Однако после подготовительных работ Вышнеградский отказался от этой затеи и пошел по пути простого повышения косвенных налогов на керосин, спички, спирт и другие товары. Фискальная политика Вышнеградского отличалась предельной жесткостью. С отменой подушной подати Бунге считал естественным отказаться и от получения недоимок с крестьян по уже не существующему налогу. Вышнеградский придерживался другой точки зрения и в 1887—1888 гг. сумел выискать эти недоимки в размере 16 с лишним миллионов рублей. В результате такого курса за четыре года — с 1888 по 1891 г. перевыручки по бюджету достигли значительной суммы в 209,4 млн. р. Однако в следующие 1891 и 1892 голодные годы правительство вынуждено было истратить на помощь голодающему населению 162,5 млн. р.³² Трагедия голода, казалось, должна была отрезвляюще подействовать на сторонников повышения косвенного обложения, несомненно отдававших себе отчет в том, что эти налоги прежде всего затрагивают крестьянское население. Тем не менее Витте уже во всеподданнейшем докладе по росписи 1893 г. высказался за то, чтобы не останавливаться «даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны» в целях развития отечественной промышленности,³³ и в последующие годы продолжал наращивать именно косвенное обложение.

За двадцать лет с 1880 по 1901 г. прямые налоги дали прирост всего в 50 млн. р. Доход от них увеличился с 172,9 до 220,9 млн. р. За это же время доход от косвенного обложения возрос на 108% с 393 до 819,6 млн. р. Причем особенно значительный их рост падает на период министерства Витте, ибо с 1880 по 1892 г. доход от косвенного обложения увеличился на 37%, а с 1892 по 1901 г. — на 50%.³⁴

²⁹ См.: Шенелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 168—179.

³⁰ В 1898 г. сборы с торговли и промыслов составляли 48,2 млн. р., а в 1899 г., после введения нового промыслового налога — 61,1 млн. р. (Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912, с. 485).

³¹ Шапелов П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903, с. 11.

³² Там же, с. 14.

³³ Там же, с. 16.

³⁴ Там же, с. 31.

Одним из самых эффективных средств выкачивания денег из народного кармана сделалась установленная Витте монополия на водку. Винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался казной. Очистка спирта и изготовление водки производились на частных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право государства. Реформа не касалась изготовления пива, портера, браги и виноградного вина. В городах водочные изделия продавались с 7 часов утра до 10 часов вечера, в селениях в летние и весенние (апрель—август) месяцы до 10, а в зимние до 8 часов вечера. Торговля запрещалась во время крестных ходов, а в воскресные и табельные дни до окончания литургии.³⁵ Монополия использовалась Министерством финансов как один из основных источников покрытия бюджетных дефицитов.³⁶

К концу 90-х гг. политика Витте приняла достаточно конкретный и целенаправленный характер: в течение примерно десяти лет догнать более развитые в промышленном отношении страны Европы, занять прочные позиции на рынках стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие России Витте рассчитывал обеспечить за счет: 1) привлечения иностранных капиталов в виде займов и инвестиций; 2) накопления внутренних ресурсов с помощью казенной винной монополии и усиления косвенного налогообложения; 3) таможенной защиты русской промышленности от западных конкурентов и поощрения русского вывоза.

Экономическая политика Витте оказала значительное влияние на развитие русской промышленности в 90-е гг. В российской экономике произошли значительные сдвиги, особенно они проявились в железнодорожном строительстве. Темпы строительства железных дорог заметно увеличились в годы промышленного подъема. С 1895 по 1899 г. в России было введено рекордное количество километров новых линий — в среднем около 3064 км ежегодно.³⁷ В области финансовой для России начала XX в. характерен чрезвычайно быстрый рост государственного бюджета. По росписи 1867 г. обыкновенные доходы составляли всего 115 млн. р. Прошло 30 лет, и они увеличились на 1 млрд. руб. Для выполнения второго миллиарда по этой статье государственного бюджета понадобилось 11 лет, а третьего — 5. Громадный рост бюджета в этот период, однако, не соответствовал росту национального дохода и, по подсчету Ю. Н. Шебадина, превышал его в 2,4 раза, а стало быть не явился признаком финансового благополучия страны. Рост актива бюджета во многом зависел от доходов от винной монополии.³⁸

³⁵ Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов/А. А. Блау. СПб., 1899, с. 96—106.

³⁶ По росписи на 1901 г. более половины всех бюджетных ресурсов давал: нятийный доход (с причислением чистого дохода монополии) — 351,3 млн. р.; сахар — 71,8; керосин — 28,7; чай — 52,4; хлопок — 37,4, а всего 541,3 млн. р. (Шапелов П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903, с. 44, 56).

³⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916, № 28, с. 54.

³⁸ Шебадин Ю. Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до первой мировой войны). — Исторические записки 1959 т. 65, с. 185.

В 90-е гг. идет процесс концентрации банковских капиталов, сращивания банков с промышленностью. Банки вводят «в состав своих руководящих органов влиятельных промышленных деятелей» и в то же время направляют «в руководящие органы финансируемых ими предприятий своих представителей, чаще всего членов правления или высших служащих». Намечаются связи между банками, способствовавшие появлению банковских монополий. Так, в совместном финансировании промышленных предприятий выступают Русский для внешней торговли, Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Русский торгово-промышленный банки. 90-е гг. — период зарождения российского финансового капитала.³⁹

В результате промышленного вала 90-х гг. Россия приблизилась к индустриально развитым странам,⁴⁰ однако отнюдь не достигла их, как это планировал Витте. В конце 1898 г. на европейском денежном рынке появились первые симптомы приближавшегося финансового кризиса, разросшегося в 1899 г. в общеевропейский. В 1900 г. наступил мировой экономический кризис, в полной мере давший себя знать и в России. Кризис стал неожиданным препятствием на пути осуществления экономической программы Министерства финансов. Под угрозой краха оказались многочисленные предприятия, в том числе и обремененные своим существованием иностранным капиталом. Приток их в промышленность стал сокращаться и сменился отливом, особенно краткосрочных капиталовложений. С наступлением кризиса обнаружилась и несостоятельность попыток Витте пользоваться кредитом в международном масштабе и лавировать между биржами Парижа, Берлина, Лондона и Нью-Йорка, занимая в зависимости от обстоятельств то там, то здесь и не связывая себя при этом какими-либо политическими обязательствами. К концу 1900 г. стало ясно, что на американскую и английскую биржи надеяться бесполезно. В Берлине царское правительство время от времени получало кредиты и могло рассчитывать на некоторую финансовую поддержку, но берлинская биржа не располагала достаточным количеством свободных капиталов ввиду постоянного спроса на них в самой Германии. Оставалась одна Франция, с которой Россия неизбежно оказалась прочно связанной не только политическими, но и финансовыми узами.

К началу экономического кризиса внешнеполитической части программы Витте, казалось, сопутствовал успех. Россия уверенно занимала позиции на рынках Дальнего и Среднего Востока, тесня там своих соперников. Однако «мирное» экономическое проникновение в эти работы не только было сопряжено со значительными расходами, опять-таки ложившимися на плечи русского налогоплательщика, но и способствовало обострению русско-английских и русско-японских противоречий и только приблизило развязку войны с Японией. С началом же военных действий о какой бы то ни было последовательной экономической программе уже не могло быть и речи. Однако едва ли правильно

было бы утверждать, что «система Витте» разбилась именно о такие события мирового значения как кризис 1900—1903 гг. и русско-японская война.

Экономическая политика Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России системы государственного управления. Консерватизм «системы» Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества самодержавия. Не случайно в либеральных кругах русского общества «система» Витте была воспринята как «грандиозная экономическая диверсия самодержавия», отвлекавшая внимание различных слоев населения от социально-экономических и культурно-политических реформ.⁴¹

Проводившееся Витте государственное вмешательство в экономику часто оправдывалось необходимостью поддержки неокрепшей еще частной инициативы, однако в действительности оно далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений в стране. Широко используя государственное хозяйство не только для решения внутриполитических задач, но и в борьбе за внешние рынки (где государство порою выступало как предприниматель, конкурировавший с русскими же частными торговыми фирмами), Витте так и не провел или не сумел провести реформы общего характера, которые создали бы условия для более свободного развития частной инициативы. Так, ему не удалось изменить коренным образом существовавшую систему акционерного законодательства. Поощряя частную инициативу и предприимчивость, Витте вместе с тем стремился держать ее под строгим контролем, поэтому в представительных организациях буржуазии он хотел видеть прежде всего консультативные органы. Показательны в этом отношении подготовка и проведение Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Съезд проводился по решению Министерства финансов, подготовка его велась в Департаменте торговли и мануфактур, разработавшем заранее перечень вопросов, подлежащих обсуждению. При открытии съезда его председатель член Совета министра финансов Д. Ф. Кобеко, обращаясь к участникам, заявил, что «съезд созван по непосредственному распоряжению правительства, а не по усмотрению частных обществ, как то происходило дотоле... что в Министерстве финансов разрабатываются некоторые предположения относительно условий, которыми регулируется торгово-промышленная жизнь страны. Предварительно, однако, Министерство финансов призвало нужным ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим». Созыв съезда был представлен как доказательство «живого общения», установившегося «между Министерством финансов и торгующим сословием».⁴² Вместе с тем Министерство финансов без особенного энтузиазма отнеслось к возникновению одной из крупнейших представительных орга-

³⁹ Волыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 40, 49, 277, 284.
⁴⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Сер. 1, т. 6, с. 276—277.

⁴¹ Освобождение, 1903, № 2, с. 24.

⁴² Труды высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896, т. 1, с. 2.

низаций — Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, процедура оформления которого затянулась почти на три года.

Политика поощрения промышленного развития проводилась при известной консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве и при высоком напряжении платежных сил населения, особенно крестьянства. «Меркантилистическая система Вышнеградского, сводившаяся к скоплению возможно большего количества золота, развивалась всецело за счет сельского хозяйства... Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжелой расплатой за тот односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов. Ужасы голода сломили „систему“». ⁴³

Однако, приведшая на смену «системе» Вышнеградского «система» Витте не изменила существа экономической политики правительства. В результате ее рост государственных расходов и сопутствовавший ему рост налогового обложения приняли настолько угрожающий характер, что в декабре 1902 г. в связи с составлением бюджета на 1903 г. создавшееся положение стало предметом специального обсуждения в Государственном совете.

Выступая на общем собрании Государственного совета, министр финансов подчеркнул, что «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... Дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою, не только не производительною, но едва ли даже вообще допустимою при существующем экономическом положении страны». ⁴⁴

Равновесие русского бюджета к концу 1902 г. уже находилось под угрозой. В 1900 г. в связи с «политическими осложнениями» на Дальнем Востоке, потребовавшими «экстренного» усиления средств Государственного казначейства, были повышены некоторые акцизы и таможенные пошлины. В результате Казначейство получило около 39 млн. р. в год «добавочного дохода». Первоначально новые налоги рассматривались как временные, однако правительство так и не решилось их отменить, ибо при составлении бюджета на 1903 г. обнаружилось, что это приведет к бюджетному дефициту (около 23 млн. р.). Сопоставление росписей 1893 и 1903 г. (с учетом тех перемен, которые произошли в классификации расходов и доходов в соответствии с законами 4 июня 1894 г. и 22 мая 1900 г.), ⁴⁵ свидетельствовало о росте обыкновенных расходов за десятилетие примерно на 42,5%, т. е. в среднем около 4% в год. В то же время рост обыкновенных доходов несколько отставал от этой цифры и составлял в период с 1897 по 1901 г. около 3,6% в год. И это при крайнем напряжении налогового обложения.

Ради сохранения бюджетного равновесия Государственный совет постановил «принять настоятельные меры к сдерживанию государственных

расходов на уровне, отвечающем нормальному возрастанию обыкновенных государственных расходов». ⁴⁶

Кризис 1900—1903 гг. оказал большое влияние на развитие экономики России. Особенно пострадала от кризиса тяжелая промышленность. Сократилось производство и упали цены в металлургической, металлообрабатывающей, железнорудной отраслях промышленности. ⁴⁷ Кризис способствовал обострению социальных противоречий, росту рабочего движения. Он подтолкнул начавшийся в 80-е гг. процесс монополизации в промышленности. Вместе с тем кризис показал неспособность к конкурентной борьбе предприятий, находившихся в сфере государственного хозяйства. Правительство, следуя установившейся еще с 70-х гг. традиции, пыталось бороться с кризисом. Оно поддерживало отдельные предприятия и банки, находившиеся в бедственном положении, проводило «биржевые интервенции» с помощью созданного для этой цели специального синдиката коммерческих банков и банкирских домов во главе с Государственным банком. ⁴⁸ Однако эти меры были бессильны перед стихией кризиса. Под его воздействием правительство вынуждено было отступить от практики неограниченного государственного вмешательства в одной из важных сфер экономической политики. 13 августа 1903 г., на три дня до того как Витте под натиском своих политических противников покинул пост министра финансов, последовало «высочайшее предубаждение» о сокращении с 1905 г. расходов на казенное железнодорожное строительство. Война и начавшаяся в январе 1905 г. революция вынудили правительство пойти еще дальше по этому пути. ⁴⁹ Сменившие Витте на посту министра финансов Э. Д. Плесске, а затем в феврале 1904 г. В. Н. Коковцов уже не помышляли о какой бы то ни было целенаправленной экономической программе. На первый план выступили задачи финансирования войны и спасения самодержавия в условиях войны и революции от финансовой катастрофы.

⁴⁶ Журнал общего собрания Государственного совета 30 дек. 1902 г.—12 янв. 1903 г.

⁴⁷ Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955, с. 305, 308.

⁴⁸ Гиндин П. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX—начало XX в.). — Исторические записки, 1980, т. 105, с. 105—149.

⁴⁹ 10 июня 1905 г. был принят закон «О мерах к привлечению частных капиталов к делу железнодорожного строительства в России». Это был крутой поворот в правительственной политике, ибо после 1884 г., когда было образовано частное общество Ивангород-Домбровской железной дороги, новые дороги «строились либо казенной, либо преобразовавшимися в большие компании старыми железными дорогами» (Совет съездов представителей промышленности и торговли. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907—1912 гг. СПб., 1912, кн. 1, с. 238—241).

⁴³ Витковский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909, с. 231.

⁴⁴ Журнал общего собрания Государственного совета 30 декабря 1902 г. — ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 294, л. 12—14.

⁴⁵ РСЗ, III, т. XIV. СПб., 1898, № 10749; т. XX. СПб., 1902, № 18637.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА
В КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ

Аграрный кризис 80-х гг., бедственное положение крестьян, трагические последствия неурожайных лет вынудили царское правительство в начале 90-х гг. к очередному пересмотру действовавшего законодательства о крестьянах. В 1893 г. Государственный совет предложил образовать для этой цели особую вневедомственную комиссию. Однако 27 ноября 1893 г. Александр III на основании доклада И. Н. Дурново распорядился поручить пересмотр крестьянского законодательства Министерству внутренних дел.¹ В июле 1894 г. оно разослало на заключение специально созданных под председательством губернатора губернских совещаний ряд вопросов, касавшихся «упорядочения крестьянского общественного и хозяйственного быта и управления».² В течение 1895 г. в Министерство внутренних дел поступали журналы этих совещаний. Однако там не спешили с разработкой нового законодательства.

И. Л. Горемыкин, сменивший в октябре 1895 г. на посту министра И. Н. Дурново, заявил о необходимости установить «известную постепенность в достижении намеченных Государственным советом задач по пересмотру действующих о крестьянах узаконений» и занялся «приведением в систему» материалов, доставленных из губерний, а также существовавшего законодательства. В результате к 1897 г. был издан «Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах»,³ а также подробный перечень законов и высочайших постановлений, относящихся к устройству сельского состояния (1858—1896 гг.). Наконец, в 1898 г. был издан «Сборник постановлений, относившихся к гражданскому праву лиц сельского состояния».⁴ Все эти издания Горемыкина рассматривал как подготовительные работы к составлению проекта нового положения о сельском состоянии. Независимо от этих подготовительных работ Министерство внутренних дел вынуждено было участвовать в рассмотрении «текущих» вопросов крестьянского законодательства, остававшихся нерешенными после реформы 1861 г. и либо отложенных, либо застрявших в разного рода комиссиях еще с 70—80-х гг. К числу настоятельно и давно требовавших своего разрешения принадлежали и переселенческое и паспорт-

ное законодательства, сковывавшие передвижение крестьянства в пределах губерний и переселение его в малозаселенные и окраинные районы империи.

Переселенческое дело к середине 90-х гг. приобрело особую остроту в связи с усилившимся после голода 1891—1892 гг. самовольным движением за Урал крестьян из центральных губерний России и фактической потерей правительством контроля над этим процессом.⁵ Задавленные нищетой крестьяне оставляли свои дома, предавались судьбе и отправлялись в полное риска путешествие, часто имея весьма смутное представление о том, что их ждет за Уралом.

До 1896 г. переселение сельских обывателей и мещан на казенные земли регулировалось на основании закона 13 июля 1889 г. После реформы 1861 г. правительство стремилось ограничить и затруднить переселенческое движение, опасаясь, что центральные губернии окажутся без рабочей силы, а поселение на казенных землях даст повод крестьянам надеяться на дополнительное наделение земель. Каждое ходатайство о переселении подлежало предварительному обсуждению местных губернских присутствий, а затем поступало на усмотрение Министерства внутренних дел, действовавшего по соглашению с Министерством земледелия и государственных имуществ. Но эти затруднения только способствовали самовольному переселению и хаосу, царившему в организации переселенческого дела. Многие крестьяне пускались в путь не дожидаясь, когда кончится бюрократическая волокита и они получат официальное разрешение. Переселенцы ехали в товарных вагонах. Они подолгу ждали очереди перед посадкой в вагоны. Многие крестьяне добирались до места без всяких пособий при «убийственных условиях передвижения», иногда пешком, перевоза в тачках своих детей и имущество. Тем не менее число переселенцев росло. Крупными перевалочными пунктами для переселявшихся в Сибирь были Тюмень и Челябинск. Несмотря на неудачи и бедствия, среди крестьян центральной России распространялись наивные легенды «вроде того, что в Челябинске поезда с переселенцами встречают императрица Мария Федоровна и великий князь Михаил Николаевич с кашею».⁶

Начиная с 1894 г. правительство пыталось внести какие-то усовершенствования в организацию переселения. За счет ассигнований из фонда Сибирской железной дороги, начиная от Челябинска и Тюмени, нуждавшимся переселенцам была увеличена выдача путевых пособий, созданы новые врачебно-продовольственные пункты, образованы и командированы за Урал полевые-устроительные и межевые партии с целью заготовки участков для переселенцев. 15 апреля 1896 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета о предоставлении крестьянам, получившим разрешение на переселение, права посылать в Сибирь ходок для осмотра земель и «зачисления их за однообщественниками на двухлетний срок». 7 декабря Комитет Сибирской железной дороги, ве-

¹ Венед. докл. И. Л. Горемыкина за 1896—1898 гг. 21 янв. 1899 г. — ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 30, л. 1 и об.

² Там же, л. 1—3.

³ Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897, т. I—III.

⁴ Сборник постановлений, относившихся к гражданскому праву лиц сельского состояния. СПб., 1898.

⁵ См.: Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, с. 86.

⁶ Куломзин А. Н. Пережитое. — ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 200, л. 22.

давший переселенческими делами, принял решение допускать ходоков даже от отдельных семей, причем выдаваемое им «свидетельство» рассматривать как разрешение на переселение для всей семьи. В декабре 1896 г. было создано специальное Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел.

Ввиду несомненной бесплодности «борьбы с самовольным переселением принудительными мерами» Министерство внутренних дел «признало нужным, с одной стороны, облегчить и ускорить возможность получения крестьянами подлежащих разрешений, а с другой — обставить законных переселенцев, по сравнению с самовольными, более льготными условиями».⁷ Процедура выдачи разрешений на переселение в Сибирь была несколько упрощена, в частности, Министерству внутренних дел разрешалось предоставлять это право на местах губернским и губернским по крестьянским делам присутствиям. Однако «водворение» на переселенческих участках самовольных переселенцев допускалось лишь при наличии «достаточного количества свободных душевых долей». Переселявшимся самовольно не предоставлялись льготы по отбыванию воинской повинности, они обязаны были погашать числившиеся за ними «по прежним обществам» недоимки.⁸

В решении Комитета Сибирской дороги от 27 апреля 1896 г. было обращено внимание на важность заселения таежных пространств в пределах Тобольской и Томской губерний и Иркутского генерал-губернаторства. В этих районах Сибири переселенцам предоставлялись особо льготные условия. Крестьянам разрешалось селиться здесь не только на специально отведенных для переселенцев участках, а «по собственному выбору». Они освобождались от воинской повинности на срок до четырех лет и от уплаты казенных податей в течение десяти лет. Селиться в тайге разрешалось также сибирским старожилам. Им позволялось «одновременно с вновь занятыми землями пользоваться их прежними наделами в течение трех, а в исключительных случаях, шести лет».⁹

20 января 1897 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр, разъяснявший правительственную политику в отношении переселенцев. Губернаторам было разослано специальное справочное издание «Сибирь». 1 марта 1898 г. был введен льготный переселенческий тариф.

В результате проведенных правительством мер сократилась смертность среди переселенцев, упало число самовольно переселявшихся и возвращавшихся обратно переселенцев-неудачников. По данным Министерства внутренних дел в 1898 г. из 193 129 переселенцев (в том числе 50 193 ходоков) обратно возвратилось 14 645 душ, или 10,2%. В 1896 г. для губерний нечерноземной полосы самовольное переселение составляло 90%, а в 1897 г. оно упало до 43%, а в 1898 г. до 11%.¹⁰

Помимо переселения в Сибирь Министерство внутренних дел наметило в 1898 г. целый ряд районов страны, в заселении которых правительство было заинтересовано. Это Южно-Уссурийский край, Кавказ, Тургайская область, район Пермь-Котласской железной дороги, Мурман.

⁷ Вспомог. докл. И. Л. Горемыкина..., л. 10—11 об.

⁸ Там же, л. 11 об.

⁹ Там же, л. 13 в об.

¹⁰ Там же, л. 15 об.

Правительство, преследуя колонизационные цели, готово было способствовать переселенческому движению в эти окраинные районы страны. В то же время оно намерено было относиться «с крайней осторожностью» к «отводу участков» для переселенцев в пределах Европейской России (Самарская, Пермская, Вологодская губернии, а также Челябинский уезд Оренбургской губернии), «допуская устройство на них лишь безземельных или малоземельных крестьян», не имевших средств переселиться на окраины империи или приобрести земли через Крестьянский поземельный банк.

Для переселения в пределах Европейской России порядок, установленный законом 13 июля 1889 г., по существу сохранял свою силу. Вместе с тем правительство намерено было «противодействовать» неоправданному с его точки зрения переселению предоставлением через Крестьянский банк кредитов «стесненным в земельном отношении крестьянам» для приобретения участков «на родине или в ближайших губерниях». С этой целью в 1898 г. начальник Переселенческого управления был введен в состав Крестьянского банка и Соединенного присутствия советов Крестьянского и Дворянского банков.¹¹

Итак, правительственная политика в переселенческом деле не подверглась коренному изменению в 90-е гг. Принятые правительством меры для облегчения переселения на окраины империи не решали и не могли решить переселенческую проблему в целом. Она находилась в прямой зависимости от общекрестьянского законодательства. Свободное передвижение крестьян было по-прежнему сковано паспортным уставом, общинной системой землевладения и круговой порукой.

Начало паспортному законодательству в России было положено петровским указом 30 октября 1719 г. Паспорта или пропускные письма были введены с чисто полицейской целью — для борьбы с лицами, уклонявшимися от рекрутских наборов и службы в регулярной армии. В 1724 г. Петр I установил подушный сбор на содержание армейских и гарнизонных полков. В связи с этим были опубликованы особые правила, запрещавшие крестьянам без специального разрешения отлучаться от места жительства далее 30 верст. Паспорт получил значение документа, контролировавшего передвижение лиц податного состояния. С введением в 1763 г. паспортного сбора он стал и одним из важных источников государственных доходов.

Многочисленные изменения, внесенные в паспортное законодательство на протяжении XVIII и первой половины XIX вв., никак не затронули его основ. Общее паспортное законодательство в том виде, как оно сложилось во второй половине XIX столетия, распространялось не на все население империи и не на все группы населения. Особое законодательство существовало для Сибири, Кавказского и Закавказского краев, Финляндии, губерний Царства Польского, Прибалтийских губерний, для еврейского населения, калмыков, цыган.

О необходимости пересмотра паспортного законодательства как препятствовавшего «общественной и частной предприимчивости», в правящих кругах заговорили в связи с подготовкой крестьянской реформы.

¹¹ Там же, л. 17—18.

В апреле 1859 г. при Министерстве внутренних дел была образована особая паспортная комиссия. Однако она пришла к заключению о невозможности изменения паспортных правил при существовавших податной системе и рекрутской повинности.¹² После военной реформы 1874 г. и отмены подушной подати в 1883—1886 гг. вопрос о недостатках паспортного законодательства стал опять оживленно обсуждаться в правительственных кругах. Подготавливший и проводивший отмену подушной подати Бунге выступил решительным противником как круговой поруки, так и существовавшей паспортной системы, затруднявшей для крестьян отъезды в промыслы. Еще в самом начале 80-х гг. Бунге относил подушную подать и «привязание рабочей силы к земле» к числу «главных препятствий для накопления капиталов в руках сельского населения».¹³

В феврале 1886 г. при Министерстве финансов под председательством директора Общей канцелярии министра Г. М. Раевского была образована Подготовительная паспортная комиссия. Разработанный ею проект нового закона о паспортах в августе 1886 г. был передан в Общую паспортную комиссию под председательством товарища министра финансов П. Н. Николаева.¹⁴ Однако многолетнее законотворчество обеих комиссий оказалось безрезультатным. В связи с возникшими в комиссии Николаева разногласиями работа ее была прекращена в самом конце 80-х гг. В марте 1891 г. царь утвердил постановление Государственного совета, предлагавшее министру финансов совместно с министром внутренних дел «в возможно скорейшем времени» представить проект нового паспортного устава, а если это окажется невозможным, то «внести особо предложения о порядке выдачи и возобновления паспортов крестьянам».¹⁵

30 августа 1892 г. министром финансов стал С. Ю. Витте, взявший на себя совместно с министром внутренних дел И. Н. Дурново окончательную выработку проекта паспортного закона.

9 марта 1893 г. Витте и Дурново внесли в Государственный совет совместный проект паспортного закона, составленный по материалам обеих комиссий. Объявив существовавшую паспортную систему пережитком крепостничества, Витте и Дурново высказались за то, чтобы «распространить действие проектируемых паспортных правил на все сословия и классы», за исключением военных и духовенства. Министры утверждали, что с отменой подушной подати «само деление сословий на податное и неподатное утратило значение», а «последние реформы по финансовому ведомству» вообще имели целью «объединение всех классов населения в деле податном». По новому проекту и купцы наряду с гильдейскими свидетельствами, дававшими им определенные сословные права и преимущества, должны были также получить долгосрочный паспорт. В случае же перехода их в сословие крестьян или мещан в паспорте должна была быть сделана соответствующая отметка. В то же время Витте и Дурново поддерживали предложение Подготовительной комиссии

о выдаче «лицам привилегированных классов» долгосрочных паспортных книжек сроком на 10 лет, а «лицам прочих состояний» не более чем на 5 лет.¹⁶

Несмотря на «антикрепостнические» заявления министров их совместный проект отнюдь не носил радикального характера, что было, между прочим, подмечено в отзыве о нем министра юстиции Н. А. Манасеина. Оценивая предложения Витте и Дурново, Манасеин писал, что после замены «действующего устава о паспортах» «новыми правилами» «общие начала нашей паспортной системы едва ли подвергнутся коренному изменению: сохранится разделение сословий на свободные и несвободные в выборе занятий и места пребывания, а отлучки большинства трудящегося населения будут, по-прежнему, поставлены в условия, могущие подать повод к различного рода злоупотреблениям как со стороны обществ и надлежащих властей, так и со стороны тех, от которых лица, нуждающиеся в отлучке, зависят по семейному и имущественному положению». «... Пока будут сохранены в силе общие начала, на которых основывается действующая паспортная система, — рассуждал Манасеин, — те или другие частные улучшения в паспортном законодательстве, как бы они ни были значительны сами по себе, едва ли не останутся паллиативными мерами, неспособными оказать существенное влияние на улучшение экономического благосостояния населения».¹⁷

Витте и Дурново попытались представить свой проект как все-таки значительно облегчающий крестьянскому населению возможности свободного передвижения, но вместе с тем вынуждены были признать, что предусмотренная новыми правилами зависимость членов семьи при получении паспорта от домохозяина «является лишь логическим последствием, необходимым звеном в том ряде законодательных мер последнего времени, в которых — особенно в положении о земских участковых начальниках и в правилах о порядке разрешения семейных разделов — выразилась осознанная правительством необходимость в особом попечении относительно экономического и нравственного преуспевания крестьянской семьи».¹⁸ Это заявление свидетельствовало о том, что Витте и Дурново в полной мере отдавали себе отчет в том, что подготовленный проект находится в соответствии с общим направлением правительственной политики в крестьянском вопросе, предусматривавшим укрепление общинного землевладения.

С 19 февраля по 19 марта 1894 г. совместный проект министров обсуждался на нескольких заседаниях Соединенных департаментов Законов, Государственной экономики, Гражданских и духовных дел Государственного совета.¹⁹ В результате этого обсуждения предложения Витте и Дурново подверглись изменениям. Государственный совет был настроен

¹² Там же, л. 43—45.

¹³ Там же, л. 198 об.

¹⁴ Там же, л. 208.

¹⁵ Журнал Государственного совета, в Соединенных департаментах Законов, Государственной экономики, Гражданских и духовных дел 19 и 21 февраля, 5, 12 и 19 марта 1894 г.: О преобразованиях действующей паспортной системы. — ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, л. 70, л. 398—444. Мнение Государственного совета было утверждено царем 3 июня 1894 г. (ПСЗ, III, т. XIV, № 10709).

¹² См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 67 об.

¹³ Бунге Н. Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. — В кн.: Сборник государственных знаний. Киев. 1880, т. 8, с. 36—37.

¹⁴ См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 89—90.

¹⁵ Там же, л. 8 об.

действовать в духе еще более умеренных преобразований. Он не соби-
рался ни отменить податное значение паспорта, ни посягать на круговую
поруку и считал нужным лишь точно определить законом: в каких слу-
чаях общества имели право своим членам запрещать отлучку.

Новые паспортные правила вводились с 1 января 1895 г. во всей им-
перии, за исключением Царства Польского. Они не распространялись на
лиц, состоявших на действительной военной и морской службе, лиц вой-
скового сословия казачьих войск, жителей Финляндии, инородцев, лиц
римско-католического духовенства и ряд категорий неполноправного на-
селения.

Появление нового паспортного законодательства не изменило поло-
жения еврейского населения.

Иные, издававшиеся паспортные документы под общим наименова-
нием «видов на жительство», должны были служить «для всех состояний
удостоверением их личности», а для лиц, передвижение которых зави-
село от разрешения обществ и учреждений, еще и удостоверением «права
на отлучку».²⁰

В основе паспортной реформы лежало разделение населения империи
на две части: привилегированную и податную. Дворяне, чиновники, по-
четные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе
постоянного места жительства. В ином положении находились мещане,
ремесленники и крестьяне, приписанные к своим обществам.

Любое лицо в месте своего постоянного жительства не обязано было
иметь паспорт, если только речь не шла о городах и районах, находив-
шихся на особом положении.

Для дворян, чиновников, духовенства, почетных граждан, купцов и
разночинцев вводились не десятилетние, как предлагали министры фи-
нансов и внутренних дел, а бессрочные паспортные книжки.²¹

Для мещан, ремесленников и «сельских обывателей» видами на жи-
тельство могли служить паспортные книжки, паспорта и бесплатные
билеты на отлучку. Податной части населения паспортные книжки вы-
давались на пять лет, паспорта — на один год, полгода и три месяца,
бесплатные билеты на отлучку, как правило, на срок до одного года.
При получении бессрочной паспортной книжки ее владелец платил
50 копеек, срочной — 25, кроме того, взимался годовой сбор в размере
рубля. Годовые паспорта стоили рубля, полугодовые 50 и трехмесячные
15 копеек.²²

Основные нововведения, которые должны были по мнению Государ-
ственного совета облегчить свободу передвижения мещан, крестьян и
ремесленников, сводились к следующему. По старому законодательству
существовали полугодовые, годовые, двухгодовые и трехгодовые паспорта.
Теперь пятилетняя паспортная книжка давала возможность ее владельцу
в течение более длительного срока находиться вне места своего постоян-
ного жительства, не занимаясь хлопотами о возобновлении документа.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 406 и об.

²¹ На представителей привилегированных сословий паспорта на срок выдавались
лишь членам семей (женам, несовершеннолетним детям), передвижение которых
зависело от главы семейства.

²² ПСЗ, III, т. XIV, № 10709.

По новому законодательству паспортные книжки выдавались и тем ме-
щанам, крестьянам и ремесленникам, за которыми числились недоимки
по общественным сборам, но только с согласия общества.²³ При выдаче
паспортных книжек в них отмечался размер годовых сборов, причитава-
вшихся по последней раскладке с лица, получившего документ. Владелец
паспортной книжки обязан был не позднее 31 декабря уплатить указан-
ную в книжке сумму годового сбора. В противном случае полиция имела
право отобрать паспортную книжку.

По приговорам местных обществ, утвержденным вышестоящей адми-
нистрацией, паспортные книжки, выданные крестьянам, мещанам или
ремесленникам, могли быть отобраны «а) в случае оставления без при-
зрения членов семьи или воспитателей, нуждающихся в средствах
к жизни и не могущих сыскать себе пропитание личным трудом; б) по
требованию домохозяина, ко двору которого отлучившийся крестьянин
принадлежит, и в) в случае избрания крестьян на одну из (обществен-
ных, например, волостного старшины или сельского старосты, — В. А.)
должностей», предусмотренных ст. 112 Общего положения о крестья-
нах.²⁴ Государственный совет не мог не признать, что строгое, таким
образом, определение новым законом прав общества в отношении отдель-
ных его членов «не вполне» соответствовало главной цели законодатель-
ства «предоставить населению возможно большие облегчения при отлуч-
ках по паспортным видам». В то же время Государственный совет рас-
сматривал это определение как необходимое восполнение «существенного
пробела» в законодательстве.²⁵

В поступившем на обсуждение в Государственный совет проекте
предусматривалось разрешать передвижение крестьян без паспорта
в уезде или за его пределами, но не далее пятидесяти верст от места
жительства и на срок не более 14 дней. Государственный совет принял

²³ В журнале Государственного совета специально оговаривалось, что имеются
в виду недоимки только по тем сборам, «за уплату которых общество отвечает
вручковой порукой», т. е. в сельских обществах это отбывание казенных, земских и
мировых повинностей, а в мещанских и ремесленных обществах — общественные
сборы, идущие на удовлетворение частных лиц. Недоимки по земским и государ-
ственным повинностям для мещан не могли, таким образом, служить «препят-
ствием к получению паспортных книжек без согласия общества» (ЦГИА СССР,
ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 421). Соответственно был сформулирован и закон (ПСЗ,
III, т. XIV, № 10709).

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 421. В окончательной редакции закона
последний пункт был несколько смягчен и было сказано, что «избрание в обще-
ственные должности сельских обывателей, отлучившихся по паспортным книжкам,
допускается без их согласия, не ранее, как по истечении одного года со времени
выдачи им паспортных книжек и при том только в случае невозможности заместить
означенные должности другими лицами» (ПСЗ, III, № 10709). Для отобрания пас-
портных книжек требовался приговор соответствующего общества, подлежащий
утверждению должностных лиц. Если речь шла о мещанах и ремесленниках, то это
делалось в губернских правлениях и градоначальствах. Решение сельских обществ
мог утвердить земский начальник, мировой посредник, непререкаемый член уездного
по крестьянским делам присутствия, чиновник или комиссар по крестьянским де-
лам. Если эти должностные лица не соглашались с решением общества, то приговор
должен был быть передан на окончательное рассмотрение в уездный съезд, съезд
мировых посредников или уездное по крестьянским делам присутствие.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 542, д. 70, л. 409 об.

решение «расширить срок льготных отлучек до 6 месяцев».²⁶ Отлучки «без вида» и без ограничения срока отныне разрешались при найме на сельскохозяйственные работы в своем уезде и в смежных с ним волостях. Витте и Дурново выступили в Государственном совете против распространения этой льготы на лиц, принимавшихся на фабрики и заводы. По действовавшему законодательству заводские и фабричные управления обязаны были требовать предъявления паспортов только от рабочих, живших на расстоянии более 30 верст от предпрятий. Это правило, по заявлению министров, не всегда точно выполнявшееся, стало «недостаточным для потребностей полицейского надзора за фабричными и заводскими рабочими». Витте и Дурново настаивали на том, чтобы все, поступающие на фабрики и заводы как «в пределах льготного и паспортного отношения района, так и в месте постоянного жительства», непременно имели паспорта.²⁷ Разумеется, эта мера была принята Государственным советом, который считал, однако, достаточным «ограничиться применением ее собственно к местам, отличающимся значительным развитием фабрично-заводской промышленности».²⁸

В истории подготовки и выработки новых паспортных правил в полной мере отразился кризис правительственной политики 80—90-х гг.

Правительство Александра III взяло курс на укрепление общины, и круговая порука оказалась в самом фокусе полемики, развернувшейся вокруг проекта паспортной реформы. Новые паспортные правила, вводившиеся ради предоставления крестьянству возможности более свободного передвижения, должны были, казалось, подорвать принцип круговой поруки, однако на деле устав 1894 г. закрепил и права общества по отношению к недоимщикам и права домохозяина по отношению к членам семьи.²⁹ Передвижение крестьян было несколько облегчено. Недоимщик мог получить паспорт на срок до одного года и независимо от согласия общества, лица, уплатившие необходимые сборы, имели возможность для более свободного передвижения, чем прежде. Однако паспорт сохранил и фискальное и податное значение. Паспорт утратил фискальное значение с введением закона 7 апреля 1897 г. об отмене сборов, взимаемых в виду с видов на жительство. Готовившаяся в течение столь длительного периода реформа не решила основной, стоявшей перед ней задачи, не обеспечила условий для свободного передвижения крестьянского населения.

Обсуждение нового паспортного законодательства лишь вынесло на поверхность противоречие во взглядах представителей правящих кругов России на общину вообще и на круговую поруку в частности. Поэтому

²⁶ Там же, л. 411.

²⁷ Там же, л. 411 об.—412.

²⁸ Там же. В окончательной редакции закона было сказано: «На фабриках, заводах и мануфактурах, на которые распространяется действие правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности (уст. пром. ст. 47), рабочие, по требованию фабричной инспекции или местной полиции, обязаны иметь виды на жительство, хотя бы эти фабрики, заводы и мануфактуры и находились в месте постоянного жительства означенных рабочих» (ПСЗ, III, т. XIV, № 10709).

²⁹ См.: Симонова М. С. Отмена круговой поруки. — Исторические записки, 1969, т. 83, с. 177—178.

давно назревший вопрос о ее отмене продолжал оставаться объектом полемики и после выработки нового паспортного устава.

Точка зрения Министерства внутренних дел строго соответствовала официальной правительственной политике укрепления общины. Это нашло свое отражение в заявлении товарища министра внутренних дел В. К. Плеве, сделанном им в качестве председателя Особой комиссии по продовольствию, образованной в феврале 1893 г. Плеве назвал круговую поруку «надежнейшим средством изыскания всех недоимок». По-видимому, эту точку зрения разделял и сам министр Дурново, считавший возможным отмену круговой поруки только «по сборам и недоимкам ссуд в губернские и имперский продовольственные капиталы».³⁰

В конце 80-х—начале 90-х гг. правительство провело ряд законодательных мер, направленных на укрепление общины. Так, в 1886 г. был принят закон, ограничивавший право семейных разделов у крестьян-общинников, в 1889 г. введен институт земских начальников, усиливший контроль дворянства над органами крестьянского местного самоуправления. В 80-е гг. в правительственных кругах раздавались голоса за отмену 165 статьи положения 19 февраля 1861 г., допускавшей выход крестьян из общины или с согласия «мира» или при досрочном погашении выкупного долга.

В результате длившихся почти десять лет по этому поводу споров было принято два закона, укреплявших общинную систему землевладения. Первый — 8 июля 1893 г. — об ограничении права земельных разделов. Он устанавливал наименьший срок для разделов в 12 лет и неприменный контроль над переделами земских начальников. Вторым — 14 декабря 1893 г. о запрещении выхода из общины без согласия «мира» даже при досрочном погашении выкупного долга, а также о запрещении продажи, передачи в дар или залога земельных наделов.³¹

При подготовке этих законопроектов окончательно выявились противоречия в правящих кругах России по отношению к общине. Сторонники сохранения и консервации общинных отношений видели в этом средство спасти русское крестьянство от пролетаризации, а Россию от социальной революции.

Эта точка зрения была прежде всего обоснована в сочинениях Победоносцева, который оправдывал необходимость существования общины преобладанием «первобытной» формы «земледельческого хозяйства в России», нищетой и отсталостью крестьянского населения, заинтересованного, прежде всего, в том, чтобы «добыть хлеб насущный». «В таком состоянии, — утверждал Победоносцев, — только общинное хозяйство может обеспечить крестьянина от нищеты и бездомности, или в самой нищете, составляющей обыкновенное у нас явление — отдалить опасность голодной смерти». «... Не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения, а надлежит напротив до времени оберегать его. Время его придет само собой, с естественным развитием производительных сил и с изменением хозяйственных усло-

³⁰ Там же, с. 178.

³¹ Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918, с. 228—229.

ний»³² Противники общины считали процесс ее разложения неизбежным и видели путь к спасению от пролетаризации крестьянства в создании устойчивых мелких индивидуальных хозяйств.

Противоположные точки зрения на общину были высказаны еще в начале 1893 г. при обсуждении в Государственном совете проекта закона об ограничении 12-летним сроком земельных переделов. В отзыхах на законопроект выступили против общинного землевладения председатель Комитета министров Н. Х. Бунге и министр императорского двора и уделов И. И. Воронцов-Дашков.

Бунге доказывал, что интересам охранительной политики отвечает не укрепление общины, а «создание сословия крестьян-собственников», менее склонных к социализму. В подтверждение этого он ссылаясь на авторитеты западноевропейских экономистов и на пример Франции, где «земледелец наиболее чужд социализму вообще и революционному в особенности».³³

Бунге ставил под сомнение и хозяйственное значение общины. «Такие факты, — писал он, — как бывший голод (последствия которого еще не изгладились), как необходимость в тех или других губерниях ежегодно кормить народ на счет государства, как обвинение масс и стремление к переселению, заставляют признать, что переход от общинного землевладения к подворному становится более и более постоянным». Бунге критиковал утверждение министра внутренних дел о том, что общинное владение «как землевладение общественное» имеет все преимущества крупной помещичьей собственности перед мелкой особенно с точки зрения большей устойчивости в области менового и кредитного оборота».³⁴

Воронцов-Дашков утверждал, что с отменой крепостного права патриархальность общинного строя оказалась подорванной, а крестьяне, избавившись от «крепостной зависимости казны, удела, помещика», обрели еще худший вид «крепостной зависимости общины». Воронцов-Дашков развивал мысль о том, что общинное землевладение сложилось не как разумный хозяйственный организм, а потому, что крестьян для удобства солили обществами, что общине сопутствует оскудение земли, переделы, чересполосица, уничтожение лесов. Он доказывал, что с каждым годом в деревне растет процент безлошадных крестьян-пролетариев. «Пролетариат при этих условиях неизмеримо хуже западноевропейского, — писал Воронцов-Дашков, — там пролетарий, по крайней мере свободен, а у нас он связан с бездоходным, но дорогостоящим наделом, часто только с именем надела».³⁵

Воронцов-Дашков призывал к упразднению общины и круговой поруки, введению подворного землевладения с установлением земельного минимума для «поделимых, непродаваемых, незакладываемых» участков

и организации переселения крестьян на новые земли. С этих позиций он высказался и за 12-летний запрет переделов.³⁶

Взгляды на общину Воронцова-Дашкова и Бунге встретили на этот раз возражения не столько со стороны Министерства внутренних дел, традиционно отстаивавшего общину, сколько со стороны министра финансов Витте, представившего пространную записку в защиту общинного землевладения, обильно нашпигованную разного рода данными и ссылками на авторитеты. В записке приводились высказывания ученых и политических деятелей от Бисмарка, заявлявшего, что «вся сила России в общинном землевладении», до К. Д. Кавелина, видевшего в общине «страховое учреждение от безземелья и бездомности».

Сам Витте называл общину «плотом» против социализма, а русское крестьянство «консервативной силой» и «главной опорой порядка».³⁷

Если Бунге приводил французскую систему земледелия как пример достойный подражания, то Витте доказывал, что опыт французской истории должен служить серьезным предостережением для России. «Во время первой французской революции, — писал Витте, — была провозглашена и осуществлена мысль — осчастливить народ единственной панацеей, мелкой участковой собственностью. Для осуществления этой идеи было пролито много крови и учинено много горя и несчастия, но прошло столетие и перед западно-европейскими государствами новое грозное явление — пролетариат, обезземеление и обездоленность народных масс. Кровь была пролита напрасно, и этот кровавый урок истории не должен быть забываем. Следование в области земельной политики началам „экономической свободы“ породит в России „свободу нищенства“».³⁸ Витте выступал против выхода крестьян из общины без согласия мира и путем досрочного выкупа. В связи с подготовкой закона 14 декабря 1893 г. Витте писал, что «сельская община представляет собой наиболее яркое, живое и типичное выражение массовых способностей, массового творчества в среде внутренних, бытовых отношений крестьянского мира». «Такое учреждение русской крестьянской жизни, — урезонивал Витте противников общинного землевладения, — заслуживает самого осторожного к нему отношения, здесь есть нечто бытовое, стихийное и никакими искусственными построениями и теориями нельзя опровергнуть того, что с полной очевидностью явствует из каждой страницы русской истории, что наконец всенародно чувствуется».³⁹

Таким образом, заявляя себя сторонником отмены круговой поруки и проведения паспортной реформы: мер, подтачивавших систему общинного землевладения, Витте в то же время оставался на позициях самого правоверного защитника общины и активно участвовал в проведении законодательных актов, способствовавших ее укреплению. Чем объяснить эту двойственность в поведении Витте? Быть может, какие-то определенные соображения момента побудили его с таким пафосом отстаивать об-

³² Победоносцев К. И. Курс гражданского права. СПб., 1896, ч. 1, с. 556—557.

³³ Чернышев И. В. Указ. соч., с. 238, 248.

³⁴ Мнение члена Государственного совета Н. Х. Бунге по проекту правил о земельных переделах 14 апр. 1893 г. — ЦГИА СССР, ф. 1449, оп. XI, 1889, д. 47, л. 68.

³⁵ Записки министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражение на нее министра внутренних дел И. И. Дурново/Над. М. И. Элиидина, Женева, 1894, с. 7.

³⁶ Там же, с. 13, 17.

³⁷ Чернышев И. В. Указ. соч., с. 237, 253, 256.

³⁸ Там же, с. 257.

³⁹ Соображения министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 43, д. 4, л. 23.

щину? Или в своих взглядах на общину Витте все еще отдавал дань постепенно улетучивавшейся из его сознания идеологии Каткова — Победоносцева? Во всяком случае, как подметил И. В. Чернышев, признаки отказа Витте от этих взглядов на общину можно видеть только в его объяснительной записке к росписи доходов и расходов на 1897 г. В ней Витте выделил «особую группу зажиточных крестьян» как силу, способную преодолеть «неблагоприятные условия сельской жизни» и подчеркивал неизбежность того, что она будет идти по пути капиталистического развития.⁴⁰

Перелом во взглядах Витте на общину не был связан с его отношением к круговой поруке. За отмену ее Витте высказался сразу же после вступления на пост министра финансов.⁴¹ В 1893 г. для этой цели было образовано Особое совещание под председательством А. А. Рихтера, занимавшееся обработкой материалов об общине и круговой поруке, присланных податными инспекторами 50 губерний.

В конце 1896 г. министерства финансов и внутренних дел начали готовить совместный законопроект об отмене круговой поруки. Это отнюдь не означало единомыслие в двух важнейших министерствах империи по вопросам аграрной политики. В эти же годы она становится объектом постоянной полемики между Плеве (независимо от занимавшихся им постов) и Витте. В 1897 г. они главные оппоненты в Особом совещании о нуждах дворянского сословия.⁴² В 1898 г. Плеве при поддержке Победоносцева и Дурново сорвал в Комитете министров предпринятую Витте попытку «пересмотра аграрного курса правительства».⁴³

Подготовка проекта об отмене круговой поруки была завершена только к весне 1899 г. Полярные взгляды на круговую поруку в министерствах финансов и внутренних дел сказались на характере подготовленной реформы. Они нашли свое отражение и в законе 23 июня 1899 г. о порядке взыскания окладных сборов, когда была признана возможной лишь частичная отмена круговой поруки для крестьян в мелких поселениях с числом ревизских душ до 60, а также для подворных владельцев. До этого податной надзор в деревне осуществлялся в основном земскими начальниками или уездными по крестьянским делам управлениями. Теперь по настоянию Витте были созданы уездные податные управления и усилено влияние податной инспекции. Однако за земскими начальниками оставалось право контроля над своевременным взысканием окладных сборов.⁴⁴ Вместе с тем закон 23 июня 1899 г. предопределил судьбу круговой поруки: в Министерстве финансов начали готовить проект окончательной ее отмены. Работа над ним была завершена к концу 1901 г., и он был представлен за подписями С. Ю. Витте и директора Департамента окладных сборов Н. Н. Кутлера. Витте назвал круговую поруку «безжизненным» институтом, мешавшим развитию «личной инициативы

и предприимчивости», стремлению «наиболее развитых и энергичных крестьян улучшить свое положение».⁴⁵

17 ноября 1901 г. Витте отправил проект на заключение в Министерство внутренних дел и Министерство земледелия и государственных имуществ. Со стороны А. С. Ермолова проект встретил безоговорочную поддержку. Министр земледелия и государственных имуществ также рассматривал круговую ответственность крестьян как «наиболее серьезный тормоз на пути их экономического процветания и развития» и как «фискальный институт», не связанный органически с общиной, — «хозяйственным союзом сельских обывателей».⁴⁶

В Министерстве внутренних дел проект был встречен совсем иначе. Д. С. Сипягин поддержал предложение Министерства финансов сложить все отсроченные до конца выкупной операции недоимки выкупного долга. Сложение недоимок министр внутренних дел называл «актом справедливости, который должен иметь применение независимо от того или иного разрешения вопроса о круговой поруке».⁴⁷ А в этом вопросе Сипягин безоговорочно выступил против предложения Витте и процитировал, между прочим, в оправдание своей позиции записку Министерства финансов от 22 декабря 1898 г. о деятельности сельских сходов, в которой утверждалось, что отмена круговой поруки может помешать развитию «взаимопомощи среди крестьян».⁴⁸ Мысль о необходимости сохранения круговой поруки получила развитие и во втором отзыве Сипягина на проект Витте и Кутлера, написанном 22 марта 1902 г., и в специальной справке, составленной по этому вопросу в Земском отделе Министерства внутренних дел.⁴⁹ В отзыве от 22 марта 1902 г. Сипягин, в частности, обвинил Витте даже и в попытке принизить роль земства передачей в руки финансовых органов — податных инспекторов и управляющих казенными палатами, принадлежавшего земским собраниям права сложения и отсрочки земских недоимок.⁵⁰

Проект Министерства финансов встретил такое противодействие в Министерстве внутренних дел потому, что Сипягин увидел в нем посягательство на общину, а значит и на один из устоев государственного порядка. И Витте пришлось столкнуться с потоком аргументов, которыми он в недавнем прошлом с успехом пользовался сам, отстаивая общинный принцип землевладения. Разрушение общинного строя должно привести и обезземеливанию, расслоению крестьянства и появлению, как писал один из «столий консерватизма» государственный контролер Лобко,⁵¹ «грозного сельского пролетариата».⁵²

⁴⁰ Там же, с. 185.

⁴¹ А. С. Ермолов — С. Ю. Витте 19 янв. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XIII, д. 187, л. 102.

⁴² Д. С. Сипягин — С. Ю. Витте 22 февр. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XIII, д. 187, л. 107.

⁴³ Там же, л. 110.

⁴⁴ Симонова М. С. Отмена круговой поруки, с. 185—186.

⁴⁵ Д. С. Сипягин — С. Ю. Витте 22 февр. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XIII, д. 187, л. 129.

⁴⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 184. См. также: Отзыв Лобко на проект Витте 6 марта 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XIII, д. 187.

⁴⁷ Симонова М. С. Отмена круговой поруки, с. 186—187. К 1902 г. Витте достаточно ясно уже отдавал себе отчет в том, что общинная система землевладения не

⁴⁰ Чернышев И. В. Указ. соч., с. 259.

⁴¹ Симонова М. С. Отмена круговой поруки, с. 170.

⁴² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, с. 205 и др.

⁴³ Симонова М. С. Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Мюнхен, 1964, с. 479.

⁴⁴ Симонова М. С. Отмена круговой поруки, с. 182—184.

Несмотря на остроту конфликта между Витте и Сипягиным из-за отношения к общине, конфликт этот все-таки носил скорее академический характер. В начале того же 1902 г. «при содействии» министра внутренних дел и «по его инициативе» Витте «удалось снова поднять вопрос об образовании крестьянской комиссии». И пока шли дебаты о судьбах круговой поруки, Витте 22 января 1902 г. возглавил «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», взяв, казалось бы, на этот раз к себе в Министерство финансов общую разработку крестьянского вопроса. В январе же были учреждены губернские и уездные сельскохозяйственные комитеты. Но прошло два с небольшим месяца и на пути Витте, как это уже бывало не раз, встала фигура его давнего противника — Плеве. «Когда сельскохозяйственное совещание, — писал десять лет спустя в своих воспоминаниях Витте, — вооруженное всеми материалами, приступило к суждениям и решениям по существу, то уже честный Сипягин был убит, и его место занял карьерист полицейский Плеве».⁵⁶ Выстрел эсера С. В. Балмашова 2 апреля в Марининском дворце, оборвавший деятельность «честного» Сипягина, предопределил и судьбу только что родившегося «Особого совещания» во главе с Витте, хотя оно и влачило свое существование вплоть до 30 марта 1905 г. Заняв 4 апреля 1902 г. долгожданный пост, Плеве всерьез и вплотную занялся крестьянским вопросом, сразу же показав, что он не собирается выпускать его из своих рук. Полемика между министерствами финансов и внутренних дел о политике в деревне вступила в новую стадию, и подорвавшись послушная здесь, конечно, на выстрел Балмашова, а крестьянское восстание в Полтавской и Харьковской губерниях в марте, первых числах апреля 1902 г. Несмотря на то что движение носило «чаристский» характер и среди крестьян «ходили... слухи, что государь издал указ, согласно которому они имеют право силой отбирать у помещиков хлеб, землю и имущество», оно поражаало своей массовостью. Число участвовавших в разгромах экономий и помещичьих усадеб достигало 5 тыс.⁵⁷ После жестокого подавления восстания суду было предано более тысячи крестьян.⁵⁸ Разумеется, что только под углом зрения этих событий, оказавших большое влияние на подъем крестьянского движения в 1903 и 1904 гг., и можно рассматривать окончательное решение вопроса о круговой поруке и политический курс Плеве.

министр остановить процесс пролетаризации крестьянства. «Не существует такой формы землевладения, — отвечал он на замечания государственного контролера, — которая могла бы обеспечить навсегда крестьянскому населению удовлетворение его потребностей в земле, и... сельский пролетариат, появление которого генерал от инфантерии Лобко ожидает только по отмене круговой ответственности, и действительность развивается и ныне при существовании этого института, одинаково как при подворном, так и при общинном землевладении» (С. Ю. Витте — государственному секретарю 14 марта 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XIII, д. 187, л. 124).

⁵⁶ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 2, с. 531—533.

⁵⁷ Киселев Л. И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. — Исторические записки, 1951, т. 38, с. 168—169.

⁵⁸ Там же, с. 172. В подавлении восстания участвовало более 10 тыс. солдат и офицеров (см.: Деренковский Г. М. Ленинская «Искра» и крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. — В кн.: Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1954, вып. 2).

Официальное назначение Плеве состоялось 4 апреля 1902 г., а 10-го, оставив управление министерством на П. Дурново, выехал в Полтаву и Харьков. Там Плеве «весьма поощрил» действия губернатора князя И. М. Оболенского за то, что тот «произвел всем крестьянам усиленную порку, причем лично ездил по деревням и в своем присутствии драл крестьян». По ироничному замечанию Витте «за такую свою храбрость» Оболенский «затем был назначен генерал-губернатором Финляндии и был сделан генерал-адъютантом». Пока же 28 апреля харьковский губернатор был награжден орденом Св. Владимира, а его полтавский коллега, не проявивший должного служебного рвения при подавлении крестьянских выступлений, смещен со своего поста.⁵⁹

20 апреля Плеве вернулся в Петербург. Здесь шла подготовка намеченного на 25-е заседания Соединенных департаментов Государственного совета. Сказалось ли влияние крестьянских волнений на юге России или тому были другие причины, но во всяком случае не осталось следов активного противодействия со стороны Плеве в эти апрельские дни 1902 г. завершенню дела с отменой круговой поруки. На состоявшемся 25 апреля заседании Витте заявил, что намечавшаяся реформа не подрывает общинное землевладение. Это утверждение послужило основой для объединения противников и сторонников общины, подписавших журнал Государственного совета об отмене круговой поруки.⁶⁰ Одновременно Государственный совет обсуждал вопрос о новых способах взыскания платежей и ликвидации недоимок.⁶¹

Итак, проект Министерства финансов, предусматривавший ликвидацию круговой поруки, одержал победу. Может создаться впечатление, что Плеве оказался более уступчивым оппонентом Витте по сравнению с Сипягиным. Однако новый министр решительно взял курс на то, чтобы блокировать работу возглавлявшегося Витте Особого совещания по делам сельскохозяйственной промышленности. Едва ли правильно было бы утверждать, что с образованием 22 января 1902 г. этого Совещания Витте полностью перехватил у Министерства внутренних дел инициативу в разработке крестьянского вопроса. Просто Сипягин, как и его предшественник на посту министра внутренних дел, не проявлял живого интереса к пересмотру крестьянского законодательства.

Пока Горемыкин во второй половине 90-х гг. издавал подготовительные материалы к пересмотру крестьянского законодательства, весной 1898 г. крестьянский вопрос вновь всплыл в Комитете министров. 27 мая 1898 г. Николай II утвердил решение Комитета министров об образовании Особого совещания «для рассмотрения вопросов о развитии законодательства о сельском состоянии». Однако уже в конце 1898 г. в результате докладов И. Дурново царь распорядился оставить все дело «без движения... впредь до особого повеления»,⁶² а к началу 1902 г. пере-

⁵⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 2, с. 206.

⁶⁰ Симонова М. С. Отмена круговой поруки, с. 188—189. Закон об отмене круговой поруки вступил в силу 12 марта 1903 г. (ПСЗ, III, т. XVIII, № 22627).

⁶¹ Результатом этого явился манифест 11 августа 1904 г. о снятии недоимок не только с сельских обществ, но и с отдельных домохозяев (ПСЗ, III, т. XXIV, 1904, отд. 1, СПб., 1907, № 25014, с. 756—857).

⁶² Всепод. докл. И. Н. Дурново 20 февр. 1901 г. — ЦГАОР СССР, ф. 586, оп. 1, д. 135, л. 4—5 об.

смотр крестьянского законодательства опять перекочевал целиком в руки министра внутренних дел.⁶⁰ Но Сиягин не имел никакой определенной программы, бездействовал и к моменту назначения Плеве Министерство внутренних дел лишь успело вступить в переписку с Министерством финансов по поводу расходов на подготовку нового законодательства.

В отличие от Сиягина Плеве не медлил. В июне 1902 г. при Министерстве внутренних дел была создана редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах под председательством товарища министра внутренних дел А. С. Стишинского, на глазах превращавшаяся в «монопольный центр» разработки аграрной политики.⁶¹

Материалы для редакционной комиссии готовили сотрудники Земского отдела МВД, в частности, его глава В. И. Гурко. В отличие от Стишинского Гурко был известен как противник круговой поруки и вообще общинной системы землевладения.⁶² Тем не менее именно ему Плеве поручил разработку проекта нового крестьянского законодательства.

Обсуждение проекта затянулось до октября 1903 г. Тем временем пока готовился пересмотр крестьянского законодательства, Плеве пытался провести в жизнь меры экономического характера. Они, наряду с законодательными, должны были изменить положение в деревне. Плеве рассматривал Крестьянский поземельный банк и переселенческую политику «как самые сильные рычаги в руках государства» для разрешения аграрной проблемы.⁶³ Он делает попытки влиять на политику банка, находившегося в ведении Министерства финансов.

Еще в декабре 1902 г. Витте в связи с работой Особого совещания по делам сельскохозяйственной промышленности и, видимо, надеясь укрепить его положение, обратился к царю за разрешением образовать комиссию для обсуждения вопросов экономического положения сельского населения, имевших отношение к деятельности Крестьянского банка. В частности, речь должна была пойти об «упорядочении переселения и расселения крестьян». Николай II обусловил свое согласие на учреждение комиссии тем, что Витте будет «действовать в полном единомыслии с Плеве». Председателем комиссии был назначен товарищ министра финансов А. Д. Оболенский, в состав ее вошли представители трех министерств: финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ. Комиссия занялась рассмотрением возможных путей улучшения

крестьянского землевладения за счет расселения крупных сел, уничтожения чересполосицы, перехода крестьян к хуторскому хозяйству.

Первое заседание комиссии состоялось 23 января 1903 г., а всего пять дней спустя Плеве обратился к Витте со специальным письмом по поводу работы комиссии. Плеве назвал банк «могучим фактором в деле распределения земельных богатств между разными сословиями империи» и настаивал, чтобы комиссия обеспечила «согласование» его деятельности с «общими задачами государства в области аграрной политики». С точки зрения министра внутренних дел, комиссия прежде всего должна была ответить на вопрос: «Насколько допустимо впредь повсеместное приобретение крестьянами, при содействии банка, земель, принадлежащих другим сословиям, без нарушения правильного соотношения между частновладельческой и крестьянской земельной собственностью». Плеве жаловался, что сокращение дворянского землевладения и «контингента помещного сословия» отражается на составе крестьянских и земских учреждений и противоречит интересам правительственной политики на местах. Он считал, что с помощью Крестьянского банка правительство должно было способствовать расширению землевладения «истинно русских крестьян» в губерниях с перусским населением и слабо заселенных районах.

Кроме того, по мнению Плеве, необходимо было решить: «Должен ли Крестьянский банк содействовать приобретению земли сравнительно зажиточными крестьянами с целью образования в крестьянской среде мелких крестьянских хозяйств фермерского типа» и «повысить существовавшую предельную норму ссуд на покупку земли отдельными крестьянами». Плеве назвал веским соображением в пользу такого решения «желательность создания посредствующего звена» между помещичьим и крестьянским наделным землевладением.⁶⁷ Плеве считал возможным принятие и другого решения, а именно: содействовать малоземельным крестьянам в приобретении земельных владений в пределах, «которые обеспечили бы безбедное существование средней крестьянской семьи». В этом случае размеры ссуд должны были быть понижены и изменен способ содействия малоземельным крестьянам в приобретении земли. Плеве предлагал не требовать от них приплаты к выдаваемой ссуде до покупной стоимости приобретаемой земли. Но так как «по политическим соображениям увеличение земельных владений крестьян без всякого с их стороны материального участия» было нежелательно, то Плеве рекомендовал засчитывать в качестве такой доплаты стоимость состоявших в их пользовании наделов, с тем чтобы «такие наделы возможно было бы предоставлять остальным членам сельского общества». Таким способом, по мнению министра внутренних дел, можно было бы несколько смягчить земельную нужду в общинах, часть членов которых переселялась на новые, приобретенные с помощью банка земли.

⁶⁵ В. К. Плеве — С. Ю. Витте 28 янв. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 452, л. 26—28.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, л. 29—30.

⁶⁸ Там же, л. 30 и об.

⁶⁰ Д. С. Сиягин — И. Н. Дурново 17 февр. 1901 г.; И. Н. Дурново — Д. С. Сиягину 11 янв. 1902 г. — ЦГАОР СССР, ф. 586, оп. 1, д. 135, л. 1—3 об.

⁶¹ Симонова М. С. Кризис аграрной политики самодержавия..., с. 479.

⁶² См.: Гурко В. И. Устой народного хозяйства России. Аграрно-экономические отходы. СПб., 1902.

⁶³ Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905—1907 гг. — Исторические записки, 1965, т. 75, с. 216. Как отмечает М. С. Симонова, Витте в отличие от Плеве «еще в 90-х годах... отвергал значение экономических мероприятий для помощи крестьянскому хозяйству, рассматривая их при отсутствии общей правовой реформы исключительно как „паллиативы“».

⁶⁴ Вспомог. докл. С. Ю. Витте об учреждении Особой комиссии для предварительного обсуждения некоторых вопросов, имеющих отношение к деятельности Крестьянского поземельного банка и подлежащих рассмотрению в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 4 дек. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 592, оп. 44, л. 3, л. 29 и об.

Витте не считал нужным вступать в прямую полемику с министром внутренних дел,⁶⁹ и содержание письма Плеве стало предметом обсуждения комиссии А. Д. Оболенского. В ее работе отразились противоречия во взглядах на крестьянский вопрос между министерствами финансов и внутренних дел. Судя по журналу комиссии, ее участники были настроены против общинной формы землевладения и в пользу образования на приобретаемых крестьянами при содействии банка землях «подворно-участковых владений, приспособленных к ведению самостоятельного хуторского хозяйства».⁷⁰ Однако спор разгорелся о том, какую категорию крестьян должен поддерживать банк. Семь членов комиссии, в том числе представители Министерства внутренних дел А. П. Струков, Н. Л. Мордвинов, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин, высказались за поддержку банком малоземельных крестьян. «Хотя наличность хозяйств фермерского типа, — заявляли они, — и является желательною в экономическом отношении, но содействие к образованию их в ущерб земельному обеспечению наиболее нуждающейся массы крестьян не может входить в задачи государства». Вопреки этой позиции Оболенский и десять членов комиссии, включая таких влиятельных представителей Министерства финансов как И. П. Шипов и Н. Н. Кутлер, настаивали на том, чтобы предельный размер земли, приобретаемой при содействии банка, определялся, как и прежде, в зависимости от возможностей покупателя и членов его семьи обработать эту землю своими силами.⁷¹

Плеве, видимо, был недоволен ходом работы комиссии Оболенского. Министр внутренних дел настаивал на пересмотре устава банка и разработке нового переселенческого закона. Он представил в комиссию специальную записку с требованием решительно изменить политику Крестьянского банка.⁷² Плеве возлагал на банк ответственность за рост цен на землю, «обезземеливание дворянского сословия в некоторых местностях», выдачу ссуд «только крестьянам, обладающим известным достатком и, следовательно, наименее нуждающимся в помощи». Он требовал, чтобы банк боролся с земельной спекуляцией и ростом цен, оказывая поддержку в первую очередь не столько преуспевающим крестьянам, скупилившим дворянские земли, сколько бедным крестьянам-переселенцам. Плеве заявил, что правительству должно быть безразлично, в чьи руки при его содействии переходит ежегодно 800 тыс. десятин земли. Министр внутренних дел хотел, чтобы банк действовал не просто как кредитное учреждение, а по заранее определенному плану. Не выдавал бы просто ссуды крестьянам под приобретенные у частных владельцев земли, а покупал бы имения «за счет собственного капитала», а затем регулировал бы процесс мобилизации земли, определив заранее «те губернии и

уезды, в которых сельское население, действительно, нуждается в увеличении своего землепользования, а с другой, — те местности, где дальнейший переход частновладельческой земли в руки крестьян, по соображениям политическим или сельскохозяйственным, представляется нежелательным». Плеве считал, что банк должен препятствовать созданию «крупных крестьянских хозяйств, приближающихся к фермерскому типу». По мнению министра, следовало ограничить размер наибольшего количества земли, которое разрешалось приобретать крестьянам, чтобы воспрепятствовать сосредоточению в одних руках участков свыше 150 десятин. Переселенческая политика должна была, по замыслу Плеве, не только решить проблему малоземелья, но и способствовать освоению окраин. Плеве попытался прибрать к рукам и сам банк. Он предложил, чтобы программа деятельности банка ежегодно утверждалась по соглашению между министерствами финансов и внутренних дел, представитель Министерства внутренних дел в совете банка получил право задерживать осуществление тех или иных решений до рассмотрения их министрами, чтобы Министерство внутренних дел контролировало выдачу специальных кредитов домохозяевам.

Написк министра внутренних дел не остался бесследным. Уже после того как был составлен и подписан журнал комиссии состоялись еще два ее заседания: 22 и 26 апреля 1903 г. Их итоги свидетельствовали, что Министерство внутренних дел значительно усилило контроль над Крестьянским банком. Представители Министерства внутренних дел требовали в целях «охранения частного землевладения», «при этом особенному охранению» подлежали «мелкие и средние дворянские землевладельцы», прекратить покупки крестьянами при помощи банка помещичьих имений почти в 30 губерниях империи.⁷³ Однако министерства внутренних дел и финансов так и не выработали общую программу деятельности для Крестьянского поземельного банка. К концу 1903 г. ее обсуждение было перенесено в образованный по указу 11 июля 1903 г. Особый комитет по делам земельного кредита под председательством Д. М. Сольского,⁷⁴ а также в Комиссию по вопросам, касающимся деятельности Государственного дворянского и Крестьянского поземельного банков, работавшую на протяжении всего 1904 г. под председательством того же А. Д. Оболенского.⁷⁵

Плеве в гораздо большей степени преуспел в разработке нового переселенческого закона. Материалы для пересмотра законодательства о переселении готовились в Министерстве внутренних дел и в подготовительной комиссии Комитета Сибирской железной дороги с начала 1903 г. Комиссия пришла к заключению, что следует выяснить размеры земельного

⁶⁹ См.: С. Ю. Витте — В.-К. Плеве 29 янв. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, л. 452, л. 25.

⁷⁰ Журнал учрежденной с высочайшего соизволения Особой комиссии для рассмотрения вопросов, относящихся к деятельности Крестьянского поземельного банка и подпадающих обсуждению в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 23 янв., 10 и 24 февр., 6, 14, 27, и 28 марта 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 592, оп. 44, л. 422, л. 67 об.

⁷¹ Там же, л. 79—81.

⁷² Здесь и далее см.: Записка В. К. Плеве о реформе Крестьянского банка. — Освобождение, 1903, № 20/21, 18 апр., с. 349—352.

⁷³ Заключительные пункты по заседаниям комиссии 22 и 26 апр. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 592, оп. 44, л. 422, л. 62—63.

⁷⁴ До конца 1904 г. комитет не принял никаких существенных решений и лишь поручил Государственной канцелярии подготовку статистических и иных материалов о состоянии земельного кредита в России (см.: Журнал высочайше учрежденного Особого комитета по делам земельного кредита, 1904, № 2. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, л. 452, л. 1—4).

⁷⁵ К началу 1905 г. комиссия подготовила несколько записок о финансовом положении и задачах в области земельной политики Крестьянского и Дворянского банков (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, л. 452, л. 247).

колонизационного запаса в Европейской России, создать льготный порядок для переселяющихся как в Сибирь, так и в Европейские губернии, отменить статью 13 закона 1889 г. о безвозмездной уступке обществу надельных земель переселяющимся крестьян и вообще внести изменения в законодательство о переселении. 25 июня 1903 г. Плеве доложил результаты работы комиссии Комитету Сибирской железной дороги и было принято решение об образовании Особого совещания по переселенческому делу из министров финансов, внутренних дел и земледелия и государственных имуществ под председательством государственного секретаря А. Н. Куламанна.⁷⁶

Совещание занялось рассмотрением представленных Министерством внутренних дел и Комитетом Сибирской железной дороги проектов нового переселенческого законодательства, положения о местных переселенческих управлениях и правил об отводе переселенцам казенных земель. Выступая в совещании, Плеве отметил, что переселенческая политика преследует не только колонизационные цели. «Усилившиеся признаки упадка народного благосостояния во внутренних губерниях Европейской России, — заявил министр, — выдвигают... на первый план необходимость пользоваться переселением как одним из средств для борьбы с малоземельем и отдельными наиболее страдающими от земельной тесноты сельскими обществами». Вместо «осужденной опытом переселенческого дела» системы «запретительных мер и искусственных стеснений» Плеве предлагал установить порядок свободного переселения, но при условии, чтобы правительственная помощь оказывалась переселенцам только в тех случаях, когда переселение с точки зрения правительства было «желательным и интересам землеустроительного дела во внутренних губерниях или же колонизации окраин».⁷⁷

Эти принципы и легли в основу утвержденного царем по представлению Государственного совета 6 июня 1904 г. нового переселенческого закона.⁷⁸

Между тем в октябре 1903 г. закончила работу редакционная комиссия Министерства внутренних дел, опубликовавшая в пяти томах итоги своего реформаторского творчества.⁷⁹ В разработанном ею проекте аграрная политика Плеве нашла свое окончательное обоснование.

В основу проекта были положены принципы сословной обособленности крестьянства, неотчуждаемости наделных земель и сохранения существовавших форм крестьянского землевладения.⁸⁰ Он представлял собой попытку привести в соответствие выработанное после реформы 1861 г. законодательство с социальной эволюцией деревни.

⁷⁶ Журнал Особого совещания по переселенческому делу 30 янв. 1904 г. — ЦГАИ СССР, ф. 565, оп. 13, д. 1570, л. 144—158.

⁷⁷ Там же, л. 146 и об. См. также: Записка В. К. Плеве. Современное положение переселенческого дела в России. Декабрь 1903 г. — ЦГАОР СССР, ф. 586, оп. 1, ф. 404, л. 1—46.

⁷⁸ Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев 6 июня 1904 г. — ПСЗ, III, т. XXXIV, № 24701.

⁷⁹ МВД. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб., 1903—1904 гг., т. I—V.

⁸⁰ Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе..., с. 217—219.

Редакционная комиссия не только признала закономерным характер происшедшего в деревне процесса расслоения крестьянства, но и осудила традиционно существовавший в правительственных сферах взгляд на зажиточное крестьянство как на «худший и наиболее вредный элемент населения», заклейменный «названием кулаков, мироедов». Теперь зажиточное крестьянство, как «непосредственно заинтересованное в охране принципа собственности», было признано «надежнейшим оплотом существующего порядка». Это отнюдь не означало, что Министерство внутренних дел намерено было в деревне сделать всю ставку на зажиточного мужика, ибо в проекте комиссии защита бедных крестьян от «натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью к достижению намеченных целей», была признана одной из главных государственных задач.⁸¹

Попытка сохранить основные принципы аграрной политики 80—90-х годов придавала проекту редакционной комиссии глубоко противоречивый характер. Это проявилось и в оценке общинного землевладения. Именно община рассматривалась как институт, способный защитить интересы беднейшего крестьянства, предотвратить процесс его пролетаризации и отвечающий современному уровню ведения крестьянского хозяйства. Но более совершенной формой ведения хозяйства, имевшей большое будущее, был признан хутор. Проект предусматривал снятие некоторых ограничений, препятствовавших выходу из общины. Так, с отменой круговой поруки утратило смысл правило, согласно которому для выхода из общины надо было погасить не менее половины выкупного долга, в то время как за остальную часть должен был поручиться мир.⁸² С другой стороны, лицо, заявившее о выходе из общины, должно было отказаться безвозмездно от права на свой надел. Таким образом, авторы проекта намерены были способствовать разрешению проблемы малоземелья и ограничить выход крестьян из общины. Прославляя хуторскую систему хозяйства, они вместе с тем выступали противниками индивидуальной крестьянской собственности на землю, отдавая предпочтение коллективной — семейной или общинной формам собственности. Основные положения проекта дали повод для резкого его осуждения даже в правящих сферах и обвинения Плеве в попытке своим законодательством, как заявил министр юстиции Муравьев, «окончательно закрепостить крестьян, окончательно отдалить и уединить их от прочих сословий».⁸³ Против проекта выступил Витте и его единомышленники из Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Осенью 1903 г. Особое совещание, ссылаясь на требования местных комитетов создать условия для более свободного передвижения крестьян, вернулось к обсуждению паспортного законодательства. На заседаниях Совещания 1, 8 и 22 ноября 1903 г. было признано, что с отменой круговой поруки паспорта должны утратить свое податное и сохранить «исключительно полицейское значение документов, служащих удостоверением

⁸¹ МВД. Труды редакционной комиссии..., т. I, с. 14—15; т. V, с. 451; Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе..., с. 218.

⁸² Там же, с. 218—219.

⁸³ Там же, с. 220.

личности». Участники совещания ссылались на закон 10 июня 1902 г., распространивший положение 1894 г. на Царство Польское, где введены были бессрочные паспорта именно потому, что там не было круговой поруки.⁸⁴

17 декабря 1903 г. Николай II дал согласие на образование при Министерстве внутренних дел Особой комиссии под председательством товарища министра внутренних дел П. Н. Дурново для пересмотра паспортного устава 1894 г.

Проект, разработанный комиссией Дурново, вносил существенные перемены в действовавшее законодательство. Отныне не требовался «вид на жительство ни в месте своего пребывания, ни при переезде из одного места в другое». Бессрочная паспортная книжка должна была служить только удостоверением личности. Новые правила не распространялись на евреев вне черты оседлости, лиц, находившихся под надзором полиции, и иностранцев.⁸⁵

Однако затея Витте с новым паспортным законодательством потерпела неудачу. Проект комиссии Дурново стал жертвой бюрократической волокиты и застрял при обсуждении в различных ведомствах до самой весны 1905 г.⁸⁶

Активность местных комитетов Особого совещания побудила и Плеве искать поддержку на местах аграрному проекту Министерства внутренних дел. Чтобы подготовленный редакционной комиссией документ не носил чисто ведомственного характера, Плеве в начале 1904 г. распорядился передать его для обсуждения в губернские совещания, образованные по «достойнейшим деятелям, доверием общественным облеченным».⁸⁷ В них вошли местные чиновники, земцы и землевладельцы. Что же касается крестьян, то их представители могли быть заслушаны в подкомиссных совещаниях.⁸⁸

Появление и деятельность губернских совещаний параллельно с работой местных комитетов как органов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности дает образчик сознательного допущения правительства Николая II соперничества двух политик в выработке нового крестьянского законодательства, причем не только в пределах строго бюрократических сфер, но и на местах, с участием и это соперничество «представителей общественности». Витте пытался препятствовать созданию губернских совещаний, однако потерпел поражение, и они были санкционированы царским указом 8 января 1904 г.⁸⁹

В манифесте 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» комиссия Министерства внутрен-

них дел и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности рассматривались как два учреждения, выполнявшие одно общее дело. С появлением манифеста их работа должна была быть прекращена. Однако 31 декабря 1904 г. последовало распоряжение возобновить работы губернских совещаний.⁹⁰ И только в условиях наступившей революции окончательно заглохло обсуждение на местах подготовленного в Министерстве внутренних дел проекта крестьянской реформы. Что касается Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, то его деятельность была приостановлена царским указом Сенату 30 марта 1905 г., а дела переданы вновь образованному «Особому совещанию по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения» под председательством Горемыкина. Разработка аграрной политики опять слилась в единое русло, направление которого теперь во многом определялось уже ходом первой русской революции 1905—1907 гг.

Итак, к кануну революции 1905—1907 гг. у правительства Николая II было два варианта аграрной реформы. Однако ни один из них не был реализован. Кризис политики самодержавия в крестьянском вопросе проявился не только в отсутствии единого правительственного курса, в борьбе различных группировок и направлений в правительственных кругах, но и в противоречивом характере проектов аграрных преобразований, выдвигавшихся этими группировками, а главное, в неспособности правительства проводить радикальные реформы, в затыжном и убогом характере аграрного реформаторства. Заняв пост министра внутренних дел, Плеве не отошел от «традиционной дворянско-помещичьей аграрной политики», основанной на трех принципах: «сословный строй, неотчуждаемость наделов, неприкосновенность общины», а лишь пытался усовершенствовать и приспособить эту политику к новым условиям.⁹¹

Перемены в аграрном законодательстве на протяжении 90-х гг. мало что изменили в положении крестьян. Правительство лишь продемонстрировало свою неспособность решить продовольственную проблему в деревне. «Государственный строй, исходя державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, — писал В. И. Ленин в феврале 1902 г., — привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это социальное банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее политическое банкротство».⁹²

⁸⁴ Чернышев Н. В. Указ, соч., с. 289.

⁹¹ Симонова М. С. Кризис аграрной политики самодержавия..., с. 476—479.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 279.

⁸⁴ Записка, составленная в Департаменте полиции «По проекту нового Устава о паспортах» 22 апр. 1905 г. — Библиотека ЦГИА СССР. Печатная записка № 3079, с. 25—27.

⁸⁵ Там же, с. 40—41.

⁸⁶ В апреле 1905 г. он получил наконец окончательное одобрение, однако, поскольку проект «в корне» изменял существовавший порядок, министр внутренних дел А. Р. Булыгин высказался за то, чтобы отложить его введение в действие до начала 1906 г. — Библиотека ЦГИА СССР. Печатная записка № 3079, с. 92—93.

⁸⁷ Чернышев Н. В. Указ, соч., с. 268.

⁸⁸ Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе..., с. 223.

⁸⁹ Там же, с. 221.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ

Начало 90-х гг. XIX в. ознаменовалось подъемом рабочего движения в России и появлением в нем качественно новых черт. Значительно возросло участие в стачечной борьбе рабочих тяжелой промышленности (металлистов, горнорабочих) и железнодорожного транспорта, расширились географические границы стачечной борьбы. Стачки прошли не только в Петербурге и Москве, но и в Ростове-на-Дону, в Донбассе, на Днепровском металлургическом заводе, в киевских и полтавских железнодорожных мастерских. Стачечное движение прокатилось по крупным промышленным центрам Польши, усилилось в городах Западного края, в Литве, Латвии, Эстонии. Голод 1891 г. привел к обострению трудовых конфликтов между рабочими и промышленниками на предприятиях юга России, и частности на Украине, где массы разоренного крестьянства устремились в города в поисках работы, а предприниматели, воспользовавшись притоком рабочей силы, пытались снизить оплату труда.¹

Массовые выступления рабочих, носившие сначала стихийный характер, постепенно меняли окраску и становились все более организованными. Пролетариат прочно занимая ведущую роль в революционном движении. Стачечной войной в этом отношении явились петербургские стачки 1895—1897 гг. Можно видеть известный парадокс истории в том, что «коронационные дни» в мае 1896 г. послужили поводом к стачке петербургских текстильщиц. В связи с коронационными торжествами предприниматели на три дня, объявив их праздничными, приостановили работу на фабриках, отказавшись платить за эти дни рабочим какое бы то ни было вознаграждение. Текстильщицы ответили на это стачкой, продолжавшейся более трех недель.²

И правящих кругах империи далеки были от того, чтобы понимать всю глубину сдвигов, происходивших в общественной жизни страны как раз на рубеже двух царствований.

В правительственной политике рабочий вопрос занял значительное место только после крупного стачечного движения 70-х гг., когда правительство вынуждено было вмешаться в сферу отношений между рабочими и предпринимателями. С начала 80-х гг. «Александр III включает в свою тайную «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство».³ Вместе с тем в правящих кругах вплоть до начала XX в. решительно не хотели признавать ни существование

в России «особенного класса рабочих», ни тем более рабочего вопроса в западно-европейском его понимании. Эта точка зрения нашла свое обоснование в 80-е гг. в статьях М. Н. Каткова на страницах «Московских ведомостей»⁴ и с этой поры стала неотъемлемой частью общеполитической доктрины.⁵

1 июня 1882 г. правительство приняло закон, запрещающий труд малолетних на фабриках. Для подростков от 12 до 15 лет должен был быть установлен 8-часовой рабочий день. В 1882 г. была образована при Министерстве финансов фабричная инспекция как орган надзора за исполнением фабричного законодательства. 3 июня 1886 г. был опубликован закон, регулировавший отношения между фабрикантами и рабочими. Контроль за его соблюдением возлагался на фабричную инспекцию. При обсуждении проекта закона в Государственном совете были высказаны предложения о передаче фабричной инспекции по примеру Англии в ведение Министерства внутренних дел. Однако Государственный совет отклонил это предложение.⁶

Новый закон устанавливал правила найма и увольнения рабочих, условия оплаты труда, контроль над штрафами, запрещал натуральную форму расчетов, вычеты из жалованья на медицинское обслуживание. В то же время закон предусматривал целый ряд карательных мер за участие в стачках и подстрекательство к ним, угрозы в адрес администрации и отказ от работы.⁷ «Тогда, в 1886 году, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — правительство уступило рабочим под давлением рабочих восстаний и старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задерживать введение новых правил, оттягивать у рабочих, что только можно из их требований».⁸ Рабочее законодательство начала 80-х гг. было принято по инициативе министра финансов Бунге. Закон 3 июня 1886 г. прошел уже в разгар кампании в печати, устроенной против Бунге Катковым. В проведенных Бунге законах московская консервативная печать увидела «едва ли не социализм». Бунге за них «подвергся обвинениям в непонимании условий русской жизни, доктринерстве, увлечении тлетворными западноевропейскими теориями».⁹ Взгляды Бунге на рабочую политику находились в некотором противоречии с новым курсом. Он считал, что с проникновением социалистических идей в рабочую среду можно успешно бороться только путем установления «более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов».¹⁰ Для достижения этой цели фабриканты, общества,

⁴ О взглядах М. Н. Каткова на рабочий вопрос см.: *Гвардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978, с. 91—102.

⁵ См.: Всепод. докл. Д. С. Спигина 25 февр. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 1, д. 35, л. 6—12.

⁶ *Лавричев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 70.

⁷ Там же, с. 71; ПСЗ III, т. VI, № 3769, 3 июня 1886 г.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 269—270.

⁹ *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907, с. 416.

¹⁰ *Шенелев Л. Е.* Кооператизм и русская буржуазия. — В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг. М., 1966, с. 288—289.

¹ История рабочего класса России. 1861—1900 гг. М., 1972, с. 180, 182, 186.

² Там же, с. 238.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 75.

земства или государство должны были взять на себя удовлетворение «не идеальных», а «реальных» требований «рабочего класса». С точки зрения Бунге, следовало также подумать о привлечении рабочих к участию в прибылях. «Доля участия в прибылях, — писал Бунге в середине 90-х гг. в своих «загробных заметках», — составляет один из лучших способов, если не для упразднения социального вопроса, то по крайней мере для устранения из него всякой язвучести».¹¹ Обосновывая свои взгляды на рабочий вопрос, Бунге ссылался на «западные образцы»: политику швейцарского правительства, организовавшего в Берне постройку специальных помещений для рабочих с учетом их требований, приводил в качестве примера красивые заведения Леклерка в Англии.

Естественно, что взгляды Бунге не могли вызвать сочувствия у Каткова и его единомышленников, не признававших существование рабочего класса в России и видевших в фабричном рабочем лишь мужика, отправившегося на заработки. К числу последователей Каткова принадлежал в середине 80-х гг. и Витте, считавший, что русские рабочие не должны порывать своих связей с сельским хозяйством и отрывать от земли. В эти годы Витте тревожила даже сама мысль о возможности развития капитализма в России по западноевропейскому образцу, ломка «исконного строя» и «обращение хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин».¹²

Закон 1886 г. подвергся нападкам не только правой печати, но и со стороны промышленников, причем объектом их критики сделалась и фабричная инспекция. Через полгода после издания закона Бунге был уволен с поста министра финансов и заменен Вышнеградским. Это дало повод министру внутренних дел Д. А. Толстому возбудить вопрос о передаче фабричной инспекции в ведение его министерства. Вышнеградский открыто показывал несочувствие законодательству своего предшественника. Встретившись в январе 1887 г. с московским городским головою Н. А. Алексеевым, Вышнеградский спросил его: «Да ведь вы фабрикант, что вы думаете о фабричной инспекции, этой выдумке Бунге?». Когда Алексеев ответил, что у него не было столкновений с чинами инспекции, Вышнеградский не успокоился и продолжал: «Если бы только инспекция была изобретена в настоящее царствование, то ее легко было бы совсем отменить, но, к сожалению, в прошлое, а памяти родителя не следует касаться. Но это все равно. Я постараюсь передать инспекцию в Министерство внутренних дел — пусть из инспекторов сделают станковых приставов!».¹³ Однако, пока шли переговоры об условиях передачи фабричной инспекции в ведение Толстого, Вышнеградский изменил свое отношение к делу, и в 1888 г. было решено все-таки оставить ее в Министерстве финансов.

На Вышнеградского оказали влияние жалобы промышленников, опасавшихся, что с передачей в Министерство внутренних дел фабричная

инспекция окажется для них еще более опасным институтом. В то же время Вышнеградский пошел на пересмотр законов, изданных Бунге. 24 апреля 1890 г. Александр III утвердил предложенное Государственным советом мнение — разрешить фабричной инспекции допускать работу малолетних в воскресные и праздничные дни, а губернским по фабричным делам присутствиям или губернаторам — ночной труд женщин и подростков. Кроме того, в стекольной промышленности было отменено запрещение ночного труда, а с позволения министров финансов и внутренних дел допускался на определенный срок и в определенные производства наем детей в возрасте 10—12 лет.¹⁴

Таким образом, политика Вышнеградского в рабочем вопросе представляла собой, по сравнению с курсом Бунге, просто серию уступок предпринимателям, сделанных под натиском их требований. Естественно, что и фабричная инспекция, созданная Бунге как орган контроля за соблюдением фабричных законов, в этих условиях в какой-то мере утратила свою роль. Вместе с тем к началу 90-х гг. сфера действия закона 1886 г. расширилась и распространилась почти на все предприятия фабрично-заводской промышленности России.¹⁵ Но это произошло уже в период министерской деятельности С. Ю. Витте.

14 марта 1894 г. Витте провел закон о реорганизации фабричной инспекции. На нее отныне возложили обязанность следить за безопасностью паровых котлов на предприятиях, т. е. технический надзор, осуществлявшийся до того губернскими механиками. Это позволило значительно расширить состав инспекции. Вместо главного и окружных были учреждены должности 18 старших, 125 обычных фабричных инспекторов и 10 кандидатов. Кроме того, для надзора за деятельностью инспекции были введены должности фабричных ревизоров.¹⁶ В дополнение к закону Витте издал 11 июля 1894 г. специальный наказ чинам фабричной инспекции. Однопорочно была отменена действовавшая до того с 19 декабря 1884 г. инструкция Бунге. Достаточно сравнить эти два документа, для того чтобы представить, как радикально в результате реформы Витте изменились задачи фабричной инспекции. Инструкция Бунге возлагала на инспекцию прежде всего надзор за исполнением фабрикантами правил о работе малолетних, а также за санитарным состоянием фабрик и условиями труда.¹⁷

Теперь, в 1894 г., Витте в связи с изданием наказа заявил, что «фабричным инспекторам должны быть в одинаковой мере близки интересы как фабрикантов, так и рабочих, ибо только в объединении этих интересов и в законосообразном понимании их заключается залог правильного хода фабрично-заводского дела». Чинам инспекции предлагалось действовать «разумно, последовательно, без нарушения справедливых интересов промышленности».¹⁸ Им вменялось в обязанности обращать вни-

¹⁴ Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 81—82.

¹⁵ Там же, с. 84—85.

¹⁶ ПСЗ, III, 1894, т. XIV, № 10420.

¹⁷ Юбилейный сборник в память двадцатипятилетия фабричной инспекции в России. 1882—1 июня 1907 г. Часть первая. Исторический очерк учреждения инспекции. СПб., 1907. — ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 82, л. 11—14.

¹⁸ Там же, с. 28—29.

¹¹ Записки, найденная в бумагах Н. Х. Бунге. 1881—1894 г. — ЦГИА СССР, ф. 1632, оп. 1, д. 721, л. 58 об.—59.

¹² Витте С. Ю. Мануфактурное крепостничество. — Русь, 1885, 19 янв.

¹³ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. М., 1907, с. 176.

манье «на устранение всяких поводов к недоразумениям между фабрикантами и рабочими».¹⁹ Инспекторы должны были способствовать своими советами повышению технического уровня производства. По правилам о промышленных ссудах Государственного банка от 17 августа 1894 г. на фабричную инспекцию и губернских механиков была возложена обязанность давать заключения по поводу предъявлявшегося заемщиками описания предприятия, а также следить за расходом ссуд. В 1897 г. фабричной инспекции поручено было наблюдать за деятельностью сельских ремесленных мастерских и правильностью постановки в них учебного дела.²⁰

С развитием рабочего движения все большее и большее значение приобретала «полицейская функция» фабричной инспекции. Это нашло свое отражение в циркулярах Витте, изданных 11 апреля и 5 декабря 1895 г., обязывавших чинов инспекции «следить и своевременно доводить до сведения Министерства финансов... о неадекватных проявлениях и неустойчивости на фабриках, которые могут порождать беспорядки».²¹ Наряду с этим в декабрьском циркуляре 1895 г. Витте объяснял стачечное движение как результат подстрекательства людей, стремившихся «искусственно создать» в России «ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе» во имя «отвлеченных или заведомо ложных идей... совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни». «В нашей промышленности, — писал Витте, — преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим. Эта патриархальность во многих случаях выражается в лояльности фабрикантов к нуждам рабочих и служащих на его фабрике, в попечении о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писанного закона и принуждения».²²

Однако вскоре эти рассуждения об особом складе русской жизни и патриархальных отношениях между фабрикантом и рабочим в России исчезли из документов Министерства финансов. Ничего подобного уже нет в секретном циркуляре Департамента торговли и мануфактур от 8 апреля 1897 г., адресованном старшим фабричным инспекторам. Этот циркуляр, подписанный директором департамента В. И. Ковалевским, был издан накануне майских праздников и содержал совершенно четкие инструкции чинам инспекции о поведении во время стачек.

Циркуляр предписывал инспекторам в «весеннее время иметь тщательный надзор за промышленными заведениями, участить посещения фабрик и заводов», обязать фабрикантов «немедленно доводить до сведения» инспекции «о всяком замеченном среди рабочих брожении». В случаях возникновения конфликтов на предприятиях чинам инспекции рекомендовалось избегать «личного опроса рабочих, в случае же их обращения — давать обстоятельные разъяснения закона и отклонять всякие

незаконные пожелания рабочих». Наконец, «при возникновении стачки или забастовки» инспекторы должны были «принять все меры к убеждению рабочих немедленно возобновить прерванные работы, разъяснив им всю строгость наказания, которому они подвергаются за незаконные действия, и объявив, что заявления их не могут быть принимаемы и рассматриваемы до тех пор, пока они не приступят к обычным занятиям». В то же время инспекция обязана была «озаботиться предоставлением рабочим, непричастным к стачке, возможности производства работ».²³

Как видим, созданный Бунге институт фабричных инспекторов изменил и свою природу и свою организацию под влиянием поворота в рабочей политике Министерства финансов, наметившегося после назначения министром Вышнеградского, а также в связи с ростом рабочего движения и качественного сдвига в нем.

С середины 90-х гг. начинается процесс соединения научного социализма с рабочим движением. Стаечная борьба 1895—1896 гг. в Петербурге под руководством «Союза борьбы» приняла небывалый до того характер. Одним из главных требований стачечников стало сокращение рабочего дня. Во время стачки в мае—июне 1896 г. на бумагопрядильных и ткацких фабриках были выдвинуты требования о сокращении рабочего времени с 13 до 10,5 часов, установления дневной работы с 7 часов утра до 7 часов вечера, окончания работы по субботам в 2 часа дня, а также строгого соблюдения установленного начала и окончания работы.

«Стачки 1895—1896 годов, — писал В. И. Ленин, — не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса».²⁴ Стаечное движение 90-х гг. заставило правительство приступить к выработке законодательства о нормировании рабочего дня, тем более что с ходатайствами об урегулировании рабочего времени в целях устранения конкуренции стали обращаться к правительству и промышленники.²⁵

В начале декабря 1896 г. Витте получил разрешение царя на разработку законодательства о нормировании рабочего дня. 15 декабря для этой цели было созвано Особое совещание под председательством обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. В нем приняли участие С. Ю. Витте, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, министр юстиции Н. В. Мурашев и 31 представитель фабрикантов и заводчиков. В результате работы совещания была образована при Министерстве финансов специальная комиссия под председательством В. И. Ковалевского для подготовки проекта закона. Комиссия Ковалевского предложила установить 11-часовой рабочий день и 9-часовой для рабочих, занятых хотя бы отчасти в ночную смену, т. е. с 9 часов вечера до 5 утра. Однако Витте в целях ограждения интересов промышленности настоял на увеличении рабочего дня до 11,5 часов, а для тех, кто был занят хотя бы от-

¹⁹ Лавричев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России, с. 83—84.

²⁰ Юбилейный сборник..., л. 29—30.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 15, д. 149, л. 1 и об.

²² Там же.

²³ Там же, д. 159, л. 1 и об.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 116.

²⁵ Юбилейный сборник..., л. 30; Лавричев В. Я. Указ. соч., с. 93.

части ночью, — до 10 часов. Новый фабричный закон вступил в силу со 2 июня 1897 г.²⁶

С введением в действие закона 1897 г. надзор фабричной инспекции распространился еще на 34 губернии и охватил в общей сложности 20 174 фабричных заведения с 1 386 691 рабочим.²⁷

С помощью инспекции Витте, очевидно, рассчитывал установить полный контроль Министерства финансов над положением дел в промышленности, начиная от ее технического состояния и кончая отношениями между предпринимателями и рабочими, оставив в ведении Министерства внутренних дел одни только карательные операции. Вместе с тем к концу 90-х гг. Витте отошел от идеи попечительства как части правительственной доктрины, построенной на принципе особой, самобытной эволюции России.²⁸ Он скорее вынужден был считаться с этой теорией, получившей реальное применение в политике Министерства внутренних дел. Программа промышленного развития России с использованием иностранных капиталов и западно-европейских промышленных достижений, осуществлявшаяся как раз в эти годы Министерством финансов, не очень-то уживалась с идеей патриархальных отношений между рабочими и предпринимателями. Рост забастовочного и революционного движения служил достаточно убедительным доказательством ее несостоятельности. Именно он и заставил правительство все-таки вернуться и в 90-е гг. на стезю какого-то усовершенствования фабричного законодательства. И. И. Ленин, посвятивший закону 1897 г. специальную брошюру, писал, что вопрос о сокращении рабочего дня был возбужден «15 лет тому назад: еще в 1883 г. петербургские фабриканты ходатайствовали об издании подобного закона», однако правительство не торопилось и только под влиянием стачек 1895—1896 гг. вынуждено было пойти на уступки. «Новый фабричный закон, — отмечал В. И. Ленин, — точно так же *вынужден* рабочими у правительства, точно так же *отвоеван* рабочими у их злейшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 3 июня 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д.»²⁹

С ростом стачечного движения правительство не только шло на уступки в рабочем законодательстве, но и усиливало репрессивные меры. 12 августа 1897 г. Горемыкин издал циркуляр о борьбе со стачками, предписывавший полиции «самое строгое наблюдение» за положением на заводах и фабриках. Циркуляр предлагал приравнивать «рабочие беспорядки к делам политического характера» и «вести расследование о них» на основании «положения о государственной охране».³⁰ Поскольку фабричная инспекция давно уже выполняла полицейские функции на пред-

приятиях, циркуляр Горемыкина был встречен в Министерстве финансов как посягательство на права инспекции. Витте пытался опротестовать распоряжение Горемыкина, но безуспешно. 12 марта 1898 г. Министерство финансов предписало чинам фабричной инспекции «никоим образом не передавать» своих обязанностей полиции.³¹ Между Министерством финансов и Министерством внутренних дел возник конфликт, обострившийся еще в 1898 г. в связи со столкновением в Москве чипов фабричной инспекции с обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым.

Стараниями Трепова и московского охранного отделения фабричная инспекция была оттеснена от своих обязанностей или, по выражению прокурора Московского окружного суда А. А. Макарова, «дело постоянного надзора за взаимными отношениями и порядком на фабриках и заводах „уплыло“ из рук фабричной инспекции и перешло в руки полиции». Московское охранное отделение взяло на себя миссию, по выражению В. Н. Коковцова, «высшего суда», выступив в качестве защитника прав рабочих перед чинами фабричной инспекции. Рабочие, недовольные решением участкового фабричного инспектора, могли подавать прошение на имя обер-полицмейстера или обращаться в охранное отделение. Показания их записывались чинами полиции, а затем дело направлялось от имени обер-полицмейстера старшему фабричному инспектору на повторное расследование. В результате этого чины фабричной инспекции просто утратили сохранившееся за ними до того право окончательного решения в спорных случаях между рабочими и предпринимателями.³²

Для расследования конфликта Витте командировал в Москву старшего фабричного ревизора А. С. Астафьева и вице-директора Департамента торговли и мануфактур Н. П. Лангового. Некоторое время спустя для объяснений с Треповым отправлен был также товарищ министра финансов Коковцов.³³ Конфликт между московским обер-полицмейстером и Министерством финансов заставил обе стороны достаточно четко определить свои позиции и способствовал появлению ряда документов, отразивших разницу во взглядах на рабочий вопрос в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов. Политика Министерства внутренних дел нашла свое отражение в записках генерал-лейтенанта А. И. Пантелеева на имя министра внутренних дел от 22 марта 1898 г. и Д. Трепова московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергея Александровичу от 8 апреля 1898 г.

В марте 1898 г. Пантелеев производил смотр жандармских частей во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Однако, представленный им отчет был посвящен не состоянию жандармских подразделений, а положению рабочих на предприятиях этих губерний и выяснению причин роста забастовочного движения. Пантелеев посетил несколько фабрик в Шуе, Костроме, Иваново-Вознесенске и других городах, разговаривал с рабочими, в том числе и с заключенными «за участие в беспорядках» в тюрьму в Шуе.

³¹ Там же.

³² Отчет В. Н. Коковцова С. Ю. Витте о поездке в Москву 19 июня 1898 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 43, д. 6, л. 2 и об.

³³ Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 128.

²⁶ Материалы по изданию закона 2 июня 1897 года об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. СПб., 1905, с. 14.

²⁷ Юбилейный сборник..., л. 32—33.

²⁸ См.: Водчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904 гг.). Львов, 1964, с. 52; Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 124.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 268—269.

³⁰ Записка Д. Ф. Трепова вел. кн. Сергею Александровичу 8 апр. 1898 г. — ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 43, д. 6, л. 9.

Пантелеев отмечал, что «беспорядки и волнения между рабочими» были вызваны низкими расценками и «разного рода злоупотреблениями со стороны фабричной администрации».³⁴

Пантелеев считал необходимым заставить фабрикантов улучшить условия труда на фабриках, но, «обеспечив, с одной стороны, благосостояние рабочих средствами фабрикантов», в то же время «оградить и фабрикантов от стачек и произвольных действий рабочих». Для этой цели он предлагал прежде всего значительно увеличить полицейские силы, создав на средства фабрикантов «в каждом фабричном центре» вооруженную фабричную полицию в количестве, зависящем от численности рабочих района. Кроме фабричной полиции, предлагалось также в каждом фабричном центре иметь специальный жандармский пункт для наблюдения за положением на фабриках и предупреждения забастовок. Отмечаясь неслучайно о фабричной инспекции, Пантелеев высказывался за передачу ее в ведение Министерства внутренних дел, где можно было бы, таким образом, объединить для борьбы с революционным движением деятельность инспекторов, фабричной полиции и корпуса жандармов.³⁵

От записки Пантелеева веяло духом «полицейского социализма». Дальнейшее осмысление эта теория получила уже в записке Трепова, представлявшей собой плод коллективного труда московского обер-полицмейстера и начальника московского охранного отделения С. В. Зубатова.³⁶ Записка свидетельствовала о понимании ее авторами того, что в русском революционном движении наступил новый этап. Она и начиналась с размышлений об опасности для самодержавия соединения рабочего движения с социалистическим учением. Отдавая должное германской социал-демократии, сумевшей «связать длинной цепью постепенных сделок свои идеальные стремления с текущими, наиболее насущными потребностями рабочей среды», авторы признавали, что «очевидные успехи ее таинично не смогли не отразиться в других государствах, а в том числе и в России: русские революционеры поспешно оставили свои старые знамена, чтобы примкнуть или пристроиться к новому движению».

Записана и предлагала рецепты для борьбы против этого «нового движения», призывая действовать «как можно скорее», поскольку «успехи, достигнутые путем забастовок, имеют крайне опасное и вредное значение, являясь первоначальной школой для политического воспитания рабочих».³⁷ Авторы подчеркивали, что «одними репрессивными мерами» можно бороться только, «пока революционер проповедует чистый социализм», но, «когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит не медля вырвать из-под него самую почву», а это

означало, что полиция должна идти в рабочую среду: «Где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция».³⁸

Вместе с тем в записке содержался и призыв противопоставить пролетарской солидарности «дружную» и «совместную работу» ведомств, имеющих отношение к рабочему движению. «Принцип разногласия и разъединения правительственных органов, — было сказано в записке, — в то время, когда боевой лозунг революционеров: объединение, слияние и солидарность («Рабочие всех стран, соединяйтесь!»), никоим образом не может гарантировать безусловной и скорой победы над социальной демократией».

Практически за этим призывом к объединению скрывалось намерение прибрать к рукам фабричную инспекцию. Попытки Министерства финансов утверждать, что циркуляр Министерства внутренних дел от 12 августа 1897 г. противоречил Уставу о промышленности, оспаривались в записке решительным образом.³⁹

Записки Пантелеева и Трепова, как и августовский циркуляр 1897 г., вызвали резкое возражение Министерства финансов. В отчете, представленном Витте 19 июня 1898 г. о поездке в Москву, Коконцов высказался за четкое разделение функций полиции и фабричной инспекции на предприятиях, исходя из того, что фабричная инспекция должна посредничать в отношениях между фабрикантами и рабочими, а полиция — предупреждать и прекращать возникшие беспорядки и помогать инспекции. Он также опасался, что подрыв авторитета инспекции «отразится на ее влиянии в рабочей среде».⁴⁰ 23 июня 1898 г. Министерство финансов составило специальный документ «По поводу записки шефа жандармов генерал-лейтенанта Пантелеева», содержащий ее критический разбор.⁴¹ Кроме того, еще 10 апреля 1898 г. Витте получил разрешение царя на созыв совещания для рассмотрения двух вопросов: 1) о разграничении власти местных органов Министерства финансов и Министерства внутренних дел при надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и 2) о пределах вмешательства «административных властей в экономические отношения фабрикантов и рабочих, и, в частности, по вопросу о разделении заработной платы».⁴² Второй вопрос был разрешен в Комитете министров 8 мая 1898 г., а первый сделался предметом рассмотрения совещания под председательством Победоносцева 15 июля 1898 г.

При открытии совещания Витте сразу же заявил, что главной причиной конфликта между двумя ведомствами являются не московские недоразумения, а породивший их циркуляр 12 августа 1897 г.⁴³ Однако добиться если не отмены, то хотя бы осуждения этого циркуляра Витте не удалось. Совещание под председательством Победоносцева приняло компромиссное решение: министры внутренних дел и финансов должны были издать совместную инструкцию о «разграничении предметов ведом-

³⁸ Там же, л. 8 об.

³⁹ Там же, л. 9.

⁴⁰ Вовчик А. Ф. Указ. соч., с. 61.

⁴¹ Там же, с. 66—67.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 696, л. 37 и об.

⁴³ Там же, л. 8.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 696, л. 2 об. О записке А. И. Пантелеева см. также: Вовчик А. Ф. Указ. соч., с. 64—69. Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 129—133.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 696, л. 3 об.—6.

³⁶ Записка была подготовлена для Д. Ф. Трепова С. В. Зубатовым, и тот из огромного доклада оставил лишь незначительную часть, которая более всего перекликалась с идеями, уже устоявшимися в МВД (Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 130).

³⁷ Записка Д. Ф. Трепова..., л. 7.

ства по фабричным делам» инспекции и полиции, исходя из принципа, что общий надзор за порядком на фабриках и заводах осуществляется губернатором (градоначальником или обер-полицмейстером) через Губернское по фабричным делам присутствие или непосредственно «при содействии фабричной инспекции, и, в подлежащих случаях, полиции». Наблюдение за внутренним благоустройством, соблюдением законодательства на фабриках и отношениями между предпринимателями и рабочими относилось к компетенции инспекции, в то время как полиция и Отдельный корпус жандармов должны были заниматься «наблюдением за наружным порядком и благочинием», а также «пресечением вредного на рабочих местах политически неблагонадежных личностей». Полиция обязана была сообщать фабричной инспекции о полученных ею жалобах рабочих на фабрикантов, а та в свою очередь ставить в известность о результатах расследования по жалобам председателя Губернского по фабричным делам присутствия. Совещание поддержало предложение Витте о создании при Министерстве финансов Главного по фабричным делам присутствия — контрольного органа, состоящего из представителей министерств финансов, внутренних дел, юстиции, земледелия и государственных имуществ, а также некоторых представителей от промышленности.

Наконец, совещание специально рассмотрело записку Пантелеева и признало ее результатом «беглых и субъективных впечатлений, в общем не соответствующих действительности».⁴⁴ «В записке генерал-лейтенант Пантелеев проводит мысль, — заявил Витте, — предъявить к тем, на обогащение которых рабочийкладет свои силы, т. е. к фабрикантам, настоятельные требования в смысле облегчения участи и улучшения быта рабочих. Можно ли правительству стать в рабочем вопросе на такой путь, крайне рискованный и неправомерный. Положение фабричных и заводских рабочих (3 млн.) хотя не блестящее, но тем не менее вовсе еще не так худо, как положение сельского населения (30 млн.)».⁴⁵

В результате совещания был издан 4 сентября 1898 г. совместный циркуляр двух министров о взаимоотношениях полиции и фабричной инспекции. Он был составлен в духе решений Особого совещания, но вместе с тем не был отменен и бывший причиной конфликта циркуляр Министерства внутренних дел 12 августа 1897 г. 7 июня 1899 г. Государственный совет принял проект учреждения Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия под председательством министра финансов. В него вошли все министры, 6 окружных инспекторов, 9 представителей от советов и комитетов торговли и мануфактур. Одновременно местные по фабричным делам присутствия были преобразованы в присутствия по фабричным и горнозаводским делам. В них дополнительно вводились окружной горный инженер и два представителя от промышленников.⁴⁶

Июльское совещание 1898 г. под председательством Победоносцева, конечно, не разрешило разногласия между двумя министерствами по ра-

бочему вопросу и лишь послужило вехой, отметившей четкое определившееся расхождение. Министерство финансов к концу 90-х гг. отходит от принципов попечительной политики в рабочем вопросе в тех случаях, когда она хоть в какой-то мере могла отразиться на интересах промышленного развития, в то время как Министерство внутренних дел строго продолжает придерживаться попечительного курса. Он нашел свое законченное выражение в «полицейском социализме» или зубатовщине — политике, главным идеологом и проводником которой стал начальник Московского охранного отделения. Продолжая бороться за преобладающее влияние в определении рабочей политики, оба министерства вместе с тем судорожно ищут новые способы борьбы с нарастающим революционным движением.

1 мая 1901 г. в Петербурге забастовали рабочие на предприятиях Выборгской стороны и Невской заставы, в том числе на военном Обуховском заводе. Здесь 7 мая 1901 г. забастовка вылилась в столкновение с войсками и полицией. Обуховская оборона стала важным этапом в нараставшем рабочем движении. В июне 1901 г. на страницах «Нервы» В. И. Ленин писал по поводу событий 7 мая: «Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях».⁴⁷ Подъем рабочего движения на рубеже 1900-х гг. привлек внимание правительственных кругов к рассуждениям Бунге о методах борьбы с социалистическими идеями. В результате в целом ряде правительственных проектов по поводу рабочей политики, появившихся в 1901 — начале 1902 гг., причудливо переплеталась уже пустившая корни зубатовщина с теориями коопартнершипа или «превращения», — как писал занявший в октябре 1899 г. пост министра внутренних дел Д. С. Сипягин, — капиталистического производства в кооперативное, при котором сами рабочие имели бы долю в видах предприятия».⁴⁸ Однако привлечение рабочих к участию в прибылях в Министерстве внутренних дел было признано с самого начала нереальным и основными темами обсуждения сделались попечительство и роль правительства в отношениях между рабочими и фабрикантами.⁴⁹

Отголоски ведомственных распри вокруг политики по рабочему вопросу в конце 1901 г. попали в печать. 11 мая в «Новом времени» появилась статья «По поводу рабочих беспорядков». В ней намечалась «целая государственная программа», сводившаяся к тому, «чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор».⁵⁰ «Новое время» называло русский капитализм «слабым ребенком», пужавшимся в том,

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 15.

⁴⁸ Шенелев Л. Е. Указ. соч., с. 291.

⁴⁹ Даже привлечение рабочих к участию в прибылях — явление, характерное для стран с высокоразвитой промышленностью, — представители русской бюрократии не мыслили иначе, как путем правительственного вмешательства. Однако, как справедливо замечает Л. Е. Шенелев, «введение коопартнершипа по инициативе властей неизбежно ассоциировалось бы с политикой полицейского социализма» (Шенелев Л. Е. Указ. соч., с. 293).

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 73—74.

⁴⁴ Там же, л. 40.

⁴⁵ Там же, л. 15 и об.

⁴⁶ Юбилейный сборник..., л. 35—37.

чтобы его водили «на помочах», и призывало правительство заняться улучшением быта рабочих «подобно тому, как полвека назад» оно «взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу...».⁵¹ Выступление «Нового времени» обратило на себя внимание социал-демократической печати, и В. И. Ленин подверг его критическому разбору в польском номере газеты «Искра». В. И. Ленин нашел замечательным и то, что правительство на неделю приостановило издание «Нового времени» за публикацию статьи о рабочих беспорядках без разрешения Департамента полиции⁵² и что газете «настроение рабочих внушает... не меньше страха, чем настроение крестьян „перед волей“».⁵³ В. И. Ленин писал о полноте восстановления современного рабочего движения с выступлениями крестьян накануне реформы. «Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их бесправие перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластия и правительственного бесчинства».⁵⁴

Статья «По поводу рабочих беспорядков» была опубликована в «Новом времени» как отклик на майские выступления рабочих. Они же дали толчок появлению разного рода проектов попечительного толка в Министерстве финансов и Министерстве внутренних дел.

Еще в апреле 1901 г. образованное в Министерстве финансов под председательством Ковалевского совещание о мерах к обеспечению на фабриках и заводах спокойствия высказалось за учреждение на крупных предприятиях должностей старост, набираемых от рабочих, специально для разрешения конфликтов и переговоров с администрацией и чинами фабричной инспекции.⁵⁵

Это предложение получило поддержку во всеподданнейшей записке товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского о развитии революционной пропаганды в России и о причинах революционных выступлений и забастовок рабочих петербургских заводов в мае—июле 1901 г. Кроме того, Святополк-Мирский предлагал создать для рабочих ссудо-сберегательные кассы, позаботиться об устройстве квартир при фабриках и заводах, а в будущем обеспечить общегосударственное страхование рабочих при участии предпринимателей. Он считал полезным устройство заводских лавок «на началах потребительских обществ», организацию «низших школ» при фабриках и заводах, издание специальной правительственной газеты.⁵⁶

В уже упоминавшемся всеподданнейшем отчете Сипягина, представленном в конце 1901 г., эти идеи получили дальнейшее развитие. Документ этот интересен прежде всего тем, как справедливо замечает

В. Я. Лаверычев, что в нем отсутствуют традиционные рассуждения о «патриархальности» русского рабочего. Сипягин не только признает быстрый рост в России класса рабочих, живущих «исключительно лишь рабочим трудом», но и существование «большого разряда» потомственных рабочих. Для борьбы с революционным движением министр внутренних дел считал необходимым «в среде самого рабочего класса создать устойчивые и консервативные элементы, которые явились бы опорой существующего общественного строя... сознательно, в силу ясно понимаемой и повседневно ощущаемой тесной связи личных своих интересов с интересами порядка и спокойствия в области промышленной жизни». Ради достижения этой цели Сипягин предлагал проведение целого ряда мер для улучшения материального положения рабочих и создания в их среде «более или менее значительного числа мелких собственников». Опять-таки речь шла о страховании рабочих, создании ссудо-сберегательных касс, необходимости «развития тех начал фабричного законодательства, на путь которых с середины восьмидесятых годов истинного столетия вступило уже правительство».⁵⁷ Сипягин предлагал расширить права фабричной инспекции, включить в сферу ее деятельности железнодорожные и казенные предприятия, передать инспекции право рассматривать гражданские претензии рабочих к хозяевам. В то же время Сипягин настаивал на подчинении фабричной инспекции губернскому начальству. Министр внутренних дел был озабочен также усовершенствованием полицейского надзора за рабочими.

27 декабря 1901 г. царь распорядился созвать Особое совещание министров для обсуждения записок Святополк-Мирского и Сипягина.

Подготовка к созыву Особого совещания министров для обсуждения политики правительства в рабочем вопросе пришлось на время, когда зубатовская эпопея была уже в самом разгаре. В мае 1901 г. в Москве была образована первая зубатовская организация «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», а устав ее был представлен на утверждение властей. К концу 1901 г. оформилась и Еврейская независимая рабочая партия, проповедовавшая зубатовскую идеологию среди рабочих северо-западного края.

В мае 1901 г. Зубатов начал проводить регулярные воскресные совещания для рабочих, прозванные «Зубатовским парламентом». Их участники собирались в зале на одной из московских окраин, а затем в аудитории Исторического музея, вмещавшей более 700 человек. На совещаниях читались лекции и проводились диспуты на темы, связанные с жизнью рабочих: о потребительских обществах и обществах взаимопомощи, о квартирном вопросе. С лекциями выступали ученые-экономисты, в том числе московские приват-доценты В. Э. Ден и И. Х. Озеров. В различных частях Москвы устраивались районные собрания рабочих, кроме того, собирался более тесный кружок рабочих, превратившийся в совет зубатовских организаций. Было известно, что некоторые из его участников, например рабочие М. А. Афанасьев, Ф. А. Сленцов, Н. Т. Красавицкий, получали жалование в охранном отделении.⁵⁸

⁵¹ Там же, с. 78—79.

⁵² Там же, с. 73.

⁵³ Там же, с. 79.

⁵⁴ Там же, с. 80.

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 82, л. 46.

⁵⁶ См.: Лаверычев В. Я. Указ. соч., с. 143—144.

⁵⁷ Там же, с. 145—150.

⁵⁸ М—чъ Зубатовщина. — Освобождение, 1903, № 18, с. 318.

14 февраля 1902 г. был официально утвержден устав «Общества взаимного усовершенствования в механическом производстве», предоставлявший исключительные права полиции по части контроля над этой «рабочей» организацией. В правление общества по уставу входило 8 человек, однако общее собрание должно было набирать 12 кандидатов, для того чтобы московский обер-полицмейстер мог окончательно отобрать из них 8 членов правления. В состав общества не принимались лица, находящиеся под надзором полиции, право на получение пособия от общества не имели рабочие, потерявшие заработок в результате принятых по отношению к ним «каких-либо административных мер».⁵⁹

В начале 1902 г. Зубатов решил на устройство невиданной по размаху «патриотической манифестации» в Кремле перед памятником Александру II. Она состоялась 19 февраля и была приурочена к 41 годовщине отмены крепостного права. Московскому охранному отделению удалось превратить эту, по выражению Зубатова, «генеральную репетицию управления пародными громадами»⁶⁰ в грандиозное театрализованное представление. «Порядок в громадной, заполнившей весь Кремль толпе в 50 тысяч человек был образцовый, — вспоминал один из свидетелей манифестации начальник канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Любимов. — Среди моря рабочих на площади перед памятником, окруженный знаками уважения, присутствовал московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович (увы, через два года убитый на той же самой площади) и московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов — главный инициатор торжества. При пении гимна... рабочие проходили ногой и ногой мимо великого князя и его свиты, в составе которой был не менее знаменитый, чем Зубатов, в полицейском мире П. И. Рачковский, заведовавший политической агентурой за границей».⁶¹

Некоторые из петербургских газет пытались придать большое общественное значение «успеху» зубатовской манифестации. Так, «Виржевые ведомости» (1902, 23 февр.) откликнулись на нее статьей под названием «Знаменательное событие». Манифестация рассматривалась в ней как факт, свидетельствующий о появлении нового класса рабочих людей, о пробуждении общественного сознания в трудящихся массах населения, о «доверии властей к общественному порыву масс». Большая печать поддерживала и пропагандировала «полицейский социализм». Казалось, это должно было вызвать только удовлетворение в Министерстве внутренних дел. Однако Сипягин скорее был напуган происшедшим и 25 февраля обратился к царю с просьбой разрешить ему приостановить газетную кампанию.⁶² 26 февраля губернаторам был разослан циркуляр начальника главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского, запрещавший рекламировать в печати зубатовскую манифестацию. «Некоторые органы печати, — писал Шаховской, — пытаются манифестации 19 февраля придать характер знаменательного события, имеющего очень значительную общественную ценность, служащего выражением пробуж-

дающегося общественного сознания трудящихся масс и как бы указывающего на официальное признание существования у нас особенного класса рабочих».⁶³ Очевидно в Министерстве внутренних дел беспокойство и страх вызвала любая массовая рабочая манифестация, даже если она была заранее организована и носила «патриотический» характер. Примечательно также, что Сипягин не хотел допускать, чтобы в официальной печати открыто писали о существовании в России рабочего класса даже в то время, когда во вверенном ему министерстве шла подготовка к совещанию министров, специально посвященному правительственной политике в рабочем вопросе.

Оно состоялось 9 марта 1902 г. Кроме Сипягина и Витте, в нем приняли участие министр земледелия и государственных имуществ А. Ермолов, министр юстиции Н. Муравьев и Московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович. Министерство финансов внесло на совещание записку «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи».⁶⁴ Документ этот вскоре стал широко известен благодаря тому, что «какими-то судьбами» залетел «на редакционный стол» штуттартского «Освобождения», начавшего в 4-м номере за 1902 г. (2/15 августа) его публикацию.⁶⁵ 1 сентября 1902 г. в № 24 «Искры» В. И. Ленин поместил специальную статью «Проект нового закона о стачках», посвященную записке Министерства финансов.⁶⁶ В. И. Ленин отметил, что «общий характер повой записки министерства финансов, несомненно, либеральный», что она написана языком «либералов-манчестерцев, объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью „торговлю товарами“ и „торговлю трудом“... требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа».⁶⁷ В. И. Ленин обратил внимание на то, что в записке Министерства финансов критиковалась политика Министерства внутренних дел, в частности знаменитый циркуляр 12 августа 1897 г., а также зубатовские эксперименты московской администрации, затеявшей «опасную игру с беседами рабочими и обществом взаимной помощи рабочих в механическом производстве».⁶⁸

В противоречиях во взглядах на рабочий вопрос между двумя министерствами В. И. Ленин видел отражение общего кризиса самодержавной власти в России. «Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, — писал В. И. Ленин, — то мы должны заметить, прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках

⁵⁹ Там же, л. 5.

⁶⁰ См.: Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 146—147.

⁶¹ По сведениям редакции «Освобождения» записка была составлена в Министерстве финансов еще в 1898 г., а в 1902 г. «лишь дополнена и переработана» (1902, № 8).

⁶² Записка Министерства финансов, кроме того, была издана в сентябре 1902 г. в Женеве в виде брошюры «Самодержавие и стачки. Записка Министерства финансов о разрешении стачек» с приложением статьи Л. Мартова «Новая победа русских рабочих».

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 400, 403.

⁶⁴ Там же, с. 404.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, 1902, № 8, с. 8.

⁶¹ Очерки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902—1904). — Исторический архив, 1962, № 6, с. 76.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 1, д. 35, л. 6—12.

показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно соц.-рев.) до сих пор бояливо закрывают глаза на элементы *буржуазной* оппозиции в России и твердят по старинке, что „интересы“ (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Она является, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слоев буржуазии, которых всего непосредственнее *охраняет* царская полиция, которым *непосредственно грозит* материальным ущербом всякое ослабление узда, надетой на пролетариат».⁶⁹

Совещание 9 марта 1902 г. не внесло коренных изменений в политику правительства по отношению к рабочим. Прежде всего совещание высказалось за традиционный принцип неограниченного «вмешательства» правительственной власти в дело упорядочения быта рабочих и сохранения в руках государства «всех, по возможности, нитей, управляющих жизненными интересами этих слоев населения». Одновременно было заявлено о необходимости «как скорейшего поступательного развития фабричного законодательства, регулирующего условия быта рабочего населения и правительственного за ним надзора, так равно и принятия мер административного характера для устранения условий, дающих повод для недовольства рабочих». Соответственно общему заключению совещания конкретную программу мер должны были разработать междоуведомственные комиссии при министерствах с последующим вынесением этой программы на рассмотрение Государственного совета.⁷⁰

В частности, в комиссии при Министерстве внутренних дел должны были быть выработаны условия «деятельности полицейского надзора на фабриках и заводах и за фабричным и заводским населением вообще». На комиссию возлагалась подготовка законопроектов о расширении полномочий фабричной инспекции и подчинении ее губернаторам, о мерах укрепления имущественного положения рабочих, о правительственном контроле над условиями найма и уголовной ответственности фабрикантов за самовольные нарушения договоров о найме, об изменении карательных постановлений за стачки рабочих, учреждения при фабриках и заводах обществ и касс взаимопомощи и введения старост, избираемых из среды рабочих. Уже подготовленные к 1902 г. при Министерстве финансов законопроекты «Об установлении страхования рабочих от несчастных случаев, от последствий болезни и старости и семейств их, на случай смерти главы», «Об устранении недостатков действующего закона о подаче врачебной помощи фабричным рабочим», «Об обеспечении рабочих и малолетних детей рабочих школьным обучением», «О порядке и условиях устройства промышленных заведений и производства в них работ» должны были быть прямо внесены на обсуждение Государственного совета.⁷¹

Таким образом, в решении совещания министров в той или иной форме получили отражение основные предложения, содержавшиеся

в записках, представленных как Министерством внутренних дел, так и Министерством финансов. По существу оно лишь наметило программу. Выработка же конкретных законодательных актов была еще впереди. Совещание 9 марта 1902 г., несмотря на критику зубатовских организаций, содержащуюся в записке Министерства финансов, не вскрыло острых противоречий между министрами внутренних дел и финансов. Деятельность Зубатова весной 1902 г. фактически вышла уже из-под контроля Министерства внутренних дел. Витте и Сипягин делали попытки общими усилиями несколько обуздать запędшего, но их мнению, слишком далеко в своих экспериментах начальника московского охранного отделения.

В начале 1902 г. возник весьма острый конфликт между московским промышленником Ю. П. Гужоном и зубатовскими организациями. Гужон и Московский совет торговли и мануфактур подали жалобу на Зубатова в Министерство финансов. Она встретила сочувственное отношение не только со стороны Витте, но и Сипягина. Однако министр внутренних дел тщетно пытался убедить московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича в том, что вмешательство зубатовских организаций в отношения между промышленниками и рабочими зашло «далее целесообразных пределов».⁷²

Позднее, в своих «Воспоминаниях», Витте поставил Сипягину в заслугу то, что тот, сделавшись министром внутренних дел, «начал бороться с „зубатовщиной“, но все, что мог достигнуть, это — локализовать „зубатовщину“ в Москве». Короткая пора согласованных действий двух самых влиятельных министров кончилась в начале апреля 1902 г. с назначением Плеве. В одно из первых же свиданий с новым министром внутренних дел Витте обратил его внимание на опасность политики Зубатова. Плеве отозвался «о затее Зубатова... как о вредном и глупом эксперименте».⁷³ Однако после поездки в первые числа апреля в Москву и консультации там с Треповым, Зубатовым и вел. кн. Сергеем Александровичем Плеве уже не высказывался с таким осуждением о политике московской администрации.

Последующие шаги Плеве свидетельствовали о том, что он избрал путь открытого одобрения действий Зубатова. Вскоре после своего назначения Плеве сместил с поста директора Департамента полиции одного из покровителей Зубатова Зволянского, хотя назначенный на этот пост прокурор харьковской судебной палаты А. А. Лопухин тоже принадлежал к числу поклонников Зубатова.

В мае 1902 г. Плеве принял вызванную в Петербург начальником особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаевым М. В. Вильбушевич. Министр ознакомился с деятельностью Еврейской независимой рабочей партии и «поручил» Вильбушевичу командировать одного из членов партии в Вильно «для постановки соответственного рабочего движения».⁷⁴

Летом и осенью 1902 г. «независимцы» сделали попытку распространить свое влияние на рабочее движение в Вильно и затем на юге

⁶⁹ Там же, с. 405—406.

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 696, л. 18—20.

⁷¹ Там же.

⁷² Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 151—152.

⁷³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 217—218.

⁷⁴ Бухбиндер Н. А. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925, с. 208.

страны — в Одессе. Между тем Зубатов, теперь под покровительством нового министра внутренних дел, продолжал свои эксперименты в Москве. 26 июля он устроил в трактире Тестова встречу с фабрикантами. В речи, произнесенной перед представителями делового мира, Зубатов заявил, что «торгово-промышленное сословие может найти искреннее сочувствие и защиту своих законных прав только в охранном отделении».⁷⁵ Однако эта встреча не разрешила конфликт между зубатовскими организациями и промышленниками Москвы. Зубатову не удалось ни войти с ними в соглашение, ни заставить их смириться. В записке министру финансов по поводу состоявшейся встречи промышленники Москвы обвинили начальника охранного отделения в разжигании вражды между рабочими и предпринимателями. Витте обратился с очередным письмом к Плеве и предостерег министра внутренних дел относительно возможности «возникновения крупных недоразумений на фабриках и заводах в Москве».⁷⁶

К концу 1902 г. Зубатов был удален из Москвы, однако реально его власть только возросла, ибо он после непродолжительного пребывания в должности чиновника особых поручений при министре был назначен в октябре начальником особого отдела Департамента полиции. Это назначение оказалось возможным в связи со скандальной отставкой заведывавшего заграничной агентурой Департамента полиции П. И. Рачковского, именного просторочившего превратить свои полномочия и представить царю через дворцового коменданта П. П. Гессе компрометирующие материалы о докторе Физинне из Лиона, пользовавшегося при русском дворе репутацией провидца. За этот поступок Рачковский был отставлен и заменен Л. А. Ратаевым, а место Ратаева занял теперь Зубатов. По его инициативе охранные отделения были образованы, помимо Петербурга, Москвы и Варшавы, еще в ряде других городов, включая Одессу, Вильно и Киев. Плеве уже не вспоминал о том, что считал политику Зубатова вредным и глупым экспериментом. Министр внутренних дел без тени смущения заявил в начале 1903 г. Витте, что «теперь вся полицейская часть, т. е. полицейское спокойствие государства, в руках Зубатова, на которого можно положиться».⁷⁷ Линия поведения Плеве по отношению к Зубатову свидетельствовала о том, что министр внутренних дел попросту не имел тщательно продуманной программы действий для борьбы с революционным движением и опасался вступать в конфликт с влиятельным московским генерал-губернатором. «Все события последнего времени, — писало не без основания либеральное «Освобождение», — показывают, что старания нашего правительства направлены исключительно на то, чтобы просуществовать сегодняшний день. Лишь бы было спокойно сегодня, какую бы цену это спокойствие ни было куплено; и что будет далее — это там видно будет».⁷⁸

⁷⁵ Хотя встреча Зубатова с промышленниками происходила при закрытых дверях, один из ее участников записал речь начальника Московского охранного отделения. По этой записке она была воспроизведена на страницах «Освобождения» в статье «Нелегальное начинание или „политика“ г. Зубатова» («Освобождение», 1902, № 8, с. 422).

⁷⁶ Давыдов В. Я. Указ. соч., с. 458.

⁷⁷ Витте С. Ю. Указ. соч., с. 248.

⁷⁸ Освобождение, 1903, № 20, с. 363.

Действительно, в Москве в зиму 1901—1902 г. было только несколько стачек. Однако в стране осень и зима 1902 г. ознаменовались значительными событиями в рабочем движении. Важной вехой в революционной борьбе рабочих России стала Ростовская стачка в ноябре 1902 г. Рост рабочего движения самым решительным образом подталкивал законодательную инициативу правительства. Выступив, в отличие от Сипягина, в поддержку зубатовщины, Плеве в то же время продолжил начатую его предшественником совместно с Министерством финансов разработку фабричного законодательства.

2 июня 1903 г. был издан закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности».⁷⁹ В истории выработки этого закона в полной мере отразились зигзаги реформаторской политики самодержавия второй половины XIX столетия.

Мысль о необходимости подготовки подобного законодательства возникла еще в 1859 г. в учрежденной при Министерстве финансов комиссии для определения порядка вознаграждения увечных рабочих. Только в 1880 г. Совет торговли и мануфактур занялся разработкой проекта закона о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. 25 февраля 1889 г. министр финансов Вышнеградский внес его в Государственный совет. Однако проект был возвращен в Министерство финансов без обсуждения на том основании, что он не был предварительно рассмотрен в других министерствах. 15 марта 1893 г. его вторично внес в Государственный совет уже Витте. Проект опять был отвергнут как несоответствующий «общему духу» русского законодательства и под тем предлогом, что с введением проекта в действие может возникнуть «не существующий рабочий вопрос». Только после обсуждения проекта в Особом совещании под председательством Ковалевского 19 сентября 1902 г. проект вновь был направлен в Государственный совет и, наконец, 2 июня 1903 г. после утверждения царем, получил законодательную силу. По инструкции Главного фабричного управления, изданной 3 декабря 1903 г., фабричная инспекция обязана была составить список предприятий, на которые распространяется закон 2 июня 1903 г., и следить за его исполнением.⁸⁰ На фабричную инспекцию был возложен и контроль над исполнением закона о назначении старост из среды рабочих, утвержденный наконец 10 июня 1903 г.⁸¹

Витте и Плеве выступали заодно, отстаивая закон о введении института старост на предприятиях, несмотря на то что он вызвал возражения со стороны фабрикантов. 36 петербургских промышленников, в том числе председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С. П. Глезмер, решительно высказались против учреждения на предприятиях обществ взаимопомощи для рабочих и института старост. В представленной в Министерство финансов специальной докладной записке петербургские фабриканты пытались доказать, что в России рабочие,

⁷⁹ ПСЗ, III, т. XXIII, № 23060, 2 июня 1903 г.

⁸⁰ Юбилейный сборник..., л. 44—46.

⁸¹ ПСЗ, III, т. XXIII, № 23122, 10 июня 1903 г.

составили «менее 2% общего населения», не объединены в «особую касту, как на Западе, а слиты с населением или сельским, или городским; никакой организованной систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России не было и отдельные вспышки в большинстве случаев представляют результаты случайных недоразумений или посторонних влияний». Промышленники требовали освободить их от обязанности заботиться о больницах, школах, жилищах или кассах для рабочих, и упрекали правительство в том, что оно увлекается «западными образцами», вместо того чтобы распространить формы попечения, выработанные «русской жизнью» и «достаточно отвечающие духу народному». Петербургские фабриканты заявляли, что «приходские попечительства, обновленные и надлежаще организованные, имеют полную возможность осуществлять все цели взаимопомощи более широко, более гуманно», чем профессиональные организации фабричных рабочих. «Кроме прихода, — утверждалось в записке петербургских фабрикантов, — попечительные учреждения могут быть организованы и управлением попечительства о народной трезвости и местным управлением, городским и земским».⁸²

Отношение петербургской буржуазии к реформам в области рабочего законодательства свидетельствовало не только о ее нежелании раскошеливаться, но и о том, что представители столичных промышленных кругов, как и большинство бюрократов, плохо представляли себе состояние и перспективы рабочего движения в России. Русская буржуазия накануне революции 1905—1907 гг. не имела своей достаточно четкой программы в политике по рабочему вопросу и не могла противопоставить ее действиям правительства.⁸³

Русские промышленники чаще всего в своих поступках и в своем отношении к рабочему вопросу попросту исходили из интересов только собственных предприятий и в то же время стремились приспособиться к правительственной политике. Так, московские предприниматели, в отличие от петербургских, не были столь яркими противниками ни касс взаимопомощи, ни введения института старост.

В конечном счете законопроект о старостах, как мы это видели, был принят, несмотря на противодействие петербургского промышленного мира. Однако ни московские, ни столичные предприниматели не спешили его осуществлять и фабричные старосты начали появляться на петербургских предприятиях только в конце февраля 1904 г.

Итоги реформаторской деятельности правительства были встречены с недовольством и рабочими. Они рассматривали старост, находившихся в зависимом положении от заводууправления, как агентов хозяев и полиции.

Июньские законы 1903 г. о страховании рабочих за счет предпринимателей и введении старост на предприятиях, казалось, должны были усилить влияние Министерства финансов на политику в рабочем во-

просе, ибо они расширяли права фабричной инспекции. Однако на деле это было не так. Затянувшийся спор о том, какому ведомству — Министерству финансов или Министерству внутренних дел — должна была подчиняться инспекция, завершился почти одновременно с изданием рабочих законов. Под давлением Плеве Витте вынужден был отступить и пойти на компромисс. По закону 30 мая 1903 г. фабричная инспекция оставалась в ведении Министерства финансов, но инспекторы на местах должны были подчиняться губернаторам. Отныне губернаторы могли требовать от чинов инспекции регулярные отчеты. Губернатор имел право отменить распоряжения фабричного инспектора, если находил их опасными для общественного порядка.⁸⁴ Хотя закон 30 мая и был составлен на основании совместного представления министров внутренних дел и финансов и по смыслу должен был придать согласованный характер деятельности министров по управлению фабричной инспекцией, он не примирил их позиций. Витте считал, что связь с полицией лишает инспекцию «нравственного авторитета» в глазах рабочих и делает ее органом «совершенно беспомощным для дела». Плеве не был удовлетворен принятым решением и продолжал настаивать на переносе инспекции в Министерство внутренних дел.⁸⁵ Он был одержим идеей создания специального департамента труда при своем министерстве. В самом начале 1903 г. по рекомендации известного экономиста И. И. Янжула Плеве пригласил видного земского деятеля, автора ряда книг по рабочему вопросу А. В. Погожева для изучения положения рабочих в России, их нужд, которые возможно было бы удовлетворить, но только так, чтобы это не затрагивало интересы режима.⁸⁶

В течение более чем полутора лет Погожев готовил в Центральном статистическом комитете МВД свое исследование по рабочему вопросу, делая в то же время регулярные доклады министру. В них Погожев рисовал совсем не утешительную для самодержавия перспективу развития рабочего движения, предсказывая рост городского пролетариата, обнищание крестьянства, безработицу. Как и Янжул, Погожев был сторонником создания профсоюзных организаций для рабочих, свободы стачек. Он считал необходимым реорганизацию инспекторского аппарата. Погожев предостерегал министра внутренних дел, что проведение необходимых реформ может занять два или три года, и они могут отстать от быстро развивающегося рабочего движения.

Плеве убеждал и Погожева, и Янжула в том, что он намерен осуществить программу реформ, которые постепенно расширят права и удовлетворят многие требования рабочих. Но прежде всего Плеве стремился добиться того, чтобы рабочим вопросом занималось только одно Министерство внутренних дел и в нем для этой цели был создан специальный департамент труда.

Поскольку Плеве отдавал себе отчет в том, что создание такого департамента может встретить оппозицию со стороны других министерств,

⁸² Цит. по: Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906, с. 275—278.

⁸³ По справедливому замечанию В. Я. Лаврычева, русская буржуазия «была еще неспособна» противопоставить «попечительным» проектам правительства «скользко-нибудь последовательно требование общих чисто буржуазных реформ» (Лаврычев В. Я. Указ. соч., с. 164).

⁸⁴ ПСЗ, III, т. XXIII, № 23041, 30 мая 1903 г.

⁸⁵ Озеров И. Х. Указ. соч., с. 169—170.

⁸⁶ Погожев А. В. Из воспоминаний о В. К. Плеве. — Вестник Европы, 1911, XLVI, с. 259—260.

он решил постепенно подготовить реорганизацию в департамент труда Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Осенью 1903 г. Плеве открыл свой план Янжулу и предложил ему возглавить будущий департамент труда.⁸⁷ Однако затея Плеве не получила поддержки со стороны вел. кн. Сергея Александровича и так и не была осуществлена. Насколько далеко собирался пойти Плеве в своем реформаторстве рабочей политики, остается загадкой.

Летом 1903 г. в условиях нараставшего рабочего движения на юге России зубатовское движение вступило в полосу острого кризиса. В июле 1903 г. в Одессе началась всеобщая стачка. К этому времени широко развернула свою деятельность Еврейская независимая рабочая партия. Для распространения влияния партии один из ее лидеров Г. Шаевич в начале 1903 г. приехал в Одессу, направив своих агентов в Киев, Харьков, Екатеринослав, Херсон и Николаев.

В результате зубатовская идеология пустила довольно глубокие корни в рабочем движении на Юге и в особенности в Одессе. Однако в ходе вспыхнувшей в июле всеобщей стачки Шаевичу и его агентам не удалось удержать рабочих, в том числе и связанных с Еврейской независимой рабочей партией, в рамках экономической борьбы. Всеобщую стачку в Одессе возглавили социал-демократы, правительство смогло подавить ее только силой.⁸⁸ Провал зубатовцев в Одессе вызвал раздражение Плеве, резко изменившего свое отношение к Зубатову.

Плеве начал осторожно критиковать Зубатова еще в самом начале 1903 г. Так, на заседании комиссии при Министерстве финансов 6 февраля 1903 г. Плеве осудил попытки зубатовцев создавать классы взаимопомощи в отраслях промышленности, а не только на предприятиях. Летом 1903 г. «активу» зубатовских организаций в Москве было запрещено подавать жалобы от имени рабочих.⁸⁹

После всеобщей стачки в Одессе, а также выступлений рабочих на Кавказе и Украине, Плеве перешел к открытому осуждению зубатовского движения. В конце июля для выяснения причин возникновения стачек на юге на Кавказ был направлен товарищ министра внутренних дел фон Валь, в Одессу, Николаев и Киев выехал директор Департамента полиции Лопухин. Последовал роспуск Еврейской независимой рабочей партии. Зубатов был смещен со своего поста и выслан из Петербурга во Владимир. Зубатовское движение пошло на убыль.

Стачки рабочих на юге России летом 1903 г. показали, что методами «полицейского социализма» уже невозможно было остановить нараставший революционный подъем. Однако правительство не нашло ничего лучше как вернуться к политике, уже доказавшей свою несостоятельность, допустив петербургский эксперимент священника Георгия Гапона.

⁸⁷ Янжул Н. И. Указ. соч., с. 427—428.

⁸⁸ См. Вовчик А. Ф. Указ. соч., с. 129—131.

⁸⁹ Давыдов В. Я. Указ. соч., с. 158—159.

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА 1898—1903 гг.

Признаки нараставшего подъема общественно-демократического движения к началу 1900-х гг. стали настолько очевидными, что не заметить этого не могли и правящие круги. В дневнике военного министра А. Н. Куропаткина сохранилась запись его разговора с министром финансов С. Ю. Витте, сделанная 1 января 1902 г., сразу же после возвращения из Зимнего дворца. «Мы ходили по зале, где были собраны члены Гос. совета, министры, сенаторы. Там же стояли офицеры Кавал. полка, — записал Куропаткин. — Показывая на толпу эту рукою, Витте сказал: „Уверю вас, что все они, за малым исключением, кроме офицеров, думают о конституции в России“. Потом он поправился и сказал, что не так выразился, что надо принять, что 80% находившихся в зале недовольны правительством...».¹

Заговорили о земстве. Витте начал доказывать Куропаткину неизбежность «для земства стать силою, ограничивающей самодержавие». «Однако он признал, что рост промышленности ведет к развитию недовольства среди рабочих, вызывает противоправительственное движение, что фабричные рабочие, техники и пр. отличный, все растущий элемент для революционной пропаганды». Куропаткин тотчас же ухватился за это признание и как сторонник сохранения и развития земского влияния заявил, что наряду с рабочими столь же опасная среда, «плодящая недовольных и, главное, дающая главный контингент сочувствующих», — чиновничество. «По моему мнению, — продолжал Куропаткин, — надо именно держать людей от земли и пахарей, и землевладельцев в особой земской, консервативной группе, дабы в ней самодержавие нашло опоры и против либеральных рабочих и против либеральных чиновников». Военный министр отстаивал идею сохранения неограниченного самодержавия, утверждая, что если «дадут конституцию и представительное собрание, то депутаты с окраин... дружно соединившись, отвоюют себе права, которые приведут Россию к штатам, к государству, состоящему из конгломерата народностей, но не к великой русской державе...». «Давление, которое мы оказываем на окраины, — возражал в свою очередь Витте, — приведет нас скорее к революции, чем если бы мы дали окраинам относительную свободу».²

Этот затянувшийся диалог двух министров (как бы они ни были откровенны друг перед другом) свидетельствовал если не о понимании

¹ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. Копии 1897—1902 гг. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 63 и об.

² Там же.

ами всей глубины происходивших в стране событий, то по крайней мере о достаточно ясном представлении всей серьезности кризиса внутренней политики правительства. Земская тема заняла в этом разговоре не случайно столь значительное место. К началу нового столетия она стала объектом самых острых споров в правящих сферах в связи с поисками выхода из того политического тупика, в который уперлось самодержавие. Полемику в 1901 г. с П. Б. Струве, В. И. Ленин предостерегал против недооценки «значения земства, как орудия укрепления самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества...». «Земство — кусочек конституции. Пусть так, — писал В. И. Ленин. — Но это именно такой кусочек, посредством которого русское „общество“ отманывали от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень мало важная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических».³

Децентрализация и развитие местного самоуправления рассматривались некоторыми из представителей русской бюрократии как средство сохранить в неизменном виде власть самодержавия и в то же время удовлетворить претензии оппозиционно настроенных кругов русского общества. Этих взглядов придерживался, в частности, Н. Х. Бунге, оказывавший в самом начале царствования Николая II известное влияние на царя, а соответственно и на политику, проводившуюся И. Л. Горемыкиным как министром внутренних дел. Получив назначение на этот пост из рук К. Н. Победоносцева, Горемыкин не мог противостоять его реакционному курсу. Однако министр внутренних дел решился пойти против линии Победоносцева — Дурново и выступить с проектом продолжения земской реформы и введения земских учреждений в западных и некоторых окраинных губерниях России.

Проект земской реформы 1864 г. предусматривал введение земств в 44 губерниях, управлявшихся «по общему учреждению». Однако Положение о земских учреждениях 1 января 1864 г. было введено лишь в 34 губерниях. Земская реформа не коснулась девяти западных губерний: Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской.⁴ Правительство отказалось также от распространения Положения 1864 г. на ряд окраинных губерний, сравнительно мало населенных, со слабо развитым помещичьим земледелием, к числу которых были отнесены, в частности, Архангельская и Астраханская. Земские учреждения не были введены также в Оренбургской губернии, где значительную часть населения составляли казаки и башкиры. Однако на протяжении 70—80-х гг. вопрос о необходимости введения земских учреждений в тех или иных губерниях, не охваченных реформой, не раз ставился по инициативе, исходившей от губернских властей или местного дворянства.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 65—66.

⁴ См. Записка «О преобразовании учреждений, ведающих делами земского хозяйства в губерниях: Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской» 22 авг. 1901 г. — ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 13, д. 246, л. 1.

Поворот самодержавия к реакции в 1880-х гг. нашел свое отражение и в его политике по отношению к земству. Новое Положение, введенное 12 июня 1890 г. в 34 земских губерниях, предусматривало значительные изменения в избирательной системе: наряду с имущественным цензом были введены еще и сословные курии. Гласные от крестьян назначались губернатором из числа кандидатов, выдвинутых на волостных сходах. Новый закон способствовал усилению влияния дворян в земском управлении и одновременно правительственного контроля над ним.⁵ Для этой цели были созданы, в частности, губернские по земским делам присутствия.

Введение Положения 12 июня 1890 г. никак не отразилось на ходатайствах о реформе хозяйственного управления в неземских губерниях. В конце 80-х — начале 90-х гг. они все чаще и чаще стали появляться в губернаторских отчетах и рапортах. Во всеподданнейшем отчете киевского губернатора Л. П. Томара за 1894 г. вопрос о необходимости введения в губернии земских учреждений был поставлен самым решительным образом. Губернатор жаловался на трудности управления хозяйством империи без хорошо организованных земских учреждений, на отсутствие у населения «того оживления и интереса к местным общественным делам, которое в земских учреждениях возбуждает энергию, привлекает деятельных и хорошо знающих местные условия лиц». Судя по пометам Николая II, он отнесся с достаточным пониманием к этим жалобам киевского губернатора. «На все эти вопросы представить мне соображения», — потребовал царь. «Это верно, — согласился он с замечанием губернатора, — что при отсутствии земских учреждений губернская администрация не имеет органов, которые могли бы выполнять сложную работу раскладки земского сбора».⁶

Николай II оставил также сочувственную отметку: «Мне кажется, он прав, представить разъяснения» на отчете волынского губернатора Ф. Ф. Трепова за 1894 г., писавшего о необходимости введения в губернии земских учреждений и института земских начальников. Трепов, как и киевский губернатор, утверждал, что введение земских учреждений должно способствовать «общему подъему благосостояния населения» губернии, а допуск «в качестве земских гласных к участию в местных общественных целях всех местных жителей, в том числе и поляков», послужит «для последних лучшею школою русского гражданского воспитания».⁷

В связи с «высочайшими отметками» Государственный совет 15 февраля 1896 г. поручил министру внутренних дел до истечения срока действия земских смет на трехлетие с 1896 по 1898 г. подготовить и представить в Государственный совет свои соображения «по вопросу о преобразовании учреждений, ведающих дела о земских повинностях в губер-

⁵ В начале 90-х гг. число гласных дворян в уездных собраниях составляло более 55%, а в губернских — 89,5%, крестьянских гласных соответственно — 31 и 1,8% (Затарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968, с. 152—153).

⁶ ЦГИА СССР, ф. 4287, оп. 10, л. 877, л. 20, 23 об., 24, 139.

⁷ Там же, л. 24.

ниях, где не введены земские учреждения, и о мерах, кои могли бы способствовать правильной подготовке земского хозяйства».⁸

Поручение Государственного совета не было неожиданным для Горемыкина, ибо в Министерстве внутренних дел еще при Дурново начали собирать материалы о возможности хозяйственных преобразований в губерниях, где не было введено положение о земских учреждениях.⁹

Летом 1896 г. Горемыкин разослал письма ряду лиц и прежде всего губернаторам девяти западных и четырех окраинных губерний. Министр запрашивал сведения о населении и хозяйственном состоянии губерний, распределении земельной собственности. Он не скрывал того, что настроен в пользу реформы.¹⁰

Запросы Горемыкина вызвали весьма разноречивые отзывы с мест. Губернаторы западных губерний почти единодушно высказались за необходимость хозяйственных преобразований в крае, однако отношение их к возможности распространения Положения 12 июня 1890 г. на западные губернии было различным. За введение в западных губерниях нового Положения «в полном объеме» высказался только ковенский губернатор.¹¹ По мнению киевского, волынского и гродненского губернаторов в западных губерниях это Положение должно было быть введено с некоторыми изменениями, которые обеспечивали бы русским помещикам «подобающее» влияние в земских делах.¹² Могилевский губернатор присоединился к сторонникам распространения Положения на западные губернии, однако он выступал за то, чтобы сосредоточить всю земско-хозяйственную деятельность в губернском земском собрании и губернской земской управе. Бывший с 1889 по 1896 г. киевским, подольским и волыньским генерал-губернатором граф А. П. Игнатьев, а также подольский, минский, витебский и виленский губернаторы высказались за то, чтобы вместо введения в Западном крае земских учреждений образовать «особые правительственные установления», ведающие всеми отраслями земского хозяйства, дать им более широкие полномочия и «ввести в их состав представителей от владельцев имений и других недвижимых имуществ по приглашению от правительства».¹³

Очевидно для Горемыкина столь разное и даже оппозиционное отношение со стороны губернаторов к реформе было несколько неожиданным, и в конце 1896 г. он был вынужден заявить в Комитете министров, что не сумеет подготовить общий ее проект к сроку, установленному Государственным советом.¹⁴ Подчеркнуто сдержанное отношение к ре-

форме с самого начала занял министр финансов, отказавшийся высказать свое заключение до тех пор, пока Министерство внутренних дел не представит соответствующий документ.¹⁵

Между тем к концу 1896 г. реформа земского хозяйства в окраинных губерниях стала оживленно обсуждаться в печати. Поддерживая линию Министерства внутренних дел, «Новое время» 3 декабря 1896 г. поместило пространную и сочувственную заметку о докладе комиссии по введению в Ставропольской губернии земских учреждений чрезвычайному губернскому земскому собранию. Смысл доклада сводился к тому, что в Ставропольской губернии не встречается препятствий для введения земских учреждений, в то время как отсутствие их влечет за собой экономическое и культурное отставание. В статье выражалась надежда, что «с открытием... земских учреждений» не только изменится общее положение в Ставропольской губернии, но и можно будет рассчитывать на «введение суда присяжных».

16 июля 1897 г. в «Новом времени» появилось сообщение о том, что вопрос о введении земских учреждений на Кавказе в течение нескольких месяцев обсуждается в местных газетах и только две из них — «Кавказ» и «Черноморский вестник» — высказываются против реформы.

Но если полуофициозное «Новое время» все-таки поддерживало (хотя и осторожно) курс Горемыкина, решительным его противником выступили «Московские ведомости». Опубликованная в номере от 10 июля 1897 г. статья «Самоуправление на окраинах» была пронизана злой иронией по адресу «инородческой интеллигенции» на Кавказе, в Балтийских губерниях и Северо-Западном крае, переживающей «вот уже без малого целый год... небывалый подъем духа» в связи с хлопотами о введении земских учреждений. «Московские ведомости» обрушились с критикой не только на местную, но и на столичную печать за то, что та «усердно отстаивает земство на окраинах», считая его «не только культурным фактором, но также орудием сближения окраин с центром». Издателям «Московских ведомостей» не по душе было и городское самоуправление на окраинах, не говоря уже о земском. «Политиканствующая инородческая интеллигенция, — утверждалось в статье, — которой в земском самоуправлении будет принадлежать, как и в городском, руководящая роль, не преминет и, конечно, сумеет воспользоваться им для своих целей и своих задач, которые не только не имеют ничего общего с нашими целями и нашими задачами на окраинах, но находятся в полном и резком противоречии с ними».

Впрочем, «Московские ведомости» без одобрения относились к земской деятельности и во внутренних губерниях России. 13 июля 1897 г. газета обвинила земство в том, что «оно не замедлило вырождаться в какое-то антиправительственное установление, около которого с жадностью сгруппировались... доморожденные конституционалисты», видящие в нем первую ступень в осуществлении заветной их мечты о «венчании зданья». «Московские ведомости» пугали конституцией. Голос «Московских

⁸ Там же, л. 27 и об.

⁹ Записка И. Н. Дурново в Комитет министров 5 июня 1895 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 887, л. 7 и об.

¹⁰ И. Л. Горемыкин — могилевскому губернатору Н. А. Зиповьеву 31 июля 1896 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 887, л. 39—40.

¹¹ Записка «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям западным: Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской». — Библиотека ЦГИА СССР. Коллекция печатных записок [в переплете под общим названием]: «Земская реформа 1898—1903 гг.», т. I. Проект И. Л. Горемыкина, с. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 6—7.

¹⁴ Выписка из журнала Комитета министров 19 нояб. и 3 дек. 1896 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 887, л. 143 и об.

¹⁵ С. Ю. Витте — главному управляющему делами Комитета министров 4 нояб. 1896 г. — Там же, л. 145 и об.

ведомостей» должен был прозвучать как серьезное предостережение для министра внутренних дел. И после смерти М. Н. Каткова в 1887 г. за газетой стояли влиятельные силы, она была связана с Министерством финансов и пользовалась его поддержкой.

В связи с противоречивым отношением на местах и в сферах к введению земских учреждений в Западном крае Горемыкин распорядился составить проект реформы так, чтобы он носил компромиссный характер и, с одной стороны, не отличался «в существенных чертах от устройства, какое дано земскому управлению во внутренних губерниях», а с другой — обеспечил бы в Западном крае «утверждение начал... русской гражданственности». По этому проекту «применительно к общим началам Положения 12 июня 1890 г.» в западных губерниях должны были быть образованы губернские земские собрания и губернские и уездные земские управы. Губернские земские собрания должны были состоять «из представителей от всех классов плательщиков земских сборов, избираемых от частных владельцев на общих для всех сословий уездных избирательных собраниях, а от крестьян, владеющих надельной землей, на волостных сходах».¹⁶ В губернских земских собраниях, помимо избранных гласных, должны были участвовать губернский предводитель дворянства и в качестве председателя (если император не назначил на этот пост специальное лицо), уездные предводители дворянства, председатель и члены губернской земской управы, городской голова губернского города, местные управляющие государственными имуществами и удельными округами и депутат от православного духовенства, по назначению епархиального начальства.

Председатели и члены губернских и уездных земских управ должны были быть назначены от правительства, «по возможности» из числа лиц, владевших в пределах губернии имущественным цензом, необходимым для участия в земских выборах.

Проект предусматривал право министра внутренних дел вносить после проведения реформы свои предложения в Комитет министров «об образовании уездных земских собраний в тех уездах западных губерний, где решительное преобладание в среде землевладельческих классов элементов, безусловно проданных русской государственности, откроет к тому возможности» и о постепенном распространении на эти уезды, равно как и на губернии в целом, всех правил, установленных Положением о земских учреждениях 1890 г.¹⁷

Этот проект, составленный по распоряжению Горемыкина, был разослан губернаторам всех девяти западных губерний, а также вновь назначенным генерал-губернаторам Северо- и Юго-Западного края генерал-адъютантам Троцкому и Драгомирову. В то же время губернаторы были приглашены в марте 1898 г. в Петербург для участия в Особом совещании под председательством товарища министра внутренних дел А. Д. Оболенского, специально созванном для решения вопроса о введении земств в Западном крае.

Участникам совещания было предложено ответить на два вопроса: «Действительно ли единственным способом к упорядочению земского в западных губерниях хозяйства является введение в них земских учреждений?» и если да, то «желательно ли распространение на эти губернии Положения о земских учреждениях 1890 г. в полном объеме или следует «ограничиться... учреждением одних губернских земских собраний, с сосредоточением в них распорядительной власти по всем делам земского хозяйства губернии и образованием в уездах лишь исполнительных органов в той или иной форме?».¹⁸ Таким образом, губернаторы могли принять решение и о введении в западных губерниях Положения 1890 г. в полном объеме.

После непродолжительного обмена мнениями участники совещания единогласно признали необходимость проведения земской реформы. Однако только ковенский, киевский и волынский губернаторы считали возможным учреждение земских собраний как в губерниях, так и в уездах. Из них один ковенский губернатор был за безоговорочное введение в своей губернии Положения 1890 г. в полном объеме. Остальные губернаторы с незначительными оговорками присоединились к проекту Министерства внутренних дел.¹⁹ За немедленное введение в юго-западных губерниях Положения о земских учреждениях в полном объеме выступил генерал-адъютант Драгомиров. Он, кроме того, настаивал, чтобы выборы уездных гласных от частных владельцев производились в одном, общем для всех сословий, избирательном собрании, а к участию в них были допущены: крестьяне, принадлежавшие к составу сельских обществ уезда, если они владели в установленном размере землей или недвижимым имуществом, и уполномоченные от священнослужителей, владевшие в уезде либо церковной землей в размере, определенном в законах межевых и в законах о состояниях, либо установленным для частных собственников имущественным цензом. Должности председателей и членов земских управ, по мнению Драгомирова, следовало замещать не иначе как лицами русского происхождения.²⁰

Генерал-адъютант Троцкий высказался против введения земских учреждений в какой бы то ни было форме в Северо-Западном крае. Он предлагал ограничиться только усовершенствованием органов земского хозяйства «путем расширения их полномочий и привлечения к участию в земском деле выборных представителей населения».²¹ Так, вместо губернских и уездных распорядительных комитетов, Троцкий предлагал «учредить губернские и уездные по земским делам присутствия» под председательством в первом случае губернатора, а во втором — предводителя дворянства или «особого лица по назначению от правительства». В состав этих административных органов должны были войти ряд официальных лиц и гласные: от землевладельцев от 3 до 6 в уездные присутствия и по 2 от уезда — в губернские; от крестьянских обществ 2 в уездные и по одному от уезда в губернские присутствия. На тот случай,

¹⁸ Земская реформа 1898—1903 гг., т. I... Журнал ... совещания по вопросу о преобразовании земского устройства в западных губерниях, с. 188.

¹⁹ Там же, л. 187—223.

²⁰ Записка «О применении Положения...», с. 10.

²¹ Там же, с. 11—13.

¹⁶ Записка «О применении Положения...», с. 7.

¹⁷ Там же, с. 7—8.

если бы все-таки было принято решение о введении земских учреждений в Западном крае, Троцкий выставлял множество оговорок, которые должны были быть приняты.

Таким образом, Горемыкину все-таки не удалось добиться полного единодушия «на местах» в оценке даже компромиссного проекта реформы и в итоге развернувшейся полемики министр внутренних дел выступил с пространными «соображениями», внося некоторые поправки и уточнения в первоначально подготовленный проект.²² Горемыкин опять-таки подчеркнул, что отдельные отрасли земского хозяйства в западных губерниях находились в ведении административных учреждений, действовавших «независимо друг от друга». Единственным, связывавшим их ланом был губернатор. Служащие разного рода комитетов, комиссий и присутствий в большинстве своем далеко не всегда были знакомы с местными нуждами и потребностями, земское хозяйство не имело настоящих уездных исполнительных органов, они существовали «только на бумаге», а в результате «западные губернии в своем земско-хозяйственном развитии далеко отстали», по сравнению с теми, где действовало Положение о земских учреждениях.²³ Горемыкин, наконец, обращал внимание на то, что в западных губерниях не было «правильной раскладки повинностей между отдельными местностями и плательщиками», в результате чего, писал Горемыкин, «наименее состоятельные классы населения... несут тройное на земские надобности обложение, тогда как высшие — более достаточные — уплачивают один лишь губернский земский сбор и несут издержки на поставку лесных материалов для дорожных сооружений».²⁴

Из этой характеристики земского хозяйства в западных губерниях Горемыкин, естественно, делал вывод, что необходимо либо создать там новые правительственные учреждения, «с приглашением или без приглашения в их состав представителей местного населения», либо ввести земские учреждения, применив Положение 12 июня 1890 г., но с изменениями, учитывающими местные особенности.

Сам Горемыкин выставлял себя принципиальным сторонником земских учреждений, утверждая, что системе административного управления присущ «недостаток хозяйственной инициативы». Он заявлял о необходимости передать управление земским хозяйством в руки «плательщиков местных земских сборов» и уравнивать в западных губерниях его с «хозяйством городским», «управление коим уже с 1875 г. установлено там на основании городского положения, действующего и во внутренних губерниях империи».²⁵

²² Там же, с. 26—453.

²³ Там же, с. 31—36.

²⁴ Там же, с. 64—65.

²⁵ Там же, с. 68—73. В то же время Горемыкин был сторонником усовершенствования земского хозяйства. Еще законом 8 июня 1893 г. были установлены правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами. 1 июня 1895 г. был издан закон об образовании специальных дорожных капиталов, а 2 июня 1898 г. уже после того как Горемыкин стал министром внутренних дел, об отчислении в состав этих капиталов соответствующей доли из доходов земств. При Горемыкине же в Министерстве внутренних дел был подготовлен проект изменений и дополнений устава общественного призрения, совместно с Министерством финан-

Проект введения земских учреждений в Западном крае был составлен так, чтобы ограничить в них представительство польских помещиков. Для этой цели Горемыкин предлагал отказаться от установленного Положением 1890 г. порядка выборов по сословиям, а использовать Положение о земских учреждениях 1864 г., которое предусматривало выборы гласных на съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей, а также выборных от сельских обществ. В Западном крае, за исключением Киева и Вильно, «владельцы недвижимого имущества» принадлежали в большинстве своем к еврейскому населению, не допускавшемуся к участию в делах земского хозяйства. Потому Горемыкин предлагал в западных губерниях «объединить в одном собрании и в одном съезде всех лиц, владеющих в пределах уезда как земельным, так и иным, кроме земельного, цензом, дающим право на участие в выборах», а на Киев и Вильно распространить порядок земского представительства, установленный для столиц и Одессы.²⁶

Сосредоточение управления всей хозяйственной частью края только в губернских земских собраниях должно было служить этим же целям. «После долгого застоя разбудить сразу общественную жизнь как в губерниях, так и в уездах было бы неосторожно», — писал Горемыкин, — предлагая ограничиться в уездах созданием лишь исполнительных хозяйственных органов. Замысел Горемыкина состоял в том, чтобы вместо уездных земских собраний «организовать особые местные совещания», которые «являлись как бы местными комиссиями губернского земского собрания» и занимались предварительным рассмотрением уездных смет и других материалов. Особые совещания должны были состоять из губернских по данному уезду гласных и личного состава уездных земских исполнительных органов. Заседания совещаний должны были проходить под председательством уездного предводителя дворянства и носить строго деловой и непубличный характер.²⁷ Их созыв должен был предшествовать созыву губернских земских собраний и зависеть от него. Что же касается состава губернских земских собраний, то Горемыкин (речь об этом шла и в первоначальном проекте) считал необходимым ввести в состав губернских собраний в Западном крае целый ряд лиц, помимо тех, что были предусмотрены Положением 1890 г.

Так, предполагалось включить в состав губернского собрания городского голову, председателей уездных земских управ, если таковые будут образованы, или уездных земских агентов. Наконец, Горемыкин был за то, чтобы учесть предложение Драгомирова и приглашать в губернские собрания с правом решающего голоса представителя военного ведомства.

При выборах гласных от частных землевладельцев Горемыкин предлагал сохранить для западных губерний порядок, установленный дей-

ств был разработан новый устав об обеспечении народного продовольствия, подготовлен проект закона о предельности земского обложения, и наконец, на основе заключения Особого междуведомственного совещания выработаны «предположения о постепенном отнесении... на счет казны» некоторых из земских расходов, в том числе и по народному образованию (Земская реформа 1898—1903 гг., т. 1 ..., с. 75—76).

²⁶ Там же, с. 92.

²⁷ Там же, с. 93, 96.

ствовавшим Положением, однако он допускал возможность, в случае если это будет признано необходимым, и проведение двухстепенных выборов.²⁸

Сложное обстояло дело с исполнительными органами земского управления губернскими и уездными земскими управами. Против создания уездных управ выступил могилевский губернатор, предложивший заменить их агентами. Горемыкин не возражал категорически против такой возможности, он считал систему агентов более дешевой и применимой в «губерниях малокультурных», таких как Архангельская, Астраханская или Оренбургская.²⁹ Вместе с тем в западных губерниях министр настаивал на сохранении той же «в общих чертах» организации исполнительных земских органов, какая существовала в губерниях внутренних, т. е. должны были быть созданы «губернские и уездные земские управы в виде учреждений коллегиальных с возложением на первые общего руководства, а на последние непосредственного заведывания делами земского хозяйства в уездах».³⁰ Однако степень самостоятельности земских управ в западных губерниях (по сравнению с внутренними) предполагалось ограничить, а замещение должностей «председателей и членов земских управ как губернских, так, тем более, уездных, ближе стоящих к населению», производить «на первое, по крайней мере, время по назначению от правительства, а не по выбору собрания». Свободное избрание членов губернской и уездной земских управ, по закону состоявших на государственной службе, породило бы, по утверждению Горемыкина, «непременные на практике затруднения». «Высочайшие повеления», ограничивавшие замещение поляками должностей на государственной службе в западных губерниях «распубликованы не были, а были лишь преподаны к руководству министрам и местному в тех губерниях начальству».³¹

Председателей и членов земских управ в западных губерниях министр считал возможным вербовать из числа лиц, уже состоявших на государственной службе в должности членов от правительства в губернских распорядительных комитетах, непременных членов губернских и уездных по крестьянским делам присутствий, председателей съездов мировых посредников. При этом Горемыкин предлагал распространить на западные губернии порядок, установленный для Вятской, Олонецкой, Пермской и семи уездов Вологодской губерний, по которому в должность председателей и членов земских управ могли быть назначены лица, не имевшие имущественного ценза.³²

В итоге соображения министра относительно введения земских учреждений в западных губерниях свелись к следующим пяти пунктам.

«1) Земские установления образуются, применительно к общим началам Положения 12 июня 1890 года, в составе губернских земских собраний и губернских, и уездных земских управ как исполнительных органов.

²⁸ Там же, с. 98—100.

²⁹ Там же, с. 101.

³⁰ Там же, с. 102.

³¹ Там же, с. 103—106.

³² Там же, с. 109.

2) Губернские земские собрания состояются из представителей от всех классов плательщиков земских сборов, избираемых от частных владельцев на уездных избирательных собраниях, а от крестьян, владеющих наделной землей, на волостных сходах.

3) В губернском земском собрании сверх положенного числа гласных участвуют: а) губернский предводитель дворянства, который председательствует в оном, в случае, если государю императору не благоугодно будет назначить для сего особое лицо; б) уездные предводители дворянства; в) председатель и члены губернской земской управы; г) городской голова губернского города; д) местные управляющие государственными имуществами и удельным округом; е) депутат от духовного ведомства, если епархиальное начальство признает полезным его назначить; ж) по делам, касающимся подлежащего уезда, председатель уездной земской управы или лицо, его заменяющее; и з) в тех из западных губерний, которые непосредственно примыкают к границе, представитель военного ведомства, если командующий войсками округа признает полезным его назначить.

4) Губернским земским собраниям представляется распорядительная власть надзор за исполнительными органами и решение дел, отнесенных, на основании Положения о земских учреждениях 1890 г., а равно подлежащих уставов и узаконений, к предметам ведения губернских и уездных земских установлений.

5) Председатели и члены губернских и уездных земских управ, а равно заменяющие уездные земские управы агенты назначаются от правительства из числа лиц, отвечающих тем особым условиям, которые требуются для занятия в крае должностей по службе государственной, и по возможности владеющих в пределах губернии имущественным цензом».³³

Горемыкин видел цель предстоящей реформы в продолжении уже предпринятых преобразований ради «окончательного, во всех отношениях слияния западных губерний с прочими коренными местностями Империи». Министр рассматривал реформу «как меру временную» и хотел сохранить за собою право обращаться к царю через Комитет министров с ходатайствами об образовании уездных земских собраний в тех уездах западных губерний, где это окажется возможным, и о подчинении «земских учреждений этих уездов, равно как и в целых губерниях, действию всех правил, установленных Положением 12 июня 1890 г.».³⁴

В Киевской и Волынской губерниях оседло жило в своих имениях только 50% русских помещиков, а в остальных семи западных губерниях и того меньше — 40%. Поэтому Горемыкин предлагал распространить на западные губернии правила, установленные (ст. 20) Положением о земских учреждениях 1890 г. для Вятской, Олонецкой, Пермской и семи уездов Вологодской губернии, разрешавшие участвовать в земских избирательных собраниях и избираться в земские гласные управляющим имениями, если они имеют соответствующие полномочия от владельца. По Положению о земских учреждениях 1 января 1864 г. крестьяне, владе-

³³ Там же, с. 110.

³⁴ Там же, с. 111—112, 114.

ние на правах собственности крупными участками земли (помимо наделной), пользовались правом участвовать в избирательном съезде уездных землевладельцев. Положением 12 июня 1890 г. этот порядок был отменен ради усиления сословного принципа при выборах в земство. Между тем по данным Министерства внутренних дел на 1897 г. крестьяне, имеющие или надела участки земли в размере, дававшие «право непосредственного участия в земских выборах», составляли в «юго-западных губерниях более 10% общего числа землевладельцев», причем в подавляющем большинстве это были лица русского происхождения. Несколько иная картина наблюдалась в северо-западных губерниях, где крупное вненаделное землевладение было развито слабее, но и там среди этой категории крестьянства преобладали лица православного вероисповедания. Горемыкин был за то, чтобы допустить к участию в земских избирательных собраниях крестьян-крупных собственников — владельцев недвижимого имущества.³⁵

Отступление от сословного принципа при выборах в земские учреждения неизбежно сказалось в горемыкинском проекте и на определении размеров имущественного ценза для избирателей. По Положению о земских учреждениях 1864 г. размер земельного ценза, дававший право личного участия в избирательном съезде уездных землевладельцев, определялся пространством, соответствовавшим «установленным для данной местности ста душным наделам». В выборах разрешалось участвовать владельцам заводов, фабрик или других хозяйственных заведений в уезде, оцененных не менее чем в 15 000 р. (что соответствовало стоимости 100—200 душных наделов) или с годовым оборотом производства не ниже 6000 р.³⁶

За четверть века, минувшую после земской реформы 1864 г., стоимость земли значительно возросла, поэтому норма земельного ценза для разных уездов несколько изменилась. Вместе с тем «из состава земельного ценза решено было исключить неудобные земельные угодья и соответственно допустить понижение его размеров примерно на 10% для тех уездов, в которых имелось «более или менее значительное (свыше 9%) количество неудобных земель».³⁷ Учитывая эти перемены, Горемыкин считал, что в западных губерниях «главным основанием при определении... размеров земельного владения, которые могли бы давать право непосредственного участия в земских избирательных собраниях... надлежит принять количество облагаемой земскими сборами земли, которое, по средним в соответствующей губернии или уезде ценам, «соответствовало бы по стоимости норме, принятой для других видов недвижимости, — т. е. 15 000 р.». Причем норму земельного ценза Горемыкин определял не ниже 100 десятин, в то время как киевский, подольский и волынский генерал-губернатор считал возможным, «в соответствии с местными ценами на землю» понизить размеры ценза до 80 или даже 65 десятин. Впрочем, при реальном пересчете на десятины земельный ценз в размере 100 десятин предполагалось установить только для трех уез-

дов: Звенигородского и Каневского Киевской губернии и Заславльского — Волынской. Максимальный ценз, достигавший 600 десятин, приходился на Мозырский уезд Минской губернии. В большинстве уездов преобладал ценз в размере от 150 до 250 десятин.³⁸

При определении численного состава губернских земских собраний Горемыкин предлагал «принять за основание средний, примерно, комплект гласных, принятых для сих собраний в губерниях внутренних», т. е. от 40 до 65 человек. При этом количество гласных от избирательных собраний должно было быть определено, как и во внутренних губерниях, «в двойном приблизительно числе», по сравнению с гласными от сельских обществ, с тем чтобы предоставить «первенствующее в собраниях значение более развитым и образованным классам».³⁹ Горемыкин планировал ввести в действие правила о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. в тринадцати неземских губерниях с 1 января 1900 г. со всеми последующими изменениями в организации управления местным хозяйством.⁴⁰

Детальная разработка проекта реформы и тщательное его обсуждение свидетельствовали о том, что Горемыкин надеялся его все-таки провести в жизнь, хотя и в сильно урезанном варианте. Однако эта надежда не оправдалась. Проект был провален при обсуждении в министерствах.

Безоговорочную поддержку он получил только в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Военное министерство и Министерство путей сообщения тоже поддерживали проект, ограничившись незначительными замечаниями частного порядка. Зато все остальные министерства высказались категорически против новой реформы. Министерство просвещения считало введение земств в Западном крае «несвоевременным» и выступило против того, чтобы подвергать Положение 1890 г. такой коренной ломке и в случае, если бы было принято решение о его распространении на окраинные губернии. Министерство юстиции также порицало проект за очень существенные отступления от Положения 1890 г. Государственный контроль «не возражал против осуществления» реформы в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях, но был против введения земств в девяти западных губерниях по соображениям политическим. Министерство императорского двора и уделов придерживалось такой же точки зрения, но считало необходимым произвести реорганизацию местного хозяйства во внеземских губерниях, оставив в руках правительства контроль над земскими повинностями и преобразовав только органы, «заведывавшие этим делом, изменив их состав, допустив в губернские и уездные учреждения некоторое небольшое число членов по избранию от землевладельцев и крестьян и значительно расширив самостоятельность уездных учреждений, теперь не имеющих никакого значения».⁴¹

Категорически высказалось против реформы земско-хозяйственного управления в неземских губерниях как основанной на выборных нача-

³⁵ Там же, с. 120—121.

³⁶ Там же, с. 136.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 137, 138—140.

³⁹ Там же, с. 141—142.

⁴⁰ Там же, с. 151. См. также: «Заключение министра внутренних дел» + Приложение. — Там же.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 890, л. 38—40.

дах ведомство православного вероисповедания. «Наше население не подготовлено к самоуправлению», — заявил обер-прокурор Синода Победоносцев.⁴² Решающее значение для провала проекта Горемыкина имела позиция министра финансов Витте, в общем совпадавшая с позицией Победоносцева. Витте выступил с серией отзывов, направленных против проекта.

22 апреля 1898 г. Горемыкин послал Витте для заключения проект представления в Государственный совет о введении земских учреждений в Архангельской губернии. С нее Горемыкин собирался начать проведение своей реформы. Витте ответил только 9 декабря, заявив, что «реформа не может привести к улучшению в состоянии земского хозяйства Архангельской губернии».⁴³

Два дня спустя, 11 декабря, в следующем письме Витте высказал «принципиальные соображения о нежелательности территориального распространения земских учреждений, находя и самый способ осуществления реформы... неудобным во многих отношениях». Сосредоточение всего земского хозяйства в губернских организациях должно было, по заявлению Витте, создать «почву для нежелательной и вредной борьбы в губернском земском собрании представителей отдельных районов». Не избрание (как это было предусмотрено Положением 1890 г.), а назначение правительственной властью членов и председателей земских управ, свидетельствующее о «недоверии правительства к политической благонадежности населения» могло только «возбудить» у него «враждебное чувство к земскому управлению вообще и к исполнительным его органам в особенности». Витте пытался доказать, что «стоймость земского управления должна значительно возрасти» с проведением горемыкинского проекта в жизнь и предлагал просто «упорядочить ход местного управления и хозяйства», а для этой цели создать при Министерстве финансов особую комиссию.⁴⁴ Однако главным образом Витте повел критику проекта Горемыкина с позиций «принципиальных» соображений.

14 декабря 1898 г. Витте подготовил специальную печатную записку — «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», — размножив ее в большом числе экземпляров.⁴⁵ В записке доказывалось, что «самоуправление не соответствует самодержавному строю государства», и «строю русского государственного управления, до введения земских учреждений, были чужды начала самоуправления».

Таким образом, Витте, как и Победоносцев, поставил свои возражения Горемыкину сразу же на политическую почву, представив в историческом разрезе борьбу сторонников и противников самоуправления. Важным этапом этой борьбы Витте назвал 1880 г., когда «вопросом дня» стали пути развития местного самоуправления, а в правительственных сферах, «в печати и в обществе» «высказывались два противоположных взгляда» на этот вопрос. Одни (к ним Витте относил либеральные органы

печати и большинство членов Особой комиссии для составления проектов местного управления под председательством М. С. Каханова), «указывая на незаконченность» земской реформы, требовали более широкой постановки местного самоуправления. Другие (консервативные органы печати и меньшинство кахановской комиссии) указывали на «раздвоение власти» в местном управлении, на то, что земства заняли положение «государства в государстве», и в итоге требовали подчинения земств органам правительства.

Сочувствие Витте сторонникам этого направления не могло вызывать сомнения, ибо в заключительной части записки министр финансов четко сформулировал свое отношение к земской реформе: «1. На те губернии, в коих не введено еще положение о земских учреждениях, действие такого не распространять. 2. Преобразовать местные управления, как тех губерний, в коих введено Положение о земских учреждениях, так равно и тех, в коих оно не введено: причем в этих последних для заведывания хозяйственной частью образовать особые правительственные органы, с привлечением к участию в них представителей населения».⁴⁶

Таким образом, Витте не только отклонил проект Горемыкина, но и призывал к пересмотру управления земским хозяйством и в тех губерниях, где уже действовало Положение 1890 г. Он доказывал, что «земство не может считаться образцовым учреждением для местного хозяйства и вовсе не представляется единственной целесообразной формой» его ведения, а с успехом может быть заменено особыми правительственными органами. «По моему убеждению, — писал Витте, — то ходячее мнение, что нельзя вести хозяйства посредством чиновников, есть устаревший афоризм... еще 20 лет тому назад никто не предполагал возможности ведения казною такого сложного хозяйства, как хозяйство железнодорожное, никто не допускал мысли о введении винной монополии... В руках самодержавного монарха нет недостатка в средствах, чтобы привлечь на службу государству лучшие силы страны, с сохранением того порядка управления, который соответствует политической идее, лежащей в основе самодержавия, и потому вовсе нет необходимости прибегать к формам управления, существующим при других политических условиях и им соответствующим».⁴⁷ Предлагая подменить земскую систему управления хорошо организованным бюрократическим аппаратом, министр финансов стремился распространить общие принципы своей экономической политики на управление местным хозяйством в губерниях и одновременно рекламировал ее как универсальное средство для укрепления экономического могущества самодержавия, не затрагивавшее в то же время его политических основ. Своей запиской министр финансов втягивал министра внутренних дел в полемику на общеполитическую тему.⁴⁸

К февралю 1899 г. в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел была подготовлена новая записка для Горемыкина. Она не

⁴² Там же, л. 40 об.

⁴³ Там же, д. 892, л. 208—212.

⁴⁴ Там же, л. 41.

⁴⁵ См.: Библиотека ЦГИА СССР. Печат. записка № 219.

⁴⁶ Там же, с. 1—27.

⁴⁷ Там же, с. 43—47.

⁴⁸ Кроме того, Витте высказался против введения земских учреждений по проекту Горемыкина в западных губерниях, а также в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях в своих отзывах от 17 декабря 1898 г. и 24 сентября 1899 г. (ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 890, л. 344 и 347).

имела общего названия, но уже заглавие первого раздела «Местное самоуправление как основание государственной администрации России» свидетельствовало и о ее направленности и о том, что это ответ министру финансов. Впрочем, автор записки отмечал, что термин «самоуправление» «не имеет юридической определенности» и толковал его весьма расширительно. Он упрекал министра финансов в том, что тот ограничивал понятие самоуправления распространением его только на земские и городские учреждения и исключал из этой категории «самоуправление крестьянское и казачье, которым в отношении суда и полиции подчиняются и лица других состояний, но также и другие чисто сословные союзы: дворянские, мещанские и ремесленные общества».⁴⁹

Посвятив специальный раздел своей записки «соображениям министра финансов о несовместимости местного самоуправления государственному строю России», Горемыкин обвинил Витте в попытке представить земскую реформу 1864 г. как результат «молчаливого заговора... сторонников конституционного режима — против оснований государственного строя России». «Местное самоуправление не стоит в противоречии с началом самодержавной монархии, — возражал министру финансов Горемыкин, — какова бы ни была форма устройства... государства... Органы местного самоуправления получают свои полномочия в конечном выводе из того же источника, как и органы бюрократические, т. е. от закона и центральной власти».⁵⁰ Горемыкин далее писал, что Витте рассматривает самодержавную монархию через «конституционные очки», смешивает местное самоуправление, относящееся к области «верховного правления», и «народное представительство», что в основу составленной в Министерстве финансов записки положена книга некоего Свешникова «Основы и пределы самоуправления» (СПб., 1892), книга сомнительных, с точки зрения науки, достоинств и не допущенная к защите в качестве магистерской диссертации юридическими факультетами обоих столичных университетов.

Полемизируя с Витте, Горемыкин ссылался на авторитеты Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского и даже К. Маркса, процитировав как «справедливое замечание» отрывок из его письма к Н. К. Михайловскому о том, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в среде исторически различной, приводят к результатам совершенно несходным».⁵¹ Ералаш из цитат служил одной цели: доказать самобытность русского самодержавия, укоренившегося «на глубоких нравственно-религиозных основах». Самобытность эту Горемыкин усматривал в том, что с конца XV в. исчезли «последние признаки политической обособленности северно-русских народоправств — Новгородского и Псковского, а с тем вместе

и идея властного участия народа в делах верховного управления. С той поры... цари и великие князья московские и императоры всероссийские ни с кем не разделяли уже полноты своей власти. Россия не знала ни феодализма, ни сословий, в смысле политических сил — не было в ней и быть не могло той борьбы их между собою и своим государем, которая создала на Западе Европы конституционный режим. Духовная власть никогда не соперничала... со светской, и церковь... не имела, подобно западной, политических притязаний».⁵²

От рассуждений, что «русская история не знает ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав», а знает только «бессильные поползновения ограничить царскую власть в пользу боярства при Иоанне IV, при Михаиле Федоровиче, при восшествии на престол Анны Иоанновны», и, наконец, «была безумная попытка, поддержанная обманутыми солдатами, при восшествии на престол Николая I», Горемыкин приходил к заключению, заимствованному из письма К. С. Аксакова 1855 г. Александру II: «... русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий и себе даже зародыша народного властолюбия».

Один из разделов записки Горемыкина представлял собою исторический очерк, построенный на тезисе, что «строю русского государственного управления всегда присущи были начала местного самоуправления». Причем «первоначальной по времени формой» местного самоуправления в России были названы «губные» учреждения XVI столетия. Опираясь опять-таки на славянофилов — братьев И. С. и К. С. Аксаковых, А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, — Горемыкин делал вывод, что, за исключением «небольшого промежутка переходного времени в половине XVIII века», местное самоуправление было характерной чертой государственной жизни России.⁵³

Освобождение крестьян привело к учреждению земства, однако, с самого начала не были выработаны общие уставы, «определяющие собою содержание, цели и способы земской деятельности». «Материальная незавершенность созданных в 1864 году законоположений о земстве, — писал Горемыкин, — и является ключом к правильному пониманию и надлежащей оценке как административной, так и чисто хозяйственной деятельности земств». Именно «отсутствие общих руководящих начал в деятельности земских учреждений» побудило самих земцев к стремлению учредить печатные органы «для разработки важнейших вопросов земского дела» и ходатайствовать с этой же целью «о разрешении съездов представителей земств разных губерний для совместного их обсуждения».⁵⁴ Горемыкин не писал об этом прямо, но у читателя должно было создаться впечатление, что «отсутствие руководящих начал в деятельности земских учреждений» как раз подталкивало их к политической деятельности, а попытки Министерства внутренних дел «упорядочить» земское хозяйство препятствовали этому. Но мероприятия Министерства

⁴⁹ Земская реформа 1898—1903 гг., т. 1... Записка И. Л. Горемыкина по Хозяйственному департаменту. Февраль 1899 г., с. 1—2.

⁵⁰ Там же, с. 6.

⁵¹ Там же, с. 19. Горемыкин цитировал письмо К. Маркса по публикации в «Юридическом вестнике» (1888, № 10). В современном переводе эта фраза звучит так: «... события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам» (Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок». — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд., т. 19, с. 121).

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 890, с. 21—22.

⁵³ Там же, с. 34.

⁵⁴ Там же, с. 56.

внутренних дел, «принимавшиеся последние годы к упорядочению местного управления, не встречали... сочувствия со стороны финансового ведомства».⁵⁵ Теоретические рассуждения о преимуществах казенного (чиновного) или земского (общественного) управления на местах перемещались в записке с жалобами на Министерство финансов, свидетельствованными о затянувшейся распре между министрами.

Отстаивая развитие земского хозяйства на местах, Горемыкин находил неубедительными ссылки Витте на практику казенного железнодорожного хозяйства и винную монополию как на примеры успешного решения крупных экономических проблем исключительно средствами государственного вмешательства. Министр внутренних дел ставил под сомнение бесспорный успех и того, и другого эксперимента, твердя одно, что «каковы бы ни были... предположения о возможных успехах деятельности казенных управлений в области хозяйственной, ... деятельность эта, где ей приходилось конкурировать на одинаковых условиях с деятельностью органов земского или городского самоуправления, по результатам своим стояла ниже последнего». Горемыкин, конечно, не мог отказать себе в удовольствии привести в поддержку этой своей точки зрения высказывания Витте двенадцатилетней давности, когда тот преуменьшал на фоне частного предпринимательства в Обществе Юго-Западных железных дорог и отстаивал идею эксплуатации железных дорог не казною, а «частными обществами под действительным контролем правительства». Горемыкин ссылался теперь на эти суждения Витте как на справедливые и свидетельствованные о том, что «причина нестроения» местного хозяйства, равно как и государственного, кроется «в отсутствии надлежащего опыта и твердо установившихся административных и финансовых традиций».⁵⁶ Так, опираясь на прежние высказывания Витте, Горемыкин пытался опровергнуть один из направленных против реформы тезисов министра финансов о хозяйственной несостоятельности земств, доказанной опытом 60—70-х гг., и еще раз призывал не откладывать реформу на основании имеющихся недостатков в практике деятельности земств или несовершенство «действующих законоположений» о них.

Заключительная часть записки была посвящена политическому значению введения земских учреждений в Западном крае и государственному значению вопроса о местном самоуправлении. Политическое значение реформы Горемыкин видел в сближении Западного края, «колыбели русской народности, русской государственности, языка и веры» с внутренними губерниями. «Когда говорят о политическом значении проектируемого мероприятия, — писал он, — в смысле опасений, вызываемых возможностью усиления через посредство его польского в крае влияния, то обыкновенно упускают из виду другую политическую же его сторону — укрепление им русского в крае влияния и сплочение этого края через посредство земских учреждений с коренными местностями России... Поднять низшие классы русского населения из векового экономического

и нравственного принижения, поставить их на равноправную ногу с господствовавшим дотоле враждебным нам элементом и оживить в массе народа сознание неразрывной связи с общим отечеством — вот те цели, которые уже тридцать с лишним лет являются предметом неуслынных забот правительства».

Наконец, Горемыкин отстаивал государственное значение самоуправления, подчеркивая, что «основой действительной силы всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая в самодеятельности личность».⁵⁷

На этот раз Витте ответил Горемыкину пространным литературным сочинением «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», составленным при участии ближайших своих помощников А. И. Путилова, Н. Н. Кутлера и П. П. Цитовича, отпечатанным типографским способом и с грифом «Совершенно секретно».⁵⁸

Витте выступил с теми же идеями, что и прежде, однако новая записка носила двусмысленный характер, нападки на земские учреждения потонули в ней в обилии рассуждений и цитат, часто заимствованных из произведений либерального толка. Уже одно это обстоятельство и непомерно большой объем записки свидетельствовали о том, что это документ не рабочего характера, и предназначен скорее для публики, несмотря на объявленную его конфиденциальность. После того как в правящих сферах Горемыкин был уже выставлен защитником земства и либералом, Витте должен был позаботиться о том, чтобы в «обществе», куда проникли слухи о «принципиальном разногласии» министров, не приобрести репутацию сторонника полного упразднения земства и замены его «строго-бюрократическими учреждениями».⁵⁹ Поэтому он спешил теперь объявить своему читателю, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка он не предлагал и не предлагает», а считает необходимым «реформировать лишь то, что признается устаревшим и предназначено к реформе, именно... правительственную администрацию и управление хозяйственной частью в губерниях неземских».⁶⁰

Впрочем, такой осведомленный и проницательный свидетель литературного поединка Горемыкина и Витте, как Куломзин, допускал, что к составлению записки против Горемыкина Витте мог вполне «подстрекнуть» и сам Николай II, «любивший ссорить своих министров и считавший этот прием верхом дипломатического искусства». Однако Куломзин признавал, что ему до конца не ясны мотивы, побудившие Витте в компании с Победоносцевым и Дурново выступить против земской реформы Горемыкина.⁶¹

⁵⁷ Там же, с. 73—76.

⁵⁸ Библиотека ЦГИА СССР. Печатная записка № 219. См. об этой записке: Афанасьев Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 176—177.

⁵⁹ Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908, с. 1.

⁶⁰ Там же, с. 209.

⁶¹ Куломзин А. Н. Пережитое. — ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 200, л. 7—8.

⁵⁵ Там же, с. 64.

⁵⁶ Записка И. Л. Горемыкина по Хозяйственному департаменту... с. 68—70. Горемыкин имел в виду книгу С. Ю. Витте «Принципы железнодорожных тарифов» (Киев, 1883).

В известной мере ответ на этот вопрос можно найти в переписке Витте с Победоносцевым и самый разгар их совместной войны против министра внутренних дел. Антигоремыкинская записка Витте получила одобрительный отзыв Победоносцева. Однако он находил недостаточно категоричными выводы, сделанные в записке, и считал, что Витте, разобрав «по косточкам земские учреждения» и «показав всю их несостоятельность», имел основания заявить о необходимости «не только остановить дальнейшее территориальное развитие такого учреждения», как земство, но «исправить его и поставить на верную почву». ⁶² От Витте ждали не только критику горемыкинского проекта, но и программу ликвидации существовавших земских учреждений. И Витте предложил ее. Он соглашался с Победоносцевым, что «терпеть нынешнее земство нельзя», но «не вводить земства ... нетрудно», а «искоренение земства там, где оно существует ..., дело потруднее», и «тут нужна не борьба с земством, а твердая программа действий, которая в результате сделала бы земство излишним». «Нужно прежде всего заняться устройством провинциальной администрации, — пояснял Витте Победоносцеву свой план действий. — Покуда не будет организовано связное административное управление губернией и уездом, ничего серьезного с земством не поделаешь. Для того, чтобы его уничтожить, нужно его чем-либо заменить, — нельзя же его заменить екатерининскими провинциальными учреждениями. Попутно с этой задачей нужно организовать, не на допотопных началах, хозяйство в неzemских губерниях. Если бы этим делом с умом и характером занялись и устроили бы, соответственно современным задачам, провинциальное правительственное управление вообще, и в частности в неzemских губерниях, то тогда будет легко уничтожить земство, ибо вместо него будет что поставить». Витте считал, что «в 2—3 года» можно было создать в неzemских губерниях более совершенную хозяйственную организацию, чем в земских. Витте утверждал, что «на Западе» самоуправление «побороло единовластие главным образом потому, что правительство не сумело держать организацию своей администрации на высоте современных нужд». «Жизнь шла вперед, а администрация не совершенствовалась... У нас делается нечто подобное, — резюмировал Витте свои рассуждения». ⁶³

Совершенно секретная записка Витте приобрела широкую известность. В мае 1901 г. она была напечатана в Штуттгарте научно-популярным журналом «Заря», издававшимся редакцией «Искры», с предисловием П. Б. Струве, скрывшимся под псевдонимом Р. Н. С. ⁶⁴ В. И. Ленин

откликнулся на эту публикацию статьей «Гонители земства и Анибалы либерализма». ⁶⁵ Она была написана по горячим следам, в июне 1901 г., и В. И. Ленин подверг в ней резкой критике не только земскую политику царского правительства, но и либеральные взгляды П. Б. Струве и его единомышленников. Назвав записку Витте «обвинительным актом против земства», ⁶⁶ В. И. Ленин обратил внимание на то, что она «сводит данные нескольких нелегальных произведений (Кеннапа, Драгоманова, Тихомирова)», ⁶⁷ причем ее автор «частенько не указывает, что он списывает Драгоманова». ⁶⁸

К тому времени, когда записка Витте сделалась объектом общественного внимания, поединок министров стал уже достоянием истории. Витте «ссадил Горемыкина» еще в октябре 1899 г., рассказав царю о сношениях того «с саром Джаксоном, английским капиталистом, поддерживавшим взятками проведение петербургского метрополитена». ⁶⁹

Отставка Горемыкина и провал его проекта земской реформы отнюдь не означали, что правительство решило ничего не менять в системе управления неzemскими губерниями. В правящих кругах по-прежнему считали, что порядок заведывания земским хозяйством, определившийся для этих губерний уставом о земских повинностях 1857 г., не соответствовал требованиям времени как с административной, так и с фискальной точек зрения. Поэтому, заняв пост министра внутренних дел, Сипягин сразу же противопоставил проваленному горемыкинскому новый проект земской реформы.

Сипягин представлял дело так, что немедленно после его назначения именно сам Николай II распорядился «обратить особое внимание на необходимость скорейшего приведения к окончанию вопроса о преобразовании местного хозяйственного управления» в западных и окраинных губерниях. В ответ на это требование Сипягин заявил, что, по его мнению, введение там «учреждений, основанных на выборном начале, является преждевременным». Тогда Николай II поручил министру разработать «проект, основанный на началах предоставления заведывания делами земского хозяйства учреждениям правительственным при некотором лишь участии местных людей по назначению МВД». Он был подготовлен «совместными трудами Министерства внутренних дел и финансов» и доложен императору. Тот согласился с проектом и распорядился передать его на обсуждение Особого совещания. В таком виде история появления сипягинского проекта была представлена членам Особого совещания, созванного под председательством министра внутренних дел в конце апреля

⁶² К. П. Победоносцев — С. Ю. Витте [без даты]. — Красный архив, 1928, т. 5, с. 103.

⁶³ Там же, с. 104—105. См. также: Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года. — Вопросы истории, № 8, 1972, с. 136—137.

⁶⁴ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатаю «Зарей». Stuttgart, 1901. В ноябре 1899 г. Витте передал один из экземпляров своей записки для ознакомления предводителю Московской земской управы Д. П. Шипову. Существует предположение, что через Шипова записка и попала к П. Б. Струве (см.: Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 128; Миронова Н. А., Юхт А. И. К истории работы В. И. Ленина «Гонители земства и Анибалы либерализма». — В кн.: История и историки. М., 1972, с. 128).

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 21—72. Этой статье В. И. Ленина посвящена большая литература (см., например: Чернуха В. Г. В. И. Ленин о земстве. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 283—310; Миронова Н. А., Юхт А. И. Указ. соч., с. 126—163; Миронова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977, с. 6—16).

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

⁶⁷ Там же, с. 39.

⁶⁸ Там же, с. 27.

⁶⁹ Обвинский В. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1911, с. 52.

1901 г.⁷⁰ Хотя Сипягин только упоминал, что новый проект реформы готовился совместно с Министерством финансов, ни у кого из тех, кто был знаком с историей провала проекта Горемыкина, не должно было быть и тени сомнения в том, что они на этот раз имеют дело с документом, составленным на основании антигоремыкинских записок Витте.

Проект Сипягина предусматривал сохранение в Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Мясской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской губерниях управления земскими делами за правительственными учреждениями. Однако их устройство должно было быть коренным образом изменено, а в их состав привлечены представители местного населения.

Управление земским хозяйством должно было быть сосредоточено: в Губернском земском комитете, уездных земских комитетах, губернской земской управе и осуществляться земскими уполномоченными в уездах.

В Губернский земский комитет как распорядительный орган под председательством губернатора должны были входить представители ведомств, предводители дворянства, непременные члены Губернского по городским делам присутствия и Губернского присутствия, члены Губернского исполнительного учреждения по делам земского хозяйства, городской голова губернского города и, наконец, земские гласные, назначаемые на три года министром внутренних дел от каждого уезда в количестве от одного до пяти человек ана местным жителям, владеющим в пределах уезда недвижимым имуществом или торгово-промышленным заведением.⁷¹

Уездные земские комитеты должны были быть созданы «для подготовительного обсуждения некоторых важнейших дел земского хозяйства» под председательством уездного предводителя дворянства и с участием земских начальников, податных инспекторов, других представителей уездной администрации, а также земских гласных «от уезда и от 1—5 волостных старшин по назначению губернатора».

Губернская земская управа должна была выполнять функции коллегиального исполнительного органа, а единоличными представителями ее в уездах должны были стать земские уполномоченные.

Компетенция всех этих земских комитетов и управ не была строго определена, однако предполагалось, «в видах децентрализации земского управления», расширить ее до пределов, предоставленных администра-

⁷⁰ Земская реформа 1898—1903 г., т. II. Проект Д. С. Сипягина. Журнал совещания под председательством Сипягина для обсуждения проекта учреждения земского управления в губерниях Европейской России, в коих не введено положение о земских учреждениях 1890 г. Заседания 24, 26, 27 и 30 апр. и 2, 4, 7, 8, 11 и 15 мая 1901 г. — ЦГА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 890, л. 221—222.

⁷¹ Земская реформа 1898—1903 гг., т. III. Положение 2 апреля 1903 г. Журнал Государственного совета, в Соединенных департаментах Законов, Гражданских и духовных дел, Государственной экономики и Промышленности, наук и торговли 1, 8, 15 и 22 дек. 1901 г. и 12, 19 и 26 янв. и 9 февр. 1902 г. — Там же, л. 201 об. Для привлечения крестьян в земские комитеты предполагалось «установить, что земским гласным может быть назначен крестьянин, принадлежавший к такому сельскому обществу, которое уплачивает в пользу земства сбор, в размере, соответствующим принятой норме» (там же, л. 402—415).

тивным органам, действовавшим «на основании положения о земских учреждениях».⁷²

Сипягин намерен был несколько ослабить государственный контроль за земским хозяйством. Однако для «предварительного рассмотрения представляемых министру внутренних дел смет и раскладок, проектов операционных планов дорожного хозяйства и вообще дел по земскому управлению», решавшихся по соглашению между министрами внутренних дел и финансов, при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел должен был быть образован Центральный земский комитет под председательством директора этого департамента. В состав Центрального земского комитета должны были войти, кроме того, по два постоянных представителя от Министерства внутренних дел и Министерства финансов, а также чиновники из других ведомств.

На первом же заседании Соединенных департаментов Государственного совета Сипягин заявил, что хотя его проект «может быть далек от совершенства», но он «никогда не отступит от положенных в основание его начал» и «глубоко убежден, что в 13 губерниях выборов в настоящее время допустить невозможно, так как в них нет элементов, обеспечивающих правильную деятельность выборных учреждений». Непримируемая позиция министра внутренних дел встретила безоговорочную поддержку со стороны министра финансов. Витте также заявлял, что «допущение в этих губерниях выборного начала он считал бы политической ошибкой».⁷³ Министр финансов воспользовался обсуждением сипягинского проекта, для того чтобы пропагандировать государственное начало в экономической политике. «В настоящее время правительство вполне успешно эксплуатирует свыше 30 тыс. верст железных дорог, — заявлял Витте, — производит громадные операции по казенной продаже питей, и этим, кажется, доказана возможность производить самые сложные хозяйственные операции правительственными органами».⁷⁴

В Министерстве финансов были составлены по поручению Витте справки, содержавшие данные в поддержку проекта Сипягина и дискредитировавшие уже проваленный проект Горемыкина.

В одной из справок, в частности, приводилась резолюция Николая II на всеподданнейшем отчете гродненского губернатора за 1897 г.: «По моему, введение земских учреждений в западных губерниях несвоевременно». В ней составители справки видели «в высшей степени верную оценку» опасений за устойчивость политического положения в западных губерниях.⁷⁵

Поддерживая проект Сипягина, Витте рассчитывал, очевидно, с помощью намечавшихся преобразований значительно увеличить обложение в неземских губерниях и тем самым ликвидировать разницу в экономическом положении между ними и губерниями земскими, еще раз доказав возможности государственного начала в экономической политике. Эти намерения министров финансов и внутренних дел обратили на себя внима-

⁷² Там же, л. 202.

⁷³ Краткий отчет о заседании Соединенных департаментов Государственного совета 1 дек. 1901 г. — Там же, л. 323, 328 об.

⁷⁴ Там же, л. 326.

⁷⁵ Там же, л. 457—462 об.

ние членом Государственного совета. Так, Н. М. Чихачев, выступивший против проекта Сипягина, заявил, что «главная цель его направлена и предоставлению легкой возможности повысить обложение на земские надобности до тех пределов, до которых оно доведено в губерниях, где введено Положение о земских учреждениях».⁷⁶ У некоторых из участников заседания возникло опасение, что министр внутренних дел вообще задумал в перспективе подменить земскую систему хозяйствования казенной, и «проектируемое земское управление должно заменить со временем земские учреждения по Положению 1890 г.» Сипягину пришлось заявить, что «никогда у него не возникало мысли об упразднении действующих десятки лет земских учреждений и что он полагает, что едва ли в России найдется когда-либо министр внутренних дел, который решится предложить подобное упразднение».⁷⁷

Несмотря на то что на этот раз проект земской реформы проводился единодушными усилиями двух самых влиятельных министров, он не встретил безоговорочной поддержки в Государственном совете. Против проекта Сипягина выступили 16 членов Государственного совета (Н. М. Чихачев, А. Н. Куропаткин, Д. Ф. Кобеко, Н. В. Шидловский и др.) — сторонников распространения на 13 губерний Положения о земских учреждениях 1890 г. «с некоторыми, обусловленными местными особенностями, изменениями, но без нарушения главных его начал». По мнению этой группы, «недостаточность» среднего и крупного землевладения, а также слабое «равенство платежных сил» в Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях не должны были служить препятствием к введению в этих губерниях земского положения, ибо по уровню своего развития они не уступали земским губерниям Вятской, Олонецкой и Пермской. Противники сипягинского проекта не видели также достаточно серьезных оснований против введения земских учреждений в полном объеме в девяти западных губерниях или «по крайней мере в некоторых из них».⁷⁸

Однако проект Сипягина получил поддержку со стороны 25 членов Государственного совета, в том числе Д. С. Сольского, Э. В. Фриша, С. Ю. Витте, заявивших, что Министерство внутренних дел «не отказывается от мысли о возможности в более или менее близком будущем применить Положение 12 июня 1890 г. на общем основании и к 13 губер-

⁷⁶ Там же, л. 327.

⁷⁷ Там же, л. 322 об., 323 об.

⁷⁸ Журнал Государственного совета, в Соединенных департаментах... л. 203—206 об. Проект Сипягина тем более не встретил поддержки в либеральных и земских кругах. Так, известный земский деятель профессор Военно-юридической академии и Академии генерального штаба В. Д. Кузьмин-Караваев подверг этот проект критике в специально написанной брошюре. Кузьмин-Караваев писал, что, для того чтобы изменить положение населения неземских губерний и создать условия, при которых вместо врачей, учителей и агрономов-чиновников появились бы земский врач, земский учитель, земский агроном, земский статистик, «нужна реформа коренная», нужен «переход к самоуправлению». С точки зрения Кузьмина-Караваева, сипягинский проект поставил перед собой неразрешимую задачу — удовлетворить местные потребности, сохранив «административное заведывание ими» (Кузьмин-Караваев В. Д. Проект земского управления в 13-ти неземских губерниях. СПб., 1902, с. 60—62).

ниям окраинным и западным», но что в «данный момент» они «еще не подготовлены к подобной реформе».⁷⁹

Отложив окончательное решение этого в сущности основного вопроса о характере проведения земской реформы до Общего собрания Государственного совета, Соединенные департаменты приступили к рассмотрению все-таки самого проекта Сипягина, исходя из того, что он скорее всего будет поддержан большинством. Однако и по существу сипягинского проекта среди членов Государственного совета возникли многочисленные разногласия. Мнения разделились даже относительно названия новых органов управления земским хозяйством. Только одиннадцать членов Государственного совета согласились с предложенными Сипягиным названиями: губернские и уездные земские комитеты, губернская земская управа, земские уполномоченные и земские гласные. 28 членов Государственного совета высказались за то, чтобы название новых учреждений и должностей соответствовало их казенному духу, а именно: губернские и уездные по делам земского хозяйства присутствия, губернские и земские хозяйственные комиссии, уездные чиновники по земским делам и члены губернских и уездных по делам земского хозяйства присутствий.⁸⁰ Разногласия возникли по поводу того, должны ли земские гласные (представители местного населения) пользоваться правом совещательного или решающего голоса, по многим вопросам о порядке составления и утверждения земских смет и раскладок, а также об их исполнении.⁸¹

Все эти разногласия должны были быть вынесены на обсуждение Общего собрания Государственного совета. Однако покушение Балмашева в Мариинском дворце 2 апреля 1902 г., оборвавшее жизнь Сипягина, отразилось на судьбе подготовлявшейся реформы. Положение об управлении земским хозяйством было задержано новым министром внутренних дел В. К. Плеве. Поддержав основную идею сипягинского проекта, Плеве внес в него существенные поправки. Главное состояло в том, что Плеве сразу же исключил из проекта реформы Архангельскую, Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернии, так как «население этих губерний», с его точки зрения, не могло «быть признано достаточно созревшим для той хозяйственной организации, которая предполагалась проектом Министерства внутренних дел».⁸²

Новое Положение должно было быть введено в 1903 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, «а затем, по мере удобства, и в остальных шести западных губерниях».⁸³ Итак, по замыслу Плеве проект Сипягина должен был быть принят, но только в урезанном масштабе. 7 декабря 1902 г. предложения Плеве были рассмотрены в заседании Соединенных департаментов. С учетом внесенных им поправок были изме-

⁷⁹ Журнал Государственного совета, в Соединенных департаментах... л. 207.

⁸⁰ Там же, л. 273—277, 286—287.

⁸¹ Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской и Ставропольской. Проект, исправленный и дополненный по заключениям Соединенных департаментов. — Там же, л. 294—320 об.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 10, д. 890, л. 10 и об.

⁸³ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах... л. 81 об.

пены и журнал заседания,⁸⁴ и проект Положения об управлении земским хозяйством, выработанные при жизни Сипягина.⁸⁵

24 февраля 1903 г. Журнал Соединенных департаментов был вынесен на обсуждение Общего собрания Государственного совета. 20 его членов, в том числе опять-таки Чихачев, Куропаткин, Кобеко, Шидловский, высказались за то, чтобы поручить министру внутренних дел подготовить проект о введении в западных губерниях (об Архангельской, Астраханской, Ставропольской и Оренбургской губерниях речь уже не шла) общего положения о земских учреждениях.⁸⁶ Однако 41 участник заседания, в том числе великие князья Михаил Николаевич, Михаил Александрович, Алексей Александрович и Александр Михайлович, а также Витте, Горемыкин, Сольский поддержали проект Плеве, оперируя аргументами и данными, содержащимися в записках, подготовленных Министерством финансов, о национальном составе крупных землевладельцев Западного края.

Министр внутренних дел говорил, с одной стороны, о необходимости усовершенствовать и само Положение 1890 г. как не обеспечивавшее «правильного представительства в земских собраниях», а с другой — и о возможности в более или менее близком будущем применить его на общем основании к девяти западным губерниям.⁸⁷ 2 апреля 1903 г. царь утвердил Положение об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях. В течение 1903 г. оно должно было быть введено только в трех губерниях: Витебской, Минской и Могилевской. Время проведения реформы в остальных шести губерниях поручалось определить самому министру внутренних дел.⁸⁸ Управление всем земским хозяйством должно было перейти в распоряжение вновь образованных губернских и уездных комитетов, а также губернской и уездной управ по делам земского хозяйства. Губернские комитеты были облечены распорядительной властью, в то время как уездные комитеты должны были созываться для «подготовительного обсуждения важнейших дел земского хозяйства».⁸⁹ Исполнительная власть возлагалась в губерниях на губернские, а в уездах — на уездные управы. Председателем губернских комитетов назначался губернатор. В их состав должны были входить губернский предводитель дворянства, управляющий казенной палатой, начальник управления земледеиия в государственных имуществ, представитель удельного ведомства (в тех губерниях, где имелись удельные земли), уездные предводители дворянства, непременный член Губернского по городским делам присутствия, непременные члены губернского присутствия (или Губернского по

крестьянским делам присутствия), председатель и члены Губернской управы и городской голова.

Кроме того, в состав Губернского комитета должны были входить сроком на три года и с правом решающего голоса земские гласные по два от каждого уезда (министр внутренних дел мог увеличить их число до пяти). Земскими гласными могли быть только лица, постоянно жившие в уезде. Они сами или их жены или родители в течение по меньшей мере трех лет должны были владеть в пределах уезда «обложенным на земские повинности недвижимым имуществом или торгово-промышленным заведением». Земские гласные назначались министром внутренних дел по представлению губернатора, согласованному с губернским и уездным предводителями дворянства. Гласные должны были исполнять свои обязанности (т. е. участвовать в обязательном годичном и созываемом по мере надобности собраниях губернских комитетов) безвозмездно. Если же гласные были из крестьян, то на них распространялись льготы, установленные по ст. 179 Общего положения о крестьянах.⁹⁰

Уездный комитет по делам сельского хозяйства под председательством уездного предводителя дворянства состоял из всех земских начальников и податных инспекторов уезда, уездного исправника, местных представителей ведомства государственных имуществ и удельного ведомства, инженера по дорожной части, городского головы, земских гласных от уезда, непременных членов уездной управы и из волостных старшин уезда от двух до пяти человек, назначенных губернатором.⁹¹

В Губернскую управу входило, помимо председателя, всего три члена (все по назначению министра внутренних дел). Уездные же управы должны были быть образованы под председательством уездного предводителя дворянства и состоять из уездного исправника, одного из податных инспекторов, двух земских гласных от уезда из числа входивших в губернский комитет и непременных членов управы, назначенных губернатором.

Земские сметы и раскладки решено было составлять на год. В первый год они должны были быть представлены министром внутренних дел по соглашению с министром финансов на утверждение Государственного совета. В дальнейшем же Государственный совет должен был рассматривать земские сметы лишь в исключительных случаях.⁹²

Весь контроль за земским хозяйством в западных губерниях фактически был сосредоточен в руках министра внутренних дел. При Хозяйственном департаменте министерства в течение 1903 г. должно было быть учреждено специальное совещание по земским делам под председательством директора Хозяйственного департамента из двух членов от Министерства внутренних дел и двух членов от Министерства финансов.⁹³

Положение 2 апреля 1903 г. явилось как бы итогом многолетней полемики по поводу возможности введения земских учреждений в западных

⁸⁴ Там же, л. 79—173 об.

⁸⁵ Земская реформа 1898—1903 гг., т. III... Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской. Проект, исправленный по заключению Соединенных департаментов. — Там же, л. 174—192.

⁸⁶ Журнал Государственного совета в Общем собрании 24 февр. 1903 г. — Там же, л. 37 и об.

⁸⁷ Там же, л. 37 об., 38.

⁸⁸ Там же, л. 1 и об.

⁸⁹ Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской. — Там же, л. 9, 10.

⁹⁰ Там же, л. 10, 11 об.

⁹¹ Там же, л. 12 и об.

⁹² Там же, л. 13 и об., 21 об., 22.

⁹³ Земская реформа 1898—1903 гг., т. III... Мнение в Общем собрании Государственного совета о преобразовании учреждений, ведающих дела земского хозяйства в девяти западных губерниях. — Там же, л. 2 об., 3.

САМОДЕРЖАВИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС В. К. ПЛЕВЕ

и окраинных губерниях Российской империи. И это только подчеркивало убожество проведенной Плеве реформы, а также неспособность правительства разрешить проблему местного самоуправления. «История этой реформы, — писал „Освобождение“ (1903, № 24), — с полной ясностью обнаруживает неустойчивый упадок государственного смысла самодержавия и окончательное вырождение правящей бюрократии».

В истории подготовки земской реформы быть может даже в большей степени, чем в других подобного рода опытах правительства, проявилось его реформаторское бессилие и отразилась непоследовательность в проведении внутриполитического курса.

В основе проекта Горемыкина лежала идея развития местного самоуправления, и в своем первоначальном виде он представлял собой попытку просто распространить Положение 1890 г. на неземские губернии. Законодательная инициатива Горемыкина возникла при поддержке Николая II, к концу 1897 г., впрочем, изменившего свою позицию. Решительными противниками развития местного самоуправления выступили Победоносцев, Дурново и Витте. Министр финансов не только выдвинул свой проект организации местного управления, но и способствовал отставке Горемыкина. Назначение вместо него Сипягина, казалось, создало условия для реализации замысла Витте. Однако реально в намеченном направлении новому министру внутренних дел и министру финансов удалось провести только одно антиземское законодательство — временные продовольственные правила 12 июня 1900 г., в результате чего продовольственное дело было изъято из ведения земств. Это законодательство было встречено в либеральной печати как попытка «сомертвить деятельность земства по принятию различных мер, направленных на предупреждение поурожая, и, таким образом, подготовить почву для полного уничтожения земства, как нежелательного элемента в общей системе государственного управления».⁹⁴ Большого в своей земской политике Витте сделать не успел. Гибель Сипягина и восхождение звезды Плеве лишило Витте возможности даже поставить задуманный им эксперимент, а плодами его и Сипягина законодательного творчества воспользовался Плеве. Что же касается нового министра внутренних дел, то в его планы вовсе не входило распространение экономической политики Витте на систему местного управления, и введенное им в действие положение 2 апреля 1903 г. представляло не только урезанный вариант сипягинского проекта, но и лишенный того смысла, который в него вкладывал Витте.

⁹⁴ Сухомлюк И. 1) Политические причины голодовок. — Русская мысль, 1906, № 11, с. 7. 2) Почему продовольственное дело было изъято из ведения земства? — Пенский сборник Черниговской губернии, 1906, № 5, с. 86—123. Специально о законе 12 июня 1900 г. см. также: Robbins Richard. Russia's Famine Relief Law of June 12, 1900: A Reform Aborted. — Canadian-American Slavic Studies, 10, N 1 (Spring 1976), p. 25—37.

К началу XX в. в России сложилась революционная ситуация. Оценивая политическое положение в стране осенью 1900 г., В. И. Ленин писал о наличии «сильного общественного возбуждения, когда политическая атмосфера насыщена электричеством и когда то здесь, то там, по самым различным, самым непредвиденным поводам происходят все более и более частые вспышки, свидетельствующие о приближении революционной бури...»¹

В 1900-е гг. рабочее движение приобрело массовый всероссийский характер, резко усилилась его антиправительственная направленность, рабочие все чаще стали выступать с требованиями политических свобод, 8-часового рабочего дня, государственного страхования. Общедемократический подъем оказал влияние и на студенческое движение, новым явлением стали совместные политические демонстрации революционно настроенных рабочих и студентов.

1901 г. начался в столице со студенческих выступлений. 11 января было опубликовано правительственное сообщение о том, что на основании Временных правил 29 июня 1899 г. 183 студента «отдаются в солдаты» за участие в студенческих волнениях в Киеве. В ответ на эту правительственную акцию прекратились занятия в учебных заведениях Петербурга. 19 февраля 1901 г., в 40-ю годовщину отмены крепостного права, состоялась студенческая демонстрация у Казанского собора и на Невском проспекте. В ней приняли участие и рабочие. В тот же день совместная манифестация рабочих и студентов прошла в Харькове, против расправы над студентами выступили рабочие Москвы.

Важным этапом в рабочем движении стала Обуховская оборона — майская забастовка на Обуховском заводе в Петербурге, вылившаяся в столкновение с войсками и полицией. К весне следующего, 1902 г. студенческое и рабочее движение приняло еще более широкий размах. Об этом свидетельствовали студенческие выступления в феврале—марте 1902 г. в Петербурге, Москве и Киеве, февральские стачки рабочих Батума, повсеместные первомайские выступления рабочих, в том числе открытая массовая первомайская демонстрация в Баку. Весной 1902 г. вспыхнули крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях, оживилось крестьянское движение в Среднем Поволжье, Центральном черноземном районе и в Грузии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 365.

2 ноября 1902 г. началась забастовка рабочих промышленных предприятий Ростова-на-Дону, обозначившая собой еще один рубеж в развитии революционного движения. Она вылилась в широкое политическое выступление рабочих под руководством Донского комитета РСДРП и послужила прологом всеобщей стачки на юге России в июле—августе 1903 г., охватившей свыше 200 тыс. рабочих Закавказья и Украины. Массовая политическая стачка, сыгравшая затем столь значительную роль в событиях революции 1905—1907 гг., стала новой формой политической борьбы. «1903-ий год. Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе,— писал по поводу этих событий В. И. Ленин. — Стачки охватывают целый район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов. Чувствуется, что мы накануне баррикад...».²

Революционное движение ширилось, несмотря на правительственные репрессии и подавление революционных выступлений силой, как это было, например, в Златоусте, где в марте 1903 г. по приказу уфимского губернатора войска расстреляли рабочих-стачечников казенного оружейного завода. Карательная политика правительства только подталкивала «народ к гражданской войне».³ В то же время революционная пропаганда стала оказывать влияние и на армию, расшатывая и подтачивая военную опору самодержавия.

Рост революционного движения способствовал усилению оппозиционных настроений в земской и либеральной среде. В связи с назначением В. К. Плеве на пост министра внутренних дел в земских кругах распространились слухи, что новый министр будет проводить либеральный курс. Однако эти иллюзии улетучивались очень скоро. С первых дней своей министерской карьеры Плеве начал войну с либерально настроенными земскими деятелями.

Возвратившись в Петербург после поездки на Украину весной 1902 г., Плеве в своем отчете Николаю II о событиях в Полтавской и Харьковской губерниях поставил вопрос о вредном влиянии на население земских статистиков. Царь распорядился указать на это губернаторам.⁴ Активное преследование со стороны Плеве местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности окончательно определило отношения между земскими организациями и Министерством внутренних дел.

Крестьянский вопрос и выработка отношения к Особому совещанию по делам сельскохозяйственной промышленности стали предметом самого горячего обсуждения земских собраний и съездов. С 23 по 25 мая 1902 г. в Москве состоялся нелегальный земский съезд («частные беседы земских деятелей») под председательством Д. Н. Шипова. Съезд осудил решение правительства привлечь к работе в местных сельскохозяйственных комитетах Особого совещания лишь представителей земских управ как

должностных лиц исполнительных земских органов и высказался за введение в Особое совещание, а также в состав Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия выборных от губернских земских собраний. На съезде был поставлен вопрос об изменении правового положения крестьянства: уравнивании его в правах с другими сословиями, освобождении от административной опеки, отмене телесного наказания. Собравшиеся в Москве в мае 1902 г. земцы требовали развития народного образования, в том числе расширения начального обучения, реорганизации земства на основе всеобщности, гласности в обсуждении экономической политики.⁵ Они выступили против бюрократической централизации в решении финансовых и экономических вопросов.

Плеве признал земский съезд незаконным. Министр считал недопустимым использовать принцип выборного представительства для привлечения земских деятелей к участию в Особом совещании или в каких-либо других правительственных комиссиях. За нелегальное собрание участникам съезда был объявлен царский выговор. Плеве пригласил к себе председателя дворянства Орловской губернии М. А. Стаховича и председателя Московской земской управы Д. Н. Шипова, чтобы выразить им свое недовольство. В то же время состоявшиеся 2 и 3 июля 1902 г. встречи Витте и Плеве с Шиповым свидетельствовали о стремлении министров заручиться поддержкой земских кругов. Причем во время встреч Витте и Плеве выступали как лица, представлявшие разные направления в правительственной политике. В отличие от Плеве Витте не нашел ничего крамольного в решениях майского съезда. Он назвал ошибкой (и обвинил в ней Сипягина) отстранение земства от продовольственных дел, обещал «широко практиковать передачу на предварительное заключение земских собраний различных проектов, вырабатываемых подготовительными комиссиями при Особом совещании».⁶ Для Витте важно было несколько поправить в глазах либеральных кругов свою репутацию гонителя земства, обретенную им в результате полемики с Горемыкиным. Однако Витте не исполнил свое обещание. 20 июля Плеве запретил даже обсуждение на земских собраниях докладов председателей и членов земских управ, внесенных в Особое совещание. Впрочем, это не означало, что министр внутренних дел отказался от попыток приручить земское движение и заставить его служить интересам проводившейся им политики. 31 августа 1902 г. Николай II в своем выступлении перед представителями Курского земства призвал их к активному участию в решении экономических проблем местного значения. Комментируя речь царя, Плеве заверил курских земцев, что новый политический курс Министерства внутренних дел открывает для земской деятельности на местах самые широкие возможности. В ноябре 1902 г. по дороге из Крыма в Петербург Плеве остановился в Киеве и там выступил перед членами городской думы, заявив о своих намерениях сотрудничать с представителями общественности.⁷

⁵ См.: Симонова М. С. Земско-либеральная фронда (1902—1903 гг.). — Исторические записки, 1973, т. 91, с. 156—160.

⁶ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 188, 190.

⁷ Новое время, 1902, 31 авг. и 13 нояб.

² Там же, т. 9, с. 251.

³ Карелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России. — Вопросы истории, 1980, № 10, с. 19.

⁴ Новое время, 1902, 5 июля.

В. И. Ленин назвал эти политические трюки Плеве «земской зубатовщиной». «Со стороны правительства, — писал В. И. Ленин в октябре 1902 г. на страницах «Искры», — это — сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название „зубатовщины“. Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с г. Д. Н. Шиповым (председатель Московской земской управы) есть пачаго „зубатовщины земской“».⁸

Усилия Плеве не достигли намеченной цели. Ему не удалось установить контроль над земским движением и притупить его политическую активность. Закончившаяся к концу 1902 г. работа в уездных комитетах Общого совещания свидетельствовала о росте оппозиционных настроений на местах. Так, Суджанский комитет, возглавлявшийся уездным предводителем дворянства А. В. Евреиновым, поддержал политическую программу, выдвинутую на земском съезде в мае 1902 г. в Москве, и высказался за уравнивание крестьян в положении с другими сословиями. Подобную же позицию заняли и некоторые другие из местных комитетов. С наиболее радикальными требованиями выступил Воронежский уездный комитет. Его программа предусматривала создание всесословного и свободно набранного земства, начиная с мелкой земской единицы и кончая всероссийской земской организацией, пользующейся «правом законодательной инициативы».⁹ Воронежский комитет предложил созвать специально для обсуждения нужд сельского хозяйства всесословное всероссийское совещание. Земельный вопрос по замыслу комитета должен был быть решен путем создания государственного земельного фонда и передачи на него земель крестьянству. Основу фонда должны были составить казенные земли. Крестьянский поземельный банк, скупая частные земли, должен был затем пополнять этот фонд. В целях борьбы с земельным кризисом Воронежский комитет предлагал поощрять переселение крестьян на условиях выплаты им от общины вознаграждения за оставленные наделы. Воронежская программа содержала также критику административного произвола в отношении крестьян, института земских начальников, системы судопроизводства, финансовой политики правительства, в частности, высокого косвенного обложения на предметы первой необходимости. Воронежский комитет высказался за отмену выкупных платежей и против насильственного уничтожения общины. Программа преобразований, выработанная в Воронежском уездном комитете и поддержанная затем в губернском, может служить примером того, как постепенно определялись основные требования либеральной оппозиции. По справедливому замечанию М. С. Симоновой, «в аграрной программе воронежцев» можно видеть «зародыш будущей кадетской идеи общегосударственного земельного фонда».¹⁰ Доклад Воронежского уездного комитета получил широкую известность. Он был издан в 1902 г. брошюрой

в Штутгарте и нелегально в машинописном виде распространялся в Москве.

Если в программе Суджанского комитета Плеве уже увидел «очаг земской революции», то действия воронежцев были расценены им как попытка «поколебать существующий порядок государственного управления».¹¹ В отношении земских деятелей, причастных к оппозиции, последовали репрессии. Суджанским председателю уездной земской управы Петру Долгорукову и председателю комитета А. В. Евреинову был объявлен высочайший выговор. Долгоруков был отстранен от должности с заповедием в течение пяти лет заниматься земской деятельностью. Члены Воронежского комитета Н. Ф. Бунаков и С. В. Мартынов были арестованы и высланы под надзор полиции. «Я искренний защитник земства, и во мне вы всегда найдете поддержку, — заявил Плеве в конце 1902 г. нижегородским земским деятелям Савельеву и Килеяйну, — но я прошу, господа, не переходить демаркационной линии... Об экономической политике рассуждайте сколько вам угодно, но о самодержавии... как только вы коснетесь этого вопроса — я перестаю быть министром внутренних дел и становлюсь только шефом жандармов».¹²

К январю 1903 г. материалы о нуждах сельскохозяйственной промышленности, собранные в уездных комитетах, поступили на обсуждение в комитеты губернские. Председательствовавшие там губернаторы делали все возможное, чтобы повлиять на состав и решения губернских комитетов. Голос оппозиции в них звучал более глухо.

«На ход работы и физиономно» земских съездов оказывал большое влияние, хотя и не имевший с ними «прямой организационной связи», кружок «Беседа». Начиная с 1898 г. его члены встречались ежегодно четыре или пять раз в московском доме Павла Долгорукова. К 1902 г. кружок увеличил свой состав до 22 человек и уже стал «миниатюрным скопом всего земского либерализма».¹³

При всей пестроте взглядов участников «Беседы» в ее составе ясно обозначились два направления. «Собеседники-славянофилы» считали необходимым добиваться «увенчания здания» — созыва земского представительства с совещательными правами. «Собеседники-конституционалисты» были сторонниками конституционной монархии.¹⁴

18 июня/1 июля 1902 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве вышел в свет первый номер журнала «Освобождение», основанного земцами-конституционалистами. Это был несомненный признак роста и процесса дальнейшей консолидации либерального движения. Вместе с тем, опубликованные на страницах первых номеров «Освобождения» програм-

¹¹ Там же, с. 171, 176, 179.

¹² Освобождение. 1903, № 14, с. 245.

¹³ Шацко К. Ф. Программа земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901—1904 гг.). — Исторические записки, 1976, т. 97, с. 54. Состав «Беседы» за 7 лет ее существования разросся до 54 человек, представлявших по определению К. Ф. Шацкого «все оттенки земского движения». Здесь были и «представители всех будущих политических партий от „крайне левых“ кадетов (братья Долгоруковы, Д. И. Шаховской и др.) до крайне правых лидеров „Совета объединенного дворянства“ (граф П. С. Шереметев, граф А. А. Бобринский)» (Шацкий К. Ф. Указ. соч., с. 54).

¹⁴ Там же.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 37.

⁹ Симонова М. С. Указ. соч., с. 166, 176, 199.

¹⁰ Там же, с. 177—178.

мные статьи свидетельствовали о неоднородности идеологии либерального движения. «Освобождение» предложило читателю сразу три статьи программного характера: «От русских конституционалистов», «Открытое письмо от группы земских деятелей» и «От земских гласных». Первая статья была написана еще весной 1902 г. П. Н. Милуковым, А. А. Корниловым, И. И. Петрункевичем и Д. И. Шаховским и обсуждалась затем на совещаниях с участием земцев в Твери, Костроме, Вологде и в Москве. Здесь и ее обсуждению принимали участие В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер, М. И. Петрункевич и В. Я. Богучарский. Таким образом, от «русских конституционалистов» выступили прежде всего представители либерально настроенной интеллигенции. Программа «русских конституционалистов» предусматривала отмену сословных привилегий, свободу слова, печати, собраний, созыв народного представительства с правом законодательной инициативы. При его участии должны были быть разработаны и проведены финансовые и экономические реформы, усовершенствовано рабочее законодательство, решен аграрный вопрос, проведены административные реформы. Основные положения программы «русских конституционалистов» были поддержаны в «открытом письме» от группы земских деятелей, стоявших на конституционных позициях. Опубликованное во втором номере «Освобождения» письмо «От земских гласных» отражало взгляды правого крыла земского либерализма. Его сторонники были против преобразований конституционного характера и отстаивали идею совещательного народного представительства.¹⁵

Несмотря на различные течения в земской и либеральной среде, непоследовательность и поступки и действий лидеров либерального движения, происходившие в нем процессы свидетельствовали о растущей в стране оппозиции политическому режиму Николая II — Плеве. Как писал в 1907 г. известный историк либерального движения И. П. Белоконский, Плеве за девять месяцев управления Министерством внутренних дел «сумел возбудить против правительства буквально все слои русского и инородческого населения» и «к концу 1902 года у правительства, кроме сфер полицейских, не было... никаких уже не только преданных сторонников, а даже пассивных, но верных сотрудников». Недовольством чиновничества объяснялась массовая присылка в «Освобождение» различные секретные правительственных распоряжений, «глухой протест слышался и среди армии, и среди духовенства».¹⁶

Признаки кризиса власти и надвигающейся революции регистрировались в самых обыденных явлениях общественной жизни. 3/16 мая 1903 г. Петербург праздновал свое 200-летие. Но, как писал один из свидетелей этого события, «ни в чем не чувствовалось воодушевления, ни широкого размаха, ни подъема национального чувства». «По тротуарам ползла довольно малочисленная днем, к вечеру сгустившаяся толпа, совершенно смиренная. Некоторые прицепили юбилейные побрякушки, дети танцели копейные флажки, которые можно было видеть и на дугах некоторых извозчиков, впрочем, все это в меньшем количестве, чем во

„франко-русские“ дни. Присматриваясь внимательно к публике, ходившей по улицам, можно было убедиться, что она состояла, преимущественно, из представителей низших классов городского населения. „Господа“ отсутствовали... Объяснение всех этих не слишком кричащих и тем не менее красноречивых симптомов заключается в одном слове: паника; паника, охватившая как администрацию, так и буржуазную часть общества в ожидании народных бурь революционного характера, которые многим казались неизбежно связанными с этими днями... За несколько дней до „рокового юбилея“ уехавшие из Петербурга поезда были переполнены „господами“, охваченными паническим страхом перед революцией».¹⁷

Кризис власти находил свое отражение решительно во всех областях общественной жизни, в том числе и в общественной психологии. В июле 1902 г. «Освобождение» (№ 22, 2/15 июля) писало о популярности политических убийств в России как об «общественно-психологическом факте», проявившемся, в частности, в том, что смерть Синягина была встречена в самых разных кругах русского общества «с поразительно единодушной радостью...». «Один довольно важный чиновник Министерства внутренних дел на свой вопрос, заданный пришедшему к нему земскому деятелю: „Какое впечатление у нас в провинции произвело убийство Синягина?“ получил ответ: „Мы все довольны“». «Когда лица мирные и умеренные, — комментировало этот эпизод «Освобождение», — начинают не только извинять, но даже одобрять политические убийства, — такое общественное настроение составляет красноречивый симптом полного морального крушения правительства и его политики, окончательного внутреннего разложения существующего государственного порядка. Это должно быть ясно для всех».

В какой-то мере это, конечно, сознавали не только члены царствующего дома, но и сам Николай II, искавший утешения в потоке фальшивых верноподданических посланий. Строго следуя установившейся традиции, министр внутренних дел специально докладывал императору, например, о «чувствах беспредельной любви и верноподданической преданности», выраженных в послании председателя VI Русского водопроводного съезда, собравшегося «для своих очередных занятий» в августе 1903 г. в Нижнем Новгороде.¹⁸

По воспоминаниям вел. кн. Александра Михайловича, он ясно видел, как «изменилось лицо империи» и «последний большой бал» в ее истории 22 января 1903 г., когда «весь» Петербург танцевал в Зимнем дворце, воспринял прежде всего как стремление царя «хоть на одну ночь... вернуться к славному прошлому своего рода». Гости были одеты в русские костюмы XVII в. Но маскарад только усиливал ощущение надвигающегося кризиса. «Новая, враждебная Россия смотрела через громадные окна дворца... Пока мы танцевали, в Петербурге шли забастовки рабочих,

¹⁵ Там же, с. 60, 62, 63—65.

¹⁶ Белоконский И. П. Земское движение до образования партии Народной Свободы. — *Былое*, 1907, сентябрь, с. 226.

¹⁷ Петербуржец. День 200-летнего юбилея С.-Петербурга. — *Освобождение*, 1903, № 24, с. 431—432.

¹⁸ Всенод. докл. В. К. Плеве 30 авг. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 4284, оп. 241, д. 117, л. 88.

а тучи все более и более сгущались на Дальнем Востоке».¹⁹ Строки эти написаны были уже после падения монархии, и на них, конечно, лежит печать пережитых лет. Но и в начале XX в. такие влиятельные политические деятели, как Витте, Победоносцев или Плеве, открыто говорили о нежизнеспособности существовавшего порядка вещей и видели цель внутренней политики либо в его изменении, либо в «замораживании» и «консервации». Разница в понимании внутреннего положения в стране и задач правительственной политики достаточно ясно проявилась, например, в споре между Витте и Плеве в неофициальной обстановке, за обедом, в Ялте в октябре 1902 г.

Витте предостерегал, что общественное движение достигло высокого уровня и его невозможно остановить «репрессиями и мерами полицейского воздействия». Корни этого явления министр финансов видел в незавершенности реформ Александра II: «Здание построено, а купол остался петронутым». Эта формула была распространена среди сторонников созыва Земского собора в самом конце 70-х—начале 80-х гг. И теперь, не упоминая прямо о Земском соборе, Витте, всего три года тому назад провалившийся земский проект Горемыкина, говорил, что ему «понятно стремление к увенчанию здания. Понятно желание свобод, самоуправления, участия общества в законодательстве и управлении». Избежать революции правительство, по словам Витте, могло только, дав выход «этому чувству легальными путями», пойдя «навстречу движению», встав «во главе его, овладев им». Невозможно в настоящее время не считаться с общественным мнением; правительству необходимо опереться на образованные классы. «Иначе на кого же правительству опираться? — на народ? Но ведь это только фраза, — диалектика Константина Петровича Победоносцева, графа Алексея Павловича Игнатьева, сенатора Александра Алексеевича Нарышкина», — подводил Витте итог своим рассуждениям.²⁰ Пронизав по поводу «диалектики» Победоносцева и его единомышленников, Витте ставил под сомнение самую идеологию правительственной политики, провозглашенной в начале царствования Александра III, и призывал вернуться к обсуждению проблемы представительства.

В отличие от министра финансов Плеве строго придерживался официальной идеологии: «Крепок в народе престиж царской власти, и есть у государя верная армия». Источник революционной угрозы Плеве видел как раз в силах, представленных «так называемыми образованными классами, общественными элементами, интеллигенцией». Поэтому Плеве считал, что если в России и будет революция, то «искусственная», а не такая как «на Западе, где ее делали восставший народ или войско». Министр внутренних дел стоял на том, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема», а реформы, призванные «обновить Россию», по плечу только исторически сложившемуся у нас самодержавию».²¹

¹⁹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933, т. I, с. 213—214.

²⁰ Орывки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902—1904 гг.). — Исторический архив, 1962, № 6, с. 81—83.

²¹ Там же, с. 83.

Плеве несомненно отдавал себе отчет в том, что существовавшая в стране политическая система переживала кризис и нуждалась, по меньшей мере, в обновлении. В отличие от Витте Плеве не ставил вопроса незавершенности реформ Александра II. Однако в письме известному славянофилу отставному генералу А. А. Кирееву 31 августа 1903 г. признавал, что «быстро развернувшаяся» в России за минувшие 50 лет «социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений», «запросы жизни уже перерастают существующие способы религиозно-нравственного и умственного воспитания» и, наконец, «самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении».²² Ради укрепления самодержавной власти министр внутренних дел намерен был не только посвятить всего себя борьбе с революционным движением, но и заняться преобразовательной деятельностью. По свидетельству князя В. Орлова, Плеве «готовил план реформ», предусматривавших, в частности, учреждение Государственной думы, но смерть помешала ему закончить эту работу. План был известен Николаю II, сохранившему у себя его отрывки.²³

С приходом к власти Плеве значительно возрасла роль Министерства внутренних дел в определении общеполитического курса самодержавия, а в самой высокой сфере государственного управления занял место опытный полицейский и расчетливый политик. Усилившееся за минувшее десятилетие влияние Министерства финансов и его главы Витте начало падать. Возвышение Плеве совпало с ростом влияния В. П. Мецкерского, внука М. Н. Карамзина, редактора и издателя консервативной газеты «Гражданин», все чаще подменявшего теперь Победоносцева в роли штатного дворцового идеолога.²⁴

В царствование Александра III Мецкерский ежегодно получал на свое издание 60 тыс. р. Николай II отказал Мецкерскому в субсидиях, и «Гражданин» из ежедневной газеты превратился в еженедельник.²⁵ Издателю «Гражданина» удалось добиться расположения царя только с назначением министром внутренних дел Спьягина, состоявшего с Мецкерским в дальнем родстве. 6 января 1902 г. по случаю тридцатилетнего юбилея «Гражданина» царь распорядился возобновить субсидирование газеты.²⁶ В Петербурге ходили слухи, что сближению Николая II с князем Мецкерским способствовал политический скандал, вызванный фельетоном А. В. Амфи-теatroва «Господа Обмановы».²⁷ Читающая публика сразу же угадала в нем сатиру на царскую семью. Между тем фельетон был опубликован в газете «Россия», пользовавшейся покровительством начальника главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского и некоторых

²² В. К. Плеве — А. А. Кирееву 31 авг. 1903 г. — Красный архив, 1926, т. 5, с. 201—203.

²³ Из дневника князя В. Орлова. — Былое, 1919, № 14, с. 57.

²⁴ Общую характеристику взглядов В. К. Плеве и В. П. Мецкерского в связи с внутривнутренним курсом самодержавия в 1902—1904 гг. см. также в книге Ю. Б. Соловьева «Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг.», Л., 1981.

²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 581, 586.

²⁶ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924, с. 274.

²⁷ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. Копии 1897—1902 гг. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 73 в об.

из великих князей.²⁸ Сипягин выслал Амфитеатрова в Минусинск и закрыл газету. Царь же нашел утешение в статьях о самодержавии, печатавшихся на страницах «Гражданина».

С начала 1902 г. Мещерский приобрел заметное идейное влияние на царя. Он сразу же принял участие в интриге против министра народного просвещения П. С. Ванновского, разработавшего проект реформы средней школы. «Гражданин» встал на защиту классического образования. Это нашло самый горячий отклик в душе Николая II, мечтавшего о том, чтобы уменьшить число лиц, получивших высшее образование. Для достижения этой цели предполагалось допускать в университеты только тех, кто окончил гимназию «с двумя древними языками» и одновременно иметь такое число подобных «гимназий, которое соответствовало бы потребностям университетов».²⁹ Мещерский включился и в кампанию против Шаховского.³⁰ Над начальником главного управления по делам печати начали сгущаться тучи. 19 января 1902 г. за обедом у Богдановичей редактор «С. Петербургских ведомостей», близкий к царю человек Э. Э. Ухтомский, называя «Россию» лейб-органом Шаховского, прямо говорил, что тот «враг порядка, самодержавия», «расплодил массу маленьких провинциальных газет, которым разрешается про все писать», и «напал большой вред провинции».³¹

Поворот Николая II в отношении к Мещерскому объяснялся вовсе не посылками императора каких-то новых путей в политике. Он их не искал. Его увлекло «утешительное совпадение» собственных мыслей и взглядов редактора «Гражданина» на занимавшие его внутриполитические проблемы. Николай II не отрицал, что «с радостным трепетом» перечитывал дневники Мещерского, посвященные Александру III, и его удивляло, как понятна для Мещерского «наследственная преемственность» и как Мещерский разглядел собственную его, Николая II, душу.³²

Гибель Сипягина еще больше сблизила единомышленников. Мещерский поспешил на освободившийся пост министра рекомендовать Плеве «как человека, который в состоянии поддержать порядок и задушить революционную гидру».³³ Николай II и сам на этот раз сейчас же «подумал о Плеве», хотя у него был и другой кандидат на министерский пост — финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобриков. Смерть Сипягина только укрепила Николая II в мысли о необходимости проведения еще более жесткого курса. «Теперь нужна не только твердость, а и крутость, и, поверьте, она явилась в моей душе. Завет моего дорогого Сипягина всецело во мне», — писал он Мещерскому 2 апреля 1902 г. «Все по-прежнему... как было при Сипягине», — наставлял Николай II нового министра внутренних дел.³⁴

²⁸ Богданович А. В. Указ. соч., с. 276.

²⁹ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 73 и об., 77.

³⁰ Николай II — В. П. Мещерскому 5 апр. 1902 г. — Oxford Slavonic Papers, 1962, v. X, p. 130.

³¹ Богданович А. В. Указ. соч., с. 276.

³² Николай II — В. П. Мещерскому...

³³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 586.

³⁴ Николай II — В. П. Мещерскому...

Сразу же за назначением Плеве последовало увольнение П. С. Ванновского, а затем и Н. Шаховского. Царь был недоволен действиями Ванновского и его проектами реформы народного образования. Еще в конце 1901 г. это недовольство переросло в конфликт. 13 декабря 1901 г. Николай II пригласил в Царское Село на совещание П. С. Ванновского, С. Ю. Витте, М. И. Хилкова, Д. С. Сипягина, Н. В. Муравьева, А. С. Ермолова, А. Н. Куропаткина и К. П. Победоносцева и заявил им, что «он лично решил принять некоторые меры к прекращению студенческих беспорядков», а затем зачитал собственноручно написанный рескрипт на имя Ванновского. В рескрипте говорилось, что, назначив «столь опытного министра как Ванновский», Николай II «надеялся, что все студенческие беспорядки прекратятся», но ошибся. Николай II приказывал «закрыть (временно) те заведения, где будут происходить беспорядки, взять честное слово со студентов в том, что они хотят учиться и, если завтра они слова не сдержат, поступить с ними по всей строгости законов». В случае же если «молодежь образумится» Николай II разрешал летом 1902 г. «выработать и издать правила, определяющие студенческие учреждения (библиотеки, столовые, кассы и пр.)».³⁵ Ванновский, Сипягин и Куропаткин стали убеждать царя отказаться от опубликования рескрипта и дать возможность Ванновскому завершить работу над подготовившейся им реформой народного образования. Николай II уступил. Однако участь Ванновского была предрешена. Конфликт между ним и царем продолжал углубляться. Царь стоял за возвращение к классицизму. Ванновский же утверждал, что «принял пост министра с условием, что классицизму будет положен конец» и «упрекал» Николая II за то, что тот «изменил своему обещанию, ему, Ванновскому, данному».³⁶ Между тем за классическое образование высказались несколько министров, в том числе и Витте. Однако помощником в деле осуществления реформы Николай II избрал именно Мещерского. «Спешу поразовать вас..., что я написал письмо Ванновскому, чтобы он уходил, — сообщил Николай II Мещерскому 5 апреля 1902 г. — Беру преемником Зенгера, которого думаю ознакомиться с сутью вашего проекта о реорганизации средней школы. Сейчас нужно всецело возвратиться к старому. Прошу вас настроить мне проект краткого рескрипта Ванновскому по случаю его ухода. В нем должна быть выражена благодарность старику, который принял такую обузу на себя только из преданности. Но ни слова о школе и ее реформе, потому что в этой области он напутал».³⁷

Два дня спустя царь направил специальное письмо Плеве, призвав его обратить «самое строгое внимание» на печать. «Она у нас, — писал

³⁵ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 60 и об.

³⁶ Там же, л. 71.

³⁷ Николай II — В. П. Мещерскому... Письмо Ванновскому с уведомлением об отставке царь заготовил еще 25 марта, но отправил его только 10 апреля 1902 г. «Все в России поняли цель вашего нового назначения, — писал Николай II, — в смысле моего желания успокоить и умнотворить взбалмошенное море учащейся молодежи, а затем уже внести желательные перемены в школьной системе. Но, к сожалению, первого условия не удалось достигнуть по независящим от вас причинам. Где же тут думать о постройке нового здания на движущемся песке?». 11 апреля 1902 г. Ванновский был уволен (Былое, 1917, № 1, с. 60—61).

Николай II, — за последние годы сильно распустилась, в особенности в провинции. При следующем вашем докладе мы поговорим по поводу упорядочения нашей печати и о более строгой ответственности вице-губернаторов и качестве цензоров... кн. Шаховской весьма мне не нравится. Он двуличен, коварен и не раз подводил покойного Сипягина самым бессовестным образом. Я давно указывал последнему, что следует от него набабаться, но Д. С. медлил и затруднялся в выборе другого лица».³⁸

Прошла еще неделя, и Николай II с торжеством сообщал Мещерскому, что «участь Шаховского решена». Он призывал Мещерского «сблизиться» с Зенгером. «Этим ты можешь очень помочь мне», — писал царь в заключение своего письма 13 апреля 1902 г.³⁹ В эти весенние месяцы 1902 г., стремись продемонстрировать твердость в политическом курсе, Николай II действительно нуждался в помощи такого единомышленника, как Мещерский. Возвращение к классицизму явно шло со скрипом. «Такой ярый консерватор, такой военный человек до мозга костей», как Вайновский,⁴⁰ оказался противником царских замыслов, и его пришлось убрать. Назначенный на его место бывший профессор Варшавского университета и товарищ Вайновского Г. З. Зенгер был известен как «классик», сделавший перевод на латинский язык «Евгения Онегина», вместе с тем как человек скорее либеральных, чем консервативных взглядов.⁴¹ И с назначением Зенгера в подготовке реформы народного образования Николай II вынужден был опираться прежде всего на Мещерского.

Еще при Сипягине Витте предложил создать для развития «коммерческого образования в России» политехнические институты. Был разработан устав Петербургского политехнического института, а его директором назначен артиллерийский офицер князь А. Г. Гагарин. В феврале 1902 г. царь «не утвердил положение о новом Политехникуме в Петербурге». Он хотел «придать» этому учебному заведению «некое военное устройство, наподобие *l'école Polytechnique* в Париже». Царь поручил Витте предоставить ему соображения князя Гагарина. Каково же было удивление царя, когда Гагарин в своей записке отрицательно отзывался о царском проекте. «И это написал бывший военный», — жаловался Мещерскому на Гагарина раздосадованный Николай II, напрасно надевшийся на офицерскую солидарность.⁴² 2 мая 1902 г. положение о Политехническом институте пришлось утвердить без существенных изменений.

Между тем с Мещерским и Плеве у Николая II установилось полное взаимопонимание. Мещерский работал не покладая рук, сочиняя записки и рескрипты по самым разнообразным вопросам внутренней политики. К середине февраля 1902 г. им, судя по всему, был подготовлен проект программного документа — царского манифеста. Возможно, что именно Мещерскому принадлежала мысль о необходимости провозглашения в форме манифеста основных направлений правительственной политики. Во всяком случае, как можно судить по опубликованным в 1962 г. И. Ви-

ноградовым письмам Николая II Мещерскому, редактор «Гражданина» проявлял даже известную пастойчивость, добиваясь от царя обращения к народу.⁴³ В опубликованных письмах Николая II Мещерскому манифест впервые упоминается 18 апреля 1902 г. В этот день Николай II возвратил Мещерскому уже находившийся некоторое время в его распоряжении проект манифеста, одобрив его «как мысль».⁴⁴

Опираясь в осуществлении своих внутривполитических планов на Мещерского и Плеве, Николай II вместе с тем сам вел дело подготовки документов, связанных с намечавшимися преобразованиями. Посовещовавшись в апреле 1902 г. Мещерскому «сблизиться» с Зенгером для подготовки рескрипта о народном образовании, 18 апреля Николай II неожиданно изменил свое решение и просил Мещерского «до времени не знакомиться с Зенгером», а о делах народного образования не говорить ничего Плеве. «Можешь, — разрешил царь, — поговорить с Плеве относительно обновления комитета при Департаменте полиции».⁴⁵

Если мысль об издании манифеста была подана Мещерским, то очень может быть, что Николай II не сразу посвятил в дело и Плеве. В бумагах Мещерского сохранился написанный им проект царского манифеста, а также некоторые варианты этого проекта, появившиеся уже в результате исправлений первоначального текста.⁴⁶

«Брожения в отдельных кружках общества, — провозглашалось во вводной части проекта, — вызванные отчасти замыслами врагов государства и порядка, и отчасти увлечениями отдельных лиц мыслью искать счастья русского народа в чуждых ему началах государственной жизни иноземных государств, внесли в жизнь смуту», проникшую «отголосками и в школу и в крестьянскую среду... В ясном сознании возложенной на нас богом ответственности за счастье нашего народа, мы не можем допустить, чтобы мы подвергали порядку, как главной основы этого счастья, мешали попытке с целями противоположными и чтобы свобода, которую

³⁸ В X томе (Oxford Slavonic Papers за 1962 г./Изд. и ред. С. А. Коновалов) И. Виноградов опубликовал 12 писем к В. П. Мещерскому вел. кн. Александра Александровича за январь 1867—октябрь 1872 г. и 41 письмо Николая II за февраль 1902—сентябрь 1913 г. из частных зарубежных коллекций и архива Колумбийского университета (Vinogradoff I. Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Moshersky (1839—1914). Oxford Slavonic Papers, 1962, v. X). Эта публикация тщательным образом использована в статье Ю. Б. Соловьева «К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. (Вспомогательные исторические дисциплины, 1979, IX, с. 192—205).

⁴⁴ Цит. по: Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 198.

⁴⁵ Николай II — В. П. Мещерскому 18 апр. — Oxford..., p. 132.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 1—6. Поскольку проект манифеста и его варианты не датированы и в бумагах Мещерского не сохранилось никаких сопроводительных к ним документов, то установить точное время их написания невозможно. Нет также оснований утверждать, что сохранившемуся экземпляру проекта манифеста не предшествовали какие-либо черновые наброски. Вместе с тем сопоставление сохранившегося проекта с опубликованным 26 февраля 1903 г. текстом манифеста «О преобразованиях к усовершенствованию государственного порядка» (ПСЗ, III, т. XXIII, № 22581) свидетельствует о том, что проект несомненно был положен в основу опубликованного затем документа. Сохранившийся в бумагах Мещерского проект манифеста не был озаглавлен, однако представляет собой совершенно законченный машинописный текст.

³⁹ Николай II — В. К. Плеве 7 апр. 1902 г. — ЦГАОР СССР, ф. 588, оп. 1, д. 950, л. 2.

⁴⁰ Николай II — В. П. Мещерскому 13 апр. 1902 г. — Oxford..., p. 130.

⁴¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 204.

⁴² Там же, т. 2, с. 205, 206; т. 3, с. 116.

⁴³ Николай II — В. П. Мещерскому 18 апр. 1902 г. — Oxford..., p. 130.

мы признали нужною как условие труда и жизни каждого из наших верноподданных, могла быть в зависимости от своеволия некоторых». ⁴⁷ Вводная часть манифеста заканчивалась словами, требовавшими от всех исполнителей царской воли «твердого и честного противодействия всякой попытке к своевольному нарушению правильного течения государственной и народной жизни» и обещанием «с столь же твердою решимостью удовлетворить настоятельным нуждам народного благосостояния». ⁴⁸

Вслед за вводной частью в семи статьях была изложена программа намечавшихся преобразований: «1. Приблизить народные нужды к нашему престолу путем преобразования губернского и уездного управлений на началах ослабления зависимости удовлетворения многих нужд жизни от сплошного делопроизводства в высших государственных учреждениях и расширения ее самостоятельности под охраною сильной, но строго перед нами ответственной власти. 2. Пересмотреть в порядке, который будет нами указан, законоположение о сельских обывателях с тем, чтобы по установлении главных оснований преобразования, дальнейшая разработка и осуществление на деле задачи улучшения их быта, применительно к особенностям и нуждам каждой местности, были производимы на местах общию работою правительственных лиц и достойных представителей местных нужд в губерниях и в уездах. 3. Дейтельно продолжать начатые мероприятия к улучшению материального положения сельского духовенства и поднятия его значения в общественной жизни прихожан. 4. Оставляя неприкосновенным общий строй общинного владения крестьян землею, безотлагательно принять меры к возможному облегчению отдельным крестьянам выхода из него по их желанию и к отмене круговой поруки. 5. В целях урегулирования сельского быта в согласовании с насущными потребностями местной жизни, пересмотреть положение о церковноприходских попечительствах для образования из них средоточия сельской жизни, везде, где сие возможно. 6. С целью облегчить возможность сохранения своих родовых имений тем из дворян, которые живут постоянно в своих усадьбах и состоят заемщиками Государственного Дворянского банка, выработать для них облегченные условия платежей. 7. Разработать условия, на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей церкви и государственного строя».

В заключительной части манифеста содержался призыв к «верноподданным» «всеми... силами содействовать... к утверждению в семье, в школе и в общественной жизни нравственного порядка, при котором на твердой основе самодержавия может быть достигнуто и развито народное благосостояние». При этом подчеркивалось, что «только сильное правительство может не бояться доверия к свободным общественным силам и дать каждому чувство прочности его прав». ⁴⁹

Итак, проект манифеста содержал программу, предусматривавшую важнейшие перемены в области внутренней политики. Естественно, возникает вопрос: имел ли министр внутренних дел хоть какое-нибудь отношение

к его составлению и если нет, то на какой стадии подготовки документа он принял в ней участие?

Известно только, что 14 мая 1902 г. Николай II сообщил Мещерскому, что он «долго и подробно» беседовал о манифесте с Плеве и «уступил» его настояниям отложить издание манифеста до 21 октября, годовщины вступления Николая II на престол, «когда подготовительные работы», касающиеся содержания манифеста, «будут исполнены и правильно и ясно намечены». ⁵⁰ В этом же письме Николай II благодарил Мещерского за пожелания ко дню рождения, 6 мая, и вместе с тем порицал за упоминание в «Гражданине» об их свидании. ⁵¹ «Мы ведь недавно оба заключили тайный и оборонительный союз. А ты уже разглаговльствуешь о том, что видел меня», — замечал с некоторым раздражением царь. Таким образом, к середине мая 1902 г. Плеве уже несомненно был в курсе дела, связанного с подготовкой манифеста. В очередном письме Мещерскому Николай II одобительно отзывался о совместной работе Мещерского и Плеве над проблемами государственных преобразований: «Я нахожу прекрасною твою мысль держать Плеве au courant тех вопросов, о которых ты хочешь мне писать. Одобряю то, что ты говорил Плеве в разговоре с ним в Царском». ⁵²

В бумагах Мещерского видны следы совместного творчества Николая II, Мещерского и Плеве. Помимо уже упомянутого текста проекта манифеста, остались машинописные варианты отдельных частей проектов более позднего происхождения с поправками, сделанными чернилами и карандашом, возможно, самим царем либо Плеве.

О характере отношений между Плеве и Мещерским в ходе подготовки манифеста судить довольно трудно. По воспоминаниям Витте, «Плеве чрезвычайно покровительствовал Мещерскому, всем его ублажал... Мещерский часто бывал у Плеве». ⁵³ Однако едва ли их литературное сотрудничество протекало в идиллической атмосфере взаимного доверия.

В дневнике Куропаткина сохранилась запись разговора с Плеве, состоявшегося 6 мая 1902 г. Министр внутренних дел, оценивая «политическое движение, в которое увлечены рабочие и крестьяне», считал, что оно «имеет поверхностный характер», но может стать «серьезным, если не будут приняты своевременные меры». «По его словам, движение в Полтавской и Харьковской губерниях, если бы не было быстро остановлено, привело бы разнуздание толпы к насилиям; начали отбирать картофель, зерно, сахар, затем стали увозить, затем стали уничтожать все, что оставалось. Затем начали жечь. Еще немного и стали бы вешать управляющих, владельцев». Плеве считал необходимым «прежде всего скорее поставить на место соответствующих начальников губерний и других частей и управлений», т. е. усилить власть местной администрации. «Затем из разговора с Плеве я усмотрел, — записал в своем дневнике Куропаткин, — что он считает вредным влияние кн. Мещерского (Гражданин) на государя, которое, однако, только подозревается и которым Мещер-

⁵⁰ Цит. по: Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 198.

⁵¹ Имелся в виду «Дневник» Мещерского 6 мая, напечатанный в «Гражданине» 9 мая 1902 г.

⁵² Николай II — В. П. Мещерскому 26 мая 1902 г. — Oxford..., p. 132.

⁵³ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 587.

⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 1—2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

ский хвалится». ⁵⁴ Видимо, в начале мая 1902 г. Плеве еще недооценивал влияние Мецкерского на царя. В дальнейшем же совместному их участию в выработке интронизационного курса сопутствовало продолжавшее нарастать, несмотря на близость идейных позиций, соперничество.

Между тем Николай II продолжал поощрять обоих. В первых числах августа он похвалил Мецкерского за поданную им «мысль о военных кандидатах на губернаторские посты и присутствие казаков в каждом большом городе», а во второй половине августа сделал Мецкерскому очередной литературный заказ. Царь готовился к выступлению перед «волевыми старшинами в Москве и Курске» и просил Мецкерского «набросать» ему «несколько слов... для народа», и чтобы язык был «простой и правдивый». ⁵⁵ Царские речи несомненно готовились и при участии Плеве. Министр внутренних дел должен был сопровождать царя в намечавшейся поездке. Царь приехал в Курск на маневры 29 августа 1902 г. Встречать его были вызваны губернаторы соседних губерний, волостные старшины и сельские старосты Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской губерний. В Курске царь присутствовал на открытии памятника Александру III в дворянском собрании и произнес три речи, выступив перед представителями поместного дворянства, земств и крестьян. Курские речи Николая II имели очевидную политическую направленность и уже содержали в себе основные положения проекта манифеста. Плеве стоял сразу же за спиной царя, когда тот, 30 августа, выступая перед предводителями курского дворянства, говорил об отданном им распоряжении министру внутренних дел принять меры к устранению недостатков в крестьянском законодательстве. Царь обещал привлечь к этой работе представителей земств и дворянства на местах.

Речь царя 30 августа могла быть оценена как известный отход от курса, провозглашенного им в своем первом публичном выступлении перед представителями земств в 1895 г. Николай II воспользовался бли-

⁵⁴ Дневник военного министра А. Н. Куропаткина. — ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1871, л. 75 об. О Мецкерском Плеве достаточно определенно высказался 9 апреля 1904 г. в разговоре с В. Г. Глазовым в связи с назначением того управляющим Министерством народного просвещения. Обучая начинающего министра тактике поведения в отношениях с Мецкерским и царем, Плеве, разумеется, опирался на собственный опыт. «Положение вашего мн-ва, конечно, очень тяжелое, — говорил Плеве, — тем более, что у государя по-видимому еще не выработалось, по крайней мере так было прежде, более или менее определенной программы. Некоторым советником около него является, с одной стороны, кн. Мецкерский с кружком, а с другой — ген. Гессе с своим приятелем Юзефовичем. Мецкерский, как человек, собственно говоря, дрянной, и, конечно, не сам составляет записки, у него там есть кто-то из близких, но к его голосу, как выразителю известной партии общества, необходимо прислушиваться. Во многих случаях он может быть вреден, но его можно обезвредить, а о том, как, мы поговорим впоследствии. Скажу только, что человек он честолюбивый и на этом его можно поймать, выдвигая ему какой-нибудь крестик или какое-либо положение. Во всяком случае, государь, ознакомившись с теми или другими записками, составляет себе некоторые взгляды, с которыми приходится считаться. Как человек мягкий, он в то же время становится упорен, и хотя его взгляды можно несколько видоизменить, но в основе необходимо их сохранить, дабы не вызвать глупого недовольствия» (Дела и дни. — Исторический журнал, 1920, кн. 1, с. 216—217).

⁵⁵ Цит. по: Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 197—198.

жайшей возможностью, чтобы сгладить этот контраст. Через два дня он принял делегатов от крестьян, предостерег их от участия в беспорядках, подобных тем, что произошли в Полтаве и Харькове, и как заповедь повторил им внушение покойного Александра III, сделанное в Москве волостным старшинам в дни коронации: «Слушайтесь ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». ⁵⁶

События в Курске были восприняты печатно как свидетельство торжества политики Плеве. ⁵⁷ Николай II рассматривал свое выступление в Курске как программное, а потому дававшее все основания отложить намечавшееся на 21 октября опубликование манифеста. «Мне казалось, что после всего сказанного в Курске, — писал царь Мецкерскому 20 октября, — с манифестом можно подождать». ⁵⁸

23 октября Плеве подал царю доклад о недостатках губернского управления и необходимости его преобразования. Предполагалось: «1-ое, усиление и сосредоточение власти губернаторов как путем увеличения предоставленных им... по управлению и надзору за вверенными им губерниями прав, так и путем освобождения их от целого ряда обременяющих их... сравнительно маловажных дел; и 2-ое, упорядочение и упрощение современного губернского управления путем объединения в одном центральном органе местных коллективных установлений». ⁵⁹

Плеве подчеркивал, что «расширение власти начальников губерний не только отвечает практическим потребностям данного времени», но и соответствует «коренным началам» государственного управления, «ослабленным законодательными мероприятиями последних сорока лет». Намечавшаяся губернская реформа он рассматривал как продолжение политики 80-х — начала 90-х гг. «В течение 1889, 1890 и 1892 годов, — писал Плеве, — последовательно были преобразованы крестьянское управление, земское учреждение и пересмотрено городское положение. Таким образом, силою вещей настал черед реформ губернской администрации». Министр начал свою записку со ссылок на традицию русского законодательства, всегда ставившего губернатора «во главе всех местных властей» и называвшего его «начальником» и «правителем» губернии. «Хозяином», — написал на полях записки Николай II, еще усилив эту аттестацию и сразу определив свое отношение к основной идее реформы. ⁶⁰

Плеве считал необходимым изменить структуру губернского управления. Должны были быть преобразованы губернский присутствие и губернский правление, а также губернские присутствия по земским и городским делам, по воинской повинности, по промысловому налогу, по фабричным или горно-заводским делам, портовые (в портовых городах). Подлежали упразднению губернские комитеты: распорядительный, лесоохранительный, статистический. Дела всех этих учреждений должны были перейти в ведение вновь создававшегося под председательством

⁵⁶ Новое время, 1902, 3 сент.

⁵⁷ Там же, 1 сент.

⁵⁸ Цит. по: Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 198.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, л. 150, ч. 1, л. 150.

⁶⁰ Записка В. К. Плеве 23 окт. 1902 г. — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, д. 73, ч. 17, л. 1—3 об.

губернатора Губернского совета. Ему же из губернского правления должны были быть переданы дела строительные, врачебные и ветеринарные.⁶¹

Плеве находил недопустимым то, что вне контроля губернатора находились губернский жандармское управление и фабричная инспекция. Министр внутренних дел по положению являлся одновременно и шефом жандармов. Естественно, что его предложение подчинить «в порядке служебности» сотрудников губернского жандармского управления губернатору встретило безоговорочную поддержку царя. Сложнее обстояло дело с фабричной инспекцией, все еще находившейся в ведении министра финансов. Плеве обвинил инспекторов в том, что они часто не извещают губернатора «о брожении умов, происходящем на фабриках и заводах, в расчете обойтись без вмешательства полиции» и на этом основании потребовал «поставить дело надзора за фабриками и заводами в возможно ближайшем отношении к общей губернской администрации». «Конечно!», — поспешил согласиться с этим требованием Николай II.⁶² Однако Плеве предстояло еще продолжить переговоры по поводу фабричной инспекции с министром финансов, а также вступить в переговоры с министром народного просвещения о преобразовании губернского училищного совета и передаче председательствования в нем губернатору. За губернатором должно было быть закреплено право увольнять любых должностных лиц и производить в любое время ревизии всех губерnskих учреждений, кроме контрольных палат.⁶³

28 октября в Ливадии Николай II одобрил «в общем» изложенные в записке Плеве предложения,⁶⁴ а 30 января последовало распоряжение о создании особой комиссии под председательством Плеве для выработки проекта губернской реформы.⁶⁵ 29 декабря 1902 г. Плеве выступил с большой речью по случаю 100-летнего юбилея Министерства внутренних дел и в ней специально говорил о предстоявшей реформе губернского управления.⁶⁶

Между тем продолжалась затянувшаяся на несколько уже месяцев выработка окончательного текста манифеста. «Постоянно думая о манифесте, — писал Николай II Мещерскому, — я все более склоняюсь к мысли об издании его в Новом Году. Прилагаю проект твой, переделанный Плеве. Может быть ты его обработаешь и припишешь мне с пояснительной запиской».⁶⁷ Наступил Новый год, а работа над манифестом все еще не была закончена. 5 января Николай II в который раз благодарил Мещерского «за исправленный и дополненный проект манифеста» и опять сообщал о своем намерении отложить публикацию: «Дело слишком серьезное, и я его еще изучаю. Прощай, верь и надейся». 14 января царь наконец сообщил, что «манифест появится на днях». «Статью о свободе слова я совсем вычеркнул. Она была несвоевременна», — писал царь

о последних результатах своей работы над текстом.⁶⁸ Так, одним росчерком пера из проекта манифеста была исключена важнейшая из его статей.

Это был ответ на претензии либеральной оппозиции, еще в ноябре 1902 г. образовавшей в столице юбилейный комитет для празднования исполнившегося 3 января 1903 г. двухсотлетия печати. Плеве предостерег Н. К. Михайловского, а «через него и других членов комитета», что «не потерпит никаких демонстраций в пользу свободы печати» и в случае неповиновения грозил репрессиями: «Прежде литераторов высылали, а теперь будут ссылать». С подобными же заявлениями выступал и директор Департамента полиции А. А. Лопухин. Полицейские приставы объезжали членов комитета и «отбирали подписки», что те не будут «совместно обедать 3 января!».⁶⁹

Как видим, действия Николая II и его министра внутренних дел находились в полном согласии. Между тем Мещерский считал, что задержка публикации манифеста прежде всего результат козней Плеве. К началу 1903 г. их отношения приняли просто враждебный характер. В бумагах Мещерского сохранился отрывок из дневника от 20 января 1903 г., написанный специально для царя и содержащий убийственную характеристику Плеве. Мещерский писал о событиях 19 января, когда у него были сенатор С. Ф. Платонов (назначенный в мае 1902 г. благодаря протекции Мещерского членом Государственного совета) и Витте по поводу «разработки сообщения» проекта губернского совета. «После 2-часовой работы Платонов взял на себя изготoвить соответствующую записку. Затем Витте ушел, Платонов и Мещерский остались вдвоем, заговорили о манифесте и Плеве. Этот придуманный или действительно имевший место диалог, пересказанный Мещерским в «дневнике», и должен был зародиться в душе Николая II недоверие к Плеве. Мещерский представил себя в этом диалоге пассивной стороной. Говорил Платонов: о предчувствии, что молчание по поводу манифеста «зловещее» и что «Плеве сидит в своем кабинете и строчит свое мертвое слово», чтобы «заразить» манифест «ядом смерти». Платонов рисовал Плеве бездушным человеком, более всего боявшимся, чтобы царь «не угадал его мелкоту и фальшивость и не стал искать себе министра под стать делу». «Для Плеве, — говорил Платонов, — государь другой Лорис, другой гр. Толстой, за которым надо ухаживать и которого надо обманывать настолько, насколько это нужно...».⁷⁰ Мещерский же в ответ твердил одно, что царь «не даст Плеве испортить манифест, если он его одобрил» и проводил Платонова со словами: «Я верю и надеюсь».

Мещерский представил Платонова человеком, открывшим ему глаза. Он «долго ночью предавался размышлениям по поводу слов Платонова о Плеве» и чувствовал «их правду», а затем мысленно вступил в разго-

⁶¹ Там же, л. 4—5 об.

⁶² Там же, л. 7 и об.

⁶³ Там же, л. 6—10 об.

⁶⁴ Там же, л. 1.

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, д. 150, л. 1, л. 150.

⁶⁶ Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб., 1904, с. 46—47.

⁶⁷ Николай II — В. П. Мещерскому 28 нояб. 1902 г. — Oxford..., р. 135.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Несмотря на предостережения властей, Курское общество содействия начальному народному образованию отметило 200-летие печати экстренным собранием 19 января 1903 г. На нем присутствовало около 300 человек и было принято постановление о необходимости введения в России «полной свободы печати» (Белокопский И. П. Указ, соч., с. 230).

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 29, л. 1—2 об.

вор с самим царем, обратившись к нему с упреками и обвинениями в том, что царь не доверяет ему, Мищерскому, и подпадает под «силу злого... влияния».⁷¹

Трудно сказать, когда именно это литературное сочинение в законченном виде попало на стол императора, но Плеве оно, по-видимому, вовсе не понравилось и едва ли сказало свое на заключительной стадии подготовки манифеста. В этом деле последнее слово осталось все-таки за министром внутренних дел. «Посылаю вам на прочтение проект манифеста, — писал Николай II Плеве 25 февраля 1903 г., — который я желаю дать завтрашним числом 26-го, прошу вас заехать ко мне в 4 часа, в случае вы нашли бы нужным переговорить со мною по этому поводу».⁷² Окончательная редакция манифеста готовилась в Министерстве внутренних дел сотрудниками Плеве. Об этом написали в своих воспоминаниях В. И. Гурко, а также начальник канцелярии министра внутренних дел Д. И. Любимов. Воспоминания эти, впрочем, вызывают некоторое недоумение: их авторы утверждают, что манифест был изготовлен спешно, в течение одной ночи, а пункт об облегчении крестьянам выхода из общины был будто бы введен по предложению Гурко.⁷³

Опубликование манифеста было приурочено к 26 февраля, дню рождения Александра III. Этим Николай II, очевидно, хотел лишь раз подчеркнуть преемственный характер своей политики.

Манифест приобрел значительно менее радикальный характер по сравнению с проектом, подготовленным Мецкерским. Проявления «либерализма» Мецкерского, нашедшие свое отражение в статьях «Гражданина», а расхождений в гармонии свободы и самодержавия,⁷⁴ были сочтены неуместными в официальном документе и вытравлены Николаем II и Плеве.

Одна из статей самой ранней из дошедших до нас редакций манифеста предусматривала разработку условий для расширения «разумной» и согласованной с «духом... церкви и государственного строя» свободы слова и совести. Эта статья подвергалась редактированию в первую очередь. Первоначально из нее был выделен пункт о свободе совести и превращен в самостоятельную статью и в ней развита тема о роли православной церкви как «первенствующей и господствующей». В окончательной редакции манифеста Николай II вычеркнул вовсе статью о свободе слова, реально была также исключена и статья о свободе совести. Текст ее в сокращенном и переработанном виде вошел в начало констатирующей части манифеста, где говорилось о соблюдении «властями, с делами веры сопрягающимися, заветов веротерпимости» и опять-таки подчеркивалась господствующая роль православной церкви. Ни о какой «разработке» условий для расширения свободы совести уже не было и речи. В мани-

фесте говорилось о неуклонном соблюдении уже существовавших законов.⁷⁵

В результате редактирования и сокращения проекта манифеста из него исчезли фразы о необходимости «приблизить народные нужды к... престолу», об удовлетворении «постоянных нужд народного благосостояния», о доверии «к свободным общественным силам».⁷⁶ В окончательной редакции были исключены из текста и номера статей, что придало ему менее определенный характер.

Появление манифеста 26 февраля 1903 г., подготовленного Мецкерским и Плеве без какого бы то ни было участия не только Витте, но и Победоносцева, свидетельствовало о растущем влиянии Плеве.⁷⁷ Вместе с тем в манифесте отразились глубочайшие противоречия политики, проводившейся Министерством внутренних дел. В манифесте объявлялось, что «в основу» трудов по пересмотру законодательства о сельском состоянии следует положить «неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины». Манифест призывал «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной круговой поруки»⁷⁸ и означал отказ от традиционно проводившейся Министерством внутренних дел политики строгой консервации отношений внутри общины, нашедшей свое отражение в указе 14 декабря 1893 г. Отмена круговой поруки, признание неизбежности процесса расслоения крестьянства в общине и готовность способствовать выходу из общины отдельным крестьянам — все это несомненно свидетельствовало о новом хотя и противоречивом и непоследовательном подходе к проблеме общинного землевладения.

Политическая программа, провозглашенная в манифесте, предусматривала некоторое улучшение положения крестьянства, развитие местного самоуправления и усиление влияния православной церкви.

В разговоре с военным министром Куропаткиным в апреле 1903 г. Плеве заявлял о ясном понимании им задач правительственной политики: «... прежде всего надо приподнять значение церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения. Если эти цели будут достигнуты, то он надеется остановить поток недовольства, протеста и даже открытой борьбы».⁷⁹

Опубликование манифеста 26 февраля 1903 г. открыло путь для реформы губернского управления. Специальная комиссия для этой цели под председательством Плеве была создана еще в январе 1903 г. Однако

⁷¹ ПСЗ. III, т. XXIII, № 22581.

⁷² ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 20, л. 1—2, 5—6.

⁷³ Задетый тем, что манифест был подготовлен без его участия, Победоносцев написал царю о мнении как своем, так и Синода, что «в храмах манифест прочитан быть не может». Об этом рассказал, со ссылкой на Николая II, Куропаткину министр юстиции Муравьев, добавив от себя, что «манифест составлял Мецкерский, что он затем был несколько (в оригинале пропуск видимо слова «переделан». — Б. А.) Плеве (который тоже был устранен от сего дела) и что манифест кажется носился Мецкерским на просмотр к Витте» (Дневник А. Н. Куропаткина. — Красный архив, 1922, т. 2, с. 38).

⁷⁴ ПСЗ. III, т. XXIII, № 22581.

⁷⁵ Дневник А. Н. Куропаткина. — Красный архив, 1922, т. 2, с. 43.

⁷¹ Там же.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 536, оп. 1, д. 449, л. 7.

⁷³ См.: Отрывки из воспоминаний Д. И. Любимова (1902—1904 гг.). — Исторический архив, 1962, № 6, с. 78. На эту несуразность обратил внимание уже Ю. Б. Соловьев (см.: Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 199).

⁷⁴ Как показал Ю. Б. Соловьев, В. И. Мецкерский начал усиленно развивать эту тему в своих статьях на страницах «Гражданина» вскоре после убийства Д. С. Сипягина в апреле 1902 г. (Соловьев Ю. Б. К истории происхождения манифеста..., с. 199—201).

она начала работать только 27 февраля. Комиссии предстояло определить способы усиления власти губернаторов и объединения губернского делопроизводства в центральном органе.

Разработка реформы местного управления к 1903 г. уже имела свою историю. Начало ее восходило к проектам М. М. Сперанского, подготовившего в 1822 г. административное устройство Сибири. Вопрос о «необходимости коренного преобразования местного строя» обсуждался в 40—50-х гг., однако он так и не был решен. В октябре 1881 г. эта задача оказалась возложенной на комиссию под председательством М. С. Каханова. Кахановская комиссия проектировала реформу местного управления на началах децентрализации, разделения административных и судебных властей и предоставления самостоятельности земским и общественным учреждениям. Эти принципы, положенные в основу работы комиссии, были сочтены ставшим в мае 1881 г. министром внутренних дел Д. А. Толстым «совершенно неприменимыми к общему государственному строю империи», и в апреле 1885 г. кахановская комиссия была закрыта.⁸⁰

Весной 1895 г. в Министерстве внутренних дел был разработан П. М. Кошкиным проект объединения в Сибири в один центральный орган губернских учреждений Министерства. С 8 по 22 апреля 1895 г. проект Кошкина обсуждался в Соединенных департаментах Законов, Государственной экономики, Гражданских и духовных дел Государственного совета. 25 мая Государственный совет высказался за учреждение в каждой из сибирских губерний губернского управления в качестве центрального местного органа власти. 1 июня 1895 г. это мнение Государственного совета было одобрено царем. Тогда же Государственный совет вынес рекомендацию о проведении подобной же реформы и в губерниях Европейской России.⁸¹ Однако ни Горемыкин, ни Сипягин в бытность свою министрами внутренних дел не успели рассмотреть составленный опять-таки Кошкиным проект этой реформы. Вплотную ею занялся только Плеве. На этот раз проект реформы губернского управления был подготовлен товарищем министра внутренних дел П. Н. Дурново. Проект Дурново и был сделан объектом главного рассмотрения начавшей свою работу 27 февраля комиссии Плеве.

Уже в первом заседании комиссии было заявлено, что русское законодательство последней четверти XIX столетия признавало за губернаторами (и эта мысль, в частности, проводилась в трудах кахановской комиссии) прежде всего право по надзору, в то время как следовало бы «усилить его распорядительную власть, приблизить его роль к типу губернатора екатерининского времени». Расширение распорядительной власти губернатора было признано «одной из главных задач реформы».⁸²

⁸⁰ Записка в Государственную думу «По проекту Положения об уездном управлении». — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, д. 73, 1906, ч. 15, л. 128—135.

⁸¹ Записка Департамента общих дел по пересмотру законоположений о губернских учреждениях 27 февр. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, д. 150, ч. 1, л. 151.

⁸² К записке о преобразовании губернского управления, составленной Департаментом общих дел. — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, д. 150, л. 183—184.

Таким образом, Плеве сразу же сузил задачу своей комиссии, поставив решение общего вопроса о децентрализации и коренных переменах в системе местного управления во вторую очередь. Ввиду определенной целенаправленности комиссии, она была сформирована исключительно из чиновников Министерства внутренних дел. Это, кстати сказать, дало повод ее участникам заявлять, что «вопрос о губернском преобразовании во всей его совокупности не может быть рассматриваем в настоящем исключительно ведомственном составе комиссии», так как его решение требует согласования деятельности «всех ведомств, имеющих свои учреждения в губернском управлении».⁸³

В журнале комиссии отмечалось, что власть в губернии представлена не только государственными чиновниками, но и общественными учреждениями, а для согласования действий между ними необходим пересмотр земского и городского положения для усиления «способов непосредственного, без обращения к центральным властям, удовлетворения местных потребностей». «Это последнее, — подчеркивалось в журнале, — может быть достигнуто как расширением круга ведения общественных установлений, так и децентрализацией власти вообще, и том смысле, чтобы дела о местных пользах и нуждах, по возможности, получали разрешение в самой губернии, и даже в уезде, так как несомненно, что последовательное проведение в нашей государственной жизни начала децентрализации приведет к передаче некоторых, решаемых ныне в губернии дел, в уездные установления... Отсюда возникает вопрос о необходимости пересмотра уездного управления».⁸⁴

Все эти рассуждения приводились в оправдание того, что комиссия взяла на себя решение только двух вопросов: об усилении губернаторской власти и некотором усовершенствовании губернского управления. Однако и их обсуждение в комиссии затянулось почти до середины июня 1903 г.

Плеве открыл заседания совещания по делам губернской реформы на следующий день после издания манифеста 26 февраля, видимо, не случайно. Царь проявлял живой интерес к реорганизации местного управления, а Мещерский полную готовность служить ему пером и в этом деле. Больше чем за месяц до издания манифеста Николай II писал Мещерскому: «Записку о Губернском совете я облюбовал и прошу тебя подробнее разработать ее».⁸⁵ 19 января, как мы уже знаем, Мещерский и пригласил к себе сенатора Платонова и Витте для «разработки сообща» проекта Губернского совета. Через несколько дней после издания манифеста, 1 мая 1903 г., Николай II направил новое письмо Мещерскому, весьма примечательное для понимания отношений сообщников внутри «тайного и оборонительного» союза. Можно предположить, что письмо это было ответом на попытки Мещерского отвратить Николая II от безобразовского кружка и повлиять на характер дальневосточной политики.⁸⁶ На этот раз

⁸³ Журнал высочайше учрежденной комиссии по преобразованию губернского управления. Заседания 27 февраля, 2 и 5 марта, 6, 7, 9 и 10 июня 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, д. 150, л. 188—209.

⁸⁴ Там же, л. 189.

⁸⁵ Николай II — В. П. Мещерскому 14 янв. 1903 г. — Oxford..., p. 136.

⁸⁶ Там же, p. 154. См. также: Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 590.

Николай II решительно и строго указывал Мещерскому его место. «По меньшей мере сменило, если ты думаешь, что я буду исполнять все твои желания, — писал царь. — У меня тоже свое мнение и своя воля — в этом ты скоро убедишься».⁸⁷ Однако это предостережение не означало ни разрыва, ни намерение отказаться от литературных услуг Мещерского. «Но на тебя я не серюсь более, — продолжал царь, — потому что знаю твою преданность и любовь. В субботу (3 мая) у меня соберутся 4 министра с Платоновым по поводу манифеста 26 февраля. Пришли на всякий случай проект совета по местным делам».⁸⁸

На совещание в Царское Село 3 мая были приглашены министры: земледелия и государственных имуществ, внутренних дел, финансов и юстиции, а также Платонов как член Государственного совета. Николай II сам открыл совещание и предложил министрам высказать свое мнение по поводу необходимости передачи из центральных учреждений в губернии дел, имеющих исключительно местное значение.⁸⁹

Судя по журналу совещания, довольно активную роль в нем играл Витте, выступивший с «всепогоднейшим заявлением», направленным несомненно против Министерства внутренних дел. В своем заявлении Витте подчеркнул, что известная децентрализация управления и передача значительного количества дел на местах были бы возможны, если бы «было осуществлено возмещенное в высочайшем манифесте 26 февраля коренное преобразование губернского и уездного управлений с усилением при том власти и значения губернатора, который являлся бы не только органом Министерства внутренних дел, как ныне, а действительным представителем верховной власти». Это заявление, встреченное сочувственно и другими участниками совещания, не застало, однако, врасплох и Плеве. Министр успел сообщить, что уже 27 февраля «им открыта особая комиссия по преобразованию губернского и уездного управлений на началах объединения надзора за деятельностью, по возможности, всех местных административных учреждений (как правительственных, так и общественных) в особом Губернском совете под руководством губернатора, которому при этом имеется в виду возратить прежнее значение — „хозяина губернии“...».⁹⁰

Совещание 3 мая приняло решение поручить всем министрам и главноуправляющим составить отдельно по каждому ведомству к началу августа 1903 г. перечень дел, «которые, не имея государственного значения, а касаясь исключительно местной жизни», могли бы быть «переданы из центральных учреждений на окончательное разрешение в местные учреждения в административном и законодательном порядке безотлагательно и какие лишь по осуществлении предугазанного в высочайшем манифесте 26 февраля преобразования губернского и уездного управлений».⁹¹ 14 августа 1903 г. по распоряжению царя было образовано Особое совещание под председательством С. Ф. Платонова уже для рассмотрения

предложений разных ведомств о передаче дел из центральных учреждений в местные. Работа его затянулась до конца 1903 г.⁹²

Проекты децентрализации системы государственного управления потонули в бюрократической волоките. Ослабление влияния Министерства внутренних дел на местах за счет проведения политики децентрализации вовсе не входило в планы Плеве. Наоборот, он перенес центр тяжести в проведении губернской реформы на усиление власти губернатора. Реально в результате этого должна была возрасти и власть Министерства внутренних дел в губерниях. Тем самым Плеве сорвал попытки своих политических противников использовать реформу местного управления для подрыва влияния Министерства внутренних дел.

Соперником Плеве на этот раз выступили не только Витте, но и Мещерский. В его бумагах сохранились проекты создания Губернского совета (в виде рукописи статьи), а также Совета по местным делам, — учреждений по духу и целям своим несомненно противоречившим замыслам Плеве. Именно эти проекты, по-видимому, и просил Мещерского прислать ему накануне майского совещания 1903 г. Николай II, а разработка их велась Мещерским сообща с Платоновым и Витте.

Совет по местным делам должен был быть создан в Петербурге как постоянное учреждение с целью устранения причин, препятствовавших «приближению народных нужд к престолу» и для «хода местных дел по их удовлетворению в центральных учреждениях».⁹³ Совет должен был работать под председательством лица, ежегодно назначаемого царем, и состоять из представителей министерств. Он должен был обсуждать дела по районам, включавшим в себя несколько губерний. Соответственно числу районов заседания Совета в течение года разделялись на отдельные сессии. Первоначально предполагалось рассматривать дела только земских губерний. В заседаниях Совета на правах его членов должны были принимать участие «начальники губерний того района, дела коего сессией Совета обсуждаются, а также градоначальники выделенных из состава сих губерний городов», кроме того, губернские предводители дворянства, председатели губернских земских управ, городские головы губернских городов.

Местные дела должны были передаваться на решение Совета в тех случаях, когда губернатор не мог решить их своею властью, если решение их зависело от нескольких министров, если наконец Государственный совет или Комитет министров сочли бы необходимым иметь «предварительное заключение» Совета по тому или иному поводу. Все дела, внесенные на рассмотрение Совета, должны были решаться в течение одной сессии и большинством голосов.

С созданием Совета по местным делам в форме коллегиального органа Министерство внутренних дел лишилось бы своего исключительного влия-

⁸⁷ Николай II — В. П. Мещерскому 1 мая 1903 г. — Oxford..., p. 436.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ЦГА ССРС, ф. 1234, оп. XVI, д. 4, л. 4—5 об.

⁹⁰ Там же, л. 4 и об.

⁹¹ Там же, л. 5 и об.

⁹² Там же, л. 271. В январе 1904 г. совещание Платонова представило на рассмотрение Государственного совета перечень дел, подлежащих передаче из центральных в местные учреждения. Он обсуждался 24 января 1904 г. на заседании Соединенных департаментов, а 5 апреля 1904 г. в общем собрании Государственного совета. 19 апреля перечень был одобрен царем (ЦГА ССРС, ф. 1284, оп. 194, л. 150а, л. 383, 362, 360—380).

⁹³ ЦГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 25, л. 1—2.

ния в губерниях и вынуждено было бы делить его с другими ведомствами. Да и губернатор выступал бы в Совете не один, а вместе с другими представителями губернской администрации. Эти соображения не высказывались Мещерским в проекте Совета по местным делам, но присутствовали в другом документе, в рукописи статьи о создании Губернского совета.⁹⁴ Мещерский подчеркивал, что устранению причин, препятствовавших «приближению народных нужд к престолу», должно было способствовать то, что в столице, в Губернском совете о «местных нуждах» говорили бы не только губернаторы, но и представители дворянства и земства, а правительство имело бы дело не с каждым губернатором в отдельности, а с несколькими губернаторами одного района. На сессии Губернского совета предполагалось приглашать представителей как земских, так и не-земских губерний. В этом смысле проект создания Губернского совета был более радикальным, чем Совета по местным делам.

Хотя Николай II к совещанию 3 мая, очевидно, имел уже под рукой проекты учреждения Губернского совета и Совета по местным делам, попытки Витте и Мещерского, выступивших со своими предложениями о децентрализации, подорвать влияние министра внутренних дел потерпели неудачу. Восторжествовала линия Плеве на усиление власти губернаторов при сохранении по крайней мере в близком будущем их полной зависимости от Министерства внутренних дел. Плеве укрепил связь влияние безоговорочной поддержкой «безобразовской шайки», идейно являв дальнейшую авантюру с собственным интронизационным курсом мыслью «о маленькой победоносной войне» как спасительном средстве для самодержавия.⁹⁵

К лету 1903 г. влияние Мещерского стало падать, и Плеве нанес ему чувствительный удар, использовав для этой цели правую печать. 17 июня 1903 г. черносотенная газета «Знамя» поместила фельетон «Князь Мещерский. Опыт некролога». Автор его скрывался под псевдонимом «Бука». В фельетоне высмеивалась издательская деятельность трех «князей от печати» В. П. Мещерского («Гражданин»), Э. Э. Ухтомского («Петербургские ведомости») и В. В. Барятинского («Северный курьер»), а наодно и графа А. А. Голенищева-Кутузова («Отечество» и «La Patrie»). Но главным героем фельетона все-таки был князь Мещерский. За нагромождениями балаганных издевок вполне отчетливо проступала главная тема фельетона: обвинения в карьеризме, готовности служить и нашим, и вашим, дошедшей до такой степени, что Мещерский, как писал автор фельетона, «теперь и сам не может разобраться, когда надо вопить „караул“, когда „ура“ кричать». Мещерский порицался не только за свою газетную деятельность, но и за содержание политического

салона, стремление «меньше работать пером, но зато больше работать языком и шлепать губами», принимая у себя «по средам» людей «самых разных групп и рангов». В фельетоне был сделан довольно прозрачный намек на поддержку, оказываемую Мещерскому в Министерстве финансов. «У него вдруг откуда-то появились средства, — повествовал автор фельетона о превратностях судьбы своего героя, — не то дядюшка из Америки приехал, не то какая-то тетюшка с Мойки, что-то в этом роде...» Не была ли здесь попытка покрепче связать Мещерского с другим противником безобразовского курса, на глазах терявшим свое влияние, с Витте. Во всяком случае автор фельетона вернулся к этой теме еще раз, в самой заключительной части своего пасквиля, написав: «И теперь, глядя на князя, многие говорят: Выдохся бедняк! Совсем старая, поношенная галюша, которой не придаст новый вид даже... мойка!».

Скандалный фельетон на следующий день после выхода газеты уже был на столе Николая II с письмом Ухтомского, возмущенного тем, что повседневная, «да еще пользующаяся особым покровительством Министерства внутренних дел», газета не погнушалась «такими неслыханными приемами газетного разбоя». «Совершенно сумасшедший, опыненный помощник г. Плеве, Крушеван, — писал Ухтомский о редакторе «Знамени», — не склонен ничего падать, ни с чем считаться».⁹⁶ Судя по резолюции Николая II, оставленной на письме Ухтомского и, видимо, адресованной Плеве: «Прочтите прилагаемую статью и завтра на докладе скажите ваше мнение», — царь довольно спокойно отнесся к разбойничьему нападению на его союзника по «тайному и оборонительному» союзу.⁹⁷

Проекты Мещерского о создании центрального Губернского совета или Совета по местным делам канули в Лету. Между тем 10 июня 1903 г. завершила работу комиссия Плеве, подготовившая проект реформы губернского управления. Он предусматривал наряду с усилением власти губернатора введение в каждой губернии Губернского совета «для установления сотрудничества местных властей для управления губернией».⁹⁸ Основное назначение Совета состояло в обеспечении содействия «всех ведомств губернатору — высшему на месте представителю власти». Кроме губернатора, постоянными членами Губернского совета должны были стать: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, начальник управления земледелия и государственных имуществ, прокурор окружного суда и председатель губернской земской управы. Помимо этих постоянных членов общего присутствия Губернского совета, в особые присутствия могли быть приглашаемы и представители «общественных установлений». Окончательно круг вопросов, подлежащих ведению Губернского совета, должен был быть определен «по завершении общей работы по децентрализации». Губернский совет создавался для коллегиального решения всех дел, за исключением

⁹⁴ Э. Э. Ухтомский — Николаю II 18 июня (1 июля) 1903 г. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 864, л. 1—2.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Журнал высочайше учрежденной комиссии по преобразованию губернского управления..., л. 201 об.

⁹⁷ Там же, д. 26, л. 1—2 об. Эта рукопись, как и проект Совета по местным делам, не датирована, скорее всего она даже более раннего происхождения. Сопоставление двух документов дает основание предполагать, что Совет по местным делам Мещерский первоначально просто предполагал назвать Губернским советом. В рукописи статьи о Губернском совете главная тема та же, что и в проекте Совета по местным делам: «...нужды русского народа по мере их развития все более и более отдаляются от престола».

⁹⁸ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.; Л., 1955, с. 277.

«внесенных губернатором по собственному почину». По делам этого рода Губернскому совету предоставлялся лишь совещательный голос.⁹⁹

Проект реформа, подготовленный комиссией Плева, предусматривал не только сохранение губернского правления, но и расширение его компетенции. Губернское правление под председательством губернатора должно было включать в себя два распорядительных, а также фабрично-заводской, по воинской повинности, врачебный, строительный, тюремный, межевой и ветеринарный отделы. Губернское присутствие должно было состоять из четырех отделов: статистического, судебного, продовольственного и поземельно-переселенческого. В связи с реорганизацией губернского управления целый ряд присутствий и комиссий, существовавших к моменту проведения реформы, должен был быть упразднен. В том числе губернские по земским и городским делам, по промысловому налогу, по фабрично-городским делам присутствия и другие организации.¹⁰⁰

Проект реформы губернского управления, подготовленный совещанием Плева, был разослан на заключение губернаторов, а до получения отзывов с мест совещание прервало свою работу.¹⁰¹

Намечавшаяся реформа должна была поставить Министерство внутренних дел в совершенно исключительное положение, подчинив через губернаторов его влиянию и те области губернской жизни, которые пока еще контролировались другими министерствами или ведомствами. Впрочем, осуществление этого замысла Плева начал независимо от реформы губернского управления. Указом 6 мая 1903 г. была реорганизована существовавшая в деревне система полицейского надзора. До 1903 г. в волости эти функции выполнялись десятскими и сотскими, избиравшимися на определенный срок на общих крестьянских сходах. Надзор за ними осуществлял урядник, официальный полицейский чин, подчинившийся становому. Теперь сотские упразднялись, а вместо них вводилась система оплачиваемого полицейского надзора — стражники. Десятские сохранялись, но их полномочия были ограничены. Замена сотских стражниками должна была быть проведена в течение пяти с половиной лет.¹⁰² Произведенное Плева усовершенствование полицейского надзора в деревне подавалось как поощрение, освобождавшее крестьян от неприятной для них повинности. Действительно, крестьяне обычно стремились уклониться от несения полицейской службы на посту десятских и сотских. Однако основная цель нового законодательства, конечно, состояла в усилении полицейского контроля в деревне и опять-таки власти губернаторов, а через них и власти Министерства внутренних дел.

⁹⁹ Там же, л. 202 об.—203.

¹⁰⁰ Там же, л. 206, 209.

¹⁰¹ Оно же так и не возобновилось. После смерти Плева вопрос о пересмотре местного управления был затронут в указе 12 декабря 1904 г. Статья 2 указа предусматривала предоставление земским и городским учреждениям широкого участия «в заведовании различными сторонами местной жизни». В 1905 г. по распоряжению министра внутренних дел П. Н. Дурново была образована «Комиссия по разработке проекта преобразования местного управления» под председательством товарища министра внутренних дел кн. С. Д. Урусова. В комиссию вошли С. Н. Гербель, В. Г. Гурко, И. Я. Гурлянд, А. А. Лопухин и Д. Н. Любимов. Однако разработанный ею проект не получил движения (см.: Известия по делам местного и городского хозяйства, 1908, № 8, с. 24—25).

¹⁰² ПСЗ, III, XXIII, № 22906.

На фоне очевидного укрепления влияния Министерства внутренних дел в губерниях подготовленное Плева к осени 1903 г. законодательство, провозглашавшее расширение прав органов местного самоуправления, выглядело весьма скромно. Проект его был выдвинут Плева еще в августе 1903 г.,¹⁰³ а к ноябрю представлен в Государственный совет.¹⁰⁴ Смысл реформы состоял в некоторой реорганизации Министерства внутренних дел в связи с «громдным», как подчеркивал Плева, ростом местного хозяйства за последние 40 лет.¹⁰⁵ Ранее разрозненные подразделения министерства, ведавшие земскими и городскими делами, были объединены в составе Главного управления по делам местного хозяйства.¹⁰⁶ Под председательством самого министра создавался как постоянное учреждение Совет по делам местного хозяйства. В него должны были войти все главы департаментов Министерства внутренних дел, а также представители других ведомств и «местные деятели» — «предводители дворянства, председатели губернских и уездных управ и управ по делам земского хозяйства, городские головы — и вообще лица, по свойству деятельности близко знакомые с нуждами и интересами местного хозяйства». Совет должен был «иметь исключительно совещательный характер», заключения его не были обязательны для министра внутренних дел и его деятельности «по руководству местным хозяйством». «Равным образом, — подчеркивалось в проекте плеве «конституции», — участие в Совете местных деятелей отнюдь не должно, конечно, вызывать мысли о каком-либо местном представительстве. Посему избрание членов Совета из местных деятелей и самый состав их не могут быть поставлены в зависимость от существующих общественных учреждений и сословий, а должны быть представлены на усмотрение министра внутренних дел».¹⁰⁷

Предполагалось, что в состав Совета будут входить 12—15 представителей от так называемых местных деятелей и 8—12 от ведомств. Плева считал также целесообразным предусмотреть в законе «возможность созыва Общего присутствия Совета в усиленном составе» для обсуждения «важнейших мероприятий в области дел местного хозяйства». «Само собой разумеется, — замечал по этому поводу Плева, — что внесение того или иного вопроса на обсуждение Совета по общему его присутствию, ввиду исключительно совещательного значения этого учреждения, должно производиться по особому распоряжению министра внутренних дел».¹⁰⁸

¹⁰³ См.: Всенод. докл. В. К. Плева «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного управления по делам местного хозяйства» 11 авг. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, д. 168, л. 170—177 об.

¹⁰⁴ См.: Представление Медицинского департамента Министерства внутренних дел в Государственный совет «Об изменении положения о Медицинском совете и о новом его штате» 16 нояб. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 46, д. 3786, л. 1256 (с. 1—74). Представление Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел в Государственный совет «Об учреждении Совета и Главного управления по делам местного хозяйства и Управления главного врачебного инспектора». 16 нояб. 1903 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 46, д. 3786, л. 126—178.

¹⁰⁵ Там же, л. 133.

¹⁰⁶ Кроме того, Медицинский департамент преобразовывался в Управление главного врачебного инспектора.

¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 46, д. 3786, л. 155 и об.

¹⁰⁸ Там же, л. 157.

Таким образом, Совет должен был стать просто совещательным органом при министре внутренних дел. Даже журналы его заседаний в случае передачи их в высшие государственные учреждения Государственный совет или Комитет министров должны были прилагаться «в списках к представлениям министра внутренних дел».¹⁰⁹

Проект реорганизации Министерства внутренних дел, подготовленный Плеве, в начале 1904 г. был одобрен Государственным советом,¹¹⁰ а после утверждения 22 марта 1904 г. царем стал законом.¹¹¹

В правительственных кругах образование Совета по делам народного хозяйства пытались представить как известный шаг на пути к «народному представительству». Эту мысль высказал, в частности, видный чиновник Министерства внутренних дел при Плеве С. Е. Крыжановский в своих показаниях в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ссылаясь на рассказ Лопухина, Крыжановский утверждал также, что Плеве собирался в будущем создать главные управления по крестьянским делам и труда. Это позволило бы Министерству внутренних дел сосредоточить в своем ведении «крестьянские дела во всей их совокупности», а также взять на себя функции Министерства торговли и промышленности. В результате этого Плеве приблизился бы «к положению первого министра». По мнению Крыжановского, создавая Совет по делам народного хозяйства, Плеве в то же время стремился «сблизиться с общественными кругами», для того «чтобы освободить себя от постоянной войны с третьим элементом».¹¹²

Задуманный Плеве Совет при министре внутренних дел не имел даже отдаленного сходства с проектами учреждения Государственной думы, на разработку которого, если верить воспоминаниям князя В. Орлова, министра и застала смерть. Предложенные Плеве преобразования были встречены с иронией в либеральных кругах. «Освобождение» (1903, № 13) опубликовало извлечение из представления Плеве в Государственный совет с коротким комментарием под заголовком «Одна из великих реформ г. Плеве».

Голос «Освобождения» звал правительство вступить на путь решительных реформ, предупреждая ему в противном случае неминуемую гибель. В начале 1903 г. «Освобождение» стало призывать либеральные силы объединиться в демократическую партию. Был поставлен вопрос о выработке новой программы либерального движения. Шагом к ее разработке стал съезд земцев-конституционалистов в Шафгаузене (Швейцария) летом 1903 г. Здесь же было принято решение и о создании «Союза освобождения». Осенью 1903 г. был образован «Союз земцев-конституционалистов» и началась подготовка к учредительному съезду «Союза освобождения».¹¹³ Земское и либеральное движение поднялось на новую ступень.

Проводившаяся Плеве политика мелочного преследования и запугивания земских деятелей приобретала все более нелепый и беспомощный вид.

Иной была реакция на реформаторскую деятельность Плеве социал-демократической «Искры», не требовавшей, разумеется, от правительства последовательных преобразований. «Самодержавие колеблется...» — так называлась ленинская статья, опубликованная 1 марта 1903 г. в 35-ом номере газеты и посвященная изданию царского манифеста 26 февраля 1903 г. В. И. Ленин рассматривал манифест прежде всего как признак кризиса самодержавной власти в России в условиях революционной ситуации.

«Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как начало уступок, начало колебаний, — писал В. И. Ленин. — Русская политическая жизнь последних лет блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине, — и оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации. Правительство хотело было уступить в студенческом вопросе — и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах, по отношению ко всем вопросам внутренней политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!».¹¹⁴

В. И. Ленин написал эти строки весной 1903 г. В июле—августе 1903 г. начал работу в Брюсселе и завершил в Лондоне второй съезд РСДРП, выработавший марксистскую программу революционной пролетарской партии. РСДРП провозгласила «своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой». Программа-минимум партии предусматривала установление 8-часового рабочего дня, неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, уничтожение сословий, свободу передвижения и промыслов, отмену законов, стеснявших крестьян в распоряжении землей, развитие местного самоуправления, равноправие наций и утверждение их прав на самоопределение. Программа-максимум провозглашала замену «капиталистических производственных отношений социалистическими» путем социальной революции при диктатуре пролетариата.¹¹⁵

Второй съезд РСДРП явился выдающимся событием в международном рабочем движении. Его решения имели огромное значение для судеб русского революционного движения, переживавшего невзгоды до того подъема. Начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война способствовала еще большему обострению политической обстановки в стране.

26 января японские суда совершили нападение на русскую канонерскую лодку «Кореец», пытавшуюся покинуть блокированный ими корейский порт Чемульпо. 27 января «Кореец» и крейсер «Варяг», прорываясь через неприятельский заслон, приняли неравный бой с шестью японскими кораблями.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 126—127.

¹¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1898—1925. М., 1953, с. 37—43.

¹⁰⁹ Там же, л. 157.

¹¹⁰ См. Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах Законов, Гражданских и духовных дел, Государственной экономики и Промышленности, наук и торговли 20 дек. 1903 г. и 3 янв. 1904 г. — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 46, д. 3787, л. 133—173.

¹¹¹ ПСЗ, III, т. XXIV, № 24253.

¹¹² Падение царского режима. М.: Л., 1926, т. 5, с. 387.

¹¹³ Шацкая К. Ф. Указ. соч., с. 70—74.

скими крейсерами и восемью миноносцами. В ночь на 27 января японские миноносцы атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя два броненосца и один крейсер. Только 28 января последовало официальное объявление войны. Боевые действия развернулись и на суше. В апреле 1904 г. русская армия потерпела первое поражение в бою у реки Ялу, оказавшее влияние на дальнейший ход войны. Она приняла затяжной характер.

Война на какое-то время задержала процесс полевения, наметившийся в либеральных земских кругах. Манифест о начале войны вызвал поток верноподданнических адресов от многочисленных земских собраний. Однако «патристический» угар, охвативший либеральную интеллигенцию, улетучивался по мере следовавших одна за другой военных неудач России на суше и на море. Вчерашние сторонники «обороны отечества» и «гражданского мира» на время войны стали требовать немедленного ее прекращения и введения конституционного строя. Война делалась все более непопулярной в самых разных слоях русского общества.

Само появление принадлежавшей Плеве теории «маленькой победоносной войны» как спасительного средства против назревшей революции свидетельствовало о кризисе власти. Это было очевидное признание ею неспособности выбраться из тупика обычными средствами правительственной политики и готовности ради собственного сохранения стать на рискованный путь военных авантур.

Война не только не облегчила царскому правительству разрешение внутриполитических проблем, но и осложнила его положение ответственностью за события на Дальнем Востоке. В числе главных виновников войны открыто называли Плеве, а неудачи на театре военных действий ставили в прямую зависимость от проводившегося им внутриполитического курса. Министр внутренних дел превратился в одну из самых неизвестных фигур в государственном аппарате империи.

Плеве предпринимал все возможные меры для того, чтобы не стать, как его предшественник на посту министра, жертвой террористов. Своим телохранителем он избрал пользовавшегося его абсолютным доверием опытного жандармского офицера А. С. Скандракова, одновременно занимавшегося перлюстрацией, шпионившего за сотрудниками Департамента полиции и даже за самим Лодухиным.¹¹⁶

Большую часть года Плеве жил в самом здании Департамента полиции на Фонтанке, а летом под усиленной охраной в даче на Аптекарском острове. Осторожность самого Плеве носила почти болезненный характер. А. В. Погожев вспоминал, как во время одной из встреч с министром на Аптекарском острове ему показалось, что Плеве носит под рубашкой специальный панцирь, одетый для защиты на случай нападения. В другой раз Плеве «без всякого видимого повода» сказал Погожеву: «Вы полагаете, что я так-таки просто решился бы допустить вас к себе и оставался бы долгое время наедине с вами, не наведя предварительно все необходимые справки? ... А вдруг бы вы пырнули меня кинжалом».¹¹⁷

¹¹⁶ См.: Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928, с. 104; Заварзин Н. И. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930, с. 86.
¹¹⁷ Погожев А. В. Из воспоминаний о В. К. фон Плеве. — Вестник Европы, 1911, XLVI, с. 262—263.

Однако никакие предосторожности не помогли Плеве избежать участи, постигшей Сипягина. Утром 15 июля Плеве ехал по Измайловскому проспекту на Варшавский вокзал, чтобы успеть на поезд, отходивший в 10 часов на Петергоф. Карету министра, как обычно, сопровождали охранники на велосипедах. Следом за ней в небольшом экипаже ехал Скандраков. Без двадцати минут десять, когда карета министра приближалась к Обводному каналу, навстречу ей с тротуара бросился молодой человек в одежде железнодорожного рабочего со свертком в руках. Еще до того, как произошел взрыв, Плеве успел встретиться глазами с покушавшимся на него и прочесть в них вынесенный ему приговор.

Боевая организация эсеров давно уже готовила покушение на Плеве. В мае 1903 г., после ареста Гершуни, управление ею оказалось в руках Е. Азефа, возглавившего охоту на министра внутренних дел. До самоотверженного нападения Е. С. Соколова покушение четырежды откладывалось по разным причинам и переносилось с 18-го на 25 марта, затем на 1 апреля и, наконец, на 8 июля 1904 г. 15 июля 1904 г. Азеф доносил Ратаеву, что подготовка покушений и боевой организации приостановлена из-за нехватки бомб.¹¹⁸ Однако это не отсрочило надолго организацию покушения на министра внутренних дел.

Гибель Плеве не вызвала сочувственного отношения даже в правящих сферах. Царь, правда, записал в своем дневнике 15 июля 1904 г., что он «потерял друга и незаменимого министра внутренних дел».¹¹⁹ Витте просто не скрывал своей радости по поводу случившегося. Широкой публикой известие об убийстве Плеве было встречено почти с ликованием. Ее настроения хорошо передает рассказ отца Соколова о его поездке из Уфы в Петербург сразу после покушения. Отец Соколова — лесопромышленник, выходец из крестьян, человек религиозных и верноподданнических настроений — выехал из Уфы почтой, «стыдясь поднимать на людей глаза, желая избежать встреч и знакомств в дороге, чтобы не пришлось называть себя», но «нашелся пассажир, знавший его», и «скоро весь поезд узнал, что с ним едет отец Егора Соколова». «Думал, до Питера благополучно доеду, — рассказывал С. Л. Соколов, — ... не пришлось. В вагон стала публика заходить... посмотрят, постоят и уйдут. Потом и заговаривать стали. Поздравляют, руки пожимают... вы, говорит, стало быть, отец! ... Я просто диву дался, думал сквозь землю надо провалиться, и вдруг на... Какой-то офицер с компанией в буфете с бокалом даже подходил: за здоровье, объявляет, ваше пьем...».¹²⁰

В глазах русского общественного мнения убийство Плеве воспринималось как заслуженная кара человеку, чье имя было связано с Кишиневским погромом 1903 г., преследованием и высылкой земских деятелей, расстрелом рабочих-стачечников в Златоусте.

¹¹⁸ Донесения Евно Азефа. Переписка Азефа с Ратаевым в 1903—1905 гг. — Былое, 1917, № 1, с. 206.

¹¹⁹ Дневник императора Николая II. 1890—1906. Берлин, 1923, с. 161.

¹²⁰ См.: Козьмин В. Е. С. Соколов и его письма к родным. — В кн.: Письма Егора Соколова к родным. 1895—1910. М., 1925, с. 10. См. также: Карабчевский Н. П. Три сплута (Брейковская, Гершуни, Соколов). — В кн.: Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908, с. 205—206.

«Реформаторская деятельность Плеве не принесла ему известность. Тем более неожиданным выглядел поворот во внутренней политике, наметившийся сразу же после его убийства. Потеряв «незаменимого министра внутренних дел», Николай II назначил 26 августа 1903 г. его преемником вилenskого, ковenskого и гродненского генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского, сразу же заявившего, что он намерен изменить политический курс и что его политика будет основываться на доверии к «обществу». В либеральных кругах назначение Святополк-Мирского было воспринято как оттепель в правительственной политике.¹²¹ Между тем в большевистской печати назначение Святополк-Мирского рассматривалось просто как «политический зигзаг», логически связанный с реформаторством Плеве. «Смерть Плеве послужила поводом к политическому зигзагу, который можно было предугадать. Путем ничтожных уступок, приправленных ласковыми фразами, правительство постаралось купить доверие буржуазного общества, чтобы натравить его на революционеров, мешающих несвоевременными требованиями правильному ходу мирных реформ», так откликнулась на заявления нового министра внутренних дел большевистская газета «Вперед».¹²²

¹²¹ См.: Ачкасов А. Повенло весной... (Речи г. министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского и толки о них в прессе). М., 1905.
¹²² Вперед, 1905, № 1.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦАРИЗМ и 1905 год

Начало первой русской революции и
внутриполитический курс царизма

Вокруг проекта булыгинской Думы

От 6 августа к 17 октября

Внутренняя политика царизма в период
наивысшего подъема революции

Реформа Государственного совета и при-
нятие Основных законов

Царизм и проблемы законодательства
в период спада революции

НАЧАЛО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ЦАРИЗМА

Канун первой русской революции был ознаменован, как уже говорилось выше, массовыми выступлениями трудящихся и тесно с ними связанным подъемом либерально-оппозиционного движения.

На политической арене выступали три главных лагеря: 1) рабочая демократия как центр притяжения всей демократии; 2) либеральный и 3) правительственный.¹ Еще накануне революции лидеры либерального лагеря начали проводить ту тактику использования революционной угрозы для давления на власть в своих интересах, которую сами они с известным цинизмом выражали с помощью латинского изречения, гласившего: «Если не смогу склонить высших [богов], двину Ахеронт [адскую реку]». ² Разумеется, революционные народные массы, которые, по свидетельству П. Н. Милюкова, обозначались как «адская река», не были им послушны и отнюдь не могли быть «двинуты» буржуазными либералами по их усмотрению. Однако такова была тактическая линия либералов, вытекавшая из их классовой природы. Со своей стороны, самодержавие пыталось отыскать такую меру уступок либеральной оппозиции, которая удовлетворила бы требования «благомыслящих», изолировала «крайних» и воспрепятствовала нарастанию массового движения против самодержавного строя. Некоторая заманка с назначением преэминика убитому Плеве была вызвана не только столкновением личных влияний и интересов, за ней стояла необходимость выбора нового политического курса, который помог бы царизму сохранить свое безраздельное господство в политической жизни страны. Выбор этот был тесно связан, по словам советского исследователя Б. А. Романова, с «теорией большой победоносной войны на основе кое-каких маневренных операций на внутреннем и поддержкой со стороны Германии на внешнем фронтах». Надежды и ожидания, связанные с этой теорией, которая сменила «в головах петербургской придворной правящей клики» претерпевшую кризис теорию «маленькой победоносной войны», и привели к тому, что «замещать Плеве, т. е. выбирать политический курс, Николай II тоже отложил и затянул дело до конца августа». ³ Б. В. Штюермер, директор Департамента общих дел МВД, даже представлялся парю, (уже был подписан указ о его назначении), но по настоянию вдовствующей императрицы был отвергнут, по-видимому, как твердолобый. Противопостав-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 172.

² Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 329.

³ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.; Л., 1955, с. 319—320.

ленный ему кн. П. Д. Святополк-Мирский имел иную репутацию. В 1902 г. он покинул пост товарища министра внутренних дел и шефа жандармов, став генерал-губернатором в Вильне, так как считал некоторые репрессивные меры излишними. Один из руководящих чинов МВД В. И. Гурно писал о Святополк-Мирском: «По его мнению, следовало проводить различие между подпольными революционными и теми общественными элементами, которые возражали не против существующего порядка в целом, а лишь против произвола властей».⁴

Вокруг политического и персонального выбора нового министра внутренних дел завязалась несколько более интенсивная, чем обычно, возня. С. Ю. Витте, отрицавший свое тяготение к этому посту, на самом деле пустился во все тяжкие, чтобы его добиться. «Убили Плеве. Я никогда не видел Вас счастливее. Торжество так и лучилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел... Вы метались от Мещерского к Сольскому, от Шервашидзе к Оболенскому, подстегивая всех работать на Вас», — писал взбешенный бесперомонным отзывом о себе в мемуарах Витте (обращаясь к уже мертвому их автору) И. И. Колышко (Баян), человек, осведомленный в силу своей близости и к Мещерскому, и к Витте, отметив: «Но Мещерский тут впервые Вам изменил».⁵ Одновременно, впрочем, Витте заявлял, что «для излечения болезни» необходимо объединение министров в форме кабинета с ним самим в качестве премьера.⁶

Уловив колебания царя и придворных сфер, либеральные лидеры решили «заговорить в печати более откровенно и решительно». «Откровенность» эта, как и «решительность», оставалась, разумеется, в самых умеренных рамках легальности. Слово «самодержавие» заменялось словом «бюрократия», введение конституционного строя обозначалось словом «реформа» и противоположность «реформам» и т. д.

25 августа 1904 г. Святополк-Мирский был, наконец, принят царем для назначения. «Положение вещей так обострилось, — заявил при этом новый министр, — что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих, и тогда что?» В свою программу, нов и чем повторявшую рассмотренную выше программу Плеве, Мирский намеревался включить вопросы о веротерпимости, расширении самоуправления, о признании политических преступниками лишь террористов (другие виды политических преступлений преследовались бы как уголовные), об изменении политики по отношению к окраинам и расширении прав печати. Царь как будто не возражал против этих пунктов, но никак не реагировал на предложение о «призыве выборов».

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., т. 2, с. 321; Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.: Л., 1923, с. 43; Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской. — Исторические записки, 1905, т. 77, с. 252; Gurko V. Features and figures of the past. London, 1939, p. 293—294.

⁵ Баян, Дожь графа Витте. «Ящик Пандоры». Берлин, Б. г., с. 17.

⁶ Гессен И. В. В двух веках. — Архив русской революции (Берлин), 1937, т. 22, с. 177—179. Витте сначала не желал даже вникать в основы конституционного устройства (которые пытался растолковать ему редактор «Правда» И. В. Гессен), но затем засел на изучение государственного права.

Когда директор Департамента полиции А. А. Лопухин, обрисовавший политическое положение в самых тревожных тонах (как канун, если не начало революции), спросил министра, почему он не добился определенного согласия царя на свою программу в форме резолюции на докладе с ее изложением, тот ответил, что «по характеру Николая II это несколько не обеспечило бы программе ее исполнения».⁷ Первые же шаги Мирского, добившегося замены в руководстве МВД Н. А. Зиновьева, А. С. Стишинского и В. В. Штюрмера, вступительная речь перед чинами министерства о необходимости доверия к общественным и сословным учреждениям, выдержанные в том же духе интервью в газетах, отмена некоторых мер Плеве, направленных против земцев, и ревизий земств, — все это сейчас же вызвало озабоченность противников нового курса и недовольство Николая II.⁸ Мирский формулировал свою программу с большой умеренностью, всячески подчеркивая, что с революцией будет бороться, а оппозицию умиротворить. Но два обстоятельства сразу же приобрели роковое для его курса значение. Во-первых, начались одно за другим обращения земств с ходатайствами о реформах. Во-вторых, против него открыли кампанию «Московские ведомости», во главе которых стоял В. А. Грингмут. К этой кампании примкнул, переметнувшись, и «Гражданин» Мещерского.

Мирский продолжал попытки осуществления своей программы по частям, избегая пока решительного натиска. Он надеялся склонить царя к учреждению при Главном управлении местного хозяйства МВД совета из выборных представителей земств и городов, доказывая совершенную безопасность земского конституционализма, однажды применил даже прием царедворческого инсказанья. «Позвольте, ваше величество, вам сказать, что вы должны проявлять милости не только по закону, по закону и мы можем, а такие, что нас огорчите. Самодержавию скинтр железный своей щедротой платит», — заявил министр в заключение одного из своих всеподданнейших докладов. «Да, это верно», — ответил царь. «А ведь скинтр все-таки железный», — продолжал свое Мирский. «Да, да, это так и должно быть», — прекращая разговор, сказал Николай. «Но позлатить все-таки необходимо», — пытаясь оставить за собой последнее слово, произнес Мирский.⁹

Уже 9 октября, однако, царь заявил министру о своем решении дать ему рескрипт для пресечения «толков», «чтобы поняли, что никаких перемен не будет». Под «толками» Николай II имел в виду поднятую против курса Мирского кампанию, каждый этап которой отражался в его, царском, поведении. Кроме Мещерского, против Мирского ополчился вел. кн. Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Его правая рука, московский обер-полицмейстер генерал Д. Ф. Тренев назвал курс Мирского «эрой подустительства» вслед за тем как поначалу

⁷ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 241—249; Лопухин А. А. Указ. соч., с. 43.

⁸ Макаков В. А. Власть и общественность на защите старой России. [Париж, 1936], т. II, с. 322; Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 240.

⁹ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 245.

А. С. Суворин не без некоторой двусмысленности заговорил о правительственной «весне». Во враждебных откликах петербургских салонов и бюрократических кругов курс Мирского пронически сравнивали с лорис-меликовской «диктатурой сердца».

Земский вопрос не случайно стал едва ли не главным пунктом в программе Мирского и камнем его преткновения. Рассматривая земство как единственную в сущности легальную самостоятельную общественную организацию всероссийского масштаба, ставшую очагом либеральной буржуазно-дворянской оппозиции, Мирский считал земских лидеров основным, если не единственным резервом, за счет союза с которым можно было расширить и укрепить социально-политическую опору режима. «Не хотят понять, что то, что называется теперь либерализмом, есть именно консерватизм», — горевал он. Когда курс Мирского провалился, а непреодолимо враждебное отношение царя к земским лидерам, использованное противниками министра, сыграло в этом немаловажную роль, жена Мирского в ответ на строгую фразу поддерживавшей его вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Все эти господа говорят о вещах, которые их не касаются» дала такую характеристику лидеров земского либерализма: «Я много жила в провинции, я знаю многих из этих господ, которых считают красными, и я вас уверяю, ваше величество, что если бы для них хоть что-нибудь сделали, они бы все стали консерваторами, все их интересы заключаются в сохранении режима».¹⁰

В чем же состояла мера земской оппозиционности, оказавшаяся неприемлемой для царя и его ближайшего окружения, несмотря на все старания Мирского добиться ее использования в политических интересах режима?

Прерванный начавшейся войной процесс «полевения» земского либерализма возобновился под влиянием военных неудач царизма. В необходимости заключения мира, очевидной, как считали земские лидеры, и для правительства, они видели уникальный для себя политический шанс — «сразу, без участия народа, без революционного слома самодержавия получить и мир и парламент».¹¹ Их расчет заключался в том, что у самодержавия не хватит смелости взять на себя ответственность за проигранную войну без поддержки «общественности». Вновь выдвинутое требование конституции рассматривалось либералами не только как цена, которую царям должен был уплатить за свое поражение, но и как средство для них самих этой ценой спасти режим от угрожавших ему революционных потрясений. Однако единства программных требований к концу лета не было достигнуто не только между различными либерально-оппозиционными группами — «Беседой», «Союзом освобождения», «земцами-конституционалистами», но и внутри них. Участники «Беседы» не могли даже достичь согласия по поводу законодательного или совещательного характера представительства, созыва которого они требовали.

Курс Мирского дал толчок к известной радикализации различных групп либеральной оппозиции. «Союз освобождения» (в лице П. Н. Ми-

люкова, Петра Долгорукова, П. Б. Струве и В. Я. Богучарского) принял участие в состоявшейся в сентябре 1904 г. в Париже конференции «опозиционных и революционных партий», на которой были представлены эсеры, а также некоторые буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии. На конференции велись разговоры о подготовке террористических актов, причем в курсе всех подробностей был представлявший эсеров Е. Азеф.¹² Миллюков, составляя проект резолюции, не только не касался социально-экономических вопросов, но и намеренно неопределенно составил фразу о форме правления. В ней говорилось о замене самодержавия «свободным демократическим режимом», который, по собственному признанию Миллюкова, «мог означать и конституционную монархию земцев, и республику, которой требовали социалисты».¹³ Даже упоминания о всеобщей подаче голосов Миллюков старался избежать, по против этого выступили другие «освобожденцы», напечатанные позже другую программу с требованием всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (так называемой четырехкостки) и упоминанием о социально-экономических проблемах. В целом конференции ограничилась рассмотрением тех положений, которые уже входили в программы партий и групп, в ней участвовавших. Была единодушно осуждена политика насилия по отношению к отдельным нациям России и агрессивная внешняя политика. Не вызвал возражений общий принцип права наций на самоопределение.¹⁴

Оживление наступило и на других флангах либерального движения. Бюро общеземских съездов, не функционировавшее фактически со времени своего создания в мае 1902 г., приняло решение созвать в начале ноября съезд земских деятелей и выдвинуть на нем требование созыва представительства с законодательными функциями. При этом, однако, Д. Н. Шипова, считавшего это слишком радикальным, просили участвовать в съезде в расчете на то, что он окажет «известное влияние, умиротворяющее общее настроение».¹⁵ «Освобожденцы», с другой стороны, решили направить съезд по пути открытого заявления конституционных требований.

Стремясь воспрепятствовать радикализации съезда путем его легализации, Мирский начал довольно напряженные переговоры с Шиповым и др., в ходе которых министр, продолжая придерживаться своей ориентации на умеренных земцев, не хотел запретить съезда, но не мог и

¹² Это был не первый случай обсуждения «освобожденцами» авантюристических планов. Еще весной на заседании Совета «Союза освобождения» обсуждалось предложение группы офицеров о том, чтобы выступить с такой же внезапностью, с какой действовали японцы в Порт-Артуре, захватить арсенал, совершить государственный переворот и объявить Совет «Союза освобождения» Временным правительством. Присутствовавший на заседании В. Г. Короленко доказывал, что план этот должен быть принципиально отвергнут (Гессен И. В. Указ. соч., с. 176—177). Новейшее обстоятельное исследование этого вопроса см.: Шацко К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре—октябре 1904 года). — История СССР, 1982, № 4, с. 51—70.

¹³ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 244—245.

¹⁴ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 44—45.

¹⁵ Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 243.

¹⁰ Там же, с. 267, 269.

¹¹ Шацко К. Ф. Программа земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901—1904 г.). — Исторические записки, 1976, т. 97, с. 80.

разрешить его, боясь краха своего курса, а они, дорожившие своей монархической лояльностью и общим консерватизмом, испытывали влияние радикальных оппозиционных элементов, которые и сами-то объясняли настоятельность своих конституционалистских требований интересами спасения монархии.

Равногласия в среде земцев были на руку Мирскому, как и умеренность Шипова, который оставался в положении их лидера, поскольку его «руководящая этико-социальная идея», заключавшаяся не в правовом, а в религиозно-нравственном ограничении самодержавия для обеспечения развития «государственной жизни... без острых потрясений», как он сам считал, жила во всех земцах, «быть может, бессознательно для них самих».¹⁶

Положение министра осложнялось тем, что опереться на «общественность» пытался и Витте, взявший курс на то, чтобы из председателя бесправного Комитета министров превратиться в главу правительства. Заигрывания с либерализмом были для него средством реставрации своего положения у престола. А использовать это средство можно было любым путем — от маклерства в торговле насчет размеров уступок до очередного политического предательства. В тех кругах, где разделялись реформаторские идеи, Витте говорил, что он «все уговаривает» Мирского «настоять на введении представительства», но тот «не хочет и не будет в состоянии это сделать, а что он, Витте, это со временем сделает», подумывая, что без него не обойдется. Одновременно он горячо ратовал против представительства в официальных верхах и перед самим Мирским, чтобы помешать ему стать знаменосцем реформ. Витте демонстративно поддерживал министра внутренних дел, противопоставляя его Плеве и окружал, по словам Коковцова, «лестливыми, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров». В глазах придворных и правительственных сфер Святополк-Мирский оказался «ставленником» Витте, а затем «все стали говорить, что фактическим министром является теперь никто другой, как тот же С. Ю. Витте».¹⁷

В этих условиях Мирский счел нужным выразить свое согласие с тезисами, подготовленными к земскому съезду, которые начинались с констатации «ненормальности... порядка государственного управления, с особой силой проявившейся с начала 80-х годов», содержали требования гражданских свобод, уравнивания крестьян в правах с другими сословиями, освобождения сельского самоуправления от административной опеки, ограждения крестьянства правильной формой суда и, наконец, участия в законодательстве выборного народного представительства. «Я вполне согласен со всеми положениями и готов сейчас под ними обеими руками подписаться, — сказал министр Шипову, начавшему беседу с собственного отмежевания от земского радикализма, — но... если совещание приступит к своим занятиям по этой программе, то не сомневаюсь, что я

буду уволен на следующий же день». Однако Мирский попробовал все же возобновить уговоры царя. 1 ноября при всеподданнейшем докладе, охарактеризовав политическое положение как «очень критическое», он заявил, что «по его мнению, обязательно участие выборных в законодательстве». «Да, это необходимо, вот им можно будет разобрать ветеринарный вопрос», — откликнулся Николай. «Ваше величество, да я не о том говорю, а о праве постоянного участия в законодательстве: я бы не был настойчив, если бы престол был обеспечен, но теперь подумайте: с террористическим направлением революционеров, в каком положении может быть Россия?», — взывал, приходя в отчаяние, Мирский. Но царь был невозмутим, по обыкновению отстраняясь «от всего неприятного». Министр переменял линию и рекомендовал не разрешать земского съезда, с чем царь, разумеется, согласился.¹⁸ Шипову, Г. Е. Львову и И. И. Петрункевичу Мирский представил дело так, что съезд запрещен царем, и они тут же договорились о его проведении в качестве частного совещания, причем министр обещал принять полицейские меры против возможных демонстраций студентов и рабочих. Он считал, что эти демонстрации будут враждебны земскому съезду, а устроители его боялись предъявления съезду демократических требований. Так или иначе, защита полиции представлялась оппозиционерам полезной. Выгоден был им и обмен Мирского по поводу запрещения съезда самим царем, придававший им репутацию смелых борцов с самодержавным произволом.

Стремление сделать все возможное для предотвращения революционных потрясений объединяло и «славянофилов» — шиповцев, оказавшихся на съезде в меньшинстве, и большинство, выступавшее за установление «правового порядка». Шипов, борясь с земским конституционализмом, декларировал, что в случае предоставления гарантированных гражданских прав «будет постепенно вытравлена религиозно-нравственная идея, которая теперь еще сильна в русском народе».¹⁹ Тезисы организационного бюро были приняты съездом, но пункт о правах представительства был исключен в его решении в двух редакциях — в редакции большинства и в редакции меньшинства, не содержавшей определения прав представительства и открывавшей возможность трактовать их как законосовещательные.

Вскрывая классовый характер решений съезда, направленных на сохранение социально-экономического порядка средствами политического реформаторства, В. И. Ленин писал: «Возьмите пресловутую резолюцию „тайного“ земского съезда 6—8 ноября. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные, робкие конституционные пожелания. Вы увидите ссылки на народ и общество, гораздо чаще на общество, чем на народ. Вы увидите особенно подробное и наиболее подробное указание реформ в области земских и городских учреждений, то есть учреждений, представляющих интересы землевладельцев и капиталистов. Вы увидите упоминание о реформе в быту крестьянства, освобождение его от опеки и ограждение правильной формы суда. Совершенно ясно, что перед вами представители имущих классов, добывающиеся только

¹⁶ Там же, с. 243, 271, 276.

¹⁷ Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С. Ю. Витте». — В кн.: Русская летопись. Париж. 1922, кн. 2, с. 94—95, 99; Коковцов В. И. Из моего прошлого. Париж, 1933, т. 1, с. 48.

¹⁸ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 251—252.

¹⁹ Шипов Д. И. Указ. соч., с. 268—269.

уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя».²⁰

В последний день работы съезда, 9 ноября, в отсутствие Шипова, была принята наиболее радикальная из резолюций — призыв к правительству отменить введенное 14 августа 1881 г. Положение об усилении охраны, освободить жертвы установленных им и применявшихся «в последнее время с особой силой» административных репрессий и административного произвола, а также объявить о помиловании политических заключенных, при помощи которого «верховная власть внесет в страну умпротворение».²¹

При всей верноподданнической благопристойности поведения земцев реакция на революционную ситуацию в стране привела к наибольшей радикализации земского либерализма за всю его предшествовавшую историю. Проявленная в этих обстоятельствах земцами инициатива в деле государственных преобразований, хотя они уступали их проведение самодержавию и подчеркивали это на все лады, как и свою заботу о сохранении строя, оказывалась тем не менее несовместимой с самодержавным принципом. Он требовал, чтобы царские уступки носили характер пожалованных, а не выпрошенных. По-дамски просто выразила это Мария Федоровна, заявив Мирскому в дни съезда: «Это ужасно, они дают согласие, когда никто их об этом не просит».²²

Чтобы отмежеваться от съезда и его решений, министр еще в дни его работы решил без публичности представить царю программу преобразований, которая могла бы иметь шансы на успех как предназначенная к провозглашению от царского имени. Составление всеподданнейшего доклада было поручено помощнику начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С. Е. Крыжановскому. Инструктируя его, Мирский ставил «на первом плане» те меры, которые отвечали «требованиям об установлении правового строя» «с внешней стороны». В вопросе о представительстве он хотел ограничиться привлечением выборных в состав Государственного совета. Имелось также в виду расширение прав Сената. В доклад были включены представленные Лопухиным предложения пересмотра положений об охране, ограничения административной высылки и исходившие от Главного управления по делам печати — о сокращении предварительной цензуры и преследовании по делам печати не иначе как по суду. Предположения по вопросу о религиозных и национальных правах сводились к некоторому расширению веротерпимости, прежде всего в отношении старообрядцев, и к точному определению в законе прав евреев. Особое значение придавалось решительно высказанной мысли о политической опасности «дальнейшего сохранения» поземельной общины и необходимости замены ее полной крестьянской частной собственностью на землю для укрепления в крестьянской среде собственнических чувств. При этом имелось в виду хотя и не уравнивание, но «сближение» крестьян в правовом отношении с другими сословиями.²³

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 132—133.

²¹ Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 277—278.

²² Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 252.

²³ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, В. г., с. 15—19.

Тем временем общее политическое положение обострялось. Одним из чувствительных для царизма проявлений этого стала так называемая «банкетная кампания», развернувшаяся вслед за земским съездом в течение ноября—декабря по всей стране в связи с сорокалетием судебных уставов. Представители большинства, отстаивавшего на съезде «правовую программу», местные отделения «Союза освобождения» проводили в различных губернских городах шумные банкеты с участием радикально-демократической интеллигенции, «третьего элемента», земского и не земского, которого так боялся царь. В банкетных резолюциях поддерживались постановлений земского съезда сопровождались провозглашением тех конституционных требований, которые оставались в этих постановлениях недоказанными. В то время как в постановлениях съезда не упоминалось даже о конституции, на банкетах прямо требовали созыва Учредительного собрания.²⁴

Перед представлением своего доклада в конце ноября Мирский на последних силах доказывал царю и царине, что «если не сделать либеральные реформы... то перемены будут и уже в виде революции», заверял, что «искание громадного большинства благонамеренных людей» заключается в том, чтобы осуществить эти реформы, «не трогая самодержавия». Казалось, что уговорить царскую чету невозможно, но тем не менее 2 декабря у царя открылось, собиравшееся еще 6 и 8 декабря, совещание для обсуждения необходимости государственных преобразований, в котором участвовали С. Ю. Витте, К. П. Победоносцев, П. Д. Святополк-Мирский, все министры, государственный контролер П. Л. Лобко, председатели департаментов Государственного совета граф Д. М. Сольский и Э. В. Фриш, управляющие императорскими канцеляриями барон А. А. Будберг и А. С. Танеев, генерал-адъютанты Н. И. Воронцов-Дашков, О. Е. Рихтер, П. П. Гессе (дворцовый комендант), а затем и великие князья Владимир, Михаил и Сергей Александровичи.²⁵

Большинство участников совещания сразу же после его открытия резко обрушилось на все реформаторские предложения, требования и ходатайства, от кого бы они не исходили. «Благонамеренных» земцев, участников банкетов, всех «тех, которые говорят о конституции», революционеров («нарушителей порядка») предлагалось «строго преследовать». «Как же преследовать, значит опять прибегать к административным высылкам, которые только что раскритиковали?» — вопрошал Мирский. Нового «способа» преследований ему указать никто не мог, и он согласился с опубликованием правительственного сообщения, которое запугивало бы все свои население. Мирский надеялся дать таким обра-

²⁴ Белокопский И. И. Земское движение. М., 1914, с. 239 и сл.

²⁵ Даты и общие сведения о работе совещания мы приводим на основании следующих источников: Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 287—289; Витте С. Ю. Указ. соч., с. 331; Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 260—261; Крыжановский С. Е. Указ. соч., с. 26 и сл.; Лопухин А. А. Указ. соч., с. 48—49; Мурзанова М. Дневник А. А. Бобринского. — Красный архив, 1928, т. 1, с. 130; Трубецкая О. Н. Из пережитого. — В кн.: Современные записки. (Париж), 1937, т. 64, с. 290 и сл. Их сопоставительный критический анализ с установлением хода дела во всех подробностях, а также текстологической истории подготовлявшегося указа представляют собой важную специальную задачу.

зом «некоторое удовлетворение представителям реакции», чтобы одновременно провести приемы выборных к законодательству.

Но К. П. Победоносцев именем бога запретил царю ограничивать самодержавие, Кокцов и Витте заявили, что представительство и самодержавие несовместимы, а сам царь заговорил о том, что «власть должна быть тверда». С другой стороны, Сольский, Фриш, Ермолов, Гессе, Рихтер не видели в представительстве опасности для самодержавия и соглашались с Мирским, что его можно ввести, «не впадая в конституцию». Витте тем временем, вливая по вопросу о представительстве, сумел взять подготовку указа в свои руки. На заключительном заседании, когда группу Сольского поддержал вел. кн. Владимир Александрович, на ее точку зрения стал и царь. В подготовленном под руководством Витте проекте указа пункт о представительстве фигурировал под третьим номером. 11 ноября в присутствии Витте и вел. кн. Сергея Александровича, решительного противника каких бы то ни было преобразований, Николай заявил, что пункт о представительстве его смущает. Оба собеседника немедленно предложили исключить третий пункт, и он был тут же зачеркнут царской рукой.

Указ был подписан 12 декабря, а на следующий день, согласившись на отставку Мирского через месяц, царь предложил ему пост наместника на Кавказе («Ведь это не понижение... Так хорошо, и конвой есть»), а в Витте продолжал твердить, что тот масон.²⁶

14 декабря появился царский указ, в котором в общей форме упоминалось о разработке мер по «устроению крестьянской жизни» и изменению крестьянского законодательства. В нем содержались обещания расширить права земских и городских учреждений в области местного благоустройства, ввести государственное страхование рабочих, сократить применение положений об исключительной охране, устранить некоторые стеснения печати, ввести начала религиозной терпимости, обеспечить «самостоятельность» судов и равенство перед ними лиц различных состояний. Обещанное «охранение полной силы закона» было подано как опора престола, «важнейшая в самодержавном государстве». Отсутствие упоминания о представительстве усугублялось указанием на «непременное сохранение незыблемости Основных законов империи». «... Указ Николая II есть прямая пощечина либералам», — такова была точная оценка В. И. Ленина.²⁷

Опубликованное в тот же день правительственное сообщение объявляло самую мысль о представительстве «чуждой русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя», и угрожало репрессиями за обсуждение на различных собраниях вопросов о каких бы то ни было реформах.

Разработка «высочайших предначертаний» указа была поручена Комитету министров во главе с Витте, и в бюрократическом Петербурге заговорили о «Сергее-премьере» или «диктатуре двух Сергеев», имея в виду Витте и великого князя. Витте действительно сейчас же сосредоточил свои усилия на расширении компетенции Комитета министров,

²⁶ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 266.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 129.

сразу и нарочито придав обсуждению путей осуществления указа 12 декабря либерально-реформаторский оттенок.²⁸ С другой стороны, личный крах Мирского означал и конец политики «доверия», которая встречала сопротивление руководителей карательной политики как за пределами ведомства внутренних дел, так и в нем самом. «Министерство внутренних дел билось в тщетных попытках отыскать золотую середину между сердечным попечением и бараньим рогом», — так определял позже политику Святополк-Мирского один из столпов Департамента полиции Л. А. Ратаев.²⁹ По словам другого охранника А. И. Спиридовича, она создала «хаос». 1 января 1905 г. вел. кн. Сергей Александрович покинул пост московского генерал-губернатора, а генерал Д. Ф. Тренев — пост обер-полицеймейстера Москвы. Они мотивировали свою отставку противодействием Мирского их жесткому курсу, хотя в действительности сами опасались последствий собственных карательных мер. Министр юстиции Н. В. Муравьев хлопотал о должности посла. В таком состоянии известного разброда пребывало руководство высших внутриполитических карательных органов царства накануне 9 января 1905 г., когда необратимый процесс созревания пролетарского революционного сознания, классового и общеполитического, привел к появлению на политической арене «широкого, крупного, всероссийского революционного движения», а «полицейские и военные планы» царства «повернулись против правительства».³¹

В том, что стрельба, а не политические или социально-экономические меры, стала ответом на мирное массовое шествие с обращенной к царю мольбой о «правде и защите», сказались антинародный характер режима и острота классовых противоречий, придававшие неприемлемый для самодержавия характер любым требованиям, в какой бы форме они не выдвигались. Совсем незадолго до нового года в полемике по поводу осуществления указа 12 декабря Витте и Победоносцев сошлись на том, что и вопросе о характере государственного строя нельзя давать голоса обезумевшей толпе³² (при этом имелась в виду речь на либеральных банкетах, адреса и петиции земских, дворянских, интеллигентских организаций), а теперь оказывалось, что политические лозунги выдвигаются широким массовым движением, что в роли застрельщика общеполитической борьбы в стране выступают петербургские рабочие.

Ганюновское «собрание», плод примененной Плеве зубатовщины без Зубатова, весьма благоденствовавшее при Святополк-Мирском (чему в не-

²⁸ Уже 14 декабря Комитет объявил своей обязанностью «установить направление предстоящих работ, беря на себя рассмотрение и тех вопросов, которые могли решаться лишь в законодательном порядке» (Журнал Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904. СПб., 1905, с. 9—10).

²⁹ Былое, 1917, № 2, с. 189.

³⁰ Спиридович А. Записки жандарма. Харьков, 1927, с. 163.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

³² Победоносцев требовал, чтобы то ни стало «сохранять самую идею и самый принцип власти». Витте же, хотя и заявлял: «Ничего не делать во внутренних наших делах невозможно», тут же провозглашал: «Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию» (Красный архив, 1928, т. 5, с. 108—109).

малой степени содействовали как прославление в гапоновской пропаганде личности министра,³⁵ так, вероятно, и его намерение вернуть в Департамент полиции самого Зубатова³⁴), представлялось руководителям Министерства внутренних дел и столичному градоначальству «твердый оплот против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений». Такое представление не изменилось и после начала январских стачек в столице. Существование в среде руководителей «собрания» оппозиции Гапонову, состоявшей из наиболее развитых и сознательных рабочих, не было вовремя распознано полицией, как и то обстоятельство, что сам Гапон без потери своей руководящей роли не мог удержать движение в безобидных для властей рамках.³⁵ Впрочем, уже 5 января ведавший промышленностью министр финансов В. Н. Коковцов забил тревогу перед царем по поводу того, что требования забастовщиков «представляются невыполнимыми для промышленников», и выразил Мирскому «весьма большие опасения» по поводу деятельности «собрания».³⁶

О подготавливавшемся воскресном шествии к Зимнему дворцу властям стало известно в четверг, 6 января. Судя по воспоминаниям Коковцова, в этот день при всеподданнейшем докладе Мирского было решено, что царя в воскресенье в городе не будет, полиция сообщит об этом рабочим и тем предотвратит «скопление» их на площади перед дворцом.³⁷ Независимо от того, удалось ли бы таким путем предотвратить шествие, нельзя не отметить, что понятие в этом направлении сделано не было. Градоначальство в этот момент в полном соответствии с сущностью зубатовщины в самом упрощенном, узко полицейском ее понимании (пусть де рабочие добиваются уступок у предпринимателей, только бы не поднимались на политическую борьбу с правительством) исходило из того, что забастовки направлены лишь против заводской администрации, и шествия ко дворцу бояться не следует. «Признак отсутствия в этом движении политических целей» градоначальство усматривало, в частности, в том, что шествие было назначено на воскресенье, «когда студенты и курсисты еще не были в сборе после рождественских каникул».³⁸ Департамент полиции также продолжал считать, что связанное с именем Гапона

движение «чуждо политических воцелений и влияния подпольных революционных организаций», поскольку, по полицейским сведениям, сам Гапон «в первых числах января» рекомендовал «рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их».³⁹

Вечером этого дня, 6-го, крупнейшие столичные заводчики на совещании в Министерстве финансов у В. Н. Коковцова подтвердили отклонение требований бастующих рабочих, объявив, что некоторые из этих требований «могли бы быть рассмотрены и даже частью удовлетворены», но только «не в виде уступок настояниям всей массы стачечников».

Коковцов, впоследствии признавший возможность немедленного удовлетворения большинства требований рабочих, поддержал отказ промышленников. На следующий день он снова предупредил Мирского, что деятельность гапоновского собрания «не может достигнуть тех целей, которые могли иметься в виду Министерством внутренних дел», опасаясь «уверенности» рабочих в том, что «собрание» действует «от имени и с одобрения правительства». Позже он заявил даже, что Министерство финансов требовало «заранее принять меры», арестовать руководителей «собрания», но Министерство внутренних дел отказало в этом. С другой стороны, опровергая обвинения предпринимателей в том, что и финансовое ведомство просмотрело характер движения, Коковцов тут же утверждал, что сами предприниматели 6 января «заявили успокоительные известия», поскольку де это было «до известного адреса, ставшего известным 8 января».⁴⁰

7-го, когда забастовка приняла всеобщий характер, страх и карательный инстинкт, со всей силой овладели и Мирским, и министром юстиции Н. В. Муравьевым и самим царем. Утром начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал Н. Ф. Мешетич явился к градоначальнику И. А. Фуллонову и сообщил, что царь объявил столицу на военном положении и что высшая власть переходит к командиром гвардейского корпуса князю Васильчикову. Вечером у Мирского состоялось заседание с участием Коковцова, Муравьева, генерала К. Н. Рыздзевского, товарища министра внутренних дел (при Мирском ему было поручено и командование жандармским корпусом и ведение полиции), Лопухина, Васильчикова и Фуллонова. Военное положение решили не вводить, но была совершенно ясно названа причина охватившего высшие власти страха: требования рабочих были восприняты ими как крах новой зубатовщины под натиском массового пролетарского движения, хотя согласно отчетной записке градоначальства полное содержание петиции рабочих еще не было им в тот день известно. Муравьев заявил, что утром у него был Гапон, и он убедился, что тот «ярый революционер».⁴¹

³⁵ Записка директора Департамента полиции А. А. Лопухина ... 1 февраля 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции. М., 1955, с. 100, 101.

⁴⁰ Там же, с. 101; Письмо В. Н. Коковцова Святлополк-Мирскому 7 января 1905 г. — В кн.: Путиловцев в трех революциях/Сост. С. В. Окунь. Л., 1933, с. 63—65; Записи В. Г. Глазова о совещании у Витте 18 января 1905 г. — Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 30, 36.

⁴¹ Записка II о мерах, принятых управлением Санкт-Петербургского градоначальства... с. 30.

³³ *Гилер* Д. 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге. — Былое, 1925, № 1, с. 3.

³⁴ Е. П. Меликов — А. И. Спиридовичу 10 октября 1904 г. — Красный архив, 1926, т. 4, с. 210.

³⁵ См.: История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 1, гл. 6; *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975; *Шустер У. А.* Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976; Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1976; *Шацкая К. Ф.* 1905-й год. М., 1980; Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981. Многочисленная литература о первой русской революции получила разностороннюю характеристику в специальном труде «Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции» (М., 1978). Для темы настоящей работы наибольшее значение имеют его разделы, принадлежащие *Д. А. Колесниченко, Е. Д. Черменскому, В. В. Шелухину, А. Д. Степанскому.*

³⁶ Доклад В. Н. Коковцова Николаю II 5 января 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции. М., 1955, с. 15—16.

³⁷ *Коковцов В. Н.* Указ соч., с. 52—53.

³⁸ Записка II о мерах, принятых управлением Санкт-Петербургского градоначальства... Цит. по: *Валк С. Н.* Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись, 1925, № 1, с. 40.

Вопрос о том, каким образом полицейские власти проглядели процесс развития пролетарских требований, тесно связан со сложной историей составления петиции 9 января, существованием нескольких ее вариантов.⁴²

Как бы то ни было, однако, когда 7-го Гапон пришел к Муравьеву с копией того варианта петиции, который подписывался в это время рабочими в отделах «собрания», министр уже располагал своей копией одного из вариантов. Сверив их, Муравьев воскликнул: «Но, ведь, вы хотите ограничить самодержавие!»⁴³ На введенные «в программу требований рабочих коррективы политического характера», «последовательно общеконституционные положения» ссылался и Лопухин, заявляя, что «мирному движению рабочих» был придан «характер народной манифестации, направленной к ограничению самодержавия». «Осуществление такого намерения ни в коем случае не могло быть допущено», объяснял Лопухин решение о расправе с мирным движением, выраженное им в словах о том, что «всякие демонстративные сборища и шествия будут рассеяны военной силой».⁴⁴

Явно возобладавшее намерение разогнать шествие военной силой сразу исключило обсуждение возможных мер к его предотвращению. Все участники совещания у Мирского сошлись на том, чтобы Гапона не арестовывать, хотя Фуллон предлагал было это сделать, не возникал и вопрос о юридическом преследовании авторов петиции (по действовавшему законодательству обращения такого рода к царю считались уголовным преступлением, хотя в течение второй половины 1904 г. право петиций было как бы установлено двучным порядком).

Зато состоявшееся в тот же вечер под председательством Фуллона заседание военного и полицейского начальства с участием Васильчикова и Мешетяча приняло план совместных действий войск и полиции на 9 января с разделением города на 8 районов, вызовом подкреплений из Петергофа, Пскова, Ревеля и т. п.

Утром 8-го в «Вестнике градоначальства» и в «Правительственном вестнике» было напечатано извещение также в виде плакатов объявление градоначальника, составленное с известной двусмысленностью. Ни сам Гапон, ни его общество не были названы, не упоминалось и назначенное обществом шествие. Содержавшиеся же в объявлении слова о недопустимости всяких «сборищ и шествий таковых» были ослаблены угрозой применения военной силы лишь против «массового беспорядка»: ведь многим участникам назначенной на 9 января демонстрации она представлялась вполне дозволенным делом. Впечатление это усиливалось развешенным одновременно с объявлением градоначальника, но в гораздо большем числе извещением гапоновского «собрания» о сборе в 2 часа у дворца, «где будет подана его величеству государю императору просьба о содействии к удовлетворению рабочих нужд». Написанное в официальном верноподданническом духе, это извещение и объявление градоначальника были восприняты вместе, второе как бы дополняло

первое: градоначальник запрещал уличные беспорядки со стороны «посторонней публики», которыми могло сопровождаться организованное шествие с петицией к царю, никак не подходившее под понятие «многолюдных сборищ на улицах». Именно такую трактовку объявления градоначальника услышали депутаты рабочих, явившиеся в градоначальство, «чтобы выснить, в каких случаях будут действовать войска». «Им объяснили, что предупреждение относится только к нарушителям порядка, а в мирную толпу стрелять не будут», указывалось в докладе комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных Петербурга по поводу событий 9—11 января.⁴⁵ В том же духе 8 января ответил на частный запрос одного из рабочих, именного брата-жандарма, начальник жандармского дивизиона, уверявший, «что оружие пускать в ход не приказано, что рабочим не грозит никакой опасности и что просьба их будет выслушана со вниманием».⁴⁶ «Полустоятельство полиции» создававшимся гапоновцами митингам, сбору подписей под петицией в течение 8 января отмечал и очевидец, сообщениями которого пользовался В. И. Ленин.⁴⁷

Между тем весь этот день был посвящен детальным и тщательным приготовлениям к расправе с манифестацией вплоть до предупреждения больниц о предстоящем поступлении раненых, приведения в готовность «Скорой помощи» и подготовки транспорта для перевозки убитых и раненых.⁴⁸ С утра 8-го Мирский отправился к военному министру «для установления формальностей по вызову войск на 9-е». А затем к нему приехали Мешетяч и Фуллон для разработки плана их дислокации.⁴⁹ Так исполнялось решение о том, что «всякие демонстративные сборища и шествия будут рассеяны воинской силой». Ознакомление с полученным от Гапона текстом петиции могло лишь укрепить Мирского и других в этом решении. Характеризуя петицию со слов мужа, кн. Е. А. Святополк-Мирская отмечала, что петиция «касается почти исключительно политических вопросов».⁵⁰

Казалось бы, Лопухин и Фуллон должны были сообщить о принятом «наверху» решении Петербургскому охранному отделению и местным полицейским властям столицы. В известных нам документах нет, однако, никаких следов распоряжений местным полицейским органам о предотвращении шествия, никаких пояснений к объявлению градоначальника или упоминаний о дополнительных мерах к нему.

Но руководство столичной полиции, не получив приказа о предотвращении шествия и не дав никаких указаний в этом смысле местным полицейским органам, определенно знало о подготавливавшейся расправе с рабочими. Об этом свидетельствует записка Лопухину, составленная 8 января начальником Петербургского охранного отделения подполков-

⁴⁵ Начало первой русской революции, с. 106.

⁴⁶ Освобождение, 1905, № 65, с. 248.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 224—226.

⁴⁸ Аргуи А. М. Жертвы 9 (22) января 1905 г. — Красная летопись, 1929, № 6, с. 16; Записка II о мерах, принятых управлением Санкт-Петербургского градоначальства, с. 43.

⁴⁹ Любимов Д. Н. Гапон и 9 января (Воспоминания начальника канцелярии Министерства внутренних дел). — Вопросы истории, 1965, № 8, с. 127.

⁵⁰ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 273.

⁴² Шустер У. А. Указ, соч., с. 79.

⁴³ Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926, с. 84.

⁴⁴ Записка А. А. Лопухина ..., с. 101—102.

ником Л. Н. Кременевским. Он был озабочен не самим «предполагаемым на завтра, по инициативе отца Гапона, шествием на Дворцовую площадь забастовавших рабочих», а тем, что им «намерены воспользоваться и революционные организации столицы для производства противоправительственной демонстрации». Зная, что против рабочих колонн будут начаты карательные действия, начальник охранного отделения видел единственную свою задачу в изъятии революционных знамен.⁵¹

Пока подготовка к боевым действиям шла полным ходом и в столицу прибывали воинские подкрепления, были поданы «наверх» два известных нам письменных предложения, направленных к предотвращению кровопролития. Прокурор Петербургской судебной палаты Э. И. Вулч, в юридическую компетенцию которого входили происходившие и назревавшие события, предложил устроить прием рабочих кем-либо из царских приближенных. В своем письме Муравьеву он выражал опасение, что устраиваемая вместо этого правительством кровавая баня вызовет революционные выступления около 100 тыс. рабочих.⁵² С призывом к «сердечному отношению» к «челобитной» обратился 8 января к самому царю его частный советчик и корреспондент А. А. Клопов.⁵³

Неизбежность кровавых событий сознавалась многими. Явно проводившиеся военные приготовления к расправе вызвали беспокойство и в среде либерально-демократической интеллигенции. В. Я. Богучарский 8-го утром, страшно взволнованный, повторил: «Что это? ... Что это? ... Провокация?».⁵⁴ Представители либеральных и левых интеллигентских кругов, собравшись в редакции газеты «Наши дни», тщетно ждали Гапона. Он почему-то сообщил, что в этот именно день после обеда отправится к Муравьеву, пойдет на риск, надеясь на свою роль в рабочем движении, которая спасет его от ареста. Сам Гапон так и не пришел, но о результате, вернее о безрезультатности свидания, на самом деле состоявшегося, как мы знаем, накануне, стало все же в редакции известно, хотя и с опозданием на целые сутки — Муравьев, отказав Гапону в содействии в удовлетворении требований рабочих, заявил ему о своем отказе. Собравшиеся увидели в этом явный знак. К вечеру появился секретарь гапоновского общества рабочих Д. В. Кузин, принесший копии поданных им перед тем в Министерство внутренних дел петиции и письма Гапона Мирскому. Вскоре из министерства сообщили по телефону в редакцию, что документы переданы министру. Звонок этот, можно полагать, воодушевил возможностью переговоров депутатов из числа литераторов и ученых, избранных собравшимися в редакции для визита к министру. К тому же только что пришедший из министерства Кузин вошел в состав делегации и обещал, что «в крайнем случае» руководители гапоновского «собрания» удовлетворит прием царем представителей рабочих даже в Царском Селе.⁵⁵

События в «верхах» развивались, однако, в ином направлении. Царь, недовольный тем, что его приказание о введении военного положения не было накануне исполнено, послал министра двора Фредерикса к Мирскому с повторным приказанием об этом. Фредерикс приехал к Мирскому перед обедом, т. е., вероятно, до 7 часов вечера, а около 9-ти у Мирского состоялось совещание с участием Муравьева, Коковцова, Рыздзевского, товарищей министров П. Н. Дурново (внутренних дел) и В. И. Тимирязева (в Министерстве финансов он заведовал торговлей и промышленностью), Мешетича, Фуллона и Лопухина. Вопреки воспоминаниям Коковцова, утверждавшего, что совещание «носило совершенно спокойный характер», а о применении силы «не было и мысли».⁵⁶ именно применению силы оно и было посвящено. Как писал А. И. Спиридович, видя в рабочих «революционеров и бунтовщиков», власти «и средства против них избрали соответствующие».⁵⁷

Когда вечером 9-го при подведении кровавых итогов дня Дурново, подчеркивая вину военного командования, попробовал сказать, что можно было обойтись папайками, Мешетич живо возражал. Подчеркнув, что «все роды оружия до артиллерии включительно» были вызваны в полном соответствии с требованиями полицейского начальства, он с издевкой спросил: «Ведь не для парада их вызывали?»⁵⁸ Действительно, совещание 8 января происходило при перевесе военно-карательных аргументов. Даже свои возражения против ареста руководства «собрания» (этого хотел Муравьев) Мирский и Фуллон обосновывали не только надеждами на Гапона, при котором «демонстрация не примет угрожающих общественному спокойствию размеров», но и «боевыми» интересами. Фуллон заявил, что у него нет достаточных свободных полицейских сил для осуществления этих арестов, которые не могут не вызвать открытого сопротивления рабочих.⁵⁹

Принятое 7 января решение не допускать рабочих во дворец оставалось в силе. Как и накануне, решено было избежать объявления военного положения.⁶⁰ Царское повеление о его введении привело в ужас Коковцова как министра финансов, который опасался пагубного влияния такой меры на курс русских бумаг на европейских биржах.⁶¹ «Он говорит, что и без этого курс пал так, как ни разу за всю войну, и что в Париже все русские бумаги на предложении, и никто не покупает», — так записала слова Коковцова Е. А. Святополк-Мирская.⁶² В 10 часов вечера Мирский с текстом петиции поехал в Царское, чтобы просить Николая не вводить военного положения и получить одобрение намеченным на завтра мерам. По словам министра, царь оказался «совершенно беззаботен» и легко согласился не объявлять военного положения. Однако после

⁵⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч., с. 52—53.

⁵⁷ Спиридович А. И. Указ. соч., с. 173.

⁵⁸ Любимов Д. И. Указ. соч., с. 116.

⁵⁹ См.: Записка II о мерах, принятых управлением Санкт-Петербургского градоначальства..., с. 39.

⁶⁰ Записка А. А. Лопухина..., с. 102; Gurko V., p. 345; Рапорт Мешетича в Главный штаб 9 января 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции, с. 50.

⁶¹ О состоянии русского заграничного кредита во время русско-японской войны см.: Афанасьев В. В. Россия и международный капитал. Л., 1970, с. 95—127.

⁶² Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 273.

⁵¹ Начало первой русской революции, с. 83.

⁵² Красный архив, 1935, т. 1, с. 68, 48.

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 9, л. 10.

⁵⁴ Гуревич Л. Девятое января. Харьков, 1926, с. 79.

⁵⁵ Асанар Э. Кровавое воскресенье. Харьков, 1925, с. 79, 82; Гуревич Л. Указ. соч., с. 35—36.

отъезда министра. царь сделал необычную для своего дневника деловую записку, в которой отмечен вечерний доклад Мирского «о принятых мерах», вызов войск «для усиления гарнизона», хотя и признано, что «работные до сих пор вели себя спокойно».⁶³

Пока Мирский ездил в Царское, князь Васильчиков в 11 часов вечера вызвал начальников воинских отрядов и отдал им приказания на завтра.⁶⁴ Примерно в это же время к министру внутренних дел явилась избранная в редакции «Наших дней» депутация. Рыдзевский, который после первоначального отказа все же принял депутатов вместо Мирского, с неохотой сказал, что он доведет до сведения министра «заявление о мирных намерениях рабочих» и добавил: «Впрочем, ему это известно». Как мы только что видели, известно это было и царю. Прием рабочих царем Рыдзевский объявил невозможным. Поведение самого Рыдзевского должно было показать (по словам входившего в состав делегации А. М. Горького, Рыдзевский, сунув руки в карманы, холодно заявил, что «правительство знает, что нужно ему делать, и не допустит вмешательства частных лиц в его распоряжения»), что советы интеллигентской общественности так же неприемлемы для самодержавного правительства, как требования, исходившие от рабочей манифестации, хотя бы и мирной. Обескураженные неудачей у Рыдзевского депутаты отправились к Витте, хотя еще в 7 часов один из них (И. В. Гессен) был у него и получил резкий отказ на просьбу о вмешательстве. Витте снова заявил теперь, что в его компетенцию дело это не входит, но отчетливо представлял себе характер завтрашних событий, не преминул назвать ответственных за них лиц — Коковцова и Мирского, которые «уже приняли свои меры», и самого царя, который «должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих». В ответ на резкое требование Горького «довести до сведения сфер, что если завтра прольется кровь — они дорого заплатят за это», он по телефону просил вернувшегося из Царского Села Мирского принять депутацию. Тот ответил отказом, заявив, что знает от Рыдзевского о сведениях и соображениях депутации, но что «их желание неисполнимо».⁶⁵ При этом он добавил, что дело от него не зависит, имен, вероятно, в виду передачу власти военному командованию. После 12 часов ночи Мирский начал новое совещание с Васильчиковым, Мещетичем, Фуллоном, Рыдзевским и Лопухиным, во время которого снова обсуждалась диспозиция на 9 января. В результате двух этих совещаний (с визитом Мирского к царю между ними) не было принято ни одной из таких мер, которые были бы направлены к предотвращению кровопролития. Возможность приема петиции кем-либо по поручению царя даже не рассматривалась. Не было объявлено об отсутствии царя в Петербурге, более того — не был опущен дворцовый штандарт Николая над

Зимним дворцом, означавший его пребывание там. И, наконец, так и не было отдано распоряжение полиции о принятии каких бы то ни было предупредительных мер на местах, у сборных пунктов участников шествия в местных отделениях «Собрания».

Происхождение кровавых событий печально знаменитого дня 9 января, за который «революционное воспитание пролетариата», как писал В. И. Ленин, «шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»,⁶⁶ было не случайным. И если нет достаточных оснований считать, что решение о стрельбе и непринятие мер к предотвращению шествия явились составными частями одного и того же официально принятого плана, то не подлежит сомнению, что власти ввели рабочих в заблуждение. Это признано и ответственными представителями властей в официальных отчетных документах о событиях 9 января — в записках Лопухина, градоначальства и старшего фабричного инспектора Петербургской губернии С. Чижова генерал-губернатору Трепову 28 января 1905 г. «Среднему», по выражению Б. А. Романова, сознанию Чижова, человека, однако, весьма осведомленного (его оценка была воспроизведена в записке градоначальства), дело представлялось таким образом, что неуклонно оказывавшееся Гапонову «вплоть до 9 января» покровительство привело к «общему предположению, что деятельность его признается благотворною и что ко всем его действиям высшие власти относятся благосклонно».⁶⁷ Мирский же откровенно говорил жене, что арестом Гапонова и закрытием его организаций можно было предупредить случившееся, но Фуллон видел в гапоновских «союзах» «единственное спасение» от выступлений рабочих, уверяя, что «если бы не союзы, то они давно бы взбунтовались».⁶⁸

Мы не находим в официальных документах никаких следов обсуждения мер для предотвращения кровопролития.⁶⁹ Зато Витте сразу же после случившегося развернул широкую кампанию, доказывая, что если бы царь прислушивался к его мнению, а Комитет министров под его председательством был органом реальной власти, дело обошлось бы мирно и благополучно, чуть ли не к всеобщему удовольствию. Демонстративно ругая Мирского и шумно сердясь, он открыто заявлял в кругу высших сановников, что «стрелять совсем не нужно было».⁷⁰ По своему обыкновению он принялся распространять инспирированные сообщения в этом духе, лишь чисто формально скрывая, что инспирированы они им самим. В «Эко де Пари» появилось короткое интервью ее петербургского корреспондента Дрю с Витте, в котором тот с нарочитой сухостью твердил лишь, что его накануне событий никто ни о чем не спрашивал, что он председатель не Совета, а Комитета министров, члены которого ему не подчинены.⁷¹ Здесь же было помещено, однако, пространное заявление

⁶³ Цит. по: Шцлов А. 9 января. М.; Л., 1925, с. 173.

⁶⁴ Семанов С. Н. Кровавое воскресенье. Л., 1965, с. 72.

⁶⁵ Горький М. Савва Морозов. — Собр. соч. в 25-ти т. М., 1973, т. 16, с. 548; Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 273—274; Протокол осмотра рукописи А. М. Горького ... 15 января 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции, с. 86—87; Гессен И. В. В двух веках. — Архив русской революции. (Берлин), 1937, т. 22, с. 191—192; Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 342; Dillon E. The Eclipse of Russia. New York, 1918, p. 160; Любимов Д. Н. Указ. соч., с. 129.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201—202.

⁶⁷ Романов Б. К характеристике Гапонова. — Красная летопись, 1925, № 2, с. 47.

⁶⁸ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 277—278.

⁶⁹ Любимов Д. Н. (Указ. соч., с. 130) утверждал, что никаких предложений о возможности приема рабочих по поручению царя в официальных сферах не возникало. Письмо Вучча, очевидно, осталось без внимания.

⁷⁰ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 277—278.

⁷¹ Освобождение 1905, № 65, с. 243.

одного «бывшего министра», в котором нельзя было не узнать Витте.⁷² «Случилось именно то, что предвидел Витте», — не без злорадства провозглашала «бывший министр», доказывая, что Витте всегда был противником аубатооцины. Упомянув, что ни Совета, ни Комитета министров перед 9 января не собирали, Витте в образе таинственного анонима обвинял царя (набегая только прямо его называть) в том, что рабочих «принялись давить, целенаправленно расстреливать», хотя, если уж сам царь не хотел к ним выйти, он мог послать кого-нибудь вместо себя. «Только авантюрист или дурак» может решиться теперь стать министром внутренних дел, заявлял «бывший министр». Ему было, конечно, совершенно точно известно, что «не соглашается принять этот пост и Витте, если только ему вместе с титулом канцлера не предоставят полной свободы применять свою программу».⁷³ Витте действительно сделал царю заявление в этом роде,⁷⁴ не возмевшее, впрочем, ни малейшего действия, а одновременно, пригласив к себе одного из приват-доцентов университета, для «самой широкой огласки среди молодежи» сообщил ему, как и французскому корреспонденту, что до субботнего вечера ничего не знал о подготовлявшейся расправе. Горячо опровергая обвинения в причастности к случившемуся, он заявлял, что не мог ночью после приема депутации ехать в Царское Село, будить царя и «поставить себя в фальшивое положение», если оказалось бы, что «решили ничего не делать».⁷⁵ Твердил он и о своей бесправности в Комитете министров, сравнивая его с тюрьмой, и заверял, что «всегда стоял за прогрессивные реформы», «был против суровых административных мер» и «боролся с усиленной охраной». Но из инсценированных Витте сообщений, вопреки его намерениям свести причины событий 9 января к тому, что царь и его приближенные действовали, «совсем потеряв голову», вытекало иное. Самодержавие применяло такое средство борьбы за свою неприкосновенность, которое совершенно соответствовало его природе, «самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс».⁷⁶

Однако уже в первые после событий 9 января дни при всей отчаянной решимости царя не допускать перемен в политической жизни и государственном строе страны политическая потребность в преобразованиях становилась непреодолимой. Они считались пущими с различных точек зрения: и для того чтобы прекратить нарастающий подъем стачечной борьбы пролетариата, принимавшей общероссийский характер, и для того чтобы удовлетворить либеральную оппозицию, видевшую причины событий в отклонении ее требований. Из министерской среды выдвигался и такой аргумент в пользу преобразований, как необходимость для сохранения режима эффективного функционирования исполнительной власти, которому мешали некоторые черты самодержавного образа правления. Но покамест назначенный петербургским генерал-губер-

натором и поселенный в Зимнем дворце Д. Ф. Трепов, представитель так называемой конногвардейской партии (министр двора В. Б. Фредерикс и некоторые другие приближенные царя были из его любимого конногвардейского полка), стал пользоваться в области карательной и внутренней политики вообще диктаторскими правами. Преемником Мирского оказался ставленник вел. кн. Сергея Александровича и Д. Ф. Трепова А. Г. Булыгин. И все-таки обеспокоенный царь под влиянием некоторых из великих князей обращался с вопросом «о настоящем положении дел» то к Витте, то к другим министрам. Когда вопрос этот был поставлен перед министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым, тот предпринял решительный демарш в пользу государственных преобразований, требуя перемен в управлении для поисков «опоры» «самодержавному правлению». Он пугнул царя возможным покушением на него и вероятным отходом войск «стрелять и беззащитную толпу». Николай отвечал, что не боится смерти, но не имеет права рисковать жизнью из-за судьбы трона и понимает, что «невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска».⁷⁷ Ермолов обратился к общим основным проблемам государственных преобразований: проблеме представительства и проблеме единства государственного управления или объединенного министерства. Критикуя разобщенность министерств, Ермолов не без ехидства дал понять, что одна из причин ее — страх царя перед сговором министров за его спиной. И о представительстве он заявил: «Теперь надо пойти в этом вопросе далее», предупредив, что «при настоящих условиях ни за один день поручиться нельзя». В результате Николай II сейчас же приказал Витте собрать совещание в составе всех министров, которому поручил выработать «меры, необходимые для успокоения страны» и рассмотреть возможность реформ сверх предусмотренных указом 12 декабря. Но Витте предпочел пока ограничиться вопросом о непосредственной реакции на 9 января.⁷⁸

Требования государственных преобразований заявили и представители буржуазно-предпринимательских кругов. 21 января царь утвердил коковцовскую программу по рабочему вопросу из четырех пунктов, предусматривавшую учреждение больничных касс и примирительных камер, а также некоторое сокращение рабочего дня и пересмотр закона о стачках.⁷⁹ В тот же день Коковцов внес в Комитет министров представление «О постановлениях, определяющих возможные отношения промышленников и рабочих». Исходя из того, что «государственная широта взгляда может быть доступна лишь сравнительно небольшому числу фабрикантов», Коковцов настаивал на государственном вмешательстве в рабочий вопрос «с осторожностью... и без развития в рабочих притязательности». На совещании с фабрикантами и заводчиками 24 января Коковцов, заявляя, что действия рабочих незаконны, но, ссылаясь на «особые обстоятельства данного времени», призывал предпринимателей «стать на

⁷² Содержание этого заявления во многом совпадает с соответствующим местом «Воспоминаний» Витте (т. 2, с. 342).

⁷³ Освобождение, 1905, № 65, с. 243.

⁷⁴ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской, с. 278.

⁷⁵ *Август 9*. Указ. соч., с. 128. О раннем визите Гессена, оставившем возможность не будить царя, Витте умалчивал в своих мемуарах.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 214.

⁷⁷ Записка А. С. Ермолова 17 января 1905 г. — Красный архив, 1925, т. 1, с. 51 и сл.

⁷⁸ Черновая запись министра народного просвещения В. Г. Глазова о совещании 18 января 1905 г. — Там же, т. 4/5, с. 28—37.

⁷⁹ Всеподданнейший доклад Коковцова 19 января 1905 г. См.: Романов В. 9-е января 1905 г. — Там же, с. 10—22.

почву спокойного и беспристрастного рассмотрения» требований рабочих, «а также о той форме, в которой они представлены».⁸⁰ Но промышленники отвечали резким отказом от каких бы то ни было экономических уступок рабочему классу и выступили с записками, в которых сетования по поводу неспособности правительственного аппарата оградить их классовые интересы были поставлены в связь с общей платформой буржуазно-либеральных преобразований, выдвигавшейся земскими и городскими деятелями, представителями различных обществ и сословных организаций.

Широкий размах забастовочной борьбы после 9 января в Петербурге, борьбы, поддержанной рабочими Москвы и других городов империи, сопровождался нарастанием интенсивности и боевого характера рабочих выступлений, ростом политического сознания рабочих масс. При выборах рабочих представителей в комиссию сенатора Н. В. Шидловского, учрежденную для политического маневрирования в рабочем вопросе, выставился под влиянием агитации ПК РСДРП требование свободы слова, собраний, неприкосновенности выборщиков, освобождения арестованных, гласности работы комиссии. Не всегда отдавая себе полный отчет в общеполитическом характере этих требований и по инерции отклевываясь от слова «политика», рабочие на деле всем сердцем понимали неотделимость своих классовых интересов от задач политической борьбы. Вот каким образом обсуждали рабочие со своим представителем данный ему наказ: «Ты там в комиссии-то насчет политики не болтай... Ну ее к лешему!» — «О политике? Да божь меня сохрани, но чтобы свободу дали... И пужно будет еще сказать, чтоб арестованных выпустили. Еще я думаю сказать, чтоб наши заседания в газетах печатались и все полностью, конечно... Ну пужно, мол, нам свободу союзов, собраний, а самое главное, свободу стачек... Насчет государственного страхования...» — «Не забудь чего-нибудь... Как сегодня все говорили, так там и валяй... А политики не пужно».⁸¹ Такой характер рабочих требований, заранее объявленный Шидловским неприемлемым, стал одной из причин провала выборов в комиссию, созвать которую так и не удалось.

Важный элемент политического положения составляли выступления либеральной и демократической интеллигенции, а также студенческое движение.

Тем временем давление на царя в пользу преобразований все усиливалось. Германский император Вильгельм II, который до 9 января внушал царю, что «только самыми энергичными действиями» можно «остановить» дальнейшие успехи элементов беспорядка и анархии, теперь рекомендовал созвать собрание представителей земств, которое было бы «придано к Государственному совету» и подготовляло для него законопроекты.⁸² Настоячиво уговаривал Николая II пойти на уступки А. А. Клопов, упоминавшийся уже частный царский корреспондент и советчик, обещавший «успокоительное впечатление обнародования указа о выборах на рабо-

чих» и «оздоровляющее воздействие на профессоров и молодежь».⁸³ 31 января к царю снова обратился Ермолов. Его крайне настоятельные предложения сводились на сей раз к трем пунктам. Помимо «полного объединения правительственной власти», он требовал теперь созыва выборной земской думы, которая участвовала бы в предварительном рассмотрении важнейших законодательных мер, а также легализации обращенных к царю адресов. Доказывая, что полицейский режим может обеспечить «лишь внешний порядок», и уверяя, что революционные силы «неизбежно остались бы в меньшинстве и высказали бы полное свое бессилие при постановке дела на легальной почве», Ермолов опять пугнул царя покушениями, от которых «ничья жизнь не застрахована».⁸⁴

3 февраля царь созвал Совет министров для обсуждения вопроса о введении представительства. Хотя Николай II поручил Булыгину составить проект рескрипта на его имя с поручением разработать план привлечения выборов к законодательству, заседание это ничем определенным не кончилось, отчасти, вероятно, ввиду сопротивления, которое оказал созыву представительства Витте.⁸⁵ На следующий день в Москве бомбой всера И. П. Калашова, участника убийства Плеве, был убит вел. кн. Сергей Александрович. Дядя царя, женатый на сестре царицы, он был, как мы знаем, сторонником самого жестокого карательного курса. В «верхах» террористические акты, не способные открыть путь к победе над самодержавием, вызвали метания между моментальным стремлением к усилению карательных мер и политическими средствами «успокоения». А затем в сущности уже независимо от убийства Сергея Александровича дела пошли таким образом, что ограничиться одним только усилением репрессий было невозможно. Последовали студенческие волнения в Петербургском университете, во время которых был разорван царский портрет, политическое выступление ученых с требованием государственных преобразований, наконец, были получены в течение февраля новые решительные советы Вильгельма с обращением даже к «кушине» Марии Федоровне, чтобы через нее повлиять на царя заставив его пообещать «проведение каких-либо надлежащих реформ».⁸⁶

11 февраля царь созвал новое заседание Совета министров для рассмотрения составленных управляющим делами Комитета министров Э. Ю. Нольде проектов рескрипта. Но единства по самой сути дела — созывать ли представительство? — достигнуто так и не было. Государственный контролер Лобко, Витте и вел. кн. Владимир Александрович во главе с самим Николаем II были против созыва.⁸⁷

9 февраля одновременно с представлением царю проектов рескрипта Нольде представил Витте проект положения о преобразовании Совета министров.⁸⁸ В качестве председателя учрежденного царем 17 января со-

⁸⁰ А. А. Клопов — Николаю II 20 янв. и 1 февр. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 9, л. 4—5, 18.

⁸¹ Красный архив, 1925, т. 1, с. 59—60.

⁸² Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 57; Мурзанова М. Указ. соч., с. 131.

⁸³ Начало первой русской революции, с. 78; Переписка Вильгельма II с Николаем II, с. 94—102. — Красный архив, 1925, т. 9, с. 65.

⁸⁴ Мурзанова М. Указ. соч., с. 131.

⁸⁵ О ходе реформы Совета министров в 1905 г. см.: Мироненко К. И. Совет министров по указу 19 октября 1905 г. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. юридич.

⁸⁶ Романов Б. Петербургская крупная буржуазия в январские дни 1905 г. — Красная летопись, 1925, т. 1, с. 47—49.

⁸⁷ Шустер Н. А. Указ. соч., с. 103.

⁸⁸ Красный архив, 1925, т. 9, с. 62; Переписка Вильгельма II с Николаем II, М., 1923, с. 91.

вещания министров и председателей департаментов Государственного совета Витте приступил к разработке проекта объединения в Совете министров высшего государственного управления, исходя из того, что обстоятельства «переживаемой годины», в частности рабочее и студенческое движение, требуют «единства в действиях правительства». План Витте предусматривал «слить» Комитет и Совет министров в одно учреждение, которое называлось бы Советом министров.⁸⁹ Вопрос о председательствовании в «объединенном правительстве» пока не был еще поставлен. Но сейчас же появились, по выражению Ермолова, «новые признаки раздвоения и расчленения власти».⁹⁰ Ермолов имел в виду предоставленное царем Трепову право «принятия всевозможных мер, иногда в высшей степени серьезных и чреватых последствиями, не только помимо, но и без ведома отдельных министров и общего их совещания». Витте отметил в своих воспоминаниях еще одну царскую меру — данное в один из январских дней распоряжение Сольскому собирать обычно заседавший под председательством самого царя Совет министров по всем вопросам, которые будут указаны верховной властью или возбуждены министрами. Витте видел в этом фактическое упразднение Комитета министров, обсуждавшего пути выполнения указа 12 декабря, меру, направленную против себя как его председателя.⁹¹ Очевидно трое «руководящих министров» были в глазах Николая предпочтительнее, чем один, да еще Витте.

Таким образом, самодержавный принцип казался царю поставленным под угрозу еще до приступа к вопросу о представительстве.

Составленный Польде проект предусматривал, что председательствовать в обновленном Совете министров будет, как и раньше, сам царь, а в его отсутствие — специально назначенное им лицо. Уязвленный только что произведенным назначением Сольского Витте исправил проект таким образом, чтобы председательствование поручалось лишь одному из постоянных членов Совета. В своей помете на подготовленных канцелярией Комитета министров «Соображениях» об объединении в Совете министров высшего государственного управления Витте чуть смягчил это предложение, предписав: «...основательно развить доводы за и против назначения председательствующего а) из числа постоянных членов Совета и главным образом министров и б) из числа других членов». «Но и склоняюсь к первой комбинации», — все же заключил он.⁹² Самая возможность председательствования в Совете министров не царя, а другого лица, как и предположенное со ссылками на идеи Сперанского и на указ 12 декабря правило о том, чтобы Совет министров до царя рассматривал доклады министров по делам, превышающим их компетенцию, выходили, конечно, далеко за пределы ранее в этой области допускавшегося. «С принятием предложенного порядка по всем более важным

законодательным и административным делам и вопросам испрошение монарших указаний исходило бы от Совета, а не единолично от министров. Не создавая отнюдь кабинета в западноевропейском значении этого слова и не присваивая никому из членов Совета преобладающего над сотоварищами его положения, ненужного у нас при непосредственном руководстве монарха в делах правительственных, предлагаемая мера как направленная к вящему укреплению единства в государственном управлении, должна, казалось бы, удовлетворить всех благомыслящих людей независимо от оттенков их мнения», — говорилось в «Соображениях».⁹³

Против слов «удовлетворить всех благомыслящих» Витте написал: «Это можно и не говорить, т. к., конечно, не удовлетворит», а слова «о непосредственном руководстве монарха» зачеркнул, вероятно, чтобы не раздражать царя, поскольку, как бы Витте ни осторожничал, прерогативы самодержца оказывались в его проекте задетыми. Между тем, вся история Совета министров, а она, судя по представленным и архивным делам документам, была восстановлена в памяти «реформаторов». 1905 г., свидетельствовала, что самым сложным и в сущности роковым для его существования и функционирования фактором всегда было стремление самодержца не выпускать из-под своего контроля сколь-нибудь существенных государственных дел. П. А. Валуев, В. А. Долгоруков, П. А. Шувалов, М. Т. Лорис-Меликов, Н. П. Игнатьев задолго до Витте, и это было ему известно, уже приближались в своих видениях к премьерству, но Александр II неизменно со всей решительностью пресекал попытки как создания кабинета, обсуждающего дела до царя, так и учреждения премьерского поста для умаления царской власти в пользу «доморощенного Бисмарка». При Александре III Совет министров и вовсе не собирался. «Министры не таковы, чтобы с ними советовать», — заявил он однажды.⁹⁴

Имея обо всем этом представление, Витте тем не менее остановиться все же не мог, да и нужда в объединенном правительстве была теперь действительно настоятельной. Можно предположить, что в своих возражениях против введения представительства он видел средство не допустить превращения объединенного правительства в кабинет западноевропейского типа и тем несколько ослабить сопротивление Николая. Да и самому ему *визират*, как выражались во времена Лорис-Меликова, импонировал гораздо больше, чем амплита главы европейского кабинета.⁹⁵

Иной была позиция Коковцова. Вынужденный добиваться представительства ради поддержания кредита на Западе, он выступил охранителем неприкосновенности царских прерогатив в области высшего государственного управления при том, что создавал практическую необходимость

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 10.

⁹⁰ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. 1978, с. 158—195.

⁹¹ Для единства недостаточно «запрячь в карету рысак и осла и дать вожжи самому опытному кучеру», — рассуждал он, представляя свои предложения, чтобы сделать их более приемлемыми, лишь как «попытку к некоторому единению». Препятствие к осуществлению «твердого единения» он видел в «самом неудовлетворительном составе министров по их убеждениям и знаниям» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 5).

изв. 1948, вып. 1, № 106; Королева Н. Г. Первая Русская революция и царизм. М., 1982.

⁸⁹ Соображения об объединении в Совете министров высшего государственного управления [не позднее 9 февр. 1905 г.]. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 6—7.

⁹⁰ Заница А. С. Ермолова Николаю II 31 января 1905 г. — Красный архив, 1925, т. 1, с. 63.

⁹¹ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 370—371.

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 4—5.

его объединения. Коковцовский проект предусматривал превращение в центр объединения Комитета министров без слияния его с Советом. Чтобы «вернуть» Комитету министров утраченное им объединяющее значение», Коковцов предлагал, в частности, передать ему «функцию объединения законодательной инициативы министров, присвоенную ныне Совету министров, фактически не собирающемуся».⁹⁰ Основываясь на трудах русских правоведов А. С. Алексеева, А. Д. Градовского и Н. М. Коркунова, Коковцов развил теорию об особой роли Совета министров, непременно участии в нем царя и недопустимости «образования однородного министерства, т. е. кабинета министров с первым министром во главе». «Что Совет министров, — писал Коковцов, — имеет целью не столько установить гармонию в действиях министров, сколько служить органом, при посредстве которого государь обзорекает направление министерского управления и осуществляет свое право законодательной инициативы, видно уже из того, что министры не собираются самопроизвольно в Совет и никогда не совещаются вне присутствия государя, который созывает Совет и всегда самолично председательствует на нем».⁹⁷ Этот-то наиболее «существенный признак» (председательствование царя), по мнению Коковцова, был бы утрачен в случае слияния с Комитетом на за общими дел. Что же касается «объединенного министерства», то Коковцов с помощью пространной цитаты из Градовского доказывал, что кабинет министров в конституционных государствах служит средством влияния палат на администрацию, установлении ответственности исполнительной власти перед ними, а неограниченной монархии (рассмотрение вопроса о введении представительства на заседаниях 3 и 11 февраля, не оказало на Коковцова в этом смысле никакого влияния, — Р. Г.) «составление однородного министерства вряд ли принесло бы какую-нибудь пользу».⁹⁸ При этом давалось понять, что раздельность министров удобнее для самодержца, чем их единство («в большинстве случаев оказывается крайне полезным разнообразие в мнениях и направлениях министров»). Но и «отдельность министров», цитировал Коковцов Градовского, имеет свои пределы... Закон может потребовать, чтобы они не расходились в общих целях управления, не уклонялись бы от некоторых общих начал политики, принятой верховной властью».⁹⁹

Записка Коковцова, проникнутая заботой о сохранении основ прежней структуры высших органов власти (утилитарное использование в ней трудов государствоведов, в частности Градовского, было подчинено именно этой цели), стала предметом рассмотрения, когда у царя лежал уже обсужденный 11 февраля проект рескрипта о представительстве, за основу которого высказывался в числе прочих и Коковцов. Очевидно представительство мыслилось таким урезанным, что не должно было повлечь никаких изменений в функционировании правительства.

Собственным видам Витте, выступавшего в качестве противника со-здания представительства, коковцовский проект не так уж противоречил.

Пост председателя Комитета министров, который в коковцовской записке предлагалось превратить в орган, объединяющий министров, был за ним, Витте, а попытки отстранить царя от председательствования в Совете министров при его реформировании были слишком опасным делом. Как бы то ни было, коковцовский проект был для него выгодней, чем точка зрения Победоносцева, который выразил сомнение в целесообразности слияния обоих органов и предложил «оставить Комитет при его функциях „присутственного места для решения некоторых дел“, оккупировав рядом с ним Совет в качестве постоянного учреждения».¹⁰⁰

Тем временем противники Витте справа изображали его перед царем и претендентом на пост президента республики и подстрекателем «всех смут — от конституции до революции», стремящимся «довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки всю власть».¹⁰¹ Приближался день 19 февраля, считавшийся наиболее подходящим для провозглашения «царских милостей» в связи с годовщиной отмены крепостного права, а в то же время и в этой именно связи 19-го ожидалось новые и усиленные массовые выступления. И Николай II опять утвердился в решении сочетать усиление карательных действий с принятием политических мер для умиротворения «благомыслящих». К этому сводились многие полученные им в эти дни рекомендации разных лиц — от приехавшего в Петербург Эд. Нейлина, представителя Парижско-Нидерландского банка, организатора французских кредитов царизму, и других французских кредиторов до начальника Московского охранного отделения Петерсона.¹⁰²

Начал Николай II с того, что вечером 17 февраля издал манифест против «злоумышленных вождей мятежного движения», пытающихся «разрушить существующий государственный строй», с требованием к властям усилить карательные меры и призывом к «благомыслящим людям» о поддержке. Написанный, по словам Витте, «вероятно, одним из столпов черносотенцев» и горячо одобренный Победоносцевым,¹⁰³ манифест явился столь неожиданным для сановников, что они поначалу не обратили внимания на одновременно изданный указ Сенату, который разрешал петиции на высочайшее имя, посвященные «общей пользе и нуждам государственным», и возлагал их рассмотрение на Совет министров.

Большинство министров узнали об изданных актах по дороге в Царское Село, куда они ехали опять обсуждать меры «для успокоения общества». Манифест вызвал у них испуг. Их позиции в вопросе о представительстве определялись все новыми известиями о революционных выступлениях, продолжавшими поступать даже по телефону, когда Булыгин приехал в Царское Село.¹⁰⁴ Министрам удалось преодолеть

¹⁰⁰ К. П. Победоносцев — Э. Ю. Нольде 16 [в начале письма — 17] февраля 1905 г. — Там же, л. 113.

¹⁰¹ 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова). — Красный архив, 1930, т. 2, с. 66—67.

¹⁰² Афанасьев Б. В. Указ. соч., с. 130 и сл.; Меньшиков Л. Охрана и революция. М., 1932, ч. III, с. 172.

¹⁰³ Витте С. Ю. Указ. соч., с. 376; Красный архив, 1926, т. 18, с. 203.

¹⁰⁴ Начало первой русской революции, с. 730—737; Трубецкая О. Н. Указ. соч., с. 308.

⁹⁰ Записка министра финансов В. Н. Коковцова 15 февр. 1905 г. — ЦГА ССРС, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 52.

⁹¹ Там же, л. 47.

⁹² Там же, л. 51.

⁹³ Там же.

упорство царя с помощью дружного и сильного давления на него. Подписанный Николаем II рескрипт на имя Булыгина, самим Булыгиным составленный, провозглашал намерение привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений». Булыгину поручалось председательствовать в особом совещании для разработки этого преобразования, «вся сложность и трудность» которого прямо связывалась с «непременным сохранением неизбылемости основных законов империи». В указанное совещание при Булыгине для разработки проекта, кроме рекомендованного Витте Крыжановского, были введены ближайший сотрудник Витте директор общей канцелярии министра финансов А. И. Путилов, брат Д. Ф. Трепова помощник статс-секретаря А. Ф. Трепов, профессор государственного права И. М. Ивановский и Ф. Д. Самарин, стоявший на правом, славянофильском фланге земского движения и выступавший за сословное представительство.

Это совещание действовало за кулисами, вся же официальная «преобразовательная» деятельность сосредоточивалась, как и до 18 февраля, вокруг вопроса об установлении единства высшего управления. Проект Коковцова по этому поводу, основанный на идее представительства, теперь, после 18 февраля, естественно, получил преимущество перед «Соображениями...». Сочетая стремление сохранить старую систему высшего управления с необходимостью приспособить ее к провозглашенным 18 февраля изменениям, Коковцов сделал к своему проекту дополнения. Помимо включения в компетенцию Совета министров, как того требовал указ Сенату 18 февраля, обсуждения поступавших на царское имя предположений по вопросам государственного устройства, Коковцов предложил теперь предварительное обсуждение в Комитете министров не только законодательных предположений, но и представлений в Государственный совет, связанных с предметами разных ведомств (по действовавшему порядку предлагавший ту или иную меру министр сообщал о ней лишь заинтересованным и деле коллегам и она вносилась в Государственный совет независимо от их мнения). Причем дела, решенные единогласно или большинством голосов, включавшим заинтересованных министров, Коковцов предлагал даже не вносить на царское разрешение.¹⁰⁵ Разумеется, такой проект, ставший основой дальнейшего обсуждения, не мог не привлекать Витте. Подыгрывавший ему Ермолов, как и постоянный его союзник Ламздорф, поддерживал коковцовский проект, похвалив и первоначальные виттевские «Соображения».¹⁰⁶ Хотя подобие кабинета, которое предлагалось в дополненном коковцовском проекте, было весьма отдаленным, он все же несколько затрагивал прерогативы самодержца. Далее Коковцова пошел в этом направлении А. Н. Куломзин, в течение многих лет бывший управляющим делами Комитета, специально приглашенный Витте к участию в совещании. Он предложил

вообще не представлять царю обсуждаемые в Комитете министров требующие законодательного разрешения дела, а вместо этого все их вносить в будущее законосовещательное учреждение, причем оставшиеся в меньшинстве министры, подчинившись большинству, могли бы лишь приложить свое особое мнение.¹⁰⁷ Куломзин объяснил свое предложение стремлением оградить авторитет царя от необходимости предпринятия законодательных вопросов в фазе предварительного их обсуждения, обеспечить свободу мнений министрам и не стеснять будущего законосовещательного учреждения, которое он, вероятно, не случайно, иногда называл и законодательным. При этом Куломзин подчеркивал, что и при новом порядке функционирования Комитета министров возможности царской власти в области высшего управления останутся достаточно большими. Он напоминал, что царь всегда может, созвав Совет министров, «или привести членов Совета к единству, или повелеть министру подчиниться большинству, или же дать свои монаршие указания». (Сохранение в коковцовском проекте раздельного существования Совета и Комитета министров оказывалось и с этой стороны полезным в новых условиях, возникших после 18 февраля). Да и Комитет министров, как это отчетливо представляли себе его реформаторы, отнюдь не вышел бы из царского подчинения. «В памяти моей не изгладились и другие случаи, — писал Куломзин по поводу способа представления царю журналов Комитета, — когда, по поручению Комитета, председатель немедленно же испрашивал личную аудиенцию у его величества для получения монарших указаний без какого-либо журнала. В царствование же императора Александра II было установлено, что председатель Комитета мог являться к его величеству во всякое время без испрошения аудиенции; мне помнятся случаи, когда председатели прямо из заседания Комитета отправлялись к его величеству».¹⁰⁸ Так что и при самом резком расширении формальной самостоятельности Комитета министров практика его функционирования оставалась бы так же, как и раньше, подконтрольной царю через председателя Комитета, который мог на каждом шагу получать царские указания. Тем не менее, насколько неприемлемо было куломзинское развитие коковцовского проекта, стало ясно на следующий день, когда управляющий Министерством юстиции Манухин подверг критике самый этот проект. Не решаясь вовсе исключить голосование в Комитете, Манухин соглашался с непредставлением царю единогласно решенных дел, но возражал против распространения этого на дела, решенные по большинству голосов, включавшему заинтересованных министров. «Такое правило, — писал Манухин, — устанавливает, хотя и в ограниченном виде, начало разрешения дел в Комитете по большинству голосов. Между тем, начало это, отвечающее условиям деятельности кабинета министров в том виде, как он существует в некоторых государствах Западной Европы, не соответствует положению, которое занимают министры в условиях нашего строя».¹⁰⁹ Поставив против

¹⁰⁵ В. Н. Коковцов — Э. Ю. Нольде 2 марта 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, л. 1, л. 116 и сл.

¹⁰⁶ В. Н. Ламздорф — Н. И. Вуичу 11 марта 1905 г.; А. С. Ермолов — Э. Ю. Нольде 15 марта 1905 г. — Там же, л. 136, 178. Ламздорф, впрочем, оговорил, что коковцовский проект не касался вопросов внешней политики, которые оставались в прежнем положении.

¹⁰⁷ А. Н. Куломзин — Э. Ю. Нольде 11 марта 1905 г. — Там же, л. 137—139.

¹⁰⁸ Там же, л. 145.

¹⁰⁹ Замечания управляющего Министерством юстиции сен. Манухина на проект заключения к записке Коковцова... 12 марта 1905 г. — Там же, л. 176.

этих слов знак вопроса, Витте не стал возражать Манухину, очевидно, потому, что и сам выставлял себя противником кабинета по европейскому образцу, да и не видел в Министерстве юстиции конкурировавшего с Комитетом министров органа. Иначе отнесся он к мнению государственного секретаря Искуля, сделав на его письме следующую пометку: «Общие соображения государственного секретаря [етаря] совершенно не разделяю. Он проводит начала не объединения, а разъединения министров. Все это происходит от чиновничьей боязни умалить свое положение как секретаря Гос. совета».¹¹⁰ Действительно, Искуль возражал против обсуждения в Комитете министров законодательных предположений, не только отстаивая законосовещательные права Государственного совета, но и добиваясь в новых условиях «более обширного применения» права Государственного совета возбуждать законодательные вопросы. Он осторожно сослался даже на то, что предстоящий созыв представительства может отразиться на постановлениях о праве законодательной инициативы.¹¹¹ Обсуждение законодательных предположений в Комитете министров до внесения их в Государственный совет устранил в Государственном совете «живой обмен мнений», так как министры будут там связаны решениями, принятыми в Комитете. С еще большей силой, чем против «стремления объединить деятельность в области подготовительной разработки законодательных вопросов», возражал Искуль против коковцовского предложения вносить на царское разрешение дела, по которым заинтересованный министр остался в Комитете в меньшинстве. Позиция Искуля совпадала здесь с позицией Куломзина с той лишь разницей, что Куломзин, по его словам, стремился обеспечить свободу от царского предрешиения будущему законосовещательному учреждению и министрам, а государственный секретарь заботился о свободе суждений в Государственном совете.

Признавая «объединение деятельности министров в административной области безусловно желательным», Искуль предостерегал против рекомендованного коковцовским проектом законодательного закрепления фактически существовавшего порядка, по которому министры обращались в Комитет лишь по делам межведомственного характера, а дела, касающиеся их ведомств, по превышающие их полномочия, сами представляли на решение царю. Таким образом, в этой сфере Искуль готов был расширить права председателя Комитета министров за счет его членов, настаивая на том, что министры относятся по Основным законам не к верховному, а к подчиненному управлению.

Вообще же, возражая против расширения компетенции Комитета министров за счет других высших органов государственного управления, государственный секретарь отмечал, что коковцовский проект превращает в общее правило обсуждение в Комитете министров законодательных мер, вытекающих из указа 12 декабря, этим указом и предусмотренное. Без сомнения, зная, что такой характер придаст указу воспользовавшийся моментом Витте, Искуль предлагал «обождать указаний опыта осуществления этого порядка, прежде чем меру, припоровленную к осо-

бенностям переживаемых нами обстоятельств, узаконить для обычного течения государственной жизни».¹¹²

Итак, возражения против объединения высшего управления связывались с надеждой на изменение «переживаемых обстоятельств» — остановку в развитии революции, возвращение к «обычному течению государственной жизни». На такой позиции по отношению ко всей системе преобразовательных мер стоял, как мы скоро увидим, не один только государственный секретарь.

К 15 апреля Коковцов закончил обстоятельный ответ критикам своего проекта Искулю, Куломзину и Манухину. Связь между объединением высшего управления и предстоящим созывом представительства была здесь выражена уже в предельно ясной форме. «Привлечение к участию в обсуждении проектов законов избранных населением лиц делает объединение министерской деятельности в области законодательных вопросов еще более необходимым и сообщает этой реформе характер неотложности. Было бы едва ли удобно по соображениям общей политики, если бы министры перед лицом собрания, в котором будут участвовать выборные от населения, выступали не в виде объединенного правительства, а в качестве представителей самостоятельных ведомств и занимались взаимной критикой», — предостерегал Коковцов.¹¹³ Независимо от того, какую форму примет представительство, войдут ли выборные в состав Государственного совета или образуют особое собрание, развивал он далее свою мысль, «интересы сохранения престижа правительства требуют, чтобы министры выступали перед выборными как одно целое, поддерживали и защищали перед ними вносимые на их обсуждение от лица правительства проекты, а не давали своими речами материала и повода для критики правительственных предположений и действий».¹¹⁴ И Государственному совету, поучал Коковцов, придется смириться с этим, обойтись «без живого обмена мнений между представителями разных ведомств», о котором так заботился Искуль, и невать «ручательства» достижения «истинной пользы обсуждаемых мероприятий» в «обширности государственных знаний и опыта» назначаемых в него сановников.

По той же причине (невозможности обнаруживать перед законодательным собранием «полный разлад в составе правительства») отвергал Коковцов предложение Куломзина о внесении в законодательное учреждение без царского предрешиения тех вопросов, по которым заинтересованные министры остались в меньшинстве. В то же время он возражал Манухину, который, как мы знаем, наоборот, требовал представления царю и дел, решенных большинством голосов министров. На угрозу образования кабинета по западному образцу, признак которого Манухин усматривал в решении по большинству голосов, Коковцов отвечал, что оно в какой-то мере предусматривалось и действовавшим порядком. «А засим необходимо иметь в виду, — наидательно замечал Коковцов, — что в последнее время в строе нашего государственного управления на-

¹¹⁰ Ю. А. Искуль — С. Ю. Витте 17 марта 1905 г. — Там же, л. 179.

¹¹¹ Там же, л. 159.

¹¹² Там же, л. 160.

¹¹³ В. Н. Коковцов — Э. Ю. Нольде 15 апр. 1905 г. — Там же, л. 210—211.

¹¹⁴ Там же, л. 226.

мечаются такие изменения в виде, например, привлечения к участию в обсуждении законодательных вопросов выборных от населения, которые могут существенно изменить и нынешнее положение в этом строе министров. И весьма вероятно, что последним в зависимости от указанных изменений придется образовать если не кабинет в западноевропейском смысле, то во всяком случае более сплоченное, чем ныне, единение, при котором и мнение большинства должно приобрести несколько больший вес.¹¹⁵

Получалось так, что для ограждения царских prerogatives от действий будущего представительства неизбежно расширение прав министров, объединение их под предлогом противостояния представительству в подобие кабинета. Действительно, и Куломзин, и Исккуль, да и сам Коковцов в конечном счете своими предложениями вели дело к известным ограничениям самодержавной власти. И заверения Куломзина в том, что у царя останутся верные способы обеспечения своей власти, подкрепленные сентенцией Коковцова о переменчивой судьбе государственных учреждений при самодержавном строе («история наших учреждений показывает, с какой быстротой... расширяется и изменяется их компетенция в том направлении, какое представляется наиболее удобным для лиц, стоящих у власти»¹¹⁶), не очень-то меняли дело. И двух месяцев не прошло, как царь согласился на созыв представительства, а министры уже готовились составить кабинет. Так ли рассуждал Николай II, мы не знаем, но на следующий день после коковцовского ответа, 16 апреля, Витте получил царское повеление о прекращении деятельности совещания министров и председателей департаментов Государственного совета, которое всего два раза и успело собраться по поводу «объединения правительства».¹¹⁷ Впрочем приостановка разработки «объединенного правительства» была тесно связана с тем оборотом, который получило дело разработки представительства.

Еще 16 марта Николай II одобрил доклад Булыгина, предназначенный к тому, чтобы вовсе покончить с идеей разработки проекта представительства путем созыва совещания, участия в котором добивались земские и городские организации. Хотя в опубликованном по этому поводу 18 марта правительственным сообщением совещание фигурировало как предстоявшее, да еще с включением в его состав не только чиновников и сановников, но и «общественных представителей», вследствие чего де в нем возможны разногласия, упоминание это было не более чем предлогом для его оттяжки. До совещания, указывалось в сообщении, следует рассмотреть подготовляемый Булыгиным проект в Совете министров, да и булыгинскому министерству вследствие обилия материала нужно побольше времени. В сообщении был назначен срок — не более 2—3 месяцев.¹¹⁸ Однако никаких официальных упоминаний о совещании так больше и не последовало. Но и отмахнуться от идеи совещательного представительства царизм уже не мог, его существование без представительных учреждений становилось немыслимым.

¹¹⁵ Там же, л. 244—245.

¹¹⁶ Там же, л. 285.

¹¹⁷ С. Ю. Витте — Николаю II 20 апр. 1905 г. — Там же, л. 308.

¹¹⁸ Правительственный вестник, 1905, № 62.

III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле 1905 г. в Лондоне под председательством В. И. Ленина, выработал тактическую линию партии в развивавшейся революции. Ленинская книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшая вскоре после съезда, и его решения дали большевикам программу действий, основанную на единственно правильной, подлинно научной оценке характера и движущих сил революции. Главной идеей, на которой была основана эта оценка, была идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. В. И. Ленин и большевики считали, что в революционном процессе пролетариат способен повести за собой крестьянство, оттеснив от руководства либеральную буржуазию. Обосновав союз пролетариата с крестьянством, Ленин провел на съезде призыв к поддержке крестьянского движения под лозунгом конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель, к организации революционных крестьянских комитетов для осуществления захвата и передачи помещичьих земель крестьянам.

В особой резолюции «Об отношении к либералам» съезд, отметив как положительное явление оппозиционность буржуазии, поставил задачу разоблачения антиреволюционного характера политики либералов и их попыток выступать от имени пролетариата.

Большевистской тактике, проникнутой стремлением обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, противостояла тактика меньшевиков. Не веря в союз пролетариата с крестьянством, они отводили руководящую роль в революции буржуазным либералам, считая единственно возможным решение буржуазных задач.

Проблема созыва представительства, стоявшая в центре внимания как либерального лагеря, так и правых кругов и бюрократической среды, оживленно обсуждалась в печати различных направлений. По сведениям ведомственного обзора печати,¹ «довольно единообразные мнения» высказывались по поводу необходимости одновременно с открытием представительства законодательно установить свободу личности, слова и т. п. Против самой идеи представительства выступал лишь «Гражданин» В. П. Мещерского, на худой конец, впрочем, соглашавшийся на его созыв при условии проведения выборов по сословиям и многостепенным порядком. Все остальные газеты были единодушны в признании необходимости скорейшего открытия булыгинского совещания и созыва выборных, но

¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 197—198.

расходились между собой по поводу законосовещательного или законодательного характера представительства и способа выборов. Такие газеты, как «Новое время», «Киевлянин», «Слово», стояли за законосовещательный, а органы типа «Право», «Русская мысль», «Русь» — за законодательный характер. «Большая часть печати, — говорилось в упомянутом обзоре печати, — склоняется к установлению всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, но некоторые издания выставляют эту систему лишь как идеал будущего устройства представительного правления и в виде уступки современным условиям нашего государства высказываются за необходимость введения разных цензов, применительно к существующим организациям, и многостепенных способов избрания. Более консервативная часть печати стоит за необходимость производства выборов по существующим общественным организациям, способами, установленными долговременной практикой, доказывая, что всеобщая подача голосов, без определения какого-либо имущественного ценза и лишь по территориальным округам, даст возможность проникнуть в сферу выборов нежелательным элементам беспочвенной, космополитической интеллигенции, совершенно незнакомой с действительными потребностями страны, но благодаря внешним способностям, могущей воздействовать на народные массы путем ложных неисполнимых обещаний».² Как видим, радикализм либеральной оппозиции и буржуазной печати представлялся властям не таким уж пугающим, а консервативное содержание их платформ — вполне достаточным, при том что крайности самодержавной идеологии не встречали в тот момент сколько-нибудь значительной поддержки.

Земские организации, не понимая, что царь принял решение сорвать сомы обещанного роскриптом широкого по составу совещания для обсуждения основ представительства, активно добивались допуска своих представителей и его состав.³ Опубликованный в начале апреля проект шиповского земского меньшинства рассматривал представительство как совместное с самодержавием и предлагал созыв его в форме замены выборными личного состава Государственного совета с превращением его в законосовещательный Государственный земский совет с правом законодательной инициативы и запросов министрам, ответственным, однако, перед царем. Тем не менее в двенадцатых числах апреля на совещании земцев в Москве была принята требование всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для избрания, кроме одной палаты из представителей реорганизованных органов местного самоуправления, другой палаты на началах их полного равноправия.⁴ Николай II тем временем получал все новые строгие предупреждения и предостережения, смысл которых сводился к тому, что революция нарастает, и потому вовсе отказываться от проведения преобразований невозможно. «Для спасения Вас, государь, и для избавления страны от ужасов и пролития массы крови необходимо сдвинуть возмешенное нам 18 февраля с мертвой точки... Возбужденный

вопрос представляется вопросом жизни и смерти», — писал ему Клопов. Затем он сравнил «переживаемое Россией духовное настроение» с «паровиком, переполненным паром, который еще подтапливают», и заявил, что «такой паровик по физическим законам, если не будет открыт клапан, должен взорваться».⁵

Царь и сам понимал, что обойтись вовсе без представительства теперь не удастся, но пытался свести к минимуму его права и принять такую избирательную систему, которая бы придала ему по возможности «благонадежный» характер. Осуществить все это он хотел силами бюрократии, без участия общественности. Около полутора десятков «предположений частных лиц» о характере представительства, взятые Булыгиным и его помощниками в качестве источника для определения полномочий и способа избрания будущего представительства, очерчивали пределы допустимого.⁶ Все проекты имели своей основой чисто законосовещательные и притом узко трактуемые функции представительства, некоторые из проектов были направлены в сущности на то, чтобы вообще не допустить его созыва. Ряд предположений относительно способа выборов предусматривал их производство по сословиям. Цель «сословников» состояла, по их собственным словам, в том, чтобы предотвратить «постепенную демократизацию выборов», урезать представительство трудящихся, «бесформенной массы, где большинство всегда на стороне наименее развитых и самостоятельных», и обеспечить господство «представителям высших слоев общества», «фабрикантам или крупным землевладельцам», «представителям церкви, науки и магистратуры». Но в нескольких других проектах сословный принцип при всей его привлекательности ставился под сомнение, поскольку сословная обособленность, не взирая на проникнутое духом сословности законодательство, была основательно нарушена процессом экономического развития страны. Одна из причин, по которым отвергался сословный принцип, состояла в том, что при строгом его соблюдении крестьянские представители, которых оказалось бы почти в 100 раз больше, чем дворянских, сейчас же потребовали бы перехода к крестьянам помещичьих земель. А давать землю крестьянам не собирався ни один из авторов проектов, даже тот, который призывал победить «партию беспорядка» с помощью «идеала крестьянского царя». Однако использование монархических иллюзий крестьянства представлялось тем, кто на них надеялся, делом нелепым и неверным.

Противники сословных выборов предлагали для обеспечения близкого самодержавию классового состава будущего представительства применить систему имущественных цензов, причем установить ограничение представительства «низших классов», а не «предоставление численного превосходства отдельным классам, напр., дворянскому или купеческому»⁷ (второй способ, как ожидалось, мог привести к возникновению «пререканий» и «агитации»).

В «Соображениях» министра внутренних дел об осуществлении роскрипта, документе, который составили Булыгин и его сотрудники в рас-

² Там же.

³ См.: Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 296; На журнале заседаний комиссии о ходатайствах Петербургского губернского земства 23 марта 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 344.

⁴ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом, с. 310—312.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 4099, оп. 1, д. 9, л. 31—32, 35.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 419 и сл.

⁷ Там же, л. 483 и сл.

чете как на царя, так и на опубликование,⁸ неприятная Николаю II перспектива была несколько приукрашена при помощи исторического экскурса, предпринятого для доказательства того, что намечаемые преобразования обеспечат и «неразрывность крепкой исторической связи с прошлым», и «незыблемость» обеспечивающих самодержавный характер царской власти Основных законов. История представительных учреждений в России была здесь изложена таким образом, что исконные допетровские начала государственной жизни оказывались неразрывно связанными с участием выборных в законодательстве. В записке подчеркивалось, что самый законодательный акт, лежавший в основе Полного собрания законов, — Уложение царя Алексея Михайловича — был принят при участии выборных, которые составляли как бы низшую законосовещательную палату. Затем указывалось, что идея представительства присутствовала в той или иной форме во внутренней политике всех царствований, за исключением времени Петра и Николая I. Содержались и ссылки на недавние меры — образование в составе министерств (Земледелия и государственных имуществ и Внутренних дел) советов сельско-хозяйственного и по делам местного хозяйства из местных представителей, а также на утвержденное Николаем II 8 февраля Положение Комитета министров, которым в состав особых совещаний для пересмотра земского и городского положений включались избранные земскими собраниями и городскими думами представители. Этот акт царя был представлен как «дальнейшее развитие», данное «участию населения в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» еще до рескрипта 18 февраля.

Политические соображения, вызвавшие к жизни рескрипт и состоявшие в том, чтобы организацией представительства удовлетворить «благонамеренных», противопоставив их массовому движению и революционной социал-демократии, были здесь выражены в нарочито туманной фразе о «необходимости ввести в законное русло проявления назревшей в обществе потребности принять участие в делах законодательства». Вроде, чуть ниже прямо было сказано, что с этой потребностью «так или иначе нельзя не считаться правительству». С этих позиций Булыгин отвергал такие минимальные формы представительства, как сведение его и обсуждения законодательных предположений в совещательных учреждениях на местах или при министерствах. Неприемлемым оказывалось и уподобленное земским соборам XVI и XVII вв. совещательное учреждение, собираемое по особым случаям для рассмотрения тех или иных законодательных предположений. Отвергнув таким образом наиболее ограничительные проекты, Булыгин высказывался за ту форму представительства, которую предполагалось осуществить при Александре II — участие лиц, избранных населением на более или менее продолжительный срок, в обсуждении всех законодательных предположений. «Разномыслие», существовавшее «в политическом отношении» по поводу введе-

ния выборных в какой-либо форме в состав Государственного совета или же образования из них особого собрания Булыгин разрешал на основе пространных рассуждений, поскольку вопрос этот, — создавать ли «два, построенные на разных началах законосовещательные установления: одно — из лиц выборных, считающих себя как бы представителями населения, другое из чиновников, зависящих от правительства», — таил в себе угрозу «подобия существующих на Западе двухпалатного строю законодательных учреждений».

План Булыгина состоял в том, чтобы создать для правительственной власти возможность лавирования между двумя законосовещательными учреждениями («предположение, отклоненное одним учреждением... принято будет другим»). «Наличность двух законосовещательных учреждений» Булыгин считал «особенно полезною», поскольку они будут оказывать «одно на другое сдерживающее влияние». Расчет при этом был на то, что разницы «классовых интересов», существующей между палатами на Западе, в России не будет. Члены Государственного совета, не проявляя крайностей консерватизма, «при обширной их опытности и равновесии взглядов» станут отвергать решения собрания выборных лишь в крайних случаях, а собрание это не проявит «стремлений вступить в борьбу с правительством на почве политических прав». «Подобного рода стремления» в «Соображениях» объявлялись не свойственными русскому национальному характеру, и тезис этот подкреплялся перекликавшимся с шиповскими земско-славянофильскими идеями историческим экскурсом на тему о том, что «идея властного участия народа в делах верховного управления» чужда русскому народу, подавляющая масса которого только проникнута верностью царю как «носителю всей полноты государственной власти». Однако истинную цену этих рассуждений показывало тут же выдвинутое для обеспечения благонамеренности Государственной думы (этим термином было здесь названо собрание выборных) требование «правильной постановки выборов» и вообще «особой осторожности к устройству и постановке деятельности подобного учреждения». Этому-то требованию и был подчинен булыгинский проект.

Главным было здесь всемерно закрепить ограничение компетенции Думы чисто совещательными функциями. Оно достигалось не только тем, что Дума должна была стать нижней палатой по отношению к Государственному совету, также не имевшему, как известно, законодательного права, но и прежде всего сохранением этого права только за царем. В качестве либеральной меры предлагалось представлять царю как законодательные предположения, прошедшие через Думу и Государственный совет, так и заключения Думы, отвергнутые Государственным советом. Но тут же предлагалось «присвоить суждениям Государственного совета более существенное, чем ныне, значение» — дать ему право возвращать Думе дела для пересмотра с возможностью для нее остаться после вторичного рассмотрения при своем мнении и не представлять царю предположений, отклоненных и Думой и Государственным советом. Общая неясность в российском законодательстве понятий закона и административного распоряжения, «отсутствие резкого отличия» между ними, как признавалось в булыгинских «Соображениях», приводили к тому, что вопросы, по существу своему требовавшие разрешения в законодатель-

⁸ См.: Материалы по учреждению Государственной думы. 1905 г. [СПб., 1905], с. 61 и сл. О ходе обсуждения булыгинского проекта см.: Гальперин Г. Б. К вопросу об истории возникновения Государственной думы (Булыгинской думы). — Учен. зап. Казан. ун-та. юрид. н.-та, 1939, вып. 1, с. 44 и сл.

ном порядке, решались царем по представлениям административных учреждений Комитета и Совета министров и даже отдельных министров. Дело было не в юридических дефинициях, признавал Булыгин в дополнительном документе, «исчерпывающее разрешение» одного из «труднейших вопросов государственного права» было «ярид ли даже и возможно потому, что все акты государственной власти, при нашем ее строе, имеют один и тот же источник и одинаковую в конце концов силу».⁹

Только что закрыл Николай II виттовское совещание по поводу объединения деятельности министров, как вопрос этот опять возник перед ним, поднятый Булыгиным в дополнительных «Соображениях» в связи с предоставлением законосовещательных прав Думе. Существующий порядок, при котором министр вносит предположение в Государственный совет, рассуждал Булыгин, хорош ввиду «близости служебного положения, связующей членов Государственного совета и министров как бы в одно целое», а также потому, что разногласия в Государственном совете не выходят из его стен «и не дают оснований к превратным толкам». Иное дело Дума. И хотя в дополнительных «Соображениях» разница между членами Государственного совета и Думы сведена, в частности, к «степени умственного развития», на самом деле в них было ясно выражено опасение того, что межведомственная борьба перенесется в Думу, поставив ее «в положение как бы судьи между министрами», да еще при гласности ее заседаний. Выход усматривался в рассмотрении законодательных предположений до внесения их в Думу в Совете министров. Дело как бы вернулось к той отчаянной записке, которой Витте из последних сил пытался добиться разрешения царя на осуществление объединения министров по проекту Коковцова, прельщая Николая II тем, что главное будет входить в компетенцию Совета министров под его, царя, председательством...

Как ни заманчиво было для Булыгина «по соображениям государственной пользы» лишить Думу права рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, сохранив его лишь за Государственным советом, а Думе сообщать росписи после этого лишь для общих суждений, он предпочел другой путь. Дело заключалось не только в том, что такое ограничение должно было вызвать недовольство плательщиков налогов, «подрывающее надежду на постепенное успокоение страны с призывом набранных от населения лиц», но и в намерении предотвратить возможность общих отрицательных заключений Думы «о всей росписи и даже о всей финансовой политике государства», связав думцев «соглашениями об именовании тех или иных частных назначений росписи» в ходе ее рассмотрения. Для этого была предложена такая регламентированная процедура обсуждения росписи как в Думе, так и в Государственном совете, при которой обсуждение «примет, по преимуществу, характер выяснения некоторых спорных вопросов и сомнений по немногим сметным назначениям».

Никак невозможно было лишить будущую Думу и права законодательного починка. Указ 18 февраля с неизбежностью вел к этому: отка-

⁹ Соображения министра внутренних дел по некоторым вопросам, возникающим при осуществлении высочайших предубаждений, возмещенных и раскритиче-
18 февраля 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 210.

зать членам Думы в том праве, которое признавал указ за частными лицами, было невозможно. Оставалось обставить это право «известными условиями».

Нельзя было лишить Думу и права запросов министрам о нарушениях закона. Булыгину оставалось и это ее право обставить «известными условиями», обеспечивающими «достаточную осторожность в пользовании членами Государственной думы предоставляемыми им полномочиями». Но главную свою надежду Булыгин возлагал здесь на оставшиеся в руках царя исключительное право назначения и увольнения министров, благодаря чему, считал он, думское право запроса (он избегал этого слова) «не будет иметь ничего общего» с правом интерpellации в западно-европейских парламентах. Однако при всем лимитировании прав Думы «едва ли не самым важным вопросом предстоящего преобразования» представлялось Булыгину регулирование ее состава путем «правильной постановки» выборов, рассмотренной поэтому «с особой подробностью». Прежде всего лишались права избирать и быть избранными в Думу «кочевые и бродячие инородцы, жители Финляндии (ввиду наличия Финляндского сейма) и евреи (до намечавшегося в ближайшем будущем обсуждения всех ограничительных по отношению к ним прав)».

Булыгин отвергал сословный принцип организации выборов, хотя в «Соображениях» и отмечалось, что он «как бы предудказывается всем историческим прошлым России».

Заимствуя аргументацию соответствующих проектов, Булыгин приходил к сделанному в них заключению о том, что сословная система выборов приведет к нежелательному преобладанию в Думе крестьянских депутатов. На искусственное же регулирование крестьянского представительства по сравнению с дворянским (оно должно было состоять в сокращении крестьянского и увеличении дворянского представительства в десятки раз по сравнению с действительным соотношением численности этих сословий) Булыгин не решался.

Всеобщие, равные и прямые выборы (прямые считались неразрывно связанными со всеобщими) Булыгин отвергал, прямо заявляя, что они привели бы к образованию Думы «исключительно почти из представителей низших слоев населения». Феодально-крепостническая природа царизма сказалась в том, что при упоминании о таких выборах составители «Соображений» испытывали страх и перед буржуазным влиянием — «сильным давлением фабрикантов, торговцев и других экономически влиятельных лиц». Но стремление всемерно оградить Думу от представителей трудящихся доминировало. Его классовый характер был прикрыт ссылками на ученые авторитеты, считающие, что при всеобщем избирательном праве побеждает «собирательная посредственность», рассуждениями о том, что «при широком распространении избирательного права умственный уровень избираемых непременно понижается» и т. п. Однако флёр интеллектуализма спадал, как только в качестве способов обеспечения в Думе духа «правильного консерватизма» был назван имущественный ценз для создания в ней «более или менее значительного числа собственников, интересы которых больно задеваются всяким нарушением спокойного течения общественной жизни».

Для обладателей крупных земельных цензов, например превышающих десятикратный размер нормального, предлагалось ввести особые группы в составе съездов уездных избирателей, с тем чтобы компенсировать «значительное численное их меньшинство» и добиться расширенного представительства в Думе «интересов крупного владения».

Вообще политический курс, если проследить его по всей системе имевших общегосударственное значение законодательных актов этого времени, сочетал в себе элементы приспособления к намеченным преобразованиям, в частности стоявшие в связи с реализацией указа 12 декабря, с организационным и юридическим обеспечением карательных действий и мер. Так, в области национальных и религиозных прав были утверждены царем разработанные Комитетом министров в осуществление указа 12 декабря отмена ограничений на издание св. писания на украинском языке, предоставление полякам права покупки и аренды земли в 9 западных губерниях с отменой там некоторых стеснительных мер при употреблении местных языков. Во изменение некоторых частей цензурного устава право прекращения повременных изданий, ранее принадлежавшее министрам внутренних дел, народного просвещения и юстиции, а также обер-прокурору Синода, было предоставлено Первому департаменту Сената по представлению министра внутренних дел. Провозглашено было введение земства в Сибири и издан указ о веротерпимости, которым разрешался переход на православия в другое христианское вероучение и отменен ряд запретов и ограничений для старообрядцев и сектантов.¹⁰ И, наконец, чтобы дополнить военно-карательные меры в деревне (против февральско-мартовских крестьянских восстаний применялась даже артиллерия)¹¹ внесением колебаний и раскола в среду участников крестьянского движения, были объявлены облегчения по уплате продовольственных и семенных долгов, особенно семьям солдат действующей армии. В качестве меры, предназначенной к улучшению положения крестьян, было преподнесено и образование для руководства всем земельным и переселенческим делом особого органа из министров двора, внутренних дел и юстиции, государственного контролера и главноуправляющего землеустройством и земледелием, а также назначаемых царем членов — Комитета по земельным делам. При этом Министерство земледелия и государственных имуществ преобразовывалось в Главное управление землеустройства и земледелия с присоединением к нему переселенческого управления МВД.

Однако указом 10 апреля была установлена строжайшая имущественная ответственность участников крестьянских выступлений за разгром помещичьей собственности, причем взыскание могло быть обращено на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских обществ, призванных ответственными. Ввиду разрабатывавшихся государственных реформ и для того чтобы противопоставить будущей Думе усиление военно-карательной функции царизма, было провозгла-

шено создание Совета государственной обороны, а главное — подведено подобие юридической базы под диктаторские полномочия Трепова.

Новое возвышение Трепова произошло следующим образом. Став министром внутренних дел, Мирский, желая снять с себя одним заведованием полицией, добился возложения этой обязанности на товарища министра, командовавшего корпусом жандармов. Теперь, сразу же после того как 21 мая этот пост занял Трепов, было признано «по обстоятельствам времени необходимым» подчинить ему и все центральные и местные учреждения МВД, выполнявшие сыскные и карательные функции, включая Департамент полиции, с предоставлением ему прав министра. «В сущности Трепов сделался — впрочем, он и ранее был — негласным диктатором. Почтеннейший министр внутренних дел Булыгин являлся лишь ширмой: он занимался всеми спокойными делами, а все беспокойные дела находились в полном произвольном распоряжении генерала Трепова, а так как в то время вся Россия была в беспокойном состоянии, то из этого очевидно, что роль министра внутренних дел Булыгина была совершенно ступешана», — писал Витте, отметил в другом месте, что разработка государственных преобразований оставалась для Булыгина чуть ли не единственным его делом.¹²

Завершение рассмотренного нами ряда законодательных мер произошло уже после Цусимы, которая, как отметил Б. А. Романов, «в русский язык вошла нарицательным именем». После цусимской катастрофы, разразившейся 14—15 мая, царю предстояло не только решать вопрос о мире, ибо «продолжение войны было безумием с точки зрения судеб самой романовской династии»,¹³ но и искать выхода из кризисной ситуации, образовавшейся в сфере внутренней политики, где опасные последствия цусимского поражения были неисчислимы. 27 мая 1905 г. в статье «Разгром» в газете «Пролетарий» В. И. Ленин писал: «Все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самодушие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которой (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных „благоразумных“ уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев „шиповского“ направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское „Новое Время“».¹⁴

Общий радикальный послецусимский настрой на майском съезде представителей земств, городов и дворянских обществ сочетался с упорным стремлением шиповцев добиваться «доброжелательного соглашения» с царизмом, избегать «проявлений политической борьбы» с ним. Под их

¹⁰ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Яковлевского. СПб., 1907, с. 33—78. См. также: Зырянов П. П. Православная церковь в борьбе с первой русской революцией. — Исторические записки, 1975, т. 95.

¹¹ Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975, с. 107 и сл.

¹² Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 388, 350.

¹³ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955, с. 409—410.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 252—253.

давлением было отвергнуто требование всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. Даже самые радикальные высказывания на съезде в пользу обращения к царю с требованием созыва представительства на основе более широкой, чем булыгинская, были пронизаны страхом перед революцией и монархической лояльностью. Так, Ф. И. Родичев, в самых резких выраженных клеймивший полицейскую диктатуру, отделил царя от советников («Государь не может ошибаться, ошибаются советники» — этот «постулат английской конституции» был как бы девизом съезда) и, объявляя обращение к царю бессмысленным, тут же обращался к нему с упреком: «Вы издали манифест, называя нас крамольниками. Но мы — крамольники, господа; наоборот, нашими руками крамола исчезнет, что мы с крамолой боремся...».¹⁵

И эти же майские дни «освобожденцы» создали во главе с П. Н. Миллюковым «Союз союзов» — объединение лиц интеллигентных профессий, выдвинувшее требование Учредительного собрания, которое покончило бы с войной и господствовавшим политическим режимом. Однако главной чертой посленисурского политического положения в стране явилась поднимавшаяся 1 мая и с тех пор так и не прекращавшаяся волна рабочих забастовок. Свыше 200 тыс. забастовщиков в 200 городах России выступили в течение мая, демонстрируя громадный рост пролетарского движения. Аногдем его явилась в этот период продолжавшаяся в июне грандиозная стачка в Иваново-Вознесенском промышленном районе, в ходе которой революционным творчеством масс был создан первый Совет уполномоченных.

Смещение и новые страхи «наверху» в результате всех этих событий привели, вероятно, к тому, что, препровождая 23 мая на рассмотрение Совета министров булыгинские «Соображения», царь присовокупил к ним проекты манифестов и указов о немедленном созыве выборных для решения вопроса о продолжении войны и других срочных дел, необходимых для подавления революции. Совет министров сразу же отверг мысль о созыве выборных с этой специальной целью ввиду «возможности попыток самовольного продления ими своих полномочий и занятий затем вне всякого контроля правительства, их собравшего».¹⁶ «Совершенно невозможным» объявил Совет министров и решение вопроса о мире Земским собором. Лишь «для вящего закрепления» условий мирного договора допускалось собрание министров, членов Государственного совета и сенаторов, а также губернских предводителей дворянства, председателей земских управ и биржевых комитетов, городских голов.

Признав булыгинский проект способствующим «охранению незыблемости Основных законов», Совет министров одобрил две его посылки — «особое внимание» ко «всей системе выборов» и предоставление Думе «возможно широких прав», чтобы не делать их «предметом домогательства». Но, продолжая линию на ограничение реформаторства, он оговорил право царя на роспуск Думы до истечения пятилетнего срока ее

полномочий, а также нераспространение думского права законодательного почина на законы об основных началах государственного устройства. Признавалось желательным запретить Думе касаться и закона о ее собственном статусе (так называемого Учреждения Государственной думы), но от этого пришлось все же отказаться.

Одобрив булыгинскую избирательную систему, Совет министров, вопреки булыгинским предложениям, решил «по соображениям политической осторожности» предоставить право избирать и быть избранным евреям. Расчет при этом был на то, что при установленном булыгинским проектом имущественном цензе «от участия в выборах будет фактически отстранена вся главная масса еврейства — его пролетариат», а несколько представителей имущих слоев еврейского населения будут в Думе неопасны.¹⁷ В то же время было уменьшено представительство национальных окраин.

Вводимый имущественный ценз практически лишил избирательного права весь рабочий класс страны. Вите выражал по этому поводу опасения. Но Совет министров, признав, что предоставление права голоса рабочим означало бы введение всеобщего избирательного права, которое, «по условиям времени», невозможно, «принял на вид», что при пересмотре фабрично-заводского законодательства министры финансов и внутренних дел позаботятся «об устройстве рабочих организаций» зубатовско-гапоновского типа, которые могли бы использоваться и для выборов.¹⁸

В отличие от рабочего, крестьянское представительство, как мы знаем, булыгинскими «Соображениями» предусматривалось, но по поводу размеров его Совет министров пришел в полное смятение. Председательствовавший Сольский и 17 членов Совета были против «принятия мер к искусственному привлечению» крестьян в Думу. Они считали, что булыгинский проект приведет к избранию крестьян «в весьма крупном числе», но, «не довольствуясь этим», по специальному представлению Булыгина, решили еще несколько увеличить крестьянское представительство путем причисления к разряду городских избирателей владельцев расположенных в уездах торгово-промышленных заведений.¹⁹ Однако два члена Совета министров — Глазов и государственный контролер Лобко — считали все это недостаточным и, чтобы предотвратить избрание крестьянами представителей других сословий, требовали установления правил, по которому губернское избирательное собрание избирало бы в Думу представителей каждого из трех разрядов избирателей — частных землевладельцев, городских избирателей и надельных крестьян.²⁰ Возражая против этого (как осуществления в скрытой форме сословной системы выборов), Булыгин отмечал, что, «всеполо» этой системе «сочувствуя», он вынужден считаться с «неприменимостью ее в общественных условиях современной России». «Тем менее возможно применить это начало в форме скрытой и притом по отношению к одному

¹⁵ Освобождение, 1905, № 73, с. 403—404.

¹⁶ Мемория Совета министров по делу о порядке осуществления высочайших предубаждений, вознесенных в рескрипте 18 февраля 1905 г. — В кн.: Материалы по учреждению Государственной думы, с. 2.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Там же, с. 43.

¹⁹ Там же, с. 53, 50.

²⁰ Там же, с. 52.

лишь крестьянскому сословию без соответственного обеспечения в Думе интересов помещичьего дворянства», — писал Булыгин, подчеркивая недопустимость какого-либо ущерба этим интересам, «всегда и неизменно признававшимся за ним правительством».²¹ Однако и ограниченного сословного представительства, т. е. упоминавшейся в Совете министров возможности для крестьян «избирать своими представителями лиц других сословий», Булыгин не одобрял, так как они «будут по необходимости вносить в дело свои воззрения и свое понимание его». Здесь следует отметить, что и Лобко с Глазовым, наобравшая свою позицию как обусловленную полным доверием к крестьянству, на самом деле не менее, чем все остальные, боялись революционизирования его рядов. Именно этим и объяснялись их опасения, что крестьяне отдадут свой голос представителям революционно-демократических кругов, облеченные в форму туманных рассуждений о «неясном понимании крестьянами собственных интересов» и «давлении различных влияний». Булыгин был в этом отношении гораздо откровеннее, прямо опасаясь революционных влияний, исходящих из самой крестьянской среды. «Нельзя не принять во внимание, что и без всяких мер искусственного привлечения в состав Думы членов от крестьянского сословия, число их в естественном порядке вещей должно быть весьма значительным. И если при существующем распределении имущественных цензов и надлежит чего-либо опасаться, то отнюдь не недостатка крестьян в составе Государственной думы, а, наоборот, поглощения ими лиц, набранных остальными разрядами населения», — писал он, подчеркнув последнюю фразу.²²

Все усугублявшийся страх перед революционизированным крестьянством и упорное цепляние за веру в крестьянский цезаризм не могли пересилить друг друга. И вопрос об избрании депутатов от каждого из разрядов остался в числе несогласованных.

Обсуждение булыгинского проекта в Совете министров заняло весь июнь (оно началось 26 мая и завершилось 28 июня). Между тем политические затруднения (как внешние, так и внутренние) приобретали для царства все более острый характер. 29 июня принявшему решение о мирных переговорах Николаю II пришлось назначить втихомолку торжественно Витте своим главноуполномоченным на этих переговорах. Подавление революционного движения в течение июня в Варшаве, Иваново-Вознесенске, Лодзи, Одессе, на Кавказе и в других местах проводилось со все более широким применением военной силы. Но, как отмечалось в специальной записке, составленной позже по распоряжению Витте для изображения в пужном ему виде событий 1905 г., «так называемая буржуазная публика» и «значительная часть» всех вообще правящих слоев именно в этот момент начала приходить к убеждению, что даже «ценою пролития рек крови» подавить массовое рабочее и крестьянское движение не удастся. Если раньше упования на «огромную военную силу» царизма в сочетании с уверенностью в том, что крестьяне

«действовали не вполне сознательно, под влиянием сторонней агитации» и что ни они, ни рабочие «не обладали твердой организацией», подавали надежду, «что в тот день, когда неорганизованная сила мятежа столкнется с правильно организованным отпором правительства, мятеж будет подавлен», то теперь «мнение о слабости правительства укрепилось все более».²³ Независимо от того, понималась ли здесь под «буржуазной публикой» и либеральная оппозиция, в этой среде Цусима, как мы уже говорили, получила глубокий отклик. Характеризуя его, автор уже цитированной нами записки добавлял к Цусиме в качестве причины торжества «крайних» над «умеренными» «среди либеральных партий» еще и задержку с созывом народного представительства. Требование немедленного его созыва и составило основное содержание петиционной кампании, в широчайших размерах развернувшейся в июне.

Центральным событием этой кампании явился пресловутый адрес уже упоминавшегося майского земского съезда. В обстановке острых противоречий между «конституционалистами» и шиповцами был принят текст адреса, в котором для преодоления «великой опасности для России и самого престола», грозящей не столько напав, сколько от «внутренней усобицы», предлагалось «без замедления созвать народных представителей». Им предстояло «в согласии» с царем решить вопрос о мире и установить «обновленный государственный строй». Идя навстречу шиповцам, составитель адреса С. Н. Трубецкой и другие приняли меры к тому, чтобы сгладить в тексте острые места. Они не решились оставить слова о всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании, заменив их формулой об избрании представителей «равно и без различия всеми подданными».²⁴

Прием депутации царю 6 июня был попыткой Трепова и других окружавших трон сановников получить для царства политическую поддержку со стороны «благонамеренной» оппозиции. Двор согласился даже на участие в депутации И. И. Петрункевича и Ф. И. Родичева, считавшихся «неблагонадежными» (впрочем, и сам С. Н. Трубецкой, назначенный депутатом для обращения с адресом к царю, состоял под следствием по обвинению в государственном преступлении). А тот же Трубецкой поспешил поблагодарить царя за то, что он не смешивает либералов с крамольниками. Царь заявил о непреклонности своего решения созвать народных представителей, а членов депутации объявил своими помощниками. Царица атмосфера обоюдного удовольствия, и по инициативе Трепова уже завязались были переговоры о назначении С. Н. Трубецкого министром народного просвещения. Но вскоре разразился скандал по поводу правки текста царской речи перед ее опубликованием. А затем после приема петербургского и московского предводителей дворянства, поддержавших адрес 6 июня, царь принял две делегации правых, которым пообещал, что все будет «по старине».²⁵

²³ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 934, ч. 1, л. 29. Часть цитированного текста записки вычеркнута.

²⁴ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

²⁵ Освобождение, 1905, № 75, с. 432; № 76, с. 462; Трубецкая О. Из пережитого. — Современные записки. (Париж, 1938), т. 65, с. 207; Макалов В. Власть и общественность на закате старой России. [Париж, 1936], т. 1, с. 378—379.

²¹ Сводка министра внутренних дел о размерах имущественного ценза для выбора членов Государственной думы и о распределении избирателей по разрядам [по ранее 6 июня 1905 г.]. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 365—366.

²² Там же, л. 367.

Между тем 15 июня съезд представителей городов в сущности осудил булыгинский проект как не отвечающий требованиям либеральной оппозиции, а правое крыло земско-дворянской общественности выражало недовольство выступлением петербургского и московского предводителей дворянства перед царем, считая его излишне резким.

Но это были противоречия в «верхах» оппозиционно-либерального движения, а процесс полевения мелкобуржуазной массы, непролетарских слоев населения, разумеется, тесно связанный с ростом революционной борьбы пролетариата, шел своим ходом, отражаясь, в частности, в петиционной кампании. Она характеризовалась не только радикализацией, но и широкой распространенностью требований к правительству, выходявших за либеральные рамки и носивших в сущности общедемократический характер. Ее специфической чертой, которая, с одной стороны, обуславливала эти ее свойства, а с другой — делала поток ходатайств крайне опасным для режима в его собственных глазах, была ее полная легальность. Сколько ни пытался Совет министров истолковать в диквизиционно-ограничительном смысле указ 18 февраля, он не мог не считаться с тем, что отменить установленное указом право петиций невозможно. Предложенное же министрами в марте в качестве привычной наващен усиление репрессий к июню осуществлять становилось все труднее, особенно против политических выступлений, облеченных в не отвечающую от легальности формы. Как указывали крестьяне с. Бровнича Новомышловского уезда Черниговской губернии в своем обращении, названном ими «всенароднейшим докладом», они и после указа боялись из-за репрессий высказываться по политическим вопросам, но затем под влиянием событий все же заговорили о них.²⁶ Приходилось поэтому наряду с принятием мер к прекращению петиционного потока систематизировать ходатайства, даже носившие характер требований, и в какой-то мере принимать их во внимание.

Разумеется, когда постановление о немедленном созыве Учредительного собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования принимало Кириачское общество трезвости Владимирской губернии, а Кириачская городская дума, поддержав депутацию 6 июня, требовала отмены положений об усиленной охране, цензуры, предоставления гражданских свобод, пропеходившее выглядело в глазах царской власти светопреставлением, наносило невероятный урон престижу ее самодержавности. Между тем факты такого рода следовали один за другим. Остерское земское собрание избрало комиссию «для выработки предполагаемых реформ государственного управления и улучшения народного благосостояния», которая «постановила послать в Совет министров свое мнение по поводу компетенции проектируемого органа высшего государственного управления», возражая против ограничения функций представительства законосовещательными и сохранения Государственного совета на старой, исключительно назначенской основе. Законодательного представительства требовало и Диканьское сельскохозяйственное общество, объявляя его «единственным способом» преодоления «состояния крайнего неблагополучия», в котором находится государство. Енюков-

ская (Череповецкий уезд Новгородской губернии) сельская пожарная дружина требовала не только созыва представительства, но и гласности в его работе с установлением свободы печати. А члены общества Пермской бесплатной народной библиотеки, постановив, «что бесправие бесплатной библиотеки и ее совета не составляет исключения, а является следствием общих ненормальных правовых условий жизни в России», заявили о «неотложности изменения существующего строя» и потребовали немедленного созыва Учредительного собрания на основе четырехости, прекращения ненужной войны, начатой помимо воли народа, предоставления гражданских свобод, объявления амнистии арестованным за политические преступления и опубликования своего постановления в печати.²⁷

Выдвижение подобным образом требований общегосударственного значения выглядело комичным лишь на первый взгляд, так как о невозможности дальнейшего функционирования без проведения политических преобразований заявляли и городские думы, составлявшие важный элемент системы управления. Заявления эти совпадали по содержанию с программными записками крупной предпринимательской буржуазии. Так в проекте «политической и экономической программы русских торговцев и промышленников», выработанном 24—25 июня в кружке промышленников, группировавшемся вокруг конторы железозаводчиков, указывалось, что они не видят «в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни» против «народных возмущений». «Прочный правопорядок», которого они требовали, предполагал двухпалатное представительство с правом решающего голоса.²⁸

Разумеется, при определении классового состава той среды, из которой эти петиции исходили, следует иметь в виду, что хотя представители революционных кругов не игнорировали петиционной кампании, революционные организации петиций не посылали.

Ходатайства, включенные в составленный канцелярией Совета министров свод их, содержали прежде всего требования безотлагательного проведения государственных преобразований. Общим для многих из них было требование немедленного созыва Учредительного собрания. Если общее отрицание булыгинского проекта находим лишь в одном из документов, то острая критика его с признанием недостаточности совещательных прав представительства и требованием для него законодательных прав получила самое широкое распространение. Почти всеобщий характер носили два требования — предварительного, до созыва представительства предоставления всему населению политических и гражданских прав а также выборов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Смысл требования конституционной монархии, к которому в конечном счете сводилось содержание большинства петиций, хотя прямо оно ни в одной из них не фигурировало, состоял для лидеров либеральной оппози-

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1644, оп. 1, д. 2, л. 311—312.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 137, 301, 310, 331, 142, 192.

²⁸ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 80.

инции в том, чтобы эта трансформация государственных институтов страны не затронула основ ее социально-экономического строя.

Лишь крестьянская демократия связывала с созывом представительства социальные преобразования, в частности и аграрном вопросе. Среди крестьянских требований к будущему представительству фигурировали наделение крестьян землей посредством отчуждения казенных, церковных и частновладельческих земель, облегчение арендной платы с установлением ее законодательным путем, введение подоходного налога, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями и введение для них всеобщего начального образования с возможностью получения за казенный счет среднего и высшего.

Приуроченная к рассмотрению булыгинского проекта, петиционная кампания как раз к концу июня, когда Совет министров завершил его, показывала, что булыгинский проект с каждым днем все меньше соответствует не только демократическим, но и оппозиционно-либеральным требованиям. Разумеется, подлинной причиной этого был усиливающийся размах и углубляющийся характер массового революционного движения.

Среди влияний, которым Николай II подвергался в течение июня, настоятельные рекомендации поторопиться с государственными преобразованиями опять обрели полную силу. Еще в конце мая под давлением Вильгельма II и президента США Т. Рузвельта царь принял решение заключить мир и тем облегчить борьбу с революцией.²⁹ Но, помимо ликвидации неудачной войны, интересы контрреволюционной борьбы требовали создания для нее благоприятных внутриполитических условий. Это внушил царю Клопов, предлагавший ввести представительство «сейчас же, не теряя ни минуты», в том виде, в каком предусматривал его булыгинский проект.³⁰ А наиболее высокопоставленные сановники были обеспокоены судьбой самого этого проекта, ибо существовали признаки того, что Николай II хочет отложить дело в долгий ящик, передав проект на рассмотрение Государственного совета.³¹ На последнем заседании Совета министров по рассмотрению булыгинского проекта 28 июня единогласно было принято следующее: «не вошедшее в меморию, решение поручить Сольскому доложить царю, что «утреждение Думы представляется, по обстоятельствам времени, совершенно не терпящим отлагательства».

4 июля Сольский предпринял решительный демарш, чтобы преодолеть сопротивление царя преобразовательным проектам.³² Царь осторожно согласился с требованием ускорить свое окончательное решение по проекту Совета министров, но тут же принял меры к ограничению реформаторских тенденций, введя в состав совещания для обсуждения проекта под своим председательством нескольких лиц по собственному своему выбору. Собранный таким образом группа «зубров», как их позже стали называть, оказалась гораздо действеннее по части отстаивания самодер-

жавных прерогатив, чем весь состав Государственного совета, который царь согласился обойти, и в течение долгого времени исполнял свое предназначение, непоколебимо стоя на крайнем правом фланге во всех совещаниях по поводу государственных преобразований. Это были А. С. Стишинский, товарищ министра внутренних дел при Плеве, расставшийся с этой должностью по приходе Мирского, графы А. П. Игнатьев 2-й, А. А. Голенищев-Кутузов, А. А. Бобринский, кн. А. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Нарышкин и др.

Накануне совещаний, происходивших у царя в Петергофе и потому получивших название Петергофских, царь был несколько успокоен за свою собственную безопасность и судьбу при встрече с Вильгельмом в Бюрке. Там был подписан Бюркский русско-германский договор, который при всей его пелености с международно-политической точки зрения был для Николая II контрреволюционным союзом, средством спасения собственного и династии.³³

Приходилось все же становиться между «своими» и Советом министров, обстоятельства не позволяли полагаться на одну только карательную силу и на непоколебимость «зубров». Но, введя их в состав совещания, он пригласил В. О. Ключевского, от которого следовало ожидать наиболее эффективного сопротивления им.³⁴

Царь открыл совещание словами о том, что между актами 18 февраля — «манифестом укрепления самодержавия» и рескриптом о привлечении выборных к законосовещательной деятельности «при непрременном сохранении незыблемости Основных законов» — существует «естественная связь», которая «не нуждается в пояснении».³⁵ «Многие находят», — заявил царь, что булыгинский проект «недостаточно широк», другие же считают, что он умаляет права самодержавия.

Сольский сейчас же повторил основные мысли своего монолога перед царем 4 июля и был поддержан Фришем, председателем Департамента законов Государственного совета, прямо заявившим, что «с формальной точки зрения» булыгинский проект не колеблет самодержавных начал, «однако» царю «придется» к мнениям Думы «прислушиваться с особым вниманием».

Это-то и послужило сигналом к началу похода против всяких преобразований, предпринятого «зубрами» в форме критики различных положений булыгинского проекта, в сущности продолжавшегося не только на протяжении всех Петергофских совещаний, но и после них. Николай, горячо сочувствовавший позиции «зубров» и негласно их вдохновлявший, опирался на нее, выступая в роли самодержавного арбитра между сторонниками и противниками преобразований.

Первым объектом нападок открывшего поход Стишинского была статья проекта о том, чтобы отвергнутые большинством Думы и Государственного совета законодательные предположения возвращались к соответствующим министрам. Таким образом они не поступали бы к царю,

²⁹ См.: Романов В. А. Указ. соч., с. 415—435.

³⁰ Письма Клопова царю 1, 16, 30 июня 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 9, л. 45—64.

³¹ Кония Всепод. записки Сольского 7 июня 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 38, л. 352; Всепод. докл. гос. секретаря Искули 14 июня 1905 г. — Там же, д. 1, л. 564.

³² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 1, л. 565—571.

³³ См.: Романов В. А. Указ. соч., с. 490—491.

³⁴ О роли В. О. Ключевского в государственных преобразованиях 1905 г. см.: Печкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 462 и сл.

³⁵ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пр., 1917, с. 10.

который лишился на этой стадии возможности решить дело в соответствии с мнением меньшинства. Стишинский угрожал гибельными для самодержавия последствиями такого порядка, видел в нем повод для Думы добиваться расширения своих прав «до установления ответственности министров включительно». «Это западно-европейский порядок, не соответствующий принципу самодержавия», — заявлял он. Среди возражавших ему был В. О. Ключевский, ссылавшийся на то, что Дума должна быть аналога с «настроением» страны, «с градусом психологической ее температуры», а «знать это настроение составляет насущную потребность правительства». Опираясь на исторический опыт представительства в России, он настаивал, чтобы мнение его большинства хотя бы таким ограничительно-процедурным образом связывало царя. («Надо, чтобы к верховной власти всегда доходило господствующее чувство»).

Вскоре произошел инцидент, выявивший сокровенную связь между «зубрами» и Николаем II. Бобринский вдруг взял да предложил считать отклоненными только те проекты ведомств, против которых проголосует большинство в $\frac{2}{3}$ голосов в обеих палатах, а царь так же внезапно согласился принять с этой поправкой злополучную статью. На следующий день, 22 июля, они внятером, и раскаявшийся Бобринский в том числе, подали царю заявление с осуждением принятого накануне решения. Провозглашая, что «законодательная власть во всей ее полноте и нераздельности принадлежит одному лишь монарху», они предлагали оговорить, что отвергнутые $\frac{2}{3}$ законопроекты возвращаются внесенным их министрам, если не последует особого указания царя.³⁶ Самодержавие, которое казалось его оголтелым защитникам совершенно подорванным, было таким образом как-будто восстановлено во всей полноте, и общий — Бобринского с царем — недосмотр ликвидирован совместными усилиями крайних противников преобразований. Усилия эти возглавил царь, принесший на следующее заседание, 23 июля, заявление пяти.

На просьбу государственного секретаря о том, чтобы впредь заявления подавались в делопроизводство, он сказал: «Хорошо, но это заявление и сам прочту». Сейчас же последовали начатые Лобко новые попытки вовсе исключить статью, считавшуюся несовместимой с самодержавием. «Поданных ограничений самодержавия, по-моему, не может быть», — заявлял Нарышкин. «Выйдет коллизия, выйдет, что законодательное учреждение будет отменять высочайшее повеление. Конечно, это будет ограничение самодержавия, на которое согласиться нельзя», — поддерживал его Победоносцев, вообще не проявлявший теперь обычной активности. Вел. кн. Николай Николаевич требовал «изложить проект так, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что самодержавная власть ни в чем не ограничивается». В том же духе выступали Струков, Чарторийский, Павлов, Голенищев-Кутузов. Стишинский требовал не выходить за пределы рескрипта 18 февраля и не предоставлять Думе «права решения дела». Фриш, Верховский, Сольский, Хилков и другие сторонники проекта им возражали, указывая, что предложенный порядок исключит принятие необдуманных законов, устранив столкновения между царем и Думой. «Это лучший способ действительного охранения самодержавия

от всякого его колебания», — заявил Верховский. «Гос. совет часто возвращает министрам проекты, и в этом никто не видит ограничения самодержавия», — говорил Хилков. И когда Коковцов предложил добавить, что отклоненные законопроекты вносятся вновь на рассмотрение, если на то проследует распоряжение царя, то оговорка эта, несмотря на всю ее бессмысленность, тотчас же удостоверенную министром юстиции (царь и так всегда мог приказывать министру вновь внести на законодательное рассмотрение любой вопрос), вдруг удовлетворила Николая II. И с той же неожиданностью, с какой на предыдущем заседании он согласился с Бобринским, царь теперь, ухватившись за самодержавное благозвучие коковцовского добавления, принял спорное правило.³⁷ Но когда Победоносцев предложил ограничиться словесной данью самодержавному принципу, включив упоминание о нем в первую статью закона, а Герард добавил, что удобнее сказать об этом манифесте — «для достижения преследуемой цели — это все равно», Николай восторженно воскликнул: «Нет, не все равно: манифест прочтется и забудется, а закон о думе будет действовать постоянно», — заявил он.³⁸

Лобко, Игнатьев, вел. кн. Николай Николаевич, Победоносцев, Стишинский настаивали на том, чтобы самодержавный характер строя был упомянут и в законе о Думе, и в тексте присяги ее членов, и Николай II поддержал их. «Мне нравится в общем эта форма. Она короче и гораздо яснее», — сказал он о предложенной Стишинским присяге, в которой думцы должны были называть себя верноподданными самодержавного государя.

Устанавливая право царя на досрочный роспуск Думы, проект предусматривал одновременное назначение срока новых выборов. Под флагом борьбы против ограничения самодержавных прав Голенищев-Кутузов, Ширинский-Шихматов, Игнатьев и Стишинский требовали упразднить условие одновременности, питая надежду на то, что царь тогда «может и несколько лет не назначать выборов», и Думу можно будет ликвидировать если не навсегда, то надолго. Но Николай II не стал изменять эту статью проекта.

Не удалась «зубрам» и попытка еще более сузить думское право законодательной инициативы, и без того, как мы знаем, сильно урезанное Советом министров. Они пытались ограничить это право такими предметами, которые не требуют новых расходов, ставили под сомнение допущенное Советом министров право Думы касаться собственного статуса. Манухин, Таганцев, Коковцов возражали. Ключевский указал царю на несоответствие запрета Думе касаться в порядке законодательного почина ее собственных прав недавнему царскому заявлению. Николай воздержался от дальнейших ограничений, он не видел в них для себя смысла,

³⁷ Петергофские совещания, с. 68—73. Коковцов вообще относился к торгу по поводу законодательного ограничения прав Думы с известным цинизмом и не скрывал этого, с самого начала заявив, что «заирать на будущее можно с полным спокойствием, с уверенностью в бесплодности всяких попыток поколебать принцип самодержавной власти» лишь в том случае, если власть будет иметь «достаточно средства» для поддержания «уважения к существующему закону».

³⁸ Там же, с. 29.

заявив, что «возбуждение Думой законодательных вопросов ни к чему еще не обязывает».³⁹

Если объем прав Думы оказался оборотной стороной вопроса об основах самодержавного строя и его неприкосновенности, то все, связанное с выборами в нее, касалось социальной базы этого строя.

Сословный принцип был для сторонников неограниченности самодержавия последним средством, с помощью которого они хотели добиться своей заветной далеко идущей цели — не допустить создания постоянно действующего представительства или обеспечить возможность его разгона в любой момент.

Осущая, вероятно, за «зубрами» поддержку или сочувствие царя, Соленький, словно оправдываясь, говорил в защиту проекта, что булыгинская «система выборов весьма близко подходит к сословной», что возбуждения против нее «были бы полезны в том случае, если бы она построена была на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов».

«Зубры» — «сословники» (оба понятия, естественно, совпали) выступили против предоставления избирательных прав еврейскому населению, а также квартирантам (видя в них «нежелательные элементы» интеллигентского происхождения), но потерпели неудачу.

Как известно, сословный принцип выдвигался в качестве дающего преимущество дворянству и крестьянству. Однако по существу эти сословия оценивались по-разному. На словах «сословники» упоминали крестьянство как опору престола наряду с дворянством, но лишь упоминали, да и то не всегда. Так, если Стшинский говорил о двух «исконных» сословиях, то уже Струков о крестьянстве не упоминал. Защитники правительственного проекта прямо указывали, что «сословники» стремятся создать Думу «дворянскую по преимуществу» (Таганцев), «для защиты сословных интересов дворянства» (Ключевский). Что же касается крестьянства, то страх перед нараставшей его революционностью, иногда выражавшийся в довольно откровенной форме, был в сущности одинаково присущ как сторонникам, так и противникам булыгинского проекта. Вещное-летнее массовое крестьянское движение, отчетливо выраженная радикализация даже тех крестьянских требований, которые носили по форме лояльный характер, несомненно, повлияли на тех и на других, хоть на среды «зубров» и раздавались голоса против учета «заявлений отдельных групп и постановлений самочинных съездов».

Когда дело доходило до крестьянского представительства, «сословники» оказывались движимыми не столько верой в цезаристские иллюзии крестьянства, сколько страхом перед ним.

Итак, сторонники сословных выборов стремились к созданию дворянской Думы. Против последствий народного недовольства таким оборотом дела предостерегал Ключевский. Отвергая сетования «сословников» на горестную судьбу дворянства, он заявил: «Здесь были произнесены страшные слова: узаконение смешанных выборов будет похоронами дворянства. Не думаю, чтобы так скоро пришлось служить по нем панихиду. Экономическое положение дворянства, которым по проекту обуславливаются

его избирательные права, далеко небезнадежно. По земскому положению 1864 г., за землевладельцами, преимущественно дворянами, обеспечено было 6000 мест гласных из 13 000 (по 34 губерниям). Хотя дворянский земельный фонд и тает довольно быстро, тем не менее и ныне в руках дворян имеется достаточное количество земли, чтобы сохранить за собою и в Думе преобладающее число мест... Если земля будет уходить из рук дворянства быстрее прежнего, несмотря на оказываемую ему правительством широкую помощь в борьбе с этим печальным явлением, то с таким фактом нельзя будет не считаться как с неизбежным последствием экономической эволюции. Нужно пожалеть дворянство, но нельзя будет не признать, что оно не хотело или не сумело воспользоваться теми средствами, которые имелись в его распоряжении для предупреждения процесса обезземеления».

Отвечая на заклинания «сословников» по поводу «исторических заслуг дворянства», Ключевский свел эти заслуги к деятельности «лучших людей» из дворянства в земских учреждениях, где они не отстаивают сословные интересы, а «сообща с другими классами населения» радуют «об общем благе». А Коковцов роль либерального дворянства в земских учреждениях, в которой Ключевский видел заслугу дворянского сословия, использовал как обвинительный вердикт против дворянской оппозиционности, используя его для отстаивания несословного принципа булыгинского проекта.⁴⁰ Став рядом с Треповым в истолковании итогов земского съезда, Коковцов, пугая царя изменой дворянства, старался повернуть его против «сословников» и заставить принять булыгинский проект. Скептическое отношение к противникам проекта проявилось и в среде царской семьи. С ним столкнулся Таганцев, приглашенный к Ольденбургским для неофициального доклада о ходе Петергофских совещаний в присутствии Марии Федоровны.⁴¹

Уловив нерешительность царя, сторонники булыгинского проекта чуть ли не на перебой принялись ему доказывать, что благонадежны именно они, а не «сословники».

Проект Совета министров поддержал вел. кн. Владимир Александрович. Тогда Бобринский предпринял отчаянную попытку обеспечить дворянское сословное представительство, протестуя против «уступок общественному мнению», клеймя то «крикливые голоса земцев», то «разные съезды», которые «состоят не из земских людей, а из искусственно подобранных членов-единомышленников». Он ссылаясь на «одного дворянина», собравшего якобы 600 тыс. подписей под мифическим адресом, противоположным резолюциям съездов. Всем этим он хотел отвратить царя от утверждения проекта Совета министров.

Но тут на Бобринского гневно обрушился вел. кн. Владимир Александрович. «Из кого, по Вашему мнению, — возбужденно заявил он, — состоит Совет министров: из революционеров? В числе министров, вот, например, министр внутренних дел, есть крупные землевладельцы, которые никогда не порывали связи со своими поместьями... Если не верить

⁴⁰ Там же, с. 93—94, 100—101.

⁴¹ Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905—1906 гг. Пг., 1919, с. 33.

³⁹ Там же, с. 25, 26, 30, 51—57, 75, 160.

большинству Совета министров, то кому же верить? Таким дворянам, как граф Бобринский?» В возникшем препирательстве на помощь Бобринскому поспешил Нарышкин. Но Владимир Александрович обрушился и на него: «Позвольте Вас спросить: к какому сословию принадлежат князя Долгорукие, Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Кузьмины—Караваевы, Петрункевичи. Они дворяне. А что говорят и пишут?» — «Нет сомнений...», — попытался ответить Нарышкин. — «Я не о сомнении говорю, — перебил его великий князь. — Они дворяне? — я вас спрашиваю... Ну!». Нарышкин пригрозил было, что при сословных выборах «названные лица» в Думу не попадут, а при смешанной системе Совета министров «имеют все шансы». Но Владимир Александрович был теперь непоколебим. «Какие могут быть разговоры о сословном духе, традициях дворянского сословия после того, что произошло. Если бы дворянство было бы мало-мальски объединено и сплочено, то такие дворяне, как Петрункевич, были бы давно исключены по приговорам дворянских собраний из состава дворян и никуда не были бы приняты. Было ли это сделано, я Вас спрашиваю?» — заявил он.

Донес Коковцова по поводу дворянской оппозиционности повредил политическим планам крайней дворянской реакции. А он еще добавил к тому почти что афоризм: «Жалованная дворянству грамота не удостоверяет верность его престолу». ⁴² Не решаясь ставить теперь на дворянскую карту, противники булыгинского проекта попробовали вернуться к теме о крестьянстве как опоре престола. Признав, что крестьянство выдвигает экономические требования, Лобко тем не менее требовал, чтобы депутаты от крестьян избирались ими из своей среды, т. е. осуществлении в скрытой форме сословной системы. В том же духе высказались Победоносцев, Глазов. Николай II склонялся к принятию предложения Лобко и Глазова. Но сторонники булыгинского проекта продолжали возражать.

Ключевский указал на происходящий в крестьянстве «серьезный процесс дифференциации» и подчеркнул, что при раздельных выборах избранными в Думу от крестьян окажутся «сильные и властные в крестьянских личностях», которые «явятся преимущественно защитниками своих собственных интересов, лишь отчасти совпадающих, а иногда и противоречащих благу меньшей их братии». Протестуя против цезаристского лозунга опоры на крестьянство, он отчетливо понимал, что обернуться этот лозунг при практической его реализации может только «опорой на сильных». Проницательность ученого-историка относительно намерений «сословников» получила подтверждение, когда один из них, Нарышкин, несколько позже заявил: «Лично я предпочел бы, чтобы в Думе заседали от крестьянства члены, преследующие исключительно свои собственные выгоды, нежели такое положение дела, при коем представителями пожеланий и мнений русского крестьянства явились бы сомнительных достоинств адвокаты».

Продолжая отстаивать крестьянское сословное представительство, «сословники» ссылались не столько на крестьянскую благонадежность, сколько на страх перед крестьянством. «Начнутся толки: „Господа опять

захватили все в свои руки и устроили нас“», — пугал Стишинский. Даже Павлов, в сущности стоявший на позициях полного отрицания всякого представительства, предостерегал: «Крестьян больше всего интересует, как известно, аграрный вопрос. Если крестьянство заволнуется, ничто пред ним не устоит». ⁴³

Все точки над «i» в вопросе об отношении к крестьянству поставил, изложив мнение Совета министров, Коковцов, который, кстати сказать, вообще иногда выступал как первый министр, порой заслоня председателем в Совете Сольского. «Я никак не могу признать отвечающим действительности сравнение крестьянского элемента со стеною, ограждающею Думу от нежелательных увлечений...», — говорил он, по-прежнему возражая против предположения Лобко. — «Я сильно опасаясь, как бы крестьянские голоса в Думе не оказались в распоряжении тех неблагонадежных элементов, которые, так или иначе, несомненно проникнут в призываемое к жизни и к ответственному труду учреждение. При таком взгляде на вопрос меня не может не пугать слишком большое число крестьян в Думе». За «умеренное число» крестьян в Думе высказался и Половцов. Он сомневался, «чтобы консерватизм был в крестьянах столь сильно развит», и видел в них «благодарный материал» для революционной агитации, способной «увлечь за собою крестьян, затронув в них живые струны по наиболее им близким вопросам — аграрным».

Дело кончилось внезапным, как всегда, решением царя, вдруг объявившего, что он принимает предложенное Коковцовым правило, согласно которому от каждой губернии избирается один крестьянский депутат, а там, где избирается всего один от губернии, вводится второй — от крестьян. В сущности этим было определено и принятие всего проекта.

На следующий день после закрытия совещаний «зубры» попытались осуществить антидумскую программу-минимум — дать царю возможность, разогнав Думу, не собирать ее в течение неопределенно длительного времени. Предлагая заменить в проекте Учреждения Государственной думы в фразе о роспуске Думы и созыве новой тем же указом, слово «тем же» на «таким же», Игнатьев писал: «Нельзя правительству себя связывать непременно условием в самый день распуска Думы (полагать надо, что это произойти может не по-хорошему?) тотчас же объявить новые выборы». ⁴⁴

⁴³ Там же, с. 117—118, 150, 135, 138, 139, 147—148. Страхом перед сознательностью крестьянской революционности и сознанием в охранительной эффективности предлагаемых мер было проникнуто и препирательство между «зубрами» и сторонниками булыгинского проекта по поводу существовавшего в нем требования грамотности для избранных в Думу. Грамотные крестьяне пугали Нарышкина «сбивчивостью понятий», «центробежным мышлением», увлечением «газетными теориями». «Неграмотные мужики, — говорил он, — будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные. Первые из них проникнуты охранительным духом, обладающим этической речью». Несмотря на язвительное возражение Коковцова, давшего понять, что неграмотность не предохранит крестьян-депутатов от революционных влияний («они будут только пересказывать эническим слогом то, что им расскажут или подскажут другие...»), Николай заявил, что предпочитает неграмотных крестьян с «цельным мировоззрением» и в конце концов исключил пункт, требовавший грамотности (там же, с. 156—158).

⁴⁴ Замечания ген.-ад. гр. Игнатьева на редакцию проекта Учреждения Гос. думы, разосланную 27 авг. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 3, л. 17.

⁴² Там же, с. 104, 106—115.

«Зубры» не были включены в комиссию для выработки манифеста об учреждении Думы, образованную под председательством Победоносцева, но одновременно 27 июля царь распорядился включить в манифест свои слова, сказанные депутации правых 21 июня, о том, что законодательный почин в дальнейших изменениях положения и прав Думы он оставляет за собой. Николай II распорядился также не приурочивать манифеста ко дню рождения наследника, упомянуть в нем об отмене указа 18 февраля, заменить присягу членов Думы торжественным обещанием.⁴⁵

При всей незначительности сделанных Николаем уступок, он не хотел объявлять о них в день рождения наследника, так как сохранение и передача по наследству самодержавных прав в полной неприкосновенности продолжали оставаться символом веры для него самого и его круга. Что касается указа 18 февраля, открывшего ворота потоку петиций, то его отмена давно была желанным делом, а предстоявший созыв Думы давал к этому повод.

Большие заботы вызывал текст царского манифеста, которым должен был быть провозглашен созыв булыгинской Думы. Коковцов, критикуя проекты манифеста, требовал, чтобы главная его мысль выглядела так: «Для блага народа государь дает ему форму участия его подданных в законодательстве как единственную согласную с самодержавием, которое он призван охранять и в котором одна сила и крепость России».⁴⁶ Проекты манифеста составлялись и обсуждались еще во время Петергофского совещания. Некоторые из них казались сановникам «бледными и недостаточно торжественными», как выразился Коковцов. «Ни один из них не затронул во мне русской, сердечной струны», — писал граф А. Толстой.⁴⁷ Проект, принадлежавший Таганцеву, вызвал разногласия еще во время Петергофских совещаний. По-видимому, он привлек особенное внимание Победоносцева и Икскуля, более других прикосновенных к составлению манифеста.

Победоносцев сделал ряд замечаний, клонившихся к тому, чтобы в таганцевском проекте говорилось «покороче о войне и внутренних смутах», и направил проект Ключевскому. Возникла полемика между Ключевским, возражающим, в частности, против слов о «внутреннем враге», которые могли, по его мнению, принести «на свой счет очень широкие и благонамеренные, но не очень довольные ходом дел слои населения», и Таганцевым.⁴⁸

Введенные Таганцевым в его проект манифеста принятые в Петергофе основные положения учреждения Думы, в том числе право запросов министрам, депутатская неприкосновенность, были неприемлемы с точки зрения самодержавного престижа. Согласившемуся, скрепя сердце, на принятие их царю не хотелось придавать особое значение своим уступкам, включив их в текст манифеста, да еще с нарочитым

подчеркиванием, как это было сделано Таганцевым, предоставлении Думе «столь важных прав» и «такой широкой доли участия в законодательной работе». И когда комиссия для выработки текста манифеста под председательством Победоносцева собралась 30 июля, ей был представлен, кроме проекта Таганцева, составленный, по его словам, в «придворно-военной сфере» проект графа Гейдена. Манифест был составлен по обоим проектам путем сочетания различных их частей.⁴⁹ Он содержал обещание созвать не позднее половины января 1906 г. законосовещательную Государственную думу, «сохраняя неприкосновенным Основным законом Российской империи о существе самодержавной власти».⁵⁰

«Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать „ультрасамодержавием“, — писал В. И. Ленин.⁵¹ «Это — только игрушечная пристройка к чиновничьему и полицейскому зданию»,⁵² — так характеризовал В. И. Ленин провозглашенную манифестом 6 августа булыгинскую Думу. Оценивая ее политическую сущность и вскрывая ее классовый характер, Ленин обращал внимание на целый ряд обстоятельств. «В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством петиционной и совершенно беспорядочной для самодержавия якобы конституционной подачи должны быть постепенно разьединены с революцией, т. е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием», — по мнению В. И. Ленина, — «состоит сущность и коренное значение булыгинской „конституции“».⁵³ В тесной связи с таким ее назначением рассматривал Ленин то обстоятельство, что царизм «не предоставлял этому своеобразному „парламенту“ никаких законодательных, а только *совещательные*, консультативные права!»⁵⁴. «Государственная дума не имеет ровно никаких прав, — указывал он, — ибо все ее решения имеют не обязательный, а лишь *совещательный* характер. Все ее решения идут в Государственный совет, т. е. на просмотр и одобрение тех же чиновников».⁵⁵ Этому соответствовал намеченный такой классовой состав булыгинской Думы, который обеспечивал бы ее использование царизмом для достижения мира с буржуазией и «войны с народом».⁵⁶ Ленин оценивал булыгинскую Думу с точки зрения ее намеченного правительством состава как «совещательное собрание представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубоцензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства».⁵⁷ «...Всего более обращает на себя внимание *полное исключение рабочих*. Все представительство этого барабашьего парламента построено на

⁴⁹ Тексты их в сопоставлении друг с другом см.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 41—46.

⁵⁰ Законодательные акты..., с. 122—125.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 238.

⁵² Там же, т. 11, с. 182.

⁵³ Там же, с. 167.

⁵⁴ Там же, т. 30, с. 320.

⁵⁵ Там же, т. 11, с. 182.

⁵⁶ Там же, т. 10, с. 354.

⁵⁷ Там же, т. 11, с. 166.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 3, л. 255, 283; Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 37—38.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 3, л. 205.

⁴⁷ В. И. Коковцов — П. А. Харитонову; А. Толстой — П. А. Харитонову 27 июля 1905 г. — Там же, л. 188, 205.

⁴⁸ См.: Чуловников А. К истории манифеста 6 августа 1905 г. — Красный архив, 1926, т. 1, с. 264 и сл.

сословном начале, — писал В. И. Ленин в статье, озаглавленной «Конституционный базар». — „Сословия“ рабочих нет, да и быть не может. Городские и купеческие выборы продолжают через разные разряды выборщиков исключительно промышленную и торговую буржуазию...».⁵⁸

Исчерывающая ленинская характеристика булыгинского закона, как нельзя более соответствовавшая действительному положению вещей, приобретает особое значение в свете того сопротивления «справа», которое, как мы знаем, встретила булыгинский проект при его прохождении. При всей его урезанности с разных сторон, при всех предусмотренных в нем мерах для ограничения самодержавных прерогатив, и при всей, казалось бы, выгоде его в качестве платформы для сделки царизма с либеральной оппозицией, с точки зрения «зубров» он был неприемлем. И царь, вынужденный отходить от них в своих действиях, душой все время оставался с ними. Но парадокс был в том, что рождавшийся в муках булыгинский закон, которым его противники пугали, а сторонники — прельщали царя, был безнадежно запоздалым. Выдержанная в лояльных формах петиционная кампания показывала, что требования широких оппозиционных кругов, претерпевая процесс значительной радикализации, давно и далеко оставили за собой ту меру уступок, которая была предметом ожесточенного торга на совещаниях в Петергофе и после них. Запрещение петиций с большой целовкостью подчеркивало это. В своих попытках «замирения» с буржуазной оппозицией, составлявших главное содержание политической борьбы с революцией, царизм чем дальше, тем больше отставал от того темпа, в котором развивались события. Но нарастание революционного движения масс требовало действий. И царь старался угадать за событиями, стремясь скорее поставить на службу борьбе с революцией «монархическую „конституцию“».⁵⁹

⁵⁸ Там же, т. 10, с. 69.

⁵⁹ Там же, т. 16, с. 16.

ОТ 6 АВГУСТА К 17 ОКТЯБРЯ

В день опубликования манифеста о Государственной думе Николай II распорядился, чтобы Особое совещание под председательством Д. М. Сольского занялось разработкой правил о применении учреждения (статута) Думы и положения о выборах в нее. А. Г. Булыгин хотел было уклониться от того, чтобы руководство выборами осуществляло его ведомство, предлагая создать для этого специальный межведомственный комитет, но совещание изменило это в обязанность Министерства внутренних дел.¹

В ходе петиционной кампании и в печати непрерывно делались заявления о том, что условиями проведения выборов должны быть неприкосновенность личности, свобода слова, собраний и печати. Совещание же с самого начала отвергло возможность отмены на предвыборное время «особых мер к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия», т. е. исключительного или военного положения в тех районах, где они были введены, несмотря на довольно циничное пояснение министра юстиции С. С. Манухина, удостоверявшего, что «наиболее существенное стеснение личности в порядке административном, а именно высылка в определенную местность на срок до 5 лет, применяется относительно не в одних местностях, объявленных на военном положении или в положении усиленной или же чрезвычайной охраны, но на пространстве всей империи».² Хотя проект постановлений о частных собраниях уже был выработан Министерством внутренних дел, на совещании даже допускалась возможность полного запрета избирательных собраний. Все же их сочли возможным разрешить в льготном порядке, коль скоро разрешены были сами выборы. Сановники приняли это решение, исходя из того, что «противоправительственные агитаторы» «будут действовать и при запрещении избирательных собраний, устраивая тайные сборища», а либералы — «партия умеренная и подчиняющаяся распоряжениям правительства, окажется разьединенною и неподготовленною к выборам».³ Однако Д. Ф. Трепов требовал не устраивать предвыборных собраний в деревне, поскольку, считал он, это «могло бы повести к возникновению нежелательной агитации» при недостаточной численности там полиции.⁴

¹ Мемория особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил 19, 20 и 25 авг. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 4, л. 100.

² Министр юстиции — гос. секретарю 23 авг. 1905 г. — Там же, л. 127.

³ Мемория... л. 100.

⁴ Д. Ф. Трепов — гос. секретарю 23 авг. 1905 г. — Там же, л. 139.

Будыгин хотел было добиться разрешения на закрепление состава волостных сходов, но совещание постановило, что ведомство внутренних дел и без того сумеет принять меры к обеспечению желательного их состава для проведения выборов, и даже выразило озабоченность тем, что меры эти вызовут «среди населения опасения о влиянии администрации на ход выборов». «Опасения эти, — указывалось в проекте мемории, — надлежит рассеять разъяснением подлежащим должностным лицам об образе их действий в течение производства выборов и возможно большей оглаской среди крестьян подобных разъяснений». Чисто демagogическое это намерение вызвало решительный протест Игнатьева, который возобновил поход «зубров» против преобразований. «Полагаю подчеркнутые слова (об огласке разъяснений среди крестьян, — Р. Г.) исключить, — писал Игнатьев, — достаточно МВД ясно определенно разъяснить зем[ским] нач[альникам] и им подобным, как им следует относиться к выборам; выражать же желание „возможно большей огласки среди крестьян“ значит ставить крестьян в положение, контролирующее своего зем[ского] нач[альника] по отношению к исполнению им предписания МВД — и без того мы страдаем своеволием и упадком власти — и ничем другим».⁵

Открыв поход, «зубры» по обыкновению пустились во все тяжкие. Вместе с Треновым Игнатьев и Стишинский требовали присутствия полиции на самих собраниях выборщиков для избрания депутатов, а Думу предлагали собрать не в Петербурге, а в Петергофе, Царском Селе или Гатчине, где «меры по охранению порядка могли бы быть применяемы более успешно, чем в Петербурге». Большинство совещания, однако, присутствие полиции сочло «естественной мерой», не способствующей «успокоению умов», а созыв Думы вне Петербурга отклонило как «повод к брожению умов», особенно подчеркнув недопустимость, с полицейской точки зрения, созыва ее в местах царских пригородных резиденций.

Утверждая меморию, царь, вопреки мнению большинства, предписал присутствие полиции на собраниях выборщиков, но согласился с ним относительно места работы Думы, написав: «Вероятно, в Таврическом дворце».⁶

Что же касается правил для частных собраний, то Министерство внутренних дел 23 августа предложило проводить их с разрешения и в присутствии полиции, причем власти должны были закрывать собрания, если было признано, что его устройство «может вредить общественному спокойствию и безопасности».

Министр юстиции С. С. Манухин хотя и считал, что предложение МВД «предоставляет чрезмерный простор усмотрению полиции», со своей стороны требовал в собраниях, «созываемых для обсуждения вопросов общегосударственного свойства», не допускать участия женщин, несовершеннолетних и учащихся, а разрешение съездов или собраний представителей однородных частных обществ оставить за министром внутренних дел.⁷

Однако главным предметом занятий совещания Сольского, в котором сосредоточилась после 6 августа вся преобразовательная деятельность, был вопрос об объединении деятельности министерств, с которым царь попытался было в апреле обойтись как с несуществующим. В самый день 6 августа у царя оказалась анонимная записка по этому поводу,⁸ препровожденная 27 августа Сольскому с резолюцией, гласившей: «В ней очень много верного и полезного». В этот день Николаю II пришлось утвердить и всеподданнейший доклад Сольского, содержащий в сущности упрек царю в упразднении виттевского совещания. Отправляясь от неудобства в новых условиях прежнего порядка возбуждения законопроектов министрами и указывая, что Думе «едва ли может быть предоставлено положение инстанции, разрешающей пререкания между начальниками отдельных частей управления», Сольский добился от царя включения вопроса о будущем правительстве в повестку дня своего совещания.⁹

Царь был, несомненно, несильно вздет или даже напуган анонимной запиской, в которой наряду с аргументами насчет виарата Аракчеева и другими, обычно приводившимися в кругах правых против возможного самовластья Витте, ясно было сказано, что без сильного и единого правительства неизбежно крушение режима. Царя пугали тем, что, не учредив объединенного правительства, он придет к «великому бедствию» — сама царская власть окажется низведенной и вовлеченной в борьбу партий. «Теперь есть еще время провести эту меру свыше обдуманно и спокойно...», а впоследствии она явится вынужденною как новая уступка среди политических осложнений... Необходимо, — говорилось в записке, — чтобы не только с открытием Думы, но и при неизбежной агитации по поводу предстоящих выборов не были у нас возможны случаи, с какой бы точки зрения не смотреть на события, одинаково недопустимые — оппозиции правительству в его же рядах». В качестве пути к этому предлагалось создание однородного правительства с единой программой, отменой отдельных министерских всеподданнейших докладов, сохранявшихся лишь за министрами двора, военным, морским и иностранных дел. Новый Совет министров должен был заменить собою не только старый, заседавший в редких случаях под председательством царя, но и Комитет министров. Уже 7 сентября товарищ государственного секретаря Харитонов, ведавший практической стороной осуществления преобразований, в одной из записок употребил слова «кабинет министров».¹⁰ С тех пор выражение это при всей его однозности в глазах царя и сторонников полной неприкосновенности монархического принципа получило распространение в бюрократическом мире, и дело объединения министерств в течение первой половины сентября оказалось, как и связанные с преобразованиями другие законодательные дела.

Процесс этот наряду с парастанием революционного движения масс и особенно пугавшими власти признаками подготовки боевых революцион-

⁵ Е. Д. Черменский (Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 135) на основании сообщения бывшего обычно весьма осведомленным журналиста Л. М. Клячко (Львова) считает автором записки А. В. Кривошеина.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 1 и сл.

¹⁰ Там же, л. 134.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 4.

⁶ Там же, л. 184, 189, 325.

⁷ Там же, д. 7, л. 29—32.

ных выступлений (4 сентября прошла демонстрация под красными флагами во Владикавказе, 8-го в Нижнем Новгороде была обнаружена типография и устав боевой группы социал-демократической организации, 8—11 сентября в Киеве полиция и солдаты разогнали съезд психиатров, который с участием 2 тыс. студентов и публики превратился в революционный митинг) был обусловлен и стремлением избежать разрыва с буржуазно-оппозиционными кругами, требования которых подвергались известной радикализации под непосредственным воздействием революционного подъема масс. Под этим же воздействием намечались и тенденции со стороны консервативной части либеральных кругов к политическому компромиссу с царизмом. Так, земско-городской съезд 12—15 сентября хотя и принял резолюцию против булыгинской Думы, но высказался за участие в ней. По словам составленного впоследствии по поручению Витте с официозно-реформаторских позиций обзора, съездом была «создана политическая программа — ясная, определяющая вполне настроение мирной и умеренно прогрессивной части русского общества, стремящегося к истинному парламентаризму и к полной свободе гражданина и личности».¹¹

Однако «элементы законности и порядка», как они сами себя определяли, например, в телеграмме председателя Суджанского земского собрания и предводителя дворянства камер-юнкера С. А. Юрьевича и председателя земской управы кн. Долгорукова, критикуя булыгинский закон, в один голос требовали до выборов в Думу предоставления всех гражданских свобод и объявления политической амнистии, добавляя, причем иногда как бы с позиций единомыслия с царизмом, что обойтись без этого невозможно.¹²

В течение первой половины сентября были разработаны правила о собраниях. Здесь поспешность диктовалась еще и тем, что помещения высших учебных заведений превратились в эти недели в место, где политические собрания проводились различными организациями, в том числе и революционными, с участием всех слоев населения. Революционные массы устанавливали свободу собраний двояким порядком. При разработке правил приняты были все возможные меры для сохранения прежнего полицейского произвола в новых «думско-парламентских» условиях. Действовавшее законодательство не предусматривало условий и оснований для закрытия собраний, поскольку полиция традиционно должна была воспрещать любое вредное «сообщество», «пресекая в самом начале всякую повизну закона противную».¹³ Однако в революционных условиях такая практика при отсутствии законодательных определений создавала «целый ряд неудобств» для карательной практики и «поводов к нежелательным осложнениям и беспорядкам». Был одобрен такой порядок проведения собраний по государственным, общественным или экономическим вопросам, который предусматривал обязанность полиции сообщать о запрещении собрания. Отсутствие запрещения

рассматривалось как разрешение. Предварительное разрешение требовалось для собраний во дворах фабрик и заводов и т. п. Отменено было запрещение на участие в собраниях женщин, учащихся, несовершеннолетних. МВД, Трепов, Стишинский и Игнатьев добились распространения новых правил на съезды и собрания установленных в законном порядке обществ. «Полиция обязана, — заявлял Трепов, — запретить всякое публичное собрание хотя бы уставного общества, если оно противозаконно по цели или угрожает общественному спокойствию». Особый гнев вызывали у него съезды, которые он считал «ареной открытой противоправительственной пропаганды, а постановления на них резолюции преступного характера — источником серьезных беспокойств».

Таким образом, «свобода собраний» с присутствием на них, в том числе и на избирательных, полицейских чинов с правом закрытия собрания была к середине сентября готова.

16 сентября совещание Сольского разработало проект переустройства Государственного совета, согласно которому он создавался из членов, назначаемых царем и избираемых губернскими избирательными собраниями, создаваемыми для выборов в Думу, из числа крупных помещиков, предводителей дворянства, председателей земских управ или городских голов, а также — Всероссийским съездом представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (10 членов), Академией наук и университетами по одному члену. Одобренные Государственным советом законопроекты с заключениями Думы по ним должны были поступать к царю, который мог поступать с ними по своему усмотрению.¹⁴

15 сентября вернулся в Петербург после заключения Портсмутского мира Витте, получивший графский титул и, как считали в бюрократических верхах, нацелившийся на пост премьера в будущем кабинете.¹⁵ Первый свой визит он нанес Сольскому, а 21-го выступил в его совещании с грозной речью, утверждая, что «враги правительства сплочены и организованы, дело революции быстро подвигается». В духе обычных заклинаний своих противников справа он пугал «самозванными правительствами», одно из которых действует в Москве, а других — «большое число по всей России», причем «все это подвигается быстро вперед, не встречая сколько-нибудь организованного со стороны правительства отпора». Спасение он видел в создании кабинета министров, которые должны назначаться царем по рекомендации председателя (или первого министра) из лиц, согласных «с господствующим мнением председателя».

При этом Витте высказался за сохранение Комитета министров, а в качестве второй неотложной меры — за преобразование Государственного совета.¹⁶ Судя по газетному отчету, весьма полно отразившему ход заседания, Витте настойчиво требовал побыстрее покончить с вопросом о кабинете министров и представить дело царю не позднее 10 октября.¹⁷

Некоторое сопротивление Витте оказал В. Н. Коковцов, предложивший ограничить объединение министерского управления присутствием

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 934—II, л. 45.

¹² См. также постановление Одесской городской думы от 5 сент. и резолюцию Солигаличского уездного земского собрания Костромской губ. от 3 окт. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 8, л. 11, 39, 56.

¹³ Мемория... (3, 12 и 14 сент. 1905 г.). — Там же, д. 7, л. 199.

¹⁴ Там же, д. 16, л. 3—4.

¹⁵ Дневник А. А. Половцова, запись 19 сент. 1905 г. — Красный архив, 1923, т. 4, с. 64.

¹⁶ Там же (запись 21 сент. 1905 г.), с. 65.

¹⁷ Л. Л. О кабинете министров. — Русь, 1905, 26 сент.

председателя Комитета министров при личных всеподданнейших докладах министров, которые он предлагал сохранить в неприкосновенности. Но Витте получил чрезвычайно сильную поддержку со стороны Трепова, который повторил виттевские угрозы («революционные силы сплочены, организованы и успешно и быстро продвигаются вперед... нас ожидает, несомненно, кровопролитный переворот, которому одни полицейские силы, конечно, не могут противостоять»).

А. Сабуров, в сущности поддерживавший Кокорцова, опасался, что учреждаемый Совет министров станет «всепильным, безответственным и бесконтрольным», «полновластным и деспотичным». Он видел причину этого в отсутствии парламентской ответственности правительства, но речи его звучали как предостережение по поводу умаления царской власти.¹⁸

Однако остановить Витте было трудно. Он правил составившиеся один за другим в течение двадцатых чисел сентября варианты проекта положения о Совете министров. К принципам объединения министерского управления под председательством премьера с отменой министерских всеподданнейших докладов добавлено было право председателя получать нужные ему сведения и объяснения от начальников ведомств и отдельных частей.¹⁹ Особенно настаивал Витте на том, чтобы одновременно с созданием объединенного правительства упразднить не только учрежденный в 1861 г. Совет министров и Комитет Сибирской железной дороги, но и созданные царем в марте и мае 1905 г. под председательством Горемыкина Соединения о мерах и укреплении крестьянского землевладения и Комитет по земельным делам. Оба эти учреждения были созданы, как известно, и по инициативе Витте, с упразднением состоявшего под его председательством сельскохозяйственного совещания. «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающейся на нас крестьянской пугачевщиной», — продолжал Витте пугать синклит высших сановников, предлагая «для предотвращения ее» передать крестьянский вопрос Думе с материалами его, Витте, сельскохозяйственного совещания.

Но вообще он как бы не желал задерживаться на подробностях, согласился с Кокорцовым по поводу упразднения Комитета министров и даже сохранения для министров права всеподданнейших докладов в представлении копий Совету министров.²⁰ По-видимому, он чувствовал себя подталкиваемым на трюке волны государственных преобразований, поскольку при определении насущных задач власти преобразовательные и карательные меры были связаны воедино. 23 сентября Сольский велел самым малым тиражом и секретным порядком напечатать полученную от царя записку бывшего министра юстиции Н. В. Муравьева «Ближайшие правительственные задачи», в которой первый пункт, гласивший: «Правительство должно относиться к новому учреждению Государственной думы вполне корректно, внимательно и уважительно», сочетался с требовавшим вести борьбу с революцией «без малейшего колебания». Во избежание «вялости и колебания» карательной политики он предлагал ее объединение в специальном ведомстве во главе с министром поли-

ции — шефом жандармов. В качестве «лучшего исторического образца» он приводил деятельность М. Н. Муравьева-вешателя в Северо-Западном крае в 1863—1864 гг. Вопрос о Совете министров был подан в муравьевской записке так, как Витте это и требовалось (председателем может быть и не министр, он представляет в Думе и Государственном совете всех министров, их представления туда рассматриваются в Совете министров и т. д.).²¹ Одновременно с передачей Сольскому муравьевской записки царь, желая, по-видимому, проявить известную «корректность» по отношению к будущей Думе, велел 23 сентября раздать по ведомствам находящиеся на рассмотрении Государственного совета малозначительные дела, а министрам «озаботиться, чтобы Государственная дума, как только она соберется, могла немедленно приступить к обсуждению и разработке законопроектов, имеющих общегосударственное значение».²²

И Витте в эти дни «реформаторствовал» с известной нарочитостью, с легкостью делая уступки Кокорцову, все еще считавшему, что о создании «объединенного кабинета министров с министром-премьером во главе... едва ли возможно думать в настоящее время и отнюдь не являющемуся признаком предстоящего превращения Государственного совета во вторую палату».²³

3 октября обсуждалось срочное представление Булыгина о ненадежности мер «к устранению цензурных затруднений, стоящих в противоречии с общим смыслом учреждения Государственной думы», или, как попросту, по аналогии с «свободой собраний», выражались сановники, «дело об облегчении печати в течение выборного времени». Булыгин прямо писал, что имеет возможность предоставить печати свободу обсуждения избрания и предстоящей деятельности Думы «на время выборов», а затем предстояло либо вернуться к прежнему порядку, либо ожидать рекомендации комиссии по печати под председательством Д. Ф. Кобеко, одной из созданных в осуществление указа 12 декабря 1904 г.

Впрочем, и на предвыборный период решено было сохранить такой комплекс цензурных запретов, который давал возможность преследований «произведений словесности в тех случаях, когда в сих произведениях содержится что-либо клонящееся к колебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры, или что-либо нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти или уважение к императорскому дому, или противное коренным государственным установлениям; когда излагаются учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или опровержению существующего порядка и к водворению анархии; когда возбуждается в них неприязнь и ненависть одного сословия к другому или же когда в них заключаются насмешки над целыми сословиями или должностными лицами».²⁴

²¹ Библиотека ЦГИА СССР, печатная записка № 7; ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 176.

²² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 61.

²³ Там же, д. 6, л. 50—52.

²⁴ Проект мемории Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил. Заседание 3 окт. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 8, л. 86.

¹⁸ Дневник А. А. Половцова (записи 21 и 26 сент. 1905 г.), с. 66—69.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 183—188.

²⁰ Дневник А. А. Половцова (записи 28 и 29 сент. 1905 г.), с. 69—70.

Естественно, что любое политическое выступление в печати могло быть при такой постановке дела наказуемо. Поэтому требования Победоносцева, Коковцова и Игнатьева не допускать послаблений даже на выборное время²⁵ звучали как тщетная предосторожность. Витте же выступил с пространной и чрезвычайно назидательной речью, которой Сольский собственноручной правкой мемории придал характер общего мнения совещания. Как бы в угоду Победоносцеву и другим Витте заклеил печать безотносительно к политическим направлениям в столь сильных выражениях, что они вызвали сомнение у Кобеко. Он утверждал, что печать в революционное время «в своих суждениях о правительственных лицах и действиях не только пользуется широкою свободою, но нередко переступает допустимые в сем отношении границы и доходит до полной распушенности». Не желая признавать и в области печати фактические уступки, вырванные у властью революцией, он возложил вину на это на правительственную политику в области печати, определяемую не «строго определенными рамками закона», а «административным усмотрением», которое сводилось, по словам Витте, к «личным желаниям и воззрениям цензурного начальства и местной администрации». «Существующее ныне отношение правительства к печати приводит к тому, что люди, совершенно благонамеренные и готовые поддерживать благие начинания власти, переходят в ряды недовольных», — заключал Витте и предложил не только перед выборами «предоставить печати известную долю закономерной свободы», но и продлить действие Временных правил.

Витте предупреждал, что без этого «успокоительного действия на общество» не достичь, а совещание присоединилось к нему, предупредив, что отмена новых мер после выборов вызовет «нежелательные сомнения относительно намерений правительства».²⁶

Все эти прения происходили в дни стремительного нарастания революционных событий. Сентябрьская стачка московских рабочих, ознаменовавшая вовлечение в революционную борьбу центра важнейшего промышленного района, охарактеризованная В. И. Лениным как вспышка восстания,²⁷ в течение первых дней октября начала перерастать, как того и добивался МК РСДРП, во всеобщую политическую стачку. Важнейшим этапом этого процесса явились революционные забастовочные выступления железнодорожников Московского узла. В течение этих дней, 4 и 5 октября, начались забастовки на крупнейших заводах Петербурга, остановили работу Главные мастерские Николаевской железной дороги.

В совещании Сольского Витте реагировал на это новой речью о том, что «нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией», и в то же время «необходимо внушить обществу уверенность, что правительство не будет продолжать давать одною рукой, а отнимать другою». Смысл сентенции состоял в требовании Витте, чтобы его влияние было безраздельным. Он ясно дал понять это, приведя в качестве примера ликвидации данных уступок принятое под его председательством постановление Комитета министров о свободе совести и сейчас же назначенную

парем комиссию по этому вопросу под председательством Игнатьева, «убеждения коего, как всем известно, совершенно противоположны убеждениям Витте».

Дело было, разумеется, не в похвальбе Витте мнимой радикальностью своих убеждений, а в его выпаде против Победоносцева, стоявшего за решением царя об игнатьевской комиссии. Ужас в «верхах» перед революционными событиями поднял акции Витте, слухи о связях Витте с революционерами, о его стремлении установить «полный конституционный порядок», которыми обычно пытались повредить ему в глазах царя, теперь передавались с оттенком надежды. «Полный конституционный порядок» Витте понимал по-своему, добиваясь прежде всего полновластия первого министра. Подчеркивая необходимость в сильном правительстве для борьбы с революцией, он тут же заявлял до крайности перепуганным сановникам, что от объединения министерств в проектируемой форме можно ждать «лишь улучшения канцелярского делопроизводства», так как «кабинет будет организован далеко не так, как в западных конституционных государствах». По словам Половцова, в заседании 4 октября Витте намекал еще то, что первому министру не дается тех прав, кои должны бы были ему принадлежать, и что вообще сегодня трудно предугадать, какую повлечет Дума, а следовательно, и какие будут ее отношения к Совету министров.²⁸ В действительности Витте, не ограничиваясь намеками, сослался в этом заседании на приказ прусского короля 1852 г., которым прусским министрам предписывалось входить к королю с докладами не иначе как по указаниям министра-президента и с его согласия, и прочитал письмо Бисмарка, объяснявшего свою отставку отменой Вильгельмом II этого порядка, без которого, как заявлял Бисмарк, невозможно управлять в конституционном государстве. Сопротивление видевшему себя Бисмарком Витте оказал государственный секретарь П. Л. Лобко, который с помощью подготовленных государственной канцелярией материалов стал доказывать, что и Бисмарк был всего-навсего премьером при монархе. Лобко еще летом, возражая против объединения министерств, требовал для государственного контроля исключительного права выступления в законосовещательных учреждениях, независимо от правительственных ведомств и финансового прежде всего. Зная, чем пугнуть царя, он писал: «Если бы, например, деятельность некоторых органов правительства была направлена главным образом к насаждению у нас в настоящее время капитализма и, в частности, к развитию фабрично-заводской промышленности за счет интересов промышленности сельскохозяйственной, государственный же контроль, на основании имеющихся у него материалов, мог бы представлять убедительные и весьма веские доказательства односторонности и нецелесообразности такой финансовой политики, то при указании объединении мнений всех ведомств государственный контроль был бы поставлен в необходимость умолкнуть и тем поддерживать перед высшими законосовещательными учреждениями взгляды, им не признаваемые». Коковцов, принявший это на свой счет, пригрозил Лобко тем, что тот превратит свое ведомство в счетную палату. Хотя министр финансов в тот момент еще не допускал создания

²⁵ Дневник А. А. Половцова (запись 3 окт. 1905 г.), с. 72.

²⁶ Проект мемории..., л. 87.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 353.

²⁸ Дневник А. А. Половцова (записи 4, 6 и 9 окт. 1905 г.), с. 73—75.

кабинета с премьером во главе, в упрек Лобко он написал: «Раз становится необходимым объединение ведомств в одно действующее согласно правительству, никаких изъятий от принимаемых им общих решений ни для одного из его членов быть не может и не должно».²⁹

Теперь Лобко в пику Витте цитировал речь Бисмарка в рейхстаге в 1882 г., в которой тот говорил: «Я не даю, собственно говоря, никаких приказов моим товарищам, я все время прошу их или пишу им письма, которые, однако, их не всегда убеждают, что очень вредно и к чему поэтому не всегда прибегаю. Но когда я признаю что-нибудь необходимым, а между тем этого не могу достигнуть, то обращаюсь к истинному председателю Совета министров — его величеству королю и в тех случаях, когда я не встречаю у него сочувствия, отказываюсь от дела, в противном же случае издается королевский указ, приказывающий то или другое».³⁰

Это было, разумеется, прямо противоположно целям Витте, и Коковцов, по-видимому, под влиянием обстоятельств перешедший на виттевские позиции, несомненно, утрируя их, твердил, что «всякий раз, когда произойдет в Совете разногласие, не согласившиеся с премьером министры будут увольняемы, и таким образом рядом увольнений будет достигаться объединение, которое из механического будет переходить в химическое».³¹

Сам Витте, наоборот, демонстрировал изречитую умеренность, вносил свою правку в проекты узаконения об объединении деятельности министерств и главных управлений. Проектов этих было поначалу три, в первом на них права председателя Совета министров были наиболее расширены. В нем, в частности, предусматривалось, что начальник ведомства всякую меру должен согласовать с председателем Совета министров, который либо передает дело на обсуждение объединенного правительства, либо представляет его царю. Особая статья предоставляла председателю «высший надзор над всеми без изъятия частями управления», а в чрезвычайных и неотложных обстоятельствах — право обязательных для всех властей «непосредственных распоряжений» с ответственностью лишь перед царем. «Эту статью поддерживать не могу. Это — диктатура», — написал Витте в соответствии с той тактической линией, которую проводил в те дни по отношению к Николаю II. Состояла она в том, что сковавшему ужасом перед революцией царю Витте с показной откровенностью и деланно грубоватой примотой предлагал выбор между военной диктатурой и собственными услугами в качестве премьера государства с конституционными атрибутами.

Как известно, революционные события в Москве и по всей стране, особенно забастовочное движение на железных дорогах, нарастали с каждым днем. 6 октября вследствие забастовки машинистов прекратились грузовые перевозки на Московско-Казанской дороге, а в ночь на 7-е, после решения представителей большевистских организаций ряда дорог

о начале всеобщей стачки, Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза разослало по всем дорогам телеграмму о всеобщей железнодорожной забастовке.

6 октября Витте просил приема у Николая II. Инициаторами встречи, состоявшейся 9 октября, были, кроме Витте, Сольский и сам царь. В тот же день Витте поручил срочно составить всеподданнейший доклад о том, чтобы предоставить ему как председателю Комитета министров полномочия по объединению деятельности министров впредь до завершения рассмотрения этого вопроса в совещании Сольского.³² 8 октября, после получения вызова царя, и 9-го утром готовилась записка, с помощью которой Витте хотел окончательно склонить Николая II к уступкам. В основу ее был положен текст, незадолго до того полученный Витте от деятеля городских и земских съездов генерала В. Д. Кузьмина-Караваева.³³ Со ссылкой на историю освободительного движения в России в записке доказывалась неизбежность победы революции, в случае если правительство не сумеет «взять его в руки». Угрожающая «ужасами русского бунта» записка содержала горькие упреки правительству в непонимании роли либералов, которым «с каждым днем становится труднее сдерживать движение», вследствие чего ряды их редеют («Их положение особенно трудно потому, что им приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов и одинаково преследует»).³⁴ Отметив растущую «с каждым днем злобу против правительства» в обществе, «не исключая консервативных слоев», и необходимость для правительства «написать на своем знамени» предоставление гражданских свобод, Витте посредством записки приучал Николая II к слову «конституция», которое, «хотя и не признано с высоты престола, никакой опасности в действительности не представляет». Действия совещания Сольского в вопросах о собраниях, печати, объединенном министерстве, реформе Государственного совета при всей половинчатости и ограниченности решений совещания означали на практике реальные шаги по пути государственных преобразований. Этим определялось содержание записки. В ней, наряду с уверением в том, что полнота царской власти сохранится и при представительстве с законодательным правом, содержался весьма прозрачный намек на отсутствие непреодолимого различия между законосовещательным и законодательным представительствами. Кроме перехода к законодательному представительству с упоминанием о неизбежности введения в будущем всеобщего избирательного права, в записке указывались еще в качестве срочно необходимых «мер положительного характера» создание объединенного министерства «из лиц, пользующихся общественным доверием», и преобразование Государственного совета.

³² Справка о манифесте 17 октября 1905 г., составл. С. Ю. Витте. — В кн.: Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 10 и сл.; Записка пом. управляющего делами Комитета министров Н. И. Вунча. — Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 66 и сл.; Дневник кн. А. Д. Оболенского: там же, с. 69 и сл.

³³ См.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в годы первой русской революции, с. 140.

³⁴ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 54—59.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 6, л. 54—55.

³⁰ П. Л. Лобко — Д. М. Сольскому 5 окт. 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 243.

³¹ Дневник А. А. Половцова (записи 3 и 4 окт. 1905 г.), с. 72, 73.

В области рабочего вопроса предлагалось нормирование рабочего дня, государственное страхование рабочих, учреждение примирительных камер, а в области аграрной политики имелось в виду прибегнуть к «таким неиспользованным средствам, как казенные земли разных наименований и Крестьянский банк». С особенной осторожностью была высказана мысль о возможности выкупа крестьянами части помещичьих земель. Упомянулось предоставление крайне ограниченной автономии («в области удовлетворения исключительно местных польз и нужд») некоторым национальным окраинам.

Словесный радикализм записки совершенно не отвечал собственным политическим установкам Витте, он был вызван отчасти тактическими соображениями, желанием усугубить страх царя, отчасти, вероятно, и собственным испугом Витте. Изложив царю вечером 9 октября содержание записки, Витте поставил Николая II перед выбором — либо назначить его, Витте, премьером, предоставив ему подбор министров даже из числа так называемых общественных деятелей, т. е. представителей либеральной оппозиции, и осуществлять изложенную конституционалистскую программу, либо силой «подавить смуту во всех ее проявлениях», не останавливаясь перед пролитием крови, для чего нужна диктатура «человека решительного и военного».³⁵ Этому своему тактическому приему Витте придавал особенное значение, всеми возможными способами сделав его через несколько лет достоянием гласности.³⁶ Расчет его был беспронятным, он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что в идее военной диктатуры царь увидит прежде всего угрозу своей власти, тем более что сил для осуществления эффективной карательной политики не было. К тому же найти подходящего кандидата в военные диктаторы после проигранной войны было трудно. А изложенную на бумаге конституционалистскую программу Витте сопровождал на словах циничным комментарием. «Прежде всего, — заявил он царю, демонстрируя истинные смысл и цену своего конституционализма, — постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все части, на вас устремленные, направит на себя. Тогда обнаружится течение, которое сможет вас вывести на твердый берег».³⁷ При второй встрече, 10 октября, в присутствии царицы, Витте повторил сказанное накануне. Единственная, по его словам, реакция царя состояла в том, что, по-видимому, в ответ на требование Витте опубликовать представленный краткий вариант записки, Николай II высказался за опубликование «основания записки» в виде манифеста.

Тем временем продолжались действия комиссии Сольского.

При дальнейшем движении проекта узаконения об объединении деятельности министерств и главных управлений исчез первый вариант, в котором, как мы уже говорили, права премьера были наиболее широкими. Едва ли не наибольшие превращения претерпела статья о судьбе тех дел, по которым в Совете министров не удалось бы достичь единогласного

решения. В первом варианте проекта предусматривалось, что такие дела получают направление по распоряжению председателя. Во втором была допущена — вопреки обычным опасениям по этому поводу — возможность решений большинством голосов с полным согласием председателя. В случае недостижения такого большинства направление дела должен был решать царь. И, наконец, в окончательном тексте исчез принцип большинства голосов, и царю было предоставлено определять направление дел, по которым не было достигнуто единогласного решения.³⁸

Однако права председателя были предусмотрены в весьма значительном объеме. Была введена статья о том, что «никакая, имеющая общее значение, мера управления не может быть принята главными начальниками ведомств, помимо Совета министров», а председателю его они должны безотлагательно сообщать обо всех значительных событиях и выданных ими своих распоряжениях, которые он имел право ставить на обсуждение. Но дела по министерствам двора и уделов, военному, морскому и иностранным делам могли быть поставлены на обсуждение лишь самим царем. Обсуждению Совета министров подлежало и замещение главных должностей высшего и местного управления, на исключенном указанных ведомств. Министры должны были предварительно представить председателю периодические доклады, которые либо вносились им на рассмотрение Совета министров, либо с его согласия делались соответствующим министром царю «в случае надобности» в присутствии председателя.³⁹

Неудивительно, что 10 октября Витте написал Сольскому, что не встречает препятствий к скорейшему рассмотрению проекта и представлению его царю.⁴⁰ Критический для самодержавия момент был звездным часом для Витте. Одновременно с его запиской царю 9 октября Крыжановский подал, как представляется, согласованную с ней по основной своей направленности пространную записку «К преобразованию Государственного совета». Записка Крыжановского начиналась предупреждением о том, что будущая Дума при совещательном ее характере, хотя «и не может быть приравниваема к западноевропейским законодательным собраниям», но по «самому свойству ее занятий» станет «практически» нижней палатой, «пожелания и взгляды» которой, «по всей вероятности, будут иметь довольно долгое время характер несколько отвлеченный и стремительный, резко наклоняясь в том направлении, которое принято называть прогрессивным».

Как и июльская беседа Сольского и витевская записка 9 октября, записка Крыжановского должна была приучить поставленного в угол царя к мысли о неизбежности исторического прогресса — может быть не навсегда, но «на довольно долгое время» и в том понимании прогресса, которое объединяло сановников с царем. В пользу необходимости смириться с этим выдвигался единственный аргумент, имевший в их общих представлениях силу. «Направление это представляется существенно не-

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 4, л. 280, 284, 287, 297.

³⁶ Там же; Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907, с. 236—237.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 4, л. 303.

³⁵ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 11, 26.

³⁶ Афанасьев Б. В., Ганселин Р. III. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 341.

³⁷ Там же.

обходимым, — продолжал Крыжановский, — для правильной жизни государства, ибо страна, в которой это начало не имеет проявления, осуждена неизбежно на застой, тем более губительный для нее, чем быстрее развиваются и растут соседние государства». Итак, Думе предстояло терпеть как посетительницу того неизбежного «направления, которое принято называть прогрессивным». «Но подобно тому, как маятник необходим, чтобы регулировать действие разворачивающейся пружины, так же точно и в государственных учреждениях это прогрессивное течение должно сдерживаться действием другого — умеряющего и упорядочивающего. Этим регулятором по отношению к Государственной думе и должен быть Государственный совет», — таково было спасительное средство против думской «прогрессивности», которое предлагалось царю.

В этих целях реформа Государственного совета должна была объединить в нем «консервативные силы страны», которые поддерживали бы царя против Думы, между тем как в дореформенном его виде он «казался бы Государственной думе одним лишь советом чиновников, постановляющим свои заключения по указаниям высшего начальства».⁴¹

Чтобы подсластить Николаю II пилюлю, Крыжановский утверждал, что «обаяние верховной власти в глазах большинства населения столь высоко», что она может вступать в несогласие с Думой, но тут же, давая понять, как это делал и Витте, что предоставление Думе «хотя и в ограниченной степени законодательного почина» выведет ее функции за чисто совещательные пределы,⁴² предрекал, что столкновения ее с царем будут многочисленны, и предостерегал по поводу нежелательности и опасности этого для царизма. Война и революция, заявлял он, особенно требуют «сохранения самодержавной власти государя на подобающей ей высоте и в отдалении от мелочей будничной жизни и взаимного столкновения общественных интересов». Но смысл записки состоял не только в том, чтобы новый Государственный совет оградил царя и стал умерять «порывы» Думы, но и в том, чтобы царская власть могла использовать столкновения палат друг с другом, выбирая «между двумя мнениями» или проводя свое собственное решение. С преобразованием Государственного совета, обещал Крыжановский, для царизма откроется возможность не только найти «выход из многих затруднительных положений», но и «взять в руки общественное движение» и «уложить это движение в определенные рамки».

Как же предполагалось сформировать Государственный совет, помимо того, что в него можно было провести тех представителей «приверженных порядку и устойчивых слоев общества», которые могут провалиться на выборах в Думу? Крыжановский отвергал предложение по особому выбору правительства «отсортировать необходимое число лиц из состава Государственной думы и ввести их в Государственный совет», так как это привело бы к радикализации оставшегося состава думцев. Отклонял он и набранье членов Государственного совета земскими собраниями и

городскими думами, чтобы не придавать «местным общественным учреждениям значение и свойство учреждений общегосударственных».⁴³

В записке предлагалось формировать Государственный совет из членов императорской фамилии по назначению царя и других назначаемых им лиц, из представителей тех княжеских и дворянских родов, которым был бы предоставлен наследственный голос в лице старшего в роде, из нескольких высших иерархов православной церкви, а также из выбранных представителей от профессоров Московского и Петербургского университетов, от биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур и купеческих обществ, которым царь даст такое право, от дворянских обществ коренных русских губерний, а также избираемых по одному от каждой из таких губерний избирателями, владеющими недвижимостью, не менее чем в 10 раз превышающей ценз, установленный для участия землевладельцев в избирательных съездах на выборах в Думу. При этом число выборных членов не должно было превышать число назначаемых.

Во время происходившего 11 октября у Сольского обсуждения записки Крыжановского Витте вдруг заявил, что, хотя, «конечно», хорошо бы иметь в Государственном совете «представителей лучших высших стремлений», но время не терпит, и надо возложить избрание выборных членов Государственного совета на выборщиков в Думу. Пален и Чихачев пришли в ужас и принялись, как записал в своем дневнике Половцов, настаивать «на необходимости военной силой прекратить беспорядки, прежде чем делать какие-либо реформы, являющиеся теперь уступками перед буйствами толпы».⁴⁴

Витте, которому только того и надо было, сейчас же написал записку царю, смысл которой состоял в рекомендации Чихачева в диктаторы. Устно через Фредерикса он назвал в качестве «подходящего диктатора» А. П. Игнатьева.⁴⁵ Карикатурность обеих этих фигур в качестве кандидатов в военные диктаторы (Чихачев был известен по своему прошлому главным образом как председатель Российского общества пароходства и торговли, хотя и управлял в течение нескольких лет морским министерством, а карьера Игнатьева по большей части была связана с ведомством внутренних дел, так что ни адмирала, ни генерала никак нельзя было выдать за популярных полководцев) подрывала самую идею военной диктатуры. И Чихачев, вызванный Витте в Петроград, услышал от Николая II, что тот «готов дать конституцию».

Игнатьев же продолжал борьбу против всяких преобразований и Витте как их поборника. 11 октября он вместе со Стшинским предпринял последнюю попытку сорвать объединение министров. Они подали свой проект создания в Совете министров постоянного присутствия, после которого рассмотренные им дела передавались бы царем на рассмотрение Совета министров в полном составе. На следующий день, 12 октября, в совещании Сольского они, объявив свой проект «достаточным», выступили против реформы Совета министров в целом. В своем

⁴¹ Там же, д. 16, л. 84—86.

⁴² «С большинством... Думы, как бы ни определялись по букве закона права учреждения, на деле все же придется считаться», — предупреждал Крыжановский (там же, л. 90).

⁴³ Там же, л. 88—89.

⁴⁴ Дневник А. А. Половцова (запись 11 окт. 1905 г.), с. 75.

⁴⁵ Там же, с. 76; Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 34.

обращенном к царю особом мнении они ссылались на то, что его «верховное руководство высшим управлением государства» проектом плохо обеспечено, а «должности председателя Совета присваивается совершенно исключительное положение по размерам власти и полномочий».⁴⁶ «Гр. Игнатев и Стиницкий упорствуют в том, что первый министр будет у нас верховным визирем», — записал Половцов. Лобко протестовал против своего подчинения как государственного контролера первому министру, но Витте ответил ему «грозной речью». Дело было в том, что в начале заседания Сольский прочел записку царя с требованием возможно скорее решить вопрос об объединенном министерстве, а в конце объявил, что телеграфирует царю об исполнении его поручения.⁴⁷

В этот же день был подписан указ о собраниях. С яростью делал Игнатев пометы в мемории совещания по поводу правил для печати. Отвергая виттевское утверждение об «административном усмотрении», «личных желаниях и воззрениях цензурного начальства и местной администрации», он объявил их «клеветой на должностных лиц» и написал: «В суждениях было прямо выяснено, что главную роль в разнузданности печати играет попустительство подлежащих властей». «Неужели не убедились еще в том, что уступки до добра не доводят», — восклицал он и завершал свои пометы отчаянными словами о том, что хотя заявления его не принимаются во внимание, он «правду выразить обязан».⁴⁸ Эти пометы Игнатева были сделаны 13 октября.

Какалось, что ход революционных событий не оставляет места сомнениям в целесообразности преобразований. Москва после проведенной большевистскими организациями 10 октября партийной конференции бастовала в сущности целиком. Подъем революционной забастовочной волны наблюдался и в Петербурге. Как и в Московском университете, в актовых залах столичных высших учебных заведений происходили фактически непрерывно многотрудные митинги. Лозунги, под которыми бастовали рабочие, носили отчетливо выраженный политический характер наряду с выдвигавшимися экономическими требованиями. С каждым часом поступали сообщения о революционных выступлениях в различных городах. В течение 10 и 11 октября такие города, как Екатеринослав, Харьков, Ярославль, были фактически охвачены всеобщей стачкой. 12 октября петербургский железнодорожный узел оказался парализованным, как и московский. В сущности железнодорожное движение прекратилось по всей стране.

При том, что события совершенно очевидно приобретали характер жизненной угрозы для режима, Витте еще и пугнул Николая II, представив 12 октября доклад о совещании, которое он провел в этот день по приказанию царя с Треповым и важнейшими министрами по поводу железнодорожной стачки. Удостоверив, что по общему мнению министров, войск недостаточно даже для охраны дорог в случае перевода их на военное положение (не говоря уже о подавлении), Витте заявлял царю, что железнодорожная стачка «составляет грозную часть общего

революционного движения в России» и, «следовательно», может быть ликвидирована «общими мерами, которые могут служить для устранения общего революционного движения». В качестве «первой меры для борьбы со смутю» Витте называл, конечно же, «образование однородного правительства с определенной программой».⁴⁹ Идея диктатуры была поставлена при этом под вопрос недостатком военной силы, а в действительности имелась в виду как общая неблагонадежность солдатских масс с правительственной точки зрения, так и трудности с доставкой войск с Дальнего Востока в европейскую часть страны.

Витте не зря действовал не покладая рук. На 13 октября был вызван в Петергоф И. Л. Горемыкин.⁵⁰ Осознав, что на «зубров» с их лозунгом фактической консервации политических институтов при усилении карательных действий как единственном средстве контрреволюционной борьбы по условиям момента положиться нельзя, что преобразования неизбежны, Николай II хотел попытаться возложить их осуществление на более «верного», чем Витте, человека или, по крайней мере, ввести Горемыкина в кабинет (как сейчас увидим, Николай и сам употребил теперь это слово) в качестве министра внутренних дел.⁵¹ Вызванный и в 6 часов вечера Горемыкин с большим трудом добрался до Петергофа в карете (поезда не ходили, парохода морской министр дать не мог, по дороге рабочие-путиловцы бросали в карету камни). Как рассказывал впоследствии Горемыкин, он уговаривал царя «оказывать твердое сопротивление» и развивал фантастический план уничтожения «смертельным для толпы огнем» якобы готовившегося похода в Петергоф шестидесяти тысяч «революционеров». Трепов же, получивший 12 октября в свое подчинение петербургский гарнизон и фактически диктаторские полномочия, «укорнял» Горемыкина в авантюризме, хотя на следующий день, 14 октября, на улицах столицы было расклеено его извещение о получившем печальную известность приказе: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

Тогда же, 13-го вечером, Николай II дал по телеграфу поручение Витте «впредь до утверждения закона о кабинете» объединить деятельность министров, которым ставил «целью восстановить порядок повсеместно».⁵² На следующее утро, 14 октября, Витте опять отправился к царю. Он плыл на пароходе, попавшем в качку, рассуждая «о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь», и заявляя, что не примет должности премьера, если не будет утвержден его верноподданнейший доклад, который он вез с собой. Доклад этот, составление которого было завершено накануне вечером, предназначался им к опубликованию после утверждения царем. В нем задачей правительства провозглашалось «стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, гражданских свобод».⁵³ Однако

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1544, ф. 1, д. 5, л. 326—327, 332, 349.

⁴⁷ Дневник А. А. Половцова (запись 12 окт. 1905 г.), с. 76.

⁴⁸ ЦГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 8, л. 125—126.

⁴⁹ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 61.

⁵⁰ Дневник А. А. Половцова (запись 27 апр. 1908 г.), с. 126.

⁵¹ Там же; Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 12.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, с. 4—7; Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 62 и сл. Рукой Витте было добавлено, что сделано это должно быть «путем нормальной законодательной разработки».

тут же подчеркивалось, что «устройство правового порядка» дело долгое. В докладе далее в качестве важнейших мер фигурировали объединение министерств и преобразование Государственного совета.

Царь опять настаивал на манифесте, Витте же доказывал, что «будет гораздо осторожнее» ограничиться утверждением его, Витте, программы, наложенной в докладе. Помимо того, что в этом случае ответственность ложилась бы на автора доклада (Витте непереставно подчеркивал это), его программа была весьма умеренной. В докладе не упоминалось ни о необходимости предоставления Думе законодательных прав, ни о расширении круга избирателей. В нем была лишь повторена фраза из манифеста 6 августа о том, что положение о Думе может получить дальнейшее развитие.

Однако царь продолжал на протяжении двух совещаний настаивать на манифесте. И хотя в перерыве Витте сказал Н. И. Вуничу, что «мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырвать согласие», решение было отложено до следующего дня. Вечером 14 октября флигель-адъютант кн. В. Н. Орлов по телефону вызвал Витте на следующее утро, приказав приготовить проект манифеста, в котором все исходило бы от Николая II, а намеченные в виттевском докладе меры «были выведены из области обещаний в область государем даруемых фактов». Радикалистская решительность царя вызвана была стремлением политически обезвредить Витте, которого дворцовое окружение снова стало изображать рушущимся в президенту Российской республики и потому стремящимся предать изобретателем мер, способных «успокоить Россию». Но Витте был уверен в своей незаменимости, и возросшее его влияние ощущалось окружающими. Совещание Сольского, собравшееся в 9 часов вечера 14 октября для продолжения обсуждения реформы Государственного совета, не стало обсуждать ничего важного из-за неявки Витте, не приславшего даже извинения.⁵⁴

Получив от Орлова новое приказание царя, Витте решил было предпослать своему докладу вступление, приписывающее предложения доклада царским повелениям и указаниям, но тут же поручил А. Д. Оболенскому за ночь составить проект манифеста. Проект этот обсуждался Витте, Фредериксом, самим Оболенским и Вуничем на пароходе по дороге в Петергоф утром 15 октября. В нем как царское поручение объединенному министерству фигурировали три пункта: выработка и представление царю в месячный срок правил о предоставлении гражданских прав, составление и внесение на рассмотрение Думы и Государственного совета предложений о предоставлении избирательных прав тем разрядам населения, которые были их лишены, рассмотрение и представление царю тех требований бастующих железнодорожников, которые могут быть удовлетворены.⁵⁵

В результате обсуждения возник набросок, сделанный рукой Вунича, в котором к двум первым выше указанным пунктам был добавлен пункт о «непременном» участии Думы и Государственного совета в рассмотрении всех законодательных дел.

Положение было совершенно критическим. Петербург был безличного транспорта и железнодорожного сообщения даже с Петергофом, частично без освещения и телефонов. Бастовали аптеки, почта, типографии, в том числе и Государственная, так что важнейшие политические документы нигде было напечатать, наконец, забастовал Государственный банк. 14 октября во дворе Академии художеств состоялся многотысячный революционный митинг. Трепов, считая, что у него в Петербурге достаточно войск для подавления вооруженного восстания, одновременно заявлял об отсутствии «соответствующих частей» для восстановления железнодорожного сообщения с Петергофом. Военный министр генерал Редигер заявил, что находящиеся внутри страны войска ненадежны в целом. Плывший в Петергоф на пароходе вместе с Витте и Вуничем генерал-адъютант Беннидорф, брат посла в Лондоне, сокрушался по поводу многодетности царской семьи, которая была бы препятствием на случай бегства морем на Петергофа. И тем не менее составители коллективно создававшегося на пароходе наброска на расширение прав Думы так и не решались. «Непременное» участие Думы и Государственного совета в обсуждении «всех» законодательных дел, о котором было сказано в наброске, в сущности не изменило бы думскую компетенцию. Как известно, по булыгинскому закону законодательные предположения, отвергнутые двумя третями голосов Думы и Государственного совета, царь утвердить не мог, а мог лишь приказать заново внести их на рассмотрение. Это-то и имелось в виду, когда речь заходила об условности грани между законосовещательными и законодательными функциями Думы. Однако булыгинский закон ставил Думу в зависимость от Государственного совета, который мог не считаться с ее мнением. Между тем одно из главных требований либеральной оппозиции состояло в предоставлении решающего голоса в законодательстве именно нижней палате. Мало что значило для пределов думских прав и намеченное обещание не принимать законов без их рассмотрения в Думе и Государственном совете: булыгинский закон содержал довольно обширный перечень предметов ведения Думы, который в сочетании с ее правом законодательной инициативы оставлял вне ее компетенции в сущности лишь вопросы государственного устройства, регулируемые основными законами.

Таким бессодержательным был намеченный на пароходе пункт об участии Думы и Государственного совета в обсуждении законодательных дел. Завершившие его слова: «...лишь только после такого обсуждения могущих получить утверждение» — были зачеркнуты.⁵⁶ Выработку текста манифеста пришлось прервать, поручив завершение ее Оболенскому и Вуничу, так как пароход подошел к Петергофу. Но когда он уже остановился, Витте продиктовал Вуничу «окончательно установленное содержание пунктов предполагавшегося манифеста».⁵⁷ Судя, впрочем, по содержавшимся в этой бессвязной и отрывочной записи словам: «Назначай вас председателем Совета министров», Витте был непрочь получить рескрипт. Витте продиктовал те же в сущности три пункта, которые фигурировали в наброске, сделанном Вуничем в ходе обсуждения в пути,

⁵⁴ Дневник А. А. Половцова (запись 14 окт. 1905 г.), с. 76.

⁵⁵ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 86—87.

⁵⁶ Там же, с. 88.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 84, л. 2.

но третий пункт, посвященный правам Думы и Государственного совета, кончался теперь словами: «...никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Гос. Думы».⁵⁸

Придя во дворец, Витте сделал этот пункт одним из двух пунктов своей программы (второй заключался в предоставлении гражданских свобод). Причем держал он себя так, как если бы пункт о предоставлении Думе законодательных прав фигурировал в его всеподданнейшем докладе. У Николая II были полк. кн. Николай Николаевич, Фредерикс и генерал-адъютант Рихтер. Вызванные раньше Горемыкин и барон А. А. Будберг, 13 октября отставивший перед царем необходимость конституционных перемен,⁵⁹ согласно последовавшему потом приказу царя, были доставлены в Петергоф на отдельном пароходе и до конца совещания спрятаны во дворце. Царь приказал Витте прочитать его всеподданнейший доклад. Николай Николаевич как командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа и потому наиболее вероятный кандидат на мало привлекательную, чреватую неприятностями и опасностями роль диктатора, проявлял наибольшую активность, задавая Витте различные вопросы. Витте, как и прежде, развивал свою мысль о двух путях борьбы с революцией, высказываясь за путь конституционный. Царь прервал заседание, приказав Витте после завтрака представить текст манифеста, несмотря на настояния того, чтобы манифест не издавать, а ограничиться утверждением прочитанного доклада.

Витте пришел к Оболенскому и Вунчу, которые уже составили проект на основе «заметок, сделанных на пароходе», т. е. наброска, сделанного Вунчем в результате коллективного обсуждения, и его же записи виттевского диктанта. «При этом первоначальный проект князя А. Д. (Оболенского, — Р. Г.) остался как-то в стороне», — вспоминал впоследствии Вунч. Однако угроза силой подавить революционные выступления, которая была в проекте Оболенского, но отсутствовала в «пароходных» текстах, в проекте Вунча—Оболенского оказалась. Между тем она-то с предельной выразительностью и характеризовала политический смысл манифеста.

Тремя пунктами (они и составляли «конституцию») царь возлагал «на обязанность министерства, объединенного под руководством председателя Комитета министров», выполнение своей воли, заключающейся в том, чтобы «даровать» гражданские права, не откладывая выборов в Думу, привлечь к участию в них те слои населения, которые лишены избирательных прав, установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог получить силу без одобрения Думы и ей была предоставлена возможность надзора за действиями властей. Витте колебался было, не ограничиться ли обещанием предоставления избирательных прав рабочим, но согласился с распространением их на всех лишенных. Затем, по воспоминаниям Вунча, возникли сомнения, не слишком ли решительным выражением пункта о законодательных правах Думы, по и его решено было оставить без изменений, якобы в соответствии с духом

всеподданнейшего доклада (в действительности в докладе, как мы знаем, ничего похожего не было).

По возобновлении совещания у царя Витте, продолжавший настаивать «на том, что о самодержавии больше не может быть речи, и что необходимо категорически дать конституцию», получил поддержку Николая Николаевича, который «сначала говорил за строгие меры», и Рихтера. С текстом манифеста все как будто согласилось, но Витте по-прежнему предлагал заменить манифест докладом, мотивируя это необходимостью оградить царский авторитет и в этой связи предупреждая, что «успокоение может наступить не сразу». У Рихтера, требовавшего, чтобы реформы были возведены царем в форму манифеста, сложилось впечатление, что все требования Витте удовлетворены.⁶⁰

Однако вслед за тем и царю были выданы ожидавшие «в укрытии» Горемыкин и Будберг, которым была поручена правка виттевского проекта при том, что Горемыкин, как мы знаем, был противником каких бы то ни было преобразований, а Будберг считал текст нуждающимся в редакционных улучшениях. Со стороны содержания он был с виттевским проектом согласен и в подготовленном им собственном проекте к виттевским пунктам были добавлены политическая амнистия и отмена смертной казни.⁶¹ В течение ночи на 16 октября Будберг при участии Горемыкина и Орлова изготовил несколько вариантов проекта.⁶² Конечный вариант по содержанию отличался от виттевского тем, что о законодательных правах Думы в нем не упоминалось, гражданские права даровались самим царем «ныне же», в то время как в виттевском проекте это поручалось царем объединенному министерству. Виттевский доклад при этом публиковать не собирались. Впрочем, доклад, судя по всему, был бы отставлен и в случае принятия виттевского проекта манифеста.

Однако ночному петергофскому бумаготворчеству, с помощью которого хотели если не сорвать назначение Витте премьером, то подорвать его влияние в самом начале этой его карьеры, еще с вечера были противопоставлены «регулярные» действия совещания Сольского в Петербурге.

Сольский, с известной последовательностью проводивший курс на преобразования (вспомним о его беседе с царем 4 июля), устроивший встречу Витте с Николаем 9 октября, явно направляя дело объединения министерств в пользу Витте, сделал решительные и срочные шаги. 15 октября участникам совещания был разослан текст мемории с просьбой вернуть его к 2 часам следующего дня. Сделано это было с большой срочностью, по-видимому в конце дня, так как Коконцову текст был отправлен уже 16 октября, и он, пометив время 12¼ ч. дня, написал: «Читал и замечаний по существу делать не считаю себя вправе».⁶³ Сольский

⁵⁸ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 89.

⁵⁹ Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1981, вып. XII, с. 176.

⁶⁰ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 22, 28; Дневник А. Половцова (запись 20 окт. 1905 г.), с. 79.

⁶¹ Островский А. В., Сафонов М. М. Неизвестный проект манифеста 17 октября 1905 г. — Советские архивы, 1979, № 2, с. 62—65.

⁶² Обстоятельное их рассмотрение, как и вообще истории текста манифеста, предприняли А. В. Островский и М. М. Сафонов в указанной выше статье «Манифест 17 октября 1905 г.»

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 388.

и 27 членов совещания, включая Победоносцева, Трепова, Рихтера и Фредерикса, отклонили предложение Стишинского и Игнатьева, которое сводило преобразование на нет. Чтобы еще раз показать всеобъемлюще реакционный характер своей и Стишинского позиции, Игнатьев в правке мемории подчеркнул, что их предложение подходит на тот случай, если Дума законодательных прав не дадут. «По схеме 2-х членов в Гос. Думе не предстоит „проводить“ дела», — написал он, зачеркнув в проекте указа обоснование необходимости объединения министров их задачами проведения в Думе дел, отнесенных к ее ведению.⁶⁴ Текст указа был изменен, но Игнатьев и Стишинский остались в полной изоляции, как и другой противник Витте — Лобко, требовавший, чтобы государственный контролер был причислен к министрам двора, военному, морскому и иностранных дел, назначение которых должно было делаться царем без представления председателя Совета министров. Лобко поддерживал было Победоносцев, но в целом мемория очерчивала довольно широкий круг прав председателя Совета министров. При том, что фактически эти обязанности с 13 октября исполнял Витте, а Комитет министров, председателем которого он состоял, в мемории предполагалось закрыть, ее оформление, особенно в критических обстоятельствах момента, являлось своеобразным актом доверия к нему со стороны всех высших сановников империи.

В этом свете следует рассматривать и отзыв Трепова о виттевских проектах доклада и манифеста, присланных ему вместе с паническим запросом Николая II, желавшего знать, «сколько дней, считая крайний срок», можно «удержать в Петербурге порядок без пролития крови» и возможно ли вообще «достичь подвора порядка без больших жертв». На этот вопрос Трепов ответил отрицательно («не могу ни теперь, ни в будущем дать в этом гарантию; крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись»). А виттевские проекты, хоть они и вызвали у него ряд замечаний, в частности, принцип неприкосновенности личности был для него неприемлем, он не отверг.

Причастность к решению совещания Сольского, несомненно, сыграла свою роль, Трепов упоминал о том, что «кабинет министров — вопрос уже предрешенный и проект готовится». Способствуя неизбежному — назначению Витте, Трепов позаботился о собственном месте при новом государственном порядке, порекомендовав Николаю II создать одновременно личный кабинет, в котором, несомненно, рассчитывал занять ключевой пост.⁶⁵

Не будет неосторожным предположить, что именно после завершения подписания мемории (в 2 часа дня) Витте, как он сообщал, предъявил свой телефонный ультиматум царю, о котором с большой охотой писал впоследствии.⁶⁶ Он просил Фредерикса передать царю, что отказывается от назначения на пост главы правительства, если его проект манифеста будет изменен, хотя продолжает считать манифест «покуда» не пустым. Таким образом, требование опубликования доклада было опять повто-

Речь, собиравшийся было подписать проект, представлявший собой конечный результат бдений Будберга и Горемыкина, а затем ознакомить с ним Витте, вынужден был отступить.⁶⁷ Следствием ультиматума был поздний приезд Фредерикса вместе с начальником его канцелярии, генералом Мосоловым. Итог их переговоров с будущим премьером, происходивших после полуночи с 16-го на 17 октября, состоял в том, что Витте отклонил привезенный проект Горемыкина — Будберга, еще раз предложил ограничиться опубликованием его доклада с уже сделанным к нему вступлением, относившим все его содержание к инициативе царя. Когда же Фредерикс сказал, что вопрос об издании манифеста пересмотру не подлежит, то Витте поставил условием своего согласия на назначение премьером принятие его проекта. Примечательно, что Витте явно надеялся на поддержку Трепова, осведомившись, знает ли тот о вилите Фредерикса и Мосолова.⁶⁸

На следующий день, 17 октября, после того как Фредерикс доложил утром царю о почтиных переговорах, и вел. кн. Николай Николаевич и Витте были вызваны опять к царю, оказалось, что Витте может прибыть только к половине дня. Тем временем великий князь доказывал Фредериксу, что диктатура невозможна из-за недостатка войск. Решению «даться графу Витте», как выразился Фредерикс, т. е. не только принять его проект манифеста, но и утвердить и опубликовать его доклад, было принято, согласно традиционной версии, в значительной мере восходящей к мемуарам Витте, под влиянием Николая Николаевича, угрожавшего самоубийством в случае принятия решения о диктатуре. А на его позицию в свою очередь повлиял рабочий-зубатовец М. А. Ушаков, направленный к нему известным придворным авантюристом кн. М. М. Андрониковым и внушавший ему, что без Витте не обойтись. Эта же мысль была прямо-таки навязчивой при дворе, несмотря на все страхи перед кандидатом в премьеры.

Вел. кн. Николай Николаевич был, вероятно, действительно, настойчив, но следует иметь в виду, что вопрос о «конституции» был решен царем еще накануне. 16 октября в своем ответе на треповский отзыв о виттевском проекте манифеста царь писал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержке в этой борьбе нигде не пришлось, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести и предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же». Даже в этой срезнице перед самым доверенным своим приближенным Николай не избежал лицемерия: пытаясь с по-

⁶⁷ Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября... с. 184—185.

⁶⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 15—16, с. 40. Фредерикс и Мосолов приехали к Витте от Трепова, которому читали проекты манифестов. А. В. Островский и М. М. Сафонов, основываясь на воспоминаниях Мосолова, считают, что Витте были предложены треповские поправки к его проекту и что в ходе переговоров он готов был их принять, но затем переменял свое решение на прежнее ультимативное (Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября... с. 185).

⁶⁹ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 144.

⁶⁴ Там же, л. 374.

⁶⁵ Былое, 1919, № 14, с. 110—111.

⁶⁶ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 29, 39.

мощью горемыкинского проекта лишить Думу законодательных прав, он писал, что предпочитает «давать все сразу».

Как бы то ни было, однако на «конституцию» он решился, и теперь его следовало склонить к принятию требования Витте. И дело было не только в том, что к виттевским требованиям у Николая был особый подход независимо от их объема, Витте требовал утверждения своего программного доклада. А это было для царя нежелательно не только потому, что подчеркивало личное влияние Витте, хоть будущий премьер и приписал и своему докладу первую фразу, относящую составление всей программы к царской инициативе. Не менее важным недостатком доклада в глазах царя было то обстоятельство, что при минимальности меры обозначенных уступок в нем намечалась как бы перспектива преобразований. А придать преобразовательной деятельности систематический характер Николай II как раз и не хотел.

Тут-то и появился перед ним опять в качестве сторонника преобразований Сольский. После того как оформление мемории было 16 октября завершено, он для представления ее подготовил 17-го всеподданнейший доклад. Обычно такие его доклады носили чисто формальный характер. На сей раз это было коллективное, что само по себе было из ряда вон выходящим, обращение к царю с настоятельным требованием «коренных широких реформ». От имени председателей департаментов Государственного совета и от своего имени Сольский заявил, что к реформаторским «ходатайствам нельзя относиться отрицательно», «Переживаемое Россией неслыханное в ее истории время лишается выражением широко распространенного среди широких слоев населения недовольства многими сторонами существующего строя, к изменению которого принимаются недостаточно решительные меры», — писал Сольский.⁷⁰ Это был почти бунт, смягченный заявлением о том, что дарование «гарантий свободы в законных пределах... может еще привлечь на сторону правительства благонамеренные сферы». А «опираясь на них, только и можно вывести Россию из того крайне опасного положения, в котором она теперь находится». Объединенное правительство оказалось, таким образом, стержнем «конституции».

В шестом часу вечера Николай подписал манифест в том его виде, как он был подготовлен Вупчем и Оболенским под руководством Витте, а также утвердил виттевский доклад. Так появились два связанных друг с другом акта, не соответствовавших друг другу по содержанию. В сущности разница между мерами уступок, намеченных в докладе и содержащихся в манифесте, определялась теми успехами, которые одержало революционное движение за неделю, прошедшую между 8 октября, когда было начато составление доклада, и 15-м, когда был написан проект манифеста.

Поскольку манифест шел дальше доклада в области уступок и обещаний, система объявленных 17 октября преобразований стала связываться именно с ним. Между тем в докладе содержались косвенная критика предшествовавшего внутриполитического курса царизма и заявление о том, что «Россия переросла форму существующего строя».

Каково же было значение актов 17 октября? Общеизвестно, что либеральная буржуазия горячо приветствовала манифест, видя в нем провозглашение «коренных начал правового строя», октроированную конституцию и расценивая его принятие как свою победу. В своем месте мы остановимся на той роли, которую акты 17 октября играли в формировании буржуазно-помещичьих политических партий и выработке их программ. Ликование в оппозиционных верхах усиливалось в первые после издания манифеста дни благодаря тому, что их лидеры усматривали в манифесте воплощение требований сентябрьского съезда земских и городских деятелей. Между тем в решениях этого съезда лишь были повторены получившие задолго до того широчайшее распространение требования не только буржуазно-оппозиционных «низов», но и демократической общественности, которыми до и после манифеста 6 августа выражался протест против булыгинской Думы и булыгинских «свобод». Требования эти, как мы видели, совершенно одинаковым образом сформулированные, витали в воздухе уже весной и летом. Не исключение их в решение съезда, а размах революционного движения были причиной их появления в тексте манифеста.

Это отмечал в 1915 г. буржуазный правовед А. С. Алексеев. Так же, как лидеры либеральных оппозиционеров 1905 г., выводя манифест из решений сентябрьского съезда, он тем не менее указывал, что правительство оказалось «перед разбушевавшимся потоком», обращал внимание на бесплодность либеральных призывов к самодержавию и расценивал манифест как государственный акт, «отвоеванный народом».⁷¹

Как и другие авторы посвященной десятилетнему юбилею манифеста книги журнала «Юридический вестник», подходившие к прошлому российского конституционализма с точки зрения политических задач буржуазной оппозиции 1915 г., Алексеев считал, что после 17 октября 1905 г. самодержавный строй прекратил свое существование. Высказывались и противоположные точки зрения. М. А. Рейснер писал об «абсолютизме, принявшем формы лжеконституционализма».⁷² Почти что нарицательной стала повторявшаяся с оттенком иронии формула, которую применил для определения государственного строя России Готский альманах: «Конституционная империя с самодержавным царем».

Однако судьба актов 17 октября не должна заслонять исторического значения их появления, которое В. И. Ленин характеризовал как первую победу революции.

В статье, так и названной «Первая победа революции», написанной 19 октября, В. И. Ленин отметил: «Самодержавие вовсе еще не перестало существовать».⁷³ Здесь же он дал исчерпывающий анализ причин, вынудивших Николая II подписать манифест. Среди них он поставил в первый ряд факты, свидетельствующие о военном бессилии самодержавия. Словно зная сокровенные мысли Николая II и Трепова, которыми они

⁷¹ Алексеев А. С. Манифест 17 октября 1905 г. и политическое движение, его вызвавшее. — Юридический вестник, 1915, кн. XI, с. 40—41.

⁷² Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975, с. 86.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 27.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ПЕРИОД НАИВЫСШЕГО ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ

обменялись в письмах накануне манифеста, вождь революции с величайшей точностью определил смысл политического маневра самодержавия. «... Правительство рассчитало, — писал В. И. Ленин, — что лучше не рисковать серьезным и всеобщим кровопролитием, ибо в случае победы народа царская власть была бы сметена начисто». ⁷⁴ Ленинская оценка, данная в этой статье, включала в себя, с одной стороны, признание важности манифеста как акта, декларировавшего начала конституционного строя, обещающего «прямую конституцию», а с другой — предупреждение о том, что «манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания». ⁷⁵ «Нет, царям еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и наберечь себе новых союзников в борьбе», — писал Ленин. ⁷⁶

Оценка манифеста 17 октября в советской исторической и юридической литературе при некоторых различиях в мнениях имеет общей своей основой признание того обстоятельства, что он провозглашал начала буржуазного конституционализма. С. М. Сидельников подчеркивал, что манифест не внес изменений в организацию государственной власти и не ограничивал самодержавия, а А. М. Давидович считал установившийся строй конституционным самодержавием. ⁷⁷ Обобщенные историко-юридические характеристики установившегося после 17 октября 1905 г. строя находим в упоминавшейся уже работе Н. И. Васильевой, Г. В. Гальперина и А. И. Королева, а также в новейшей работе А. И. Королева. Авторы первой из них считают, что самодержавие перестало быть полностью неограниченным, т. е. «манифест декларировал эволюцию формы правления Российского государства от абсолютной к конституционной монархии, разумеется, ничем не обеспечив реализацию данного заявления». Они отмечают, что манифест внес изменения не только в форму правления, но и в политический режим государства. ⁷⁸ А. И. Королев добавляет к этому, в подкрепление формулы о «конституционной монархии», что В. И. Ленин не противопоставлял понятия «конституционное самодержавие» и «конституционная монархия». При этом А. И. Королев вслед за Е. Д. Черменским подчеркивает фиктивный характер конституции, разделяя его точку зрения о невозможности определенного ответа на вопрос, сохранился ли в России после 1905 г. абсолютизм или она перешла к конституционной монархии. ⁷⁹

⁷⁴ Там же, с. 28.

⁷⁵ Там же, с. 30.

⁷⁶ Там же, с. 31.

⁷⁷ МIRONENKO К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. юридич., 1958, вып. X, № 255, с. 158—179; Черменский Е. Д. 1) Буржуазия и царизм в первой русской революции, с. 146; 2) История СССР. Период империализма, М., 1974, с. 178; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы, М., 1962, с. 43; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма, М., 1975, с. 291.

⁷⁸ Васильева Н. И., Гальперин Г. В., Королев А. И. Указ. соч., с. 88.

⁷⁹ Королев А. И. Государственная власть и рабочий класс СССР, Л., 1980, с. 29.

В революционной практике октябрьских дней 1905 г. большевики и меньшевики по-разному оценивали манифест 17 октября. Рассматривая его как победу революции, большевики разоблачали лицемерный характер царских обещаний. Меньшевики, разделяя конституционные иллюзии в демократических и даже в некоторых рабочих кругах, исходили из того, что страна будет развиваться по мирному, конституционному пути и возлагали на это свои упования. На следующий день после царского манифеста ЦК РСДРП в своем воззвании «К русскому народу» требовал надежных гарантий, а не обещаний политических свобод — немедленного вооружения народа, снятия военного положения во всех местностях, созыва Учредительного собрания, отмены сословного строя, введения восьмичасового рабочего дня. ЦК подчеркивал, что подготовка вооруженного восстания остается первоочередной задачей пролетариата, что путь удовлетворения этих ближайших требований только один — свержение царизма и создание временного революционного правительства, которое созовет Учредительное собрание. ¹

Ход политических событий после манифеста немедленно подтвердил большевистские оценки его. Правительственным сообщением 20 октября С. Ю. Витте объявил, что осуществление провозглашенных манифестом реформ требует времени для законодательной разработки, а пока должны действовать прежние законы. Витте хотел таким образом подтвердить целесообразность с охранительной точки зрения своих настояний на том, чтобы разработка реформ была поручена правительству вопреки намерениям царя провозгласить их от своего имени как бы «вдруг». Но сообщение это имело гораздо более общее значение в условиях, когда опубликование манифеста и вызванное им ликование буржуазии сопровождалось расстрелами революционных демонстрантов войсками во многих городах страны. В Петербурге солдаты Семёновского полка зверски избили публику и студентов у Технологического института, в результате чего был ранен Е. В. Тарле, тогда приват-доцент университета. ²

¹ Революция 1906—1907 гг. в России / Под ред. Ю. И. Кораблева, М., 1975, с. 162.

² С. Ю. Витте и командир полка Г. Мин разговаривали перед этим по телефону. Витте по просьбе директора института просил не разгонять толпу, Мин в ответ предложил ему самому прибыть на площадь и убедить толпу разойтись. Сведения об этом проникли в печать и расценивались в буржуазных кругах как признак конфликта между Витте и Треповым, противоречий между правительством и военными властями. Витте распорядился опровергнуть в печати самый факт своего разговора с Мином, хотя впоследствии описал его в своих мемуарах (Крас-

Ободренные расстрелами демонстрантов по приказам полицейских властей и инспирируемые этими властями и влиятельными кругами противников государственных преобразований и какой бы то ни было реформаторской деятельности, черносотенцы начали повсюду погромы, преследуя, избивая и убивая представителей революционных кругов, демократической общественности, студентов, евреев.

Революционным рабочим, демократам приходилось брать на себя функции самообороны и защиты населения от черносотенных бесчинств.

Возникшие в ходе революционных событий Советы, создававшиеся трудящимися как революционные формы организации, начинали функционировать в качестве органов государственной власти. Петербургский совет, хоть руководство его и было меньшевистским, под давлением масс и влиянием ЦК РСДРП принял 18 октября решение о политической амнистии, а на следующий день, 19-го, о том, чтобы все газеты столицы выходили без цензуры, а типографии подцензурных газет не печатали.³

В этих обстоятельствах приглашенные к Витте 18 октября редакторы петербургских газет предъявили коллективные требования свободы печати и политической амнистии. Даже редактор «Нового времени» М. А. Суворин поддержал требование амнистии. Пришедшие ссылались на то, что теперь за нее выступает и «Гражданин» В. П. Мецкерского. Буржуазные редакторы отчетливо давали понять, что действуют под давлением масс. Наиболее радикальные из них требовали удаления Трепова, отмены военного положения и усиленной охраны, отвода войск и казаков из Петербурга и даже организации народной милиции. Витте, хотя и был несколько растерян и напуган, главным образом, продолжавшейся железнодорожной забастовкой, в сущности отказал во всем. «Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества», — заявил он. «Не могу стать на вашу точку зрения. Вы упраздняете правительство», — возразил Витте на заявление о том, что Совет (его называли стачечным комитетом) ручается за порядок без войск. Лишь по поводу амнистии он заявил, что поручил выяснить, «в каких размерах» она возможна. «Я сам возмущаюсь насильем... Помогите мне, дайте несколько недель», — просил Витте, призывая, впрочем, редакторов не нарушать законов о цензуре и пообещав только устранить цензурные «недоразумения».

Встреча с редакторами преследовала, по-видимому, ту же цель, что и официальное опровержение газетных сообщений, согласно которым Витте поставил осуществление манифеста под сомнение и объявил самодержавную власть продолжающей существовать «без всякой перемены».⁴

С той же целью придания своей политике видимой благопристойности для привлечения «благонамеренных» на сторону царизма Николай II и

Витте затеяли переговоры с «общественными деятелями» о вхождении их представителей в состав виттевского кабинета. И точно так же, как в беседе с редакторами газет, в результате переговоров с «общественниками» очень скоро выяснилось, что делить подлинную власть ни царь, ни его первый министр ни с кем не собираются, что в ходе всех государственных преобразований они с наибольшим упорством стремятся сохранить не только самодержавные черты режима, но и его традиционную политическую основу.

В конечном итоге после замены Победоносцева, генерала Глазова, считавшихся крайними реакционерами, и других перемен виттевский кабинет оказался составленным из бюрократов, среди которых лишь некоторые могли сойти за либералов. Однако десятидневные переговоры с «общественниками», сведения о которых широко обсуждались в печати, как и слухи о подбора министров из чиновников либерального толка, очень помогли Витте в критические для царизма дни, когда всеобщая стачка продолжалась (в столице она пошла на убыль 27 октября, а тот день, когда переговоры с «общественниками» прекратились).

«Витте потирает от удовольствия руки, видя „великую“ успехи своей удивительно хитрой игры. Он сохраняет повиновение либерализма... А в то же время он приобретает вместе с повиновением и капитал, ибо он остается главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции»,⁵ — писал В. И. Ленин, указывая на то, что переговоры Витте с представителями буржуазии «не могут получить серьезного значения во время горячей борьбы, когда враждебные силы стоят друг против друга между двух решительных битв».⁶

Фактическая сторона переговоров Витте с «общественниками» была освещена в печати, в мемуарах самого Витте и многих из участников этих переговоров.⁷ С самого их начала обнаружился различный подход сторон к делу. Витте хотел прежде всего, чтобы факт переговоров был достоянием гласности. На случай же, если бы переговоры дали реальные результаты, он готов был иметь «общественников» в составе кабинета, но не допускать их к настоящей власти. Начав свои переговоры с Шинкова, он предложил ему пост государственного контролера, который, как мы знаем, за несколько дней до того он лишил всякой самостоятельности, пост министра народного просвещения был предложен проф. кн. Е. Н. Трубецкому, торговли и промышленности (хотя министерство торговли и промышленности еще не было создано и существовало пока лишь в планах Витте) — А. И. Гучкову. Шинков же потребовал портфеля минист-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 50.

⁶ Там же, с. 53.

⁷ Шинков Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 334 и сл.; Миллюков П. Н. 1) Три попытки. Париж, 1921, с. 40 и сл.; 2) Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 314—325; Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние новости (Париж), 1936, 12 авг.; Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага, 1934, с. 433; Специальное рассмотрение хода и значения переговоров см.: Самодержавие и либералы в революцию 1905—1907 гг. М.; Л., 1925 / Предисл. С. М. Дубровского; сост. С. А. Алексеев; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 8—30.

ный Архив, 1925, т. 4/5, с. 464—465; Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 102).

³ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М.; Л., 1955, ч. 1, с. 383—385; Королев А. И. Государственная власть и рабочий класс СССР. Л., 1980, с. 22; Вондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 157.

⁴ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 100—105.

ров юстиции, внутренних дел и земледелия, предложив кандидатами в министры юстиции С. А. Муромцева, а на два других поста — кн. Г. Е. Львова и И. И. Петрункевича с тем, чтобы Витте сам решил, кому из них какое министерство поручить. Повторилась сцена, разыгранная в 1902 г. в переговорах между Плеве и приведенным в кабинет министра внутренних дел из «Крестов» Милюковым, когда Плеве от имени царя предложил выпускавшемуся на волю Милюкову пост министра просвещения, а тот потребовал себе портфель самого Плеве.⁸

В ходе дальнейших переговоров члены бюро земских и городских деятелей Ф. Ф. Кокошкин, Ф. А. Головин и Г. Е. Львов выдвинули требования созыва на основе четырехвостки Учредительного собрания для выработки основного закона, немедленного осуществления возмещенных манифестом свобод и полной политической амнистии.

После этого Витте оставалось продолжать совещания с Шиповым, Гучковым, Стаховичем и Трубецким, которые, как выразился Шипов, считали «необходимость сохранения и поддержания авторитета государственной власти».⁹ Камнем преткновения в этих переговорах стала кандидатура Дурново на пост министра внутренних дел. Самый пост этот «общественники» готовы были уступить «бюрократам», но кандидатуру Дурново они шумно отвергали. При этом обсуждались кандидатуры князя С. Д. Урусова, П. А. Столыпина и самого Витте. В конце концов вопрос о вступлении в кабинет Шипова, Гучкова и Трубецкого также отпал, но Витте получила возможность опубликовать их письма, содержавшие политическую поддержку своей программы.

Это были дни, когда и царь, и Трепов, переведенный теперь на пост дворцового коменданта и сохранивший свое влияние на царя, и Витте видели в опоре на «благонамеренных» из числа «общественников» главное направление своих политических маневров, необходимых для расправы с революционными массами. Царь принял Шипова. Витте, не ограничиваясь торгом вокруг министерских портфелей, устраивал и использовал встречи с любыми представителями либеральных кругов, чтобы доказать искренность своего конституционализма, продемонстрировать трудности своего положения между требованиями революционных масс и не допускающим конституции царем, а главное — чтобы склонить либералов к занятию открыто контрреволюционных позиций.

Пришедшим к нему в ночь на 24 октября просить о предотвращении кровавой расправы с намечавшейся у Технологического института демонстрацией И. В. Гессену и проф. Л. И. Петражицкому он пытался поручить составление проекта Основных законов. Милюкову, считавшему, что предоставить выработку конституции последовательно избираемым органам (Учредительное собрание, Дума) «чересчур рискованно», и предложившему поэтому без долгих проволочек октроировать конституцию («Положите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи, а последавтра опубликуйте», — «драматизируя и упрощая свою речь», сказал Милюков), Витте заявил, что либеральную

общественность данная сверху конституция не удовлетворит, народ конституции вообще не хочет, а царь не хочет ее дать. Милюков успокоил Витте насчет либеральной общественности, заверив его, что получив конституцию, она «пошумит и успокоится», и заметил: «Выходило, что Витте радикальнее меня самого».¹⁰

Чрезвычайно существенным элементом политической ситуации после манифеста 17 октября было окончательное формирование в сущности уже сложившихся накануне провозглашения манифеста буржуазных партий. Из них важнейшей была кадетская партия, учредительный съезд которой проходил 12—18 октября (принятые в день открытия правила о собраниях придавали ему легальный характер). Организаторы этой партии, принадлежавшие к трем прежним оппозиционным группам — группе земной-конституционалистов, «Союзу освобождения» и Союзу союзов, и прежде всего Милюков стремились придать ей характер общенациональной. Многие представители русской профессуры различных специальностей, адвокаты, инженеры, врачи и учителя пошли «в кадеты». Однако уроки октябрьской стачки и предшествовавших ей революционных событий, самая обстановка торжества революционных масс способствовали значительному подвигу наиболее прогрессивных слоев интеллигенции. Влияние революционной социал-демократии, развитие событий, подтверждавшее решения и лозунги III съезда РСДРП, сказывались на их взглядах. Самое название партии — «конституционалисты-демократы», как признавал Милюков, «уже являлось помехой».¹¹ Конституцию в буржуазных кругах считали данной манифестом 17 октября, а «демократизм» с неизбежностью предполагал республиканизм. Между тем требования республики кадеты избегали, оставив вопрос о государственном строе в своей программе нерешенным и избежав в ней даже лозунга созыва Учредительного собрания. Как стадию на пути к нему кадеты хотели использовать Думу, отказываясь от так называемой «органической» работы в ней. «Широта» кадетской программы, объяснявшаяся стремлением объединить вокруг традиционных идей либерализма представителей всех классов — от помещиков до рабочих — сводилась в сущности к системе обычных буржуазных требований с правосоциалистическими декларативными элементами.

Программа предусматривала для удовлетворения крестьянской нужды принудительное отчуждение частновладельческих земель с вознаграждением, а в рабочем вопросе — право на стачки и восьмичасовой рабочий день (тут же, впрочем, следовали оговорки о постепенности его установления). Как и предшествовавшие консолидационные решения и действия либеральной буржуазии, организационная деятельность кадетской партии была направлена на противоборство с революционной социал-демократией и ее влиянием в пролетарских и крестьянских массах. Первые же шаги партии при организации ее групп на местах делались для привлечения на ее сторону пролетарских и крестьянских слоев. Попытки эти были неудачны.

Аморфность кадетской программы приводила к неоднородности партии. Ее правое крыло (П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Н. Н. Львов и др.)

⁸ Милюков П. П. Воспоминания, т. 1, с. 201—204.

⁹ Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 339.

¹⁰ Милюков П. П. Воспоминания, т. 1, с. 326—327.

¹¹ Там же, с. 306.

вынуждено было в момент организации партии терпимо отнестись к радикальным и даже социалистическим идеям мелкой буржуазии.

Витте, которого большинство кадетских лидеров поддерживали, ставя условием этой поддержки выполнение обещаний манифеста, и который, со своей стороны, по его собственным словам, был готов поддержать кадетов, «симпатично» относясь «к взглядам этой партии», в первые же дни после учредительного съезда передал через П. В. Гессена кадетским лидерам требование открытого осуждения революции.¹² Однако партия «народной свободы», как называли себя кадеты, в то время боялась открыто противопоставить себя революционному народу, оставляя возможность для политического торга с правительством.

Вместе с аморфностью ее программы это вело к тому, что более консервативные буржуазные, в частности крупно-предпринимательские, круги стремились к образованию собственных партий и политических группировок. Еще до 17 октября было провозглашено создание партии правового порядка, объявившей себя национал-либеральной, с лозунгами единой и неделимой России, сильной государственной власти. В ее программе по аграрному вопросу упор был сделан на переход от общинного к личному землевладению и устранение опеки над крестьянами. Признавая свободу стачек, эта партия требовала запрета и преследования стачек в важных для обороны и нужд населения отраслях, а также уголовной ответственности за принуждение к любым стачкам.

13—20 октября в шумных спорах о программе и необходимости объединения фабрикантов и заводчиков и противoses организации пролетариата была предпринята попытка создания так называемой прогрессивной экономической партии. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов и другие представительные организации промышленной и финансовой буржуазии по совету Витте хотели создать собственную политическую организацию. Однако план этот не осуществился. В Москве партийно-политические объединительные тенденции в предпринимательской среде привели к созданию умеренно-прогрессивной партии во главе с братьями Рябушинскими, А. И. Кополовым и др., представлявшей собой группу «молодых», и торгово-промышленной партии, которая возглавлялась Г. А. Крестовниковым и состояла из представителей кондового московского купечества. Совместное воззвание этих партий призывало к содействию правительству в осуществлении начал манифеста при регулировании дарованных свобод законами. Руководящие деятели этих партий играли значительную роль среди буржуазных политиков, однако сами эти партии развития не получили. Политическое представительство специальных предпринимательских интересов практически осталось за объединениями промышленников и торговцев.

Общеполитические же интересы крупной буржуазии и помещичьих кругов право-либеральной ориентации стала выражать партия «октябристов», или «Союз 17 октября», учрежденная консервативным меньшинством земско-городской съездовской организации в начале ноября и ока-

завшаяся единственной значительной и наиболее устойчивой среди возникших партий крупной буржуазии, к которой некоторые из них примкнули. Ее лидеры-учредители Шипов, Гучков, гр. Гейден, М. В. Родзянко и др. стояли на платформе манифеста, поддержки правительства. Требуя сохранения существующего государственного строя, определявшегося ими вначале как конституционная монархия, октябристы вскоре стали отстаивать совместимость манифеста с сохранением самодержавия. В своих учредительных заявлениях они резко протестовали против лозунга Учредительного собрания. В области аграрной политики они, помимо тех мер, которые рассматривались и в бюрократической среде (уравнивания крестьян в правах с другими сословиями, преобразования Крестьянского банка, наделения крестьян за счет государственных и удельных земель, развития переселения и др.), допускали в исключительных случаях отчуждение частновладельческих земель за вознаграждение. В рабочем вопросе, как, впрочем, и в крестьянском, октябристская программа имела сходные с кадетской черты. Однако процесс их правления принял более быстрые темпы, левым течениям, несмотря на усиленные попытки октябристов воздействовать на рабочих и крестьянские партии, не было места в среде этой партии. Характеризуя «типичного октябриста», В. И. Ленин отмечал, что это «не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин... он презирает всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на „демократизм“».¹³

Тогда же, в октябрьские дни, образовалась общероссийская черносотенная организация «Союз русского народа», противопоставившая уступкам и дарованным манифестом свободам кровавые погромы. Вдохновляемая «зубрами», представителями крайней дворянской реакции, эта организация стремилась придать правдоподобие пресловутому «единению царя с народом». Самые темные и развращенные слои российских обывателей вовлекались в этот Союз и его черные сотни-банды громили и убивали. Мещанские и люмпен-пролетарские элементы, представители уголовно-полицейского мирка больших городов, в котором воров и убийц уживались с агентами сыскных отделений, оказывались в одной партии с шовинистически настроенными интеллигентами, реакционными публицистами, проповедниками мракобесия и человеконенавистничества. Это была единственная в своем роде политическая партия, членом которой объявлял себя сам Николай II. Она располагала большими средствами для пропаганды «неизбежности самодержавия», призывов к травле «инородцев», членов революционных организаций, представителей прогрессивных демократических кругов. Широко прибегая к социальной демагогии, «союзники» требовали увеличения надельов для малоземельных крестьян, улучшения правового положения трудящихся, вели пропаганду в организованных Союзом «народных» чайных и столовых. Некоторые слои трудящихся попадали под влияние «союзников», оказывались вовлеченными в их организацию. Одним из первых лидеров черносотенцев был стоявший во главе «Союза русского народа» доктор А. И. Дубровин.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 25.

¹² Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 224. О политике кадетов см.: Шеловас В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983.

Общеполитическая обстановка в стране складывалась в конце октября грозным для царизма образом. Прекращение всеобщей забастовки 27 октября и восстановление железнодорожного сообщения лишь частично улучшили положение властей. В Кронштадте в эти дни произошло восстание моряков, к которому присоединились и солдаты. Усиливались революционные выступления в деревне, особенно размах принимало крестьянское движение в Прибалтике. Рабочие Петербурга и других городов требовали введения 8-часового рабочего дня, росло число и влияние Советов по всей стране. 1 ноября Петербургский совет объявил всеобщую забастовку (она продолжалась неделю) в знак протеста против первых после манифеста значительных карательных мер властей. Усиливались случаи неповиновения в воинских частях. Военное начальство и правительство были напуганы недостаточностью для карательных целей войск, находившихся в Европейской России, к тому же ослабленных увольнением призванных во время войны запасных.

Фактическая свобода печати, появление сатирических журналов, высмеивавших царя, его окружение, манифест 17 октября, открыто подрывали престиж власти. Специальное правительственное сообщение понадобилось для того, чтобы вступить в полемику с газетными статьями о роли армии в подавлении революции. Беспокоились и буржуазно-оппозиционные лидеры. «Положение дел ужасное. Мы не удержим катящегося к анархии и пугачевщины... По военной диктатура страшна. Это будет бессильная попытка и больше ничего. Наступит минутное торжество всенародно избранной социал-демократии. А затем полный хаос пугачевщины», — писал Витте В. Д. Кузьмин-Караваев 2 ноября, требуя немедленного объявления о созыве Думы и угрожая тем, что «через каких-нибудь десять дней» на Думе «придется поставить крест», так как окончательно победит идея созыва Учредительного собрания.¹⁴

В этих условиях виттевский кабинет и Николай II дополняют карательные действия мерами политического и социального характера.

Одной из первых таких мер явилась политическая амнистия, объявленная 21 октября. Часть осужденных за политические преступления, в том числе стачечников, освобождалась от наказаний, другой части, включая участников террористических актов, мера наказания смягчалась. Хотя Витте, по его словам, «в душе немного побаивался амнистии», он считал ее «необходимой», как и другие сановники, включая Трепова, устраивавшие заседание с таким расчетом, чтобы поменьше ездить по улицам.¹⁵ В тот же день появилось правительственное сообщение по поводу участия в революционном движении учащихся средних учебных заведений, а 24 октября — новое сообщение с призывом к прекращению беспорядков, в котором угрозы военной силой чередовались с увещаниями. В первые после манифеста дни Трепов, Горемыкин, Будберг, сам Николай II искали способы умиротворения крестьянства. Действовали они скорее всего под непосредственным влиянием страха перед крестьянскими захватами помещичьих земель. Остатки веры в крестьянский монархизм если и играли здесь роль, то гораздо менее значительную.

Трепов, который говорил, что готов даром отдать половину своей собственной земли ради сохранения второй половины от захвата крестьянами, представил царю проект проф. П. П. Мигулина, основанный на идее принудительного отчуждения около половины помещичьих земель в пользу крестьянства. Мера эта, по поддержанному Треповым мигулинскому проекту, должна была быть осуществлена немедленно и самим царем, но Николай II передал проект Витте для обсуждения в Совете министров. Будберг, который через несколько дней после 17 октября открыл поход за свержение Витте, и Горемыкин, составивший 25-го записку о том, что манифест ничего не дал крестьянству, предлагали отменить выкупные платежи.

29 октября Совет министров, единогласно отвергнув мигулинский проект и приняв вопрос о наделении крестьян землей подлежащим обсуждению Думы и Государственного совета, одобрил в качестве мер к удовлетворению крестьян сложение выкупных платежей и расширение деятельности Крестьянского банка.

Изданный 3 ноября 1905 г. царский манифест предусматривал уменьшение выкупных платежей наполовину в 1906 г. и полную их отмену с 1907 г. По мнению Николая II, эти меры были «несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России», на деле же выкупные платежи были к тому времени в значительной части уже выплачены, а образовавшиеся недоимки взыскать вряд ли было возможно. Указ от того же числа разрешил Крестьянскому банку покупать в неограниченном размере помещичьи земли для перепродажи их крестьянам с предоставлением им кредитов. Но крестьяне требовали помещичьих земель без возмещения.¹⁶ Реакционное же помещичье крыло и его влиятельные сторонники в правительственных кругах требовали не допустить даже возмездного принудительного их отчуждения, доказывали, что причины крестьянского движения не в безземелье, которое де все равно устранить невозможно, так как земли на всех не хватит, и в природной склонности крестьян к захватам, в низком уровне земледельческой культуры и т. п.

Окончание 7 ноября всеобщей забастовки придало духу противникам отчуждения и привело к тому, что сторонники его, несколько оправившиеся от страха перед революционным крестьянством, несмотря на значительный рост аграрных беспорядков в ноябре по сравнению с октябрём, быстро переменили свои намерения и опять стали «держаться за землю». Как только стало известно, что главноуправляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер готовит проект принудительного отчуждения, сейчас же, в середине ноября, появилась записка с резким протестом против этого, содержавшая требование ограничиться уже произведенным расширением функций Крестьянского банка.¹⁷ Среди аргументов автора этой записки¹⁸ был и тот, что власти следует опи-

¹⁴ ЦГА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 423, л. 1—2.

¹⁵ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 125.

¹⁶ Симонова М. С. Аграрная политика самодержавия в 1905 г. — Исторические записки, 1968, т. 81; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980, с. 58—59; Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 196, 324; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981, с. 192—193.

¹⁷ Аграрный вопрос в Совете министров. М.; Л., 1924, с. 63 и сл.

¹⁸ М. С. Симонова считает ее автором В. И. Гурко.

ратся не на неимущие слои крестьянской среды, «хотя бы уже потому, что эти слои одновременно и наименее правдиво устойчивые, и наименее деятельные», а «на наиболее крепкую и надежную ее часть», на те элементы, которым отчуждение части помещичьих земель невыгодно, поскольку они их арендуют. Наемный труд в помещичьем хозяйстве является источником денежных отношений в деревне, подчеркивал автор, пугая в качестве результата передачи земли крестьянам возвратом «от только что упрочивающегося денежного способа хозяйства к натуральному», уничтожением всего внутреннего рынка для промышленности, государственным банкротством и недовольством «рабочего класса, этого ныне наиболее опасного для государственного строя элемента».

Таким образом, каждая из сторон в полемике рассматривала «свой» путь капиталистического развития деревни в качестве главного средства консервации политического режима. Однако пока правительственные меры по преимуществу носили характер реакции на текущие революционные события, которые продолжали нарастать.

8 ноября «ввиду усиливающихся беспорядков в Лифляндской и Курляндской губерниях, а также существования серьезного брожения в населении Эстляндской губернии» царским указом было временно введено Прибалтийское генерал-губернаторство с подчинением генерал-губернатору расположенных там войск.¹⁹

Середина ноября была занята вооруженной борьбой с восставшими черноморскими моряками и стиратыми выступлениями солдатских масс в разных городах страны. 15 ноября началась почтово-телеграфная стачка по всей стране, показавшая, что правительственный произвол в осуществлении обещаний манифеста сводит их на нет. Правительство объявило, что несмотря на провозглашенную манифестом свободу союзов, чиновники без разрешения начальства образовывать их не могут, ибо это противоречит законам о службе гражданской. Витте отказался принять делегацию почтово-телеграфных служащих и отменить распоряжение МВД о запрете образования их союза. Одновременно он применил политические мажоры, чередуя их с карательными мерами. Так, по поводу волнений в Севастополе он обратился к председателю происходившего в Москве ноябрьского земско-городского съезда Петрункевичу, апеллируя к патристическим чувствам делегатов. Однако успеха это не принесло, съезд принял большинством голосов требование отмены исключительных положений и пожелание осуществления программы «органических» реформ как условия поддержки правительства, а также высказался за автономию Польши.

23 ноября появилось правительственное сообщение о том, что введение правового порядка требует времени, и окончательное проведение в жизнь основ гражданской свободы может быть осуществлено лишь в законодательной санкции Думы. Тут же было сообщено, что выработаны временные правила о печати, разрабатывается новое положение о Государственном совете и готовится расширение прав на выборы в Думу, которая будет созвана незамедлительно. 24 ноября была незна-

чительно расширена черта еврейской оседлости — во входивших в эту черту губерниях было увеличено число населенных пунктов, где евреям разрешалось жить. В тот же день административным властям было предоставлено право карать за хранение и продажу огнестрельного оружия, а привоз его из-за границы и из Финляндии был вовсе запрещен.²⁰ И, наконец, все в тот же день были приняты выработанные Советом министров и утвержденные Государственным советом временные правила о периодической печати,²¹ вызвавшие с ее стороны острую критику. Правительственная попытка с помощью правил «ввести печать в берега» наталкивалась на установленную явочным порядком накануне и особенно после манифеста фактическую свободу печати. Еще во время Октябрьской забастовки состоялось собрание представителей большинства петербургских газет по поводу активной борьбы с цензурой. Образовался «Союз в защиту свободы печати». 13 октября совещание делегатов редакций петербургских газет даже наметило систему мер для осуществления фактической свободы печати. Игнорирование цензурных требований должно было подкрепляться срочной односторонней забастовкой всех газет в случае, если выпуск одной из них будет задержан властями, организацией добровольной дружины газетных разносчиков для воспрепятствования попыткам запрета распространения тех или иных печатных органов, договоренностью об одновременном печатании тождественных сообщений о текущих событиях. Выборное бюро занялось обсуждением вопроса о противопоставлении цензурным карам круговой поруки редакций. Решимость буржуазных журналистов и редакторов подкреплялась принятым 19 октября постановлением Петербургского совета, предлагавшим типографским рабочим выпускать лишь те газеты, которые будут игнорировать цензуру. «Союз в защиту свободы печати», рассмотрев новые правила в тот же день, когда они были опубликованы, постановил «по-прежнему фактически осуществлять свободу печати». Правила, которые правительство стремилось изобразить как победу либерального начала, не шли в сущности дальше той позиции, которую МВД отстаивало еще в феврале 1905 г. в совещании по печати, образованном во исполнение указа 12 декабря 1904 г. Она состояла в том, чтобы, не отменяя вовсе предварительной цензуры, освободить от нее издания, выходящие в крупных городах.²² Теперь предварительная цензура сохранялась лишь для изданий, выходящих вне городов. В городах преследование повременных изданий должно было производиться после попыток выпуска в свет тех их номеров, которые содержали подлежащие запрету статьи.

Преподнесенные как устраняющие административный произвол, правила были рассчитаны на привлечение суда в помощь администрации в деле укрощения печати. В тогдашней политической обстановке судебное преследование печати становилось наиболее для властей доступным карательным средством. Как указывалось в составленной по поручению

²⁰ Там же, с. 271, 261.

²¹ Там же, с. 261 и сл.

²² Протоколы высочайше учрежденного под председательством д. т. с. Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913, с. 7.

Витте записки о событиях этого времени, по его настоянию и «по собственному побуждению» полицейские власти пытались своими средствами прекратить антиправительственные выступления печати, «но ввиду недостаточности при переживаемых в то время обстоятельствах полицейской охраны благоприятные результаты были достигнуты не сразу».²³ Правила давали цензурным властям возможность ареста отдельных номеров газет и журналов с последующим утверждением его судом и введении судебную ответственность редактора или издателя с штрафом или тюремным заключением, причем перечень «преступных деяний, учиненных посредством печати в повременных изданиях», был так обширен, что привлечь к ответственности любого редактора ничего не стоило.

Последние числа ноября были ознаменованы переходом правительственной власти в наступление. До того Витте несколько притормаживал карательные мероприятия. В мемуарах он постоянно ссылаясь на отсутствие достаточных воинских сил в Европейской России и специально на необходимость дожидаться ослабления сил рабочих-забастовщиков в Петербурге и падения влияния руководства Совета в их среде. Еще циничнее объяснял он это в личных беседах. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, — писал впоследствии В. А. Маклаков. — Он бездействовал, давал революции разрастаться. Правые уверяли, что это входило в его интересы, что он мечтал сам стать президентом Российской республики. Эта мажорная глупость встречала доверие только в специальных кругах. Но многие думали, что и он растерялся. Позднее и не раз говорил с Витте об этом. Этих разговоров он не любил и раздражался. Иногда уверял, будто это делал сознательно, хотел покончить с революцией сразу, как когда-то Тьер покончил с Коммуной. Он рассказывал будто поручил покойному В. П. Литвинову-Фалинскому следить за наступлением подходящего часа».²⁴ Но сам Маклаков видел разгадку поведения Витте в его надеждах на активную политическую поддержку со стороны либеральной оппозиции и упрекал ее лидеров в том, что Витте в своих надеждах обманулся.

Политические же противники Витте справа, придворные «зубры», бучиваясь неистовствовали, обвиняя его то в бездействии и умышленном попустительстве революции, то в злокозненном нежелании дать конституцию, которая сплотила бы все слои, готовые сомкнуться с партией порядка в решительной контрреволюционной политике. Если судить по запискам одного из наиболее ярых противников Витте, Будберга, дело доходило даже до диких замыслов убийства премьера.²⁵

Как бы то ни было, однако, в середине двенадцатых чисел ноября кабинет Витте резко усилил карательные действия. 26 ноября Витте распорядился арестовать председателя Петербургского Совета Г. С. Хрусталева-Носаря. 29-го был издан указ, предоставлявший местным гражданским и военным властям право в случаях забастовок на железных дорогах, почте или телеграфе объявлять исключительное или военное положение

без ведома центральных властей.²⁶ Указ содержал в сущности угрозу карательным произволом на местах. Он был опубликован 4 декабря, а еще до его опубликования, 2 декабря, новым указом, опубликованным на следующий день, было установлено тюремное заключение для участников забастовок в предприятиях государственного значения, в том числе на железных дорогах, а также в правительственных учреждениях. Участники «сообществ», организовывавших забастовки, подлежали заключению в крепости.²⁷ На этом основании Совет министров предписал не признавать на железных дорогах никаких организаций.²⁸ 1 декабря Витте ответил земско-городскому съезду после рассмотрения Советом министров записки съезда с уже известными нам требованиями. Ответ гласил, что расширение начал манифеста 17 октября недопустимо, отмена исключительных положений невозможна из-за продолжающейся «смуты», меры, которые задевали бы полномочия Думы, невозможны до ее созыва и т. д.²⁹ В действительности же, как мы видели, правительство стремилось именно до созыва Думы всесторонне уместочить карательное законодательство.

После ареста Хрусталева-Носаря Витте распорядился арестовать весь состав Совета, но Дурново подкарауливал, пока состоится общее собрание, чтобы удобнее было осуществить арест. 2 декабря восемь петербургских газет напечатали принятый Петербургским советом 22 ноября и подписанный РСДРП и другими партиями и организациями так называемый финансовый манифест, содержавший призыв изымать вклады из сберегательных касс, требовать заработной платы в звонкой монете, не платить податей. Все газеты (как напечатавшие манифест целиком, так и поместившие сведения о нем в отделе хроники) были конфискованы, редакторы отданы под суд, а издание газет приостановлено до суда. Одновременно цензура возбудила около ста уголовных преследований против газет и журналов. Впрочем, редакции приостановленных газет, пользуясь явочным порядком учреждения изданий, стали, не дожидаясь суда, выпускать их с тем же составом сотрудников и в том же оформлении, но под другими заголовками.³⁰

3 декабря был произведен арест членов Совета. Путь к карательному разгулу был открыт. Этому способствовало и завершение выработки проекта нового избирательного закона, во время которой ставка на сотрудничество с либералами продолжала действовать. 30 ноября было сообщено, что Совет министров завершил работу над проектом.

В ходе обсуждения этого проекта как раз и проявились со всей полнотой не только стремление кабинета Витте-Дурново как можно более узко истолковать манифест 17 октября и свести к минимуму вытекающие из него преобразовательные меры, но и контрреволюционный характер буржуазной оппозиционности, и, самое главное, общий страх перед революционным пролетариатом, охвативший представителей как правительственной власти, так и буржуазной оппозиции. Виттевский кабинет стре-

²³ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 87, л. 43.

²⁴ Маклаков В. Первая революция. — Современные записки. (Париж), 1934, № 54, с. 330.

²⁵ Соловьев Ю. Б. Указ. соч., с. 188.

²⁶ Законодательные акты..., с. 279.

²⁷ Там же, с. 281 и сл.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 87, л. 22.

²⁹ Там же, л. 13.

³⁰ Там же, л. 43.

мился, с одной стороны, с помощью расширения избирательного права немедленно успокоить те слои, которые составляли социальную базу буржуазной оппозиции, а с другой — провести такой избирательный закон, чтобы с его помощью предотвратить создание радикальной Думы.

Привлеченные Витте к делу «общественники» привезли из Москвы в начале ноября проект бесцензового закона, основанный на предоставлении избирательных прав всем мужчинам, достигшим 25 лет, с двухстепенным голосованием по губерниям и областям. Витте выразил Шинову и Гучкову свое согласие с принципом всеобщего избирательного права. Но С. Е. Крыжановский, которому была поручена доработка, заявил им, что он сомневается в искренности согласия Витте с принципом всеобщего избирательного права, да и в прочности положения самого председателя Совета министров. «Я боюсь, — заявил он, — как бы мне не пришлось, в случае падения графа Витте, составлять еще третий проект закона о выборах в Думу и, может быть, на началах еще более узких, чем положение 6 августа».³¹

К назначенному на 19 ноября заседанию Совета министров было разработано три проекта избирательного закона. К уже известному нам проекту всеобщей подачи голосов было добавлено сохранение отдельных крестьянских выборов, как это предусматривалось по положению 6 августа. Из двух правительственных проектов первый предусматривал расширение установленных 6 августа разрядов избирателей с предоставлением рабочим права избрания членов Думы не прямым путем, а по степеням, на основе группового представительства рабочих отдельных предприятий. Второй правительственный проект предусматривал еще большее расширение избирательного права по разрядам городских избирателей и землевладельцев, а также предоставление его всему рабочему населению, в том числе, рабочим, занятым в ремесленных мастерских и объединенным в трудовые артели, с включением выборщиков от рабочих в губернские и городские избирательные собрания. Знакомясь со справкой, в которой были изложены эти проекты,³² Шинов, Гучков и др. не могли не заключить, что Витте приказал составителям отдать предпочтение проекту всеобщей подачи голосов. В справке вопрос был поставлен таким образом, что оба правительственных проекта оказывались поставленными под сомнение из-за страха перед рабочими в различных его проявлениях. Специально уменьшать рабочее представительство было боязно, а проведенное в соответствии с численностью рабочего населения оно составило бы 70—71 человек, т. е. больше, чем крестьянское, исчислившееся в 51 человек. Предусматривавший это первый проект был страшен тем, что «обособление в отдельную группу представителей рабочих классов сводилось бы в сущности к установлению узаконенной стачечной организации», а второй пугал составителей результатами той многостепенности выборов для рабочих, которую они специально установили. Включенные в состав губернских и городских избирательных собраний наряду с избирателями по личному цензу уполномоченные от

рабочих в силу ответственности перед избирателями, как теперь она-сались, явились бы на выборы в полном составе, между тем как многие избиратели по личному цензу могли не явиться.

Вообще справка содержала сетования по поводу того, что представительство рабочих основывается на всеобщей подаче голосов, «тогда как представительство остальных, более консервативных классов, ограничено цензом», в результате чего «затемняется начало имущественной силы отдельных классов, положенное законом 6 августа в основание распределения выборщиков и на вид выступает начало численности избирателей в различных съездах». Изменять же распределение выборщиков означало «в сущности сломать всю созданную положением 6 августа систему классового представительства». «При таких условиях, — говорилось в справке, — должен неизбежно возникнуть вопрос, не будет ли правильнее, если нельзя ограничиться незначительным лишь расширением существующей избирательной системы, прийти прямо к общей подаче голосов в возможно оговоренной форме тем более, что начало это в той или иной степени приходится во всяком случае применить к выборам от рабочих». Отдельное крестьянское представительство предполагалось при этом сохранить.

Неудивительно, что Шинов в заседании Совета министров 19 ноября, не сомневаясь в успехе, высказался за всеобщее избирательное право, подчеркнув, что его введение предрешило вторым пунктом манифеста 17 октября. Витте немедленно выступил с возражениями, энергично отрицая данное Шиновым толкование манифеста и отстаивая общие основы положения 6 августа. Витте поддержал Оболенский, а Дурново, не скрывая раздражения, вызванного речами «общественников» заявил, что вообще нечего обсуждать избирательные системы, ибо проводить выборы во время революции немыслимо. По поводу необходимости для власти «доверия общества» он заявил, что правительству достаточно опоры на дворянство, а во время реплики Шипова о том, что «только общие выборы могут внести желательное умиротворение в среду так называемого третьего элемента», демонстративно ушел. Оболенский затем предъявил Шинову специальную записку с виттевским толкованием манифеста и даже с упоминанием о том, что именно манифест препятствует введению всеобщего избирательного права в обход устанавливаемого манифестом нового законодательного порядка.³³

Министры же сосредоточились на вопросе о рабочем представительстве. К прежним опасениям добавлялись новые, разделившиеся, как явствует из мемории Совета министров, всеми его членами. Выделение рабочих в отдельную группу избирателей и предоставление им определенного числа мест в Думе пугало теперь еще и перспективой усиления классового чувства в пролетарских массах, невозможностью уменьшить рабочее представительство в будущем и, наоборот, неминуемо предстоявшей борьбой рабочих за «увеличение числа членов Думы от рабочих соответственно росту численности рабочих масс, что может затруднить правительство в переходе к более правильной системе выборов».³⁴ Как

³¹ Шинов Д. Н. Указ. соч., с. 359—360.

³² Справка о порядке исполнения высочайших предначертаний, вознесенных в п. 2 манифеста 17 октября 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 21, л. 42—50.

³³ Шинов Д. Н. Указ. соч., с. 368—374.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 21, л. 11.

видим, виттевский кабинет, еще не осуществив обещаний манифеста 17 октября о расширении избирательного права, задумывался о его сокращении, ведь, «более правильная система выборов» ничего другого означать не могла, причем необходимость соблюдать новый законодательный порядок на сей раз уже не вызвала озабоченности.

Исключение выборщиков от рабочих в состав губернских и городских избирательных собраний рассматривалось теперь иначе, чем при подготовке проектов. Если тогда опасения вызвала перспектива фактического преобладания рабочих выборщиков в избирательных собраниях ввиду абсентеизма избирателей-цензовиков, то теперь, наоборот, пугала возможность неизбрания рабочих-депутатов по малочисленности выборщиков, в некоторых губерниях численность рабочих оставила бы их вовсе без представительства. Можно было предвидеть и «нарекания» по поводу того, что «за отсутствием достаточно определенных статистических данных о численности рабочего населения при системе этой придется основывать исчисление количества выборщиков от рабочих на основаниях весьма шатких».

«Наиболее, наконец, существенным доводом против участия рабочих в выборах на началах совместного их с другими классами представительства,— говорилось в мемории,— является соображение о той агитации, которую они внесут в среду избирательных собраний, воздействуя на состав последних в духе усвоенных ими мнений крайних партий». Совет министров андод себе в вопросе о рабочем представительстве как бы между двух огней. «За последнее время,— единогласно констатировал виттевский кабинет,— рабочий класс, находящийся в весьма сильном брожении, идет вперед охватывая страну движением и проявляет его в едва ли не наиболее острой и опасной форме». Расчет министров состоял в том, чтобы с помощью предоставления мест в Думе рабочим привести их «к успокоению, так как в вопросе о выборах деятельность крайних революционной и социалистической партий лишится ныне столь для них благоприятной почвы». Поэтому решено было «остановиться на системе отдельного представительства рабочих ввиду обеспечиваемого им усвоения рабочего класса и охранения общих выборов от участия в них наиболее беспокойного и опасного элемента».

Но не был забыт и преизрядный страх перед «узаконенной стачечной организацией» из 70 рабочих представителей в Думе и поэтому число их решено было свести по шести фабрично-заводским округам Европейской России всего к 14-ти.³⁶

Некоторые из членов Совета министров, несмотря на позицию Витте и Дурново, все же выступали за всеобщую подачу голосов. Они подчеркивали, что «со времени издания закона 6 августа в общественной жизни России, несмотря на крайнюю краткость срока, произошли весьма существенные перемены», в результате которых лозунг всеобщего и равного избирательного права получил широкое распространение в различных общественных слоях «и почти повсеместно в рабочем населении». Словно в документах либеральных оппозиционеров, звучала в устах министров этой группы критика правительственных мероприятий до соз-

дания виттевского кабинета, которые «не шли в уровень с ростом общественного сознания, и правительство вместо того, чтобы твердо взять в свои руки движение, ... шло позади общества, делая время от времени вынужденные полууступки, которые никого вполне не удовлетворяя, раздражали многих, как вообще всякая полумера». Предостерегая против промедления в деле уступок, они заявляли, что булыгинский закон на полгода раньше был бы принят как «желанное преобразование», а теперь если вовремя не ввести общих и равных выборов, то в будущем придется встретиться с требованием прямых.³⁶

Критика правительственной политики предшествовавшего 17 октября времени была для Витте, конечно, чрезвычайно выгодна и приятна. Но сам он, демонстрируя свою приверженность консервативному принципу, возглавил лагерь противников всеобщих выборов. Аргументы его и его сторонников состояли в том, что надо заботиться не столько об «успокоении общественного настроения, которое есть состояние переходящее», сколько о будущем, о составе ближайшей и будущих дум. Ссылаясь на опыт Англии и отдельных германских государств, они утверждали, что отсутствие всеобщего избирательного права обеспечивает государственную жизнь «на самых прочных началах». В соответствии с распространенной в консервативной юридической литературе того времени теорией всеобщее избирательное право рассматривалось как благоприятствующее «проявлению деспотизма масс, этого наиболее тягостного из всех видов тираний». «Частные землевладельцы, вся крупная промышленность, наконец, все образованные классы», предсказывали противники всеобщего избирательного права, «растворятся» в общей массе голосов, да и вследствие неявки многих избирателей в состав голосующих «войдут крайние элементы в гораздо большем числе, чем при выборах классовых».

Едва ли не главный аргумент против всеобщего голосования совершенно иронически звучал как горькое сожаление кабинета по поводу того, что лидеры буржуазно-помещичьих партий, в отличие от революционеров, еще не успели создать — как бы для общей с правительством пользы — своей массовой базы. «Широкие массы населения,— указывалось в мемории,— обыкновенно принимают участие в выборах лишь с чужого голоса, следуя указаниям политических партий. Между тем таких партий у нас почти совсем не имеется, ибо подобные общественные организации сводятся пока лишь к небольшим кружкам единомышленников. Единственная же существующая сплоченная и организованная партия есть партия революционная, которая, конечно, сильнее всех будет работать при выборах и, несомненно, достигнет весьма значительных результатов».³⁷

Разработанный Советом министров проект (единый вместо двух ранних) добавлял к числу избирателей по закону 6 августа, кроме рабочих, средние и низшие разряды городской и сельской интеллигенции, а также некоторые разряды мелких землевладельцев и лиц, хотя и обрабатывающих землю, но не связанных с нею правом собственности. Если для

³⁶ Там же, л. 12—13.

³⁶ Там же, л. 14.

³⁷ Там же, л. 15.

рабочих учреждалась особая курия, то для других групп предполагалось расширить ценз. Большинство министров и приглашенных на заседание кабинета согласилось на предоставление избирательных прав неимущей интеллигенции, но А. А. Сабуров решительно протестовал против этого, считая, что ее участие в выборах, «как доказано событиями последнего времени, наименее желательно... и уровень городских избирателей, несомненно, изменится к худшему». Он протестовал и против намеченного расширения числа избирателей в сельской местности, хотя управляющие имениями и арендаторы, которые подпадали под это расширение, по мнению большинства министров, в отличие от его мнения, «сложились уже в определенную группу с вполне определенными интересами, прочно привязанными притом к интересам порядка и спокойствия общественной и хозяйственной жизни страны».³⁸

Соотношение числа выборщиков по новой системе составляло 41.9% крестьянских, 32.4% землевладельческих, 22.1% городских и всего 3.4% рабочих.

Новый избирательный закон предстояло обсудить в особом совещании под председательством царя. Оно заседало 5, 7 и 11 декабря, в те самые дни, когда революционные события в Москве с каждым часом принимали все более грозный характер. Напомним, что 7 декабря в 12 часов дня по постановлению Московского Совета в Москве началась всеобщая забастовка, к вечеру 8-го в Москве бастовало более 150 тыс., а в Петербурге — более 100 тыс. человек, 10 декабря в Москве уже шли уличные бои, начавшиеся на исходе 9-го.³⁹ Драматизм событий, ощущение их смертельной опасности для режима придавали прениям в совещании характер предельной выразительности, заставляя его участников говорить под непосредственным влиянием классового чувства.

«Москвичи», как назвал царь приглашенных «общественников» Шипова и Гучкова, неслучайно открыли прения страстным призывом к принятию всеобщего голосования как наиболее действенного способа борьбы с революцией. Шипов, которому Витте до открытия заседания объяснил свои возражения в Совете министров против всеобщего голосования (единственно тем, что тот начал свою речь ссылкой на predeterminedность вопроса вторым пунктом манифеста 17 октября,⁴⁰) теперь, как и Гучков, отстаивал всеобщее голосование под флагом противодействия пролетарской революционности. «Грозное время», «смута», уверял Шипов, требуют «организации взаимодействия между правительством и обществом», возможности к которой открыла «монаршая милость» 17 октября и которой «не сочувствуют» «лишь революционные партии». С этой точки зрения он критиковал булыгинский закон, который «дал крайним партиям почву для распространения революционного движения среди масс»,

³⁸ Там же, л. 10, 19.

³⁹ Шацко К. Ф. 1905-й год. М., 1980, с. 164—165.

⁴⁰ «Всем известно, что автором этого манифеста был я, — заявил Витте Шипову, — и, следовательно, если бы я согласился с вашей точкой зрения, то мои многочисленные недоброжелатели, из которых многие присутствовали в заседании, могли бы сказать, что я преднамеренно представил государю к подписи проект манифеста, которым предпринималось немедленное применение общего избирательного права» (Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 375).

«так как к участию в политической жизни страны привлекались лишь состоятельные классы». Но и новый проект Совета министров Шипов отвергал «как дающий совершенно незаслуженное особое представительство рабочему классу». Смыкаясь в сущности с «зубрами», он как бы отказывался на минуту от всякой преобразовательной деятельности, готовый заменить ее карательными мерами. «Примирить крайние партии не только невозможно, но, мне думается, и нежелательно, — говорил он. — Надо только отнять у них возможность дальнейшего противодействия правительственной власти и в частности производству выборов».⁴¹

По «другому вопросу первостепенной важности — вопросу аграрному» Шипов рекомендовал правительству при провозглашении его программы «набегать термина дополнительного надела». Подчеркивая, что «вопрос об этом может возникнуть среди крестьян в связи с состоявшейся отменой выкупных платежей», он в соответствии с октябристской программой предостерегал: «Экспроприация частных земель может быть допущена только в исключительных случаях».⁴²

Но доминирующей была антирабочая, классово-буржуазная направленность позиции Шипова и Гучкова. Помимо ликвидации рабочего представительства, они обещали сановникам, что принятие всеобщей подачи голосов сделает Думу «наиболее консервативной».⁴³ С той же антирабочей позиции поддерживали всеобщую подачу голосов министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев и смертельный соперник Витте в реформаторстве октябрьских дней А. А. Будберг, не стеснявшийся, в отличие от Витте, заявлять, что всеобщее избирательное право манифестом предпринято. «Проект № 1 имеет больше недостатков, чем проект № 2. Им создается особое положение для рабочих, и притом не для всех, а только для организованных — фабричных, заводских и горных. Между тем, именно рабочий класс всего более воспринял социалистические учения. Такого же обособленного положения потребуют себе затем судовые команды, артели и тому подобные организации», — говорил руководитель ведомства, занимавшегося рабочим вопросом, Тимирязев. «В первом проекте главным дефектом мне представляется сплочение рабочих... Всеобщая подача голосов — неизбежность; поэтому на нее следует решиться, но только не на прямую подачу голосов», — заявлял Будберг.⁴⁴

Неудивительно, что Гучков при таких настроениях изобразил проект Совета министров чуть ли не в виде зубатовского заигрывания с пролетариатом. Он начал с похвалы булыгинскому закону, «известная продуманность и последовательность» которого состояли в том, чтобы «привлечь к участию в выборах состоятельные классы населения и крестьян». Однако булыгинский закон (и в этом Гучков видел его главный недостаток) устранял от участия в выборах «слишком много лиц», в том числе и самого оратора, который по квартирному цензу не получил бы права голоса, «хотя и должен считаться в числе лиц состоятельных, при-

⁴¹ Былое, 1917, № 3, с. 238—239.

⁴² Там же, с. 243.

⁴³ Там же, с. 239.

⁴⁴ Там же, с. 247, 257.

надлежащих к haute finance». Проект Совета министров Гучков встречал в штыки, возражая против того, что рабочие получают избирательные права вне ценза, «наиболее же мирные и спокойные элементы устраняются». «К числу этих устраненных в деревне принадлежат неотделенные сыновья и братья, а в городах все простонародье, за исключением того, которое живет на фабриках и заводах, — говорил Гучков. — Словом, именно тем элементам, которые наиболее шумели после 6 августа, дается премия. Рабочие обособливаются в особый класс. Вместе с тем из числа этих последних выделяется, т. е. устраняется от участия в выборах, миллионная масса и притом самая консервативная — стрелочники, сторожа, извозчики, ремесленники и т. п. Обособление же фабричных и заводских рабочих идет до самого верха. Они имеют в Думе особое представительство в лице 14 депутатов. Эти последние будут, несомненно, держать в руках нити всего рабочего движения и будут диктовать и правительству, и обществу, и народу свои условия. Это будет организованный стачечный союз».⁴⁵

Классовая платформа и социально-политическая ставка лидеров буржуазии, московской в особенности, в декабрьские дни не могла быть иной. Введение всеобщего избирательного права рассматривалось при этом как средство противопоставления революционному фабрично-заводскому пролетариату «огромной массы консервативных элементов», как выразился один из представителей «общественников» барон П. Л. Корф. Гучков и Шипов пытались воздействовать на царя и угрозами и посулами одновременно. «На мой взгляд дарование всеобщего избирательного права неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут. Между тем принятие этого принципа теперь же было бы актом доверия и милости», — говорил Гучков. А Шипов, обращаясь к Николаю, заявлял: «Радикалы требуют созыва Учредительного собрания; они и в Думу пойдут для проведения этого требования. Мы же, члены союза 17 октября, хотим укрепления власти и проведения возмездных вашим императорским величеством реформ. Если будет принято всеобщее избирательное право, то наши кандидаты пройдут; если же нет — будут выбраны именно наши противники».⁴⁶

Охранительный смысл, который придали своему проекту Шипов и Гучков, оказал влияние на царя. Заметив его колебания, выразив «общественникам» уверенность в принятии их проекта и поздравив их с успехом, Витте, твердо решивший всеобщего избирательного права не допускать, обратился за помощью к императрице.⁴⁷

На самом совещании Витте вилял, стремясь удовлетворить все группировки его участников. Он рекламировал свою карательную политику, дав понять, что осуществление карательных мер нуждается в сочувственном отношении со стороны буржуазных и обывательских слоев, и он

использовал для этого их националистическую идеологию и страх перед погромами, изображавшимися как дело революционеров. Первый благоприятный для карательных целей поворот он связывал с решением московского съезда об автономии Польши («стали делить Россию»). «В настоящее время погромы произвели второй поворот в общественном мнении. Явилась возможность арестовать 236 человек Совета рабочих депутатов, и этому в душе все радуются», — заявил Витте как бы в ответ на яростные речи Шипова и Гучкова против революционного пролетариата.⁴⁸

По вопросу о выборах Витте до некоторой степени солидаризировался с Дурново, выступавшим вообще против созыва Думы («Илечить смуту нельзя никакими выборами», «напрасно все думают, что созыв Государственной думы внесет немедленное успокоение»). Витте заявлял, что нельзя проводить выборов «там, где происходит беспорядки», причем подчеркивал, что «во многих местах все консервативные элементы бежали из деревни, и население вообще находится под влиянием революционеров». Затем он объявлял «революционные силы» незначительными и предлагал проводить выборы «почти везде», хотя и добавлял: «Никакой армии не хватит, чтобы обезопасить выборы».⁴⁹

Идеал Витте состоял, по его словам, и том, чтобы отсрочить созыв Думы и провести его по закону 6 августа, «может быть, и самому совершенному», в котором он хотел бы тем не менее сделать «некоторые поправки в еще более консервативном направлении». Но это было бы возможно, если бы дело происходило «вне пространства и времени». «Нельзя, однако, забывать, что в настоящее время в России происходит революция», — говорил он далее, доказывая, что «прекратить смуту силой» нельзя, ибо войска далеко и благонадежность их под сомнением. «Пока движение ... захватывает только высшие классы, правительство может с ним бороться, — с оттенком пренебрежения к либеральной оппозиции рассуждал Витте. . . — в городах, конечно, можно наложить узду», но «приходится водворять порядок в народе» и тут войск не хватит, а потому нельзя не использовать «путь нравственного успокоения», как определял он созыв Думы.

Думу «нужно дать» такую, «которая не обратилась бы в Учредительное собрание», предостерегал он, требуя, впрочем, созвать ее «как можно скорее».⁵⁰ Но потом он опять переходил на позицию Дурново, объявляя «совершенно невозможным» предоставление избирательных прав рабочим, а с другой стороны — созыв «прочной» Думы без этого («надо собрать ее не с тем, чтобы потом защищать с оружием в руках»). Тут, однако, Витте встретил решительные возражения Сабурова, Таганцева и Фриша, заявивших, что отложить созыв Думы невозможно. («Какая бы ни была Дума, защищать ее придется всегда», — заявил Сабуров). Но Витте громил рабочее представительство во всех его формах. Включение рабочих выборщиков в общую курию он отвергал, утверждая в унисон со Стишинским, что городские выборщики «будут от-

⁴⁵ Там же, с. 241.

⁴⁶ Там же, с. 241, 242.

⁴⁷ Шипов Д. П. Указ. соч., с. 389; Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 130. Кстати сказать, не только царь, но и Стишинский прельстился было речью Шипова и считал его, что хотя является его политическим противником и не согласен по существу, тем не менее видит серьезность представленных в пользу общего избирательного права соображений.

⁴⁸ Былое, 1917, № 3, с. 248—249.

⁴⁹ Там же, с. 242—244, 248.

⁵⁰ Там же, с. 245, 248.

даны рабочим на съедение». Трепов возражал: «Неужели выгоднее ввести в Думу 14 рабочих депутатов?» и вместе с Рихтером вернулся к порицанию всеобщего избирательного права, боясь «революционной думы».

Витте не стеснялся критиковать проект собственного кабинета. «Если допустить в Думу четырнадцать членов от рабочих, они будут непременно требовать себе двадцать пять, а потом и пятьдесят мест в Думе. И если вы это им дадите, то без крови вы не будете впоследствии в состоянии отнять у них это право. Поэтому проект № 1 представляется мне невозможным. Он может быть принят только без особого представительства от рабочих», — заявлял он и тут же добавлял, что игнорировать «право труда» в XX в. «опасно». «Рассуждая умом», он «перекрестился бы и решил бы в пользу второго проекта», но «по чутью» он боялся его и опять склонялся к первому, по которому «все опасные элементы сосредоточены в городах; они составляют меньшинство», «дума будет, может быть, слаба по своему интеллекту, а не по своему консерватизму».

При этом, характеризуя «тревожное состояние населения», которое, как Витте ожидал, продлится еще несколько месяцев, он саркастически ссылался на переход либеральных помещиков «на сторону порядка», на «последние речи» «имущего революционера» Родичева, который «советует то, что может говорить только самый истый консерватор». И в то же время он заявлял: «Надо было создать Думу в восьмидесятых годах, тогда не пришлось бы делать теперь сразу такого скачка».⁵¹

Противореча себе, он то утверждал, что предоставление права голоса всем, а не только фабрично-заводским рабочим, равносильно признанию всеобщего избирательного права, то заявлял, что на долю промышленного пролетариата приходится всего 3 миллиона из общего числа рабочих около 10 млн., и за минуту до окончательного решения царя предлагал дать право голоса им всем.⁵²

Николай II начал с признания, что до 17 октября он не интересовался вопросом о выборах, который был ему «совершенно непонятен», да и в течение этих заседаний находился «в полном колебании». Мысль о неизбежном созыве Думы он, очевидно, как бы гнал от себя до последней возможности. Но «с сегодняшнего утра» (дело происходило на следующий день после обращения Витте к царице с просьбой повлиять на царя в пользу недопущения всеобщего избирательного права) ему «стало ясно» и «чутье» подсказало, что второй проект принять нельзя. «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня — всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно», — объявил царь свое решение.⁵³

Провадив с помощью закулисных действий проект «общественников», Витте вместе с Тимирязевым и Треповым воспротивился попытке вернуться к полному лишению рабочих избирательных прав, которая была предпринята на совещании в процессе осуществленной все же отмены

особого представительства для рабочих (их выборные уполномоченные должны были подобно тому, как это предполагалось в Совете министров, избирать выборщиков на городские и губернские съезды).⁵⁴ Однако закончить совещание Витте решил на самой минорной и консервативной ноте, специально попросив для этого у царя слова. «Следует ожидать, — изгнул Витте, — что новый избирательный закон не внесет успокоения не только в революционные кружки, но и среди умеренных элементов. Результаты будут плохие, но в какой интенсивности они проявятся — предвидеть, конечно, невозможно. О сроке созыва Государственной думы ничего сказать нельзя. Приступить немедленно к выборам — даже этого сказать нельзя». ... Но Николай II, не обращая внимания на угрозы Витте, заявил, что откладывать созыв Думы не намерен.⁵⁵

Витте стремился к тому, чтобы карательные меры его кабинета были оценены как действия по спасению режима в такой ситуации, которая на самом деле носила критически грозный для всего политического строя империи характер.⁵⁶

Выступая на совещании как разочаровавшийся в контрреволюционной благотворительности конституционалистских реформ, Витте в те же дни готовил законопроект о смертных казнях, как он сам называл законопроект о применении военно-полевого суда. Подробно описав происхождение этого законопроекта, который впоследствии ненавидимый ему П. А. Столыпин провел после роспуска первой Думы в порядке чрезвычайного-указного законодательства, Витте охарактеризовал свой собственный в сущности законопроект как открывающий «полный произвол администрации в применении смертной казни».⁵⁷

12 декабря был опубликован царский указ с изменениями положения о выборах в Думу, а на следующий день Совет министров рассматривал по настоянию Витте вопрос о применении военно-полевого суда против участников революционного движения. «Учреждение это вводилось бы с исключительной целью постановления приговоров о смертной казни. ... Весь порядок судебного процесса упрощен до крайности, причем на рассмотрение дела от вступления его в суд до приведения приговора в исполнение полагается не более 24 часов», — констатировал Совет министров.⁵⁸ Военно-полевые суды и до того выносили смертные приговоры, но

⁵¹ Там же, с. 263—264.

⁵² Там же, с. 264—265. Получалось, что Игнатьев и Дурново оказались единомышленниками Витте. «Одним изданием законов нельзя успокоить Россию, надо для этого действовать силой. Но сил нет. ... — говорил Игнатьев, призывая «кликнуть клич» к созыву черносотенного ополчения. — Справившись с крамолой, можно будет созвать Государственную думу, но идти навстречу думе с одним лишь бессильем нельзя».

⁵³ «До чего серьезно было положение в самом Петербурге, — вспоминал военный министр А. Ф. Редигер, — может охарактеризовать следующий анекдот: 11 декабря ко мне заехал доктор Дубровин, председатель Союза русского народа, и предложил привезти из Витебска 20 тысяч старообрядцев с тем, чтобы я им выдал оружие; он их расположит вокруг города, чтобы навести порядок в районе заводов и помешать рабочим двинуться на Царское Село» (Красный архив, 1931, т. 2, с. 100). То, что представлялось Редигеру анекдотом, было предложено Игнатьевым на совещании у царя и стало, как мы увидим, предметом рассмотрения в правительстве.

⁵⁴ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 310.

⁵⁵ Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л., 1928, с. 25.

⁵¹ Там же, с. 251—253.

⁵² Там же, с. 250, 252, 258.

⁵³ Там же, с. 258—259.

они подлежали утверждению генерал-губернатора или министра внутренних дел, как и само предание военно-полевому суду зависело от административного усмотрения. Витте же предлагал под флагом обуздания «игры в рулетку смертных казней» и установления независимых от административного усмотрения военно-полевых судов превратить их в автоматически действующее орудие расправы. Большинство, однако, не поддержало Витте и Дурново и пошло за Оболенским, Тимирязевым, военным министром А. Ф. Редигером и начальником Генерального штаба Ф. Ф. Палицыным. Совет министров отметил, что предложенная Витте мера «не внесет существенного изменения в положение дела», ибо и без того военно-полевые суды действуют с достаточной быстротой, которая «исчисляется днями, и в случае преподания надлежащих инструкций замедления в ходе процесса быть не может». Вместо этого Совет министров счел нужным изменить правила действия войск при подавлении революционных выступлений, отменил стрельбу холостыми патронами и в воздух, обязал их стрелять по участникам революционных выступлений боевыми патронами. «Главным основанием деятельности войск должно быть поставлено, — говорилось в докладе Витте царю о решении Совета министров, — что коль скоро они вызваны для умирения толпы, то действия должны быть решительные и беспощадные по отношению ко всем сопротивляющимся с оружием в руках».

Что же касается «нового весьма сурового закона» о военно-полевых судах, по которому министры несколько раз не могли прийти к соглашению, то чтобы царю не пришлось «решать это кровавое дело», его представили в Государственный совет. Принятый там большинством голосов, закон этот, однако, утвержден царем не был.⁵⁹

К дням декабрьского вооруженного восстания Витте как глава правительства претендовал на роль одного из главных руководителей карательной политики. В своих воспоминаниях он не преминул рассказать, как еще в начале ноября, получив из некоего частного источника сведения о готовившемся в Москве выступлении, чтобы Москва не попала «во власть революционеров», добивался назначения туда генерал-губернатором адмирала Ф. В. Дубасова, зарекомендовавшего себя «решительным и твердым человеком» при подавлении крестьянского движения. Обеспечив отставку в Москву войск, Витте заявил Дубасову по телефону: «Я надеюсь, что восстание будет энергично подавлено».⁶⁰

Совет министров с Витте во главе разрабатывал основы карательной стратегии и тактики, причем между Витте, Треповым, Дурново, военным командованием да и самим царем существовали противоречия по поводу эффективности мер подавления революции, связанные теперь с тем, что и стремление каждого из сановников — Витте, Трепова и Дурново — сосредоточить в своих руках максимальную власть, и вечный вопрос о царских прерогативах наталкивался на новый порядок, введенный учреждением Совета министров. Так, Витте требовал от царя, чтобы порядок определения дислокации войск в стране был изменен и подчинен ему в со-

ответствии со ст. 14 указа 19 октября 1905 г. о единстве государственного управления, согласно которой дела по министерствам двора, военному, морскому и иностранных дел вносились в Совет министров по царскому повелению либо в тех случаях, когда соответствующие министры считали это нужным, либо когда дело касалось других ведомств.

«К сожалению, мы везде посылаем войска уже после пропешествия», — упрекал Витте Николая II после подавления восстания в Москве.⁶¹ Он признавал, что революционные события при «громадности империи с 136-миллионным населением» приняли такой размах, что «ни с какою армией за всем не угодишься», но все-таки главная беда, помимо «крайней слабости многих военачальников, преимущественно в высших чинах», оказалась в пренебрежении царя к его, Витте, советам. Во всех событиях периода высшего подъема революции, в том числе в «московских беспорядках», он усматривал подтверждение этого. Его не слушались, когда он требовал ускорить доставку военных частей с Дальнего Востока, заменить командный состав. «Дивизионные поезда» (так называл он свое излюбленное изобретение — карательные отряды на железных дорогах) ввели с месячным опозданием. На его «понууждения» усилить подавление местные власти отвечают ссылками на отсутствие или недостаток войск, а он не знает, «можно ли послать еще войска или нет», жаловался Витте.

Он требовал, чтобы дислокация войск производилась не «по соображениям стратегическим», а «сообразно политическим потребностям». «Теперь войска должны быть призваны, главным образом, для борьбы со смутю и для поддержания государственных устоев. Очевидно, что при таких условиях дислокация должна быть сообразована с внутренними потребностями государства и соответственно соображениям лиц, на коих ваше императорское величество изволили возложить внутреннюю политику», — писал Витте. Он пригрозил отставкой, припугнув царя, как и накануне 17 октября, перспективой военной диктатуры («радикальное решение этого вопроса заключалось бы в том, чтобы во главе правительства поставить военного человека и вручить ему при участии министров, согласование действий всех частей управления, в том числе и военно-морского»).

Как и в октябре, Николай II, который, по словам военного министра Редигера, относился «весьма ревниво к прерогативам верховного вождя армии»,⁶² уступил, приказав созвать совещание об изменении дислокации войск под председательством Витте.⁶³

В своих воспоминаниях Витте рассказывает, как, проводя в этом совещании «ту основную мысль», что «всякие нежности должны быть оставлены в стороне», он проявил инициативу в принятии «решительных мер» для разгрома революционного движения на Сибирской дороге, лично предписав сделать это «во что бы то ни стало» генералу Меллер-Закомельскому (которого сам Витте характеризовал как жестокого карателя, «если можно так выразиться, сорванца», к тому же нечистого на руку, проигрывавшего крупные суммы за границей, где он появлялся то с действительной до-

⁵⁹ Там же, с. 38; Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 309—310; Королева Н. Г. Совет министров царской России в борьбе с первой революцией. — Тр. Моск. историко-архивного ин-та, 1970, т. 28, с. 497—499.

⁶⁰ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 173—176.

⁶¹ Там же.

⁶² Красный архив, 1931, т. 2, с. 102.

⁶³ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 27, 31—32, 34.

черью, то с «подложной», и исключенного из Государственного совета за денежные махинации). Такую же инструкцию дал он генералу Ренненкампуф. Рассказав, что он как глава правительства отказался принять меры к предотвращению казни захваченных в Чите революционеров (судя по всему, это был И. В. Бабушкин и его товарищи), Витте в другом месте заметил: «Эту операцию Меллер-Закомельский совершил очень хорошо. Вообще, если бы Меллер-Закомельский не был генералом, то по своему характеру он был бы очень хорошим тюремщиком, особенно в тех тюрьмах, в которых практикуются телесные наказания».⁶⁴

В эти же дни начала третьей декады декабря Витте щеголял во всеподданнейших докладах крутым и властным характером своих карательных распоряжений. «Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся, — обещал он Николаю II 23 декабря. — Остаются остзейские губернии, Кавказ и Сибирская железная дорога. По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно. Но там, очевидно, мало войск. Вследствие сего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что ввиду слабости наших войск и полиции необходимо с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным образом».

Красноярск он собирался «брать приступом», наказному атаману войска Донского приказал, «чтобы он, ничем не стеснясь, задушил восстание в Ростове», а кубанскому атаману именем царя предложил «принять самые решительные меры к водворению порядка в Новороссийске», причем Николаю II доложил об этом только тогда, когда получил из Екатеринодара телеграмму о том, что «высочайшее государя императора повеление, касающееся Новороссийска», получено и приступлено «к безотлагательному приведению его в исполнение».

Таким же образом было отдано распоряжение Н. Н. Сухотину, генерал-губернатору Степного края и командующему войсками Сибирского военного округа: «... во что бы то ни стало водворить порядок на Сибирской железной дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах». Другие подобные распоряжения Витте давал от своего собственного имени. Так, ташкентскому генерал-губернатору Д. И. Субботичу он телеграфировал: «Советую вам ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание». А временный прибалтийский генерал-губернатор, В. У. Соллогуб, которому Витте приказал «действовать беспощадным образом», был даже вынужден возразить. «Собственно в г. Риге не представлялось пока случая проявить беспощадную воинскую репрессию», телеграфировал он, отмечая все карательные доблести своих подчиненных. Сообщив, что «войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения», и что указания эти выполняются (так, только что ротой отряда ген. А. А. Орлова «агитатор расстрелян, дом другого сожжен»), Соллогуб, однако, добавил: «В одном лишь отряде гене-

рала Орлова до ста арестованных, виновность коих в агитации определяется большею частью лишь показаниями чинов администрации. Расстреливать без суда, когда они уже арестованы, невозможно».⁶⁵

Николая II не могла шокировать жестокость виттевских распоряжений, он и сам еще 14 декабря на донесении о том, что карательные войска вступили в гор. Тукум без предварительного артиллерийского обстрела ввиду просьбы городских обывателей и отсутствия снарядов, написал: «Это не причина. Надо было разгромить город».⁶⁶ Но карательная распридательность и диктаторская энергичность действий председателя Совета министров только озлобляли его влиятельных при дворе противников. А он готов был перещеголять самых правых, на ходу перехватывая их предложения. В тот же день 23 декабря, когда он сообщил царю о вышеприведенных своих распоряжениях, он предложил «в ожидании возможных грозных аграрных беспорядков» принять к началу весны меры «двойного характера: политико-экономические и военно-политические». Что касается первых, то они, как указывал Витте, были трижды рассмотрены Советом министров, и каждый раз большинство склонилось к мнению, «что осторожнее без Думы не принимать никаких решительных мер». Тут же он предлагал, однако, созвать совещание под председательством царя для разработки аграрных преобразований. «Что же касается мер военно-политических, то, по моему мнению, необходимо экстренно принять самые решительные меры», — писал Витте, предлагая вслед за Игнатьевым, Дубровиным и другими правыми и черносотенцами немедленно создать контрреволюционное ополчение.⁶⁷

Царь ответил на этот доклад рескриптом на имя Витте 24 декабря, предложив Совету министров «разработать проект мероприятий, способных устранить как аграрные беспорядки, так и крестьянские бунты», следствием чего явился широко известный доклад Витте 10 января 1906 г. по аграрному вопросу. Предложение же о создании черносотенного ополчения царь отклонил. Очевидно, он разделял высказанные через некоторое время аргументы Дурново и министра юстиции М. Г. Акимова, которые заявили, что «это войско может даже явиться опасным», так как не рассчитывали «на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан», и боялись «возбудить армию» повышенной оплатой их службы.

Витте как бы не принял во внимание отклонение Николаем II предложения о формировании ополчения, поставив его на обсуждение Совета министров, который единогласно призвал, что «опорой против беспорядков может быть главным образом войско». Но решение Николая II отнюдь не означало какого-то смирения его позиции. Он тут же предложил учредить «конно-полицейскую» стражу, хорошо вооруженную, которую расквартировать по городам и железнодорожным узлам. Продолжая поощрять палаческую деятельность карателей, Николай II написал 30 декабря по поводу сообщения о подавлении революционного движения в Эстляндии, в ходе которого командир карательного батальона моряков

⁶⁴ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 453—455, 395—397.

⁶⁵ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 34—37.

⁶⁶ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 439.

⁶⁷ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 33.

капитан О. О. Рихтер, сын одного из «реформаторов» в среде ближайших к царю придворных генерала О. Б. Рихтера, «не только расстреливал, но и велел главных агитаторов», выразительное слово: «Молодец!».

В таких случаях, как этот, Витте демонстрировал перед царем свое благоразумие и обязанность исправлять царские крайности, падающую на плечи первого министра. Дело в том, что палаческое усердие Рихтера было ответом на приказ царя Соллогубу 19 декабря: «Желательно проявление отдельными отрядами большей инициативы деятельности и самостоятельности». Николай II был очень доволен действиями карательных отрядов в Прибалтике. Еще 12 декабря он писал матери: «В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки Рихтер и барон Ферзен действуют великолепно». 29-го он повторил ей, что «Орлов, Рихтер и др. действуют отлично», добавив: «Теперь сам Витте это понял». Это было отзвуком раздававшихся при дворе обвинений Витте в либерализме, тем более облыжных, что Витте и морской министр Бирелев были причастны к созданию тех самых морских карательных батальонов, действия которых так восхищали царя. Но оказалось, что царь хватил через край. В Петербург к Витте и Бирелеву явился батальонный адъютант и сообщил, «что решительные действия батальона вызывают требования объяснений со стороны местных властей и что моряки опасаются ответственности».

Тут-то Витте и дал понять Николаю II, как он его выручал, но до конца выручить все же не мог. Спрятал резолюцию в свой стол, докладывая царю, он вместе с морским министром А. А. Бирелевым поддерживал действия карательного батальона. При этом Витте и Бирелев не ссылались на царскую резолюцию. Но генерал-губернатора Соллогуба Витте «почел пущим» шифрованной телеграммой ознакомить со «взглядом» царя «на сказанный предмет».⁶⁸

8 января 1906 г. Витте по тем же соображениям поддержал предложение палача Москвы адмирала Дубасова судить арестованных участников вооруженного восстания не военным, а гражданским судом. В этом случае Витте, вообще продолжавший отстаивать свой законопроект о военных судах, занял демонстративно умеренную позицию, «во-первых, потому, что военный суд имеет существенное значение ввиду скорости репрессий, между тем уже достаточно времени упущено, во-вторых, потому что судить военным судом много лиц вообще неудобно».⁶⁹

Через несколько дней Витте, наоборот, предъявил Николаю II упрек чуть ли не в попустительстве чиновникам, оказавшимся причастными к революционному движению. Царь не подписал указ, расширяющий полномочия губернаторов для расправы с неблагонадежными чиновниками, считая, что полномочия губернской власти для этого и без того достаточны. Витте же считал «верноподданническим долгом» повторным всеподданнейшим докладом 14 января возложить на царя вину за то, что, «не приняв решительных мер относительно массы провинциальных служащих, вышедших из границ служебной лояльности, губернаторы...

будут оставаться в известной мере парализованными в борьбе с революцией».⁷⁰ Николай II, однако, 18 января оставил в силе свою первоначальную резолюцию.

Витте между тем продолжал требовать от царя усиления расправ как с революционерами, так теперь уже и с руководителями карательной политики, которых обвинял в нерадивости и попустительстве. 23 января, сообщив Николаю II об аресте стачечного комитета, руководившего забастовочным движением на Китайско-Восточной железной дороге, Витте обвинил генерала Н. П. Линевича в том, что он, «главнокомандующий русской, а не японской армией, с добродушной наивностью взирал на это позорно-возмутительное явление». «Вчера генерал-адъютант Линевич сообщил мне, — продолжал Витте, — что он арестовал этот комитет, но не объясняет, что он предполагает с ним делать. Не собирается ли он дать этому комитету салонный поезд и отправить его с торжеством в столицу вашего императорского величества? Не соизволите ли повелеть судить на месте военным судом виновных?». В тот же день, докладывая о нахвате карательными силами Читы, Витте добавлял: «Но неужели все это дело тем и кончится? ... необходимо немедленно судить военным судом всех виновных и прежде всего губернатора генерала Холщевникова».⁷¹

Прошли всего сутки, и Николаю II опять представился случай показать, что именно от него исходят самые жестокие и беспощадные установления, согласно которым творились контрреволюционные расправы. «На телеграмме генерала Ренненкампа от 24 сего января, — писал военному министру начальник генерального штаба ген. Ф. Ф. Палицын, — в которой он сообщает об обезоружении Читы и о том, что г[енерал] — л[ейтенант] бар. Меллер-Закомельский, прибыв на разъезд № 58, разобрал

⁷⁰ Там же, с. 54—55. О ходе обсуждения этого вопроса в Совете министров см.: Корсаков Н. Г. Указ. соч., с. 502—503. Одновременно 3 января 1906 г. Совет министров рассмотрел вопрос об участии служащих в политических партиях. Вовсе запретить такое участие теперь уже было нельзя. Пришлось ограничиться запретом представителям правящей бюрократии, руководителям местных учреждений и самостоятельных частей управления, занимать в политических партиях руководящие посты, а прочим чиновникам — образовывать общества политического характера и участвовать в них без ведома начальства, а также участвовать в деятельности «крайних революционных партий». Установление классификации партий было признано невозможным. А. Ф. Редигер объяснил это тем, что в программу большинства партий «неизбежно войдет что-либо противное существующему государственному строю». Но нельзя было и открыто одобрить черносотенцев, разрешив официальным лицам вступление в их ряды. Оставалось открыть путь к этому негласно. Незадолго до того, 16 декабря, Совет министров запретил участие в деятельности политических партий военным. Но ген. Курев, состоявший при вел. кн. Александре Осифовиче и подп. Врангеле, состоявший при вел. кн. Михаиле Александровиче, обратился с просьбами к военному министру разрешить им участие «в союзах монархического направления (напр., Отечественному союзу), указывая на то, что деятельность этих союзов и их участие в них известны и одобряются государем». «Я лишь мог указать им на приказ, от которого я не имею права делать изъятия, обещав, однако, не знать об их участии в этих союзах», — писал Редигер (Красный архив, 1931, т. 2, с. 110).

⁷¹ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 56—57. Обозленный царь в письме матери назвал Витте по этому поводу «Хамелеоном» (Красный архив, 1927, т. 3, с. 187).

⁶⁸ Там же, с. 33—34, 166, 44; Красный архив, 1930, т. 1, с. 165.

⁶⁹ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 41—42.

небольшой участок пути и перерезал провода железнодорожного и государственного телеграфа, восстановленные затем по приказанию ген. Ренненкампфа, а также о расстреле без суда не сопротивляющихся и на казненных плетью, что ген. Ренненкампф находит излишним, опасаясь, что это сыграет дурную услугу правительству, его императорским величеством⁷² благоугодно было начертать: „Ренненкампф излишне рассуждает, Мецлер больше действует“... Сверх сего Ренненкампф меня запрашивал, как полагают здесь: лучше без суда или так, как он. Я от себя ему ответил, что он как правительственное лицо обязан применять [закон] без послабления, но борьба создает положение, когда приходится прибегать к силе оружия и вне закона. Отсюда издали судить трудно, кто как действует. Ему же указано, что лучшею оценкою его мер будет успех и что прежде всего надо восстановить движение и обеспечить телеграф. Копию его запроса и мой ответ я представляю его величеству».⁷³

Документ этот с предельной выразительностью характеризует обстановку неистового состязания в карательном усердии. При этом как бы отодвигались на второй план готовые сомкнуть против Витте Дурново и Трепов, как правило, стоявший за царскими резолюциями. А сам царь оказывался заслоненным фигурой премьер-министра, на что постоянно обращали внимание Николая II придворные противники Витте, который и свою очередь пугал отставкой, заявляя, что «быть полуминальным главой правительства» не может. Успехи в подавлении революции усиливали атаки против Витте, однако пока войска с Дальнего Востока не были переведены в Европейскую Россию и не был открыт для царизма европейский кредит, он еще чувствовал себя в седле. Конфликт, по форме носивший характер личного соперничества, распространялся на различные сферы внутренней политики, он с неизбежностью вытекал из сущности реформы 19 октября, установившей объединенное министерство.

31 января на одном из докладов Витте Николай II написал: «По моему мнению, роль председателя Совета министров должна ограничиваться объединением деятельности министров, а вся исполнительная работа должна оставаться на обязанности подлежащих министров».⁷⁴ Резолюция эта в сущности отражала ту самую линию, которую отстаивали, выступая против реформы Совета министров, Игнатьев и Стишинский. Витте понял ее как намерение Николая II вести дела с министрами по-старому, оставляя в стороне «несговорчивого премьера». Через день, 2 февраля, он ответил царю прозрачным намеком на то, что тот инспирирует такие недопустимые, с точки зрения режима, действия, как петиция со сбором под ней многочисленных подписей. Он препроводил царю экземпляр напечатанной в Киеве петиции, направленной против кутлеровского проекта, в которой аграрный вопрос объявлялся «лишь измышлением революционеров и мечтателей-бюрократов, не знакомых с реальной жизнью страны», а «утопическим законопроектом графа Витте» приписывалась «затленная цель — неудавшуюся среди городских и рабочих классов рево-

люцию перенести в села и деревни, дабы всеобщим народным взрывом вызвать тот политический переворот, которого столь настойчиво добиваются крайние революционные партии». Таким образом один из руководителей контрреволюционного лагеря был превращен в петиции в революционера, которого ее авторы просили заменить на посту главы правительства. «Конечно я мог бы узнать, — писал Витте Николаю II, и царь подчеркнул эти слова, — и ее авторов и ее инициаторов». И хотя Витте называл в качестве таковых всех своих врагов — Игнатьева, Стишинского, Штюрмера, Горемыкина, адм. Абазу, подчеркивая, что инициатива исходит от «черной сотни Государственного совета», Николай II не мог не усмотреть камня в свой собственный огород и написал: «Осерчал граф».⁷⁵

Граф, действительно, осерчал, и через несколько дней поднял против царя бунт министров своего кабинета. Николай II решил было назначить главноуправляющим земледелием и землеустройством вместо уволенного Кутлера А. В. Кривошеина, а министром торговли и промышленности — С. В. Рухлява. По указу 19 октября ни председатель Совета министров, ни Совет министров как коллегия не пользовались правом участия в назначении министров. Но Витте собрал всех министров на частное совещание и заявил, что подает в отставку, добился единогласного решения о том, что царские кандидаты не отвечают требованию однородности состава правительства. 12 февраля Витте подал царю доклад об этом решении министров. Это был неслыханный по государственно-правовым понятиям и бюрократическим традициям того времени акт. Его вызывающий характер усугублялся упреком царю в том, что «все нарекания, обвинения и озлобления за действия правительства» направляются на председателя Совета министров, хотя «о весьма серьезных и печальных мерах» он часто узнает из газет, и звучавшей, как требование, просьбой не распускать правительства до созыва Думы. Николай II в тот же день капитулировал перед своим «кабинетом», несогласно, глубоко сожалея о его создании.⁷⁶

Витте же пополнил коллекцию своих собственноручных докладов с царскими резолюциями еще двумя. Первая из них — накануне казни лейтенанта П. П. Шмидта была положена на докладе о его душевной болезни, составленном премьером с нарочитым безразличием («Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как дело это мне совершенно неизвестно»), и гласила: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт был душевнобольным, то это было бы установлено судебной экспертизой». Вторая свидетельствовала уже не о карательной необузданности царя, а о прямом его покровительстве организации властями черносотенных погромов. Помощник начальника Могилевского жандармского управления по Гомельскому уезду ротмистр граф М. А. Подгоричанин-Петрович заранее снабдил организаторов еврейского погрома в Гомеле 13—14 января оружием и передал им типографию для печатания погромных прокламаций. Витте облек предложение о дознании по этому поводу в форму мемории Совета ми-

⁷² Так в тексте.

⁷³ Красный архив, 1931, т. 2, с. 105—106.

⁷⁴ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 334.

⁷⁵ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 157.

⁷⁶ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 211—212.

нистров. Резолюция царя гласила: «Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела гр. Подгоричани подлежит ведению мин[истра] внутр[енних] дел». Подгоричани вскоре оказался полицеймейстером одного из южных городов.⁷⁷

Соперничество царя и Витте в карательной сфере, продолжавшееся, как и во всех прочих сферах внутренней политики, до самой смены председателя Совета министров, кончилось тем, что царь ловко обошел уходящего в отставку премьера, отобрав у него документальные свидетельства этого соперничества. Во время последнего свидания Витте посоветовал Николаю II при предстоящей отставке министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа изъять у него хранившиеся дома бумаги, среди которых, как это было Витте известно, находились материалы о русско-германском договоре 1905 г., подписание которого Николаем II в Бьорке представляло собой как бы акт самодержавного произвола. Однако бумаги Ламздорфа изъять не были. А у Витте царь немедленно потребовал («я бы вас очень попросил») вернуть все записки, которые ему адресовал. Вслед за тем с напоминанием явился к Витте Фредерикс, и Витте вернул бумаги, «о чем потом очень сожалел», так как «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения».⁷⁸

⁷⁷ Революция 1905 г. и самодержавие, с. 58, 265.

⁷⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 349—350.

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА И ПРИНЯТИЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ

Политические итоги революционной борьбы народных масс в 1905 г. состояли, по словам В. И. Ленина, в том, что массы доказали свою способность к вооруженной борьбе с эксплуататорами. Царский режим имел перед собой в качестве главного своего политического противника революционный народ, получивший боевое крещение, закалившийся в восстании.¹

Географическая распространенность донабрьских вооруженных восстаний носила подлинно всероссийский характер. Это делало временной и шаткой ту победу, которую чисто военными средствами одержал царизм. В. И. Ленин отмечал в числе уроков, которые должны были вынести из декабрьских событий революционные организации, их отставание «от роста и размаха движения», а также недостаточную по сравнению с усилиями царизма активность в борьбе за армию.²

В политической практике царизма эти обстоятельства оборачивались использованием временного затишья в революционной борьбе, которым ознаменовалось начало 1906 г., для консолидации карательных сил и усиления эффективности их действий. В Прибалтике, в Восточной Сибири действовали карательные экспедиции прославившихся кровавыми расправами генералов Меллера-Закомельского, Ренненкампа, Орлова. Без следствия и суда они на месте расстреливали захваченных борцов революции. В разных концах страны продолжались массовые порки участников крестьянских выступлений, действия карательных сил в деревне часто носили уже характер не подавления, а злобной мести, когда сжигались избы (министр внутренних дел Дурново предписывал даже уничтожать целые деревни). Применение оружия правительственными силами становилось обычным делом по всей стране.

Тем не менее революционные события в стране продолжались, хотя численность рабочих-забастовщиков и количество крестьянских выступлений в начале 1906 г. значительно уменьшились по сравнению с предшествующим периодом — концом 1905 г. В январе произошли восстания солдат и матросов во Владивостоке, поддержанных железнодорожными и почтово-телеграфными служащими, и в Николаевске-на-Амуре. Солдатские восстания последовали также в другом конце страны — в Гродно, Брест-Литовске, Гомеле и Бобруйске. В марте восстали солдаты Мингрельского полка в Грузии.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 386—387.

² Там же, т. 13, с. 369—377.

Как было выше показано, карательная политика, которую продолжало правительство Витте — Дурново, не только отвечала взглядам и настроением самого царя, Трепова и придворной клики в целом, но и осуществлялась по царским повелениям. Принципиальной разницы между личной «объединенной правительством», созданного указом 19 октября 1905 г., и личной Трепова в деле подавления революционного движения не было и не могло быть в силу единства классовой природы виттевского кабинета и «камарильи». Кстати сказать, временами проявлявшаяся Треповым склонность к переговорам с правым крылом либерального лагеря, к компромиссам с ним, при том, что она так же, как и со стороны Витте, имела характер политического маневра, могла служить лишь подтверждением этого единства. Подобно тому, как в области дальневосточной политики между позициями перед русско-японской войной Витте и возглавлявшегося им Министерством финансов с одной стороны, и придворной так называемой безобразовской шайки — с другой, существовала не принципиальная противоположность, а фальшивая видимость ее, создававшаяся предельно острой с обеих сторон политической дуэлью, так же и в период «премьерства» Витте возникла (при самом деятельном его собственном участии) публицистическая традиция, изображавшая Витте государственным мужем либерально-конституционалистского толка, а Трепова — «вахмистром по воспитанию и погромщиком по убеждению», или выразился однажды в первой Думе князь С. Д. Урусов.³ Разумеется, Трепов был мишенью нападок Витте не только сам по себе. Целясь в него, Витте метил и в самого царя.

Эта публицистическая традиция приобрела (или ей был придан) весьма распространенный характер, чему, без сомнения, содействовала направленная против Витте агитация правых, черносотенных сфер. Даже Г. В. Плеханов усматривал в правительственной политике этого времени «странную двойственность» и как бы сетовал по поводу того, что «влияние Витте далеко не всемогуще, что оно в значительной степени ослабляется влиянием реакционной придворной клики». «Г. Витте дарит нам „все свободы“, а гг. Трепов и Каульбарс, да и не только Трепов и Каульбарс, а первый встречный пристав, первый встречный казацкий атаман, расстреливают манифестантов...», — хотя и не без сарказма недоумевал Плеханов.⁴

Ленин В. И. Ленин не заблуждался относительно происходившего. «Действительное значение той кажущейся бессмыслицы, к которой пришли дела в России, — писал он в конце 1905 г., — заключается в стремлении царизма обмануть, обойти революцию путем сделки с буржуазией. Царь обещает буржуазии все больше и больше, пробуя, не начнется ли, наконец, повальный поворот имущих классов в сторону „порядка“. Но пока этот „порядок“ воплощается в бесчинстве Трепова и его черных сотен, — призыв царя рискует оставаться гласом вопиющего в пустыне. Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подма-

нивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата».⁵

Это разумеется, отнюдь не означало, что Витте устранился от руководства конкретными карательными действиями и карательной политикой в целом. Наоборот, как мы видели, Витте, хотя он и собирал у себя дома коллекцию документов, свидетельствовавших о личной ответственности царя за наиболее жестокие контрреволюционные акции, ставил и себе в заслугу, что он активно и действительно руководил всеми карательными мерами и предприятиями, добиваясь их предельной эффективности и не останавливаясь ни перед какими жертвами. Это не мешало ему, однако, одновременно распространять версию о конституционалистско-либеральной сущности проводившейся его правительством политики.

В действительности же все внутриполитические мероприятия правительства Витте представляли собой различные средства в контрреволюционной борьбе. Для разгрома революции, объяснил Витте, правительство должно было дать «возможность организоваться консервативно-благоразумным течением», основанном «преимущественно на карманных интересах», и давшим «отпор» революции.⁶

Две насущные политические проблемы, не потерявшие своей остроты со времени начавшегося подъема революции, оказывались здесь на первом плане — продолжение государственных преобразований и аграрная политика. Что касается выработки законодательных актов в рабочем вопросе, то явное равнодушие, с которым относился пролетариат к правительственному «реформаторству», с одной стороны, и политические расчеты, которые связывала с ним буржуазия — с другой, придавали этому, как будет показано, особое значение. Если процесс разработки правительственных мероприятий в аграрной сфере отражал то нараставший, то уменьшавшийся страх самодержавия и помещиков перед крестьянским революционным движением и стремление направить социально-экономическое развитие в деревне по наиболее безопасному для режима руслу, то реформаторство в области государственного устройства должно было теперь — после создания буржуазных политических партий и подавления декабрьских вооруженных выступлений — максимально способствовать организации вокруг царского правительства «консервативно-благоразумных» представителей господствующих классов. Как выразились присланные в Петербург наместником на Кавказе И. И. Воронцовым-Дашковым «воображениями против предложенных ограничений по выборам в Думу на Кавказе представители буржуазной общественности, «люди спокойные и благоразумные» жаждут Думы как знамени, которое «даст им возможность объединиться между собою для должного отпора сравнительно небольшой, но, к сожалению, организованной группе революционеров».⁷

В области государственных преобразований после манифеста 17 октября пересмотр положений о Думе и Государственном совете был на-

³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 350. Это, впрочем, не мешало Витте обвинять Трепова и в либеральных грехах и даже переименовать его в «либерального вахмистра по воспитанию» (там же, с. 306).

⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 335. Ген. А. В. Каульбарс — прославившийся жестокостью командующий Одесским военным округом.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 76.

⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 161.

⁷ Мемория Особого совещания Сольского 24 сент. и 31 дек. 1905 г. и 5 янв. 1906 г. — ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 11, л. 223.

правлен к тому, чтобы всемерно ограничить полномочия Думы, сведя к минимуму ее законодательный характер.⁸ С. Е. Крыжановский, приобретавший все большее значение в качестве автора проектов государственных преобразований, в уже известной нам записке о Государственном совете как «регуляторе по отношению к Государственной думе» подчеркивал, что в его составе должны быть силы «консервативные не вследствие случайностей личных воззрений, а вследствие других более мощных движущих причин». «К ним будут относиться крупные материальные интересы, которые присущи указанным слоям населения и прочно связывают их с интересами порядка и спокойствия и возможного охранения того распределения собственности, которое имеет место ныне; их будут укреплять и те привычки к установившемуся строю, которые наследственны в этих слоях общества», — писал Крыжановский.⁹ Как показывали принципы составления Государственного совета, предложенные Крыжановским, да и вообще все обсуждение в комиссии Сольского, политические расчеты царского «реформаторства» основывались на том, чтобы крупные и крупнейшие капиталисты и помещики вместе с великими князьями и «верхами» чиновничества оставались главной силой, способной подавить любое демократическое выступление в Думе. Этому не мешали противоречия между буржуазией и помещиками и между различными прослойками внутри этих классов в борьбе за представительство и влияние в Государственном совете, обнаружившиеся как только стало известно предполагаемое распределение 70 выборных мест в Государственном совете (36 от губернских земств, 14 от губерний с неполным земским самоуправлением, 2 от Петербургского и Московского университетов, 6 от крупнейших городов и 12 от биржевых комитетов и комитетов торговли и мануфактур). Московский биржевой комитет заявил о своей «твердой надежде на заботы высшего правительства о поддержании интересов внутренней промышленности», которая могла бы оказаться «в совершенно беззащитном и подавленном состоянии» перед лицом земского представительства.¹⁰ Последовавший поток ходатайств ясно свидетельствовал о стремлении торгово-промышленных и финансовых кругов опереться на политическое покровительство царя на обещаниями ему своей классовой поддержки. Биржевые комитеты ходатайствовали об увеличении числа членов Государственного совета от промышленности и торговли с 12, как предполагалось, до 24 и более, причем Московский биржевой комитет хотел установить это число в 30 человек и избирать их порайонно. Совецательные по промышленности учреждения (постоянная контора железозаводчиков, советы съездов горнопромышленников Юга России, Царства Польского, Урала, бакинских нефтепромышленников, металлостроителей Северного и Прибалтийского районов, кавказских марганцевопромышленников, Общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, Всероссийское общество сахарозаводчиков) требовали для промышленников независи-

мого от биржевых комитетов и комитетов торговли и мануфактур представительства. Не менее четырех мест требовали для себя банки.¹¹

А Петербургский и Московский губернские предводители дворянства требовали введения «в нынешние тяжелые времена» специального дворянского представительства наряду с земским, хотя и признавали, что земства состоят на 80—90% из дворян, и опасались, как бы Государственный совет не носил «не только характера, но и оттенка дворянского сословного представительства».¹²

Совещание Сольского предложило 18 мест в Государственном совете предоставить выборным от дворянских обществ, что и было утверждено парем.¹³ Что же касается торгово-промышленного представительства, то оно было оставлено в размере 12 человек, совещательные по промышленности учреждения его не получили, но биржевые комитеты и комитеты торговли и мануфактур должны были выбирать представителей от промышленности и торговли в равном числе.¹⁴ Таким образом была как бы фиксирована социальная структура высшего органа царской власти, в сущности отражавшая ее общую классовую природу. Помимо специально дворянского и предпринимательно-капиталистического представительства, в состав выборных членов должны были войти многочисленные дворяне в качестве представителей земства, несколько православных церковников и представителей профессуры, а членом по назначению — в числе, не превышающем выборных,¹⁵ — царю предстояло подбирать (и это считалось само собой разумеющимся) из членов императорской фамилии и высших слоев бюрократии.

Чтобы выборные члены Государственного совета представляли «наиболее устойчивые по взглядам и направлению слои населения», совещание Сольского установило для них 40-летний возрастной ценз и «в тех же видах» решило 6 выборных мест предоставить представителям православной церкви, избираемым Синодом.

Против господствовавшей тенденции к предоставлению Государственному совету роли «регулятора» 17 декабря 1905 г. выступил главноуправляющий землеустройством и земледелием Кутлер, предложивший дать Государственному совету лишь право условного (суспензивного) отклонения законодательных предположений Думы, при котором он мог бы передать отклоненное им предположение Думы на ее новое рассмотрение, но ее вторичное постановление, принятое квалифицированным большинством (2/3 голосов) представлялось бы царю независимо от решения Го-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 388; там же, д. 19, л. 32.

⁹ Там же, д. 16, л. 308, 383.

¹⁰ Там же, д. 17, л. 140; Указ о землеустройстве Государственного совета 20 февр. 1906 г. — В кн.: Законодательные акты переходного времени (1905—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Назаревского, СПб., 1907, с. 371.

¹¹ Законодательные акты, с. 371.

¹² Это ограничение вызвало беспокойство среди желающих назначения кандидатов. Так, Дубасов в письме к Витте с просьбой повлиять на царя, не торопиться вознаградить его за «подавление московского митяка», в которое он вложил «весь свой разум, все умение и всю свою волю», ходатайствуя о производстве в чин полного адмирала, награждении орденом, а также о назначении членом Государственного совета, писал: «Я хочу быть назначенным теперь же — на основании действующего порядка, так как по изменении его и близком будущем это делается невозможным» (цит. по: Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л., 1928, с. 43).

⁸ См.: Степанский А. Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. — Тр. Моск. историко-архивного ин-та, 1965, т. 20, с. 179—211.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 90.

¹⁰ Там же, л. 126.

сударственного совета. Обосновывая это, Кутлер выступал как бы с либеральной, противоположной точке зрения Крыжановского, позиции, которая оказывалась, однако, тоже чисто охранительной. Присоединяясь к мнению о необходимости второй, верхней законодательной палаты как противовеса Государственной думе, способной по предполагаемому составу своему к односторонности и увлечениям», Кутлер предлагал «заранее примириться с «преобладанием» Думы и вместо провоцирования конфликтов между палатами предоставлением им равных законодательных прав, обеспечить царской власти положение арбитра, имеющего возможность не утвердить вторичного думского постановления.¹⁶ Однако старшие члены совещания Сольского на «умаление» значения Государственного совета не согласились именно потому, что не хотели возлагать на царя «всю тяжесть разрешения разногласий» между палатами.¹⁷

Несомненно, существовала связь между разрабатывавшимся в это время аграрным законопроектом Кутлера и его предложением, сводившимся к известному расширению компетенции Думы. За спиной Кутлера скрывался Витте, готовый предать его и тут, и там. Оба кутлеровских проекта основывались на представлении о том, что социально-экономические и политические меры спасения режима должны быть далеко идущими. Этой точке зрения противостояло, однако, стремление свести преобразования в обеих сферах к минимуму.¹⁸

В ходе этих обсуждений решались вопросы общеконституционного значения (хоть слова «конституция» и избегали в официальном делопроизводстве и в заседаниях, как некогда в либерально-оппозиционной печати). Не вызвало, естественно, особых прений заимствованное из австрийской, венгерской и прусской конституций предоставление царю права в период прекращения работ Думы проводить своими указами законодательные меры с последующим их утверждением Думой в течение пер-

¹⁶ ЦГА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 316—318.

¹⁷ Там же, д. 17, л. 144.

¹⁸ Судя по дневниковым записям А. А. Половцова, он еще 11 ноября сделал в совещании Сольского предложение, аналогичное кутлеровскому. Оно было вызвано позицией Витте на двух предшествовавших заседаниях. На первом из них, 5 ноября, Витте произнес, по словам Половцова, «блестящую речь», смысл которой сводился к тому, что поскольку «для подавления революции недостает войск», он (Витте) «должен искать опоры в умеренной партии населения, и вся его надежда сосредоточивается на Государственной думе», хотя он «весьма ... сомневается, чтобы удалось ее создать». На втором заседании, 6 ноября, Витте, опять-таки по словам Половцова, говорил «невероятные наивности», предлагал в качестве «опоры правительству» создать выборную часть Государственного совета. Обсуждавшийся выборный ценз представлялся Половцову «ничтожным», и он записал: «Это будет вторая Государственная дума с примесью старых чиновников и генералов... У меня сердце шевелит при мысли о том, какая пошлая толпа наполнит изящные залы, мною для русского парламента некогда устроенные». Очевидно и права Государственного совета Витте предлагал уменьшить, может быть даже по сравнению с думскими. Во всяком случае, свое предложение о том, чтобы Дума имела право в следующую сессию снова принять отклоненное Государственным советом постановление, причем это вторичное постановление могло бы стать законом после утверждения царем даже при несогласии Государственного совета, Половцов рассматривал как «среднюю меру», «компромисс» для спасения «хоть части» власти Государственного совета. Но «отступление» его вдруг оказалось излишним. «Витте, отвергавший в последнем заседании значение Совета, внезапно заявляет, что Совет должен иметь одинаковые с Думой права» (Красный архив, 1923, т. 4, с. 84—85).

вых двух месяцев после возобновления ее работы.¹⁹ Но другой важный вопрос, связанный с прерогативами царя, оказался спорным. А именно 6 августа предоставленное Думе право законодательной инициативы не распространялось на «начала государственного устройства, установленные законами Основными». В соответствии с провозглашенным манифестом 17 октября «незыблемым правилом» о том, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы», соответствующая статья думского «учреждения» была проектирована как предоставляющая Думе право законодательной инициативы и возможности пересмотра всех законов, в том числе и Основных, за исключением той части Основных законов, которая относилась к престолонаследию и императорской фамилии и подлежала законодательному пересмотру лишь по указанию царя.²⁰ Это вызвало, однако, страстный протест Коковцова, который утверждал, что «точный смысл манифеста 17 октября» предложенного изменения не требует, что «законы бы ни были соображения об изменениях в существе и объеме верховной власти», произведенных этим манифестом, польза «до известной степени искусственно наталкивать Думу на возбуждение законодательных предположений о верховной власти».²¹

14 февраля 1906 г. открылось совещание под председательством царя для окончательного рассмотрения учреждений Думы и Государственного совета. Оно носило характер настоящего соревнования между активными его участниками за такое истолкование манифеста 17 октября, которое максимально выхолостило бы всякую его реформаторскую сущность и обезвредило бы, с точки зрения сохранения царских прерогатив. Игнатьев горестно начал с того, что превращение Государственного совета из «совета монарха по законодательным делам» в «верхнюю палату» есть «решительный шаг к конституционному устройству». Стишинский предлагал хотя бы упразднить предполагавшееся равенство числа назначаемых и выборных членов, чтобы дать царю возможность в большей мере влиять на состав Государственного совета. Но тут вмешался с «необходимыми разъяснениями» обоим «зубрам» Витте, показав им, что они отнюдь не единственные радители максимального политического торможения реформаторского процесса, что Совет министров под его председательством делает все для этого возможное. «Государственный совет будет глубоко консервативен, — утверждал Витте, — поэтому нет оснований к увеличению числа членов по назначению».²² Заявив, что «это произведет дурное впечатление», он тут же, однако, вильнул («особого значения этому не придаю»), стал требовать, чтобы в манифесте об изменениях учреждений Думы и Государственного совета не было указано в соответствии с манифестом 17 октября, что никакой закон не может получить силу без их одобрения, и доказывать, что «рассматриваемое преобразование еще не составляет конституции».²³

¹⁹ См.: Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.). — Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, вып. VII, с. 242, 244—248.

²⁰ ЦГА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 232.

²¹ Там же, л. 300.

²² Былое, 1917, № 5, с. 293.

²³ Там же, с. 294—295.

Очень скоро обнаружилось, что Витте и некоторые «зубры» как бы сомкнулись. Произошло это по вопросу о предпринятой Кутлером попытке сделать право Государственного совета на отклонение принятых Думой законопроектов суспензивным. Сам Кутлер был к тому времени уже уволен в связи со своим аграрным законопроектом, и его идея фигурировала теперь под именем поддержавшего ее Оболенского, но Витте, вмешавшись в прения, заметил, что хотя он и не поддерживает ее, но «с точки зрения психологии» надо ввести правило, по которому Дума может представить отклоненный Государственным советом законопроект царю. Кокковцов объявил Витте радикалом, сказав: «... то, что ныне предлагается, уничтожает Государственный совет и знаменует переход к одной палате. Этого добиваются все крайние партии». «Я смотрю так, что Владимир Николаевич желает конституционный порядок управления, а я считаю, что этого нельзя», — вернул Витте Кокковцову его обвинение и продолжал: «Незачем копировать положения конституций, по которым верхняя палата отделяет нижнюю от монарха».²⁴ В заявившейся острой полемике Витте встретил поддержку у Стишинского, который утверждал, что Государственный совет должен быть для царя «щитом» «при увлечениях» Думы, но не должен быть для него «тормозом». Государственный секретарь Икскуль обвинил Витте в попытке «отдать законодательство в руки толпы», Сабуров — во введении однопалатной системы с присущим ей «преобладанием демократии и радикализма». Половцов заявил, что отставившее Витте «замаскированное» все-таки Дума равнозначительно уничтожению [Государственного] совета».

Таким образом, рассматривавшийся еще в процессе подготовки булагинского закона способ обеспечить верховной власти возможность лабиринта между палатами был встречен в штыки, поскольку он был неразрывно связан с необходимостью известного расширения компетенции Думы. Витте же с напускным смирением твердил, снова обернувшись сторонником неограниченной царской власти: «Я соглашаюсь с приводимыми доводами, но, я полагаю, не надо только ограничивать монарха». «Забавно, что Витте основывал свою речь на том, что необходимо устроить всякое средостение между царем и народом, утверждая, что никакой конституции государь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно снова изменить может», — записал Половцов.

В перерыве Пален заявил царю, что принятие виттевского предложения означало бы «гибель монархического начала». «А говорить, что Вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранять», — добавил он, как бы пресекая вилания Витте. Предложение Витте—Кутлера—Оболенского было царем отклонено.²⁵

Изданный 20 февраля 1906 г. манифест об изменении учреждения Государственного совета и пересмотре думского учреждения вместе с сопровождавшими его двумя указами и новым думским Учреждением²⁶

означал некоторый шаг назад от манифеста 17 октября.²⁷ В сущности добивались этого все, но более других преуспел в этом Кокковцов: именно по его почину было нарушено данное в манифесте 17 октября обещание предоставить Думе полные законодательные права, а инициатива пересмотра Основных законов отнесена к прерогативам монарха. «... Закон 20 февраля, превращающий Государственный совет в верхнюю палату, еще более ухудшает положение о Думе, стараясь окончательно свести ее на роль бессильного совещательного придатка к самодержавной бюрократии», — так оценивал акты 20 февраля 1906 г. В. И. Ленин.²⁸ Восторжествовала главная тенденция самодержавного реформаторства, охарактеризованная В. И. Лениным в следующих словах: «Царь давал уступки, когда натиск революции усиливался, и брал назад все уступки, когда натиск ослабевал».²⁹

Наиболее ясно стремление поставить все без исключения законодательные меры на службу борьбе с революцией проявилось в изданных в течение февраля и начала марта 1906 г. актах. Это относилось как к тем из них, которые означали реализацию положений манифеста 17 октября, так и к предоставлявшим карательным органам и военному командованию широкие и разнообразные возможности для пресечения и подавления новых массовых революционных выступлений. Утвержденное царем 7 февраля мнение Государственного совета «Об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям» стояло

²⁷ В литературе находим по этому поводу две точки зрения. А. Д. Степанский, оценивая акты 20 февраля 1906 г. в сравнении с манифестом 17 октября, считает, как представляется, совершенно правильно, что они воплотили тот способ реализации манифеста 17 октября, который царь имел в виду. На этом основании А. Д. Степанский не видит в актах 20 февраля отступления от манифеста 17 октября, хотя именно такое отступление (его можно назвать и узким толкованием) как раз и входило в изначальные намерения царя и части его окружения (Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. М., 1965, с. 9). Иную точку зрения находим в работе Н. И. Васильевой, Г. Б. Гальперина и А. И. Королева «Первая российская революция и самодержавие» (Л., 1975, с. 107). Указанные авторы усматривают такое отступление в самом преобразовании Государственного совета во вторую законодательную палату, исходя при этом из того, что манифест 17 октября декларировал переход к конституционно-монархическому правлению с однопалатной системой. Однако вопрос об одно- или двухпалатной системе был в манифесте 17 октября обойден, и отход от принципов этого манифеста, совершившийся в актах 20 февраля, носил несколько более сложный характер. Во-первых, как мы видели, «зубрам» превращение Государственного совета в верхнюю палату представлялось не отступлением от манифеста 17 октября назад, а, наоборот, шагом к конституционному устройству. Во-вторых, Государственный совет рассматривался в качестве верхней палаты еще при разработке булагинского закона. И, наконец, не правильнее ли видеть шаг назад от манифеста 17 октября в отказе от придания праву отклонения Государственным советом думских законопроектов суспензивного характера, а также в отношении инициативы пересмотра Основных законов к прерогативам царя? Ведь недаром Витте требовал не включать в Манифест 20 февраля (ни применительно к Думе, ни по отношению к Государственному совету) наиболее далеко идущую в вопросе о думской компетенции фразу из манифеста 17 октября о том, что никакой закон не может получить силы без одобрения Думы, — фразу, которая по общему своему смыслу могла означать предоставление Думе широких законодательных прав и полной законодательной инициативы.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 205.

²⁹ Там же, т. 49, с. 419.

²⁴ Там же, с. 306—307.

²⁵ Там же; Красный, архив, т. 4, 1923, с. 91—92.

²⁶ Законодательные акты..., с. 366 и сл.

здесь на первом месте. Главное его содержание заключалось в запрете холостой стрельбы и стрельбы вверх, несмотря на оговорки о предварительном «уведомлении» и троекратном предупреждении. «По соблюдении всех этих условий толпа должна считаться достаточно предупрежденною, и, если и после сего беспорядки не прекращаются, употребление против нее оружия должно иметь значение действительного применения военной силы, а отнюдь не устрашения... безусловное исполнение этого закона скоро приучит население видеть в войсках грозную силу, а не только средство устрашения», — гласило мнение Государственного совета.³⁰ Содержавшиеся в документе рассуждения о том, что новый порядок уменьшит число жертв и т. п., лишь подчеркивали официально юридический характер узаконения стрельбы в народ боевыми патронами. 9 февраля таким же юридическим актом за изготовление и хранение нарочитых веществ и снарядов была установлена кара до 15 лет каторги.³¹ А 13 февраля утвержденным царем мнением Государственного совета была установлена уголовная ответственность «за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц». Акт этот давал возможность самым эффективным образом ограничить ту «свободу слова», которая была провозглашена 17 октября, ибо любое истолкование деятельности властей могло быть подведено под распространение ложных о ней сведений. Не довольствуясь этим, законодатели специально оговорили наказуемость любой формы революционной агитации, особенно в рабочей среде, отнеся к преступлениям «произнесение или чтение, публично, речи или сочинения... распространение или публичное выставление сочинения или изображения, возбуждающих... вражду между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими».³²

Столь же решительным образом была ограничена свобода обществ и союзов, хотя образование их было признано законным без разрешения правительственной власти. Временные правила на сей счет, введенные указом 4 марта, прежде всего давали министру внутренних дел возможность «во всякое время, по ближайшему своему усмотрению, закрывать общества, в коих образованы отделения, а также союзы, если деятельность этих обществ и союзов признается им угрожающею общественному спокойствию и безопасности». Образование таких обществ воспрещалось, как и управляемых учреждений и лицами, находящимися за границей, при наличии у таких обществ политических целей.

С весьма ограниченной компетенцией разрешалось учреждение профессиональных обществ рабочих и служащих торговых и промышленных предприятий, а также их владельцев. В нее входили лишь «изыскание способов» к урегулированию промышленных конфликтов, «выяснение рамок заработной платы», выдача пособий, устройство касс взаимопомощи и похоронных и т. п. Объединение профессиональных обществ в союзы не допускалось.

Для регулирования деятельности обществ и союзов создавались специальные губернские присутствия.³³

Правила о собраниях, одновременно утвержденные царским указом повторяли введенные еще осенью положения о необходимости предварительного получения разрешения полиции, присутствии на собрании ее представителя и немедленном закрытии собрания, для чего был установлен самый широкий круг поводов — от принятия «характера, угрожающего общественному спокойствию и безопасности», до отклонения «от предмета его занятий».³⁴ Новшеством был запрет на проведение собраний в закрытых помещениях на расстоянии полуверсты, а под открытым небом — на расстоянии двух верст от мест пребывания царя и мест заседаний Думы и Государственного совета.

15 апреля царем было утверждено мнение Государственного совета «по проекту правил против возникновения стачек среди сельских рабочих», представлявшее собой подлинно драконовский закон, по которому инициаторы стачки, даже если они ни в чем другом не обвинялись, могли быть приговорены к заключению в крепости сроком до 4 лет, а участники стачки — к тюремному заключению, для чего достаточно было обвинения в принуждении к участию в стачке других сельских рабочих, причем не только «посредством угрозы, насилия», но и «отлучения от общения». Само собой разумеется, что это давало возможность неограниченного осуждения стачечников. Еще более тяжкие последствия, отдачу в исправительные арестантские отделения, влекло за собой «участие в публичном скопище», даже если действия его ограничились вторжением в чужое «огороженное место или усадьбу». Сопротивление «вооруженной силе, призванной для рассеяния скопища», каралось каторгой.³⁵

26 апреля были сокращены сроки действительной службы в армии и во флоте, а также приняты временные правила для неповрежденной печати. Правила эти, разработанные в осуществление манифеста 17 октября и упразднявшие предварительную цензуру для книг, были поданы как чуть ли не отмена цензуры вообще. Состояли они в том, что власти могли наложить арест на весь тираж издания, а затем передать вопрос об аресте в суд и возбудить уголовное преследование виновных. Но при этом цензурные комитеты были переименованы в комитеты по делам печати, а цензоры — в членов или в инспекторов этих комитетов.³⁶

Все это проводилось с известной поспешностью, с тем чтобы поставить Думу перед лицом целого ряда проведенных старым порядком законодательных актов, которым царизм стремился в новых условиях придать по возможности прежние реакционно-охранительные содержание. Этим же соображением — опередить созыв Думы — руководствовались и при ускоренном обсуждении и принятии Основных законов.

В своих мемуарах Витте изложил, и на сей раз довольно откровенно, те соображения, которыми руководствовались он и другие министры,

³⁰ Законодательные акты... с. 343—344.

³¹ Там же, с. 347.

³² Там же, с. 363—364.

³³ Там же, с. 420 и сл.

³⁴ Там же, с. 438 и сл.

³⁵ Там же, с. 498—502.

³⁶ Там же, с. 602 и сл.

решая вопрос о необходимости срочного, до созыва Думы, пересмотра Основных законов. «В первом случае необходимо было издать Основные законы, соответствующие 17 октября, до созыва Думы, во втором — не издавать, и в таком случае мне было ясно, что Дума обратится в Учредительное собрание, что это вызовет необходимость вмешательства вооруженной силы». . . «Будет ли это к лучшему?», — задавал он себе вопрос, имея в виду необходимость «кровавых актов» со стороны правительства, и отвечал: «Пожалуй, да, если бы явился Петр Великий. . . Но такого не было и покуда не предвидится». ³⁷ Как и накануне 17 октября, Витте шел на преобразования лишь постольку, поскольку считал чисто карательный путь невозможным.

Итак, одна из причин стремления опередить созыв Думы принятием Основных законов состояла в том, чтобы лишить ее возможности их рассмотрения. Существовала и другая причина, ближайшим образом связанная с первой: в состав Основных законов спешно включались некоторые положения из учреждений Думы и Государственного совета с тем, чтобы возможность их пересмотра зависела от инициативы царя.

Как утверждал Витте, Трепов хотел, чтобы пересмотр Основных законов происходил без его, Витте, участия. Три проекта Основных законов, в составлении которых участвовали директор Александровского лицея А. П. Саломон и флигель-адъютант граф А. Ф. Гейден, были получены Сольским от Николая II. Под эгидой Искуля и Харитоновой был подготовлен проект Государственной канцелярии, который предполагалось внести в Государственный совет. ³⁸

Получив в конце февраля этот проект, Витте сделал Николаю II доклад, в котором заявлял, что проект, «с одной стороны, содержит несколько статей таких, которые допустить опасно, а с другой — не содержит таких положений, которые при новом порядке вещей являются безусловно необходимыми». Он требовал определить понятие закона и декрета, издаваемого в порядке верховного управления, т. е. единолично царем, так как если раньше отсутствие разграничения было для царя удобно и выгодно, то «при новом положении вещей» оно может доставить ему «самые большие затруднения». ³⁹ 20 февраля он дал поручение Э. Ю. Нольде, управляющему делами Совета министров, сравнить проект Государственной канцелярии («с консервативными конституциями (прусской, австрийской, японской, английской) и заимствовать оттуда полезные консервативные начала». Работа эта была выполнена, и Витте ею воспользовался. ⁴⁰ 5 марта царь приказал рассмотреть проект Основных законов в Совете министров, и Витте занялся его правкой. Чтобы «отметить более широкую область для свободной распорядительной деятельности правительственной власти», он предложил в статье о праве царя издавать указы для приведения законов в исполнение заменить «указы» «повелениями», что придало бы указам «более распространительное определение», а также упомянуть о праве царя «издавать указы, направленные

к ограждению государственной и общественной безопасности и порядка и обеспечения народного благосостояния». ⁴¹ Последнее предложение вообще возвращало все к старому порядку, перечеркивая всю систему проведенных государственных преобразований. Он предложил, однако, в статье о праве царя издавать указы и принимать меры «для различных отраслей государственного управления и для обеспечения правильной деятельности государственных властей» вставить ограничительные слова о том, что царь издает такие указы и принимает такие меры «в пределах закона». ⁴² По-видимому, Витте, даже перед тем, как покинуть пост председателя Совета министров (во всяком случае, он заявлял о таком намерении) хотел несколько расширить и упрочить компетенцию Совета министров, но против ограничений царских указов «пределами закона» выступил министр внутренних дел Дурново, полагавший, очевидно, что оно сократит распорядительные возможности власти в карательной сфере. ⁴³

Чтобы сократить права Думы и Государственного совета по пересмотру их собственных учреждений и лишить их возможности проявить инициативу и расширения их компетенции, Витте предложил в главе Основных законов о Думе и Государственном совете «перенести из актов 20 февраля (начиная пересмотра книг может, согласно манифесту 20 февраля, принадлежать членам Совета и Думы) еще несколько основных положений», а также «наиболее важные статьи новых сметных правил». ⁴⁴

В наибольшей мере реставраторским по отношению к самодержавному принципу было изменение, которое Витте внес в проект по вопросу о политической ответственности правительства. Как известно, вопрос этот, принявший форму думских лозунгов «ответственного министерства» и «правительства доверия», вскоре стал предметом острой политической борьбы между буржуазной оппозицией и царизмом и оставался таковым вплоть до самого его краха. Объявив вопрос этот «весьма спорным и сложным», Витте предложил установить ответственность правительства перед царем по образцу японской конституции. ⁴⁵

Виттевский Совет министров все это принял, исключил («в видах ближайшего согласования правил об основных правах и обязанностях российских подданных с современными условиями жизни нашего общества») статьи, запрещавшие без разрешения судебной власти содержание под стражей и наложение кар, взысканий или ограничений в пользовании правами, а также предусматривавшие право петиций. Чтобы лишить Думу возможности влиять на правительственную политику путем изменения порядка производства денежных ассигнований или с помощью неутверждения законопроекта о ежегодном контингенте новобранцев, Совет министров включил в текст Основных законов только что утвержденные правила о порядке производства государственной росписи и оговорку о том, что в случае неутверждения контингента новобранцев к 1 мая он устанавливается в размере не свыше прошлогоднего.

³⁷ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 296.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 23, л. 388.

³⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 295.

⁴⁰ Газапцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905—1906 гг. Пг., 1919, с. 157 и сл.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 23, л. 408, 429.

⁴² Там же, л. 409, 445—446.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 409.

⁴⁵ Там же, л. 412.

Кроме того, Совет министров предложил оговорить в Основных законах в числе prerogative царя руководство международной политикой, его права чеканки монеты, прощения осужденных, а также объявления местностей на военном или исключительном положении. Более подробная формулировка прав царя как вождя армии и флота включала в себя и его право устанавливать ограничения в области свободы жительства и приобретения имущества в местностях, признаваемых важными в военном отношении.⁴⁶ Разногласие среди министров вызвал вопрос о несменяемости судей. Исходя из интересов безотказного функционирования карательной системы, несменяемость судей, предусмотренная судебными уставами 1860-х годов, представляла собой крайне нежелательное препятствие для устройства судебных расправ. Предстоявшее открытие Думы нежелательность эту весьма усугубляло. Как считали сторонники включения в Основные законы права царя на увольнение всех без изъятия должностных лиц, Дума непременно сохранила бы несменяемость и таким образом придала бы судьям ощущение независимости, между тем, несмотря на несменяемость, судьи «до настоящего времени знали, что монарх неограниченный волен сместить их в случае признанной им в том необходимости, а, с другой стороны, волен и отменить самый закон о несменяемости». Теперь же, считали сторонники этой точки зрения, а они во главе с Витте составляли большинство, если царь не получит в Основных законах права на увольнение всех должностных лиц, он лишится «возможности устранить даже тех судей, которые по своим действиям оказались бы опасными для правильного хода государственной жизни». Возражавшее меньшинство, пронахмурившись, громкие слова об «одной из неотъемлемых prerogative судей, обеспечивающей ему возможность разрешить дело по совести и внутреннему убеждению вне всяких сторонних влияний», на самом деле исходило из соображений столь же охранительного характера: ввести сменяемость судей после манифеста 17 октября «едва ли представлялось бы удобным с точки зрения общей политики», т. е. было попросту страшиловато. «К тому же...», — гласило далее мнение меньшинства, — почти во всех случаях увольнение неблагонадежных судей может совершиться на основании закона в порядке дисциплинарного производства».⁴⁷

В мемории Совета министров были подчеркнуты три обстоятельства. Прежде всего, срочность издания новых Основных законов в связи с «опаснейшим дальнейшим колебанием общественного сознания». Затем — невозможность «отсрочить исполнение этого труда до созыва Думы и произвести пересмотр их при ее участии». Ее депутатов нельзя вовлекать «в опасные и бесплодные прения о пределах собственных их прав и природы отношений их к верховной власти», наоборот, они «должны найти определение ближайших условий» своей деятельности в готовых царских «предначертаниях». И, наконец, необходимость включить в Основные законы все, что возможно («полнота их изложения приобретает особую важность»), поскольку начин их пересмотра — привилегия царя.⁴⁸

⁴⁶ Там же, л. 431, 445—450, 457.

⁴⁷ Там же, с. 429—430.

⁴⁸ Там же, л. 428—429.

Это-то и дало Витте возможность впоследствии выставить себя в роли единственного спасителя монарших prerogative в ходе составления Основных законов наряду с афишированием своей роли в деле подавления революции. В соответствующей главе своих «Воспоминаний» Витте изобразил свою роль при составлении Основных законов как наиболее консервативную и охранительную. Столпы петербургской бюрократии, имевшие отношение к их проекту, выглядели под его пером чуть ли не потрясателями основ и уж во всяком случае совершенными либералами. Здесь и «благонамеренный либерал» Искеуль, и «благодушно-либеральный» Сольский, и др.⁴⁹ Все они, если верить Витте, то ли от растерянности, то ли вследствие либерализма готовы были на далеко идущие конституционалистские шаги. Самодержавие будто бы вообще лишилось своих защитников. Витте, по его словам, «был очень удивлен», когда министры иностранных дел, военный и морской — Ламздорф, Редигер и Бирелев — ничего не возразили против того, что в проекте Сольского было недостаточно оговорено исключительное право царя на руководство иностранными делами и вооруженными силами. [Лишь] Совет министров под председательством Витте изменил проект Основных законов таким образом, чтобы отразить монаршие prerogative. Если бы не Витте, то власть царя оказалась бы «ниже власти французского, а в некотором отношении даже швейцарского президента республики». Таков был главный смысл этой главы «Воспоминаний», и делать из него секрет не было для Витте никакого смысла. В 1913 г. известный историк-публицист консервативного направления Б. Б. Глинский напечатал по полученным от Витте материалам две инспирированные отставным председателем Совета министров статьи, которые в духе «Воспоминаний» восхваляли его заслуги в сохранении монарших prerogative, целиком якобы порушенных впадшими в либерализм составителями Основных законов.⁵⁰

Особенное значение и в 1906 г. и в последующем придавал Витте вопросу о титуле «самодержец». Текст соответствующей статьи в проекте Государственной канцелярии гласил: «Государю императору, самодержцу всероссийскому, принадлежит верховная в государстве власть». Измененная Советом министров формула звучала так: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает». В сущности она не отличалась от исходной, и сам Николай II, выражая свое сомнение в «необходимости... отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1 Основных законов уже 109 лет», считал опасным «новое ее изменение, даже то, которое предложено Советом министров».⁵¹ Здесь Витте видел

⁴⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 300—301.

⁵⁰ См.: Глинский Б. 1) К истории Основных законов в 1906 г. — Исторический вестник, 1913, с. 979 и сл.; 2) К вопросу о титуле «самодержец» (На истории кодификации основных законов в 1906 г.). — Там же, февраль, с. 577 и сл.; Апаньич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.: Л., 1963, с. 353—355.

⁵¹ Былое, 1917, № 4, с. 204. — Витте, однако, усматривал здесь разницу: «Если вычеркнуть слово „неограниченной“, то надо вместо „самодержавный“ сказать „самодержавная власть“» (там же, с. 209).

свою заслугу в том, что царь все же согласился принять новое изложение этой статьи благодаря тому, что упоминание о самодержавии было в ней сохранено. А для того чтобы обосновать это сохранение, Витте приложил все силы. Сначала он обратился за помощью к В. О. Ключевскому, полагаясь на его научный авторитет. Но тот уклонился, и Витте пришлось удовольствоваться исторической справкой, составленной бывшим слушателем профессора.⁵² Смысл ее был в том, что хотя после актов 6 августа и 17 октября царская власть «перестает быть абсолютной, неограниченной и становится конституционной», она тем не менее не перестает быть самодержавной. Доказывалось это с помощью исторического истолкования термина «самодержавие», согласно которому в древней Руси он не выражал понятий неограниченности и абсолютной власти, которые стали с ним связывать в XVIII в., а означал лишь внешнюю независимость монарха и страны. Николаю II, таким образом, указывалось, что, назвав свою власть самодержавной, он лишь вернет «исконному старинному титулу русских государей» его первоначальное значение. Эта же мысль о том, что манифест 17 октября не уничтожил власти царя-самодержца, с помощью юридической аргументации доказывалась и в трактате профессора-правоведа Киевского университета О. О. Эйхельмана, который был рекомендован Витте царю и предложил своей проект Основных законов, основанный на необходимости их пересмотра как бы независимо от объявленных реформ.⁵³

И сыгранной им роли в издании Основных законов Витте приписывал себе заслуги и перед царизмом, и перед Думой, выставляя себя одновременно и единственным радetelem в пользу монарших прерогатив, и спасителем дела реформ. «Благодаря моему твердому настоянию на проведении этих законов в именно в их нынешней редакции, — писал он, — мы избежали окончательного разгона Думы и уничтожения 17 октября, а вследствие того, что законы эти сохранили за государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, что они установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма — есть надежда, что режим 17 октября в конце концов привьется, одним словом, что нет более возможности вернуться к царскому режиму».⁵⁴ Характер честолюбивых амбиций Витте, стремившегося доказать, что его реакционные маневры были единственным способом осуществления преобразований, выразительно отражал и атмосферу, в которой проводились преобразования, и самую их сущность. Действительно, хоть и не обойтись было без реформ, но для того, чтобы царизм терпел рядом с собой буржуазно-помещичью Думу как институт конституционного устройства, требовалось, чтобы конституция эта была именно такой, как охарактеризовал ее Витте, а царизм сохранил максимум своих юридических прав и административных возможностей.

Как и булыгинский проект летом 1905 г., проект Основных законов не попал в Государственный совет, а стал предметом обсуждения особого совещания под председательством царя, открывшегося 7 апреля

1906 г. В нем не участвовали так называемые общественники В. О. Ключевский, Д. Н. Шипов и А. И. Гучков, а также подозревавшиеся в недостатке консерватизма уже отставленный со своего поста Н. Н. Кутлер, министр народного просвещения И. И. Толстой и Н. С. Таганцев. Зато крайне консервативное крыло было пополнено великим князем Николаем Николаевичем, графом К. И. Паленом, бывшим министром юстиции (в 60—70-х гг.), О. О. Эйхельманом и со второго заседания И. Л. Горемыкиным, которого Николай II пригласил не только как «охранителя исконных начал», но и как уже намеченного им следующего премьера. Из всех известных нам совещаний такого рода это, последнее из бывших или, во всяком случае, официально и полно записанных, представляет наибольший интерес.

Обсуждая в своем кругу политическое будущее России и обмениваясь мнениями о самых важных сторонах государственного строя страны, царь, великие князья и наиболее высокопоставленные сановники высказывались о сущности этого строя с такой откровенностью, которой не было подобных.

Инициативу и походе на всемерное ограничение прав Думы и консолидацию монарших прерогатив на сей раз, как бывало и до того, взял на себя Витте, который задал тон и запугиванию царя и всех присутствующих ужасами, угрожающими режиму, если не ограничивать права Думы. Она, заявлял Витте, не только «погубит армию и приобретет пошиб республиканский», но и установит царю гражданский лист.⁵⁵ Несколько позже он восклицал: «А если Дума будет крестьянская, безыдейная, и поведут ее на поводу революционеры и так называемая интеллигенция, то это будет дом сумасшедших... Если не будет Основных законов, коих Дума не может касаться, то могут дойти до требования, чтобы в армии и флоте говорили не на русском языке».⁵⁶ Речь шла о том, чтобы полностью или частично изъять Основные законы из круга ведения Думы.

Услышав о гражданском листе, Николай II сейчас же заявил: «Во всяком случае, при том или другом решении, относительно тех глав (Основных законов, — Р. Г.), которые касаются императорской фамилии и имущественного положения ее, всякий пересмотр их и дальнейшее усовершенствование должны зависеть единственно от меня». Фрпп принялся урезонивать царя, объясняя, что после 17 октября и 20 февраля присвоить ему себе право единоличного пересмотра Основных законов или какой-либо их части невозможно. Он успокаивал царя тем, что если тот сам «не возбудит вопроса о пересмотре этих законов, то никто не может их тронуть». Стшинский, разумеется, поддержал царя, требуя полного изъятия законов об императорской фамилии из компетенции Думы, а Дурново, уповавший исключительно на карательные меры, предложил одним ударом покончить с «новым порядком», как называли сановники систему государственных преобразований, и лишить Думу всех прав пересмотра Основных законов в их совокупности. «Постановление о том, что Основные законы могут быть изменены и дополнены лишь по

⁵² Ключевский В. О. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906.

⁵³ ЦГА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 24.

⁵⁴ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 306.

⁵⁵ Былое, 1917, № 4, с. 190.

⁵⁶ Там же, с. 199, 201.

почину государя, недостаточно, — заявил он. — Надо сказать, что они могут быть государем императором изменяемы без всякого участия Думы и Совета... Акт 17 октября далеко не совершенен, и вся смута, происходившая после этого, является последствием этого несовершенства... Но с существом этого акта нельзя не считаться, и в тех пределах, как это проектируется ныне, это не будет его нарушением, а скорее его дополнением.⁵⁷

Витте, не решаясь идти за Дурново до конца, по обыкновению блудил. Он понимал, что желанная перспектива полного изъятия Основных законов из ведения Думы, которой соблазнял царя Дурново, переальна. Но сказать это он не хотел, и не уточняя, что имеет в виду лишь раздел об императорской фамилии, как бы поддерживал министра внутренних дел своего правительства. «Это не гарантия прав монарха — предоставление ему только почина... оставлять вопрос в том виде, как предположено, нельзя. Если смотреть на него с точки зрения изданных в последнее время актов, то прав Э. В. Фриш, но надо считаться с государственными потребностями, которые выше логики. Я полагаю, что лучше теперь перетерпеть недовольство и оставить все, что нужно, всецело за государем, чем рисковать в будущем смутами во всем государстве», — заявил Витте.

Однако после того, как Фриш пригрозил «беспорядками» более сильными, чем после 17 октября, «если дарованные права будут отняты», члены совещания стали говорить об изъятии из думской компетенции лишь раздела об императорской фамилии. Только великий князь Николай Николаевич в разгар полемики брякнул было без всяких аргументов: «Надо только в Основные законы ввести постановление, что Дума не может изменять Основных законов». Но все, в том числе и Дурново, ограничились статьями об императорской фамилии и удельных имуществ, пересмотр которых был сохранен исключительно за царем.⁵⁸

На втором заседании совещания, 9 апреля, впервые появившийся Горемыкин поставил вопрос, по-видимому, более всего волновавший Николая II, следует ли вообще переиздавать Основные законы. Он опасался, «как бы Дума не подняла неудобных вопросов» по поводу ограничения ее компетенции, и считал, что сохранение в неприкосновенности главных статей Основных законов поможет консервации старых порядков, предлагая ограничиться для реализации манифеста 17 октября дополнительными правилами.

Явно по поручению царя он подчеркнул, что «поднятие вопроса» о статье, содержащей титул «самодержец», «и ей подобных чревато событиями; трогать их не следует».⁵⁹ Отвечая Горемыкину, Витте занял такую позицию, что он рад бы и сам не переиздавать Основных законов, но движим страхом перед Думой, которая «может все пересмотреть, по своему почину, кроме Основных законов». «Поэтому надо отобрать от нее все, что опасно трогать... иначе Дума превратится в Учредительное собрание», — сказал он, насчитав около 30-ти таких правил. Они были

сосредоточены в проекте указа на случай, если было бы решено Основные законы в полном виде не переиздавать. «Но если будут изданы одни эти 30 статей, то впечатление, вероятно, будет неблагоприятное», — сказал Витте. Горемыкин возразил было, что «неблагоприятное впечатление» произведет именно полное издание Основных законов, «ибо ими права подданных изъеются из обсуждения Думы». Но тут на помощь Витте поспешил Фриш, на бюрократической шкале расстояние между консерватизмом и радикализмом было незначительным и легко преодолимым. Фриш разъяснил Горемыкину, что «звести в Основные законы статьи о свободах особенно ценно» в интересах их ограничения: «...нельзя будет толковать, что они даны беспредельно». «Иначе не будет пределов в домогательствах свобод... А то уже и теперь говорят, что правительство свободы ограничивает. Надо устранить возможность превратных толкований», — говорил он, почти буквально повторяя виттевский набор угроз, которые таит в себе сонал Думы. Если не издать Основных законов с включением в них основ учреждений Думы и Государственного совета, то Дума первым же делом упразднит Государственный совет и станет Учредительным собранием, пугал он.⁶⁰

Но вскоре на первом плане оказался поднятый самим Николаем II вопрос о царском титуле. В необычно изволнованном монологе, который считался впоследствии наиболее пространной из произнесенных им когда-либо речей, царь заявил, что его «мучает чувство», имеет ли он перед своими предками право отказаться от самодержавных прав. При этом он, однако, заверял, что с позиции манифеста 17 октября его «не сдвинут» и он от этого акта не отступится. Хотя Николай II и не сказал этого прямо, он имел в виду сохранение в определении характера своей власти понятия ее неограниченности. Это сейчас же показал Горемыкин, как и следовало ожидать, поддержавший царя («Если просто вычеркнуть слово „неограниченный“, то нельзя будет выйти ни на одного затруднительного положения»). Витте же опять принялся вилать. Заявив, что он «и ныне смущен, как был смущен 17 октября», он стал, явно фальшивя, доказывать, как и раньше, будто считает вполне возможным сделать издание Основных законов исключительной привилегией царя, если власть его будет объявлена неограниченной. Однако тут же он отрицал неограниченность, приводя в качестве примера ее власть турецкого султана. («Там можно сказать, что власть управления неограничена, но у нас, с императора Александра I, законы управляют основаниями верховного управления»).

Никто не решился удовлетворить тоску царя по слову «неограниченный», слишком странно было «бросить перчатку», как выразился Акимов. «Я не сочувствую манифесту 17 октября, но он существует», — говорил Пален. «Я тоже не сторонник свобод, данных народу», — вторил ему Акимов. Он стоял за срочное принятие Основных законов как средства в контрреволюционной борьбе («Надо исключить слово „неограниченный“ и издать Основные законы, чтобы оградить правительство»). Предвидя, что Николай II пойдет на государственный переворот, он заклинал: «Войско — ваша опора, и если в Основных законах не сказать

⁵⁷ Там же, с. 193.

⁵⁸ Там же, с. 196—197.

⁵⁹ Там же, с. 202.

⁶⁰ Там же, с. 203.

про него, то наше положение будет безвыходное. Если не сказать о призыве в Основных законах, то нельзя будет призывать новобранцев. Будет агитация против набора». Поддержали исключение термина «неограниченный» Сольский и Фриш, который возражал Витте, указывая, что присвоение царем себе права на издание Основных законов означало бы прямое нарушение манифеста 20 февраля, «возбудило бы беспорядки», а «благоразумная часть населения была бы смущена».

Урезонивали царя оба великих князя. Сменил флаг и Дурново. Если на предыдущем заседании он, уповая на силу, требовал для царя исключительного права издания Основных законов, то теперь, ставя во главу угла удовлетворение благосмыслящих, он заявлял: «Вся смута исходит не от народа, а от образованного общества, с которым нельзя не считаться... После актов 17 октября и 20 февраля неограниченность монарха перестала существовать. Никто в России не может единолично издавать законов». Спасательное средство для царского престижа подал заигнанный вместе с царем в угол Стишинский, сказав: «Следует только слово исключить, а власть сохранить».⁶¹ Пожалуй, именно Стишинский с наибольшей полнотой выразил характер и цели всей преобразовательной деятельности, как представляли их себе царь и «зубры». Вероятно, именно под влиянием его слов царь в конце концов согласился на исключение слова «неограниченный», а через год с лишним, совершив третьеиюньский переворот, показал, что, несмотря ни на что, считает свою власть неограниченной.

Вслед за тем на этом же заседании Витте и Дурново, состязаясь друг с другом, принялись обеспечивать юридическую базу для неограниченности царской власти в карательной сфере. Требуя исключить из статьи о том, что царь издает указы и повеления, слова: «в соответствии с законами», Дурново заявлял: «По охранению государственного порядка, в чрезвычайных обстоятельствах, меры будут приниматься именно не в соответствии с законами». Витте же, ничуть не смущаясь объявил недостаточной ту статью проекта Совета министров, которая предоставляла царю право объявления местностей на военном или исключительном положении. «Надо сказать так, что... верховная власть может принять все те меры, которые признает нужными, и никакие законы этому мешать не могут», — сказал он. Витте утверждал, что законы о военном положении «весьма несовершенны» с точки зрения карательных целей. А Дурново пояснял это («Есть много случаев, военным положением не предусмотренных, например, реквизиция хлеба»), требуя, чтобы царю было предоставлено право не только вводить военное положение, но принимать меры, которые, помимо Думы, имели бы силу закона. Того же требовал и Стишинский.⁶²

Немного спустя Витте принялся с жаром отстаивать вслед за Дурново исключение из статьи об издании указов слов «в соответствии с законами», которые он, как мы знаем, сам в нее вставил.⁶³

Витте выступил с призывом к прямолинейно реакционному решению и в вопросе о судьях, заявив: «У нас в переживаемое время нельзя закрыть возможности сменять судей. Они могут выносить революционные приговоры, всегда оправдывать. Если признать их несменяемыми, и Дума их поддержит, что же тогда будет?». Но поддержав он не был, хотя влияния революции на суд боялись и другие. «Это будет величайшее бедствие... это будет конец государству... — твердил Акимов. Но соответственное постановление надо изложить так, чтобы принцип несменяемости не был отменен». В том же духе высказался и Горемыкин, предлагавший не давать «повода к нареканиям», а, если потребуется, просто закрывать суды. «В бытность мою министром юстиции, я имел много неприятностей от их несменяемости. Но надо быть хладнокровным и не выходить из терпения», — заявил Палец, даже пригрозивший Николаю II судьбой Людовика XVI, постигшей его якобы потому, что он нарушал обещания своих предшественников на престоле. Царь поспешил заявить, что ничего не имеет против несменяемости.⁶⁴

Однако полностью открыло заносу над истинными представлениями высших сановников о сущности карательной политики и их планами проведения ее в будущем предложение Витте отговорить право царя в чрезвычайных обстоятельствах издавать указы «в видах предотвращения грозившей государственному порядку опасности». Предложение это, сделанное еще до рассмотрения проекта в Совете министров, как мы уже говорили, полностью сводило на нет роль Думы и Государственного совета, и обер-прокурор Синода Оболенский, который, по злой характеристике Витте, «к этому времени совсем сбился с панталыка и кидался от крайнего либерализма к такому же консерватизму»,⁶⁵ сейчас же это отметил.

Витте возражал Сабуров, заявивший, что и по положению об усиленной охране «полномочия правительства весьма широки». «Если эти полномочия в чем-либо недостаточны, их надо пересмотреть и все-таки указать их пределы», — говорил он. Ссылки без суда (он насчитал применительно к предреволюционному периоду 5 тыс. сосланных и около 100 тыс. так или иначе задетых этими репрессиями ежегодно) он объявил «одной из причин революции». «Надо наказывать только по закону, как бы строг закон ни был. Нельзя основывать управление на штыках», — заключил Сабуров. Отстаивая так называемую «административную юстицию», Дурново разоблачал жестокость судебных приговоров, заявив, что потому и приходилось идти на административные меры, что «наказания по суду оказывались слишком тяжкими». А Витте в своей аргументации походя разоблачал законы об усиленной охране и военном положении. «Особенно ужасны способы их применения», — признал он. — Их не надо усиливать; эти законы и без того губительны. Я уверен, что Дума их пересмотрит и отменит. Номыслим правовой порядок, если из-за доноса жандарма ссылают, секут и т. п.».

Но отнюдь не бесчеловечный, поистине драконовский характер обеих карательных систем, признанный ими таким образом, беспокоил Витте

⁶¹ Там же, с. 207—209.

⁶² Там же, с. 210—212.

⁶³ Там же, с. 214—215.

⁶⁴ Там же, с. 220—222.

⁶⁵ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 297.

и Дурново. Их заботило укрепление и расширение законной базы для продолжения репрессий и усугубления их характера. Оба они совершенно ясно выразили это. Во-первых, они доказывали, что дать царю право чрезвычайных указов, которые, как выразился Дурново, «никакой закон не может нормировать», нужно для действий против «опасности высшего порядка» «сверх» «усиленной и чрезвычайной охраны», достаточной лишь «для местных беспорядков». Во-вторых, они оба боялись отмены Думой законов о военном положении и об усиленной охране. Витте, как мы только что видели, прямо говорил о своей уверенности в этом. А Дурново то допускал такую возможность, то надеялся на неутверждение думского решения царем. И, наконец, оба они хотели создать юридическую базу для разгона Думы и совершения государственного переворота без правовых нарушений. Витте со свойственной ему словесной эквилибристикой объяснял это так: «Во всех государствах бывали такие минуты, когда становился необходимым *coup d'état*. Дай бог, чтобы нам не пришлось этого пережить. Но если придется, то лучше иметь в этом случае возможность опереться на закон, чтобы можно было совершить не *coup d'état*, а произвести переворот на основании закона».

А Дурново прямо сказал, что имеет в виду «тот случай, когда нужно будет сказать, что Дума и Совет (Государственный, — *P. G.*) не существуют», и без виттевских обиняков добавил: «Несомненно, что это будет государственный переворот, но его лучше основать на законе». «Во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот», — возразил Акимов, как бы возглавлявший группу членов совещания, демонстрировавших нарочитую умеренность.

Умеренность эта на деле оборачивалась стремлением к чисто бумажной благопристойности. Сольский, Фриш, Сабуров, входившие в эту группу, как и Витте с Дурново, хотели в максимальной степени сохранить самодержавные возможности в карательной сфере, которая была с их общей точки зрения жизненно важной для сохранения режима. Но если Витте и Дурново добивались большей юридической свободы для проведения политики подавления, то их оппоненты не хотели дать им возможность прикрываться чрезвычайными указами царя, резонно считая, что практический образ их карательных действий и впредь не будет пуждаться в юридическом восприятии. «Беспорядки можно усмирять на основании действующих законов», — продолжал Акимов. — Предусматривать же в Основных законах государственный переворот — пагубно. Если есть сила, можно совершить переворот и без закона. Если ее нет, то и с законом переворот не сделаешь». В том же духе выступал и Пален. («Надо, чтобы была сильная власть... Но нужно оберегать государя императора, нужно, чтобы особа его стояла в стороне») Сабуров пригрозил Николаю II тем, что введение права на чрезвычайные указы возбудит недоверие к нему лично, возникнут подозрения в том, что он с самого начала готовил государственный переворот. И царь отказался от предложения Витте.⁶⁶

Но в одном вопросе Витте при поддержке Дурново и Фриша выступал против «крайних» вкупе с «умеренными». Вопрос этот, непосредственно

связанный с аграрной политикой правительства, направленной на содействие карательным мерам с целью «умиротворения» деревни, возник в связи с требованием Горемыкина изъять из статьи о неприкосновенности собственности упоминания о возможности принудительного отчуждения имущества для общественной надобности. Поначалу тот хотел добиться исключения из Основных законов всех статей о правах подданных. Когда же это не удалось («Весь этот отдел с практической точки зрения не имеет значения», но исключать его «неудобно», — не без цинизма заметил Витте), Горемыкин предложил ограничиться возможностью отчуждения собственности лишь для надобности государственных учреждений. Витте выступил против него с открытым забралом. Он только что подтвердил свою репутацию крайнего охранителя, отстояв против Сольского, Фриша и Акимова произведенное Советом министров исключение статьи о тайне переписки. При этом Фриш и Акимов ясно дали понять, что конституционная гарантия ничего общего с практикой иметь не должна, Дурново возразил, что если сохранить статью, «будет масса жалоб на рваные конверты», а Витте объявил, что без перлюстрации «пельши обойтись».

Теперь Витте перешел на радикальную почву, сразу заявив, что дело в страхе перед крестьянством. «Если объявить крестьянам, что принудительное отчуждение не допускается вовсе для наделения их землей, то это будет величайшей ошибкой», — говорил Витте, предсказывая, что через несколько месяцев царю придется утвердить думский аграрный законопроект, «или все крестьянство встанет против верховной власти».⁶⁷

Пален и Николай Николаевич настаивали на охранении «священного принципа собственности». Горемыкин видел в словах Витте «большую опасность», требуя не давать почву пропаганде, не «оставлять в этом вопросе щели», добиться, чтобы все ожидания крестьян связывались с царской милостью, а не с Думой («Если нужно будет землеустройство, то пусть оно будет, как и в 1861 году, исходить от императорской власти»).

Противоположность между взглядами Витте и Горемыкина была не столь уж велика. Горемыкин, как и Витте, не видел возможности обойтись вообще безо всяких аграрных преобразований, а Витте, в свою очередь, объяснял, что вовсе не собирается давать землю крестьянам, не считая ненадежной воинственности Думы в аграрном вопросе и надеется на буржуазно-собственническое «благоразумие» кадетов, надо лишь не раздражать Думу принятием горемыкинских предложений. «Если изложить статью, как предлагает И. Л. Горемыкин, то Думу придется разогнать через два месяца, и произойдет революция», — возразил он. Но начав на тревожной ноте, он вскоре изменил тон: «Я шесть месяцев стою у дел и лучше его знаю их положение. В Думу попадут лица, которые на первое место поставят крестьянский вопрос. Но засим в самой Думе составит большинство, которое, по цифровым данным, скажет, что наделение крестьян невозможно. В настоящее время этот вопрос кадеты замалчивают, а в Думе они сами откажутся от своего проекта,

⁶⁶ Былов, 1917, № 4, с. 225—227.

⁶⁷ Там же, с. 232—234.

так как поймут, что осуществить его невозможно. Первый на это не пойдет профессор Ковалевский, который сам богатый землевладелец и умный человек. Таким образом, с этой стороны опасности нет. Сама Дума отвергнет этот проект. Даже если бы этого не случилось, то Государственный совет его отклонит, наконец — государь не утвердит. Но сделать так, как советует И. Л. Горемыкин, это заранее составлять план общей революции в России».

Горемыкин заявил, что «если только допустить, как полагает граф Витте, обсуждение этого вопроса в Думе, то ее придется брать в штыки». Дурново и Фриш предложили оговорить, что отчуждение допускается «за справедливое и приличное вознаграждение», и это было царем принято.⁶⁸

Обсуждение Основных законов, имевшее своим итогом некоторое ограничение власти царя в законодательной сфере и оставившее за ним всю полноту исполнительной власти, не говоря уже о полном сохранении фактической власти, кончилось демонстрацией показной умеренности со стороны царя. Он согласился не вставлять в фразу о том, что министры ответственны перед ним, слова «исключительно» и, наконец, пошел-таки на изъятие слова «неограниченный» из определения царской власти. Однако прошло почти две недели, прежде чем Основные законы были опубликованы, обещание закрылось 12-го, утверждены они были 23-го, а опубликованы 24 апреля.⁶⁹ Витте, преувеличивший в мемуарах срок этой задержки и утверждавший, что опубликование было произведено по настоятельному требованию опередить созыв Думы, заплечному им уже после замены его на посту председателя Совета министров Горемыкиным, объяснял промедление проеками Трепова.⁷⁰

Трепов, проводивший как бы собственный политический курс с маневрами «налево», обратился к В. И. Ковалевскому, в прошлом товарищу министра финансов, ведавшему торговлей и промышленностью, а в это время деятелю делового мира, с просьбой обсудить прошедший через Совет министров проект Основных законов с группой видных представителей либерального лагеря, с которыми тот был связан. Результатом обсуждения, в котором участвовали виднейшие кадеты П. Н. Миллюков, И. В. Гессен, С. А. Муромцев, Ф. А. Головин, Н. И. Лазаревский и М. М. Ковалевский, которого Витте, вероятно, по неточности выражения, причислил к кадетам (на самом деле он был основателем партии демократических реформ), явилась записка, поданная Трепову 18 апреля, когда Царское высшее совещание уже закрылось. Это был донос царю на министров, выдержанный в традиционном неославянофильском духе, с обвинениями в адрес высшего чиновничества, которое «довело Россию до теперешнего ужасного состояния» и при составлении проекта руководствовалось «защитой собственных интересов и нежеланием расстаться с безответственным положением». Все это министры — составители проекта делали «под видами сохранения прерогатив верховной власти» для ограждения своего произвола.⁷¹

⁶⁸ Там же, с. 234—236.

⁶⁹ Текст их см.: Законодательные акты..., с. 574—584.

⁷⁰ Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 304—305.

⁷¹ Красный архив, 1925, т. 4/5, с. 117 и сл.

Критикуя проект за «извращение великих начал манифеста 17 октября», авторы записки утверждали, что вместо «успокоения» проект повлечет за собой рост «недоверия и подозрительного отношения к ее обещаниям». «Всего печальнее, если бы такое недоверие распространилось и на верховную власть», — пугали царя кадеты. Предлагавшиеся ими изменения, которые Витте определял как сводящие власть царя к власти французского президента и «вводящие парламентаризм»,⁷² на самом деле отнюдь не были таковыми. Даже сами составители определяли их лишь как «более или менее существенные» и подчеркивали, что избегали коренной переработки проекта. Критикуя проект Совета министров как оставляющий всю ответственность на царе, освобождая от нее министров, они доказывали, что усиление министерской ответственности «может иметь своим последствием не умаление, а возвеличение того обаяния, какое власть монарха должна иметь среди подданных», цитировали из английского закона фразу: «Король не может делать зла». Речь шла всего-навсего о восстановлении исключенной Советом министров статьи о том, чтобы министры скрепляли своими подписями исходящие от царя акты. Предлагалось несколько расширить право запроса министрам, предоставленное Думе и Государственному совету, а «перечень прав русского населения пополнить также и правом представления челобитных на имя государя императора или в законодательное собрание», с учетом того, что «подача челобитных шумною толпою может повести к нарушению мира, представления же письменных ходатайств не заключают в себе ничего опасного».

Наиболее существенное из предложенных изменений состояло в том, чтобы не давая Думе и Государственному совету полного права почина пересмотра Основных законов, предоставить им своего рода участие в этом почине, «оставив этот пересмотр исключительными требованиями». Двумя третями голосов соединенного заседания они должны были ходатайствовать перед царем о пересмотре, а затем, в случае удовлетворения ходатайства, таким же большинством — утвердить самое изменение.⁷³ Это предложение кадетов не было учтено, хотя контакты Трепова с либеральными деятелями продолжались (он получил от них и проект тронной речи при открытии Думы).

Основные государственные законы носили на себе явные следы вынужденности тех преобразований, на которые революция заставляла идти царизм. Это и не могло быть иначе при тех чисто контрреволюционных целях, ради которых проводились все преобразования. Теперь, после подавления вооруженных восстаний революционных масс, когда с точки зрения царских законодателей, «благочестивые» должны были получить урок и «образумиться», когда западно-европейская буржуазия проявила готовность оказать царизму широкую финансовую поддержку (устроенный Витте большой европейский заем был заключен в середине апреля), представлялись ненужными дальнейшие уступки буржуазно-либерального типа. Следовало, наоборот, ограничить сделанные, сохранив не меньшей, чем при самодержавной неограниченности, юридическую бес-

⁷² Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3, с. 305.

⁷³ Красный архив, т. 4/5, с. 120.

предельность карательных возможностей. Кодификация предыдущих государственных актов в процессе составления новых Основных законов давала к этому все условия. Однако, оценивая государственный строй страны после проведения всей системы преобразований, следует отметить, что он претерпел весьма существенные изменения. В важнейших вопросах государственной жизни неограниченность прав царя исчезла. Это относилось, в первую очередь, к прежним его исключительным prerogativam в области законодательства и расходования государственных средств. В. И. Ленин отмечал «известную зависимость правительства от утверждения бюджета Думой...»⁷⁴ Разумеется нет оснований считать, как это делали многие публицисты и правоведы либерально-буржуазного толка, что Россия превратилась в конституционную монархию. Следует согласиться с одной из последних трактовок Основных законов в советской научной литературе, исходящей из их лжеконституционного характера.⁷⁵ В ее пользу следует привести еще и тот аргумент, что конституционные преобразования меньше всего отразились на политической практике правительства в карательной сфере. Однако нельзя игнорировать и того обстоятельства, что ликвидация самодержавной неограниченности государственного строя дала импульс политической борьбе между либеральным лагерем и царизмом вокруг дальнейших его изменений в то время, как революционный лагерь вел непримиримую борьбу за свержение царизма и ликвидацию эксплуататорского социально-экономического строя.

Как известно, в те самые апрельские дни 1906 г., когда принятием основных законов и созывом Думы царизм и верх либерально-оппозиционного лагеря пытались положить предел развитию революции, в Стокгольме проходил IV (Объединительный) съезд РСДРП. Его созыв был связан с подволом рабочих-партийцев расколом в партии, их тягой к единству, особенно проявившейся в период наивысшего подъема революции. Разоблачение В. И. Лениным политики кадетов, его критика меньшевиков, которые скатывались на позицию поддержки буржуазно-либеральной оппозиции, а также разработанная к съезду ленинская аграрная программа — все это вооружало большевиков-участников съезда для идейной борьбы на нем.

Основной ленинской аграрной программы был лозунг национализации земли. Он давал возможность развития крестьянской революционности и был связан с перспективой победы буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую. Большевицкая аграрная программа включала в себя конфискацию помещичьей земли революционными крестьянскими комитетами, национализацию всей земли в случае полной победы революции, установления демократической республики и перехода власти к временному революционному правительству, а также создание особой организации деревенской бедноты.

Меньшевицкая аграрная программа муниципализации земли лишала революционный процесс перспективы, так как, уничтожая помещичье

землевладение, она с ее системой аренды земли крестьянами у муниципалитетов и сохранения крестьянских наделов исключала революционный захват земли крестьянами.

Ряд участников съезда предлагал раздел земли в собственность крестьян. В отличие от меньшевицкой программы, этот проект давал лозунг для революционной борьбы крестьянства, но сохранение наделной системы и связанных с ней как остатков крепостничества, так и основ для развития капиталистических отношений в деревне, родило этот проект с меньшевицкой муниципализаторской программой. Как известно, она была принята съездом, однако меньшевицское требование отчуждения помещичьих земель было заменено под влиянием большевиков требованием их конфискации.

Съезд укрепил единство действий пролетариата в общероссийском масштабе. Вместе с тем идейно-политическое размежевание в рядах социал-демократии, которому он способствовал, было необходимо в интересах развития революции.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 163.

⁷⁵ Васильева И. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие, с. 129 и сл.

ЦАРИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД СПАДА РЕВОЛЮЦИИ

Если принятие новых Основных законов завершало, по крайней мере, номинально, цикл преобразований в государственно-политической области, то в социально-экономической сфере задачи борьбы с революцией мерами законодательного характера оставались для царизма нерешенными. До сих пор мы касались этих сюжетов лишь в связи с общим ходом законодательной деятельности. Ниже, однако, мы остановимся на каждом из них специально.

Традиционная правительственная политика в рабочем вопросе, сочетавшая казенное «попечение» о рабочих с жестокими полицейскими преследованиями участников рабочего движения, запрещением любых пролетарских организаций, потерпела крах с началом революции, неудачу терпела и предпринимательский патернализм. Восходящие к началу 1900-х гг. и нашедшие затем отражение в проектах Министерства финансов (и комиссии 1905 г. В. Н. Коковцова) попытки несколько модернизировать правительственный курс в рабочем вопросе путем дальнейшего развития фабричного законодательства и отказа от уголовного преследования участников экономических стачек также не принесли существенных результатов. «Новый» курс на поверку мало чем отличался от прежнего. Это был тот же конгломерат попечительно-охранительных и буржуазных элементов, причем если буржуазная направленность рабочей политики (робкие попытки организовать какое-то рабочее представительство на промышленных предприятиях, а также в проектируемых больничных кассах и страховых судах) и несколько усиливалась, то по-прежнему преобладающим оставалось охранительное начало, уходившее глубокими корнями в феодальную природу самодержавного строя.

Промышленная буржуазия активно выступила против каких-либо экономических уступок рабочим (в страховом деле и организации больничной помощи, сокращения рабочего дня) и в самом начале сорвала работу комиссии Коковцова. На протяжении 1905 г., вплоть до октября—ноября, в многочисленных записках, выступлениях промышленников и предпринимательских организаций отчетливо выявляются небывалые до того оппозиционные потки и настроения, отражавшие, с одной стороны, недолюбовство потерпевшей очевидную неудачу попечительно-охранительной рабочей политики царизма, с ее постоянным и грубым вмешательством во взаимные отношения между предпринимателями и рабочими, а с другой — определенные претензии на раздел с помещиками политической власти в стране. Отсюда требования политических реформ, предостав-

ления приоритета законодательному обеспечению политических, гражданских прав населения, включая сюда и свободу собраний, «мирных» экономических стачек и организаций, как рабочих, так и предпринимательских (вплоть до монополистических), перед реформой собственно рабочего законодательства.¹ Рабочий класс России, к мнению которого не собирались прислушиваться при обсуждении разрабатываемого трудового законодательства, со своей стороны, проявлял явное равнодушие к «реформаторству» царских бюрократов, явочным порядком утверждая в ходе массовых стачечных выступлений свои права на забастовки и создание пролетарских организаций, профсоюзов, активно борясь за 8-часовой рабочий день и коренное улучшение своего экономического и политического положения, за ликвидацию самодержавного строя.

Кабинет С. Ю. Витте в рабочем вопросе активно проводил двудельную политику решительной борьбы с революционным пролетарским движением в сочетании с попытками осуществить реформу буржуазного характера трудового законодательства. При этом в борьбе с рабочим классом использовался не только весь репрессивный аппарат царизма, но и разработанные под личным наблюдением самого Витте и в срочном порядке принятые различные Временные правила, направленные, как уже указывалось, против демократической печати, массовых политических забастовок, ограничившие в самом начале права возникавших в стране многочисленных профессиональных союзов.

Таким, в частности, был упоминавшийся выше царский указ 2 декабря 1905 г., установивший «Временные правила о наказуемости участия в забастовках...», с которым обычно связывается окончательная легализация экономических забастовок. Однако внимательный источниковедческий анализ этого документа, история его разработки выявляют его откровенно репрессивную сущность. Поставив на повестку дня с начала 1905 г. (комиссия Коковцова) вопрос об отмене уголовного преследования участников рабочего движения, правительство, бессильное справиться с нарастающей революцией, вынуждено было уже в течение весны—лета 1905 г. пойти сначала на отмену горемыкинского циркуляра 1897 г. об административном, внесудебном преследовании участников рабочего движения, а затем временно приостановить действие основных антизабастовочных статей уголовного законодательства; было также созвано Особое совещание под председательством А. П. Игнатьева для пересмотра действовавших с 1881 г. положений об усиленной и чрезвычайной охране.

Однако уже в октябре—ноябре, после издания царского манифеста 17 октября 1905 г., ситуация коренным образом меняется. Против дальнейшего нарастания массовых политических забастовок, постепенно перераставших в вооруженные восстания, единым фронтом выступают и силы крайней реакции, самодержавный помещичье-крепостнический лагерь во главе с Николаем II и практически вся буржуазия от

¹ См.: Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. / Сост. и автор предисловия Б. А. Романов. М., 1926; *Лавровцев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1864—1917 гг.). М., 1972, с. 190—200; Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981, гл. 2—4.

традиционно консервативных и политически индифферентных промышленно-финансовых кругов до «ультралибералов» в лице кадетов.

Указ о стачках был подготовлен под непосредственным руководством Витте в ноябре 1905 г., в самый разгар всероссийской почтово-телеграфной забастовки. Первоначально в указ входили лишь карательные статьи, затем они были дополнены разделом о вознаграждении так называемых жертв забастовочного движения. В таком виде проект указа обсуждался и был одобрен 11 ноября Советом министров, особо отметившим политический характер происходящих в стране всеобщих стачек, их антиправительственную направленность, что и потребовало разработки новых антизабастовочных мер, которые «должны быть приняты немедленно и притом быть запретительного, карательного свойства».² И только в самый последний момент при обсуждении проекта указа в Государственном совете 23 ноября в его текст было вставлено краткое упоминание (выглядящее явно инородным телом в тексте указа) об отмене двух статей (1358 и 1358¹) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, по которым преследовались участники экономических забастовок.

Главным же в этом документе было узаконение значительно более суровых наказаний — от 4 месяцев до 1 года 4 месяцев, а в отдельных случаях и до 4 лет тюремного заключения — для рабочих-активистов, организаторов и руководителей стачек на железных дорогах, в телефонной сети или вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности которого угрожает безопасности государства...». Последний пункт был сформулирован заведомо неопределенно, что позволяло в дальнейшем толковать его весьма расширительно. Да и соответствующий раздел (II) об отмене названных статей Уложения о наказаниях содержал вполне определенную оговорку, сохранявшую «в силе прочие о стачках постановления сего Уложения».³ И хотя указом 2 декабря 1905 г. формально устанавливались Временные правила и в дальнейшем обещалось издание «общего о стачках закона», таковой, как мы увидим дальше, так и не был разработан в царской России.

Сразу же после того, как в начале 1905 г. несколько слала забастовочная волна, правительство отказалось от издания подготовленного уже нового указа об отмене статьи об уголовном преследовании за индивидуальный отказ от работы (ст. 51⁴ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), которая сохраняла свою силу вплоть до января 1912 г. Безрезультатными оказались и «труды» игнатьевской комиссии: «Положение об охране» не только не было отменено, но, будучи распространенным на все главные промышленные губернии, по-прежнему оставалось в руках царизма сильнейшим орудием борьбы с рабочим классом, революционным и общедемократическим движением в стране. Основные карательные статьи указа 2 декабря 1905 г.⁴ уже к весне 1905 г. были распространены на судоходство, чрезвычайно суровые репрессии

предусматривались и для участников стачек сельскохозяйственных рабочих.⁵

Сходная ситуация сложилась и с профсоюзным законодательством. Еще в начале лета 1905 г. Отделом промышленности был подготовлен в рамках комиссии (Кокорцова) весьма либеральный законопроект «О профессиональных обществах», разработанный с учетом опыта деятельности возникших с началом революции первых пролетарских профсоюзов и предусматривавший широкие права для их участников. Этот проект после манифеста 17 октября 1905 г. был внесен министром торговли и промышленности Тимирязевым в Совет министров, где он рассматривался в ноябре—декабре вместе с выработанными в Министерстве юстиции Временными правилами об обществах и союзах. Уже тогда возникли серьезные разногласия с министром внутренних дел П. Н. Дурново, который требовал предоставления губернской администрации права закрывать общества и союзы, в то время как в проектах это должно было быть компетенцией исключительно судебных органов. Вопрос этот остался открытым, однако Государственный совет, рассматривавший указанные законопроекты в январе 1906 г., его реакционное большинство, не только учли основные требования МВД, но и пошли значительно дальше, искажив проекты до неузнаваемости.

В окончательном виде Временные правила об обществах и союзах были утверждены царем, как уже говорилось, 4 марта 1906 г. Они состояли из двух частей: в первой речь шла об обществах и союзах общего типа, второй раздел составляли правила, относящиеся только к профессиональным организациям в промышленности и торговле. Сделано это было вполне намеренно — с целью воспрепятствовать доступу рабочих в общеполитические организации. Кроме того, профессиональные организации наделялись гораздо меньшими правами, чем другие общества и союзы. Рабочие были лишены права образовывать свои организации в установленном порядке, они подлежали обязательной регистрации с представлением устава в специально создаваемые губернские или городские по делам об обществах присутствия во главе с губернаторами и градоначальниками. Последние наделялись самыми широкими правами по надзору за деятельностью пролетарских организаций. Государственным советом было начисто вытравлено из Временных правил все, что касалось участия рабочих в стачках, которые, таким образом, недвусмысленно подразумевались как противозаконные деяния. В частности, пункт о защите экономических интересов членов профессиональных организаций был заменен другой редакцией, предусматривавшей только «выяснение и согласование экономических интересов»; не упоминались пособия при стачках и безработице, иными словами профсоюзам отводилась роль не боевых организаций рабочего класса, а своего рода обществ взаимопомощи. Профессиональным обществам запрещалось также объединяться в более крупные союзы по территориальному принципу, т. е. ставились ротки

² Мемориа Совету министров 11 ноября [Одобрена Николаем II 25 ноября] 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 62, л. 114.

³ Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Кокорцова... с. 277—279.

⁴ Они вошли в состав Уложения о наказаниях (по прод. 1906 г.) под номером 1359^{а-б}.

⁵ См.: Полянский Н. Н. Коалиция рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. — Учен. зап. Моск. ун-та юр. фак. М., 1909, вып. 35, с. 249—258; Потолов С. И. Царизм и законодательство о стачках. — В кн.: Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Львов, 1972, вып. 1, с. 169—174.

тесным отношениям между отдельными пролетарскими организациями, их взаимодействию в общей борьбе. Всякое нарушение этих правил квалифицировалось как противозаконная деятельность и каралось тюремным заключением (до 1 года).⁶

Таким образом, молодое профессиональное движение российского пролетариата с самого начала было поставлено в трудные условия, сделавшись объектом постоянных преследований со стороны местных властей, исполнявших для этого уже не только охранные положения, но и Временные правила 4 марта 1906 г., их ограничительные статьи. В результате ряд уже действовавших профсоюзов был запрещен, другим, вновь создаваемым, чиновники МВД, верховодившие в присутствиях, под разными предлогами отказывали в регистрации, закрывали профсоюзные издания и т. п. Это приводило к возникновению нелегальных профсоюзов. Полностью подавить, однако, профсоюзное движение было просто невозможно. В годы первой русской революции оно приобрело весьма значительные размеры, а преследования властей приводили к усилению революционных настроений рядовых членов союзов и в результате экономическая борьба пролетариата сливалась с политической, руководимой революционной социал-демократией, большевиками.

Обеспечить же «социальный мир» в русской промышленности путем реформы рабочего законодательства было призвано вновь созданное (по царскому указу 27 октября 1905 г.) Министерство торговли и промышленности (МТП) и, в частности, его Отдел промышленности.⁷ Во главе его Витте поставил близкого себе человека, с которым он сотрудничал еще в начале 1900-х гг., будучи министром финансов, — В. П. Литвинова-Фалинского, 38-летнего инженера-технолога, за плечами которого был 10-летний срок службы в качестве участкового фабричного инспектора в Петербурге. Он слыл знатоком отечественного и иностранного фабричного законодательства, был автором нескольких книг по этим вопросам.

Под руководством Литвинова-Фалинского чиновники Отдела промышленности, в большинстве своем также причастные к фабричной инспекции, давно уже тяготевшие своим положением, по меткому и очень точному определению В. И. Ленина, — «фабричных урядников»⁸ во взаимоотношениях с предпринимателями и рабочими, разработали к апрелю

⁶ См.: Святоловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1924, с. 255—280.

⁷ В составленном С. Ю. Витте и подписанном 27 октября Николаем II указе об образовании МТП в качестве его первоочередной задачи ставилось принятие ряда «неотложных мер в области торгового, промышленного и в особенности рабочего законодательства» (ПСЗ, III, т. 25, № 26851). Следует заметить, что своего организационного статуса МТП так и не обрело, функционируя вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции фактически на временной основе, с весьма ограниченными штатами. Случай сам по себе уникальный и достаточно показательный для отношения правящих верхов России к своему торгово-промышленному ведомству (см.: Горфейн Г. М. Из истории образования Министерства торговли и промышленности. — В кн.: Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX—начала XX в. М.; Л., 1964, с. 161—179; Шумилов М. М. Министерство торговли и промышленности России в 1905—1914 гг. Канд. дис. Л., 1978).

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 294.

1906 г. наиболее буржуазную программу по рабочему вопросу, в известной мере порывавшую с прежним охранительно-попечительным курсом. В объяснительной записке к выработанным Отделом промышленности законопроектам, предназначенным для внесения в Государственную думу, особо подчеркивалось, что рабочему движению должен быть предоставлен «естественный выход», который «... усматривается в коренном изменении нашей политики в рабочем вопросе путем оказания рабочим положительной помощи при возможном ограничении обширного административного правительственного вмешательства в отношении промышленников и рабочих и предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий».⁹

Признавая, что «система частичных преобразований рабочего законодательства вряд ли может привести к оздоровлению нашего промышленного строя», новая программа ставила своей целью проведение «коренной реформы», «путем общего и совокупного пересмотра всех наших фабричных законов и преобразования органов надзора».¹⁰ Отнюдь не отказываясь от традиционно попечительного свойства мер в области фабричного законодательства (снижение предельного уровня рабочего дня, страхование рабочих, строительство дешевых жилищ, улучшение медицинской помощи рабочим и т. п.), авторы «нового пути», как они сами широковещательно характеризовали курс МТП в рабочем вопросе, во главу угла во взаимоотношениях между рабочими и их хозяевами ставили свободное соглашение сторон.

Исходя из считавшейся достигнутой, весьма, как мы могли убедиться, относительной и ограниченной, свободы стачек и деятельности профсоюзов в России, адепты чиновничьего либерализма из Отдела промышленности призывали к отмене мелочной регламентации в промышленности, включая такие существенные вопросы, как установление продолжительности рабочего дня и размера заработной платы, внутренний распорядок на предприятиях. Конфликты между рабочими и промышленниками должны были разрешаться при посредстве профессиональных обществ, примирительных камер, а также специально запроектированными промышленными судами, где половина заседателей избиралась бы рабочими, а другая — предпринимателями, в связи с чем значительно ограничивалось вмешательство в эти дела местных властей и фабричной инспекции. Соответственно предусматривалось слияние фабричной инспекции с горным надзором в единую промышленную инспекцию, независимую от местной губернской власти, которая должна была быть освобождена от прежних «обязанностей, связанных с поддержанием на фабриках и заводах порядка», функции ее имелись в виду ограничить надзором за исполнением фабричных законов, заботами об улучшении быта рабочих.¹¹

Страхование рабочих также предусматривалось построить на началах самоуправления, достаточно широкого участия представителей рабочих в страховых органах (больничных кассах, страховых присутствиях и су-

⁹ Съезды представителей промышленности и торговли. Материалы по рабочему вопросу. СПб., 1906, № 2, с. 5.

¹⁰ Там же, с. 6—7.

¹¹ Там же, с. 11—12.

дах). Следует заметить, что допуская в таких необычно широких масштабах самоуправление и представительство рабочих и промышленников, руководители МТП, помимо всего прочего, трезво оценивали свои в общем ограниченные штатные и финансовые возможности для более значительного казенного контроля в проектируемых новых организациях.

В общем это было развитие тех буржуазных элементов, которые находились в политике по рабочему вопросу предшествующих периодов, политике, в определенной степени учитывавшей западноевропейский (и особенно, с конца XIX в., — германский) опыт (комиссия Штапельберга 1850—1860-х гг., программы Витте и Министерства финансов конца XIX — начала XX вв.), присутствовали даже в «полицейском социализме», допускавшем известную, в извращенной, правда, форме, самостоятельность рабочих. Либерально-реформистский подход МТП имел своей целью выхолостить революционное содержание пролетарского движения, ввести его в ограниченные экономические рамки посредством сотрудничества с соглашательскими и тред-юнионистскими элементами в рабочем классе и установления социального мира между рабочими и предпринимателями с помощью примирительных камер, тарифных (коллективных) соглашений — договоров и т. п.

Будучи в общем достаточно ограниченной по своему содержанию, программа МТП с самого начала имела и весьма узкие, ведомственные масштабы, поскольку касалась лишь небольшой части паевых рабочих России, в основном рабочих крупной промышленности, состоявших под надзором фабричного и горного инспекции, и совершенно не затрагивала рабочих казенных предприятий, мелкой промышленности, транспорта, в строительстве и сельском хозяйстве. Программа эта была обсуждена 15—21 апреля 1906 г. на Особом совещании с участием представителей ведомств и различных предпринимательских организаций под председательством управляющего МТП М. М. Федорова и в общем, при отдельных разногласиях, одобрена. Промышленники вполне оценили сделанный МТП акцент на невмешательство властей и инспекции в их взаимоотношения с рабочими, а также то, что министерская программа многое заимствовала из программных установок основных буржуазных партий и предпринимательских организаций и, в частности, пошла навстречу настойчивым требованиям промышленной буржуазии о предоставлении ей права без особых ограничений увольнять стачечников, осуществлять, таким образом, в борьбе с рабочим движением локауты. Были сделаны и существенные, по сравнению с действующими нормами и проектами комиссий Коконцова — Тимирязева 1905 г., экономические уступки промышленникам: МТП фактически отказалось от страхования по инвалидности и старости, а расходы по лечению пострадавших от несчастных случаев предполагалось теперь возложить в течение первых 6 недель на больничные кассы (раньше, по закону 1903 г., это являлось обязанностью промышленников). Наряду с отдельными выступлениями промышленников против сохранявшегося еще в немалой степени в проектах реформы трудового законодательства казенного попечительства на совещании имела место и противоположного характера критика со стороны представителей Министерства внутренних дел, обвинявших МТП в умалении роли и прав губернской власти по надзору за сохранявшемся порядка

и спокойствия на промышленных предприятиях.¹² Все это не предвещало радужного будущего широким планам и проектам Отдела промышленности, и реальная действительность очень быстро и со всей очевидностью это подтвердила.

Окончание работы апрельского совещания совпало по времени с отставкой С. Ю. Витте с поста председателя Совета министров, а за ним подал в отставку и М. М. Федоров, так и не утвержденный царем (после ухода из МТП в феврале 1906 г. В. И. Тимирязева) в должности министра торговли и промышленности. Нового царского премьера И. Л. Горемыкина (он, правда, оказался калифом на час) мало заботили вопросы трудового законодательства, о котором он даже не считал нужным упомянуть в своем заявлении 13 мая 1906 г. о законодательной программе правительства в I Думе. Это, конечно, также мало способствовало быстрому завершению работы над законопроектами МТП, которые в середине июля 1906 г., после разгона I Думы, вновь были направлены на отзыв предпринимательским организациям и ведомствам, погнав таким образом в обычный бюрократический круговорот. В этот момент торгово-промышленное ведомство уже третий месяц функционировало без своего главы, и только в конце июля министром торговли и промышленности в кабинете П. А. Столыпина становится Д. А. Философов, бывший государственный контролер в правительстве Витте.

Новый министр, которого Витте характеризовал как «принципиального либерального деятеля», человек, несомненно, более умеренных взглядов чем Федоров и Литвинов-Фалинский, опытный бюрократ, попытался в своей деятельности в сфере рабочего вопроса и трудового законодательства, учитывая особенности текущего момента (отступление революции, настроения в верхах и самом правительстве), усилить попечительную направленность министерских законопроектов, в частности по его указанию Отдел промышленности вновь начинает работать над проектом страхования по инвалидности и старости. Это, однако, не означало, что Философов вовсе отказывается от либерально-реформистского курса своих предшественников. Напротив, в своих выступлениях в октябре 1906 г. в Московском биржевом обществе и на междуведомственном нефтяном совещании в Петербурге он всячески ратует за развитие профессиональных организаций рабочих экономического характера как важного средства установления нормальных отношений между рабочими и предпринимателями, за организацию в широком масштабе примирительных камер с участием выборных представителей от рабочих и промышленников, а также чинов фабричного и горного надзора. Особый интерес Философова к примирительным организациям, которые он готов был даже провести еще до созыва II Думы в чрезвычайно-указном порядке (по ст. 87 Основных законов), объяснялся его расчетом на то, что эти организации, «если бы не вполне устраняли возможность возникновения забастовок, то сводили бы эти случаи к минимуму».¹³

¹² Торгово-промышленная газета, 1906, 23 апр.; О совещании Федорова см. также: *Пажитнов К. А.* Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910, с. 40—23.

¹³ Журнал совещания по нефтяному топливу (выступление Д. А. Философова 16 окт. 1906 г.). — ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 17, д. 915, л. 7.

Философов с самого начала поддержал и затем последовательно отстаивал попытку Литвинова-Фалинского провести в 1907 г. совещание в Баку представителей рабочих с местными нефтепромышленниками с целью урегулирования затяжного социального кризиса и острых конфликтов между трудом и капиталом в нефтяной промышленности, налаживания долговременного сотрудничества предпринимателей с наиболее умеренными элементами из среды бакинских рабочих в рамках задуманной примирительной организации. При поддержке и содействии отдельных, либерально настроенных чиновников Кавказского наместничества и самого наместника И. И. Воронцова-Дашкова, один из крупнейших промышленных районов России — Бакинский таким образом превратился в объект своеобразного социального эксперимента, которому Отдел промышленности придавал очень серьезное значение, рассчитывая, очевидно, в случае успеха, использовать бакинский опыт и в других местах при разрешении конфликтов с рабочими.

Неосуществимость либерально-реформистской линии в рабочем вопросе на практике выявилась достаточно скоро. В условиях быстрого спада, особенно со второй половины 1906 г., революции и усиливавшегося с каждым днем похода против завоеваний российского пролетариата со стороны предпринимательского лагеря и властей, широко пользовавшихся механизмом почти повсеместно действовавших репрессивных положений об усиленной и чрезвычайной охране, все более иллюзорной становилась «свобода» стачек и профсоюзов. В правительстве все большее преобладание получает традиционно жесткая позиция Министерства внутренних дел и его главы, нового царского премьера Столыпина, отражавшая настроения самодержавно-крепостнических кругов и ориентировавшаяся в своей практической деятельности почти исключительно на беспощадное подавление всеми имеющимися средствами пролетарских выступлений, репрессии в отношении разного рода рабочих организаций и в особенности профсоюзов.

Эта позиция вполне сочеталась с окончательно определившимися к этому времени взглядами огромного большинства промышленной буржуазии, которая лишь на словах — и то, зачастую, по инерции — выступала за свободные отношения между рабочими и предпринимателями, за свободу рабочих союзов, стачек, на практике сотрудничая с властями и полицией в преследовании забастовщиков и профсоюзных активистов. Достигнув в 1906—1907 гг. определенной консолидации своих рядов, создав крупнейшие отраслевые и территориальные предпринимательские антирабочие союзы — ведущими и наиболее значительными из них были Петербургское общество заводчиков и фабрикантов (ПОЗФ) и Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, — и также объединившись в октябре 1906 г. во Всероссийскую съездовскую организацию во главе с Советом съездов представителей промышленности и торговли, крупная российская буржуазия усиливает борьбу с рабочим классом и его организациями, широко используя такие репрессивные методы как локауты, фильтрацию рабочего состава, «черные списки» и т. п. В этих условиях тарифные, коллективные договоры, случаи примирительного разбирательства (примирительные камеры) и подобные им другие проявления либерально-буржуазного разрешения трудовых

конфликтов носят на заключительных этапах первой русской революции единичный, в общем достаточно случайный характер, буквально тонут, растворяются в общем потоке антирабочей, антипрофсоюзной борьбы капиталистов.¹⁴ Необходимо также подчеркнуть, что и в самом российском рабочем движении при отсутствии в стране сколько-нибудь значительной и влиятельной прослойки «рабочей аристократии», в условиях постоянных притеснений рабочих и их организаций со стороны царских властей и буржуазии революционные настроения, как правило, преобладали над социал-реформистскими.

Антирабочая позиция крупной буржуазии на пороге от революции к реакции наглядно проявилась в новом междудепартаментном совещании по рабочему законодательству, проходившем под председательством Философова в декабре 1906 и феврале — марте 1907 г. Созвано оно было для обсуждения и окончательной доработки проектов МТП перед внесением их во II Думу. Показательно, что до начала совещания, в период междумья, из всего комплекса трудового законодательства, подготовленного МТП, правительством Столыпина по статье 87 Основных законов было проведено не положение о примирительных камерах, а только издан указ 15 ноября 1906 г. «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах», регулировавший (несколько ограничивший) время работы и отдыха многочисленного (674 тыс. человек в 1900 г.¹⁵) слоя так называемых «пролетариев прилавка» — приказчиков. Политический смысл и ближайший расчет (кстати, не оправдавшийся) этой акции правительства был достаточно ясен: заручиться голосами и поддержкой приказчиков на выборах во II Думу, однако, и в более общем плане она, как и аграрное законодательство, свидетельствовала об известной ориентации Столыпина на мелкобуржуазные слои города и деревни для проведения им своей бонапартистской политики.

В ходе этой очередной встречи представителей правительственных ведомств с магнатами промышленности зыбкое согласие, достигнутое в отношении реформы трудового законодательства менее года назад, сменилось резкими разногласиями, даже известной конфронтацией совещающихся сторон.¹⁶ Оправившиеся от потрясений начальных этапов революции, промышленники в условиях ее очевидного спада дружно — особенно во второй части совещания — вновь, как и в комиссии Коковцова, демонстрируют свое нежелание сколько-нибудь поступиться экономическими интересами, делают все, чтобы, если не совсем сорвать правительственные законопроекты, то хотя бы максимально изменить их в свою пользу и предельно отсрочить их введение. Наиболее откровенно настроения промышленной буржуазии выразил, сказав, по крайней мере прямо и вслух то, что думали многие из приглашенных участников совещания,

¹⁴ См.: Лаврычев В. Я. Российские промышленники и рабочее движение в период империализма. — В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М., 1966, с. 258—264.

¹⁵ См.: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 42.

¹⁶ См.: Аерех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 175—196; Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России, с. 210—215.

председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С. П. Глазмер: «Чем позже будут рассматриваться эти законы в новой Государственной думе, тем правильнее будет их решение, тем почва для них будет солиднее, нормальнее и доступнее». ¹⁷ Забегая несколько вперед, отметим, что в сущности так и произошло.

Прения на совещании выливались большей частью в откровенный торг вокруг тех или иных, главным образом экономических, статей обсуждавшихся законопроектов. Полномочные представители промышленно-финансового мира добивались уменьшения размера страховых пособий рабочим по болезни и при несчастных случаях, работницам при родах, сокращения продолжительности срока оплачиваемого лечения и одновременно увеличения (с 6 до 13 недель) времени оплаты пособий больничными кассами (т. е. в значительной мере самими рабочими) пострадавшим от несчастных случаев, отказа от законодательного ограничения величины рабочего дня и регламентации сверхурочных работ. Некоторые предложения, исходившие от предпринимательского лагеря, имели откровенно демагогический, заведомо неприемлемый для правительства характер и в конечном счете были рассчитаны опять-таки на срыв тех или иных законопроектов. Так было, в частности, с требованием распространить страхование при болезнях на все категории наемного труда, включая сельскохозяйственных рабочих, что затрагивало интересы непосредственно помещиков. Подобным же образом выступили промышленники и по вопросу страхования по инвалидности и старости, высказавшись за то, чтобы оно было тоже всеохватывающим, при широком участии (финансовом прежде всего) государства, а до этого речь может идти лишь о поощрении факультативного страхования.

МТП и Философов по возможности старались учесть некоторые пожелания промышленников. Так, круг страхуемых от болезней был увеличен за счет включения в их число транспортных рабочих, понижена наименьшая норма пособий при болезни (с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ дневного заработка рабочего). Вместе с тем в позиции торгово-промышленного ведомства произошел очевидный сдвиг в сторону усиления попечительного характера его законопроектов. Это выразилось, в частности, в том, что на заключительном этапе совещания Философов объявил о решении совещания правительственных чинов отказаться от первоначального намерения возложить обязанность уплаты пособий за первые 6 недель после несчастного случая на больничные кассы, «в силу безусловно веских соображений, что такой закон явится в глазах рабочих не улучшением, а ухудшением их теперешнего положения. Недовольство рабочих возрастает, и агитаторы воспользуются таким толкованием закона, как платформой для своих политических воздействий на рабочую массу. Благотворительная по существу реформа послужит орудием в руках злонамеренных лиц». ¹⁸ Аргументация явно из идейного арсенала столыпинского ведомства — МВД, которое все больше начинает оказывать влияние на ход и исход реформы трудового законодательства.

Правительственная программа также постепенно сворачивается: из прежних десяти, разработанных совещанием Федорова, законопроектов в феврале—марте 1907 г. обсуждались лишь пять: о страховании от болезней, несчастных случаев, о врачебной помощи, рабочем времени и найме. Законопроект о страховании при инвалидности и старости еще не был разработан, а о реорганизации фабричного надзора, промышленных судах и страховых присутствиях предпочитали теперь умалчивать. МТП фактически начинает отказываться от коренной реформы рабочего законодательства. Вместо полного пересмотра устаревших положений 1880—1890-х гг. о взаимоотношениях рабочих и предпринимателей, теперь в них вносятся лишь отдельные исправления. В частности, 1-я статья «Правил о найме», представленных совещанию в декабре 1906 г., гласила: «Коренной пересмотр действующих узаконений, определяющих взаимные отношения сторон при найме рабочих, представляется в настоящее время трудновыполнимым; поэтому представляется необходимым ограничиться пока частичным лишь исправлением этих узаконений...». В. И. Лаврычев совершенно прав, критикуя А. И. Авреха, оценивавшего этот правительственный текст как «действительную победу» промышленников. ¹⁹ Напротив, в ходе всего совещания промышленники выражали явное недовольство уклоном МТП от прежней линии на свободу отношений между рабочими и их хозяевами в сторону попечительства и опеки. Именно поэтому их не удовлетворяло предполагаемое понижение предупредительного срока (с 14 до 3 дней) при увольнении рабочих, они требовали предоставления им полной свободы в любой момент, по любому поводу, особенно при забастовках, выбрасывать на улицу негодных им рабочих, не подвергаясь за это опасности материальной по суду ответственности. ²⁰

Трудным было положение на совещании у Тимирязева, который в качестве первого председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли возглавил работу по подготовке большого количества материалов, справочных и составленных на основании предложений различных представительных организаций и промышленников, председательствовал на предварительных с ними совещаниях и затем должен был выступить с изложением согласованной единой позиции промышленников против законопроектов, разработанных в его прежнем ведомстве, в бытность министром (тоже первым) торговли и промышленности. Кончилось дело тем, что Тимирязев, правда, уже к концу совещания, вышел из состава Совета съездов, признав насущную необходимость реформы трудового законодательства «в целях достижения успокоения страны». «Я считаю, — заявил он, в частности, — современное положение вещей таковым, что лучше уступить теперь, чем быть вынужденным уступить в будущем, и уступить, конечно, больше». ²¹ Но таким пониманием дела, готовностью к социальному компромиссу большинство из промышленни-

¹⁹ Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России, с. 212.

²⁰ При сохранении «попечительного» предупредительного двухнедельного срока, уволенный без предупреждения (за 2 недели) рабочий, как это бывало часто при забастовках и массовых локаутах, мог добиваться в мировом суде уплаты промышленником двухнедельного заработка.

²¹ Цит. по: Аврех А. Я. Указ. соч., с. 193.

¹⁷ Цит. по: Аврех А. Я. Указ. соч., с. 179.

¹⁸ Цит. по: Пажитнов К. А. Указ. соч., с. 30.

ков попросту не обладали, и призыв опытного и умного бюрократа, каким был Тимирязев, остался гласом вопиющего в пустыне.

Отвечая на вопрос корреспондента «Биржевых ведомостей» (1907, 15 марта) о возможном отношении к законопроектам МТП обеих законодательных палат, Литвинов-Фалинский был в общем настроен оптимистично, хотя и выразил опасение относительно позиции Государственного совета, поскольку, говорил он, «среди промышленников есть члены Государственного совета», а «промышленникам, вообще, наши законопроекты не угодны. Недаром же В. И. Тимирязев, не разделяющий их слишком резко выдвинутых тенденций и не пожелавший сидеть между двух стульев, отказался от должности председателя Совета съездов промышленников. Но вряд ли Государственному совету выпадет подобная роль, раз Дума будет солидарна с правительством, а это, вернее всего, так и будет. Дело в том, что к.-д. и октябристы не вносят в Думу своего собственного самостоятельного проекта по рабочему вопросу, так как, в общих чертах, их удовлетворяет министерский... Таким образом, если не случится чего-либо экстравагантного, законопроекту обеспечен успех. Ведь положительно все, что можно сделать в духе запросов момента, сделано». Однако, когда корреспондент «Биржевых ведомостей» заметил, явно имея в виду репрессивную деятельность правительства Столыпина и в особенности подведомственного ему Министерства внутренних дел, что «короткая» дорога к реформам усиленно устилается вразрез с ними идущими циркулярами, Литвинову-Фалинскому ничего не оставалось другого, как «выразительно позвать плечами».

Действительно, оптимизм Литвинова-Фалинского был по меньшей мере преждевременным. У руководителя Отдела промышленности еще сохранялась надежда на то, что Столыпин, как и возглавляемое им правительство, в общем поддерживает реформу рабочего законодательства, в числе других, намеченных им реформ, в трактовке МТП. Ведь буквально за несколько дней до того, 6 марта, Столыпин в правительственной декларации, зачитанной сначала во II Думе, а затем и в Государственном совете, почти дословно воспроизвел соответствующие места из апрельской 1906 г. программной записки Отдела промышленности, сказав, в частности, о необходимости «ограничения административного вмешательства в отношении промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим, необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек», а также перечислив основные, намеченные МТП реформы в области рабочего законодательства.²²

Однако повседневная деятельность правительства и собственного сто-
лыпинского ведомства — МВД по борьбе с революцией вступала в вопиющее противоречие с прекрасноречивыми фразами в его декларации. В заплесневелой думской социал-демократической фракции, с которым в ответ на правительственную декларацию выступил на том же заседании 6 марта И. Г. Церетели, была достаточно точно охарактеризована практическая деятельность правительства Столыпина в рабочем вопросе:

²² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1907, т. 1, стб. 116.

«С особой злобой обрушилось оно (правительство, — С. П.) за эти семь месяцев на рабочий класс. Оно стремилось уничтожить все его политические и профессиональные организации. Оно вмешивалось в экономическую борьбу пролетариата, становясь на сторону капиталистов. Оно покровительствовало черным сотням, срывающим рабочие стачки, оно не только ничего не сделало для уменьшения безработицы, но, напротив, содействовало росту ее, поощряя локауты со стороны предпринимателей, усиленные расчеты на казенных заводах и, наконец, полное закрытие этих заводов. Своими законами о праздничном отдыхе и сокращении рабочего времени в торговых и ремесленных заведениях оно передало решение этого вопроса в руки хозяев и городских дум, составленных из представителей купечества. Оно направило свои удары против самой незащищенной категории пролетариата — сельских рабочих, грозя тяжелыми карами за борьбу с помещиками».²³ Острая критика в адрес антирабочей политики правительства еще не раз звучала в Думе в социал-демократических запросах,²⁴ однако дни ее были уже сочтены, и до обезумения рабочего законодательства опять дело не дошло.

В итоге, следует подчеркнуть, что поражение первой русской революции сделало невозможным разрешение рабочего вопроса не только в радикальном, революционно-демократическом духе, но, как мы увидим в дальнейшем, и в более ограниченных либерально-реформистских, буржуазных рамках, что создавало почву для новых, грядущих социальных потрясений.

Таковыми же оказались как ближайшие, так и отдаленные результаты аграрной политики царизма 1905—1907 гг., хотя реформаторская деятельность в этой сфере, сопровождавшаяся не меньшей политической активностью помещиков, чем та, которую проявляли фабриканты и заводчики при рассмотрении законопроектов по рабочему вопросу, увенчалась пресловутой столыпинской реформой.

Подобно тому, как законодательная деятельность в области государственных преобразований непосредственно зависела от общего развития революционных событий, так и крестьянское движение с его подъемами и спадами прямо влияло на разработку аграрных законопроектов.²⁵

²³ Там же, стб. 128.

²⁴ См.: Анский А. Рабочий вопрос во II Государственной думе. — В кн.: История пролетариата. М., 1930, сб. 1, с. 131—138.

²⁵ Отметим некоторые основные работы советских авторов, полностью или частично посвященные истории аграрного вопроса в 1905—1906 гг.: Шулейкин П. А. Теория земельных отношений и землеустройства. М.; Л., 1933; Ефремов И. П. Столыпинская аграрная политика. М., 1947; Бочкарева Е. П. Из истории аграрной политики царизма в годы первой русской революции. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена (кафедра истории СССР), 1947, т. 61; Василевский Е. Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Симонова М. С. 1) Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905—1907 гг. — Исторические записки. 1965, № 75; 2) Аграрная политика самодержавия в 1905 г. — Там же, 1968, № 81; Дейч Г. М. К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905—1907 гг. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1974, т. 298, с. 152—156; Сидельникова С. М. 1) Аграрная реформа Столыпина. М., 1973; 2) Земельно-крестьянская политика самодержавия в преддумский период. — История СССР, 1976, № 4; 3) Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980.

Как уже отмечалось, в октябрьские дни 1905 г., угроза крестьянских земельных захватов в самом широком масштабе представлялась настолько страшной и реальной, что Трепов, сам царь и их окружение наряду с карательными мерами готовы были на передачу крестьянам, кроме казенных и удельных, еще и половины помещичьих земель с отчуждением их на принудительных началах, что и было выражено в составленном по их поручению проекте (проф. П. П. Мигулина. На основе личного опыта подавления крестьянского движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях того же требовал тогда и адмирал Дубасов, предлагавший оставить крестьянам захваченные ими земли. «Этим крестьян успокоите и помещикам будет лучше, так как в противном случае они, крестьяне, отберут всю землю от частных землевладельцев».²⁶ Однако, как мы уже говорили, плоды карательной политики привели к тому, что все законодательные меры, принятые с целью умерить крестьянские требования, свелись к уменьшению наполовину выкупных платежей на 1906 г. и полной их отмене с 1907 г., а также к расширению деятельности Крестьянского банка.

Несостоятельность этих мер, принятых с оглядкой на ограждение помещичьих интересов (в самом царском манифесте об этом 3 ноября 1905 г. выражалась надежда на то, что «удастся достигнуть удовлетворения дальнейших насущных нужд крестьянства без всякой обиды для прочих землевладельцев») стала очевидной немедленно, число крестьянских выступлений возрастало.²⁷

Реакционно-помещичьи круги, как уже говорилось ранее, встретили с пылом и подготовлявшийся проект Кутлера. Выработанный проф. А. А. Кауфманом под руководством Кутлера и при участии директора департамента государственных имуществ А. А. Риттиха, этот законопроект, по словам Витте, был основан «на мысли об обязательном, в известной мере, за вознаграждение отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель... причем земли, впусе лежащие, кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчуждаются без всяких ограничений, а другие земли — в зависимости от размеров имения».²⁸ По подсчетам авторов проекта отчуждению подлежало 25 млн. десятин, тем не менее удовлетворить земельную нужду крестьянства проект не мог. В то же время запланированные выкупные суммы, которые крестьяне должны были уплатить помещикам, значительно превышали выкупные платежи по реформе 1861 г.

Сходство с кадетской аграрной программой, сопротивление со стороны помещичьей верхушки, естественно, вредили Кутлеровскому проекту в глазах царя. К тому же подавление декабрьского восстания и зимний спад крестьянского движения настраивали «верхи» на благодушный лад, хотя Витте в своем всеподданнейшем докладе 10 января 1906 г., доказывая царю, что вместо «массовых проявлений» «наступил период отдельных террористических действий», на каждом шагу твердил, что с аграр-

ными беспорядками дело «обстоит совершенно иначе» и предсказывал их усиление весной.²⁹ И царь, оживленно реагируя в своих резолюциях на предложения карательных мер, кутлеровский проект отверг, несмотря на то что Витте не без ехидства указал Николаю II, что проект «составлен на основаниях более мягких», чем мигулинский, полученный от самого царя. Против приведенных слов об отчуждении земель царь написал: «Не одобряю». Не подействовало на него и предостережение о предвечительности «для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собою владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных, или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо». «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной», — написал царь. Но ту часть предложенной Витте аграрной программы, которая как будто обещала смягчить крестьянский натиск на помещичье землевладение, не затрагивая вместе с тем его интересов, Николай II одобрил. Она состояла в том, чтобы в связи со сложением выкупных платежей признать надельные земли собственностью владельцев и установить порядок выхода крестьян из общины. По мнению Совета министров, это могло оказать «благоприятное влияние на крестьянское правосознание, внушив крестьянам и более здравые взгляды на чужое право собственности».³⁰ Иными словами, речь шла о том, чтобы оградить таким путем помещичью собственность. В докладе Витте подчеркивалось, что эту часть программы можно осуществить до созыва Думы.

Вообще же все «изменения порядков землевладения» Совет министров считал возможным осуществить только через Думу.³¹ Здесь мы подходим к тому противоречию между Витте и Горемыкиным, которое в самой острой форме проявилось на апрельских Царскосельских совещаниях. Как мы уже говорили (см. с. 295—296), противоречие это не было на самом деле таким уж непримиримым. В сущности оно сводилось к вопросу о том, удастся ли до созыва Думы или помимо нее рассмотреть аграрные законопроекты. Витте считал, что обойти Думу невозможно, уповав при этом на кадетскую умеренность, а Горемыкин, наоборот, считал невозможным обсуждение Думой вопроса об отчуждении помещичьих земель. Разгон Думы «штыками» предвидели и тот, и другой. Кстати, первым упомянул об этой возможности Витте. Да и в деятельности виттевского Совета министров существовало, как и у Горемыкина, стремление не укреплять в сознании крестьян мысли о том, что только при помощи Думы могут быть удовлетворены их нужды.³² Причем предпринимавшиеся Витте попытки обогнать созыв Думы потерпели неудачу еще до открытия Царскосельских совещаний.

В марте на рассмотрение еще не реформированного Госсовета был внесен законопроект, подготовленный совещанием при Министерстве внутренних дел под председательством В. И. Гурко. Совещание это признало

²⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 145.

²⁷ Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 42.

²⁸ Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). Сб. документов. М.; Л., 1924, с. 76.

²⁹ Там же, с. 71.

³⁰ Там же, с. 80.

³¹ Там же, с. 76.

³² См.: Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма, с. 70—71.

делесообразным до созыва Думы провести законодательные меры, разрешающие отдельным домохозяевам выход из общины и укрепление надельной частной собственности с выделом их в один участок и правом продажи без согласия общества.³³ Витте хотел проведения этого закона до созыва Думы, считая, что это ослабит крестьянское движение и удовлетворит крестьян в Думе. Расчет авторов и сторонников законопроекта состоял в том, чтобы усилить расслоение в крестьянской среде, вызвать противоречия и борьбу между бедными и богатыми в деревне, которая, «оставшая в стороне правительства», тем самым упрочит его положение. Однако в Государственном совете до созыва Думы законопроект не прошел.³⁴

Правительство сделало для себя из этого два вывода. Прежде всего были приняты меры для военной подготовки к подавлению ожидавшихся весной крестьянских выступлений. А во-вторых, на следующий же день после решения Государственного совета Витте распорядился подготовить программу законодательства по аграрному вопросу для внесения ее в Думу. Она включала в себя уравнивание крестьян с другими сословиями в отношении имущественных, гражданских прав, в области управления и суда. Крестьянское надельное землевладение должно было стать индивидуальным с введением вместо семейной личной собственности на надельное имущество. Программа также предусматривала меры для обеспечения крестьян землей за счет казенных земель, приобретаемых при посредстве Крестьянского банка или путем покупки земель самим правительством у частных владельцев, проведение землеустройства в целях насаждения участковых хозяйств, расширение переселенческой политики.

15 апреля эта программа вместе с проектом думской декларации была представлена на рассмотрение Совета министров как предназначенная для представления в Думе. Этим и объяснялось то обстоятельство, что 12 апреля Витте с такой экспансивностью отстаивал и отстоял против Горемыкина невозможность действовать в обход Думы.

Впрочем программа эта, которую именно Горемыкину, ставшему одновременно с созывом Думы председателем Совета министров, пришлось представлять в Думе, теперь была лишена наиболее беспокоившего Горемыкина элемента — принципа принудительного отчуждения вообще и по воле Думы в особенности. Более того, в проекте декларации Думы была даже сделана попытка вложить ей в уста предостерегающую фразу о том, что землеустройство малоземельных и безземельных крестьян будет производиться верховной властью в порядке управления, т. е. без законодательных накат, и лишь путем мер, вошедших в принятую Советом министров программу, среди которых принудительного отчуждения, конечно же, не было.

Витте оказался прав в своем предвидении того, что запретить Думе касаться принудительного отчуждения будет невозможно. Как известно, оказавшейся кадетско-крестьянской первой Думе аграрный вопрос и принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель стоял

в центре политической борьбы. Кадеты поначалу как бы пытались оправдать надежды Витте на умеренность их позиции и в ответном адресе царю на его речь при открытии Думы избегали было упоминания о принудительном отчуждении частновладельческих, т. е. помещичьих, земель для ликвидации крестьянской земельной нужды. Только под давлением трудовой группы, состоявшей преимущественно из крестьянских депутатов, упоминание это было включено в адрес. Царь, однако, не принял делегацию, которая должна была его вручить. А в декларации, с которой правительство выступило в Думе, принудительное отчуждение объявлялось «безусловно» недопустимым.

В течение мая, первого же месяца функционирования Думы, в ней столкнулись три аграрных программы — кадетская, крестьянская и правительственная. Кадетский проект аграрной реформы, известный как «проект 42-х», одновременно ставил перед собой цели сохранения помещичьего землевладения и укрепления сельской буржуазии. Однако с принципами аграрной политики паризма он резко расходился. Проект этот предусматривал наделение безземельных и малоземельных крестьян за выкуп земель, отводимой не в собственность, а в пользование в пределах трудовой нормы, за счет отчуждения государственных, удельных, казенных, церковных, монастырских и частновладельческих земель по «справедливой» цене. Проект предусматривал поступление отчуждаемых земель в государственный фонд, т. е. частичную национализацию земли. Давление масс «снизу» доходило и до кадетов.

Крестьянская аграрная программа, отраженная в записке 104-х депутатов — трудовиков, исходила из принципа национализации всех земель, превышающих трудовую норму. Реализация этой программы означала бы ликвидацию помещичьего землевладения. Оценивая земельный проект «104-х» как «главную и основную платформу всего русского крестьянства», В. И. Ленин одновременно указывал, что от проекта «104-х» выиграли бы те крестьяне, которые могли стать «крепкими» хозяевами и «превратиться из земледельца закабаленного в земледельца свободного и зажиточного».³⁵ В Думу был внесен и эсеровский законопроект о немедленном уничтожении всякой частной собственности на землю и распределении ее на основах «уравнительного землепользования». При всей утопичности эсеровских намерений не допустить разорения капиталом мелкого производителя, несостоятельности с общенсторической точки зрения требований «трудового начала» и «уравнительного распределения» они выражали, по словам В. И. Ленина, «глубокую веру (и искреннее стремление) демократа в возможность уничтожить и необходимость уничтожить все средневековое в землевладении, а вместе с тем и в политическом строе».³⁶

Этот законопроект был кадетами отвергнут. Кадеты пытались сдерживать все левые течения в аграрном вопросе и критиковали правительство за то, что оно своей аграрной политикой способствует революции. Вместе с тем они испытывали в аграрном вопросе сильнейшее давление «снизу» и «слева» и не могли, разумеется, содействовать принятию правитель-

³³ Там же, с. 67.

³⁴ Там же, с. 72. См. также Сидельников С. М. Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 245, 249.

³⁶ Там же, т. 21, с. 284.

ственной программы. Аналогичным образом обстояло дело и в ряде иных вопросов. Наряду с другими думскими организациями кадеты требовали замены министерства Горемыкина «правительством доверия». Веди переговоры с буржуазными лидерами об их вхождении в правительство (Трепов — с Милюковым, Столыпин — с Шинковым),³⁷ руководители политики царизма одновременно готовили роспуск Думы под предлогом (который считали для себя максимально политически выгодным) обвинения ее в нежелании рассматривать правительственные аграрные законопроекты. Кстати сказать, Трепов в переговорах с Милюковым изложил готовность принять кадетскую аграрную программу при условии провозглашения ее царским манифестом в виде монаршей милости.

Правительственные аграрные законопроекты по-прежнему были направлены на индивидуализацию крестьянского землевладения, а не на утоление крестьянского земельного голода за счет отчуждения помещичьих земель. Внесенные правительством в Думу законопроекты предусматривали уравнение крестьян с остальным населением в области гражданского и уголовного права, замену в этой связи крестьянского сословного управления бессословным. Предполагалось расширить право собственности на земельные наделы, однако без установления полной свободы их купли—продажи, так как, делая ставку на сельскую буржуазию, царизм одновременно опасался чрезмерного сосредоточения земли в ее руках.

В качестве средства индивидуализации землевладения правительство продолжало рассматривать укрепление наделов в личную собственность путем выхода крестьян из общины. Пресловутый (Стишинский), в течение 1905 г. нарочито выставлявший себя сторонником опоры на крестьянство с его «исконными устоями», проектировал теперь в роли главного управляющего землеустройством и земледелием выдел наделных участков при согласии $\frac{1}{5}$ домохозяев, имевших право голоса на сходе сельского общества. Общество могло выделить укрепленные в личную собственность наделы в хутор (если дом и надворные постройки переносились на укрепленную землю) или в отруб (если они оставались в деревне). С явно провокационными целями 20 июня было опубликовано правительственное сообщение, осуждавшее все думские аграрные законопроекты и предупреждавшее крестьян, как того требовал Горемыкин на Царскосельском совещании, что не от Думы, а от правительства они должны ждать своего землеустройства. Наряду с категорическим заявлением о недопустимости принудительного отчуждения помещичьих земель в сообщении провозглашалось намерение разрешить свободный выход из общины с выделом участков наделной земли. Давались также обещания передать малоземельным крестьянам казенные и купленные казной земли.

Роспуск I думы 8 июля 1906 г. был прямым следствием политической борьбы по аграрному вопросу. Понимая политическую остроту и жизненно важную важность этого вопроса для подавления летних революционных выступлений, правительство (теперь его возглавлял Столыпин), опять вступившее в переговоры с «общественниками» об их участии в кабинете и

представлявшее дело таким образом, что Дума распущена из-за ее отказа проводить аграрное законодательство, неизбежно должно было встать на путь чрезвычайных мер в этой области. Они явились как бы сопряженными с проведенными в августе карательными законами. Был продлен срок действия положения об исключительной охране, усилены репрессии «за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений» и, наконец, учреждены военно-полевые суды.³⁸ Мера эта, проведенная, как и предыдущая, в чрезвычайном порядке, давала юридическую базу для вынесения ускоренным и упрощенным способом смертных приговоров, немедленно приводимых в исполнение.

А одновременно Крестьянскому банку для перепродажи крестьянам была продана часть свободных уделных земель, свободные земли казны передавались землеустроительным комиссиям. Меры связывавшиеся с переселением на эти земли, были мало эффективны, так как большая часть этих земель находилась в долгосрочной аренде у относительно состоятельных крестьян. В октябре, также чрезвычайным указом, был отменен ряд правовых ограничений для крестьян, связанных с повсеместной отменой с начала 1907 г. выкупных платежей, а также с объявленным тем же указом упразднением подушной подати и круговой поруки в тех местностях, где они еще существовали. Была установлена свободная выдача крестьянам паспортов (за исключениями, предусмотренными ст. 47 паспортного устава 1903 г.) с правом выбора места жительства. Для всех российских подданных, кроме «инородцев», были введены одинаковые права в области государственной службы. В наибольшей мере была, однако, ослаблена зависимость крестьян не от государственных властей, а от общины. Этой цели соответствовали: отмена отдачи несправных должников «в заработки» и назначения им опекунов, установление права ухода в город с отказом от общинной земли или ее продажи, поступления на гражданскую службу или в учебные заведения без официального выхода из общины и исполнения личных натуральных повинностей. Была введена возможность членства в нескольких сельских обществах. Последняя мера, расширявшая право скупки земли, в особенности отвечала интересам сельской буржуазии. Однако придерживаясь ориентации на «сильных», некоторые из творцов аграрной политики царизма опасались подрыва наделного землевладения как системы. Со всей ясностью проявилось это при обсуждении в Совете министров главного из аграрных законопроектов — о выходе крестьян из общины с укреплением наделов в личную собственность. В. Н. Коковцов, новый главноуправляющий землеустройством и земледелием Б. А. Васильчиков и обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский усматривали в проектировавшемся законе смертный приговор общине. Они боялись политических

³⁸ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907, с. 616—624. «Государственная необходимость стоит выше права», — заявил Столыпин, отстаивая во II Думе военно-полевые суды (Ушерович С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 97). См. о них: Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. Сб. документов / Под ред. А. К. Дрезена. М., 1936, с. 77—90; Мандельштам М. Л. 1905 г. в политических процессах. М., 1931, с. 29 и сл.; Полянский Н. П. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958.

³⁷ См.: Старицев В. П. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 11—17, 71—84.

последствий резких сдвигов в социально-экономическом строе деревни, усиления имущественного расслоения и обострения социальных противоречий в крестьянской среде. То, в чем активные сторонники аграрной реформы усматривали средство ограждения помещичьего землевладения и предотвращения угрожавших царизму новых выступлений против него крестьянских масс, по-видимому, представлялось сомневающимся еще более опасным для существования режима.

Свои сомнения они облекали в форму протеста против принятия закона в обход Думы. Однако большинство членов Совета министров настаивало на разрешении выхода из общины с укреплением и выделом надельной земли, ставя это в связь с отменой выкупных платежей. Главный их аргумент состоял в том, что реформа рассматривалась как альтернатива увеличению крестьянского землевладения за счет удельных, казенных и частновладельческих земель. При этом они утверждали, что путем продажи крестьянам этих земель удовлетворить их земельный голод все равно невозможно, и право выдела гораздо для этого важнее. Воспитать чувство собственности у крестьянина, ставшего хуторянином или отрубником — цель законодателей, исходивших из того, что разгромы помещичьих имений были обусловлены психологией крестьянина-общинника. Большинство членов Совета министров, с которым согласился царь, высказались за принятие закона без Думы.

Указ 9 ноября 1906 г., создававший возможности для развития единоличного крестьянского землевладения и сосредоточения земли в руках сельской буржуазии, устанавливал, что в тех обществах, в которых общих переделов не было в течение 24 лет, желавшие могли укрепить в личную собственность всю землю, находившуюся в их постоянном пользовании. В других случаях это было возможно лишь при уплате обществу выкупной цены 1861 г.

Затем были понижены платежи процентов за ссуды Крестьянского банка, что давало непосредственную выгоду зажиточным крестьянам, составлявшим подавляющее большинство среди заемщиков банка, и опосредствованную — помещикам, продававшим банку земли, так как понижение процента влекло за собой повышение цен на землю. И, наконец, опять в обход Думы, банку предоставлено было право выдачи ссуд под залог наделных земель. Мера эта была также, как и предыдущие, рассчитана на помощь зажиточным крестьянам в их обогащении и разрушении общинного землепользования. Размер ссуды был установлен в их интересах довольно значительный — 3 тыс. р. с увеличением втрое против первоначального предположения. Об этом же свидетельствовали и самые цели предоставления ссуд под залог наделных земель, провозглашенные в указе. В нем говорилось, что ссуды даются для пополнения той части покупной цены за земли, приобретаемые с содействием банка, которая не покрывается его ссудой под залог покупаемой земли, для скупки наделов, оставаемых переселенцами, и т. п.³⁹

Утвердит ли II Дума чрезвычайное законодательство вообще и в аграрной области в особенности — вопрос этот, вначале имевший практическое значение, вскоре оказался перекрытым острой политической

борьбой в Думе и за ее пределами, борьбой, которую В. И. Ленин определил словами: «Слепые должны увидеть теперь, что перед нами именно революционный, а не конституционный кризис».⁴⁰

Если, по характеристике В. И. Ленина, «I Дума была самым революционным в мире (в начале XX века) и в то же время самым бессильным парламентом»,⁴¹ то вторая, открывшаяся 20 февраля 1907 г., «вышла гораздо оппозиционной и революционной, чем первая».⁴² Хотя выборы в нее производились по тому же избирательному закону, что и в первую, правительство приняло ряд мер в форме сенатских разъяснений против рабочего и крестьянского представительства. Административными усилиями на местах устраивались выборы — члены левых партий. Тем не менее левые партии получили более 40% голосов. Среди 222 левых было 65 социал-демократов. Как известно, большевики, отказавшись от тактики бойкота, которой они придерживались при выборах в I Думу, проводили линию левого блока.

Усилилось правое думское крыло. Кадетское представительство уменьшилось. Кадетская тактика «бережения Думы» и либеральные пожелания столыпинского правительства, несмотря на некоторое подчинение трудовиков кадетскому влиянию, не могли разрядить политической атмосферы. «Дни русской конституции сочтены, — предсказывал В. И. Ленин. — Новая схватка надвигается неумолимо: либо победа революционного народа, либо такое же бесславное исчезновение второй Думы, как и первой, а затем отмена избирательного закона и возврат к черносотенному самодержавию *sans phrases*».⁴³

В самом деле, ощущение обреченности Думы, предчувствие неостратимости ее разгона были весьма широко распространены. После ряда радикальных выступлений левых депутатов председатель Думы правый кадет Ф. А. Головин просил аудиенции у Николая II. Когда тот заговорил о своем намерении разогнать Думу и созвать новую, Головин намекнул было, что новая может оказаться еще левее. Но царь объяснил, что имеет в виду ее созыв на основе измененного избирательного закона. Головин попытался даже пообещать, что осенью кадеты сами проведут в Думе новый избирательный закон, и тогда «можно будет говорить о роспуске»,⁴⁴ но царя и двор это мало интересовало. Они видели, что кадетское влияние в Думе идет на убыль. Действительно, новый кадетский проект земельной реформы с частичным признанием принудительного отчуждения, но зато с отнесением половины расходов на возмещение на счет крестьян (в то время как по проекту «42-х» это должно было принять на себя государство) встретил стойкое сопротивление трудовиков, продолжавших стоять на почве перводумского проекта «104-х». Столыпин обстоятельно полемизировал с кадетским докладчиком (им был теперь Кутлер) на почве общего отрицания национализации земли, но

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 382.

⁴¹ Там же, т. 19, с. 370.

⁴² Там же, т. 15, с. 37.

⁴³ Там же, т. 14, с. 382.

⁴⁴ Татаров И. Разгон II Государственной Думы. — Красный архив, 1930, т. 6, с. 56.

³⁹ Законодательные акты... с. 685.

«беречь» Думу, как того требовали от левых кадеты, вовсе не входило в его намерения.

Кадеты вместе с правыми провели решение не принимать никакой формулы после прекращения прений по аграрному вопросу. Правительство не пыталось провести через Думу свою аграрную программу в целом, должно было, однако, внести на ее рассмотрение меры, принятые в чрезвычайном порядке.

Характеризуя расстановку классово-политических сил по аграрному вопросу во второй Думе и за ее пределами, В. И. Ленин указывал, что Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия хотели «капиталистически „очистить“ обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности»,⁴⁵ расходясь относительно способов и меры ее сохранения. Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники, хотели эту чистку от остатков крепостничества провести путем насильственного уничтожения помещичьего землевладения. Выступления крестьян в Думе, от представителей крестьянской демократии до монархически настроенных крестьянских депутатов, ясно показывали, что крестьянское требование земли носило единодушный характер. Но лишь революционные социал-демократы, большевики, понимали капиталистический характер аграрной революции в эксплуататорском обществе, народники же не понимали этого, облекая, по выражению В. И. Ленина, «мещански-утолическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюции».⁴⁶

Как известно, на Питом (Лондонском) съезде РСДРП, состоявшемся в мае 1907 г. и прошедшем под знаком победы ленинизма в рабочем движении, важнейшим был вопрос об отношении к буржуазным партиям. Вокруг него разворачивалась политическая борьба по поводу того, кто должен быть гегемоном буржуазно-демократической революции — пролетариат или буржуазия. Большевицкая резолюция «Об отношении к не-пролетарским партиям», принятая съездом, выделяла в отдельную группу трудящихся, пародных социалистов и эсеров, выражавших интересы мелкобуржуазных масс, деревенских прежде всего. В резолюции были показаны колебания этих партий и групп между пролетариатом и буржуазией, между либеральными лозунгами и революционной борьбой с помещичьим землевладением и обоснована тактика левого блока, предусматривавшая возможность соглашений с мелкобуржуазными и народническими партиями.

Проводя эту тактику, неразрывно связанную с классовым обособлением пролетариата, большевики в Думе одновременно выступали против меньшевистской линии на создание единой оппозиции от социал-демократов до кадетов и преодолевали кадетское влияние на трудящихся. В некоторых важных вопросах трудящиеся поддерживали социал-демократов.

Как бы то ни было, однако, внесенные на рассмотрение Думы правительственные законодательные меры в аграрной области не имели шансов

на одобрение. Разгон Думы, впрочем, готовился и независимо от этого, тем более что кадетская линия подавала правительству надежду на попустительство со стороны партии «народной свободы» государственному перевороту самого антиконституционного характера.

Еще в январе государственный контролер П. Х. Шванебах изложил Николаю II программу государственного переворота, предусматривавшую издание нового избирательного закона, созыв Думы не ранее чем через год после разгона, сохранение при роспуске Думы Госсовета с законосовещательными правами.⁴⁷ Все это должно было стать «переходной стадией к будущему российскому строю».

Подготовка к перевороту велась в двух направлениях. Во-первых, было подготовлено три проекта нового избирательного закона. Автором их был С. Е. Крыжановский. Первый предусматривал последовательное проведение системы курialesных выборов, второй основывался на реакном изменении числа выборщиков от каждой курии в пользу помещиков и крупной буржуазии (на их долю, составлявшую менее 1% населения страны, приходилось теперь 2/3 выборщиков). Наконец, третий проект предусматривал выборы депутатов земскими собраниями и городскими думами. Второй проект получил название «бесстыжого» в среде самих сановников. «Я за бесстыжий», — смеясь, заявил Николай II, и второй проект был принят.⁴⁸

Другое направление подготовки переворота отражено в письме Столыпина царю 30 мая, в котором сообщалось, что «все готово» к предъявлению Думе требования об исключении из числа депутатов 55 членов социал-демократической фракции и аресте 15 из них, а также «к роспуску Думы в случае ее отказа в этом».⁴⁹ Подготавлился «акт, действие которого было рассчитано не только на психику широких кругов буржуазии и дворянства, но в известной степени и на „общественное мнение“ соответствующих сфер Европы. Необходимо было показать, что существование Государственной думы, такой, какой она была по закону 11 декабря 1905 г., угрожает всему социально-политическому укладу страны».⁵⁰

1 июня Столыпин предъявил социал-демократической фракции обвинение в военном заговоре. Хотя юридическая несостоятельность обвинений была установлена выделенной Думой комиссией, кадеты закрыли глаза на происходившее и больше всего хлопотали о том, чтобы не «сойти с почвы законности» перед лицом правительства, цинично попиравшего им же установленные «конституционные» нормы. Головин не допустил прений. Милюков называл действия правительства «ошибкой», но твердил, что «зачинщиков необходимо выдать». «Нельзя прикрывать грехи с.-д.», — заявлял С. Н. Булгаков. «Нероспуск Думы хуже роспуска. Никого не выдавать, — значит покрыть преступление», — говорил Могилевский.

⁴⁷ Голос минувшего, 1918, № 1—2; 1923, № 2; Островский А. В. Третьеиюньский переворот, 1907 г. Канд. дис. Л., 1977.

⁴⁸ Падение царского режима. М.; Л., 1927, т. 3, с. 423.

⁴⁹ Былое, 1918, № 2, с. 3.

⁵⁰ Валк С. К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Государственной Думы. — Красный архив, 1926, т. 3, с. 76.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 30.

⁴⁶ Там же, с. 31.

Кадетская политика в целом была такова, что правительство могло игнорировать позицию председателя комиссии кадета А. А. Кизеветтера, заявившего, что «обращение Столыпина с Думой было прямо неприлично: в деле есть даже служебные подлоги». А его слова о необходимости «открыть дело во всей полноте» — лишь ускорили развязку.

Кадетскую делегацию в составе М. В. Челюкова, П. Б. Струве, С. Н. Булгакова и В. А. Маклакова, явившуюся к Столыпину ночью 2 июня, чтобы уговорить его не разгонять Думу, тот встретил не без надежды. «Я думал, — сказал премьер, — что вы как кадеты пойдете нам навстречу, потому что если мы устранили из Думы с.-д., у вас будет кадетское большинство; и тогда вы можете проводить вашу политику».⁵¹

На следующий день, 3 июня, Дума была разогнана царским манифестом, в котором прямо указывалось, что колы скоро царь признает состав Думы «неудовлетворительным», то право изменить избирательный закон принадлежит не ей, а ему самому («только власти, даровавшей первый избирательный закон»).

Царя и Столыпина ничуть не смутило ни то, что были вызывающим образом нарушены основные законы, ни то, что Дума даже не успела отказать Столыпину в его требовании выдачи социал-демократов или удовлетворить его. Государственный переворот должен был совершиться независимо от решения того вопроса, который был избран в качестве предлога.

Ленин рассматривал третьеиюньский переворот как преступление, а не формальное нарушение конституции, как «наглое и грубое нарушение интересов широких народных масс, как беззастенчивую и возмутительную фальсификацию народного представительства».⁵² Рассматривая этот переворот как заключительный эпизод первой русской революции, Ленин видел, что переворот означал удавшуюся царизму попытку завершить революцию сделкой с помещиками и крупной буржуазией. «Для нас 3-е июня 1907 года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году», — указывалось в ленинской статье «Против бойкота».⁵³

⁵¹ Татаров Н. Разгон II Государственной Думы, с. 58, 67—68, 90.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 146.

⁵³ Там же, с. 28.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ

Самодержавие после третьеиюньского переворота

Столыпинская земельная реформа

Третьеиюньская монархия и рабочий вопрос

Экономическая политика царизма в 1907—1914 гг.

Борьба течений в правящих верхах по вопросам внутренней политики (1907—1909 гг.)

Обострение классовых противоречий в России. Провал столыпинского «успокоения» (1909—1911 гг.)

Разложение третьеиюньской системы (1911—1914 гг.)

САМОДЕРЖАВИЕ
ПОСЛЕ ТРЕТЬЕИЮНЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Государственный переворот 3 июня 1907 г. завершил процесс перехода самодержавия к последней фазе своей эволюции — второму шагу по пути к буржуазной монархии. «Развитие русского государственного строя за последние три века, — писал В. И. Ленин в начале 1911 г., — показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии».¹

В. И. Ленин не случайно исключил из этой периодизации эволюции монархии в России 1905—1907 годы. Пока революция не потерпела временное поражение, в огне ее классовых битв решался вопрос не о том, какой будет монархия, а сохранится ли она вообще. Вплоть до 3 июня 1907 г. «объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи... а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шею».² Однако у российского пролетариата в 1905—1907 гг. не хватило сил для окончательной победы над царизмом. Поддержанный русской и международной буржуазией, царизм сумел устоять под первым ударом революции. В то же время первая русская революция со всей очевидностью продемонстрировала, что прежняя форма самодержавия изжила себя и переход к представительным учреждениям в общенациональном масштабе стал необходимостью под влиянием развития капитализма и в результате роста революционного движения, для борьбы с которым царизм был вынужден организовывать союз помещного дворянства и верхов буржуазии.

В. И. Ленин в своей полемике как с отзовистами и эсерами, отрицавшими какие-либо изменения в расстановке социальных и политических сил в России после 1905—1907 гг., так и с меньшевиками, преувеличивавшими реальный масштаб таких изменений, придавал большое значение вопросу о классовой природе российской монархии на последней стадии ее эволюции. «Классовая природа русской государственной власти, — писал В. И. Ленин, — потерпела серьезное изменение после 1905 года. Это изме-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 121.

² Там же, т. 19, с. 248.

нение — в сторону буржуазную. Третья Дума, „веховский“ либерализм, ряд других признаков свидетельствуют о новом „шаге по пути превращения в буржуазную монархию“ нашей старой власти. Но, делая еще один шаг на этом новом пути, она *остается старой*, и сумма политических противоречий от этого увеличивается».³

Потоки в крови вооруженные восстания рабочих и выступления крестьян, царизм не спал этим вековых противоречий, которыми наследие русской истории привнесло его к стене на рубеже XIX—XX вв. «Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, — подчеркивал В. И. Ленин, — не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились».⁴

Наиболее глубокими и антагонистическими, наиболее важными для судеб страны и неразрешимыми в условиях третьеиюньской монархии были противоречия между трудящимися массами (рабочими и крестьянами) и обоими эксплуататорскими классами (крепостниками-помещиками и буржуазией).

1905—1907 гг. означали гигантский шаг вперед в политическом самосознании широких масс рабочего класса. Как уже говорилось, рабочий класс получил боевое крещение и закалился в массовых политических стачках и в вооруженном восстании. Коренные изменения произошли и в самосознании крестьянства. Революция «впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу».⁵ Никакие репрессии, никакая политическая и идеологическая реакция не могли уже вычеркнуть из памяти и сознания трудящихся масс опыт революции 1905—1907 гг., заставить их смириться с торжеством контрреволюции, удовлетвориться теми ограниченными реформами, на которые только и могла в лучшем случае оказаться способной третьеиюньская монархия. Поэтому уже в 1907 г. В. И. Ленин сформулировал в качестве основного, определяющего всю стратегию и тактику большевиков, вывод: «Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем».⁶ Задача социал-демократии теперь состояла в том, чтобы готовить новый подъем революционного движения.

Ближайшей перспективой революционного движения в России оставалась буржуазно-демократическая революция, основу которой составлял аграрный вопрос. Развитие капитализма и революция 1905—1907 гг., вскрывшая глубину классовых противоречий в деревне, поставили решение аграрного вопроса в центр всей политической борьбы в стране. И царизм, и буржуазия, при всех различных их конкретных планах, выступали за «прусский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве, наиболее медленный и мучительный для крестьянства путь, цель которого состояла в том, «чтобы частная поземельная собственность на место общины создала новый слой защитников старого».⁷ В противоположность

этому пролетариат и крестьянство выступали за «американский» путь решения аграрного вопроса — за ликвидацию помещичьего землевладения, что было невозможно без свержения царизма. Победа «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве и, следовательно, в экономическом и политическом строе России в целом, отвечала интересам не только крестьянства, но и пролетариата, создавая наилучшие при капитализме условия существования и борьбы за свои права, позволяя пролетариату сосредоточиться на решении своих классовых социалистических задач. «Интересы рабочего класса, — отмечал В. И. Ленин, — безусловно требуют самой энергичной поддержки им крестьянской революции, — более того: руководящей роли его в крестьянской революции».⁸

Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была не только необходимым условием ее победы, но и предпосылкой ее перерастания в социалистическую. В борьбе за гегемонию пролетариата решался вопрос — «рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад, к примирению с капитализмом».⁹

Борьба за демократические и социалистические цели пролетариата развертывалась в обстановке, когда экономическое и политическое развитие России после 1907 г. вело к расширению фронта рабочего движения. В конце 1912—начале 1913 г. В. И. Ленин писал: «... грядущая вторая революция обнаруживает уже теперь *гораздо больший* запас революционной энергии в пролетариате. Выросла численность пролетариата — процентов minimum на 20. Выросла концентрация пролетариата. Усилилась чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей. Увеличилась в громадных размерах, которые не поддаются учету, масса пролетарского и полупролетарского населения в „кустарной“ промышленности, в ремесле и в сельском хозяйстве».¹⁰ По подсчетам Э. Э. Крузе численность рабочих в горнодобывающей, металлургической и обрабатывающей промышленности выросла за 1908—1913 гг. с 2.53 до 3.11 млн. человек, или на 23%, на железнодорожном транспорте за 1909—1913 гг. с 798 до 815 тыс. человек. Значительно возросла численность рабочих в мелкой промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Наиболее быстрыми темпами росло число занятых в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (на 71% за 1908—1913 гг.), представлявших собой передовой отряд российского пролетариата.¹¹ В важнейших промышленных центрах основу занятых на наиболее крупных предприятиях составляли потомственные квалифицированные рабочие, имевшие за плечами опыт революции 1905—1907 гг. Так, в Петербурге 66% рабочих крупных заводов и фабрик работали в промышленности к 1914 г. свыше 10 лет, в Москве в 1906—1913 гг. более половины занятых на хлопчатобумажных предприятиях (основная отрасль района) были потомственными рабочими.¹²

³ Там же, т. 21, с. 298.

⁴ Там же, т. 16, с. 124.

⁵ Там же, т. 20, с. 141.

⁶ Там же, т. 16, с. 144.

⁷ Там же, т. 20, с. 225.

⁸ Там же, т. 16, с. 327.

⁹ Там же, т. 34, с. 111.

¹⁰ Там же, т. 22, с. 282.

¹¹ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 23, 27.

¹² Там же, с. 145, 148.

В результате столыпинской реформы ускоряется процесс разрыва рабочих с деревней. Число связанных с землей сократилось за 1900—1914 гг. в металлообрабатывающей промышленности с 55 до 29,3, а в деревообрабатывающей — с 54 до 28,5%.¹³

В трудных условиях третьеиюньской реакции большевики боролись за сохранение партийных рядов и за осмысление уроков первой русской революции. Важными вехами в этой борьбе были V Всероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 г., осудившая ликвидаторство как течение, непримиримо враждебное партии, и совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» в июне 1909 г., исключившее отзовистов из большевистских рядов. В написанных в эти годы работах В. И. Ленина получило дальнейшее развитие и обоснование учение о руководящей роли партии в борьбе трудящихся масс, подчеркнута необходимость борьбы с оппортунизмом в рабочем движении. Обобщая уроки недавнего прошлого, В. И. Ленин уделял большое внимание проблемам теории революции, прежде всего вопросу о путях укрепления союза пролетариата и крестьянства в борьбе за свержение самодержавия. В то время как подпольные организации меньшевиков развалились, а эсеры переживали глубокий идейный и организационный кризис, большевики сохранили боеспособное ядро партийных организаций и являлись единственной организованной революционной силой в стране. Закономерным следствием этого была решающая роль большевиков в развернувшемся с началом нового революционного подъема процессе укрепления партии и воссоздания ее руководящих органов. Итогом этого процесса стала Пражская конференция (январь 1912 г.), завершившая собой целый этап «строительства рабочей своей рабочей партии». Конференция определила стратегию большевизма — курс на демократическую революцию и ее перерастание в социалистическую, вновь избрала Центральный Комитет и, окончательно поставив ликвидаторов вне партии, консолидировала революционные силы пролетариата. К середине 1914 г. 4/5 сознательных рабочих России шли за большевиками.

Решения Пражской конференции содействовали дальнейшему росту руководящей роли большевиков в рабочем движении, принимавшем все более массовый характер и проходившем под революционными лозунгами. В 1914 г. число политических стачек и их участников приблизилось к уровню 1905 г.

Чем более массовым и революционным становилось рабочее движение, тем более контрреволюционные позиции занимала буржуазия. Связанный тысячами нитей со всей политической и экономической структурой самодержавного режима, российский капитал особенно был «склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами». Революция 1905—1907 гг., показавшая силу и самостоятельность рабочего класса, определила окончательный поворот буржуазии к контрреволюционности, усилила тяготение ее верхов к союзу буржуазии с помещичьим дворянством. В то же время противоречие «между самодержавием и

потребностями развивающегося буржуазного общества»¹⁶ порождало конфликты буржуазии с царизмом и помещичьим дворянством, причем конфликты эти, будучи менее глубокими, чем общий антагонизм трудящихся и эксплуататорских классов, также были неразрешимыми в условиях России начала XX в.

На общей контрреволюционности помещичьего дворянства и буржуазии, с одной стороны, и противоречиях между ними, с другой, и была построена третьеиюньская система, специально рассчитанная «на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком общем их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности»,¹⁷ и сконструированная таким образом, что помещичье дворянство сохраняло в блоке с верхами буржуазии гигантский перевес, «а над обоими элементами стояла фантически неурезанная старая власть».¹⁸

Соотношение сил буржуазии и помещичьего дворянства внутри третьеиюньской системы не оставалось неизменным на протяжении 1907—1914 гг., причем тенденции развития в экономической и политической сфере были неодинаковы.

Сохраняя в своих руках и после революции 1905—1907 гг. «гигантские средства, позволяющие грабить десятки миллионов трудящихся»¹⁹ и являющиеся предпосылкой «преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни»,²⁰ дворянство, прежде всего мелко- и среднепоместное, утрачивало свои экономические позиции. Оказавшись не в состоянии приспособиться по-настоящему к условиям быстрого развития капитализма, дворянство систематически прибегало к залогам и продаже своих земель, и фонд дворянско-помещичьего землевладения неуклонно сокращался. С 1 января 1905 г. по 1 января 1915 г. по 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики) общая площадь дворянских земель уменьшилась с 49,78 до 38,98 млн. десятин, или на 20%.²¹

Большой интерес для характеристики основных тенденций в землевладении представляют данные о числе земских набирателей в 1906—1907 и 1912—1913 гг. Хотя эти данные фиксируют землевладение по размерам не в десятинах, а исходя из установленных цензов (отличающихся друг от друга в разных губерниях), они вполне пригодны для выяснения движения земельной собственности, причем полные земские цензы представляют собой практически крупно- и среднепоместное землевладение. Эти данные охватывают 33 старые земские губернии (по Московской нет сведений за 1912 г.). Иными словами, данные статистики земских набирателей показывают движение землевладения русского и украинского дворянства, не давая ответа на вопрос об изменениях в землевладении прибалтийских помещиков (устойчивость которого известна по другим

¹³ Там же, с. 141.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 54.

¹⁵ Там же, т. 1, с. 302.

¹⁶ Там же, т. 9, с. 130.

¹⁷ Там же, т. 22, с. 325.

¹⁸ Там же, с. 320.

¹⁹ Там же, т. 10, с. 200.

²⁰ Там же, т. 16, с. 403.

²¹ Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России. — История СССР, 1974, № 1, с. 85.

источникам) и польских помещиков в белорусских и юго-западных губерниях.

На сколько изменилось общее число обладателей полных и неполных (выше $\frac{1}{10}$ полного) земских земельных цензов с 1906—1907 до 1912—1913 гг., можно судить по следующим данным.²²

Годы	Полноцензовые		Неполноцензовые		Всего	
	дворяне	недворяне	дворяне	недворяне	дворяне	недворяне
1. 1906—1907	18 395	15 143	9 828	62 512	28 223	77 655
2. 1912—1913	14 780	13 874	8 977	106 940	23 757	120 364
2 в % к 1	80 35	91 62	91 34	170 35	84 18	154 99

Таким образом, в целом по 33 губерниям общее число дворян, обладателей земских полных и неполных цензов, сократилось почти на 16% (а только полных — почти на 20%), в то время как число землевладельцев-дворян выросло более чем в 1.5 раза за счет неполноцензовых избирателей, тогда как число полноцензовых сократилось и в этой категории. Приведенные данные свидетельствуют о быстро прогрессирующем размывании средне- и мелкопоместного дворянского землевладения (крупный латифундист, даже продав часть земли, оставался полноцензовым избирателем, и о тенденциях в этой категории помещиков наши данные ничего не говорят, но по материалам Л. П. Минарик латифундиальное землевладение было устойчивым).²³ Дробление среднего землевладения наблюдалось и у недворян (кроме Новороссии, где, наоборот, шел процесс быстрого формирования слоя помещиков-недворян), но было более медленным, в результате чего число полноцензовиков дворян и недворян почти сравнялось. В общей массе земских избирателей-землевладельцев дворяне к 1912—1913 гг. составляли уже всего 16.48% (но сохраняли еще больше половины частновладельческих земель).

Размывание среднепоместного дворянского землевладения грозило серьезными политическими последствиями для всего дворянства в целом и для царизма, поскольку именно на среднепоместных (цензовых) владельцах была сделана основная ставка в земском и третьеномском избирательных законах. Сокращение числа дворян-землевладельцев, а также отсутствие тех помещиков, которые жили казенной службой и утрачивали связь с уездами, где находились их имения, вели к систематическому недонабраву земских гласных. В ряде уездов их практически нельзя было избрать в количестве, предусмотренном Положением 1890 г., из-за отсутствия достаточного числа лиц, обладавших правом быть избранными. В 1906—1907 гг. в дворянской курии в 138 уездах из 322, где такие курии имелись, число явившихся на выборы было меньше нужного

²² Данные о численности, сословном и имущественном положении земских избирателей подсчитаны по: ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 2, 1906, д. 113, л. 4—3, 7—11, 15—19; оп. 3, 1 д-во, 1914, д. 54, л. 22—51. Действительное число дворян было несколько больше, так как в Вятской, Олонецкой, Пермской и части Вологодской губерний они не были выделены в особую курию и подсчитаны вместе с недворянами. Погрешность эта, однако, незначительна, ибо именно малочисленность дворян в названных губерниях и сделала невозможным выделение их в особую курию.

²³ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX—начала XX в. М., 1971.

количества гласных.²⁴ Не случайно поместное дворянство упорно сопротивлялось земской реформе, поскольку его преобладание в земстве держалось на искусственном распределении гласных между куриями, и любое изменение избирательной системы вело к уменьшению дворянского влияния. Дворянское «оскудение» сказывалось и на выборах в Государственную думу, где цензовые землевладельцы были объединены в единой курии, независимо от сословной принадлежности. Так, в 1912 г. костромской губернатор объяснял поражение правых кандидатов тем обстоятельством, что «партии богатых или средне состоятельных помещиков-дворян, на коих можно было бы опереться, в Костромской губернии нет: местные помещики живут лишь службой земской или государственной и легко склонны к ссорам из-за обладания новым источником дохода».²⁵

Но хотя процесс ослабления экономических позиций поместного дворянства становился все более явственным и необратимым, оно по-прежнему было сильно своими давними связями с феодальной по происхождению монархией, своими сословными организациями, своими политическими позициями в центре — на верхних ступенях бюрократической лестницы — и на местах — в земстве и в уездном управлении, представляло собой «самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс...».²⁶

Политическая активность поместного дворянства резко возросла во время и после революции 1905—1907 гг. Предреволюционные годы отличались относительно меньшей определенностью классового деления в России, и реакционные элементы поместного дворянства не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. «Крепостник-помещик сплотился и окончательно „сознал себя“ в революции. Черные партии становятся классовой организацией тех, кто должен защищать не на живот, а на смерть самые угрожаемые современной революцией блага: крупнейшее землевладение, — этот остаток крепостной эпохи, — привилегии высшего сословия, возможность вершить государственные дела путем личных связей с камарильей и т. д.».²⁷ Во главе этих партий стал созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства, важную роль которого в определении курса царизма в последующий период неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. В то же время взаимоотношения правительства и Совета объединенного дворянства были далеко не однозначны, и известный черносотенный лидер Н. Е. Марков подчеркивал на съезде объединенного дворянства в 1911 г., что деятельность съездов есть «плод недоверия правительству».²⁸

В отличие от экономически слабеющего поместного дворянства буржуазия в XX в. составляла уже заведомое большинство в имущих верхах страны и представляла собой «экономически самый могущественный

²⁴ Доклад подкомиссии IV Гос. думы об изменении земского избирательного закона. Май 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 3, 1 д-во, 1912, д. 44, л. 77.

²⁵ Костромской губернатор — Председателю Совета министров 21 окт. 1912 г. — Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 51—52.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

²⁷ Там же, т. 15, с. 20.

²⁸ Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1911, с. 109.

класс капиталистической России».²⁹ Третьеиюньский период характеризовался дальнейшим укреплением позиций финансового капитала. Общая масса капиталов акционерных предприятий, наиболее организованного капитала страны, выросла с 1902 по 1914 г. следующим образом:³⁰

	1902 г.		1914 г.	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Промышленные предприятия	1562,0	61,7	3266,4	67,4
Банки	269,7	10,7	675,3	13,9
Торговые предприятия	60,0	2,4	236,9	4,9
Ж.-д. и др. транспорт	187,8	7,4	295,7	6,1
Городское хозяйство	103,4	4,1	291,6	6,0
Прочие предприятия	348,6	13,7	79,5	1,7
Итого	2531,5	100,0	4845,4	100,0

При этом если за 1902—1909 гг. число акционерных компаний в стране выросло всего на 12, а их капиталы на 352 млн р., то за 1910—1913 гг. число акционерных обществ увеличилось на 664, а общая сумма их капиталов на 1716 млн. р. Большая, чем прежде, доля капиталов учрежденных акционерных обществ приходилась на действительно вновь создаваемые (а не превращаемые из единоличных в акционерные) предприятия.³¹

Об усилении роли финансового капитала говорили и более высокие темпы прироста основных капиталов коммерческих банков по сравнению с промышленными предприятиями (соответственно 150,4% и 109,1% в 1902—1914 гг.). Рост основных капиталов акционерных банков составлял и тому же лишь небольшую часть увеличения их мощи за счет притока вкладов и т. п. Всего с 1 января 1909 г. по 1 октября 1913 г. пассивы частных акционерных банков выросли более чем вдвое — на 2 млрд. р., а всех русских банков (Государственного, частных коммерческих, городских общественных, взаимного кредита) — на 3,76 млрд. р., т. е. вдвое. Иными словами, за годы промышленного подъема банки страны увеличили свои пассивы на такую же сумму, которую до того собирали в течение полувека.³²

Существенный сдвиг в сторону увеличения удельного веса буржуазии произошед в структуре имущих верхов. Уже в 1905 г. по данным Министерства финансов только 24,17% обладателей годового дохода свыше 5000 р. получали его от земли, тогда как источник доходов остальных был чисто буржуазным — торгово-промышленная деятельность, домовладение, денежные капиталы и «личный труд».³³ Сравнение составленных на основе односторонних материалов подсчетов Министерства финансов на

1905 и 1912 гг. позволяет судить об увеличении двух больших групп буржуазии — домовладельческой и торгово-промышленной — в масштабе всей страны. Число получателей годового дохода свыше 5000 р. выросло среди владельцев городских недвижимостей (без Сибири и Средней Азии, по которым отсутствуют сведения на 1905 г.) на 52,8%, а среди владельцев неотчетных торгово-промышленных предприятий на 47,8%.³⁴ К сожалению, отсутствуют сопоставимые данные за те же годы о доходах отчетных предприятий, к которым относились самые крупные, получавшие значительную часть дохода. Но, судя по темпам акционирования промышленности и торговли, их доходы должны были расти особенно быстро, а с ними и число получавших доход от ценных бумаг. В то же время число полноцензовых землевладельцев, из которых по данным Министерства финансов в 1905 г. доход свыше 5000 р. имели в земских губерниях лишь 27,6%, сокращалось. И хотя рост цен на сельскохозяйственные продукты давал возможность получать прежний доход от меньших по размерам поместий, процент землевладельцев среди всех крупных собственников падал.

Несмотря на то, что выходцы из дворянского сословия, получавшие доход от источников буржуазного типа, частично превращались (с социологической точки зрения) в буржуа, нелишне будет отметить, что количество таких буржуа дворянского происхождения было в России невелико. Среди земских избирателей — владельцев неземельных недвижимостей дворяне составляли в 1906—1907 гг. 13,4%, а в 1912—1913 гг. — 9,8%. К тому же по большей части их недвижимость представляла собой предприятие по переработке сельскохозяйственной продукции, как правило, из собственных имений.³⁵ В числе владельцев промышленных (I—V разрядов) и торговых (I—II разрядов) предприятий в городах в 1905 г. дворян и чиновников было 2,2%.³⁶ Процент дворян был, очевидно, выше среди получавших доход от «личного труда» (бюрократия и представители свободных профессий) и, может быть, среди держателей ценных бумаг, но в последнем случае цифровые данные отсутствуют.

Таким образом, сокращение числа полноцензовых землевладельцев (при росте в их составе доли недворян) и увеличение числа получателей дохода буржуазного характера вели к дальнейшему возрастанию буржуазных элементов среди имущих верхов.

Контрреволюционность буржуазии определяла «поразительное, с точки зрения экономической силы капитала, бессилие либерализма в политике»,³⁷ в результате которого буржуазия боялась даже «думать об организации своего класса в государственную силу».³⁸ В то же время рост

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 395.

³⁰ Составлено по: Шенелев Л. Е. 1) Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 143, 234; 2) Акционерное учреждение в России. — В кн.: Из истории империализма в России. М.; Л., 1959, с. 164. Исправлена ошибка в итогах за 1914 г. В 1902 г. нами соединены рубрики «прочие» и «страховые общества». В 1914 г. в рубрику «прочих» отнесены страховые, товароскладочные и комиссионно-ссудные предприятия.

³¹ Шенелев Л. Е. Акционерные компании. ..., с. 228, 244.

³² Ежегодник «Речи» на 1914 г. СПб., 1914, с. 124—125.

³³ Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906, с. 90—91.

³⁴ Подсчитано по: там же; Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. Изв. 1915, с. 502—503; Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный налог с городских недвижимых имуществ на 1912 г. Изв. 1914, с. 778—791.

³⁵ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979, с. 110—111, 119.

³⁶ См. подробнее: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 8—9.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 330.

³⁸ Там же, т. 25, с. 139.

экономического могущества и удельного веса буржуазии вел к увеличению ее притязаний на определение экономической политики царизма, к обострению борьбы за дележ национального дохода с помещичьим дворянством. «Дворянину и буржуа, — откровенно формулировал суть дела орган московской буржуазии «Утро России» (1910, 19 мая), — нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Конфликты между буржуазией и помещичьим дворянством из-за дележа «доходов» неизбежно переплетались с конфликтами из-за дележа власти в третьестепенной монархии. Во время революции 1905—1907 гг. наиболее решительные настроенные элементы буржуазии и буржуазной интеллигенции, ни на минуту не посягавшие на монархию и искавшие в союзе с ней опору против революционных масс, претендовали на значительную долю законодательной и исполнительной власти, что нашло свое выражение в лозунгах «полновластной Думы» и «ответственного министерства». После поражения революции буржуазия была вынуждена удовлетвориться очень скромным, по определению В. И. Ленина, участием «в системе законодательства и управления „3-го июня“». ³⁹ Но уже до войны В. И. Ленин отмечал, что при всей своей властебоязни русская буржуазия «чувствует очень хорошо свое значение в новых, в современных экономических условиях и выдыхает по самостоятельности, даже по власти». ⁴⁰ Во время первой мировой войны В. И. Ленин расценил смысл создания либерально-октябристского — «Прогрессивного блока» как стремление «воспользоваться пораженным и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией», а в позиции царизма и крепостников-помещиков видел намерение «не отдать» России либеральной буржуазии. ⁴¹ Таким образом, взаимоотношения царизма и буржуазии В. И. Ленин рассматривал как борьбу за власть, которая, однако, преследовала цель не свержения царизма, а соглашения с ним на условиях, определявших на каждом этапе существовавшей расстановкой сил.

Борьба за дележ власти включала в себя не только стремление буржуазии к большому участию в текущем управлении государственным механизмом, но и ее требование политических реформ, гарантирующих буржуазные свободы и правопорядок. «Либеральной буржуазии вообще, либерально-буржуазной интеллигенции в особенности, — подчеркивал В. И. Ленин, — нельзя не стремиться к свободе и законности, ибо без этого господство буржуазии не полно, не безраздельно, не обеспечено». ⁴²

Соотношение политических сил в России было, однако, таким, что объем реформ и размеры уступок со стороны самодержавной власти определялись не размерами и степенью настойчивости требований буржуазии, а «успехами побед демократии, широких народных масс (и рабочих в первую голову) над силами старого», ибо только демократический лагерь «действительно имеет силу осуществить политическую свободу». ⁴³

³⁹ Там же, с. 279.

⁴⁰ Там же, т. 30, с. 278.

⁴¹ Там же, т. 27, с. 28.

⁴² Там же, т. 22, с. 118.

⁴³ Там же, с. 330.

Поскольку же буржуазия боялась масс больше, чем реакции, это делало ее выступления в пользу серьезных политических реформ заведомо обреченными на неудачу.

Это, однако, не означало, что публичные выражения с ее стороны недовольства существующим положением и ее заявления о необходимости этих реформ были лишь «симуляцией оппозиционной борьбы». ⁴⁴ Подчеркивая отсутствие реформистских возможностей в России, контрреволюционность либерализма и вытекающее из этого «возрастающее несоответствие» его тактики «с потребностями страны», ⁴⁵ В. И. Ленин тем не менее всегда считал сам факт усиления оппозиционных настроений буржуазии объективно существующим и необходимым симптомом нарастания политического кризиса в стране. Говоря о кризисе верхов как о составном элементе революционной ситуации, В. И. Ленин понимал под кризисом верхов не министерскую чехарду или иные проявления расстройств бюрократической машины, ⁴⁶ а взаимоотношения царизма и имущих классов в целом. Не случайно поэтому каждый раз, когда В. И. Ленин говорил о нарастании политического кризиса, он в качестве признаков этого кризиса называл «учащение оппозиционных решений в IV Думе», ⁴⁷ «недовольство в стане самих помещиков и самой буржуазии», ⁴⁸ «распад, колебания, взаимное недоверие и недовольство внутри системы 3-го июня, внутри помещиков и реакционной буржуазии». ⁴⁹

Делая шаг в направлении к буржуазной монархии, царизм вступал в противоречие с интересами той части крепостников-помещиков, которая ни в политическом, ни в экономическом отношении не была в состоянии приспособиться к капиталистическому развитию. Поэтому наряду с глубочайшим антагонизмом трудящихся масс и эксплуататорских классов и противоречиями между самодержавно-крепостническим и буржуазно-либеральными лагерями на ходе политической борьбы и «сверх» и, следовательно, на конкретных проявлениях кризиса самодержавия сказывались и противоречия внутри самого самодержавно-крепостнического лагеря.

Борьба течений в правящих кругах велась вокруг вопроса о характере государственного строя России и вокруг тех проектов реформ местного управления и самоуправления и суда, которые должны были вытекать из аграрной реформы (см. подробнее гл. 5, с. 449—451). Как и в противоречиях между самодержавным и буржуазно-либеральными лагерями, в разногласиях внутри самодержавно-крепостнического лагеря из-за реформ важнейшим мотивом был вопрос о том, ускоряют ли умеренно буржуазные реформы наступление революции или предотвращают ее.

Мысль о необходимости реформ для сглаживания социальных противоречий и устранения таким путем перспективы нового революционного взрыва была отчетливо выражена в записке Столыпина, написанной им

⁴⁴ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 27.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 379.

⁴⁶ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. 3-е изд. М., 1974, с. 396.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 311.

⁴⁸ Там же, с. 329.

⁴⁹ Там же, т. 25, с. 149—150.

в январе—феврале 1907 г.: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним следствие, а не причину; вылечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот путь реформ торжественно возведен, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковым ошибкою — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ».⁵⁰ Эта идея постоянно проводилась в статьях правительственного официоза — газеты «Россия», критиковавшей крайне правых за то, что те мечтают о полном возврате к старому строю, «охраняют формы, а не дух, обряды, а не ту сущность, которую они символизировали».⁵¹ Она призывала дворянскую реакцию «поучиться тому, как работает в ландтаге и рейхстаге прусская консервативная партия, отстаивающая монархическое начало конституционными средствами».⁵²

В официозной пропаганде в соответствии с правительственным курсом отстаивались одновременно два тезиса. С одной стороны, для обоснования и оправдания политики беспощадного подавления масс, преследования не только революционных организаций, но и либеральной оппозиции, многократно подчеркивалось, что «размах воли революции еще достаточно высок»⁵³ и потому отказ от исключительных положений и полицейского террора был бы «рискованным опытом».⁵⁴ С другой стороны, для того, чтобы доказать возможность предотвратить новый революционный подъем теми кулиными реформами, которые планировало правительство, утверждалось, будто революционную борьбу ведет «не народ и не общество, а кучка политиканов», в то время как в широких слоях населения оппозиционные настроения спадают и «враг отогнан».⁵⁵ Судя по записи рассказа Столыпина о его разговоре с Николаем II в марте 1911 г., Столыпин в то время еще полагал, что революция «теперь разбита» и благодаря этому «можно будет еще лет пять продержаться». Но он и его единомышленники считали, что необходимо воспользоваться предоставленной царю кратковременной передышкой для укрепления его социальной базы и усовершенствования системы управления, ибо «что будет дальше, зависит от этих пяти лет».⁵⁶

Напротив, постоянным лейтмотивом выступлений крайне правых было подчеркивание опасности каких бы то ни было реформ, которые лишь ускорят революционный взрыв. Выступая против претворения в жизнь обещаний манифеста 17 октября о политических свободах, один из лиде-

ров «Союза русского народа» Г. Г. Замысловский говорил о боязни черносотенцев, что если «устроить все то, что истекает из манифеста 17 октября, ... если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября».⁵⁷ Подобно правительству, крайне правые пытались изображать дело так, будто революционное движение есть продукт злонамеренной пропаганды незначительного меньшинства. Но страх крайне правых перед проникновением революционной пропаганды в широкие массы, особенно крестьянства, свидетельствовал о понимании им того, что положение этих масс благоприятствует распространению в среде революционных и социалистических идей. В то же время реакция использовала предсказания о неизбежности революции как следствия реформ для сопротивления реформам как таковым, поскольку они ущемляли ее сиюминутные интересы.

Острый характер носили и внешнеполитические разногласия между различными буржуазными и помещичьими группировками, причем их острота в меньшей степени определялась экономическими причинами. Экономические интересы большинства русской буржуазии и помещиков вели к неизбежной конфронтации с Германией, которая была основным внешнеторговым партнером России, и условия торговли не удовлетворяли ни буржуазию, жаловавшуюся на успешную конкуренцию германских товаров на внутрисоюзном (а также и на ближневосточном) рынке, ни помещиков, недовольных высокими пошлинами на ввозимый в Германию русский хлеб. В то же время острыми оставались и русско-английские экономические противоречия, и старое политическое соперничество. Поэтому не только для правящих бюрократических верхов, но и для буржуазно-помещичьего общественного мнения наиболее желательным вариантом внешней политики представлялось лавирование между двумя враждующими группировками великих держав, при котором Россия не была бы окончательно вовлечена ни в одну из этих группировок и при случае могла бы сыграть роль третьего радующегося. К такой ориентации, нереалистичность которой была вскоре выявлена развитием событий, побуждали также очевидная военная слабость России после поражения в русско-японской войне и необходимость «двенадцати лет покоя» для осуществления столыпинских реформ.

В этих условиях наиболее четкие проантантовские и прогерманские позиции, занимаемые соответственно кадетами и помещичьей реакцией, определялись не экономическими, а идеологическими причинами, тяготением кадетов к странам классического буржуазного парламентаризма, а крайне правых к германскому юнкерству. Гермаофильские тенденции определенной части черносотенного дворянства и придворной камарильи вытекали также из страха перед революцией и надежды, избежав военного столкновения с Германией, становившегося неизбежным при включении России в Антанту, тем самым предотвратить или хотя бы отсрочить наступление нового революционного кризиса, а в случае, если он все же наступит, прибегнуть к помощи германского «брошированного кулака».

⁵⁰ Датировку и атрибуцию см.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 233—234.

⁵¹ Россия, 1907, 30 сент.

⁵² Там же, 3 июня.

⁵³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I, ч. II. СПб., 1908, стб. 2631.

⁵⁴ Россия, 1908, 2 мая.

⁵⁵ Там же, 1907, 14 сент.; 1909, 22 и 27 сент.

⁵⁶ Запись рассказа Столыпина об аудиенции у Николая II 5 марта 1911 г. — ЦГА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 1—2.

⁵⁷ Гос. дума, 3-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 2455.

Взаимоотношения царизма с дворянством и буржуазией не оставались одинаковыми на протяжении всего третьеиюньского периода.

В августе 1907 г. В. И. Ленин писал, что третьеиюньский избирательный закон ставит целью «отдать решение в руки октябристов: только в случае неудачи и этого опыта придется целиком отдаться во власть „Совету объединенного дворянства“». ⁵⁸ Тем самым В. И. Ленин отмечал несоответствие политики кабинета Столыпина и требований объединенного дворянства. В октябре 1914 г., подводя итоги политической биографии Столыпина, В. И. Ленин называл его «не более, как уполномоченным или приказчиком» российского дворянства. ⁵⁹ В этих двух характеристиках отражены начало и конец важного этапа в развитии взаимоотношений дворянства и царизма.

Целью политики царизма на этом этапе было «завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ». ⁶⁰ Но черносотенное дворянство в силу названных выше причин не могло принять даже этого минимума. Между тем классовые симпатии не только крайне правых группировок в правящих верхах, но и сторонников столыпинского курса, действовавших в более широко понятых интересах тех же помещиков, были целиком на стороне дворянства. К этому следует прибавить идейные позиции самого Николая II, воспитанного в духе приверженности к неограниченному самодержавию. Нельзя также сбрасывать со счетов новую привычку царской бюрократии откладывать самые назревшие реформы на страхе перед их последствиями. В обстановке, когда потерпевшая поражение революция не поуждала царям к немедленным реформам и последние не могли, как это было с созданием Думы, явиться лобовым следствием революции, перевес сил в правящих кругах складывался в пользу откровенно крепостнических элементов.

1911—1914 гг. представляли собой такой этап в развитии взаимоотношений царизма и дворянства, когда В. И. Ленин неоднократно подчеркивал «господство реакционных помещиков», ⁶¹ отмечая, что «всевластие этого класса громадно», ⁶² и «соседи по имени» управляют Россией. ⁶³ Для соотношения сил в правящих верхах в эти годы показательно, что если в 1907—1910 гг. планы нового государственного переворота выдвигались политическими деятелями, стоявшими в оппозиции правительству справа, то в 1912—1914 гг. авторы подобных проектов находились в самом правительстве.

В свою очередь тяга буржуазии к сделке с царизмом не могла устранить того объективного факта, что сдвиг в сторону бонапартизма только обострил и расширил противоречие между черносотенным самодержавием и потребностями экономического и общественного развития страны. В силу этого буржуазия при всей ее контрреволюционности должна была «попадать в „конфликтное“ положение с короной». ⁶⁴

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 61.

⁵⁹ Там же, т. 20, с. 325.

⁶⁰ Там же, т. 16, с. 59.

⁶¹ Там же, т. 24, с. 49.

⁶² Там же, т. 25, с. 15.

⁶³ Там же, с. 138—139.

⁶⁴ Там же, т. 21, с. 14.

1906—1911 гг. В. И. Ленин называл годами, «когда перепутанный па- смерть движением масс купец с восторгом и умилением взирал на Сто- лыпина». ⁶⁵ При этом, однако, прямой союз осуществлялся лишь с «матри- тами финансового капитала», тогда как «либеральная буржуазия, с каде- тами во главе, была в оппозиции». ⁶⁶ Уже в эти годы В. И. Ленин кон- статировал признаки «левения», усиления оппозиционных настроений буржуазии, причем отмечал не фиктивный, а реальный характер этого «левения». ⁶⁷ В 1911 г., подводя итоги столыпинского бонапартизма В. И. Ленин подчеркивал в качестве объективных фактов: «изменения в политическом положении и политическом настроении русской буржуа- зии», ⁶⁸ «растущее убеждение *всей* буржуазии в тщете ее жертв на алтаре Пуришкевичей». ⁶⁹

1912—1914 гг. В. И. Ленин называл второй полосой третьеиюньской эпохи, полосой «рабочего подъема, „общественного“ оживления и купцов- ского либерализма». ⁷⁰ Объективной причиной усиления оппозиционных настроений среди буржуазии являлось нарастание революционного кри- зиса в стране, а также то обстоятельство, что царизм не справился с осу- ществлением минимума буржуазных преобразований. Вследствие этого, несмотря на сохранявшийся и все возраставший страх перед движением масс, перед революцией, «купечество, — как отмечал В. И. Ленин, — стало определенной либеральной оппозицией». ⁷¹

Первая мировая война, обострив до предела все противоречия рос- сийской действительности, внесла изменения и во взаимоотношения ца- ризма с буржуазией и дворянством. Разумеется, социальная природа са- модержавия не изменилась, а контрреволюционные настроения буржуа- зных либералов усиливались по мере приближения революции. Но именно страх перед революцией заставил буржуазию более настойчиво, чем раньше, требовать от царизма реформ, которые по ее мнению предотвра- тили бы эту революцию. Больше того, в условиях войны, поражениях на фронте и развала экономики к этому требованию присоединилось и дво- рянство. Поражения царизма «озлобляли против него, — как отмечал В. И. Ленин, — *все* классы населения». ⁷² Наибольшего размаха и глу- бины оппозиционные выступления достигли летом 1915 г., когда «либе- ральная буржуазия, — на этот раз даже с самыми широкими слоями кон- сервативной буржуазии и помещиков, — выдвигает программу реформ и соглашения с царем». ⁷³

Острота революционного кризиса в 1916—начале 1917 г. вела к тому, что буржуазия все больше боялась собственных активных выступлений, которые могли бы стронуть с места лавину народной революции. Поэтому, хотя недовольство политикой царизма в это время было более глубоким,

⁶⁵ Там же, т. 23, с. 408.

⁶⁶ Там же, т. 32, с. 384.

⁶⁷ Там же, т. 17, с. 411—412.

⁶⁸ Там же, т. 20, с. 135—136.

⁶⁹ Там же, с. 375.

⁷⁰ Там же, т. 23, с. 408.

⁷¹ Там же, с. 394.

⁷² Там же, т. 31, с. 15.

⁷³ Там же, т. 27, с. 26.

чем летом 1915 г., и хотя оно проявлялось в более резких формах, реальный объем уступок, которыми удовлетворились бы лидеры оппозиции, был значительно меньшим, а круг собственно буржуазных деятелей, открыто выступавших с критикой режима, более узким. Конфликт царизма и эксплуататорских классов выражался не столько в том, что они выступали против самодержавного строя, сколько в том, что никто не выступал в его защиту.

Противоречия между царизмом и эксплуататорскими классами сказывались на общей расстановке сил в стране. Еще до войны В. И. Ленин говорил, что своей оппозицией либералы помогают разоблачению режима, «внося колебание и разложение в его ряды». ⁷⁴ В еще большей мере это относится к периоду войны, когда выступления против распутищины и других «безответственных влияний» на царскую власть, критика бездарных действий царского правительства, разоблачения наиболее вопиющих проявлений гнилости режима подрывали авторитет всего существующего строя, разрушали царистские иллюзии, подготавливали почву для революционной агитации в тех слоях населения, куда она не могла проникнуть непосредственно. Февральская революция, как указывал В. И. Ленин, смогла победить так скоро благодаря «чрезвычайно оригинальной исторической ситуации», в силу которой «слились вместе, и замечательно „дружно“ слились, совершенно различные потоки, совершенно различные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления». ⁷⁵ В числе этих противоположных стремлений, ускоривших революцию, было по воле истории и стремление буржуазно-помещичьей оппозиции предотвратить революцию.

Как уже указывалось, решающими для судеб страны были противоречия между трудящимися массами и эксплуататорскими классами. Но в своих прогнозах развития политического кризиса в России В. И. Ленин не сбрасывал со счетов и столкновения интересов на верхах. «Все зависит от обстоятельств, — подчеркивал он, — от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и „сферами“ и т. д. и т. д.». ⁷⁶ Противоречия между царизмом и буржуазией, разногласия в либеральном лагере, расхождения между царизмом и помещичьим дворянством, столкновения в правящих сферах рассматривались В. И. Лениным, таким образом, как слагаемое общего социального и политического кризиса в России.

Социальной природе третьей монархии соответствовала и ее государственно-правовая форма. В. И. Ленин настойчиво выступал против игнорирования различий в конкретных формах эволюции самодержавия и критиковал эсеров и отзовистов, видевших в III Думе только «фикцию» и «призрак» конституции. В то же время В. И. Ленин боролся против конституционных иллюзий, распространявшихся либералами в попытке отвлечь массы от революционной борьбы, и разоблачал реакционный характер «черносотенно-октябристской», «помещичьей» конституции.

Государственно-правовая конструкция третьей монархии была создана Основными законами 1906 г. Эти законы превращали Россию в дуалистическую монархию, в которой за короной сохранялась все исполнительная и значительная доля законодательной власти. Законодательные учреждения (Дума и Государственный совет) были ограничены тем, что вне сферы их компетенции оставались многие области, регулировавшиеся в порядке верховного управления. Кроме того, из трех стадий выработки закона — почин, обсуждение и санкция — палаты были свободны только в обсуждении, тогда как законодательная инициатива их была серьезно ограничена в пользу исполнительной власти, а санкция полностью принадлежала королю. У палат был отнят почин пересмотра Основных законов, значительно урезаны бюджетные права. Характерная для всякой дуалистической монархии, но особенно ярко выраженная именно в России, «пропасть между правами парламента и прерогативами монарха» ⁷⁷ нашла свое отражение в ст. 4 Основных законов, по-прежнему определявшей власть царя как самодержавную, хотя и не неограниченную.

Избирательный закон 11 декабря 1905 г. непредвиденно для его авторов привел к образованию в I и II Думах сильных фракций социал-демократов и трудящихся и к чрезмерному с точки зрения царизма представительству буржуазии, к тому же ее левого кадетского крыла. Тем самым возможность лавирования между буржуазией и помещичьим дворянством в Думе была исключена, и царизм должен был править, не только не опираясь на Думу, но и находясь с нею в открытом конфликте.

Между тем даже одержав временную победу над революцией, царизм в условиях, когда переход к представительным учреждениям национального масштаба стал уже и для него необходимостью, должен был во имя прямого союза с определенными кругами буржуазии мириться с существованием Думы как выборного органа, до известной степени «действительно заведующего делами буржуазного общества». ⁷⁸ Если поражение революции создавало такую расстановку сил, при которой царизм мог какое-то время осуществлять лавирование между буржуазией и помещиками в стране, то необходимым условием приведения в действие государственно-правового механизма, рассчитанного на такое лавирование, было изменение избирательного закона и обеспечение буржуазии и помещикам подавляющего большинства в Думе, которое в свою очередь обеспечивало бы «нормальный» порядок законодательства через Думу в нужном для царизма и господствующих классов духе. Задача создания такого большинства была выполнена переворотом 3 июня 1907 г.

Решающее влияние на выборы было предоставлено землевладельцам. Если по Положению 11 декабря 1905 г. они составляли 32,3% от всех выборщиков в губерниях Европейской России, то по Положению 3 июня 1907 г. их доля достигла 50,2%. В 28 губерниях представители землевладельцев имели абсолютное большинство, в 4-х — 50%, а в остальных располагали большинством совместно с выборщиками от первой городской курии. При этом среди самих землевладельцев подавляющий пере-

⁷⁴ Там же, т. 24, с. 181.

⁷⁵ Там же, т. 34, с. 16.

⁷⁶ Там же, т. 47, с. 225.

⁷⁷ Там же, т. 16, с. 446.

⁷⁸ Там же, т. 17, с. 359.

вес был у обладателей полных цензов, тогда как уполномоченные предварительных съездов мелких землевладельцев не могли оказывать существенного влияния на выборы, кроме случаев, когда власти оказывались в этом специально заинтересованы.

Значительно изменен был порядок избрания депутатов от городского населения. Общее число выборщиков от городов и губернских съездах увеличилось с 22,2 до 24,2%. Однако реальное влияние городских избирателей на выборы упало. Число депутатов Думы, избираемых непосредственно городами, было сокращено с 36 до 19 (в том числе в Европейской России с 28 до 16), а доля городских выборщиков в тех губерниях, где они раньше представляли значительную силу, уменьшена. Хотя по новому Положению городам было обеспечено 77 обязательных депутатов от губернских съездов Европейской России, избрание их зависело от голосов помещиков. Коренным образом изменилось соотношение сил в среде городских избирателей, разделенных Положением 3 июня на две курии. 1 курия — владельцы более крупных торговых и промышленных предприятий и домовладельцы, составлявшие 15,2% городских избирателей, имели половину депутатских мандатов в городах с прямым представительством и 54% городских выборщиков в губернских съездах.

Таким образом, «избирательный закон 3 июня 1907 года „строил“ государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес»,⁷⁹ а то время как «представительство либеральных профессий — не говори уже о крестьянстве и пролетариате — сведено на роль придатка».⁸⁰ Это сказывалось и на характере взаимоотношений правительства и двух большинств в Думе. «...Третьеиюньская система, — писал В. И. Ленин, — сознательно создала два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское. Оба стоят на реакционной почве, оба нужны правительству, как нужна помещику поддержка буржуазии».⁸¹ При этом сохранение царизмом его крепостнической классовой природы и господство помещиков в политической жизни страны, а также приоритет карательных мероприятий правительства перед его попытками реформ сделали первое (правооктябристское) большинство главным, правительственным. В. И. Ленин отмечал это обстоятельство и при подсчете партийного состава III Думы,⁸² и при анализе итогов выборов в IV Думу, когда, вскрывая приемы «делания выборов», подчеркивал, что «самодержавному правительству практически всего более важно „свое“ большинство в Думе».⁸³

Преобладающая роль, которая отводилась в третьеиюньской системе правооктябристскому большинству, подчеркивалась тем, что в Государственном совете в силу самого принципа его формирования имелось только одно — правое — большинство, что соответствовало и задаче Государственного совета — быть противовесом Думе, и его классовому лицу.

«... В Государственной думе, — отмечал В. И. Ленин разницу классового состава нижней и верхней палат российского парламента, — нет большинства без „лапочников“, т. е., говоря языком сознательного рабочего (а не дикого помещика), — без буржуазии», тогда как Государственный совет — орган одного класса, и «...класс этот — крупные помещики».⁸⁴ Это сказывалось и на судьбе решений, принятых в Думе октябристско-кадетским большинством и проваленных Государственным советом. Так в функционировании механизма двух большинств проявлялся «гигантский перевес крепостнических элементов в управлении Россией, еще больше усугублявший общий кризис третьеиюньской монархии.

При всем том сам факт создания и функционирования законодательных палат означал очень существенные перемены в системе государственного управления России. И дело заключалось не только в изменении формы издания законов, как пытались утверждать те, кто доказывал, что самодержавная власть царя юридически осталась неизменной. В ряде отраслей законодательства верховная власть была реально ограничена обязательностью проведения соответствующих проектов через Думу и Государственный совет. Фактом своего существования Дума заставляла бюрократию в какой-то мере изменять стиль своей работы, свыкаться с необходимостью предоставлять в распоряжение Думы целый ряд подготовительных и справочных материалов к министерским проектам, всегда составлявших бюрократическую тайну. При всей благонамеренности помещичье-буржуазной Думы, а тем более Государственного совета, при всей поддержке ими основных принципов политики царизма, они подвергали резкой критике конкретные методы проведения этой политики и отдельных видных представителей бюрократии и даже членов императорской фамилии. Одним из качеств, необходимых для министра, оказывалось (и сказывалось на карьере) умение выступать в Думе, а до известного времени и умение ладить с ней.

Существенным оказалось и право утверждения бюджета. Бюджетные права Думы были ограничены по сравнению с соответствующими правами парламентов большинства европейских государств. Значительная часть расходных статей (расходы Министерства двора в размерах сметы 1906 г., платежи по государственным займам и все расходы, ранее внесенные в бюджет на основании действующих законов, штатов и высочайших повелений) были забронированы и не подлежали сокращению. Согласно ст. 116 Основных законов правительство в случае отклонения или неутверждения к сроку нового бюджета могло пользоваться бюджетом предшествующего года, открывая ежемесячно ассигнования в размере $\frac{1}{12}$ его суммы. Но, обеспечив покрытие ранее существовавших потребностей царизма, Основные законы требовали согласия палат на удовлетворение его вновь возникающих потребностей, в первую очередь связанных с перевооружением армии и флота, увеличением расходов на полицию, ростом аппарата управления и т. п. И хотя и в этом отношении Основные законы и бюджетные правила 8 марта 1906 г. предоставляли правительству ряд обходных путей, именно соблюдение бюджетных прав Думы всегда вызывало и наиболее роковое отношение самой Думы, и

⁷⁹ Там же, т. 22, с. 320.

⁸⁰ Там же, т. 17, с. 272.

⁸¹ Там же, т. 23, с. 227.

⁸² Там же, т. 21, с. 286.

⁸³ Там же, т. 22, с. 322.

⁸⁴ Там же, с. 359—360.

особенно пристальное внимание иностранных кредиторов царизма, с мнением которых он должен был считаться.

Всёкое надстроечное явление, раз возникнув, обладает, говоря словами Ф. Энгельса, и собственным движением.⁸⁵ И буржуазия, и реакционное дворянство, совсем недавно являвшееся противником законодательных учреждений вообще, быстро научились использовать существование Думы для защиты своих интересов и оказания давления на правительство в целом или на отдельные ведомства. Поэтому оба большинства в Думе, кроме крайне правых, не только оберегали предоставленные Думе права, но и явочным порядком пытались расширить их, стремясь превратить в традицию прения по внешнеполитическим вопросам, не входившим в компетенцию Думы, стараясь включить в Наказ Думы право самой готовить по своей инициативе законопроекты, даже если соответствующее ведомство выразит готовность взять такую подготовку на себя (это нарушало ст. 57 Учреждения Думы), и превратить ст. 40 Учреждения Думы о «вопросах» к исполнительной власти в реальное право интерpellации по поводу не только закономерности, но и целесообразности действий правительства, и использовать это право для подталкивания законодательной инициативы кабинета в желательном Думе направлении.

Стремление буржуазно-помещичьих партий расширить компетенцию Думы оставалось, однако, в области «бессмысленных мечтаний», тогда как правящие круги старались, напротив, постепенно урезать ее права. Наряду с принципиальными мотивами убежденных сторонников неограниченного самодержавия в этом направлении действовало и неумение и нежелание бюрократия по-настоящему приспособиться к существованию «парламентного представительства» даже в его третьеновском варианте. Совет министров систематически принимал, а Государственная канцелярия включала в очередные Продолжения Свода законов постановления, проведенные в указном порядке и изменявшие законы без согласия Думы. Царизм не только тщательно оберегал свои прерогативы в военной сфере (большие, чем в других монархических государствах), но и значительно урезал Правилами 24 августа 1909 г. и без того ограниченные возможности участия Думы в контроле за расходованием средств, отпускаемых военным ведомствам, и в законодательстве в военных вопросах. После того как «конституционный кризис» 1911 г. вызвал практический крах бонапартистского курса и в правящих верхах усилились реставрационные тенденции, правительство повело наступление на думское право законодательной инициативы.

Определенное место в третьеновской системе занимали и органы местного самоуправления, в первую очередь земства, существовавшие в 34 губерниях Европейской России⁸⁶ (в 1911—1913 гг. земства были введены еще в 9 губерниях).

⁸⁵ См.: Ф. Энгельс — Конраду Шмидту. — *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 37, с. 417.

⁸⁶ Не имеющие, в отличие от земств, общегубернских органов, городские самоуправления не могли играть сколько-нибудь существенной политической роли. Исключение составляли городские думы и управы наиболее крупных городов и прежде всего — Петербурга и Москвы.

Как уже говорилось (см.: ч. I, гл. 5), Положение 1890 г. делало земства представительствам узкого слоя имущих верхов, прежде всего — местного дворянства. Городская буржуазия была в земствах представлена слабо, а крестьянские гласные от волостных сходов до указа 5 октября 1906 г. назначались губернаторами из намеченных сходами кандидатов. Только с 1907 г. крестьяне получили возможность сами избирать своих гласных, но с помощью административного давления в земства проходили преимущественно волостные старшины и представители деревенской верхушки, не отражавшие действительных настроений крестьян.

И до революции 1905—1907 гг. политическое лицо большинства земцев было достаточно правым. По подсчетам МВД к 1906 г. правые и «умеренные» (куда по классификации МВД входили октябристы и родственные им группы) имели большинство в 292 из 359 уездных земств,⁸⁷ или в 81,3%. Либеральные элементы дворянства могли играть руководящую роль в значительном числе земских управ только благодаря абсентеизму правых. Поворот земств вправо начался поэтому в 1906 г. с изгнания либералов из управ,⁸⁸ а затем выборы 1906—1907 гг. привели к почти полному вытеснению из земств кадетов и близких к ним элементов (по классификации МВД — «левых»). Последующие выборы 1909—1910 и 1912—1913 гг. в общем сохранили расстановку сил в земствах. При этом наиболее черпосотенным составом отличались земства центрально-черноземных и малороссийских губерний, а в нечерноземных губерниях (включая обе столичные), а также в Екатеринославской и Таврической чаще преобладали октябристы. Кадеты, благодаря союзу с землевладельцами-башкирами, вели за собой большинство гласных в Уфимской губернии.⁸⁹

Говоря о политическом лице земств, следует помнить, что узость круга обладавших избирательным цензом часто вела к зачислению в гласные всех избирателей дворянской курии, независимо от их партийной принадлежности. Кроме того, на выборах отражались семейные, групповые и прочие местные счеты и отсутствие опытных земцев среди правых, заставлявшее их в ряде случаев проводить в гласные и даже в члены управ своих политических соперников. Эти обстоятельства приводили также к тому, что в губернских земских собраниях удельный вес октябристов и либералов был выше, чем в уездных.

Как отмечал В. И. Ленин, «земство с самого начала было осуждено и то, чтобы быть втянутым колесом в телегу русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось...».⁹⁰ При всем том роль земств в жизни страны постепенно возрастала. МВД и Главное управление земледелия нуждались в помощи местных самоуправлений при проведении столыпинской аграрной реформы и не только разрешали, но и побуждали зем-

⁸⁷ Сведения о принадлежности к политическим партиям руководящего большинства в земских собраниях. — ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 2, 1907, д. 2, л. 52. Сведения не датированы, но сопоставление их с другими материалами показывает, что они составлены до выборов 1906 г.

⁸⁸ Общественное движение в России начала XX века. СПб., 1914, т. 3, с. 208.

⁸⁹ Данные о политическом составе гласных уездных земств. — ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 2, 1907, д. 8; 1909, д. 48, л. 4—19, 42—46; д. 36, л. 239; 1910, д. 21, л. 356.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

ства создавать агрономические отделы, т. е. расширять сферу их действия. В силу необходимости царизму приходилось идти на быстрое увеличение объема деятельности земств в области здравоохранения и народного образования. Их хозяйственная деятельность тоже становилась существенным элементом в общей экономической жизни страны и выходила за рамки Положения 1890 г. Признанием этого явилось официальное разрешение в 1902 и 1906 гг. непредусмотренных Положением общеземских организаций — по взаимному перестрахованию имуществ от огня и по приобретению и продаже «необходимых в сельском быту предметов». Партийное лицо земств служило для царизма показателем политических настроений в помещичьих кругах и было объектом постоянного внимания правительства. В Государственном совете 34 (а с 1913 г. — 43) депутата избирались губернскими земствами, которые тем самым в значительной мере определяли расстановку сил в верхней палате.

Практика российской действительности с ее исключительными положениями, самоуправством бюрократии в центре и на местах, сенатскими «разъяснениями» законов и т. п. делала еще нагляднее «противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной „конституции“». ⁹¹ Тем не менее В. И. Ленин подчеркивал: «Отсутствие „действительной конституции“, сохранение полноты власти за самодержавием несколько не исключает того своеобразного исторического положения, когда эта власть вынуждена организовывать контрреволюционный союз известных классов в общенациональном масштабе, в открыто действующих учреждениях, имеющих общегосударственное значение...». ⁹²

⁹¹ Там же, т. 17, с. 276.

⁹² Там же, т. 19, с. 244.

СТОЛЫПИНСКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Важнейшей составной частью всего политического курса царизма после поражения революции 1905—1907 гг. была столыпинская аграрная реформа. Основным содержанием ее была ставка на форсированную ломку общины и насаждение крестьянской частной собственности на землю. Это означало крутой поворот от прежней политики насильственной консервации общины и старых поземельных отношений, наметившийся еще в предреволюционные годы и осознанный большинством правящей бюрократии и помещичьего дворянства как экстренная необходимость в период революции. *«Революция, — подчеркивал В. И. Ленин, — связала победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю...»*.¹

Цели аграрной реформы и ее связь с борьбой против революционного движения неоднократно публично прокламировались и самим Столыпиным, и различными представителями помещичьих кругов. «Смута политическая, революционная агитация, — говорил Столыпин в 1910 г., — ...начала пускать корни в народе, питалась смутною более серьезною, смутною социальною, развившеюся в нашем крестьянстве... Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальною аграрною реформою политические реформы могли получить жизнь, силу и значение».²

Утратив веру в патриархальность и консервативность всей массы крестьянства, царизм задался целью выделить из общины ее более зажиточную часть, превратив ее в опору бонапартистского режима. «Новый политический порядок в нашем отечестве, — говорилось в Особом журнале Совета министров 10 октября 1906 г., посвященном выработке окончательного варианта земельной реформы, — для своей прочности и силы нуждается в соответственных экономических основах и, прежде всего, в таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на начала личной собственности и на уважение к собственности других. Только этим путем создана будет та крепкая среда мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка».³ Та же идея присутствовала и в более ранних доку-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 312.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—10 годы. Сессия пятая. СПб., 1910, стб. 1138.

³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 406, л. 53.

ментах, отражавших первые шаги подготовки реформы, и повторялась в дальнейшем.

Аналогичным образом высказывались и представители помещичьего дворянства, тоже надевавшиеся, что крестьяне-собственники станут консервативным элементом страны. Так, на третьем съезде объединенного дворянства весной 1907 г. В. Л. Кушелев говорил о необходимости для дворян-помещиков искать себе союзников в сельской буржуазии, которая будет разделять заботу дворянства о защите частной собственности. «Для меня интересно, — откровенно формулировал он суть своих упований, — чтобы мой ближайший сосед был одних взглядов со мной; это вопрос шкурный». На том же съезде кн. П. Л. Ухтомский мечтал, как в недалеком будущем, после осуществления аграрной реформы, «русская революция будет раздавлена мужицким сапогом».⁴

В первый момент, когда крестьянские восстания непосредственно угрожали дворянским усадьбам, практически все реакционное дворянство поддержало столыпинскую реформу, видя в ней единственное средство внести раскол в крестьянские ряды и отвлечь их от помещичьих земель. Когда карательные меры правительства принесли в деревню временное «успокоение», часть крайне правых стала выступать в защиту общины во имя сохранения сословного принципа.⁵ Однако большая часть помещичьего лагеря по-прежнему поддерживала столыпинскую ломку общины и насаждение сельской буржуазии как опоры царизма.

С осуществлением столыпинской реформы правительство связывало и свои экономические планы. «Наше экономическое возрождение, — говорил Столыпин, — мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах».⁷ Тема экономического значения реформы была основной в аргументации за нее в Думе главноуправляющего земледелием и землеустройством А. В. Кривошеина. Признавая, что ломка общины — «это не аграрная панацея», Кривошеин объяснял насаждение частного крестьянского землевладения главным способом увеличения производства хлеба в России. «Нам, — говорил он, — не устоять в великом трудовом состязании народов, если мы будем по-прежнему вырабатывать на каждую душу населения всего 22 1/2 пуд., и из этого должны будем, как теперь, кормиться, оплачивать всю нашу внутреннюю промышленность, покупать иноземные товары, платить наши долги».⁸ В интересах государства, заявлял он, земля должна находиться в руках «того, кто лучше других сумеет взять от земли все, что она может дать», и ради этого надо отказаться от «несбыточной мечты, что в общине все могут оказаться сытыми и довольными».⁹ Кривошеин выражал надежду, что «широкий общий подъем сельского хозяйства» в результате столыпинской реформы — дело недалекого будущего.¹⁰

⁴ Труды 3-го съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний, СПб., 1907, с. 284.

⁵ Там же, с. 260.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. I, СПб., 1908, стб. 407.

⁷ Гос. совет. Сес. V, стб. 1143.

⁸ Гос. дума. 3-й соз. Сес. II, ч. I, стб. 1028.

⁹ Там же, стб. 1031—1032.

¹⁰ Там же, стб. 1043.

Аграрный бонапартизм Столыпина «не мог бы даже родиться, ...если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать...».¹¹ После отмены выкупных платежей 1 января 1907 г. крестьяне согласно ст. 12 Общего положения о крестьянах могли при желании выходить из общины. Однако темпы такого процесса при его естественном развитии не устраивали правительство, тем более что ст. 12 предусматривала обязательность выдела к одному месту земель выходящего из общины, а это из-за сопротивления общинников (поскольку такой выдел означал и общий передел) еще больше замедляло процесс. Поэтому сторонники ломки общины открыто заявляли о необходимости насильственного ускорения такой ломки. В проекте «Основных положений по аграрному вопросу», обсуждавшемся на первом съезде объединенного дворянства, утверждалось, что «во всем мире переход крестьян к улучшенным системам хозяйства происходил при сильном давлении сверху»,¹² а октябрист М. В. Красовский, защищая в Государственном совете поправки к правительственному указу, еще более усугублявшие нажим на общину, говорил: «Мы стоим за решение принудительное, насильственное, навязанное».¹³

Обеспечение принудительного для общины права выхода из нее всех желающих и было главной целью указа 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Указ предоставлял крестьянам «право свободного выхода из общины с укреплением в собственности отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела» без выдела их к одному месту. За выходящими из общины укреплялись земли, находившиеся в их пользовании со времени последнего передела, независимо от изменения числа душ в семье, причем в общинах, где переделов не было в течение 24 лет, вся земля укреплялась в собственность безвозмездно, а там, где переделы производились, излишки земли сверх причитающейся на наличные души оплачивались по «первоначальной средней выкупной цене»,¹⁴ т. е. значительно дешевле рыночных цен. Тем самым правительство рассчитывало побудить к выходу из общины прежде всего крестьян, располагавших излишками наделенных земель.

Однако для достижения намеченной правительством цели было недостаточно разрушения общины. Превращение чересполосных участков в личную собственность, означавшее громадный переворот в жизни деревни и открывавшее путь как к мобилизации земель в руках сельской буржуазии, так и к пролетариату бедняков,¹⁵ само по себе еще не созда-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 274.

¹² Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. 2-е изд. СПб., 1910, с. 155.

¹³ Гос. совет. Сес. V, стб. 1279.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. XXVI, 1906, отд. 1, СПб., 1909, с. 970—974. (Далее — ПСЗ, III).

¹⁵ Превращение наделенных земель в личную собственность крестьян по указу 9 ноября 1906 г. не вполне уравнивало их с частновладельческими. Пользованию ими предоставлялось крестьянам без права продажи лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию. Точно так же указ 15 ноября 1906 г. разрешил закла-

вало немедленно или в ближайшем будущем значительного слоя «крепких» земельных собственников, поскольку не ликвидировало самой чересполосицы — важной агротехнической причины отсталости земледелия и медленности процесса выделения из крестьянства капиталистической верхушки. Поэтому правительство ставило своей задачей всемерное поощрение перехода к хуторскому или по крайней мере к отрубному хозяйству, и указ 9 ноября предоставлял выходящим из общины право требовать выделения им земли «по возможности к одному месту». «Расселение хуторами или мелкими поселениями», как откровенно признавал при этом Столыпин, преследовало не только хозяйственные, но и политические цели — рассосредоточить и разъединить крестьянскую массу, ибо, как писал он, «единая, полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собой горячий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу».¹⁶

На первом этапе проведения столыпинской реформы считалось, что выделу земли в хуторской или отрубной участок должно предшествовать укрепление ее в личную собственность. А поскольку выход из общины наиболее многоземельных крестьян или даже просто укрепление в собственности чересполосных участков при общинном землепользовании нарушали интересы остающихся в общине и должны были встретить сопротивление крестьян, указ 9 ноября предусматривал, что «требование об укреплении в личную собственность части общинной земли» должно быть удовлетворено общиной в течение месяца после его подачи, в противном же случае все необходимые для этого меры принимаются на месте земским начальником, т. е. насильно, против воли общины.

Начиная с юридического разрушения общины и превращения наделов в личную собственность, Столыпин призывал власти, непосредственно занятые осуществлением реформы, «проникнуться убеждением, что укрепление участков лишь половина дела, даже лишь начало дела, и что не для укрепления чересполосицы был создан закон 9 ноября».¹⁷ При этом правительство колебалось между признанием, что «достигнуть в широких размерах разверстания крестьянских наделов путем принудительных, вопреки общества происходящих, выделов едва ли возможно»,¹⁸ и стремлением принудительно форсировать выдел, причем верх постоянно брала тенденция административного нажима. Указ 9 ноября разрешал принудительный выдел к одному месту по требованию одного выходящего из общины во время очередного общего передела. Но уже в июне 1908 г. МВД разослало губернаторам циркуляр, в котором предусматривался принудительный выдел и в промежутках между переделами,

выдавать наделные земли в Крестьянском банке, но не в частных кредитных учреждениях. Наконец, выделенные к одному месту участки могли быть заменены другими, уже укрепленными в собственность не только выделяющегося домохозяйства, но и его соседей, что тоже ограничивало их право собственности.

¹⁶ Цит. по: Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973, с. 166—167.
¹⁷ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857—1921 гг.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973, с. 86.

¹⁸ Представление МВД в Совет министров 23 сент. 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 406, л. 175.

мотивируя это тем, что в противном случае «право выдела оказало бы совершенно неосуществимым». МВД, кроме того, рассчитывало, что «осуществимость обязательных выделов помимо согласия обществ несомненно сделает последние более уступчивыми» перед угрозой полного расстроя хозяйства постоянной передвижкой полос и «увеличит число добровольных соглашений».¹⁹

МВД постоянно подстегивало местные власти, упрекая их в недостаточном внимании к «делу перехода сельских обществ от чересполосного к отрубному владению»²⁰ и побуждая настойчивее добиваться «добровольного» согласия общины на выдел. Это приводило к злоупотреблениям на местах, вызывавшим нередко кровавые столкновения между общинниками и выделяющимися, причем виновник одного из таких столкновений — неперемный член Уманской землеустроительной комиссии — не видел в своих действиях ничего противоестественного, поскольку «до сего времени считалось нормальным, если при помощи дреколя одна часть общества одерживала верх над другою».²¹

И МВД, и Главное управление земледелия придерживались курса на навязывание крестьянам именно и только такого землеустройства, которое соответствовало видам правительства. Временные правила о выделе наделной земли к одним местам от 15 октября 1908 г. подчеркивали, что «наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор», и хотя и допускали отруба, но зато прямо осуждали осуществление даже по желанию целого общества частичного землеустройства — «отвод пахоты в отдельных севоборотных полях, как не освобождающий выделяющегося от принудительного участия в общем севобороте».²² Точно так же, разъясняя Правила 19 марта 1909 г. о землеустройстве целых обществ, МВД циркуляром 19 апреля того же года запрещало частичное землеустройство, подчеркивая, — что «лучше отложить исполнение работ, чем насаживать землеустройство, отвечающее этому политико только по имени».²³ Та же идея содержалась и в новых Правилах о выделе наделной земли от 19 июня 1910 г., требовавших, чтобы групповые и отдельные выделы производились таким образом, чтобы не затруднить в будущем общее разверстание всех общинных земель, «хотя бы для этого и понадобилось поступиться требованием скорейшего завершения дела».²⁴ Но в целом Правила 19 июня 1910 г. свидетельствовали о некотором отступлении правительства, вынужденного признать неосуществимость плана насаждения хуторов как главной формы единоличного хозяйства и смириться с отрубями, не дававшими возможности рассосредоточить крестьян из деревень.

Стремлением максимально форсировать первый этап реформы — укрепление земли в личную собственность — и создать благоприятные

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 119, 1906, л. 67, л. 26.

²⁰ Цит. по: Сидельников С. М. Указ. соч., с. 132.

²¹ В. П. Максимчик — А. А. Кофоду 11 окт. 1910 г. — ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 119, 1906, д. 67, л. 168.

²² Александровский Ю. В. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911, с. 383.

²³ Там же, с. 466.

²⁴ Там же, с. 367.

условия для последующего выдела на хутора многоземельных хозяев была проникнута и деятельность союзников Столыпина в III Думе — октябристов. Под их влиянием и с одобрения правительства Дума дополнила указ 9 ноября новым разделом, который объявлял общины, где передел земли не производился в течение 24 лет, перешедшими к участково-подворному землевладению, но с правом отдельных домохозяев требовать выдела принадлежащих им участков к одному месту. Разъясняя смысл этого нововведения, председатель земельной комиссии Думы С. И. Шидловский прямо говорил, что комиссия хотела предотвратить в таких общинах «давление со стороны лиц, заинтересованных в производстве передела» и в то же время облегчить «выдел участков к одним местам сравнительно с подворным владением».²⁵ Большинство Государственного совета сочло решение Думы уж чересчур прямолинейным, и в окончательном тексте закона, утвержденном 14 июня 1910 г., перешедшими к наследственному (участковому или подворному) землевладению объявлялись лишь общины, не производившие переделов с 1863 г. Но и в таком случае в эту категорию попадало примерно 2,78 млн. дворов. Поэтому МВД циркуляром от 27 января 1911 г. поручало «особой заботливости» губернаторов и предводителей дворянства мероприятия по «правильному и скорейшему проведению в жизнь» соответствующих статей закона 14 июня 1910 г.²⁶

Недостаточно быстрый, с точки зрения властей, выход из общины, к тому же обнаруживавший тенденцию к замедлению, и трудности последующего выдела укрепивших землю привели к изменению методов правительственного воздействия на крестьян. Используя широко распространенную тягу крестьян к ликвидации чересполосицы, закон 29 мая 1911 г. объявлял документы о землеустройстве, произведенном на общинных землях без предварительного укрепления в собственности, «удостоверяющими принадлежность означенных в них владений подлежащим владельцам на правах собственности».²⁷ Иными словами, сам факт ликвидации чересполосицы превращал крестьян-общинников в собственников, независимо от того, хотели они этого или нет. Закон 29 мая 1911 г. делал следующий шаг к полному уравниванию наделных и частновладельческих земель. В отличие от указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. отруба признавались теперь уже не личной, а частной собственностью, если в их состав входили (хотя бы и в самом небольшом размере) не только бывшие наделные, но и купчие земли.

Начиная аграрную реформу, правящие круги осознавали, что одно лишь выделение на хутора и отруба еще не создает «крепкого крестьянина» и выходящие из общины нуждаются в сельскохозяйственном инвентаре, в средствах на землеустроительные работы и хотя бы в минимуме наличных денег до того момента, пока хозяйство на новом месте начнет функционировать, а следовательно — в ссудах или кредите. Состоявшееся весной 1908 г. междудеPARTMENTовенное совещание при МВД прямо признало, что «нарезать отрубные и хуторские участки, посадить на них приобретателей-крестьян и затем бросить их на произвол судьбы

значило бы обресть реформу на верную неудачу», чего нельзя допускать, ибо неудача будет использована «революционными партиями». Тем не менее совещание категорически отвергло мысль о пособиях крестьянам как о «развращающей филантропии» и высказалось за кредитование выходящих из общины на строго коммерческих основаниях. Общий объем потребного кредита совещание определяло в 500 млн. рублей, изыскать которые предлагалось Крестьянскому банку путем выпуска облигаций.²⁸ После того, как Министерство финансов отвергло предложение совещания как неосуществимые (и старые процентные бумаги Крестьянского банка не находили спроса на денежном рынке и в принудительном порядке покупались сберегательными кассами), Главное управление земледелия выдвинуло столь же нереалистичный план «вещного кредита» для крестьян — продажи им в рассрочку инвентаря, для чего предлагало прибегнуть к содействию иностранных компаний сельскохозяйственного машиностроения, которым правительство гарантировало бы доход.²⁹ Этот план не встретил одобрения Совета министров, испугавшегося перспектив возложения на казну из-за некредитоспособности крестьянства обязательства, размер которых невозможно было заранее предвидеть.³⁰ Вопрос об организации кредита для крестьян безрезультатно обсуждался вплоть до 1914 г., каждый раз упирался в неспособность царизма, трагически миллиарды на военные нужды, изыскать средства для капиталовложений в сельское хозяйство (см. об этом гл. 4). Таким образом, признав еще в 1908 г., что если аграрная реформа не будет «обставлена всеми возможными гарантиями успеха», включавшими землеустроительный кредит для крестьян, то осуществление ее будет по крайней мере надолго задержано,³¹ правительство тем не менее, не обеспечив таких «возможных гарантий» и кредита выходящим из общины, продолжало курс на ее ломку.

Развитие буржуазных отношений в деревне было не самодовлеющей целью столыпинской реформы, а средством создания новой социальной опоры царизма. Поэтому, снимая часть рогаток на пути капиталистического прогресса в сельском хозяйстве, царизм не отказывался от традиционного стремления регулировать социально-экономические процессы в деревне, удерживая их на желательной ему стадии. Еще только разрабатывая проект будущей реформы, ее авторы выражали опасение, что неограниченное вовлечение наделных земель в товарный оборот приведет к сосредоточению «значительного числа отдельных участков в одних руках путем образования крестьянских хозяйств фермерского типа», а это в свою очередь к обезземеливанию массы крестьян и к «крайнему дроблению земли».³² Между тем царям не был заинтересован ни в об-

²⁸ Журнал Совещания по землеустроительному кредиту 16 апр.—10 мая 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 54, 1908, д. 14, л. 38—65.

²⁹ Проект представления ГУЗиЗ и Совет министров, 1908 г. — Там же, ф. 592, оп. 1, д. 453, л. 204—237.

³⁰ Особый журнал Совета министров 9 янв. 1909 г. — Там же, л. 239—246.

³¹ Журнал Совещания по землеустроительному кредиту. — Там же, ф. 1291, оп. 54, 1908, д. 14, л. 30.

³² Объяснительная записка МВД к проектам положений о земельных обществах, владеющих наделными землями (представлена 20 мая 1906 г.). — Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 382, л. 9.

²⁵ Гос. дума. 3-й соз. Сес. II, ч. I, стб. 1614, 1616.

²⁶ Цит. по: Сидельников С. М. Указ. соч., с. 137.

²⁷ ПСЗ, III, т. XXXI, 1911, отд. 1. СПб., 1914, с. 471.

разовании крупного фермерского землевладения, конкурирующего с дворянским, ни в массовом обезземеливании крестьян, поскольку он нуждался в «многочисленном классе мелких земельных собственников» как консервативном элементе деревни и страны в целом. Не случайно уже в мае 1906 г. шла речь о необходимости установить пределы как сосредоточению наделных земель в одних руках, так и дроблению крестьянских участков.

Правда, авторы реформы отдавали себе отчет в том, что введение предельных норм дробления, «как бы оно ни было желательно, едва ли может иметь какое-либо практическое значение», поскольку «государство не имеет в своем распоряжении средств, могущих обеспечить соблюдение этого правила в действительности».³³ Тем не менее в январе 1907 г. Совет министров, одолив в принципе идею ограничения скуки наделных участков, одновременно высказался и в пользу того, чтобы подготовить законопроект об установлении предела дробления крестьянских земель.³⁴

В 1907 г. дело не пошло дальше общих соображений. Одной из причин этого была, возможно, позиция объединенного дворянства, ряд лидеров которого готов был предоставить крестьянским наделам «дробиться до крайности», чтобы «наиболее энергичным и способным крестьянам» было что скушать у своих разоряющихся соседей. «Как может такой крестьянин увеличить свой надел, если участки будут недробимые? — говорил кн. П. Л. Ухтомский. — Он станет еще более алчным взглядом смотреть на наши владения».³⁵

Но уже осенью 1908 г. междоветовенное совещание под председательством товарища министра внутренних дел А. И. Лыкошина одобрило предложенные земельной комиссией Думы изменения в указе 9 ноября, в числе которых было и запрещение скуки в одни руки более шести наделов в пределах одного уезда.³⁶ Вслед за тем Главное управление земледелия вновь подчеркнуло, что «чрезвычайно важный для государства класс мелких, лично трудящихся землевладельцев может устойчиво существовать и развиваться лишь при том условии, если принадлежащие его представителям земли, с одной стороны, не будут сливаться в крупные владения, а с другой — не будут дробиться... на слишком мелкие участки, не обеспечивающие хозяйственного быта их собственников». На этом основании Главное управление высказывалось за сохранение за отрубам характер наделных земель и заявляло, что, кроме ограничения скуки, «для полной и всесторонней охраны мелкого землевладения потребуются и другие законодательные постановления».³⁷

Сразу после принятия закона 29 мая 1911 г. о землеустройстве Главное управление земледелия начало разрабатывать законопроект «О мерах к предупреждению дробления мелкой земельной собственности, образованной при содействии правительства». Отмечая, что «единичные владе-

ния из наделных земель ныне уже стоят на той грани, за которой начинаются хозяйства измельченного типа», и дальнейшее развитие этого процесса скоро проявится «во всем своем грозном значении для будущности земельной реформы», авторы проекта предлагали создать систему, по которой участки переходили бы к одному наследнику, выплачивающему остальным их долю деньгами, и установить «пределом дробимости» хуторов и отрубов в основных губерниях Европейской России 5—10 десятин.³⁸ К категории недробимых предлагалось отнести, таким образом, «средние крестьянские участки».³⁹

Меры по регулированию крестьянского землевладения (и предельная норма скуки, и предельная норма дробимости) преследовали цель создать «слой *привилегированных* мелких буржуа, самых заскоружлых и тупых врагов прогресса».⁴⁰ Но попытки создания такого слоя были заранее обречены на неудачу, ибо всякое ограничение мобилизации крестьянских земель — мера «иселеная, неспособная остановить капитализм и только ухудшающая положение массы, затрудняющая ей жизнь, заставляющая пускаться на обход закона».⁴¹ Еще не успев создать крестьянина-собственника, царизм уже планировал ограничение его права распоряжаться своей собственностью, стремился насадить не просто «крепкого крестьянина», а в некотором роде крестьянина, «крепкого земле». Столыпинская реформа, одной рукой открывавшая путь капитализму в сельское хозяйство, а другой пытавшаяся его закрыть, преследовавшая цель создать и законсервировать мелкого земельного собственника, была очередной и последней реакционной утопией царизма в аграрном вопросе.

«Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики, — подчеркнул В. И. Ленин, — имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики».⁴² Не меняя общей закономерности и направления развития революционного процесса в стране, успех или неуспех столыпинской аграрной политики влиял на конкретные формы проявления и темпы этого процесса и, следовательно, на формы проявления и темпы развития определяемого революционным процессом кризиса самодержавия. Поэтому рассмотрению событий, связанных с отражением кризиса самодержавия во внутренней политике царизма и в столкновениях господствующих классов в третьеновский период следует предпослать анализ итогов столыпинской аграрной реформы. При этом следует различать объективные последствия реформы и цели, преследовавшиеся царизмом.

Столыпинская реформа оказала большое влияние на развитие буржуазных отношений в деревне и на классовую дифференциацию внутри крестьянства. Прежде всего она привела к выходу из общины значительной части крестьян. Всего за период 1907—1915 гг. на основании указа

³³ Там же, л. 13.

³⁴ Особый журнал Совета министров 21 янв. 1907 г. (Высочайше утвержден 7 апреля 1907 г.). — Там же, л. 176.

³⁵ Труды 3-го съезда уполномоченных..., с. 211.

³⁶ ЦГА СССР, ф. 1291, оп. 120, 1908, д. 116, л. 2—15.

³⁷ Представление ГУЗиЗ в Гос. думу 12 дек. 1908 г. — Там же, д. 119, л. 3.

³⁸ Там же, 1912, д. 34, л. 2—7, 150—156.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 403.

⁴⁰ Там же, с. 407.

⁴¹ Там же, с. 406—407.

⁴² Там же, т. 16, с. 423.

9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. вышло из общины и укрепило свои земли в личную собственность 2008432 домохозяина. Кроме того, 469,8 тыс. членов общин, в которых с 1861 г. не производилось переделов, получали удостоверительные акты на свои земли, что было равносильно их укреплению в собственность. Всего, таким образом, из общины вышло 26,1% крестьян. Эти общепринятые цифры нуждаются, однако, в комментариях.

С одной стороны, они завышают процент вышедших из общины, ибо этот процент по традиции исчисляется и количеству дворов в 1905 г., а с тех пор это количество выросло за счет дальнейшего дробления. В 1916 г. в губерниях, где была проведена сельскохозяйственная перепись, насчитывалось 13,86 млн. хозяйств крестьянского типа.⁴³ Если к ним добавить сведения на 1905 г. по губерниям, по которым отсутствуют данные 1916 г., общее число крестьянских дворов достигнет 15,3 млн. Считая, что прирост (24%) был одинаковым для общинного и подворного крестьянства, мы получим общее число хозяйств на общинной и бывшей общинной земле в 11,8 млн. К этой цифре вышедшие из общины составили бы 21%, но уже с преуменьшением, так как процесс дробления хозяйств продолжался и после выхода.

С другой стороны, подсчеты произведены ко всему числу общин, включая и те, в которых передел не производился с 1861 г. и из которых не нужно было выходить, а достаточно было взять удостоверительный акт. Число дворов в таких общинах было очень значительно. По утверждению МВД оно достигало 3,5 млн., но МВД было заинтересовано в преувеличении, ибо стремилось доказать, что община уже фактически отмерла и правительство не совершает над ней никакого насилия. Обследование, проведенное в 1897—1904 гг. К. Р. Качоровским на материале, охватывавшем почти половину общинных хозяйств, показало, что беспеределные общины включали в себя 29,3% дворов,⁴⁴ или в пересчете к данным 1905 г. 2,78 млн. Эту цифру следует, видимо, считать минимальной, ибо Качоровский был горячим сторонником общины и старался доказать ее жизнеспособность. В таком случае доля вышедших из общин, производивших переделы, составит 30%, а взявших удостоверительные акты в беспеределных общинах 16,9%. Это, очевидно, объясняется тем, что из общины, не покушавшейся на изменение наделов, не было необходимости выходить для тех, кто имел излишки земли, а пролетаризованные элементы в таких общинах, вероятно, уже раньше утратили с ними связь.

Выход из общины происходил в условиях острой борьбы и сопротивления крестьян-общинников. Нажим властей имел место уже на уровне деревенского схода, тем не менее лишь 26,6% вышедших из общины получили согласие схода, тогда как 73,4% укрепили земли в собственность против воли односельчан.⁴⁵ Эта средняя для Европейской России цифра сильно колеблется в отдельных губерниях, отражая различное отношение крестьян к общине.

⁴³ Подсчитано по: Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи. Пг., 1916, вып. 1, с. 2, 18, 34, 50, 66, 82, 98.

⁴⁴ Качоровский К. Р. Народное право. М., 1906, с. 69, 72.

⁴⁵ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 581.

Выделение земель к одному месту без их предварительного укрепления в собственность было по закону 29 мая 1911 г. равносильно выходу из общины. Однако все крестьянские дворы, землеустроенные на основании этого закона (1 221 509), нельзя механически прибавлять к числу вышедших путем предварительного укрепления чересполосных земель, ибо часть последних затем также прибегла к закону 29 мая для сведения чересполосных участков в отруба. К сожалению, определить число таких дворов не представляется возможным. За период 1907—1910 гг. выделили свои участки 68 979 дворов, предварительно вышедших из общины.⁴⁶ За последующие годы сведения такого рода отсутствуют. Общая цифра землеустроенных против воли общины составляет 359 512,⁴⁷ но она включает в себя и не проходивших предварительного укрепления. Тем не менее во избежание двойного счета приходится при определении общего числа вышедших из общины не учитывать всю эту группу. Среди разверставшихся в составе полных селений были не только общинники, но и подворники, причем соотношение этих двух групп может быть установлено лишь приблизительно, в той пропорции, в какой они находились по данным на 1 января 1911 г.⁴⁸ В таком случае на долю общинников приходится примерно 606 тыс. дворов. В результате общее число вышедших из общины (укрепивших чересполосные наделы, получивших удостоверительные акты и землеустроившихся без предварительного укрепления полос) составит 3084 тыс. дворов или 32,5% к числу общинников по данным 1905 г., а с учетом продолжавшейся парцелляции хозяйств — примерно 26%.

Учитывая сделанные выше оговорки, эту цифру следует считать скорее минимальной. Однако подсчеты, приводимые обычно в советской литературе, представляются нам безусловно завышенными. Эти подсчеты либо допускают механическое суммирование вышедших из общины и единолично землеустроенных по закону 29 мая 1911 г.,⁴⁹ либо основываются на данных Н. И. Огановского,⁵⁰ который складывал реально вышедших из общины и всех членов таких беспеределных общин, в которой хотя бы один человек взял удостоверительный акт (поскольку правительство рассматривало такие общины как целиком перешедшие к участковому землевладению). Число дворов в этих общинах (2 млн.) определено Н. И. Огановским сугубо приблизительно.⁵¹ Но крестьяне, не давшие удостоверительных актов (а они в этих общинах составляли 3/4), кем бы ни считало их правительство, сами себя явно считали общинниками и, кроме того, юридически без актов на владение землей не могли распоряжаться ею на правах собственности.

⁴⁶ Землеустройство (1907—1910 гг.). СПб., 1911, с. 44.

⁴⁷ Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 янв. 1916 г. Пг., 1916, с. 14 (1-я pag.), 10—13 (3-я pag.).

⁴⁸ К 1 января 1911 г. на подворников приходилось 29,7% домохозяев из полностью разверставших селений. Подсчитано по: Землеустройство (1907—1910), с. 44.

⁴⁹ Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1966, кн. 1, с. 97.

⁵⁰ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974, т. 1, с. 210; Наякин К. Я. Крестьянский вопрос в трудах В. И. Ленина. Куйбышев, 1974, с. 132.

⁵¹ Огановский Н. И. Революция и оборот (Разрушение общины). Пг., 1917, с. 98—99.

Таким образом, несмотря на усиленный нажим на общину, из нее вышло вряд ли больше $\frac{1}{3}$ домохозяев. Столыпинская реформа способствовала выходу из общины тех элементов, которые действительно тяготелись пребыванием в ней, форсировала ломку общины в районах, где она уже и без того отмирала, но не смогла уничтожить общину как институт там, где большинство крестьян было заинтересовано в ее сохранении.

Для оценки социально-экономического смысла выхода из общины первостепенную важность представляют мотивы выхода. Сколько-нибудь массовые материалы, дающие ответ на этот вопрос, отсутствуют. Однако все частичные обследования в различных регионах показывают, что из общины выходили элементы, находившиеся на противоположных полюсах деревни — наиболее зажиточные домохозяева, располагавшие земельными излишками и стремившиеся их удержать, и беднота, собиравшаяся продавать свои наделы. Значительная часть выходявших уже практически не вела хозяйства. В целом следует признать правильным вывод известного дореволюционного исследователя И. В. Мозжухина о том, что при выходе из общины желание продать землю было более сильным побудительным мотивом, чем желание укрепить излишки.⁵² Этот вывод подкрепляется и следующими цифрами: из 1 478 269 домохозяев, укрепивших до 1 января 1911 г. свои участки, успело продать землю (полностью или частично) более 210 тыс.,⁵³ а выделило к одному месту, как уже указывалось, всего 65 979. Сравнение доли укрепивших наделы в общей массе общинников и доли принадлежавшей им земли показывает, что среди выходявших из общины преобладала беднота.

Причина, по которой богатые крестьяне были в меньшинстве среди выходящих из общины, проста: зажиточное крестьянство вообще составляло в деревне «ничтожное меньшинство».⁵⁴ Кроме того, у деревенской буржуазии были и основания не торопиться с выходом. Полный распад общины лишил деревенскую буржуазию возможности использовать общественные выгоны, затруднял аренду бедняцких наделов и наем батраков (в случае ухода обезземеливавшихся в города), а расселение на хутора требовало переноса хозяйственных построек и приусадебных участков.⁵⁵

Однако желание укрепить земельные излишки, перспектива скупки земель односельчан и агротехнические преимущества сведения земли к одному месту все же побуждали значительную часть многоземельных

⁵² Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. Очерки реформы крестьянского землеустройства. М., 1917, с. 37. С. М. Дубровский в соответствующем разделе своей книги смешивает мотивы выхода из общины и выдела земель к одному месту, хотя они, естественно, не совпадают.

⁵³ В 1908—1909 гг. продали землю 123 640 человек, включая владельцев поделных участков. Поскольку в годы, когда последних учитывали отдельно, они составляли 17,3% продавцов, мы вычли соответствующее число из продавцов 1908—1909 гг. В 1910 г. продали землю 111 048 общинников. Вместе это составляет около 213 100 человек (Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России... СПб., 1910, вып. 24, с. 228; 1911, вып. 25, с. 374; 1912, вып. 26, с. 384—385). Данных о продаже за 1907 г. нет, но они и не могут быть сколько-нибудь значительными.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 381.

⁵⁵ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 227—228.

крестьян к выделу, причем по материалам И. В. Мозжухина в Богородицком уезде из числа подавших просьбу о выделе 51,9% исходили из стремления сохранить излишки земли и лишь 22,8% руководствовались экономическими преимуществами отрубного хозяйства.⁵⁶ И при выделе намерение продать землю было существенным мотивом, оказывавшим влияние на действия низших слоев деревни (сведенная к одному месту земля стоила дороже), что сказывалось на общих данных о землеустройстве выделяющихся. Но в целом земельные наделы выделяющихся были несколько больше среднего и, следовательно, зажиточные крестьяне составляли среди них большую долю, чем среди выходящих из общины без выдела.

Водное, хотя и второстепенное, место в столыпинской аграрной политике занимала деятельность Крестьянского поземельного банка, должжествовавшая продемонстрировать готовность правительства принять меры к увеличению крестьянского земельного обеспечения. Всего за 1907—1915 гг. на фонда банка и при его посредничестве было продано 3736 тыс. десятин, разделенных на 270 340 хуторских и отрубных участков.⁵⁷

Основная масса земельного фонда Крестьянского банка образовалась из имений, проданных ему главным образом в годы и сразу после революции 1905—1907 гг. помещикам, в панике бежавшим из деревни. Выступая в качестве защитника классовых интересов помещиков, банк не только не воспользовался случаем для покупки земель по более дешевым ценам, но сам сознательно вздувал цены за имения. Естественно, что продажа крестьянам земли по завышенным ценам оказывалась возможной лишь при предоставлении им банком ссуды (на кабальных условиях) в размере 90—95% цены приобретаемых участков. Предоставляя эту ссуду, банк требовал оплаты оставшейся суммы, вли в этом свидетельстве наличия у покупателя определенных средств и желания вести хуторское хозяйство, а также средства и желание имелись чаще у представителей крестьянской буржуазии.

Правда, данные о средних размерах проданных Крестьянским банком участков (14,6 десятины собственной банковской земли и 11,6 десятины при посредстве банка) говорят о том, что и в составе его покупателей преобладали представители низших слоев деревни, покупавшие не от избытка средств, а от нехватки земли, залезая ради этого в неоплатные долги. Об этом же говорит и сведения банка об обеспеченности земель его покупателей до момента покупки,⁵⁸ хотя современники реформы констатировали, что так называемые безземельные покупатели Крестьянского банка часто были наравне с людьми состоятельными — деревенскими

⁵⁶ Мозжухин И. В. Указ. соч., с. 155.

⁵⁷ Сидельников С. М. Указ. соч., с. 173, 178. В указанной монографии С. М. Дубровского (с. 252) приводятся другие, значительно большие цифры, но это объясняется тем, что Дубровский использует сведения о юридически еще не завершенных сделках. Приведенные цифры говорят о продажах посредством ссуд Крестьянского банка. Кроме того, за наличный расчет из банковского фонда было продано 173 489 десятин, что, судя по средним размерам продававшихся участков, должно было дать еще 10—15 тыс. владельцев.

⁵⁸ Сидельников С. М. Указ. соч., с. 176.

торговцами, выходящими из крестьян, скопившими деньги службой или посторонними заработками.⁵⁹ В какой-то мере это могло касаться и мало-земельных покупателей, поскольку нередким мотивом продажи укрепленных участков было желание купить землю в другом месте и «мало-земелью» такого покупателя, успевшего продать часть надела, было явлением временным.

Если указанное выше различие в земельном обеспечении выходящих из общины без выдела и выделяющихся на отруб отражало уже существовавшую дифференциацию среди крестьян, то происходивший в ходе осуществления столыпинской реформы процесс мобилизации земли усиливал эту дифференциацию.

Всего за период 1907—1915 гг. 1.2 млн. крестьян продали 4.15 млн. десятин наделной (бывшей общинной или подворной) земли.⁶⁰ Уже из сопоставления числа продаж и площади земель, на которые распространялись сделки, видно, что продавцами выступали прежде всего мало-земельные крестьяне. Средний размер проданного участка при этом уменьшился с 6.6 десятины в 1907 г. до 3.2 десятины в 1915 г. Этот вывод подтверждается региональными исследованиями и данными анкеты МВД за 1914 г., согласно которым из общей массы продавцов чересполосных земель 79.1% продавших весь надел и 52.8% — часть его составляли домохозяева, имевшие менее 5 десятин, а среди продавцов хуторской и отрубной земли соответственно 62.0% и 39.8%.⁶¹ При этом среди продавцов как чересполосных, так и участковых земель половина приходилась на уступивших весь свой надел.

Мотивы и последствия продажи были самыми различными. Для их характеристики огромный интерес представляют материалы анкеты МВД за 1914 г., введенные в научный оборот М. С. Симоновой.⁶² В целом по Европейской России продавцы 25.1% чересполосных и 24.5% участковых земель (далее процент последних будет указываться в скобках) уже не занимались сельским хозяйством. В центрально-промышленном районе их доля была гораздо выше — 47.2 (32.3)%. Иными словами, оформление их доля была гораздо выше — 47.2 (32.3)%. Иными словами, оформление уже произошедшего разрыва с землей было одним из важнейших мотивов продажи, касавшимся, разумеется, прежде всего тех, чьи заброшенные или сданные в аренду односельчанам наделы были невелики. Из занимавшихся ранее сельским хозяйством 3.2 (2.8)% продали землю «ввиду обеспеченности службой или промыслом», т. е. тоже порвали с земледелием. Переселение в Сибирь было целью 17.6 (17.5)% продавцов с большой амплитудой колебаний по губерниям, достигая наибольшей высоты (29.7%) у отрубников черноземного центра, где отруба были так малы, что не давали возможности закрепиться на них. Но следует помнить, что к 1914 г. волна наиболее массового переселения уже прошла и данные за этот год не характерны для предшествующих.

⁵⁹ Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912, с. 172.

⁶⁰ Сидельников С. М. Указ. соч., с. 150. Данные за 1908 г. исправлены по: Сб. статист. сведений Министерства юстиции..., вып. 24, с. 228.

⁶¹ Симонова М. С. Мобилизация крестьянской наделной земли в период столыпинской аграрной реформы. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. М., 1962, сб. 5, с. 428—438.

⁶² Приводимые ниже цифры см.: там же, с. 452.

Видное место занимала продажа для покупки другой земли или для улучшения хозяйства. Этими мотивами руководствовались 24.6 (29.3)% продавцов, причем наиболее часто в северо-западных — 40.6 (40.0)%, западных — 30.7 (38.5)% и юго-западных — 34.4 (37.8)% — губерниях и несколько в меньшей степени в левобережных малороссийских — 27.0 (32.7)%. «Другой землей», которую покупали эти домохозяева, очевидно часто должна была быть земля Крестьянского банка.

Сигналами бедственного положения крестьян являются продажи «ввиду недостатка рабочих рук» — 20.9 (16.7)%, особенно распространенные в северном, приуральском и центрально-промышленном регионах, но достаточно частые и в черноземных губерниях. Как справедливо отмечает М. С. Симонова, «нехватка рук» в черноземном центре — районе аграрного перенаселения — была признаком крайней пауперизации бедняцких хозяйств, которые лишались рабочих рук из-за того, что нищенские наделы не могли прокормить крестьян и те уходили на заработки.⁶³ Последующая продажа таких хозяйств превращала пауперизацию в пролетаризацию. Упадок хозяйства как причина продажи был зарегистрирован в целом в 14.0 (13.9)% случаев, но был значительно выше в губерниях Нижнего Поволжья — 32.9 (24.3)% и степного юга — 24.5 (22.6)%. Конкуренция в районе товарного зернового производства была настолько остра, что здесь хозяйства, сравнительно лучше обеспеченные землей, тоже оказывались неустойчивыми. Среди продавших всю землю в Нижнем Поволжье от 5 до 15 десятин имели 46.7 (56.3)% и свыше 15 десятин — 7.1 (12.4)% хозяйств, а в южных степных губерниях соответственно 18.7 (40.0)% и 2.9 (13.5)%. В особенно тяжелом положении оказывались отрубники и хуторяне, сившиеся с насиженных мест и не приспособившиеся к новым условиям ведения хозяйства.

Продажа земель бедняцкими элементами вела к ее концентрации в руках деревенской верхушки. Мы не можем согласиться с мнением М. С. Симоновой, будто данные о мобилизации наделных земель свидетельствуют об их парцелляции, а не концентрации. Для обоснования этой точки зрения М. С. Симонова сравнивает число «сделок» в 1914 г. по статистике Министерства юстиции (228 003) с числом «продавцов» по анкете МВД (117 888) и делает вывод, что, поскольку продавцов меньше, чем сделок, налицо дробление наделов.⁶⁴ Этот вывод представляется нам неудачным. Во-первых, недоказуемо, что в сделках покупателями каждый раз выступали разные лица, и потому числа сделок ничего не говорят о числе покупателей. Во-вторых, хотя анкета МВД пользуется термином «продавцы», она имеет в виду сделки по продаже, так как алфавита продавцов, суммирующего все продажи и покупки одним лицом, не существовало. Разница цифр объясняется неполнотой анкеты, ибо, очевидно, не все сделки поддавались обработке по принятой для анкеты форме из-за отсутствия необходимых сведений. В ней отсутствуют также данные по двум губерниям, в том числе Саратовской, где оборот земель был очень значителен. Уже после опубликования части материалов анкеты земский отдел МВД подвел итоги продажи наделных земель в 1914 г.,

⁶³ Там же, с. 412.

⁶⁴ Там же, с. 406.

прида в цифре, очень близкой к статистике Министерства юстиции. Итоги эти подведены по количеству «сделок»,⁶⁵ Наполеи, и это самое главное, данные анкеты МВД говорят как раз об активном процессе концентрации земель. Из 117 888 продавцов (1/10 всех продаж за период столыпинской реформы) 1/4, как уже отмечалось, продали землю, поскольку уже перестали заниматься сельским хозяйством. Из числа продолжавших заниматься им 28.7% владельцев чересполосных и 52.9% владельцев отрубных и хуторских земель продавали их по причинам, тоже означавшим полное или частичное вытеснение с земли. Не случайно из указанных 117 888 продавцов 49.5% полностью продали землю.

Таким образом, данные анкеты МВД подтверждают вывод, сделанный В. И. Лениным на основании опубликованных МВД летом 1913 г. выборочных сведений по материалам обследования, произведенного в четырех губерниях — Витебской, Пермской, Ставропольской и Самарской (Николаевский уезд). Это обследование охватывало 108 тыс. дворов, укрепивших свои наделы к 1 января 1912 г., из которых 27.5 тыс. продали землю. Анализируя данные МВД, В. И. Ленин писал: «...обезземельняется и разоряется, как мы видим, громаднейшая масса продающих землю... продают землю преимущественно малоземельные... Сосредоточение земли идет в громадных размерах».⁶⁶

К сожалению, массовые статистические материалы о покупателях земли отсутствуют, по свидетельствам современников реформы и результаты частичных обследований говорят о том, что крестьянские наделы переходили в руки деревенской верхушки, причем выделялась даже специальная категория людей, «занимающихся, — по признанию А. И. Лыкошина, — профессиональной скупкой».⁶⁷ Запросы губернаторов в МВД также свидетельствовали о скупке земли деревенской буржуазией, преимущественно местной. Покупателями наделов по наблюдениям «Нового времени» становились также «волостные старшины, волостные писаря и лица, близко стоящие к волостной власти».⁶⁸ Показательно при этом, что лица, не имевшие земли, редко выступали в качестве ее покупателей. По данным обследования в Самарском уезде Самарской губернии, «беспосевные» составили 3.2% покупателей с 2.4% купленной земли, а имевшие свыше 9 десятин — 76.4% покупателей и 85.5% земли.⁶⁹ Точно так же в трех волостях Тульской губернии, по данным И. В. Мозикухина, средняя площадь прикупленной земли увеличивалась в прямой зависимости от размеров прежнего землевладения покупателей с 1.25 десятины у имевших ранее до 6 десятин к 6.64 десятины у имевших свыше 20 десятин.⁷⁰ Эти обследования охватывали незначительные группы хозяйств. Более массовое обследование в Самарском уезде, проведенное в 1912 г., тоже дает возрастание прикупленной земли от 0.2 до 16.3 десятины в хозяйствах менее 3 и свыше 30 десятин и возрастание процента хозяйств, имеющих купленную землю в тех же категориях, соответ-

ственно с 5.3 до 46.2%.⁷¹ По наблюдениям М. С. Симоновой в четырех губерниях черноземного центра преобладающее число продаж приходилось на крестьянские дворы площадью до 15 десятин, а покупок — свыше 25 десятин.⁷² Таким образом, есть достаточно оснований утверждать, что подавляющая часть 4.15 млн. десятин наделной земли, проданной за годы столыпинской реформы, перешла не к владельцам, впервые севшим на землю, а в основном к сельской буржуазии, существенно увеличив концентрацию земли в ее руках.

Концентрация земли в руках деревенской буржуазии сопровождалась непрекращающейся парцелляцией за счет семейных разделов, благодаря чему общее число дворов увеличивалось. Это отражалось на статистических данных, которые при более быстром абсолютном росте крайних — бедняцких и зажиточных групп крестьян по сравнению с середняками нередко показывали все же падение процента зажиточных хозяйств в общем итоге, поскольку быстрее всего увеличивалось число хозяйств бедняцких. На этом основании С. М. Дубровский считал использование данных об удельном весе деревенской буржуазии «неправильным приемом статистического исчисления» и настаивал на оперировании только абсолютными цифрами «увеличения верхов деревни».⁷³ Нам представляется, что такая позиция С. М. Дубровского неправомерна. Всякий процесс капиталистической концентрации характеризуется именно тем, что все большая масса средств производства (в данном случае — земли) сосредоточивается в руках все меньшего в процентном отношении (а иногда и в абсолютных цифрах) числа владельцев этих средств производства. Точно так же неправомерно использование С. М. Дубровским для характеристики структуры крестьянства цифр, приведенных В. И. Лениным в августе 1918 г. Говоря, что из примерно 15 млн. крестьянских дворов «едва ли больше 2-х миллионов кулачки, богатеев, спекулянтов хлебом» (сама конструкция «едва ли больше» показывает, что В. И. Ленин считал цифру в 2 млн. скорее завышенной), В. И. Ленин продолжал (по эти его слова С. М. Дубровский не цитировал): «Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих... Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалит бедных крестьян».⁷⁴ Переносить структуру крестьянства, сложившуюся уже после и в результате мировой войны и раздела помещичьих земель, на более ранний период, и утверждать, что кулачество уже в предвоенные годы составляло 13.3% крестьян, недопустимо. Для правильного понимания ленинской оценки столыпинской реформы и ее итогов необходимо обращаться к работам В. И. Ленина, специально посвященным этой проблеме.

Концентрация земли у деревенской буржуазии и пауперизация и пролетаризация крестьянских масс усиливали классовое расслоение в деревне. Уже процесс землеустройства подчеркивал эту тенденцию, ибо, как отмечалось выше, у выделившихся на хутора и отруба земельные

⁶⁵ Известия земского отдела МВД, 1916, № 1, с. 34—35.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 358.

⁶⁷ Цит. по Дубровский С. М. Указ. соч., с. 376.

⁶⁸ Там же, с. 378.

⁶⁹ Мозикухин И. В. Указ. соч., с. 143.

⁷⁰ Там же, с. 123.

⁷¹ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 470.

⁷² Симонова М. С. Экономические итоги столыпинской аграрной политики в центрально-черноземных губерниях. — Исторические записки, 1958, т. 63, с. 40.

⁷³ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 458, 460.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40—41.

наделы в среднем были все же больше, чем у остающихся в общине. Так же обстояло дело и с рабочим скотом.

Экономические преимущества участкового землевладения проявлялись постепенно у тех зажиточных крестьян, которые сумели удержаться на хуторах и наладить новую систему хозяйства. Это означало увеличение использования сельскохозяйственных орудий, по данным И. В. Мозжухина, с 63.2 р. (в пересчете на денежную стоимость) в момент выдела до 104 р. во время обследования у хуторян и с 27.2 до 47.9 р. у отрубников.⁷⁵ Число сельскохозяйственных орудий с момента землеустройства выросло к 1913 г. и в участковых хозяйствах 12 уездов, подвергшихся правительственному обследованию. Орудия и рабочий скот стали использоваться более рационально. Так, например, в Тамбовской губернии участковые хозяйства имели по сравнению с общинными больше лошадей на двор, но меньше в пересчете на десятину посева, поскольку сведение земли к одному месту сокращало непроизводительное использование лошадей.⁷⁶ Более интенсивное использование живого и мертвого инвентаря становилось возможным благодаря более широкому применению наемного труда. Доля хозяйств, применявших наемных работников, выросла в обследованных в 1913 г. 12 уездах на 11—98% (по большей части на 25—50%).

Говоря о дифференциации крестьянства, необходимо помнить, что реальная сила деревенских верхов была значительно больше, чем можно судить только по размерам их наделного землевладения (чересполосного или землеустроенного). Еще до столыпинской реформы, как показал В. И. Ленин, неравномерность обеспечения наделными землями усугублялась еще большей неравномерностью распределения купленных земель. «... Самое обеспеченное наделной землей зажиточное крестьянство, — отмечал при этом В. И. Ленин, — ...переносит центр тяжести земельного хозяйства с наделной земли на *вненаделную*!».⁷⁷

Эта тенденция стала еще более отчетливой в итоге столыпинской политики. Так, в 1913 г. в Симбирской губернии было проведено бюджетное обследование 225 хозяйств (участковых и общинных), причем выяснялась и структура их землепользования. Обследование показало, что наиболее богатые категории крестьян-общинников также хозяйничали уже не столько на наделных, сколько на купленных или арендованных землях, но по разным причинам не торопились выйти из общины. Но в целом за счет малоземельных групп у общинников доля наделной земли была выше, чем купленной. Иное положение наблюдалось в участковом землевладении, где в целом лишь 8.7% удобной земли падало на наделы, а 83% — на купленную землю. Это соотношение стало бы еще более резким, если исключить из итогов хутора и отруба, имевшие до 6 десятин. В этой группе наделные земли составляли 23.2%,⁷⁸ и в нее

явно входили землеустроенные бедняки из полностью размежеванных общин, у которых не было средств для приобретения дополнительной пашни. Напротив, в группах от 6 до 10 десятин явно преобладали покупатели Крестьянского банка, расставшиеся ради этого со своими прежними наделами. Наконец, у наиболее многоземельных, на чью долю приходилась основная часть купленных и особенно арендованных земель, возрастает и роль наделных участков. Это, как справедливо отмечал С. М. Дубровский, «показывает, что сила и мощь хозяйств хуторян (мы бы только сказали: верхушки хуторян, — В. Д.) сложились еще на наделном землевладении».⁷⁹ Это наблюдение подтверждают и материалы Тамбовской губернии, где среди 412 опрошенных хуторян и отрубников на банковских землях 126 имели и бывшие общинные наделы, причем у 33 из них эти наделы были больше среднегубернских.⁸⁰

Среди хуторов и отрубов Симбирской губернии очень высок процент образованных на банковской земле, поэтому соотношение наделных и купленных земель в структуре крестьянских дворов, конечно, отличается от среднероссийского, но большая концентрация вненаделных земель в участковых хозяйствах хорошо видна и в данных, приводимых И. В. Мозжухиным по Богородицкому уезду Тульской губернии. Если в целом по уезду наделы составляли 81.2% крестьянских земель, то у отрубников их доля падала до 63.7%, а у хуторян до 34.1%.⁸¹

Концентрация земли сочеталась с концентрацией других средств производства и наемного труда.

Если на одном полюсе деревни происходила концентрация земли, сельскохозяйственных орудий и капитала, то на другом ее полюсе концентрировалась нищета. Результатом был все ускорявшийся процесс вытеснения разорившихся крестьян из деревни. Кроме окончательно разорившихся с сельским хозяйством, все большее число крестьян, еще сохранив связь с землей, основные средства к существованию получали за счет заработка в городе, на транспорте или в качестве батраков с наделом в помещичьих и кулацких хозяйствах. По подсчетам П. Н. Першина 61.8% крестьянских хозяйств выделяли на «промыслы» (т. е. на работу по найму) 19.4% членов своих семей.⁸² С 4906 по 1913 г. приток населения из деревни в город составил 4138.5 тыс. человек.⁸³

Дальнейшее развитие буржуазных отношений в деревне в годы столыпинской реформы не привело, однако, к созданию той массовой опоры в лице консервативного мелкобуржуазного «крепкого» крестьянства, которую хотел получить царизм.

Общее число владельцев хуторов и отрубов в результате столыпинской реформы несколько превысило 1.5 млн. — 1 221 509 землеустроенных на наделных землях, 270 340 купивших землю у Крестьянского банка или при его посредничестве с помощью ссуд (и еще 10—15 тыс. за наличные) и 13 251 — на казенных землях. Это составляло 12.2% от всей

⁷⁵ Мозжухин И. В. Указ. соч., с. 223.

⁷⁶ Хутора и отруба в Тамбовской губернии (Результаты обследования 1912 г.). Тамбов, 1913, с. 33.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 96.

⁷⁸ Подсчитано по: Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 г.). Симбирск, 1916, с. 193—194.

⁷⁹ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 261.

⁸⁰ Хутора и отруба в Тамбовской губернии, с. 16.

⁸¹ Мозжухин И. В. Указ. соч., с. 201—202.

⁸² Першин П. Н. Аграрная революция в России, кн. 1, с. 125.

⁸³ Анфилов А. М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России. — Вопросы истории, 1965, № 7, с. 69.

массы крестьян (общинников и подворников) в 1905 г. и 10% от числа крестьянских дворов на 1916 г.

Хотя главной целью столыпинской реформы было создание хуторских хозяйств, правительству в ходе ее проведения пришлось расписаться в неосуществимости этой цели и довольствоваться отрубным размежеванием. Во-первых, размежевание общинных и нарезка банковских земель хуторскими участками в ряде губерний (особенно — юго-восточных) либо оказывались невозможными из-за нехватки источников воды для каждого участка, либо требовали таких средств на водоустроительные работы, которыми ведомство земледелия не располагало. Во-вторых, выселение на хутора, т. е. затрата денег и на приобретение участка, и на перенос туда хозяйственных построек, было непосильным для большинства покупателей банковских земель. В-третьих, и для зажиточных крестьян часто оказывалось выгоднее свести свои земли в отруб, по остаться в деревне и продолжать пользоваться общим выпасом, лугом и водоемом. Если такой крестьянин покупал еще и банковскую землю, он и ее превращал в отруб, обрабатываемый наемным трудом.⁸⁴ В итоге на наделных землях из общего числа землеустроенных участков на хутора приходилось лишь около 10%,⁸⁵ т. е. примерно 122 тыс. На банковских землях хутора составляли, согласно отчету за 1911 г., 25%.⁸⁶ По данным отчета за 1915 г., на хутора было нарезано 29,8% земель, проданных отдельным лицам.⁸⁷ Учитывая, что хуторские участки были крупнее отрубных, можно считать долю хуторских хозяйств не уменьшившейся по сравнению с 1911 г. Это означает, что число хуторов на банковской и казенной земле равнялось примерно 75 тыс., а всего за время столыпинской реформы из созданных 1,5 млн. участковых хозяйств максимум 200 тыс. были хуторами, причем многие из них лишь числились таковыми, тогда как практически их хозяева продолжали жить в деревне.⁸⁸ Если учесть, что до начала столыпинской реформы в Европейской России (не считая польских и прибалтийских губерний) насчитывалось до 100 тыс. хуторов,⁸⁹ то результаты мер по форсированному, часто насильственному насаждению хуторской системы землевладения выглядят более, чем скромными.

Сделанные выше подсчеты приводят и еще к одному выводу. Из общей массы 15 млн. дворов в 1916 г. на старые и новые хутора приходилось 300 тыс., или 2%, на новые отруба приблизительно 1,3 млн., или 8,7%, причем большинство новых единоличных владельцев состояло из бедняков (см. ниже). Следовательно, значительная часть деревенской буржуазии не воспользовалась столыпинской реформой, хозяйничая либо

на отрубях более раннего происхождения, не оформленных как личная собственность, либо на чересполосных наделах внутри общины (и прикупленных землях). Разумеется, крестьянская буржуазия, и оставаясь внутри общины, все больше выделялась из массы крестьянства в социальном плане и выступала эксплуататором по отношению к деревенской бедноте, но ее позиция по отношению к реформе замедляла ту ломку общины, на которую делало ставку правительство. При этом важно отметить, что еще до начала мировой войны пошло на убыль число подающих заявления о выходе из общины (с 1911 г.), покупавших землю Крестьянского банка (с 1912 г.) и даже просивших о землеустройстве (с 1913 г.). Таким образом, хотя война, конечно, оборвала еще не завершённый процесс, до войны и вне связи с войной уже наметилась тенденция к исчерпанию контингента крестьян, желавших воспользоваться любой из форм выхода из общины и создания единоличного участкового хозяйства, предоставленного столыпинской реформой. Для ее дальнейшего осуществления потребовались бы новые формы насилия над крестьянами, которые еще больше обострили бы социальные конфликты в деревне.

Но главное заключалось в другом: участковые владения, как на наделной, так и на банковской земле, вовсе не представляли собой однородную массу «крепких хозяйств».

В первое время после выделения участковые хозяйства вообще не отличались большей экономической прочностью, чем чересполосные, ибо на них еще надо было налаживать новую систему земледелия и животноводства. Больше того, все обследования показывали, что землеустройство сначала отрицательно сказывалось на количестве имеющегося у крестьян скота, так как выходящие на хутора лишались общинных выпасов, а нередко это относилось и к отрубникам, особенно выделившимся против воли односельчан. И если на крупных хуторах их владельцы затем налаживали пастбище на собственной земле или стойловое содержание скота, то мелким хуторникам и отрубникам это оказывалось не под силу. По наблюдениям И. В. Мозжухина количество скота некоторое время спустя после выдела увеличивалось по сравнению с периодом, предшествовавшим выделу, только при размере хутора более 20 десятин, тогда как у остальных уменьшалось. У отрубников после выдела вдвое увеличивался процент хозяйства без коров и более чем в полтора раза — без лошадей.⁹⁰ Число овец падало во всех выделившихся хозяйствах.

Тяжелым бременем ложилась также на выделившиеся хозяйства задолженность, особенно — Крестьянскому банку. Средняя задолженность хуторян составляла 1567 р., а отрубников — 408 р.⁹¹ Платежи за приобретенные земли достигали в Сибирской губернии 25% и более денежных расходов крестьянских хозяйств.⁹² При этом ссуды при переселении на банковские земли даже по признанию землеустроительных властей «лишь в малой степени могли помочь хуторянам», так как покрывали не более трети расходов на постройки, не говоря уже о приобретении живого и

⁸⁴ Гребнев А. М. Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959, с. 58.
⁸⁵ Огановский Н. П. Проблема землеустройства в связи с развитием производительных сил в сельском хозяйстве РСФСР по районам. — Земельное дело, 1923, № 1, с. 66.

⁸⁶ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1911 г. СПб., 1912, с. 135.

⁸⁷ Подсчитано по: Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. Пг., 1916, с. 115.

⁸⁸ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 249.

⁸⁹ Огановский Н. П. Указ. соч., с. 63.

⁹⁰ Мозжухин И. В. Указ. соч., с. 227, 229, 231.

⁹¹ Там же, с. 240.

⁹² Дубровский С. М. Указ. соч., с. 280.

мертвого инвентаря. Эти расходы покрывались за счет «сбережений», если речь шла о богатых крестьянах, или за счет займов у частных лиц и сдачи в аренду части купленной земли.⁹³

«Вышедшие на хутора и отруба единоличные собственники, — признавали чиновники Главного управления земледелия, — несмотря на то, что они освободились от неудобств и стеснений чересполосного владения и получили возможность более производительнее использовать свой труд, в большинстве случаев не в состоянии собственными силами и средствами поставить свое новое хозяйство так, чтобы оно приносило, по сравнению с прежним, больший доход».⁹⁴ Даже С. М. Дубровский, постоянно подчеркивавший капиталистическое развитие всюду, где он мог обнаружить хотя бы самые слабые его признаки, отмечал, что из-за высокой задолженности «хозяйства вновь созданных хуторян и отрубников не могли успешно развиваться».⁹⁵

В результате процесс дифференциации шел, естественно, и среди землеустроенных хозяйств. По официальным данным, в 12 уездах разных губерний, специально избранных для обследования, имевшего целью продемонстрировать преимущество участковое землевладения, 33,7% отдельных хозяйств имели менее 5, а еще 32,2% менее 10 десятины, а 6% — свыше 25.⁹⁶ О большом удельном весе малоземельных участков хозяйств говорят и сведения об их продаже, собранные в анкете МВД в 1914 г. При этом надо различать хозяйства на наделных и банковских землях, поскольку последние были, как правило, крупнее. В целом по Европейской России разница была не очень значительной — 9,7 и 10,5 десятины, но в великорусском центре различие оказывалось более существенным.

Особенно слабыми были хутора и отруба на наделной земле в центрально-черноземных губерниях (Воронежской, Тамбовской, Курской и Орловской), где средний их размер равнялся всего 6,8 десятины.⁹⁷ «Я видел, — писал А. А. Клопов, — семьи из 10 человек, сидящие на клочке в 2—5—6 десятины земли, затратившие последние гроши, добытые путем займа, на перенос своих хат, живущие впроголодь на покупном хлебе уже теперь (ноябрь 1909 г.) после обильного урожая. Какую-нибудь развалившуюся печь крестьянину не на что поправить. Доходов вперед никаких, и остаются неудовлетворенными его самые элементарные нужды. Многие сидят без воды, так как лужи, из которых они черпали воду, замерзли, на устройство же колодцев нет средств. Такие картины можно наблюдать... около самого административного центра губернии, где, как говорят, благосостояние крестьян неизмеримо выше, чем в остальных местах».⁹⁸ «Хутора, выделенные из общинных земель, во многих случаях маломерные и слабые», — признавали и чиновники

Главного управления земледелия, обследовавшие Тамбовскую губернию.⁹⁹

Несмотря на то что участковые хозяйства были образованы совсем недавно, их уже начинал разъедать процесс парцелляции в результате семейных разделов. Только представители крестьянской буржуазии могли себе позволить, как отмечалось в донесениях губернаторов, предвидя такие разделы, прикупать на стороне землю для своих братьев и сыновей.¹⁰⁰ В основном же новоявленные хуторяне вынуждены были делить свои и без того незначительные участки. «Все случаи этих разделов, сопровождающиеся иногда образованием участков величиною до 2-х десятины, — доносил орловский губернатор, — неминуемо влекут за собою длинноземелье и в дальнейшем чересполосицу, так как разделяющиеся стремятся во что бы то ни стало сохранить при разделе существующий севооборот».¹⁰¹ О том, что в результате разделов участковые владения «почти всегда теряют значение самостоятельных хозяйственных единиц» и размежевываются между делющимися «с возвращением к чересполосице», сообщали из Екатеринославской, Казанской, Тамбовской, Смоленской, Пензенской, Тульской, Петербургской и Волынской губерний.¹⁰²

Разница в средних размерах землеустроенных и общинных хозяйств была, как мы видели, незначительна, и структура участковых владений совпадала со структурой крестьянского землевладения вообще — ничтожной кучке богатых хуторян противостояла масса бедняков, которых только в насмешку можно было называть «крепкими хозяевами». «Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это, — писал В. И. Ленин, — зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отдельно. Такие крестьяне, выделяясь и скупая наделы бедноты, несомненно, обогащаются на чужой счет, еще больше разоряя и закабалляя массу населения. Но таких хуторян, повторяю, совсем немного. Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян — нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться».¹⁰³ По нашим подсчетам 155—179 тыс. хуторян и отрубников на наделных землях (12,7—14,7%) полностью или частично продали свои участки, причем, судя по анкете МВД 1914 г., половина их совсем утратила связь с сельским хозяйством. Из 270,3 тыс. участковых хозяйств, созданных с помощью ссуд Крестьянского банка, 14,9 тыс. были к концу 1915 г. проданы за незначительные платежи.¹⁰⁴

Отмечая, что столыпинское аграрное законодательство, несмотря на его откровенно помещичий характер, все же «прогрессивно в научно-экономическом смысле», поскольку «видет по линии капиталистической эволюции»,¹⁰⁵ В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что оно обеспечивает лишь «самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие».¹⁰⁶ В разгар столы-

⁹³ Хутора и отруба в Тамбовской губернии, с. 13—15, 22.

⁹⁴ Справка ГУЗиЗ. Начало 1909 г. — ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 120, 1909, д. 12, л. 116.

⁹⁵ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 282.

⁹⁶ Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 1913 г. в 12 уездах России. Пг., 1915.

⁹⁷ Симонова М. С. Экономические итоги столыпинской политики, с. 35.

⁹⁸ Цит. по: Дубровский С. М. Указ. соч., с. 291—292.

⁹⁹ Хутора и отруба в Тамбовской губернии, с. 19.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 408, оп. 1, д. 346, л. 2, 94.

¹⁰¹ Там же, л. 11.

¹⁰² Там же, л. 5, 21, 23, 29, 31, 58—59, 81, 117—118.

¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 270.

¹⁰⁴ Сидельников С. М. Указ. соч., с. 178.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 219.

¹⁰⁶ Там же, т. 20, с. 119.

нищей лонки общины В. И. Ленин констатировал: «...пока Столыпин только зацупал и обострил старое положение, не создав нового»,¹⁰⁷ «плутократия деревенская от аграрной политики 1908—1910 годов наверняка выигрывает, но тот буржуазный уклад, для которого много жертв приносится, все еще не может „уложиться“». ¹⁰⁸ Наконец, незадолго до начала мировой войны, подводя итоги стараниям царизма создать себе массовую опору в лице «крепкого крестьянства», В. И. Ленин писал: «...крестьянство буржуазное „еще не сложилось“, несмотря на судорожные усилия новой аграрной политики...». ¹⁰⁹ Капиталистическая эволюция на базе аграрного бонапартизма при сохранении помещичьего землевладения оказалась слишком медленной, чтобы за 8 лет осуществления столыпинского аграрного курса зажиточные верхи крестьянства могли в численном отношении стать сколько-нибудь существенным элементом деревни.

Не дало желаемых царизмом результатов и переселение крестьян в Сибирь. Переселение не могло решить проблемы аграрного перенаселения вообще. За 1906—1913 гг. оно покрыло всего 18% естественного прироста сельского населения.¹¹⁰ Избыток рабочих рук в деревне продолжал увеличиваться. Впрочем, правительство и не ставило перед собой такой цели, стремясь лишь разредить крестьянство Европейской России до степени, «потребной для нужд крупного землевладения». ¹¹¹ «Чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России, отсюда идет главное выселение, едва ли желательно и экономически, и политически», — писали Столыпин и Кривошеин, видя в переселении лишь «известный психологический клапан». ¹¹² Но все же, если почти до самой революции 1905—1907 гг. правительство сдерживало переселение крестьян в восточные районы, чтобы не лишать помещичьи хозяйства дешевых рабочих рук, то с 1906 г. царизм вынужден был форсировать исход крестьян из европейских губерний, дабы тем избавить их «от соблазна созерцания помещичьих латифундий». ¹¹³

Всего за 1906—1914 гг. из губерний Европейской России (без Польши и Прибалтики) и из Ставропольской губернии за Урал переселилось 3 092 081 человек, или вдвое больше, чем за предыдущее десятилетие.¹¹⁴ Увеличение числа переселенцев привело к изменению их социального лица. Если в конце XIX в. главный контингент их составляло крестьянство среднего достатка, то после 1906 г. большинство переселенцев составили бедняки. С. М. Дубровский пытался оспорить этот факт путем чисто умозрительных рассуждений. «Если бы, — писал он, — предположить, что переселялись в основном бедняки, чтобы на новых местах обзавестись хозяйством, то это бы означало не переход части середняков в бедноту, что типично для капитализма, а наоборот, переход путем

переселения части бедняков в середняков. Это означало бы ослабление, а не усиление расслоения деревни». ¹¹⁵ Иными словами, во имя упрощенной схемы, игнорирующей реальные проявления действительно происходившего (но не так прямолинейно) процесса расслоения деревни, С. М. Дубровский отрицал бесспорные свидетельства того, что именно бедняки стремились в Сибирь, надеясь там вырваться из нищеты. Так если в 1898—1904 гг. процент безземельных и малоземельных среди переселившихся из Харьковской губернии равнялся 52, то в 1906—1908 гг. он достиг 72,8. ¹¹⁶ Всего же по подсчетам современных наблюдателей в 1907—1911 гг. доля безземельных и владельцев до 3 десятин земли среди переселенцев составила 63,1%. ¹¹⁷ Власть на местах откровенно считала желательным такой исход «самой неимущей, самой беспокорной части населения», надеясь, что он «отразился бы благотворно на остальном населении, поколебав в нем мысль о предстоящем разделе земли». ¹¹⁸ «Землеустроительные комиссии, — отмечал В. И. Ленин, — настолько энергично „выселяли“ бедняков, что даже возбуждали ропот переселенческого управления». ¹¹⁹

Чиновничий аппарат царизма оказался не в состоянии справиться с расселением крестьян, прибывших за Урал, и в результате в 1905—1914 гг. на Азиатской и Европейской России вернулось 537 901 человек, или 17,1% переселенцев. ¹²⁰ «Не ясно ли, что хваленое правительственное „устройство“ переселенцев оказалось *пифом*? — подводил итоги бесславной кампании В. И. Ленин. — Не ясно ли, что всего через шесть лет после революции правительство снова возвращается к *разбитому карыту*? ... гигантская волна обратных переселенцев указывает на отчаянные бедствия, разорение и нищету крестьян, которые распродают все дома, чтобы уйти в Сибирь, а теперь вынуждены идти назад из Сибири окончательно разоренными и обнищавшими». ¹²¹

Столыпинская аграрная реформа преследовала цель отыскать «еще один и притом *последний* клапан, который можно было открыть, не аннулировав всего помещичьего землевладения», ¹²² и «попытаться путем судорожных усилий, путем какого угодно разорения деревни, *расколоть* крестьянство», чтобы опереться на союз крепостников-дворян с крестьянской буржуазией. ¹²³ Для достижения этой цели требовались десятилетия мучительного вымирания основной массы крестьянских хозяйств, десятилетия кладбищенского покоя и покорности крестьянства, обеспечить которую царизм был не в состоянии. К сожалению, в советской исторической литературе нет исследования, дающего полную картину классовой борьбы в деревне в период осуществления столыпинской политики. Но все имеющиеся работы показывают, что при всей остроте классовых противоречий внутри самого крестьянства, еще более углу-

¹⁰⁷ Там же, т. 19, с. 141.

¹⁰⁸ Там же, т. 20, с. 190.

¹⁰⁹ Там же, т. 24, с. 331.

¹¹⁰ Подсчитано по: Анфимов А. М. Указ. соч., с. 69.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 332.

¹¹² Всенед. записка Столыпина и Кривошеина о поездке в Сибирь в 1910 г. — ЦГАИ СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 702, л. 48.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.

¹¹⁴ Подсчитано по: Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, с. 151—159.

¹¹⁵ Дубровский С. М. Указ. соч., с. 398.

¹¹⁶ Трапезников С. П. Указ. соч., с. 206.

¹¹⁷ Скляров Л. Ф. Указ. соч., с. 123.

¹¹⁸ Цит. по: там же, с. 127.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 332.

¹²⁰ Скляров Л. Ф. Указ. соч., с. 456—457.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 265—266.

¹²² Там же, т. 22, с. 18.

¹²³ Там же, т. 23, с. 264.

бывшихся в результате столыпинского землеустройства, главным конфликтом в деревне оставался конфликт между всем крестьянством и помещиками, и первая социальная война по своему масштабу далеко превосходила вторую. Дворянству не удалось отвлечь крестьян от борьбы за уничтожение помещичьего землевладения.

Таким образом, и экономические, и социальные цели аграрного бонапартизма оказались недостижимыми. «Все противоречия обострились, ... совершенно ничтожен прогресс хозяйства»,¹²⁴ — подводил В. И. Ленин итоги столыпинской политики. Эти итоги были закономерным и неизбежным следствием «ведения буржуазной аграрной политики старыми крепостниками при полном сохранении их земли и их власти».¹²⁵ И это предвещало неминуемый крах всей политики царизма, крах всех попыток подновления государственного и политического строя России при сохранении самодержавия и поместного дворянства, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, столыпинский аграрный бонапартизм — «последний клан». Других еще кланов в распоряжении Пуришкевичей, командующих над буржуазной страной, нет и быть не может».¹²⁶

¹²⁴ Там же, т. 22, с. 390.

¹²⁵ Там же, с. 20.

¹²⁶ Там же, с. 20—21.

ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ И РАБОЧИЙ ВОПРОС

Поражение первой русской революции и третьей июньской государственной переворот оказали непосредственное влияние и на решение рабочего вопроса в России. Это сказалось, в частности, в своего рода законодательной реакции, в пренебрежении после 3 июня 1907 г. быстрыми темпами свертывания и существенной деформации разработанной в годы революции либерально-буржуазной по своему характеру правительственной программы в области трудового законодательства. Все правотворчество третьей июньской монархии в рабочем вопросе, включая разработку и принятие немногих и весьма ограниченных законов (главным образом по страхованию рабочих), приходится на период деятельности III Государственной думы.

Последующие два года отличались полным законодательным застоем, и все меры правительственной политики, равно как и деятельность промышленной буржуазии в это время практически целиком и полностью были подчинены задачам текущей борьбы со стремительно нараставшей после Ленского расстрела массовой революционной борьбой российского пролетариата.

Как уже отмечалось (см. с. 304—313), в революционные 1905—1907 гг. вновь созданное Министерство торговли и промышленности (МТП) попыталось освободить действовавшие и вновь разрабатываемые фабрично-заводские и трудовые законы, буржуазные в своей основе, от их казенно-попечительной оболочки, несколько ограничить сферу административного вмешательства во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями, сделав ставку на свободу договорно-трудовых отношений, легализацию стачек, рабочих и предпринимательских организаций, их представительство в различных проектируемых органах (страховых, примирительных и пр.). Однако с самого начала этот либерально-реформистский курс, имевший своей главной целью снизить накал социальных конфликтов в промышленности, перевести рабочее движение на тред-юнионистские рельсы, встретил противодействие как со стороны дворянско-помещичьей правящей верхушки, так и со стороны самой торгово-промышленной буржуазии, которое усиливалось по мере спада революции.

В 1907—1908 гг. МТП еще продолжало работу над своими законопроектными. Как раз в канун роспуска II Думы была разослана на отзывы новая редакция законопроекта о страховании по инвалидности и старости, тогда же было разработано Положение о страховых судах (по образцу третейских судов в Германии) с участием равного количества

представителей рабочих и промышленников.¹ 19 октября 1907 г. «Торгово-промышленная газета» писала, что в МТП работа по подготовке проектов рабочего законодательства, предназначенных для внесения в III Думу, близилась к концу: составлены объяснительные записки к проектам о продолжительности рабочего времени, страховании по болезни, завершилась разработка проектов о страховых судах, врачебной помощи, об изменении некоторых статей о найме рабочих и о страховании от несчастных случаев. Таким образом, несмотря на отмеченное сокращение министерской программы, усиление ее попечительной стороны, она оставалась достаточно широкой и не утратила еще своей либерально-реформистской основы. Но после третьеиюньского переворота возможности проведения либерально-реформистской политики, осуществления более широкой реформы трудового законодательства у МТП с каждым месяцем сужались и, наоборот, множились усилия их противников в предпринимательском лагере и самом правительстве.

Со второй половины 1907 г. с усилением в стране политической реакции заметно активизируется антирабочая деятельность крупного капитала, его представительных организаций и союзов, осуществлявших одновременно откровенный саботаж реформы трудового законодательства. Рабочий вопрос обсуждался в мае 1907 г. на II съезде представителей промышленности и торговли. Съезду был представлен отчет о деятельности Совета съездов во время совещания Д. А. Философова и ходе работы над проектами МТП. Хотя в отчете отмечалось, что многие замечания предпринимателей были учтены МТП, лейтмотивом этого документа были жалобы на чрезмерное финансовое бремя, которое ляжет на промышленность в результате осуществления министерских проектов.²

Съезд принял также весьма агрессивную по тону резолюцию, которая полностью поддержала позицию представителей промышленности в совещании Философова, поручив Совету съездов «принять все меры к тому, чтобы были приняты... и те положения представителей промышленности и торговли, которые не внесены Министерством в его законопроекты», и возбудить перед правительством ходатайство о скорейшей разработке и осуществлении законов о стачках и профсоюзах. Истинный смысл последних ходатайств раскрывался в заключительном пункте резолюции: «Осуществление законопроектов, разрабатываемых Министерством торговли и промышленности, без одновременной постановки в законодательном порядке вопросов о стачках и профессиональных союзах, не может правильно решить рабочего вопроса». К выработке резолюции съезда явно приложили свою руку московские промышленники, для которых были характерны либерально-оппозиционные политические выступления в сочетании с нежеланием делать экономические уступки рабочим. Выдвижение на первый план требования законов о стачках и профсоюзах было подчинено той же цели: сорвать или надолго отложить принятие законопроектов, затрагивавших непосредственные экономические интересы предпринимателей, чреватых к тому же возвратом к прежней, отвергаемой буржуазией казенной опеке и попечительству.

Истинное же отношение промышленников к свободе стачек и профессиональных организаций рабочих определяли не либеральные, порой явно демагогические лозунги и декларации, а не подлежавшие широкой огласке документы, имевшие по преимуществу репрессивный характер и, что особенно существенно, — определявшие фактические нормы во взаимоотношениях с рабочими и их организациями. Принятые в 1905—1907 гг. крупнейшими предпринимательскими организациями и союзами специальные конвенции и соглашения предписывали своим членам не делать рабочим серьезных уступок в отношении сокращения рабочего времени и увеличения зарплаты, подвергать их штрафам, стараться не допускать рабочих представителей к участию в разрешении производственных конфликтов, и т. п.³

Ведущую роль в антирабочей деятельности крупного капитала рассматриваемого периода играло Петербургское общество заводчиков и фабрикантов (ПОЗФ), умело использовавшее в этих целях свои постоянные и тесные связи с правительственными ведомствами, Сенатом, а в самом обществе главным по части антирабочей деятельности был Механический отдел во главе с нефтяным магнатом Э. Л. Победом.

Воспринимая разгон II Думы как новое наступление царизма на революцию, Механический отдел 6 июня 1907 г. внес дополнения в действующую инструкцию по отделу, еще больше ужесточив отношение к рабочим. Администрации заводов, входивших в отдел, предписывалось не производить сокращения рабочего времени, не оплачивать время забастовок, не допускать участия представителей рабочих в определении размеров заработной платы, приеме и увольнении рабочих и вообще решении вопросов внутреннего распорядка. Воспрещалось устраивать «политические сходки» в заводских помещениях, а в случаях «насилий или угроз» и адрес администрации и интрейкбрехеров предлагалось «немедленно закрывать» предприятие и рассчитывать забастовщиков с объявлением им бойкота и внесением в «черные» списки. Аналогичное постановление принял 20 июня и второй основной отдел ПОЗФ — текстильный.⁴

Эти решения ПОЗФ были доложены П. А. Столыпину 13 июня депутацией во главе с председателем Совета общества С. П. Глезмером. Признав «справедливость намеченных действий фабрикантов», Столыпин сделал ряд оговорок охранительно-попечительного свойства, считая, что бойкот рабочих приведет к увеличению числа безработных, «с которыми и так приходится полиция бороться», а в случае локаута промышленникам придется платить за две недели вперед. Столыпин также заявил, что не хочет стеснять легализацию профсоюзов («лучше иметь дело с явной организацией, чем с подпольной»). Петербургские заводчики воспользовались случаем, чтобы липший раз выразить недоверие к профсоюзам, доказывая, что к ним «принадлежит лишь незначительный процент рабочих».⁵ В отношении политических забастовок Столыпин

³ См.: Балабанов М. От 1905 к 1917 году. М.: Л., 1927, с. 32—41.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 8, л. 165, 171.

⁵ Журнал заседания Совета ПОЗФ 14 июля 1907 г. — Там же, ф. 150, оп. 1, л. 51, л. 155.

¹ Торгово-промышленная газета, 1907, 26 мая.

² ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1860, л. 10.

безоговорочно поддержал карательные действия промышленников. Он даже порекомендовал посетившим его вновь в октябре 1907 г., накануне годовщины манифеста 1905 г., членам Совета ПОЗФ не выдавать рабочим, пожелавшим праздновать этот день, заработной платы.⁶ Обнадеженный этим, Механический отдел после крупной политической забастовки петербургских рабочих 22 ноября 1907 г. добился принятия общим собранием ПОЗФ 4 января 1908 г. постановления, по которому в случае политической забастовки ее участники должны быть оштрафованы или даже уволены. Так складывался антирабочий альянс между буржуазией и Столыпиным, в обход МТП и в известной мере вразрез с его установками.

Еще большее значение в утверждении на практике антирабочих норм, в обход действующих законоположений, имела юридическая деятельность ПОЗФ. В то время как на междудеятельственных совещаниях бесконечно дебатировались вопросы об изменении отдельных статей Устава о промышленности и, в частности, об отмене или сокращении 2-недельного срока предупреждения при увольнении рабочих, о плате за время забастовок, поверенные ПОЗФ обжаловали в 1906—1907 гг. через Гражданский кассационный департамент Сената ряд решений мировых судей и добились разъяснений Сенатом в выгодном для промышленников смысле ряда статей этого Устава.

Особенно существенными были определения Сената 28 января 1906 г. о том, что предприниматели не обязаны выдавать рабочим зарплату за время забастовок; 15 ноября 1907 г. по делу рабочих фабрики Лаферм — о праве фабриканта осуществлять локаут, если происходит частичная забастовка; 30 января 1908 г. по делу рабочего Баранова с Невской бумагопридильни — о праве фабричной администрации увольнять рабочих за «дурное поведение». Во всех этих случаях были отменены решения мировых судей об уплате предпринимателями рабочим 2-недельного заработка.⁷ Об этих «победах» ПОЗФ немедленно циркулярно оповещало своих членов и крупнейшие предпринимательские организации страны. Юридическая практика общества настолько разрослась, что в 1907 г. при нем была учреждена специальная Юридическая комиссия. В циркулярном письме от 19 декабря 1907 г. Совета ПОЗФ, извещавшем членов общества о решениях годовичного собрания, подчеркивалось вмешательство общества «в разрешение вопроса о стачках в благоприятном для промышленности смысле», в результате чего «достигнуто так много, как трудно было ожидать».⁸

Если в повседневной борьбе с рабочим классом и его организациями буржуазия находила по меньшей мере взаимопонимание судебных инстанций, то в отношении страховых законов она явно настраивалась на длительную и упорную борьбу. Отдавая себе отчет в неизбежности страхования рабочих, обещанного еще указом 12 декабря 1904 г., ведущие предпринимательские организации России старались еще до окончания

разработки соответствующих законопроектов и внесения их в Думу, максимально их выхолостить, «улучшить» в свою пользу, а при случае — сорвать их одобрение и принятие. Результатом единодушной оппозиции промышленной буржуазии было то, что законопроект о страховании рабочих по старости и инвалидности, который должен был стать основным в системе государственного страхования, был отставлен в сторону, а затем и вовсе похоронен. Важную роль сыграло и нежелание финансового ведомства отпустить на это дело средства из государственного казначейства.

Готовилась буржуазия к встрече со страховыми законами и в III Думе, для право-октябристского большинства которой законодательная программа МТП в полном ее объеме была непримемлема. Большинство октябристов в первую думскую сессию придерживались по преимуществу правовой ориентации, а те, кто среди них отразил интересы торгово-промышленных кругов, естественно, являлись противниками законопроектов МТП, в особенности — имеющего поначалу характер страхования рабочих. Кадеты, потерпев поражение на выборах, предпочитали не проявлять какой-либо законодательной инициативы, отложив свои проекты (о свободе стачек и профессиональных организациях, рабочем договоре, продолжительности рабочего времени, страховании и т. п.), выработанные ими в 1906—1907 гг.

Но и непосредственные представители торгово-промышленного мира, в небольшом числе избранные в Думу и Государственный совет и примыкавшие в большинстве своем к октябристам, также понимали шаткость своих позиций в этих законодательных палатах, когда даже не на всех октябристов можно было положиться, а враждебность правых к буржуазии была общеизвестна. Поэтому, стремясь собрать вокруг себя возможно больше сторонников, они еще в начале работы III Думы организовали специальную торгово-промышленную группу — «Советание членов Государственного совета и Государственной думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов». Большинство этой группы составляли правые и октябристы — последних было примерно половина группы и они представляли ее основную, наиболее активную часть, — кадеты и прогрессисты были представлены по одному депутату (М. В. Челноков и М. А. Стахович).⁹ Думских депутатов, членов группы, возглавили директор фабрики Кошкина в Серпухове Е. Е. Тизенгаузен и активный деятель ПОЗФ С. П. Беляев. Оба октябриста одновременно руководили и думской комиссией по рабочему вопросу. Членов Государственного совета, входивших в торгово-промышленную группу, возглавляли Авдаков и Глезер, активно в ее работе участвовали также председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников и вице-председатель ПОЗФ М. Н. Триполитов, а также В. И. Тимарьев. Свою позицию по рабочему вопросу эта группа определила еще до внесения в Думу законопроектов МТП, когда Министерство финансов внесло свой собственный законопроект об обеспечении при несчастных случаях рабочих и служащих, занятых на предприятиях Министерства. Это был один из целой серии аналогичных законопроектов,

⁶ Балабанов М. Указ. соч., с. 49.

⁷ См.: История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 4, с. 350—351. Подробнее см.: Вайтинский И. С. Стачка и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 8, л. 315.

⁹ См.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 234—236.

каждый из которых охватывал казенных рабочих того или иного ведомства. Под воздействием революции царское правительство распространило в 1905—начале 1906 гг. на эти категории рабочих действие закона 1903 г., относившегося только к рабочим частных предприятий, причем существенно усилило его «попечительный» характер, установив вознаграждение за утрату трудоспособности не только при несчастных случаях, но и вследствие профессиональных заболеваний. Министерство финансов к тому же предполагало распространить действие своего законопроекта и на служащих и членов их семей (из 136 тыс. занятых в заведениях Министерства финансов, главным образом в лавках-«монопольках» при казенной питейной торговле, собственно рабочих было всего 4 тыс.), однако оно оказалось единственным ведомством, не успевшим провести свой законопроект до апреля 1906 г. через нереформированный Государственный совет.

Попав теперь в III Думу, этот на первый взгляд второстепенный законопроект вызвал много споров. Секрет был в более широком диапазоне его предполагаемого действия по сравнению с проектами МТП, не предусматривавшими страхование при профессиональных заболеваниях и относящимися только к рабочим, а это создавало с точки зрения промышленной буржуазии нежелательный прецедент. За отклонение законопроекта или приведение его в соответствие с законом 1903 г., в частности, высказалось большинство торгово-промышленной группы на заседании 4 ноября. Выступивший на этом заседании со специальным докладом Глезер, критикуя проект Министерства финансов, попытался сформулировать общую позицию буржуазии в отношении реформы трудового законодательства. Высказываясь на словах против «мозаичного законодательства» и за широкую его реформу, Глезер одновременно ратовал за постепенность в осуществлении отдельных законопроектов, в частности страховых, т. е. за всемерную их оттяжку.¹⁰

Центр тяжести борьбы буржуазии с проектами реформы трудового законодательства был перенесен в рабочую комиссию Думы, которая всячески затягивала их обсуждение, в результате чего законопроект Министерства финансов так и не был обсужден Думой в ее первую сессию. Страховые же законопроекты МТП вообще попали в Думу лишь в июне 1908 г. Это объяснялось тем, что у законодательной программы МТП вообще и ее либерально-реформистской основы в особенности оказался противник гораздо более серьезный, чем торгово-промышленная буржуазия — сам Столыпин и возглавляемое им Министерство внутренних дел.

Поражение революции и спад в 1907 г. рабочего движения позволили МВД обратить часть своих усилий на борьбу с сохранявшимися еще, хотя и изрядно ослабленными, либерально-реформистскими позициями МТП в рабочем вопросе как в его практической деятельности, так и в подготавливаемой им реформе трудового законодательства. Основной удар был направлен против не выветрившейся еще ориентации чиновников МТП, фабричной инспекции на свободу стачек и деятельности рабо-

чих организаций, рабочее представительство во взаимоотношениях с предпринимателями, причем МВД стремилось не только всячески их ограничить, но и поставить под свой постоянный и жесткий контроль.

Преимущественное при этом внимание Столыпина и МВД было уделено антипрофсоюзным мероприятиям. В дополнение к многочисленным сенатским разъяснениям и министерским циркулярам 1906—начала 1907 г., ограничившим и без того узкие рамки Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 г., МВД 10 мая 1907 г. направило губернаторам циркуляр, обязывавший местные власти допускать легализацию профсоюзов «лишь при наличии несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, и при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности закрывать их», подвергая профсоюзных активистов уголовному преследованию. Аналогичный документ МВД от 27 июля 1907 г. не только требовал «тщательного исполнения» майского циркуляра, но и рекомендовал закрывать профсоюзные издания, «в случае нарушения ими закона».¹¹

Эти инструкции и циркуляры МВД привели к массовому закрытию профсоюзных организаций, резкому сокращению числа их членов, падению и практически свели на нет кое-где еще бытовавшие жалкие тредюнистские формы во взаимоотношениях рабочих с предпринимателями. Согласно наиболее достоверным обобщенным сведениям, собранным и опубликованным МТП, всего в 1906—1907 гг. было подано заявлений с регистрации от 1131 профессионального общества, отказ последовал в 227 случаях (20%), а из 904 зарегистрированных к концу 1907 г. было закрыто 104 общества, т. е. в общей сложности почти трети (29,3%) профсоюзов была воспрещена их деятельность.¹² И это было только началом, так как в последующие годы профсоюзное движение резко пошло на убыль. «Совместима ли с монархией царя, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — свобода союзов, коалиций, стачек, когда даже реакционный, уродливый закон 4-го марта 1906 года сведен всецело на нет губернаторами и министрами?».¹³

Не ограничиваясь циркулярами, МВД занимается разработкой нового союзного законодательства с тем, чтобы еще больше ужесточить его и усилить свой контроль над различными политическими и профессиональными организациями в стране. Большую заинтересованность в этом отношении проявлял сам Столыпин. 26 августа 1907 г. он пишет записку директору Департамента общих дел А. Д. Арбузову, предлагая представить ему «соображения о замене постоянным законом временных правил об обществах и союзах», стараясь этим прежде всего затруднить их регистрацию.¹⁴

Одновременно ближайший сотрудник Столыпина И. Я. Гурлянд начинает с 10 июля публиковать в «России» серию статей под общим названием «Профессиональные союзы и политическая борьба», в которых

¹¹ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М., 1963, т. 1, с. 185—186.

¹² Свод отчетов профессиональных обществ за 1906—1907 гг. СПб., 1911, с. 1—2.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 178.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1905, д. 61, прил. 2, л. 4.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 54, л. 24—25. См. также: Аверс А. Я. Указ. соч., с. 236—237.

профсоюзы в России изображались почти исключительно как орудие в руках социал-демократии и ее политической борьбе с существующим строем и тем самым обосновывалась необходимость принятия против них новых ограничительных мер.

Контрреволюционный, антирабочий курс правительства нашел свое отражение и в декларации, с которой Столыпин выступил 16 ноября 1907 г. перед III Думой, где в отличие от его же декларации во II Думе центричности своей программы он перенес на «искоренение преступных выступлений», «разрушительного движения, созданного крайними левыми партиями», прежде всего с помощью силы. Из прежней программы реформ основное внимание в декларации было уделено аграрным законопроектам и преобразованиям в области местного управления. Что же касается рабочего вопроса, царский премьер лишь глухо упомянул в ряду «усовершенствований в строе местной жизни» — «государственное попечение о неспособных к труду рабочих, страхование их и обеспечение им врачебной помощи».¹⁵ Ни о какой свободе стачек, профсоюзов, сокращении рабочего дня, о которых немало слов было сказано Столыпиным перед II Думой, теперь даже не упоминалось. В этой части ноябрьская декларация явно отражала позицию МВД и самого Столыпина.

Известно, что Столыпин был в своей деятельности прежде всего практиком, лишь реализовывавшим или пытавшимся осуществлять проекты и замыслы своих предшественников и ближайших сотрудников. Его представления о рабочем вопросе в России и способах его решения не шли дальше признания полезности опыта Германии в области страхования, усвоенного Столыпиным в сугубо охранительно-попечительном смысле. Выступая еще в конце ноября 1902 г. в Гродненском губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Столыпин, исполнявший тогда обязанности гродненского губернатора, подчеркивал важность учета опыта Германии в области социальной политики: «...лет более спокойной и лояльной страны, как Германия, — говорил Столыпин. — Не рискуя впасть в ошибку, можно с полной достоверностью сказать, что государственного переворота в ней не будет. Социализм в Германии — скорее академический вопрос, и предохранительный клапан распространения социализма и социалистических идей — страхование рабочих, к которому ныне прибегают в Германии весьма широко».¹⁶ В этом собрании Столыпина — своеобразные истоки его преимущественно попечно-охранительных взглядов на решение рабочего вопроса, издавна проявляемого им с этих позиций интереса к страхованию рабочих.

На первых порах и по крайней мере на словах Столыпин поддерживал проекты МТП реформы трудового законодательства в их первоначальном виде, что и нашло свое выражение в его заявлении во II Думе. Однако в дальнейшем, испытывая усиливающуюся оппозицию помещичьих кругов его «реформаторской» деятельности, Столыпин посте-

пенно сворачивает свою программу реформ. И одной из первых жертв этой своеобразной законодательной реакции стала именно рабочая реформа.

Для помещичьего лагеря, Николая II и его непосредственного окружения массовое забастовочное движение рабочих, их профессиональные организации, как и вообще политические союзы и свободы были не просто порождением революции, а ее синонимами, вполне отождествлялись с ней и потому служили объектами их постоянных нападков. Отрицал вообще необходимость реформ, правые тем более не могли принять либерально-реформистской позиции МТП в отношении свободы стачек, профсоюзов и других proletарских организаций. Решение рабочего вопроса мыслилось ими исключительно в традиционных охранительно-попечительных рамках, когда улучшение быта рабочих, их экономического положения за счет буржуазии могло, якобы, уклонить рабочих и отвлечь от участия в революционном движении. Что же касается рабочих организаций, то они сводились в основном к массам и обществам взаимопомощи, базирующимся на монархических, чересовенных принципах.

Столыпину в свою очередь тем легче было отказываться от реформ в рабочем вопросе, что, во-первых, они были делом не его ведомства, а конкурирующего с ним МТП, во-вторых, это была часть виттевского политического наследия, дружно отвергаемого монархическим лагерем во главе с царем и, наконец, в-третьих, потому что в рабочих делах позиция Столыпина определенно совпадала со взглядами правых.

С конца 1907 г. МВД форсирует работу по пересмотру союзного законодательства. В ответ на запрос Столыпина от 9 сентября о желательных изменениях в Правилах 4 марта 1906 г. в МВД поступили отзывы губернаторов и градоначальников. Большинство губернаторов требовали исключения всякого упоминания о праве профсоюзов улаживать трудовые конфликты между рабочими и предпринимателями путем третейского разбирательства и с помощью примирительных камер, оказывать своим членам юридическую помощь, устраивать публичные собрания, вечера и концерты. Главной целью профсоюзов признавалась лишь организация пенсионных и прочих касе, справочных контор для учета спроса труда и т. п. Губернаторы требовали еще большего усиления контроля за деятельностью союзов, предоставления себе права приостанавливать действия профсоюзов и закрывать их без согласования с губернскими и городскими по делам об обществах присутствиями. Они также выступали за ограничение сферы действий профсоюзов пределами одной губернии, запрещать им открывать отделения и т. п.¹⁷

Губернаторское «правотворчество» Столыпин поручил обобщить и разработать соответствующие предложения состоявшему при нем чиновнику особых поручений М. И. Блажучку. Тот уже в середине января 1908 г. представил «Записку о профессиональном движении в империи», в которой вслед за губернаторами, повторил рассуждения Гурлянда, доказывая, что профессиональные рабочие организации используются революционными партиями «для увеличения враждебных правительству сил», а Временные правила 4 марта 1906 г. не предоставляют «правительствен-

¹⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I, ч. I. СПб., 1908, стб. 307—312.

¹⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, XI. Гродненская губерния. СПб., 1903, с. 32.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1907, д. 129, л. 361—374.

ной власти надлежащих средств к прекращению производившегося революционизирования масс». Однако и Блажчук отдавал себе отчет в невозможности «совершенно упразднить легальное положение профессиональных обществ в России», поэтому его предложения сводились к коренной переработке Временных правил с тем, чтобы профсоюзы действовали «без всякого ущерба для государства», «с конечной и единственной целью полного и наисправедливейшего согласования интересов рабочих с интересами работодателей».¹⁸

Блажчук также разработал проект нового закона об обществах, который он мыслил единым как для профсоюзов, так и для прочих обществ и союзов. Блажчук, в частности, предлагал запретить явочный порядок возникновения обществ, их объединение в союзы. Членство в союзах должно было быть запрещено всем работающим на казенных предприятиях. Присутствия по делам об обществах упразднились, и все дела, связанные с деятельностью обществ и надзором за ними, должны были быть сосредоточены в МВД, профессиональные общества должны были разрешаться лишь в крупных городах и торгово-промышленных центрах. Строго регламентировались единым типовым уставом и число лиц, необходимое для образования профессиональных организаций, и условия действия третейских судов, а все выборные члены правлений подлежали утверждению местных властей.¹⁹

Несмотря на откровенно полицейский характер проекта Блажчука, именно его основные положения вместе с предложенными губернаторов были представлены в качестве материала для пересмотра Временных правил 4 марта 1906 г. совещанию в феврале 1908 г. междуведомственному совещанию под председательством директора Департамента общих дел МВД А. Д. Арбузова. Открывая его 6 февраля, Арбузов указал, что Столыпин «очень интересуется предстоящими работами совещания и высказал пожелание об окончании работ совещания в возможно кратчайший срок».²⁰ При обсуждении вопроса, сохранять ли принятое в Правилах 4 марта 1906 г. разделение на союзы и профессиональные общества, большинство совещания отклонило предложение Блажчука о создании единого союзного закона. Против этого возражал и представлявший МТП В. П. Литвинов-Фалинский, употребивший в обоснование своего мнения охранительную аргументацию: «Ввиду особого характера профессиональных обществ, как по их целям, так и составу, правительство заинтересовано, в целях охранения общественного спокойствия и государственной безопасности, устанавливать для этого рода обществ более стеснительные нормы». Это мнение, естественно, полностью разделил и Гурлянд.²¹

Первая часть совещания продолжалась три месяца, в феврале—мае 1908 г., однако из 18 заседаний 16 целиком были посвящены рассмотрению первой части Правил, касающихся обществ и союзов. Острые разногласия вызвал сам порядок открытия, регистрации и закрытия орга-

низаций, относящийся (в общей форме) и к профсоюзам. По настоянию МВД был установлен административно-судебный порядок открытия обществ и союзов, также сохранены прежние явочный и регистрационный принципы (последний был обязателен для обществ, имеющих отделения, а также союзов, включая профессиональные, имеющих уставы). Не удалось, однако, договориться о порядке закрытия обществ и союзов: против предлагаемого МВД исключительно административного принципа высказались представители МТП, Министерств юстиции и народного просвещения.

Выработке нового профсоюзного закона были посвящены заседания 30 апреля и 7 мая 1908 г. Этим вопросом совещание занялось, по видимому, под воздействием внесенного 4 апреля социал-демократической фракцией III Думы запроса о преследовании профсоюзов, в котором были приведены разительные факты произвола царской администрации в отношении рабочих организаций и профсоюзной печати, нарушения даже ограниченных Правил 4 марта 1906 г.²² Между тем, открывший заседание 30 апреля Арбузов сразу же заявил собравшимся, что МВД «будет настаивать на включении в новый закон целого ряда новых правил, направленных к урегулированию деятельности профессиональных обществ и к ослаблению влияния на них социал-демократических учений и устранению революционной пропаганды». Министерство, говорил Арбузов, полагает, что «при известной регламентации из профессиональных обществ можно сделать строго консервативные организации, подобно тому как это имеет место в Англии».²³

Выступивший затем Литвинов-Фалинский указал, что «не следует тормозить развитие профессионального движения, а лишь нужно создать для него благоприятные условия, способствующие укреплению в нем здоровых начал». От имени МТП он высказался против предоставления права закрытия профсоюзов на усмотрение губернатора. Другой представитель МТП В. Е. Варзар отрицал решающее значение вмешательства социал-демократов в дела профессиональных организаций, при этом он ссылаясь на пример Западной Европы, где рабочие-профессионалисты, по его словам, в большинстве враждебны социалистам. Даже Гурлянд вынужден был признать, что «существование профессионального движения неизбежно, что никакими мерами полицейского характера его остановить нельзя».

Выступивший на совещании от имени промышленников А. А. Вольский высказался против чрезмерного стеснения профессионального движения и усиления за ним правительственного контроля. Представитель Министерства финансов Е. Д. Львов вообще высказал сомнение в целесообразности пересмотра действующего закона в момент, когда «рабочая среда не пришла после возбуждения революционного периода в состояние должного равновесия». Отвечавший ему Арбузов вынужден был признать, что действующий закон о профсоюзах «не удовлетворяет ни рабочих, ни администрацию», подчеркнув, однако, что вырабатываемый новый закон

¹⁸ Там же, ф. 23, оп. 17, д. 652, л. 15—16.

¹⁹ Там же, л. 41.

²⁰ Там же, ф. 1284, оп. 187, 1905, д. 61, прил. 3, л. 1.

²¹ Там же.

²² См.: Профсоюзы СССР, т. 1, с. 209—213.

²³ ЦГА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1905, д. 61, прил. 3, л. 202.

будет введен «не в ближайшем будущем, а очевидно тогда, когда вызванное революционным движением обостренное положение профессиональных обществ уляжется».²⁴ Начавшееся 7 мая постатейное обсуждение Временных правил 4 марта 1906 г. осталось незавершенным, работа совещания была прервана, и обсуждение нового профсоюзного закона было продолжено лишь через два года, в мае 1910 г.

Совещание под председательством Арбузова в апреле—мае 1908 г. совпало по времени с решающим натиском Столыпина и МВД на либерально-реформистские позиции МТП и его Отдела промышленности. Этим Столыпин стремился укрепить свои пошатнувшиеся позиции в правом лагере. По его указанию²⁵ в Баку в начале мая 1908 г. была срочно свернута проделанная к этому времени Отделом промышленности и чиновниками Кавказского наместничества подготовительная работа к созыву примирительного совещания рабочих с нефтепромышленниками. Бесславный финал бакинской совещательной кампании 1906—1908 гг. продемонстрировал, что и в сравнительно благоприятных условиях, какие сложились в те годы в Баку и на Кавказе, либерально-реформистское практическое решение рабочего вопроса, даже весьма умеренное, оказывалось невозможным при самодержавном строе и неспособности промышленной буржуазии (а бакинские нефтепромышленники на последних этапах совещательной кампании оказывали ей всяческое противодействие) на какие-либо социальные компромиссы.

Еще более серьезные последствия для судеб трудового законодательства в России и вообще всего правительственного курса в рабочем вопросе имело вмешательство МВД весной—летом 1908 г. в выработку окончательной редакции страховых законопроектов МТП. Как уже отмечалось, они, как и ряд других рабочих законопроектов, были в общем готовы для внесения в III Думу уже к концу 1907 г., однако этого не произошло в связи с тем, что 6 декабря 1907 г. скоропостижно скончался Д. А. Философов, за полтора года своей деятельности во главе МТП потративший немало сил на подготовку реформы трудового законодательства и, что особенно существенно, отстаивавший, в известных, конечно, пределах, либерально-реформистские позиции Отдела промышленности. Его преемником стал И. И. Шипов, бывший в кабинете Витте министром финансов. Он не обладал опытом в торгово-промышленных делах, а главное, не смог отстаивать самостоятельную линию перед лицом как предпринимательского лагеря, так и чиновников МВД и к тому же не пользовался благосклонностью царя, что и объясняет в значительной мере недолгую его карьеру на новом поприще.

Репутация сотрудника Витте сыграла, несомненно, свою роль в первой благоприятной реакции торгово-промышленного мира на назначение Шипова, который со своей стороны также стремился наладить сотрудничество с предпринимательскими кругами. О своем отношении к реформе трудового законодательства Шипов высказался в интервью корреспонденту «Речи» (1908, 3 февр.). Признавая необходимость преемственности

в деятельности МТП и подчеркнув важность осуществления страхования рабочих, Шипов в то же время недвусмысленно высказался против поспешности в решении рабочего вопроса. Явно должно было поправиться предпринимателям и высказывание Шипова, направленное против законодательного ограничения продолжительности рабочего времени. 21 февраля во время приема делегации Совета съездов представителей промышленности и торговли Шипов в унисон Глезмеру высказался в пользу того, что «рабочие законопроекты должны рассматриваться все совокупно».²⁶

Эти и аналогичные высказывания нового министра, с одобрением встреченные промышленниками, не предвещали существенного сдвига в реформе трудового законодательства, и сам Шипов явно поначалу не намерен был форсировать события. Однако торгово-промышленная буржуазия в своей оппозиции правительственным законопроектам явно перестаралась. 15 февраля 1908 г. думская комиссия по рабочему вопросу, возглавляемая Е. Е. Тиленгаузенем, отказалась от дальнейшего рассмотрения упоминавшегося уже законопроекта Министерства финансов об обеспечении рабочих в случаях этого ведомства при несчастных случаях, поставив его обсуждение в зависимость от разработки МТП проектов государственного страхования рабочих. Получив это решение, секретарь Государственной думы И. И. Солонович на следующий же день обратился с запросом к Столыпину. Тот переадресовал этот запрос Шипову, попросив (в письме от 20 февраля) поставить его «в известность... о времени, к которому возможно ожидать изготовления законопроектов...».²⁷

После этого работа над министерскими проектами была спешно завершена, и уже 28 марта они были внесены в Совет министров. Правительству были представлены четыре законопроекта: об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании рабочих от несчастных случаев, страховых присутствиях и Главном страховом совете. Отмечая в объяснительной к ним записке, что кроме вносимых законопроектов Отделом промышленности подготовлены еще Положение о страховании на случай старости и инвалидности, а также некоторые дополнения к законам 1880-х и 1897 гг., «состоящие из постановлений об изменении правил о найме и постановлений о недопущении к некоторым работам подростков и лиц женского пола и о продолжительности и распределении рабочего времени»,²⁸ МТП откладывало их представление и тем более осуществление на неопределенное время. Таким образом от всей обширной законодательной программы МТП всего лишь через два года после ее окончательной выработки реально остались лишь страховые законопроекты, но и они были весьма ограниченными, поскольку охватывали далеко не всех рабочих (к рабочим средней и крупной промышленности, находившимся в ведении фабричного и горного надзора, были добавлены лишь транспортники) и не на всей территории России (не распростра-

²⁴ Там же, л. 202—204.

²⁵ П. А. Столыпин — И. И. Воронцову-Дашкову 28 апр. 1908 г. — Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 148, л. 2.

²⁶ Журнал заседания Совета ПОЗФ 26 февр. 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 53, л. 12.

²⁷ Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 1—2.

²⁸ Там же, л. 9.

нялись на Сибирь, Туркостан, отдельные районы Кавказа). Отказ от всеобщего страхования мотивировался тем, что оно встретило бы «большинство трудности как в неподготовленности населения к организации этого дела, так и в затруднительности повсеместного учреждения больничных касс, особенно в малонаселенных местностях империи».²⁹

В представленных редакциях страховых законов были учтены многие пожелания промышленников, высказанные ими на упоминавшихся уже совещаниях 1906—1907 гг., использован опыт германского и отчасти австрийского законодательства. Копируя германские образцы, Отдел промышленности пошел навстречу пожеланиям промышленников, возложив выдачу пособий рабочим при их болезнях на проектируемые больничные кассы, денежные средства которых составлялись из взносов, входивших в кассы как владельцев предприятий, так и рабочих, в то время как раньше (по закону 1866 г.) обеспечение больных рабочих происходило только за счет предпринимателей. То же самое относилось и к пострадавшим от несчастных случаев: по закону 1903 г. их лечение и денежное обеспечение производилось владельцами предприятий, теперь же, по германскому образцу, оно в течение первых 13 недель возлагалось на больничные кассы. Уменьшались и суммы взносов в больничную кассу. Удержание 3% из заработков рабочих было признано максимальным, в зависимости от размеров касс: чем они были больше (т. е. на крупных предприятиях), тем взнос был меньше (но не менее 1%), а следовательно, уменьшались и взносы предпринимателей, которые по новому закону должны были составить $\frac{2}{3}$ от общей суммы взносов рабочих.

Составители новых законопроектов, однако, с самого начала отказались от всеобщего характера страхового дела и его организации на государственной основе, как это имело место в Германии. Объяснялось это по преимуществу соображениями практического (отсутствие и трудности подготовки необходимых специалистов) и финансового (потребность громадных средств из государственного казначейства) свойства. Ставка на представительство рабочих и предпринимателей в страховых органах была, таким образом, для МТП, не обладавшего достаточными собственными кадрами, с одной стороны, вынужденным делом, а с другой — отражала еще сохранявшиеся здесь либерально-реформистские позиции. Впрочем, говорить о сколько-нибудь серьезном и равноправном с буржуазией представительстве рабочих в страховом деле, согласно представленным законопроектам, не приходилось.

В планируемые территориальные страховые товарищества, которые должны были заниматься страхованием рабочих от несчастных случаев, входили только предприниматели, от представительства в них рабочих МТП с самого начала отказалось. Крайне незначительным было представительство рабочих и в центральных и местных страховых органах: Главном страховом совете и страховых присутствиях. Да и в самих больничных кассах и их выборных органах сохранялось значительное влияние предпринимателей, которые должны были иметь в общих собраниях кассы $\frac{2}{3}$ от числа голосов, принадлежащих выборным уполномо-

ченным от рабочих.³⁰ МТП попыталось оградить проектируемые страховые органы от полицейской опеки и вмешательства МВД и губернских властей. Имелось в виду, что страховые присутствия в губерниях и крупнейших промышленных центрах (Петербурге, Москве, Лодзи, Одессе, Иваново-Вознесенске) и Главный страховой совет в Петербурге, достаточно бюрократические по своему составу, будут находиться под эгидой МТП и возглавляться его чиновниками — старшими фабричными инспекторами и министром торговли и промышленности. В объяснительной записке к проекту о страховых присутствиях специально подчеркивалась нецелесообразность подчинения страховых присутствий губернским властям.³¹

Для обсуждения выработанных МТП страховых законопроектов было созвано в начале апреля 1908 г. меведомственное совещание под председательством товарища министра торговли и промышленности М. А. Остроградского, куда были приглашены и представители ведущих торгово-промышленных организаций. Последние, однако, заняли отрицательно-пассивную позицию, протестуя против спешности с обсуждением законопроектов, а Московский биржевой комитет вообще отказался участвовать в совещании. Советом съездов представителей промышленности и торговли была направлена депутация к Столыпину и Шипову с указанием необходимости более обстоятельного и неторопливого обсуждения столь важного для страны вопроса.³² Столыпин депутацию не принял, и она 9 апреля посетила только Шипова. Последний отказался отложить открывшееся уже совещание, но согласился перед рассмотрением страховых законопроектов в Думе принять во внимание замечания и соображения Совета съездов представителей промышленности и торговли.³³

После неудачи в своих попытках сорвать или хотя бы отсрочить рассмотрение страховых законопроектов, промышленники попытались и на самом совещании Остроградского, и в печати в очередной раз поставить под сомнение их необходимость и осуществимость.³⁴ Отвечая на это, «Торгово-промышленная газета» в редакционной статье от 20 апреля 1908 г. «Промышленники и рабочее законодательство» подчеркивала, что нападки со стороны промышленников на проекты реформы трудового законодательства звучат на каждом из совещаний, созывавшихся правительством за последние три года. Подчеркнув, что все законопроекты по рабочему вопросу выработывались при участии и с учетом пожеланий промышленников, орган МТП призвал промышленников «проникнуться той простой идеей, что само решение вступить безотлагательно на путь улучшения рабочего законодательства и намеченные для сего меры подсказаны самой жизнью и имеют в своем основании стремление установить

³⁰ Подробнее см.: Чистяков И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. СПб., 1912.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 168—169.

³² Журнал экстренного заседания Комитета Совета съездов 8 апр. 1908 г. — Там же, ф. 32, оп. 1, д. 6, л. 72.

³³ Торгово-промышленная газета, 1908, 10 апр.

³⁴ См.: Аверех А. Я. Указ. соч., с. 229—231.

²⁹ Там же, л. 38.

взаимную гармонию в деятельности двух главных факторов промышленности: труда и капитала». В полемику вмешался и столыпинский офицер. В статье одного из ведущих сотрудников «России» А. Н. Гурьева (1908, 24 апр.) выступление «Торгово-промышленной газеты» было поддержано, правда, с откровенно охранительных позиций.

Полемика в печати, взаимные упреки и обвинения в связи с созывом и началом работы нового совещания по рабочему вопросу не отражали всех трудностей, встретившихся на пути окончательного согласования в правительстве страхового законодательства, разработанного МТП. Как раз 20 апреля, т. е. в день публикации «Торгово-промышленной газетой» отповедей промышленникам, на стол Столыпина легла докладная записка принимавшего участие в работе совещания Остроградского вице-директора Департамента полиции Н. П. Харламова, содержащая резкую критику подготовленных МТП страховых законопроектов. В ней отмечалось, что проекты характеризует «отсутствие какого-либо правительственного надзора за действиями больничных касс, имеющих, однако, располагать довольно значительными денежными средствами, и за расходованием этих средств», «совершенное устранение губернской администрации от надзора и контроля за учреждениями, ведающими страхованием рабочих».³⁵

Столыпин ознакомился с докладом Харламова в тот же день и, судя по подчеркнутым им его основным положениям, всецело их одобрил. 29 апреля 1908 г. в своем выступлении на совещании, которое вице-директор Департамента полиции откровенно преподносил как выражение позиций МВД, он утверждал, что обсуждаемые законопроекты могут внести «некоторое успокоение в рабочие массы» лишь на первых порах. Но они же содержат в себе «и серьезные опасности, способствуя усилению социалистического, а следовательно, и революционного движения», поскольку создаваемые больничные кассы «дают в руки рабочих два самых существенных орудия для социалистических партий: организацию и деньги». Отсюда следовал вывод о крайней необходимости «с самого начала подчинить деятельность больничных касс строгому надзору, чтобы предохранить их от возможных уклонов от непосредственных задач». Оставляя за МТП экономическую сторону дела, Харламов считал, что политическая — надзор за больничными кассами — должна «естественно находиться» в ведении МВД. На местах этот надзор за деятельностью больничных касс и благонадежностью избираемых в их правления рабочих должен быть сосредоточен исключительно в руках губернаторов.³⁶

Откровенно полицейский подход к страховым законопроектам представителя МВД не нашел поддержки у большинства участников совещания. Выступивший в защиту законопроектов Литвинов-Фалинский напомнил, что все они неоднократно обсуждались с участием представителей заинтересованных ведомств, включая МВД, и серьезных возражений против них тогда не высказывалось. Отметив, что торгово-

промышленное ведомство не в меньшей степени заинтересовано «во всемерном ослаблении социалистических элементов», Литвинов-Фалинский доказывал, что «всякие мероприятия, направленные к упорядочению жизни рабочего населения и к удовлетворению их справедливых нужд, ... способствуют лишению социалистической пропаганды почвы для успеха». К таким мероприятиям он и относил проектируемое страхование рабочих. Литвинов-Фалинский также отстаивал принцип самоуправления и относительной независимости больничных касс от губернских властей, усматривая в совместном управлении делами касс рабочими и предпринимателями «воспитательное влияние», поскольку «рабочие получают возможность убедиться в практической неосуществимости тех требований и пожеланий в деле обеспечения рабочих, которые внушаются им представителями социалистических партий», а сотрудничество предпринимателей и рабочих приведет «к более разумному взаимному пониманию, которое является лучшей почвой для создания параллельных отношений между предпринимателями и рабочими».³⁷

В выступлениях Харламова и Литвинова-Фалинского вновь проявился разный подход к решению рабочего вопроса: сугубо охранительный, полицейский и либерально-реформистский, при общей их контрреволюционной, антисоциалистической платформе. Против установления более тесных связей между страховыми учреждениями и губернской администрацией высказались и представители других ведомств. Решительно возражали против предлагаемых Харламовым мер выступившие на этом же заседании представители торгово-промышленных организаций В. И. Арандаренко и А. А. Вольский. Их мнение было зафиксировано в специальной памятной записке: «Министерство внутренних дел и рабочее законодательство». Смысл своей оппозиции планам МВД промышленники сформулировали достаточно четко, напомнив президенту, оказавшемуся неудачными поочередно-охранительные эксперименты полицейского ведомства. «Министерство внутренних дел, — говорилось в записке, — в рабочем законодательстве видит лишь политическую сторону и средство борьбы с неудобными ему течениями мысли. Это — старый прием. Он оказался несостоятельным на опыте с Зубатовым и Гипоном. Промышленники опасаются повторения старой истории, когда в конце концов им пришлось расплачиваться в рабочем движении за политику Министерства внутренних дел и его местных органов». Именно поэтому торгово-промышленный мир поддерживал сосредоточение всего страхового дела в руках одного МТП с тем, чтобы «избежать множества губернаторских политик и иметь некоторые гарантии, что промышленники не будут насильно втягиваться в политическую борьбу со своими рабочими».³⁸

На помощь к оказавшемуся в изоляции Харламову, видимо, не без указания Столыпина, поспешил Гурлянд, который в качестве члена Совета министра внутренних дел также участвовал в совещании. На заседании 3 мая Харламов и Гурлянд официально внесли на рассмотрение совещания проект правил по надзору за больничными кассами.

³⁵ ЦГАОР СССР, ДП, 2 д-во, 1908, д. 13, ч. 7, л. 5—6.

³⁶ Журнал Совещания по рассмотрению законопроектов о страховании рабочих (6 апр.—16 мая 1908 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 196—197.

³⁷ Там же, л. 197—198.

³⁸ Там же, ф. 32, оп. 1, д. 1905, л. 3.

Согласно этим правилам, председатели, их товарищи и все члены правлений, как избираемые рабочими, так и назначаемые предпринимателями, должны были утверждаться губернаторами или градоначальниками. Представители МВД также требовали предоставления губернаторам права производить ревизию дел касс, распространения на собрания членов больничных касс Временных правил 4 марта 1906 г. о публичных собраниях: извещение полиции за три дня, ее обязательное присутствие на этих собраниях, право губернаторов закрывать кассы, а полиции арестовывать на сроки до 3 месяцев и налагать денежные штрафы на участников больничных касс.

Возражая против этих драконовских предложений, находя их «немыслимыми», представители МТП и промышленники говорили, что они практически меняют основной социальный смысл всей предлагаемой реформы. «Весь проект, — писала 6 мая 1908 г. «Торгово-промышленная газета», — проникнут одной мыслью — содействовать разрешению социального вопроса, служит для смягчения обостренных отношений работодателей и рабочих... принятие предложения (МВД, — С. П.) равносильно вовсе отклонению всего законопроекта о кассах». Положение на совещании настолько обострилось, что представители промышленников откровенно пригрозили в случае принятия всех предложений МВД «посоветовать своим товарищам отказаться от фактического участия в делах кассы и в страховых присутствиях и ограничиться внесением причитающихся взносов».³⁹ Гурлянд вынужден был лавировать, отказавшись от менее существенных положений, непосредственно затрагивающих финансовые интересы предпринимателей, в частности от проведения губернаторами ревизий касс.

В итоге обсуждения предложений Харламова—Гурлянда согласия, за исключением отдельных пунктов, фактически не было достигнуто, и было решено передать эти предложения вместе с проектами МТП на усмотрение Совета министров. Комментируя создавшееся на совещании положение, кадетская «Речь» (1908, 8 мая) видела в этом продолжение давнишнего спора из-за ведомственной гегемонии, начатого еще Сипягиным и Плеве в отношении принадлежности фабричной инспекции. Напомнив о неудаче прежней правительственной политики в рабочем вопросе, кадеты предостерегали от опасных последствий близорукой политики, которая «весьма мало гарантирует действительное охранение тишины и покоя». Против подчинения страхового дела МВД высказался и орган октябристов — «Голос Москвы». Полемизируя с Харламовым, газета А. И. Гучкова высоко оценивала социальную политику Бисмарка и германское страховое законодательство. Отмечая, что в России почва для введения страхования менее подготовлена, чем в Германии, октябристы все же считали, что оно должно являться государственной политикой прежде всего в целях «улучшения отношений между трудом и капиталом», а не орудием «в руках Министерства внутренних дел для лучшего надзора за неблагонадежными, по выражению г-на Гурлянда, элементами рабочего класса, которые могут играть некоторую роль в органах, осуществляющих страхование».⁴⁰

³⁹ Речь: 1908, 7 мая.

⁴⁰ Голос Москвы, 1908, 8 мая.

Публичная полемика, затронувшая коренные вопросы политики в рабочем вопросе, сам характер и перспектива реформы трудового законодательства, являясь оппозицией к охранительному курсу МВД, отчетливо выявившаяся не только в революционно-демократическом и либеральном лагерях, но и в среде торгово-промышленной буржуазии, включая столыпинских союзников — октябристов, и даже в самом правительстве, очень беспокоила и самого Столыпина и его ближайших сотрудников. 9 мая, в самый разгар совещания Остроградского, Гурлянд представил специальную справку, в которой, отметив уступку МТП, согласившегося на руководство губернаторами страховыми присутствиями, подчеркнул, что представители МВД намерены и в дальнейшем добиваться осуществления полицейского надзора за деятельностью больничных касс. В заключение Гурлянд формальным образом доносил на Отдел промышленности МТП, обвиняя его в том, что он «под рукой ведет усиленную кампанию против настоящих Министерства внутренних дел и прессы». Гурлянд информировал Столыпина, что он в ответ печатает в «России» статью, где «решительно опровергаются всевозможные толки о „борьбе ведомств“, но где, под видом полемики с органами левой печати, разбираются все тенденциозные толкования тех заявлений, которые Н. П. Харламовым и мною делаются на Совещании».⁴¹

Но главные усилия Столыпина и его окружение, начиная со второй декады мая 1908 г., употребляли, чтобы окончательно сломить сопротивление своему курсу со стороны МТП. Первым делом была прекращена газетная полемика, после 7 мая даже «Торгово-промышленная газета» публиковала лишь краткую информацию о заключительной стадии совещания Остроградского, которое мало-помалу кончается и сворачивается. Представители МВД занимались откровенным выкручиванием рук у своих оппонентов. Под их нажимом в проект были внесены существенные исправления, согласно которым на губернаторов фактически возлагался решающий контроль над основными страховыми органами, а также больничными кассами.⁴²

Работа совещания практически зашла в тупик, представители промышленной буржуазии, полностью утратив к нему интерес, перестают его посещать. В итоге 16 мая совещание, не достигнув единодушия по всем рассматриваемым вопросам, было прекращено. Официально это мотивировалось спешностью работ по окончательному редактированию законопроектов. Однако хорошо информированное «Слово» сообщало 24 мая 1908 г., что преждевременное закрытие совещания рассматривалось в «осведомленных кругах» как результат столкновений между чиновниками МВД и «представителями промышленности и остальной частью членов совещания».

Буржуазия и ее представители на совещании Остроградского имели основания быть недовольными его итогами. В конфиденциальном отчете вице-председателя ПОЗФ М. Н. Триполитова о работе совещания, доложенном общему собранию ПОЗФ 30 мая 1908 г., подчеркивалось, что поднятые представителями МВД новые вопросы по контролю и надзору

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 83, л. 2—3.

⁴² Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 205—206.

за деятельностью больничных касс проведены ими «с энергией и железной логикой». «Решения по этим вопросам, — говорил, в общем достаточно точно, Триполитов, — развиты в связи с общими началами нашего государственного режима, и здесь голосу представителей промышленности места не было, и даже Министерство торговли и промышленности пошло как бы на буксире Министерства внутренних дел».⁴³ Такую же негативную оценку итогов совещания содержал и доклад Г. С. Касперовича Совету съездов представителей промышленности и торговли, одобренный на заседании Комитета Совета 17 июня 1908 г. и опубликованный тогда же в виде статьи в центральном органе этой главной представительной торгово-промышленной организации.⁴⁴

Разумеется не самого надзора за деятельностью больничных касс и преследования революционных элементов в рабочем классе боялись промышленники, в этом деле у них был достаточный опыт сотрудничества с властями при подавлении рабочего движения. Возрождения прежнего административного произвола, от которого страдали не только рабочие, но и предприниматели, реставрации анахроничной и не приносившей серьезных результатов охранительно-попечительной политики — вот чего в действительности и не без основания опасалась российская буржуазия.

Следующим этапом было обсуждение страховых законопроектов в Совете министров. В подготовке к его заседанию руководители МТП срочно наготовили журнал совещания Остроградского, где вынуждены были зафиксировать, что она «не могла прийти к единомыслию». В тексты законопроектов были повсюду внесены только одобренные совещанием исправления и изменения. Статья же, вызвавшая разногласия в совещании, отмечалась в заключении журнала, «внесены в проекты в редакции, принятой представителями Министерства торговли и промышленности».⁴⁵ В противовес журналу 10 июня в Совет министров был направлен подготовленный Гурляндом «Доклад представителей Министерства внутренних дел, принимавших участие в работах совещания по рассмотрению законопроектов Министерства торговли о страховании».⁴⁶ В нем воспроизводились все предложенные на совещании Харламовым и Гурляндом вышеназванные изменения и поправки к страховым законопроектам, причем, уловив господствующие в верхах и у самого премьера настроения, чиновники МВД торопились даже взять обратно свои уступки, вновь требуя, например, предоставления губернаторам права финансовых ревизий больничных касс.

Обсуждение страховых законопроектов в Совете Министров происходило 17 и 19 июня. Составленный после этого Особый журнал, одобренный Николаем II 30 октября 1908 г., повторял, как справедливо подметил А. Я. Аврех, в основном, зачастую дословно, содержание доклада МВД.⁴⁷ Для нас особенно важна принципиальная постановка царским правительством вопроса о перспективах его рабочей политики, включая и разра-

ботку трудового законодательства. В вводной части Особого журнала, после краткого перечня законодательных мероприятий царизма в рабочем вопросе, кончая обсужденными страховыми законопроектами, было особо подчеркнуто, что «Совет министров принял, прежде всего, во внимание, что представленные на его обсуждение законопроекты, касающиеся обеспечения участи рабочих на время болезни их и при несчастных случаях, имеют первоочередную государственную важность не только по существу непосредственно разрешаемых ими задач, но и в качестве основных, исходных положений, предопределяющих в известном направлении последующий ход нашего рабочего законодательства».⁴⁸ Все остальное положение Особого журнала в сущности и посвящено определению этих «основных, исходных положений» и указанием по переработке в соответствии с ними страховых законопроектов. Подчеркнув, что германские образцы могут проводиться в жизнь только с тщательным учетом «особенностей русской жизни и без нарушения коренных основ существующего у нас административного строя», Совет министров, повторив точку зрения МВД, утверждал, что рассматриваемые законопроекты это условие «не только обеспечивают». Указанные «коренные основы» далее вполне четко расшифровывались: «При современных условиях государственного и общественного развития нашего отечества необходимо, чтобы за органами административного управления обеспечена была возможность ближайшего руководства рассматриваемым делом и бдительного за ним надзора». После набивших оскомину утверждений о том, что русский пролетариат «не составляет такого сплоченного и в общем достаточно культурного класса, каким являются рабочие в Западной Европе» и констатации, что после «революционной смуты последних лет» рабочие «находятся теперь, насколько известно, в состоянии нравственной подавленности и взаимного недоверия», в журнале высказывалось опасение, что проведение в жизнь новых законопроектов вызовет среди рабочих оживление, и «весьма важно, конечно, чтобы это движение не было тотчас же использовано в революционных целях».⁴⁹

Таково было «теоретическое» обоснование одобренных Советом министров уже названных мер по жесткому контролю властей и надзору за всем страховым делом. Совет министров практически полностью одобрил все поправки и изменения, внесенные в ходе совещания Остроградского, в ряде случаев даже усилив меры полицейского надзора. Совет министров также высказался против возможного в будущем распространения страхования на другие категории наемного труда, как это всегда требовала буржуазия. На больничные кассы были распространены Временные правила 4 марта 1906 г. о союзах и собраниях, в результате чего над ними устанавливался постоянный полицейский контроль. Выборы в страховые органы проходили также с санкции и под контролем губернских властей.

Итогом обсуждения страховых законопроектов в Совете министров в июне 1908 г. было то, что замкнулся порочный бюрократический круг, жертвой чего стало не только весьма ограниченное по масштабам страхование рабочих, но и сама возможность проведения либерально-реформист-

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 594, л. 231.

⁴⁴ Промышленность и торговля, 1908, 15 апр., № 12, с. 762—765.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 194, 209.

⁴⁶ Там же, ф. 1629, оп. 1, д. 26.

⁴⁷ См.: Аврех А. Я. Указ. соч., с. 212.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 410—411. Курсив мой. — С. П.

⁴⁹ Там же, л. 412.

ского курса в рабочем вопросе. Самодержавие вновь пыталось вернуть рабочую политику в изрядно обмелевшее охранительно-попечительное русло, что совершенно не соответствовало ни уровню развития рабочего класса, ни вообще социально-политической обстановке в стране. Все это, а также неспособность буржуазии к социальным компромиссам практически делали невозможным осуществление в России буржуазной политики в рабочем вопросе, равно как и вообще сколько-нибудь удовлетворительное его решение.

В этом аспекте особенно важно подчеркнуть, что именно в рабочем вопросе так резко и столь очевидно начинает выявляться неспособность государственного механизма третьей юнкерской монархии осуществлять давно назревшие социально-экономические преобразования и, в частности, развернутую реформу трудового законодательства, что само по себе предвещало будущие новые социальные потрясения. Охарактеризованные ранее существенные разногласия в сфере рабочей политики между торгово-промышленной буржуазией и правительством также свидетельствовали о появлении первых и не таких уж малых трещин в самой основе только еще складывавшейся третьей юнкерской системы — союзе царского самодержавия с черносотными помещиками и октябристскими фабрикантами.⁵⁰

Для российского пролетариата столыпинская реакция, особенно 1908—1909 гг., были очень трудным временем. Эти годы совпали с острой депрессией в промышленности. Повсеместно происходило сокращение производства, особенно значительно в металлообрабатывающей промышленности, что было вызвано сокращением после окончания русско-японской войны военных и железнодорожных заказов. Это приводило к массовой безработице рабочих, серьезному ухудшению их жизненного уровня.⁵¹ Резко на убыль идет и само рабочее движение. Согласно данным фабричной инспекции, в 1907 г. в стачках участвовало 740,1 тыс. фабрично-заводских рабочих, или 41,9% всего их числа в стране, в 1908 г. — 176,1 тыс. (9,7%), в 1909 г. — 64,2 тыс. (3,5%), в 1910 г. — 46,6 тыс. (2,4%).⁵² Все это облегчало фронтальное наступление царизма и буржуазии на революционные завоевания российского пролетариата. «После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, — писал В. И. Ленин, — Россия пережила три года контрреволюции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено мстили революционным классам, и пролетариату

в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов».⁵³

При общей контрреволюционности царизма и буржуазии, их враждебности к рабочему классу существовало своеобразное «разделение труда» между властями и промышленниками в их наступлении на революционные завоевания рабочих. В то время как основной удар царизма был направлен против политических завоеваний рабочего класса, буржуазия торопилась отобрать обратно сделанные ему в революционные 1905—1907 гг. экономические уступки.

Широко используя в годы реакции действовавшие во всех крупнейших промышленных губерниях и центрах Положения усиленной и чрезвычайной охраны, жестоко карая активных участников революционного движения, правительство и местные администрации обрушивались и на активистов профсоюзов, культурно-просветительных и других пролетарских организаций. Их арестовывали и, как правило, высылали в административном порядке, а сами организации и органы рабочей печати попросту закрывали. Это означало на указанном выше временном упадке рабочего движения в 1908—1910 гг. В результате массовых репрессий с 1906 по 1912 г. было закрыто свыше 600 профсоюзов, а 700 профсоюзам было отказано в регистрации. Преследование профсоюзов приводило к резкому сокращению числа их членов: с 245 тыс. в начале 1907 г. (3,5% общей численности рабочих тех отраслей промышленности, где существовали профсоюзы) до 40 тыс. в конце 1908 г. и 13 тыс. к началу 1910 г.⁵⁴

Указанное «разделение труда» в годы реакции было, конечно, весьма относительным. Подавляя силой крупные стачечные выступления рабочих, центральные и местные власти нередко вмешивались и в экономические взаимоотношения рабочих с промышленниками, вызывая недовольство обеих сторон. Но главное было даже не в этом. Тяжелое правовое положение рабочих в условиях российской фабрики исключало какое бы то ни было равенство сторон при заключении договоров найма. Только предприниматель волен был определять условия труда рабочих, размеры их оплаты, величину рабочего дня. Рабочему же оставалось лишь соглашаться или не соглашаться на эти условия. До 1905 г. отсутствовали условия для узаконенных переговоров рабочих представителей с заводчиками и фабрикантами, а при существовавшем запрете рабочих организаций не могло быть и коллективных договоров; единственным выходом для рабочих, возможностью улучшить свое положение была стачечная борьба. В этом свете одним из важнейших революционных завоеваний российского пролетариата была вырванная у царизма легализация в 1905—1906 гг., хотя и в весьма ограниченных масштабах, экономической борьбы рабочих, их профессиональных организаций. Отнимая теперь у рабочих эти завоевания, преследуя участников рабочего движения, ликвидируя профсоюзы, царизм фактически облегчал промышленной буржуазии контр наступление на экономические завоевания пролетариата революционных лет.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 420.

⁵¹ См.: Круше Э. Э. Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг. Л., 1976; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М., 1979.

⁵² См.: Балабанов М. Указ. соч., с. 110; История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907—февраль 1917 г. М., 1982, гл. 3.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.

⁵⁴ См.: История профсоюзов СССР. М., 1977, ч. 1, с. 43.

Все же полностью отнять в годы реакции экономические и политические завоевания российского пролетариата, отбросить его к дореволюционным рубежам, вытравить у него революционные настроения так и не удалось. Начавшееся с конца 1910 г. одновременно с новым промышленным подъемом общественное оживление очень скоро переросло в мощный революционный подъем, главной силой которого вновь выступил рабочий класс России. Примечательно, что и III Дума наиболее интенсивно начинает заниматься рабочим законодательством, в частности обсуждением страховых законопроектов, лишь в последний год своей деятельности, с весны 1911 г. Период же реакции в общем характеризовался крайним замедлением, застоєм и даже попятным движением рабочей реформы. При этом правые и сам Столыпин были против либерально-реформистских, буржуазных мероприятий, а промышленники и октябристы всечески тормозили страховые и другие, в значительной мере «попечительные», проекты.

Министерство торговли и промышленности возглавлял в это время С. И. Тимашев, занявший свой пост в ноябре 1909 г. Бывший управляющий Государственным банком, которого хорошо знавший его С. Ю. Витте считал человеком «деловым, порядочным, но небольших способностей и ума»,⁵⁵ Тимашев тем не менее дольше других пробыл во главе МТП, и это не в последнюю очередь объяснялось его большим бюрократическим опытом, умением учитывать настроения в правящих кругах и торгово-промышленном мире, подчинять деятельность МТП решению по преимуществу текущих практических задач.

Вплоть до начала войны усилия МТП были употреблены почти исключительно на подготовку и реализацию страховых законов. К тому же после июньских (1908 г.) решений Совета министров по страховому законодательству, МВД и Департамент полиции активизируют свою деятельность, стремясь держать рабочую реформу под своим контролем, добиваясь приведения разрабатываемых норм трудового права в соответствие с указаниями Совета министров. В частности, еще больше суживается сфера надзора, осуществляемого фабричной инспекцией. В январе 1909 г. МТП было установлено, что в ведении фабричной инспекции находятся промышленные предприятия с числом рабочих от 20 и больше, при наличии машин, и свыше 30 рабочих — без машин (раньше 16 и более рабочих),⁵⁶ т. е. из-под непосредственного контроля Отдела промышленности выводились многие мелкие и средние предприятия, где особенно часто допускались злоупотребления и положение рабочих было наиболее тяжелым.

Важно подчеркнуть, что ни в период деятельности III Думы, ни во время IV-й царизм не решались коренные проблемы рабочего вопроса, трудового законодательства, и это оказалось одним из главных факторов острого социального кризиса накануне и в годы первой мировой войны и постепенного развала третьиюньской системы. В итоге так и не был окончательно выработан и принят новый закон о найме фабрично-заводских рабочих взамен устаревшего (1886 г.), не были заменены постоянными законами Временные правила о стачках и профсоюзах.

⁵⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. 361.

⁵⁶ Торгово-промышленная газета, 1909, 23 янв.

Реальная российская действительность в третьедумский период, особенно в годы реакции, делала иллюзорными и свободу стачек, и свободу взаимоотношений рабочих с хозяевами. В это время еще больше расширилась сфера применения карательных статей указа 2 декабря 1905 г.: они, по настоянию Военного министерства, были в конце 1910 г. распространены на все предприятия, выполняющие его заказы,⁵⁷ а их в связи с нараставшей угрозой войны с каждым годом становилось все больше. Промышленники же по-прежнему обходили существовавшие, согласно действовавшему законодательству о найме рабочих, ограничения, в частности, двухнедельный срок предупреждения, чтобы беспрепятственно прибегать к расчетам, увольнением активистов, локаутам.

Не был внесен в III Думу и проект нового закона об обществах и союзах, работа над которым была закончена в 1910 г. Во время убеждения на совещании под председательством Арбузова (в мае и ноябре 1910 г.) в профсоюзный раздел закона были внесены под нажимом чиновников МВД новые ограничения в правовые нормы, установленные для профессиональных организаций рабочих Временными правилами 4 марта 1906 г. Из проекта исчезают даже намеки на права профессиональных обществ вести борьбу за улучшение положения своих членов. На курсы и чтения, организуемые профсоюзами, был распространен полицейский надзор, как было предусмотрено решениями Совета министров относительно больничных касс. Гурлянд также добился изменения статьи 8 Временных правил: рабочие, не достигшие 17 лет, вообще не допускались в профсоюзы, а правом голоса должны были пользоваться только с 21 года, для членов правлений возрастной ценз составлял 25 лет. В этом вопросе чиновников МВД фактически поддержал один из руководителей ПОЗФ Триполитов, также считавший, что право участия в общих собраниях должно предоставляться только с 21 года, мотивируя это тем, что «самый беспокойный возраст между 15 и 20 годами».⁵⁸ По настоянию МВД было исключено участие в профсоюзах безработных. Наконец, в соответствии с решениями Совета министров 1908 г. губернаторы и градоначальники наделялись правом контроля и надзора за деятельностью профсоюзов, по их первому требованию им должны были представляться списки членов организаций, они возглавляли губернские и городские по делам об обществах присутствия, в то время как по Временным правилам контрольные функции по преимуществу исполнялись фабричной инспекцией и горным надзором.

В целом весь проект нового закона об обществах и союзах был проникнут духом полицейской опеки и в этом смысле еще менее соответствовал потребностям жизни, чем Временные правила 1906 г., которые он должен был заменить. Отношение к нему широкой общественности было крайне отрицательным. Совет съездов представителей промышленности и торговли отверг проект, как отрывающий широкое поле для вмешательства администрации, подчеркнув, что он «регламентирует

⁵⁷ Таков был основной смысл определения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената от 30 ноября 1910 г. (ЦИА СССР, ф. 1405, оп. 531, д. 1047, л. 17—18).

⁵⁸ Соединенный журнал Совещания по выработке закона об обществах и союзах 11, 18 и 22 мая 1910 г. — Там же, ф. 1284, 1906, оп. 187, д. 61, прил. 3, л. 211.

больше то, что не допускается, чем то, что допускается». ⁵⁹ С другой стороны, Департамент полиции настаивал на еще большем контроле над деятельностью обществ и союзов, особенно просветительных. Для рассмотрения этого круга вопросов 1 июня 1911 г. при МВД было созвано специальное совещание под председательством Столыпина. На нем представители Департамента полиции потребовали выбросить из проекта даже упоминание о стачках.

В реформе союзного законодательства Столыпин оказался таким же бесплодным, как и во всей своей реформаторской деятельности. Так и в третьедумский, относительно спокойный период царизм не сумел не только решить, но даже сколько-нибудь приблизиться к пониманию коренных социальных проблем рабочего класса. Напротив, в этих вопросах наиболее реакционные дворянско-помещичьи круги, определявшие в значительной степени политику царского правительства при Столыпине, стремились реставрировать дореволюционные порядки. Это и нашло свое отражение в охарактеризованных антирабочих, антизабастовочных и антипрофсоюзных мероприятиях царизма и буржуазии, как в области законодательства, так и в особенности — в практической, каждодневной деятельности властей и предпринимателей.

Действенным оружием в руках центральных и местных властей в борьбе с рабочим классом России, как и всем общественным движением в стране оставались Положения (1881 г.) об усиленной и чрезвычайной охране, которые В. И. Ленин характеризовал как «фактическую российскую конституцию». ⁶⁰ Хотя с 1908 г. их территориальная сфера несколько сократилась, но-прежнему в основных промышленных губерниях продолжали осуществляться репрессивные меры (аресты, административная ссылка и т. п.), предусмотренные охранными положениями. Примечательно, что в проекте нового единого «Исключительного положения», разработанного правительством в 1905—1907 гг., которое должно было заменить Положение 1881 г. и вводиться не только во время войны, но и «в случае внутренних волнений», были предусмотрены меры, ставшие по сути вне закона все забастовки рабочих, как экономические, так и политические, а также рабочие организации и профсоюзы.

При обсуждении вопроса о забастовках в комиссии, состоявшей из представителей МВД, Министерств юстиции, военного и морского, было высказано мнение, что запрещение всяких стачек, в том числе и экономических, идет вразрез с указом 2 декабря 1905 г. и на практике неосуществимо из-за невозможности наложить административные взыскания на тысячи рабочих. Большинство, однако, высказалось в пользу такого запрета. «Прежде всего, — мотивировали сторонники этой меры свою позицию, — если означенная мера и противоречит объявленной свободе стачек на экономической почве, то одно это не должно останавливать перед принятием ее: в исключительное время могут быть отменены свободы, имеющие значение для населения гораздо большее, чем свобода стачек, например, свобода слова, собраний, передвижения и т. п. Затем, далеко не всегда при возникновении забастовки можно с полной уверен-

ностью решить, с какою именно забастовкою, политической или экономической, мы имеем дело; для этого нужно подробное исследование; последнее не может быть произведено в короткий срок, а между тем в местности, охваченной беспорядками, как можно более быстрое прекращение каждого из них представляется существенно необходимым. Что же касается указания на невозможность применения административного взыскания к тысячам забастовавшим рабочим, то оно несущественно, так как для прекращения стачки весьма часто достаточно подвергнуть взысканию лишь главнейших вожаков движения, что представляется легко осуществимым». ⁶¹ Эта сугубо охранительная точка зрения на забастовки, союзы, политические свободы, знаменующая по существу возврат к дореволюционным порядкам, не встретила особых возражений в комиссии III Думы, обсуждавшей, в феврале 1908 г. — апреле 1909 г., и в целом одобрившей законопроект об «Исключительном положении». ⁶² Но и его постигла та же участь, что и законопроекты об обществах и союзах: законами они так и не стали. В конечном счете именно рабочему классу России, главной силе нового революционного подъема накануне войны, страна и русское общество обязаны тем, что были перечеркнуты старорежимные, реставраторские устремления царизма.

Необходимо совершенно отчетливо представлять глубочайшие последствия репрессивной антирабочей политики царизма и буржуазии в 1907—1911 гг.: ее конечная неудача выражалась не только в неспособности к социальному творчеству, но и в провале попыток предотвратить массовое рабочее движение, которое в 1912—1914 гг. приобретает преимущественно политический, революционный, антисамодержавный характер. Соответственно и возрождение в эти годы профсоюзного движения также происходит на революционной основе. Репрессии и гонения на рабочий класс и его организации в годы реакции в конечном счете оказались бумерангом, который нанес смертельный удар и по царизму, и по буржуазии, а попутно и реформизму, оказавшемуся в условиях царской России совершенно несостоятельным.

Но и в осуществлении законодательных мероприятий, имевших более традиционный, «попечительный» характер и мыслившихся (с 1908 г.) царским правительством в качестве важнейшего средства успокоения пролетарских масс и решения таким образом рабочего вопроса, третьедумская монархия мало преуспела.

Полного пятилетнего срока деятельности обеих законодательных палат оказалось недостаточным для окончательного утверждения единственного, в сущности, за «конституционный» период 1906—1907 гг. рабочего закона, введенного в действие 15 ноября 1906 г. правительством на основании ст. 87 Основных законов и регулировавшего продолжительность рабочего дня и отдыха торговых служащих (приказчиков) — «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах». После утверждения в декабре 1911 г. голосами ка-

⁶¹ Объяснительная записка к проекту «Исключительного положения» 8 янв. 1907 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 150, л. 711—712.

⁶² Приложения к стеногр. отчетам Гос. думы. 3-й соз. Сес. II. 1908—1909, т. II, № 421, с. 1—72.

⁵⁹ Утро России, 1910, 3 окт.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 114.

детей и право-октябристского большинства Думы этот весьма ограниченный и не отвечающий интересам многочисленных, беспощадно эксплуатируемых торговым капиталом тружеников прилавок законопроекта был в начале 1912 г. еще больше ухудшен комиссией Государственного совета. Решением этой комиссии из ведения закона изымалась сельская торговля; 15-часовой рабочий день, который по действовавшему закону устанавливался лишь в исключительном случае, теперь допускался во всех отраслях торговли, повсеместно разрешалась работа в выходные и праздничные дни, был исключен пункт об особой оплате за сверхурочные работы. Все это вызвало крайнее возмущение работников торговли, и III Дума вынуждена была не согласиться с этими поправками, в результате чего закон так и остался не утвержденным.⁶³

Пытаясь как-то реабилитировать себя в глазах приказчиков, принявших активное участие в массовых выступлениях российского промышленного пролетариата в апреле-мае 1912 г., правительство и право-октябристское большинство Думы в спешном порядке извлекли из недр думской рабочей комиссии и буквально под занавес, перед самым окончанием срока деятельности III Думы, вынесли на ее обсуждение другой приказничий законопроект: «О правилах найма торговых служащих». Смысл проекта состоял в упорядочении найма торговых служащих, являвшихся издавна объектом самой беспощадной эксплуатации их хозяевами, на них предполагалось распространить правила, которые в промышленности действовали уже с 80-х гг. XIX в. (заключение письменного договора и выдача расчетных книжек, предоставление 2-недельного отпуска, прием на работу с 12 лет и т. п.).

Обсуждение в Думе законопроекта происходило 26 и 27 мая. Докладывавший от имени рабочей комиссии ее председатель Тизенгаузен признал законопроект «актом государственной необходимости», подчеркнув одновременно, что ничего нового он в сущности не содержит. Трудовик К. М. Петров расценил предложенную октябристами спешность в рассмотрении проекта как предвыборный маневр, выразив убеждение, что проект «света не увидит». Это убеждение разделял социал-демократ А. И. Предиаля, справедливо подчеркнувший, что законопроект является «своего рода ответом на то движение, на тот подъем рабочего движения, которое замечается в последнее время».⁶⁴ Ряд поправок социал-демократических депутатов, улучшавших проект, были отклонены, как и возражение кадетов против увеличения испытательного срока при найме с 2 до 4 недель. В конце концов проект был принят большинством Думы, но Государственный совет в 1912 г. его даже не стал рассматривать, а через 2 года и вовсе отклонил.

Почти четыре года ушло на прохождение через Думу и Государственный совет и страховых законопроектов, этих, в сущности, единственных существенных и массовых из рабочих законов третьенойской монархии, только и оставшихся от прежних планов реформы трудового законо-

⁶³ См.: Любаров П. Е. О положении служащих торговых заведений («пролетариев прилавка») в царской России. — В кн.: Из истории рабочего класса СССР, Львов, 1963, с. 156—178.

⁶⁴ Гос. дума. 3-й соз. Сес. V, ч. IV, стб. 2580, 2588.

дательства. Сразу же после одобрения Советом министров МТП представило законопроекты 25 июня 1908 г. в Думу, которая передала их в комиссию по рабочему вопросу. Здесь они находились 2½ года, поскольку октябристское большинство рабочей комиссии во главе с Тизенгаузенем, отражая настроения торгово-промышленных кругов, откровенно затягивало работу над законопроектами. Прения в самой Думе начались вообще лишь в апреле 1911 г., всего лишь за год до окончания срока III Думы. К этому времени, правда, был принят, в марте 1911 г., упоминавшийся уже законопроект Министерства финансов об обеспечении занятых в этом ведомстве рабочих и служащих при несчастных случаях и заболеваниях, однако торгово-промышленной буржуазии удалось отсечь от законопроекта его наиболее существенную часть, предусматривавшую, в отличие от страховых законопроектов, вознаграждение рабочих за потерю трудоспособности от профессиональных заболеваний.⁶⁵

Законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев не вызвал особых дискуссий. Основная борьба развернулась вокруг правительственного законопроекта об обеспечении рабочих на случай болезни, и лишь в декабре 1910 г. комиссия представила Думе свой окончательный доклад. Думской комиссией были учтены замечания и поправки ведущих предпринимательских организаций России, обобщенные Советом съездов представителей промышленности и торговли и направленные в Думу в феврале 1909 г. в виде отдельных контрпроектов. Основные возражения торгово-промышленной буржуазии были направлены против предусмотренной правительственными законопроектами обязанности предпринимателей оказывать врачебную помощь своим рабочим, больницу и амбулаторную. Ссылаясь на обременительность такой обязанности, хотя, согласно данным МТП, общая сумма затрат предпринимателей в деле лечения своих рабочих не должна была превышать 5% их заработной платы,⁶⁶ подавляющее большинство торгово-промышленных организаций и Совет съездов считало необходимым переложить организацию лечения рабочих на проектируемые больничные кассы, т. е. по крайней мере разделить с рабочими все лечебные расходы.

Октябристским членам думской рабочей комиссии удалось при поддержке правых возложить организацию врачебной помощи на больничные кассы, согласившись в обмен на это с основными положениями организации надзора за страховым делом со стороны губернских властей и МВД. На последнем особенно настаивал принимавший с конца 1909 г. самое активное участие в заседаниях думской рабочей комиссии вице-директор Департамента полиции С. П. Белецкий, близкий к Столыпину человек, специально привлеченный им к разработке рабочего законодательства. Что же касается двух социал-демократических членов рабочей комиссии, Предиаля и Г. С. Куанцова, то все их предложения и поправки, направленные на сколько-нибудь серьезное улучшение проекта, расширение его сферы действия полностью отвергались не только право-октябристским большинством, но и либералами.

⁶⁵ См.: Любаров П. Е. Третья Государственная дума и вопрос о страховании рабочих в казенных предприятиях. — Вестник МГУ. История, 1967, № 2, с. 46—47.

⁶⁶ Журнал заседания Совета ПОЗФ 16 сент. 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 52, л. 51.

Эта картина в основном повторилась и в ходе начавшихся в апреле 1911 г. прений в Государственной думе. Происходили они в обстановке всеобщего недоверия в связи с окончательно обнаружившимся провалом столыпинско-октябристского реформаторства, усиления оппозиционных настроений среди буржуазии, постепенного роста, с конца 1910 г., общедемократического и рабочего движения. В этих условиях дальнейшая задержка с принятием страховых законов начала вызывать серьезные опасения не только у правительства, но и у части деловой буржуазии. Отражение этих новых настроений проявилось в докладе одного из признанных лидеров торгово-промышленного мира В. В. Жуковского. Выступив на V съезде представителей промышленности и торговли в марте 1911 г. с докладом, остро критиковавшим деятельность законодательных учреждений по торгово-промышленным вопросам, Жуковский в качестве одного из минусов деятельности Государственной думы называл замедление ее работы над рабочим законодательством. «Необходимо промышленности заявить, — подчеркнул Жуковский, — что проведение рабочего законодательства есть один из главных насущных наших интересов. Это необходимо сделать».⁶⁷

На заключительном этапе прохождения страховых законов через III Думу, немалое воздействие на его ход имели предстоявшие вскоре выборы в IV Думу. Именно с этих позиций следует оценить тот факт, что с начала 1911 г. октябристы активно выступают за скорейшее утверждение страховых законопроектов, естественно но вполне устраивавшей их редакцию думской рабочей комиссии.

В ходе общих прений в Думе по страховым законам правые и октябристы занимали единую позицию, отстаивая внесенные рабочей комиссией поправки в правительственные проекты. Кадеты (В. А. Степанов и Н. Н. Щенкин), выступая в обычном для себя духе «реальных политиков» и критикуя отдельные стороны законопроектов, готовы были поддержать их в редакции МТП начала 1908 г., усматривая в них противоядие от революции. Трудовики ратовали за распространение страхования на все виды наемного труда, в частности на сельскохозяйственных рабочих. С острой критикой обсуждавшихся в Думе страховых законопроектов выступали социал-демократические депутаты. В декларации социал-демократической фракции, зачитанной в Думе 25 апреля 1911 г., была подчеркнута необходимость введения широкого государственного страхования, за счет государства и предпринимателей, и распространения его на все категории рабочих. При этом было со всей ясностью отмечено, что «вопрос действительно социальных реформ, в частности в области страхования рабочих, несовместим с существующим у нас политическим режимом, и подобно тому, как на Западе социальные реформы не могли уничтожить движения пролетариата к социальной революции, так и у нас полицейско-социальное реформаторство окажется бессильным примирить рабочий класс с существующим политическим движением, отри-

цающим за рабочим классом право на проявление классовой самостоятельности».⁶⁸

Постатейное обсуждение страховых законопроектов началось еще через полгода, в октябре 1911 г., на последней сессии III Думы. Это обстоятельство вынуждало правительство, понимавшее, какой резонанс получит провал страховой реформы, и подстегиваемое растущим рабочим движением, форсировать события, а также более категорически выступить против инициатив, внесенных в законопроект о больничной помощи рабочей комиссией. Национала прежнее правительственную редакцию в Думе не только министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, но и премьер убитого Столыпина на посту председателя Совета министров — П. Н. Коковцов. Наним был опасен как на октябристов, так и на правых.

В последнем особенно преуспел Белецкий, которого больше всего заботила охранительно-попечительная сторона дела. «Чем лучше рабочие будут обеспечены материально, тем рабочие массы, этот самый горячий материал во время всевозможных беспорядков, будут устойчивее и нечувствительнее к революционной среде и их пропаганде», — писал Белецкий в докладной записке от 1 ноября 1911 г.⁶⁹ Отстаивая правительственную позицию по вопросу организации больничной помощи рабочим, Белецкий настаивал на сохранении строгого контроля над участниками больничных касс, возражая против предложенного рабочей комиссией, как и Советом съездов представителей промышленности и торговли некоторого ограничения контроля за страховым делом со стороны губернаторов и МВД. В этих сугубо охранительных, полицейских делах Белецкий успешно сотрудничал с Литвиновым-Фалинским, отстаивая совместную правительственную позицию в думской комиссии по рабочему вопросу. Когда же возникали трудности, то, как отмечалось в справке, составленной Белецким 22 ноября 1911 г., «как В. П. Литвиновым-Фалинским, так и мною предприняты меры к тому, чтобы правые фракции оказали свое содействие к принятию упомянутых поправок».⁷⁰

В конечном счете октябристы вынуждены были поддержать правительственную позицию по вопросу оказания врачебной помощи, выторговав некоторые важные уступки для предпринимателей, которые фактически не обязывались по закону содержать больницы, а должны были только оказывать первоначальную врачебную помощь и амбулаторное лечение. Все 102 поправки социал-демократических депутатов, а также большинство предложений кадетов и трудовиков были отвергнуты, в результате чего они голосовали в январе 1912 г. против страховых законопроектов. 10—11 января 1912 г. страховые законопроекты были приняты Думой голосами право-октябристского большинства.

Обсуждение страховых законопроектов в Государственном совете происходило с 18 апреля по 5 мая 1912 г., под аккомпанемент мощной

⁶⁷ Труды Пятого очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 15, 16, 17 и 18 марта 1911 г. в С.-Петербурге. СПб., 1912. Журналы заседаний, с. 33—34.

⁶⁸ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 2709; Подробнее о думских прениях по страховым законопроектам см.: Корбут М. К. Страховые законопроекты в третьей Государственной думе. — В кн.: Материалы по истории социального страхования. М., 1928, сб. 1, с. 18—59; Аверх А. Я. Указ. соч., с. 252—266.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ДП, 2 д-во, 1911, д. 13, ч. 13, л. 123.

⁷⁰ Там же, л. 170.

забастовочной волны рабочих после Ленского расстрела, и это был самый серьезный фактор, определивший окончательную позицию и Совета, и верхов. Правда, представители торгово-промышленного мира сделали последнюю попытку снова изменить в свою пользу законопроект об организации больничной помощи, и в этом им на помощь неожиданно пришел П. Н. Дурново, но в общем эти усилия не имели успеха. Зато МВД и представлявшему его в комиссии Государственного совета Белецкому удалось восстановить ряд прежних пунктов законопроекта, касающихся контроля и надзора за больничными кассами. Была также восстановлена редакция закона о страховании при болезнях, распространяющая его действие только на предприятия с числом рабочих не менее 20 при наличии механических двигателей и не менее 30 — при их отсутствии, в результате чего страхования были лишены сотни тысяч рабочих мелких и средних предприятий. В таком виде страховые законопроекты были утверждены 23 июня 1912 г. Николаем II. К ним надо добавить принятый в самый последний момент после краткого обсуждения в обоих законодательных палатах и утвержденный царем 28 июня 1912 г. законопроект о вознаграждении при несчастных случаях железнодорожников частных дорог, распространивший на них основные положения закона 1903 г.

Страховые законы имели ограниченный характер, поскольку охватывали примерно 15% всех рабочих России (около 3 млн. чел.), недостаточно материально обеспечивали рабочих и членов их семей, ставили все страховое дело и страховые органы под жесткий контроль административно-полицейских органов и предпринимателей.⁷¹ В резолюции Пражской конференции большевиков в январе 1912 г., написанной В. И. Лениным, отмечалось: «Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашений правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и изменение условий для свободной классовой борьбы пролетариата».⁷²

Однако при всей ограниченности новые страховые законы в общем являлись определенным достижением рабочего класса, а участие в больничных кассах представляло известные возможности для рабочей самодеятельности. Поэтому Пражская конференция, остро критикуя новые законы, противопоставляя им социал-демократическую программу всеобщего государственного страхования трудящихся, предостерегала против бойкота страховых организаций, призывая к их использованию в революционной работе. Такой подход В. И. Ленина, большевиков к страховым законам блестяще оправдался в последующие годы, когда больничные кассы стали одним из оплотов большевиков в их легальной работе среди пролетарских масс.

Страховые законы были в сущности единственным крупным результатом правотворчества третьестепенной монархии в рабочем вопросе. Подводя бесславный итог пятилетней деятельности царского правительства, III Думы и Государственного совета, неисполненных обещаний и фактического провала широко поначалу задуманной реформы рабочего законодательства, социал-демократический депутат III Думы А. И. Предкаль писал в первом номере новой большевистской газеты «Правда»: «Где же все эти обещанные реформы? Где свобода стачек и профессиональных организаций? Где защита детского и женского труда? Где сокращение рабочего времени для взрослых? Вместо всего этого рабочих сотнями сажают в тюрьмы, подвергают ссылке и даже расстреливают за участие в «непозволенных» экономических стачках. Свобода профессиональных организаций захламлена под замком у охранного отделения. О защите детского и женского труда представители высшего правительства боятся даже заикнуться. А требование 8 часов в сутки объявлено политическим требованием, т. е. государственным преступлением».⁷³

Выступая 7 мая 1912 г. на открытии VI съезда представителей промышленности и торговли в Петербурге председатель Совета министров Кокшанов откровенно связывал с принятием страховых законов надежды правительства на установление классового мира в промышленности.⁷⁴ Эти надежды премьера были не больше, чем иллюзией, так как именно в апреле—мае 1912 г. российский пролетариат в полной мере проявил свою силу в ходе развернувшегося после Ленского расстрела массового стачечного движения. Ленский расстрел явился искрой, которая мгновенно разожгла тлеющую, но не потухшую после первой русской революции классовую пролетарскую ненависть как к царизму, так и к буржуазии. 300 тысяч рабочих, участников стачек протеста в апреле 1912 г., 400 тысяч участников первомайской забастовки — таков был лишь первый ответ пролетариата России на очередное кровавое злодеяние царизма. «Ленский расстрел... явился, — писал В. И. Ленин, — точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии... Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта несправедливость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем».⁷⁵ Революционные настроения пролетарских масс, годами копившиеся, искавшие себе выход, теперь сразу вылились наружу, окончательно обозначили новый революционный подъем.

Начиная с апреля 1912 г. рабочее движение развивается, вплоть до начала первой войны, стремительно по восходящей линии. Уже в следующем 1913 г. рабочее движение в России, совершив за полтора года гигантский скачок, превысило уровень революционных 1906—1907 гг., почти достигнув уровня 1905 г., и далеко оставило позади рабочее движение в ведущих капиталистических странах. Главным оружием проле-

⁷³ Правда, 1912, 22 апр.

⁷⁴ Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. СПб., 1912, с. 8.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 341.

⁷¹ Подробнее см.: Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. М., 1952, гл. 4.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 147.

тарской борьбы против самодержавного строя и капиталистов становятся массовые революционные стачки, которые в сочетании с экономическими забастовками приобщали к революционному движению многотысячные рабочие массы, в том числе и наиболее отсталые слои пролетариата.

Подъем массового революционного рабочего движения явился главным фактором назревания в России с лета 1913 г. общенационального кризиса. Массовую революционную борьбу возглавляли большевики-ленинцы, вооружившие российский пролетариат широкой демократической, общенародной программой, благодаря чему он играл роль гегемона в освободительном движении, в надвигавшейся новой революции. Годы революции и реакции, политический произвол и бесправие в условиях самодержавного режима, неспособность правительства решить рабочий вопрос стали хорошей школой для рабочих России, которые в результате оказались в своей основной массе невосприимчивы к реформизму и тред-юмпонизму. Все более очевидной становилась неудача политики царизма и буржуазии в рабочем вопросе в обоих ее основных направлениях: охранительно-попечительном и либерально-буржуазном, реформистском. Результатом этого явилась историческая победа к 1914 г. большевизма в рабочем движении, его полное преобладание (на 70—80%) как в самом пролетарском движении, так и в рабочих организациях, профсоюзах и, напротив, отсутствие сколько-нибудь серьезной в них базы у крупной и мелкой буржуазии.⁷⁶

Новая революция влечет стучалась в дверь, и ее обжигающее дыхание начинают ощущать на верхних ступеньках социальной лестницы. На самом верху, однако, ничего не поняли и ничему не научились. Правящую верхушку развела язва распутинщины, сам Николай II все больше и больше подпадал под влияние наиболее консервативных кругов помещиков-крепостников, результатом чего явился откровенно реакционный курс во всей внутренней политике. В этих условиях отнюдь не случайным был полный застой с середины 1912 г. и вплоть до начала мировой войны в развитии трудового законодательства. 19 июня 1912 г. Коковцов запросил у министерств и ведомств сведения и соображения относительно дальнейшего развития официального законодательства для подготовки правительственной декларации, с которой он намерен был выступить в новой IV Государственной думе. В ответе Тимашева (от 22 августа 1912 г.) основной упор МТП в части трудового законодательства был сделан на проведении в жизнь страховых законов. Из новых предположений МТП был отмечен давний (еще 1906 г.) проект, предусматривавший некоторое сокращение рабочего времени (на 1—2 часа) для малолетних, подростков и женщин, а также предложение об учреждении особых страховых судов, по образцу германских третейских, с участием в них в качестве заседателей представителей от промышленников и рабочих.⁷⁷ Эти законодательные предположения МТП нашли свое отражение в программном выступлении Коковцова перед Думой 5 декабря 1912 г. и со всей очевидностью продемонстрировали

чрезвычайную ограниченность правительственного подхода к решению рабочего вопроса.

Критикуя правительственную декларацию в целом, репрессивную политику царизма в отношении рабочего класса, думская социал-демократическая фракция в своей ответной декларации 7 декабря заявила, что она будет отстаивать введение 8-часового рабочего дня, широкого рабочего законодательства и государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности, старости и безработицы, а также страхования материнства для всех категорий трудящихся за счет государства и предпринимателей и с гарантией полного самоуправления страхуемых.⁷⁸ Социал-демократическая программа разработки рабочего законодательства принципиально отличалась не только от правительственной программы, но и от пожеланий наиболее либеральной части буржуазии, с которыми выступил в июне 1913 г. при обсуждении в Думе сметы МТП А. И. Коновалов. Подвергнув критике деятельность МТП за то, что оно не проводит самостоятельной политики и подвержено влиянию МВД, Коновалов в сущности не далеко ушел в своей программе по рабочему вопросу от правительства; он так же предлагал обеспечить охрану труда женщин и малолетних, организацию страховых судов и, кроме этого, лишь строительство рабочих жилищ и страхование от инвалидности и старости.⁷⁹

Но и с проведением своих курых предположений МТП не торопилось. До войны 1914 г. они были только обсуждены в различных предпринимательских организациях, причем встретили здесь, особенно страховые суды, сильную оппозицию. МТП были также разработаны некоторые частные законоположения, распространявшие действующие правила найма на рабочих в частных золотых промыслах и упорядочивавшие отход русских рабочих за границу, но и они не получили законодательного утверждения. Не отличалась продуктивностью и рабочая комиссия IV Думы: за две предвоенные сессии она сумела разработать лишь вторую часть (о профессиональных заболеваниях) принятого (в первой части) в 1911 г. законопроекта об обеспечении рабочих и служащих Министерства финансов при заболеваниях, но и она не была утверждена.⁸⁰ «Вершиной» деятельности царизма в области рабочего законодательства явилось выделение Государственной канцелярией в 1914 г. всех статей из Уставов о промышленности и Горного, относящихся к рабочим, и объединение их со страховыми законами в отдельный Устав о промышленном труде.

Общий реакционный курс правительства в предвоенные годы нашел свое выражение и в практически полном провале прикажничьих законов в Государственном совете, правое консервативное большинство которого всегда враждебно относилось к социальному законодательству. Вновь значительным изменениям подвергся закон о нормальном отдыхе торговых служащих, одобренный еще III Думой, после чего он снова был

⁷⁶ Цит. по: Бадеев А. Е. Большевики в Государственной думе. Л., 1930, с. 63.

⁷⁷ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. I, СПб., 1913, стб. 1313.

⁸⁰ Гос. дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. 4-й соз. Сес. I. 1912—1913 г. СПб., 1913, стб. 436—437; Сес. II. 1913—1914 г. СПб., 1915, стб. 478—489.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 245—250.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 8, л. 44—46.

возвращен в Думу, но так до войны и не был окончательно принят. Полное фиаско потерпел также законопроект о найме торговых служащих. Открывая по нему прения 12 февраля 1914 г. В. И. Тимирязев попытался предостеречь правое большинство Государственного совета от отклонения законопроекта. «Я хорошо понимаю образ мыслей, — говорил Тимирязев, — тех лиц, которые считают своим долгом с особой осторожностью относиться к законопроектам, касающимся социальных реформ в государстве, но мне кажется, что эта осторожность не должна идти так далеко, чтобы совсем отмахиваться от социальных законопроектов». Указав на необходимость таких реформ, Тимирязев в то же время подчеркнул, что отговорка о желательности общего закона «ведет в сущности к совершенной остановке законодательного творчества в этой области».⁸¹ Такую же в общем позицию отстаивал и М. Н. Триполитов: «...если бы мы попробовали ожидать нового общего закона, регулирующего личный наем, то, весьма вероятно, нам пришлось бы надолго отложить это дело».⁸²

Но этого как раз и добивались правые. Выступивший от их имени А. А. Бобринский откровенно отмахнулся от насущных нужд приказчиков.⁸³ Резко выступил против законопроекта другой лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново, который назвал обсуждаемый законопроект подстрекаТЕЛЬСКИМ, проникнутым недоверием к хозяевам. Но Дурново метал молнии не только в сам законопроект, но гораздо дальше, — в творцов и других подобных законопроектов, и адрес его критических стрел был достаточно очевиден — торгово-промышленное ведомство и вообще чиновничий либерализм. «Вопрос плохо разработан, — говорил Дурново, — и законопроект... есть произведение робкого канцелярского мышления, а злые языки, пожалуй, прибавят, что все силы упомянутого робкого мышления направлены к тому, чтобы угодить шайке приказчиков, которая под влиянием педоучившихся проходивцев, бунтовала в недавние смутные годы... Заключение мое таково: если Вы не хотите, чтобы этот или подобный законопроект через немного лет был применен к Вашей прислуге, о чем уже началась агитация, и к сельским рабочим, и если Вы не находите, что это будет прекрасно, то следовало бы отклонить переход к повестке к рассмотрению».⁸⁴

Эта циничная аргументация и сам призыв не остались без ответа у реакционного большинства Государственного совета. Не помогли заклинания Тимашева не разрушать многолетней работы, предостережение М. М. Ковалевского против возможных столкновений и беспорядков в случае отклонения законопроекта. На последнее замечание Ковалевского Бобринский ответил словами Столыпина: «Пожалуйста, не запугивайте нас». В итоге 72 голосами против 64 законопроект 19 февраля 1914 г. был отклонен Государственным советом. Голосование по этому весьма ограниченному законопроекту было, пожалуй, последним гвоздем, заколоченным в крышку гроба над либерально-реформистским решением

рабочего вопроса в России. И лучшим классовым уроком для многотысячных масс работников торговли, на практике познававших, что только в союзе с рабочим классом под руководством большевиков они могут достичь и улучшения своего положения и полного освобождения от гнета своих хозяев. Такие действия правящих верхов объективно способствовали дальнейшему расширению классовой базы антисамодержавного революционного движения во главе с рабочим классом. Эту реальную опасность отчетливо представляли и наиболее умеренные правительственные круги, прежде всего в самом МТП, тревогу выражали и различные буржуазные и торгово-промышленные организации, в частности Комитет Совета съездов представителей промышленности и торговли, а затем (в мае 1914 г.) и VIII съезд представителей промышленности и торговли, высказавшие по этому поводу протесты.

Что же касается практической деятельности МТП, то все основные его усилия в 1912—1914 гг. были фактически полностью употреблены на проведение в жизнь страховых законов. К началу войны большинство из 12 товариществ по страхованию рабочих от несчастных случаев еще находились в стадии становления и в сущности не приступили к практической деятельности, а из 3260 больничных касс, намеченных и открытий на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции и насчитывавших 2276 тыс. рабочих, к 1 июля 1914 г. начали функционировать и выдавать пособия 1982 кассы (60,7%), охватившие 1538 тыс. рабочих (67,6%), остальные же еще находились на различных стадиях организации.⁸⁵ В самой столице и Петербургской губернии из-за противодействия властей и промышленников 1 июля 1914 г. из 272 запланированных больничных касс функционировали лишь 64.⁸⁶

Департамент полиции не только препятствовал (вместе с предпринимателями) проведению собраний рабочих при организации больничных касс, но попытался активно вмешаться в подбор членов Главного страхового совета и страховых присутствий. Поскольку до организации больничных касс министр торговли и промышленности и губернские власти имели право «приглашать» по своему выбору рабочих представителей, Департамент полиции рьяно в 1912—первой половине 1913 г. занимался этим делом, сообщая в МТП кандидатуры, главным образом черносотенно настроенных рабочих. Ничего из этого в конце концов не вышло, так как таких, с позволения сказать, представителей рабочих трудно было подобрать, а те, кто сначала согласился участвовать в страховых органах, вскоре под давлением рабочей массы вынужден был отказаться от этой сомнительной чести. Большую роль сыграла и целеустремленно проведенная большевиками под руководством ЦК РСДРП и лично В. И. Ленина страховая кампания. Местные большевистские организации, газета «Правда», большевистские депутаты Думы разоблачали полицейский произвол властей, оппортунистическую тред-юнионистскую тактику меньшевиков-ликвидаторов, словом и делом боролись за подлинное самоуправление в страховом деле, за превращение больничных касс

⁸¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912—13 годы. Сессия двинатая. СПб., 1914, стб. 1252—1253.

⁸² Там же, стб. 1266.

⁸³ Там же, стб. 1372.

⁸⁴ Там же, стб. 1276.

⁸⁵ См.: Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972, с. 242—245.

⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 96, л. 46.

в боевые рабочие организации, важную легальную форму сплочения proletарских масс.⁸⁷

Попытки властей сорвать работу большевиков среди рабочих, полицейские рогатки и запреты, аресты рабочих активистов не достигали цели, и в конце концов даже МТП вынуждено было протестовать против таких действий полицейского ведомства. По настоянию МТП 20 марта 1914 г. МВД направило губернаторам циркуляр, в котором они призывались к осмотрительности в своих действиях по отношению к участникам больничных касс. И снова действия властей и промышленников послужили в конечном итоге своеобразным бумерангом, когда после выборов весной 1914 г. определилось полное преобладание большевиков в местных и центральных страховых органах, в правлениях больничных касс. Особенно впечатляющими выглядели выборы 2 марта 1914 г. 5 членов Главного страхового совета от рабочих и 10 к ним заместителей, в результате которых победил большевистский список и в высший страховой орган были избраны рабочие — правдисты.

Подъем массового революционного рабочего движения весной 1912 г. застал в известной мере врасплох и правительство, и промышленников. Попытки бороться со стачечниками прежними методами — штрафованием и увольнением, арестами и высылками рабочих активистов — ощутимого успеха не приносили. И это вынуждало правительство и предпринимательский лагерь к поиску новых средств и методов борьбы с массовым рабочим движением.

На первых порах, вплоть до лета 1913 г., царское правительство и местные власти не придавали большого значения массовому рабочему движению в стране и вели борьбу с ним обычными полицейскими методами. Без сомнения, сказывались и традиционные представления правящей верхушки о направленности выступлений рабочих почти исключительно против их хозяев, промышленной буржуазии, и вообще недооценка роли и места рабочего класса в российском обществе. Дворянская верхушка, черносотенные партии не прочь были на словах порадоваться о бедных русских рабочих, угнетаемых монополистами-синдикатчиками. Такая черносотенная, внешне антибуржуазная, во многом демагогическая кампания особенно усилилась после Ленских событий. Примечательно, что в манифесте 1913 г. по случаю 300-летия дома Романовых много говорилось о крестьянских нуждах и заботах о них царя, но ни слова не было уделено рабочему классу. Для правящей верхушки он как будто не существовал, растворялся в общей крестьянской массе. Но постепенно спадала попочительно-охранительная пелена с глаз, и в верхах с удивлением начинали сознавать, что в стране действует мощная революционная сила — рабочий класс, который основной свой удар, с весны 1912 г., направляет, как и в годы первой русской революции, против царизма. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что массовое рабочее движение существенно сказывалось на ходе выполнения военных заказов, а это в глазах правящей верхушки представляло опасность для ее планов подготовки к войне. Почти с годовым опозданием, с лета 1913 г.,

МВД начинает в лихорадочной спешке разрабатывать антизабастовочные и антирабочие мероприятия, которые на поверку оказались далеко не новыми и столь же мало эффективными, как и в прошлом.

Новый всплеск правотворческой деятельности МВД был связан с именем нового министра внутренних дел Н. А. Маклакова и его товарища В. Ф. Джунковского. Сам министр при откровенно правых и антиконституционных взглядах вряд ли серьезно разбирался в рабочем вопросе. Этого нельзя было сказать о Джунковском, который, будучи адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, близко стоял на рубеже XIX—XX вв. к зубатовщине. С 1908 г. и вплоть до своего назначения в начале 1913 г. товарищем министра внутренних дел Джунковский был московским губернатором и в этом качестве неоднократно лично улаживал конфликты рабочих с их хозяевами. Его взгляды, представлявшие смесь охранительно-попочительных идей, казенного антибуржуазного либерализма, «полицейского социализма», густо замешанных на губернаторской практике, несомненно, нашли свое отражение в документах и деятельности МВД по рабочему вопросу 1913—1914 гг., в подготовке и реализации которых до начала 1914 г. до своего ухода с поста директора Департамента полиции, участвовал и Велецкий.⁸⁸

По инициативе нового руководства МВД меры борьбы с массовым забастовочным движением дважды, 8 августа и 24 октября 1913 г., обсуждал Совет министров. На последнем заседании обсуждалась секретная записка Маклакова от 14 октября 1913 г. В ней нашли отражение собственные для дворянско-помещичьего лагеря антипредпринимательские мотивы, когда на владельцев заводов и фабрик возлагалась в определенной степени вина за возникновение забастовок последнего времени. Предлагая организацию примирительных судов (камер) для улаживания экономических конфликтов в промышленности, Маклаков, однако, отрицал целесообразность участия в них выборных представителей обеих конфликтующих сторон, и в результате буржуазно-правовой, тред-юнистской организации приобретала типично бюрократически-охранительный характер: проектируемые суды должны были, по идее руководства МВД, возглавляться губернаторами или градоначальниками, а членами их должны были быть фабричные инспекторы и члены окружного суда. Нетрудно заметить, что в таком виде примирительные суды должны были явиться новым средством вмешательства властей и полицейских органов в промышленные конфликты. Новой здесь была лишь форма, суть же старая — охранительно-попочительная, зубатовского толка. В своей записке Маклаков также предлагал выработать новые нормы и установить уголовную ответственность «для агитаторов и зачинщиков политических забастовок».⁸⁹

На заседании Совета министров 24 октября 1913 г. выявились разногласия в подходе к рабочему движению и борьбе с ним между МТП и МВД. Торгово-промышленное ведомство выступило в пользу выборного

⁸⁷ См.: Портякин И. А. «Правда» и страховая кампания (1912—1914 гг.). — Вопросы истории КПСС, 1962, № 2, с. 95—105.

⁸⁸ См.: Воспоминания В. Ф. Джунковского за 1913—1914 гг. — ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, д. 53—54.

⁸⁹ Красный архив, 1936, № 1, с. 51—57.

состава примирительных учреждений, равного в них представительства рабочих и промышленников. Высказавшись за пересмотр антистачечного уголовного законодательства, Совет министров решил образовать «для изыскания мер против забастовок» междепартаментальное совещание.⁹⁰

Это совещание состоялось через полгода, в апреле—мае 1914 г. Однако еще до него МВД и другие ведомства предприняли целый ряд мер, направленных против забастовочного движения и рабочих организаций. В срочном порядке был извлечен и подготовлен в октябре 1913 г. для внесения в Совет министров, а затем и в Думу выработанный МВД в 1910 г. проект закона о союзах и обществах, который, как уже отмечалось, чрезвычайно ограничивал права рабочих профсоюзов.⁹¹ По настоянию МВД 9 сентября 1913 г. был введен в действие подготовленный еще в 1908 г. циркуляр МТП, запрещавший празднование дня 1 мая. В соответствии с рекомендациями МВД Министерством путей сообщения в сентябре 1913 г. были выработаны «Особые правила для борьбы с железнодорожными забастовками», согласно которым был усилен жандармский контроль над личным составом железнодорожных рабочих и служащих и удалены все неблагонадежные.⁹² Соответственно военное ведомство выработало проект создания на железных дорогах специальных бригад из призванных на военную службу железнодорожных рабочих и служащих, чтобы «обеспечить правильное функционирование железных дорог как в военное, так и в мирное (в случае забастовок) время». Такой же порядок предусматривался и на водном транспорте. Ставился также вопрос о переводе на военное положение с запрещением, под угрозой военного суда, оставления работы на предприятиях, обслуживающих военное и морское ведомство как с первого дня мобилизации, «так и в те периоды мирного времени, когда несвоевременное изготовление тех или иных припасов может отразиться на боевой готовности армии и флота».⁹³

Наконец, Министерство юстиции циркуляром от 7 октября 1913 г. дало указание прокурорам судебных палат и окружных судов возбуждать судебное преследование забастовщиков на основе указа 2 декабря 1905 г. и соответствующих статей Уложения о наказаниях.⁹⁴ И такие судебные процессы, хотя их и было немного, состоялись в конце 1913 г., вызвав повсеместно возмущение рабочих, протестовавших против ограничений свободы стачек. Так, суд над рабочими Обуховского завода, участниками экономической забастовки в ноябре 1913 г., вызвал мощную стачку и демонстрацию протеста в Петербурге, поддерживаемые московскими рабочими. В этой стачке, по данным «Правды», приняло участие 110 тыс. рабочих. В Думе социал-демократами был внесен специальный запрос о преследовании стачечников. Право-октябристское большинство, однако, отклонило спешность запроса. Такая судьба постигала и другие

многочисленные запросы о преследовании участников стачечного движения, профсоюзов и других рабочих организаций.⁹⁵ И это лишь подтвердило правоту большевиков об иллюзорности конституционных свобод в России, а рабочие лишь раз убеждались, что только своей борьбой они могут отстоять свои политические права и революционные (1905—1907 гг.) завоевания.

Антирабочая политика правительства в предвоенные годы не однозначно воспринималась торгово-промышленной буржуазией. Грубые полицейские преследования профсоюзов, рабочих активистов, вызывавшие повсеместно пролетарский отпор, приводившие к усилению массового революционного движения, естественно, оборачивались немалыми убытками для предпринимателей и поэтому нередко вызвали у них оппозицию. Отражением таких настроений были критические статьи в буржуазных изданиях, выступления на различных торгово-промышленных съездах, думские прения при обсуждении сметы МТП в 1913 и 1914 гг. Эта нотка откровенной неудовлетворенности деятельностью правительства, конкретно в рабочем вопросе, прозвучала в ряде выступлений на VIII съезде представителей промышленности и торговли в мае 1914 г.

Особый протест со стороны буржуазии вызвали попытки властей вмешиваться в их взаимоотношения с рабочими, а проект организации бюрократических примирительных камер (судов) повсеместно встретил отрицательную реакцию. Вместе с тем предпринимательские организации сами активно разрабатывали и проводили в 1913—первой половине 1914 г. антизабастовочные мероприятия, и в этом смысле их действия фактически смыкались с политикой правительства. В августе 1913 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли перед лицом нараставшего массового рабочего движения выступил с инициативой создания единого предпринимательского фронта, общерусской организации для борьбы с забастовочным движением.⁹⁶ Ничего из этого не вышло, так как центробежные течения в торгово-промышленном мире были еще сильны, однако в отдельных промышленных регионах и центрах объединенные антирабочие действия значительно активизировались. Особенно рьяно действовало в этом направлении ПОЗФ. При Механическом отделе ПОЗФ еще в июне 1913 г. была организована особая комиссия по выработке мер для борьбы с забастовками. В качестве наиболее действенной формы борьбы со стачечниками был избран локаут, причем руководителями ПОЗФ была достигнута договоренность об участии в локаутах и казенных предприятий военного и морского ведомств.

В Петербурге массовые локауты были проведены в марте и апреле 1914 г. и прочно вошли, как и в других промышленных районах, в арсенал антизабастовочной борьбы. Однако для большей эффективности этой меры промышленники добивались, как и раньше, отмены 2-недельного предупредительного срока при увольнении рабочих, а также испрашивали у правительства предоставления при локаутах отсрочек в выполне-

⁹⁰ Там же, с. 57—65.

⁹¹ Н. А. Маклаков — В. Н. Коковцову 29 окт. 1913 г. — ЦГАОР СССР, ДП, 2 д-во, 1910, д. 14, ч. 1, л. 236—237.

⁹² Там же, 1912, д. 13, ч. 2, л. 91—92.

⁹³ Докл. начальника канцелярии Военного министерства ген.-лейт. Данилова, 27 авг. 1913 г. — ЦГВИА, ф. 2000, т. 1, оп. 2, д. 262, л. 5—7.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 532, д. 616, л. 13.

⁹⁵ См.: Корбут М. К. Рабочая политика 4-й Государственной думы. — Красная летопись, 1931, № 5/6, с. 88—94.

⁹⁶ Письмо Совета съездов представителей промышленности и торговли 9 авг. 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1887, л. 1—2.

нии казенных заказов. Эти антизабастовочные действия были выработаны заседавшим одновременно с междведомственным совещанием при МТП в апреле—мае 1914 г. Особым совещанием при ПОЗФ.

Правительство и, в частности, МТП явно пошли в условиях обострения забастовочной борьбы весной—летом 1914 г. навстречу пожеланиям промышленников. Это нашло свое отражение в происходившем с конца апреля 1914 г. под председательством Тимашева междведомственном совещании. Его решения — это известный компромисс между МВД, МТП и промышленниками в целях объединения усилий в борьбе с приобретшим чрезвычайные размеры рабочим движением. С одной стороны, были выработаны новые усиленные карательные меры, направленные против руководителей политических стачек: предусматривалось тюремное заключение сроком до трех лет. С другой стороны, по инициативе МТП, было предложено внести изменения в Устав о промышленности, чтобы снять всякие ограничения в расторжении договора найма при стачках со стороны промышленников. И, наконец, МТП удалось отстоять свой либерально-реформистский подход к примирительным учреждениям, в частности к планируемым примирительным судам, как к организации, где в одинаковой степени должны были быть представлены представители обеих сторон — рабочих и промышленников в лице выборных заседателей от большинства касс и страховых товариществ. И это тоже было явлением времени, когда рост рабочего движения делал невозможным сугубо административную с полицейскими функциями организацию.⁹⁷

Решения совещания не были реализованы из-за разразившейся вскоре войны, однако продление сроков сдачи казенных заказов при забастовках было одобрено Советом министров 2 июля 1914 г. Непосредственным результатом такого «внимательного» отношения правительства к промышленникам был массовый локаут в Петербурге, когда владельцы многих предприятий в ответ на всеобщую стачку питерских рабочих в начале июля закрыли на две недели свои предприятия, выбросив на улицу свыше 100 тыс. рабочих. Одновременно 8 июля 1914 г. Маклаков направил в Совет министров записку с требованием о немедленном объявлении Петербурга и Москвы с губерниями в положении чрезвычайной охраны, мотивируя это тем, что «власть бессильна бороться нормальными средствами с такого рода явлениями, а таковое невольное бездействие власти ведет к подрыву ее высокого авторитета и окрыляет тех, кто целью своей работы ставит смуту».⁹⁸ 11 июля это представление МВД было утверждено Советом министром и царем, но именно оно лучше всяких слов свидетельствует о полном крахе рабочей политики царизма и буржуазии.

Только начавшаяся мировая война на короткое время прервала дальнейшее развитие революционного кризиса, основой которого было массовое рабочее движение, направленное как против буржуазии, так и против самодержавия, что в конечном счете привело в 1917 г. сначала к краху царизма, а затем и буржуазии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1907—1914 гг.

Экономическая политика царизма при всей ее противоречивости и непоследовательности преследовала цель в той или иной степени совместить противоположные интересы буржуазии и помещичьего дворянства с собственными интересами и возможностями казны и сохранить привычные бюрократические рычаги вмешательства в народно-хозяйственную жизнь.

Рост финансовой мощи буржуазии и изменение политической обстановки в стране после революции 1905—1907 гг. резко повысили требовательность российского капитала в экономической области. Магнаты промышленности добивались пересмотра налоговой системы, при которой их собственность была обложена пропорционально выше, чем собственность дворянства, устранения правительственной регламентации предпринимательской деятельности и ликвидации или сокращения казенного хозяйства, увеличения своей роли при разработке экономических программ и, одновременно, осуществления правительством финансовых, внешнеторговых и иных мероприятий, направленных на стимулирование частного предпринимательства.

В мае 1907 г. второй съезд торговли и промышленности одобрил доклад комиссии П. П. Рябушинского о правительственном проекте подоходного налога. В докладе утверждалось, что промышленность и торговля «терпят убытки и разоряются» из-за общих неблагоприятных условий и тяжести налогового бремени, в то время как помещичьи земли дорожают «независимо от работ землевладельческого класса», и предлагалось ввести обложение «незаработанного дохода» с этих земель, которое «дало бы несомненно больше и было целесообразнее, чем обложение новым налогом переобложенной ими и разоряющейся промышленности».¹ В 1911 г. чрезвычайный съезд промышленности и торговли принял по предложению Г. А. Крестовникова резолюцию, отмечающую «заведомое переобложение» землями торгово-промышленных предприятий по сравнению с дворянскими имениями и утверждающую, что правительственный проект дальнейшего повышения земских налогов является «не только утверждением существующей несправедливости, но и поощ-

¹ Второй очередной съезд представителей промышленности и торговли. По поводу внесенного в законодательные учреждения проекта подоходного налога. Доклад Совета съездов. СПб., 1907, с. 15—16.

⁹⁷ Борьба со стачечным движением накануне мировой войны. — Красный архив, 1929, т. 3, с. 101—125.

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 4276, оп. 10, д. 125, л. 37.

рением незаконности, произвола и закреплением в стране бесправия одного класса населения перед другим».²

Постоянно выдвигался также тезис, что государственное вмешательство в частную промышленность и существование казенных предприятий «тормозит развитие производительных сил страны».³ В специальном докладе секретаря Совета съездов А. А. Вольского в 1908 г. критика казенного хозяйства была еще в общем сдержанной, но уже содержался и общий тезис, что «правительства, будучи лишены необходимой подвижности, не могут быть хорошими предпринимателями»,⁴ и требование открыть шире двери частному капиталу в железнодорожном и почтово-телеграфном деле. Осенью того же года на совещании о металлургической и машиностроительной промышленности заводчики потребовали распространить на казенные заводы все налоги и повинности, которые несут частные предприятия, и закрывать их в случае убыточности, прекратить постройку новых и расширение старых казенных заводов.⁵ Годом позже была открыто провозглашена принципиальная необходимость ликвидировать казенные заводы ради искоренения «громадного вреда», наносимого ими частной промышленности.⁶

Рассматривая казну, когда та вступала на путь собственного предпринимательства, как нежелательного конкурента, буржуазия в то же время добивалась от нее «споспешествования отечественной промышленности и торговле в тех случаях, когда силы отдельных предпринимателей оказываются недостаточными».⁷ В упомянутом выше докладе Вольского было выдвинуто требование разработать программу строительства «экономически необходимых и коммерчески выгодных» железных дорог. При этом на государство возлагалась обязанность выработки плана сети таких дорог и заблаговременного выделения средств на казенные дотации, тогда как строительство и эксплуатация дорог должны были производиться частным капиталом. От государства ожидалось также шаги по «плановому покровительству» тем отраслям, которые не выдерживали иностранной конкуренции.⁸

В обстановке предвоенного подъема либеральные буржуазные лидеры объединяли в своих выступлениях экономические и политические лозунги. В наиболее общем виде экономическая программа буржуазии была изложена А. И. Коноваловым в ходе бюджетных прений в Думе. Коновалов говорил о необходимости пересмотра акционерного законода-

тельства, промышленного устава и торгового права, принятия широкого рабочего законодательства, развития коммерческого образования, подготовки к пересмотру торговых договоров, реорганизации Министерства торговли и промышленности и расширения его функций, устранения ограничений «свободного провоза личной инициативы» вообще и притока иностранных капиталов в частности.⁹ Но слова о необходимости широкой экономической программы заведомо оставались благими пожеланиями, неисполнимыми без решительной борьбы против всей существующей системы, на которую российский капитал был неспособен. Поэтому сто «реалистически мыслящие» лидеры сводили дело к ряду конкретных требований: не препятствовать концентрации капиталов вообще и притоку иностранных капиталов в особенности, продолжать форсированное железнодорожное строительство при любой экономической конъюнктуре, отказываться от казенного предпринимательства и превратить государственные заказы в «экономический регулятор», с помощью которого правительство приходило бы на помощь частным предприятиям «в периоды промышленных депрессий».¹⁰

В то время как буржуазия настаивала на проведении политики, обеспечивавшей ей более благоприятные условия функционирования и развития капиталистической системы хозяйства, экономические требования дворянства сводились к предоставлению ему дополнительных льгот и ссуд, чтобы помочь ему удержать в своих руках землю. «Дворянское сословие, — заявлялось во всеподданнейшем докладе о работах шестого съезда объединенного дворянства, — испытывает ныне тяжелый кризис и требует некоторой поддержки для предотвращения его дальнейшего упадка».¹¹ Постоянным аргументом при этом было заявление о необходимости существования крупных земельных собственников для самого государства. «В общем народном организме, — в очередной раз выдвигал этот тезис В. И. Гурко в докладе на тому съезду объединенного дворянства в 1909 г., — classe этот составляет необходимую и притом наиболее важную его часть».¹² Новым, появившимся после 1905—1906 гг., был аргумент об обязанности государства, «органы которого не сумели ни предвидеть, ни во время предотвратить причиненного вреда», возместить помещикам убытки, принесенные революционными выступлениями крестьян.¹³

Как и буржуазия, помещное дворянство все время вставало в защиту притесняемого класса, «нелюбимца правительства», которого «жмет кадетствующая бюрократия»¹⁴ и сгоняет с земли Крестьянский банк.

² Журнал заседаний экстренного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 10, 11 и 12 ноября 1911 года в Петербурге. СПб., 1912, с. 111—112.

³ Труды Четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1910. Журналы заседаний, с. 41.

⁴ Третий очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклады и записки. СПб., 1908. Основы торгово-промышленной политики России, с. 15.

⁵ Представление МТП в Совет министров 26 нояб. 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 296, л. 9.

⁶ Труды Четвертого очередного съезда... Докл. А. К. фон Девена о казенных предприятиях и поставках, с. 14—16.

⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. III. СПб., 1909, стб. 651—652.

⁸ Третий очередной съезд... Основы торгово-промышленной политики России, с. 13—33.

⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия I, ч. III. СПб., 1913, стб. 1324—1332.

¹⁰ Доклад Совета съездов о современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. СПб., 1914, с. 74, 100, 112, 115, 126—127.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 498, л. 18.

¹² Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909, с. 52.

¹³ Докладная записка Постоянного совета объединенных дворянских обществ Председателю Совета министров 17 марта 1907 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 184, л. 12.

¹⁴ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910, с. 24.

Те самые налоги, которые буржуазия считала направленными против нее, помещичье дворянство расценивало как покушение на его карман. Помещики требовали обильного кредита (основанного к тому же не на общих коммерческих принципах),¹⁵ который дал бы им возможность наладить хозяйство в имениях, причем это подавалось как забота об общегосударственных интересах и подъеме сельского хозяйства вообще.¹⁶ Все громче выдвигалось требование «национализации кредита» — создания специальных кредитных учреждений, которые ссужали бы деньгами только русских.¹⁷ Речь шла о казенном кредите, поскольку коммерческие и поземельные банки объявлялись покровителями «инородцев» и врагами помещичьего землевладения. На съезде объединенного дворянства в 1914 г. в докладе о кризисе частного землевладения от правительства требовалось принятие мер по улучшению за государственный счет сети местных дорог, по урегулированию отхода сельскохозяйственных рабочих за границу (т. е. по принудительному удержанию их внутри страны), по изменению к выгоде помещиков железнодорожных тарифов на внутренние перевозки батраков, по облегчению сбыта сельскохозяйственной продукции.¹⁸ Постоянное хождение в аграрных кругах имела идея создания специального Сельскохозяйственного банка, который в отличие от Дворянского давал бы деньги под залог не земли, а сельскохозяйственной продукции. От казны при этом ожидалось, что она вложит в банк только при его учреждении 50 млн. руб.¹⁹

Между тем финансовое положение государства, к которому обращались требования и буржуазия, и дворянства, было в начале существования третьионойской монархии крайне напряженным. Русско-японская война, затяжной промышленный кризис и революционные потрясения 1905—1907 гг. едва не привели царизм к банкротству и отказу от золотого обращения. Кризис самодержавия нашел свое выражение и во все больших перебоях в функционировании государственно-капиталистического хозяйства, от которого (кроме винной монополии) казна не могла рассчитывать на доход. Напротив, Министерство путей сообщения представило в 1907 г. программу, по которой только на приведение в порядок существующей сети казенных железных дорог требовалось в ближайшем пятилетии 916 млн. руб.²⁰ Встав перед необходимостью изыскания средств на восстановление армии и флота, проведение аграрной реформы, железнодорожное строительство и другие неотложные нужды, Министерство финансов выработало в 1906—1907 гг. программу введения новых (походного, наследственного) и повышения существовавших прямых налогов, которая по его подсчетам должна была дать около 50 млн. р. в год, что не покрывало убыли отмененных с 1907 г. крестьянских вы-

купных платежей. Вся тяжесть финансового бремени по-прежнему перекладывалась по признанию министерства на «неимущие классы», на чью долю приходилась основная масса косвенного обложения,²¹ хотя последнее достигло таких размеров, что дальнейшее его увеличение самому правительству не представлялось «практически осуществимым».²² К тому же единственный открытый для России денежный рынок — французский, — как подчеркивали представители французского правительства, «устал от операций русского казначейства»²³ и после 1909 г. царизм уже не мог прибегать к государственным займам за границей, хотя в форме частных инвестиций иностранный капитал охотно шел в Россию. В этих условиях коковцовская навязчивая идея «создания свободной наличности» и «поддержания бездефицитного бюджета» отражала не только устои государственного мышления министра, неспособного подняться выше «бухгалтерской» стороны росписи, но и реально сложившуюся ситуацию.

Урожай 1909 и 1910 гг. и стимулированный ими промышленный подъем привели к значительному увеличению валового национального дохода и, соответственно, той его части, которая поступала в казну в виде налогов и пошлин, что обеспечивало рост государственных доходов (этим при явном неустойчивости правительства не преминуло воспользоваться буржуазно-помещичье большинство Думы, отложив в долгий ящик введение подоходного и наследственного налогов). Тем не менее и в предвоенные годы, по признанию Коковцова, «удовлетворение многих важнейших нужд государства, не относящихся к военным потребностям, было искусственно сдерживаемо»²⁴ и темпы прироста так называемых обыкновенных расходов были ниже, чем в предреволюционный период. Даже требования военного и морского ведомств поневоле удовлетворялись Министерством финансов не полностью, что явилось одной из причин негоднотовленности русской армии к мировой войне.²⁵ Все же за 1907—1913 гг. прямые военные расходы России составили 4,36 млрд. р., что почти вдвое превышало прирост акционерных капиталов с 1902 по 1914 г. В свою очередь затраты на поддержку помещичьих хозяйств и проведение столыпинской аграрной реформы тоже превышали приток капиталов в акционерные банки и предприятия за предвоенные годы.²⁶

Напряженность финансов делала очень острой проблему общего направления экономического курса. Отражая взгляды помещичьего дворянства и исходя из потребностей землеустроительной политики, Главное управление земледелия не только считало, что развитие промышленности должно происходить на частные средства без помощи казны, но и вына-

¹⁵ Там же, с. 99.

¹⁶ Гурко В. И. Указ. соч., с. 75, 78.

¹⁷ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912, с. 30.

¹⁸ Труды X съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1914, с. 13, 21.

¹⁹ Милулин П. И. Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности. Харьков, 1902, с. 30—39.

²⁰ Представление МПС в Гос. думу 7 июня 1907 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 407, л. 26—53.

²¹ Представление Министерства финансов в Гос. думу 17 апр. 1907 г. — Там же, ф. 560, оп. 26, д. 634, л. 302—312.

²² Особый журнал Совета министров 24 февр. 1910 г. — Исторический архив, 1962, № 2, с. 140.

²³ Ананьич Б. В. Россия и международный капитал, 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 261.

²⁴ Цит. по: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 30.

²⁵ Там же, с. 60—79.

²⁶ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948, с. 256.

шивало планы отвлечения значительных частных капиталов через кредитные учреждения на нужды сельского хозяйства, подчеркивая при этом, что в России именно от положения сельского хозяйства зависит благосостояние всех прочих отраслей промышленности, а равно и торговли.²⁷ Уже в начале 1907 г. ГУЗиЗ внесло в Совет министров проект создания при ведомстве Сельскохозяйственного банка, основанный на мигулинских идеях. В письме главы ведомства Б. А. Васильчикова Столышину упор делался на землеустроительные функции банка — операции по залогоу надельных земель и кредит на нужды переселения, мелиорации и «воспособления» кустарной промышленности.²⁸ Однако из объяснительной записки к проекту банка было видно, что банковские средства в первую очередь достались бы помещикам в виде подтоварного кредита и ссуд на создание перерабатывающих предприятий. Согласно проекту, первоначальный капитал банка (100 млн. р.) складывался пополам из средств казны и частных акционеров, а дальнейшие поступления получались за счет облигационных займов, привлечения вкладов и т. п. Часть банковских ссуд должна была предоставляться под льготный процент.²⁹ По сути дела речь шла о создании еще одного канала для перекачивания средств в помещичьи хозяйства без гарантии их возврата, а выпуск облигаций не мог не отражаться на курсе государственных ценных бумаг, тем более, что эмиссионная деятельность банка оказывалась вне контроля Министерства финансов. Все это было настолько очевидно, что даже Земский отдел МВД, тоже заинтересованный в поддержке сельского хозяйства, был вынужден признать невозможным создание банка сельскохозяйственного кредита раньше, чем государство выйдет из затруднительного финансового положения.³⁰ Тем не менее весной 1908 г. МВД, как отмечалось в гл. 2, само заявило претензии на получение полумиллиардного кредита для выходящих из общины крестьян. Еще до того, в марте, идея передачи Крестьянского банка в ведение ГУЗиЗ и создания особого Сельскохозяйственного банка была поддержана съездом объединенного дворянства.

В мае 1908 г. во главе ГУЗиЗ встал А. В. Кривошеин, еще в 1905—1906 гг. пытавшийся сосредоточить в ведомстве земледелия все отрасли сельского хозяйства, включая аграрный кредит. С первых же шагов на своем посту он стал добиваться расширения сферы влияния ГУЗиЗ и подчеркивал, что сельское хозяйство и кустарный промысел питают в России больше людей, чем промышленность, а потому требуют и соответствующих ассигнований. Все же осенью 1908 г. он отклонил как преждевременный, возникший по случайному поводу, проект группы членов Думы о передаче Крестьянского банка в ГУЗиЗ, отметив, что первоочередной задачей является его приспособление к целям земле-

устроительной политики.³¹ Не предполагал особых изменений в статусе Крестьянского банка и проект реорганизации ГУЗиЗ в Министерство сельского хозяйства, подготовленный весной 1909 г.³² По-видимому, на сдержанности Кривошеина отражалось понимание им неблагоприятного «положения денежного рынка».³³

Именно поэтому урожай 1909 г., обещавший улучшение финансов, с особой остротой поставил вопрос о том, куда будут направлены средства, полученные от его реализации. При этом центр тяжести переносился с проблемы устройства выходящих из общины на обеспечение всех сельских хозяйств оборотными средствами. Для того, чтобы большая часть прибыли доставалась производителям хлеба (помещикам и крестьянам), они должны были иметь возможность не сбывать его сразу, а выжидать высоких цен, а для этого нуждались в долгосрочном подтоварном кредите. Частные банки отказывались в таком кредите и потому, что предпочитали сами зарабатывать на хлебной торговле, и потому, что ссуды под хлеб, остававшийся в амбаре продавца (из-за отсутствия в стране сети зернохранилищ), были негарантированными. Поэтому на созванном при ГУЗиЗ междоудомственным совещании требование о предоставлении ссуд под «неподвижный» (остающийся на хранении у продавца) хлеб было обращено в первую очередь к Государственному банку, причем подчеркивалось, что «первенствующее значение принадлежит доступности кредита, вопрос же о твердой его обеспеченности должен стоять на втором плане».³⁴ Понимая, что Государственный банк, связанный требованиями гарантии залогового права, на предоставление такого кредита не пойдет, совещание отметило необходимость создания специального банковского учреждения, и в ноябре 1909 г. Кривошеин уведомил Столышина, что вскоре внесет на рассмотрение Совета министров новый проект Сельскохозяйственного банка.³⁵

Новым проектом спор из-за сельскохозяйственного кредита переводился на принципиально более высокий уровень. В представлении Главного управления земледелия о создании Сельскохозяйственного банка (начало 1910 г.) давалась отрицательная оценка всей прежней экономической политики правительства. «Попытка в широких размерах привлечь народный труд к обрабатывающей промышленности не увенчалась успехом, — говорилось в документе, который можно назвать экономической декларацией Кривошеина. — Она показала, что при низком состоянии сельскохозяйственной культуры и бедности земледельческого населения прочное развитие у нас фабрично-заводской промышленности невозможно даже при энергичной поддержке правительства, и что область, в которой народный труд еще мало использован и действительно может иметь широкое и плодотворное применение, является главным занятием подавляющего большинства населения — сельскохозяйственный промысел. Не-

²⁷ А. П. Никольский — М. М. Федорову 16 апр. 1906 г. — ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 37, л. 15—20.

²⁸ Б. А. Васильчиков — П. А. Столышину 3 февр. 1907 г. — Там же, ф. 1276, оп. 3, д. 241, л. 9—106.

²⁹ Объяснительная записка к проекту Сельхоз. банка. Февраль 1907 г. — Там же, л. 11—17.

³⁰ Отдел Земского отдела по вопросу о Сельхоз. банке 4 марта 1907 г. — Там же, л. 79—80.

³¹ А. В. Кривошеин — П. А. Столышину 7 дек. 1908 г. — Там же, ф. 381, оп. 47, д. 530, л. 1—2.

³² Там же, ф. 592, оп. 1, д. 649, л. 14.

³³ Там же, ф. 381, оп. 47, д. 503, л. 2.

³⁴ Представление ГУЗиЗ к вопросу о кредите под хлеб 1909 г. — Там же, ф. 23, оп. 9, д. 181, док. № 200, с. 10.

³⁵ Там же, ф. 1276, оп. 5, д. 458, л. 18—19.

необходимо поэтому расширить поприще для приложения рабочей силы населения именно в этом промысле и увеличением его производительности и доходности поднять общее благосостояние государства, создав тем самым прочную основу для успешного развития в будущем и фабрично-заводской промышленности».³⁶ Категоричность Кривошеина, возможно, объяснялась его осведомленностью о том, что министерства финансов и торговли обсуждают идею создания банка долгосрочного промышленного кредита.³⁷

Провозглашая необходимость преимущественного кредитования сельского хозяйства, ведомство земледелия подчеркивало, что организация кредита должна целиком находиться в руках государства, «к которому наиболее доступно распределение между различными отраслями промышленности не только средств государственных, но и сбережений народных, а в случае надобности — также и привлечение капиталов с иностранных рынков».³⁸ Исходя из этого Кривошеин предлагал создать государственный Сельскохозяйственный банк с первоначальным капиталом в 15 млн. р., но с правом неограниченной эмиссии облигаций, причем до того, как на эти облигации создастся устойчивый спрос, предполагалось принудительное вложение в них капиталов сберегательных касс и запасных капиталов различных кредитных учреждений. Кривошеин отдавал себе отчет в том, что подобная мера отвлечет средства от сберегательных касс и Государственного банка, но не видел в этом оснований для тревоги. Согласно проекту Сельскохозяйственный банк должен был открывать кредит на различные земельные улучшения, устройство и улучшение лесного, садового и скотоводческого хозяйства, создание заведений по переработке продукции. Ссуды предоставлялись земствам и учреждениям мелкого кредита как посредникам при финансировании крестьянских хозяйств, а также «отдельным сельским хозяевам» под соло-векселя и вторые закладные.³⁹ Эта часть проекта показывала, что хотя ведомство земледелия, безусловно, думало и об укреплении новосозданных хозяйств крестьян-единоличников, не менее важной его целью оставалась поддержка помещичьего дворянства. Министерство финансов и торговли и промышленности сразу же отметили, что соло-вексельным кредитом воспользуются прежде всего те помещики, которые уже настолько задолжались ипотечным банкам, что не могут рассчитывать на перезалог имений, причем эти помещики не сумеют ни продуктивно использовать новый кредит, ни вернуть его. Но главная опасность для казны заключалась не в очередных потерях на дворянской неплатежеспособности, а в том, что неограниченный выпуск облигаций Сельскохозяйственного банка подрывал общую систему государственного кредита и угрожал стабильности денежной системы.⁴⁰ Тем не менее в совещании, обсуж-

давшем проект, представители Министерства внутренних дел и Государственного контроля поддержали предложение ГУЗиЗ, а на возражения финансового и торгово-промышленного ведомств заявили, что если и впрямь проект грозит ущербом для потребностей других отраслей хозяйства, то «другие потребности должны быть поставлены на второй план, ибо ... нет такой жертвы, которая была бы слишком велика для удовлетворения насущнейшей потребности сельскохозяйственной страны в разумном и полном использовании сил ее сельского населения».⁴¹

Общие соображения об экономической политике были в значительной части дословно повторены и в объяснительной записке к разработанному весной 1910 г. проекту реорганизации Главного управления земледелия в Министерство. Проектом предусматривалась передача в ведение этого министерства руководства сельскохозяйственным кредитом и превращение его Главного земельного комитета в окончательную инстанцию при разрешении разногласий между ведомствами земледелия и финансов по вопросам политики Крестьянского банка.⁴² В сентябре при обсуждении Учреждения Министерства в Совете министров Кривошеин и Столыпин уже прямо поставили вопрос о передаче Крестьянского банка в состав Министерства земледелия. Судя по дальнейшим проектам, речь шла о том, чтобы превратить Крестьянский банк в бессловесный, возложив на него, кроме прежних функций, и задачи мелiorативного долгосрочного кредита под ипотечное обеспечение, а Сельскохозяйственный банк сделать учреждением краткосрочного кредита как на земельные улучшения, так и на усиление оборотных средств землевладельцев.

Коковцов оказал отчаянное сопротивление попытке расчленить ведение государственным кредитом и сумел добиться у царя отсрочки утверждения журнала Совета министров на 4 месяца. За это время были составлены упомянутое выше подробное особое мнение представителей Министерства финансов относительно Сельскохозяйственного банка и всеподданнейший доклад о Крестьянском банке. В последнем Коковцов утверждал, что передача банка в ГУЗиЗ направит его деятельность на «осужденные пути дополнительного наделения» крестьян землей за счет помещиков.⁴³ Видимо, именно апелляция к помещичьим симпатиям Николая II помогла Коковцову добиться того, что кабинет, поддержав в принципе передачу Крестьянского банка в Министерство земледелия, согласился еще раз обсудить дело в очередном междуведомственном совещании под председательством Коковцова.⁴⁴

Попытка пересмотреть экономическую политику в таком масштабе, как это предлагалось в проекте Сельскохозяйственного банка, была заведомо нереалистична. Аргументы об опасности его намерений для золотого обращения и, следовательно, для международного финансового по-

³⁶ Там же, ф. 395, оп. 1, д. 2116-в, л. 123.

³⁷ В. Н. Коковцов — В. И. Тимирязеву 25 апр. 1909 г. — Там же, ф. 587, оп. 56, д. 367, л. 1-2.

³⁸ Представление ГУЗиЗ об устройстве Сельхоз. банка. — Там же, ф. 395, оп. 1, д. 2116-в, л. 129.

³⁹ Проект устава Сельхоз. банка. — Там же, л. 142-148.

⁴⁰ Особое мнение представителей Министерства финансов в совещании по обсуждению проекта Гос. сельхоз. банка. — Там же, ф. 583, оп. 5, д. 206, л. 59-100.

⁴¹ Журнал Совещания по обсуждению проекта устройства Гос. сельхоз. банка 1-24 мая 1910 г. — Там же, ф. 395, оп. 1, д. 2116-в, л. 14.

⁴² Объяснительная записка к проекту Учреждения Министерства земледелия (не позже мая 1910 г.). — Там же, ф. 1276, оп. 6, д. 378, л. 82, 94, 105-106.

⁴³ Черновик Всепод. докл. с пометой: «5 нояб. 1910 г.». — Там же, ф. 592, оп. 1, д. 223, л. 40-42.

⁴⁴ Особый журнал Совета министров 28 сент. 1910 г. (Высочайше утвержден 21 янв. 1911 г.). — Там же, ф. 1276, оп. 6, д. 378, л. 633-652.

ложения России не могли не подействовать на Кривошеина. Поэтому уже в мае 1910 г. в совещании о Сельскохозяйственном банке ГУЗиЗ согласилось ограничить максимальный размер облигационного капитала банка удесктеренной суммой его основного и запасного капитала, что ставило все же предел его эмиссионной деятельности, но тем самым сужало и его возможности субсидировать сельское хозяйство. При обсуждении проекта Министерства земледелия Совет министров поручил ему руководство «учреждениями сельскохозяйственного кредита», а не самим кредитом. Это давало Министерству и Комитету финансов право еще больше ограничить выпуск ценных бумаг, специально предназначенных для ссуд сельским хозяйствам.

В 1911 г. Кривошеин был вынужден еще больше ограничить свои притязания. В представленных им после долгих переговоров с Коковцовым совместных «главных основаниях» взаимоотношений Крестьянского банка с сельскохозяйственным ведомством будущая схема аграрного кредита обрисовывалась следующим образом. Предположения об общих мероприятиях по деятельности государственных кредитных учреждений, имеющих отношение к землеустройству и вообще интересам сельского хозяйства должны были рассматриваться в Главном земельном комитете Министерства земледелия. Крестьянский банк получал право предоставлять ссуды на «земельные улучшения» не только крестьянам, но и лицам других сословий, в связи с чем переименовывался в Государственный земельный банк. Но ссуды по-прежнему давались только под залог самой земли, банк оставался в системе Министерства финансов, а представители ведомства земледелия в правлении банка не имели голоса в вопросах «об обеспеченности выдаваемых ссуд или имеющих отношение исключительно к финансовой стороне ссудных операций». Реально это означало, что поместное дворянство наряду с крестьянами-собственниками получало доступ к средствам Крестьянского банка, сохранив за собой исключительное право на кредит в Дворянском банке, но размер операций нового банка определялся Министерством финансов. Вопрос о подготовке кредита был сведен к «выдаче кратковременных ссуд, приспособленных по срокам и размерам к потребностям сельского хозяйства» на учрежденный мелкого кредита. Предполагалось, что учреждениям мелкого кредита будут переданы средства из отчислений сберегательных касс, а если таковых окажется недостаточно, то деньги будут изысканы «на особых, имеющих быть для того выработанными основаниях». Это в какой-то мере сохраняло идею о перекачивании части национального дохода на дополнительное субсидирование сельского хозяйства, но поскольку руководство делом сохранялось за Министерством финансов, о значительном изменении существовавших пропорций не могло быть и речи. Вынужденный отступить, Кривошеин оговорил, однако, что по-прежнему считает правильным сосредоточить руководство сельскохозяйственным кредитом в его ведомстве и соглашается на компромиссные меры лишь «пока самый ход событий не потребует окончательного разрешения этого вопроса».⁴⁵

⁴⁵ Особый журнал Совета министров 6 июня 1911 г. — Там же, ф. 1276, оп. 20, л. 51, л. 154—157.

Смерть Столыпина и назначение Коковцова на пост Председателя Совета министров дали ему дополнительные преимущества в борьбе вокруг сельскохозяйственного кредита. Все же Министерство финансов вынуждено было заняться подготовкой различных проектов некоторой реорганизации Крестьянского банка в духе соглашения с Кривошеиным и усиления средств учреждений мелкого кредита. Реально на протяжении 1911—1913 гг. проекты эти не вышли из стадии самой предварительной разработки. Министерство проявило готовность лишь содействовать развитию кооперативных кредитных товариществ, поскольку это не требовало расходов казны. Кривошеин не пробовал сыграть на этой тенденции, прислав Коковцову в июле 1913 г. устав Российского сельскохозяйственного банка, в котором действовали бы частные капиталы и кооперативные объединения сельских хозяйств. Но устав вновь предусматривал выпуск банком облигаций, и Коковцов, сославшись на возражения своего ведомства, сделанные в 1910 г., заявил, что принципиально «вопрос может считаться исчерпанным».⁴⁶ Только в конце 1913 г., когда отставка Коковцова была предопределена, в Министерстве финансов стали более активно обсуждать «вопрос о кредите для сельского хозяйства и вообще производительных классов населения», причем на одном из проектов организации «Сельского банка» с правом выпуска собственных облигаций кто-то из чинов министерства написал: «Как ни трудно на это решиться, а надо».⁴⁷

Тем временем Кривошеин предпринял попытку обеспечить рост казенных капиталовложений в сельское хозяйство другим способом. В связи с предстоявшим в феврале 1913 г. 300-летием династии Романовых близкий к Кривошеину В. В. Мусин-Пушкин (бывший управляющий Дворянским и Крестьянским банками), внес в Думу предложение ознаменовать юбилей принятием программы мелiorативных работ на государственных и выкупаемых государством землях с последующей продажей их представителям всех сословий. Общая стоимость этих работ оценивалась в 2,5 млрд. р., но на ближайшие пять лет предполагалось зафиксировать ассигнование 150 млн. р.⁴⁸ С необычной для бюрократии скоростью, выдававшей истинных авторов предложения, ГУЗиЗ заявило о готовности взять на себя разработку законопроекта.⁴⁹ Однако представленный им проект натолкнулся в Совете министров на возражения Коковцова, выступившего, ссылаясь на предстоящие расходы по военной и морской программам, против фиксации 150-миллионной программы на пять лет вперед.⁵⁰

Разногласия по вопросам экономической политики были одной из важных причин, определивших активную роль Кривошеина в кампании за устранение Коковцова, развернутой с лета 1913 г. (см. гл. 7). Именно

⁴⁶ В. Н. Коковцов — А. В. Кривошеину 31 авг. 1913 г. — Там же, ф. 395, оп. 1, д. 1929-а, л. 179—184.

⁴⁷ Записка об организации краткосрочного мелкого кредита для деревни. — Там же, ф. 592, оп. 44, д. 649, л. 14.

⁴⁸ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 1650—1652.

⁴⁹ Там же, ч. II, стб. 795—796.

⁵⁰ Особый журнал Совета министров 9 янв. 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 70, л. 24—38.

недовольство экономической политикой было объявлено и официальной причиной отставки Коковцова 30 января 1914 г. В написанном Кривошеиным рескрипте Николаю на имя нового министра финансов П. Л. Барка провозглашалась необходимость «коренных преобразований» в «заведовании государственными финансами и экономическими задачами страны», в том числе организации «правильно поставленного и доступного кредита» для «народного труда»⁵¹ (т. е. в первую очередь для сельского хозяйства). Одним из первых актов Николая после отставки Коковцова было утверждение 15 февраля кривошеинского плана мелиоративных работ, отвергнутого 9 января кабинетом по настоянию Коковцова. Вслед за тем Барк публично обязался поставить «на первую очередь вопрос об организации особого банковского учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России».⁵²

Однако совещание высших чинов Министерства финансов, состоявшееся, видимо, уже при Барке (на сохранившемся экземпляре суждений этого совещания, присланном на просмотр Л. Ф. Давыдову, его пометы датированы 25 мая 1914 г.), пришло к заключению, что действительное положение вещей не оправдывает той «остроты, которую получил вопрос о сельскохозяйственном кредите за последние годы», и что «было бы неосторожно» отходить от позиции, занятой министерством по отношению к идее Сельскохозяйственного банка в 1910 г.⁵³ Когда же ГУЗиЗ представило очередной проект Сельскохозяйственного банка — с капиталом всего в 5 млн. р. и правом выпуска облигаций на 50 млн. р., в финансовом ведомстве был подготовлен отрицательный отзыв со ссылкой на невозможность реализовать такой капитал «при настоящем финансовом положении» и с указанием, что проблема аграрного кредита должна решаться без создания «особого нового государственного кредитного учреждения».⁵⁴ Позиция Министерства финансов при Барке — ставленнике Кривошеина — отчетливо показала, что главная причина сопротивления ведомства широким (и широкообещающим) планам Управления земледелия заключалась не в трениях Коковцова и Кривошеина, а в невозможности для царизма выделить на финансирование аграрной политики больше средств, чем это делалось в 1907—1914 гг.

Ограниченность средств казначейства, в огромных размерах отвлекаемых на военные и другие непроизводительные цели, была также постоянным и открыто признаваемым фактором торгово-промышленной политики. Именно поэтому широко применявшиеся в годы первого промышленного подъема меры государственной финансовой поддержки тех или иных отраслей производства в третьеклассный период вызвали систематические возражения Коковцова, хотя он подводил под свою позицию и теоретическое обоснование, не останавливаясь перед прямым осуждением виттевской политики. «Всякая отрасль промышленности, — поучал он в 1911 г. министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, доби-

вавшегося льгот для отечественного судостроения, — может создаться и поддерживаться только естественным путем, как результат спроса. При наличии благоприятных экономических условий соответствующая отрасль промышленности создается сама собой, при отсутствии же их она всегда будет владеть жалким существованием»,⁵⁵ «искусственное насаждение промышленности, например, металлургической, ведет всегда к последующим потрисениям».⁵⁶

В сложившейся финансовой ситуации царизм оказался вынужденным открыть доступ частному (в том числе иностранному) капиталу в отрасли и районы, где еще недавно отдавалось предпочтение казенному хозяйству. Остро стоявший во времена Витте вопрос о привлечении иностранных капиталов был для бюрократии сием самым ходом событий (хотя оставался предметом словесных упражнений черносотенной реакции), и Коковцов в 1906 г. выражал полное сочувствие планам французских банков вложить деньги в уже существующие русские предприятия, обещая «свою самую широкую поддержку, как и поддержку правительства».⁵⁷ В последующие годы приток иностранных капиталов в промышленность и транспорт почти неизменно, по крайней мере до 1913 г., встречал положительную реакцию большинства правительственных учреждений, в том числе и тогда, когда речь шла о предприятиях, имеющих стратегическое значение. Так, в связи с проектом строительства гидроэлектростанций на Тереке и оз. Гокча английским предпринимателем Ч. Стюартом наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков в 1910 г. высказывал мнение, что «правительственный аппарат по самой природе своей не обладает надлежащей гибкостью, которая необходима при осуществлении новых и смелых, но неизведанных хозяйственных замыслов. Передача в частные руки предприятий этого рода представляется поэтому неизбежною».⁵⁸ С января 1906 г. по весну 1913 г. действовало Положение Комитета министров, существенно облегчавшее ограничения для акционерных обществ, приобретавших земли в местностях, «закрытых для еврейского землевладения».⁵⁹

Важным составным элементом политики по отношению к частному капиталу был вопрос о железнодорожном строительстве. 10 июня 1905 г. был опубликован закон о привлечении частных капиталов в железнодорожное строительство в Европейской России. Как откровенно объясняло позднее Министерство финансов, главным мотивом издания закона явилось то обстоятельство, что сооружение дорог было настоятельно необходимо, а на возможности казны в этом плане рассчитывать не приходилось. В соответствии с этим закон 10 июня 1905 г., кроме обычной правительственной гарантии процентов на облигационный капитал и ряда других форм финансовой поддержки со стороны государства, обещал ограничение участия казны в прибылях дороги частью чистого дохода свыше

⁵¹ Речь, 1914, 31 янв.

⁵² Гос. дума, 4-й соз. Сес. II, ч. III, стб. 815.

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 582, оп. 6, д. 457, л. 65.

⁵⁴ П. Л. Барк — А. В. Кривошеину (проект). Начало июля 1914 г. — Там же, ф. 583, оп. 5, д. 206, л. 252—256.

⁵⁵ Там же, оп. 7, д. 83, л. 334.

⁵⁶ Черновая запись заседания Совета министров 4 авг. 1911 г. — Там же, л. 447.

⁵⁷ Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.; Л., 1926, с. 369—374.

⁵⁸ И. И. Воронцов-Дашков — П. А. Столыпину 30 июня 1910 г. — ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1160, л. 157.

⁵⁹ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 253.

8% на акционерный капитал, удлинение срока, после которого правительство приобретало право принудительного выкупа дороги, до 25 лет и ряд других льгот.⁶⁰ Как и в период грюндерства XIX в. все эти льготы означали, что казна в действительности брала на себя значительную долю расходов на частное железнодорожное строительство, но эти расходы были отсроченными и рассроченными, а такой ценой достигалось быстрое привлечение частного капитала. При этом правительство старалось придерживаться принципа, согласно которому стратегические и магистральные дороги (не сулящие дохода) строились государством, а коммерческие — «путем частной предприимчивости».⁶¹ В 1908 г. по инициативе Совета министров состоялось совещание о привлечении частного капитала к железнодорожному строительству и в Сибири, высказавшееся за предоставление здесь концессионерам дополнительных льгот, включая право на исключительную эксплуатацию недр в 3—5 верстной полосе отчуждения.⁶²

Закон 10 июня 1905 г. не дал сразу ожидавшихся результатов. Хотя после его опубликования за 1905—1909 г. поступило 128 ходатайств о концессиях, почти все они остались по разным причинам без последствий и лишь в 1908—1909 гг. были начаты постройкой линии общей протяженностью в 2119 верст. Считая, что с началом экономического подъема частный капитал проявит большую заинтересованность, Министерство финансов предложило ввести для него новые льготы, в том числе освобождение частных дорог от обязанности возводить за свой счет сооружения, необходимые для использования в военное время. Министерство финансов предлагало также отменить ограничения в отношении облигационного и акционерного капитала, ссылаясь на предпочтение, отдаваемое облигациям за границей,⁶³ т. е. явно ориентируясь на иностранный капитал. Проект вызвал возражения военного ведомства, недовольного послаблениями частным дорогам за его счет, но Совет министров отвел эти возражения указанием на то, что даже построенная не совсем по правилам Военного министерства дорога лучше ее отсутствия, а у казны средств нет, и потому альтернатива состоит либо в создании условий для частного капитала, либо в приостановке железнодорожного строительства вообще. Поэтому Совет министров поддержал мнение Министерства финансов о «желательности всемерного поощрения у нас частного железнодорожного строительства» и разрешил ему внести соответствующий законопроект в Думу.⁶⁴

Одновременно министерства финансов и путей сообщения выступили с проектом изменения порядка рассмотрения заявок на строительство частных железных дорог. История его выработки была связана с протестом Думы против того, что заявки, влекущие за собой расходы государствен-

ных средств, проходят мимо нее. Не желая отдавать дело Думе, ведомства в качестве компромиссного решения соглашались на введение в состав Второго Департамента Государственного совета, где рассматривались железнодорожные дела, выборных представителей от обеих палат. Вокруг проекта был поднят большой шум. Справа его авторы обвиняли в расширении власти законодательных учреждений в ущерб «священным» прерогативам монарха в области верховного управления, в то время как ряд октябристов и националистов (не говоря об оппозиции) настаивали на передаче утверждения концессий в ведение Думы. В результате проект остался нерассмотренным, а борьба вокруг него оказалась, по-видимому, и на судьбе закона о дополнительных льготах частным железным дорогам, также не вышедшего на думской комиссии. Однако в обстановке промышленного подъема льготы по закону 10 июня 1905 г. и сенаратно предоставляемые по уставам новых обществ сыграли свою роль в расширении железнодорожного предпринимательства.

С практикой железнодорожного строительства было связано и отношение Министерства финансов к вопросу о выкупе частных дорог. С 1906 г. правительство имело право на выкуп Владикавказской дороги. Сама по себе операция выкупа была необременительна для казначейства, у которого дорога состояла крупным должником и которому принадлежало 53% акций. Но когда в 1909 г. вопрос о выкупе был поднят, Совет министров поддержал мнение финансового ведомства о его нецелесообразности, поскольку тогда пришлось бы вверять за государственный счет обновлять существующие пути и расширять сеть дорог на Северном Кавказе. Кроме того в качестве аргумента против выкупа Совет министров отмечал общую неудовлетворительность казенного железнодорожного хозяйства.⁶⁵ В 1909 г. позиция Министерства финансов разделялась, видимо, и ведомством путей сообщений. К 1913 г. в связи с общим изменением отношения к частному капиталу и правящих кругах Министерство путей сообщения стало добиваться реализации права на выкуп железных дорог, подчеркивая, что они представляют собой мощные финансово-экономические организации, влияющие на положение транспортной сети, которая должна «находиться в зависимости от государственной власти, а не от частных капиталов». Возглавленное Коковцовым большинство министров по-прежнему выступало против выкупа из-за отсутствия средств, полностью ушедших на военные нужды.⁶⁶ Поскольку Николай II к этому времени все больше прислушивался к противникам Коковцова как в общей, так и в экономической политике, последний привлек к себе в помощь председателя созданной в 1908 г. Особой комиссии для исследования железнодорожного дела в России ген. Н. П. Петрова. Тот представил царю доклад «О государственном руководстве в деле развития сети железных дорог»,⁶⁷ на деле посвященный доказательству необходимости привлекать частный капитал. Нанутанный цифрой в 15 млрд. р., которую Петров назвал в качестве необходимой для расши-

⁶⁰ ПСЗ, III, т. XXV, отд. 1, 1905, № 26385, с. 447—448.

⁶¹ Особый журнал Совета министров 7 апр. 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 331, л. 339.

⁶² Присутний ген.-губ. И. Н. Селиванов — П. А. Столыпину 9 авг. 1909 г. — Там же, л. 368—375.

⁶³ Представление Министерства финансов в Совет министров 8 февр. 1910 г. — Там же, оп. 6, д. 252, л. 140—165.

⁶⁴ Там же, л. 319—333.

⁶⁵ Там же, д. 307, л. 132—134.

⁶⁶ Особый журнал Совета министров 28 февр. 1913 г. — Там же, оп. 20, д. 64, л. 36—47.

⁶⁷ Там же, оп. 9, д. 313, л. 3—7.

рения сети железных дорог, Николай II после явного колебания смирился с мыслью, «что выкуп частных железных дорог в казну представляется в настоящее время нежелательным».⁶⁸

В третьиоюнский период царизм оказался вынужденным шире открыть доступ частному капиталу к эксплуатации государственных и уделных земель, в том числе на окраинах, где частному предпринимательству ставились в прошлом ограничения, вызванные общеполитическими и стратегическими соображениями. Обеспокоенное медленными темпами освоения окраин, Главное управление земледелия, ведавшее государственными имуществами, выступило в 1911 г. с законопроектом «О привлечении частной предприимчивости к разработке впусе лежащих казенных земель в малонаселенных местностях» Сибири, Средней Азии и Европейского Севера, имея в виду прежде всего развитие различных отраслей сельского хозяйства, но также и горную, и фабрично-заводскую промышленность, и прямо подчеркивая, что предоставление казенных земель частным предпринимателям является «вопросом государственной необходимости».⁶⁹ Особое внимание ГУЗиЗ уделяло строительству ирригационных сооружений в Средней Азии и Закавказье для развития хлопководства, подчеркивая, что в этом деле имеется достаточно простора и для казны, и для частного капитала, а из-за прежней политики отстранения частной инициативы и так уже потеряно слишком много времени. Готовность допустить частных предпринимателей (в первую очередь имелись в виду московские текстильные фабриканты) к орошению земель в Голодной степи мотивировалась и недостаточностью средств казны для монополизации дела в ее руках, и тем, что казенное хозяйство вообще мало приспособлено для создания «дорогих и сложных, а тем более новых у нас технических предприятий».⁷⁰ При этом ГУЗиЗ подчеркивало, что государству выгоднее уступить предпринимателям часть бездоходных земель, чем сдавать их в концессию с гарантией определенного дохода (по образцу железных дорог) и тем самым «в скрытой форме организовывать частную предприимчивость на казенные средства».⁷¹

Выпад против организации частных предприятий на казенные средства был не только отзвуком столкновений ГУЗиЗ и Министерства финансов на-на вопроса о сельскохозяйственном кредите, но и проявлением начавшегося поворота в отношении бюрократических верхов к частному предпринимательству. Разумеется, правящая бюрократия вовсе не замыслила поход против частного капитала вообще. Капиталистический характер развития России в третьиоюнский период не оспаривался царизмом, который, однако, по-прежнему хотел оказывать влияние на направление и формы этого развития. Между тем промышленный подъем привел к заметному укреплению позиций буржуазии и к повышению ее требовательности, что в свою очередь побуждало власть искать способы противостоять этой требовательности, стараясь усилить казенное хозяй-

ство и обновить рычаги государственного вмешательства в частнокапиталистический сектор.

Традиционными объектами казенного предпринимательства были оборонная промышленность и транспорт. Льготы частному капиталу в железнодорожном деле рассматривались большинством бюрократических кругов как временная и вынужденная мера. Характерно, что в 1911 г., когда Министерство финансов еще стремилось увеличить объем этих льгот, Министерство торговли и промышленности, в наибольшей мере учитывавшее интересы частного капитала, считало, что железнодорожные (как и страховые) предприятия «находятся на пути превращения в государственные», и на этом основании заранее не собиралось распространять на них плановую и личный порядок учреждения акционерных обществ.⁷² Как только в январе 1913 г. Ковалев вынужден был оставить министерский пост, ведомство путей сообщения начало разрабатывать программу увеличения удельного веса казенных дорог в общей сети, собираясь в связи с этим выкупить Юго-Восточную и Рязано-Уральскую дороги.⁷³

В этом отношении показательно, что когда топливный голод привел к обсуждению кабинетом возможности организовать казенную добычу угля⁷⁴ и нефти,⁷⁵ министры выражали готовность разрешить не только государственным, но и частным дорогам заняться добычей нефти именно постольку, поскольку они тоже находятся «под постоянным контролем правительства».⁷⁶ В тесной связи со своими строительными планами и с топливным кризисом Министерство путей сообщения в 1913 г. выступило с проектом объявить имеющими общественное значение «средоточия силы падения воды», подчеркивая, что «право распоряжения силой падения воды со стороны частных предпринимателей может быть допускаемо лишь под контролем государства». Поддерживая этот проект, Министерство юстиции со своей стороны указывало на важность потенциальных источников гидроэнергии не только для транспортных, но и для ирригационных и прочих целей.⁷⁷

Поворот к казенному предпринимательству сказался и на обсуждении вопроса о строительстве элеваторов, который в предвоенные годы выдвигался в число существенно важных в экономической политике. Создание сети зернохранилищ было необходимо для повышения конкурентоспособности русского хлеба на мировом рынке. Одновременно оно могло снять с места проблему подтоварного сельскохозяйственного кредита, поскольку хлеб в элеваторе, а не в амбаре владельца, мог служить гарантией ссуды. В сентябре 1910 г. Министерство финансов соглашалось

⁷² Проект представления МПС в Совет министров (после 9 дек. 1911 г.). — Там же, ф. 23, оп. 14, л. 249, л. 4.

⁷³ Новое время, 1914, 31 марта; Утро России, 1914, 5 июля.

⁷⁴ Особый журнал Совета министров 2 нояб. 1912 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 207.

⁷⁵ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 49.

⁷⁶ Отношение Министерства финансов к канцелярии Совета министров 16 мая 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 337, л. 17.

⁷⁷ См. проект представления МПС в Совет министров (апрель 1913 г.) с пометами на полях, сделанными в Министерстве юстиции. — Там же, ф. 1405, оп. 532, л. 551. Листы в деле не нумерованы.

⁶⁸ См. резолюцию Николая II от 3 апреля на Особом журнале Совета министров 28 февр. 1913 г.

⁶⁹ Проект представления ГУЗиЗ в Гос. думу. Весна 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 300, л. 2—9.

⁷⁰ Там же, ф. 1405, оп. 531, д. 806, л. 106.

⁷¹ Там же, ф. 1276, оп. 8, д. 342, л. 2—10.

взять строительство элеваторов и выдачу ссуд в руки Государственного банка, мотивируя свое согласие двумя взаимоисключающими соображениями — о желательности противодействовать монополизации хлебной торговли владельцами элеваторов и о том, что частный капитал вообще не пойдет в дело, не сулящее привычных для большинства предприятий прибылей.⁷⁸ Возможно, позиция Министерства финансов объяснялась тем, что как раз в это время Совет министров в связи с проектом Министерства земледелия обсуждал вопрос о сельскохозяйственном кредите, и Коконцову нужно было продемонстрировать готовность учитывать интересы помещиков. В апреле 1911 г., отбив атаку Кривошеина, Министерство финансов повернуло фронт и подготовило проект соглашения с американской группой Гаммонда о создании смешанного общества.⁷⁹ К осени того же года, однако, решено было не допускать частный капитал в элеваторное дело, но все министерства стремились переложить ответственность за него друг на друга и к весне 1914 г. договорились лишь до поручения МТП разработать проект Положения об элеваторном комитете. Реальное строительство элеваторов в явно недостаточном масштабе вели все же Государственный банк и железные дороги.⁸⁰

Хотя значительная часть планов создания государственных предприятий не была осуществлена, МПС весной 1914 г. констатировало, что «торгово-промышленная деятельность казны все более и более расширяется, захватывая новые области».⁸¹ При этом, однако, все ведомства выстунали против введения полной казенной монополии (например, хлебной или нефтяной, чего добивались правые), стремились обеспечить собственные потребности, но не бери на себя ответственности за удовлетворение нужд всего народного хозяйства. Даже такой рьяный сторонник казенного предпринимательства как министр путей сообщения С. В. Рухлов, намереваясь выкупать уже налаженные железные дороги, планировал предоставить частным компаниям строительство $\frac{2}{3}$ намеченных на 1915—1919 гг. новых линий,⁸² очевидно, по-прежнему считая, что дело государства обеспечить стратегическое строительство, а о коммерческих дорогах частный капитал позаботится сам.

В предвоенные годы разрабатывается (хотя, как правило, остается в проектах) ряд мер по государственному вмешательству в различные стороны торгово-промышленной деятельности, причем Министерство финансов отмечает, что «это вмешательство становится все более и более энергичным».⁸³ Во многих случаях необходимость таких мер диктовалась развитием самой торговли и промышленности. Распространение злостных неплатежей и фиктивной продажи предприятий делало, например, крупный

⁷⁸ Представление Министерства финансов в Совет министров 26 сент. 1910 г. — Там же, ф. 1276, оп. 5, д. 458, л. 109—113.

⁷⁹ Проект представления Министерства финансов в Совет министров. Апрель 1911 г. — Там же, л. 156—165.

⁸⁰ См.: Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978, с. 147—148.

⁸¹ С. В. Рухлов — С. И. Тимашеву 19 марта 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 9, д. 275, л. 369—370.

⁸² Новое время, 1914, 1 мая.

⁸³ Отношение Министерства финансов в Министерство юстиции 12 марта 1912 г. — ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 531, д. 850, л. 3.

капитал заинтересованным в законах о переходе предприятий в другие руки и о торговой записи (регистрации предприятий). Но бюрократия вносила в проекты законов дух мелочной регламентации, вызывавший раздражение буржуазии. В то же время проекты, устраивавшие устарелые правила, которыми регулировались взаимоотношения казны и частного капитала, откладывались в долгий ящик или срывались. С 1863 г. предпринимались попытки выработать единые правила о казенных заготовлениях и работах, определяющие отношения казны и ее поставщиков. В 1908 г. Николай II выражал надежду, «что это 45-летнее дело получит, наконец, столь долго ожидаемое решение».⁸⁴ Тем не менее, когда в 1911 г. комиссия под председательством государственного контролера П. А. Харитонова подготовила закон, ограничивавший произвольные действия ведомств при конкурсных на поставку, расширявший круг возможных контрагентов казны и предоставлявший буржуазии право в известной мере влиять на размещение казенных заказов,⁸⁵ МПС и военное и морское ведомства, на которые приходилось $\frac{3}{4}$ таких заказов, сорвали проведение закона в жизнь, ибо не хотели менять привычную (а зачастую выгодную чиновникам) старую систему. На судьбе закона отразилась, кроме того, и борьба в правящих кругах из-за отношения к синдикатам, поскольку он предусматривал создание при МТП Совета по казенным заготовкам с участием выборных представителей предпринимателей, в чем Рухлов не без основания увидел возможность получения синдикатами способа влиять на торгово-промышленную политику правительства, а это вызвало с его стороны резкие возражения.⁸⁶

Проблема синдикатов была вообще одним из важных элементов торгово-промышленной политики, в значительной степени определявшим отношение к частному предпринимательству. Экономический кризис 1900-х гг. привел к тому, что практически все министерства стали рассматривать картельные и синдикатские организации как полезные и желательные регуляторы производства, помогающие предотвратить крах объединяемых ими предприятий. В 1902 г. в лице Комитета по распределению заказов на рельсы и подвижной состав при МПС был создан орган, прямо содействовавший укреплению позиций синдикатов в металлургической и металлообрабатывающей промышленности. За несколько лет сотрудничества бюрократия настолько свыклась с ними, что стала считать переход к «системе свободной конкуренции» возможным «лишь при спокойном положении промышленности»,⁸⁷ причем с готовностью внимала доводам руководителей синдикатов о «тревожном» состоянии экономики. Так же обстояло дело и при отношениях МПС с угольными синдикатами, предпочтительность закупок у которых мотивировалась необходимостью и для МПС, и для промышленности «вести угольное хозяйство на более

⁸⁴ Резолюция Николая II на Особом журнале Совета министров 4 нояб. 1908 г. — Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 121, л. 170.

⁸⁵ Представление комиссии для выработки законопроекта о казенных заготовлениях в Совет министров 1 июня 1911 г. — Там же, оп. 7, д. 131, л. 46—78.

⁸⁶ С. В. Рухлов — В. Н. Коконцову 3 дек. 1911 г. — Там же, л. 98—100.

⁸⁷ Представление МТП и МПС в Совет министров 27 окт. 1907 г. — Там же, оп. 2, д. 335, л. 27.

правильных практических началах».⁸⁸ Насколько прочно укоренилась привычка к регулированию производств через синдикаты, можно судить по тому, что в 1908 г. МТП отказывалось видеть что-либо незаконное в создании спичечного синдиката, считая, напротив, что он «может внести... упорядочение... в торговле спичками, не знавшей до сих пор правильной организации»,⁸⁹ а Совет министров по инициативе Коковцова собирался обязать частные железные дороги покупать рельсы и подвижной состав через Комитет заказов только у связанных с ним (т. е. синдицированных) заводов.⁹⁰

С 1908 г. в стране усиливается сопротивление монополиям со стороны потребителей и конкурентов. Оно находит свое выражение, в частности, в протестах железнодорожных обществ против навязывания им обязательных поставщиков, в создании союза земств для борьбы с синдикатом «Кровля» и в широкой кампании против планов создания треста южных металлургических заводов. Однако правительственный официоз «Россия» продолжала высказываться за полную свободу деятельности синдикатов и трестов. На позиции правительства сказывались несколько причин. Во-первых, общая конъюнктура в 1908 г. была еще угнетенной, а в 1909—1910 гг. борьба монополистических группировок за рынок привела к временному падению цен на нефть, а из-за этого и на уголь.⁹¹ В этих условиях правительство не видело для себя угрозы в продолжавшемся процессе синдицировании промышленности, по-прежнему считая синдикаты регулятором, предохраняющим от излишнего производства. Министерство финансов утверждало, что картелированная сверх сахара промышленность «испытывает трудности из-за чрезмерного развития»⁹² (и это при ничтожном потреблении сахара в стране), но то же самое имелось в виду и при оценке ситуации в других отраслях. Дума и Государственный совет были даже озабочены приисканием зарубежных рынков сбыта нефти для предотвращения падения цен.⁹³ Во-вторых, в предшествующие годы в поддержку монополий казенными заказами и иными способами было вложено немало средств, и правительство боялось, что эти жертвы окажутся напрасными, если политика будет изменена. Так, при обсуждении в 1909 г. претензий «Русского общества пароходства и торговли» на повышение дотаций из казны МТП предлагало принять эти претензии, ибо

⁸⁸ Цит. по: Крунина Т. Д. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями. — Исторические записки, 1956, т. 57, с. 157. Взятничество чиновников, расцветшее при таком тесном сотрудничестве (о чем пишет Т. Д. Крунина), было «приходящим обстоятельством», вытекавшим из системы, а не порожденным ее.

⁸⁹ И. П. Шипов — П. А. Столыпину 13 марта 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 301, л. 7—8. См. подробнее: Исторические записки, т. 57, с. 148—149, 165—166.

⁹⁰ Особый журнал Совета министров 8 июля 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 249, л. 5.

⁹¹ Волобуев П. В. 1) Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг.). — Исторические записки, 1955, т. 52, с. 86—87; 2) Из истории синдиката «Продуголь». — Там же, 1956, т. 53, с. 118.

⁹² Особый журнал Совета министров 6 и 11 июля 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 236, л. 37—41.

⁹³ Записка МТП «По вопросу о современном положении отечественной промышленности». Январь 1914 г. — Там же, оп. 10, д. 136, л. 15.

отказ от соглашения с «РОПИТ» явился бы «разрушением плода многолетних усилий и жертв правительства по созданию и развитию... этой могущественной торгово-промышленной единицы».⁹⁴ Наконец, в-третьих, сотрудничество различных ведомств с синдикатами было логическим развитием системы государственного вмешательства в частнопромышленную деятельность, и бюрократия, до поры не осознававшая самостоятельной силы синдикатов, склонна была рассматривать их как новые удобные органы для такого вмешательства.

На рубеже 1908—1909 г. в пазухах правящих кругов наметился некоторый сдвиг. При сдаче долгосрочного заказа на поставки угля железным дорогам произошел скандал, вызванный явным и небескорыстным покровительством «Продуголю» со стороны руководства МПС.⁹⁵ В результате глава министерства Н. К. Шауфус был вынужден уйти в отставку, а Совет министров 27 января решил впредь при заказах угля «отдавать предпочтение при одинаковых приблизительно условиях предложению тем фирмам, которые не входят в синдикаты».⁹⁶ На это решение позднее ссылались как на начало борьбы с синдикатами, что, в общем, не соответствовало действительности. В феврале Совет министров, хотя и отказался от идеи обязать частные дороги покупать рельсы и подвижной состав через Комитет заказов, но подтвердил запрет сдавать такие заказы заводам, производившим подобной продукции до 1903 г.,⁹⁷ т. е. не участвовавшим в синдикатских соглашениях. Все же при МТП было образовано междо-ведомственное совещание для разработки вопроса о регулировании деятельности синдикатов и других промышленных организаций. Совещание пришло к выводу, что тресты и синдикаты «являются естественным результатом экономического развития культурных стран», деятельность их направлена не на повышение, а на стабилизацию цен, и борьба с монополистическими объединениями лишь повредит «свободному и прогрессивному экономическому развитию». Поэтому совещание высказалось против законодательной борьбы с синдикатами, а в качестве мер противодействия вредным последствиям синдикатских соглашений в области казенных заказов рекомендовало оказывать предпочтение фирмам, не входящим в такие соглашения, в крайнем случае передавая заказы за границу.⁹⁸

На протяжении 1911—1912 гг. внутри правящих кругов шла борьба противников синдикатов, наиболее активным из которых был Рухлов, назначенный министром путей сообщения после отставки Шауфуса, и их защитников, и то время составлявших большинство. В октябре 1911 г. Рухлов потребовал ликвидировать Комитет заказов и отменить систему регулирования через него производства железнодорожных и вагоностроительных заводов, поскольку эта система «не только не предупреждает объединение заводов и синдикаты, но сама создает поддерживаемый

⁹⁴ В. И. Тимирязев — П. А. Столыпину 17 окт. 1909 г. — Там же, оп. 4, д. 348, л. 45.

⁹⁵ Исторические записки, т. 57, с. 165.

⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 290, л. 172—174.

⁹⁷ Там же, оп. 2, д. 335, л. 74—72.

⁹⁸ Справка относительно работ междо-ведомственного совещания о трестах и синдикатах. Март 1913 г. — Там же, оп. 9, д. 173, л. 6—12.

правительством постоянный синдикат».⁹⁹ Рухлов предлагал передать право распределения заказов подведомственному ему Комитету управления железных дорог, превратившемуся в его руках в орган борьбы МПС против синдикатов.¹⁰⁰ Предложение Рухлова было отвергнуто на том основании, что при распределении заказов необходимо руководствоваться не хозяйственными интересами одного ведомства, а «более широкими соображениями общегосударственного свойства».¹⁰¹ Сторонники сотрудничества с синдикатами исходили при этом из явно вынужденного им руководителями промышленности мнения, будто положение паровозо- и вагоностроительных заводов в 1911 г. хуже, чем в 1902 г., и никакого прочного экономического подъема нет, а есть лишь оживление, вызванное хорошими урожаями. Переход к свободной конкуренции поэтому, утверждали они, погубит часть предприятий, что приведет к усилению концентрации производства и росту цен.¹⁰² На этом основании Совет министров не только продлил действия Комитета заказов еще на три года, но и отказался гарантировать, что делает это в последний раз.

В 1912 г. Совет министров был вынужден заняться вопросом об угольном голоде. Рухлов вновь выступил с заявлением, что «главным препятствием для нормального развития каменноугольного дела служит объединение углепромышленников в синдикаты».¹⁰³ Тимашев встал на защиту углепромышленников. На полях проекта Особого журнала он выражал сомнение в справедливости взгляда Рухлова, который по его утверждению «никогда не поддерживался», а в письме Коковцову прямо заявил, что не верит в выгоду для синдикатов при существующем росте цен сдерживать добычу угля.¹⁰⁴ Совет министров снова склонился в сторону Тимашева, смягчил формулировки, касающиеся синдикатов, в окончательном тексте Особого журнала и ограничился разрешением МПС купить беспроцентно уголь за границей в случае необходимости.

Однако общее развитие политической и экономической конъюнктуры не могло не отразиться на позиции правящих верхов и в вопросе о синдикатах. С одной стороны, усиление политических позиций помещного дворянства после провала столыпинского бонапартизма делало царизм особенно чувствительным к антисиндикатским лозунгам дворянской реакции, тем более, что удовлетворить прямые экономические требования аграриев он, как мы видели, оказался не в состоянии. С другой стороны, рост цен на топливо и металлы непосредственно затрагивал интересы казны. Сенаторские ревизии 1908—1912 гг. выявили картину систематических злоупотреблений синдикатов.¹⁰⁵ К тому же рамки прежних синди-

катских соглашений стали в условиях экономического подъема тесны для их участников и в ходе борьбы за пересмотр договоров вчерашние компаньоны тоже добавили немало разоблачений относительно истинного характера синдикатского «регулирования производства». Поэтому, когда в начале 1913 г. в Совете министров был поставлен на рассмотрение вопрос о разрешении обществу Владикавказской железной дороги заняться добычей нефти, обсуждение его пошло под углом зрения отношения к синдикатам. Совет съездов промышленности и торговли запротестовал против предоставления дороге такого права, расценив его как вторжение организаций, «работавших в исключительных монопольных условиях и пользующихся исключительными преимуществами», в сферу деятельности промышленного капитала.¹⁰⁶ Но министры, однако, высказались за разрешение, рассматривая его как прецедент для других частных и казенных железных дорог. Рухлов при этом писал, что железные дороги не смогут выйти из зависимости от нефтяных фирм, если сами не станут добывать нефть,¹⁰⁷ а Харитонов видел в организации такой добычи возможность в будущем «более критически относиться к данным о себестоимости, заявляемым нефтепромышленниками».¹⁰⁸ В итоге Владикавказское общество получило право добычи нефти не только для себя, но и «на нужды других железных дорог, как казенных, так и частных».¹⁰⁹ Отдавая в схватке нефтяных фирм и железных дорог предпочтение последним, Министерство финансов прямо признавало, что делает это в расчете «парализовать вредную деятельность синдикатов, могущих появиться в нефтяном деле подобно уже существующим в других отраслях промышленности — Продуглю, Продамете и проч.».¹¹⁰

В такой обстановке Министерство торговли и промышленности представило в начале 1913 г. проект Правил о синдикатах и трестах. Министерство по-прежнему исходило из признания монополий явлением экономически неизбежным и полезным. Но предлагая внедрить юридически признать промышленные монополии, до того формально считавшиеся запрещенными, МТП намеревалось установить такой порядок их регистрации, который легко мог обернуться мелочной регламентацией и фактическим запретом.

Согласно проекту Правил, в МТП для регистрации должны были сообщаться не только письменные, но и устные долгосрочные или равные соглашения с целью регулирования производства, сбыта и цен. При отсутствии в России канцелярской тайны это делало содержание таких соглашений доступным для конкурентов. МТП получало право требовать от участников монополистических объединений сведения, которые оно сочтет необходимым, производить ревизию торговых книг и переписки и возбуждать гражданские иски о закрытии предпринимательских объединений. Предусматривались также меры экономического воз-

⁹⁹ Протокол заседания Совета министров 14 окт. 1911 г. — Там же, оп. 2, д. 335, л. 128.

¹⁰⁰ Гандин И. Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий. — В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 111.

¹⁰¹ Цит. по: Там же, с. 113.

¹⁰² Представление Особого совещания для пересмотра цен и порядка выдачи заказов в Совет министров 20 дек. 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 335, л. 145—155.

¹⁰³ Проект Особого журнала Совета министров 2 нояб. 1912 г. (Экземпляр С. И. Тимашева). — Там же, оп. 5, д. 290, л. 198—200.

¹⁰⁴ Там же, л. 217—218.

¹⁰⁵ Исторические записки, т. 57, с. 154.

¹⁰⁶ Н. С. Авдаков — В. Н. Коковцову 17 янв. 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 307, л. 378.

¹⁰⁷ С. В. Рухлов — В. Н. Коковцову 6 февр. 1913 г. — Там же, л. 412—414.

¹⁰⁸ П. А. Харитонов — В. Н. Коковцову 2 марта 1913 г. — Там же, л. 493—496.

¹⁰⁹ В. Н. Коковцов — С. В. Рухлову 31 марта 1913 г. — Там же, л. 513.

¹¹⁰ С. Ф. Вебер — Н. В. Плеве 16 мая 1913 г. — Там же, оп. 9, д. 337, л. 17.

действия на синдикаты и тресты путем изменения таможенных пошлин и железнодорожных тарифов.¹¹¹

Для настроений в бюрократических сферах в синдикатском вопросе в 1913 г. показателен отзыв Министерства финансов на наложенный проект. Подобно Тимашеву, Коковцов тоже постоянно подчеркивал необходимость и необходимость «организации капитала», «в особенности теперь, когда наши соседи так сильны своею организацией, что разрозненная, неорганизованная сила всегда будет побита».¹¹² Но в то время как Рухлов полностью удовлетворился проектом Министерства торговли и промышленности, а Кривошеин и Харитонов лишь предложили подчинить действующим планируемым Правил также транспортные, страховые и банковские синдикаты, Министерство финансов в своем отзыве развернуло широкую программу возможных экономических санкций против монополий. Министерство оговаривало, что государственное вмешательство в деятельность монополистических объединений не должно принимать характер опеки, парализующей их плодотворное в принципе влияние. «Вступая, однако, на путь законодательного регулирования деятельности синдикатов, — говорилось в то же время в отзыве, — государство едва ли должно было бы отказаться от пользования всей полнотой доступных мер экономического воздействия на их деятельность при уклонении ее в сторону несоответствующих народно-хозяйственным интересам действий». В качестве таких мер предлагались содействие созданию организаций потребителей, борющихся против синдикатов, регулирование тарифов, а также «участие органов правительственного надзора в нормировании цен на продукты производства объединений с правом установления высших их пределов, установление правительственной властью максимальных размеров прибыли, ограничение ею же прибылей путем отчисления излишка их в казну или в запасные капиталы предприятий, установление неприкосновенных товарных запасов, выпускаемых на рынок в периоды чрезвычайного подъема цен, наконец, в виде крайней меры, принудительный выкуп предприятий в казну». Министерство финансов считало целесообразным кроме того обязать промышленников оформлять все синдикатские соглашения в виде письменных договоров и создать для надзора за монополистическими союзами специальный орган из представителей министерств торговли и промышленности, финансов, юстиции и ведомств, «которые практически знакомы с синдикатским движением и испытывают неблагоприятные последствия его»: военного, морского, путейского и сельскохозяйственного.¹¹³ Иными словами, Министерство финансов предлагало применить в случае нужды по отношению к монополиям не только весь механизм государственного регулирования, отработанный на сахарном картеле, но и более далеко идущие меры.

Все это вовсе не означало, что финансовое и торгово-промышленное ведомства собирались тут же применить разрабатываемые меры на практике. В феврале 1914 г. Тимашев в письме Крыжановскому разъяснял, что проект Правил носит предварительный характер и после одобрения его в Совете министров предстоит еще совещание «при участии промышленности», только после которого будет выработан окончательный вариант.¹¹⁴ В мае МТП отклонило рекомендованные Министерством финансов экономические санкции и предложение государственного секретаря об ускоренном порядке закрытия синдикатов по приговорам уголовного суда, подчеркивая, что такое закрытие может привести «к нежелательным и вредным для государства и общества потрясениям в той или другой отрасли промышленности».¹¹⁵ Подготавливая проект анти-синдикатского законодательства, МТП выступило в защиту образованного в конце 1913 г. табачного синдиката,¹¹⁶ а в январе 1914 г. в защиту политики синдикатов вообще. В записке «По вопросу о современном положении отечественной промышленности», представленной в связи с намеченным обсуждением в Совете министров действий «Продукта» и «Продамента», МТП отрицало, что отставание промышленного производства от спроса есть результат умысла промышленников, добивающихся роста цен. Министерство утверждало, что повышение спроса вызвано чрезвычайными обстоятельствами — совпадением общего развития народного хозяйства как постояннодействующего фактора и временного увеличения казенных военных заказов. «Если бы, — говорилось в записке, — промышленность наша перестроилась по соображению с этим чрезвычайным спросом нашего времени, то с прекращением его наступил бы промышленный кризис... и последовали бы сильные нарекания на руководителей промышленности... Вообще в сельскохозяйственной по преимуществу стране, какова Россия, состоянии промышленности всегда недовольны, и она постоянно находится в положении обвиняемой стороны».¹¹⁷ Видимо, и Министерство финансов думало примерно так же. Во всяком случае, отклоняя предложение группы членов Думы об удешевлении сахара, оно не только считало, что деятельность сахарного картеля не привела к застою производства, но и доказывало благотворность высоких цен, поскольку в случае их падения последовало бы разорение слабых предприятий, скупка их крупными сахарозаводчиками и затем новое вздорожание.¹¹⁸ Аргументация Министерства финансов не случайно повторила ход мысли защитников Комитета железнодорожных заказов в 1911 г. и явно могла распространяться не только на сахарный картель.

Учитывая общую атмосферу дворянской реакции, наложившую явный отпечаток на все события 1913 г., в действиях министерств торговли и промышленности и финансов следует, скорее всего, видеть

¹¹⁴ Там же, ф. 1162, оп. 5, 1914, д. 67, л. 46.

¹¹⁵ Соображения МТП по поводу замечаний ведомств по проекту правил о приемлемых объединениях. Май 1914 г. — Там же, л. 53—59.

¹¹⁶ В. Д. Сибилев — С. С. Хрипунову. Февраль 1914 г. — Там же, ф. 23, оп. 14, д. 231, л. 50—53.

¹¹⁷ Там же, ф. 1276, оп. 10, д. 136, л. 17—18.

¹¹⁸ Представление Министерства финансов в Совет министров 14 окт. 1913 г. — Там же, оп. 4, д. 236, д. 221—223.

¹¹¹ Исправленное согласно суждениям Межведомственного совещания заключение по проекту Правил о синдикатах и трестах. Март 1913 г. — Там же, оп. 9, д. 173, л. 23—26.

¹¹² Гос. дума, 4-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 943.

¹¹³ С. Ф. Вебер — Н. В. Плеве 7 нояб. 1913 г. — ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 173, л. 55—61.

и значительной мере демонстрацию готовности приступить к антисиндикатской политике без особого желания проводить ее в действительности. Но и эти ведомства были заинтересованы в создании механизма воздействия на синдикаты и тресты, поскольку их покровительственная по отношению к монополиям политика происходила не из принципиальной защиты интересов капитала, а из того, что они до известного предела считали эти интересы совпадающими с интересами царизма. В случае же, если интересы разойдутся, Министерство финансов и было готово применить «всю полноту доступных мер» воздействия. Вопрос, однако, заключался в том, сохранят ли именно финансово-промышленные ведомства за собой право определять, наступила ли пора применять такие меры, и сможет ли правящая бюрократия правильно соотнести свои цели и методы их достижения и предвидеть реальные последствия своего вторжения в экономику. Насколько действительный ход событий мог отличаться от планов бюрократии и выходить из-под ее контроля, показывает история вмешательства Главного управления земледелия в разработку акционерного законодательства.

Неоднократные попытки перейти от устарелой разрешительной системы учреждения акционерных обществ к явочной каждый раз терпели неудачу из-за общей тенденции сохранять за государством возможность вмешательства в частнокапиталистические отношения и из-за существования многочисленных ограничений во владении недвижимым имуществом для евреев и иностранцев, которые распространялись и на акционерные предприятия с их участием и обходить которые можно было только путем утверждения устава каждого общества Советом министров в порядке сепаратного законодательства. Но бюрократическая волокита и произвол при разрешительной системе также вредно сказывались на акционерном учредительстве. Поэтому в 1910 г. группа членов Думы снова подняла вопрос о переходе к явочной системе, вынудив этим Министерство торговли и промышленности вернуться к разработке соответствующего закона. Министерство попробовало найти выход в параллельной подготовке двух проектов — о явочном порядке учреждения торговых и промышленных обществ и об ограничениях, налагаемых на общества и связи с введением такого порядка. В последнем сводились воедино ограничительные меры, в разное время примененные к обществам с участием иностранцев и евреев. Сводка оказалась настолько устрашающей, что Тимашев отказался от выработки закона, «могущего лишь запугать иностранный капитал». В результате в августе 1912 г. МТП подготовило «главные основания» пересмотра акционерного законодательства, предусматривавшие смешанный порядок открытия акционерных предприятий — явочный, когда не требовался обход действующих ограничительных законов, и разрешительный, когда такой обход был необходим.¹¹⁹ Поскольку последние случаи касались наиболее важных предприятий, практически это означало, что в основном сохранялась прежняя система. Формальное принятие закона, не вносившего ничего существенно нового, не было делом спешным и его обсуждение грозило затянуться на годы, как это уже бывало с аналогичными проектами.

¹¹⁹ Шенгелс Л. Е. Акционерные компании. . ., с. 261—279.

Между тем, в проекте была статья, непосредственно затрагивавшая интересы ведомства земледелия — об ограничении всех акционерных обществ во всех местностях России в праве владеть земельными участками свыше 200 десятин. Подобная статья имела уже в проекте 1901 г.,¹²⁰ но тот так и не стал законом, а скупка земли предприятиями, в первую очередь лесопромышленными, но не только ими, продолжалась. Общие размеры акционерного землеустройства в стране оставались еще небольшими, но угроза появления нового конкурента пугала помещичье дворянство, которое неоднократно выступало с выражениями недовольства. Это, а также возможность покупки промышленными предприятиями крестьянских земель вызывало беспокойство ГУЗиЗ. В апреле 1913 г. при обсуждении в Совете министров уставов трех лесопромышленных обществ товарищ главного управляющего земледелием А. А. Риттих заявил, что «переход столь больших земельных пространств, расположенных в сельских местностях России, в собственность акционерных обществ, даже независимо от их состава, требует серьезного к себе внимания, так как расширение акционерного землеустройства создает в сельских местностях новую экономическую силу, влияние которой как на существующее землеустройство, так и на сельскохозяйственный труд и промысел вообще весьма гадательно». Понимая, что спор об акционерном землеустройстве может опять затянуться на десятилетия, Риттих выдвинул аргумент, который в 1913 г. сразу превращал вопрос в спешный: он высказал опасение, как бы скупка земли акционерными обществами не привела к созданию в стране крупного еврейского землеустройства.¹²¹ В результате междуведомственное совещание было проведено всего полтора месяца спустя — 30 мая.

На совещании ведомству земледелия не удалось добиться своего. Представители министерств финансов и торговли и промышленности говорили о необходимости не мешать промышленности, в том числе и лесной, где лучше допускать акционерные общества, чем частных владельцев, которые обычно ведут дело хищническим способом. Даже позиция представителя МВД была ближе к экономическим ведомствам, чем к ГУЗиЗ, поддержанному лишь Государственным контролем. На аргументы о важности сберечь лес для будущих поколений, а земли для крестьянского землеустройства большинство участников совещания отвечало, что, с государственной точки зрения, нужно думать не только о крестьянах, но и о том, ставить стеснений и для нашей отечественной промышленности на почве приобретения земель, и на номинало о больших площадях казенных земель, имеющихся в распоряжении ГУЗиЗ. Поскольку националистические соображения МТП не учитывать не могло, оно после совещания предлагало вернуться к практике, действовавшей до 1906 г., т. е. ограничить участие евреев в правлениях обществ, владеющих недвижимым имуществом вне городов, меньшинством членов, а к заведованию этими имуществами и к должностям директоров-распорядителей вообще не допускать. Оба эти ограничения с лета 1913 г. снова стали вводиться

¹²⁰ Там же, с. 198.

¹²¹ Выписка из журнала Совета министров 9 апр. 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 1—4.

и уставы вновь учреждаемых обществ. Но МТП высказывалось против полного запрещения евреям и иностранцам участвовать в администрации акционерных обществ, так как это привело бы к отказу иностранного капитала идти в русскую промышленность. О каком-либо законодательном ограничении земельных владений акционерных компаний в предложениях МТП вообще не было речи.¹²²

Такой исход не устраивал ГУЗиЗ, и это, видимо, сказалось на сроках обсуждения вопроса в Совете министров, куда он попал лишь в январе 1914 г. после закулисной борьбы, в результате которой большинство кабинета поддержало ГУЗиЗ и высказалось за ограничение всех акционерных обществ в праве свободно приобретать землю свыше 200 десятин. Судя по проекту Особого журнала Совета министров 3 января 1914 г., важную роль при этом сыграли доводы националистического порядка. Это, однако, отразилось и на постановляющей части журнала, которой ограничения евреев в праве быть членами правлений и управляющими недвижимым имуществом распространялись на горные предприятия, а сами эти ограничения были усугублены.¹²³ В создавшихся обстоятельствах МТП было не в состоянии защищать земельные права акционерных обществ и сосредоточило усилия на том, чтобы добиться формулировок, которые давали бы «некоторый выход горнопромышленным предприятиям».¹²⁴ Поскольку главная цель ведомства земледелия была достигнута, оно в ходе борьбы вокруг окончательного текста Особого журнала в январе—марте заменило часть националистических доводов (иногда игравших для него вспомогательную роль) экономическими — указавшим на то, что скупка земли акционерными предприятиями «будет содействовать искусственному ускорению и без того стремительного за последние годы роста земельных цен», и ссылкой на землеустроительные нужды. Ритник согласился также на включение в журнал рассуждений о нежелательности в экономической жизни ломки «установившегося порядка, к которому успел приспособиться как торговопромышленный класс, так и капиталисты, снабжающие предприятия денежными средствами». На этом основании горные предприятия были исключены из числа подпадавших под новые ограничения.¹²⁵ В таком виде Особый журнал был 27 марта принят Советом министров, а 18 апреля утвержден царем. Вводимые им правила не были, однако, в нарушение установившегося порядка, опубликованы.

Наставшая на ограничение акционерного землевладения, ГУЗиЗ не могло не понимать, что наносит ущерб промышленности, тем более, что протесты торгово-промышленных кругов начались еще до окончательной выработки новых правил. Как и в 1910 г., для ведомства земледелия интересы сельского хозяйства и, в частности, помещичьего дворянства

имели приоритет перед интересами промышленного развития. Но оно вовсе не было принципиальным противником частного капитала и, очевидно, считало, что последний в общем не так уж ущемляется Правилами 18 апреля. Ограничение земельной собственности не было безусловным — с разрешения МТП, МВД и ГУЗиЗ (а в ряде случаев и Военного министерства) акционерные общества могли приобретать и более 200 десятин, а ограничения прав евреев практиковались и раньше и обходились назначением подставных членов правления (это и был «установившийся порядок, к которому успел приспособиться торгово-промышленный класс»).

Однако, ГУЗиЗ явно не учло, что в 1914 г. российская буржуазия не хотела мириться с тем, с чем соглашалась несколькими годами раньше. В специальном докладе съезду промышленности и торговли, подготовленном в апреле, подчеркивалась недопустимость национальных ограничений и затруднения покупки земли акционерными обществами как мер, которые могут привести к тому, что «за границей, и в финансовых кругах вновь установится убеждение в невозможности помещать капиталы в русские промышленные предприятия».¹²⁶ На состоявшемся 2—4 мая восьмом съезде промышленности и торговли была подвергнута резкой критике вся экономическая политика царизма — и казенное предпринимательство, и попытки расследования деятельности синдикатов «Продуголь» и «Продамета», и Правила 18 апреля. В своей речи Н. П. Рябушинский подчеркнул, что эти Правила являются ударом по всей буржуазии, независимо от религии, и предприниматели должны будут ездить в Петербург «на поклон, как в ханскую ставку» за разрешением на каждый шаг в своей деятельности.¹²⁷ «Если, — говорил с трибуны съезда Ю. Гужон, — торговля и промышленность будут находиться под гнетом полиции или полицейской идеи, то в России делать более нечего»,¹²⁸ грозя, таким образом, исходом частного капитала. Под аплодисменты съезда Рябушинский выразил надежду, «что наша великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство».¹²⁹ Правила 18 апреля были подвергнуты критике и в Думе, где, в частности, тесно связанный с промышленными кругами октябрист А. Д. Протопопов подчеркивал, что «проведение новых предначертаний будет стоить нашему расчетному балансу многих сотен миллионов рублей».¹³⁰ Совет съездов обратился к председателю Совета министров Горемыкину со специальной запиской, в которой снова выражал недовольство и казенным предпринимательством, и антисиндикатскими мерами, а главное внимание уделял Правилам 18 апреля, причем разъяснил правительству, что требование обращаться за разрешением на каждую новую покупку земли в Совет министров ставит деятельность предприятий в зависимость от усмотрения власти и делает перспективу

¹²² Представление МТП в Совет министров 22 авг. 1913 г. и Журнал междоместного совещания 30 мая 1913 г. — Там же, л. 90—98, 105—110.

¹²³ Шепелев Л. Е. Царизм и акционерное учредительство в 1870—1910-х годах. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 311.

¹²⁴ В. Д. Сибилов — С. Г. Федосьеву (начало 1914 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, л. 191, л. 147.

¹²⁵ Там же, л. 268—283.

¹²⁶ Доклад Постоянной юридической комиссии при Совете съездов. Об ограничениях акционерных компаний в праве приобретать в собственность и принимать в залог недвижимые имущества. СПб., 1914, с. 10.

¹²⁷ Журналы заседаний Восьмого очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2, 3 и 4 мая 1914 г. в Петрограде. Пг., 1915, с. 56.

¹²⁸ Там же, с. 113.

¹²⁹ Там же, с. 101.

¹³⁰ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. IV, стб. 1480.

их существования неопределенной, и это, вместе с другими ограничениями акционерных обществ, предусмотренными правилами, в корне подрывает всякую инициативу и самостоятельность. Совет съездов предсказывал «резкие потрясения» в экономической жизни в случае оставления новых правил в силе и настаивал на их отмене.¹³¹

Русский и иностранный капитал не ограничивался только предсказаниями потрясений. В апреле—мае биржи отметили «подавленное состояние» русских ценных бумаг, мотивируемое преследованием «Продугля» и ограничением акционерных обществ. Бурная реакция буржуазии, подкрепленная и дипломатическим давлением из Парижа,¹³² заставила правительство пробить отбой. В середине июля Горемыкин, ссылаясь на выявившиеся «серьезные неудобства для успешного развития деятельности акционерных компаний», получил согласие Николая II на отмену Правил 18 апреля.¹³³ Отступление царизма в вопросе об ограничении акционерного землевладения было составной частью его поражения в антимонополистической кампании вообще. Расследование деятельности синдикатов было свернуто и потому, что оно вызвало недовольство буржуазии, и потому, что оно грозило разоблачениями коррупции в бюрократическом аппарате. Не дали результатов и попытки ограничить роль монополий хотя бы в казенных заготовлениях. Единственный «успех» Рухлова — закрытие Комитета заказов осенью 1914 г. — привел в условиях начавшейся войны к трудностям для самого путейского ведомства.

Ведомственные трения и ангажи в экономической политике царизма свидетельствовали об отсутствии у него последовательной народно-хозяйственной программы и о его неспособности решить стоявшие перед экономикой задачи. Спор из-за направления капиталовложений отражал не только противоречия между буржуазией и помещичьим дворянством. Сельское хозяйство России действительно нуждалось в притоке средств для повышения производительности, и поражение Кривошеина в ведомственном конфликте с Коковцовым означало не только, что помещики останутся без дополнительных подачек, но и что останется без финансового обеспечения землеустроительная часть столыпинской аграрной реформы. Потратив сотни миллионов рублей на насильственное разрушение общины, царизм не смог найти средства на превращение вышедших из общины крестьян в «крепких хозяев». Осталась повисшей в воздухе и задача упорядочения хлебной торговли — основы валютных поступлений царской России. В торгово-промышленной политике царизм колебался между вынужденным нажимом монополистического капитала и собственной финансовой слабостью мерами искусственного поощрения частного предпринимательства (железнодорожные гарантии, протекционизм и т. п.) и стремлением к государственно-капиталистической политике

(развитие казенного хозяйства и регулирование частнохозяйственной жизни). При этом, поскольку государственный строй в России отличался «резко докапиталистическим характером»¹³⁴ государственное регулирование капиталистических отношений осуществлялось в значительной мере в интересах «крепостнически-дворянско-помещичьего»¹³⁵ господствующего класса и руками полукрепостнической бюрократии. Результатом этого являлось обострение противоречий между царизмом и буржуазией в чисто экономической сфере, в ходе которых в конфликт с властью втягивались не только либеральные буржуазные политики, но и консервативные практики капитала, и несовместимость существующего порядка и своих непосредственных интересов олицетворял весь класс буржуазии в целом. В то же время царизм уже не мог позволить себе игнорировать позицию буржуазии в экономических вопросах, а вынужденное отступление его от широкообещанных провозглашенных кампаний в этой области (антисиндикатские мероприятия, ограничение акционерного землевладения и пр.) способствовало ослаблению его авторитета и в глазах буржуазии и в общеполитическом плане.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 267.

¹³⁵ Там же, т. 31, с. 133.

¹³¹ Докладная записка Совета съездов 21 июня 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 356—361. См. также: Шенгелев Л. Е. Царизм и акционерное учредительство, с. 313—314.

¹³² Кручинин Т. Д. Взаимоотношения царского правительства с монополиями. — Исторические записки, т. 57, с. 174—175; Гефтер М. Я. Царизм и законодательное регулирование деятельности синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны. — Там же, 1955, т. 54, с. 190.

¹³³ Шенгелев Л. Е. Царизм и акционерное учредительство, с. 314—315.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ПРАВЯЩИХ ВЕРХАХ ПО ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ (1907—1909 гг.)

Первые годы после переворота 3 июня представляли собой период разгула реакции и спада освободительного движения. В то же время объективные перемены в классовой группировке и политическом соотношении сил в стране, происшедшие за годы революции, были настолько велики, что они, как подчеркивал В. И. Ленин в 1908 г., вырвали пропасть «между дооктябрьской и современной Россией».¹ Важнейшей из этих перемен являлся тот факт, что миллионы трудящихся приобрели практический опыт участия в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно революционной борьбы. Однако усвоение уроков борьбы представляло собой сложный процесс, и в том же 1908 г. В. И. Ленин писал, что «широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно».² На авансцену политической борьбы выдвинулись конфликты буржуазии и помещичьего дворянства из-за распределения власти и доходов в третьеиюньской монархии, конфликты между буржуазно-либеральным и самодержавно-крепостническим лагерями и внутри последнего из-за государственно-правового оформления второго шага царизма по пути к буржуазной монархии.

Во всей своей деятельности правительство Столыпина ставило перед собой двудельную задачу «насилованного подавления интересов и движения масс»³ и проведения таких реформ, «которые подавляют восстание угнетаемых путем уступок, приемлемых для угнетателей без уничтожения их власти».⁴

И в условиях временного поражения революции царизм мог держать трудящиеся массы в повиновении только с помощью террора. Лишь за 1907—1909 гг. по политическим мотивам были приговорены к смертной казни, каторжным работам и тюремному заключению более 26 тыс. человек. По официальным данным в 1906—1909 гг. по приговорам военно-окружных судов было казнено 2694 человека,⁵ а в 1910 г. по сведениям печати еще 129. Широко применялась административная ссылка без суда. Введенное в 1881 г. в качестве временного Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, «юридически» обосновывавшее самоуправство центральных и местных полицей-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 273.

² Там же, с. 217.

³ Там же, т. 16, с. 62.

⁴ Там же, т. 15, с. 82.

⁵ ЦГАОР СССР, ДЦ, 2 д-во, 1910, оп. 67, д. 34, л. 28.

ских властей, ежегодно продлевалось. К январю 1912 г. из 157 млн. человек населения России только 5 млн. проживало в местностях, на которые не распространялось действие ни военного положения, ни чрезвычайной или усиленной охраны. Этими средствами царизм рассчитывал добиться «успокоения» или, говоря словами В. И. Ленина, «кладбищенского покоя», рассматривавшегося Столыпиным как необходимое предварительное условие его программы реформ, отнюдь не случайно провозглашенной в той же декларации 24 августа 1906 г., в которой объявлялось и о мерах по беспощадному подавлению революционного движения.

Все намеченные Столыпиным реформы были так или иначе связаны с созданием законодательных учреждений общенационального масштаба и, особенно, с курсом на форсированную ломку общины и выделение из нее «крепкого крестьянства» как массовой опоры царизма и представляли собой, таким образом, конкретизацию бюрократической политики. Для превращения сельской буржуазии в новую опору самодержавия было недостаточно уменьшить притеснения на пути капиталистической эволюции деревни. Необходимо было перестроить и местное самоуправление, чтобы обеспечить частнособственническому крестьянству больший политический вес в деревне. С аграрной реформой были связаны и преследовавшие в целом более широкие задачи проекты вероисповедных реформ, облегчавшие положение старообрядцев (влиятельных среди крестьян севера и востока России) и насильственно обращенных в православие униатов (крестьян юго-западных губерний). Проект введения всеобщего начального обучения, вызванный потребностями капиталистического развития страны, тоже примыкал к аграрной и административной реформам, поскольку сельской буржуазии, получавшей большее представительство в земстве, нужно было обеспечить образовательный ценз.

Наиболее разработанными проектами, которые раньше других были внесены в Думу и стали объектом политической борьбы, являлись проекты перестройки местного управления и самоуправления и местного суда. Это не было случайным обстоятельством. Рабочее законодательство, как отмечалось в гл. 3, вызывало сопротивление буржуазных кругов, к мнению которых правительство в этих вопросах внимательно прислушивалось. Лишь начавшийся новый революционный подъем заставил в 1911—1912 гг. поспешить с принятием страховых законов. Понимая необходимость всеобщего начального обучения, правящие круги тем не менее боялись его проведения в жизнь до подготовки достаточного числа благонадежных преподавателей (поскольку большинство народных учителей показало себя в годы революции сторонниками новых партий), а финансовая сторона проекта вызвала возражения Министерства финансов. Реформа же местного управления и самоуправления рассматривалась Министерством внутренних дел как первоочередная, что мотивировалось необходимостью «незамедлительного согласования всех существующих в местном управлении распорядков» с принципами, положенными в основу изменений государственного строя.⁶

⁶ Представление МВД в Совет министров 7 янв. 1907 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 18, л. 41.

Разрабатывая проект реформы самоуправления, Министерство внутренних дел исходило из признания того факта, что «сословная группировка населения России представляет из себя нечто определенное лишь в тех своих частях, где ее деления совпадают с реальными различиями отдельных классовых элементов»,⁷ и рассчитывало на создание в земствах блока помещного дворянства и «чумазах лендлордов» за счет увеличения удельного веса последних при одновременном сохранении части привилегий помещного дворянства. Один из горячих сторонников земской реформы гр. А. А. Уваров летом 1907 г. призывал дворян не бояться выпустить в земство кулака, ибо он «есть тот консервативный элемент, та опора, на которую в ближайшем будущем должно опереться правительство, если желает продолжать свое существование», поскольку кулак, «прочувствовавши, сколько пота и крови стоят 100 или 50 десятин, будет защищать их крепче, чем мы наши тысячи десятин».⁸

В соответствии с поставленной целью проект предусматривал ликвидацию особого сословного управления крестьян и создание бессословного земства — волостного, уездного и губернского, выборы в которые основывались на имущественном принципе при понижении избирательного ценза. В состав волости включались не только крестьянские, но и помещичьи земли, на которые соответственно перекладывалась и часть волостных денежных повинностей. Для выборов в уездное земство избиратели по первоначальному проекту МВД распределялись на четыре курии — две землевладельческие, объединявшие дворян и не дворян в зависимости от размеров их владений, владельцев городских имуществ и торговом-промышленных предприятий. Роль четвертой курии должны были играть волостные земства, от которых могли быть избраны и крестьяне-общинники. Наиболее существенным в проекте являлось уравнивание в правах землевладельцев дворянского и недворянского происхождения. При этом интересы крупных землевладельцев защищались тем, что обладание полным цензом давало право на автоматическое включение в состав волостного выборного органа, и тем, что за первой землевладельческой курией сохранялись как минимум $\frac{1}{4}$ мест в уездном земстве.⁹

Такой же характер имел и план преобразования местного суда, который предусматривал ликвидацию волостного суда для крестьян, действовавшего на основе не общегражданского, а обычного права, и восстановление института выборного мирового суда.¹⁰ Хотя высокий имущественный и образовательный ценз делал должность мирового судьи недоступной для крестьянина, ликвидация сословных ограничений в суде означала удар по сословной организации и психологии в стране, шаг в сторону укрепления буржуазных отношений. Особое значение реформа имела для сельской буржуазии, конфликты которой с общиной подлежали впредь рассмотрению не в волостном суде, где обычай мог обернуться против

нее, а в мировом, где на ее защиту вставал закон, охранявший священную частную собственность.

Одновременно с реформой самоуправления планировалась и реорганизация административного управления, имевшая целью укрепление правительственной власти на местах. Центр тяжести местного управления предполагалось перенести в уезд, создав там единую систему правительственных учреждений вместо разрозненных ведомств, подчинявшихся каждое своему губернскому начальству. Проект МВД подвергал критике существовавшую практику объединения уездных властей, заключавшуюся в том, что формально председателем любых уездных коллегиальных и межведомственных совещаний числился предводитель дворянства. МВД предлагало, сохранив за предводителем ряд важных prerogatives (председательство в земском собрании, почетительство над народными училищами и т. п.), поставить во главе уезда назначаемого сверху уездного начальника, обладающего по отношению ко всем уездным правительственным учреждениям такой же полнотой власти, какой обладал губернатор в масштабе губернии. Предполагалось также ликвидировать одну фигуру земского начальника, заменив его участковым начальником с меньшими правами и не обязательно дворянского происхождения.¹¹ Эти меры мотивировались неудовлетворительной деловой подготовкой уездного предводителя и отсутствием среди дворян достаточного контингента лиц для правительственной службы. В то же время эти меры увеличивали независимость уездного бюрократического аппарата от местного населения и его зависимость от центральной власти.

Реформа местного управления и самоуправления преследовала, таким образом, цель укрепить и приспособить к новой обстановке бюрократическую машину царизма. Подобно тому как в общенациональном масштабе царизм пошел на создание представительного органа помещиков и буржуазии, в местном самоуправлении делалась попытка превратить земства в орган помещного дворянства и сельской буржуазии.

Между тем, чем более уязвимыми оказывались экономические позиции и притязания помещного дворянства, тем более важным для него становилось сохранение максимума политического влияния в центре и на местах. Существование законодательных учреждений противоречило всему мировоззрению и непосредственным интересам дворянской реакции, выступавшей за незыблемость неограниченного самодержавного строя, при котором ей было легче защищать свои интересы с помощью придворных влияний. Кроме того, хотя избирательный закон 3 июня предоставлял землевладельцам решающее влияние на обе палаты, опыт Западной Европы внушал крепостникам-помещикам беспокойство, не окажется ли тенденция развития государственного строя направленной в сторону упрочения парламентских традиций, в то время как тенденция утраты дворянством его земель была бесспорной и это должно было вести к падению его удельного веса в законодательных учреждениях, выборы в которые основывались на имущественном цензе. Точно так же проект местной реформы, защищавший в первую очередь широко понятые интересы дворян-землевладельцев, спасая те их привилегии, которые по мне-

⁷ Там же, д. 63, л. 9.

⁸ Стенографические отчеты 1-го Всерос. съезда земских деятелей в Москве. Заседания 10—15 июня 1907 г. М., 1907, с. 157.

⁹ См.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 241—245.

¹⁰ Особый журнал Совета министров 19 и 23 янв. 1907 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 7, л. 174—182.

¹¹ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 242—244.

нию правительства еще казалось возможным спасти, вступал в противоречие с сиюминутными целями тех составлявших большинство помещиков, которые оказывались неспособными перестроиться в соответствии с меняющейся обстановкой. Представители этих помещиков жаловались, что задуманные правительством перемены, «так велики, так крупны, что... пережить их у нас не хватит ни сил, ни средств».¹² Не случайно выступления против реформы местного управления сочетались с требованиями принятия искусственных мер для сохранения дворянского землевладения.¹³

Оценивая перспективы взаимоотношений правительства Столыпина и III Думы, В. И. Ленин отмечал, что конфликты в ней возможны прежде всего между черносотенными элементами, с одной стороны, и правительством и октябристами, являвшимися главной правительственной партией, с другой, «в вопросах местного самоуправления и центральной организации государственной власти». «Для черносотенцев, — формулировал В. И. Ленин существо разногласий, — в земстве и городской Думе не нужно ничего другого кроме того, что есть, а в центре — „долой проклятую конституцию“. Для октябристов и в земстве и в Думе надо усилить свое влияние, а в центре необходима „конституция“, хотя и очень куцая, фиктивная для масс».¹⁴ Отмечая, что процесс учета массами опыта революции 1905—1907 гг. играет «гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства»,¹⁵ В. И. Ленин в то же время постоянно предостерегал от недооценки «казалось бы удаленных от настоящего очага революции»¹⁶ противоречий в правящих верхах. Он при этом подчеркивал важность государственно-правовых институтов с точки зрения классовой борьбы, поскольку прочность режима, условия его развития и разложения — «все это в сильной степени зависит от того, имеем ли мы перед собой более или менее явные, открытые, прочные, прямые формы господства определенных классов или различные опосредствованные, неустойчивые *формы* такого господства».¹⁷ Ход и исход столкновений в верхах из-за устройства центральных и местных органов власти имел, таким образом, прямое отношение к классовой борьбе пролетариата, определяя государственно-правовые условия третьеиюньской монархии, в которых протекала эта борьба.

Переворот 3 июня не мог удовлетворить дворянскую реакцию, сожалевшую, что «мы продолжаем ценно держаться почвы 17 октября»,¹⁸ «что 3 июня зуб не вырван, а... лишь сломан»,¹⁹ и что переворот «не возвращает Россию к ее исконному самодержавно-совещательному строю».²⁰

¹² Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 83.

¹³ Там же, с. 137—138, 241—242.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 142.

¹⁵ Там же, т. 17, с. 273.

¹⁶ Там же, с. 280.

¹⁷ Там же, т. 22, с. 131—132.

¹⁸ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину 8 июня 1907 г. — РО ГЕЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

¹⁹ Д. И. Пихно — С. Ю. Витте 27 авг. 1907 г. — ЦГА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 359, л. 1.

²⁰ А. А. Киреев — Николаю II 4 июля 1907 г. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 2374, л. 1.

Недовольство крайне правых вызывал и состав III Думы, и первые шаги ее деятельности.

В ходе избирательной кампании Столыпин добивался создания блока октябристов, умеренно правых и тех элементов черной сотни, на послушание которых он рассчитывал. По поручению Министерства внутренних дел черносотенный священник И. И. Восторгов и привлеченные им бывшие зубатовцы совершили ряд поездок по стране, агитируя местные отделы «Союза русского народа» поддержать октябристов там, где они были слабы.²¹ Главную ставку Столыпин делал на «Союз 17 октября» и в самом начале предвыборной борьбы пожелал Гучкову «полного успеха».²²

Процесс формирования партийных группировок в Думе был в общем завершен к течению ноября 1907 г. Крайне правые насчитывали в своих рядах 51 депутата, националисты — 26, умеренно правые — 70, октябристы — 154. Таким образом, даже без крайних черносотенцев в Думе существовало право-октябристское большинство,²³ которое захватило все руководящие посты в Думе (председателем ее был избран октябрист Н. А. Хомиков) и в ее комиссиях, причем в комиссию государственной обороны вообще не были допущены не только социал-демократы и трудовики, но и кадеты. Один из черносотенных депутатов, выражая радость по этому поводу, говорил о невозможности делить с оппозицией «такой пирог, который именуется Россия».²⁴

В то же время октябристы, 28 прогрессистов и 54 кадеты могли составить в Думе октябристско-кадетское большинство, поддерживаемое мелкими фракциями (мусульманская, польское коло и т. п.). Еще в ходе избирательной кампании октябристы и кадеты, ведя резкую публичную полемику, прощупывали возможность сотрудничества на заключительной стадии выборов и в самой Думе. Октябристами диктовал при этом страх остаться один на один с правыми, которых по признанию гучковского «Голоса Москвы» прошло в Думу «больше, чем нужно по требованиям переживаемого момента».²⁵ В свою очередь кадеты, чьи позиции в Думе были подорваны новым избирательным законом, надеялись в союзе с октябристами осуществить хотя бы некоторые из желательных либеральной буржуазии реформ, причем Милюков заранее говорил о необходимости согласовывать законодательные предложения кадетов с их «практической проводимостью»,²⁶ что означало «в угоду октябристам урезать свои проекты».²⁷ Заинтересованное прежде всего в право-ок-

²¹ Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910, с. XIV; Дневник А. В. Богданович. Три последних самодержавия. М.; Пг., 1924, с. 438.

²² П. А. Столыпин — А. И. Гучкову 2 сент. 1907 г. — ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 1142, л. 1.

²³ Именно наличие право-октябристского большинства без крайне правых объясняло подчас тактику последних, выступавших с критикой в целом устраивавших их законопроектов или таких, провала которых правительство бы им не простило (вроде аграрной реформы).

²⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. Часть I. СПб., 1907, стб. 95.

²⁵ Голос Москвы, 1907, 16 окт.

²⁶ Вестник народной свободы, 1907, № 43—44, 8 нояб., с. 1838.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 156.

тябристском большинстве и желавшее «держать кадетов в черном теле»²⁸ правительство Столыпина пресекало шаги к сближению кадетов и октябристов, да и сами последние ориентировались в основном направо. Тем не менее октябристско-кадетское большинство проявило себя сразу же после конституирования Думы, в значительной мере из-за попытки правых использовать первые же шаги Думы для атаки на Основные законы.

Крайне правые потребовали включить в благодарственный адрес Думы Николаю II титул «самодержца всероссийского». В ходе прений черносотенцы открыто заявляли, что их идеалом является основанный на сословном принципе совещательный Земский собор, но они не выступают за немедленное претворение этой идеи в жизнь лишь «потому, что при настоящих условиях такой Земский собор оказался бы Учредительным собранием».²⁹ Когда Дума голосами октябристов и кадетов приняла адрес без титула «самодержец», а «Россия» упрекнула крайне правых в том, что они «искусственно с прямым вредом для государственного дела обострили отношения с октябристами»,³⁰ это вызвало новую волну выступлений реакции против Думы и Основных законов. Инспирированные Советом «Союза русского народа» местные отделы засыпали царя телеграммами протеста против адреса Думы.³¹ Ссылаясь на эти телеграммы как на «голос народа», «Русское знамя» потребовало роспуска Думы. С таким же требованием обратился к Столыпину И. П. Балашов, предлагавший при этом вновь изменить избирательный закон, чтобы совсем изгнать из Думы кадетов и левых, и пересмотреть Основные законы в сторону восстановления неограниченной власти царя.³² Так как Столыпин не шел на принятие подобных мер, лидеры реакции выражали недовольство,³³ а кн. В. П. Менцеровский открыл кампанию за ликвидацию Совета министров и должности премьера, поскольку, де, их существование представляет собой «ограничение самодержавия государя».³⁴

Подобные выступления не были мнением одиночек. 31 января 1908 г. московское губернское дворянское собрание (наиболее авторитетное в сословии и к тому же далеко не самое правое) приняло адрес, в котором подчеркивало, что «ныне, как и встарь нет на Руси политической силы, равной царской власти», стоящей «выше преходящих внешних прав».³⁵ Московский адрес был расценен и либеральной, и правой прессой как «осуждение акта 17 октября и последовавших из него изменений государственного строя».³⁶ Сходный по содержанию адрес был представлен Николаю II и от имени курского дворянства.³⁷

Опасения черносотенных кругов относительно «врастания» законодательной Думы в систему российской монархии подогревались тем, что

все помещичьи и буржуазные партии (кроме крайне правых) действительно стремились использовать полученную ими с созданием представительных учреждений возможность более активного участия в делах государственного управления. Обостренное внимание и буржуазии, и дворянства к экономическим аспектам политики царизма, непосредственно затрагивавшим интересы этих классов в их самом «шкурном» виде, в значительной мере объясняло, почему оба большинства Думы особенно ревниво относились к бюджетным правам Думы, именно на почве этих прав сразу же вступая в пререкания с правительством.

Немедленно после начала первых бюджетных прений в III Думе «финансовый эксперт» октябристов А. Н. Ерощкин заявил о необходимости изменить Правила 8 марта 1906 г. в сторону расширения бюджетных прав Думы,³⁸ а в январе 1908 г. октябристы, несмотря на возражения Коковцова, проголосовали за принятие и рассмотрение кадетского проекта об изменении этих правил.³⁹ При рассмотрении бюджета не только кадеты и октябристы, но и умеренно правые систематически протестовали против бронирования большей части расходной сметы, в том числе и с помощью высочайших повелений, проведенных уже после 17 октября 1905 г. В знак протеста октябристы и умеренно правые провели в апреле 1908 г. сокращение бронированной сметы Министерства путей сообщения на один рубль,⁴⁰ гордо названный «конституционным рублем». Подобные конфликты обострялись из-за позиции крайне правых, заявлявших о признании ими законными любых повелений царя, хотя бы и отданных в нарушение Основных законов.

Тенденция вживания Думы в общий механизм государственного управления объяснялась общими законами самодвижения раз возникшего института. Она проявлялась не только в действиях думских фракций, но и в неоднократно возникавшей для правительства в целом или для отдельных министерств необходимости апеллировать к Думе по соображениям внешнеполитического престижа, ведомственных трений или групповой борьбы в верхах. Так, еще в 1906 г. противники ряда чрезвычайных указов, проводимых Столыпиным по ст. 87, не желая открыто выражать несогласие с существом указа, ссылались на нежелательность проведения намеченных мероприятий в обход Думы. В 1908—1909 гг. Министерство финансов и Государственный контроль в борьбе с безхозяйственностью военных ведомств склонны были к расширительному толкованию прав Думы в контроле за назначением ассигнованных этим ведомствам средств, а Министерство внутренних дел, заинтересованное в установлении делового контакта с Думой, готово было поддержать ее притязания и ограничительно истолковать ст. 14 Основных законов (о верховном управлении) и тем затруднить Министерству финансов возможность прикрывать ею свои бюджетные манипуляции. По дипломатическим соображениям при утверждении в Думе сметы и штатов посольства в Токио 27 февраля 1908 г. с разрешения Николая II состоялись прения по дальневосточной политике России, открытые «программой»

²⁸ Там же, с. 179.

²⁹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 186.

³⁰ Россия, 1907, 16 нояб.

³¹ См.: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 686.

³² Там же, оп. 1, д. 1109, л. 236—237.

³³ Из дневника Л. Тихомирова 16 дек. 1907 г. — Красный архив, 1935, № 5, с. 129.

³⁴ Гражданин, 1908, № 3, 13 янв., с. 13—14.

³⁵ Там же, № 10, 7 февр., с. 11.

³⁶ Там же, № 11, 10 февр., с. 2—3.

³⁷ Голос Москвы, 1908, 17 февр.

³⁸ Гос. дума. 3-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 637.

³⁹ Там же, стб. 1189—1190, 1239—1240, 1320.

⁴⁰ Там же, ч. II, стб. 1624.

речью министра иностранных дел А. П. Извольского,⁴¹ хотя вопросы внешней политики не входили в сферу компетенции законодательных палат. В мае 1908 г. с явного одобрения Столыпина⁴² октябристы и умеренно правые выступили против Совета государственной обороны, возглавленного в. кн. Николаем Николаевичем, и против других великих князей, занимавших руководящие посты в военном ведомстве,⁴³ вмешавшись в неподчиненную Думе область военного управления. С другой стороны, бюрократия с трудом привыкала к необходимости принимать в расчет Думу и воспринимала ее вполне соответствовавшие закону, но неугодные бюрократии действия как вторжение в заповедную область. Так, отказ весной 1908 г. в ассигнованиях на строительство броненосного флота, на что Дума имела право, Столыпин назвал «бессознательным переходом» к парламентаризму путем прецедентов.⁴⁴

Но если Столыпин обвинял Думу в превышении ее полномочий только в моменты раздражения какими-либо ее конкретными действиями, то для черносотенной реакции именно этот мотив был постоянным. Еще в самом начале сессии «Гражданин» (1907, 9 дек.) высказывал опасение, что «работоспособность третьей Думы нанесет несравненно более сильный удар самодержавию, чем революционность первых двух». По мере того как становилось совершенно ясно, что разгонять третью Думу за крамолу не придется, Мецкерский все более резко обвинял ее в том, что она «присваивает себе права верховной власти или учредительного собрания».⁴⁵ Правдоподобность крайних правых распространялась и на сотрудничество с Думой правительство Столыпина, по разным поводам обвиняемое в умалении прерогатив верховной власти.⁴⁶ Летом 1908 г. тесно связанный с реакционными «сферами» петербургский корреспондент «Дейли телеграф» Диллон писал: «Русским „реакционерам“ — консерваторов теперь уже нет — до глубины души противны результаты столыпинского правления». Думе и Столыпину вменялись в вину — лишение царя титула самодержца (адрес Думы), ущемление его прав во внешнеполитических делах (проведение через Думу реорганизации миссии в Токио в посольство и общие прения), эпизод с «конституционным рублем». Основанные на этих и аналогичных случаях обвинения против Столыпина были переданы Диллоном следующим образом: «Он подрывает кредит атрибутов трона, преподносит некоторые из них в дар Думе, умаляет престиж короны», причем «мягкость, с которой эти роковые шаги совершаются, успокаивает тех, которых он ведет на гибель» и, таким образом, «лояльная Дума и такой же лояльный премьер приняли по наследству

дело, оставленное им бунтовщическими собраниями и политическими поджигателями».⁴⁷

Лето 1908 г. ознаменовалось новыми серьезными выступлениями правых против Думы и Столыпина. Потенциально важным был конфликт из-за штатов Морского генерального штаба. В связи с некоторой несогласованностью ст. 96 Основных законов и ст. 31 Учреждения Думы последние при обсуждении законопроекта о создании штаба утвердили не только просимые ассигнования, но и приложенное лишь для ее сведения штатное расписание. По тактическим соображениям и с согласия Николая II,⁴⁸ правительство не стало протестовать. Однако при рассмотрении вопроса в финансовой комиссии Государственного совета «во всем, что говорилось, чувствовалось желание сделать подвох Столыпину, который, якобы, пропустил через Совет министров ограничение верховной власти».⁴⁹ Вслед за тем законопроект был отвергнут на общем заседании Государственного совета 3 июля, где в ходе прений Н. И. Дурново, пока еще в косвенной форме, обвинял правительство во вмешательстве в область верховного управления.⁵⁰ В июле же на миссионерском съезде в Киселе были подвергнуты критике вероисповедные проекты правительства и отглашено приветствие от «Союза русского народа», в котором правительство обвинялось в насаждении «конституционных свобод», вторгшихся в недра русского народа под покровом враждебных православию законов».⁵¹

Те самые круги, которые постоянно обвиняли правительство в умалении прерогатив верховной власти и излишней приверженности к сотрудничеству с Думой, само существование которой также вызывало их недовольство, выступали против проекта местной реформы, причем борьба против нее проходила в непосредственной связи с отстаиванием принципа самодержавности власти царя, и оба этих мотива постоянно переплетались.

Первоначально помещное дворянство попыталось действовать против местной реформы привычными закулисными методами, представив Столыпину на рубеже января—февраля 1907 г. записку от имени группы правых Государственного совета. Затем критика правительственных планов была перенесена на третий съезд объединенного дворянства в марте—апреле и на ряд губернских дворянских собраний, а также на специально созванные в июне и августе 1907 г. съезды «земских деятелей». И сам факт разработки проекта реформы, и, в особенности, намерение правительства внести его на рассмотрение Думы, были названы на съезде объединенного дворянства «незаслуженным оскорблением» для сословия. Подводя итоги обсуждения реформы, один из ее авторов и ближайших советников Столыпина Н. Я. Гурьянд писал, что крики об оскорблении, наносимом идее дворянства, прикрывали сугубо практические интересы

⁴¹ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961, с. 88—93.

⁴² См. передовицу «России», 1908, 29 мая.

⁴³ Гос. дума. 3-й соз. Сес. I, ч. III, стб. 1228, 1252, 1599—1600.

⁴⁴ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—08 годы. Сессия третья. СПб., 1908, стб. 1707—1708.

⁴⁵ Гражданин, 1908, № 20, 16 марта, с. 13.

⁴⁶ Черносотенный дипломат П. С. Боткин систематически писал очень близкому к Николаю II кн. В. Н. Орлову, что «чувствует» «какое-то движение в пользу постепенного ограничения власти государя», в котором участвуют члены правительства (П. С. Боткин — В. Н. Орлову 19 авг. 1908 г. и 7 июля 1909 г. — ЦГА СССР, ф. 1012, оп. 1, д. 50, л. 130—132, 186).

⁴⁷ Киевлянин, 1908, 10 и 11 июня.

⁴⁸ П. А. Столыпин — Николаю II 12 марта 1908 г. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 787, л. 39—40.

⁴⁹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1918. М., 1924, с. 47.

⁵⁰ Гос. совет. Сес. III, стб. 1818, 2230.

⁵¹ Речь, 1908, 16 июля.

консервативных дворянских кругов. Создание должности уездного начальника подрывало карьерные устремления дворянских предводителей, поскольку правительство стало бы впредь рассматривать не предводителей, а уездных начальников как подходящих кандидатов на вакансии губернаторов и вице-губернаторов. Кроме того, как констатировал Гурлянд, «рассчитывая более на правительство, чем на себя, консервативные группы всегда уверены, что правительство их недостаточно поддерживает, а когда правительство предъявляет к ним требования во имя государственного начала, они первые бросают правительству упрек в излишнем властолюбии».⁵²

Дворянская реакция настаивала на несвоевременности «коренной ломки существующего административного строя»⁵³ и предлагала ограничиться «мелкими поправками, на необходимость коих указывает практика». При этом отвергался и выдвинутый Министерством внутренних дел аргумент о согласовании системы местных органов с новым политическим строем. Сами подкапывавшиеся под основы куцей столыпинской конституции «зубры» заявляли, что «все эти новые установления еще очень неустойчивы, и никто не может сказать, в какие формы они окончательно выльются».⁵⁴ Особенное недовольство выражалось по поводу того, что авторы проекта «стараятся в корне разрушить сословный строй России».⁵⁵ Правительственный проект объявлялся «революционным», равносильным осуществлению эсеровской программы и ведущим к «передаче всего дела оклократии, т. е. черни».⁵⁶ Признавая, что дворянское землевладение сокращается и находится среди дворян достаточное число земских гласных, а тем более кандидатов в уездные предводители становился все труднее, один из идеологов дворянской оппозиции реформам Ф. Д. Самарин в записке, одобренной чрезвычайным московским дворянским собранием 8 октября 1907 г., писал: «Государственной власти нет причины приветствовать совершившийся социальный переворот... она должна сознать свой долг бороться против него».⁵⁷

В выступлениях противников местной реформы подвергались критике три ее основных устоя — устранение предводителя дворянства от руководящей роли в уезде, образование всесословной волости и расширение земского избирательного права. При этом выдвигался тезис, что уездный предводитель, именно потому, что он избирается только дворянством, является хорошим главой уездной власти, так как «пользуется полной личною независимостью» и от вышестоящей администрации, и от населения. Возражая против создания всесословной волости, помещное дво-

рянство откровенно боялось, как бы волостное управление с крестьянским большинством не переложило на помещиков тяжесть местных налогов. «Интересы миллионера, — восклицал Н. Е. Марков при обсуждении этого вопроса, — важнее интересов нищего».⁵⁸ Дворянство не желало поступаться своими позициями и в уездном земстве, протестуя против расширения представительства крестьян. Наиболее последовательные лидеры правых выступали и против столыпинского плана опереться на сельскую буржуазию, видя угрозу именно в том, что руководство земством захватят «люди... хищнически-промышленного типа», которые к тому же будут, якобы, сотрудничать с несправедливой реакцией «третьим элементом».⁵⁹ Соглашаясь несколько понизить уровень избирательного ценза, участники съездов «земских деятелей» выступали за создание курий по сословному признаку, прямо признавая, что требуют этого во имя защиты интересов дворян, которых в противном случае могут не выбрать в земские гласные.⁶⁰ Как правило, критика проекта местной реформы сопровождалась требованием сохранить в неприкосновенности и волостной суд как специфически крестьянский сословный институт.

Давление объединенного дворянства заставило Столыпина уже осенью 1907 г. пойти на определенные уступки. В правительственной декларации в Думе он заявил о передаче проектов местной реформы на предварительное рассмотрение и учрежденный еще при Плеве Совет по делам местного хозяйства при МВД. В состав Совета входили 22 чиновника от различных ведомств (в том числе 19 от МВД во главе с самим Столыпиным), ряд губернаторов, губернских и уездных предводителей дворянства, а также представителей некоторых земств и городских Дум. Мертворожденный эрзац совещательного представительства, который и во времена Плеве не мог рассматриваться как шаг вперед к созданию представительных органов и потому не проявлял никаких признаков существования, гальванизировался теперь и как еще одной полубюрократической инстанции, выглядевшей заведомым анахронизмом при наличии законодательных палат. С поистине плюшкинским скондидомством бюрократия стремилась использовать самые архаичные учреждения в надежде таким способом сделать переход к новой системе управления наименее чувствительным для крепостников-помещиков. Но архаизм учреждения с неизбежностью проявлялся в консерватизме принимаемых им решений, что сразу же стало очевидным в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, за закрытыми дверями которого бюрократия надеялась с глазу на глаз с помещным дворянством убедить его в необходимости задуманной реорганизации местного управления.

На первую сессию Совета, состоявшуюся в марте—апреле 1908 г. были вынесены проекты поселкового и волостного управления и земской избирательной реформы. Отвечая при открытии заседаний Совета своим оппонентам справа, Столыпин говорил: «Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязан-

⁵² «Уездная реформа» (июль 1909 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, д. 5а, ч. 3, л. 115.

⁵³ Записка комиссии, избранной 3-м съездом уполномоченных дворянских обществ, по поводу законопроекта правительства о поселковом управлении. СПб., 1907, с. 3.

⁵⁴ Доклады избранной московским депутатским дворянским собранием комиссии по рассмотрению законопроектов о реформе местного управления. Цит. по: Труды IV съезда уполномоченных... с. 382, 393.

⁵⁵ Русское слово, 1903, 24 янв.

⁵⁶ Стенографические отчеты 2-го Всерос. съезда земских деятелей в Москве. Заседания 25—28 августа 1907 г. М., 1908, с. 24, 82—83.

⁵⁷ Труды IV съезда уполномоченных... с. 444.

⁵⁸ Стенограф. отчеты 2-го Всерос. съезда... с. 197.

⁵⁹ Записка комиссии... о поселковом управлении, с. 14—16.

⁶⁰ Стенограф. отчеты 1-го Всерос. съезда... с. 158.

ность способствовать улучшению местного строя». На деле переработанные перед вынесением на Совет проекты свидетельствовали о значительной сдаче позиций, и Столыпин в той же речи специально подчеркивал намерение правительства настаивать на сохранении в земстве влияния «класса поместных землевладельцев».⁶¹

Тем не менее реакционное дворянство по-прежнему выступало против реформы вообще и представители его риторически вопрошали, не вызовет ли она «нового беспокойства в деревне» и не лучше ли, «не вдаваясь в коренную реформу», «ограничиться частичными улучшениями». Члены Совета по делам местного хозяйства от курского и тульского земств видные лидеры крайне правых М. Я. Говорухо-Отрок и гр. В. Ф. Доррер заявили протест против «коренной ломки существующего сословно-корпоративного строя уездной жизни», каковую они видели в создании всесословной волости и расширении контингента избирателей уездного земства. При поштатном обсуждении проекта помещичье большинство Совета отвергло попытки заменить земельный ценз имущественным, поскольку помещичьи земли были оценены ниже промышленных предприятий, и такая замена привела бы к увеличению представительства буржуазии. Владельцы земельной и неземельной собственности вне городов были распределены по разным куриям, чтобы хозяева промышленных предприятий не забаллотировали помещиков. За крупными землевладельцами было решено оставить половину мест гласных уездного земства. Хотя правительство и не было обязано принимать рекомендации Совета по делам местного хозяйства, давление помещичьей оппозиции сказалось на Столыпине, сразу же приведшем к выводу, что законопроекты МВД «потерпят значительные изменения».⁶²

На проходившем параллельно с сессией Совета по делам местного хозяйства четвертом съезде объединенного дворянства главное внимание было сосредоточено на защите сословного принципа и прерогатив уездного предводителя. Министерство внутренних дел обвинялось в том, что оно «подкапывается под должность уездного предводителя», и В. М. Пуришкевич предлагал отвергнуть проект как оскорбительный для дворянства, являющегося «носителем чисто русских идеалов: преданности царю и отечеству». Член III Думы Э. А. Исеев заявлял, что введение бессословности «сознательно или бессознательно» ведет Россию к республиканскому строю, ибо сословность является опорой монархии.⁶³

Принятое съездом постановление объявляло реформу местного управления не только «нежелательной и нецелесообразной», но и «вредной», а устранение привилегий дворянства несовместимым с «правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии монархического начала». Постановление требовало сохранить прежнюю роль за уездными предводителями дворянства и земскими начальниками и высказывалось против введения бессословного принципа в организацию местного управле-

ния и суда.⁶⁴ Решения съезда были доложены Николаю II, обещавшему, что права уездного предводителя не будут умалены.⁶⁵

Все это не могло не сказаться на позиции Столыпина на осенней сессии Совета по делам местного хозяйства, посвященной уездной и губернской реформам. Министерство внутренних дел постаралось подобрать к сессии статистический материал, доказывающий, что предводители дворянства не в состоянии отправлять свои председательские функции во всех положенных случаях, а более четверти вообще бывает в своих уездах лишь изредка. Тем не менее Столыпин заявил, что правительство будет считать предводителей «энергичными кандидатами на должность начальника уезда». Но представители дворянства не удовлетворились этим и выступили против совмещения должности уездного предводителя и начальника уезда, видя в таком совмещении подрыв авторитета предводителя (если МВД не утвердит его в должности начальника уезда). Дворянские делегаты настаивали на сохранении за предводителем председательствования в уездном совете и ограничении начальника уезда административными и полицейскими обязанностями.⁶⁶ Сопротивление вызвал и проект губернской реформы, усиливавший власть МВД над губернаторами. В ходе его обсуждения против Столыпина было опять выдвинуто обвинение в ущемлении прерогатив верховной власти, поскольку, якобы, по министерскому проекту губернатор становился представителем МВД, а не самого царя, как это было раньше. Обвинение было доведено до Николая II и тот потребовал от Столыпина объяснений, верно ли, что закон о губернаторах изменен «в смысле отмены обязанности их блюсти права самодержавной власти». Столыпину с трудом удалось обелить себя и своего ближайшего помощника С. Е. Крыжановского в глазах царя.⁶⁷

Одновременно с натиском на местную реформу усиливалась критика аграрной политики правительства. В 1906 г. (как отмечалось во 2-й гл.) помещное дворянство поддержало политику ломки общины, видя в ней единственный способ отвести угрозу от собственных владений. Одновременно, в панике убегая из деревни, помещики предложили к покупке Крестьянскому банку только за 1906 г. около 7000 имений площадью в 7.66 млн. десятин,⁶⁸ часть из которых была действительно куплена банком по завышенным ценам для перепродажи крестьянам. Тем не менее уже тогда некоторые делегаты первого съезда объединенного дворянства нападали на деятельность Крестьянского банка как на «провокационную» и «вредную».⁶⁹ Едва опомившись от страха перед крестьянскими восстаниями, дворянство стало обвинять банк в том, что он египет помещиков с земли, сближая их выгодными ценами. Неспособное

⁶⁴ Свод постановлений I—X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. Пг., 1915, с. 48—52.

⁶⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 102—103; Голос Москвы, 1908, 3 апр.; Речь, 1908, 25 июня.

⁶⁶ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 263—264.

⁶⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, Б. г. [Берлин, 1938], с. 148—151.

⁶⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 310.

⁶⁹ Труды Первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. 2-е изд. СПб., 1910, с. 83—85.

⁶¹ Речь П. А. Столыпина 11 марта 1908 г. при открытии присутствия Совета по делам местного хозяйства. — ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, д. 29, л. 3—4.

⁶² См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 258—261.

⁶³ Труды IV съезда уполномоченных..., с. 48, 112, 247.

наладить хозяйство, поместное дворянство и в этом винило правительство, требуя от казны дополнительной поддержки. «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, — утверждал Совет объединенного дворянства в меморандуме 17 марта 1907 г. — правительство бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».⁷⁰ На третьем съезде объединенного дворянства Крестьянский банк подвергся ожесточенным нападкам большинства участников, а один из виднейших представителей помещичьей реакции А. П. Струков назвал его «гидрой, пожирающей землевладения дворянства».⁷¹ На четвертом съезде В. И. Гурко выражал сомнение в целесообразности для государства перехода частновладельческих земель в руки крестьян,⁷² а С. Ф. Шарапов требовал «удерживать за правительством» «хорошую землю, приспособленную для частного хозяйства» и продавать ее помещикам посредством Дворянского банка,⁷³ т. е. с затратой новых миллиардов на искусственную поддержку дворянского землевладения. IV съезд объединенного дворянства в своих нападениях на Крестьянский банк дошел до утверждения, будто «усиленная распродажа культурных центров — владений поместных дворян» представляет собой осуществление на практике «программы принудительного отчуждения».⁷⁴ Наконец, на пятом съезде было принято постановление, требовавшее, чтобы банк прекратил скупку помещичьих земель и перепродажу их крестьянам, увеличивая крестьянское землевладение за счет ввода и экзеквацию «посредством осушения, ирригации или иной мелиорации» не обрабатываемых пока казенных земель.⁷⁵ Охотно разглашавшее о своем бескорыстном служении государству дворянство не собиралось поступаться своими землями, предлагая государству отдать свой земельный фонд во имя сохранения дворянских латифундий.

Постепенно часть черпосотенного лагеря начинала все больше подвергать критике и столыпинскую ломку общины. В этой критике можно было различить три основных мотива. Как уже указывалось, во-первых, ряд представителей крайней реакции отвергал реформу целиком с позиций защиты сословного строя, одним из устоев которого была обособленность общинного крестьянства. Этот мотив звучал в выступлениях некоторых крайне правых членов Думы при обсуждении указа 9 ноября, а также в прениях на дворянских съездах,⁷⁶ причем один из постоянных критиков указа А. Я. Ушаков подчеркивал связь аграрной реформы и планов реорганизации местного самоуправления и заявлял, что они составляют «одну целую систему», в результате осуществления которой «вся наш уклад русской жизни, вся наша старина пойдут насмарку».⁷⁷

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 184, л. 15.

⁷¹ Труды 3-го съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907, с. 294.

⁷² Труды IV съезда уполномоченных..., с. 137—138.

⁷³ Там же, с. 242.

⁷⁴ Краткий обзор трудов IV съезда уполномоченных дворянских обществ. — ЦГИА СССР, ф. 899, оп. 1, д. 84, л. 3.

⁷⁵ Труды V съезда уполномоченных..., с. 296.

⁷⁶ Там же, с. 169.

⁷⁷ Там же, с. 163.

Другим мотивом был страх перед пролетаризацией крестьянства. Уже в записке московских дворян летом 1907 г. объявлялось «преступным» превращение всех крестьянских земель из наделных в частновладельческие, поскольку это привело бы к массовому обезземеливанию и «революция сделалась бы хроническим явлением».⁷⁸ Об этом же говорили правые депутаты в Думе, подчеркивавшие, что указ 9 ноября «содержит в себе достаточно гремучего газа, чтобы взорвать всю Россию».⁷⁹ При этом даже сторонники ломки общины выражали беспокойство по поводу «неумеренного применения закона 9 ноября».⁸⁰ Существенно важным было учтение критики результатов столыпинской земельной политики. Один из авторов этой политики — Гурко с тревогой констатировал, что процесс дифференциации «происходит не путем повышения благосостояния отдельных лиц при сохранении среднего уровня благосостояния массы, а, наоборот, при его понижении».⁸¹ Тревогу наиболее дальновидных из правых, указывавших на разорение крестьян, вызывало не столько само это разорение, сколько его политические последствия, и речь, таким образом, шла о несостоятельности столыпинского курса. Наконец, и третьих, некоторых представителей помещичьих кругов пугала как раз перспектива успеха реформы. Один из создателей объединенного дворянства кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский видел в указе 9 ноября «те задатки, которые во всей вероятности приведут к фактической экспроприации нашей собственности», поскольку «правительство нас предаст»,⁸² а псковский помещик В. Л. Кушелев выражал опасения, что «правительство пожертвует нами в пользу крестьян, если почувствует, что на них можно опереться».⁸³

Несмотря на ряд существенных уступок, которые ему пришлось сделать, Столыпин на рубеже 1908—1909 гг. не считал свой план реформ проваленным окончательно. 18 декабря 1908 г. МВД внесло в Думу проекты поселкового и волостного управления, сохранявшие всеословность волости. Еще до того, изведав Хомякова о том, какие законопроекты правительство считает первоочередными, Столыпин назвал именно эти, подчеркивая, что от принципа, положенного в основу волостной реформы, «зависит дальнейшее развитие реформы местного управления».⁸⁴ В январе 1909 г. Столыпин в беседе с лидерами правых и умеренно правых в Думе заявил, что правительство хочет, чтобы поселковый и волостной проекты были рассмотрены еще в эту сессию Думы. Однако конец 1908 — начало 1909 г. ознаменовалось новым натиском крайне правых, оказавшим очень большое влияние на всю дальнейшую политику кабинета Столыпина.

Основной и непосредственной причиной дворянской оппозиции столыпинскому курсу оставались его планы местной реформы. Много лет спустя Крыжановский вспоминал: «Попытка затронуть особое положение

⁷⁸ Труды IV съезда уполномоченных..., с. 445.

⁷⁹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. II, ч. I, стб. 2001.

⁸⁰ Там же, стб. 2005.

⁸¹ Труды V съезда уполномоченных..., с. 37.

⁸² Труды 3-го съезда уполномоченных..., с. 266.

⁸³ Там же, с. 262.

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 4, л. 181—182.

дворянства в местном управлении... подняла против него такие слои, которые имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали».⁸⁵ Другой мишенью нападков по-прежнему было стремление Столыпина использовать Думу как необходимый элемент третьеновской системы, создававшее по мнению противников премьера угрозу укрепления представительного строя. В апреле 1909 г. в новом обзоре борьбы в правящих верхах России Диллон писал, что сотрудничество Столыпина с Думой вызывало у крайне правых «убеждение, что дальнейшее движение по пути, намеченному знаменитым премьером, неизбежно приведет к вполне демократическому режиму» и «когда-нибудь, может быть, через год или два, Россия окажется парламентским государством, что для русского консерватора было бы мерзостью запустения». При этом Диллон говорил не о разочаровании правых в бесплодности столыпинского курса, а о его изначальном неприятии, отмечая, что правая оппозиция Столыпину существует уже два года, т. е. все время его пребывания у власти.⁸⁶

В то же время выбор момента для усиления натиска на кабинет Столыпина справа был связан с внешнеполитическими затруднениями царизма, вызванными боснийским кризисом.

Уже отмечалось, что столкновение прогерманского и проантантовского течений в буржуазно-помещичьих кругах определялось в основном по экономическим, а идеологическими причинами, в силу которых крайне правые тяготели к родственному им по духу германскому юнкерству. Естественно поэтому, что третьеновский переворот вызвал активизацию прогерманской партии в правящих верхах, раздраженных к тому же тем недовольством, которое не скрывали в Англии и Франции в связи с районом Думы. «В петербургских кругах, — доносил бельгийский посланник 19 июня (2 июля н. ст.) 1907 г., — господствует мнение о решительном повороте политики царя в сторону Германии за счет союза с Францией, которая лишилась симпатии русских консервативных кругов».⁸⁷ Активизация прогерманской партии проявилась не только в антианглийской и антифранцузской кампании в печати, но и в практических шагах русской дипломатии, пошедшей на тайные переговоры с Германией в Свинемюнде. Когда англо-русские конвенции 1907 г. были все же подписаны, ознаменовав собой важный шаг на пути к англо-франко-русскому тройственному согласию, «Гражданин» снова выразил недовольство внешнеполитическим курсом кабинета, подчеркивая, что дружба с Германией есть «самое главное условие отношения нашей внешней политики к задаче внутреннего умиротворения государства».⁸⁸

Обострения конфликтов в верхах по внутриполитическим и внешнеполитическим поводам, как правило, совпадали по времени. Это не значит, что те или иные шаги крайней реакции во внешней и внутренней политике заранее увязывались между собой. Но, очевидно, каждое затруднительное положение, в которое попадал Столыпин при осуществле-

нии его планов реформ, могли побуждать его противников из прогерманской партии к попыткам учесть эти затруднения для достижения своих целей в дипломатической области и наоборот, тем более что в обеих областях речь шла в общем об одних и тех же лицах. Так, не исключено, что начиная в январе — феврале 1908 г. подкоп под Столыпина и подготавливая адрес московского дворянства, правые учитывали и усиление в тот момент разногласий Столыпина с великокняжескими сферами (которым он, по слухам, был обязан своим возвышением) из-за попыток части военных кругов (в том числе великих князей Николая и Петра Николаевичей) развязать войну с Турцией.⁸⁹ Активизация правых в сентябре — октябре 1908 г. могла быть вызвана расколом в кабинете из-за соглашения Извольского с австрийским министром иностранных дел Эренталем в Бухлау об аннексии Австро-Венгрии Босния и Герцеговины, когда Столыпин грозил уйти в отставку, если переговоры Извольского и Эрентала будут продолжены.⁹⁰ Но если в названных выше случаях о существовании такой связи можно говорить лишь предположительно, то дальнейший ход событий, связанных с боснийским кризисом, и борьба правых против Столыпина из-за его внутриполитического курса теснейшим образом переплетаются и именно их параллельное развитие приводит к так называемому министерскому кризису 1909 г.

После объявления соглашения в Бухлау и вызванного этим международного кризиса обострилась угроза открытого военного столкновения с Австро-Венгрией и Германией, что активизировало прогерманскую партию, решившую воспользоваться явной неготовностью России к войне для пересмотра всей внешнеполитической ориентации страны. Одновременно провал российской дипломатии привел к взрыву антиавстрийских настроений в буржуазно-помещичьих кругах. Все это вынудило Извольского просить у Николая II разрешения выступить в Думе с разъяснением своих действий и заручиться ее поддержкой. Думские прения состоялись 12 декабря 1908 г. и завершились принятием заранее согласованной с Извольским формулы перехода.

Продемонстрировав столь необходимую правительству поддержку «общественного мнения», октябристы и кадеты сделали в ходе прений главный упор на сохранении «наших отношений к союзной Франции и дружественной Англии»⁹¹ и выразили особое удовлетворение по поводу того, что правительство пошло на обсуждение в Думе вопросов внешней политики. В своей речи Гучков сформулировал притязания на постоянное участие Думы в определении внешнеполитического курса России. Он высказал надежду, что, независимо от «писанных государственно-правовых норм», эта политика «быстро войдет в круг, если не распоряжения, то в круг критики, обсуждения, влияния народного представительства».⁹² Напротив, и сама организация думских прений по не входящему в ее компетенцию кругу проблем, и то, что при этом Министерство иностранных дел заранее договаривалось о поддержке со стороны

⁸⁵ Крыжановский С. Е. Указ. соч., с. 213.

⁸⁶ Цит. по: Объединение, 1909, 9 апр.

⁸⁷ Бескужеев Н. В. Указ. соч., с. 142.

⁸⁸ Цит. по: там же, с. 147.

⁸⁹ Там же, с. 151.

⁹⁰ Там же, с. 213.

⁹¹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. II, ч. I, стб. 2673.

⁹² Там же, стб. 2675.

кадетов, и желание октябристов превратить обсуждение боснийского кризиса в прецедент, расширяющий права Думы, и подчеркивание Извольским неизменности курса на сближение с Англией, вызвали резкое недовольство крайне правых. При этом позиция самого Столыпина в боснийском кризисе, очевидно, еще больше раздражала правых (поскольку он выступал за создание направленного против Австрии союза балканских государств), а думские внешнеполитические дебаты давали повод для новых обвинений правительства в умалении прерогатив верховной власти. Так создавалось явное переплетение внешне- и внутриполитических аспектов усиливавшегося нажима на столыпинский кабинет.

Признаки этого усиления проявились уже в конце ноября, и «Новое время» 22 ноября в явно инспирированной Столыпиным статье⁹³ с тревогой писало о «расшатывании аппарата правительственной власти роством легенды о двоевластии правительства и партийных кружков, самозаванно присваивающих себе право указаний и контроля». Вслед за тем столыпинский офицюз 14 декабря в очередной раз попытался объяснить крайне правым необходимость приспособления страны к буржуазному развитию. «Никакое чудо, — писал один из редакторов «России» С. Н. Сыромятников, — не оживит классы и учреждения, которые засохли и омертвели вследствие перехода в другую сторону жизненных соков... Формы власти постоянно изменяются. И безумно предписывать всем временам одинаковые формы управления, одинаковые формы издания законов».

Но именно этого черносотенная реакция не желала понимать. Вновь активизировал кампанию против Основных законов Менцерский, заявивший в «Гражданине» (1908, 30 дек. и 1909, 4 янв.), что пора «приступить к пересмотру всего положения 17 октября», чтобы «раз навсегда вернуть в свои законные рамки Государственную думу». Со своей стороны один из влиятельнейших представителей камарильи С. Д. Шереметев, вынашивавший планы объединения «чистых» организаций правых (без «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела»), связывал с этими планами надежды на возможность пересмотра вопроса о форме правления (т. е. восстановления самодержавия) с помощью выступления реакционных сфер на манер адреса московских дворян.⁹⁴ В конце декабря в Петербурге состоялось негласное совещание Совета объединенного дворянства с рядом губернских предводителей. На совещании обсуждался вопрос, как действовать в связи с тем, что Совет по делам местного хозяйства высказался за уездную реформу в министерском варианте. Дворянские лидеры не только рассчитывали отвергнуть ненавистные им проекты, но надеялись убрать и их авторов.⁹⁵ Вскоре после этого гр. А. И. Коновницын заявил в Совете «Союза русского народа», ссылаясь на «высокий источник», будто в марте в состав правительства будут призваны более правые деятели,⁹⁶ а Пуришкевич провозгласил в Думе, что правые видят «в правительстве П. А. Столыпина, стремящегося ввести у нас конституционный строй, политического против-

ника».⁹⁷ Особую весомость утверждениям Коновницына придавала полуженная им аудиенция у Николая II,⁹⁸ подчеркнута внимательно обходившегося с черносотенцами в момент, когда офицюз его премьера вел с ними ожесточенную полемику.

Вся эта кампания разворачивалась в обстановке дипломатической борьбы царизма за приемлемое для него решение боснийского вопроса, которое позволило бы и сохранить лицо, и избежать войны, и в обстановке обострившихся требований крайне правых вернуться к политике союза с Германией. Несмотря на явные симпатии Николая II к прогерманским элементам камарильи и его готовность пойти на сближение с Германией в обмен на ее посредничество в русско-австрийском конфликте,⁹⁹ на протяжении января — первой половины февраля 1909 г., казалось, одерживала верх линия Столыпина на создание антиавстрийского балканского союза. Однако Англия и Франция не захотели активно вмешаться в балканские события, и, оставленный своими союзниками, царизм забил отбой. 16 февраля российское Министерство иностранных дел предложило Сербии не требовать территориальных компенсаций за аннексию Боснии и Герцеговины.¹⁰⁰

На следующий день после дипломатического поражения правительства Столыпина, ослабившего его позиции и внутри страны, открылся пятый съезд объединенного дворянства. Ход съезда показал, что дворянская реакция позволяет себе все более открыто демонстрировать неприятие действий правительства. Критике были подвергнуты финансовая и аграрная политика, съезд в очень резкой форме подтвердил несогласие дворянства с местной реформой, особенно с уменьшением прав уездного предводителя. Выступавшие на съезде обвинили правительство в подготовке «бескровного переворота государства».¹⁰¹ Марков в своем выступлении противопоставлял «личное желание Его императорского величества» и «направление правительства» и прямо нападал на манифест 17 октября, смысл которого по его словам «до сих пор не получил утвердительного толкования». От своего имени и от имени всех участников съезда Марков выражал надежду, что «это правильное толкование скоро последует».¹⁰²

Очередная атака на Столыпина справа, начатая в марте, была связана именно с толкованием Основных законов. В качестве предлога был избран законопроект о Морском генеральном штабе, снова утвержденный Думой вместе со штатным расписанием и в таком виде внесенный в Государственный совет, где правые во главе с П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым выступили против «расширения компетенции и полномочий законодательных учреждений», обвиняли Думу и Столыпина в том, что они становятся на путь, который может привести к «другой государственной форме».¹⁰³ Конфликт из-за Морского штаба принял очень острые формы

⁹⁷ Гос. дума. 3-й соз. Сес. II, ч. II, стб. 1499.

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 104, 1908, д. 48, л. 168; Голос Москвы, 1908, 4 дек.

⁹⁹ Бестужев И. В. Указ. соч., с. 273.

¹⁰⁰ Там же, с. 281—282.

¹⁰¹ Труды V съезда уполномоченных... с. 127.

¹⁰² Там же, с. 116—117.

¹⁰³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908—9 годы. Сессия четвертая. СПб., 1909, стб. 1349, 1430.

⁹³ См.: Из дневника Л. Тихомирова. — Красный архив, 1935, № 6, с. 184.

⁹⁴ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину 20 янв. 1909 г. — РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

⁹⁵ Речь, 1909, 2 февр.

⁹⁶ Слово, 1909, 8 янв.

еще и потому, что касался особенно ревниво охраняемых царизмом привилегий верховной власти в военных вопросах, обнажив постоянную боязнь реакции утратить контроль над армией. Но содержание конфликта вышло за пределы вопроса о военном управлении. «Толковать ли власть цари в смысле совершенно неограниченного самодержавия, совсем по-старому, или хотя в смысле самого скромного ограничения царской власти — вот к чему свелись споры, — подчеркивал В. И. Ленин. — И эти споры разгорелись... почти до размеров „политического кризиса“, т. е. до угроз прогнать вон Столыпина, которого черносотенцы обвиняли в „конституционализме“, до угроз разогнать Думу октябристов, которых черная сотня называла „младотурками“». ¹⁰⁴

Конфликт разворачивался в обстановке широкого натиска крайних правых на Столыпина по всем направлениям. Председатель Совета объединенного дворянства А. А. Бобринский лично доложил Николаю II, видимо, 9 марта ¹⁰⁵ об итогах пятого дворянского съезда, причем в дворянских кругах утверждалось, что оппозиция съезда уездной реформе была встречена сочувственно. 10 марта Николай II уволил в отставку военного министра А. Ф. Редигера, позволившего себе, с согласия премьера, согласиться с критикой октябристов по адресу его ведомства. ¹⁰⁶ Николай II при этом выразил недовольство тем, что «октябристы всегда захватывают в свои речи то, что им не принадлежит». ¹⁰⁷ Раздражение цари против ведущей партии Думы придало энергии ее противникам, и салон Шереметева активизировался, вновь заговорив о необходимости возврата к законосовещательному строю. ¹⁰⁸ Боснийский кризис находился в самой критической стадии после германского ультиматума 8 (21) марта. Пользуясь охватившей «сферы» паникой перед угрозой войны, результатом которой был бы «конец монархии», ¹⁰⁹ крайне правые требовали возвращения к союзу трех императоров и назначения нового министра иностранных дел, который осуществил бы эту переориентацию. В качестве кандидата на этот пост выдвигался И. Л. Горемыкин, противник всего курса Столыпина, а активную роль в его выдвижении играли другие враги премьера в царском окружении, в том числе братья Треповы. ¹¹⁰ Не удивительно, что еще накануне прений в Государственном совете о Морском генеральном штате в Петербурге распространялись слухи о предстоящем падении Столыпина. ¹¹¹

В отличие от прошлого года Столыпину удалось вырвать у Государственного совета утверждение законопроекта о Морском генеральном штате, но правые сразу же стали добиваться отклонения его царем. Председатель Государственного Совета М. Г. Акимов доложил царю, что по его мнению Совет своим голосованием ограничил царскую власть.

В этой обстановке утверждение закона стало вопросом влияния премьера, и Столыпин предупредил царя, что политические затруднения в случае отклонения законопроекта «сделали бы для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым». ¹¹² Возможность отставки Столыпина обсуждалась вплоть до конца апреля, и были моменты, когда она казалась почти предопределенной. ¹¹³ Одновременно велась атака на боковников премьера — октябристов. Правые обвиняли их в стремлении захватить в свои руки определение внешнеполитического курса и внести политику в армию. Всегда чутко прислушивавшийся к «слухам» и верхах постоянный автор «Нового времени» М. О. Меньшиков в статье «Паника младотурки» писал, что законопроект о Морском генеральном штате был выдвинут левым крылом октябристов как прецедент, ограничивающий права монарха. ¹¹⁴ Делались попытки расколоть октябристскую фракцию и передать ведущую роль в Думе умеренно правым, которые как раз в это время и в связи со слухами о падении Столыпина стали организовываться в партию. ¹¹⁵

Трудно сказать, собирался ли Николай II весной 1909 г. действительно увольнять Столыпина, чего по сведениям иностранных дипломатов добивались не только влиятельные придворные, но и Александра Федоровна. ¹¹⁶ Бесспорно, что постепенно у царя росло раздражение против премьера, проскальзывавшее даже в предельно скупых записках в его дневнике. Главное же, Николай II в марте — апреле проявлял особенно заметное «тяготение к старине», заявлял, что «создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала», ¹¹⁷ и всерьез подумывал о перемене внешнеполитического курса. На решении не увольнять Столыпина могли сказаться соображения международного престижа и нежелание создавать «парламентский прецедент». Но, сочтя несвоевременной отставку Столыпина, царь и его окружение решили указать премьеру его место. Не только для позиции Николая II в данном случае, но и для истолкования им объема царской власти в третьеновской монархии показательно письмо Николая II Столыпину 25 апреля, в котором он, несмотря на повторную просьбу премьера, уведомлял о своем отказе утвердить законопроект о Морском генеральном штате. Выказав полное пренебрежение к общественному мнению («Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся»), царь категорически отверг право премьера на собственную позицию: «О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии».

¹¹² Столыпин П. А. — Николаю II 22 марта 1909 г. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 787, л. 45.

¹¹³ Голос Москвы, 1909, 3 апр.; Слово, 1909, 7 апр.; Дневник А. В. Богданович, с. 461.

¹¹⁴ Новое время, 1909, 15 апр. Само название статьи намекало на стремление октябристов установить по примеру младотурецкой революции конституционную монархию в России.

¹¹⁵ Новое время, 1909, 9 марта; Гражданин, 1909, № 14, 12 марта, с. 11; Речь, 1909, 20 апр.

¹¹⁶ Бестужев И. В. Указ. соч., с. 303.

¹¹⁷ Поливанов А. А. Указ. соч., с. 69.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 226.

¹⁰⁵ См. камер-фурьерский журнал Николая II: ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 28, л. 232.

¹⁰⁶ Русские ведомости, 1909, 12 марта.

¹⁰⁷ Поливанов А. А. Указ. соч., с. 61.

¹⁰⁸ Речь, 1909, 19 марта.

¹⁰⁹ Дневник А. В. Богданович, с. 458.

¹¹⁰ Бестужев И. В. Указ. соч., с. 298—302.

¹¹¹ Гражданин, 1909, № 19, 12 марта, с. 11.

дии (сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке».¹¹⁸ На следующий день Николай II подписал рескрипт на имя Столыпина, поручавший правительству выработать правила, более четко разграничивающие права короны и законодательных палат (разумеется, в пользу короны) в военных делах. «Поручение министрам составить новые правила, — отмечал В. И. Ленин, — было наглым приказом *нарушить закон*, столкнуть его так, чтобы он оказался уничтоженным...».¹¹⁹

Хотя формально интрига правых не удалась, и Столыпин удержался у власти, фактически он потерпел поражение и должен был это признать. «В последнее время, — с удовлетворением доносил в апреле в Берлин германский посол, — консервативное направление приобрело решающее влияние, и даже г. Столыпин вынужден показывать, что курс государственного корабля повернут больше вправо».¹²⁰ Пытаясь остановить этот процесс, октябристы весной 1909 г. оказались в положении партии, вставшей на себя защиту правительственной программы реформ не только от правых, но и от самого правительства, отрекающегося от прежнего курса. В этих попытках октябристы не могли рассчитывать на поддержку умеренно правых и вынуждены были голосовать вместе с кадетами, с готовностью поддерживавшими реформаторские потуги «Союза 17 октября» и попробовавшими в свою очередь осуществить давно лелеемый ими план «реального законодательства» путем частичного улучшения октябристских проектов. Почти не проявившееся после принятия адреса Думы в ноябре 1907 г. октябристско-кадетское большинство вступило в дело, чтобы вскоре же натолкнуться на противодействие Государственного совета, сама организация которого исключала возникновение в нем какого-либо иного большинства, кроме правого.

Сразу по окончании «министерского кризиса» на обсуждение Думы были поставлены законопроекты о переходе из одного вероисповедания в другое, об отмене ограничений, связанных со снятием духовного сана, и о старообрядческих общинах. Отвечая Крыжановскому, выступившему от имени правительства против думских проектов, октябристы напоминали, что защищают те самые идеи и принципы, которые еще недавно выдвигались правительством. «Наше ходатайство перед вами невелико, — обращаясь к правительству товарищ председателя ЦК «Союза 17 октября» П. В. Каменский, — подпишите и утвердите вашу собственную работу».¹²¹ В то же время октябристы и кадеты несколько расширили права, предоставленные в проектах МВД старообрядцам и отпадающим от православия, не решившись, однако, признать право на внеконфессиональное состояние. Правые резко выступили на защиту монополии православной церкви. При этом они не ограничивались критикой думских проектов, а нападали и на «противоречивые предположения» первоначального министерского варианта. Правые вновь прибегали к своему излюбленному оружию, обвиняя октябристов, а косвенно и правительство,

в посягательстве на prerogatives верховной власти¹²² и стали вынашивать планы полностью изъять вероисповедные вопросы из ведения Думы.¹²³

Выступая в Думе, Столыпин признал, что на отношении к вероисповедным проектам провозгласил «полеводство или поправительство». Хотя он попытался доказать, что правительство идет прежним курсом и «не может уклоняться то влево, то право»,¹²⁴ и полиция, занятая кабинетом в ходе вероисповедных прений, и его дальнейшие действия свидетельствовали об обратном. 24 августа были утверждены царем подготовленные Советом министров правила о рассмотрении вопросов военного управления, которые не только расширили сферу компетенции верховной власти, но и вновь вводили отступивший в Основных законах 1906 г. термин «законодательство» по отношению к акту верховного управления, явившемуся после 1906 г. указом, а не законом. Сами правила, изменявшие Основные законы, также были обнародованы в форме указа без санкции палат. Это могло послужить прецедентом в других случаях размежевания областей верховного управления и законодательства.

Развивая успех, крайне правые осенью 1909 г. выдвинули требование ограничить права Думы,¹²⁵ причем один из проектов (черносотенного члена Думы Г. А. Щечкова) даже Мещерский назвал иланом восстановления не самодержавия, а азиатского деспотизма.¹²⁶ Тогда же сам Николай II поставил перед министром юстиции И. Г. Щегловитовым вопрос о возможности изменить порядок обсуждения законов так, чтобы проект, отвергнутый одной из палат, мог попадать на его утверждение.¹²⁷ Это означало низведение Думы на роль совещательного органа. Показательно, что и Министерство внутренних дел осенью 1909 г. подготовило проект нового Учреждения Думы, ограничивавший ее права и изменявший избирательный закон.¹²⁸ Хотя этот проект мог рассматриваться Столыпиным как вариант, предотвращавший более значительное ущемление Думы, он все же свидетельствовал о его отступлении в важнейшем для всего монархического курса вопросе о роли представительных учреждений в трехиюньской монархии.

Параллельно шло отступление Столыпина от его «реформистской» программы. В сентябре Совет министров решил вообще забрать из Думы

¹²² Там же, стб. 1266—1267, 1377.

¹²³ Речь, 1909, 22 мая.

¹²⁴ Гос. дума, 3-й соз. Сес. II, ч. IV, стб. 1763.

¹²⁵ Сборник съезда русских людей в Москве 27 сент.—4 окт. 1909 г. М., 1910, с. 26, 166—167; Моск. ведомости, 1909, 9 окт.; Гражданин, 1909, № 79/80, 22 окт., с. 13; Новое время, 1909, 17 окт.

¹²⁶ Гражданин, 1909, № 79/80, 22 окт., с. 13.

¹²⁷ Падение царского режима. Л.; М., 1925, т. 2, с. 435—436. Датировка разговора уточнена по времени появления упомянутых в показаниях Щегловитова «Дневников» Мещерского. 1909 годом датируется и «Записка касательно председательства в Совете министров», хранящаяся в фонде Царскосельского дворца (ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 528, л. 1—3). Манускриптный текст без подписи содержит основные идеи Мещерского. Записка составлена в форме личного обращения к царю и скорее всего написана Мещерским. Возможно, она и послужила поводом разговора Николая II со Щегловитовым.

¹²⁸ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 5, с. 433; Речь, 1909, 21 окт.

¹¹⁸ Красный архив, 1924, № 5, с. 120.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 227.

¹²⁰ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Berlin, 1927, Bd. 26; H. 2, S. 779—780.

¹²¹ Гос. дума, 3-й соз. Сес. II, ч. IV, стб. 1044.

все не рассмотренные ею вероисповедные проекты. Дворянская реакция продолжала выступать против уездной и судебной реформ, проводимых по ее мнению «ради фикции равноправия и все того же предвзятого начала бессословности», и добивалась «сохранения в своих руках... руководящей роли» на местах.¹²⁹ В интервью редактору черносотенной газеты «Волга» (1909, 1 окт.) Столыпин в последний раз попробовал выступить в защиту проекта уездной реформы, намеченной по образцу «других благоустроенных государств». Но 2 октября чрезвычайное собрание московского дворянства вновь выступило против реорганизации уездного управления и постановило довести до сведения правительства, что дворянство остается на точке зрения, высказанной в 1907 г. Министерский проект был, по свидетельству Крыжановского, положен под сукно.¹³⁰ Вопреки данному в июле заверению, к началу очередной сессии Думы не был внесен и проект реформы земского избирательного права.

Таким образом, уже на протяжении 1907—1908 гг. правительство Столыпина под давлением дворянско-помещичьей реакции было вынуждено отказываться от целого ряда положений той программы буржуазных по содержанию реформ, которую Столыпин считал необходимым осуществить для упрочения монархического режима и предотвращения новой революционной волны. Министерский кризис 1909 г., в ходе которого «царь еще и еще раз открыто и решительно встал на сторону черной сотни и выступил против самомаleastших попыток ограничения его власти»,¹³¹ привел к значительному усилению позиций в правящих верхах откровенных противников столыпинского курса. Это означало, что не только объективная возможность, но и субъективное стремление царизма сделать новый шаг в сторону буржуазной монархии во все большей степени оказывались под вопросом.

¹²⁹ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 270—271.

¹³⁰ Крыжановский С. Е. Указ. соч., с. 140.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 227.

Глава 6

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИИ. ПРОВАЛ СТОЛЫПИНСКОГО «УСПОКОЕНИЯ» (1909—1911 гг.)

Вскоре определившаяся к 1909 г. тенденция свертывания буржуазных реформ, обещанных царизмом в 1905 г. и частично разработанных правительством Столыпина в 1906—1907 гг., и явное усиление влияния крепостнических элементов придворной камарилы быстро отразили те буржуазные слои, которые в первые месяцы после третьестолыпинского переворота возлагали надежды не только на карательную, но и на реформаторскую политику «русского Бисмарка». Следствием этого явилось «левение» буржуазии, вызванное «тем объективным фактом, что, несмотря на столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции не получается».¹ Проявившиеся уже весной признаки «левения» буржуазии стали более отчетливыми после министерского кризиса, а особенно с осени 1909 г.

Одним из важных симптомов усиления оппозиционных настроений буржуазии было ее растущее разочарование в октябристах, которое в сентябре 1909 г. привело к поражению «Союза 17 октября» и победе кадетов на дополнительных выборах в Думу от первой курии Москвы, бывшей ранее одной из важнейших опор октябризма. Но в общем процесс «полевения» буржуазии не вел к переходу ее под знамя кадетов, остававшихся для большинства торгово-промышленных кругов чересчур «левыми». Политически активные лидеры московской буржуазии, переходившей в оппозицию к правительству, приступают поэтому к выработке собственной политической платформы, которая находит свое выражение прежде всего на страницах газеты «Утро России», начавшей выходить с 15 ноября 1909 г. Финансирование газеты осуществляли П. П. и В. П. Рябушинские, А. И. Коновалов, Н. Д. Морозов, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков и другие крупные капиталисты.² Главным в программе «Утра России» было подчеркивание роли, которую предстоит сыграть буржуазии в политическом и экономическом развитии России, причем интересы буржуазии противопоставлялись интересам помещичьего дворянства. «В настоящее время, — писала газета 2 декабря 1909 г., — положение таково, что на политику будет оказывать влияние или аграрный класс, или торгово-промышленный... Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным».

Подчеркивание противоположности интересов буржуазии и дворянства означало разрыв с философией и тактикой октябризма, строившихся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 411—412.

² Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 66.

на тезисе о единстве их интересов. Этот разрыв был вполне осознан публицистами «Утра России», доказывавшими мнимость тех или иных колебаний «Союза 17 октября» влево именно тем, что он является в сущности союзом аграриев, и «защита конституционализма» не вызывается для него «никаким реально-политическим мотивом».³ Не желая ждать, пока процессе разложения дворянства совершится сам собой, «Утро России» (1910, 23 июня) объявляло «борьбу с аграриями и с аграрной идеологией» главной задачей «всех прогрессивных групп русского общества». Стремление оттеснить дворянство экономически и политически вело с непобедимостью к критике власти, связь которой с помещиками отчетливо сознавалась идеологами либеральной буржуазии. Признавая, что в 1905 г. буржуазия помогла реакции подавить революцию (и ставя это ей в заслугу), П. Рябушинский в своей газете («Утро России», 1910, 18 мая) декларировал, что теперь «реакция... в свою очередь начинает вызывать отпор со стороны буржуазии».

Другим важным симптомом «левения» буржуазии был начавшийся отход от подчеркнутой аполитичности ее представительных организаций, в том числе съездов представителей промышленности и торговли. Хотя большинство руководителей съездов, возглавленное одним из столпов октябризма Г. А. Крестовниковым, по-прежнему противилось обсуждению общеполитических вопросов, на четвертом съезде (ноябрь 1909 г.) был поставлен доклад представителя одесских промышленников С. И. Соколовского об организации буржуазии во всероссийском масштабе. Соколовский призывал «торгово-промышленное население» к тому, чтобы оно «осознало свою политическую роль в стране» и «потребовало своего места в делах государства».⁴ Новые ноты прозвучали и в докладе секретаря Совета съездов А. А. Вольского. Если в аналогичном докладе его на третьем съезде в 1908 г. речь шла только об экономической политике царизма, то в 1909 г. Вольский требовал от власти не мешать «организации более уравновешенных и спокойных элементов».⁵ При этом имелся в виду не только буржуазные организации, но и рабочие союзы, во главе которых Вольский надеялся увидеть оппортунистических лидеров.

«Левение» буржуазии сказывалось и на позиции «Союза 17 октября», который проявлял все большее нетерпение в отношении обещанных реформ и все меньшую веру в правительственные способы «успокоения». Октябристы не могли по самой своей природе перейти в оппозицию царизму. Но быстрое осуществление хоть части реформ и устранение наиболее вопиющих проявлений беззакония были для октябристов единственным шансом сохранить влияние в буржуазных кругах. Поэтому критика незаконных действий властей и попытки настоять на проектах, от которых само правительство уже отказывалось, стали после министерского кризиса составной частью политики октябристов.

Центральное место в политической кампании октябристов заняла речь

³ Утро России, 1910, 13 февр. и 2 марта.

⁴ Труды Четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1910. Доклад С. И. Соколовского «Организация представителей промышленности и торговли на местах», с. 6—7.

⁵ Там же: Докл. А. А. Вольского «Экономическо-финансовая политика России», с. 1, 28, 29.

Гучкова 22 февраля 1910 г. при обсуждении сметы МВД. Он начал ее с признания, что октябристы чувствуют себя изолированными и в стране, и в Думе. Но вину за эту изоляцию Гучков возлагал на политику правительства. Охарактеризовав положение в стране как состояние «до известной степени» прочного успокоения, достигнутого не только карательными мерами, но и обещанием реформ, Гучков заявил: «Я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод», и потребовал «более быстрого водворения у нас прочного правопорядка на всех ступенях нашей государственной и общественной жизни». Расшифровывая это требование, он назвал устранение препятствий, которые встречают выработанные Думой законопроекты при прохождении через Государственный совет (т. е. изменение в нем расстановки сил), освобождение местной администрации от зависимости от крайних правых, отказ от административной ссылки и преследований печати и реляционировал позицию своей фракции словами: «Мы, гг., ждем».⁶

Неопределенность требований, сформулированных Гучковым в общих словах, подчеркивала желание встунуть в конфликт со Столыпиным, от которого октябристы и ждали реализации их программы. Тем не менее речь Гучкова имела, как это сразу отметил В. И. Ленин, «крупное симптоматическое значение». «„Мы ждем“, — расшифровывал В. И. Ленин выступление октябристского лидера, — обращался г. Гучков в Думу к царскому правительству, констатируя этим, что до сих пор буржуазия, душой и телом отдавшаяся контрреволюции, не может признать свои интересы обеспеченными, не может видеть ничего действительно прочного и устойчивого в смысле создания пресловутого „обновленного“ строя».⁷ Далее В. И. Ленин подчеркивал: «... даже октябристы качают головой, говоря, что „они ждут“ реформ и не могут дожидаться...».⁸

По иронии истории Гучков, а затем и столыпинская «Россия» заговорили об «успокоении» как раз тогда, когда в стране наметились признаки нового, пока еще очень медленного подъема рабочего и демократического движения. В январе 1910 г. большевистский «Социал-демократ» с радостью, а кадетская «Речь» с тревогой отмечали возрождение революционных настроений в рабочей массе. Преодоление вызванной разгулом реакции временной усталости рабочих способствовало оживлению работы большевистских организаций на местах, а деятельность большевиков в свою очередь поднимала пролетариат на новые выступления.

Со второй половины 1910 г. наблюдается активизация большевистских партийных организаций. Восстанавливаются районные центры в Петербурге и Москве. С весны 1911 г. усиливается деятельность областного бюро Центрального промышленного района, восстановившего связи с партийными комитетами ряда городов. Большевики стали готовить общепартийную конференцию, для созыва которой осенью 1911 г. в трудных условиях подполья была создана Российская организационная комиссия,

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III, ч. II. СПб., 1910, стб. 1970—1974.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 211.

⁸ Там же, с. 215.

ставшая партийным центром внутри страны. Огромную работу по возрождению и укреплению партийных организаций вел большевистский центр за границей во главе с В. И. Лениным. Большую роль в этом играли газеты «Социал-демократ» и «Рабочая газета». Редактором и активнейшим автором обеих газет был В. И. Ленин, на их страницах выступали видные деятели большевистской партии и рабочие социал-демократы. Заграничный большевистский центр и редакции «Социал-демократа» и «Рабочей газеты» поддерживали связи более чем со 130 социал-демократическими организациями в России, газеты по неполным данным доставлялись в 1910—1911 г. в 125 различных пунктов страны, не считая Польши и Прибалтики.⁹ Чрезвычайно важным событием в жизни партии было налаживание легальной печати в России — сначала газеты «Наш путь» в Москве (май 1910 г.), а затем «Звезды» в Петербурге (декабрь 1910 г.). В декабре в Москве был издан первый номер легального большевистского журнала «Мысль». В условиях третьей юнкерской реакции большевистские органы, преследуемые цензурой и полицией, не могли просуществовать долго — вышло всего 8 номеров «Нашего пути» и 5 номеров «Мысли». Но сам факт их издания и поддержка, оказанная газетам рабочими (благодаря чему «Звезда» продержалась до весны 1912 г., когда на смену ей пришла ежедневная газета «Правда»), были свидетельством поворота в политической ситуации в стране.

Заметным признаком начала нового этапа было оживление забастовочного движения. Летом 1910 г. в Москве прошли стачки на 15 предприятиях, в которых участвовало до 15 тыс. человек. Стачками руководили социал-демократы, выработывавшие идентичные требования бастующих на всех предприятиях. Вслед за тем происходят стачки в Варшаве, Лодзи, Саратове, на строительстве Амурской железной дороги и т. д. Общее число забастовок во втором полугодии 1910 г. возросло по сравнению с первым в 1,5 раза, причем ведущее место в забастовочном движении 1910 г. принадлежало рабочим Москвы и губернии, на долю которых пришлось более 30% всех стачечников России.¹⁰

Ярким проявлением подъема революционных настроений широких масс страны стали студенческие и рабочие забастовки и демонстрации в связи со смертью Л. Н. Толстого в ноябре 1910 г. Студенческие волнения начались еще за месяц до того, поводом для них послужили похороны председателя I Думы кадета С. А. Муромцева. Эти демонстрации дали возможность «открытого и сравнительно широкого выражения протеста против самодержавия»,¹¹ в резолюциях студенческих сходов высказывались надежды на новую революцию, которая избавит Россию «от кровавых рук столыпинских ставленников». После смерти Л. Н. Толстого во всех университетских городах, а особенно в Петербурге и Москве, начались сходки, на которых не только чествовалась память писателя, но и выдвигался лозунг отмены смертной казни, активным противником которой был Л. Н. Толстой. Большевистская партия выдвинула

план превращения манифестаций по случаю смерти Л. Н. Толстого в демонстрацию против самодержавного строя. «Несомненно, смерть Толстого создаст настроение, — говорилось в письме большевистского центра Я. М. Свердлову, возглавлявшему в тот момент петербургскую организацию. — Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — Долой палачей».¹³ По призыву революционных студенческих организаций 11—14 ноября состоялись массовые студенческие демонстрации в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах. Эти демонстрации были поддержаны забастовками и траурными митингами рабочих ряда предприятий Петербурга и Москвы.

Уже при первых известиях о демонстрациях в Петербурге В. И. Ленин написал для сверстанного номера «Социал-демократа» статью, дав ей название «Не начало ли поворота?».¹⁴ Мотив сущности в статье «Начало демонстраций» В. И. Ленин уже с уверенностью отмечал: «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступивший, ... начинает переходить в наступление. ... Пролетариат начал (В. И. Ленин имел в виду летние стачки 1910 г., — В. Д.). Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок».¹⁵

В декабре студенческие забастовки приобрели еще больший размах в связи с самоубийством группы политических заключенных в Зерентуйской тюрьме в знак протеста против применения к ним телесных наказаний. Правительство исключило из университетов и выслало в северные губернии наиболее активных участников студенческих выступлений и приостановило действие Правил 11 июня 1907 г., полностью запретив любые студенческие организации и собрания. Студенты ответили всероссийской забастовкой, проходившей в течение января—марта 1911 г. Поскольку руководство Московского университета запретило против полицейских методов подавления забастовки, Министерство просвещения отстранило ректора А. А. Мануилова и его помощников от преподавания в университете. В знак солидарности с ними университет покинули 130 профессоров и преподавателей (1/3 всего состава), в том числе К. А. Тимирязев, Н. Д. Зелинский, В. И. Вернадский и др.

Параллельно нарастало рабочее движение. В 1911 г. число стачек и их участников выросло по сравнению с 1910 г. более, чем вдвое. При этом доля политических забастовок увеличилась с 5,1% в 1910 г. (при 7,6% участников) до 7,3% в 1911 г. (при 20,5% участников).¹⁶ Наибольшего размаха рабочее движение достигло летом 1911 г., когда про-

⁹ Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975, с. 68—69.

¹⁰ Там же, с. 110—111, 118.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 5.

¹² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 98, л. 104—105; д. 168, л. 19.

¹³ История КПСС, М., 1964, т. 2, с. 332.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 1—3.

¹⁵ Там же, с. 74.

¹⁶ Подсчитано по: Арутюнов Г. А. Указ. соч., с. 136.

или забастовки портовых рабочих в Петербурге и Одессе, крупные стачки в Центральном промышленном районе. Экономические забастовки носили наступательный характер и в 58% случаев приводили к победе бастующих. Острый и упорный характер имели и политические выступления рабочих, особенно в связи с запросом социал-демократической фракции по поводу третьестепенного переворота и незаконного ареста социал-демократических депутатов II Думы.¹⁷

Борьба пролетариата оказывала революционизирующее воздействие на крестьянство и на армию. Департамент полиции с тревогой констатировал в отчете за 1911 г., что армия «состоит из менее устойчивых элементов, чем в прежнее время. Не говоря уже о фабричных рабочих, мастеровых, приказчиках и городской интеллигенции, большую часть весьма развращенных в политическом отношении, нужно сознаться, что и крестьяне, коими главным образом комплектуется армия, подверглись уже сильному влиянию революционной морали».¹⁸

Начало революционного подъема обострило противоречия между различными политическими течениями буржуазного и помещичьего лагерей по вопросу о способах предотвращения революции и прежде всего — о соотношении реформы и революции.

Тезис о реформах как побочном следствии революции был чужд политическим лидерам и идеологам как самодержавно-крепостнического, так и либерально-буржуазного лагерей. Из революции 1905—1907 гг. буржуазные лидеры извлекли только один вывод — об абсолютной неприемлемости для них революционных методов борьбы против самодержавия и, следовательно, о нежелательности участия широких масс в этой борьбе. Все их планы строились поэтому в расчете на то, что поворот царизма от реакции и опоры на крепостническое дворянство к реформам и соглашению с буржуазией и буржуазной интеллигенцией «произойдет ранее, чем созреет широкое народное движение и даст предупредить это последнее».¹⁹ Из этого вытекало стремление кадетов подчинить своему влиянию демократические массы и приучить их к кадетскому «государственному языку» компромиссов с царизмом, а также апелляции к царизму и попытке убедить его в необходимости буржуазных реформ с его интересами, более того — в необходимости этих реформ именно в его интересах. «Наше слово есть слово предупреждения», — обращались кадетские ораторы в Думе к правительству, стараясь внушить ему, что «тот, кто задерживает эволюцию, тот создает революцию».²⁰

В целом, однако, перспектива революции казалась кадетским лидерам довольно далекой. В докладе на ноябрьской конференции 1909 г., оцененном В. И. Лениным как «последнее слово русского либерализма»,²¹ Милюков специально занялся анализом расстановки политических сил в стране и обоснованием тактики кадетов на последующий период. Он охарактеризовал общую обстановку как «длительный и затяжной кризис», порожденный тем, что «причины массового недовольства не

исчезли».²² При этом он говорил, что кадеты не только не желают новой революции, но и категорично утверждал, будто она вообще не является «делом ближайшего момента», а потому нужно быть готовыми «к затяжному ходу процесса»²³ в ожидании того времени, когда революционные методы «наглядно обнаружат в глазах масс свою непригодность» и «восторжествует принцип легальной конституционной борьбы».²⁴

Неудовлетворенные политикой Столыпина кадеты отчетливо чувствовали и недовольство народных масс. Первые же признаки нового подъема были отмечены Милюковым в самом начале 1910 г., а в мае он с думской трибуны предупреждал, что в стране «терпение слабеет».²⁵ Студенческие волнения ноября — декабря повергли в трепет кадетов, увидевших в этих волнениях «знакомое начало знакомого круга». «„Дети“, наши дети опять „бьются“ за что-то иное, чем мы в третьей Думе, — с горечью писала „Речь“ (1910, 12 нояб.). — Можем ли мы сказать им, что все нам и им необходимо мы сделаем без них и за них? Уны, сказать и обещать этого мы не можем». Ощущение накаленности политической атмосферы в стране побуждало кадетов заострять критику правительства, упрекать его в том, что оно само своими полицейскими бесчинствами вызывает революционные настроения (для либералов вообще весьма свойственно объяснение революционного движения не социально-экономическими причинами, а «провокацией» властей, и объяснение разгрома реакции «крайностями» революции).

Но в 1910—1911 гг. признаки нового подъема еще воспринимались кадетами как отголоски «старой революционной бури»,²⁶ и В. А. Маклаков говорил, что, несмотря на провокации правительства, «смута действительно прекращается»,²⁷ а «Речь» (1910, 17 окт.) писала о неизбежности в будущем «полного осуществления обещаний 17-го октября». Подобные высказывания не были проявлением лишь показного оптимизма, предназначенного для публичного употребления. Даже в мае 1911 г., после «конституционного кризиса», обнаружившего беспочвенность надежд на эволюцию царизма в желательном либералам направлении, Милюков на очередной кадетской конференции говорил о возможности создания более нормальных условий функционирования конституционного строя²⁸ и предлагал в качестве шага к созданию таких условий идти на выборы в IV Думу под лозунгом «конституции попроще», не выдвигая на первый план программных требований в социальных вопросах. Тогда же Н. А. Гредескул предлагал не допускать и мысли, будто «на очередь снова могут встать революционные пути».²⁹ Страх перед революцией и

¹⁷ Там же, с. 121—135.

¹⁸ Цит. по: там же, с. 43.

¹⁹ Коновалов Ф. Ф. Дни испытаний. — В кн.: Зарницы, 1908, сб. 1, с. 90.

²⁰ Гос. дума. 3-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 2519; ч. III, стб. 2761.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 176.

²² Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 окт. 1909 года—5 мая 1910 года. СПб., 1910, с. 6, 7.

²³ Протоколы ноябрьской конференции 1909 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 71, 73.

²⁴ Фракция народной свободы, с. 12, 13.

²⁵ Гос. дума. 3-й соз. Сес. III, ч. IV, стб. 2081.

²⁶ Речь, 1911, 1 янв.

²⁷ Гос. дума. 3-й соз. Сес. III, ч. IV, стб. 208.

²⁸ Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 года—13 мая 1911 года. СПб., 1911, с. 8.

²⁹ Протокол совещания кадетской фракции с провинциальными членами партии 8—9 мая 1911 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 7—8, 25.

неверие в нее кадетов отмечал в мае 1911 г. и В. И. Ленин в статье «„Со- жаление“ и „стыд“».³⁰

Все эти заявления не были результатом личной политической неадекватности тех или иных кадетских вождей. Будучи, по собственному признанию, представителями «средних классов, которые ни на какую революцию по существу не способны»,³¹ кадеты цеплялись за либеральную утопию о возможности «без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы, добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России, в ее политической свободе, в положении масс трудящегося народа»,³² именно потому, что они не занимали самостоятельного положения в этой борьбе. Зажатые между реакцией и революцией и боясь революции больше, чем реакции, кадеты упорно не хотели видеть неизбежности революции, упорно держались за свои «конституционные иллюзии», с готовностью находя в каждом действительном или мнимом жесте правящих верхов в их сторону доказательство сохранения перспективы легальной конституционной эволюции царизма.

Сходной была оценка момента, даваемая прогрессистами.

«Утро России» утверждало, что «на ближайшие годы» революционная перспектива в стране исключена, и «оппозиция еще довольно долго обречена оставаться оппозицией», поскольку «условия русской жизни» «не оправдывают в настоящий момент каких бы то ни было радикальных постановок вопроса о форме правления».³³ Следствием этого были и постоянное уговаривание власти самой стать на путь реформ, и рекомендации оппозиционным фракциям в Думе не увлекаться демонстративными выступлениями, а вносить «деловые» законопроекты, имеющие шансы пройти через обе палаты.³⁴ Критикуя октябристов за их склонность к сотрудничеству с правительством, «Утро России» на практике сползло к тому же. В условиях начинающегося нового революционного подъема орган Рябушинского с января 1911 г. стал настойчивее призывать царизм совершить поворот «к сотрудничеству с конституционными, умеренно-прогрессивными элементами народного представительства», чтобы избавить страну от угрозы «кошмарного финала» — революции.³⁵ Для осуществления этого поворота «Утро России» (11 марта) рекомендовало призвать к управлению страной «людей дела и житейского опыта» из числа членов Думы, соглашаясь на то, чтобы поначалу это были даже октябристы и националисты. При этом газета все еще считала, что страна переживает «период пониженного общественного настроения», во время которого перевод политики в желательное буржуазии русло может быть осуществлен «мирно и спокойно».³⁶

Для октябристов оптимизм в отношении возможности осуществить буржуазные реформы и предотвратить ими революцию были обязательной составной частью политического кредо. Будучи партией компромисса

между буржуазией и помещичьим дворянством, октябристы не видели и не могли видеть несовместимости интересов крепостников-помещиков с самыми умеренными буржуазными реформами и полагали, что «объявлять русское землевладение, как якобы „феодалское“, главным врагом русского прогресса — несправедливо».³⁷ Поэтому до министерского кризиса 1909 г. октябристы твердо уповали на то, что «правые могут еще, пожалуй, торжествовать частичные победы, но победить вообще — не могут».³⁸ После кризиса судьба столыпинских реформ стала вызывать у октябристов тревогу, и именно потому они стали говорить об угрозе новой революции как об альтернативе отказу от реформ. Саму же обстановку в России даже в 1911 г. октябристы продолжали оценивать как обстановку «прекратившегося пожара» и «наступающего успокоения», убеждая самих себя в том, что в стране распространяются идеи правопорядка и благодаря этому «прогресс возможен без переворота и без революции».³⁹

Таким образом, различия социальных слоев и групп, составлявших главную опору кадетов, прогрессистов и октябристов, а также программные разногласия этих партий обуславливали различную глубину их недовольства политикой правительства Столыпина и в еще большей мере степень и формы публичного проявления этого недовольства. Но общность контрреволюционной идеологии и приверженность конституционным утопиям вели к тому, что все три партии предлагали в качестве единственно возможного пути, гарантирующего, якобы, от нового революционного взрыва, скорейшее осуществление реформ, обеспечивающих упорядочение конституционного строя. При этом между октябристами и кадетами сохранялись серьезные разногласия в трактовке самих понятий «реформа» и «конституция», и В. И. Ленин подчеркивал в этой связи, что они не сошлись бы «ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция».⁴⁰ Эти разногласия проявлялись в попытках кадетов «оседлать» министерские и октябристские проекты поправками, идущими дальше в направлении буржуазно-либеральной перестройки государства и общества, и в имманентной тяге октябристов к Столыпину и глубоко укоренившейся у них неприязни к кадетам как «пособникам революции». Но достаточно отчетливо осознаваемое обоими флангами помещичье-буржуазного центра отсутствие в их собственной социальной среде сил, способных сдвинуть с мертвой точки дело буржуазного преобразования России, и невозможность для контрреволюционного либерализма обратиться к народным массам предопределяли тактику «разумного компромисса», который у кадетов означал приемлемость их предложений для октябристов, а у последних приемлемость их проектов для Столыпина.

Предельно решимости октябристско-кадетского большинства было более частое использование самостоятельной думской законодательной инициативы. Осенью 1910 г. октябристы внесли в Думу законодательные

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 248.

³¹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 2519.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 117.

³³ Утро России, 1910, 25 сент.

³⁴ Там же, 2 окт.

³⁵ Там же, 1911, 27 февр.

³⁶ Там же, 27 апр.

³⁷ Голос Москвы, 1909, 1 февр.

³⁸ Там же, 1908, 28 марта.

³⁹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. II, стб. 2290, 2539; ч. III, стб. 3016.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 138.

предположения о введении земства в ряде неземских губерний и о приятии на счет казны части обязательных земских расходов, а кадеты — об улучшении земских финансов,⁴¹ подталкивая правительство к более быстрому и полному осуществлению им же самим провозглашенной земской реформы. Наиболее значительным шагом Думы в этой тактике было принятие в мае 1911 г. законопроекта о расширении ее бюджетных прав, внесенного кадетами еще в 1907 г. Но даже принимая этот демонстративный проект, заведомо обреченный на провал в Государственном совете, октябристы выхолостили и без того умеренные кадетские предложения, подчеркивая свою неизлечимую лояльность кабинету, выступления с критикой которого всегда рассматривались «Союзом 17 октября» не как переход в оппозицию правительству, а как борьба за осуществление его собственной программы. Говоря об активности октябристов и кадетов в использовании думской законодательной инициативы, следует также иметь в виду, что в 1911 г. на их тактике сказывались расчеты, связанные с предстоящими через год выборами в IV Думу.

Все реформы, о которых, таким образом, шла речь, ограничивались тесными рамками частичного увеличения прав Думы и, прежде всего, распространением местного самоуправления на до того лишенные его губернии. Эти реформы в случае проведения их в жизнь никоим образом не могли устранить причин недовольства широких народных масс и предотвратить или хотя бы замедлить нарастание нового революционного кризиса. Претендуя на более значительное участие в управлении в центре и на местах, октябристская и либеральная буржуазия так же игнорировала интересы рабочего класса и крестьянства, как это делали царизм и помещичье дворянство. В этом, в частности, сказывалась и недооценка близости нового революционного взрыва. Выдвигая на первый план борьбу за политические реформы и отводя социальным вопросам роль «вспомогательного орудия» в этой борьбе,⁴² Милюков даже в 1911 г. мотивировал это тем, что, якобы «на местах не приходилось встречать единодушного подчеркивания» необходимости включения социальных вопросов в программу ближайших требований.⁴³ Из видных кадетских деятелей, пожалуй, только Н. Н. Щепкин настойчиво говорил о том, что «собственный интерес командующих классов» должен был бы побуждать их делать хотя бы минимум необходимых уступок трудящимся, ибо иначе «придется дать значительно больше в будущем». Щепкин при этом недвусмысленно намекал: «Я опасаюсь, что они (рабочие, — В. Д.) действительно лучше нас знают, как заставить нас стать на путь социальных реформ».⁴⁴

Объективная необеспеченность буржуазной эволюции царизма, определяемая расстановкой классовых сил в стране, проявлялась и в отсутствии в Думе прочного большинства для проведения буржуазных реформ

⁴¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва, 1907—1912 гг. СПб., 1912, ч. 1, с. 384—387 (2-я пар.).

⁴² Фракция народной свободы в период с 10 окт. 1909 г. — 5 мая 1910 г., с. 11—12.

⁴³ Протокол совещания кадетской фракции... — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 8.

⁴⁴ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 2615, 2670.

и в столыпинско-октябристском, и в октябристско-кадетском вариантах. Правительственное большинство (от умеренно правых, ставших с октября 1909 г. «русской национальной фракцией», до октябристов) стало к третьей сессии Думы минимальным из-за выхода из октябристской фракции тридцати депутатов, частично перешедших к прогрессистам. Либеральные же поправки были непримлемы не только для националистов, что исключало создание широкой коалиции, но и для значительной части депутатов «Союза 17 октября». Едва маскируемый фактический раскол октябристской фракции неоднократно сводил на-нет октябристско-кадетское большинство. Результаты голосований в Думе все чаще зависели от случайного соотношения присутствующих на заседании депутатов. И то же время правые в обеих палатах и за пределами все более требовательно выступали против реформ вообще, выдвигая лозунг: «Не надо законодательствовать, а надо только управлять».⁴⁵

В этой обстановке обсуждение каждого следующего проекта из столыпинского «пакета» демонстрировало дальнейший раскол правительства вправо, не менявший, однако, враждебного отношения дворянской реакции, добивавшейся полной канистации и отставки Столыпина, как из-за еще сохранявшихся разногласий, так и из-за личного соперничества и антипатий.

Это со всей отчетливостью проявилось уже во время обсуждения реформы местного суда, проходившего в октябре 1909—марте 1910 г. Центральное место в полемике занимали ликвидация волостного суда и уничтожение судебных функций земского начальника, вызывавшие противодействие правых и части националистов, и установление высокого имущественного ценза для мировых судей, против чего в ходе первого и второго чтения выступала вся оппозиция. Характерной чертой обсуждения был разброд в рядах националистов и октябристов, в результате чего различные статьи законопроекта принимались то право-октябристским, то октябристско-кадетским большинством.

Неудовлетворенные последовательными отступлениями Министерства юстиции от первоначального проекта 1906 г., которые оно делало, вносил его во II и III Думы, правые резко выступали и против проекта как такового, и против создания прецедента для осуществления земской реформы и «преобразования земских собраний на демократический лад», в результате чего «теперешние хозяева останутся не у дел».⁴⁶ Стремясь любой ценой провалить проект, правые решили голосовать за поправки оппозиции, в частности за отмену имущественного ценза, чтобы сделать проект заведомо непримлемым для Государственного совета.⁴⁷ Это решение вызвало замечательство как у правительства, попытавшегося предупредить правых о недопустимости их тактики,⁴⁸ так и у кадетов, не желавших провала реформы, но слишком связавших себя в ходе прений критикой ценза. При третьем чтении кадеты уклонились от голосования, дав этим возможность октябристам и прогрессистам восстано-

⁴⁵ Запись рассказа П. А. Столыпина об аудиенции у Николая II 5 марта 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 1.

⁴⁶ Гос. дума. 3-й соз. Сес. III, ч. I, стб. 2697.

⁴⁷ Русское слово, 1910, 23 янв.

⁴⁸ Россия, 1910, 24 янв.

нить ценз. Но к этому времени националисты, почувствовав колебания Столыпина в вопросе о судьбе волостного суда, перешли в лагерь противников судебной реформы и вместе с правыми проголосовали за другие поправки оппозиции, предвещавшие отрицательное отношение Государственного совета ко всему проекту.⁴⁹

Судебная реформа была для правых еще одним поводом напасть на всю политику кабинета. В речи Щечкова проект местного суда объявлялся «частью целой серии законопроектов, берущих свое начало от печальной памяти 1905 г.». Признавая, что правительство Столыпина сползает вправо, Щечков критиковал его за недостаточно быстрое поправление и обвинял в желании усилить собственную власть «параллельно власти царской». ⁵⁰ Правые видели в реформе ущемление дворянских интересов и требовали считаться «с советом объединенного дворянства, с поместным дворянством, которое ... единогласно в объединенном дворянском собрании постановило сохранить волостной суд». ⁵¹

Еще более очевидными отступление правительства перед натиском справа и разброд в рядах столыпинского большинства в Думе стали в результате обсуждения проекта всеобщего начального образования. Этот проект входил в число программных обещаний Столыпина. Но внесенные весной 1909 г. Правила о начальных училищах несли на себе следы поражения, которое потерпел Столыпин в вопросе о роли дворянства в управлении уездом. С самого начала проект предусматривал сохранение за дворянским председателем поста председателя уездного училищного совета. Однако, обосновывая это во время думских прений (октябрь 1910—февраль 1911 гг.), правительственный официоз подчеркивал уже заслуги дворянства вообще в деле «государственного и общественного развития» России и заявлял, что те, кто покушается на права дворянства, стремятся «посягнуть на основы русской государственности». ⁵² Кроме того, Министерство просвещения отказалось от провозглашенного ранее принципа единства школы, оставив в руках Синода руководство церковно-приходскими училищами. В национальном и вероисповедном вопросах делался шаг назад даже по сравнению с Уставом 1874 г.

Октябристы в думской комиссии переделали министерский проект в духе первоначальной столыпинской программы, подчинив церковно-приходскую школу единому уездному училищному совету и предоставив право выбирать председателя этого совета земскому собранию. Они предложили также допустить для некоторых «культурных» народов России начальное обучение на родном языке. Переделки, произведенные октябристами при помощи кадетов, не меняли ограниченного, по сути дела реакционного характера законопроекта. Тем не менее правые и националисты выступили против любого умаления позиций дворянства и церкви в руководстве школьным делом и против любых уступок национальным меньшинствам России. Вместе с правыми и националистами против октябристских предложений выступали и представители прави-

тельства, публично отрекавшегося от тех планов, которые всего четыре года назад признавались необходимыми и неотложными. И снова правые не удовлетворялись уступками кабинета и требовали переработки всех правительственных проектов согласно притязаниям объединенного дворянства. ⁵³

Ситуация, при которой октябристы оказывались в роли оппонентов правительства, была настолько непривычна для «фракции последнего правительственного распоряжения», что значительная часть ее членов открыто примкнула к право-националистическому блоку. При голосовании раздела о преподавании на родном языке его поддержало менее половины октябристов. Поскольку раздел был все же принят, националисты устранились от дальнейшего обсуждения законопроекта, что дало перевес оппозиции. Немедленно налетели свистки ряд своих предложений, обреченных на провал при полном составе Думы и носивших демонстрационный характер, а теперь получивших шанс быть принятыми. В этом проявился оппортунистический «реализм» налетов, надевшихся, что менее либеральный проект может быть все же одобрен Государственным советом. Напротив, правые стали вотиловать и даже сами вносить поправки радикального характера, ⁵⁴ заведомо неприемлемые для их единомышленников в верхней палате.

Аналогичным образом развивались события и при обсуждении волостной реформы (февраль—март 1911 г.). По истории истории первый из столыпинских законопроектов, касавшихся перестройки местного самоуправления, был внесен на рассмотрение Думы, когда звезда Столыпина уже закатилась. Октябристы восстановили в правительственном проекте (пострадавшем после столкновения в Совете по делам местного хозяйства) его первоначальные принципы и пошли несколько дальше в организации волостного управления по земскому, а не административному образцу. Но Столыпину было не до собственных принципов, и он предупредил, что правительство считает проект в октябристской редакции слишком либеральным и не будет его поддерживать. ⁵⁵ Роль правительственного рупора вновь взяли на себя националисты, а правые критиковали и октябристов, и правительство, хотя представитель МВД А. И. Лыкошин систематически выступал с предложениями, не только восстанавливавшими последний правительственный вариант закона, но вводившими еще дальше вправо. Октябристы опять не выдержали глупою чуждой им роли оппозиции. При втором и особенно третьем чтении они проголосовали за ряд поправок МВД и уверенно отмалчивались в прениях, выставляя своих ораторов только для полемики с соседями слева. ⁵⁶ Правые и националисты, стремясь вообще похоронить волостную реформу, прибегли к ставшему уже постоянным приему — делегируя на заседания лишь немногих депутатов, они дали возможность оппозиции провести ряд либеральных поправок, которые должны были вызвать отрицательную реакцию в Государственном совете.

⁴⁹ Речь, 1910, 29 и 30 марта.

⁵⁰ Гос. дума, 3-й соз. Сес. III, ч. I, стб. 1151, 1160.

⁵¹ Там же, стб. 1625, 1717, 1721.

⁵² Россия, 1910, 21 нояб.

⁵³ Гос. дума, 3-й соз. Сес. IV, ч. I, стб. 1585—1586.

⁵⁴ Там же, ч. II, стб. 1207—1210, 1367, 1383.

⁵⁵ Речь, 1911, 8 февр.

⁵⁶ Гос. дума, 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 1393, 1681, 1766, 1974, 2458, 3705, 3752.

Конкретные разногласия между помещичьими и буржуазными фракциями в Думе, вызывавшие полемику в связи с названными выше законопроектами, касались, как уже указывалось, больше всего вопроса о роли помещичьего дворянства в деревне — в местном суде и самоуправлении, в руководстве школьным делом — т. е. вопроса о сохранении влияния дворянства (и церкви) на крестьянские массы, которые помещичья реакция хотела оставить под управлением сословной волости, под юрисдикцией сословного волостного суда, под воздействием школы, построенной так, чтобы «поменьше давать возможность простому мужику выходить из своей среды».⁵⁷ Но за этими разногласиями стоял и в открытую велся с думской трибуны спор о соотношении реформы и революции.

В полемике об имущественном цензе для мировых судей защитники ценза подчеркивали, что только судьи, «обладающие психологией собственника», будут иметь «государственный образ мысли» и будут «прочно заинтересованы в порядке в данной местности».⁵⁸ Напротив, кадеты видели в сохранении ценза опасность обострения классовой борьбы в деревне, где судья-помещик станет пристрастно решать земельные конфликты с крестьянами.⁵⁹ В школьном вопросе противники октябристского проекта заявляли, что, «колебля авторитет церковный, мы служим делу революции». С этих же позиций правые протестовали против передачи руководства школой в руки земства, которое может в будущем быть демократизировано, и называли законопроект о начальных училищах «зависимым и той революционной цели, которую куют на Россию» октябристы. Любая уступка рассматривалась правыми как начало необратимого процесса, и они предсказывали, что вслед за обучением на родном языке нерусские народы России «потребуют свою инородческую администрацию и делопроизводство во всех административных и судебных инстанциях на родном языке», что казалось правым торжеством «космополитически революционного мировоззрения».⁶⁰ Со своей стороны октябристы аргументировали предложения включить церковно-приходские школы в единую систему и сделать религиозное воздействие на учащихся более гибким как раз доказанной уже опытом революции 1905—1907 гг. неспособностью духовенства удерживать крестьян «от чего бы то ни было», а решение допустить в школу родной язык обосновывали необходимостью сохранить среди национальных меньшинств «известное консервативное настроение» и не отталкивать их «в лагерь недовольных оппозиционных элементов».⁶¹ В бессословном, но тем не менее цензовом, ограниченном и своих правах волостном земстве правые видели пугающий их и ненавистный им «залог будущей русской конституции» и критиковали правительство за «слабость», с которой оно защищает свою «последнюю твердыню». «Если волость будет уступлена... земству, — предсказывали они, — тогда действительно гибель порядка, а может быть, и государства,

вполне обеспечена».⁶² В ответ октябристы подчеркивали охранительный смысл своих предложений, призванных создать «обстоятельства, при которых революция была бы невозможна», и доказывали, что предусмотренная ими курьезная система обеспечивает «возможность прохождения в волостную организацию культурных (т. е. помещичьих, — В. Д.) элементов» и ограничивает доступ «народных масс, легко воспламеняющихся, легко волнующихся».⁶³

Бесплодность спора (ибо не в борьбе вокруг столыпинских административных реформ решался вопрос — быть или не быть революции) не снимала его остроты, а упрямое сопротивление черносотенного дворянства любым изменениям существующей системы определялось не его политической дальновидностью, а его классовым ослеплением. Не случайной обмолвкой было заявление Маркова, что переход земства в руки кадетов представляет собой угрозу «второй революции».⁶⁴ В борьбе за свои «власть и доходы» черносотенное дворянство не хотело делиться с городской, ни с деревенской буржуазией, и понятия «конституция» и «революция» были для правых почти синонимами. Поэтому Марков открыто признавал, что предпочел бы переход земства сразу и социал-демократам, поскольку «с ними можно было бы расправиться с помощью веревки и штыка».⁶⁵ Признаки начинающегося нового подъема рабочего и демократического движения придавали особую злободневность истерическим пророчествам правых о революции. Но их нападки не только на кадетов, но и на октябристов, как на «врагов церкви и государства» и «скрытых революционеров»,⁶⁶ недвусмысленно показывали — не революции в перспективе, а реформы сейчас, ограниченной, недемократичной, но все же ослабляющей позиции дворянства и церкви в деревне, боялись правые, ее — эту реформу — называли они революцией. Бонапартистский курс Столыпина в случае неудачи ослаблял самодержавие, грозил приблизить сроки новой революции. Наиболее дальновидные из правых могли это понимать. Но и удача бонапартистского курса, создававшая новую опору царизма — сельскую буржуазию, не сулила ничего хорошего его старой опоре — помещичьему дворянству, для которого необратимый процесс его экономического вытеснения из деревни и перспектива политического вытеснения были равносильны революции.

Особенности соотношения классовых и партийных сил в нижней и верхней палатах российского «парламента» вели к тому, что борьба буржуазного и самодержавно-крепостнического лагерей принимала внешнюю форму конфликта Думы и Государственного совета.

Опыт III Думы показал правым, что наличие законодательных учреждений представляет определенный интерес и для черносотенного дворянства, создавая дополнительные возможности для давления на бюрократию. Поэтому требование ликвидации законодательных прав Думы, почти неприкрыто звучавшее в адресе московского дворянства в 1908 г., теперь выдвигалось лишь наиболее экстремистскими элементами черной сотни,

⁵⁷ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910, с. 388.

⁵⁸ Гос. дума, 3-й соз. Сес. III, ч. II, стб. 194; ч. III, стб. 2096.

⁵⁹ Там же, ч. II, стб. 126—127.

⁶⁰ Там же, Сес. IV, ч. I, стб. 43, 638, 1126, 1993.

⁶¹ Там же, стб. 712, 1039—1040.

⁶² Там же, ч. II, стб. 2131, 2134.

⁶³ Там же, стб. 2289, 2292—2293, 2296.

⁶⁴ Там же, ч. I, стб. 1285.

⁶⁵ Там же, Сес. IV, ч. I, стб. 490—491.

⁶⁶ Там же, стб. 491, 2135.

влиятельные лидеры крепостников-помещиков ставили перед собой в качестве цели такое изменение избирательного закона, которое обеспечило бы помещику большинство в Думе, превратив ее, подобно Государственному совету, в орган одного класса, т. е. привело бы к выхолащиванию содержания третьепольной системы как нового шага на пути к буржуазной монархии.

Это изменение целей нашло свое отражение и в предложениях правых весной 1910 г. об изменении Положения о выборах и Учреждения Думы, и в их теоретических построениях о сущности государственного строя России в ходе проходивших тогда же в Думе прений по запросу социал-демократов о Правилах 24 августа 1909 г. Обосновывая право монарха на нарушение Основных законов как в этом конкретном случае, так и на будущее, один из главных правоведов правого лагеря А. С. Вязигин по-прежнему настаивал на том, «что наша Верховная власть по своей природе неограничена и оставила исключительно за собой учредительное законодательство или, как любит выражаться член Государственной думы Милюков, „имманентное право переворота“, и потому «у нас остается неизменным самодержавие и никакой конституции нет».⁶⁷ Но, открещиваясь по идеологическим и политическим соображениям от признания ограниченности верховной власти в России даже до уровня дуалистической монархии, о которой говорили октябристы⁶⁸ и — не употребляя этого термина — националисты, правые принимали теперь фактическое существование дуалистического государственного строя и осуществление части законодательства через представительные органы.⁶⁹

Тем самым было для них обеспечено желательного им состава этих органов. К VI съезду объединенного дворянства А. А. Бобринский подготовил доклад «Государственная дума и избирательный закон», в котором обосновывалось (хотя прямо и не высказывалось) требование изменить положение о выборах, чтобы Дума полностью оказывалась в руках правых. Лишь из тактических соображений (изменение избирательного закона было прерогативой монарха, и выступление с таким требованием было бы тем самым вмешательством в права верховной власти, в котором крайне правые обвиняли Столыпина) тональность доклада была смягчена,⁷⁰ а сам он назван «О допущенных в государственном учреждении нападках на общественный строй и дворянство». В докладе утверждалось, что критика с думской трибуны левыми и кадетами дворянства «составляет опасность для здорового развития нашей родины», и требовалось, чтобы правительство обратило на это должное внимание. Бобринский при этом прямо заявил, что первоначально намеревался поставить вопрос шире и «захватить широкую область современного государственного строя».⁷¹

То, что Бобринский не решился произнести с трибуны дворянского съезда, было изложено Меншиковым в «Новом времени» (1910, 6 марта). Статья «Кто у власти» содержала выпады против «брыкающейся Думы»,

расколотой на различные политические течения, и против «молодого нашего премьер-министра», неспособного справиться с положением. Статья недвусмысленно намекала на необходимость вмешательства «сверху», т. е. изменения состава и правительства, и Думы. Пути такого изменения были предложены в статье «Общая неудача» (25 марта). Констатируя «неудачу с парламентом», Меншиков видел главный недостаток избирательного закона в том, что он допускает представительство в Думе различных политических течений. Меншиков предлагал строить положение о выборах на противоположном принципе — устранении из Думы всех инакомыслящих. «Спокойные и сильные века, — писал он, — основывались на неравенстве общественном и на предоставлении власти одному из всех, а лишь одной или однородной стихии... К представительству должны приглашаться только люди государственного единодушия: одной, государственной партии, а не всех бесчисленных, какие могут сложиться». Под «государственной партией» дворянско-крепостническая реакция, явно водившая пером Меншикова, подразумевала, естественно, себя.

Прямые нападки на Думу и правительство, а также план такого нового избирательного закона, который практически означал отказ от союза царства с определенными слоями буржуазии и от лавирования между буржуазией и помещичьим дворянством, т. е. от всего бонапартистского курса, не могли не вызвать возражений Столыпина. Сразу же после появления первой статьи Меншикова «Россия» (1910, 6 марта) ответила передовицей «г. Меншиков и власть», в которой говорилось, что при условии взаимодействия правительства и Думы «в крупных законодательных актах, в серьезном рассмотрении бюджета, в добросовестном и осторожном пользовании правом запроса... внутренние трения и разногласия по отдельным вопросам не могут быть принимаемы за паралич Государственной думы, за кризис народного представительства». Вторая меншиковская статья была сразу же высмеяна А. Столыпиным в «Новом времени» (1910, 26 марта) как нереалистичная. Вслед за тем сам премьер заявил в Думе, что укрепление режима возможно только «при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями», права которых правительство не собирается нарушать. Правда, условием совместной работы Столыпин, как всегда, выставил поддержку Думой его планов, квалифицируя критику как «искажение целей и задач правительства».⁷²

Возражения премьера не остановили правых, чувствовавших ослабление позиций Столыпина. Требования правых сводились к тому, чтобы закрыть двери в Думу для всех национальных меньшинств России, а выборы от русского населения осуществлять через губернские земства, что обеспечило бы абсолютное большинство помещику дворянству. План соответствующего ходатайства был внесен М. В. Пуришкевичем в «Русском собрании»,⁷³ а В. М. Пуришкевич предложил черносотенным организациям слать царю телеграммы с требованием нового избирательного закона.⁷⁴ В конце года аналогичный план был выдвинут «Московскими

⁶⁷ Там же, ч. III, стб. 3125.

⁶⁸ Там же, ч. IV, стб. 240.

⁶⁹ Там же, ч. III, стб. 3122.

⁷⁰ *Адрес А. Я. Столыпина к третьей Думе*, М., 1968, с. 441—442.

⁷¹ Труды VI съезда уполномоченных..., с. 186, 189, 256.

⁷² Гос. дума. 3-й соз. Сес. III, ч. III, стб. 2524.

⁷³ Земщина, 1910, 21 мая.

⁷⁴ Утро России, 1910, 26 мая.

ведомостями» (1910, 2 и 3 нояб.), дополнившими его ограничением законодательных прав Думы и отменой депутатской неприкосновенности, а Меншиков опять стал предлагать «отказаться от суеверия, будто парламент должен быть Ноевым ковчегом, где непременно должны быть представлены все твари, чистые и нечистые».⁷⁵ С предложениями ввести выборы в Думу через земства неоднократно, по его собственным словам, обращался к Столыпину И. П. Балашов, влиятельный придворный и лидер лидера националистов в Думе.⁷⁶

В целом, однако, разговоры о необходимости нового переворота, отражавшие несогласие с бонапартистским курсом Столыпина, не переходили в 1910 г. в выработку конкретных планов скорого осуществления такого переворота, поскольку и на Думу, и на кабинет имелась узда в лице Государственного совета, в котором правые располагали обеспеченным большинством, позволявшим блокировать неудобные им шаги правительства и его думских союзников. Отклонение, возвращение в Думу на повторное рассмотрение и просто откладывание проектов в долгий ящик стали постоянным приемом борьбы против министерских, а особенно думских начинаний, нежелательных дворянской реакции, причем в ряде случаев причиной провала в Государственном совете того или иного закона было не принципиальное несогласие с ним, а враждебное отношение лично к Столыпину или желание обвинить Думу в неумении «грамотно» составить проект закона.

В мае 1910 г. Государственный совет выступил против принятого Думой закона о старообрядческих общинах. Взявший на себя роль докладчика Дурново заявил о несогласии не только с думским вариантом, но и с тем, на его основу правительственным указом, проведенным в 1906 г. по ст. 87 Основных законов. С точки зрения дворянских «зубров», Столыпин в своем бонапартистском курсе заходил слишком далеко, и Дурново вещал: «Идя вперед по пути прогресса, нельзя идти так быстро и разбрасывать по пути все старое... все, чем только жило, чем существовало государство».⁷⁷ Напоминая, что церковь поддерживала государство в борьбе с его врагами — революционерами, церковные иерархи в Государственном совете требовали от государства, чтобы оно не брало под свою защиту врагов православной церкви — старообрядцев.⁷⁸ В конце 1910 г. при обсуждении законопроекта об отмене правоограничений лиц, снявших духовный сан (церковная иерархия критиковала проект как подрывающий ее авторитет), Дурново выразил недовольство «тем шибким ходом законодательства, который сейчас имеет место».⁷⁹ Тогда же Дурново заявил, что подготовленные Думой законопроекты «нередко заключают в себе такие основные мысли, которые стоят вне русского государственного управления и устройства».⁸⁰ Косвенно это обвинение направлялось и по адресу правительства Столыпина, поскольку в основе

думских законопроектов, как правило, лежали министерские предположения. Кроме того, правительству были прямо предъявлены обвинения в ущемлении прерогатив верховной власти в его проектах о сборах с железнодорожных грузов и о реорганизации Второго Департамента Государственного совета. Впоследствии один из лидеров правых Нарышкин с удовлетворением отмечал, что Государственный совет систематически выступал против предложений правительства и Думы, если замечал в них «отступление от коренных начал, на коих покоится наш государственный строй, или от исторической политики России».⁸¹

По сравнению с общей массой принятых за 1907—1912 гг. законопроектов (2197) число отклоненных или задержанных Государственным советом проектов было невелико: 32 окончательно отклонено, 26 возвращено в Думу, 3 остались неутвержденными после обсуждения в согласительной комиссии, 37 не были рассмотрены Советом.⁸² Но среди отклоненных были проекты о расширении бюджетных прав Думы, о введении земских учреждений в западных губерниях, в губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока, о введении городского положения в Казани, о всеобщем начальном обучении, об условном осуждении и о введении состязательного начала в обряд предания суду (допуск защитника на следственной стадии), а среди разными способами задержанных — о волостном земстве, о распространении земских учреждений на область войска Донского и Архангельскую губернию, о преобразовании городских управлений в польских губерниях, об улучшении земских и городских финансов, о старообрядческих общинах, о переходе из одного вероисповедания в другое, об изменении порядка производства дел по должностным преступлениям, о найме торговых служащих и о продолжительности рабочего времени в торговых заведениях. Законопроект о местном суде был коренным образом переделан, а о снявших духовный сан не утвержден Николаем II. Таким образом, все законы, принятые Думой (как правило, октябристско-кадетским большинством) по вопросам местного самоуправления, всеобщего обучения, снятия части вероисповедных ограничений, ее робкие попытки усовершенствования судопроизводства, почти все незначительное социальное законодательство Думы (за исключением аграрной реформы и утвержденных Государственным советом уже после ленских событий страховых законов) было провалено Государственным советом. «А где результаты этих „побед“ второго большинства?»⁸³ — спрашивал В. И. Ленин, подводя итоги деятельности III Думы, а, несколько позднее, отмечал: «Дума занимается мелочами; если же она и вынесет какое-либо решение, то Государственный совет и двор его отменяют или подвергают изменению до неузнаваемости. Реформистских возможностей в современной России нет».⁸⁴

Если В. И. Ленин рассматривал obstructionism Государственного совета против всей столыпинско-октябристской программы реформ как проявление объективной невозможности реформистского пути разрешения глу-

⁷⁵ Новое время, 1910, 14 дек.

⁷⁶ Красный архив, 1925, № 2, с. 291—294.

⁷⁷ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—10 годы. Сессия пятая. СПб., 1910, стб. 3286.

⁷⁸ Там же, стб. 2891—2894.

⁷⁹ Там же, Сес. VI, стб. 601.

⁸⁰ Там же, стб. 387.

⁸¹ Там же, стб. 1814.

⁸² Обзор деятельности Гос. думы..., с. 325—326, 329—332, 337—338, 407—408 (2-я pag.).

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 41.

⁸⁴ Там же, т. 23, с. 57.

бочайших социальных и политических противоречий третьеновской России, то октябристы видели в этой обструкции результат до известной степени случайного соотношения партийных сил в верхней палате. Они считали крайне правых лидеров в Государственном совете и в объединенном дворянстве «кучкой реакционеров», лишенных «малейшей почвы в обществе» и движимых прежде всего жаждой личной власти,⁸⁵ и возлагали надежды на назначение новых присутствующих членов Совета на 1910 г., которое могло бы изменить его политическое лицо.⁸⁶ Когда такое изменение не произошло, Гучков в речи 22 февраля 1910 г. называл противодействие Государственного совета «главной угрозой для всей работы нового строя».⁸⁷

Вслед за тем в речи, произнесенной по случаю избрания его председателем Думы, Гучков вновь напомнил о «внешних препятствиях, тормозящих нашу работу», и пригрозил «сосчитаться» с ними.⁸⁸ Судя по реакции «России», угроза Гучкова была основана на каких-то обещаниях Столыпина, которые тот не смог затем выполнить. 19 мая, когда Государственный совет начал топить вероисповедные законы, «Голос Москвы» напомнил о необходимости «сосчитаться» с верхней палатой, поскольку становится «все очевиднее бесполезность и безнадежность думских трудов». Речь опять-таки шла об изменении состава Совета путем назначения в него менее консервативных членов, и потому разговор о «счетах» с Советом мог стать реальным лишь на рубеже 1910—1911 гг., причем задача добиться такого изменения возлагалась октябристами на Столыпина. В порядке оказания давления на премьера октябристы, заведомо блефуя, пустили слух о возможности сложения всей фракцией депутатских полномочий из-за бесперспективности думского законодательства.⁸⁹ Одновременно сам Гучков, пользуясь правом председателя Думы на личный доклад у царя, дважды возбуждал вопрос о желательном для октябристов воздействии верховной власти на состав и политику Совета.⁹⁰

Кампания за изменение состава Государственного совета не могла не кончиться неудачей, поскольку дело было не в Совете, а в сопротивлении помещичьего дворянства, чей голос был при дворе решающим. Провал попытки «сосчитаться» с Государственным советом был по существу провалом всей политики октябристов, делавших ставку на Столыпина, и это не могло не вызвать у них раздражения против того, кто не оправдал возлагавшихся на него надежд. Это раздражение вылилось в усиление критики правительства, как всегда оборачивавшейся уверениями в готовности сотрудничать с ним. Признав, что единственное изменение, произошедшее в управлении страной при «новом строе», заключается

в том, «что явления, которые были совершенно невозможны во времена заведомо реакционные, времена Плеве, теперь становятся возможными», что власти своими действиями возбуждают недовольство даже в среде «людей, стоящих далеко от политики, никогда в активную политику не вмешивающихся и только желающих, чтобы их оставили в покое», один из лидеров левого крыла «Союза 17 октября» С. И. Шидловский, не смотря на это, подчеркивал: «Факт работы с правительством — это явление для нас обязательное».⁹¹ Все же октябристы подчеркивали свое недовольство рядом демонстративных (но не слишком значительных по существу) вотумов в Думе, наиболее «интересным» из которых было отвержение проекта МЖД о передаче в ведение правительства водопровода и канализации в Петербурге: в защиту проекта выступал лично Столыпин, а большинство в одного депутата, отклонившее проект, образовалось благодаря тому, что Гучков воздержался от голосования. Одновременно «Голос Москвы» (1911, 17 февр.) снова и снова напоминал, что «никакие проявления „твердой власти“, никакие волевые импульсы не дадут родине покоя, пока не будут идти рука об руку со сдвигом затнущившимися реформами, а отказавшись от реформ, власть оттолкнет от себя „умеренные элементы“ и останется в одиночестве».

О разочаровании в столыпинской политике публично заявили и московские промышленники. Формальной причиной их выступления послужили репрессии властей против профессуры Московского университета (см. с. 477). Но в открытом письме 66-ти виднейших представителей московской буржуазии говорилось о «духовном разладе» между «обществом» и правительством вообще и об отсутствии у правительства «моральной поддержки страны».⁹² Показательна была и сама форма открытого письма, опубликованного в ведущих газетах, в которую было облечено выступление лидеров московской буржуазии. В обращении к депутатам Государственной думы от Москвы, сбор подписей под которым избирателей первой и второй курий (т. е. тоже в буржуазной среде) был проведен после опубликования открытого письма, речь тоже шла не только об отмене репрессий против студентов и профессуры, но и о необходимости осуществления обещаний манифеста 17 октября.⁹³

К концу февраля 1911 г. крах политического курса Столыпина стал совершенно очевидным. Демонстративное выступление московских промышленников с критикой действий властей и учащение открытых проявлений недовольства со стороны октябристов отражали растущее неудовлетворение буржуазии провалом ее надежд на буржуазную эволюцию монархии в рамках третьеновской системы. Опыт пяти лет столыпинского курса показал, что происшедшие в стране изменения не устранили «основных» черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил.⁹⁴ Оппозиционные выступления лидеров московского капитала и октябристов означали публичное признание ими того, что «несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться,

⁸⁵ Голос Москвы, 1910, 19 и 27 марта.

⁸⁶ Там же, 1909, 29 дек.

⁸⁷ Гос. дума. 3-й соз. Сес. III, ч. II, стб. 1972.

⁸⁸ Там же, ч. III, стб. 451. Речь Гучкова, в которой он назвал себя убежденным конституционалистом, вызвала сильнейшее раздражение правых и спровоцировала, видимо, некоторые из их антидумских выступлений. Черносотенное дворянство было также оскорблено самим фактом избрания «купеческого сына» в председатели Думы (Речь, 1910, 20 марта).

⁸⁹ Голос Москвы, 1910, 20 нояб.

⁹⁰ См.: Утро России, 1910, 19 нояб.; Дневник А. А. Бобринского. — Красный архив, 1928, № 1, с. 141.

⁹¹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. II, стб. 2947, 2950, 2957.

⁹² Утро России, 1911, 11 февр.

⁹³ Русские ведомости, 1911, 15 марта.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 188.

поладить, приспособиться, — „приспособления“ все же не выходит!». ⁹⁵ И как ни ограничены были проявления этой неудовлетворенности в силу имманентной контрреволюционности и властобоязни русской буржуазии, возможности бонапартистского лавирования все больше ограничивались: теперь и сопротивлением помещного дворянства, и разочарованием буржуазии. Кризис политики по существу выступал и в форме кризиса созданного специально для этой политики механизма двух большинств, а это, в частности, лишало Столыпина очень важного для него аргумента в борьбе за кресло премьера: он не мог больше утверждать, что имеет за собой всегда послушное ему большинство Думы. Затяжная забастовочная борьба студентов с ноября 1910 г. по март 1911 г., продолжавшаяся несмотря на постоянное присутствие полиции в университетах, показала, что Столыпин терпит неудачу и на попроще «успокоения».

В этой обстановке крайне правые сочли возможным начать решающий натиск на Столыпина, чтобы свалить его. В качестве средства борьбы было избрано выступление против законопроекта о введении земства в шести западных губерниях, принятого Думой весной 1910 г. на основе правительственного проекта. В соответствии с первоначальным замыслом столыпинской реформы всего земства Дума ввела в проект понижение избирательного ценза, увеличивавшее представительство крестьянской буржуазии. Помещики увидели в этом опасный прецедент для последующей судьбы земства «не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России, и попытку гальванизировать бонапартистские яды столыпинского курса». ⁹⁶ Перед голосованием правых в Государственном совете 4 марта против западного земства состоялась аудиенция В. Трепова у царя, санкционировавшего действия правых. ⁹⁷ Это означало, что Николай II предал премьера. В последовавшем 5 марта разговоре, во время которого Столыпин просил об отставке, царь дал понять, что не считает криминалом интриги правых против Столыпина. ⁹⁸ На позиции Николая II отразились и совпадение его политических взглядов с платформой дворянской реакции, и личная неприязнь к премьеру, позволявшая себе (хотя и не так часто, как Витте) иметь свою точку зрения, и раздражение против культа Столыпина в определенной части буржуазно-помещичьего общества, приводившего к тому, что, по мнению царя, Столыпин «заслонял» его в глазах подданных.

Нежелание царя и его ближайшего окружения создавать парламентский прецедент отставкой правительства из-за отклонения его проекта, давление матери Николая II и части великих князей, выступивших за сохранение Столыпина на его посту, привели к тому, что царь после недели колебаний отклонил отставку премьера, согласился прервать на три дня заседания Думы и Государственного совета, чтобы провести закон о западном земстве по ст. 87, и временно отстранил от участия в работе Государственного совета главных организаторов антистолыпинской ин-

триги — Дурново и В. Трепова. ⁹⁹ Определенную роль в этом сыграл Кривошеин, уговаривавший царя поддержать в этот момент премьера, а Столыпина — не уходить в отставку. Он особенно акцентировал внимание Николая II на проблеме прецедента и успокаивал его тем, что «правые простят» его за временные меры против их лидеров. ¹⁰⁰

Но все поведение Николая II в дни «министерского кризиса» показывало, что Столыпин утратил свое положение при дворе. «Он добился того, что Дурново и Трепов — герои», — ненял Николай II на Столыпина главноначальствующему своей канцелярией А. А. Будбергу, а тот в свою очередь, зная позицию царя, говорил П. Извольскому, что члены Государственного совета могут спокойно поддерживать запрос о незакономерности действий кабинета при роспуске палат, ибо речь идет не о правительстве, а о «персоне». ¹⁰¹ Отставка Столыпина была уже делом недалекого будущего, когда 1 сентября он был убит при обстоятельствах, не исключающих содействие вышеупомянутых чинов охраны. ¹⁰²

Признавая поражение, Столыпин занялся ликвидацией своего «реформаторского» багажа, может быть, в надежде такой ценой остаться у власти. 17 мая «Россия» обрушилась на принятый Думой закон о волостном земстве, заявив, что в настоящем виде он для правительства неприемлем. На следующий день столыпинский офицер выступил с обещанием, что правительство не поддержит внесенные Думой изменения в проекте о переходе из одного вероисповедания в другое. Учитывая политическое лицо новоназначенного Обер-прокурора Синода В. К. Саблира, нетрудно было предвидеть, что он откажется не только от думских поправок, но и от тех уступок принципу свободы совести, которые содержались в правительственном проекте. 27 мая в Департамент общих дел МВД был передан подготовленный по личному поручению Столыпина новый проект положения об уездном управлении, в котором сохранились в неприкосновенности права уездного предводителя дворянства. ¹⁰³ На лежащем в обломках плана местной реформы был окончательно убран один из его краеугольных камней.

В итоге ни один из проектов реформы местного самоуправления и управления не был проведен в жизнь вплоть до февраля 1917 г. Закон о реорганизации местного суда начал осуществляться в ряде губерний накануне первой мировой войны, но сохранение крестьянских волостных судов полностью отрицало ту идею, ради которой закон в свое время проектировался. На вероисповедных законов действовало в качестве временного проведенное по ст. 87 Положение о старообрядцах. План политических реформ, задуманных Столыпиным в осуществление бонапартистского курса, не удался.

⁹⁹ Речь, 1911, 12 марта.

¹⁰⁰ План разговора А. В. Кривошеина с Николаем (7 марта 1911 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 245, л. 56. См. также: Архив русской революции. Берлин, 1925, т. 16, с. 16.

¹⁰¹ П. П. Извольский — М. С. Извольской 19 марта 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 1569, оп. 1, д. 175, л. 115—116.

¹⁰² См.: *Август А. Я.* Столыпин и третья Дума, с. 367—407.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907, д. 5а, ч. 2, л. 3—31. Датируется по сопроводительному письму С. Е. Крыжановского 27 мая 1911 г. — Там же, л. 1—2.

⁹⁶ Там же, с. 149.

⁹⁷ См. подробнее: *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг., Л., 1978, с. 213—218.

⁹⁸ Дневник А. А. Бобринского. — Красный архив, 1928, № 1, с. 144.

⁹⁹ Запись рассказа П. А. Столыпина об аудиенции 5 марта 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 1—2.

Это публично вынужден был признать сам Столыпин. «Припомним, гг., — говорил он в Думе 27 апреля, — положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обыкновенно недостаточными радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов (подчеркнуто нами. — В. Д.) обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах». Хотя, подобно октябристам, Столыпин возлагал вину на Государственный совет, в его речи заключалось признание многих неприятных для него и его единомышленников фактов: и того, что даже в искусственно подобранной Думе 3 июня не нашлось большинства, готового поддержать столыпинские проекты в их чистом виде, и реформы проходили через Думу только с помощью нежелательных и опасных для Столыпина голосов либеральной оппозиции; и того, что у Думы, принявшей закон, «нет ни сил, ни средств, ни власти провести его... в жизнь»; и того, что в итоге вся система бонапартистского лавирования с необходимостью превратилась в систему «гармонически законченной законодательной беспомощности».¹⁰⁴

Признав, что ставка на третьиюньскую Думу потерпела крах, Столыпин пытался построить на этом признании теорию закономерности чрезвычайного законодательства через голову палат. Поскольку, подчеркивал столыпинский офицер, Россия — страна не парламентская, и правительство не обязано уходить в отставку в случае отклонения его законопроектов, применение 87 ст. было шагом, который правительство «было вынуждено предпринять самим ходом вещей — ибо его лишили возможности работать».¹⁰⁵ Сам Столыпин отстаивал право кабинета «вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы с помощью ст. 87 и отрицал право палат решать, была ли в наличии чрезвычайность обстоятельств, оправдывающая применение этой статьи.¹⁰⁶

Не говоря уже о том, что и во введомском законодательстве правительство натолкнулось бы на сопротивление тех же сил, которые стояли на пути проведения реформ через Думу, даже националисты, оправдывавшие действия Столыпина в ходе министерского кризиса, понимали опасность превращения чрезвычайного законодательства в постоянный способ управления страной и невозможность при третьиюньском избирательном законе получить Думу, в которой поддерживающая правительство группа, образованная «от слияния националистов с правыми октябристами», составляла бы большинство. Отсюда вытекало их стремление расширить право-октябристский блок за счет включения в него крайние правых (а, значит, и отказ от законопроектов, неприемлемых для последних) и вывод о необходимости нового государственного переворота, о котором писал Столыпину И. П. Балашов. Начав свою политическую

карьеру с роли младшего партнера октябристов, националисты с осени 1910 г. стали главной опорой «неправящего» правительства. Социально родственные правому (помещичьему) крылу октябристов, националисты были меньше заинтересованы в столыпинских административных реформах, чем в великодержавной политике царизма на западных окраинах. Поэтому Балашов предлагал распустить III Думу и еще раз изменить избирательный закон, созвав Думу, «основанную преимущественно на земских началах».¹⁰⁷ Это в общем совпадало с предложениями правых в 1910 г. и означало устранение конфликта между палатами ценой ликвидации в Думе системы двух большинства, т. е. ценой окончательного и формального отрыва от бонапартизма.

«Трехлетие октябристской III Думы, октябристской „конституции“, октябристского „мирного и любовного жития“ ее Столыпиным не прошло бесследно, — писал И. И. Ленин, — шагнула вперед экономическое развитие страны, развились, развернулись, показавали себя (и исчерпали себя) „правые“ — все и всяческие „правые“ — политические партии».¹⁰⁸ Показал и исчерпал себя как политическое течение внутри самодержавно-крепостнического лагеря бонапартизм, а предпринятый им еще один шаг на пути превращения царизма в буржуазную монархию исчерпал себя как «столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же несостоятельный, как прежде», оставив Россию перед старыми вопросами,¹⁰⁹ на которые торжествовавшие победу противники столыпинского курса были заведомо не в состоянии дать иных ответов, кроме старых, показавших свою несостоятельность еще до революции 1905—1907 гг.

Если в самодержавно-крепостническом лагере события весны 1911 г. вскрыли крах бонапартистских иллюзий определенной части правящих верхов, то в буржуазном лагере «в оболочке „конституционного“ кризиса 1911 года обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906—1910 годов».¹¹⁰ Реакно нападая на Столыпина за его попытку свести счеты с ними, правые откровенно радовались той бесцеремонности, с которой Столыпин обошелся с Основными законами, поднеся на подпись царю закон о западном земстве, отвергнутый одной из палат, и проведя его по ст. 87 при явном отсутствии чрезвычайных обстоятельств, оправдывающих применение этой статьи. «Издание закона таким путем, как он издан, — говорил выступавший против самого закона Пуришкевич, — это есть торжество наших принципов, принципов неограниченного царского самодержавия», а Марков, обращаясь к октябристам, подчеркивал: «Вы, гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы».¹¹¹

То, что вызывало злую радость правых — отсутствие силы, способной выступить в поддержку умеренно-монархического конституционализма против реакции справа и революции слева, — было постоянным кошма-

¹⁰⁴ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 2857—2863.

¹⁰⁵ Россия, 1911, 18 марта.

¹⁰⁶ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 2852, 2858.

¹⁰⁷ Красный архив, 1925, № 2, с. 291—294.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 225.

¹⁰⁹ Там же, с. 169.

¹¹⁰ Там же, с. 225.

¹¹¹ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 786, 798.

ром, угнетавшим и октябристов, и либеральную оппозицию. Как раз накануне министерского кризиса Е. Трубецкой посвятил этой теме в «Русской мысли» (1911, № 2) статью, выразительно названную «Над разбитым корытом». «Нас губит, — сетовал он, — слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь». Трубецкой возлагал все свои надежды на удачный исход столыпинской аграрной реформы, которая создала бы «независимого крестьянина-собственника» как «социальный базис для русского либерализма». Тогда же В. Маклаков выражал пожелание, чтобы кадеты оказались неправы в своей критике столыпинской аграрной политики и чтобы «азартная карта» столыпинского курса не оказалась битой.¹¹²

Именно потому, что и октябристы, и либералы в конечном счете возлагали надежды на постепенную и добровольную эволюцию самой власти в направлении буржуазно-правового государства, несостоятельность и объективная невозможность такой эволюции воспринималась ими как нарушение обещаний со стороны власти. Октябристы обиженно ценили своему недавнему кумиру, упрекая его в подрыве «существующей у нас законодательной системы» и возвращении к «административному произволу и усмотрению».¹¹³ Поведение октябристов после министерского кризиса как никогда отчетливо продемонстрировало тупик, в который сама завела себя партия, сделавшая ставку на бонапартистский «конституционализм» Столыпина. Противоречие слов и дела «Союза 17 октября», виденного бесперспективностью дальнейшего сотрудничества с правительством и не способного по своей классовой природе отказаться от этого сотрудничества, стало совершенно вопиющим. В то время как в «Голосе Москвы» (1911, 30 марта) левый октябрист А. В. Бобринцев-Пушкин (Громобой) убеждал своих политических друзей не бояться перейти в оппозицию правительству, другой левый октябрист П. В. Каменский вел от имени фракции переговоры о возобновлении сотрудничества с премьером,¹¹⁴ а председателем Думы вместо разочаровавшегося в Столыпине и уехавшего на время на Дальний Восток Гучкова был избран Родзянко, чье имя было символом равенства фракции направо. Со своей стороны кадеты в дни мартовского кризиса готовы были обещать будущему преемнику Столыпина «общественную поддержку» за «скромную видимость перемены»,¹¹⁵ а в апреле и мае в оскорбленном брюзжании против Столыпина заведомых врагов конституционного строя из Государственного совета увидели доказательство того, что «конституционализм» сделался лозунгом обеих законодательных палат.¹¹⁶

Страх перед массовым народным движением и стремление избежать нового революционного подъема не давали октябристам и либералам возможности понять, что «дело вовсе не в нарушении обещаний, не в „на-

рушении конституции», — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют „конституцией“».¹¹⁷ И чем более решительно пролетариат России вновь поднимался на борьбу за осуществление требований эпохи путем революции, тем с большим упорством отчаяния цеплялись октябристско-кадетские политики за свои конституционные иллюзии. Если в апреле 1909 г. во время первого министерского кризиса Струве предвещал, что с провалом столыпинского бонапартизма «один путь окажется невозможным до конца» и «нужно быть совершенно слепым, чтобы не понимать, что это значит»,¹¹⁸ то в апреле 1911 г., когда столыпинский путь действительно оказался пехоженным, тот же Струве упрямо заявлял: «В русской жизни не может не быть... подлинных, охранительных и либеральных в одно и то же время, государственных сил, которые должны явиться естественным хребтом права и прав».¹¹⁹ Поиски «охранительных и либеральных в одно и то же время» сил несколькими годами раньше привели русскую буржуазию в объятия царизма и, не желая и будучи не в силах разорвать эти объятия, убеждаясь в тщете своих жертв на алтарь реакции, буржуазия продолжала приносить все новые жертвы на этот чадающий алтарь. «Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии. Теперь, — писал В. И. Ленин осенью 1911 г., — эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции».¹²⁰

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 224.

¹¹⁸ Слово, 1909, 23 апр.

¹¹⁹ Русская мысль, 1911, № 4, с. 165.

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 333.

¹¹² Русская мысль, 1911, № 2, с. 109.

¹¹³ Гос. дума. 3-й соз. Сес. IV, ч. III, стб. 734, 736.

¹¹⁴ П. В. Каменский — А. И. Гучкову 24 мая 1911 г. — ЦГАОР СССР, ф. 553, оп. 1, д. 873, л. 1.

¹¹⁵ Речь, 1911, 9 марта.

¹¹⁶ Фракция народной свободы в период 15 окт. 1910 года—13 мая 1911 года..., с. 8.

РАЗЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1911—1914 гг.)

Конец 1911—начало 1912 гг. ознаменовалось дальнейшим обострением всех противоречий третьей июньской системы. Начавшийся еще в 1910 г. новый подъем революционного и демократического движения продолжался. Уже в 1911 г. продемонстрировал «медленный переход в наступление со стороны рабочих масс».¹ Число наступательных стачек выросло в 1911 г. по сравнению с 1910 г. более, чем вдвое, а их участников — более, чем втрое,² причем стачки отличались значительно большим упорством. В ноябре на многих заводах Петербурга, Москвы, Киева, Риги и других городов прошли митинги с требованием освобождения социал-демократических депутатов II Думы. В обстановке растущего подъема рабочего движения активизировались большевистские партийные организации. При малейшей возможности воссоздавались легальные рабочие организации — профсоюзные, просветительские и т. п., становившиеся центрами социал-демократической пропаганды и использовавшиеся для прикрытия нелегальной партийной деятельности.

Важнейшим событием в развитии революционного движения в стране явилась Пражская конференция РСДРП в январе 1912 г., закончившаяся с формальным объединением с меньшевиками. Пражская конференция избрала большевистский ЦК РСДРП и сформулировала стратегию большевизма — курс на демократическую революцию в России и перерастание ее в социалистическую, подчеркнув, что ближайшей целью всех революционных сил остается свержение самодержавия.

Осень 1911 г. наглядно продемонстрировала провал аграрной политики царизма и остроту аграрного вопроса. Неурожай 1911 г., охвативший по меньшей мере 20 губерний и особенно больно ударивший как раз по районам усиленного насаждения хуторского и отрубного землепользования, вновь вызвал голод десятков миллионов крестьян. Царизм не только оказался, как всегда, застигнутым врасплох массовым народным бедствием, но и усилил обычное для него сопротивление попыткам различных общественных организаций прийти на помощь голодающим, откровенно мотивируя это сопротивление страхом, что вместе с хлебом в деревню попадет и агитационная литература.³ В Думе крестьянские депутаты вновь в связи с голодом подняли вопрос о земле. Предложение

М. С. Андрейчука (правого депутата от Волынской губернии) — «чтобы правительство в скором времени внесло в Гос. думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения» — было даже принято Думой 125 голосами против 100, но перенутанные таким результатом представители право-октябристского большинства потребовали «проверки» голосования и, собрав на кулуаров своих единомышленников, сумели одержать верх.⁴ Подводя итоги прениям о голоде, В. И. Ленин писал: «...неурожаем нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьей июньской монархии».⁵

Все более открыто выражала свое недовольство буржуазия. Последняя сессия III Думы открывалась запросами об убийстве Столыпина. Только социал-демократы в своем запросе связали это убийство со всей системой полицейской провокации в стране. Но и в запросе октябристов и в их выступлениях содержалось требование чистки личного состава охранки и ее реорганизации. Негодуя прежде всего против убийства их ближайшего политического союзника, октябристы достаточно откровенно подчеркивали, что хозяйничанье черносотенных элементов в полиции внушает им страх за судьбу существующего строя.

Почти параллельно с думскими дебатами об убийстве Столыпина прошел экстренный съезд представителей промышленности и торговли, обсуждавший коковцовский проект увеличения средств земсти и городов. Выступления лидеров московской буржуазии Г. А. Крестовникова и П. П. Рябушинского вылились в критику «аграрно-дворянского» курса политики царизма.⁶

Со своей стороны и помещичье дворянство выражало недовольство положением. Постоянные сетования на экономическое оскудение, в котором, якобы, виновато правительство, и на «скоропешное законодательство», не соответствующее интересам дворянства, сопровождалось на VIII съезде объединенного дворянства в марте 1912 г. призывами «защитить наше сословие и наши учреждения, на которые идет атака со всех сторон», и быть готовыми «сказать свое слово в ту минуту, когда это потребуется», причем все эти заявления были откровенно направлены и против Думы, и против негодных дворянской реакции членов кабинета.⁷

В этой обстановке царизм стоял перед невыполнимой (и неосознаваемой им во всей своей остроте) задачей поиска курса, который мог бы отсрочить его надвигающийся крах, причем наиболее влиятельные представители правящих кругов видели выход в дальнейшем сдвиге вправо и полном отказе от самых ограниченных реформ. В этом смысле преемник Столыпина В. Н. Коковцов осенью 1911 г. уже не устраивал крайне правых. Убежденный консерватор Коковцов был слишком «законником»,

⁴ Там же, ч. I, стб. 1789—1790.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 120.

⁶ Журналы заседаний экстренного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 10, 11 и 12 ноября 1911 года в Петербурге. СПб., 1912, с. 60—61, 81—82, 111—112.

⁷ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. С 5 марта по 11 марта 1912 г. СПб., 1912, с. 102, 105, 114, 149.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 340.

² Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975, с. 134.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия V, ч. II, СПб., 1912, стб. 3513.

чтобы подходить распылявшейся в поправки всякой законности камарилье. С самого начала Александра Федоровна предупредила Коковцова, чтобы он не вступал «на путь этих ужасных политических партий, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть и поставить правительство в роль подчиненного их воле». В напутствии Александры Федоровны содержалось не только осуждение Столыпина, (который, по ее словам, «уже окончил свою роль и должен был ступиваться, так как ему нечего было больше исполнять»), но и прямое требование опираться только на «доверие государя»,⁸ т. е. послушно следовать указаниям дворцовой камарильи.

Стараясь заручиться поддержкой правых, Коковцов при первом же обсуждении в Думе очередного националистического законопроекта выступил с заверениями, что «во всех коренных вопросах... не может быть колебаний» правительственного курса.⁹ При этом, помня об отношении к его предшественнику в верхах и боясь, как бы его речь не была принята за обещание следовать всей столыпинской политике, Коковцов в специальном докладе Николаю II поспешил разъяснить, что придал своей речи «более широкое построение», дабы успокоить тревогу «в наиболее консервативных кругах общества», но «отнюдь не желал допускать какой-либо „программной декларации“».¹⁰

На подчеркивание отличия его политики от столыпинской были направлены и первые же шаги Коковцова в качестве премьера. 10 декабря циркуляром Совета министров всем ведомствам было предложено воздерживаться от предоставления комиссиям Думы материалов для законопроектов, подготовляемых или параллельно министерским.¹¹ В январе 1912 г., поддакивая постоянным причитаниям правых, Коковцов заявил в Государственном совете, что, внося «различного рода законопроекты на рассмотрение законодательных учреждений», «мы вообще теперь начинаем работать... чрезмерно спеша».¹² Впрочем, Коковцов зря брал грех на себя, поскольку деятельность Совета министров с осени 1911 г. отличалась в общеполитической области полным отсутствием законодательной инициативы.

Между тем Государственный совет, в котором правые приобрели к этому времени решающее влияние,¹³ продолжал проваливать или искажать до неузнаваемости столыпинские проекты, прошедшие через III Думу, причем выступления лидеров дворянской реакции против конкретных законопроектов сопровождалось декларативными заявлениями об опасности реформ вообще и об угрозе государственному строю, исходящей от тех представителей бюрократии, которые еще пытаются осуществить некоторую перестройку способов управления.

⁸ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Париж, 1933, т. 2, с. 7.

⁹ Государственная дума. Третий созыв. Сессия V, ч. I. СПб., 1911, стб. 694.
¹⁰ Всеобщ. докл. В. Н. Коковцова 29 окт. 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 691, оп. 1, л. 11, л. 19—20.

¹¹ Там же, ф. 1276, оп. 7, л. 2, л. 5—6.

¹² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911—12 годы. Сессия седьмая. СПб., 1912, стб. 1291.

¹³ Бородин А. П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907—1914 годах. — Вопросы истории, 1977, № 2, с. 64—65.

Яростное сопротивление по-прежнему встречали проекты волостного земства, местного суда и всеобщего начального обучения. Проведение этих законов через верхнюю палату дало о правительстве возможность утверждать, что царям проявляет заботу о крестьянстве. В правительственных кругах вызвала беспокойство инициатива группы крестьянских депутатов Думы, посетивших в ноябре 1911 г. Коковцова, нового министра внутренних дел А. А. Макарова и председателя Государственного совета Акимова с просьбой повлиять на Совет для принятия этих законов. Коковцов довел просьбу крестьян до сведения царя¹⁴ и согласился снять свои возражения против фиксации вперед расходов на всеобщее обучение, за что немедленно получил выговор от Дурново. Сам Дурново откровенно заявлял, что предпочитает увеличивать расходы на полицию, а не на школу.¹⁵ При обсуждении реформы местного суда правые настаивали не только на сохранении волостного суда как чисто крестьянского сословного института (на что правительство согласилось еще при Столыпине), но и на оставлении за земскими начальниками их судебных функций, что было равносильно отклонению проекта, ибо он в таком случае практически ничего не менял бы в существовавшем положении.

В то время как Государственный совет добивал осколки столыпинской программы, а правительство не проявило желания выступить с инициативой каких-либо серьезных проектов в области социального законодательства и управления, III Дума в последнюю сессию затормозилась продемонстрировать свою «работоспособность». Обстановка начинавшегося нового революционного подъема и приближение выборов в IV Думу заставляли буржуазно-помещичьи партии активизировать их думскую тактику в двух направлениях.

С одной стороны, они все чаще прибегали к запросам, в которых проявлялась и их собственная реальная неудовлетворенность политикой правительства и существующим положением, и их стремление использовать думские прения как клапан, выпускающий пары народного недовольства. Особое место в этом отношении заняли события, связанные с запросом социал-демократов об аресте социал-демократической фракции II Думы. Несмотря на возражения националистов и его собственной фракции, Родзянко был вынужден разрешить зачитать запрос, в котором указывалась связь провокационного «дела» рабочих депутатов II Думы и третьеновского переворота. Когда же после этого Родзянко попытался провести дальнейшее обсуждение запроса при закрытых дверях, социал-демократы в знак протеста сняли запрос, а затем и социал-демократы, и трудники, и кадеты, и прогрессисты демонстративно покинули заседание. «Едва ли не впервые с трибуны III Думы раздается такой решительный, революционный по тону и содержанию, протест против „хозяев 3-го июня“, протест, поддержанный всей оппозицией вплоть до самой умеренной», — писал в связи с этими событиями В. И. Ленин, видя в поведении либералов один из «политических симптомов поворота» от полной реакции к новому подъему.¹⁶

¹⁴ Новое время, 1911, 25, 29 и 30 нояб., 3 и 13 дек.

¹⁵ Гос. совет. Сес. VII, стб. 1260—1261, 1331.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 11—12.

С другой стороны, буржуазно-помещичьи партии стали проводить через Думу законопроекты, принятие которых могло быть использовано как козырь в предвыборной борьбе и которые должны были напомнить правительству о его невыполненных обещаниях. Не дождавшись земской реформы, октябристы принялись распространять архаичное, их самих не устраивавшее Положение 1890 г. на губернии, где вообще не было выборного самоуправления. Так были проведены законопроекты о введении земства в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях, в Сибири и области войска Донского. Последние два были приняты Думой вопреки возражениям МВД и не стали, естественно, законами. Были проведены правительственные проекты устройств кредита для земств и городов и снятия с органов самоуправления некоторых натуральных повинностей в пользу органов центральной власти. Первый из проектов создавал при Министерстве финансов 100-миллионный фонд для предоставления займов местным самоуправлениям, а второй давал им освобождение от расходов в несколько миллионов, в то время как суммарный годовой бюджет земств и городов составлял около полумиллиарда.

Большой пропагандистский шум был поднят октябристами и националистами вокруг законопроекта о введении городского положения в Польше, который рассматривался как прообраз будущей городской реформы по всей России. Проект расширял круг городских избирателей по сравнению с Положением 1892 г. и предоставлял большие права городским самоуправлениям. В действительности правительство и правые соглашались на предоставление в Польше избирательных прав не только домовладельцам, но и квартирантам лишь потому, что иначе русское население, состоявшее в основном из чиновников, вообще не было бы представлено в городских думах.

Недовольство буржуазно-помещичьих кругов существующим положением привело в 1912 г. к ряду острых конфликтов Думы и власти. Первый из них был связан с увольнением епископа Гермогена из членов Синода в результате его ссоры с Распутиным. К этому времени Распутин уже оказывал большое влияние при назначениях на самые высокие посты (он воспротивился назначению в сентябре 1911 г. А. Н. Хвостова в Министерство внутренних дел, а С. Ю. Витте всерьез питал надежды вернуться с его помощью к власти).¹⁷ Но увольнение Гермогена было первым случаем, когда роль Распутина получила широкую огласку. В ходе думских прений представители право-октябристского крыла подчеркивали опасность распутинщины для строя.¹⁸

В апреле — мае имели место столкновения Думы и правительства по военным вопросам — попытка октябристов свалить военного министра Сухомлинова, сопротивление ассигнованиям на строительство Балтийского флота и критика Думой Главного артиллерийского управления. В июне, несмотря на высказанное Николаем II пожелание, чтобы Дума проявила благосклонность к церковно-приходским школам,¹⁹ октябристско-кадетское большинство, боровшееся с Синодом из-за его сопротивле-

ния созданию единой сети начального обучения, отказалось рассматривать вопрос о дополнительных ассигнованиях на приходские школы.

В этой ситуации часть крайне правых опять выступила с предложениями воспользоваться истечением полномочий III Думы для нового государственного переворота. Шумная кампания Дурново и «Московских ведомостей» даже вызвала у Сыромятникова беспокойство, нет ли под ней «серьезной подкладки».²⁰ Но официальные бюрократические круги были в общем удовлетворены опытом с III Думой и надеялись обеспечить желательные царизму результаты новых выборов в рамках существующего избирательного закона.

Выборы в IV Думу проходили в обстановке, принципиально отличавшейся от существовавшей в предыдущую избирательную кампанию. Расстрел рабочей демонстрации 4 апреля на Ленских приисках вызвал взрыв негодования по всей стране. Медленный подъем рабочего движения перешел в стремительный валет, причем массовое движение, в 1905 г. начавшееся с гапонаты, в 1912 г. началось сразу с «поднятия республиканского знамени».²¹ Третьеиюньский избирательный закон исключал возможность отражения в результатах выборов подлинных настроений масс, и большевики ставили перед собой в первую очередь агитационные задачи: «... и по поводу выборов, и по случаю выборов, и в спорах о выборах разъяснить массам необходимость, насущность, неизбежность революции»;²² ведя одновременно борьбу за завоевание на свою сторону большинства избирателей в рабочей и второй городской курии.

Революционный подъем подчеркивал провал попыток царизма наладить в рамках третьеиюньской системы «феодално-буржуазную монархию „удовлетворительного“ для этих классов свойства...»²³ и вел к усилению оппозиционных настроений в буржуазных и помещичьих кругах. Либеральная оппозиция все громче выражала тревогу по поводу того, что III Дума «кончает свою деятельность, никого не успокоив».²⁴ Умеренные руководители Совета съездов промышленности и торговли, обычно избегавшие политических деклараций, не только подвергли критике деятельность III Думы в области экономического и социального законодательства, призвав увеличить представительство буржуазии в IV Думе,²⁵ но и стали декларировать свои конституционные симпатии.²⁶ Лидеры московской «молодой» буржуазии демонстративно подчеркивали свою оппозиционность. 4 апреля 1912 г. на приеме в московской бирже в честь Коковцова Рябушинский поднял тост «не за правительство, а за русский народ», а в сентябре на праздновании столетия фирмы Коноваловых произнес речь о вырождении дворянства и о «первенствующей роли»

²⁰ С. Н. Сыромятников — Н. Я. Гурлянд 27 июня 1912 г. — ЦГИА СССР, ф. 1629, оп. 1, д. 331, л. 46.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 350.

²² Там же, т. 22, с. 174.

²³ Там же, с. 130.

²⁴ Гос. дума. 3-й соз. Сес. V, ч. II, стб. 657.

²⁵ Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. 1907—1912 г. СПб., 1912, с. XXII; Новое время, 1912, 5 апр.

²⁶ Журналы первого—пятого заседаний шестого очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1912, с. 41.

¹⁷ См. переписку С. Ю. Витте и Г. П. Сазонова в августе 1911 г.: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 369, л. 4; ф. 1659, оп. 1, д. 23, л. 7.

¹⁸ Гос. дума. 3-й соз. Сес. V, ч. III, стб. 68—69, 583—584.

¹⁹ Новое время, 1912, 8 июня.

предстоящей купечеству.²⁷ Выступления Рябушинского отражали все усиливавшееся недовольство буржуазии влиянием крепостнических элементов на политику царизма.

Общий кризис третьеновской системы находил свое отражение и в усилении критического отношения к действиям правящих кругов и к системе в целом со стороны части октябристов. Подчеркивая законодательную плодотворность III Думы (т. е. свою собственную), они вынуждены были публично признать, что за пять лет практики сотрудничества с правительством, «кроме разочарования, ничего не получили». В отличие от «прирожденной» оппозиции либералов октябристы называли себя оппозицией «благоприобретенной», но настаивали, что «когда говорят лица, для которых первым стремлением есть достижение законности и порядка, то не прислушиваться к мнению этих лиц нельзя». ²⁸ О рождении октябристской «оппозиционности особого рода», отражающей «фронду обеспокоенного усилением правительственной власти горожанина», писал в своем обзоре хода выборов в Думу и Гурлянд.²⁹ В его формулировке сквозь призму бюрократического видения жизни преломилась существенная реальность российской действительности. «Русский купец и русский либеральный помещик (вернее, пожалуй, либеральничайший), — отмечал В. И. Ленин, — боятся усиления безответственного правительства...».³⁰

Рост «прогрессистских» настроений в помещичьих кругах, брюзжание октябристов, учащение конфликтов правительства на «деловой» почве давшие с право-октябристскими земствами свидетельствовали о том, что и помещичье дворянство не удовлетворено существующим положением, и «правительство не может опереться ни на один класс населения».³¹

Этим определялась тактика правительства, взявшего курс на открытое «делание» выборов с помощью устранения неугодных кандидатов и избирателей и мобилизации послушного властям духовенства. Речь шла не о том, чтобы избрать «фиолетовую» Думу, как утверждали в ходе выборов октябристы и либеральная оппозиция. Хотя определенные клерикальные круги вначале и строили планы расширения своего представительства в Думе, МВД неоднократно разъясняло, что «количество духовенства в третьей Думе должно считаться максимальным» и увеличение его «крайне нежелательно».³² Царизм по-прежнему хотел иметь в Думе помещичье большинство, но при этом стремился свести в ней к минимуму представительство либеральной оппозиции и не допустить в Думу наиболее активных лидеров левых октябристов. Поэтому в тех уездах, где правительство считало победу правых и националистов обеспеченной, священники выделялись в особые курии уездных съездов, не оказывавшие влияния на исход выборов. Там же, где «левая» (кадетско-левооктябристская) опасность представлялась властям значительной, священ-

ники объединялись в общий съезд с землевладельцами,³³ создавая большинство, готовое «голосовать за кандидатов, угодных правительству».³⁴ Однако мобилизации духовенства вызывала недовольство значительной части помещиков (в том числе и не принадлежавших к оппозиции), поскольку они сами хотели делать выборы. Поэтому в ряде случаев чрезмерный нажим на выборы приводил к обратным результатам.³⁵ Важным инструментом «делания» выборов было прямое вмешательство властей путем удаления из списков целых категорий и отдельных избирателей, учинения помех для участия в голосовании и других форм нажима на всех уровнях. Широко применялось субсидирование правых организаций и печати из специально созданного еще при Столыпиным фонда в 3 млн. р. для обеспечения выборов в IV Думу.³⁶

Итоги выборов в IV Думу отражали обострение кризиса третьеновской системы и в свою очередь являлись одним из факторов, содействовавших дальнейшему его обострению. С учетом постоянно происходивших изменений в составе фракций число правых и националистов (включая группу Крупенского, называвшуюся с весны 1911 г. фракцией «независимых националистов», а с осени 1912 г. — «фракцией центра») выросло в IV Думе по сравнению с последней сессией III Думы со 148 до 185, кадетов и прогрессистов с 88 до 107, тогда как число октябристов упало со 120 до 98 человек. Если при этом усиление правых было следствием избирательной арифметики третьеновского закона и прямого «делания» выборов, то ослабление октябристов отражало реальный процесс изменения расстановки сил в стране, заключавшийся в ускорении «партийного межевания» имущих классов.³⁷ Буржуазия отворачивалась от октябристов, что проявилось в резком падении количества октябристских депутатов, избранных от городов (35 в конце III Думы и 18 в IV). Среди забаллотированных оказался и сам Гучков, потерпевший в первой курии в Москве поражение от кадета. В результате размывания октябристского центра в право-октябристском большинстве IV Думы произошла значительная передвигка вправо, а октябристско-кадетское большинство стало минимальным. «Дума поправела, в то время как вся страна полевела»,³⁸ и это означало, что шансы на использование Думы для создания блока помещичьего дворянства и становящейся все более оппозиционной буржуазии практически равнялись нулю. Напротив, состав IV Думы предвещал обострение конфликтов в ней самой и между ней и правительством, не удовлетворявшим ни оппозицию, ни крайне правых.

Политическая борьба в верхах развертывалась в обстановке, когда «Россия вступила в полосу нарастания новой революции».³⁹ Начавшийся весной как ответ на Ленские события, массовое забастовочное движение продолжалось и в последующие месяцы. По приведенным данным фаб-

²⁷ Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967, с. 80—81, 92.

²⁸ Гос. дума. 3-й соз. Сес. V, ч. III, стб. 1401.

²⁹ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 23.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 80.

³¹ Там же, с. 203.

³² Циркулярные телеграммы МВД губернаторам 17 авг. и 20 сент. 1912 г. — ЦГА СССР, ф. 1326, оп. 2, д. 247, л. 43—44, 129.

³³ Справка И. Я. Гурлянда о выборах в IV Думу. — Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 23; Отчет о выборах по Рязанской губ. — Там же, ф. 1282, оп. 1, д. 732, л. 60.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 130.

³⁵ См. например: А. И. Элегинцев — А. И. Гучкову 15 сент. 1912 г. — ЦГАОР СССР, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 63.

³⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч., с. 8—12.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 325.

³⁸ Там же, с. 203.

³⁹ Там же, с. 252.

ричной инспекции число стачек выросло в 1912 г. по сравнению с 1911 г. более чем в 4 раза, а стачечников — почти в 7 раз и достигло 725 тыс. человек. При этом подавляющая часть стачек относилась к периоду после Ленского расстрела. $\frac{2}{3}$ забастовок и $\frac{3}{4}$ участников приходилось на политические выступления пролетариата.⁴⁰

В условиях подъема рабочего движения начала выходить и получила широкую поддержку ежедневная большевистская газета «Правда».

О растущем влиянии революционной социал-демократии говорили и результаты выборов в IV Думу. Большевики получили все шесть депутатских мест от рабочей курии, во второй городской курии социал-демократы собрали $\frac{1}{3}$ всех голосов. Ленский расстрел вызвал возмущение не только среди рабочих. Грозным признаком для царизма были попытки поднять вооруженное восстание на судах Балтийского и Черноморского флотов и восстание двух саперных батальонов в Средней Азии.⁴¹ При всей преждевременности этих выступлений они свидетельствовали о неадекватности армии. Смертные приговоры революционным матросам в свою очередь вызвали новую волну забастовок и демонстраций, в которых в октябре—ноябре участвовало не менее 250 тыс. рабочих.⁴² Как подчеркивало Краковское совещание РСДРП, события 1912 г. свидетельствовали о переходе рабочего класса «к массовому наступлению на капиталистов и на царскую монархию».⁴³

В разной степени и в различных формах осознание этого сказывалось на позиции всех буржуазно-помещичьих кругов. В общем наиболее отчетливо в этих кругах чувствовался подъем народного недовольства кадетами, с тревогой отмечавшие признаки нарастания «второго движения». С первых дней IV Думы констатирующий политический туник третьеполушеской системы Милоков на заседании ЦК 24 мая 1913 г. прямо заявил, что «мостик к мирному исходу совсем разрушен» и «другого исхода, кроме насильственного, при безоглядно реакционном направлении политики правительства, нет».⁴⁴ Большая часть других членов ЦК, боясь произнести вслух подобное признание, тоже говорила о приближении грозных международных и внутренних осложнений и о том, что «время надвигается серьезное, и надо к нему готовиться»,⁴⁵ чтобы не быть застигнутыми врасплох.

В выводах, вытекавших из анализа сложившейся ситуации, кадетские лидеры расходились. Некрасов, Коллюбакин и ряд провинциальных деятелей настаивали на проведении съезда для пересмотра программы и организационной перестройки в поисках путей влияния на народные массы, говорили о необходимости проникнуть в рабочую среду. Правое крыло партии предлагало добиваться создания прочного кадетско-октябристского блока в Думе вокруг укороченных лозунгов бюджетных прав Думы, земской реформы и т. п., чтобы «бороться с возможностью рево-

люции» «путем реформ»,⁴⁶ все еще надеясь на достижимость «конституции попроще» в союзе с октябристско-националистскими элементами. Практическим проявлением настроений правых кадетах было их участие в издании газеты «Русская молва», начавшей выходить 9 декабря 1912 г. и проповедовавшей союз кадетах с «умеренными слоями общества». Сам Милоков из признания близости «второго движения» делал вывод о необходимости радикализировать тактику кадетах, призывал «учитывать психологические перспективы» и «готовить будущее».⁴⁷ По-прежнему отвергая «крайности» — забастовки и вооруженное восстание, — Милоков рассчитывал удерживать «второе движение» в рамках конституционных лозунгов, если эти лозунги будут выдвигаться в более резкой форме. Понимая, что «умеренные законопроекты менее оппозиционны, но не более осуществимы», он предлагал перенести акцент кадетской тактики с бесперспективного «реального законодательства» на выдвижение демонстративных проектов, имеющих пропагандистский эффект, — о введении всеобщего избирательного права, реформе Государственного совета, осуществлении ответственности министерства и т. п.

Одновременно все кадетское руководство не оставляло надежд на изменение «безоглядно-реакционного» курса правительства, которое могло бы предотвратить «насильственный исход». В качестве меры давления на власть Милоков выдвигал переход к бюджетной борьбе — голосованию против смет ряда ведомств и других ассигнований на правительственные нужды, даже если поначалу кадеты будут оставаться в меньшинстве.⁴⁸ Позиция кадетах, все еще думавших мирными, легальными средствами вынудить царизм уступить требованиям либеральной буржуазии и тем избежать революции, свидетельствовала о возрастающем несоответствии «между потребностями страны и беспомощностью либерализма» и о непонимании кадетами «классовой основы исторических преобразований».⁴⁹

В попытках уговорить царизм отказаться от «безоглядно-реакционного» курса Милоков и Родичев еще и еще раз заявляли с думской трибуны, что отказ от «разумных уступок законодателя» ведет к «открытой борьбе» масс, к «насильственным приемам, средствам борьбы».⁵⁰ С открытием IV Думы кадеты внесли в нее законодательные предположения о неприкосновенности личности, о свободе печати и союзов, о введении всеобщего избирательного права и др., а также запросы о злоупотреблениях властей на выборах. В то время как официальные кадетские ораторы повышали тональность своих выступлений в Думе, правые кадеты предлагали правительству «не смущаться непримиримостью оппозиции», которая «хорошо понимает, что сразу все не дается».⁵¹ Но и они не могли не напоминать правящим кругам, обра-

⁴⁰ Арутюнов Г. А. Указ. соч., с. 380—381.

⁴¹ История КПСС. М., 1966, т. 2, с. 383.

⁴² Арутюнов Г. А. Указ. соч., с. 191.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 252.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 34, л. 61.

⁴⁵ Протокол совещания кадетской партии 2—3 февр. 1913 г. — Там же, д. 44, л. 10.

⁴⁶ Там же, д. 31, л. 63.

⁴⁷ Протоколы ЦК кадетской партии 28 окт. 1912 г. и 27 янв. 1913 г. — Там же, д. 30, л. 243; д. 31, л. 23.

⁴⁸ Протокол ЦК кадетской партии 1 февр. 1913 г. — Там же, д. 31, л. 32, 35.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 370, 374.

⁵⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия I, ч. I. СПб., 1913, стб. 1809, 1814.

⁵¹ Там же, стб. 340.

щаяся к урокам только что закончившейся поражением Турции первой балканской войны, «что иногда сама государственная система роковым образом подготавливает политическую катастрофу».⁵²

К правому крылу кадетов были близки прогрессисты, в ноябре 1912 г. формально конституировавшиеся в партию, провозгласившую в качестве основного тактического принципа отказ от «революционности»⁵³ и видевшую выход из кризиса в утверждении парламентаризма. Самоуверенность московских миллионеров, привыкших в конце концов добиваться своего в промышленной политике, сказывалась на долго сохранявшемся у прогрессистов убеждении, будто правительство все-таки уступит давлению не IV, так V Думы и небесперспективно «бороться за власть», добиваясь министерских постов для членов Думы, поскольку «будущее принадлежит нам и останется за нами».⁵⁴

Предупреждения о важности реформ ради предотвращения революции занимали центральное место в выступлениях октябристов и националистов. Их главная претензия состояла в том, что власть не продолжает бонапартистский курс Столыпина, объективную закономерность провала которого они не понимали. Уже в начале работы IV Думы В. Львов (фракция центра) и националист А. И. Савенко говорили о необходимости дать реформы «для того, чтобы они не были взяты», и подчеркивали, что если правительство «не удовлетворяет давно назревших и всеми признанных нужд страны, то этим оно играет в руку революции».⁵⁵ Правда, при этом под страной подразумевались ценовые элементы, а в число требуемых реформ входили главным образом расширение прав земств и перестройка земской избирательной системы, и В. Львов специально отмечал, что реформы не должны затрагивать монархический принцип и преимущественные права православной церкви. В мае 1913 г. С. И. Шидловский от имени октябристов в очередной раз сетовал, что, отказываясь от реформ, правительство «вместо самой естественной эволюции» подготавливает «такой удар, который даром пройти не может».⁵⁶ Тезис о возможности «естественной эволюции», которую еще не поздно обеспечить, подкреплялся постоянными утверждениями октябристов, будто в стране наступило успокоение.

Разумеется, октябристы не были настолько слепы, чтобы не видеть революционных настроений в стране. Уже осенью 1912 г. Гучков писал жене, что «Россия теперь стоит перед тяжким кризисом внутренним».⁵⁷ Годом позже он предупреждал об опасности «убаюкиваться внешними признаками спокойствия». Но Гучков при этом считал, что ближайшей угрозой является угроза справа и именно действия сторонников реставрации неограниченного самодержавия могут вызвать «тяжелую катастрофу», в результате которой рухнет «какой бы то ни было прочный государственный порядок» и верх возьмут «стихии».⁵⁸ В своих пред-

ставлениях Гучков не был одинок. Хомяков тоже считал ближайшей перспективой торжество «реакционной революции», которая может открыть путь «революционерам левого толка».⁵⁹ «Революции еще нет, а реакция налицо», — таков был и диагноз «Голоса Москвы» (1913, 15 окт.). Исходя из него октябристское руководство пыталось в 1912—1913 гг. уговорить власть прислушаться к голосу «тех имеющих, буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства», и тем сохранить «наш последний шанс для мирного исхода из кризиса».⁶⁰

Во многом близкой к октябристам была в период IV Думы позиция Меншикова, не только отражавшего настроения части примыкавших к националистам кругов, но и в известной степени формировавшего эти настроения. Если раньше из признания несостоятельности третьевольской системы Меншиков, вторя дворянской реакции, делал вывод о необходимости дальнейших шагов вперед, и до революционного строя, то в конце 1912—1913 гг. он выступал против планов нового государственного переворота, подчеркивая гибельность таких планов для самой монархии.⁶¹

Таким образом, большинство буржуазно-помещичьего лагеря сходилось в стремлении предотвратить угрозу революции посредством реформ, объем которых значительно отличался в представлениях разных партий. Кадеты и прогрессисты имели в виду действительно серьезные политические реформы,⁶² причем прогрессисты еще верили в возможность добиться их от царизма своими силами, а кадетское руководство все больше приходило к пониманию, что только массовое народное движение способно поколебать устои режима, но боялось этого движения и еще надеялось предотвратить его перерастание в революцию. Размеры реформ, которыми готовы были удовлетвориться сами и надеялись удовлетворить страну октябристы, а тем более националисты, были предельно ограничены; и те, и другие не допускали и мысли о какой-либо аннексии к массам.

Вопрос об угрозе революции по-прежнему занимал большое место в выступлениях правых. В 1912—1913 гг. (может быть, по тактическим соображениям) правые тоже заговорили о «поверхностном успокоении» и «временном затишье», но постоянно подчеркивали, что это затишье непрочное, и под его покровом революционеры готовят новый взрыв, страшнее 1905 г.⁶³ Ощущавшееся всеми приближение войны вызывало у правых страх перед «второй Цусимой» и в качестве ее следствия — «кошмаром народовластия».⁶⁴ Поэтому они все время требовали от правительства использовать предоставленную ему передышку для упрочения самодержавной власти и возвращения к тем основам, на которых когда-то

⁵² Там же, ч. II, стб. 1507.

⁵³ Съезд прогрессистов 11, 12 и 13 ноября 1912 г. СПб., 1913, с. 6.

⁵⁴ Утро России, 1913, 4 и 20 окт.

⁵⁵ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 358, 853—854.

⁵⁶ Там же, ч. II, стб. 1529.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 870, ч. II, л. 154.

⁵⁸ Речь А. И. Гучкова на конференции «Союза 17 октября» 8 нояб. 1913 г. — Там же, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 205, 211—212.

⁵⁹ Н. А. Хомяков — А. А. Гирсу 2 нояб. 1913 г. — Там же, ф. 892, оп. 1, д. 255, л. 25.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 210—212.

⁶¹ Новое время, 1912, 13 сент.

⁶² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 378.

⁶³ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 289; ч. III, стб. 335, 350.

⁶⁴ Там же, ч. I, стб. 312; ч. III, стб. 350.

создавалась романовская монархия. Заявляя, что они считают своей задачей указывать власти, «куда должна она идти, к каким государственным идеалам должна она стремиться», ⁶⁵ правые прямо призывали не выполнять «обещания 1905 г.», поскольку свободы, полученные в октябре 1905 г., революционеры использовали для борьбы против государства. ⁶⁶

Но, разглагольствуя о революции, правые по-прежнему не понимали глубины порождавших ее причин и обвиняли в поджугивании революции кадетов и октябристов. Даже в мае 1914 г. Марков считал, что «народ наш теперь гораздо довольнее, чем когда-либо», и рабочие бастуют лишь потому, что «кучка смутьянов и революционеров» заставляет их делать это «бомбами и угрозами». ⁶⁷ В действиях «оппозиционно-интеллигентных партий», которые не смогут «сдержать расходящиеся народные волны, ими же поднятые», видел опасность и Дурново. ⁶⁸ Из этого вытекала неизменная программа крайних правых — не допускать никаких уступок «оппозиционно-интеллигентским партиям», никаких, даже самых ограниченных реформ и бороться против инспирирующих революционные выступления масс «смутьянов» с помощью полицейского сыска и открытого террора, одновременно используя каждую возможность для того, чтобы взять назад все то, что было вырвано у царизма революцией 1905—1907 гг.

Очевидный для самих верхов кризис третьей юнкерской системы проявлялся и во все больших сбоях созданного специально для ее функционирования механизма взаимоотношений правительства и Думы. При сложившейся в IV Думе расстановке сил создание право-октябристского большинства требовало участия в нем крайних правых. Но сотрудничество правых, выступавших «за сохранение и „усугубление“» ⁶⁹ полусамодержавного режима, и октябристов, все более настойчиво выражавших пожелания реформ, оказывалось затруднительным. Это сказалось уже на конституировании Думы, когда ее президиум был избран октябристско-кадетским большинством. При всем нежелании октябристов сотрудничать с кадетами и их тяготении к националистам, октябристско-кадетское большинство складывалось в IV Думе значительно чаще, чем в III, а это при полном господстве правых в Государственном совете лишь подчеркивало тупик в деятельности законодательных учреждений. Голосу вместе с кадетами за принятие запросов о незакономерных действиях властей, октябристы одновременно отвергали кадетские законодательные предположения как чрезмерные и все еще ждали от правительства законопроектов, вокруг которых можно было бы сколотить думское большинство для сотрудничества с кабинетом. В результате первая сессия Думы ушла на острые, но вызывавшие все меньше интереса прения по поводу правительственной декларации, бюджета, запросов и кадетских демонстративных проектов. IV Дума «начала свою „ра-

⁶⁵ Там же, ч. I, стб. 1685; ч. III, стб. 336.

⁶⁶ Там же, Сес. II, ч. I, стб. 229, 251—254.

⁶⁷ Там же, ч. III, стб. 1799.

⁶⁸ Записка П. Н. Дурново Николаю II. Февраль. 1914 г. — Красная новь, 1922, № 6, с. 197.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 378.

боту», — писал В. И. Ленин, — сама не веря в нее и потеряв былую контрреволюционную энергию...» ⁷⁰

Между тем крах третьей юнкерской системы как последней попытки спасти царизм на путях его буржуазной эволюции создавал объективную невозможность для правительства предложить программу, призванную объединить «работоспособное» большинство в Думе. Когда Коковцов запросил материалы для декларации при открытии Думы, ⁷¹ ни одно ведомство не выдало проектов, хотя бы отдаленно напоминающих меры, направленные на приспособление к буржуазному развитию страны и вообще заслуживающие название реформ. Предположения МВД, Министерства юстиции и финляндского генерал-губернатора лишь раз показывали, что национализм стал «единственной политической платформой» царизма, ⁷² и касались наступления на автономию Финляндии и права «инородческого» населения. МВД сосредоточило внимание на реорганизации полиции и откровенно заявило, что отказывается от общей реформы земского самоуправления, ограничиваясь пересмотром системы избрания земских гласных. ⁷³ Выработка самого текста декларации послала на себе следы колебания в связи с тем, что можно пообщать на местных реформ. Симптоматичными были и разночтения фразы о неизбежности начал существующего строя. В первом варианте они были названы дарованными и охраняемыми «волею самодержавной власти». Упоминание о самодержавии показалось, видимо, Коковцову вызывающим, и он заменил его на «волю его императорского величества». Однако в окончательный текст после этих слов было вновь добавлено «самодержца всероссийского». ⁷⁴ Очевидно, это, как и ряд других поправок, было результатом прямых указаний Николая II, которому Коковцов представил декларацию на утверждение. ⁷⁵

Не имея, что предложить Думе, и попавшая на-на этого в постоянные конфликты с буржуазно-помещичьими партиями, упрекавшими его в неадекватности, неадекватности, неадекватности, пренебрежении к народному представительству и т. п., правительство продолжало политику ущемления прав Думы по мелочам. Так, в конце 1912 г. Совет министров решил не проводить через Думу даже ту часть нового статута ордена св. Георгия, которая изменяла размеры пенсий георгиевских кавалеров, хотя пенсионное законодательство входило в компетенцию Думы. ⁷⁶ В январе 1913 г. Министерство юстиции взяло на себя разработку проекта по заведомо неприемлемому для него законодательному предположению о неприкосновенности личности, чтобы этим лишить Думу права самой подготовить

⁷⁰ Там же, т. 23, с. 296.

⁷¹ Циркулярное письмо Председателя Совета министров 19 июня 1912 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 8, л. 1.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 177.

⁷³ П. Г. Щегловитов — В. Н. Коковцову 23 авг. 1912 г.; А. А. Макаров — В. Н. Коковцову 13 сент. 1912 г.; Ф. А. Зейн — В. Н. Коковцову 9 сент. 1912 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 8, л. 143—153, 261—273, 295—303.

⁷⁴ См. варианты декларации: там же, оп. 1, д. 35, л. 55—58, 108—109, 133—140, 332—334.

⁷⁵ Вопросы истории, 1964, № 4, с. 100.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 59, л. 12—28.

соответствующий законопроект.⁷⁷ В мае Совет министров рекомендовал ведомствам оставлять без ответа многие «вопросы» Думы по ст. 40 ее Учреждения на том основании, что они не касались дел, переданных на ее рассмотрение,⁷⁸ и решил впредь не давать письменных ответов на запросы Думы (это отменяло практику, установленную при Столыпине).⁷⁹ Во всех этих актах отражалось и постоянное внутреннее неприятие Думы высшей бюрократией (даже теми, кто умом понимал неизбежность ее существования), и рост реставрационных настроений при дворе, о которых речь будет идти в дальнейшем.

Существенным фактором углубления кризиса самодержавия, ослабления связей царизма с социально-родственной ему средой было обострение конфликта правительства и земств, наметившееся еще при Столыпине, но ставшее особенно резким и очевидным в 1912—1914 гг. Захватив в 1906—1907 гг. в свои руки управление земствами, право-октябристские помещики быстро обнаружили, что земское хозяйство требует во многом продолжения политики их предшественников, и оказались в непривычной и непредвиденной ими ситуации: они были вынуждены вступать в пререкания с властью на всех ее уровнях из-за нужды в постоянно действующих межземских организациях и из-за необходимости проведения съездов, да еще с участием третьего элемента, без которого земцам были не по плечу выносимые на съезд вопросы. Активизация земств, выходившая за рамки, в которые их вписывало Положение 1890 г., отражала и растущую неудовлетворенность неудачей столыпинского бонапартизма. Но она в свою очередь вызывала усиление недоверия бюрократии к любым формам проявления общественной самостоятельности даже консервативных элементов. МВД считало «в принципе нежелательными» съезды представителей органов самоуправления, каким бы конкретным проблемам они не были посвящены, опасаясь обсуждения на них, хотя бы неофициально, политических вопросов (и было в своих опасениях близко к истине), и признавало недопустимым существование «параллельно с центральными органами правительства» каких-либо постоянных комитетов и бюро межгубернского характера.⁸⁰ МВД также либо вообще запрещало съезды — об улучшении земских финансов (1913 г.), о земском и городском строительстве (1913 г.), либо затягивало их разрешение на долгие годы и обставляло съезды целым рядом ограничений (состава участников, повестки дня, присутствия прессы и т. п.). На положении терпимой, но незаконной оставалась, да и то лишь благодаря заступничеству Кривошеина, созданная черносотенной Полтавской губернской управой областная организация земств ряда губерний для содействия переселению крестьян в Сибирь.⁸¹

⁷⁷ И. Г. Щегловитов — В. Н. Коковцову 9 янв. 1913 г. — Там же, оп. 3, д. 1, л. 93—95.

⁷⁸ Новое время, 1913, 8 мая.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 65, л. 182—184.

⁸⁰ Н. А. Маклаков — Ф. Ф. Трепову 30 марта 1913 г. — Там же, ф. 1288, оп. 5, 1911, д. 145, л. 49—51.

⁸¹ См. переписку ГУЗиЗ с МВД и Главным управлением по делам местного хозяйства 1908—1910 гг.: там же, оп. 2, 1908, д. 67, л. 10—12, 32—33, 38—40, 72—73, 167.

Но нужда в координации чисто практической деятельности все больше ощущалась земствами и заставляла их вставать на путь обхода Положения 1890 г. В течение 1909—1912 гг. роль фактического центра выполняла октябристская Московская губернская управа, выступавшая инициатором почти всех общих начинаний. С 1913 г. отчасти из-за перегруженности москвичей, отчасти в результате соперничества октябристов и националистов в качестве второго центра стал выступать Киев. В связи с предстоявшим 50-летием земств с 1911 г. функционировало также подготавливающее бюро, состоявшее из членов Московской управы и представителей 11 других губерний. Тенденция «к дальнейшему сплочению и организации объединяющихся земств» тревожила Департамент полиции, протестовавший поэтому даже против проведения съезда по сбыту кустарных изделий.⁸² В 1912—1913 гг. многие земства, такие как Полтавское, Саратовское и Самарское, стали настойчиво выступать с требованием расширения сферы компетенции и финансовых прав земств, превращения общеземских съездов в постоянный институт и создания общеземского центра, причем поддерживали такие предложения по структуре этого центра, которые раньше выдвигали кадеты. В апреле 1914 г. в совещании о создании общеземского центра участвовали представители 28 (из 43) губерньских управ.⁸³ Вся кампания по подготовке к празднованию земского юбилея в январе 1914 г. проходила, с одной стороны, при явно оппозиционном тоне выступлений земских собраний, а с другой — в атмосфере неприкрытого недоброжелательства Николая II и МВД.

Значение всей этой ничем не коптившейся «деловой» оппозиции октябристских и правых земств выходило тем не менее далеко за пределы традиционного брюзжания помещичьего дворянства против бюрократического «средостения». Эта оппозиция отражала глубокий кризис системы, при которой власть была неспособна договориться с собственной классовой опорой, а право-октябристское помещичье дворянство в попытках обеспечить элементарное функционирование местного управления и хозяйства оказывалось вынужденным все чаще прибегать к явочным порядкам к тем же способам давления на правительство, какими действовала накануне 1905 г. земско-либеральная оппозиция. Историческая спираль делала еще один виток, и поле для маневрирования царизма делалось все уже.

Отмеченная выше неспособность царизма выработать какую-либо программу внутренней политики усугублялась тем, что внимание правящих кругов все в большей степени сосредоточивалось на подготовке к надвигавшейся мировой войне. После провала попытки прогерманских кругов использовать Потсдамскую встречу 1910 г. для изменения внешнеполитической ориентации России царизм, несмотря на сохранявшиеся противоречия с Англией и Францией, все больше тягивался в антигерманскую коалицию, к чему его толкало и развитие событий на Балканах. Итало-турецкая и балканские войны показали приближение момента, когда столкновение двух империалистических группировок из-за турецкого на-

⁸² Департамент полиции — в Департамент общих дел МВД 13 апр. 1912 г. — Там же, 1911, д. 53, л. 12.

⁸³ Земское дело, 1914, № 9, с. 708—710.

следства станет неизбежным. Еще до того Агадирский кризис подчеркнул остроту противоречий Германии с Англией и Францией из-за дележа колоний, и Германия законом об увеличении вооруженных сил и бюджетом на 1912 г. начала новый виток гонки вооружений. В этой гонке должен был принимать участие и царизм, озабоченный восстановлением армии и флота, разгромленных в русско-японской войне. На осуществление военной программы царизма большое влияние оказывали два обстоятельства: финансовая слабость, вынуждавшая правительство урезать требования Военного министерства, и великодержавные амбиции Николая II и его окружения, отдававших приоритет строительству флота в попытке вмешаться в англо-германское соперничество в качестве третьего радующегося. Хотя за 1907—1913 гг. прямые военные расходы России составили огромную по тому времени сумму в 4.36 млрд. р., значительная часть ассигнований была заморожена в принятых, но невыполненных программах морского строительства, а утвержденный в 1910 г. план развития сухопутных сил был запоздалым и не обеспечивал современного уровня материально-технического обеспечения армии.⁸⁴

Балканская война подстегнула военные приготовления России. В 1913 г. резко возросли по сравнению с 1912 г. расходы на артиллерийское вооружение и т. п. В 1914 г. были приняты программа строительства Черноморского флота и «Большая программа по усилению армии», выполнение которых было сорвано начавшейся мировой войной. С 1912 г. стало более тесным и планомерным военное сотрудничество России и Франции, причем главное внимание на встречах начальников генеральных штабов уделялось ускорению сроков мобилизации русской армии и в связи с этим строительству стратегических железных дорог в западных губерниях, для чего Франция в 1913 г. выразила готовность ежегодно предоставлять России займы в размере 400—500 млн. франков. Соглашение о первом из таких займов было подписано в январе 1914 г.⁸⁵

Военные приготовления России запаздывали по сравнению с усилением готовности к войне Германии. Поэтому и накануне, и во время балканских войн российская дипломатия принимала меры к локализации конфликта, стремилась избежать открытого вмешательства Австро-Венгрии, грозившего началом общеевропейской войны. Но воспоминания об унижительном исходе Боснийского кризиса и угроза потерять влияние на Балканах требовали поддерживать при этом видимость готовности к самым активным действиям. Обсуждение конкретных шагов в ходе этого дипломатического маневрирования вызывало разногласия в правящих кругах. В то время как Коковцов и Сазонов выступали за примирительный курс по отношению к Австрии, другие члены кабинета считали целесообразным занимать воинственную позицию.⁸⁶ Курс Коковцова и Сазонова вызвал бурную кампанию против них в буржуазно-помещичьих кругах. Призывы к войне с Австро-Венгрией были подхвачены не только

националистами и октябристами, но и традиционно прогермански настроенными правыми, видимо не понимавшими, что конфликт с Австрией равносложен войне с Германией. Со стороны правых и националистов кампания против Коковцова и Сазонова приняла характер травли, ставившей целью добиться их отставки,⁸⁷ причем внешнеполитические мотивы этой травли сочетались с внутриполитическими, имевшими, особенно для правых, большее значение.

В кампании против Коковцова переплелись действия группы и лиц, руководствовавшихся различными мотивами. Финансовая политика Коковцова, базирующаяся на поддержании бездефицитного бюджета и неприкосновенности золотого запаса, вела к тому, что он вынужден был постоянно возражать против увеличения расходов на военные нужды, вступая в конфликты с Сухомановым, и на более быстрое развитие производственных сил страны, вызывая недовольство помещичьего дворянства, и буржуазии, и части министров. Рваной, в значительной степени демагогической критике с разных сторон подвергалась всякая монополия — опора российского бюджета. И хотя царю было не под силу изменить курс финансовой политики, дефекты проводимого курса были очевидны и ставились в вину Коковцову. Значительными были политические разногласия внутри правительства, где Коковцов пытался вести политику компромиссов, чтобы не «вызывать каких-либо резкостей или осложнений» перед лицом надвигавшейся войны,⁸⁸ тогда как Саблер, Кассо и Щегловитов, добиваясь общего сдвига вправо, проводили политику столкновения с Думой, а Кривошеин, напротив, пытался продолжать столыпинский курс сотрудничества с право-октябристским большинством.

По крайней мере с конца 1912 г. Кривошеин начал уговаривать Николая назначить на пост премьер-министра Горемыкина,⁸⁹ рассчитывая, судя по дальнейшему, действовать из-за его спины. В своей кампании против Коковцова Кривошеин мог рассчитывать на поддержку националистов, так как те, с одной стороны, выступали против премьер-министра из солидарности со своим партийным единомышленником Рухловым, а с другой — надеялись, что более правый премьер сумеет заново смазать заскрипевший без Столыпина государственный механизм и провести те же реформы, в которых они видели спасение от наступающего краха.

Иными побуждениями руководствовались правые. Для них оглядывавшийся на российскую и европейскую буржуазную премьер-министра был помехой на пути отказа от обещаний 1905 г. в момент, когда настроенные в «сферах» давали правым основания надеяться на осуществление такого отказа. В декабре 1912 г. позиции крайней реакции внутри и вне кабинета были усилены отставкой Макарова и назначением на МВД Н. А. Маклакова. Черниговский губернатор, брат кадетского депутата Думы, особенно подчеркивавший из-за этого свои черносотенные убеждения, Н. А. Маклаков поправился Николаю во время посещения им Чер-

⁸⁴ См. подробнее: Шацко К. Ф. О диспропорции в развитии вооруженных сил России накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). — Исторические записки, 1969, т. 83, с. 123—136.

⁸⁵ Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М., 1961, с. 74, 92—93, 103—112.

⁸⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч., с. 130.

⁸⁷ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1907—1914 гг.). — Исторические записки, 1965, т. 75, с. 61—69.

⁸⁸ Вопросы истории, 1964, № 4, с. 108—109.

⁸⁹ См. планы устных докладов Кривошеина Николаю II 19 нояб. и 3 дек. 1912 г.: ЦГИА СССР, ф. 1574, оп. 1, д. 245, л. 3, 4.

нигова в 1911 г. и это определило его быстрое возвышение. Сразу по приходе в МВД Н. Маклаков показал, в каком направлении он намеревается действовать. В январе 1913 г. он взял из Думы столыпинские вероисповедные проекты,⁹⁰ а в феврале Положение о поселковом управлении,⁹¹ один из важнейших элементов земской реформы. Пресса была широко оповещена, что новый министр собирается уделить главное внимание реформе полиции и новому закону о печати.⁹² Оба проекта достались ему в наследство от Макарова, но в правила о печати Н. Маклаков внес восстановление предварительной цензуры, а полицейский устав, уже внесенный МВД в Думу, был взят Н. Маклаковым отсюда для переработки в духе усиления губернаторской власти.⁹³ В беседе с петербургским корреспондентом «Тан» Н. Маклаков заявил, что не рассчитывает на успех своих проектов в Думе, но сделает все возможное для их проведения в жизнь,⁹⁴ откровенно намекнув, таким образом, на нежелание считаться с мнением Думы.

Февраль 1913 г. вселил в крайне правые круги далеко идущие надежды в связи с празднованием 300-летия царствования дома Романовых. Весь ход торжеств демонстрировал отрицательное отношение Николая II к навязанной ему «конституции». Из написанного Кривошеиным проекта юбилейного манифеста были вычеркнуты слова о единении с «выборными от народа, призванными... к участию в законодательстве».⁹⁵ Николай II упорно не хотел вносить в придворный церемониал изменения, вытекавшие из создания Думы, и допускать ее членов на «высочайшие выходы» наравне с членами Государственного совета. В феврале Коковцову удалось все же убедить Николая II пригласить думцев на выход в Зимнем дворце, но царь специально подчеркнул, что делает это в виде исключения.⁹⁶ И, действительно, в мае во время пребывания в Москве отказал Коковцову в аналогичной просьбе.⁹⁷ Именно в связи с романовскими торжествами Коковцов вспоминал позднее, что «упрощенные взгляды чисто военной среды, всего ближе стоявшей к государю, окружавшей его и развивавшей в нем культ „самодержавности“, понимаемой ею в смысле чистого абсолютизма, забирали все большую и большую силу».⁹⁸ Знаменательным был и устроенный Н. Маклаковым и Саблером прием Николаем в дни романовских торжеств депутации съезда «Союза русского народа».⁹⁹

Атмосфера апофеоза самодержавия и единения царя с черной сотней кружила головы тем из правых, кто продолжал мечтать о возвращении к порядкам, существовавшим до 1905 г. Очевидно, не случайно именно

⁹⁰ Новое время, 1913, 27 янв. Правда, это собирался сделать еще Макаров (ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 54, л. 1—3).

⁹¹ Н. А. Маклаков — М. В. Родзянко 12 февр. 1913 г. — Там же, ф. 1278, оп. 6, д. 34, л. 6.

⁹² Новое время, 1913, 10 янв.

⁹³ Мемуары В. Ф. Джунковского. — ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, д. 53, л. 21—24.

⁹⁴ Новое время, 1913, 5 марта.

⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 82, л. 923—926, 1004—1005.

⁹⁶ П. К. Бенкендорф — В. Н. Коковцову 22 янв. 1913 г. — Там же, л. 267.

⁹⁷ В. Н. Коковцов — В. Б. Фредериксу 17 мая 1913 г.; В. Б. Фредерикс — В. Н. Коковцову 19 мая 1913 г. — Там же, оп. 7, д. 656, л. 19—20, 26.

⁹⁸ Коковцов В. Н. Указ. соч., с. 156.

⁹⁹ Утро России, 1913, 24 февр.; Речь, 1913, 27 февр.

в феврале один из лидеров правых в Государственном совете Кобылинский позволил себе обвинить Думу в законодательной безграмотности и сказать, что «так нинут законы только лавочники».¹⁰⁰ На заседании «Русского собрания» 8 марта был заранее намечен доклад Шечкова «Несостоятельность Государственной думы нынешнего закона», в котором Шечков обвинил IV Думу в том, что она вышла из рамок закона и захватывает в свои руки функции учредительного характера.¹⁰¹ Выступление правых было ускорено отклонением 1 марта в Думе ассигнований на руководимые Восточными курсами по подготовке священников для Сибири. В тот же день Пуринский заявил, что Дума склоняется влево, и потому «нам, русским, такой Государственной думы не надо. Да будет она скорее распухшая, чем скорее — тем лучше».¹⁰² Вслед за тем «Московские ведомости» выступили 7 марта с требованием «сокращения бюджетных прав учреждения, пользующегося ими так произвольно, так недопустимо тенденциозно, а и повестку для заседаний фракции правых 3 марта были поставлены вопросы о необходимости распустить IV Думу, изменить положение о выборах в нее и пересмотреть правила о рассмотрении в ней законов по большинству голосов».¹⁰³ Т. е. о возврате к представлению мнений большинства и меньшинства. Тогда же на съезде объединенного дворянства П. П. Новицкий позволял себе выпад против «беспольной и неработоспособной» Думы, а Пуринский говорил о необходимости поставить правительство перед выбором — «с нами или не с нами».¹⁰⁴

Нажим на Коковцова велся по нескольким линиям. Критике подвергалась его позиция во внешней политике. Кроме того, в запросе по поводу разгона «националистической» манифестации перед австрийским посольством правые выражали возмущение тем, что полиция не отягачивает их манифестацию от дождя. Если, заявляли они, власти будут относиться к правым и левым одинаково, то «нам такой порядок не нужен».¹⁰⁵ В Государственном совете Дурново возобновил свои проповеди о необходимости оберегать консервативные начала, чтобы «набежать... подстрекательства к легкомысленному стремлению сбросить с себя все старое и как можно скорее бежать вперед без оглядки, забыв по дороге все, что было, и не зная, что будет дальше».¹⁰⁶ Как ни нелепо было видеть в политике Коковцова подстрекательство «бежать вперед», Дурново вскоре повторил свои нападки, назвав кургузый проект введения городского самоуправления в Польше «быстрым и малообоснованным скачком в государственной жизни», который принесет «больше вреда, чем пользы».¹⁰⁷

¹⁰⁰ Новое время, 1913, 3 февр.

¹⁰¹ Шечков Г. А. Несостоятельность Государственной думы нынешнего закона. Харьков, 1913, с. 7, 22, 44.

¹⁰² Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. I, стб. 1884.

¹⁰³ Новое время, 1913, 5 марта.

¹⁰⁴ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. С 3 по 9 марта 1913 г. СПб., 1913, с. 18, 41, 137.

¹⁰⁵ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. II, стб. 8.

¹⁰⁶ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. 1912—13 годы. СПб., 1913, стб. 1498.

¹⁰⁷ Там же, стб. 1449.

Новая попытка добиться как минимум отставки премьера, а как максимум роспуска Думы и пересмотра ее статуса была предпринята в мае. В этом был смысл выходки Маркова, заявившего 27 мая в речи по смете Министерства финансов, что Коковцов и его ведомство объединили Думу вокруг призыва «красть нельзя».¹⁰⁸ Конец мая — начало июня были неподходящим моментом для отставки Коковцова. Назревавшая вторая балканская война делала перемены в кабинете, демонстрирующие неустойчивость правительства, нежелательными. Кроме того, предстояли переговоры с Францией о железнодорожном займе. 7 июня в Петербург прибыл старшина парижских биржевых маклеров Вернейль,¹⁰⁹ и менять главу ведомства, осуществлявшего все подготовительные этапы переговоров, было нецелесообразно. Но в долгосрочной перспективе положение Коковцова было ослаблено. По настоянию Коковцова министры в ответ на выходку Маркова перестали появляться в Думе и ее комиссиях, начав так называемую «забастовку министров». Это давало повод изобразить премьера виновником без нужды раздутого столкновения, подрывающего престиж власти, и его противники в кабинете не преминули воспользоваться случаем, намекая, что «забастовка» есть «дело личного каприза председателя Совета».¹¹⁰ Конфликт кабинета и Думы означал для Коковцова уменьшение шансов восстановить сотрудничество с националистско-октябристскими элементами, а для правых — новый аргумент в пользу их утверждений о невозможности совместной работы правительства и представительных учреждений и необходимости дальнейшего ограничения последних.

Но главное значение «забастовки министров» заключалось в другом. С гротесковой резкостью она подчеркнула дальнейшее углубление развала механизма третьеновской системы, подчеркнула, что «„верхи“ не могут управлять Россией по-прежнему, несмотря на то, что все основы устройства и управления России всецело ими определены и в их интересах налажены».¹¹¹

Одновременно все сильнее проявлялось и нежелание «низов» жить по-старому. 1913 г. принес дальнейшее увеличение числа бастовавших рабочих, рост сознательности пролетариата и влияния большевистской партии. Волну выступлений революционного пролетариата открыли забастовки и демонстрации 9 января, в которых участвовало свыше 160 тыс. человек. В годовщину Лейского расстрела бастовало 140 тыс. рабочих, а в первомайских забастовках, прошедших во многих городах страны, приняло участие 420 тыс. человек, из них в Петербурге около 250 тыс. Именно в связи с первомайскими выступлениями 1913 г. В. И. Ленин констатировал наличие в стране «революционного состояния», «политического кризиса общенационального масштаба», касающегося «основ государственного устройства», и сформулировал общие признаки революционной ситуации.¹¹² Летом и осенью стачечное движение

продолжалось, вовлекая новые отряды трудящихся. Наряду с политическими забастовками (против суда над балтийскими матросами, против гонений на рабочую печать и т. п.) большой размах приняла экономическая борьба. В сентябре — октябре резкий протест всех демократических сил страны вызвал сфабрикованный черносотенцами процесс Бейлиса.

Обострение политического кризиса побуждало либералов и октябристов снова и снова напоминать парламенту о невыполненных обещаниях реформ. В середине августа на Нижегородской ярмарке председатель ярмарочного комитета и палатный депутат Думы А. С. Салазкин в присутствии Коковцова заявил о «жизненно необходимой» осуществлении политических свобод, провозглашенных в манифесте 17 октября. Речь Салазкина была предварительно согласована в частном совещании представителей нунечества.¹¹³ Напоминая в связи с этой речью об аналогичных заявлениях Рабушинского и Коновалова, «Утро России» подчеркивало 18 августа, что когда Москва и Н. Новгород «говорят в один тон и одним и тем же голосом, то... что уже голос России и на всю Россию». Октябристы, естественно, не могли допустить, чтобы либералы выиграли соперничество за право считаться голосом нещовой России, и должны были найти случай для не менее громкого заявления. Такой случай представился 20 сентября на всероссийском съезде по улучшению городских финансов в Киеве, где Гучков зачитал резолюцию, в которой говорилось, что «дальнейшее промедление в осуществлении необходимых реформ и уклонение от начал, возведенных манифестом 17 октября, грозит стране тяжкими потрясениями и гибельными последствиями».¹¹⁴ Заявления Салазкина и Гучкова, как и аналогичные выступления прессы, еще и еще раз демонстрировали, что как бы ни сильна была тревога имущих верхов в связи с нарастающим развалом третьеновской системы, они по-прежнему верили в возможность остановить этот развал с помощью тех или иных реформ, тех или иных политических комбинаций внутри буржуазно-помещичьего лагеря. Страх перед революцией был психологической питательной средой, на которой вопреки очевидным реальностям предвоенной России упорно выращивались «конституционные иллюзии» и «парламентский кретинизм».

Попытки думского большинства, которое восстановило бы отношения с кабинетом и тем сдвинуло с места буксовавшую государственную машину, начавшись летом 1913 г. с переговоров лидеров октябристской фракции с Коковцовым о возрождении октябристско-националистского блока и ускорении земской реформы. Предыдущий созыв блока был отказ националистов от антикоковцевской линии, к чему постепенно склонялись сторонники Савенко, составлявшие большинство фракции. Активную агитацию за образование блока вел ближайший к националистам член Государственного совета гр. Д. А. Олсуфьев, предлагавший в качестве основы соглашения проекты земских реформ в укороченном виде — без перестройки волостного земства,¹¹⁵ т. е. без ослабления позиций помещного дворянства. Переговоры о соглашении фракций должны были состояться в Киеве в начале сентября во время открытия памятника

¹⁰⁸ Гос. дума. 4-й соз. Сес. I, ч. III, стб. 66.

¹⁰⁹ Афанасьев Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 271.

¹¹⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч., с. 167.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 329.

¹¹² Там же, с. 299—300.

¹¹³ Речь, 1913, 26 авг.

¹¹⁴ Там же, 21 сент.

¹¹⁵ Киевская мысль, 1913, 3 сент.

Столыпину. Предварительные контакты между националистами и правым крылом октябристов имели место еще в июле, хотя лидер фракции Антонов и опровергал сообщения об этом.¹¹⁶ Однако в обстановке растущей оппозиционности цензовых элементов идея долгосрочного блока с националистами не встретила поддержки ядра ЦК «Союза 17 октября». В свою очередь националисты предпочитали не включать в блок левых октябристов,¹¹⁷ а Балашов вообще придавал киевской встрече «частный» характер.¹¹⁸ В итоге Гучков совсем не принял участия в совещаниях, а Антонов был вынужден сослаться на отсутствие полномочий от фракции.¹¹⁹ Неудача октябристско-националистского сближения определила и поведение Коковцова, заявившего Родзянко, что кабинет продолжит бойкот Думы и во вторую сессию.¹²⁰

Сразу после провала киевских совещаний левые октябристы и правые кадеты начали зондировать почву для образования «прогрессивного блока». Эта идея тут же была подхвачена «Утром России», увидевшим было в ней шанс для осуществления давней прогрессистской мечты создать сильную «национал-либеральную» партию. В вопросе о целях блока кадеты, прогрессисты и октябристы были далеки от единства. Милюковское руководство и официальная кадетская печать вообще выражала сомнения по поводу достижимости и желательности соглашения. Наиболее яркими его сторонниками были правые кадеты во главе с В. Маклаковым и прогрессисты. Последние имели при этом в виду провести кадетско-октябристским большинством ряд правительственных законопроектов (очевидно, с либеральными поправками) — о земской и городской реформе, о реформе Сената, об усилении ответственности должностных лиц — поставив кабинет Коковцова перед выбором: пойти навстречу образовавшемуся большинству, т. е. проявить настойчивость при проведении этих законопроектов через Государственный совет, или распустить Думу.¹²¹ По существу это означало, что прогрессисты не потеряли еще надежды торговаться с Коковцовым.

Гучков и левые октябристы говорили о готовности ради «прогрессивного блока» расстаться с правым крылом собственной партии.¹²² Но октябристы не считали достижимой общую с кадетами позитивную программу, особенно из-за расхождений в национальном вопросе.¹²³ Поэтому Гучков предлагал сосредоточиться на совместной «отрицательной» работе,¹²⁴ под которой подразумевались оппозиционные выступления в Думе. Практически, однако, сотрудничество с Коковцовым вовсе не исключалось. Центр фракции откровенно говорил о необходимости поддерживать «умеренного консерватора» Коковцова против «государственных шалостей современных государственных младенцев» (т. е. Н. Макла-

кова). Левые октябристы и Гучков заявляли, что надо выступать против правительства в целом, не вдаваясь «в изыскания, в каких между собой отношениях находятся господа министры», но при этом подразумевали, что такие выступления могут побудить премьера либо преодолеть враждебные ему течения, либо уступить место более сильному деятелю.¹²⁵ В первом случае октябристы вновь предложили бы Коковцову свои услуги.

Поиски пути и «прогрессивному блоку» затруднились тем, что большинство октябристов по-прежнему тяготело к правому и это тяготение подогревалось националистами на грунты Савенко, на протяжении сентября—октября распространявшими слухи о своей готовности порвать с балашовцами, если октябристы ринутся на восстановление октябристско-националистского блока. Со своей стороны Милюков требовал «проверки конституционности» октябристов, предсказывая, что фракция «Союза 17 октября» не пойдет за Гучковым даже в «отрицательной работе».¹²⁶ Прогрессистам пришлось поэтому вести переговоры с октябристами и кадетами порознь. В Москве в начале октября правому крылу кадетов и прогрессистов удалось одержать верх над Милюковым и Некрасовым и вступить на попытку сближения с октябристами,¹²⁷ условия которого затем обсуждались на «частном совещании» прогрессистов и октябристов.¹²⁸ Но к этому времени ЦК «Союза 17 октября» высказался против любых постоянных блоков,¹²⁹ стремясь сохранить для своей фракции положение качающегося маятника.

Органическая неспособность октябристов к сколько-нибудь длительному союзу с либеральной оппозицией была в ноябре—декабре еще раз продемонстрирована с полной очевидностью. 7—10 ноября состоялась конференция «Союза 17 октября». В докладе Гучкова и в резолюции конференции основным было беспокойство в связи с нарастающей опасностью революции. При этом Гучков, как уже отмечалось, видел главный источник этой опасности в действиях самих верхов, разорвавших своим реакционным курсом «молчаливый договор» о лояльности «между исторической властью и русским обществом», и советовал, что октябристам приходится «отстаивать... авторитет правительственной власти против носителей этой власти».¹³⁰ Соответственно и в решении конференции говорилось лишь о борьбе за изменение правительственного курса путем давления в Думе с использованием запросов, отклонения законопроектов и отказа в кредитах.¹³¹ Тем не менее большинство фракции, уклонявшееся от открытых возражений на конференции, выступило против «нового курса» Гучкова. Сразу после конференции бюро фракции подтвердило отказ от идеи составить общий с либералами список законопроектов и кредитов, подлежащих принятию или отклонению,¹³² а 29 ноября, едва

¹¹⁶ Голос Москвы, 1913, 28 июля.

¹¹⁷ Утро России, 1913, 3 сент.

¹¹⁸ Голос Москвы, 1913, 6 сент.

¹¹⁹ Утро России, 1913, 5 сент.

¹²⁰ Речь, 1913, 11 сент.

¹²¹ Информационная записка Л. К. Кумапина 18 окт. 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, л. 10, л. 121.

¹²² Голос Москвы, 1913, 6 сент.

¹²³ Речь, 1913, 3 и 13 окт.

¹²⁴ Голос Москвы, 1913, 1 окт.

¹²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, л. 40, л. 297—298.

¹²⁶ Речь, 1913, 28 сент.

¹²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, л. 10, л. 95.

¹²⁸ Голос Москвы, 1913, 15 и 18 окт.

¹²⁹ Речь, 1913, 14 окт.

¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, л. 113, л. 195—213.

¹³¹ Резолюции, принятые совещанием Союза 17 октября в заседаниях 7-го, 8-го, 9-го и 10-го ноября 1913 г. в г. С.-Петербурге. СПб., 1913, с. 3—7.

¹³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, л. 10, л. 28—33.

лишь закончились выборы президиума Думы, на которых оппозиция поддержала октябристов, большинство фракции приняло резолюцию, сохранявшую за ней определение тактики «в каждом данном случае»,¹³³ т. е. по существу отклонявшую решения конференции. Немедленно после этого левые октябристы заявили о выходе из фракции.

Рост противоречий внутри всех буржуазных и помещичьих фракций, находившихся на грани раскола, был одним из проявлений общего кризиса системы двух большинств. Среди других причин все сильнее сказывались и социальные различия в составе фракций. Приставленный для наблюдения за Думой чиновник особых поручений Куманин отмечал, что у националистов правое крыло «представляет по-преимуществу интересы крупного землевладения», а левое — «средних городских классов», а кадеты и прогрессисты «преисполнены раздора между входящими в их состав представителями безумущественной демократии и представителями городской буржуазии».¹³⁴ У кадетов и октябристов большинство депутатов противились официальному партийному курсу, считая его слишком левым. У националистов, напротив, усиливалось «левое» крыло, видевшее спасение от угрозы революции в кудрых реформах, а не в прямолинейной реакции. Основным вопросом, раскалывавшим правых, было отношение к перспективе роспуска Думы. Лидеры правых (как и Балашов у националистов) готовы были идти на него в надежде на еще большее вмешательство администрации в их пользу. Но значительная часть фракции боялась поражения на новых выборах, а крестьяне и священники просто не хотели терять депутатское жалование. Поэтому как только 1 ноября кончилась «министерская забастовка» (см. ниже) среди депутатов право-октябристского крыла усилилась тяга к восстановлению сотрудничества между собой и с правительством. На волне этих настроений Савенко и его сторонники вопреки сопротивлению Балашова провели у националистов решение о совместных действиях с октябристами, а октябрист Лелюхин тайно склотил в своей фракции группу, противившуюся переходу в оппозицию. Большую заинтересованность в восстановлении право-октябристского блока проявлял Коковцов, на квартире которого 1 декабря совещание с участием Волконского, В. Бобринского, Савенко, Демченко и Лелюхина решило воспользоваться уходом левых октябристов и разогласиями у правых для создания правительственного большинства.¹³⁵

Реальным результатом интриги остался только раскол октябристов. Во фракцию левых октябристов выделилось 22 депутата, 65 объединились вокруг Родзянко под именем «земцев-октябристов», а правые остались вне фракций.¹³⁶ Но даже раскол октябристы не сумели довести до логического конца, и ЦК «Союза» решил считать по-прежнему принадлежащими к партии членов всех трех групп.¹³⁷ В этом проявилось и стремление не утратить связь с социальными группами, стоявшими за обоими

флангами октябризма, и, прежде всего, принципиальное родство политической позиции всех октябристских фракций, разногласия между которыми сохраняли в общем тактический характер. Унаследовав от старой фракции ее внутреннюю противоречивость, земцы-октябристы не были готовы войти в «правительственное большинство», сама идея создания которого, впрочем, все больше теряла смысл в связи с назревавшим падением Коковцова.

Летом 1913 г., как отмечалось, отставка Коковцова была неудобна для правящих кругов по внешнеполитическим соображениям. Премьер предложил условия, чтобы воспользоваться этим для укрепления своих позиций и внутри страны, апеллируя к умеренным имущим кругам. В этом был смысл и его попытки восстановить отношения с думским большинством и ряда «либеральных кругов», сделанных в июне—июле, когда Коковцов поддерживал депутаты депутатов о срочной необходимости земской реформы¹³⁸ и допустил предание огласке замечаний его ведомств на проект нового гражданского уложения, в которых содержались рассуждения о вреде сословности и административной опеки.¹³⁹ Он поиробовал нанести удар прямо по Н. Маклакову при обсуждении в Совете министров проекта закона о печати, благо тот из-за напавшей прямолинейности встретил возражения даже единомышленников ретивого министра внутренних дел.¹⁴⁰ Но хотя либеральные газеты затормозились с предсказаниями скорого ухода Н. Маклакова, сам Коковцов в откровенном разговоре с Б. В. Никольским жаловался, что «чувствует себя одиноким... а со стороны коллег ловит жадные взгляды нетерпеливых... последников».¹⁴¹

Действительно, в противовес Коковцову, Н. Маклаков демонстрировал желание идти на малейшие реформы. Он заявил, что считает несвоевременным понижение земских и городских избирательных цензов и ослабление административного вмешательства в дела самоуправления и не собирается создавать волостное земство, планируя вместо этого придать функции базовой единицы управления приходу¹⁴² и на нем же построить систему выборов в общегородское представительство.¹⁴³ Это было открытым вызовом октябристам и националистам, делавшим земскую реформу (хотя и в укороченном по сравнению со столыпинскими планами варианте) своим главным лозунгом. МВД подготовило также проект изменения закона о выборах земств, повысив избирательный ценз до уровня,

¹³⁸ Новое время, 1913, 16 июня.

¹³⁹ Там же, 26 июня.

¹⁴⁰ Проект Н. Маклакова восстанавливал предварительную цензуру, вводил просмотр отчетов о заседаниях «правительственных учреждений» их председателями для обеспечения достоверности (т. е. фактически пресекая печатание неофициальной информации о деятельности органов власти), создавал институт ответственных издателей, от которых среди прочего требовалось обязательно жить в месте выхода в свет издаваемого органа не менее шести месяцев в году (стесненными в свободе передвижения и угрозой личной уголовной ответственности Н. Маклаков надеялся отвести крупных капиталистов от финансирования оппозиционной печати). — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 6, л. 13—35.

¹⁴¹ Дневник Б. В. Никольского. 13 июня 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 294.

¹⁴² Речь, 1913, 24 авг. и 12 сент.

¹⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 10, л. 114.

¹³³ Там же, л. 231.

¹³⁴ Там же, оп. 10, д. 1217, л. 6—7.

¹³⁵ Там же, оп. 8, д. 10, л. 234, 237, 333—368.

¹³⁶ Дарев А. Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе. — История СССР, 1978, № 4, с. 124.

¹³⁷ Журнал заседания ЦК Союза 17 октября 8 дек. 1913 г. — ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 83.

существовавшего во внутренних губерниях, и особо выделив в составе русской курии полноценных избирателей, т. е. убрав из закона все то, что было внесено в него из столыпинских проектов общей земской реформы.¹⁴⁴

Осенью 1913 г. реакция уже не ограничивалась разговорами об изменении Основных законов, но начала предпринимать конкретные шаги в этом направлении. В качестве пробного шара Саблер в сентябре провел через Совет министров инструкцию о порядке применения ст. 65 Основных законов, сужавшую реальные права Думы в церковных вопросах.¹⁴⁵

Вдохновленный успехом своего единомышленника Н. Маклаков решил сделать следующий шаг. В связи с ростом забастовочного движения МВД подготовило проект создания «примирительных камер» из чинов министерств, которые могли бы вмешиваться в конфликты без просьбы одной из сторон, и восстановления уголовной наказуемости участия в забастовках.¹⁴⁶ В то же время, ссылаясь на подъем революционных настроений масс и усиление оппозиционности Думы, Н. Маклаков 15 октября предложил Совету министров испросить у царя указы об объявлении столицы на чрезвычайном положении и о роспуске Думы.¹⁴⁷ Накануне он отправил Николаю II в Ливадию письмо с просьбой дать согласие на эти меры, причем на первый план выдвигал роспуск Думы, называя его «едва ли отвратимой» развязкой. «Подробности дальнейших мероприятий» Н. Маклаков собирался доложить царю лично.

Николай был явно обрадован действиями министра внутренних дел. 18 октября он полностью одобрил предложенные меры и сам указал в качестве «дальнейших мероприятий» немедленное обсуждение в кабинете изменения Учреждения Думы с тем, чтобы впредь на царское усмотрение представлялось мнение ее большинства и меньшинства.¹⁴⁸ Речь шла, таким образом, о превращении Думы в законосовещательную. 23 октября, получив журнал Совета министров, Николай выразил желание, чтобы созыв новой Думы был «значительно отдален», и подписал указ о роспуске IV Думы без указания срока созыва следующей,¹⁴⁹ что противоречило Основным законам. Однако Н. Маклаков не осмелился поставить вопрос о новом государственном перевороте на обсуждение своих коллег, предвидя их несогласие. Уже 24 октября большинство Совета министров высказалось против выступления Н. Маклакова в Думе, которое по его замыслу должно было спровоцировать резкую реакцию депутатов и дать повод для их роспуска.¹⁵⁰ Прямой конфликт с буржуазно-помещичьим общественным мнением все же казался высшей бюрократии слишком опасным. К тому же Коковцов, который вел в Париже переговоры о займе, срочно сообщил в Петербург, что разгон Думы отрица-

тельно скажется на позиции французской стороны.¹⁵¹ Но, отказавшись от мысли о государственном перевороте в октябре, Н. Маклаков не считал вопрос исчерпанным вообще и написал Николаю, что «некоторое промедление в этом деле было бы простительно».¹⁵²

Потерпев неудачу в роспуске Думы, Н. Маклаков решил обойти Коковцова сразу с двух сторон. Получив согласие Николая, он с помощью Щегловитова побудил Маринова принести формальные извинения за его майскую выходку.¹⁵³ Тем самым было покончено с «забастовкой министров», и Коковцов был выставлен единственным виновником затяжного и ненужного конфликта с правым крылом Думы. Инициатива Н. Маклакова была воспринята как расчистка пути для нового главы правительства — его самого или Дурнова.¹⁵⁴ Одновременно Н. Маклаков стремился восстановить в глазах царя свою репутацию решительного человека и защитника «самодержавной мощи русских императоров».¹⁵⁵ С этой целью он предложил разругать табуиранный около года спор о московском городском голове. Спор возник после того, как МВД отказалось утвердить в этой должности ин. Г. Е. Львова, избранного московской Думой, а та в ответ стала предлагать кандидатов, близких к кадетской партии и, стало быть, неприемлемых для правительства. Н. Маклаков стал одновременно показывать «нашим жирондистам, что несли их счета»,¹⁵⁶ и назначить московского городского голову властью МВД, предложив на эту роль Б. В. Штюрмера, который «уже приводил однажды в порядок... губернское тверское земство в качестве назначенного председателя».¹⁵⁷ Предварительно эта мера была обсуждена Н. Маклаковым с царем в Ливадии 2 ноября.¹⁵⁸ Не желая снова нарваться на сопротивление Коковцова, вернувшегося из Парижа, и других коллег, Н. Маклаков не информировал их о своих действиях. Но на этот раз Николай II не решился игнорировать Совет министров и передал доклад Н. Маклакова Коковцову. В кабинете министр внутренних дел вновь остался в одиночестве, поскольку все остальные считали опасным бросить вызов Москве называвшему ей городского голову, да еще такого известного реакционером, как Штюрмер. Кроме того, Совет министров выговорил Н. Маклакову за то, что он действовал в обход коллег.¹⁵⁹

Но если в столкновениях с Н. Маклаковым Коковцову удавалось одерживать верх, то интрига, в центре которой стоял Кривошеин, в конечном итоге оказалась для премьера роковой.

¹⁵¹ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 42.

¹⁵² Падение царского режима, т. 5, с. 199.

¹⁵³ Новое время, 1913, 2 нояб.; Голос Москвы, 1913, 2 нояб.

¹⁵⁴ Голос Москвы, 1913, 3 нояб.; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 10, л. 18—19.

¹⁵⁵ Н. А. Маклаков — Е. В. Богдановичу 8 дек. 1913 г. — ЦГИА СССР, ф. 1620, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Всепод. докл. Н. А. Маклакова 8 нояб. 1913 г. — Там же, ф. 1276, оп. 9, д. 69, л. 3—4.

¹⁵⁸ Камер-фурьерский журнал Николая II. — Там же, ф. 516, оп. 2, д. 303, л. 289.

¹⁵⁹ Особый журнал Совета министров 27 нояб. 1913 г. — Там же, ф. 1276, оп. 20, д. 68, л. 160—165; Записи прений в Совете министров 27 нояб. 1913 г. — Там же, оп. 9, д. 69, л. 25—27.

¹⁴⁴ Представление МВД в Гос. думу 14 окт. 1913 г. — Там же, ф. 1288, оп. 2, 1911, д. 9, л. 170—179.

¹⁴⁵ Там же, ф. 1276, оп. 20, д. 67, л. 46—54.

¹⁴⁶ Особый журнал Совета министров 24 окт. 1913 г. — Там же, д. 68, л. 62—63.

¹⁴⁷ Там же, л. 48—50.

¹⁴⁸ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 5, с. 194—196.

¹⁴⁹ Указ о роспуске Думы (без даты подписания). — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 68, л. 51.

¹⁵⁰ Падение царского режима, т. 5, с. 198.

В мотивах интриги Кривошеина не просто отделить его действительные цели от демагогического прикрытия, связанного с тем, что рассчитывать на успех у Николая II и его окружения можно было только в союзе с крайними правыми и, в частности, с Мещерским. Его конфликт с Коковцовым из-за аграрного кредита (см. гл. 4) приобрел к лету 1913 г. особую остроту. Он также выступал за более активное вмешательство казны в экономическое развитие страны. В общеполитических вопросах Кривошеин довольно быстро эволюционировал от враждебного отношения к представительному строю вообще к прагматической готовности сотрудничать с третьепонской Думой и право-октябристскими земствами, тем более, что они в свою очередь готовы были содействовать осуществлению столыпинско-кривошеинской аграрной реформы. Опыт работы в этой области содействовал выработке у Кривошеина «принципиальных соображений о желательности создать благоприятные условия для совместной деятельности правительства и общественных сил»,¹⁶⁰ разумеется, в рамках, определяемых правительством, — Кривошеин не раз был в Совете министров инициатором шагов, направленных на пресечение любого распристольного истолкования буквы Учреждения Думы. Но все же в отношении к Думе существовало явное различие между Кривошеиным и правыми типами Дурново и Н. Маклакова. А поскольку симпатии Николая II склонялись к последним, Кривошеин, чтобы не быть изображенным в глазах царя наряду с «левыми», тщательно сохранял старые дружеские связи в правом лагере и, как уже отмечалось, выдвигал на пост премьера «безусловно правого» Горемыкина.

Тем не менее открытую атаку на Коковцова Кривошеин считал целесообразным начать именно с демонстрации «благожелательности» к обществу. 7-июля 1913 г. при открытии сельскохозяйственной выставки в Киеве он произнес речь о сотрудничестве своего ведомства с земствами, закончив ее призывом преодолеть разделение «на пагубное „мы и они“, разумеется под этим правительство и общество».¹⁶¹ В разгар «министерской забастовки» это, естественно, было воспринято как выпад против Коковцова. Оценивая значение речи, следует, однако, учитывать, что призыв к сотрудничеству был обращен в первую очередь к земствам с их право-октябристским большинством.

Одновременно Кривошеин инспирирует и передает в «сферы» записку, составленную в августе Д. Б. Нейдгартом, возможно при участии А. Н. Хвостова и одного из идеологов объединенного дворянства Н. А. Павлова. В записке утверждалось, что после 1905 г. был принят ошибочный курс на политические реформы, не интересующие основную массу населения страны, тогда как «единение власти с народом» возможно на основе «активных консервативно народных и национально русских» реформ, связанных с подъемом уровня обедневших масс, ради чего надо отказаться от преимущественной заботы об увеличении золотой наличности.¹⁶² Судя по причастности к записке Хвостова и Павлова,

имелись в виду меры по ограничению иностранных капиталов и евреев в акционерных предприятиях и вытеснение евреев из хлебной торговли (главный смысл лозунга «национализации кредита»). Записка вписывалась в рамки кривошеинского экономического курса и в то же время представляла собой попытку возвращения к «попечительной» политике по отношению к крестьянству, но уже на базе столыпинской аграрной реформы.

Несмотря на увещанный нажим со всех сторон (а, может быть, вследствие такого нажима), Николай II не спешил с увольнением Коковцова и потому, что переговоры о железнодорожном займе продолжались, и потому, что речь шла в известной мере и о выборе определенного курса дальнейшей политики. 11 сентября он раздраженно ответил на очередное напоминание Мещерского, что «всегда занят» решением участи премьера, но не может «давать своего рода обязательство» на этот счет.¹⁶³

Между тем позиции Коковцова все ухудшались. 27 ноября Государственный совет проводил законопроект о городских самоуправлениях в Царстве Польском, хотя Коковцов лично выступал в его поддержку. Само по себе голосование не было специально направлено против премьера — правые в Государственном совете были принципиальными противниками проекта. Но неспособность Коковцова настоять на принятии правительственного предложения оборачивалась против него. Вслед за тем была устроена настоящая травля Коковцова в ходе начатого Государственным советом 10 января 1914 г. обсуждения законопроекта о борьбе с пьянством, вину за распространение которого стали возлагать на финансовое ведомство и его главу. По описанию председателя специальной комиссии Государственного совета по выработке этого закона Зинovieва, члены верхней палаты, «было и неохотно» занимавшиеся проектом, «впозапно обзавели и, толкая друг друга, спотыкались, все ползая на удочку» устроителей интриги, которых он перечислил в следующем порядке: «Главная дружина — больной? (смертника не верит) Кривошеин, рычаг — Мещерский, добровольный поддужный — Витте, ширма — Горемыкин, а пенка — Барк. Случайное место действия — питейный вопрос».¹⁶⁴ 17 января было подписано соглашение Министерства финансов с французским банковским синдикатом о размещении железнодорожного займа¹⁶⁵ и в тот же день подавляющее большинство Государственного совета выступило против Коковцова при голосовании одной из ключевых статей законопроекта о борьбе с пьянством.¹⁶⁶ Но и после этого Кривошеин специальным письмом настойчиво просил Николая не оказывать давления на Государственный совет, подчеркивая, что поддержка почти добитого премьера была бы «крупной политической и моральной ошибкой».¹⁶⁷

¹⁶³ Николай II — В. П. Мещерскому 8 сент. 1913 г. — Oxford Slavonic Papers, 1962, vol. X, p. 141.

¹⁶⁴ А. Д. Зинovieв — А. А. Гирсу 11 янв. 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 892, оп. 1, д. 61, л. 8—8а.

¹⁶⁵ Анапич Б. В. Указ. соч., с. 284.

¹⁶⁶ Гос. совет. Сес. IX, стб. 563.

¹⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 1574, оп. 1, д. 245, л. 92.

¹⁶⁰ А. В. Кривошеин — С. Н. Гербелью 12 окт. 1910 г. — Там же, ф. 1288, оп. 2, 1908, д. 67, л. 72—73.

¹⁶¹ Новое время, 1913, 14 июля.

¹⁶² Русское слово, 1913, 10 и 19 сент.; Голос Москвы, 1913, 19 и 29 сент.; Гражданин, 1913, № 37, 22 сент., с. 4.

Состоявшаяся, наконец, 30 января 1914 г. отставка Коковцова и назначение Горемыкина председателем Совета министров и Барка министром финансов были не просто сменой лиц, а попыткой некоторого изменения правительственного курса. При этом группировки, приложившие руку к происшедшим переменам, сходились лишь в части своих планов на будущее, главным образом в области экономической политики. В рескрипте на имя Барка, как отмечалось в гл. 4, провозглашалась необходимость «коренных преобразований» в «заведовании государственными финансами и экономическими задачами страны»: постепенного сокращения питейных доходов, организации «правильно поставленного и доступного кредита» для «народного труда» (т. е. в первую очередь для сельского хозяйства) и усиления государственного вмешательства в экономику.¹⁶⁸ В последнем случае имелись в виду прежде всего меры по ограничению акционерного землевладения, усиление борьбы против промышленных синдикатов и разработка программы, предусматривавшей увеличение удельного веса казенных дорог в железнодорожной сети страны. Наибольшее внимание в экономической программе кабинета уделялось сельскому хозяйству: предполагалось создание Сельскохозяйственного банка для кредитования хлебной торговли и развитие сети мелких кредитных учреждений, образование при МТП Элеваторного комитета для координации строительства зернохранилищ¹⁶⁹ и развертывание мелиоративных работ на казенных и кабинетских землях с последующей продажей их представителям всех сословий.

Кривошеинская экономическая программа преследовала три цели: решить объективно назревшие народнохозяйственные проблемы, вызванные отставанием сельского хозяйства, удовлетворить требования помещичьего дворянства о его поддержке и заручиться опорой в «крепком крестьянстве». Последняя из этих целей приобретала особое значение в обстановке общенационального кризиса и была рассчитана на поддержание монархических иллюзий крестьян. С попыткой в большей мере заручиться поддержкой крестьянской верхушки был связан и подготовленный МВД проект принятия на счет казны расходов на содержание волостных старшин и писарей. Как полагало МВД, «принятием означенной меры ликвидируется почва проявления ропота и недовольства в крестьянской среде», вызванного провалом волостной реформы, причем особые надежды возлагались на то, что предусмотренная проектом податка (13,5 млн. р. в год) будет исходить не от Думы, а непосредственно от «самодержавного хозяина земли русской».¹⁷⁰

Мотивировка проекта МВД лишней раз подчеркивала несходство целей участников «свержения» Коковцова. Для правых его отставка была лишь началом чистки государственного аппарата от всех негодных им элементов и создания «сильной и подчас суровой государственной власти»,¹⁷¹ причем в число признаков сильной власти включалась и готовность не считаться с Думой. Между тем Кривошеин стремился как

раз к сотрудничеству с буржуазно-помещичьим большинством Думы и сумел на время убедить в целесообразности такого курса не только Горемыкина, который, по удачной формулировке Барка, был в феврале «преисполнен желания вынужденного сближения»,¹⁷² но и царя, который на первом заседании нового кабинета под своим председательством 10 февраля рекомендовал министрам «больше не ссориться и не травить и не дразнить Думу».¹⁷³ В середине февраля Горемыкин через земцев-октябристов Sondировал возможность встречи кабинета с представителями различных фракций, включая умеренную оппозицию.¹⁷⁴ 1 марта в кабинете Родзянко состоялся переговоры министров с лидерами фракций не менее надежды. «Магомет пошел к горе! В час добрый!» — комментировал эти переговоры единомысливший Кривошеин Игнатъев.¹⁷⁵

Реальная готовность правительства «идти к горе» была, однако, невелика. На встрече 1 марта министры стремились заручиться поддержкой новых военных ассигнований, но отказались обсуждать вопросы внутренней политики.¹⁷⁶ Показательна была и напущенная передовой статей «России» 8 февраля в разгар демонстрации «благожелательности» к Думе. В написанной Сыромятниковым, возможно, по прямому указанию Горемыкина,¹⁷⁷ статье за Думой признавалось обладание «одной третью законодательной власти» (наравне с Государственным советом и короной), но подчеркивалось, что значение Думы в государственном строе страны и отношение к ней правительства зависят от ее доброй воли и «готовности жертвовать на пользу родины не только личными самолюбиями, но и отдельными интересами». Иными словами, Думе по-прежнему предлагалось сотрудничество на условиях ее отказа от оппозиции правительству.

Но даже такая «благожелательность» вызывала недовольство крайне правых. Уже в начале февраля Мецкерский в интервью «Русскому слову», «Землицца» и «Колокола» выступили с новыми призывами к пересмотру статуса Думы. Крайне правое крыло кабинета, противившееся попыткам Коковцова сговориться с националистско-октябристским блоком в Думе, продолжало мешать и аналогичным планам Горемыкина. В речи, которую даже более чем умеренный Мусин-Пушкин назвал «чисто хулиганской по тону»,¹⁷⁸ Щегловитов заявил 18 февраля, что депутаты Думы «не призваны обсуждать деятельность власти и лиц, стоящих у власти», а если они встанут на этот путь, то «законодательная деятельность прекратится», поскольку Дума своей критикой правительства спровоцирует революцию.¹⁷⁹ Одновременно в Государственном совете правые выступили против правительственного законопроекта о найме торговых служащих.

¹⁷² П. Н. Барк — А. В. Кривошеину 8 февр. 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 252, л. 4—2.

¹⁷³ В. В. Мусин-Пушкин — И. И. Воронцову-Дашкову 18—19 февр. 1914 г. — Красный архив, 1933, № 6, с. 133.

¹⁷⁴ Речь, 1914, 20 февр.

¹⁷⁵ П. Н. Игнатъев — А. В. Кривошеину 1 марта 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 18.

¹⁷⁶ Речь, 1914, 2 марта.

¹⁷⁷ Дым Отечества, 1914, № 8, 20 февр., с. 13; Голос Москвы, 1914, 19 апр.

¹⁷⁸ Красный архив, 1933, № 6, с. 133.

¹⁷⁹ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. II, стб. 840.

¹⁶⁸ Речь, 1914, 31 янв.

¹⁶⁹ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. III, стб. 815—816, 824—825.

¹⁷⁰ Н. А. Махлаков — И. Л. Горемыкину 27 февр. 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 28, л. 19—21.

¹⁷¹ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. II, стб. 351.

Проект не устраивал помещичью реакцию по существу, ибо был частью ненавистного ей социального законодательства. Но Дурново вновь воспользовался случаем и для нападок на «стремление инициаторов этого законопроекта в самое короткое время составить как можно больше либеральных проектов», ведущих «очень далеко от русской государственности». ¹⁸⁰ Государственный совет без перехода к постановке к обсуждению отверг закон, несмотря на выступления Тимашева в его защиту.

Позиции сторонников жесткого курса укрепились. Пресса отмечала, «что никогда еще влияние Григория Распутина и кн. Менцера не было так сильно, как в настоящее время», ¹⁸¹ к высказываниям Менцера «все петербургские политические, общественные и литературно-журналистские круги» «прислушиваются с большой внимательностью», и «Гражданин» раскупается без остатка в день выхода. ¹⁸² Влияние крайне правых, совпадавшее с настроениями самого Николая, нашло свое отражение в рескрипте на имя Горемыкина от 6 марта. Внешне рескрипт продолжал линию «благожелательных» жестов и говорил о необходимости «взаимного доверия» правительства и законодательных учреждений. При этом, однако, подчеркивалось, что «круг ведомства» последних «строго очерчен в законе» (это было ответом на попытки Думы путем прецедентов несколько расширить рамки, в которых она действовала). Николай собственноручно вычеркнул из проекта рескрипта упоминания о возможном «расширении свободы», ¹⁸³ и в опубликованном тексте упор был сделан на требование, «чтобы великий образ русского государства не приносился в жертву беспочвенным стремлениям, ... чуждым тем народным заветам и историческим устоям, которыми росла и крепла Россия». ¹⁸⁴ Корректность выражений прикрывала вполне определенную линию — соблюдение буквы устаревших законов восстановить позиции исполнительной власти без формальной ликвидации законодательных учреждений, но при фактическом их ущемлении.

Эта линия сразу же была воплощена в конкретные действия. Горемыкин известил Родзянко, что впредь не будет отвечать на запросы, обращенные к нему как к председателю Совета министров, ¹⁸⁵ так как по закону думские запросы могли быть адресованы лишь учреждениям, подконтрольным Сенату, а Совет министров в их число не входил. 6 марта правительство подтвердило принятое еще в декабре 1911 г. постановление, что в случае, если ведомство берет на себя разработку проекта, а Дума параллельно сама разрабатывает свой, ей следует отказывать в предоставлении каких-либо материалов. ¹⁸⁶ На практике это означало, что министерства могли тормозить неудобные им думские инициативы, формально обязавшись подготовить закон своими силами. Постановление 6 марта было применено в конце того же месяца, когда МНП демонстративно опротестовало обсуждавшийся в Думе мелкий законопроект о жен-

¹⁸⁰ Гос. совет. Сес. IX, стб. 1275—1276.

¹⁸¹ Голос Москвы, 1914, 25 февр.

¹⁸² Там же, 15 апр.

¹⁸³ Проект рескрипта на имя И. Л. Горемыкина (доложен Николаю II 5 марта 1914 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 9, д. 48, л. 45.

¹⁸⁴ Речь, 1914, 7 марта.

¹⁸⁵ Голос Москвы, 1914, 15 марта.

¹⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 71, л. 2—5.

ских гимназиях. ¹⁸⁷ Молодость повода лишь подчеркивала решимость бюрократии оспорить зарвавшихся с ее точки зрения российских законодателей. Вслед за тем было начато наступление на свободу депутатского слова. В качестве предложения была использована речь Чхеидзе 14 марта, заявившего, что наиболее подходящим режимом для обновления страны является республиканский. ¹⁸⁸ Эта фраза была расценена как призыв к испровержению монархического строя. С необычной для бюрократии оперативностью Совет министров уже 20 марта постановил привлечь Чхеидзе к уголовной ответственности. ¹⁸⁹

Тем не менее Горемыкин и Кривошеин, вернувшийся в начале апреля после лечения в Италии, не считали необходимым соглашение с националистами и октябристами (и даже с прогрессистами). 13 апреля «Новое время» поместило свою аннексированную статью «Правительство и Государственная дума», где доназывалось, что националисты, октябристы и прогрессисты — это элементы, «от которых нынешнее правительство вовсе не отделено китайской стеной», и что «при нынешнем правительстве нынешняя Г. Дума могла бы не только существовать, но и производительно работать», если будет найдена равнодействующая их стремлений. Необходимой даже для октябристов ценой сближения с правительством явился уход Н. Маклакова, и какие-то шаги в этом направлении предпринимались. В начале мая обычно хорошо чувший направление ветра в сферах Андронников считал отставку Н. Маклакова и назначение на его место Кривошеина очень вероятным. ¹⁹⁰ В мае о замене Н. Маклакова Кривошеиным или Игнатьевым говорил Ключеву Барк, ¹⁹¹ а в июле на стремление Кривошеина убрать Н. Маклакова жаловался Николаю Богданович. ¹⁹² Учитывая резкое недовольство почти всех фракций привлечением к суду Чхеидзе (не из солидарности с ним, а в-а-а опасений за свободу слова для себя), Горемыкин и Кривошеин неофициально обещали не спешить с этим делом (а в конечном итоге оно было прекращено). ¹⁹³ Маневры Горемыкина и Кривошеина могли преследовать сугубо конкретную и временную цель — обеспечить прохождение через Думу дополнительных военных ассигнований и бюджета. Но эти ассигнования были в общем гарантированы и без дополнительного заигрывания, и дело заключалось в более далеко идущем стремлении восстановить внутренний мир между «мы» и «они» перед лицом растущих внешних угроз.

Эти же внешние угрозы использовались и в прямо противоположных целях. Крайне правые возобновили в Думе и в печати нападки на Основные законы, выдвигая теперь в обоснование призыва к возврату к «самодержавию и православия» утверждения, будто только под таким стием можно обеспечить единство России перед угрозой войны с Германией. ¹⁹⁴

¹⁸⁷ Гос. дума, 4-й соз. Сес. II, ч. III, стб. 369.

¹⁸⁸ Там же, ч. II, стб. 1642.

¹⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 71, л. 37—40.

¹⁹⁰ М. М. Андронников — В. Н. Воейкову 3 мая 1914 г.; М. М. Андронников — И. Л. Горемыкину 2 мая 1914 г. — Там же, ф. 1617, оп. 1, д. 63, л. 7, д. 65, л. 7.

¹⁹¹ Дневник И. С. Ключева 24 мая 1914 г. — Там же, ф. 669, оп. 1, д. 14, л. 43.

¹⁹² Там же, ф. 1620, оп. 1, д. 1, л. 26—27.

¹⁹³ Красный архив, 1933, № 6 (61), с. 134; С. Е. Крыжановский — И. Л. Горемыкину 4 июля 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 4, л. 828.

¹⁹⁴ Гос. дума, 4-й соз. Сес. II, ч. III, стб. 1483—1484.

Правда, даже «Московские ведомости» и «Земщина» не решались говорить о полной ликвидации Думы и выдвигали лишь идеи ограничения ее бюджетных прав и ее прерогатив в военных вопросах. В Государственном совете дворянская реакция продолжала топить обломки столыпинских реформ, вновь провалив законопроект о городском положении в Польше, а затем — многократно откладывавшийся и переделывавшийся закон о волостном земстве.¹⁹⁵ При этом Дурново снова выступил с декларацией против реформ вообще. «По всем направлениям и по разным основаниям, — заявил он, — предпринимаются никому не нужные реформы, издаются законы, в необходимости которых все сомневаются».¹⁹⁶ Вслед за Дурново о «нецелесообразности» органических реформ «в наше действительно переходное время» заговорил с думской трибуны товарищ министра просвещения Таубе,¹⁹⁷ сославшийся на созданный стараниями самого правительства законодательный тупик в Государственном совете. Воспользовавшись переходом оппозиции к более резким формам бюджетной борьбы, Н. Маклаков цинично грозил Думе закулисными влияниями ее противников.¹⁹⁸ Вопреки слухам о предстоящем падении Н. Маклакова и вопреки стараниям Кривошеина, позиции министра внутренних дел у Николая все более укрепились. По его докладу (что было вторжением в прерогативы Горемыкина) с 1 мая было прекращено издание «России»,¹⁹⁹ вызвавшей раздражение правых своей «конституционной» передовой от 8 февраля.

В этой обстановке Николай вновь попробовал провести в жизнь свою давнюю идею превращения Думы и Государственного совета в законосовещательные органы. Поводом послужило отклонение Государственным советом законопроекта о городском положении в Польше, несмотря на поддержку его правительством. Первоначально Горемыкин (бывший, кстати, в ноябре 1913 г. противником проекта) рассматривал возможность проведения закона по ст. 87,²⁰⁰ но повторение столыпинского опыта было признано нежелательным и 5 июня Николай II подписал рескрипт о повторном внесении закона в Думу.²⁰¹ Царь, однако, не ограничился этим, и, вызвав министров на специальное заседание кабинета в Петергофе 18 июня, поставил перед ними вопрос о возвращении к манифесту 8 августа 1905 г., сославшись на недопустимость положения, когда обещанные с вняты престолу меры отклоняются одной из палат. Только Н. Маклаков поддержал царя, тогда как остальные сочли возврат к прошлому невозможным, а Горемыкин повторил, что «надо уметь ладить с Думой».²⁰² Хотя даже самые правые министры воспротивились желанию Николая избавиться от законодательных учреждений, настойчивость, с которой он в 1913—1914 гг. возвращался к этой мысли, свидетельствовала о том, что попытки сдвинуть его с позиции внутреннего неприятия

представительного строя могут иметь лишь кратковременный и непрочный успех, и сторонники спасения полусамодержавного режима путем минимальных уступок помещичье-буржуазному «обществу» будут всегда иметь среди своих оппонентов самого российского самодержца. Уже одно это делало «новый курс» Кривошеина бесперспективным. К лету 1914 г., как отмечалось в гл. IV, выявилась и несостоятельность экономического курса правительства Горемыкина.

Политическая борьба в верхах разворачивалась на фоне массового революционного рабочего движения, поднявшегося в 1914 г. на новую ступень. В стачках и демонстрациях 9 января участвовало 260 тыс. человек, в первомайских выступлениях свыше 500 тысяч. Размах движения превысил уровень 1905 г. Выступая под идейным и организационным руководством большинства партий, протестарнат России поднимался на новый штурм самодержавия. В конце мая началась всеобщая стачка бакинских нефтяников, в знак солидарности с ними забастовали рабочие Петербурга, Москвы и других городов. 3 июля полиция расстреляла митинг солидарности на Путиловском заводе. В ответ началась всеобщая забастовка в Петербурге, впервые после 1905 г. в городе появились баррикады. И хотя Петербург далеко опережал другие районы страны, июльские события дали В. И. Ленину основание сделать вывод о «приближающейся революции в России».²⁰³

Приближение революции все больше ощущалось и в правящем, и в либеральном лагерях, обостряя их противоречия. «„Они“ обвиняют друг друга — Пуришкевичи либералов, либералы Пуришкевичей — в поощрении и ускорении новой революции», — писал В. И. Ленин в середине мая 1914 г.²⁰⁴ Но при этом, как уже отмечалось, страх перед революцией и непонимание классовых основ исторических преобразований поддерживали у либералов надежду, что еще не поздно предотвратить революционный взрыв уступками со стороны царизма. Особенно отчетливо этот «оптимизм непонимания» проявлялся у прогрессистов, упорно твердивших, что «за нас работает время» и «долго российскому государственному кораблю против течения не продержаться».²⁰⁵ Даже 20 февраля 1914 г. «Утро России» полагало, что если только не случится войны (а в тот момент газета считала войну маловероятной), «вся революция будет происходить только в умах и долго еще не вырвется наружу». В номере от 25 мая орган Рябушинского, признавая, что период, прошедший «под знаком закона 3 июня, пришел к своему логическому концу» и «дорога уткнулась в стену», советовал «подождать, когда стена рутины будет сломана и откроется путь». При этом имелось в виду, что «сознательная активность действий страны» (т. е. различных буржуазных общественных организаций) заставит правительство пойти на уступки до открытого выступления масс. На той же платформе стоял и Струве, который призывал к совместным усилиям «всех прогрессивных и в то же время охранительных сил» во имя «оздоровления власти» — прекращения борьбы правительства с партиями, представленными в Думе, и с мест-

¹⁹⁵ Гос. совет. Сес. IX, стб. 2131, 2394.

¹⁹⁶ Там же, стб. 2299.

¹⁹⁷ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. IV, стб. 1154.

¹⁹⁸ Голос Москвы, 1914, 21 мая.

¹⁹⁹ Падение царского режима. Л., 1925, т. 3, с. 110.

²⁰⁰ Голос Москвы, 1914, 31 мая.

²⁰¹ Речь, 1914, 12 июня.

²⁰² Падение царского режима. Л.; М., 1925, т. 2, с. 437—438; т. 3, с. 133—134.

²⁰³ В. И. Ленин — И. Ф. Арманд 12/25 июля 1914 г. Цит. по: История КПСС. т. 2, с. 465.

²⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 150.

²⁰⁵ Утро России, 1914, 29 янв.

ными самоуправлениями, приводя в качестве желаемого примера «либеральное» управление Воронцова-Дашкова на Кавказе.²⁰⁶

При всех тактических и теоретических различиях, разделявших правое и левое крыло российского либерализма, принципиально такой же была и позиция милликовского ЦК и левых кадетов. Тезис об отсутствии насильственного выхода из тупика сочетался с утверждением, что можно принудить власть к политическим реформам,²⁰⁷ подразумевалось — до и без революции. В качестве средства принуждения кадеты выдвигали тактику «изоляции власти»: объединения всех недовольных существующим положением в общий фронт с программой и тактикой, равняющимися, как считалось само собой ясным, на программу и тактику кадетов. Приветствуя сдвиг левых октябристов к оппозиции, «Речь» (1913, 4 дек.) утверждала, что когда их примеру «последуют все русские общественные деятели, тогда действительно никто не посмеет сказать, — даже и „бюрократы“, — что „Россия не созрела для политической жизни“». Из этой уверенности вытекал призыв к объединению всех, «желающих предупредить наступление новой общественной судороги». Субъективное нежелание революции соединялось у кадетов с неверием в нее как в метод борьбы. «Вооруженное восстание можно подавить, стоит только „не жалеть патронов“, — писала „Речь“ 11 ноября, пытаясь перетолковать в свою пользу уроки 1905—1906 гг. — Но нельзя сладить никакими, даже исключительными и чрезвычайными мерами, с тем настроением, которым было пронизано общество накануне конституционной реформы». Эта мысль была постоянной у Миллюкова, упорно доказывавшего, что «финансовые способы воздействия „никогда не достигают своей цели“».²⁰⁸ Тактика «изоляции власти» означала, с одной стороны, поиски путей совместных выступлений в Думе и вне ее с оппортунистическими элементами демократического лагеря, а с другой — готовность к сотрудничеству с октябристами.

Моничный размах рабочего движения не мог не учитываться кадетами в их оценке расстановки политических сил, хотя даже июльские баррикадные бои вызвали у них лишь привычные рассуждения о желательности легализации профсоюзов, в которых в таком случае взяло бы верх умеренное течение.²⁰⁹ Но кадеты продолжали считать, что в 1905 г. «движение пролетариата было плодотворно лишь настолько, насколько присоединилось к общенародному требованию конституции»,²¹⁰ и призывали меньшевиков не повторять «ошибок» 1905 г. и не отделяться от либеральных союзников, чтобы вновь не привести общее движение к краху.²¹¹ Уговаривая «научиться, наконец, лучше понимать друг друга», Миллюков прямо утверждал, что причиной поражения в декабре 1905 г. было устранение кадетов от руководства и «травля» их социал-демократами.²¹² В то же время он настаивал на четком идейном отмежевании

кадетов от меньшевиков, даже если те проявят готовность пойти на координацию действий,²¹³ подчеркивая, что сам лозунг «изоляции власти» «есть обособление от боевой тактики левых».²¹⁴ Колебания между стремлением повести за собой рабочие массы и пониманием того, что социал-демократы неизбежно выиграют соревнование с кадетами за влияние на пролетариат, характеризовали позицию и остальных кадетских лидеров.

Постоянные разногласия вызывала и конкретизация тактики, направленной на втягивание в оппозиционный фронт октябристов и других «умеренных» слоев. И то время как В. Маглаков ратовал за привлечение на сторону оппозиции вышеназванных «друзей правительства», всех «анти-реакционных элементов»²¹⁵ на основе «широкой» (т. е. расплывчатой) платформы, Миллюков выражал сомнение в возможности прочного блока с октябристами. «В процессе „изоляции“ власти, — писал он в „Речи“ 25 февраля 1914 г., — эти люди будут последними, которые отпадут. И отпадут они тогда, когда в них никакой надобности не будет для общества». Но, как показала подмена «Русских ведомостей» и «Речи» о думской тактике и дискуссии в ЦК и на мартовской конференции кадетов, ни правое, ни левое крыло их не могло предложить реальных мер, которые способствовали бы образованию оппозиционного думского большинства. Об отсутствии у кадетов конкретной программы действий в Думе и вне ее свидетельствовал доклад Миллюкова на мартовской конференции. Признав, что страна недовольна уже не только правительством и Думой, но и оппозицией, и требует от нее большей решительности, Миллюков сослался на пример социал-демократии по использованию думской трибуны и печати для пропаганды своих взглядов, но тут же отметил, что «глубокие социальные различия, которые существуют в социальной среде, какую обслуживает партия народной свободы, и которые определяют существенные различия в ее тактике сравнительно с средой и тактикой партии рабочего пролетариата», исключают для кадетов заимствование социал-демократического опыта.²¹⁶ В итоге Миллюков не смог предложить ничего, кроме продолжения старой, не принесшей успеха тактики.

В обстановке, когда кадеты находились в состоянии растерянности и раскола («Речь» (1914, 16 марта) чуть ли не подталкивала Струве и его сторонников к выходу из партии), лидерство в оппозиционном лагере попытались перехватить прогрессисты. В конце января на квартире Коллалова в Петербурге состоялись несколько совещаний правых кадетов, прогрессистов и левых октябристов о создании в Думе оппозиционного большинства, включающего и земцев-октябристов, для проведения более яркой тактики, допускающей отход в кредитах, отклонение нежелательных правительственных законопроектов и демонстрационное выдвижение собственных проектов. При этом предполагалось и создание межфракционного совещательного бюро.²¹⁷ Вслед за тем «Утро России» развер-

²⁰⁶ Русская мысль, 1914, № 1, с. 149—154.

²⁰⁷ Гос. дума. 4-й соз. Сес. II, ч. II, стб. 83.

²⁰⁸ Протокол ЦК кадетской партии 9 февр. 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, л. 31, л. 94.

²⁰⁹ Речь, 1914, 12 июля.

²¹⁰ Там же, 30 марта.

²¹¹ Там же, 24 апр.

²¹² Там же, 12 янв.

²¹³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 90.

²¹⁴ Протокол конференции кадетской партии 23—25 марта 1914 г. — Там же, д. 16, л. 26.

²¹⁵ Голос Москвы, 1914, 2 апр. и 17 мая.

²¹⁶ Протокол конференции кадетской партии 23—25 марта 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 16, л. 98—99.

²¹⁷ Речь, 1914, 28 и 29 янв.; Утро России, 1914, 29 и 31 янв.

пуло агитацию за образование «прогрессивного блока» в Думе, уговаривая кадетов признать важность «межпартийного компромисса во имя достижения реальных результатов» и оставаться «на равном уровне с прочими прогрессивными элементами страны»²¹⁸ (т. е. отказываясь от части своих лозунгов), а правительство — понять необходимость «сразу основательно преобразиться». «Тогда, — рисовало „Утро России“ 14 февраля радужную картину желаемого будущего, — за министрами, прямодушно грядущими за веком, не менее прямодушно пойдет и вся та часть Думы, что помимо „шестивия за веком“ иных путей не знает и не допускает».

Параллельно по инициативе того же Коновалова прогрессисты попытались связать определенными обязательствами и тех, кто допускал «иные пути». 3—4 марта в Москве на квартирах Коновалова и Рябушинского были организованы встречи представителей различных партий от левых октябристов до социал-демократов, включая большевиков. Коновалов надеялся, что «взаимоознакомление» убедит социал-демократов, что либералы идут с ними в одном направлении и можно будет договориться о скоординированной внедумской тактике. Охранка писала в этой связи о планируемых «экспессах революционного характера», но прогрессисты по своей природе были неспособны на революционные действия и речь для Коновалова шла о том, чтобы подкрепить те или иные оппозиционные, но не революционные (хотя, может быть, и выходящие за пределы формальной легальности) акции буржуазных организаций массовыми выступлениями рабочих, остающимися, однако, в рамках, приемлемых для московской либеральной буржуазии. Решающей для Коновалова была позиция большевиков, поскольку и он, и полиция знали, что меньшевики не имеют за собой масс. Между тем представитель большевиков Скворцов-Степанов, принявший по совету В. И. Ленина участие не только во встрече, но и в созданном затем Информационном комитете, чтобы уточнить степень «левения» либералов, не собирався идти у них на поводу и сразу предупредил Коновалова, что сомневается в возможности практических результатов встречи. Это предопределяло конечную неудачу всей затеи.²¹⁹

Вскоре выяснилось, что и оппортунистические элементы демократического лагеря не могут ограничивать свою тактику до такой степени, как этого хотели бы либералы. Как уже отмечалось, дело Чхеидзе вызвало беспокойство не только оппозиции, но и октябристов, увидевших в нем новое наступление на права Думы. Судебная комиссия Думы постановила немедленно вынести на обсуждение общего собрания законодательное предположение прогрессистов об установлении безответственности депутатовских речей.²²⁰ Вслед за тем все оппозиционные фракции по инициативе социал-демократов предложили не рассматривать бюджет, пока не будет принят соответствующий закон,²²¹ но это предложение было отвергнуто право-октябристскими голосами, причем часть прогрес-

систов и кадетов воздержалась при поименном голосовании.²²² В ответ социал-демократы и трудовики устроили 22 апреля обструкцию Горемыкину, впервые явившемуся в Думу. Прогрессисты, заранее извещенные левыми об их планах,²²³ проголосовали вместе с право-октябристским большинством за исключение 21 левого депутата на 15 заседаний, а кадеты воздержались, вызвав возмущение не только в демократическом лагере, но и в рядах собственных сторонников. «Воздержаться, когда Горемыкин, Родзянко и их большинство исключало демократических депутатов, значило, — подчеркивал В. И. Ленин, — фактически поддерживать Горемыкина и Родзянко и их большинство».²²⁴ О падении авторитета либеральной оппозиции в результате событий 22 апреля открыто писало 24 апреля «Утро России», признававшее, что прогрессисты и кадеты нарушили соглашение с левыми о совместном протесте против политики правительства и что лишь левые вели себя достойно в создавшейся ситуации. «Речь» посвятила поделку попыткам оправдать поведение своей фракции и свалить вину на левых, якобы расколовших единый антиправительственный фронт. Но за закрытыми дверями ЦК кадетские лидеры признавали, что их действия не получили одобрения в стране.²²⁵

В попытке восстановить свои позиции и усилить нажим на правительство своими средствами прогрессисты и кадеты решили обострить бюджетную борьбу, проголосовали сначала против перехода к постановке на обсуждение бюджета, а затем против утверждения смет большинства министерств. Однако даже левые октябристы отказались последовать примеру оппозиции, а земцы-октябристы, в расчете на привлечение которых на свою сторону кадеты и воздерживались при исключении левых 22 апреля,²²⁶ при первых же признаках радикализации действий оппозиции резко повернули вправо. На поведении земцев-октябристов сказались и усиленно распространявшиеся в мае слухи о предстоящей отставке Н. Маклакова и изменении правительственного курса. В этой ситуации «левый» президиум Думы становился для октябристов неудобен. Воспользовавшись первым подходящим случаем, Родзянко и его единомышленники подтолкнули Коновалова, чувствовавшего себя неуверенно в президиуме после 22 апреля, к отставке и поддержали в судебной комиссии поправку, ограничивавшую свободу депутатских речей.²²⁷ Новый состав президиума Думы, составленный из одних октябристов, был избран 24 мая голосами правых.²²⁸ «Коноваловский инцидент» и поведение земцев-октябристов в думских комиссиях в мае подчеркнули обострение отношений между октябристами и оппозицией. В итоге обе цели тактики «изоляции правительства» — соглашение с левыми в Думе и вне ее и создание думского либерально-октябристского большинства — оказались недостижимыми. Но тем самым оказывалась неразрешимой и та задача,

²²² Там же, стб. 750.

²²³ Речь, 1914, 28 апр.

²²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 129.

²²⁵ Протокол заседания ЦК кадетской партии 23 апр. 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 170—172.

²²⁶ Утро России, 1914, 25 апр.

²²⁷ Речь, 1914, 19 мая.

²²⁸ Гос. дума, 4-й соз. Сес. II, ч. IV, стб. 1208.

²¹⁸ Утро России, 1914, 13 янв. и 27 марта.

²¹⁹ См. подробнее: Розенталь И. С. Русский либерализм накануне первой мировой войны и тактика большевиков. — История СССР, 1971, № 6, с. 52—70.

²²⁰ Новое время, 1914, 18 апр.

²²¹ Гос. дума, 4-й соз. Сес. II, ч. III, стб. 730.

которая возлагалась на эту тактику — добиться изменения политического курса царизма и тем предупредить революцию.

Тем временем на внутриполитической обстановке все больше сказывалось приближение войны. В феврале германская и русская пресса обменялись воинственными статьями. Статьи в «Биржевых ведомостях» 27 февраля носила открыто официозный характер и еще раз подчеркивала, что в верхах чаша весов склонялась в пользу группы, готовой пойти на риск вооруженного конфликта.²²⁹ Стремительно нарастали шовинистические настроения в буржуазном и помещичьем лагерях. Еще в феврале считавшее перспективу войны и далекой, и нежелательной «Утро России» со 2 марта начало находить положительные стороны в войне с Германией. Предвкушение «громких материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства»²³⁰ заставляло национал-либералов забывать их собственные слова о связи внутренней политики и военного могущества государства и скатываться в лагерь сторонников войны. С началом ее волна шовинистического угара стала захлестывать и кадетов. И только наиболее дальновидные буржуазные деятели с самого начала предчувствовали неизбежный крах. 19 июля, в первый же день войны, Гучков написал жене: «Начинается расплата».²³¹

²²⁹ Исторические записки, т. 75, с. 76—80.

²³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 329.

²³¹ ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 4, д. 670, ч. III, л. 45.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЦАРИЗМ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Начало войны. Политический кризис
лета 1915 г.

Царизм и оппозиция (1915—1916 гг.).
Обострение продовольственного кризиса

Царизм накануне свержения

НАЧАЛО ВОЙНЫ.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЛЕТА 1915 г.

19 июля 1914 г. началась «европейская война, которую в течение десятилетий готовили правительства и буржуазные партии всех стран...».¹ Все углублявшиеся экономические противоречия с Германией, стремление к завоеванию черноморских проливов и соперничество с Австро-Венгрией на Балканах еще в предшествующие годы предопределили окончательный переход России в лагерь Антанты, несмотря на страх царя перед войной, начавшейся до того, как были осуществлены русские военная и морская программы. Мировая война явилась «могучим ускорителем» революционного процесса во всем мире и, в частности, привела к дальнейшему углублению и обострению кризиса российского самодержавия.

Кризис проявился раньше всего в быстро обнаружившейся неподготовленности России к войне. Стратегическое планирование во всех странах — участницах конфликта базировалось на предпосылке о скоротечном характере предстоящей войны, для которой поэтому должно было хватить заблаговременно заготовленных запасов военного снаряжения. Между тем размах военных действий превзошел все расчеты, а сама война приняла затяжной характер. Это привело к кризису боеснабжения всех армий, относительно быстро преодоленному промышленностью Англии, Франции и Германии и оказавшемуся решающей причиной поражения русских армий на исходе первого года войны.

Как признавал позднее начальник штаба Ставки ген. Н. Н. Янушкевич, вопрос о недостатке снарядов, винтовок и патронов возник в первые же месяцы войны.² Проблема не ограничивалась только снарядами. Уже в ноябре 1914 г. Гучков писал Кривошеину, что «войска плохо кормлены, плохо одеты, застигнуты в конце, в каких-то гнилых ломотях вместо белья».³ Но если недостатки продовольственного обеспечения в этот период объяснялись неравберихой и нераспорядительностью интендантства, то нехватка боеприпасов на фронте была вызвана их отсутствием вообще. Мобилизационный запас снарядов был израсходован за 4 месяца, а мог быть восстановлен при существовавших темпах производства за год. С декабря 1914 г. по март 1915 г. в действующую армию была отправлена лишь 1/2 требуемого количества снарядов и винтовок. После истощения мобилизационных запасов пороха патронные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 15.

² Сидорова А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 49.

³ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 142, л. 7.

заводы в течение 1914—1915 гг. работали с перебоями, и химические предприятия были не в состоянии обеспечить их взрывчатыми веществами в достаточных размерах.⁴

Одной из причин нехватки боеприпасов была ставка Военного министерства на снабжение армии почти исключительно казенными заводами. Между тем казенные предприятия не были подготовлены к выполнению той задачи, которая легла на них с началом войны. Военное министерство, доведя запасы снаряжения до мобилизационных норм, свертывало производство и фактически консервировало заводы. Мощности трех оружейных заводов страны, например, использовались в 1912—1914 гг. на 7—12%. В результате техническое оснащение предприятий оказывалось устаревшим. Комиссия по расследованию деятельности Военного министерства, созданная в 1915 г., вынуждена была признать, что министерство не озаботилось «приспособлением отечественных заводов для питания армии во время войны».⁵

Предвоенные просчеты усугублялись тяжелым транспортным кризисом, возникшим в первые же недели войны. Пропускная способность железных дорог Европейской России обеспечивала переброску войск и места сосредоточения лишь на 28-й день мобилизации, причем 62% эшелонов приходилось задерживать в пунктах отправления или в пути, исключая этим из обращения значительную часть и без того недостаточного вагонного парка.⁶ С началом войны было нарушено единство управления железными дорогами. 33% железнодорожной сети перешло в подчинение Ставке, которая в свою очередь раздробила управление между фронтами и армиями, причем в каждом случае дороги находились одновременно в ведении военно-эксплуатационного отдела и отдела путей сообщения с неразмежеванными функциями и неквалифицированным аппаратом.⁷ Это вело к нерациональному использованию вагонного и паровозного парка, к заторам на прифронтовых дорогах, для ликвидации которых вагоны сбрасывались под откос, в то время как тыловые дороги, на 40% занятые перевозкой военных грузов, испытывали острую нужду в подвижном составе.⁸ Особенно грозные формы развал железнодорожного транспорта принял весной 1915 г. вследствие массовой эвакуации западных губерний после поражения и отхода русской армии.

Железнодорожный кризис в свою очередь породил продовольственный и топливный. Недогрузка угля из Донецкого бассейна, ставшего после прекращения подвоза угля в Петроград из Германии и Англии почти единственным источником твердого топлива, составляла осенью 1915 г. 30—33%, причем главной причиной было отсутствие вагонов. Результатом нехватки топлива (а также мобилизации рабочих) явилось сокращение производства металлов. Уже к декабрю 1914 г. в южном металлургическом районе было остановлено 13, а к марту 1915 г. — 18 доменных печей. Часть работавших печей использовалась на 20—30%

своих мощностей. Еще хуже обстояло дело на Урале, где по разным причинам бездействовало 66 домен, или 50% всего их числа.⁹ С потерей западных губерний Россия лишилась ряда крупнейших предприятий угольной, металлургической, химической и текстильной промышленности. Заводы, оборудование которых удалось вывезти, начали работать в основном не раньше второй половины 1916 г., причем немалую роль в этом сыграло своекорыстие их владельцев, получавших огромные ссуды на эвакуацию и развертывание производства на новом месте, но предпочитавших вкладывать средства в разного рода спекуляции. В итоге к концу первого года войны общий объем промышленного производства сократился на 19%, в том числе в таких непосредственно важных для военного снабжения отраслях, как металлическая, — на 18%, а химическая — на 22%.¹⁰

Однако крах снабжения действующей армии был поначалу воспринят правящими кругами только как кризис именно снабжения, а не производства. Бюрократический аппарат царизма проявил в первые месяцы войны не только неспособность взять на себя перестройку всей промышленности страны для военных нужд, но и непонимание необходимости такой перестройки. В сентябре 1914 г., когда нехватка снарядов стала уже совершенно очевидной, военный министр В. А. Сухомлинов собрал совещание представителей 16-ти крупнейших частных предприятий, уже раньше привлекавшихся к военным поставкам. Принятая этим совещанием программа не решала проблемы. Получив немедленно свыше 60 млн. р. в виде авансов и дотаций на переоборудование, частные заводы должны были начать поставки с 300 тыс. снарядов в месяц в январе 1915 г. и довести их в сентябре до 1 млн. при уже выявившейся потребности в 1,5 млн. в месяц. На период после октября 1915 г. поставки не предусматривались,¹¹ так как министерство все еще исходило из представлений о быстротечном ходе войны. Еще в меньшей степени обеспечивались поставками русской промышленности потребности фронта в орудиях, пулеметах и винтовках. Основной упор делался на заказы за границей, причем наряду с боеприпасами и оружием у иностранных фирм заказывали даже седла, мотыги и т. п.

Показательна судьба предложений Совета съездов представителей промышленности и торговли, переданных Сухомлинову 13 января 1915 г. Совет съездов предлагал принять меры для того, чтобы уже привлеченные к военным поставкам заводы могли полностью использовать свое оборудование, и с этой целью вернуть из армии мобилизованных квалифицированных рабочих. Предлагалось также привлечь к изготовлению снарядов уральскую промышленность и создать своего рода принудительное кооперирование мелких предприятий для производства частей снарядов, передаваемых затем для сборки крупным заводам-поставщикам. Для контроля за распределением и выполнением заказов предлагалось создать Особое совещание из правительственных чиновников, в котором представители буржуазии играли бы второстепенную роль. Хотя Советом съездов двигало, безусловно, не в последнюю очередь стремление увели-

⁴ Сидоров А. Л. Указ. соч., с. 22—23, 34.

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Там же, с. 579.

⁷ Журнал комиссии соединенного собрания особых совещаний 8 и 13 нояб. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 888, л. 147—149.

⁸ Сидоров А. Л. Указ. соч., с. 159, 582.

⁹ Там же, с. 157, 374—375.

¹⁰ Там же, с. 336.

¹¹ Там же, с. 25—29.

чить размер «патриотических» прибылей российских монополий, сами по себе предлагаемые меры были действительно необходимыми. Однако власти в тот момент попросту отмахнулись от них, и Совет министров в марте ограничился (и то по настоянию верховного главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича) лишь согласием привлечь Московский и Нижегородский биржевые комитеты к поставкам сапог и подков. При этом и здесь правительство имело в виду не столько реальное увеличение поставок, сколько необходимость избавить себя от нареканий, «неизбежных при сложности и обширности предстоящих заготовлений».¹²

Непонимание характера и глубины кризиса военного производства сказалось и на стремлении царизма сохранить в нетронутым виде систему органов, ведавших хозяйственной жизнью страны до войны, и существовавшего законодательства в этой сфере, ограничиваясь расширением полномочий военных властей или возложением новых функций на старые ведомства, не приспособленные к выполнению этих функций. Созданные в июле—сентябре 1914 г. комитеты по заготовлению материалов, необходимых для армии и флота, по перевозкам и по топливу существовали практически на правах обычных межведомственных комиссий, не занимались вообще налаживанием производства и потому не справились со стоявшими перед ними задачами.¹³

1 января 1915 г. по настоянию Ставки, недовольной действиями Сухопутного и инспектора артиллерии в. кн. Сергея Михайловича, была образована Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, во главе которой царь поставил того же Сергея Михайловича. Но и эта комиссия должна была действовать в пределах существовавших законов мирного времени, которые обставляли привлечение частной промышленности и военным заводам формальностями, делавшими такое привлечение крайне затруднительным.¹⁴ В марте Совет министров оказался вынужденным пойти на регулирование топливных поставок. Поскольку главной причиной топливного кризиса считалось расстройство транспорта, задача контроля над поставками топлива была возложена не на Министерство торговли и промышленности, а на Министерство путей сообщения, при котором был создан специальный комитет по топливному делу,¹⁵ не располагавший ни персоналом, ни опытом, имевшимся у Горного департамента МПС. Зато тогда же, в марте, новоназначенному министру торговли в. кн. В. С. Шаховскому было поручено возглавить межведомственное совещание по продовольствию, хотя продовольственным делом всегда ведало МВД, и Н. Маклаков прямо подчеркивал, что изъятие дела из его ведения он будет рассматривать как умаление прав министерства, особенно недопустимое в условиях, когда дороговизна уже создала настроение, «крайне нежелательное и опасное с точки зрения поддержания

¹² Особый журнал Совета министров 6, 10 и 17 марта 1915 г. — ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 85, л. 80—88. Показательно, что понадобились почти два месяца и галицийский разгром, чтобы царь утвердил и это решение Совета министров.

¹³ Крупина Т. Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне. — Исторические записки, 1969, т. 83, с. 59.

¹⁴ Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958, с. 41.

¹⁵ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 86, л. 5—9.

в стране должного порядка и общественного спокойствия».¹⁶ Этими мерами было положено начало путанице в сферах влияния ведомств, еще более усугубленной экономической кризис.

С началом войны буржуазно-помещичьи партии всех направлений заявили о полной солидарности с царизмом и провозгласили политику «внутреннего мира». На специально созванном заседании Думы 26 июля был устроен парад «единения царя с народом». Не только октябристы, но и кадеты отказались от мысли сопровождать заверения в поддержке правительства формулировкой условий, на которых такая поддержка может быть оказана.¹⁷ Только социал-демократические фракции Думы выступили по предложению большевиков с совместным заявлением, в котором подчеркивали, что ответственность за войну «несут правящие круги всех воюющих теперь стран», и призывали к «международной солидарности всех трудящихся всего мира».

Проводя политику «внутреннего мира», буржуазия всех политических направлений надеялась в первые месяцы войны на ответные шаги царизма в сторону обнищания «обществом». Сразу после заседания Думы В. М. Волконский, А. И. Шингарев и И. П. Демидов встретились с Кривошеиным (любопытно уже это сочетание кадета с Волконским, видимо, выступившим посредником). Во время встречи Шингарев говорил о желательности амнистии, удаления из кабинета Н. Маклакова и либерализация политики по отношению к органам местного самоуправления.¹⁸ О том, что «многие и многие самые умеренные люди» считают момент подходящим для частичной амнистии политических заключенных, писал 9 августа Кривошеину (с которым явно находился в постоянном контакте) А. И. Звегинцев — один из наиболее влиятельных октябристских лидеров, располагавший большими родственными и деловыми связями в свете и в бюрократических кругах. При этом Звегинцев не скрывал опасений, как бы «потом» не пришлось проводить амнистию в менее благоприятных условиях.¹⁹ Кадетская и октябристская пресса тоже писала о желательности «прощения» «старых ошибок и преступлений» как ответа правительства на поддержку со стороны буржуазии, о необходимости заблаговременной подготовки к моменту окончания войны «широко разработанной программы» реформ, о неизбежности «коренных изменений» прежних отношений между правительством и обществом и предоставлении после войны «обществу» «более широких прав, чем те, которыми оно пользовалось».²⁰

Выполнение всех этих пожеланий откладывалось, однако, на послевоенное время, а в качестве насущного требования дня по-прежнему выдвигалось более благоприятное отношение к буржуазно-помещичьим организациям, а как необходимая предпосылка этого — смещение Н. Маклакова. Тот же Звегинцев писал об этом Горемыкину,

¹⁶ Там же, д. 85, л. 32—36.

¹⁷ Фракция народной свободы: «Военные сессии» 26 июля 1914 г. — 3 сент. 1915 г. Пг., 1915, с. 5.

¹⁸ Дневник А. В. Тырковой. 30 июля 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 9—10.

¹⁹ ЦГА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 148, л. 2—4.

²⁰ Русские ведомости, 1914, 9 и 15 авг.; Голос Москвы, 1914, 30 авг.

Кривошеину, Сухомлинову, Янушкевичу и начальнику военно-походной канцелярии кн. В. Н. Орлову, ставя Маклакову в вину «натянутость отношений с земствами и городами... в минуту, когда нужно наибольшее объединение всех сил в России».²¹ Публично выдвигалось пожелание созвать Думу для проведения через нее, а не по ст. 87, мер по увеличению налогового обложения.

В действительности идея созыва Думы вызвала в это время, особенно у кадетского руководства, сомнения, поскольку для последнего было трудно в обстановке растущего недовольства в политически родственной кадетам среде ограничиться верноподданическими манифестациями. Левые кадеты надеялись, что можно будет, выступив в Думе с критикой недостатков в деле обороны, тем самым «предотвратить взрыв где-либо в другом месте». Но большинство во главе с Милуковым опасалось демонстрации расхождения между властью и Думой.²²

В вопросе о созыве Думы не было единства и в правительстве. В то время как Барк готов был обратиться к ней за одобрением его финансовых мероприятий, Горемыкин и Кривошеин опасались возможных выступлений оппозиции.²³ В предвидении времени, когда созыв Думы станет неизбежным, Кривошеин и Орлов (связанные давними совместными интригами) сделали попытку смягчить недовольство оппозиции, убрав Маклакова. Орлов передал Николаю II копию письма Звегинцева с критикой Маклакова и расчете, что «слова Звегинцева забросят в душу царя еще одно семечко сомнения».²⁴ Однако Николай не собирался уволить своего любимца, причем само «общество» верноподданическими выступлениями укрепляло его и нежелании прислушиваться даже к самым умеренным кругам. На упоминания о том, что когда-нибудь придется считаться с общественным мнением, Горемыкин отвечал: «Все это чепуха и после победоносной войны правительство будет только сильнее».²⁵ Вполне правдоподобными казались поэтому слухи, что демонстрации «единения с царем» усилили стремление Николая II восстановить неограниченное самодержавие и разогнать Думу после войны.²⁶

В такой обстановке Кривошеин в декабре через Демидова довел до сведения кадетского ЦК и фракции, что правительство хотело бы повторения спектакля 26 июля и согласно созвать Думу только на однодневную сессию, во время которой депутаты ограничились бы выражением «правдивой поддержки» правительства в войне. Кадетские лидеры согласились воздержаться от гласной критики правительства в Думе при условии, что правительство выступит с декларацией о «благожелательном» отношении к «общественности» и внесет на утверждение Думы бюджет на 1915 г., отказавшись от идеи провести его в чрезвычайно-указ-

ном порядке.²⁷ Очевидно, сходные условия были выдвинуты и некоторыми другими фракциями, в результате чего Совет министров согласился на созыв бюджетной комиссии с начала января 1915 г. и на проведение 25 января закрытого «частного» совещания членов Думы для обсуждения положения в стране и на фронте. Фактически и заседания бюджетной комиссии превратились в «частные» совещания всего состава Думы, в центре внимания которых оказались вопросы внутренней политики.

Большинство кабинета явно прилагало усилия, чтобы смягчить критические выступления в закрытых заседаниях. Вместо умеренного Л. А. Кассо министром просвещения был назначен гр. П. Н. Игнатьев, один из ближайших сотрудников Кривошеина (его товарищ по Главному управлению земледелия), пользовавшийся репутацией либерала за готовность и умение сотрудничать с Думой. По сведениям Коковцова, Горемыкин просил Николая II дать отставку Маклакову.²⁸ Однако за день до «частного» совещания 25 января Маклаков был назначен членом Государственного совета с сохранением министерского поста, что было подчеркнутым одобрением «сверху» его курса. На самом совещании Маклаков отверг всю критику его политики и демагогически предложил перенести обсуждение на открытые заседания Думы,²⁹ зная заведомо, что на такой шаг Дума не решится.

На трехдневной сессии 27–29 января Горемыкин, как это и было договорено, упомянул в декларации о предстоящем пересмотре «условий, которые отныне могли бы обеспечить родине здоровое развитие на началах полной и твердо выраженной самобытности во всех областях ее жизни».³⁰ Декларация Горемыкина была чисто формальным жестом, поскольку внесение якобы разработанных законопроектов откладывалось до окончания войны, а оговорка о «началах самобытности» заключала в себе отказ от сколько-нибудь существенных реформ государственного строя. Депутаты буржуазно-помещичьих партий в общем ограничивались формулированием территориальных притязаний и предостережениями против «преждевременного» окончания войны (в связи со слухами о переговорах о сепаратном мире), но в некоторых речах звучала завуалированная полемика из-за вопросов послевоенного устройства России.

До мая 1915 г., несмотря на несбывшиеся мечты о смягчении внутреннего политического курса царя и постепенно возраставшее недоверие к его способности обеспечить победу в войне, буржуазия, а тем более организация помещичьего дворянства, в общем блюли внутренний мир. С целью содействия царю в войне были созданы Всероссийский земский союз (ВЗС) во главе с кн. Г. Е. Львовым, возглавлявшим аналогичную организацию во время русско-японской войны, и Всероссийский союз городов (ВСГ), главноуполномоченным которого стал незадолго до того утвержденный московским городским головой М. В. Челноков. Официальной задачей союзов была помощь раненым, а позднее и беженцам.

²⁷ Протокол заседания ЦК кадетской партии 21 дек. 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 105–121.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 892, оп. 1, д. 178, л. 8.

²⁹ «Военные сессии», с. 12–13.

³⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия III. Пг., 1915, стб. 41–42.

²¹ А. И. Звегинцев — В. Н. Орлову 25 окт. 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 295, л. 43.

²² Протоколы заседаний ЦК кадетской партии 25 и 26 авг. 1914 г. — ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 3–12.

²³ Дневник И. С. Ключева 7 сент. 1914 г. — ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 15, л. 3.

²⁴ В. Н. Орлов — А. В. Кривошеину 29 окт. 1914 г. — Там же, ф. 1571, оп. 1, д. 295, л. 47.

²⁵ В. Н. Коковцов — А. А. Гирсу 22 янв. 1915 г. — ЦГАОР СССР, ф. 892, оп. 1, д. 178, л. 9.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 15, л. 42.

Совета съездов, измененный с учетом ухудшившихся обстоятельств. Совещание под председательством военного министра должно было включать, кроме чинов его ведомства, также Родзянко (как председателя Думы), четырех других членов Думы и четырех представителей промышленности (имелась в виду петроградская финансовая группировка). Окончательное решение предоставлялось председателю совещания, т. е. военному министру. Совещание должно было подчиняться непосредственно царю и находиться вне контроля Совета министров.

Проект, разработанный помимо Совета министров, вызвал его возражения, отчасти в силу этого обстоятельства, но главным образом по существу. Включение в совещание представителей Думы было небывалым явлением в российской практике, и даже перед лицом наступающего противника встретило сопротивление Н. Маклакова и Щегловитова. Совет министров попробовал лишить совещание и его особого статуса, превратив в обычную межведомственную комиссию, все конфликты которой с тем или иным министерством выносились бы на Совет министров. Приняв в конечном итоге Положение о совещании в предложенном виде (с включением в него еще членов Государственного совета), Совет министров все же зафиксировал в Особом журнале свои «большие сомнения» в целесообразности как состава совещания, так и его статуса.³⁸

Ни состав, ни функции Особого совещания по снабжению не удовлетворяли в конце мая и буржуазно-либеральную оппозицию. Промышленные круги были в нем представлены в основном лидерами петроградской финансовой группы, которые не выражали взглядов оппозиционной буржуазии и были давно и тесно связаны с правящей бюрократией. Положением о совещании не предусматривались какие-либо его специальные органы на местах и, таким образом, выполнение его решений возлагалось на старый бюрократический аппарат, в способность которого наладить производство буржуазия не верила. Наконец, состав совещания предполагал предоставление главной массы заказов петроградской группе, а московская и провинциальная буржуазия рисковала остаться ни с чем. В противовес проекту Особого совещания московская буржуазия и выдвинула лозунг «мобилизации промышленности».

Расшифровывая этот лозунг, «Утро России» 26 мая предложило создать центральный орган всероссийской промышленности, который ведал бы распределением заказов и контролем за их исполнением, снабжением предприятий сырьем и рабочей силой и перевозкой выработанного снаряжения. Центральный орган предлагалось создать из существующих торгово-промышленных организаций с их расширением и с включением в него представителей военных ведомств, а также с созданием его отделений на местах. Иначе говоря, если по структуре Особого совещания представители одной финансовой группировки допускались к некоторому участию в учреждении, созданном на базе старого бюрократического аппарата, то план «Утра России» предусматривал приглашение представителей министерств к участию в работе нового органа, создаваемого на

базе классовых торгово-промышленных организаций. Вслед за тем состоявшийся 26—27 мая IX съезд представителей промышленности и торговли принял по предложению П. П. Рябушинского решение создать военно-промышленные комитеты для перевода предприятий на военное производство, причем на Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) возлагалась задача «согласования этой работы с деятельностью высших правительственных учреждений».³⁹ Речь, таким образом, шла о попытке немедленно приступить к реализации плана, сходного с изложенным в «Утре России».

Вожделения лидеров московской буржуазии шли значительно дальше «мобилизации промышленности». 24 мая «Утро России» выдвинуло лозунг создания «правительства национальной обороны», включающего представителей «общественных элементов». При этом газета откровенно давала понять, что речь идет не только о сотрудничестве во имя победы. 30 мая газета подчеркивала, что в создавшейся ситуации можно заставить «исторически сложившиеся силы» допустить буржуазию к «участию в государственном строительстве». Поражения русской армии заставили отказаться от политики внутреннего мира и руководителей думских партий. После ряда закрытых совещаний, на которых особую активность проявляли прогрессистские лидеры, требование созыва Думы, рассматривавшееся как первый шаг на пути к изменению состава правительства, было публично выдвинуто 26 мая IX съездом промышленности и торговли и поддержано 5 и 6 июня съездами земского и городского союзов.⁴⁰

Неизбежность созыва Думы и удаления неприемлемых для нее министров была ясна как для большинства кабинета, так и для Ставки, все более активно вмешивавшейся в дела внутреннего управления и устанавливавшей свои отношения с буржуазно-помещичьими кругами. Действия Кривошеина, возглавлявшего кабинетское большинство, и в. кн. Николая Николаевича явно координировались путем личных контактов и через в. кн. В. Н. Орлова.

Видимо, к концу мая относятся составленные Кривошеиным три варианта нового кабинета, в одном из которых он намечал в премьеры себя, а в остальных Харитонов, сохраняя за собой фактическое главенство, ибо в одном из этих случаев он брал себе Министерство внутренних дел, а в другом, оставаясь главноуправляющим земледелием, предполагал занять еще и вновь создаваемый пост председателя Комитета военных заготовок. Все варианты предусматривали отставку Горемыкина, замену Щегловитова — Харитоновым, Сухомлинова — Янушкевичем, Саблера — Самариным, Рухлова — его товарищем Щукиным. На место Маклакова намечался Джуков или Четвериков. Освобождаемый Харитоновым пост государственного контролера передавался близкому к Рябушинскому члену Думы В. А. Ржевскому. Планировалось шесть новых членов кабинета — председатели комитетов: военных заготовок (Кривошеин или в. кн. В. М. Волконский), по продовольствию фронта и тыла

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 870, л. 43—53. О создании совещания см.: Сидоров А. Л. Указ. соч., с. 55—73; Тарновский К. И. Указ. соч., с. 42—46; Кручина Т. Д. Указ. соч., с. 64—70; Сомов С. А. О «майском» Особом совещании. — История СССР, 1973, № 3, с. 112—123.

³⁹ Промышленность и торговля, 1915, № 11, с. 542—544.

⁴⁰ Утро России, 1915, 6 июня; Промышленность и торговля, 1915, № 11, с. 542.

(кн. Г. Е. Львов), по снабжению топливом (М. В. Челноков), по делам Польши (член Государственного совета В. Н. Шебеко) и без портфелей — Н. Н. Львов от Думы и Н. С. Авдаков от Государственного совета.⁴¹

Эти списки не могли возникнуть раньше 20-х чисел мая, ибо до активных выступлений буржуазии с требованием «правительства национальной обороны» Кривошеин не стал бы планировать столь значительных уступок. Они не могли возникнуть и сколько-нибудь позже, потому что 28—30 мая Кривошеин уже предложил других кандидатов в МВД и Военное министерство. Название Комитета военных заготовок, который явно должен был перенять функции только создаваемого Особого совещания по снабжению армии, скорее всего предполагает, что журнал о создании этого совещания еще не был утвержден царем — это произошло 7 июня.

Намеченные Кривошеиным варианты свидетельствовали о его стремлении удовлетворить именно московскую буржуазию, представителя которой (Г. А. Крестовникова) он неудачно пытался провести в министры торговли и промышленности в феврале.⁴² Не случайно, видимо, он планировал ликвидацию Особого совещания по снабжению, состав которого не устраивал москвичей. Кривошеин, очевидно, хотел также использовать сеть местных органов земского и городского союзов при разрешении продовольственного и топливного кризисов. Имена Волконского, Самарина и Щербатова уже встречались в переписке Кривошеина и Орлова в октябре 1914 г. как возможные кандидатуры на высшие бюрократические посты.⁴³ Почти полную смену правительства можно было попытаться осуществить только с помощью Николая Николаевича, отчего, вероятно, и исплыла кандидатура Янушкевича, вряд ли устраивавшая Кривошеина, который сразу наметил в качестве резервного кандидата Поливанова.

Неизвестно, сумел ли в эти дни Кривошеин обсудить свой план с Николаем Николаевичем или же сам счел его невыполнимым. Во всяком случае, когда в это же время по инициативе Сазонова состоялось совещание о частичных переменах в кабинете (в нем участвовали Сазонов, Кривошеин, Барк, Харитонов, Игнатьев, Григорович и Рухлов), речь шла только об отставке Маклакова, Сухомлинова, Щегловитова и Саблера, вместо которых Кривошеин предложил Щербатова, Поливанова, Милютину и Самарина.⁴⁴ Выдвигая Щербатова, чей брат был адъютантом Николая Николаевича,⁴⁵ и близкого к нему Милютину, Кривошеин, по-видимому, надеялся и, как показали события, не напрасно, взамен убедить главнокомандующего поддержать назначение популярного в думских кругах Поливанова. Для того, чтобы получить согласие царя на эти перемены, было решено не рисковать и воздержаться от требования уволить и Горемыкина. Больше того, именно премьера попросили передать принятые за его спиной решения Николаю II.⁴⁶

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 245, л. 66.

⁴² Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857—1921 гг.). Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 225.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 295, л. 17.

⁴⁴ Кривошеин К. А. Указ. соч., с. 230.

⁴⁵ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 5, с. 294.

⁴⁶ Кривошеин К. А. Указ. соч., с. 230—231.

Необходимость пожертвовать наиболее одиозными министрами понимал и Горемыкин. «При первом же появлении Маклакова, — говорил он Родзянко в ответ на просьбу созвать Думу, — на него обрушатся все фракции и мне волей-неволей придется распустить Думу. Между тем это нежелательно».⁴⁷ Поэтому Горемыкин поддерживал перед царем рекомендации своих коллег. 5 июня Щербатов был назначен министром внутренних дел. Для остальных изменений потребовалось оказать дополнительное давление на царя в Ставке, куда он приехал 10 июня и куда был вызван почти весь кабинет. 12 июня Поливанов был сделан управляющим Военным министерством, а на следующий день — решена отставка Щегловитова и Саблера, объявление о которой было отложено до возвращения Николая в столицу. При этом преемником Щегловитова вместо пользовавшегося либеральной репутацией Милютин был назначен давний сотрудник Горемыкина А. А. Хвостов, придерживавшийся правых взглядов. Там же в Ставке было решено созвать Думу не позже августа.⁴⁸

Расхождения из-за кандидатуры будущего министра юстиции отражали более глубокие разногласия в правящих верхах, отчетливо проявившиеся в июне 1915 г.⁴⁹ В то время как для кривошеинской группы и, возможно, для Ставки перестановки в кабинете были первым шагом на пути сближения с умеренными буржуазно-помещичьими кругами (разумеется, на условиях, далеких от требований московской либеральной буржуазии), Николай II и Горемыкин, как это видно из переписки царя с Александрой Федоровной, рассматривали эти перемены как кратковременный маневр, вызванный исключительно необходимостью смягчить остроту оппозиционных настроений в момент военных неудач.⁵⁰

Со своей стороны на военные неудачи царизма как на фактор, заставляющий его идти на уступки, рассчитывала либеральная буржуазия при разработке в июне — июле конкретных требований, которые она собиралась предъявить правительству.

Программа-максимум либеральной буржуазии была сформулирована прогрессистами, выдвинувшими лозунг немедленного осуществления принципа ответственности министерства и предложившими создать вместо Особого совещания по снабжению Комитет государственной обороны из министров, ведавших вопросами, связанными со снабжением фронта и тыла, и из обладавших равным с министрами правом голоса представителей обеих палат, земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов и рабочих. Председатель комитета назначался царем и был ответственен прямо перед ним. Комитет должен был заниматься снабжением армии, обеспечением населения и регулировкой железнодорожного транспорта и обладать как распорядительными, так и контрольными функциями, опираясь на сеть местных органов, создаваемых по тому же принципу.⁵¹

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 14, л. 167—168.

⁴⁸ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 77—80.

⁴⁹ Падение царского режима, т. 6, с. 8.

⁵⁰ См.: Переписка Романовых, т. 3, с. 227—229.

⁵¹ Записка о деятельности фракции прогрессистов (после августа 1915 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1548, оп. 1, д. 22, л. 7—8.

В отличие от прогрессистов кадеты выдвигали лозунг «правительства, пользующегося доверием страны», которое, в зависимости от обстоятельств, могло бы оказаться и левее министерства, ответственного перед третьенольской Думой. В то же время этот лозунг своей неопределенностью сохранял возможность маневра вправо, навстречу октябристам, всегда отрицавшим принцип парламентской ответственности кабинета, и навстречу «благожелательным» бюрократам типа Кривошеина. Точно так же кадеты отвергали идею Комитета государственной обороны и предлагали создать (только на время войны) специальное Министерство или Главное управление снабжения, глава которого входил бы в Совет министров. При главе ведомства планировался совещательный орган из представителей ВЗС, ВСГ, ЦВПК и больничных касс (как рабочего представительства), а также специалистов-техников, но без участия членов Думы и Государственного совета.⁵² Вместо принципиально нового органа, который по мысли прогрессистов сосредоточил бы практически всю полноту власти в тылу, кадеты, таким образом, предлагали учредить ведомство, строго ограниченное функциями снабжения фронта, вместо равноправной коллегии, где представители буржуазии имели бы обеспеченное большинство — обычную бюрократическую машину с совещательным привеском. Причины кадетской умеренности заключались в стремлении избежать возможного столкновения Совета министров и Комитета обороны, которое еще больше увеличило бы неразбериху в управлении, и в боязни впасть на себя ответственность за практическую деятельность создаваемого ведомства.

К открытию Думы, созванной 10 июля, свой проект Особого совещания для объединения мероприятий по обороне государства внесло и Военное министерство. Учитывая все ухудшающееся положение на фронте и в тылу, опыт работы совещания по снабжению и изменение расстановки политических сил, возглавленное Поливановым ведомство предложило, во-первых, сосредоточить в совещании по обороне не только обеспечение армии боевым снаряжением, но и снабжение фронта и тыла продовольствием и топливом, а также регулирование перевозок (т. е. передать совещанию особые полномочия, данные на время войны другим министрам), а, во-вторых, расширить состав совещания, включив в него кроме уже имевшихся там членов палат и четырех банковско-промышленных деятелей петроградской группы других представителей буржуазии и глав земского и городского союзов.⁵³ Внешне правительственный проект был похож на план прогрессистов с той, однако, принципиальной разницей, что чрезвычайные полномочия предоставлялись не коллегиальному совещанию, а его председателю — военному министру.

Правительственный проект был подвергнут в Думе существенной ломке. По инициативе октябристов вместо единого совещания было создано четыре — для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (при Военном министерстве), по обеспечению топливом (при МТП), по перевозкам (при МПС) и по продовольственному делу (ГУЗиЗ). Октябристы мотивировали такое разделение стремлением не

перегружать военного министра, но, кроме того, откровенно заявляли, что преследуют цель распространить контроль членов Думы на большее число правительственных органов и создать легальное основание для участия в таком контроле депутатов Думы в периоды, когда сама она не будет функционировать.⁵⁴

Серьезные разногласия вызвал состав совещаний. Правые и октябристы не хотели включать в них представителей промышленности как заинтересованную в военных заказах сторону. Кадеты, напротив, считали невозможным обходиться без прямого участия буржуазии. В конечном итоге под давлением проходившего в конце июля съезда военно-промышленных комитетов представительство промышленников было проведено в форме участия в совещаниях делегатов от ЦВПК⁵⁵ и приглашения председателями совещаний лиц по их усмотрению. Со своей стороны кадеты и прогрессисты предлагали либо вообще не вводить в совещания членов Думы и Государственного совета, чтобы не ставить их в положение исполнителей распоряжений безответственных министров, либо вводить их только как представителей особой контрольной комиссии, специально избираемой обеими палатами.⁵⁶ Это предложение было отвергнуто, но Дума приняла внесенную кадетами формулу перехода, предусматривавшую образование постоянного частного совещания членов палат, избранных по все особые совещания для координации их действий. Частное совещание должно было иметь специального председателя и делопроизводство и заседать также и в перерывах между сессиями.⁵⁷ Аналогичное пожелание было внесено (но отвергнуто) в Государственном совете, где защищавший его Д. А. Олсуфьев явно намекал, что целью пожелания является легализация заседаний начавшего складываться «прогрессивного блока».⁵⁸

Система Особых совещаний, законы о создании которых были утверждены Николаем II 17 августа, не вносила формальных изменений в государственно-правовую конструкцию третьенольской монархии. Совещания представляли собой консультативные органы при ведомствах. Возможность образования таких органов предусматривалась Учреждением министерств и частично реализовывалась раньше. Новым моментом было участие в совещательных коллегиях при министрах представителей законодательных палат, но принцип разделения властей никогда последовательно не выдерживался в России. В качестве местных отделений совещаний были в дальнейшем использованы также уже существовавшие органы соответствующих ведомств. Численный перевес представителей «общественных» и деловых кругов над чиновниками в составе совещаний нейтрализовался решающим голосом председателей-министров. Некоторым новшеством было предоставление военному министру как председателю

⁵⁴ Стенографический отчет соединенных заседаний комиссий по военным и морским делам и бюджетной. — ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 447. Заседание 23 июля 1915 г., с. 4—6.

⁵⁵ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 324.

⁵⁶ Стенографический отчет соединенных заседаний... — ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 447. Заседание 23 июля 1915 г., с. 23, 44; Заседание 24 июля 1915 г., с. 37, 43.

⁵⁷ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 525.

⁵⁸ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия одиннадцатая. 1915—16 годы. Пр., 1946, стб. 138.

⁵² «Военные сессии», с. 22.

⁵³ Представление Военного министерства в Гос. думу. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 888, л. 1—10.

Особого совещания по обороне права приостанавливать постановления других совещаний, но окончательное разрешение ведомственного конфликта выносилось, как и во всех аналогичных случаях, на Совет министров. Реальное значение созданной системы и конкретный механизм ее функционирования во многом определялись тем, какими будут отношения между коллежиями особых совещаний и их председателями. И, возможно, октябристско-кадетское большинство Думы позаботилось бы о несколько иной конструкции совещаний, если бы в конце июля и начале августа, когда Положения о них проходили через Думу, и октябристы, и кадеты не были бы убеждены в предстоящем вскоре образовании кабинета, полностью отвечающего их пожеланиям.

Еще 29 мая, подводя итоги IX съезда промышленности и торговли, «Голос Москвы» выражал уверенность, что «правительство всемерно пойдет навстречу решению наших промышленников», требовавших, как отмечалось выше, созыва Думы и предоставления буржуазии большей роли в управлении страной. Веру в возможность осуществления единства правительства и Думы высказывали в июне кадеты и «Утро России». При этом имелись в виду не только уже произведенные перемены в составе кабинета. Уже на съезде промышленников представитель московских деловых кругов Ю. И. Поплавский говорил о необходимости «усилить тех, кому поручена власть, приглашением... людей, которые бы были... достойными выразителями реальной работы торгово-промышленного класса».⁵⁹ Речь шла еще не о министерских постах, но в кулуарах настойчиво выдвигалось требование поставить во главе правительства человека, способного обеспечить единство действий власти и «общества», причем подразумевалось, что Горемыкин для такой роли не подходит.

Даже националисты и октябристы, более или менее удовлетворенные новыми назначениями, хотели удаления Горемыкина. Вряд ли В. В. Мусин-Пушкин, посредничавший между Кривошеиным и националистско-октябристским крылом Думы, действовал только на свой страх и риск, когда в июле писал Кривошеину, что «Горемыкин больше не ко времени» и пора Кривошеину самому возглавить кабинет «для объединения вокруг власти всех революционных и патристических элементов». Предупреждая против затязки такого объединения, Мусин-Пушкин подчеркивал: «Все это будет сделано, но опять как уступка (после сдачи Варшавы или чего-нибудь подобного), а не как государственная программа».⁶⁰ Можно полагать, что в первую очередь Горемыкина имели в виду и кадеты, когда в начале июля писали о недостаточности произведенных персональных перемен в кабинете.

Настроения и тактика буржуазно-либеральной оппозиции, с одной стороны, и правящих кругов, с другой — в июне—сентябре 1915 г. не могут быть поняты, если не учитывать постоянных ассоциаций, возникавших в этих кругах между происходившими событиями и революционными днями 1905 г. Воспоминания о 1905 г. заставляли не только видеть в начинающихся забастовках и демонстрациях симптомы более грозных собы-

тий (и в этом смысле кровавые столкновения в Костроме приобретали значение отнюдь не местного характера), но и оценивать собственные силы и силы своих политических противников с учетом приобретенного десять лет назад опыта.

В 1915 г., в отличие от 1905 г., у большинства кадетских лидеров не возникало иллюзий о возможности использовать народное движение в своих целях. Отчетливо ощущая слабость своей социальной базы, кадеты с самого начала войны являлись курс на сближение с более правыми политическими кругами. Не случайно на вопрос, как будут осуществлены кадетские дозунги, ЦК партии по сути дела мог сослаться лишь на давно уже обанкротившуюся тактику уговаривания власти, которая должна будет рано или поздно согласиться на предлагаемые кадетами меры под воздействием военных неудач.⁶¹ Отсюда вытекало принятое перед созывом Думы решение поддержать «для успокоения страны» правительство и не выдвигать публично даже требование отставки Горемыкина. В соответствии с принятой тактикой Миллюков, выступая в Думе, подчеркнул неудовлетворенность кадетов политическим лицом новых министров, но тем не менее выразил готовность поддерживать правительство и «не... разбирать, кто делает то, что делать нужно». В связи с этим он сосредоточил внимание на программе, в которую, кроме мероприятий, непосредственно связанных со снабжением армии, включил меры, по его мнению содействовавшие бы смягчению политического кризиса в стране. Кроме амнистии политических заключенных и прекращения преследований национальных меньшинств, в эту программу вошли только создание волостного земства, снятие ограничений с деятельности кооперативов, учреждение примирительных камер для разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями и введение подоходного налога. В очень осторожной форме Миллюков поднял вопрос о создании земельного фонда для дополнительного наделения крестьян, не уточнив, на чей счет должен быть создан такой фонд.⁶²

Значительно более требовательными были прогрессисты, отражавшие в первую очередь настроения так называемых молодых торгово-промышленных кругов Москвы, группировавшихся вокруг Рябушинского и Копыталова. В заявлении фракции 19 июля не выдвигалось конкретных предложений законодательного характера, а все внимание было сосредоточено на требовании создать ответственное перед Думой «правительство национальной обороны», составленное из «лучших представителей страны».⁶³ Сразу после этого «Утро России» разъяснило 22 июля, что такие «лучшие представители» должны быть членами Думы. На проходившем 25—27 июля съезде военно-промышленных комитетов Рябушинский настаивал на создании сильной власти и недвусмысленно намекал при этом, что «промышленные силы России... переросли свои ученические годы» и сознают в себе силу спасти Россию, а потому власть должна «пересмотреть» себя и призвать буржуазию себе на помощь. Под влиянием москвичей, одержавших верх над петроградскими лидерами Совета

⁵⁹ Стенографический отчет о заседании IX съезда представителей промышленности и торговли 27 мая 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 2, д. 5, л. 123.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 24—25.

⁶¹ Протокол заседания ЦК кадетской партии 16 июня 1915 г. — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 695, л. 4—7.

⁶² Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 97—107.

⁶³ Там же, стб. 87—92.

съездов, на съезде ВПК было принято требование включить в состав Совета министров председателя ЦВПК и глав земского и городского союзов.⁶⁴ В начале августа Рябушинский собрал у себя представителей буржуазных кругов Москвы и выступил перед ними с речью о необходимости «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти».⁶⁵ Он предложил, чтобы Московская городская дума выступила с требованием полного обновления кабинета и назвала желательный ей список министров.

Радикализм тактики группы Рябушинского—Коновалова объяснялся отчасти самоуверенностью московских миллионеров, рассчитывавших использовать в своих целях обращение к ним царизма за помощью в деле налаживания военного производства, а отчасти их меньшей по сравнению с кадетами политической опытностью. Преувеличивая растерянность монархии, Рябушинский до конца августа исходил из представления, что «нам пойдут навстречу, ибо наши армии бегут перед неприятелем».⁶⁶ Но при оценке настроений в буржуазных кругах необходимо помнить, что большая часть их, действительно оппозиционно настроенная летом 1915 г. и желавшая смены кабинета Горемыкина, была достаточно умеренна при определении средств достижения этой цели. Рябушинский и Коновалов поэтому обычно оставались в меньшинстве не только в общем буржуазно-помещичьем фронте, выступавшем под лозунгом «правительства доверия», но и в лагере собственно-либеральной оппозиции.

В начале августа и кадеты вынуждены были начать пересмотр выжидательной тактики, грозившей изолировать их от буржуазно-интеллигентских кругов, оппозиционность которых в течение июля быстро нарастала. Суммируя настроения на местах, Д. И. Шаховской говорил, что «власть у правительства вываливается из рук» и кадетам надо более резко проявить себя, так как «поведение фракции недостаточно ясно».⁶⁷ В этой обстановке 3 августа Милуков заявил в Думе: «Нам говорили об обновленном министерстве. Но это министерство более древнее, чем до 17 октября».⁶⁸ На следующий день и кадетская пресса также сочла нужным заговорить о необходимости «широкого обновления» и «устранения лиц, оскандаливших себя организаторами разъединения общества и власти», подчеркивая, что «две или три искушенные жертвы» уже недостаточны.⁶⁹

Как уже отмечалось, резкое недовольство неспособностью царизма справиться с положением распространилось и на октябристско-националистское крыло Думы. В заявлениях этих фракций 19 июля выражение готовности поддержать правительство сочеталось поэтому с требованиями устранить существующий раскол между властью и «обществом» и доказать свою способность «организовать тыл» и «энергично работать для

армии». Критикуя довоенную систему управления, которую они теперь признавали устаревшей, октябристы и националисты, однако, утверждали, что реформы, до которых страна дозрела, должны быть отложены до конца войны. Поэтому внесенная ими совместная формула перехода, выдвигавшая лозунг «правительства, пользующегося доверием страны», не содержала какой-либо политической программы, ограничиваясь пожеланием «забвения старой политической борьбы» (намек на частичную амнистию) и «благожелательного внимания власти» к интересам граждан без различия «племени, языка и веры» (что не помещало этим фракциям проголосовать против предложения приступить к отмене законодательных ограничений в этом вопросе).⁷⁰ Насколько известно, в июле — первых числах августа октябристы и националисты не ставили вопроса о замене министров «общественными деятелями».

Готовность националистско-октябристского блока удовлетвориться персональными переменами в составе кабинета и принятием конкретных мер по организации снабжения армии и тыла и сдержанность тактики кадетов до самого конца июля порождали в правительственных кругах надежду на возможность ограничиться сменой отдельных лиц и незначительными уступками, не затрагивавшими основ системы управления. Так, 24 июля Совет министров согласился с требованием Думы создать комиссию по расследованию деятельности Сухомлинова и даже включил в нее представителей палат. Предлагая «считаться с законными и разумными требованиями» Думы, Кривошеин, поддержанный в этом своими коллегами, видел в такой тактике способ «и Думу побудить считаться с нашими законными и разумными требованиями».⁷¹

Но в число «законных и разумных» требований Думы с точки зрения большинства кабинета входило и создание «правительства доверия» в его октябристско-националистском варианте: удаление Горемыкина и еще некоторых министров. На рубеже июля—августа Кривошеин, возможно, имея прямое поручение Николая II возглавить новый кабинет,⁷² начинает зондировать почву для соглашения, которое обеспечило бы ему поддержку большинства Думы. Одним из шагов в этом направлении было назначение 27 и 28 июля по инициативе Кривошеина⁷³ членов Думы Волконского и Мусина-Пушкина товарищами министра внутренних дел и главноуправляющего земледелием. Оба они были давними союзниками Кривошеина, но принадлежали к правому центру Думы, между тем создание большинства требовало привлечения на сторону правительства кадетов и прогрессистов, поскольку поддержка крайне правых была исключена. Кроме того, приходилось считаться с буржуазно-помещичьими союзами вне Думы.

Посредником между Кривошеиным и думскими лидерами выступил давний маклер правящих кругов и информатор двора о настроениях в Думе — лидер фракции центра П. Н. Крушевский. По его инициативе 9 августа на квартире Родзянко состоялось совещание кадетов, прогрессистов, октябристов, центра и части националистов, на котором речь шла

⁶⁴ Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г. Пг., 1915, с. 36, 99.

⁶⁵ Докладное московского охранного отделения [14] августа 1915 г. — В кн.: Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1926, с. 20—21.

⁶⁶ Записка моск. охр. отд. 25 авг. 1915 г. — Там же, с. 25.

⁶⁷ Протокол заседания комиссии по организации съезда кадетской партии 9 авг. 1915 г. — РО ГБЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 8^б, л. 1.

⁶⁸ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 506.

⁶⁹ Русские ведомости, 1915, 4 авг.

⁷⁰ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 65, 69—70, 72, 81, 196.

⁷¹ Архив русской революции, т. 18, с. 28.

⁷² Gurko W. J. Features and Figures of the Past. Stanford, 1939, p. 556.

⁷³ Кривошеин К. А. Указ. соч., с. 234.

о создании думского блока для поддержки будущего кабинета, причем в центре внимания была не программа блока, а возможные кандидаты в премьеры. Крупенский и кто-то еще называли Кривошеина.⁷⁴ Но в тот же день Мусин-Пушкин, подводя итоги своих наблюдений над настроениями Думы, писал Кривошеину: «Голоса разделяются, кем его (правление государственной обороны, — В. Д.) возглавить — Вами или Гучковым. Думаю, что Вы уже опоздали. Зная, как я боюсь второго, Вы можете понять, что мне стоит все это писать, а потому даже не извинюсь за дерзость письма».⁷⁵

Позиция думских лидеров в ходе обсуждения вопроса о «правительстве доверия» характеризовалась частыми переходами от готовности удовлетвориться заменой отдельных министров к требованию передачи власти в руки «общественных деятелей» и обратно. В любом случае речь шла лишь о соглашении с царизмом на основе больших или меньших его уступок, но представления о том, какого масштаба уступки можно вырвать у царизма в данный момент, резко расходились у различных буржуазных групп и быстро менялись у лидеров одной и той же группы. Все это создавало противоречивую картину «общественных настроений», решающим элементом которой было, однако, всеобщее желание выработать тактику, обеспечивающую «предупреждение народных эксцессов».⁷⁶

Ко времени совещания у Родзянко думское большинство действительно стало склоняться к мысли, что Кривошеин опоздал. Он начал переговоры 9 августа, а 10-го полиция расстреляла рабочую демонстрацию в Иваново-Вознесенске. Пролетариат ответил на расстрел новыми выступлениями. Только в Петрограде 18–19 августа забастовки протеста состоялись на крупнейших заводах Выборгской, Нарвской и Петроградской стороны. Политические забастовки слились с экономическими стачками, начавшимися еще 14-го.⁷⁷ Терзаемый призраком нового 9 января, Щербаков жаловался в Совете министров, что «с одними городскими не умиротворить Россию» и он не может бороться с «растущим революционным движением», если ему «отказывают в содействии войск, ссылаясь на их ненадежность и на неуверенность в возможности заставить стрелять в толпу». Кривошеин тоже выражал опасение, что начало революции «может оказаться неожиданно близким».⁷⁸

Аналогичные настроения быстро распространялись и в среде имущих классов. Говоря несколькими днями позже о начавшихся в Москве совещаниях «общественных деятелей» и торгово-промышленных кругов, Кошкин отмечал, что у их участников «инстинкт самосохранения играет большую роль. Очень большого подъема настроения не заметно, но страх перед нашествием и перед революцией был замечен».⁷⁹

В этой обстановке не только кадеты и прогрессисты, но и октябристы

сочли министерство Кривошеина недостаточным для успокоения страны. Начиная с 13 августа «Речь» настойчиво повторяла, что время перетасовки старых имен прошло и необходимо «общественное» министерство, прямо отвергая кандидатуры Кривошеина и Сазонова. Аналогичным образом высказывалось «Утро России» (21 и 23 авг.), говорившее, что еще недавно назначение Кривошеина могло бы считаться уступкой «обществу», но этот момент уже упущен. Газета передавала недовольство октябристов замедленностью реакции верхов на происходящее в стране.

Страх перед надвигающейся революцией и потеря веры в способности царизма предотвратить поражение своими силами, вызывавшие рост оппозиционных настроений буржуазии и помещиков, заставляли их искать способы преодоления или временного сглаживания прежних разногласий и объединения сил. Поэтому, хотя формальным поводом совещания 9 августа была попытка Кривошеина найти в Думе большинство для себя, переговоры фракций были продолжены и после того, как идея министерства Кривошеина была отвергнута. Эти переговоры привели 12 августа к созданию «прогрессивного блока» в составе кадетов, прогрессистов, октябристов, центра и части националистов (во главе с В. Побриным и Шульгиным) в Думе, академической группы и большей части центра в Государственном совете.

Буржуазное и помещичье крыло блока шло в него, побуждаемые общими ближайшими целями самосохранения и защиты монархии, но по-прежнему расходясь в определении перспектив развития. Сохраняя, как всегда, готовность к соглашению с царизмом и, больше того, считая блок «последним средством спасти монархию»,⁸⁰ либеральная буржуазия одновременно хотела воспользоваться выгодным моментом для изменения условий этого соглашения и увеличения своей доли участия в управлении страной и намеревалась закрепить в совместной программе блока некоторые из своих политических требований, до войны встречавших сопротивление помещичьих кругов. При этом буржуазия рассчитывала, что дорвавшись однажды до власти, она сумеет упрочить свои позиции в дальнейшем. Со своей стороны помещичья часть блока считала нужным в обстановке военных неудач и перед лицом растущего народного возмущения пойти на некоторые политические уступки буржуазии, надеясь с помощью такого «малого крена влево» предотвратить «огромный, быть может катастрофический крен влево после войны».⁸¹ Но помещичьи фракции явно надеялись, что можно будет обойтись временной и кажущейся уступкой власти⁸² и взять ее назад после победы. Создание блока, таким образом, прикрывало компромиссной оболочкой, но отнюдь не ликвидировало противоречия между полукрепостническими и буржуазными элементами трехклассной системы.

Все эти обстоятельства сказались на содержании программной декларации блока, выработанной по настоянию кадетов. Общая часть декларации состояла из требований, направленных на смягчение политиче-

⁷⁴ Падение царского режима, т. 6, с. 316.

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 30.

⁷⁶ Записка моск. охр. отд. 26 авг. 1915 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1915, д. 343, от. 4, л. 213–218.

⁷⁷ История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 1, с. 483.

⁷⁸ Архив русской революции, т. 18, с. 63, 64.

⁷⁹ Протокол заседания МО ЦК кадетской партии 19 авг. 1915 г. (Черновик). — РО ГВЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 8д, л. 2.

⁸⁰ Миллюков П. Н. г. Гурко и новейшая история России. — Последние новости (Париж), 1924, 4 нояб.

⁸¹ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 1178.

⁸² Шульгин В. В. Дни. Л., 1925, с. 58.

ского кризиса в стране: создание правительства, пользующегося доверием общества и опирающегося на Думу; обновление состава местной администрации; уступки в национальном и вероисповедном вопросе; освобождение некоторых категорий политических заключенных и административно высланных. Декларировалась также желательность восстановления профсоюзов и прекращения преследований большевистских казас. Большая часть этих требований, сформулированных в неопределенных выражениях, допускавших позднейшие перетолкования, не нашла отражения в программе ближайшего законодательства, на котором настаивал блок. Эта программа предусматривала лишь пересмотр системы местного самоуправления, закрепление правового положения земского и городского союзов и кооперативных организаций и устранение некоторых преград на пути капиталистического развития деревни.⁸³

И эту программу большинство участников блока считало малоосуществимой во время войны. Смыслом и целью блока была замена кабинета Горемыкина «властью, опирающейся на народное доверие». Но по вопросу о том, из кого должно состоять «правительство доверия» и как добиться его создания, в блоке и в буржуазно-помещичьих кругах за пределами Думы не было ни единодушия, ни ясности.

В первый момент после создания блока и под впечатлением растущей растерянности в верхах прогрессисты и часть кадетов (особенно провинциальных) решили, что их час пробил. 13 августа «Утро России» опубликовало список кабинета во главе с Родзянко, включавший еще двух октябристов (Гучков и Савич), четырех кадетов (Милуков, Шингарев, Некрасов, В. Макаков), двух прогрессистов (Коновалов, Ефремов), В. Н. Львова от фракции центра и трех наиболее популярных старых министров — Поливанова, Кривошеина и Игнатьева. «Утро России» называло этот список кадетским, а Милуков в своих воспоминаниях писал, что он был составлен в квартире Рябушинского.⁸⁴ В бумагах Николая II в качестве кадетского фигурировал почти аналогичный список, но без Родзянко и Гучкова, вместо них в премьеры и министры внутренних дел предполагался Г. Е. Львов.⁸⁵ Этот список, по-видимому, в большей мере отражал взгляды кадетов, принявших 22 августа решение поддержать кандидатуру Львова, хотя они и колебались между ним и Родзянко, сомневаясь, на кого из этих двух деятелей смогут оказывать большее влияние. Большинство московских кадетских лидеров боялись власти, считая, что при существующем «запутанном и опасном» положении надо отказываться от власти, даже если ее предложат. К такой же позиции склонялись и петроградские лидеры, согласившиеся поддержать Львова, но не выдвигавшие ни его, ни других кандидатур сами.⁸⁶ По сведениям Мусина-Пушкина Милуков говорил, что кадеты не ищут власти в данный момент и считают достаточным «переменить главу правительства на

умного бюрократа».⁸⁷ Показательно, что и Гучков хвалил «государственную мудрость» кадетов, понимающих, «что их время еще не пришло».⁸⁸

Сам Гучков на какой-то момент, может быть, решил, что его время пришло. Сохранилось два списка «правительства доверия» во главе с Гучковым (опубликованный «Утром России» и находившийся в бумагах Николая II). В каждом из них кадетам, прогрессистам и центру отводилось по одному министерскому портфелю, а остальные делились между октябристами и представителями бюрократии. (Любопытно, что в октябристских списках отсутствует Родзянко). Но уже 18 августа Мусин-Пушкин, подводя итоги разговоров с лидерами помещичьего крыла блока, ссылавшимися и на своих более левых коллег, писал Кривошеину: «Дума смеется над возможностью министерства Родзянко, не говоря о кн. Львове. Хотели одно время Гучкова, но теперь только и хотят и говорят о Вас».⁸⁹

В числе причин, вызвавших не проявившееся публично, но высказываемое неофициально падение претензий блоковых лидеров на министерские посты, было и сознание того, что у блока нет способов заставить царизм передать власть из рук бюрократии в руки «общественных деятелей». 16 августа для обсуждения вопроса о том, как добиться «министерства доверия», в Москве у Коновалова было проведено совещание, в котором участвовали представители Москвы и прилегающих к ней торгово-промышленных центров. Для укрепления позиций Думы и для оказания давления на правое крыло блока было решено организовать выступления городских самоуправлений. Открывая серию таких выступлений, Московская городская дума 18 августа приняла приговор, в котором заявляла, что «стоящая ныне перед страной ответственная задача требует создания правительства, сильного доверием общества».⁹⁰ В попытке договориться с царизмом до того, как обстановка в стране станет еще более острой, либеральная оппозиция широко поддерживала выступление Московской думы, делая особый упор именно на умеренности ее лозунгов. Одновременно представители группы Рябушинского — Коновалова предлагали на случай неуспеха действий блока направить помимо Думы депутацию непосредственно к царю и создать на местах «коалиционные комитеты» из представителей городских самоуправлений, буржуазных организаций и т. п., которые должны были бы вести кампанию в пользу «правительства доверия», а в будущем служить его опорой. На совещании у Коновалова был даже намечен состав депутации, но Московская дума отвергла обе эти идеи, как слишком радикальные.⁹¹

Как раз тогда, когда буржуазно-помещичья общественность совершала поворот в сторону уменьшения своих притязаний, и в значительной степени вследствие этого поворота большинство Совета министров стало склоняться к скорейшему удовлетворению требования о создании «правительства доверия».

⁸³ Речь, 1915, 26 авг.

⁸⁴ Милуков П. И. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 273.

⁸⁵ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 98.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 194—195; РО ГЕЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 8л, л. 1, ед. хр. 8д, л. 2—3.

⁸⁷ В. В. Мусин-Пушкин — А. В. Кривошеину 18 авг. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 13.

⁸⁸ Утро России, 1915, 23 авг.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 13.

⁹⁰ Известия Всероссийского союза городов, 1915, № 19, с. 191. (Далее — Известия ВСГ).

⁹¹ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 104—107.

В Совете министров не было единства и в вопросе об отношении к складывавшемуся «прогрессивному блоку» и к буржуазным организациям. Вернее сказать, члены кабинета были едины в своем неприятии оппозиции, но в создавшейся обстановке расходились в оценке того, можно ли решиться отвергнуть ее требования. Поэтому, выражая недовольство «наскоками» Думы на власть, большинство министров склонялось к соглашению с ней. «У страны, — говорил 9 августа Харитонов, — нет доверия к нынешнему правительству. Армия и население надеются не на нас, а на Государственную думу и военно-промышленные комитеты».⁹² Однако неудача попытки Кривошеина заручиться большинством в Думе поставила перед ним и его союзниками вопрос о том, как далеко можно идти навстречу требованиям блока.

Максималистские ноты, прозвучавшие в претензиях буржуазно-помещичьей общественности в начале десятых чисел августа, видимо, вызвали у Кривошеина сомнение в целесообразности уступок вообще. «Если некоторые политические деятели не желают правильно понять проявленную правительством мягкость и пользуются ею для агитационных целей, — раздраженно заявил он 11 августа, — то надо поговорить с ними на другом языке». Горемыкин немедленно подхватил эту идею и стал предлагать привычные для царизма формы реакции на общественное недовольство: «Нечего стесняться с этой компанией: газету закрыть, а издателей с редакторами посадить куда следует для вразумления». Резкое недовольство буржуазно-помещичьей оппозицией отчетливо проявлялось и в высказываниях министров 16 августа. Кривошеин, Харитонов, Щербатов и Хвостов категорически выступили против создания частного совещания членов палат, вошедших в Особые совещания, а к брюзжанию по поводу оппозиционности печати примкнул и Поливанов. Барк, Харитонов и Щербатов высказались за «отрезвляющую демонстрацию» в виде закрытия нескольких газет, а Горемыкин сразу же предложил распустить Думу, если она станет протестовать против таких действий.⁹³

Но внутри правительства только Горемыкин последовательно придерживался линии на разгон Думы. Остальных пугала перспектива открытого конфликта с умеренными кругами общества в условиях растущего кризиса в нилах. Поэтому после того как появились симптомы готовности блока отказаться от «общественных» кандидатов в премьеры, а Московская дума, отклонив предложения Рябушинского—Коновалова о депутации и о коалиционных комитетах, приняла подчеркнуто лояльный приговор 18 августа, даже не входивший в кривошеинскую группу министр торговли Шаховской выступил за компромисс с блоком. «Мы, — говорил он, — должны сказать его величеству, что пока общественные пожелания вообще и московские в частности еще остаются умеренными... Поэтому отметить все огулом было бы опасно. Нельзя не считаться с тем фактом, что поражения на фронте создали революционно-повышенное настроение в стране». В том же духе высказывался Харитонов, подчеркивавший, что «Москва за время войны стала средоточием общественных элементов и голос ее является отражением значительной

части русского населения». Еще более отчетливо формулировали свою позицию Поливанов и Кривошеин. Последний, повторив свой постоянный тезис о необходимости выбора ясной политики — либо решительной диктатуры, либо соглашений с блоком — теперь однозначно высказался за «коренное» изменение внутривластного курса. «Наш кабинет общественным ожиданиям не отвечает и должен уступить место другому, которому страна могла бы поверить... Не время рисковать, отталкивать от себя огромное большинство».⁹⁴ Поскольку Горемыкин упорно противился мнению своих коллег, решено было просить царя обсудить дальнейшее направление внутренней политики на специальном заседании Совета министров под его председательством.

Разногласия в правительстве из-за внутривластного курса еще более усугублялись конфликтом на вопросу о верховном командовании. Война внесла дезорганизацию в систему управления страной. Губернии прифронтовой зоны (очень широкой) были и во многих делах гражданского управления подчинены Ставке, а во внутренних губерниях Ставка вмешивалась в решение проблем, хотя бы косвенно касающихся ее снабжением армии. Самовластный характер Николая Николаевича и самоустранение Горемыкина от всего, имевшего отношение к военным действиям, вели к постепенному усилению влияния Ставки и ущерб Совету министров, к двоевластию военных и гражданских органов и ведомственной неразберихе. Даже Кривошеин, постоянно прибегавший к содействию великого князя для устройства дел сугубо внутривластного свойства, характеризовал отношения Ставки и кабинета как бедлам и сетовал, что Ставка и ее представители в тылу не считаются с интересами гражданского управления.⁹⁵ Устранение Николая Николаевича и восстановление единства власти было поэтому давно назревшей необходимостью.

Но когда в июле Николай II стал склоняться к мысли самому стать во главе армии, он руководствовался иными соображениями. Как уже отмечалось, Ставка в силу необходимости все больше расширяла контакты с Думой, земским и городским союзами и другими «общественными» организациями. В блоке с кривошеинской группой Николай Николаевич стал оказывать влияние на перемены в составе Совета министров. Буржуазные круги стали явно тяготеть к великому князю, приписывая ему инициативу «либеральных» начинаний власти. Это вызвало ревнивое отношение царя, не любившего, чтобы кто-то заслонил его в глазах подданных. С того момента, как в июне Николай II принял в Ставке решение о смене министров и созыве Думы, убрать великого князя стремилась и Александра Федоровна.⁹⁶

Как ни ворчали министры на Ставку, как ни хотели они установления единовластия, но, когда 6 августа Поливанов информировал коллег о решении царя, они пришли в ужас. Министры понимали, что, не обладая военными талантами, Николай II станет проводником безответственных влияний на планирование военных операций. Кроме того, его отъезд

⁹² Архив русской революции, т. 18, с. 58—59.

⁹³ Там же, с. 63, 65, 72—76.

⁹⁴ Там же, с. 84—85.

⁹⁵ Там же, с. 18.

⁹⁶ Переписка Романовых, т. 3, с. 218.

из столицы нарушал нормальное управление страной и создавал для Александры Федоровны соблазн к еще большему вмешательству в дела.⁹⁷ Министров пугала также перспектива дальнейшего отхода армии уже под личным командованием царя, когда некого будет сделать козлом отпущения. Поэтому большинство Совета министров считало необходимым переубедить Николая II.

Около 10 августа, уже известив Николая Николаевича о предстоящей отставке, царь заколебался и велел сообщить великому князю, что смена командования откладывается до выяснения положения на фронте. Это вселило в министров надежду на компромиссное решение — провозгласить Николая II главнокомандующим, но объявить, что он берет на себя непосредственно формирование новой армии для будущего наступления (в качестве ядра такой армии Харитонов предложил вызвать в Петроград гвардию, прибавив, что «это сейчас не вредно»⁹⁸). Такая комбинация давала бы возможность заменить в Ставке Янушкевича генералом Алексеевым, а царь оставался бы в столице, доступный влиянию кабинета. Для смягчения беспокойства буржуазной общественности, узнавшей о предстоящих переменах в Ставке и начавшей активную кампанию протеста, выдвигалась идея объявить, что Николай Николаевич остается «ближайшим помощником» царя.⁹⁹ Приговор Московской думы, демонстративно выразившей доверие великому князю, заставил министров снова заговорить о необходимости убедить Николая II хотя бы на время отложить смену верховного командующего.¹⁰⁰

Судя по поведению Горемыкина, он тоже был против смещения Николая Николаевича или по крайней мере считал его несвоевременным. Еще в июле он предостерегал коллег от чрезмерных жалоб на Ставку, поскольку «в Царском Селе накапливает раздражение и неудовольствие против великого князя».¹⁰¹ В августе он предупреждал, какие аргументы в поддержку Николая Николаевича могут возыметь обратное действие. Но старый бюрократ считал себя обязанным выполнять любые повеления царя. «Верноподданные, — формулировал он свое кредо, — должны подчиняться, какие бы ни были последствия. А там дальше воля божья».¹⁰² Политика Горемыкина по всем основным вопросам не только делала невозможным сотрудничество с ним большинства кабинета, но и исключала соглашение с блоком. Сочтя свои шансы возглавить «правительство доверия» утраченными после отрицательной реакции блока 9—10 августа или по-прежнему избегая первых ролей, Кривошеин с 12 августа начал выдвигать кандидатуру Поливанова, пользовавшегося расположением октябристско-кадетских кругов, и прибегал при этом к аргументации, способной подействовать на царя. Так, в плане устного доклада Кривошеина Николаю II 20 августа записано: «Военный лагерь.

Военный во главе».¹⁰³ Одновременно Кривошеин предлагал ввести в будующий кабинет общественных деятелей, в том числе Гучкова.¹⁰⁴

По-видимому, какое-то время Николай II не отвергал идею поливановского премьерства. Но на заседании Совета министров 20 августа, проходившем под председательством самого Николая, царь, поддержанный одним Горемыкиным, отклонил просьбу отложить отъезд в Ставку, а по существу и предложения о введении с блоком, что делало назначение Поливанова бессмысленным. Однако по своему обыкновению Николай уклонился от решительного ответа, предложив министрам представить доклад относительно будущей правительственной программы. 21 августа Харитонов, Кривошеин, Сазонов, Барн, Щербатов, Самарин, Игнатьев и Шаховской подписали составленное Самариным коллективное письмо Николаю о своем «коренном разномыслии» с Горемыкиным и невозможности работать под его председательством.¹⁰⁵

Опубликование программы блока усилило стремление большинства кабинета договориться с ним как с «новой организацией, которая представляет собой всю антиреволюционную Думу». Встреча Харитонova, Щербатова, Шаховского и Хвостова с представителями блока 27 августа еще больше укрепила веру царских сановников в возможность сговориться по программным вопросам, тем более, что от них не укрылись внутренние противоречия в самом блоке. Проблема заключалась в том, что блок требовал отставки кабинета и создания «правительства доверия». Отсюда у Щербатова и Самарина возникла идея попытаться расколоть блок и образовать в Думе «сочувствующее нам ядро хотя бы человек в двести» и, сговорившись с ними, распустить Думу, проведя приемлемую часть программы блока по ст. 87. Для этих министров сотрудничество с кадетами все еще казалось недопустимым, и Самарин заявлял, что в его глазах Миллюков, «какою шкурою он ни прикрывался, будет всегда... революционером». Имевший больше опыта личного общения с кадетскими лидерами Сазонов был готов к сотрудничеству с ними, справедливо отмечая, что «если только обставить все прилично и дать лазейку, то кадеты первые пойдут на соглашение».¹⁰⁶

Но такой «лазейкой» могла быть лишь смена министерства. Дело было не только в том, что блок действительно не доверял ряду министров, но и в том, что он слишком далеко зашел в своем требовании «правительства доверия», чтобы отказаться от него. Подобный отказ был бы не прикрытой капитуляцией и привел бы к полной потере влияния думских лидеров на широкие буржуазно-помещичьи слои. Как раз в эти дни экстренный съезд военно-промышленных комитетов московского района, созванный Рябушинским, потребовал «перестройки самой руководящей правительственной власти» и «немедленного призыва новых лиц, обле-

⁹⁷ Падение царского режима, т. 6, с. 11; 1927, т. 7, с. 220.

⁹⁸ Архив русской революции, т. 18, с. 67.

⁹⁹ См. проект обращения Николая к членам Особого совещания по обороне. [Между 17 и 22 авг. 1915 г.]. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 245, л. 96.

¹⁰⁰ Архив русской революции, т. 18, с. 86.

¹⁰¹ Там же, с. 21.

¹⁰² Там же, с. 94.

¹⁰³ Карандашный план устного доклада (помета «20 августа» без года). — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 245, л. 60.

¹⁰⁴ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924, с. 223—225.

¹⁰⁵ Sazonoff S. D. Sechs schwere Jahre. Berlin, 1927, s. 356—357. Поливанов и Григорович, солидарные с содержанием письма, не подписали его по соображениям воинской дисциплины.

¹⁰⁶ Архив русской революции, т. 18, с. 93, 108, 114, 115.

ченных доверием страны». ¹⁰⁷ 26 августа Петроградская дума по предложению Гучкова приняла резолюцию, требовавшую, чтобы во главе страны была поставлена «власть, неповинная в грехах прошлого», и чтобы был осуществлен «крутой поворот со старого пути, который привел нас к тяжелому положению». ¹⁰⁸ Даже правое крыло блока политически и психологически не могло в августе пойти на открытое отступление от только что выработанной декларации, главным содержанием которой был лозунг «правительства доверия». Не разделявший программы блока Мусин-Пушкин писал 28 августа Кривошеину, что если принятие этой программы есть «залог объединения страны и страны с властью, то это столь малая доза лекарства, что, перекрестившись, и страна, и власть должны проглотить ее, не поморщившись». ¹⁰⁹

Прекрасно понимая это и без Мусина-Пушкина, Кривошеин и Харитонов на заседании Совета министров 28 августа, обсуждавшем итоги переговоров с блоком, вновь подчеркнули, что дело не в программе, а в создании правительства, которое удовлетворило бы блок по своему персональному составу. Горемыкин опять запротестовал, увидев в этом «ограничение монарха в прерогативе избрания министров», ¹¹⁰ и тогда по настоянию большинства кабинета была составлена мемория, в которой подчеркивалась необходимость «точно определить дальнейшее направление правительственной политики и призвать сообразно с принятым по этому предмету решением в состав правительства объединенных общностью взглядов на предстоящие задачи лиц». ¹¹¹ В тот же день Горемыкин выехал в Ставку, чтобы получить одобрение своей позиции и разрешение закрыть заседания Думы. Непрерывные колебания большинства кабинета на протяжении августа между желанием игнорировать требования буржуазно-помещичьей оппозиции и признанием необходимости идти на принятие этих требований, завершившиеся беспрецедентным в истории царской России коллективным ультиматумом, предъявленным царю, свидетельствовали о глубине кризиса верхов.

О том же свидетельствовали постоянные колебания лидеров «прогрессивного блока» и буржуазно-помещичьих организаций. Как уже отмечалось, опыт 1905 г. оказывал самое прямое влияние на тактику и либеральной оппозиции, и царской бюрократии. Либеральные лидеры хорошо помнили, что революционный пролетариат умеет использовать в своих интересах и разногласия в верхах. Уже по одному этому они не могли себе позволить длительного «штурма власти» даже в легальных формах. К тому же летом 1915 г., как отмечал В. И. Ленин, либеральная буржуазия действовала вместе с «самыми широкими слоями консервативной буржуазии и помещиков». ¹¹² Пока царизм отступал, участие в «прогрессивном блоке» нелиберальных буржуазно-помещичьих элементов расширяло фронт оппозиции и оказывало влияние на часть правящих верхов,

которые не пошли бы на уступки кадетам, но склонны были прислушиваться к мнению октябристов и националистов. Но при первых же признаках поворота Николая II к разгону Думы и увольнению вышедших из повиновения министров участие нелиберальных кругов усилило присущую и самим либералам готовность отказаться и от программных требований, и от тактических лозунгов ради соглашения с властью.

Прямо в день отъезда Горемыкина в Ставку лидеры буржуазно-помещичьих организаций в Москве, а на следующий день бюро «прогрессивного блока» в Петрограде высказались за отказ от ультимативности при отстаивании программы блока, т. е. за отступление. Московское совещание считало еще возможным продолжать давление на правительство с помощью приговоров городских Дум по типу московского и надеялось на обращение предстоящих съездов земского и городского союзов непосредственно к царю. ¹¹³ Но бюро «прогрессивного блока» боялось и обращения к царю как слишком крайней меры, за которой последует «конфликт с самой верховной властью». ¹¹⁴ Продолжая в «Речи» (1915, 13 авг.) писать о невозможности для блока уступить что-либо «из своих минимальных требований», Милюков за закрытыми дверями совещаний говорил о необходимости таких уступок. ¹¹⁵ В то же время, возлагая надежды на «высоту государственного разума» Николая II и его ближайшего окружения, либеральная буржуазия продолжала доказывать, что правительство блока смогло бы лучше защитить интересы монархии, чем это возможно при откровенно реакционном курсе.

Однако правящие круги уже имели в 1905 г. случай убедиться и в отсутствии у либерализма собственных сил и решимости для борьбы за его политическую программу, и в существовании глубоких противоречий между либеральным и демократическим лагерями, исключавших как выступление революционно-демократических масс под флагом поддержки Думы и «прогрессивного блока», так и способность блока сдерживать революционные выступления масс, если бы они начались. Это на какой-то момент забыли растерявшиеся министры из группы Кривошеина. Но Николай II и его ближайшее окружение не склонны были идти на уступки либеральной буржуазии, которую они по-прежнему ненавидели, но меньше опасались. Постоянные контакты с думскими лидерами оказали дурную услугу Кривошеину, Сазонову и их коллегам. Обсуждение различных комбинаций «коалиционных» и «общественных» кабинетов привело к временной утрате представления о реальных потенциях тех или иных претендентов на роль выразителей «общественного» мнения и о характере царя. Только растерянностью можно объяснить такие грубые просчеты опытного инсигнатора многих политических интриг Кривошеина, как коллективное письмо министров 21 августа и мемория 28 августа, адресованные не терпящему коллективных акций царю, или предложение включить в правительство ненавидимого Николаем Гучкова. Для Николая II разрешение деятельности земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов и создание особых совещаний были

¹⁰⁷ Буржуазия накануне... с. 25.

¹⁰⁸ Утро России, 1915, 27 авг.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 290, л. 35—36.

¹¹⁰ Архив русской революции, т. 18, с. 119, 123, 124.

¹¹¹ Мемория Совета министров 28 авг. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 92—93.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.

¹¹³ Буржуазия накануне... с. 29—32.

¹¹⁴ Красный архив, 1932, № 1—2, с. 150—154.

¹¹⁵ Докладные московского градоначальника в МВД 29 авг. 1915 г. — В кн.: Буржуазия накануне... с. 32.

мерами, обусловленными и ограниченными во времени нуждами войны, а персональные перемены в правительстве в июне — июле тактическим маневром, связанным с необходимостью сбить волну недовольства буржуазии без того, чтобы поступиться при этом реальным объемом власти. В этом отношении Горемыкин был для царя нужным человеком на нужном месте. Опытный бюрократ и убежденный реакционер, он мог выступать не только исполнителем царской воли, но и советником, в совпадении политического кредо которого с их собственным Николай II и Александра Федоровна не сомневались. Уже имевший за плечами разгон I Думы, Горемыкин считал, что роспуск сессии IV Думы не вызовет массовых выступлений, ибо «ставить рабочее движение в связь с роспуском Думы неправильно... Будем ли мы с блоком или без него — для рабочего движения это безразлично».¹¹⁶ В способности же царизма справиться с рабочим движением старыми полицейскими методами Горемыкин пока не сомневался.

Выбор момента, когда можно будет пойти на открытый конфликт с оппозиционным блоком, определялся поэтому для Николая, Горемыкина и всего крайне правого лагеря в верхах ситуацией на фронте и ходом переговоров о союзнических кредитах России. Самый отъезд Николая в Ставку был оттянут до 22 августа, когда ген. Алексееву удалось вывести армию из польского мешка. К концу месяца положение на фронте в основном стабилизировалось. Близились к завершению и переговоры о займах. В этих условиях Николай счел поворот вправо своевременным, а для создания хотя бы фикции общественной поддержки такого поворота были мобилизованы силы черносотенной реакции. «Московские ведомости», «Русское знамя» и «Земщина» выступили с требованием разгона Думы. Также напоминая об уроках 1905 г., правая пресса предостерегала против любых уступок, которые лишь увеличивают «аппетит хищного зверя».¹¹⁷ Кампания правых прямо инспирировалась определенными кругами сверху. Директор канцелярии МПС Н. И. Туган-Барановский докладывал Рухлову о подготовке каких-то выступлений правых в Петрограде и в Москве «в случае необходимости» и о том, что речь правого националиста П. А. Сафонова в Думе 28 августа, в которой тот обвинил «прогрессивный блок» в готовности прибегнуть к помощи «улицы», была одной из акций, запланированных на совещаниях у Балашова.¹¹⁸

Выступая от имени страны, лидеры крайне правых не имели за собой даже собственных организаций. В этом плане особенно показательно письмо председателя Постоянного совета объединенного дворянства А. П. Струкова Горемыкину 23 августа, в котором он нападал на «стремление некоторой части общества пользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей» и выступал за «незыблемость основ существующего порядка».¹¹⁹ Это письмо было фактически личной акцией Струкова и его ближайших единомышленников в Совете и вызвало недовольство большинства дво-

рянских губернских организаций. Тем не менее уже 24 августа Горемыкин использовал его на заседании кабинета как документ, который можно противопоставить по значимости приговору Московской думы и другим проявлениям оппозиционных настроений буржуазии и дворянства.

3 сентября сессия Думы была закрыта, причем вернувшийся из Ставки Горемыкин предлагал в случае, если съезды земского и городского союзов выступят с протестами, закрыть и союзы, не заботясь о прискакивании подходящей статьи закона.¹²⁰ «Перед нами, — писал В. И. Ленин, — всякая оппозиция монархии и крепостников-помещиков: „не отдавать“ России либеральной буржуазии».¹²¹

Переход реакции в наступление на буржуазно-помещичью оппозицию совпал с новой волной стачечного движения. После ряда политических стачек в середине августа ЦК РСДРП начал готовить всеобщую забастовку. В попытке предотвратить ее полицейские власти на рубеже августа — сентября арестовали многих руководителей революционного подполья, но этим лишь ускорили выступление пролетариата. 2—5 сентября в Петрограде состоялась забастовка, число участников которой в момент наибольшего подъема достигло 71,7 тыс. человек. На Выборгской стороне произошли столкновения с полицией, на ряде предприятий были произведены выборы в Совет рабочих депутатов.¹²² 3—9 сентября проходила общегородская стачка в Москве, причем на митинге у бастовавших трамвайщиков раздавались призывы к свержению правительства Горемыкина.¹²³ И хотя часть рабочих выдвинула лозунг протеста против разгона Думы, оппозиция как огня испугалась такой поддержки. «Если бы забастовала Россия, — говорил В. Маклаков на заседании бюро прогрессивного блока, — власть, может быть, уступила бы, но этой победы я не хотел бы».¹²⁴

«Равно» Думы поставил оппозицию перед необходимостью выработать дальнейшую тактику, общее направление которой было predeterminedено боязнью и народного выступления, и открытого столкновения с короной. В то же время для лидеров либерального крыла блока была невозможна полная отказ от выражения недовольства, так как это означало остаться за бортом даже буржуазно-интеллигентского оппозиционного движения. Из этого вытекала линия, выработанная на ряде совещаний в первых числах сентября и закрепленная на съездах земского и городского союзов 7—9 сентября. Съезды подтвердили лозунг «правительства доверия», потребовали скорейшего возобновления сессии Думы и избрали делегации для вручения своих резолюций Николаю II.¹²⁵ 3 сентября, в день роспуска Думы, «Утро России» демонстративно выступило со статьей «Политическая идеология либеральной русской буржуазии», в которой формулировало программу московских промышленников, более радикальную, чем программа блока, и содержавшую требования ответ-

¹²⁰ Архив русской революции, т. 18, с. 134—136.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.

¹²² История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 484—486.

¹²³ Запись совещания у Челнокова 6 сент. 1915 г. — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 735, л. 1.

¹²⁴ Красный архив, 1932, № 1—2, с. 155.

¹²⁵ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 120—123.

¹¹⁶ Архив русской революции, т. 18, с. 107.

¹¹⁷ Земщина, 1915, 21 авг.

¹¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1576, оп. 1, д. 235, л. 4.

¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1652, оп. 1, д. 220, л. 37.

ственного министерства и отмены национальных и вероисповедных ограничений. На следующий день в статье «С кем идти?» газета обосновывала права буржуазии на руководящую роль в стране. Предостерегая рабочий класс против стремления выйти «за пределы того исторического этапа, на котором сейчас находится... жизнь России» (это было призывом к оппортунистическим лидерам удержать массы от борьбы за социализм), «Утро России» одновременно обращалось к правящим кругам с напоминанием, что «наступил момент, когда государственным строительством должна руководить созревшая воля торгово-промышленного класса». Если декларации «Утра России» имели задачей подтвердить неизменность стратегических устремлений буржуазии, то публичные заявления кадетов преследовали цель создать впечатление неизменности ее тактической линии. Милюков в интервью «Русским ведомостям» (10 сент.) и в передовицах «Речи» (например, 16 сент.) доказывал, что роспуск Думы есть продукт случайной, временной, короткой победы одной из борющихся сторон, и скоро «общие пожелания, кристаллизовавшиеся в программе прогрессивного блока, претворятся в действительность».

В какой-то мере эти заявления отражали действительно существовавшие иллюзии возможной скорой перемены, порожденные увлечением собственной пропагандистской шумихой о «решающей роли» союзов и ВПК в организации тыла, победой оппозиции на выборах в Государственный совет от торговли и промышленности и преувеличенными слухами о сохраняющихся разногласиях в верхах. Но в большей степени это был блеф, имитировавший активность во имя сохранения лица при готовности снять прежние требования. Уже 5 сентября кадетские лидеры вернулись к идее правительства Кривошеина с участием и некоторых других старых министров, т. е. отказались от требования полной смены кабинета.¹²⁶ Городской съезд категорически отверг предложение левого крыла о пересмотре тактики в случае отказа от приема депутатов, а когда этот отказ последовал, либеральная пресса уже публично предостерегала против «каких-либо новых выступлений в данный момент».¹²⁷

Но ни о каком кабинете Кривошеина уже не могло быть и речи. С удовлетворением приняв к сведению умеренность резолюций земского и городского съездов и сообщив об этом правительствам союзных держав,¹²⁸ Николай II решительно отказался от любых примирительных жестов в сторону оппозиции¹²⁹ и приступил к «карательной экспедиции» против проявивших самостоятельность министров.¹³⁰ Вопрос о повороте вправо был, как отмечалось, окончательно решен им уже в августе, но тогда Николай II предпочитал не производить немедленной перетасовки кабинета, может быть, оглядываясь на союзников (соглашения о кредитах, достигнутые в принципе, еще не были подписаны), а, может быть, не считая момент подходящим для этого и с внутривнутриполитической точки

зрения. Но уже 11 сентября, в тот же день, когда Николай II отверг просьбу о приеме депутатских союзов, он вызвал в Ставку весь Совет министров. Савоиники еще раз попробовали убедить царя в целесообразности более мягкого курса, но это лишь укрепило его во мнении, что «должны произойти перемены».¹³¹ 26 сентября были уволены Щербатов и Самарин. Отставка Кривошеина, в принципе решенная, была отложена на месяц,¹³² чтобы не подчеркивать, что несогласие с поворотом вправо выражало большинство кабинета. 28 сентября, как бы для того, чтобы поставить все точки над «i», в Петроград, кем-то заблаговременно вызванный, вернулся Распутин.

Лето 1915 г. ознаменовало собой следующую ступень углубления кризиса самодержавия. «Рангон» IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока и ней на либералов, октябристов и националистов, — писал В. И. Ленин, — вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России».¹³³ В ходе политического кризиса верхов летом 1915 г. выявился и усилился процесс изоляции царизма от социально родственных ему элементов, когда не только либеральная, но и консервативная буржуазия и поместное дворянство открыто признали неспособность царизма справиться с его важнейшими функциями. Как ни ограничены и непоследовательны были проявления оппозиционности этих слоев, всей своей историей не приученных оказываться в оппозиции к власти, как ни стремились все буржуазно-помещичьи слои, объединившиеся в «прогрессивном блоке», к укреплению социальной базы монархии, объективно сам факт создания блока и его конфликт с правящими кругами свидетельствовал об ослаблении и сужении социальной базы царизма перед лицом растущей угрозы его существованию. В то же время события лета 1915 г. еще раз показали, что только активные действия народных масс способны заставить царизм, как это было в 1905 г., поступиться хотя бы частью своей власти, тогда как выступления буржуазно-помещичьих кругов не в состоянии склонить царя к сколь-нибудь серьезным политическим уступкам.

¹³¹ Там же, с. 364.

¹³² Кривошеин К. А. Указ. соч., с. 271—272.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.

¹²⁶ Буржуазия накануне... с. 42—45; Протокол заседания кадетской фракции 5 сент. 1915 г. (Черновик). — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 963, л. 1.

¹²⁷ Утро России, 1915, 19 сент. См. также: Русские ведомости 1915, 18 сент.

¹²⁸ Международные отношения в эпоху империализма. М.; Л., 1935, Сер. III, т. 8, ч. 2, с. 392.

¹²⁹ См.: Дикин В. С. Указ. соч., с. 125—126.

¹³⁰ Переписка Романовых, т. 3, с. 340.

ЦАРИЗМ И ОППОЗИЦИЯ (1915—1916 гг.). ОБОСТРЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА

Переход царизма осенью 1915 г. в контрнаступление на буржуазно-помещичью оппозицию не был простым возвращением к реакционному курсу Горемыкина — Н. Маклакова. С одной стороны, царь и его окружение, а тем более верхи бюрократии должны были, несмотря на все свои антипатии, считаться с буржуазией, без участия которой нельзя было обойтись в деле перестройки промышленности на военный лад и с политическими амбициями которой приходилось поэтому все же до известной степени мириться, а следовательно, иметь в виду в перспективе возобновление заседаний Думы, неизбежное и по внешнеполитическим соображениям. С другой стороны, все возрастающая изоляция династии, растущее влияние Александры Федоровны, а через нее и Распутина и других представителей так называемых темных сил на управление государством и прежде всего на подбор кандидатов на высшие бюрократические посты усиливали вообще присущие бонапартистским режимам черты авантюризма, ярко проявившиеся в политике нового министра внутренних дел А. Н. Хвостова, назначенного 27 сентября вместо вставшего в немилость Щербатова.

Кандидатура Хвостова на пост министра внутренних дел впервые возникла еще в 1911 г., но тогда он потерпел неудачу. В июне 1915 г. оказавшись вынужденным назначить несимпатичного ему Щербатова, Николай II снова стал вспоминать о Хвостове. Однако на пути к власти Хвостову необходимо было преодолеть неприязнь Распутина (а значит, и Александры Федоровны), сопротивление Горемыкина и собственного дяди — министра юстиции А. А. Хвостова, характеризовавших его как легкомысленного человека, который «о себе думает, будто все знает».¹ Противодействие Горемыкина не могло быть успешным, поскольку он выдвигал в МВД не устраивавшие Николая II кандидатуры. Сомнения Александры Федоровны, первоначально очень значительные, Хвостов преодолел, втершись к ней в доверие через кн. М. М. Андронникова и Вырубову и согласившись назначить на пост товарища министра С. П. Белецкого, бывшего директора Департамента полиции, которому Александра Федоровна специально поручила обеспечение безопасности Распутина.²

Политика Хвостова представляла собой попытку укрепления правительственной власти и ограничения буржуазно-помещичьих общественных организаций при соблюдении видимости «благожелательного» отношения к обществу и к Думе. Считаясь «со взглядами на роль Государ-

ственной думы того периода армии и страны»,³ Хвостов стремился ослабить кампанию правых против Думы и сумел даже на время внушить Александре Федоровне, «что невозможно не считаться с новыми веяниями и нельзя их игнорировать. Дума существует — с этим ничего не поделаешь».⁴ Кроме необходимости считаться с общественным мнением и настроением военных, на отношении Хвостова к IV Думе отражалось и широко распространенное среди многих правых лидеров понимание того, что «другой такой Думы не будет» и без активного нажима властей следующие выборы дадут гораздо более левое большинство. Поэтому, стремясь «выдвинуться как человек, примиривший Думу с правительством»,⁵ сохраняя ради этого старые связи с правым крылом Думы и заигрывая с Родзинко, Хвостов планировал загоды подготовку к выборам в V Думу, получив специальные ассигнования на покупку цензов для желательных кандидатов.⁶

Важное место в политике Хвостова занимал план раскола «прогрессивного блока» или лишения его поддержки буржуазных элементов путем противопоставления программе блока своей, якобы, более деловой и реалистичной. Эта программа была изложена Хвостовым в беседе с представителями ведущих газет сразу после вступления на министерский пост. Назвав себя сторонником сильной власти, Хвостов и то же время заявил о готовности власти идти на уступки, «конечно, до известного предела». Пределы уступок были очерчены им нарочито неясно, причем политические требования «прогрессивного блока», земского и городского союзов были им отвергнуты. Вместо «второстепенных», по его словам, лозунгов блока он выдвинул программу, сформулированную в мае на съезде объединенного дворянства. Главные места в этой программе занимали лозунги ликвидации «немецкого засилья» и «борьбы с дороговизной».⁷ Лозунг ликвидации «немецкого засилья» соединил в себе традиционную антибанковскую демагогию правых, дополненную по обстоятельствам войны ссылками на господство в банках немецкого капитала, и шовинистическую травлю ремесленников и торговцев немецкого происхождения. Он был рассчитан на привлечение страдавшей от конкуренции последних (так же, как и от господства банков) средней и мелкой буржуазии на сторону правительства. Одновременно популярные в буржуазных кругах требования пересмотра условий русско-германской торговли и усиления покровительства отечественной промышленности имели целью заручиться сочувствием крупной московской и провинциальной буржуазии. Центр тяжести программы Хвостова заключался в «борьбе с дороговизной». Полагая, подобно большинству правых, что народные массы не интересуются политикой, Хвостов рассчитывал, решив силами и методами правительства продовольственный вопрос, тем самым не только изолировать либеральную оппозицию от народных масс, но и вообще устранить всякие основания для недовольства в стране.

¹ Там же, 1925, т. 4, с. 276.

² Переписка Романовых, т. 3, с. 363.

³ Падение царского режима. М.: Л., 1926, т. 6, с. 87.

⁴ Там же, т. 3, с. 380.

⁵ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 130.

Хвостовская программа борьбы с дороговизной заключалась прежде всего в требовании вернуть руководство продовольственным снабжением в ведение МВД. Дело заключалось не только в том, что царская бюрократия все еще не понимала всей серьезности ситуации и занималась ведомственными предрассудками, но и в том, что, получив продовольствие в свои руки, МВД могло бы оказывать влияние на земства и городские самоуправления, добиваясь их политической благонадежности. Кроме того, это позволяло ослабить роль Особого совещания по продовольствию, в составе которого были представители Думы и общественных организаций. Поскольку в 1915 г. главной в деле продовольственного снабжения считалась проблема транспорта, Хвостов начал с сознательного вторжения в прерогативы Министерства путей сообщения. Заранее отвечая на упреки во вмешательстве в чужую сферу компетенции, Хвостов публично заявил, что если из-за нехватки продовольствия возникнут беспорядки, то усмирять их придется МВД, а потому оно вправе загодя интересоваться положением дела.⁸ Когда же МПС действительно запротестовало, Хвостов добился высочайшего повеления 20 октября об ответственности губернаторов за объединение мероприятий по борьбе с дороговизной. На основании этого повеления губернаторы, освобожденные от текущих дел,⁹ (т. е. забросив дела управления) занялись «наблюдением за движением продовольственных грузов», а жандармские власти создали специальные сыскные отряды «для обнаружения злоупотреблений железнодорожных агентов».¹⁰ Несмотря на то, что при этом были действительно выявлены отдельные злоупотребления, подобное вмешательство вело лишь к еще большему хаосу, поскольку МВД оказалось уже третьей властью (наряду с особыми совещаниями при министерствах Земледелия и Путей сообщения), пытавшейся, каждая своими способами и без согласования с другими, решить проблему продовольственного снабжения.

В попытке размежевать сферы действия различных ведомств Хвостов в середине ноября внес новый план. По этому плану общее руководство продовольственным делом в стране оставалось в ведении Особого совещания при Министерстве земледелия, но в районах, объявляемых неблагополучными по продовольствию, организация снабжения передавалась органам МВД.¹¹ Этот план грозил еще большим хаосом, при котором снабжение Петрограда и Москвы оказалось бы в руках МВД, а Петроградской и Московской губерний — у Министерства земледелия и т. п. Против плана Хвостова выступило и МПС, заявившее, что железные дороги не смогут перестраивать поток грузов в зависимости от объявления тех или иных районов неблагополучными, т. е. по существу распавшись в своей неспособности регулировать перевозки в соответствии с необходимостью. Вследствие сопротивления МПС и недовольства буржуазии, увидевшей в плане Хвостова стремление обойти права думских представителей в Особом совещании по продовольствию, Хвостов вынужден был отказаться от своего плана, но заявил, что проблема дороговизны

может быть решена только при условии, если права особых совещаний будут пересмотрены, и продовольственное дело будет полностью передано МВД.¹²

Прибегнув к помощи Александры Федоровны, которой он постоянно жаловался на нераспорядительность коллег и недостаточность собственных полномочий, Хвостов добился создания Советом министров 19 декабря специального совещания пяти министров (четыре министра-председателя особых совещаний и министр внутренних дел) для согласования мер по снабжению городов продовольствием и топливом. Создание такого органа, в котором министры обсуждали вопросы, переданные Особым совещаниям, в своем узком кругу, без представителей палат, являлось одним из шагов по пути медленного сокращения уступок, данных оппозиции летом, но в тот момент правительство еще не решалось идти по этому пути открыто, и потому постановление Совета министров не было оглашено. Месяцем позже для объединения действий властей на местах были созданы межведомственные совещания по продовольствию и топливу во главе с губернаторами.¹³ Хотя оба эти постановления расширили права МВД в продовольственном деле, они не могли привести к решению проблемы, поскольку коренные пороки продовольственной политики царизма оставались нетронутыми. Кроме того, Хвостов потерпел и личную неудачу, ибо председателем совещания пяти министров был назначен не он, а возглавивший с конца октября Министерство путей сообщения А. Ф. Трепов.

Существенным элементом хвостовской «борьбы с дороговизной» было стремление передать само распределение продуктов питания на местах в руки полиции и черносотенных организаций, чтобы таким путем вовлечь массы в сферу влияния правых. Этой цели отвечало создание Общества по борьбе с дороговизной и Российского общества попечения о беженцах православного вероисповедания во главе с черносотенными лидерами. Первое из них должно было действовать через сеть субсидируемых МВД продовольственных лавок среди рабочих, а второе подчинить себе местные организации помощи беженцам и таким способом влиять на «местную жизнь» и даже на будущие выборы в Думу. В стремлении активизировать и объединить крайне правые организации царизм также действовал, исходя из опыта 1905 г., когда в ответ на подъем революционного движения и оппозиционные выступления либералов были сущены с цепи черносотенные банды погромщиков, долженствовавшие олицетворять собой массовую поддержку самодержавия. Но если в 1905 г. крайне правым действительно удалось своей демагогией на короткое время увлечь за собой часть городской мелкой буржуазии и крестьянства, то ко времени первой мировой войны крикливые организации черной сотни, давно расколовшиеся на враждующие между собой и грызущиеся из-за казенных субсидий группы, не имели реальной силы в стране. Планы возрождения и объединения их поэтому, несмотря на усиленный нажим властей, потерпели неудачу.

Не справляясь с проблемой дороговизны сам, Хвостов одновременно препятствовал деятельности тех буржуазных общественных организаций,

⁸ Русские ведомости, 1915, 11 окт.

⁹ А. Н. Хвостов — И. Л. Горемыкину 11 дек. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 14, д. 1027, л. 16.

¹⁰ Падение царского режима, т. 4, с. 122.

¹¹ Виржевые ведомости, 1915, 14 нояб.

¹² См.: Русские ведомости, 1915, 24 нояб. и 10 дек.

¹³ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 136.

которые также пытались повести за собой массы на почве борьбы с продовольственным кризисом. Кроме соперничества царизма с непрочными либеральными посредниками в этом проявлялся традиционный для царской бюрократии страх перед всякой организацией масс, тем более, что как показывал опыт прошлого, в сколько-нибудь массовых организациях, даже основанных либералами, постепенно усиливалось влияние революционно-демократических элементов.

Наибольшее беспокойство в этом плане вызывало у царских властей кооперативное движение. После состоявшегося в июле по инициативе левых кадетов всероссийского продовольственного съезда в Москве явочным порядком был создан Центральный кооперативный комитет, в котором сотрудничали кадеты и оборонцы. Уже тогда создание комитета вызвало тревогу охранки, боявшейся, что кооперативы, земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты, если они «будут действовать в пределах империи более или менее продолжительное время, захватят в свои руки руководство всем общественным движением России и явятся в своей сплоченности серьезной угрозой правительственным начинаниям».¹⁴ Летом 1915 г. у царизма не дошли руки до кооперативов, но уже на рубеже октября—ноября Хвостов забил тревогу по поводу усиления влияния левых в городском союзе и кооперативах, особенно нажима на то, что следствием этого будет обострение рабочего движения,¹⁵ и приказал московскому градоначальнику пресечь деятельность Центрального кооперативного комитета.¹⁶

Столь же решительно была пресечена попытка кадетов создать так называемые комитеты обывателей из представителей разного рода попечительств, просветительных и потребительских обществ, кооперативов, больничных касс и т. п. под эгидой городской Думы для учета имеющихся продуктов и контроля за торговлей ими. Эти комитеты не смогли бы, конечно, иметь серьезное значение при решении продовольственной проблемы, поскольку подвоз продовольствия зависел не от них. Смысл кадетского плана заключался в очередной попытке распространить свое влияние на массы, подобно тому как с той же целью в 1909—1910 гг. кадеты пробовали создать «комитеты избирателей и обывателей». Охранка с беспокойством узнавала, что контроль за торговлей потребительских обществ означает возможность воздействия на них, причем хотя и сами кадеты думали о привлечении в сферу своего влияния прежде всего левых кооперативов, и охранка видела в планируемой общегородской комиссии чуть ли не своего рода Совет рабочих депутатов, заодно ее смущала и перспектива вмешательства комитетов в дела полицейского детища — червоточных лавок.¹⁷ По всем этим причинам петроградское по делам общества и союзов приустройство отказало в регистрации комитетов,¹⁸ а Хвостов в очередной беседе с прессой осудил идею их организации.

Действия Хвостова внесли первоначально замешательство в ряды буржуазной оппозиции, которая после провала августовского натиска на правительство находилась в состоянии идейного и организационного разброда, а значительная часть буржуазных кругов отходила от политической активности. В этих условиях националистические лозунги Хвостова нашли отклик у прессы, выражавшей интересы средней буржуазии, и даже «Утра России», а его кампания по борьбе с дороговизной вызвала растерянность лидеров блока, а в своем кругу высказывавших сомнения в целесообразности созыва в ноябре Думы, чего они так настойчиво требовали в публичных выступлениях. «При открытии Думы, — говорил Шульгин, — страна будет говорить: вот Хвостов делает, а мы?.. Мало сказать, что дурно. Надо сказать, что делать... Мы не выработали практических мер».¹⁹ Поскольку после провала попытки блока прийти к власти его политические чины могли быть в тот момент осуществлены только руками «благожелательных» бюрократов, либеральная пресса на некоторое время хотела верить «благожелательным» декларациям Хвостова.

Но чем больше выяснялось, что Хвостову не удалось добиться успехов в решении продовольственной проблемы и в организации правого эрзаца «общественной поддержки» кабинета, тем больше он скатывался к традиционным методам административного подавления оппозиционных выступлений, поддержав настояния Горемыкина о необходимости отложить созыв Думы, а затем запретив проведение съездов земского и городского союзов.²⁰ Подобные действия Хвостова быстро избавили либеральных лидеров от иллюзий на его счет, но не прибавили им оптимизма относительно перспектив их собственного успеха прежде всего из-за неспособности заставить царизм пойти на уступки. «Мы, — говорил в этой связи один из кадетских лидеров Н. И. Астров, — дошли теперь до роковой грани, за которой для конституционной общественности уже нет пути. Революционерами мы быть не можем».²¹ Отсюда вытекало все большее распространение в буржуазно-помещичьих оппозиционных кругах «чувства безнадежности», наличие которого была вынуждена признать даже «Речь» (1916, 18 янв.), сохранявшая обычно в «воспитательных» целях нарочитый оптимизм в оценке политической обстановка.

Такова была атмосфера, в которой в конце 1915—начале 1916 г. правительство и камарилля должны были вернуться к вопросу о возобновлении заседаний Думы и, в связи с этим, о замене Горемыкина на посту премьера. К этому времени выявился крах надежд Хвостова самому занять этот пост. Став министром внутренних дел и перетасовав центральный и местный аппарат ведомства, Хвостов, как это делали все его предшественники в роли фаворита, стал добиваться назначения состава кабинета, стремился создать солидарное с собой большинство. Ему удалось провести в обер-прокуроры Синода своего свойственника, директора Департамента общих дел МВД А. Н. Волякина, а на место уволенного в конце октября Кривошеина — самарского губернского предводителя дворянства и крупного помещика А. Н. Наумова, хорошо извест-

¹⁴ Памятная записка командира корпуса жандармов 19 авг. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 41, д. 167, л. 44.

¹⁵ А. Н. Хвостов — П. Л. Горемыкину 2 нояб. 1915 г. — Там же, л. 54—56.

¹⁶ Речь, 1915, 4 нояб.

¹⁷ Доклад петрогр. охр. отд. 9 сент. 1915 г. и записка петрогр. охр. отд. 30 окт. 1915 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1915, д. 27, ч. 57Б, л. 26—31, 56—59.

¹⁸ Раннее утро, 1915, 6 нояб.

¹⁹ Красный архив, 1932, № 3, с. 154.

²⁰ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 135.

²¹ Известия ВСГ, 1917, № 41—42, с. 46.

ного Николаю II и Александре Федоровне и давно знакомого с Белецким. Оба они, однако, не проявили готовности блокироваться с Хвостовым. Поспешно отставке Рухлова, Хвостов получил в лице Трепова на посту министра путей сообщения более энергичного конкурента, с которым он сразу же вынужден был начать борьбу. Безуспешной оказалась и его попытка свалить Барка и провести в министерство финансов своего родственника гр. В. С. Татищева. Тем не менее, пользуясь поддержкой Александры Федоровны и Распутина, Хвостов рассчитывал отнять у Горемыкина председательство в Совете министров. Но, действуя через Распутина, Хвостов одновременно старался убрать его из столицы, чтобы скрыть свои связи с ним. Это вызвало подозрения мнительного «старца» и тот выступил против назначения Хвостова премьером, ссылаясь на его молодость. 20 января 1916 г. новым премьер-министром был назначен Б. В. Штюрмер.

Фигура Штюрмера, бывшего директора Департамента общих дел МВД при Плеве, всплыла на поверхность не случайно. Уже в предвоенные годы он последовательно считался возможным претендентом на освобождавшиеся ответственные посты. Создав у себя политический салон, он получил тем самым поддержку влиятельной группы Римского-Корсакова и привлек к себе внимание «сфер». «Большой ловкач по обстановочной части и мастер пускать пыль в глаза»,²² Штюрмер был, конечно, более подходящей кандидатурой для выполнения задачи «поддерживать отношения» с Думой, поставленной в тот момент Николаем II, чем добивавшийся возвращения к власти Щегловатов. Но в том, что выбор пал именно на него (несмотря на немецкую фамилию), сказалось все возрастающее влияние распутинской клики. Обжегшийся на Хвостове Распутин потребовал от Штюрмера заверений, что тот «будет идти на встречу всем его пожеланиям».²³ Лишь после этого он поддержал Штюрмера перед Александрой Федоровной как «очень верного человека», который «будет держать в руках остальных».²⁴ На решение Распутина подействовали также уверения Белецкого, что Штюрмер обеспечит его безопасность от внушавшего опасения министра внутренних дел.

Назначение Штюрмера с помощью Распутина усилило желание Хвостова избавиться от «старца» любым способом, вплоть до убийства, и он стал предлагать Белецкому и непосредственно ведавшему охраной Распутина ген. М. С. Комиссарову различные варианты покушений. Но Белецкий почувствовал в Штюрмере нового фаворита, претендующего на власть и в МВД, и счел более выгодным заранее переметнуться на его сторону. Не желая отказываться от своих планов, Хвостов решил организовать убийство с помощью старого врага Распутина иеромонаха Иллудора, жившего в Стокгольме, и направил к нему своего давнего агента, журналиста и спекулянта Б. М. Ржевского. Поймав Ржевского на незаконных махинациях с железнодорожными вагонами, Белецкий вынудил его выдать замыслы Хвостова. Немедленно на защиту Распутина были брошены все силы государственного аппарата. По приказанию Александры Федоровны охраной Распутина занялся начальник генераль-

ного штаба М. А. Беляев, а Штюрмер поручил расследование «дела Ржевского» Манасевичу-Мануйлову и Гурлянду,²⁵ причем на Гурлянда была возложена двусмысленная миссия произвести обыск и дознание в МВД и Кредитной канцелярии в поисках документов, уличающих его непосредственного патрона.²⁶ Со своей стороны Хвостов с помощью Гурлянда²⁷ заставил Ржевского изменить показания и заявить, что он ездил в Стокгольм не для организации покушения, а, напротив, чтобы выкупить у Иллудора рукопись его книги против Распутина. Одновременно он спровоцировал Штюрмера на шаг, выдававший его стремление стать министром внутренних дел, а сам стал подчеркнуто заигрывать с Думой и буржуазной прессой. Поначалу Хвостову удалось одержать верх. Он уволил Белецкого и Комиссарова, пригласив товарищем министра молдавского губернатора А. И. Пильца, сблизившегося в Ставке с Николаем и поддерживавшего там Хвостова, а директором Департамента полиции — московского градоначальника Е. К. Климовича, врага Штюрмера. Хвостов попытался перекупить Манасевича-Мануйлова, арестовав личного секретаря Распутина А. С. Симановича и даже пригрозил арестом самого Распутина.²⁸ Согласившись на предложенные Хвостовым перемещения в МВД, Николай II продемонстрировал этим в середине февраля, что он явно не хочет убирать Хвостова. Но все больше разрастающийся публичный скандал, вызванный широко распространявшимися слухами о сваре в правящих верхах, и настояния Александры Федоровны, твердившей, что «пока Хв. у власти и имеет деньги и полицию в своих руках», она боится за Распутина, вынудили Николая II уволить 3 марта Хвостова, которому он, однако, велел передать, что «никогда не сомневался в его преданности».²⁹ На пост министра внутренних дел был назначен Штюрмер, сосредоточивший, таким образом, в своих руках все руководство внутренней политикой правительства.

История «покушения» на Распутина и борьбы за власть в МВД, на полтора месяца почти парализовавшей деятельность правительственного аппарата, нанесла огромный моральный ущерб власти и способствовала еще большей дискредитации самодержавия даже в тех кругах, которые раньше не склонны были к критике режима. Сведения о происходящем быстро проникли в армию и в бюрократические верхи,³⁰ попали на страницы печати, обрастая слухами и фантастическими деталями. Но, как справедливо писали 7 марта «Биржевые ведомости» (после отставки Хвостова), дело было не в деталях, «первостепенно же то, что все это было возможно, мыслимо и так или иначе осуществимо... что так делалась внутренняя политика страны».

²² Падение царского режима, т. 1, с. 40—42, 263; т. 2, с. 39—40, 50, 167—168.

²³ Б. В. Штюрмер — И. Я. Гурлянду 11 февр. 1916 г. — ЦГА СССР, ф. 1629, оп. 1, д. 357, л. 25.

²⁴ Гурлянд вел двойную игру: старый доверенный сотрудник Штюрмера еще с Ярославля был обжег тем, что его оттянул от премьера Манасевича-Мануйлова и подобные ему авантюристы (см.: Падение царского режима, т. 4, с. 395—396).

²⁵ Падение царского режима, т. 1, с. 32, 410; т. 2, с. 40; т. 4, с. 394, 416.

²⁶ Переписка Романовых, т. 4, с. 109, 121.

²⁷ Лемке М. 250 дней в царской Ставке. 25 сентября 1915—2 июля 1916. Пг., 1920, с. 581—582; П. Н. Игнатьев — А. В. Кривошеину 17 февр. 1916 г. — ЦГА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 35.

²² Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, б. г. [Вердиз, 1938], с. 193.

²³ Падение царского режима, т. 4, с. 388.

²⁴ Переписка Романовых, т. 4, с. 40.

Как уже отмечалось, замена Горемыкина Штюмером была произведена с целью поддержания видимости мирных отношений правительства и Думы. Еще в ноябре 1915 г., когда проблема созыва Думы была предметом постоянных забот Николая II и придворной камарилы, даже Распутин, всегда боявшийся запросов в Думе о своих похождениях, говорил, очевидно с голоса Хвостова, что «только в случае победы Дума может не созываться, иначе же непременно паде». Тогда же в качестве дополнительной демонстрации «благожелательности» к Думе было задумано ее посещение Николаем II при возобновлении заседаний.³¹ Но речь шла лишь о демонстрации «благожелательного отношения», а не о сотрудничестве с Думой и не о каких-либо шагах навстречу «прогрессивному блоку». На состоявшейся на следующий день после назначения Штюмера премьером тайной встрече Хвостова и Волконского с Милюковым и товарищем председателя Думы С. Т. Варуц-Секретом, посвященной предотвращению открытой конфронтации правительства и блока сразу же после начала думской сессии, Хвостов предупредил, что слово «блок» звучит для Штюмера (а, следовательно, для двора) так же страшно, как для невежественной купчихи слова «жупел» и «металл».³² 22 января большинство Совета министров высказалось за кратковременность предстоящей сессии и ограничение ее «вопросами о бюджете и непосредственно связанных с войной делах».³³ В ходе последующих переговоров правительство согласилось, однако, не ограничивать заранее продолжительность сессии и обмен на готовность оппозиции проявить «исключительную уступчивость» и «стремиться прежде всего к реальным шагам вперед, отодвигая на задний план вопрос о полноте программных деклараций».³⁴

Уступчивость оппозиции объяснялась, с одной стороны, обострением политического кризиса в стране, а с другой — усилением разногласий в самом оппозиционном лагере.

В январе—марте 1916 г. резко возросло число забастовок, носивших, как правило, политический характер. Начало стачечной борьбе в 1916 г. было положено забастовкой 61,5 тыс. петроградских рабочих 9 января, причем впервые за время войны состоялись уличные демонстрации в рабочих районах, а одна из групп демонстрантов прорвалась на Невский проспект. В течение всего февраля бастовали рабочие Путиловского завода, выдвигавшие наряду с экономическими требованиями лозунги борьбы против войны и монархии. В ответ на секвестр завода военными властями и мобилизацию стачечников в армию провели забастовку солидарности 73 тыс. рабочих других заводов столицы. Вслед за петроградским пролетариатом в стачечную борьбу включались рабочие других районов. Экономические стачки, быстро приобретавшие политическое звучание, прошли в январе в 25 губерниях. Крупнейшими из них были двух-

³¹ Перещипка Романовых, т. 3, с. 455, 463. До февраля 1916 г. Николай II ни разу не появлялся в Думе, принимая ее депутатов в Зимнем дворце.

³² Запись П. Н. Милюкова о встрече 21 янв. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, л. 479, л. 1.

³³ Справка о суждениях Совета министров 22 января 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 163—167.

³⁴ О реакции буржуазно-помещичьего лагеря на назначение Штюмера см.: Давид В. С. Указ. соч., с. 165—169.

месячная забастовка на судостроительном заводе «Наваль» в Николаеве, на Брянском заводе в Бежице, на заводах Тулы и шахтах Донецкого бассейна. Всего в I квартале 1916 г. в забастовках участвовало 330,1 тыс. рабочих, а во II квартале — 393,3 тыс. Учащались выступления крестьян и случаи братания на фронте.³⁵ Революционное движение в стране ширилось под руководством большевистских организаций, восстававших свои ряды после жестоких полицейских погромов в начале войны. Особенно значительную роль играл Петербургский комитет большевиков, поддерживавший, несмотря на все трудности, порожденные войной, постоянную связь с В. И. Лениным и выполнявший во время перерывов в существовании Русского бюро ЦК РСДРП его основные функции. Летом 1916 г. Департамент полиции вынужден был признать, что «издаваемые Петроградским комитетом Российской социал-демократической партии революционные воззвания получили весьма широкое распространение за пределами Петрограда и в значительном количестве попадают в действующую армию и флот».³⁶

Как всегда, рост революционного движения в стране вызвал у русского либерализма двойственную реакцию. Бессильные сами по себе, либеральные лидеры хотели бы надеяться, что царизм учтет опыт 1905 г. в желательном для них смысле и «быстро капитулирует при первых же признаках движения и, таким образом, революция будет предупреждена в самом начале».³⁷ уступками царизма политическим чаяниям либеральной оппозиции. Продолжая постоянную кадетскую тактику «уговаривания» царизма, Родичев заклинал: «Предупреждайте счет, который история, народ предъявят власти, платите по нему вперед — он будет вам стоить дешево».³⁸ Но страх перед революцией был у кадетов (а тем более у правого крыла оппозиционного блока) неизмеримо сильнее надежд на возможность использовать ее в своих интересах. Поэтому, как подчеркивала в феврале московская охранка, «многие кадетами направлены были все усилия, чтобы сдержать и ослабить готовящиеся всплески острого раздражения», а Милюков в начале марта заявил с думской трибуны: «Если бы мне сказали, что организовать Россию для победы значит организовать ее для революции, я сказал бы: лучше оставьте ее на время войны так, как она была, неорганизованной».³⁹

Разногласия в буржуазно-помещичьем оппозиционном блоке вытекали из самой его природы. В обстановке провала политических планов блока и разочарования в его тактике классовые и групповые противоречия помещичьего и буржуазного крыла оппозиционного лагеря, а также различных слоев буржуазии вновь выплывали на поверхность.

В конце 1915—начале 1916 г. противоречия буржуазии и помещиков в блоке концентрировались в основном вокруг вопросов о тактике (по-

³⁵ История СССР, М., 1968, т. 6, с. 614—616; История рабочих Ленинграда, Л., 1972, т. 1, с. 493—495.

³⁶ Цит. по: История КПСС, М., 1966, т. 2, с. 559.

³⁷ Сводка московского охранного отделения на 29 февр. 1916 г. — В кн.: Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927, с. 76—79.

³⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1916, стб. 4795.

³⁹ Буржуазия накануне..., с. 76—79.

⁴⁰ Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 2795.

сколько помещичье крыло тяготело к соглашению с правительством), а за пределами Думы — вокруг продовольственного кризиса, о чем будет идти речь особо. Классовые противоречия в блоке открыто прорвались паружу несколько позже, в мае—июне, в ходе обсуждения законопроектов о земской и городской реформе, о волостном земстве и об отмене некоторых правоограничений крестьян (в последнем случае речь шла в основном об утверждении мер, уже осуществленных столыпинским указом 5 октября 1906 г.). Националистско-октябристское крыло блока открыто объединялось с крайне правыми в противодействии предложениям, направленным на некоторую демократизацию местного самоуправления, и добивалось сохранения ограничений избирательных прав крестьян при выборах в Думу. Но и до этого открытого столкновения из-за законопроектов, предусмотренных в декларации блока, классовые противоречия и нем не были секретом для правительства и учитывались им в определении своего курса.

Гораздо раньше и отчетливее выявились противоречия различных групп буржуазии. При создании военно-промышленных комитетов, когда предполагалось, что именно через них будет осуществляться вся «мобилизация» промышленности и, следовательно, распределение военных доходов, а сами комитеты займут важное место в системе политического и экономического управления страной, целью борьбы был захват руководящих позиций в ВПК. IX съезд представителей промышленности и торговли, в мае 1915 г. провозгласивший создание ВПК, оставил руководство ими за лидерами Совета съездов, которые, с одной стороны, были скомпрометированы в глазах поднимающейся к политической активности буржуазии прежней близостью к бюрократическим сферам, а с другой — не очень нуждались в ВПК для получения казенных заказов. В обстановке политического кризиса лета 1915 г. московской буржуазии удалось на I съезде ВПК 25—27 июля одержать победу, и во главе ЦВПК встали Гучков и Коновалов. Вслед за тем московская прогрессистская буржуазия попыталась захватить в свои руки и Совет съездов, выдвинув на освободившееся за смертью Н. С. Авдакова место председателя Совета кандидатуру Коновалова.⁴¹

Однако петроградская финансовая олигархия не собиралась без боя сдавать свои позиции. Сначала представители банков и главных металлообрабатывающих предприятий страны предложили создать внутри ЦВПК особую секцию крупной промышленности,⁴² которая фактически стала бы играть в нем доминирующую роль. Получив отказ, металлостроители и их союзники стали саботировать «деловую» сторону деятельности ВПК, получая заказы непосредственно от Особого совещания по обороне и военных ведомств, и начали подготавливать создание своей сепаратной организации, свободной от подозрений в связях с оппозиционными кругами. В декабре ряд видных представителей банковского и промышленного мира, в их числе директора Русско-Азиатского и Международного банков А. И. Путилов и Е. Г. Шайкевич, Э. Л. Нобель, тесно связанный с банковскими и бюрократическими кругами проф. И. Х. Озеров, числив-

⁴¹ Подробнее об этом см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм, с. 91—94, 147—148, 201—205.

⁴² Военная промышленность и финансы, 1916, № 4, с. 9.

шийся в левых октябристах, но уже сблизившийся с распутинской кликой А. Д. Протопопов и др. провели совещание «о важнейших очередных задачах, касающихся организации торгово-промышленного класса».⁴³ Вслед за тем с января 1916 г. была начата подготовка III съезда банков, целью которого была реорганизация Комитета съездов банков в более активный и влиятельный орган.⁴⁴

29 февраля—1 марта состоялся съезд металлообрабатывающей промышленности, в котором участвовали и руководители связанных с этой промышленностью банков. Магнаты финансового капитала подвергли нападкам не только ВПК, но и Совет съездов, который, якобы, пошел по неправильному пути, и потребовали вернуть его на «прежний старый путь действительной защиты» классовых интересов буржуазии. Была подвергнута критике и организация вместо устраивавшего металлостроителей сухомлиновского совещания по артиллерийскому снабжению Особого совещания по обороне, поскольку там в качестве представителей буржуазии выступали не они, а лидеры ЦВПК. Финансовая олигархия выражала неудовлетворенность позицией Думы в экономических вопросах и тем, что «среди депутатов мало представителей промышленности вообще, а металлообрабатывающей в частности». Съезд избрал Совет металлостроителей во главе с Протопоповым.⁴⁵ Совет поставил себе целью «приобрести благосклонное отношение со стороны правящих кругов» и начал искать контакты с правыми политическими организациями.

Монополистический капитал стремился распространить свое влияние на более широкие слои буржуазии и найти новые формы сотрудничества с бюрократическими кругами. Первой из этих целей был посвящен состоявшийся в марте съезд банковских домов, инициатором которого выступил Озеров, а председателем был избран Протопопов.⁴⁶ Второй цели отвечало создание в апреле Крупенским при активном участии Протопопова клуба «Экономическое возрождение России», в который вошли руководители крупнейших банков, члены правого крыла «прогрессивного блока» в Государственном совете и видные представители бюрократии.⁴⁷ Еще на съезде металлостроителей Протопопов провел и решение об издании новой газеты, субсидируемой банками. Эта газета должна была по мысли Протопопова, прикрываясь либеральным флагом, «подавить остальные влиятельные петроградские газеты», а затем встать «на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде». Одновременно Протопопов рассчитывал использовать газету для предстоящей кампании по выборам в V Думу, предлагая банкам заключить с правительством соглашение о проведении в будущую Думу 50—80 желательных им кандидатов.⁴⁸

Стремление отмежеваться от либеральных лидеров после провала их «натиска» на правительство проявлялось не только в традиционно кон-

⁴³ Финансовая газета, 1915, 24 дек.

⁴⁴ Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.—1 янв. 1918 г. Пг., 1918, с. 37—38.

⁴⁵ Труды I съезда представителей металлообрабатывающей промышленности 29 февр.—1 марта 1916 г. Пг., 1916, с. 21, 25, 32, 33, 40—41, 103.

⁴⁶ Военная промышленность и финансы, 1916, № 6, с. 5.

⁴⁷ Утро России, 1916, 13 мая.

⁴⁸ Падение царского режима, т. 4, с. 60—61, 472.

сервативной финансовой олигархии, но и в буржуазных «низах», где усиливалась тенденция к аполитичности. В феврале на выборах в Петроградскую городскую думу потерпел поражение кадетско-октябристский блок «обновленцев». Тогда же в Московском биржевом комитете была сделана попытка свалить с председательского поста Рябушинского и вновь отдать руководство комитетом Крестовникову.⁴⁹ Одновременно в Москве был основан Российский союз торговли и промышленности, организация, оставшаяся маловлиятельной, но имевшая явный уклон вправо. Под флагом аполитичности и стремления купечества к сотрудничеству с правительством прошел в апреле и съезд представителей биржевой торговли.

Хотя процесс отмежевания различных буржуазных групп от оппозиционных лидеров, стоявших во главе ВПК, выливался в какие-либо организационные формы часто лишь в марте—апреле или даже позже, сам по себе отход крупной буржуазии от военно-промышленных комитетов был открыто признан уже на их II съезде в конце февраля,⁵⁰ на совещании при Земгоре в начале марта⁵¹ и в прессе. Тогда же либеральная печать должна была признать, что и земский и городской союзы объединяют лишь тонкий слой буржуазной и дворянской общественности.⁵²

К этому времени определился и провал попыток части либеральных лидеров повести за собой с помощью оборонцев сколько-нибудь значительную часть рабочего класса. Стремясь к сотрудничеству с оборонцами, Гучков и Коновалов получили согласие властей на организацию выборов представителей рабочих в специальные рабочие группы при ВПК. Большевики категорически отвергли идею сотрудничества с буржуазией в деле «защиты отечества». В специальном Наказе ЦК РСДРП подчеркивалось, что участие в рабочих группах «было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени».⁵³ В то же время большевики поставили перед собой цель использовать выборную кампанию для того, чтобы открыто выступить перед рабочими с изложением своей политической линии. Выборы рабочих представителей в ВПК имели принципиальное значение. В. И. Ленин писал, что вопрос об участии рабочих в ВПК есть «самый важный практический вопрос для нас: для России он столь же важен, как во Франции вопрос об участии в правительстве».⁵⁴ В Петрограде на крупнейших предприятиях был принят большевистский Наказ и большинство выборщиков проголосовало 27 сентября 1915 г. против участия в ВПК. Только с помощью ликвидаторов буржуазным лидерам удалось на повторном собрании в ноябре создать рабочую группу, представлявшую меньшинство столичного пролетариата. Тактику активного бойкота выборов большевики с успехом применили и в Москве, где в результате ликвидаторская рабочая группа не выражала интересов московских ра-

бочих. В провинции большевикам удалось вообще сорвать выборы в таких крупных промышленных центрах, как Харьков, Нижний Новгород, Рига, Екатеринослав, Екатеринодар, Баку и др. «Впервые за время войны, — подчеркивал В. И. Ленин, — и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину того, что есть в социал-демократии, как массовой партии».⁵⁵ Благодаря активной борьбе большевиков против сотрудничества с буржуазией рабочие группы были созданы в основном (кроме Петрограда и Москвы) лишь в городах со слаборазвитой промышленностью и малочисленным пролетариатом и представляли рабочую аристократию и политически отсталых рабочих, временно поддавшихся агитации оборонцев.⁵⁶ Но и перспектива создания соглашательских рабочих организаций в 1915—1916 гг. еще пугала основную часть российской буржуазии, не умевшей сражаться даже с готовыми к классовому сотрудничеству оппортунистами. Именно создание рабочих групп и заигрывание Гучкова и Коновалова с социал-оборонцами послужили одними из важнейших причин отхода от ВПК буржуазных кругов, считавших, что «военно-промышленные комитеты заваривают с рабочими такую кашу, что после и не раскисебашь».⁵⁷

Стремясь из-за внутренних противоречий в рядах оппозиции и из-за невозможности опереться на широкие массы набрать слишком резкого конфликта с правительством, либеральные политики не могли и не хотели идти и на сотрудничество с ним, предпочитая «положение спутников, посаженных в одно и то же купе, но избегающих знакомства друг с другом».⁵⁸ В надежде на успешный для себя «расчет с властью» после войны либеральные лидеры старались сохранить от развала внутри или от разгрома властями сеть буржуазно-оппозиционных организаций (т. е. прежде всего ВПК и союзы), на которые они могли бы опереться, и «прогрессивный блок» в Думе, через который они собирались влиять на своих правых союзников. Эти соображения действовали в том же направлении, что и страх перед «преждевременным» выступлением масс, определяли тяготение к умеренной тактике. В то же время они не могли отказаться вообще от критики действий властей, и потому, что такой отказ лишил бы их какого-либо авторитета в стране и, следовательно, шансов на руководящую роль в послевоенном развитии событий, и потому, что они по-прежнему не верили в способность царизма обеспечить победу в войне. Отказавшись от немедленного осуществления лозунга «правительства доверия», оппозиция не могла не повторять, пусть и менее резкой форме, все те требования, которые она выдвинула в августе 1915 г.

Естественно поэтому, что правящие круги со своей стороны, как только противоречия в оппозиционном лагере проявились достаточно за-

⁴⁹ Биржевые ведомости, 1916, 3 февр.

⁵⁰ Труды второго съезда представителей военно-промышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г. Пг., 1916, с. 40.

⁵¹ Известия Главного комитета по снабжению армии, 1916, № 17, с. 171.

⁵² Русские ведомости, 1916, 12 марта.

⁵³ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг. Л., 1939, т. 2, с. 169.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 270.

⁵⁵ Там же, т. 27, с. 84—85.

⁵⁶ См.: Борисов С. П. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. М., 1948; Сейранян В. С. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. Ереван, 1961.

⁵⁷ Обзор политической деятельности общественных организаций за период времени с 1 марта по 16 апр. 1916 г. Цит. по: Ленин В. И. Указ. соч., с. 790—791.

⁵⁸ Речь, 1916, 8 февр.

метно, а грызня в собственных рядах была несколько приглушена после отставки А. Н. Хвостова, взяли курс на ликвидацию сделанных в 1915 г. уступок с тем, чтобы обеспечить себе более твердые позиции в борьбе за послевоенное устройство страны.

К этому времени вполне выявилась также незначительность роли военно-промышленных комитетов, земского и городского союзов в качестве организаторов военного снабжения. Поскольку крупные предприятия в общем обходились без посредников в своих взаимоотношениях с казной, деятельность ВПК и союзов свелась к привлечению к военному производству средних и мелких промышленников, причем средства, предоставляемые им для налаживания производства, ВПК и союзы в свою очередь получали от казны. В этой своей функции «уполномоченных» казны по объединению мелких предприятий ВПК действительно восполняли пробел в правительственной системе мобилизации промышленности на нужды войны, но доля ВПК в общей массе заказов военного ведомства составила за два года их деятельности лишь 3—5%, а в фактических поставках не более 2—3%.⁵⁹ Реальное значение ВПК имели лишь в обеспечении армии вещевым и интендантским довольствием. Поэтому при определении своего курса по отношению к буржуазно-помещичьим организациям правительство могло в меньшей степени принимать в расчет их «деловую» работу и исходить прежде всего из политических соображений.

В этом плане с точки зрения правящих кругов «главным предметом подозрения был военно-промышленный комитет», поскольку в нем «была известная группа рабочих, которая имела политическую окраску».⁶⁰ В начале 1916 г. не только верхи бюрократии и царское окружение, но и охранка, обычно лучше представлявшая себе реальное положение вещей, считали, что «вплоть до окончания войны правительству нечего опасаться особых осложнений в внутренней жизни» даже со стороны «крайних левых», ибо оборонческие настроения получили, якобы, широкое распространение и только дороговизна, «как возбудитель острого раздражения играет едва ли не решающую роль». Несколько оправившись от страха, испытанного летом 1915 г. в связи с реакцией пролетариата на расстрелы демонстраций в Костроме и Иваново-Вознесенске, московская охранка думала, что революционное движение возникнет лишь по окончании войны. Но она с беспокойством отмечала попытки лидеров ВПК привлечь рабочих на свою сторону, не столько веря в возможность успеха этих попыток, сколько понимая, что они могут против воли их инициаторов послужить «как исходный момент и толчок в организации широких масс».⁶¹ Боясь со своей стороны спровоцировать революционные выступления рабочих слишком резкими действиями, правительство не решилось сразу ни ликвидировать военно-промышленные комитеты вообще, ни запретить участие в них рабочих, избрав тактику постепенного наступления.

⁵⁹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы мировой войны. М., 1973, с. 196—201.

⁶⁰ Падение царского режима, т. 5, с. 354.

⁶¹ Буржуазия накануне..., с. 75—81.

Уже в марте, сразу после II съезда ВПК и ссылаясь на его резолюции оппозиционного характера, товарищ министра земледелия Г. В. Глинка уведомил лидеров ВПК, что его ведомство впредь отказывается вступать с ними в деловые сношения.⁶² Тогда же Совет министров, несмотря на заступничество Поливанова, отверг предложение включить в комитет по военным заказам в Лондоне представителей ЦВПК, хотя глава комитета считал их участие желательным. Большинство кабинета сочло недопустимым, чтобы «в ближайшем общении с правительством иностранной державы» оказались представители «передко несогласованных между собой... правительственной власти и общественных организаций».⁶³ Вопрос об отношении к ВПК послужил и непосредственной причиной отставки Поливанова.⁶⁴ После его отставки началось сокращение заказов и кредитов военно-промышленным комитетам, а в апреле Совет министров предложил военному ведомству окончательно отказаться от посредничества ВПК при передаче заказов крупным заводам и ограничить их роль объединением средних и мелких предприятий.⁶⁵

В качестве следующего шага по ограничению деятельности оппозиционных организаций в начале апреля было запрещено проведение съездов и совещаний, «для коих ожидается прибытие иногородних участников», иначе, как с разрешения Совета министров, что фактически лишало ВПК и союзы возможности собирать своих сторонников из провинции. Еще до того МВД внесло проект реорганизации ВПК таким образом, чтобы большинство в комитетах принадлежало представителям различных ведомств.⁶⁶ Вслед за тем МВД специальным циркуляром напомнило губернаторам, что земский союз «представляет собою непредусмотренную законом организацию» частного правового, а не публичного характера,⁶⁷ давая понять, что хочет стеснения деятельности союза на местах. Подхватывая указания «сверху», местные власти предлагали требовать уже от всяких собраний союзов (и без иногородних участников) представления заранее полной программы и посылать на эти собрания чинов полиции с правом в любой момент закрыть заседание.⁶⁸ Департамент полиции, подготавливая дальнейшие меры против оппозиционных организаций, широко распространил специальный Обзор политической деятельности общественных организаций за период времени с 1 марта по 16 апреля 1916 г.⁶⁹ и ряд других записок, в которых, с одной стороны, обвинял земский и городской союзы и ВПК в подготовке свержения власти, а с другой доказывал отсутствие у союзов широкой поддержки в буржуазных кругах и существование разногласий между лидерами союзов и интеллигенцией левее кадетов. Этим (хотя

⁶² Известия МВПК, 1916, № 17—18, с. 2.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 4276, оп. 20, д. 105, л. 70—77.

⁶⁴ Падение царского режима, М., 1927, т. 7, с. 205.

⁶⁵ Особый журнал Совета министров 15 апр. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 4276, оп. 20, д. 108, л. 12—14.

⁶⁶ Там же, оп. 11, д. 348, л. 127—133; оп. 12, д. 1248, л. 9—11.

⁶⁷ Лемке М. Указ. соч., с. 772.

⁶⁸ Командующий войсками Московского военного округа — товарищу министра внутренних дел 28 мая 1916 г. — В кн.: Буржуазия накануне..., с. 106—107.

⁶⁹ См.: Лемке М. Указ. соч., с. 777—798.

прямо так не говорилось) обосновывалась безопасность для правительства наступления на буржуазно-помещичью оппозицию.

Для обсуждения положения в стране в конце апреля было проведено совещание высших чинов МВД и губернаторов 15-ти губерний. Участники совещания, несмотря на стремление приукрасить положение в стране, вынуждены были признать «серьезное брожение» крестьян, политический характер забастовок, руководимых большевиками, и «брожение умов в армии». Но у царизма не было иного ответа на требования масс, кроме репрессий, к тому же губернаторы, не получавшие от жандармских властей полной информации, не представляли себе действительного размаха революционного движения. Поэтому совещание в МВД ограничилось в этом вопросе лишь традиционными пожеланиями об усилении полиции.⁷⁰

Основное внимание руководителей внутренней политики страны было сосредоточено на проблеме взаимоотношений с буржуазно-помещичьими кругами и организациями. Для материалов совещания характерны две противоположные тенденции. Справедливо отмечая слабую в целом политическую активность дворянской и буржуазной массы, губернаторы явно преувеличивали преданность дворянства, от которого, якобы, правительство может ожидать «полной поддержки»,⁷¹ относили оппозиционные настроения земского и городского союзов исключительно за счет участвующего в них «третьего элемента». И в то же время совещание высказывало явную озабоченность деятельностью союзов, которые всякое полезное начинание используют «в целях противогосударственного настроения умов». В результате утверждения о несоответствии настроений местных земств и «выделенный общеземского союза» и об отсутствии «государственной опасности» со стороны городского союза сочетались с рекомендациями заранее принять меры к пресечению деятельности союзов после войны и к установлению немедленного контроля за военно-промышленными комитетами. Какие-либо политические уступки оппозиции отменялись с порога, вместо этого предлагались усиление цензуры и другие меры контроля над печатью и обсуждались пути фальсификации выборов в V Думу, которые обеспечили бы «благоприятные результаты», несмотря на изменение настроений избирателей «не в пользу существующих правых партий». Совещание констатировало дальнейший развал власти в стране. Губернаторы жаловались, что жандармские управления представляют собой в губернии государство в государстве, что секретные сведения им не сообщаются, и это приводит к несогласованности действий. В свою очередь само совещание было фактором усиления развала власти. Значительное место в материалах совещания занимали нападки на Министерство просвещения и лично Игнатьева (это было частью кампании Штюрмера и крайне правых против неудобного им министра). Министерство земледелия упрекалось в неправильном ведении продовольственного дела (в этом проявлялась борьба МВД за возвращение дела в его ведение), местные чины Министерства финансов обвинялись

в неблагонадежности. Ведомственная склока ставилась, таким образом, в один ряд с проблемами общегосударственной политики, а подчас и заставляла их.

В мае—июне наступление правительства на оппозицию продолжалось. Дополнительным фактором, придававшим бюрократии и камарилье решимость усилить давление на оппозицию, было успешное наступление войск Юго-Западного фронта, начавшееся 22 мая. Рассчитывая на новую волну «патриотического» верноподданничества, царизм готовился поставить земский и городской союзы и ВПК в условия, когда возможности их политической деятельности были бы сведены к минимуму. Еще перед началом наступления армий Прусилова Штюрмер внес в Совет министров записку против думского проекта Положений о земском и городском союзах, которые создавали юридический статус их деятельности после войны. Напоминая, что еще Н. Маляков противился легализации союзов, МВД обвиняло их в «полной оторванности» от административной власти и в «произвольности действий их исполнительных органов».⁷² В конце мая—начале июня Штюрмер провел совещания части министров (своих единомышленников), посвященные политике по отношению к буржуазно-помещичьим организациям.⁷³ Параллельно 4—18 июня этот вопрос обсуждался Советом министров в полном составе. Несмотря на сведения полиции об отсутствии поддержки рабочих групп ВПК со стороны пролетариата, само существование этих групп не укладывалось в мир привычных представлений бюрократии, и ВПК снова оказались в центре внимания. Все же новый военный министр Д. С. Шуваев считал невозможным совсем обходиться без поставок, осуществляемых ВПК, а министр торговли Шаховской, отметив падение популярности ВПК в буржуазных кругах, высказал опасение, что правительство, ликвидировав комитеты, лишь облегчит положение их лидеров, дав возможность переложить ответственность за неудачу своей деятельности на кабинет. Поэтому решено было ограничиться всемерным сокращением заказов военно-промышленным комитетам и проведением широкой кампании против них в печати. Одновременно было подтверждено решение допускать впредь съезды ВПК и союзов только с согласия в каждом случае Совета министров. Журнал Совета министров еще до окончательного его редактирования был показан Штюрмером Николаю II, написавшему: «Давно пора было это сделать. Очень одобряю». На окончательном варианте журнала Николай II вновь подчеркнул: «Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвой буквой».⁷⁴

Во исполнение намеченной кампании в печати 30 июня в «Биржевых ведомостях» и в «Русском слове» была помещена беседа «компетентного лица», разъяснявшего позицию правящих верхов по отношению к буржуазным организациям. Представитель правительства подчеркнул, что эти организации функционируют на деньги, полученные от казны, и заявил, что правительство будет принимать меры против политической деятельности ВПК и союзов. Он отметил при этом, что, как известно пра-

⁷⁰ Совещание губернаторов в 1916 г. — Красный архив, 1929, № 2, с. 146—149.

⁷¹ Это противоречило допущенным изранки, сообщавшей как раз о распространении антидинастических настроений в дворянской среде. См., например: А. Н. Хвостов — И. Л. Горемыкину 2 нояб. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, л. 55.

⁷² Отношение МВД в Совет министров 11 мая 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1249, л. 6—14.

⁷³ Падение царского режима, т. 1, с. 358.

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 348, л. 191; д. 349, л. 64.

вительству, в среде буржуазных организаций «политические затеи кое-кого из „молодой купеческой Москвы“ признаются неуместными». Угроза репрессиями сочеталась, таким образом, с призывом к более правым буржуазным кругам оттеснить оппозиционно настроенных лидеров.

Та же ставка на лояльные элементы буржуазии отчетливо видна и в разработанных в июне планах подготовки к выборам в V Думу. В записке МВД о перспективах выборов выдвигалась цель обеспечить в V Думе крайне правое большинство, в котором правые октябристы были бы только «допустимы», а «желательны более консервативные группы». Для достижения этой цели предлагалось провести выборы во время войны, когда значительная часть избирателей находилась на фронте, а голосами остальных легче было манипулировать. В качестве традиционной опоры намечалось использовать духовенство. Для покупки цензов желательным кандидатам, подкупа прессы и т. п. планировали использовать средства из 10-миллионного фонда «на известные его императорскому величеству нужды». Важным новым моментом была попытка заручиться активной поддержкой финансовой олигархии. 20 июня Штюмер доложил Николаю II, что собирается вести переговоры с «некоторыми выдающимися деятелями законодательных палат», а уже 24 июня в записке МВД говорилось, что «представители некоторых банков предполагают по соглашению с правительством израсходовать на предвыборную кампанию 2 млн. р., желая получить от 50 до 70 мест. Предложение это представляется приемлемым при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы».⁷⁵ Совпадение деталей в записке МВД и в приведенном выше плане Протопопова, так же, как и упоминание в докладе Штюмера о «выдающихся деятелях законодательных палат», доказывают, что Штюмер явно вел переговоры с представляемой Протопоповой группой банков и металлостроителей.

Попытка сговора правительства и финансовой олигархии о совместном ведении будущей избирательной кампании отражала значительное усиление позиций монополистического капитала в России в годы войны. Это укрепление позиций монополий шло по двум линиям. Прежде всего значительно вырос их экономический и финансовый потенциал. Война принесла тяжелой промышленности гигантские прибыли, зачастую превышавшие номинальный акционерный капитал предприятий.⁷⁶ Правда, необходимо иметь в виду падение реальной стоимости рубля, но даже с учетом этого прибыли крупнейших предприятий и банков росла значительно быстрее, чем их капиталы. Многочисленные авансы и ссуды из казны и возросшие прибыли позволили русской буржуазии переоборудовать часть старых и построить новые предприятия. С начала войны и до конца 1916 г. было создано 402 акционерных общества, причем процент обществ, создаваемых не на базе уже существовавших предприя-

тий, а для строительства новых, был выше довоенного.⁷⁷ Новые заводы были построены и ранее функционировавшими акционерными компаниями. Приток инфляционных денег, искавших себе применения на рынке ценных бумаг, и особенности военного времени привели в 1914—1916 гг. к изменению соотношения сил иностранных и русских капиталов. Новые выпуски акций размещались внутри страны, понижая тем самым долю участия иностранных капиталов в русской промышленности и банках. В том же направлении действовали и меры, направленные против германских предприятий в России. Хотя российский финансовый капитал выступал против ликвидационной политики правительства (видя в ней покушение на частную собственность вообще), он принимал активное участие в борьбе за «германское наследство». При этом наибольшего успеха добилась петроградская финансовая группировка (прежде всего Русско-Азиатский и Международный банки), а также концерн Второва. В то же время упорные попытки других московских и провинциальных группировок, в частности Рябушинских, приобрести бывшие германские предприятия не удалась вследствие противодействия бюрократии,⁷⁸ не в последнюю очередь из-за ее стремления не допустить усиления оппозиционных слоев буржуазии.

Увеличилось влияние монополистического капитала непосредственно на экономическую политику царизма. Хотя официальное представительство буржуазии в особых совещаниях было передано ЦВПК, министры-председатели особых совещаний, пользуясь своими полномочиями, непосредственно пригласили в их состав виднейших банковских и промышленных лидеров, опираясь именно на них при распределении заказов и прислушиваясь к их мнению при определении общих принципов экономического курса. Не имея ни опыта государственного регулирования экономики в подобных масштабах, ни соответствующего аппарата, особые совещания фактически осуществляли это регулирование (в той мере, в какой его вообще удавалось осуществить) через аппарат синдикатов «Продамета», «Кровля», «Медь» и т. п.

Сам факт появления плана Протопопова, предусматривавшего широкое представительство крупного капитала в V Думе, свидетельствовал, что финансовая олигархия осознавала свое увеличившееся значение в стране и хотела оказывать большее влияние и на законодательные палаты, а готовность Штюмера пойти ей в этом навстречу говорила о признании бюрократией необходимости укрепить союз с монополистическим капиталом ценою расширения его участия в сфере власти. Но, и это является принципиально важным, речь шла, во-первых, о союзе с теми консервативными элементами буржуазии, которые и раньше блокировались с царизмом, а, во-вторых, о таком увеличении роли консервативной буржуазии в старой системе управления, которое не меняло политической сущности этой системы. Именно поэтому переговоры Штюмера и банков о выборах в V Думу не находились в противоречии с давлением

⁷⁵ Всеподданнейший доклад Штюмера 20 июня 1916 г. — В кн.: *Монархия перед крушением*. М.; Л., 1926, с. 127; Записка о перспективах выборов в Государственную думу. — Там же, с. 218; Заключение совещания 24 июня 1916 г. — Там же, с. 241—243.

⁷⁶ *Сидоров А. Л.* Указ. соч., с. 398—410.

⁷⁷ *Шенелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 343.

⁷⁸ См. подробно: *Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого завыва. — В кн.: *Первая мировая война*, М., 1968, с. 237—238.

на оппозиционную буржуазию и с подготовкой еще более резкого сдвига вправо, связанного с планами реорганизации кабинета Штюрмера.

Два ряда причин сделали реорганизацию правительства Штюрмера летом 1916 г. проблемой, не терпящей отлагательства с точки зрения правящих кругов.

Прежде всего к этому времени неспособность царизма справиться с экономическим обеспечением войны проявилась, на этот раз особенно наглядно в продовольственном вопросе, но также и в обеспечении, в такой степени, что стала уже угрожать полным развалом тыла со всеми вытекающими отсюда для царизма последствиями. Как и в деле боевого снабжения армии, царская бюрократия не предвидела возникновения в случае войны продовольственного кризиса. Напротив, она боялась падения хлебных цен из-за прекращения экспорта за границу. В значительной мере этими опасениями определялись первые шаги Совета министров и Государственного банка, вмешавшихся в закупочную операцию 1914 г. с целью искусственного поддержания и повышения цен на хлеб в интересах его производителей помещиков и в противовес банкам и оптовым торговцам, стремившимся в тот момент скупить зерно подешевке.⁷⁹ В дальнейшем массовые заготовки продовольствия для армии по гарантированным высоким ценам дали возможность помещикам вздувать цены и на свободном рынке, покрывавшем потребности тыла, а рост цен свободного рынка служил поводом для нового повышения «твердых» закупочных цен казны. Система заготовок для армии также исходила в первый год войны из представления о непереносимости хлебных запасов в стране и была организована без учета потребностей тыла. Данное сначала командующим прифронтовыми округами, а с 17 февраля 1915 г. всем губернаторам право запрещать вывоз хлеба за пределы губернии до выполнения казенных поставок внесло расстройство в функционирование частной торговли и не создало какой-либо государственной системы снабжения населения.

С лета 1915 г. добавились и транспортные трудности. Даже увеличив, ценою крайнего напряжения сил, физический объем перевозок к середине 1916 г. по сравнению с довоенным на 33,5%, железные дороги, занятые в первую очередь военными грузами, не могли обеспечить поддержание перевозок продовольствия и топлива на довоенном уровне. В 1915 г. объем хлебных грузов составил 65,4% довоенного.⁸⁰ Плановые перевозки в первую половину 1916 г. были выполнены лишь на 48,1%.⁸¹ Во втором полугодии 1916 г. железнодорожный транспорт не выдержал перенапряжения и начал приходить в расстройство.

Нарушение старых частноторговых связей и расстройство транспорта создали благоприятные условия для спекуляции. Оптовые торговцы (в первую очередь банки) и мелкие лавочники прятали товар в ожида-

⁷⁹ Лаврицын В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Вестник МГУ. Ист.-филос. сер., 1956, № 1, с. 147.

⁸⁰ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1923, с. 54.

⁸¹ Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. — Исторические записки, 1948, т. 26, с. 55.

нии повышения цен. На складах Петрограда и Москвы зимой 1916 г. лежало большое количество сахара, соли и других товаров, принадлежавших банкам, которые не выпускали их в продажу. С октября 1915 по март 1916 г. в Петрограде было спрятано на складах Випдово-Рыбинской железной дороги свыше 1 млн. пудов сахара.⁸² Группа крупнейших торговцев Калашниковской хлебной биржи в Петрограде в конце декабря 1915 г. продавала муку по цене, вдвое превышавшей введенную городскими властями таксу. Для этого они искусственно задерживали доставку хлеба, изменении маршрута хлебных грузов или делая заготовки с нарочито отдаленными сроками доставки и тем сжимая хлеб с рынка в данный момент.⁸³

Несмотря на постоянные тревожные сообщения охранки о нарастающем недовольстве народных масс на почве дороговизны, бюрократический аппарат царизма упорно отказывался принимать реальные меры для решения продовольственной проблемы. И комитет при Министерстве торговли, действовавший в марте—августе 1915 г., и Особое совещание по продовольствию считали, что государственные закупки должны обеспечивать только потребности армии. Идея нормирования продовольственного снабжения в тылу отвергалась как технически неосуществимая и чреватая политическими осложнениями в случае неудачи. В этих условиях попытки организовать снабжение городов делались местными самоуправлениями, стремившимися взять в свои руки закупки продовольствия и устанавливавшими местные таксы. Эти таксы саботировались торговцами, прекращавшими подвоз товаров, а доставки продовольствия силами городских властей оказывались малоуспешными из-за недостатка средств и транспортных затруднений. К тому же городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо, как отмечалось на совещании губернаторов в апреле 1916 г. «состоян уравни... — сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее алчные спекулянты».⁸⁴ В результате в середине июля правительство должно было констатировать, что на почве дороговизны «проявляются уже признаки народных волнений, и власти оказываются вынужденными, пока, правда, в единичных случаях, прибегать для поддержания порядка к содействию вооруженной силы».⁸⁵

Неся немалую долю ответственности за обострение продовольственного кризиса и будучи не в состоянии договориться в собственных рядах о путях его разрешения, оппозиция все время использовала проблему дороговизны и нехватки предметов широкого потребления как доказательство неспособности бюрократии управлять страной и необходимости по этому созданию министерства «общественного доверия». Поскольку «прогрессивный блок» в Думе вел осторожную политику, избегая открытой конфронтации с правительством, задачу поддержания «боевого духа» оппозиции взяли на себя прогрессистские лидеры ВПР и левые кадеты, которые на съездах ВПР и городского союза в феврале—марте даже до-

⁸² Гос. дума. 4-й соз. Сес. IV, стб. 3405—3406.

⁸³ Финансовая газета, 1915, 28 и 29 дек.

⁸⁴ Красный архив, 1929, № 2, с. 163.

⁸⁵ Особый журнал Совета министров 17 июля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 112, л. 1—2.

бились замены лозунга «правительства доверия» требованием «ответственного министерства». При этом в качестве тактического лозунга, ведущего к тому, чтобы общественные организации постепенно захватили бы в свои руки реальное управление страной и этим вынудили царизм пойти на уступки и в вопросе об ответственном министерстве, выдвигался лозунг объединения этих организаций на почве продовольственного дела.⁸⁶

Из этого вытекал план создания Центрального продовольственного комитета (ЦПК) из представителей ВПК, союзов, кооперативов, рабочих и предпринимательских организаций.⁸⁷ Неисправимые оптимисты из лево-кадетского лагеря считали при этом, что правительство действительно может пойти на передачу общественным организациям продовольственного дела,⁸⁸ и планировали использовать ЦПК как легальное прикрытие координационного центра всех организаций оппозиции.⁸⁹ После того, как продовольственный комитет был явочным порядком организован, требование передать продовольственное дело «из рук безответственных чиновников в руки общественные» было в мае публично выдвинуто в Думе.⁹⁰

Какое-то решение продовольственного вопроса или хотя бы активизация деятельности в этом направлении были нужны правительству Штюрмера, таким образом, не только потому, что этого требовало действительно критическое положение, но и потому, что царизму надо было лишить оппозицию возможности использовать продовольственный вопрос в ее кампании против правительства. Это означало прежде всего и проще всего очередную реорганизацию системы, ведавшей снабжением тыла. 21 мая Штюрмер получил согласие Николая II ликвидировать совещание 5-ти министров под председательством Тренова, безуспешно пытавшееся координировать действия всех особых совещаний в области обеспечения населения предметами первой необходимости, и возложить эту задачу на Совет министров в полном составе.⁹¹ Одновременно он снова стал добиваться передачи продовольственного дела в Министерство внутренних дел.⁹² МВД разработало проект Особого комитета для борьбы с дороговизной из представителей различных ведомств (без участия общественных организаций) во главе со специально назначаемым по усмотрению Николая II лицом на правах товарища министра внутренних дел.⁹³ Особый комитет при МВД явно противопоставлялся ЦПК оппозиции.

В этот момент в решении вопроса вмешался генерал Алексеев. Встреченная состоянием тыла Ставка подходила к проблеме более широко, отмечая нехватку не только продовольствия, но и металлов, развал транспорта, беспорядок в поставках из-за границы, недостачу рабочих рук на

заводах, занятых непосредственно военным производством. Для того, чтобы справиться с положением, Алексеев 15 июня представил Николаю II доклад, в котором предлагал сосредоточить всю власть в тылу «в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны».⁹⁴ Идея введения диктатуры испугала бюрократические верхи, которые сочли, что в этом случае «министры были бы поставлены в ложное положение».⁹⁵ Поэтому не только Штюрмер, стремившийся объединить власти в своих руках, но и его соперник Тренев, возражали против этой идеи, предлагая ограничиться передачей всей полноты власти Председателю Совета министров.⁹⁶

Но кроме того, у плана Алексеева был отчетливо оппозиционный оттенок. Как и при в. кн. Николае Николаевиче, Ставка неизбежно находилась в деловом контакте с лидерами ВПК и союзов. Иный монархист Алексеев руководствовался в своих действиях убеждением, что «войну и революцию мы выдержать не можем».⁹⁷ и в стремлении предотвратить революцию был готов идти на сотрудничество с буржуазной оппозицией, взглядов которой он не разделял. С января 1916 г., когда глава ВЦИ Челноков участвовал в совещании в Ставке по продовольственному снабжению армии,⁹⁸ Алексеев все время встречался или переписывался с Гучковым, Родзянко, Коноваловым и другими деятелями оппозиционного лагеря,⁹⁹ с которыми его сближал страх перед усилением влияния Александры Федоровны и Распутина.¹⁰⁰ Видимо, этими связями Алексеева и других военных с оппозиционными лидерами следует объяснить появление проекта рескрипта, в котором создание должности верховного министра государственной обороны соединялось с провозглашением готовности «образовать Совет министров из лиц, пользующихся общественным доверием», и с объявлением амнистии политическим заключенным. Для подготовки списка кандидатов в министры доверия председателю Думы поручалось созвать совещание ее президиума и лидеров фракций.¹⁰¹

Трудно сказать, кем был составлен этот проект рескрипта. Возможно, его подготовил начальник Главного артиллерийского управления ген. А. А. Маниковский, являвшийся действительным автором и доклада Алексеева о диктатуре и говоривший об «ответственном министерстве» при личной встрече с царем.¹⁰² Родзянко тоже завел с Николаем II раз

⁹⁴ Всеподданнейший доклад М. В. Алексеева 15 июня 1916 г. — В кн.: Монархия перед крушением, г. 259—260.

⁹⁵ Переписка Романовых, т. 4, с. 336. Министры не могли не помнить пагубных последствий дуализма военных и гражданских властей в 1914—1915 гг.

⁹⁶ Падение царского режима, т. 1, с. 242, 243.

⁹⁷ Последние новости, 1923, 3 сент.

⁹⁸ Переписка Романовых, т. 4, с. 57.

⁹⁹ Лемке М. Указ. соч., с. 447, 470, 545, 604.

¹⁰⁰ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931, с. 97.

¹⁰¹ Проект высочайшего рескрипта (без даты и адреса). — ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 105, л. 1; Доклад члена Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства ген. Апушкина по делу Н. И. Иванова. — Вопросы архивоведения, 1962, № 1, с. 104; Падение царского режима, т. 1, с. 332.

¹⁰² Энгельсарт Б. А. Потопнувший мир. — РО ГБЛ, ф. 303, д. 3, л. 723.

⁸⁶ Лаврышев В. Я. Указ. соч., с. 166—167.

⁸⁷ Известия ВЦИ, 1916, № 27—28, с. 42—43.

⁸⁸ Донесение моск. охр. отд. 23 апр. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1916, д. 343, т. 2, л. 46—47.

⁸⁹ Донесение моск. охр. отд. 16 марта 1916 г. — В кн.: Буржуазия накануне... с. 93—96.

⁹⁰ Гос. дума, 4-й соз. Сес. IV, стб. 4512.

⁹¹ Всепод. докл. Б. В. Штюрмера 21 мая 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1790, л. 122.

⁹² Переписка Романовых, т. 4, с. 301.

⁹³ Особый журнал Совета министров 17 июня 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 112, л. 1—4.

говор об ответственном министерстве, называя даже в качестве его главы морского министра Григоровича.¹⁰³ Слухи о предстоящем создании «министерства доверия» получили распространение в прессе. Очевидно, можно говорить о какой-то реальной попытке военного окружения царя склонить его в пользу шагов навстречу оппозиции, хотя конечно, речь шла не об «ответственном министерстве», а только о «министерстве доверия». О желательности «изменить обстановку» в правительстве говорил Николаю II и Наумов.¹⁰⁴

Позиция Ставки оказала некоторое влияние на царя, хотя не только на «ответственное министерство», но и на «правительство доверия» он соглашаться не собирался. Все его пометы на журналах Совета министров во второй половине июня говорят о его стремлении ужесточить меры против оппозиции. Но Николай II не был искренен, когда в письме к жене называл чепухой и глупостью предложения Родзянко о смене министров. Именно в этом вопросе царь на какое-то время заколебался. 11 июня он выражал недовольство Штюрмером, который «никак не может решиться делать то, что необходимо»,¹⁰⁵ и даже принял двумя неделями позже решение поддержать Штюрмера против недовольных им министров, Николай подчеркнул в разговоре с Наумовым, что пока не собирается изменять обстановку,¹⁰⁶ явно имея в виду не политический курс, а судьбу премьера.

Отказ Николая II последовать советам военных в определении общего курса не мог не отразиться на его отношении к плану диктатуры в его алексеевском варианте. 28 июня на заседании Совета министров в Ставке под председательством царя было решено образовать Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла из министров внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и военного во главе с премьером. В качестве председателя этого совещания Штюрмер получил право руководить деятельностью всех особых совещаний при министрах, причем в случае разногласий между ними мнение Штюрмера являлось обязательным и только он мог докладывать о разногласиях Николаю II.¹⁰⁷ «Диктаторские» полномочия сводились по сути дела к некоторому расширению власти премьера, далеко не достигавшему, однако, объема полномочий главы кабинета в парламентских странах. Но и эта власть давалась не премьеру как таковому, а председателю особого межведомственного совещания, пусть и состоявшего из самих министров. В то же время не отменялись полномочия Военного министра по координации деятельности особых совещаний, что неминуемо должно было привести к новым конфликтам. Система подчинения органов, ведавших хозяйственной жизнью страны, по-прежнему, подобно императорскому орду, имела две головы, глядевшие в разные стороны.

¹⁰³ Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929, л. 164—167; Переписка Романовых, т. 4, с. 342.

¹⁰⁴ Падение царского режима, т. 1, с. 340—341, 346.

¹⁰⁵ Переписка Романовых, т. 4, с. 306, 342.

¹⁰⁶ Падение царского режима, т. 1, с. 346.

¹⁰⁷ Особый журнал Совета министров 1 июля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, кн. 20, д. 113, л. 1—3.

Если, таким образом, острота продовольственного кризиса и надвигавшийся общий экономический крах делали необходимыми попытки рестроить систему учреждений, занимавшихся устройством тыла, и эти вели к реорганизации кабинета Штюрмера, то другими факторами, действовавшими в том же направлении, были постоянное давление правящих добивавшихся проведения еще более жесткого курса против оппозиции, вытекавших отсюда персональных перемен в правительстве, а также борьба распутинско-штюрмеровской клики за укрепление своих позиций в верхах и одновременно грызня внутри самой этой клики.

Кампания за изменение состава правительства была развернута крайне правыми с самого начала 1916 г., причем первое время, пока Штюрмер соблюдал еще видимость «благожелательного» отношения к оппозиции, в их требования входила и замена самого Штюрмера А. С. Танеевым.¹⁰⁸ В дальнейшем главный удар был нацелен на Поливанова, уволенного в марте, Игнатьева и Сазонова. Травля Игнатьева велась в совершенно невиданной по разнузданности форме и черносотенной печати, на его отставке постоянно настаивала подавляемая Н. Маклаковым Александра Федоровна, сам Игнатьев, чувствуя себя чужеродным телом в кабинете, неоднократно просился в отставку, но, может быть, именно поэтому Николай II упорно отказывался его освободить. Наиболее уязвимым было положение Сазонова, атака на которого велась по двум линиям. С одной стороны, он был сторонником соглашения с буржуазно-помещичьей оппозицией, одним из инициаторов коллегияльного «бунта» министров в августе 1915 г. С другой стороны, война не только не устранила многочисленных противоречий между Россией и Англией, но и породила новые из-за условий будущего раздела мира. По этому считавшийся англофилом Сазонов казался многим в правящих кругах неподходящей фигурой на посту министра иностранных дел. В числе аргументов в пользу срочной замены Сазонова, поданной кем-то Александре Федоровне, был и не лишенный оснований довод, что его преемнику нужно время на ознакомление с делом, «чтобы на нас не напала позднее Англия и чтоб мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире».¹⁰⁹

Медленность перемен в кабинете и недостаточно, с точки зрения правых, решительные действия правительства против ВПК и союзов вызвали новые шаги камарильи. В марте в кружке Римского-Корсакова при особенно активном участии Н. Маклакова была выработана записка с критикой правительства и требованием его реорганизации.¹¹⁰ В конце мая или начале июня в «сферы» была подана новая записка, в которой говорилось о необходимости «сильной и твердой власти, которая... энергичной рукой сумела бы обуздать возмущения левых». «В. В. Штюрмер, — подчеркивалось в записке, — для этой роли не годится».¹¹¹ Воз-

¹⁰⁸ Информационная записка о настроенных в Думе 25 февр. 1916 г. — Там же, оп. 10, д. 7, л. 200.

¹⁰⁹ Переписка Романовых, т. 4, с. 150.

¹¹⁰ Речь, 1916, 26 марта.

¹¹¹ Известия МВНК, 1916, № 23—24, с. 65. Может быть, отражением этой записки и было брожение Николая II по поводу нерешительности Штюрмера в письме 11 июня.

можно, угроза потерять поддержку своих ближайших единомышленников подстегнула Штюмерера, который в июне затормозился не только с закручиванием гаек во внутренней политике, но и с интригами против тех коллег по кабинету, которые вызвали недовольство крайне правых или могли стать его потенциальными соперниками. В середине июня он начал подкол против Наумова. Министр земледелия проявлял излишнее в глазах правых стремление не обострять конфликт с общественным мнением. Для Штюмерера лично он был опасен, ибо мог по своей должности и из-за хорошего отношения к нему Николай II оказаться кандидатом в «диктаторы» тыла. Поэтому Штюмерер через Александру Федоровну стал усиленно инсинуировать против Наумова, обвиняя его в том, что он «придает слишком большое значение мнению Думы и земского союза».¹¹² Тогда же Штюмерер свел счеты с А. А. Хвостовым, воспользовавшись тем, что министр юстиции вступил в конфликт с камарильей из-за дела проворовавшегося бывшего столичного градоначальника Д. В. Драчевского и не прислушался к просьбам Александры Федоровны и Распутина об освобождении из-под ареста Сухомлинова.¹¹³

Сразу же после представления Штюмеру «диктаторских» полномочий был уволен с поста министра иностранных дел Сазонов. Его пост Штюмерер взял себе, чтобы контролировать и это министерство, находившееся вне официальной сферы влияния премьера. В Министерство внутренних дел был переведен А. А. Хвостов. Это лишило его права вмешиваться в дела Сухомлинова, Драчевского и других и было шагом к полной отставке, поскольку старому бюрократу было трудно справиться с самым сложным и громоздким ведомством, каким являлось МВД. Министром юстиции был назначен А. А. Макаров.¹¹⁴ Вслед за тем Наумов был смещен в Министерстве земледелия А. А. Бобринским, а в августе обер-прокурором Синода был назначен ставленник связанного с Распутиным митрополита Питирима Н. П. Раев. Уйдя из МВД, Штюмерер сохранил для себя возможность вмешиваться во внутреннюю политику. С этой целью Комитет для борьбы с дороговизной был выведен из состава МВД и подчинен непосредственно Председателю Совета министров.¹¹⁵ Кроме того, по поручению Штюмерера Манассевич-Мануйлов и Гурланд готовили создание при премьер-канцелярии по политическим вопросам с агентурой «из лиц, занимающих видное положение в различных служебных (подчеркнуто нами, — В. Д.) и общественных кругах».¹¹⁶ Канцелярия должна была дублировать Департамент полиции и военную контрразведку. Этот план был сорван арестом Манассевича-Мануйлова в августе по обвинению в вымогательстве.¹¹⁷

Правительство Штюмерера усилило летом 1916 г. административный нажим на оппозицию, стремясь прежде всего изолировать ее лидеров от

сторонников на местах и не допустить проникновения их влияния в массы. Министерство внутренних дел выступило против учреждений городского союза, занимавшихся помощью беженцам, и потребовало сократить отпускаемые на эти цели средства. Усиливались преследования рабочих групп ВПК. Была форсирована подготовка выборов нового состава Московской городской думы, чтобы добиться в ней правого большинства и тем лишить ВСГ, опиравшийся главным образом на Москву его базы. Зная оппозиционные настроения московских избирателей, МВД намеревалось допустить к этим выборам духовенство, лишенное избирательных прав по городскому положению. 1 сентября Николай II утвердил новые правила о съездах и собраниях общественных организаций. По этим правилам власти получали право посылать своих представителей на непубличные заседания руководящих органов союзов и ВПК, что, если бы эти правила действительно выполнялись, полностью пресекало бы их политическую деятельность. Но, и это было еще одним признаком усиливающегося развала власти. Правила 1 сентября фактически остались на бумаге. Под разными флагами оппозиция собирала даже совещания с участием провинциальных представителей, хотя общая тональность оппозиционных выступлений на этих совещаниях была более чем сдержанной.¹¹⁸

Главное для правящих кругов заключалось, однако, в другом. Продовольственная «диктатура» Штюмерера не принесла ничего, кроме дополнительных ведомственных трений. Особый комитет для борьбы с дороговизной по своей конструкции представлял собой заурядное межведомственное совещание, непригодное к энергичным действиям. При создании комитета полномочия других органов, ведавших заготовкой, транспортировкой и распределением продовольствия и товаров широкого потребления, не были отменены, и комитету все время указывали, что он суется не в свое дело, а Бобринский прямо предложил председателю комитета не вторгаться в сферу влияния Особого совещания по продовольствию.¹¹⁹ Столь же бесплодным оказалось и Особое совещание для объединения мероприятий по снабжению армии и организации тыла. Оно начало свою деятельность с попытки обследовать положение в сахарной и кожевенной промышленности и в Донецком угольном бассейне. Но Бобринский сразу же потребовал и добился сужения полномочий члена Государственного совета В. Ф. Дейтриха, инспектировавшего сахарную промышленность. Кроме ведомственной ревности, в его поведении проявились, разумеется, интересы сахарозаводчика, обертавшего свои доходы. Аналогичными конфликтами сопровождалась инспекция кожевенного производства. Решения совещания принимались необдуманно и тут же подвергались поправкам или отмене. «Течение дела, — писали «Русские ведомости» 18 августа, — напоминает в общем ход поврежденной машины, каждую минуту прерываемой судорожными толчками, то вперед, то назад». Совещание Штюмерера не имело своих специальных органов на местах и должно было действовать через аппарат других особых совещаний, неспособность которых справиться с ситуацией и породила

¹¹² Переписка Романовых, т. 4, с. 334.

¹¹³ Падение царского режима, т. 5, с. 447, 451—452; Переписка Романовых, т. 4, с. 153, 219, 303.

¹¹⁴ См. подробнее: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм, с. 219—220.

¹¹⁵ Особый журнал Совета министров 8 июля 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1209, л. 57—58.

¹¹⁶ Докладная записка об учреждении канцелярии по политическим вопросам при Председателе Совета министров (без даты). — Там же, ф. 1629, оп. 1, д. 35, л. 12.

¹¹⁷ Падение царского режима, т. 4, с. 514.

¹¹⁸ Подробнее см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм, с. 220—223.

¹¹⁹ Н. Л. Оболенский — Б. В. Штюмеру 21 сент. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 15, д. 14, л. 3—4.

саму идею «диктатуры». Поэтому решения совещания Штюмерера заведомо не могли иметь серьезного значения, и Алексеев, не стесняясь в выражениях, прямо на полях журналов совещания называл их «чиновничьими отписками» и «материалом для оклейки окон».¹²⁰

Неспособность царизма справиться с продовольственным кризисом особенно отчетливо проявилась на рубеже августа — сентября и ходе обсуждения вопроса об уровне твердых цен на зерно и о распределении их на все сделки, а не только на государственные заготовки. От решения этих вопросов зависела судьба заготовительной кампании 1916 г. и, следовательно, снабжение армии и тыла в следующем году. Помещики требовали нового резкого повышения цен, откровенно заявляя о нежелании думать, как это отразится на населении. При этом они хотели сохранить для себя право вздувать цены на частном рынке еще выше, чем при казенных поставках. Министерства земледелия и внутренних дел, обеспокоенные отсутствием хлеба в городах, хотели распространить твердые цены и на частные сделки, но шли на поводу у помещиков в вопросе о ценах. Министерство финансов и Государственный контроль добивались более скромного повышения закупочных цен для казны, но готовы были предоставить аграриям взять свое на вольном рынке. Только Военное министерство настаивало на относительно умеренном уровне цен для всех сделок. Двойное подчинение особых совещаний, порожденное штюмереровской «диктатурой», привело к тому, что сначала военный министр властью председателя Особого совещания по обороне отменил решение Совета министров об уровне цен, а затем Совет министров отменил решение Особого совещания по обороне.¹²¹ В итоге цены были значительно повышены без какой-либо уверенности в том, что помещики и кулаки, зная о серьезных разногласиях в правящих кругах, согласятся продавать хлеб хотя бы по этим ценам.

Разумеется, неспособность царизма предотвратить экономический крах, наиболее наглядным и опасным проявлением которого был продовольственный кризис, определялась не дефектами конструкции тех или иных органов. Подлинное решение проблемы было возможно только на путях коренного переустройства всего политического и социального строя общества, а, следовательно, невозможно ни для царизма, ни для буржуазии (что она и продемонстрировала после Февраля 1917 г.). Но царизм оказался не в состоянии обеспечить даже такую «организацию голода», которую создали в годы войны власти кайзеровской Германии. И вот в этом сказались и косность бюрократической машины, не вышедшей в своем «творчестве» за пределы тех или иных модификаций межведомственных совещаний, и боязнь Николая вручить кому-либо действительно диктаторские полномочия, т. е. полноту власти в стране, и этим подчеркнуть несостоятельность собственных претензий на роль неограниченного монарха.

В то же время, чем острее становилось положение, тем больше царь и его окружение теряли способность понимать, что любые намеченные меры могут принести результат лишь через некоторое время. Царизм

нуждался в панацее от всех своих недугов и притом немедленно. Штюмерер еще не успел приступить к своим «диктаторским» функциям, как Николай II уже стал искать другого «человека, способного быть во главе департамента снабжения».¹²² Таков был максимум полномочий, который царь согласен был вручить искомому мессии. Положение Штюмерера вообще пошатнулось летом 1916 г. «В Ставке, — писал Игнатиев, — Алексеев иначе не именует Штюмерера как преступником, объясняя, что лишь преступник мог взяться за дело, которого... он совершенно не знает».¹²³ Перестановки в кабинете — переход самого Штюмерера в МИД и назначение Макарова в Министерство юстиции — вызвали недовольство Александры Федоровны и Распутина. В первом случае они понимали опасность прихода в МИД во время войны с Германией человека с немецкой фамилией и заслуженной репутацией германофила.¹²⁴ Во втором причина недовольства коренилась в том, что Макаров не принадлежал к числу поклонников «старца». К тому же Бобринский, на которого Штюмерер надеялся как на своего союзника, немедленно начал наговаривать Александре Федоровне, что, сосредоточив в своих руках заведывание широким кругом дел, премьер «ничем в отдельности не может запясться вплотную».¹²⁵

По мере того как при дворе падало влияние Штюмерера, росли шансы нового претендента на роль спасителя монархии — А. Д. Протопопова. Симбирский помещик и крупный суконный фабрикант, Протопопов формально считался левым октябристом. В Думе он выдвинулся при обсуждении законопроекта о страховании рабочих, отстаивая интересы промышленников. С этого времени он устанавливает тесные связи с финансовыми кругами, которые сделали его политическим доверенным лицом банковских сфер, председателем Совета съездов металлургов. Одновременно, стремясь к министерской карьере, Протопопов еще до войны вошел в правый салон Богдановича, а позднее сблизился и с кругом Римского-Корсакова.¹²⁶ С 1903 г. Протопопов поддерживал постоянное знакомство с пользовавшимся его tibetским врачом Бадмаевым, одним из влиятельнейших представителей «темных сил», и через него еще до войны познакомился с Распутиным.¹²⁷ Темные связи Протопопова остались незамеченными его фракцией, и перед войной он был избран товарищем председателя Думы, а в этом своем качестве оказался во главе думской делегации, посетившей весной 1916 г. Англию, Францию и Италию. В июне 1916 г. Родзянко предлагал Николаю назначить Протопопова министром торговли и промышленности или человеком, пользующимся

¹²⁰ Переписка Романовых, т. 4, с. 418.

¹²¹ П. Н. Игнатиев — А. Д. Кривошеину 28 авг. 1916 г. — ЦГА СССР, ф. 1574, оп. 1, д. 274, л. 45.

¹²² По той же причине перемены в МИД вызвали большую тревогу оппозиции и союзников. «Палеолог и Вышневецкий рвут на себе волосы», — писала О. Палей в кн. Павлу Александровичу под впечатлением от необъяснимого ухода Сазонова (ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 152, л. 51—52). См. также: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм, с. 222—223.

¹²³ Переписка Романовых, т. 4, с. 418.

¹²⁴ Падение царского режима, т. 4, с. 485; Речь, 1916, 20 сент.

¹²⁵ За кулисами царизма. Архив tibetского врача Бадмаева. Л., 1925, с. 17—18; Падение царского режима, т. 4, с. 115.

¹²⁰ Цит. по: Лавровцев В. Я. Указ. соч., с. 170.

¹²¹ Подробное см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм, с. 225—226.

доверием Думы. Параллельно и банковские лидеры еще с зимы 1915/1916 гг. стремились через Распутина провести Протопопова в министры финансов.¹²⁸ В первой половине 1916 г. время Протопопова еще не наступило, поскольку при всех его правых связях он был для Николая человеком из другого, думского лагеря, к тому же лично неизвестным. После поездки с думской делегацией Протопопов 19 июля получил аудиенцию у царя и сумел ему понравиться,¹²⁹ вслед за тем Распутин усилил нажим на Николая II. 18 сентября, несмотря на сопротивление Штюмерера,¹³⁰ почувствовавшего опасность для себя, Протопопов был назначен управляющим Министерством внутренних дел, причем Распутин и Бадмаев имели в виду последующее назначение его и Председателем Совета министров.¹³¹

Выдвижение Протопопова не было просто очередной сменой главы МВД, но имело вполне определенный политический смысл. Часть «темных сил» вокруг трона снова стала искать возможности укрепления позиций монархии с помощью не только подавления всякой оппозиции, но и путем маневрирования. При этом программа, разрабатывавшаяся в доме Бадмаева, сочетала в себе далеко не во всем совпадавшие расчеты правых из распутинского окружения и планы банковских кругов, стоявших за спиной Протопопова.

Ближайшей целью маневра «темных сил» было предотвращение открытого конфликта между правительством и Думой, которая должна была возобновить заседания 1 ноября. Не созывать Думу царизм уже не решался, и назначение октябриста рассматривалось как тактический ход, способный смягчить недовольство оппозиции. В действительности распутинская клика не изменила своего отношения к Думе. В этом смысле показателем план генерала Курлова, предназначавшегося на роль реального руководителя МВД за спиной Протопопова. Курлов предлагал в удобный момент разогнать Думу и одновременно опубликовать манифест о дополнительном наделении крестьян землей и об уравнивании всего населения в гражданских правах, чтобы таким способом привлечь массы на сторону правительства и изолировать думскую оппозицию.¹³²

Основными элементами программы Протопопова и банков были привлечение крупного капитала и более значительному участию в будущей Думе, отмена государственного регулирования в области торговли и устранение или уменьшение правоограничений евреев. Кроме того, Протопопов предполагал вернуться к идее Кривошеина о наделении крестьян-фронтовиков за счет земель немецких колонистов и фондов Крестьянского банка и перевести духовенство на государственное жалование,¹³³ что должно было сделать его еще более зависимым от правительства. И социальная демагогия протопоповской программы, и меры по усилению влияния на духовенство также имели целью подготовку к вы-

борам в V Думу, но на первых порах Протопопов не стремился к немедленному разгону IV Думы и, видимо, искренне надеялся примирить правительство и оппозицию введением судебной ответственности министров не только за незакономерность, но и за нецелесообразность действий. Думе, по мысли Протопопова, предоставлялось бы право выдвигать обвинение в нецелесообразности действий, а рассматривать дело должно было специальное «верховное судилище», назначаемое царем, за которым оставалось и право отменить решение «судилища».¹³⁴ Очевидно, именно этот суррогат ответственности министров имел в виду Протопопов, когда на встрече с бывшими товарищами по «прогрессивному блоку» говорил о надежде «понемногу кое-что» сделать без «потрясений» и «перемены режима».¹³⁵

Во время первых аудиенций у Николая II Протопопов, однако, не изложил ни курловского плана разгона Думы,¹³⁶ ни своей идеи судебной ответственности министров.¹³⁷ Главным предметом обсуждения был продовольственный вопрос, для решения которого Протопопов, как и его предшественники, просил вернуть дело в ведение МВД и предложил одновременно две плохо сочетавшиеся друг с другом идеи: введение некоего подобия продразверстки и восстановление свободы торговли. В представлении Протопопова продразверстка должна была обеспечить потребности армии и создать резервный фонд в 100 млн. пудов зерна, причем покунку хлеба по твердым ценам в соответствии с разверстанными по губерниям заданиями должны были производить за казенный счет земства при условии их выхода из земского союза и под контролем губернаторов. После выполнения плана обязательных закупок банкам разрешалось вести дальнейшие хлебные операции по ценам свободного рынка.¹³⁸ Собственно «продовольственная» часть этого плана не сулила успеха, ибо реальных мер для принуждения помещиков продать хлеб по разверстке не намечалось, а фонд в 100 млн. пудов не покрывал потребности населения городов. Начало банковских закупок нового урожая откладывалось на неопределенный срок (до проблематичного выполнения разверстки) и свобода торговли сводилась к праву продавать по спекулятивным ценам припрятанные запасы прошлых лет. Центральным звеном протопоповского плана оказывались меры, направленные на усиление давления на земства и укрепление власти губернаторов. Кроме продовольственного вопроса Протопопов по его утверждениям в первых разговорах с Николаем II затронул лишь проблему ослабления ограничений евреев.

¹²⁸ «Предсмертная записка» Протопопова. — Голос минувшего на чужой стороне, 1926. № 2, с. 186—187.

¹²⁹ Запись встречи с Протопоповым 19 окт. 1916 г. — В кн.: Шляпников А. Канун семнадцатого года. М., 1923, т. 2, с. 418.

¹³⁰ Курлов П. Г. Концы русского царизма, с. 285.

¹³¹ Он поэтому совершенно обоснованно потребовал вычеркнуть из газетных сообщений о его назначении утверждение, будто он представил Николаю политическую программу, которая была одобрена царем (Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. — Архив русской революции. Берлин, 1937, т. 22, с. 348). Упоминание о наличии у министра собственной программы могло стоить ему портфеля и небезосновательно Протопопов сразу же стал подчеркивать, что есть только одна программа — кабинета Штюмерера.

¹³² Падение царского режима, т. 1, с. 116; т. 4, с. 70—74.

¹²⁸ Протокол допроса Д. Л. Рубинштейна 31 марта 1917 г. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 548, л. 52—53.

¹²⁹ Переписка Романовых, т. 4, с. 381.

¹³⁰ Былое, 1923, № 21, с. 237.

¹³¹ Падение царского режима, т. 4, с. 13, 61.

¹³² Курлов П. Г. Концы русского царизма. М.; Пг., 1923, с. 284—285.

¹³³ Падение царского режима, т. 1, с. 173; т. 4, с. 84—85.

Обстоятельства назначения Протопопова характерны для существовавшей в царской России системы управления вообще и для ситуации, сложившейся к осени 1916 г. особенно. Протопопов был назначен 18 сентября, спустя два месяца после единственного разговора с Николаем II, посвященного главным образом заграничным впечатлениям Протопопова. При этом царь не был уверен в правильности шага, на который его толкали, и даже позволил себе заметить, что «мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными».¹³⁹ Следующий их разговор состоялся 29 сентября, следовательно, даже то, что Протопопов решился изложить Николаю II из своих взглядов, было изложено после назначения. Нет оснований считать, что в детали планов Распутина, Протопопова и тех, кто действовал за ними, была посвящена Александра Федоровна.

Таким образом, то, что должно было быть и внешне выглядело известным поворотом в политике царизма, оказывалось на деле закулисной игрой узкой группы лиц, официального отношения к выработке политики не имевших. Недопустимость для министра иметь собственную политическую программу (а не только план ближайших действий по конкретным поводам) исключала возможность до конца осознанного и оговоренного политического соглашения царизма с той или иной конкретной группировкой господствующих классов. В результате политический деятель, выдвигавшийся как представитель определенной группы, мог прийти к власти лишь как частное лицо, и мог проводить политику этой группы лишь в той мере, в какой ему удавалось убедить Николая II и Александру Федоровну в личной преданности и получить до известной степени и до известного момента определенную свободу рук.

Разумеется, в любой интриге отражались закономерности общей классовой и политической природы романовской монархии и конкретной обстановки — в иных, чем осенью 1916 г., условиях царская чета не согласилась бы на введение в Совет министров октябристского члена Думы, так же, как Распутин не стал бы его предлагать. Но то обстоятельство, что для Николая II и Александры Федоровны Протопопов был прежде всего и больше всего человек, рекомендованный Распутиным, а не (или по всяком случае лишь потом) член Думы и доверенное лицо петроградских банков, уменьшало возможности Протопопова действовать в качестве последнего и этим (независимо от его личных качеств и от обстановки в стране) сужало реальные политические последствия его назначения. Если же учесть, что беспринципный и бесхарактерный Протопопов должен был действовать в окружении старой бюрократической «гвардии» в обстановке стремительно углублявшегося экономического и политического кризиса, ни о каких новых шансах и ни о какой передышке для царизма в результате его назначения не могло быть и речи.

¹³⁹ Переписка Романовых, т. 5, с. 17.

Осень 1916 г. характеризовалась мощным подъемом революционного движения в России. Чем дальше, тем больше война усиливалась в массах трудящихся и прежде всего в рабочем классе «ненависть к своему правительству и к своей буржуазии».¹ Бессмысленность и ненужность войны для народных масс, огромные жертвы на фронте, голод и усиление эксплуатации в тылу, вакханалия «темных сил» в верхах и очевидная бездарность многих министров и двора, мир во время чумы старых и новых миллионеров, грабивших страну под флагом «патриотических» лозунгов — все это вызвало резкое возмущение широких народных масс и создавало благоприятную почву для агитационной и организаторской деятельности большевиков, борющихся за превращение империалистической войны в гражданскую.

На протяжении всех военных лет большевики настойчиво и систематически несли в массы ленинские идеи по вопросам войны, мира и революции. В трудной обстановке постоянных полицейских преследований удавалось издавать несколько нелегальных газет. Очень важной формой печатной пропаганды стала листовка. Всего за годы войны (до марта 1917 г.) было издано около 600 прокламаций общим тиражом приблизительно в 2 млн. экземпляров.² Департамент полиции вынужден был признать, что революционные воззвания ЦК РСДРП широко распространяются не только в Петрограде, но и по всей России, а также в действующей армии и на флоте.³ Организационное влияние партии на пролетариат оказывалось самыми различными путями — через профсоюзы (по большей части также загнанные в подполье), больничные кассы (сыгравшие важную роль в бойкоте рабочих групп ВПК), кооперативы и культурно-просветительные общества. Огромную работу вели большевики в армии. В. И. Ленин подчеркивал позднее: «Предатели социализма не подготовили за 1914—1917 годы использование армий против империалистических правительств каждой нации. Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года».⁴

После серии арестов к осени 1916 г. было воссоздано Русское бюро ЦК РСДРП, действовавшее в тесном союзе с ПК и поддерживавшее

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 291.

² Дажина И. М. О нелегальной большевистской литературе в годы первой мировой войны. — Вопросы истории КПСС, 1961, № 2, с. 119.

³ См.: История КПСС. М., 1966, т. 2, с. 559.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.

связи с местными организациями. Весь 1916 г. прошел под знаком нарастающего забастовочного движения, причем число участников на одну стачку в 3,5 раза превышало уровень 1905 г.⁵ С осени забастовки петроградского пролетариата, шедшего в авангарде движения, приобрели отчетливо выраженный политический характер. Первым симптомом стачечной волны были продовольственные беспорядки. Петроградские большевики, осуждая неорганизованные выступления, разъясняли рабочим, что «вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее окончание войны».⁶ Под влиянием большевистских листовок 17—20 октября прошла забастовка на ряде крупных заводов столицы, число участников которой достигало 75,4 тыс. человек. Вслед за тем 26—29 октября была проведена новая политическая забастовка протеста против суда над балтийскими матросами-большевиками, в которой участвовало свыше 79 тыс. человек.⁷ «В знак союза революционного народа с революционной армией, — говорилось в листовке ПК, выпущенной перед этой стачкой, — мы останавливаем заводы и фабрики».⁸ В ноябре проходили политические забастовки в Москве, одновременно росло число экономических выступлений пролетариата, особенно в Московской и Владимирской губерниях.

Чрезвычайную угрозу для монархии представлял рост антивоенных и революционных настроений в армии. Под влиянием новых военных неудач (провал наступления Западного фронта, гибель гвардии в боях под Ковелем, разгром Румынии), писем из дома о росте дороговизны и т. п. в октябре по наблюдениям военной цензуры «произошел какой-то перелом в настроениях армии в худшую сторону».⁹ На распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге вспыхнули восстания солдат. Участились случаи отказов идти в наступление и невыполнения приказов, массовым явлением стало дезертирство. Особенно высокого уровня достигли антивоенные настроения в петроградском гарнизоне. Гарнизон столицы, доносила охранка, «не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно».¹⁰ В ходе октябрьской стачки в Петрограде солдаты 181 запасного полка поддержали рабочих во время столкновения с полицией на Выборгской стороне.

Революционная борьба рабочих сливалась с крестьянским движением и выступлениями угнетенных национальностей. Полицейские власти с тревогой сообщали, что в деревне «все ждут не дожидаясь, когда же, наконец, окончится эта проклятая война. Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны после 1906 г. почти совершенно не наблюдалось».¹¹ «В деревнях, — вынуждена была констатировать охранка, — наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело

место в 1906—1907 гг.».¹² Летом 1916 г. вспыхнуло восстание в Казахстане и Средней Азии. Оппозиционные настроения захватывали мелкобуржуазные элементы города. «Петроградский обыватель, — признавала охранка, — с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции — будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, мародеров, на правительство или на немцев — все равно».¹³

Оценивая общее положение в стране, петроградская и московская охранка были единодушны в своих выводах. Петроградское жандармское управление признавало «в значительной степени правильной» точку зрения кадетов, заговоривших в октябре о близости «событий первостепенной важности»,¹⁴ а начальник московской охранки писал: «В сравнении с настроением данного момента настроение 1905—6 г. несомненно явилось для правительства более благоприятным».¹⁵ Показательно, что на этом докладе, содержавшем столь страшные для царя признания, один из чиновников МВД написал: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены». Тем не менее Департамент полиции, суммируя доклады с мест, высказывал уверенность в том, что «нарастающее движение в настоящее время еще носит характер экономического, а не революционный», а революционных организаций в стране нет, поскольку члены их призваны в армию. Выражая опасения в связи с возможностью стихийных выступлений масс, Департамент полиции все же относил такую возможность в большей мере к периоду послевоенной демобилизации.¹⁶

Илишний оптимизм Департамента полиции, то ли действительно не осознавшего еще реальную ситуацию, то ли, подобно собственным подчиненным, не решавшегося докладывать «наверх» о подлинном положении дел, влиял на оценку обстановки в стране «сверху» царями в том же направлении, что и позиция крайних правых, упрямо продолжавших внушать Николаю II веру в верноподданнические настроения масс, возбуждаемых лишь незначительными группами революционных «смутьянов» и думских «политиканов». Постоянная кампания верноподданнических выступлений черносотенных групп, представлявших только самих себя, лишь усугубляла положение царизма, порождая у самих ее инициаторов иллюзию «массовой поддержки» и мешая оценить всю глубину революционного кризиса. Пользовавшийся в 1916 г. очень большим влиянием на Александру Федоровну и Николая II Н. Маклаков был по его признанию «совершенно уверен в том, что в низших слоях... совершенно патриархальный взгляд на дело»,¹⁷ и потому убеждал царя, что «внутрен-

⁵ История КПСС, т. 2, с. 582.

⁶ Листовки петербургских большевиков. Л., 1939, т. 2, с. 222.

⁷ История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 1, с. 501—503.

⁸ Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 227.

⁹ Цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1964, т. 6, с. 625.

¹⁰ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. М., 1966, с. 171.

¹¹ Сводка петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. — В кн.: Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927, с. 134.

¹² Сводка петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. — Красный архив, 1926, № 4, с. 20.

¹³ Цит. по: Граев В. В. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926, с. 194.

¹⁴ Буржуазия накануне... с. 127—135.

¹⁵ Доклад московского охранного отделения. Октябрь 1916 г. — Исторический архив, 1960, № 1, с. 24.

¹⁶ Сводка директора Департамента полиции 30 октября 1916 г. — В кн.: Буржуазия накануне... с. 136—137.

¹⁷ Падение царского режима. Л., 1925, т. 3, с. 93.

ния смута сильна не собой», а «слабостью и нерешительностью власти».¹⁸ В то, что революционных выступлений «улицы» не будет, и основная опасность для трона исходит из узкой группы заговорщиков или от интеллигенции, верили и либеральный министр Игнатьев,¹⁹ и педалявший историограф царских выездов в Ставку ген. Д. Н. Дубенский,²⁰ отражавший в своих записях настроения ближайшего окружения царя.

Из этого вытекал вывод, который и делался как правило лидерами реакции и высшей бюрократией, что именно Дума может оказаться центром, организующим и подстрекающим революционное движение, а потому для борьбы с угрозой революции нужно расправиться с думской оппозицией. Наиболее отчетливо этот вывод был сформулирован Протопоповым, быстро утратившим свои «общественные» привычки и полностью усвоившим взгляды правых. Протопопов считал, что все дело в действиях немногочисленной верхушки оппозиции — «Дума, частица Государственного совета и группа дворян»,²¹ — которая связана с «революционно настроенным рабочим населением» через рабочую группу ЦВПК. Он рассчитывал, что, усмирив либеральную оппозицию и ликвидировав рабочую группу, можно будет «оттянуть революцию». Главную причину рабочего движения Протопопов видел «в затруднениях экономических», но надеялся, «что сильного революционного движения среди рабочих не будет до конца войны; небольшое же забастовочное движение... будет прекращено действиями одной полиции», а в крайнем случае «справедливость найдет опору в войсках».²² На сходных по существу позициях стояли и правящие круги и сторонники примирительного курса по отношению к оппозиции, также преувеличивавшие ее способность влиять на массы (и ради этого стремившиеся к сближению с нею) и недооценивавшие революционные настроения масс.

На общего для правящих кругов представления, что революцию еще можно предотвратить, справившись с продовольственным кризисом, а отдельные выступления рабочих будут подавлены силами полиции, исходила программа ближайших действий, намеченная Протопоповым сразу после его назначения. Уже 26 сентября МВД внесло в Совет министров проект усиления полиции и увеличения жалования полицейским. Проект предусматривал увеличение штатов в губерниях Европейской России на 18,5 тыс. человек (из них 10,1 тыс. в деревнях), в том числе доведение численности полицейских в Петрограде до 6788. 7 октября Совет министров одобрил просимые Протопоповым меры.²³

Все же главное внимание в сентябре—октябре Протопопов пытался уделять продовольственному вопросу. Стремясь внести разногласия в оппозиционный лагерь и привлечь на свою сторону буржуазию, он немед-

ленно после своего назначения объявил себя сторонником отмены твердых цен на хлеб и передачи заготовительной операции в руки банков и оптовых торговцев. Он добился также указания Николая II на нежелательность широкого применения реквизиций, такс и других стеснений торговли.²⁴ Эти широковещательные заявления, действительно вызвавшие удовлетворение части буржуазии, отнюдь не способствовали успеху закупочной кампании, поскольку аграрии стали еще упорнее уклоняться от поставок в ожидании повышения цен. В свою очередь встреча Протопопова, Бобринского, Барка и Шаховского с руководителями петроградских банков в начале октября не привела к соглашению.²⁵ Банки, очевидно, настаивали на принятии их программы, предусматривавшей их фактическую монополию в установлении не только продажных, но и закупочных цен, а это могло ущемить доходы помещного дворянства, на что министры не решились пойти.²⁶

Хотя переговоры с банками продолжались, и те постепенно сокращали свои претензии на непосредственное руководство хлебными операциями, Министерство земледелия, обеспокоенное ходом заготовок, решило привлечь к заготовительной кампании земства, создав на местах продовольственные комитеты с их участием и с привлечением общественных организаций, что во многом соответствовало прежним требованиям оппозиции. Принимая такое решение, оформленное специальным постановлением 10 октября,²⁷ Бобринский, чуждый какого-либо сочувствия оппозиции, просто хотел использовать имевшийся у его ведомства опыт сотрудничества с земствами в проведении столыпинской аграрной реформы. Но постановление Министерства земледелия вызвало резкое недовольство Протопопова и потому, что оно закрепляло руководящую роль земельного ведомства в продовольственном деле, и потому, что по его опасениям оппозиция через создаваемые комитеты могла начать агитацию в деревне.²⁸ Исходя из ведомственных и охранительных соображений, Протопопов настоял на приостановке Правил 10 октября. Проблема, как решить продовольственный вопрос, снова была подморожена спором о том, кто будет его решать.

На заседании Совета министров 15 октября только Игнатьев и Бобринский четко высказались против передачи дела в МВД, причем Игнатьев открыто аргументировал непопулярностью этого ведомства вообще, а Бобринский ссылался на несогласие Думы. Протопопов отвергал самую возможность считаться с мнением Думы. Трепов, Макаров и Покровский, соглашаясь в принципе с возвращением продовольственного дела Министерству внутренних дел, хотели получить от Протопопова

¹⁸ Н. А. Маклаков — Николаю II 21 дек. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1288, л. 40—41.

¹⁹ П. Н. Игнатьев — А. В. Кривошеину 1 янв. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 34.

²⁰ Падение царского режима, М.: Л., 1926, т. 6, с. 391.

²¹ Протокол допроса А. И. Опоприенко. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 447, л. 10; Докл. комиссара Временного правительства над Министерством двора 4 мая 1917 г. — Там же, д. 450, л. 46.

²² Падение царского режима, Л., 1925, т. 4, с. 6, 7, 81, 83, 87.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 94, л. 32—33; л. 163—164.

²⁴ Памятная записка А. Д. Протопопова Б. В. Штюмеру 6 окт. 1916 г. — Там же, оп. 15, д. 16, л. 26.

²⁵ Падение царского режима, т. 4, с. 72—73; Финансовая газета, 1916, 12 окт.

²⁶ Лаврычев В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). — Вестник МГУ. Ист.-фил. сер., 1956, № 1, с. 171—173.

²⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1916, отд. 1, № 283, ст. 2220, с. 2865—2876.

²⁸ Падение царского режима, т. 4, с. 72.

программу его действий, которая гарантировала бы успех.²⁹ Дальнейшее обсуждение вопроса проходило в обстановке страха большинства министров перед конфликтом с Думой, поскольку бюджетная комиссия 18 октября запротестовала против передачи продовольственного дела в МВД,³⁰ а бюро «прогрессивного блока» 19 октября отвергло попытку Протопопова примириться со своими вчерашними коллегами. 22 октября Совет министров семью голосами против шести высказался за сохранение дела в Министерстве земледелия.³¹ После этого по настоянию Распутина был заготовлен журнал, все же отдающий продовольственное дело в МВД.³² Но 31 октября Курлов предупредил Протопопова, что, если в ответ на протесты против такого решения Дума будет распущена и возникнут беспорядки, он не уверен, можно ли их будет подавить.³³ В результате Протопопов не решился взять продовольственное дело в свои руки, отказавшись тем самым от главной составной части своей программы.

Подобно правительству, буржуазно-помещичья оппозиция шла на встречу сессии Думы в состоянии тревоги и разброда. Октябрьские стачки показали кадетам невозможность и дальше придерживаться пассивной тактики «откладывания счетов» с правительством до окончания войны. Именно для того, чтобы, как они надеялись, удержать массы от самостоятельных выступлений, кадеты должны были «продемонстрировать перед народом, что они являются столь же деятельными, как и левые партии».³⁴ Необходимость критики правительства ощущали и более правые фракции «прогрессивного блока», понимавшие, что если блок будет в этой критике недостаточно «агрессивным», то «страна забежит вперед».³⁵ Но, все больше убеждаясь в неспособности власти справиться со стоявшими перед ней проблемами, «прогрессивный блок» и сам был не в состоянии предложить программу выхода из кризиса. Кроме того, внутри блока усиливались разногласия по вопросу о тактике давления на правительство. В то время как прогрессисты и левые кадеты считали нужным сочетать оппозиционные декларации в Думе с внепарламентскими акциями (правда, смутно представляя себе, в чем они могут заключаться), большинство блока, включая и кадетских лидеров, опасалось какими-либо действиями вне Думы спровоцировать те самые выступления масс, которые они хотели предотвратить. Общая установка большинства блока была в этом смысле сформулирована Шульгиным, подчеркивавшим, что «Дума должна быть клапаном, выпускающим пары, а не создающим их».³⁶

Из этой установки исходила тактика, предложенная Милоковым, — очень резкая по форме критика правительства и отказ от выдвижения

позитивной программы, чтобы иметь возможность сговориться с новым кабинетом, не предпринимая заранее условий сговора. Той же цели отвечала и резолюция кадетской конференции 22—24 октября. Прежняя формула «правительства общественного доверия» была в ней заменена пожеланием создания правительства из лиц, «объединенных общностью близких неотложных задач, опирающихся в своей деятельности на большинство Государственной думы и проводящих ее программу».³⁷ С одной стороны, такая формулировка была словесно ближе к лозунгу «ответственного министерства» и производила впечатление шага влево, а с другой, она не закрывала двери к соглашению с чисто бюрократическим кабинетом, лишь бы он был един в понимании «близких неотложных задач» и заявил о согласии с практически несуществующей программой блока. Реально речь шла об удалении Штюрмера и Протопопова, в которых в глазах оппозиции персонифицировалось влияние «темных сил» на управление страной.

Сведение к минимуму реальных требований «прогрессивного блока» объяснялось, кроме названных выше причин, еще и тем, что блок действовал в этот момент в явном контакте с военными и великокняжескими кругами, также добивавшимися отставки Штюрмера и смягчения политики Николая II, но, естественно, более чем консервативными по самой своей природе.

Разгул распутинщины и все более очевидный развал власти поставили в оппозицию к династии значительную часть великосветского общества, отнюдь не сочувствовавшую идеям либеральной оппозиции, но боявшуюся, что политика Николая II и Александры Федоровны приведет к краху режима, и из чувства самосохранения выступавшую за удаление от трона «темных сил». Созревание подобных настроений было резко ускорено событиями сентября 1915 г. — «разгромом» Думы и отставкой неугодного Распутину Самарина. Воодушевленные действиями Горемыкина и удовлетворенные «тактом и политической зрелостью» струившейся Думы выражали А. Д. Оболенский и Л. В. Кочубей.³⁸ Встревоженный французский посол говорил О. Палей о желании московской знати инкогнито царя, а сама она, под впечатлением публичных рассуждений М. А. Стаховича о том, что «цари — люди обреченные», тоже возмущалась правительством, которое «положительно приняло систему „дразнить собак“, забывая, что эти собаки могут... растерзать все и вся». В глазах О. Палей оскорбленное отставкой Самарина московское дворянство «стало очагом революции».³⁹ О росте оппозиционности дворянства с тревогой сообщало Министерство внутренних дел.⁴⁰ Сетования на отсутствие «желания понять действительную обстановку» у власти, находящейся «в зависи-

²⁹ Протокол заседания Совета министров 15 окт. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1790, л. 168—174.

³⁰ Протокол вечернего заседания бюджетной комиссии Думы 18 окт. 1916 г. — Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 330, л. 463.

³¹ Всепод. докл. Б. В. Штюрмера 22 окт. 1916 г. — Там же, ф. 1276, оп. 12, д. 12886, л. 12.

³² Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., т. 5, 1927, с. 114.

³³ Протокол допроса В. А. Бальца. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 446, л. 5—6.

³⁴ Буржуазия накануне... с. 138.

³⁵ Красный архив, 1933, № 1, с. 91.

³⁶ Там же, с. 114.

³⁷ Утро России, 1916, 25 окт.

³⁸ А. Д. Оболенский — А. А. Оболенской 4 сент. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1650, оп. 1, д. 239, л. 55; Л. В. Кочубей — В. В. Кочубей 5 окт. 1915 г. — Там же, ф. 971, оп. 1, д. 59, л. 59.

³⁹ О. В. Палей — в. кн. Павлу Александровичу 3 и 9 окт. 1915 г. — ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 151, л. 5, 20—22.

⁴⁰ А. Н. Хвостов — И. Л. Горемыкину 2 нояб. 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, л. 55.

мости от всяких темных сил и случайных влияний»⁴¹ становились постоянными в письмах ближайших родственников царя. Тревога за собственное будущее заставляла и членов императорской фамилии пытаться воздействовать на царя, чтобы уменьшить влияние на него Александры Федоровны и Распутина. Так же, как и военные, великокняжеские и великосветские круги силою обстоятельств оказывались вынужденными при этом в той или иной форме согласовывать свои действия с действиями оппозиции.

Со своей стороны оппозиция, отчетливо сознававшая свое бессилие заставить верховную власть пойти на реформы и не желавшая обращаться к демократическим массам, искала союза с кругами, традиционно способными оказывать на эту власть закулисное воздействие. Пользуясь уже установившимися связями с генералом Алексеевым и зная его отношение к Штюрмеру и большинству других членов кабинета, Гучков в августе 1916 г. усиленно обрабатывал начальника штаба Ставки письмами, в которых подчеркивал, что «власть гниет на корню», и выражал опасения, как бы «обоюдоострые» методы борьбы, имеющиеся в арсенале оппозиции, не вызвали революционное выступление масс.⁴² По всему своему содержанию письма Гучкова были призывом к Алексееву использовать его влияние на Николая II для изменения состава кабинета и общего курса политики.

Одновременно и оппозиция, и фрондирующее дворянство стремились использовать в том же направлении влияние Марии Федоровны и группировавшихся вокруг нее членов императорской фамилии.⁴³ В. М. Волконский рассказывал позднее адъютанту вел. кн. Михаила Александровича барону Н. А. Врангелю, что в высших сферах существовало убеждение, будто «положение могло бы быть спасено выступлением всей семьи, in concreto заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению». Выступление от общего имени было поручено в. кн. Николаю Михайловичу.⁴⁴ Волконский при этом явно имел в виду не только родственников царя, но и какие-то бюрократические и великосветские круги. Готовясь к своей миссии, Николай Михайлович побывал в Киеве. 1 ноября он приехал к Николаю II в Ставку и, ссылаясь на мнение матери и сестер царя, говорил о необходимости ограждать политику от влияния Распутина ради предотвращения «эры новых подлений».⁴⁵

Параллельно с подготовкой поездки Николая Михайловича в Ставку великокняжеские круги были причастны к еще одной акции, в которой согласованность их действий с действиями оппозиции проявлялась с особой очевидностью. После встречи 16 октября в Ставке кн. Львова и

ген. Алексева была предпринята попытка устроить аудиенцию у Николая II уже упоминавшемуся А. А. Клопову. Посредником между Алексеевым, готовившим аудиенцию, и Клоповым выступал Львов. Перед намечавшейся встречей с царем Клопов специально побывал в Крыму, где жили многие великие князья, и в Киеве у Марии Федоровны.⁴⁶ К аудиенции были подготовлены для вручения Николаю II письмо от имени Клопова, в редактировании которого принимал участие Николай Михайлович и, возможно, близкий к Родзянко секретарь канцелярии Думы Я. В. Глинка,⁴⁷ и проект рескрипта на имя Алексева. В письме Клопов уговаривал царя согласиться на создание министерства из лиц, пользующихся доверием Думы, во главе с Игнатьевым. Боясь повредить этим Игнатьеву, Николай Михайлович вычеркнул упоминание о нем в письме, и, возможно, именно в связи с этим возник проект рескрипта, которым поручение возглавить правительство из «государственных и общественных деятелей, объединенных единым пониманием стоящих перед Россией задач и способных опираться на большинство Думы», возлагалось на самого Алексева.⁴⁸ Совпадение формулировок «рескрипта» и кадетской резолюции 24 октября не только позволяет датировать проект временем не раньше этого дня, но и наводит на мысль о согласовании текста с кадетскими лидерами. Клопову было предложено быть в Петрограде к 1 ноября — дню открытия Думы и поездки Николая Михайловича в Ставку, что также подтверждает согласованность действий «прогрессивного блока» в Думе и великокняжеских «оппозиционеров».

В то время как в Ставке и в Киеве вынашивались планы негласного давления на Николая II, «прогрессивный блок» готовил публичную атаку на правительство Штюрмера — Протопопова, которая отражала потерю оппозицией «веры в то, что эта власть может привести нас к победе»,⁴⁹ и должна была помочь блоку активизацией своих действий удерживать от активных выступлений демократические массы. Для правого крыла блока при этом выступлении в Думе были «декоративной стороной» тактики, как выражался Шульгин,⁵⁰ а главные надежды возлагались на воздействие на царя со стороны Алексева и императорской семьи. Кадеты, также рассчитывавшие на это воздействие, придавали большое значение своим заявлениям в Думе. Во времена революции 1905—1907 гг. Милюков еще мог себе позволить считать, что массы должны «делать за собой гром и молнию», когда кадеты «играют на сцене».⁵¹ В ноябре 1916 г. он предпочитал сам метать молнии со сцены, лишь бы за него было тихо.

⁴⁶ См. телеграммы кн. Г. Е. Львова А. А. Клопову и А. А. Клопова кн. Г. Е. Львову 24, 25 и 27 окт. и 5 нояб. 1916 г. — ЦГВИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 287—289, 312.

⁴⁷ Записка А. А. Клопова с пометами на ней Я. В. Глинки и в. кн. Николая Михайловича. Помета последнего датирована 26 окт. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 14, л. 45—48.

⁴⁸ Проект рескрипта (черновик) на имя «Михаила Васильевича» (без даты). — Там же, д. 16, л. 1.

⁴⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V, Пг., 1917, стб. 36.

⁵⁰ Красный архив, 1933, № 1, с. 91.

⁵¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. — Архив русской революции. Берлин, 1937, т. 22, с. 242.

⁴¹ В. кн. Николай Михайлович — А. А. Клопову 7 апр. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ф. 670, оп. 1, д. 137, л. 1.

⁴² Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927, с. 282.

⁴³ См. например: А. Д. Самарин — Б. А. Васильчикову 15 сент. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 1000, л. 1—2.

⁴⁴ Дневник Н. А. Врангеля. — Там же, ф. 920, оп. 1, д. 55, л. 18.

⁴⁵ В письме, которое Николай Михайлович отдал Николаю II, говорилось и об ограждении его от давления через императрицу (Николай и великие князья. Рождественные письма к последнему царю. Л.; М., 1925).

В написанной Милюковым декларации «прогрессивного блока» правительству Штюмерера было предъявлено обвинение в том, что оно развалило экономику страны и поставило под угрозу сохранение «государственного спокойствия и порядка». Декларация требовала «немедленного удаления от власти лиц, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит окончательно крушением национального дела», и провозглашала решимость блока добиваться этого «всеми доступными ему законными средствами». В то же время блок отверг предложение прогрессистов потребовать изменить самую систему образования правительства и ввести принцип ответственности министерства, как заведомо неприемлемое для Николая II и способное вызвать «выступление улицы». ⁵² 1 ноября декларация блока была оглашена в первом же заседании Думы, а вслед за тем Милюков выступил с очень резкой речью, в которой подверг критике политику правительства, сопровождая свои обвинения риторическим вопросом: «Что это: глупость или измена?» ⁵³ На следующих заседаниях требование отставки кабинета Штюмерера выдвинули и другие лидеры блока.

Изменение тактики оппозиции поставило правящие круги перед необходимостью определить свою линию поведения. Получив от Крупенского еще до открытия сессии Думы текст декларации «прогрессивного блока», Александра Федоровна и Штюмерер готовы были пойти на роспуск Думы. Стремясь повлиять в этом смысле на Николая II, Александра Федоровна уже 30 октября писала ему, что декларация блока имеет «революционный характер» и предлагала закрыть Думу, «если она окажется слишком уж плохой». ⁵⁴ Правые на балконах Римского-Корсакова также увидели в новой тактике «прогрессивного блока» свидетельство того, что «Государственная дума... вступает на явно революционный путь». В связи с этим член Государственного совета М. Я. Говорухо-Отроко в специальной записке предложил целый план мероприятий, направленных на подавление революционного движения и буржуазной оппозиции. Он рекомендовал назначить на все важнейшие посты людей, убежденных, что «никакая иная примирительная политика невозможна», распустить Думу без указания срока нового созыва и предупредить о предстоящем изменении избирательного закона и превращении Думы в законосовещательную, прикрыть оппозиционную прессу и содействовать усилению правой печати, назначить правительственных комиссаров во все общественные учреждения «для совершенного пресечения революционной пропаганды», обновить состав Государственного совета, усилив его правое крыло, и принять меры против «выступлений революционной толпы», введя осадное положение в обеих столицах и в больших городах, усилив гарнизоны и снабдив их «пулеметами и соответствующей артиллерией». ⁵⁵ Записка Говорухо-Отрока была передана Штюмереру для вручения Николаю II и кн. Н. Д. Голицыну для Александры Федоровны.

К 7 ноября Александра Федоровна и ее окружение пришли к выводу, что, поскольку Штюмерер «играет роль красного флага в этом доме умалишенных», ⁵⁶ ему следует уйти, тем более, что в глазах правых премьер оказался недостаточно «твердым». ⁵⁷ Ему, в частности, ставилось в вину то, что он не переслал Николаю II записку Говорухо-Отрока. Но, чтобы Дума не имела оснований торжествовать победу, Александра Федоровна, Распутин и Протопопов считали нужным уход Штюмерера в данный момент не в отставку, а в отпуск по болезни. ⁵⁸ В качестве преемника намечался Щегловитов, ⁵⁹ и это подчеркивало, что Александра Федоровна и ее советчики собирались идти наперекор оппозиции.

Напротив, Николай II в эти дни отчаянно прислушивался к голосу военных и великокняжеских кругов, считавших целесообразным поиск соглашения с буржуазно-помещичьей оппозицией. Посылая Штюмереру бланк указа о роспуске Думы, Николай II выразил при этом надежду, «что только крайность заставит прибегнуть к роспуску». ⁶⁰ Эта резолюция Николая II, очевидно, до известной степени связала руки Штюмереру, и, возможно, именно потому тот счел бесполезным передавать царю записку Говорухо-Отрока. 5 ноября Маниковский явился в Ставку с докладом, в котором упирал на то, что «министры, как всегда, слабы» и не справляются с положением. ⁶¹ 7 ноября в Могилев приехали в. кн. Николай и Петр Николаевичи. Одна мысль об их появлении в Ставке приводила Александру Федоровну в состояние, близкое к истерике, из-за страха, как бы бывший верховный главнокомандующий не вырвал у Николая II «какого-нибудь обещания или чего-нибудь подобного». ⁶² Вероятно поэтому Николай II специально подчеркнул, что «все разговоры прошли благополучно». Тем не менее он констатировал, что Штюмерер является «красным флагом не только для Думы, но и для всей страны», и назвал возможных преемников премьера — Трепова и Григорovichа. ⁶³

10 ноября, когда в Петрограде распространился слух, будто Штюмерер вернулся из Ставки победителем, в. кн. Михаил Александрович также решил отправить Николаю II письмо с советом «удалить наиболее ненавистных лиц». Текст письма был написан Врангелем и отрецензирован В. М. Волконским. ⁶⁴ Письмо Михаила Александровича было послано 11 ноября, в тот же день, когда в. кн. Георгий Михайлович написал из штаба Юго-Западного фронта после разговора с Брусиловым, что единственной мерой, «которая может предотвратить общую катастрофу», является «устранение Штюмерера и установление ответственного мини-

⁵² Переписка Романовых, т. 5, с. 138.

⁵³ Информационная записка 6 нояб. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ДП 00, 1916, д. 307А, т. III, ч. 2, л. 37—38.

⁵⁴ Переписка Романовых, т. 5, с. 138, 140, 142.

⁵⁵ Там же, с. 142; Падение царского режима, т. 2, с. 433.

⁵⁶ Всеподданнейший доклад Б. В. Штюмерера 31 октября 1916 г. — В кн.: Монархия перед крушением, с. 130.

⁵⁷ Переписка Романовых, т. 5, с. 134.

⁵⁸ Там же, с. 133.

⁵⁹ Там же, с. 141.

⁶⁰ Дневник Н. А. Врангеля. — ЦГИА СССР, ф. 920, оп. 1, д. 55, л. 440, 441, 443—445; Письмо Михаила Александровича. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1301, л. 156—159.

⁵² Красный архив, 1933, № 1, с. 93—95, 107.

⁵³ Гос. дума. 4-й соз. Сес. V, стб. 35—48.

⁵⁴ Переписка Романовых, т. 5, с. 114.

⁵⁵ Цит. по: Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 122—125. О датировке записки и ее авторстве см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, с. 247.

стерства». ⁶⁵ Николаю II приходилось считаться и с мнением союзников, а Бьюкенен уже успел довести до сведения царя, что «английские консулы в России предсказывают серьезные волнения в случае, если он (Штюрмер, — В. Д.) останется». ⁶⁶

Влияние Ставки на Николая II в первой декаде ноября оказалось сильнее давления из Царского Села. 9 ноября царь решил уволить Штюрмера с поста премьера, назначив на его место Трепова. Тогда же он оговорил с Треповым и другие «перемены, которые необходимо теперь произвести», подразумевая под этим отставку Протопопова и Бобринского. Видимо, были намечены и какие-то кандидатуры на освобождающиеся посты, причем, предвидя возражения Александры Федоровны, Николай II с необычной для него настойчивостью подчеркивал: «Только, прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе». ⁶⁷

Немедленно после назначения Трепов нанес визит Родзянко, заявив о своем желании наладить отношения с Думой. Но он сразу же отверг возможность правительственного заявления о сотрудничестве с «прогрессивным блоком», предложив упомянуть лишь о готовности опереться на «здоровые общественные силы». Двусмысленность этой формулировки, способной вызвать только «смущение», была неприемлема даже для более чем умеренного Родзянко. Председатель Думы вынес впечатление, что у нового премьера «вовсе нет программы». ⁶⁸ Впрочем, как уже отмечалось, Трепов и не мог ставить условием принятия поста согласие Николая II с какой-либо программой, а тот не мог пойти на что-либо большее, чем персональные перемены в кабинете и разрешение на заигрывание с правым крылом блока с целью его раскола. Максимум, что мог и собирался просить Трепов, было право самому подобрать себе коллег по Совету министров, ⁶⁹ имея в виду увольнение, кроме Протопопова и Бобринского, также Раева и Шаховского. ⁷⁰ Но намеченные Треповым кандидаты в его кабинет свидетельствовали о том, как мало он собирался считаться с мнением оппозиции. Он намеревался пригласить на пост министра внутренних дел Крыжановского, ⁷¹ автора третьестепенного закона, а продовольственное дело, т. е. Министерство земледелия, предлагал Щегловитову. ⁷²

В первый момент у Трепова были шансы расколоть думскую оппозицию и даже нейтрализовать кадетов. Поляризация сил в рядах оппозиции осенью 1916 г. усиливалась. Одна ее часть, преимущественно буржуазно-интеллигентская по составу, активизировала свои выступления, обгоняя «прогрессивный блок». Другая — помещичья и собственно-буржуазная (кроме группы Рябушинского — Коновалова) правела, в страхе перед революцией отказываясь от поддержки сколько-нибудь далекоиду-

щих требований. ⁷³ Внутри блока построения этих кругов отражали националисты и октябристы, явно желавшие соглашения с Треповым. С наибольшей откровенностью эти стремления высказывал на заседании бюро «прогрессивного блока» М. А. Стахович, полагавший, что «если Трепов хоть что-нибудь скажет из того, что требует блок, надо и за это приняться... Дума должна благодарить за удаление Штюрмера». ⁷⁴ Со своей стороны кадеты, боясь открытого раскола блока и краха связанных с ним надежд на мирную реорганизацию власти перед лицом революционных масс, выражали согласие с тем, чтобы правое крыло блока сотрудничало с правительством, если оно будет очищено от «темных сил» (подразумевалась отставка Протопопова), и были готовы, заявив о сохранении своих взглядов, подчиниться дисциплине блока, ⁷⁵ т. е. не мешать сотрудничеству Трепова с октябристами и сторонниками Шульгина. Видимо, в расчете на такой вариант и националисты-балабашовцы заговорили о своем вступлении в блок, ⁷⁶ что в завуалированной форме восстановило бы прежнее октябристско-националистское большинство IV Думы.

Однако не только для кадетов, но и для большинства сторонников правого крыла блока отставка Протопопова как символ разрыва с распутинщиной была неперемennым условием соглашения с Треповым. Между тем намерение Трепова избавиться от Протопопова сразу же вызвало противодействие Александры Федоровны. 12 ноября императрица специально выехала в Ставку и вынудила Николая II отменить уже решенную отставку Протопопова. ⁷⁷ В результате Трепову удалось лишь заменить Бобринского его товарищем А. А. Риттихом, давним сотрудником Кривошеина.

19 ноября Трепов выступил перед Думой с декларацией, в которой категорически отверг возможность заключения Россией сепаратного мира, объявил о согласии союзников на передачу России Босфора и Дарданелл и призвал Думу к «производительной реальной работе» и забвению споров. Обещав ускорить подготовку законопроектов о всеобщем начальном обучении, мелкой земской единице и новом городском положении, Трепов заявил, что с его точки зрения во время войны нет места «более широким программам в той или другой области государственной деятельности», отвергнув, таким образом, программу блока. ⁷⁸ Тем не менее лидеры блока не только отказались поддержать демонстрацию депутатов трудящихся и меньшинство против премьера, но и подчеркнули свое нежелание свергать правительство Трепова. В речах блокеров ораторов, особенно кадетов, было уделено много места критике всей системы управления страной. В формуле перехода также говорилось, что смена Штюрмера Треповым представляет собой «смену лиц, а не перемену системы». Но даже при-

⁶⁵ Николай II и великие князья, с. 123.

⁶⁶ Переписка Романовых, т. 5, с. 143.

⁶⁷ Там же, с. 146.

⁶⁸ Красный архив, 1933, № 1, с. 118—121.

⁶⁹ Падение царского режима, т. 6, с. 23.

⁷⁰ Там же, т. 4, с. 30.

⁷¹ Красный архив, 1933, № 1, с. 118—121.

⁷² Падение царского режима, т. 2, с. 429—430.

⁷³ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 250, 253—254.

⁷⁴ Красный архив, 1933, № 1, с. 122.

⁷⁵ Информационная записка 18 нояб. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1916, д. 307А, т. III, ч. 2, л. 93—96.

⁷⁶ Падение царского режима, т. 7, с. 150.

⁷⁷ Там же, т. 4, с. 30.

⁷⁸ Гос. дума, 4-й соз. Сес. V, стб. 251—259.

знав, что пример Протопопова показывает, «во что общественные деятели, приближаясь к власти, когда система остается неизменной, превращаются сами»,⁷⁹ блок сосредоточил практически весь удар на Протопопове и Распутине, ограничивая реально свои требования отставкой министра внутренних дел. 22 ноября Дума, 26 ноября Государственный совет и 30 ноября XII съезд объединенного дворянства приняли требования устранить влияние на власть «темных безответственных сил» и создать объединенное правительство, готовое опираться на большинство в обеих палатах.

Разумеется, кадеты не могли не понимать, что и после ухода Протопопова правительство Трепова осталось бы бюрократическим, а не «общественным» кабинетом, далеким от самых скромных представлений о «министерстве доверия». Но они, как уже указывалось, равнялись на правое крыло блока и еще более консервативные элементы объединенного дворянства, а за счет присоединения последних к оппозиционному фронту приемлемые для всего этого конгломерата лозунги становились все более ограниченными. Кроме того, противоречия собственным выводам из судьбы Протопопова, кадеты все же надеялись, что смена отдельных людей постепенно создаст прецеденты, и победа новой системы управления явится результатом ряда таких прецедентов.⁸⁰

Сразу после заседаний Думы 19 и 22 ноября Трепов предпринял новую попытку избавиться от Протопопова. Он представил Николаю II доклад, в котором отмечал, что Дума сдержанно встретила его декларацию на-за-заменой и согласованности политики МВД «с общим возмущением правительством началом».⁸¹ Но подобно кадетам, Александра Федоровна видела в удовлетворении требования об отставке министра внутренних дел прецедент, могущий иметь с ее точки зрения опасные последствия. «Помни, — писала она Николаю еще 12 ноября, — что дело не в Протоп. или в з. у. з. Это вопрос о монархии и твоём престиже... Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а за тем и нас самих».⁸² Николай II, одно время, видимо, считавший, что в конце концов он должен будет пожертвовать Протопоповым,⁸³ был слишком чувствителен к подобного рода аргументам, чтобы не прислушаться к ним. Именно с конца ноября — начала декабря, когда обрадованные оппозиционной резолюцией дворянского съезда либералы сочли, что капитуляция царя не за горами, прослеживается поворот Николая II к еще более категорическому отказу от какого-либо компромисса с оппозицией. Уезжая 4 декабря в Ставку, Николай II в удивляющей по слепоте уверенности, «что самое тяжелое позади», обещал Александре Федоровне быть впредь «резким и ядовитым».⁸⁴ В намерении Николая II в это время входило, в частности, «окончательно закрыть Думу... на второй или третий день новогодней сессии», если она снова

начнет «путать и мутить»,⁸⁵ причем сделать это руками Трепова, а когда тот «сделает грязную работу», «вытолкать» и его самого.⁸⁶

В то самое время, когда царь задумывал еще более откровенный поворот вправо, оппозиция, разочарованная провалом своих надежд добиться создания правительства, с которым она могла бы сотрудничать в попытках выйти из экономического хаоса и предотвратить революцию, искала новые, более действенные формы давления на власть. Еще до начала осенней сессии Думы буржуазно-интеллигентские круги, игравшие все более важную роль в земском и городском союзах и в военно-промышленных комитетах, и московская прогрессистская буржуазия выражали недовольство стремлением блока ограничиться только выступлениями с думской трибуны, да еще при этом отказываясь от значительной части своих требований ради совместных действий с переходившими в оппозицию к династии элементами правее блока. Это недовольство нашло свое выражение в выходе прогрессистов из блока после его отказа включить в декларацию 1 ноября требование ответственного министерства.

Левое крыло оппозиции все больше склонялось к мысли о внедумских формах борьбы против правительства и о союзе с оборонческими группами в рабочем движении, которые, в свою очередь уступая буржуазной оппозиции роль руководителя в борьбе с царским правительством, придерживались тактики «подталкивания» либералов. Поскольку кадеты хотели сохранить свое влияние в интеллигентской среде и сдержать рабочее движение, они не могли игнорировать радикализацию буржуазно-интеллигентских кругов, но пытались канализировать их настроения в русло «поддержки страны Думе»,⁸⁷ сочетая таким способом равнение направо в Думе и в «сферах» с заигрыванием налево вне Думы. Практически это нашло свое воплощение в идее созыва под флагом обсуждения продовольственного кризиса съезда земского и городского союзов и других буржуазных организаций. Одновременно блок приступил к резкой критике продовольственной и всей вообще политики правительства в Думе.

Ободренные тем, что правительство обнаруживало все больше признаков бессилия, руководители союзов начали подготовку съездов, не испрошив разрешения властей, а получив 4 декабря предупреждение о запрете съездов, решили провести их явочным порядком. 5 декабря «прогрессивный блок», явно зная о запрещении съездов, включил в формулу перехода по продовольственному вопросу требования не только реорганизации центральных органов, ведавших снабжением, с привлечением в эти органы представителей общественных организаций, и передачи дела на местах в руки земств, но и «решительного изменения внутренней политики государства».⁸⁸ 9 декабря земский и городской съезды собрались в Москве и прежде чем закрыться по распоряжению полиции приняли заранее заготовленные резолюции, требовавшие создания ответственного

⁷⁹ Там же, стб. 314, 338, 382, 396 и др.

⁸⁰ Речь, 1916, 24 нояб.

⁸¹ Падение царского режима, т. 6, с. 363.

⁸² Переписка Романовых, т. 5, с. 153.

⁸³ Там же, с. 164.

⁸⁴ Там же, с. 158.

⁸⁵ Там же, с. 186—187.

⁸⁶ Там же, с. 192.

⁸⁷ Протокол заседания МО ЦК кадетской партии 29 окт. 1916 г. — РО ГБЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 19.

⁸⁸ Гос. дума. 4-й соз. Сес. V, стб. 803.

министерства и призывавшие Думу не расходиться, пока это требование не будет удовлетворено. Еще более резкие резолюции приняли разогнанные полицией продовольственный съезд 11 декабря в Москве и совещание представителей областных военно-промышленных комитетов 14 декабря в Петрограде. Последнее обратилось к Думе и армии с призывом добиваться «скорейшего водворения в России требуемого всем народом изменения политического строя».⁸⁹

«Прогрессивный блок», естественно, не мог остаться в стороне от кампаний протестов, организованной либеральной буржуазией. «Тревога и раздражение в стране усиливаются, — писал 13 декабря 1916 г. Милюкову лидер московских кадетов Кокоршин, — и если они не найдут соответствующего выражения через Думу, то волна раздражения может направиться против Думы».⁹⁰ Эта же мысль была основной в речи самого Милюкова 16 декабря. Милюков вынужден был признать, что блок не добился даже своей минимальной цели — «некоторого освобождения от влияния темных сил». Отметив в связи с этим угрозу «разочарования и недоверия к нашим силам», он призвал бороться с этой угрозой, «если мы хотим остаться в русле событий и руководить этими событиями». Московские съезды не только радовали Милюкова своей поддержкой Думы, но и пугали как признак того, что «на наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явные формы 1905 г.». Обращаясь к власти с очередным призывом прислушаться к голосу оппозиции пока еще на сцене действует не «улица», а те самые социальные слои, к которым принадлежали и члены Думы, и правящая бюрократия, Милюков обрушился на «кучку слепцов и безумцев», мешающих умеренной оппозиции «ввести в законное русло» недовольство масс и предупредить «приближение грозы».⁹¹

И Милюков, и его союзники по блоку в той или иной степени понимали, разумеется, что дело не в «кучке слепцов», а в полном крахе полусамодержавного «личного режима», и что сопротивление требованиям оппозиции исходит непосредственно от «верховой власти», но-прежнему не желавшей поступаться ничем. Но поскольку вся оппозиция нуждалась в монархии как гаранте интересов буржуазии и помещиков, поскольку она не могла обращаться к массам за поддержкой своих лозунгов, она должна была и дальше соблюдать фикцию разделения «верховой власти» и правительства, которому она адресовала свои обвинения, и подчеркивать, что она ведет «борьбу с правительством во имя сохранения государственной идеи».⁹²

В то же время и оппозиция (включая ее левый фланг), и сторонники соглашения с нею из рядов высшей бюрократии и великосветского общества все еще полагали, что создание ответственного министерства может не только удовлетворить буржуазно-помещичьи круги, но и решить стоявшие перед царизмом политические и экономические проблемы и тем предотвратить революцию. Единственным же препятствием на пути к ответственному министерству в бюрократических и светских верхах счита-

лось влияние Александры Федоровны и Распутина. Поэтому параллельно с выступлениями «прогрессивного блока» в Думе продолжались разного рода акции, исходившие из великокняжеских и великосветских сфер, преследовавшие цель воздействовать на Николая II. В Москве в окружении Самарина вновь выдвигалась идея непосредственного обращения дворянства к царю.⁹³ Но поведение Николая II и Александры Федоровны быстро показало бесполезность подобных обращений. За попытку заговорить об опасности влияния Распутина был снят с поста главноуполномоченного Красного Креста в Ставке и удален из Могилева бывший министр просвещения П. Ф. фон Кауфман.⁹⁴ Была выслана в свое имение жена Б. А. Васильчикова — С. Н. Васильчикова, осмелившаяся послать Александре Федоровне письмо с призывом удалить от себя Распутина. В знак протеста против ссылки Васильчиковой было задумано коллективное послание к царице сановных и придворных дам, причем один из проектов, написанный М. Г. Балашовой (женой лидера правых националистов в Думе) и содержавший требования ответственного министерства и удаления «темных сил», попал в руки полиции.⁹⁵

В этой атмосфере оформился заговор против Распутина, непосредственными участниками которого были в. кн. Дмитрий Павлович, Ф. Ф. кн. Юсупов-гр. Сумароков-Эльстон, женатый на племяннице Николая II, и Пуришкевич. Заслуживает внимания выдвинутая А. Г. Слонимским версия об инспирирующей роли в заговоре Николая Михайловича,⁹⁶ который, напомним, выступал как лидер великокняжеской фронды. Круг лиц, знавших о предстоящем убийстве, был достаточно широк, включая в себя и кадетских лидеров. Но заговор не был составной частью какого-либо общего плана действий, а являлся актом отчаяния представителей ближайшего окружения царя и убежденных реакционеров, надеявшихся таким путем укрепить пошатнувшийся трон царя. Не случайно Дмитрий Павлович был рад отказу Н. Маклакова принять участие в убийстве, считая, что оно должно быть делом рук «истинных монархистов» и не допускать превратных толкований.⁹⁷ И если Николай Михайлович мог при этом думать об ответственном министерстве, то Пуришкевич, убивая Распутина, рассчитывал скорее избежать необходимости такой уступки оппозиции.

Убийство Распутина в ночь на 17 декабря было еще одним доказательством глубины кризиса самодержавия, побуждавшего его сторонников возрождать методы XVIII в. Оно порождало мысль о том, что устранение «старца» есть лишь начало «террора в верхних слоях и от представителей армии». «Первый акт совершен — так пойдет и дальше»,⁹⁸ — этот вывод Игнатъева не мог не прийти в голову многим представителям как

⁸⁹ Московский градоначальник — А. Ф. Трепову 24 нояб. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, л. 302.

⁹⁴ Падение царского режима, т. 3, с. 63; т. 5, с. 334—335.

⁹⁵ А. Н. Голицина — С. Н. Васильчиковой 7 дек. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 1063, л. 255.

⁹⁶ Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1965, с. 116, 118.

⁹⁷ Современные записки. Париж, 1928, т. 34, с. 275—276.

⁹⁸ П. Н. Игнатъев — А. В. Кривошеину 1 янв. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 34.

⁸⁹ См.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 258—259.

⁹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 4654, л. 44.

⁹¹ Гос. дума, 4-й соз. Сес. V, стб. 1173—1179.

⁹² Там же, стб. 1203.

правляющих верхов, так и буржуазно-помещичьего лагеря («кто следующий?» — спрашивала в своем дневнике Тыркова),⁹⁹ отнюдь не способствуя укреплению монархии. Но убийство Распутина не привело к уменьшению влияния Александры Федоровны, а, напротив, усилило реакционные тенденции в правительственном курсе. Тщетно Игнатьев во время своего доклада 21 декабря пытался убедить Николая II, что «это ужасное преступление, быть может, проявление милости божьей... выразившейся в предотвращении большей беды и еще возможности теперь ее предотвратить».¹⁰⁰ Вероятно, Игнатьев был не единственным, кто пробовал так истолковать события в глазах Николая II. Но Николай II, до конца остававшегося убежденным сторонником неограниченного самодержавия, нельзя было поколебать убийством Распутина, которое скорее произвело на него обратное впечатление. К тому же после этого убийства царь вплоть до 22 февраля 1917 г. безвыездно находился в Царском Селе, где особенно трудно было нейтрализовать влияние Александры Федоровны.

Наконец, как уже отмечалось, Николай II и Александра Федоровна не представляли себе истинного положения в стране, веря, что не «гнилое, слабое, безправственное общество», а «здоровые, благомыслящие, преданные подданные» из «Союза русского народа» выражают «голос России», к которому следует прислушиваться.¹⁰¹

Было бы, однако, принципиально неверно видеть в непонимании Николаем II и Александрой Федоровной обреченности их попыток сохранить в неприкосновенности основы полусамодержавного режима только их личную слепоту и фаталистическое упрямство. Историческая закономерность всегда проявляется в случайном на поверхностный взгляд стечении обстоятельств и, наоборот, в случайных обстоятельствах всегда отражаются закономерные тенденции объективно развивающегося исторического процесса. Политическая слепота носителей абсолютной власти и их окружения, их фаталистическое упрямство сами по себе суть исторические закономерности, свойственные периодам кризиса абсолютных (самодержавных) режимов.

Сдвиг политического курса вправо, как уже отмечалось, наметился еще до убийства Распутина, когда Николай II обсуждал с Треповым перспективу окончательного роспуска IV Думы в январе 1917 г. (законный срок ее полномочий истек в ноябре). Еще в конце ноября Трепов поднял и вопрос о необходимости усиления правой группы Государственного совета, утратившей свое решающее влияние.¹⁰² Не протестовавший, пока Дума нападала на Протопопова и Распутина, Трепов немедленно донес о нарушении ею закона, когда она 5 декабря потребовала изменения внутренней политики.¹⁰³ Ответ правительства на это заявление Николай II отложил до января, может быть, рассчитывая, что неизбежные резкие прения в связи с этим дадут повод распустить

Думу.¹⁰⁴ Но Трепов по-прежнему считал необходимым для укрепления позиции правительства удалить Протопопова и продолжал зондирующие переговоры с представителями блока. В качестве посредников со стороны блока выступали Олсуфьев и В. Маклаков, а со стороны бюрократических сфер — Бобринский и Танеев,¹⁰⁵ фигуры, еще недавно для блока совершенно одиозные.

Убийство Распутина ускорило отставку Трепова. Демонстрируя «твердость», Николай II утвердил Протопопова, числившегося до тех пор управляющим министерством, в качестве министра внутренних дел. Он уволил также ближайшего союзника Трепова — Макарова, которого Трепов прочил с нового года в председатели Государственного совета.¹⁰⁶ Министром юстиции был назначен Н. А. Добровольский, давний протекже царши и Распутина, обер-прокурор Первого Департамента Сената, опубликовавший в свое время третьеновский избирательный закон без соблюдения предусмотренных правил.¹⁰⁷

После этого Трепов, Игнатьев и товарищи министра внутренних дел Волковский и Балъц вышли в отставку. Просил об отставке и Покровский, лишь 30 ноября переведенный из Государственного контроля в Министерство иностранных дел, но его просьба не была удовлетворена. Барк взял двухмесячный отпуск, а Шуваев и Григорович говорили, что лишь военная присяга не позволяет им уйти.¹⁰⁸ Впрочем, Шуваев и без его просьбы 3 января был заменен ген. М. А. Беляевым, которого Александра Федоровна давно уже хотела видеть на этом посту. Министром просвещения был назначен Н. К. Кульчицкий, бывший попечитель Казанского и Петроградского учебных округов, известный своими черносотенными взглядами. Говоря о новых министрах, Николай II подчеркивал, что он «нарочно выбирает лиц, которых общественное мнение не любит и ненавидит, считая, что Россия одобрит эти назначения, а все недовольствие идет исключительно из Петрограда».¹⁰⁹ На пост главы «боевого кабинета» первоначально предполагалось назначить Щегловитова и, возможно, Н. Маклакова,¹¹⁰ но в конечном итоге окончательно для правых и для него самого председателем Совета министров был сделан князь Н. Д. Голицын, помощник Александры Федоровны по комитету помощи военнопленным, член группы Римского-Корсакова.¹¹¹

С 1 января 1917 г. была проведена небывалая по размерам чистка членов Государственного совета по назначению. Из числа присутствующих

⁹⁹ Ощущение, что в верхах явно идут на провокацию и разгон Думы» (Н. И. Игнатьев — А. И. Кривошеину 4 янв. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 33) было в конце 1916 г. широко распространено не только в оппозиционных, но и в бюрократических кругах.

¹⁰⁰ Донесение Моск. окр. отд. 19 янв. 1917 г. — ЦГАОР СССР, ДП 00, 1916, д. 27, ч. 46, л. 62.

¹⁰¹ Переписка Романовых, т. 5, с. 192.

¹⁰² Падение царского режима, т. 5, с. 425.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 33.

¹⁰⁴ Из дневника вел. кн. Андрей Владимировича. — Красный архив, 1928, № 1, с. 191.

¹⁰⁵ Падение царского режима, т. 4, с. 56—57, т. 5, с. 210. Весьма симптоматично это возвращение Николая II к людям, которыми он в угоду оппозиции пожертвовал в 1915 г. и которых теперь намеревался вернуть к власти.

¹¹¹ Падение царского режима, т. 3, с. 89.

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 9.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 31.

¹⁰¹ Переписка Романовых, т. 5, с. 189—190.

¹⁰² Падение царского режима, т. 6, с. 363.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1818, л. 16.

были удалены сразу 16 человек, в том числе Кауфман, Балашов, бывший обер-прокурор Синода Извольский, брат только что отставленного премьера Ф. Ф. Трепов. Все 16 вновь назначенных членов были не только павестны своими крайне правыми взглядами, но и являлись открытым вызовом общественному мнению, как распутинец А. Н. Веревкин, М. А. Таубе, получивший известность своим конфликтом с Думой в 1914 г. и, в довершение всего, отдельным указом — Г. Г. Чаплинский, прокурор на процессе Бейлиса.¹¹²

Правительство Голицына не стало, однако, тем «боевым кабинетом», каким хотела бы его видеть крайняя реакция, и прежде всего не решилось на разгон Думы, заседания которой должны были возобновиться 12 января. Меньшинство кабинета высказалось за соблюдение обещанного срока и подготовку мирной встречи с Думой «соответствующими мероприятиями». Большинство, включая Голицына, считало целесообразным отложить сессию, поскольку «при настоящем настроении думского большинства» нельзя будет избежать резких выступлений, «следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов». При этом Голицын, Риттих и новый министр путей сообщения Э. Б. Кригер-Войновский предлагали отсрочить заседания Думы до 31 января, а распутинская группа (Протопопов, Раев, Добровольский, Кульчинский) — до 14 февраля.¹¹³ Николай II присоединился к мнению последних.

Принимая решение об отсрочке думских заседаний, члены кабинета руководствовались различными соображениями. Голицын склонялся к тому, чтобы не доводить дело до разгона и хотел выиграть время и избавиться от распутинских ставленников,¹¹⁴ продолжая в общем линию Трепова. Протопопов стремился любым способом избежать встречи с Думой, если можно, путем отсрочки ее созыва, если это станет невозможно — ценой роспуска, сопровождаемого одновременно и усилением цензуры, и провозглашением мер в духе той программы, с которой он пришел в МВД и которые помогли бы, как он надеялся, заручиться поддержкой части избирателей.¹¹⁵ Кроме того, он предложил Николаю II издать указ, предусматривавший принудительное отчуждение части помещичьих земель, но царь, несмотря на дворянскую фронду против него, не согласился с таким предложением,¹¹⁶ и это, возможно, было одной из причин, по которым он отказался в тот момент и от идеи роспуска Думы. Еще более существенно было то обстоятельство, что Николай II рассчитывал на успех весеннего наступления на фронте, план которого был им утвержден 27 декабря. Подъем шовинистических настроений в буржуазных и помещичьих кругах в случае такого успеха лишил бы, как надеялся Николай II, либеральных лидеров поддержки и дал бы возможность справиться с ними без слишком резких и раздражающих действий. Наконец, в январе в Петрограде должна была состояться межсоюз-

ническая конференция, и распускать Думу накануне приезда союзных делегаций было явно нецелесообразно.

Результатом выжидательной позиции, занятой Николаем II, и равногласий в кабинете была некоторая внешняя двойственность мероприятий власти в начале января. С одной стороны, Николай II считал целесообразным сгладить впечатление от новой отсрочки заседаний Думы специальным рескриптом, в котором говорилось о необходимости «благожелательного, прямого и достойного отношения» к ней.¹¹⁷ По явной указке сверху губернаторы при открытии зимних сессий земских собраний также демонстрировали словесное благожелательство к обществу.¹¹⁸ Но одновременно 14 января МВД разослало циркуляр, запрещающий обсуждение земскими собраниями и городскими думами политических вопросов и предлагавший привлекать городских голов в случае несоблюдения этого запрета к уголовной ответственности.¹¹⁹ МВД потребовало от ЦВПК сообщать о месте и времени заседаний его рабочей группы¹²⁰ и начало аресты членов рабочих групп в провинции, запретило съезд биржевых комитетов,¹²¹ боясь оппозиционных выступлений.

Вдохновленные сдвигом вправо в составе правительства и Государственного совета и огорченные тем, что этот сдвиг недостаточно решительно реализуется в конкретных действиях, крайне правые круги усилили нажим на правительство, представляя различные записки, требующие перехода в наступление против любых проявлений оппозиционности. Еще в конце декабря была составлена «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных в салоне Римского-Корсакова, которую тот передал Протопопову 15 января. В ней предлагалось пересмотреть законы о Думе и усилить власть на местах, направив «все силы объединенного правительства... к водворению порядка и спокойствия в стране», для чего рекомендовалось: создать 10—12 «мощных» органов правой печати и воздействовать на имеющуюся прессу с помощью цензуры, ослабить земский и городской союзы, усилить полицию, провести закон о конфискации имущества у осужденных «за попытку и неисполнение государственного порядка, либо в возбуждении смут, крамол или волнений» (этим надеялись заставить замолчать оппозицию имущих слоев), пресечь «заигрывания с общественностью высших чинов армии».¹²²

Примерно в то же время была составлена записка члена Думы М. В. Митроцкого от имени «православных русских кругов Киева». В ней выражалось беспокойство в связи с отсутствием у правительства «строгости продуманного и правильно организованного плана решительной борьбы с антигосударственными силами». Киевские черносотенцы предлагали привлекать к ответственности городских голов за допущенные ими оппозиционные выступления гласных, придурить «кадетско-еврейскую прессу» и поддержать «русские народные газеты», усилить контроль за общественными организациями и «поставить на место» Думу.¹²³ Передавая

¹¹² Речь, 1917, 1 и 12 янв.

¹¹³ Памятная записка о заседании Совета министров 3 янв. 1917 г. — Былое, 1919, № 15, с. 7.

¹¹⁴ Падение царского режима, т. 2, с. 253—254.

¹¹⁵ Русское слово, 1917, 3 янв.

¹¹⁶ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907—1918. Берлин, б. г., т. 2, с. 161—162.

¹¹⁷ Речь, 1917, 8 янв.

¹¹⁸ Там же, 31 янв.

¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 782, л. 14—16.

¹²⁰ Речь, 1917, 17 янв.

¹²¹ Финансовая газета, 1917, 25 янв.

¹²² Красный архив, 1927, № 1, с. 242—244.

¹²³ Там же, 1926, № 5, с. 209.

эту записку царю 14 января, Щегловитов характеризовал ее «как новое доказательство того, что истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица». В свою очередь Николай II отдал ее 17 января Голицыну с резолюцией: «Записка, достойная внимания».¹²⁴ Сходные идеи содержались в письмах Тихановича-Савицкого Николаю II 30 декабря 1916 г. и Протопопову 9 января 1917 г.¹²⁵

Большую активность проявили в январе одесские и московские черносотенцы, особенно тесно связанные с Протопоповым. Результатом этих связей была записка председателя «Отечественного патриотического союза» Орлова от 25 января, которую Протопопов через Вырубову переслал Александре Федоровне.¹²⁶ В записке тоже рекомендовалось распустить Думу и усилить нажим на общественные организации, а также изменить избирательный закон, введя последовательно курильную систему и увеличив представительство духовенства. В духе протопоповских идей в записке говорилось о необходимости опереться на «по самой своей природе лояльный торговый класс».¹²⁷

Характерно, что во всех этих документах проявлялась та же переоценка роли буржуазно-помещичьей оппозиции и недооценка опасности революционных выступлений масс, которая отличала взгляды самого Николая II и его ближайших советников. Это, впрочем, неудивительно, если учесть, что записка Орлова была инспирирована Протопоповым, одним из лидеров салона Римского-Корсакова являлся Н. Маклаков, а записку Матроцкого, возможно, организовал сам Щегловитов. Система организации черносотенного «общественного мнения» для подкрепления своих позиций повележно вела к тому, что ее инсепиторы утрачивали возможность получить иную информацию о положении в стране, чем ими же запрограммированная.

Отличную от своих единомышленников позицию занимал Говорухо-Отрок, который дополнил свою ноябрьскую записку объяснением к пункту, касавшемуся роспуска и реформы Думы. Говорухо-Отрок видел главную опасность не в Думе и либеральной оппозиции, а в народном движении. Но Говорухо-Отрок считал бессмысленными попытки сговориться с оппозицией, ибо «эти элементы столь слабы, столь разрознены, и надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Уступки оппозиции Говорухо-Отрок считал началом необратимого процесса полевения страны. Поэтому, несмотря на отличие в исходной точке рассуждений, его вывод совпадал с общим мнением правых — восстановление самодержавия в полном объеме.¹²⁸

Чем более критическим становилось внутривполитическое положение царизма, тем острее должен был становиться для крайне правых кругов вопрос о целесообразности продолжения войны. Крайне правые всегда тяготели к Германии, видя в ней оплот монархического принципа. После

того, как «прогрессивный блок» потребовал создания «министерства доверия» и выдвинул программу буржуазных реформ, вопрос — «стоит ли продолжать войну», ибо неизвестно, что хуже: «победа Германии или... победа Миллюкова»¹²⁹ — приобрел для части правых особую актуальность. К этому прибавлялась усталость от войны, сознание невозможности выиграть ее и раздражение против Англии, действия которой не свидетельствовали о верности союзническим обязательствам. Подобные настроения усиливались не только в правых кругах. Даже на кадетском съезде в феврале 1916 г. один из делегатов выражал сомнение в правильности лозунга войны до победного конца,¹³⁰ а проф. Д. Д. Гримм тогда же говорил, что война проиграна и надо думать о мире.¹³¹ Но наибольшее тяготение к миру должны были, естественно, испытывать представители крайней реакции, для которых продолжение войны означало угрозу сохранению полусамодержавного режима.

Между тем, Николай II и официальные правительственные круги не только не предпринимали каких-либо шагов к выходу из войны, но и отвергали предложения о сепаратном мире, исходившие от германской стороны. Говоря об объективной тенденции поворота от империалистической войны к империалистическому миру, В. И. Ленин, как известно, не связывал свой вывод с достоверностью получивших в конце 1916 — начале 1917 гг. слухов о сепаратных переговорах России и Германии и указывал, что страх перед революцией мог помешать царизму пойти на заключение сепаратного мира из-за неуверенности в позиции армии, «с генералами которой переносывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов».¹³² В том же направлении действовала и уже упоминавшаяся вера Николая II в успех весеннего наступления.

В этой ситуации правые элементы камарильи прибегли к самостоятельным действиям за спиной официальной дипломатии. В ходе переговоров, которые с ведома Штюрмера вел в мае 1916 г. в Стокгольме с германским промышленником Г. Стигвесом известный журналист, близкий к банковским кругам, И. И. Кольшкo, убеждались возможные условия сепаратного мира и причины, затрудняющие его заключение. В числе этих причин Кольшкo назвал и позицию Николая II.¹³³ Хотя каких-либо документальных свидетельств тому не сохранилось, видимо, контакты сторонников сепаратного мира в России с германскими правительственными кругами сохранялись,¹³⁴ и в середине февраля 1917 г. тот же

¹²⁹ Земщина, 1915, 25 сент.; Московские ведомости, 1915, 24 нояб.

¹³⁰ Запись выступлений на съезде кадетской партии. — ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 619, л. 11—12.

¹³¹ Докл. петрогр. охран. отд. 17 февр. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ДП 60, 1916, д. 27, ч. 57, л. 1—3.

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 341.

¹³³ Подробнее о переговорах см.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 279—280; Ганелин Р. Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 140—143, 147—149; Игнатова А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1972, с. 48—49.

¹³⁴ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la Première guerre mondiale. Document extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Paris, 1966, II, p. 31.

¹²⁴ Там же, с. 207.

¹²⁵ Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929, с. 354—356, 357—358.

¹²⁶ Падение царского режима, т. 1, с. 164—165; т. 2, с. 277; т. 4, с. 489.

¹²⁷ Новое время, 1917, 7 февр.

¹²⁸ Цит. по: Блок А. А. Указ. соч., с. 126—139.

Кольшико оказался в Копенгагене, имея в виду встретиться с М. Эрцбергером, уже ранее поддерживавшим связи с какими-то «видными чиновниками» в Петрограде.¹³⁵

Одновременно прилагались усилия воздействовать на Николая II, чья приверженность идее войны до победного конца была известна и союзным дипломатам, и лидерам крайне правых. По его собственным показаниям трижды разговаривал с Николаем II о войне Н. Маклаков, считавший, что война «не пойдет ни коим образом — ни с Думой, ни с чем».¹³⁶ В декабре 1916 г. Протопопов предложил Николаю II заявить союзникам, что Россия не в состоянии больше вести войну и, если не будет заключен общий мир, она через несколько месяцев вынуждена будет выйти из войны одна. По утверждению Протопопова Николай II согласился с его предложением.¹³⁷ Из рассказа Протопопова особенно ясно вытекает, что до декабря 1916 г. Николай II не имел в виду окончания войны до разгрома Германии, а в декабре речь шла еще не о сепаратном мире, а о действиях вместе с союзниками. Курс на сепаратные переговоры мог быть взят им (если он вообще имел место) лишь какое-то время спустя.

Представляется слишком категоричным и мнение А. В. Игнатьева, будто Распутин и Александра Федоровна перешли в декабре «в лагерь сторонников скорейшего мира». Приводимые в подтверждение этой точки зрения разговоры в окружении царицы и Распутина о предстоящем заключении мира естественнее считать отголоском плана Протопопова, который, как признает и А. В. Игнатьев, не был приведен в исполнение. Упоминаемые же А. В. Игнатьевым предположения гессен-дармштадтских государственных деятелей, будто в 1917 г. и Николай II стал проявлять склонность к сепаратному соглашению с Германией,¹³⁸ слишком неопределенны, чтобы на них можно было опираться.¹³⁹ Поэтому, как бы ни оценивать достоверность сведений о предложениях сепаратного мира, постулировавших, якобы, из России в феврале 1917 г.,¹⁴⁰ они могли быть только продолжением зондажа русских сторонников такого мира, по-прежнему действовавших без ведома Николая II.

Подталкивая царизм к государственному перевороту и сепаратному миру, крайне правые не могли предложить ему реальной поддержки, поскольку на их же собственным признаниям их организации находи-

лись «в состоянии летаргии»¹⁴¹ и «прозябали».¹⁴² Постоянные склоки черносотенных групп дополнялись соперничеством Щегловитова, Н. Маклакова и Протопопова, претендовавших на роль главного спасителя монархии и стремившихся объединить черносотенные организации вокруг себя.

Между тем революционный кризис в стране все более обострялся. К началу 1917 г. большевистская партия насчитывала в своих рядах уже примерно 24 000 человек, причем крупнейшей из ее организаций была петроградская, объединявшая около 2000 членов. Большевистские подпольные группы были связаны между собой и Русское бюро ЦК с гордостью констатировало: «Всероссийская организация в данное время есть только у нас».¹⁴³ Исходя из роста революционных настроений рабочего класса, Русское бюро ЦК в декабре 1916 г. предложило петроградской и московской организациям начать подготовку уличных выступлений и забастовок, приурочив их к годовщине 9 января. В авангарде борьбы по-прежнему шел пролетариат Петрограда, где на заводах, работавших на войну, сохранилось больше всего довоенных кадровых рабочих. 9 января в политической забастовке в Петрограде приняло участие 147,6 тыс. рабочих со 132 предриятий. Самая крупная за время войны политическая стачка в столице сопровождалась митингами и демонстрациями.¹⁴⁴ В Москве в забастовке участвовали рабочие 113 заводов и фабрик, к уличным демонстрациям присоединились студенты. Годовщину «кровавого воскресенья» отметили стачками рабочие Харькова, Твери, Ростова, Новочеркасска, Урала, где до того побывали разъездные агенты Русского бюро ЦК. В столицах и ряде других городов крупными тиражами были изданы 24 большевистских листовки.¹⁴⁵ Январские забастовки и демонстрации знаменовали собой дальнейший мощный подъем рабочего движения.

Забастовки 9 января вновь обострили в правящих верхах разногласия между сторонниками непримиримого курса по отношению к оппозиции и теми, кто хотел сговориться с буржуазно-помещичьей оппозицией или хотя бы с ее правым крылом. Трудно сказать, что лежало в основе распространявшихся в двадцатых числах января слухов о предстоящем возвращении к власти Трепова и Игнатьева и удалении распутинской группы министров или о создании кабинета Бобринского с участием умеренных депутатов Думы на ролях министров без портфелей.¹⁴⁶ «Утро России» отнеслось к этим слухам настолько серьезно, что в номере от 22 января, выпущенном помимо цензуры, отвело две страницы проблеме «министерства национальной обороны» и высказалось за создание коалиционного кабинета с участием Кривошеина, Сазонова и Поливанова. Возможно, буржуазные политики приняли за серьезный зондаж «сверху» разговоры о соглашении с блоком, которые вели Игнатьев и Волконский

¹³⁵ Эрцбергер М. Германия и Антанта. М.; Пг., 1923, с. 202—203.

¹³⁶ Падение царского режима, т. 5, с. 287.

¹³⁷ Голос минувшего на чужой стороне, 1926, № 2, с. 169.

¹³⁸ Игнатьев А. В. Указ. соч., с. 55.

¹³⁹ Заявление Керенского, будто он имеет в руках документ, доказывающий намерение царизма заключить 2/15 марта 1917 г. сепаратный мир, явно нельзя принимать всерьез. Если бы переговоры зашли так далеко, что уже была известна дата их завершения, не было бы необходимости в зондирующих шагах, только планировавшихся в конце февраля германской дипломатией.

¹⁴⁰ Германский историк Г. фон Раух, статья которого явилась для советских исследователей, верящих в реальность таких предложений, источником новых аргументов в пользу их точки зрения, одновременно отвергает, как недостоверный, рассказ бывшего австрийского министра иностранных дел О. Чернина, служивший до сих пор их главной опорой (см.: Rauch, von G. Russische Friedensfühler 1916/1917? — In: Internationale Recht und Diplomatie. 1965, Köln, s. 67—68).

¹⁴¹ Блок А. А. Указ. соч., с. 130.

¹⁴² Падение царского режима, т. 2, с. 294.

¹⁴³ История КПСС, т. 2, с. 653.

¹⁴⁴ История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 509.

¹⁴⁵ История СССР, т. 6, с. 631—632.

¹⁴⁶ Речь, 1917, 19 янв.; Утро России, 1917, 20 янв.; Русские ведомости, 1917, 21 янв.; и др.

вплоть до последних дней существования царизма,¹⁴⁷ явно не имея на то официальных полномочий. Разговоры о готовящихся переменах могли основываться и на борьбе за власть в верхах, в ходе которой одни представители реакции хотели удаления Протопопова как слишком компрометирующей режим фигуры, а другие — за недостаточную решительность в борьбе с оппозицией.

Как раз в январе—феврале Протопопов начал, однако, проявлять большую активность в этом направлении. По мере того, как исчезала надежда справиться с продовольственным кризисом, а забастовки рабочих становились все более массовыми и политическими по своим лозунгам, правительство стало принимать дополнительные меры для борьбы с выступлениями народных масс. 23 октября в явной связи с октябрьской стачкой Совет министров удовлетворил представление МВД об усилении штатов полиции, о котором говорилось выше. В ноябре был разослан циркуляр об усилении полиции на местах за счет нестроевых солдат.¹⁴⁸ В ноябре же петроградским градоначальником был назначен А. П. Балк как человек, который «имеет уже опыт» в подавлении революционного движения.¹⁴⁹ Балк и командующий войсками петроградского округа ген. С. С. Хабалов немедленно приступили к выработке плана совместных действий полиции и войск в трех вариантах — на случай забастовок, уличных демонстраций и «беспорядков, переходящих в бунт».¹⁵⁰ События 9 января заставили полицейские власти ускорить свои действия, был принят «план охраны Москвы» и пересмотрен составленный еще в начале войны «план охраны Петрограда». Представляя его Николаю II, Протопопов выражал надежду, что 12 000 солдат и полицейских, входивших в части, выделенные для подавления революционных выступлений, окажется достаточно, но напомнил, что в 1905 г. в борьбе с рабочими столицы участвовало 60 000 солдат.¹⁵¹ В связи с этим в Царское Село был прислан гвардейский морской экипаж. 3 февраля по настоянию Протопопова, не ладившего с командующим Северным фронтом ген. Рузским, Петроградский военный округ был выделен из подчинения фронту. После этого циркуляром командира корпуса жандармов было предписано создать отряды для подавления «беспорядков» и в других районах страны, причем подчеркивалось, что «дислокация таких отрядов должна зависеть главным образом от сосредоточения рабочих масс».¹⁵²

При этом Протопопов продолжал считать, что рабочее движение инспирируется думскими лидерами. В представлении Протопопова оппозиция для достижения своей цели — ответственного министерства — «должна была опереться на рабочих, могущих произвести забастовку и демонстрацию перед Государственной думой». Чтобы не допустить этой демонстрации Протопопов с согласия и одобрения Николая II арестовал

в ночь на 27 января большинство членов рабочей группы при ЦВПК, которая, по его мнению, «служила связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией».¹⁵³ В сообщении МВД об аресте этой группы оппортунистов ей было вменено в вину, что она, якобы, «стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империи, поставив своей конечной целью превращение России в социал-демократическую республику».¹⁵⁴

Арест рабочей группы, естественно, не мог остановить назревание революционного кризиса и лишь еще раз продемонстрировал неспособность царизма ужиться даже с оппортунистическими течениями в рабочих рядах. В то же время он вызвал резкое недовольство буржуазной оппозиции. ЦВПК выступил с разъяснением, в котором напоминал, что рабочая группа не только не являлась центром революционного движения, но, напротив, ставила своей целью предотвращение забастовок и других «эксцессов».¹⁵⁵ Выступая в Думе две недели спустя, Коновалов также напоминал, что «рабочая группа готовилась быть оплотом против других опасных течений в рабочей массе».¹⁵⁶ Лидеры оппозиции негодовали не только потому, что увидели в действиях властей безрасчетный удар по тем элементам, на которые они рассчитывали опереться в борьбе против революционных настроений трудящихся, но и приняв арест рабочей группы за начало репрессивных акций и против них самих.

Резкая реакция оппозиции на арест рабочей группы усилила сомнения правящих кругов и правых в целесообразности созыва Думы 14 февраля. Если в декабре 1916 г. националисты-балашовцы колебались в сторону блока, то в начале февраля 1917 г. фракция считала отсрочку созыва Думы единственным способом предотвратить столкновение с правительством, которое, по мнению балашовцев, должно было привести к «катастрофе».¹⁵⁷ За отсрочку высказалось и совещание священников — членов Думы, предлагавшее подождать с созывом до «наступления наших армий на фронте, когда настроение Гос. думы резко изменилось бы к лучшему».¹⁵⁸ По сведениям «Утра России» (1917, 7 февр.) совещание около двадцати правых членов Думы и Государственного совета под председательством Щегловитова высказалось за роспуск Думы и отсрочку новых выборов до окончания войны. Правда, речь шла, видимо, не о немедленном превентивном роспуске, поскольку одновременно планировались совместные заседания правых фракций обеих палат по открытии сессии для выработки общей записки в «сферы» о настроениях на местах.

К мысли о роспуске Думы стал возвращаться и Николай II, поручивший Н. Маклакову составить проект соответствующего манифеста.¹⁵⁹

¹⁴⁷ Шульгин В. В. Дни. Л., 1925, с. 90.

¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 448, л. 64—65.

¹⁴⁹ Падение царского режима, т. 4, с. 91.

¹⁵⁰ А. П. Балк — А. Д. Протопопову 10 нояб. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, л. 307.

¹⁵¹ Падение царского режима, т. 4, с. 92—93.

¹⁵² Копия циркулярной телеграммы 17 февр. 1917 г. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 448, л. 63.

¹⁵³ Падение царского режима, т. 4, с. 86—88.

¹⁵⁴ Речь. 1917, 30 янв.

¹⁵⁵ Шляпников А. Канун семнадцатого года. М., 1923, т. 2, с. 280—283.

¹⁵⁶ Гос. дума. 4-й соз. Сес. V, стб. 1530.

¹⁵⁷ Информационная записка 10 февр. 1917 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1917, д. 307, л. 14.

¹⁵⁸ Информационная записка 10 февр. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 9, л. 58.

¹⁵⁹ Падение царского режима, т. 5, с. 208.

Маклаков с радостью принял поручение и воспользовался случаем, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость «не теряя ни минуты крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти». «Власть, писал он, — больше чем когда-либо должна быть... скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы это ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно уже становится и опаснее, и ожесточеннее, и пагубнее врага внешнего».¹⁶⁰ 11 февраля Маклаков передал Николаю II составленный им проект манифеста, в котором Дума обвинялась в том, что она «вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы».¹⁶¹ И слова Николай II не рискнул распустить Думу, сказав Маклакову, что манифест нужен ему лишь «на всякий случай».¹⁶²

Колебания Николая II, кроме уже упоминавшихся выше причин — надежды на успех весеннего наступления, когда на гребне шовинистических настроений легче было бы избавиться от Думы на «законном» основании за истечением срока ее полномочий, необходимости оглядываться на союзную дипломатию, все более открыто демонстрировавшую свои симпатии к оппозиционным лидерам — объяснялись еще и тем, что царь не мог, пусть не в полной мере, не чувствовать все углублявшийся развал власти, который, правда, в его и Александры Федоровны восприятии преломлялся в ощущение отсутствия рядом с ними «настоящих» людей. «Мы столько знаем, а когда приходится выбирать министра, нет ни одного человека, годного на такой пост» — писала Александра Федоровна, сетуя, что «нет настоящих „джентльменов“ и фавориты одни за другим оказываются казнокрадами и взяточниками».¹⁶³ Но чем большее значение придавалось при подборе высших сановников их готовности не просто мириться с существованием Распутина, а «слушаться, доверять и спрашивать совета» у него, тем чаще элементарно порядочные «джентльмены» даже из крайне правого лагеря оказывались неминистериабельны, и круг «действительно преданных людей»¹⁶⁴ становился настолько узок, что находить мало-мальски подходящих кандидатов на министерские посты оказывалось невозможным.

Дело было, разумеется, не в отсутствии людей, а в пороках системы, существовавших всегда, а во время войны проявившихся с особенной очевидностью. Ведомственная разобщенность и трения, отсутствие однородного кабинета были старыми педугами самодержавного государственного аппарата. Во время войны они были усилены нарушением прежних сфер компетенции ведомств и созданием межведомственных органов с нечетко определенными функциями в результате попыток царизма справиться с экономической разрухой, противоречиями и несогласованностью действий военного и гражданского управления, политическими

разногласиями в правящих кругах и конфликтами распутинских ставленников с другими членами кабинета. Раскол кабинета еще больше углубился при Голицыне, когда важнейшая фигура правительства, министр внутренних дел, игнорировал Совет, не принимая участия в его заседаниях,¹⁶⁵ а ряд других присылали своих заместителей, прикрываясь болезнью или отпуском.

Одним из проявлений развала власти была «министерская чехарда». За два с половиной года войны на посту председателя Совета министров перебивало четыре человека, в Министерстве внутренних дел — шесть, в министерствах юстиции, земледелия и военном — по четыре, иностранных дел, просвещения и государственном контроле — по три, четыре человека занимали пост обер-прокурора Синода. Смена министра означала как правило и перетасовку руководящего персонала министерства.

Особенно частыми были смены в Министерстве внутренних дел. Придя в МВД, А. Н. Хвостов сменил директоров Канцелярии министра и всех основных департаментов — полиции, общих дел, духовных дел иностранных исповеданий, земского отдела, причем главы департаментов общих дел и полиции менялись им дважды. Штюрмер вновь заменил директора Департамента общих дел, а Протопопов директоров департаментов полиции, общих дел и духовных дел иностранных исповеданий, а также начальников главных управлений по делам местного хозяйства и печати.¹⁶⁶ Следствием «министерской чехарды» была и «губернаторская чехарда». Лишь 38 губернаторов и вице-губернаторов сидели на своих местах с довоенного времени. В 1914 г. были назначены 12, в 1915 г. — 33, за 9 месяцев 1916 г. — 43 высших представителя власти в губерниях,¹⁶⁷ при Протопопове были заменены еще 14 губернаторов и градоначальников.¹⁶⁸ Чиновники, считая своих министров временными людьми, избегали разрабатки сколько-нибудь важных вопросов, не будучи уверенными в том, какими будут взгляды следующего руководителя ведомства. В свою очередь соперничество бюрократии и «общественных организаций» вносило свою лепту в расстройство управления. Приняв на себя ряд функций, ранее выполнявшихся государственным аппаратом, эти организации не имели юридического статуса и не могли (независимо от более общих причин) справляться с решением тех проблем, за которые взялись.

В течение последних полутора лет существования царизма разладился механизм взаимоотношений министра внутренних дел с Департаментом полиции. Хвостов и Белецкий, быстро перейдя от союза к вражде, налаживали каждый свою агентуру и не делились друг с другом полученной информацией. Ненавидя преемника Белецкого — Климовича, Штюрмер практически не принимал у него докладов о положении в стране, не давал директив и выражал недовольство, когда Климович рассылал записки о деятельности оппозиции другим членам кабинета. Из-за неорганизованности Протопопова он также не мог выбрать времени для устных докладов директора Департамента полиции,¹⁶⁹ а пись-

¹⁶⁰ Н. А. Маклаков — Николаю II 9 февр. 1917 г. — В кн.: Монархия перед крушением, с. 97—99.

¹⁶¹ Проект манифеста о роспуске Думы. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1003, л. 1—2. О датировке передачи его Николаю II см.: Дякин В. С. Указ, соч., с. 274.

¹⁶² Падение царского режима, т. 5, с. 208.

¹⁶³ Переписка Романовых, т. 4, с. 116.

¹⁶⁴ Там же, т. 5, с. 160.

¹⁶⁵ Падение царского режима, т. 2, с. 280.

¹⁶⁶ См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 18, л. 78—86; оп. 12, д. 36, л. 1—125.

¹⁶⁷ Речь, 1917, 3 янв.

¹⁶⁸ См.: ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 36, л. 45—125.

¹⁶⁹ Падение царского режима, т. 1, с. 60—61, 73, 423.

менных, возможно, не читал. Профессионал сыска Белецкий считал, что в последние месяцы существования царизма ценность сведений, доставляемых агентурой, упала, и сводки их не содержали ничего, кроме «общих выражений».¹⁷⁰ Департамент полиции, выражая недовольство приглаживанием остроты ситуации в отчетах местных охранных отделений, сам занимался тем же в докладах Протопопову, а тот не доводил информацию до сведения царя и своих коллег.¹⁷¹ Со своей стороны и губернаторы плохо осведомляли правительство о положении дел на местах, не желая сообщать о неблагополучии, им же ставившемся в вину.¹⁷²

Конец 1916—начало 1917 гг. характеризовались особенно быстрыми темпами и особенно кричащими формами развала власти. Затянутая пугал экономической разрухой, ростом революционного движения, активизацией буржуазно-помещичьей оппозиции и великосветской фронды монархия нашла в психически не вполне нормальном Протопопове фигуру, как нельзя лучше олицетворявшую историческую обреченность царизма. Дорвавшийся до власти Хлестаков вконец развалил свое министерство и сам признавался потом, что не мог им управлять.¹⁷³ С самого начала, как говорилось, на роль фактического главы МВД предназначался П. Г. Курлов, который 23 октября был сделан товарищем министра. Но вследствие одиозности имени Курлова Протопопов просил Николая II не распускать указ о его назначении.¹⁷⁴ Создалась неслыханная ситуация — власть стыдилась собственного представителя. Сенат и министры отказывались принимать бумаги, подписанные Курловым.¹⁷⁵ Поскольку на самого Протопопова велась атака, в которой участвовали и думская оппозиция, и бюрократические круги, он на протяжении большей части ноября и декабря числился больным, не принимая докладов и не руководя текущими делами. В бестолочи постоянно неопределенной ситуации Министерство, видимо, просто забыло представить в Думу оформленное по ст. 87 Положение Совета министров от 1 сентября 1916 г. о запрете съездов, и то формально утратило силу.¹⁷⁶ Министры, даже из крайне правых, позволяли себе открыто показывать свое неуважение к Протопопову, демонстративно игнорируя устраиваемые им официальные приемы,¹⁷⁷ и называя его доклады в Царском Селе фантазиями.¹⁷⁸ «Это сумасшедший дом, а не государственное управление», — писал Игнатьев Кривошеину в конце декабря 1916 г.¹⁷⁹

В обстановке этого развала царские власти не справлялись даже со своими карательными функциями. Аресты руководящих центров революционного подполья не могли остановить поднимающийся на борьбу

¹⁷⁰ Там же, т. 5, с. 264.

¹⁷¹ Там же, т. 4, с. 7, 84.

¹⁷² Дневник П. А. Базилевского. — РО ГБЛ, ф. 15, папка IV, ед. хр. 1, л. 73.

¹⁷³ Падение царского режима, т. 1, с. 124.

¹⁷⁴ Там же, с. 135.

¹⁷⁵ Там же, т. 3, с. 205; т. 6, с. 21.

¹⁷⁶ Н. Д. Голицын — А. Д. Протопопову 23 февр. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 13, д. 21, л. 2.

¹⁷⁷ Русское слово, 1917, 21 янв.

¹⁷⁸ Протокол допроса Н. И. Воскобойниковой. — ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, л. 447, л. 60.

¹⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 30.

пролетариат, а оппозиции правительство попросту не решалось заткнуть рот. Буржуазная пресса выступала со все более резкой критикой всей системы управления страной, обходя цензурные ограничения с помощью прозрачного для всех эзоповского языка. То, что все же не могло попасть на страницы печати, распространялось нелегально. В светских салонах открыто ругали Александру Федоровну, и она не без оснований жаловалась, что вся эта фронда остается безнаказанной. Признанием полной утраты авторитета власти звучало внушенное кем-то напоминание Александры Федоровны Николаю II, что черносотенцы, «если их не слушать..., возмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда».¹⁸⁰ Фактически, несмотря на отдельные эффектные жесты, вроде изменения состава Государственного совета или ареста рабочей группы ЦВПК, царское правительство в последние месяцы существования режима не контролировало событий ни в «низах», ни в «верхах» российского общества. В. И. Ленин говорил позднее, что к концу февраля 1917 г. правительство Николая Романова отличалось «беспомощностью», «дикой растерянностью», «полной потерей головы».¹⁸¹

Состояние все усиливавшегося разброда и растерянности характеризовало в конце декабря 1916 г. — январе и феврале 1917 г. и оппозиционный лагерь. В отличие от царского окружения и правящей бюрократии оппозиция отчетливей представляла себе угрозу самостоятельного революционного выступления масс. Ранней осенью 1916 г. на совещании буржуазных лидеров у М. М. Федорова по инициативе Милюкова обсуждался даже вопрос о том, как, если вопреки их желаниям и действиям революция все-таки произойдет и приведет к свержению Николая II, удерживать дальнейший ход событий в приемлемых для либеральной буржуазии рамках.¹⁸² Но и буржуазно-помещичьи деятели не осознавали неотвратимости революции и надеялись предупредить ее путем политических уступок, выторгованных у царя. В еще большей мере подобные надежды были распространены в буржуазно-помещичьем обществе, которое по донесениям охраны с ноября жило в ожидании «событий первой важности». Под последними подразумевалось создание в той или иной форме «правительства доверия», благодаря которому «все образуются».¹⁸³

Но в оппозиционном лагере не было единства в определении тактики, которая могла бы привести к желаемой цели.

Правое крыло блока все больше тяготело к традиционным закулисным методам воздействия на Николая II, ориентируясь на обеспокоенных собственной судьбой членов императорской фамилии и фрондирующее великосветское общество и гвардейское офицерство. Взаимное тяготение великокняжеских кругов и группы Родзянко, который, по свидетельству Милюкова, «вел свою политику и политику небольшого круга доверенных

¹⁸⁰ Переписка Романовых, т. 5, с. 190.

¹⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 152.

¹⁸² Воспоминания А. И. Гучкова. — Последние новости, 1936, 13 сент.

¹⁸³ Сведения петроградского охранного отделения об общественном настроении. 29 января 1917 г. — В кн.: Буржуазия накануне... с. 121—126; Записка петроградского охранного отделения о Государственной думе. Январь 1917 г. — Там же, с. 161—163.

лиц из октябристов»,¹⁸⁴ усилилось в конце декабря, когда великие князья искали содействия председателя Думы в своих попытках предотвратить высылку Дмитрия Павловича за участие в убийстве Распутина, а Родзянко в свою очередь просил помощи для получения аудиенции у нежелавшего его видеть царя.¹⁸⁵ После высылки из Петрограда 1 января 1917 г. Николая Михайловича, широко показывавшего копию письма членов императорской фамилии в защиту Дмитрия Павловича и публично критиковавшего Александру Федоровну, Родзянко оказался, по утверждениям охраны, в роли лидера аристократической оппозиции, группировавшейся в салонах И. И. Шереметевой (дочери Воронцова-Дашкова и жены ближайшего флигель-адъютанта Николая II) и Е. Ф. Лазаревой (тетки Ф. Юсупова и троюродной сестры жены Родзянко). Салоны посещались гвардейскими офицерами, и это послужило основой слухов о «заговоре и чуть ли не декабристских кружках». Справедливо отрицая достоверность этих слухов, охранка доносила о расчетах Родзянко на то, что, заметив оппозиционные настроения офицерства, Николай II «сам сверху дарует начала подлинного представительного строя и спасет Россию от кровавой революции».¹⁸⁶

Родзянко старался также координировать свои действия с выступлениями объединенного дворянства, которому он предлагал взять на себя функции рупора оппозиции, если Дума будет распущена. В начале января ряд дворянских собраний приняли резолюции, повторявшие требования съезда объединенного дворянства об изменении состава правительства, а в Самаре 10 января добился аудиенции у Николая II в качестве полномочного председателя Совета объединенного дворянства и доложил царю о настроениях дворянских кругов. В Петроградской губернии председателем дворянства был избран В. М. Волковский, а в Новгороде демонстративно намечен (но снял свою кандидатуру) Б. А. Васильчиков.¹⁸⁷ Симбирское дворянское собрание исключило из своей среды Протопопова. «Какой же еще лагерь остается в России „за“, — комментировал это отлучение министра от сословия Олсуфьев, — когда все „против“».¹⁸⁸

Одновременно продолжались попытки царской семьи непосредственно воздействовать на Николая. После удаления Николая Михайловича главой семейной оппозиции стал Михаил Александрович, взявший на себя организацию еще одной аудиенции Клопова и передачу его писем царю, в которых Клопов по согласованию с Михаилом уговаривал Николая II назначить Г. Е. Львова главой правительства. В записке Клопова, лично врученной им царю 29 января, особо подчеркивалась необоснованность надежд Николая II на армию, которая «в критический момент пойдет со страной, а не с нынешним правительством».¹⁸⁹ Завершением всей этой

кампании явились аудиенции — 9 февраля московского предводителя дворянства Базилевского, вручившего резолюции дворянского собрания, и 10 февраля Родзянко, явившегося с последним докладом, в котором он снова тщетно доказывал необходимость компромисса между царизмом и буржуазно-помещичьей оппозицией в интересах всех господствующих классов. Родзянко высказывал в докладе уверенность, что если Николай II согласится на создание ответственного министерства, населению будет терпеливо ждать результатов его деятельности.¹⁹⁰ В тот же день и столь же неудачно пытались убедить царя в необходимости уступок Михаил Александрович и Александр Михайлович.

Если Родзянко и его единомышленники, как и сторонники Шульгина, надеялись на дворянские резолюции и родственные влияния на царя, то прогрессисты из группы Рябушинского — Коновалова рассчитывали подкрепить свои позиции внедумским давлением различных слоев населения, включая рабочих, при условии, что последние будут выступать под лозунгами либеральной оппозиции. На совещании у Рябушинского 30 декабря была выдвинута идея призвать Думу не подчиняться возможному роспуску и продолжить свои заседания в Москве, обратившись к стране и армии с воззванием, в котором правительство обвинялось бы в стремлении заключить мир с Германией и с ее помощью реставрировать в стране неограниченное самодержавие.¹⁹¹ В развитие плана внедумских действий Рябушинский намеревался созвать в январе торгово-промышленный съезд, на котором представители буржуазии указали бы «на необходимость немедленной перемены курса для спасения страны».¹⁹² Параллельно прогрессисты, понимая, что они не в состоянии «сообразно своим желаниям вызвать или остановить рабочие выступления»,¹⁹³ предлагали провести совещания нового крыла блока с оборонцами в Петрограде и ряде крупных городов¹⁹⁴ и, видимо, санкционировали призыв рабочей группы ЦВПК к демонстрации 14 февраля в поддержку Думы.

Радикализм предлагаемой прогрессистами тактики (предлагаемой, но не проводимой на деле) сочетался с умеренностью реальных требований, выполнением которых они удовлетворились бы в данный момент. В уже упоминавшемся бесцензурном номере «Утра России» 22 января в качестве министров, на чьих кандидатурах буржуазия готова была столковаться с властью, назывались все те же Кривошеин, Сазонов и Поливанов. Вслед за тем, после состоявшегося 25 января совещания по подготовке торгово-промышленного съезда, в передовой статье, претендовавшей на формулирование требований буржуазии как класса, говорилось: «Дайте нам разумную власть, в которую поверит страна, и мы

¹⁸⁴ Последние новости, 1927, 12 марта.

¹⁸⁵ Дневник в. кн. Андрея Владимировича. — Красный архив, 1928, № 1, с. 188—189.

¹⁸⁶ Информационные записки 21 и 28 янв. 1917 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 9, л. 60—63; Былое, 1918, № 7, с. 111—114.

¹⁸⁷ См.: Давид В. С. Указ. соч., с. 295—296.

¹⁸⁸ Д. А. Олсуфьев — Николаю Михайловичу 29 янв. 1917 г. — ЦГАОР СССР, ф. 670, оп. 1, д. 370, л. 2.

¹⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 45, л. 10.

¹⁹⁰ Всепод. докл. М. В. Родзянко 10 февр. 1917 г. Цит. по: Блок А. А. Указ. соч., с. 163.

¹⁹¹ Буржуазия накануне... с. 164—165.

¹⁹² Протокол частного совещания в Москве представителей биржевых комитетов 30 и 31 дек. 1916 г. — ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 419, л. 134—135.

¹⁹³ Записка об общественных настроениях (после 6 января 1917 г.). — В кн.: Буржуазия накануне... с. 169—175.

¹⁹⁴ Черменский Е. Д. Борьба классов и партий в IV Государственной думе. Докт. дис. М., 1947, т. 2, с. 814.

доверимся этой власти».¹⁹⁵ Далее обращения к царизму с призывом «дать» разумную власть самые радикальные элементы буржуазии не пошли.

Стараясь не допустить развала оппозиционного блока, кадеты усиленно подчеркивали, что «воплощение единой воли, хотя бы и с ограниченной задачей, важнее чистоты теоретических принципов». При этом главный удар наносился ими по «страдающим изжогой прогрессивным Маниловым».¹⁹⁶ Кадеты справедливо считали, что без поддержки снизу отказ Думы подчиниться роспуску выльется в «комедию», по мысли о поддержке снизу пугала их еще больше. Милоков категорически высказывался даже против рабочей демонстрации в поддержку Думы, поскольку правое крыло блока отнеслось бы к рабочим как к «социальному и политическому врагу»¹⁹⁷ и это привело бы к расколу блока. Милоков настаивал, что «лишь Государственная дума должна и может диктовать стране условия борьбы с властью», а помимо нее «ни один класс населения, ни одна общественная группа не вправе выставить своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу».¹⁹⁸

Внутри самих кадетов тоже не было единства. Немногочисленное левое крыло, обеспокоенное перспективой «быть выброшенными за борт надвигающейся революцией», исключало соглашения с правительством, но не могло сформулировать никаких конкретных тактических лозунгов.¹⁹⁹ Правое крыло склонялось к тому, чтобы «не переть на рожон» в Думе и пойти на компромисс с Протопоповым.²⁰⁰ Основная часть выступала за продолжение давления на власть в думских степях и в рамках «прогрессивного блока», расходясь в определении допустимой тональности думских речей. На последнем перед революцией заседании с участием почти всех членов ЦК 4—5 февраля часть присутствующих предлагала начать сессию с резкой декларации блока. «Раз мы, — обосновывал это предложение Долгоруков, — отрицаем выступление на улице, в Думе выступление необходимо». Большинство однако, согласилось с мнением Милокова о предпочтительности «делового» тона сессии, в результате чего было решено «не разворачивать фронта выступления против правительства» с самого начала, видимо, все еще ожидая каких-либо шагов кабинета навстречу оппозиции.²⁰¹

Подобно тому, как нежелание Николая II и крайне правых пойти на уступки оппозиции были проявлением объективной обреченности самодержавного режима, неистребимая вера оппозиционных лидеров в то, что в конечном счете власть на уступки пойдет, объяснялась не их личной политической слепотой. Во взглядах и действиях руководителей «прогрессивного блока» и прежде всего кадетских вождей находила свое выраже-

¹⁹⁵ Утро России, 1917, 28 янв.

¹⁹⁶ Речь, 1916, 12 дек.

¹⁹⁷ Протокол пленарного заседания ЦК кадетской партии 4 февр. 1917 г. — РО ГБЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 23а, л. 1.

¹⁹⁸ Буржуазия накануне..., с. 181.

¹⁹⁹ Там же, с. 176—178.

²⁰⁰ Донесение моск. охр. отд. 25 дек. 1916 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1916, д. 27, ч. 46, л. 48.

²⁰¹ Протокол пленарного заседания ЦК кадетской партии 4 февр. 1917 г. — РО ГБЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 23а, л. 1—3.

ние та «утопия бессилия в деле политического освобождения России»,²⁰² о которой уже говорилось в гл. 6. Для тех представителей буржуазно-помещичьих кругов, которые силою обстоятельств принуждены были расстаться с верой в способность царизма пойти навстречу «умеренным элементам общества», единственной альтернативой революции становился дворцовый переворот, слухи о подготовке которого получили широкое распространение с осени 1916 г. и особенно после убийства Распутина.

За этими слухами, однако, стояло мало реального, поскольку и в буржуазно-либеральных, и в военных, и в великокняжеских кругах дело ограничивалось в основном «болтовней в том направлении, что хорошо бы, если бы кто это устроил».²⁰³ Единственным действительно существовавшим заговорческим центром был кружок Гучкова — Терещенко — Некрасова, который по позднейшему признанию Гучкова, остался в «эмбриональном» состоянии и участниками которого, лелеявшими план захватить царский поезд и заставить Николая отречься от престола, «сделано было много для того, чтобы быть повешенными, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось».²⁰⁴

Плохо законспирированная деятельность «заговорщиков» (что было сознательной тактикой, рассчитанной на запугивание правящих кругов в надежде заставить их согласиться на уступки)²⁰⁵ не только питала общую атмосферу слухов о возможном перевороте, но и побудила кадетских лидеров принять меры к тому, чтобы не быть оттесненными, если такой переворот совершится. С этой целью в конце декабря — начале января был проведен ряд совещаний, на которых обсуждались вопросы о восстановлении единства действий оппозиционного лагеря и о будущем правительстве. После совещания 27 декабря в Москве у Коновалова, где В. Маклаков говорил о нарастании «революции мести и гнева темных низов»,²⁰⁶ ему было поручено вступить в переговоры с Родзянко о составе будущего кабинета.²⁰⁷ Перспектива увидеть Родзянко во главе намечавшего правительства не устраивала кадетов. 7 января на новом совещании у Коновалова Милоков выступил с характеристиками «действителей, в которых общество может видеть своих будущих ответственных руководителей» и склонил большинство в пользу кандидатуры Львова.²⁰⁸ Вмешательство Милокова было ускорено тем, что в тот же самый день Львов, приехавший из Петрограда, говорил на квартире у Челнокова о возможности переворота в ближайшее время.

Активность Милокова, Родзянко и большинства других лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции в совещаниях о составе будущего правительства не означала их участия в подготовке дворцового переворота. Петроградская охранка зло, но точно характеризовала настроения оппозиции в своем обзоре от 26 января 1917 г.: «Всем крайне хотелось бы

²⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 118.

²⁰³ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931, с. 105.

²⁰⁴ Там же, с. 149.

²⁰⁵ Слонимский А. Г. Указ. соч., с. 142.

²⁰⁶ Вопросы истории, 1965, № 2, с. 111—112.

²⁰⁷ Слонимский А. Г. Указ. соч., с. 139—140.

²⁰⁸ Утро России, 1917, 11 янв.

предоставить право первой и решительной „боевой встречи“ с обороняющимися правительством кому угодно, только не себе, и потом уже, когда передовые борцы „свалят власть“ и расчистят своими телами дорогу к „светлому будущему“ — предложить свои услуги стране на роли „опытных и сведущих государственных деятелей“.²⁰⁹ Более того, подавляющая часть оппозиционных лидеров направляла главные усилия на сдерживание «передовых борцов». Выражая не только свое личное мнение, Долгоруков писал в начале января, что «дворцовый переворот не только нежелателен, а скорее губителен для России».²¹⁰ Тогда же Родзянко резко возражал против разговоров Крымова о необходимости низложить Николая II.²¹¹ Позднее Терещенко писал, что в течение всего января и первой половины февраля 1917 г. «более осторожные лица» и «искусственные политики», под которыми он подразумевал лидеров блока и прежде всего Милокова, доказывали, что «час еще не настал».²¹² И действительно, Милоков исходил в своих прогнозах из перспективы медленного развития событий и, видимо, делал ставку на победу оппозиции на выборах в V Думу, которые, по его предположениям, должны были состояться летом 1917 г.²¹³

В то время как черносотенная реакция лелеяла планы нового государственного переворота, а буржуазно-помещичья оппозиция тщетно пыталась найти такие способы давления на царизм, которые дали бы ей возможность добиться реформ, избегав при этом революции, экономический крах режима становился все более очевидным и оказывал все большее влияние на ход политической борьбы самодержавно-крепостнического и буржуазно-либерального лагерей и различных группировок внутри них, а главное — на углубление революционного кризиса в стране.

Война внесла серьезные диспропорции в структуру российской промышленности. Непосредственно работавшие на армию металлообрабатывающая и химическая промышленность увеличили выпуск продукции с 1914 по 1916 г. первая в 2,6, а вторая — в 2,7 раза.²¹⁴ Даже при таком росте общего валового производства, сопровождавшемся сокращением отпусков продукции на частный рынок, эти отрасли не справлялись с военными поставками. По признанию русской делегации на союзной конференции в Петрограде в январе 1917 г. свыше 46% годовой потребности в артиллерийских орудиях, например, могли быть покрыты только за счет ввоза из-за границы.²¹⁵ Но и такое развитие металлообрабатывающей и химической промышленности могло быть достигнуто лишь ценой свертывания других отраслей. Промышленность, не работавшая на армию, так же, как и транспорт, остались в 1916 г. практически без металла и

на крайне скудном топливном пайке, а в августе 1916 г. выяснилось, что производимого металла не хватает и для удовлетворения прямых военных потребностей.²¹⁶ В свою очередь нехватка рельсового металла, подлинного состава и топлива не давали железнодорожному транспорту выполнить возросший объем перевозок. Царизм не сумел даже на время войны решить задачу регулирования работы железных дорог. Перевозки, осуществлявшиеся согласно плановым наметкам различных государственных органов, составляли осенью 1916 г. только 40—50% всех грузов, более, чем наполовину, дороги работали на спекулянтов, наживавшихся на войне.²¹⁷ Поэтому железнодорожный транспорт перевозил лишь 50% нужного армии продовольствия, а металл, топливо и другие грузы доставлялись в крайне ограниченном объеме и это вызвало в конце 1916 г. общий паралич хозяйственной жизни. В итоге капиталистическое хозяйство России к началу 1917 г. было уже не способно обеспечить даже простого воспроизводства, и война велась за счет расхищения основного капитала промышленности и транспорта,²¹⁸ что не мешало буржуазии получать гигантские прибыли.

По-прежнему наиболее наглядное и грозное по своим последствиям для царизма воплощение экономической разрухи находила в продовольственном кризисе. К прежним причинам — развалу транспорта и спекуляции — в закупочную кампанию 1916 г. прибавились сокращение урожаев и откровенный саботаж помещиков, не удовлетворившихся твердыми ценами, установленными в сентябре, и требовавшими их повышения. Поставленное в безвыходное положение царское правительство было вынуждено пойти на чрезвычайные меры. 29 ноября было принято постановление о введении принудительной разверстки хлебных поставок.²¹⁹ Однако в руках царизма и продразверстка не могла оказаться решением проблемы. Стремясь не ущемить при ее проведении интересы аграриев, министр земледелия Риттих пошел на скрытое повышение твердых цен под видом установления их франко-амбар, а не франко-станция, и введения премий за доставку крупных партий.²²⁰ Это разжигало аппетиты помещиков, давало им основание надеяться, что продолжением саботажа они смогут добиться дополнительных выгод.

Введенная Риттихом разверстка имела целью покрыть нужды армии и предприятий, работающих на оборону, а городские власти должны были сами обеспечивать свои города. Когда же представители городов пытались закупить зерно, конкурируя между собой и создавая благоприятные условия для спекуляции, уполномоченные Министерства земледелия, опасаясь за выполнение планов разверстки, запрещали вывоз закупленного городами хлеба. В январе—феврале 1917 г. продовольственное положение обеих столиц и промышленных центров стало катастрофическим. Петроград и Москва получили лишь 25% запланированных им на эти месяцы

²⁰⁹ ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1917, д. 20, ч. 56, л. 17.

²¹⁰ Записка П. Д. Долгорукова об оценке кадетами текущего момента. — В кн.: Буржуазия накануне... с. 163—164.

²¹¹ Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929, с. 204—205.

²¹² Русские ведомости, 1917, 3 сент.

²¹³ Протокол ЦК кадетской партии 6 янв. 1917 г. — РО ГВЛ, ф. 225, папка V, ед. хр. 22а, л. 2.

²¹⁴ Подсчитано по: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с. 350.

²¹⁵ Подсчитано по: там же, с. 318.

²¹⁶ Там же, с. 377.

²¹⁷ Там же, с. 624—625.

²¹⁸ Гарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958, с. 212.

²¹⁹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922, с. 107.

²²⁰ Там же.

поставок, а в отдельные недели подвоз сокращался в еще большей степени. «Почти везде, — подводил итоги положению в начале февраля Челноков, — перспективы снабжения могут быть охарактеризованы словами: в феврале хлеба не будет... Мы имеем зерно на той мельнице, на которой нет топлива, муку там, где нет вагонов для ее вывоза, вагоны там, где нет грузов для их наполнения».²²¹

Продовольственный крах создавал объективные предпосылки для массовых выступлений рабочих. Департамент полиции предупреждал, что «продовольственные затруднения, все более обостряясь, угрожают повлечь за собою весьма серьезные осложнения внутри страны», и предсказывал «массовые стихийные беспорядки», которые могут послужить «поводом к возникновению повсеместных в империи открытых противоправительственного характера выступлений».²²² И действительно, уже организовывая забастовки 9 января, Русское бюро ЦК рассматривало их как подготовку к переходу от разрозненных стачек к массовым политическим выступлениям, имеющим в перспективе вооруженное восстание. Ряд большевистских руководителей на местах высказывался за превращение январских забастовок в решительное сражение с царизмом.²²³ В течение января—февраля стачки, в первую очередь в Петрограде, практически не прекращались ни на один день. В феврале петроградские рабочие еще раз открыто продемонстрировали, что революционная тактика большевиков отражает их настроения. 14 февраля в день открытия последней сессии Думы оборонцы призвали провести в ее поддержку демонстрацию у Таврического дворца, а большевики в противовес этому организовали забастовку и демонстрацию на Невском. В результате к Думе явилось не более 400 человек, быстро разогнанных полицией, а в забастовке участвовали по официальным данным 89,5 тыс. рабочих с 58 заводов и фабрик. В разных районах города состоялись демонстрации под лозунгами «Долой войну!», «Долой царское правительство!», «Да здравствует вторая российская революция!». На ряде заводов прошли митинги, на которых выдвигались требования создать Временное революционное правительство.²²⁴ Подводя итоги выступлениям 14 и 15 февраля, ЦК большевиков выпустил листовку, в которой подчеркивал: «Настало время открытой борьбы».²²⁵ 18 февраля забастовали рабочие лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода, а с 21-го стал весь гигантский завод. Стаечный комитет путиловцев и Нарвский районный комитет большевиков послали на другие заводы представителей с призывом к забастовкам солидарности.²²⁶ С 22 февраля в городе начались стачки, вызванные продовольственным кризисом.

В этой обстановке противостояние правительства и оппозиции превращалось в препирательство сторон, утративших не только контроль над

происходящими в стране процессами, но и представление о существе и направленности этих процессов.

За период с 17 декабря 1916 г. по 14 февраля 1917 г. различные ведомства внесли на утверждение Думы 126 законопроектов, главным образом «вермишельного» характера. Только Министерство путей сообщения пыталось наметить какие-то меры по улучшению функционирования железных дорог. Министерство земледелия разработало некоторые проекты, имевшие целью возобновление после войны столыпинской аграрной политики, но не предложило никаких мероприятий, направленных на разрешение продовольственного кризиса в данный момент. Другие ведомства были поглощены текущими делами и одновременно не проявляли ни малейшего сомнения в прочности режима. Морской министр 31 декабря 1916 г. считал время подходящим для того, чтобы озаботиться созданием фонда для выдачи в будущем призов на гребных гонках в память победы при Гангуте.²²⁷

14 февраля при открытии последней сессии Думы блок внес декларацию, в которой опять заявил о необходимости «коренного переустройства исполнительной власти на началах, неоднократно, но тщетно указывавшихся законодательными палатами»,²²⁸ так и не решившись официально произнести слова «ответственное министерство». В явной растерянности фракция расплывшегося «прогрессивного блока» позволила Риттиху навязать им бессмысленные прения о том, с чем следует сравнивать результаты его развертки (сами эти результаты по соображениям военной тайны с думской трибуны не оглашались). Обсуждение политики Риттиха продемонстрировало глубину противоречий между помещичьим и буржуазным крылом блока. Националисты и октябристы открыто заявляли, что в вопросе о твердых ценах и в ряде других экономических аспектов продовольственной политики они ближе к Риттиху, чем к Миллюкову, а Шингарев жаловался, что «приходится прилагать героические усилия, чтобы удержать октябристов от их стремления вступить на путь примирения с правительством».²²⁹

Несоизмеримость происходящего в Думе и в стране вызвала впечатление бедности думских прений, хотя никогда еще оппозиционные депутаты не решались говорить столь резко и никогда еще Родзянко не позволял оборонцам столь открытой критики режима. Тем не менее сами кадеты и прогрессисты писали, что заседания Думы выглядели «тускло и вяло», поскольку «чувствовалось, что уже все сказано и потеряна надежда, что можно чего-либо достигнуть убеждениями и молбой».²³⁰ «Увы, никто больше не верит речам», — констатировал и Шульгин.²³¹

Но лидеры блока по-прежнему верили или делали вид, что верят, будто «единственный вопрос текущего момента, вопрос, от решения которого зависит и решение всех остальных» — это «отношение между пра-

²²¹ ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 486, л. 6—8.

²²² Доклад директора Департамента полиции. Февраль 1917 г. — В кн.: Буржуазия пакануне... с. 190.

²²³ Шляпников А. Семнадцатый год. М.; Пг., 1923, кн. 1, с. 272.

²²⁴ Лейберов И. П. Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской революции в России. — История СССР, 1957, № 1, с. 52.

²²⁵ Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 247—249.

²²⁶ История КПСС, т. 2, с. 658.

²²⁷ Гос. дума. 4-й соз. Сес. V, стб. 1433—1449.

²²⁸ Там же, стб. 1288.

²²⁹ Информационная записка. Февраль 1917 г. — ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1917, д. 307А, л. 84—87.

²³⁰ Г. Е. Львов — Николаю Михайловичу 15 февр. 1916 г. — Там же, ф. 670, оп. 1, д. 335, л. 1.

²³¹ В. В. Шульгин — Николаю Михайловичу 15 февр. 1917 г. — Там же, д. 439, л. 6.

вительством и Государственной думой» (что для Милюкова было равнозначно отношениям «между властью и страной»).²³² На все попытки оборонцев и наиболее радикально настроенных представителей буржуазного лагеря подтолкнуть блок к каким-либо действиям Милюков упрямо отвечал: «Наше слово уже есть наше дело. Слово и тутум суть пока наше единственное оружие». ²³³ Впрочем, и понимавшие бесплодность думских речей оппозиционные депутаты не могли предложить ничего реального. Передавая слух, будто рабочие-оборонцы хотели идти к Думе и требовать, чтобы она объявила себя учредительным собранием и назначила Временное правительство или диктатора, Караулов говорил: «Как горько ошибаются те, которые возлагают на нас такие надежды. Это из нашего состава выбрать диктатора? Это мы-то учредительное собрание?». Но, предлагая перейти от слов к делу, Караулов рекомендовал лишь создать разъездные думские комиссии для выяснения на местах причин экономической разрухи и ввести смертную казнь для спекулянтов.²³⁴ Даже 24 февраля Родичев все еще взывал к совести власти, призывая ее покаяться и «остановиться, пока есть время». «Именем голодного народа», который его на то не уполномачивал, Родичев выдвигал требование создать правительство, ответственное перед Думой, и убеждал: «Это требование, пока оно раздается отсюда, удовлетворяйте его раньше, чем оно раздается из истерзанной груди всего русского народа».²³⁵

Но в этот день авангард народа — петроградский пролетариат — уже остановил заводы и фабрики и вышел на улицы под знаменами борьбы, на которых было написано не «ответственное министерство», а «долой войну!» и «долой самодержавие!». Революция, которой так боялись и власть, и либералы, и которую они, каждый своими методами, пытались предотвратить — началась.

²³² Гос. дума. 4-й соз. Сес. V, стб. 1328.

²³³ Там же, стб. 1344.

²³⁴ Там же, стб. 1385—1390.

²³⁵ Там же, стб. 1713—1714.

«Для того чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, — отмечал В. И. Ленин, — необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности».¹

Первым из этих условий была исключительная революционность русского пролетариата, руководимого большевистской партией, революционность, выкованная в стачечных боях 90-х и 900-х годов, в «генеральной репетиции» 1905—1907 гг., пронесенная через годы реакции и войны. «Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели, — эти качества пролетариат вырабатывал в себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции».² В своей борьбе против царизма пролетариат опирался на революционность крестьянства, обусловленную сохранявшимися в аграрном строе России крепостническими пережитками. Судьбы политических преобразований, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, решаются в конечном счете в ходе классовой борьбы эксплуатируемых классов против эксплуататорских, и на протяжении долгого времени царизм держался тем, что его далеко продвинувшееся разложение опережало «политическую мобилизацию» тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками».³ Революция 1905—1907 гг. и контрреволюция 1907—1914 гг. продвинули далеко вперед политическое просвещение и политическую мобилизацию миллионов рабочих и десятков миллионов крестьян, подготовили «точное „самоопределение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии»,⁴ и это привело к быстрой победе Февральской революции, заложило основы ее перерастания в революцию социалистическую.

Вторым условием, приведшим к тому, что «стелла залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться сразу»,⁵ была война, выступившая могучим ускорителем течения мировой истории, обострившая классовую борьбу пролетариата против буржуазии во всемирном масштабе и подготовившая революционные взрывы не только в России, но и во многих странах Европы. И если в России революционный кризис разразился раньше всего, то это объяснялось тем, что здесь выступление трудящихся масс было направлено против «самой отсталой и самой варварской царской монархии...».⁶

Гнилость царского режима, затянувшийся кризис самодержавного строя были, таким образом, тоже одним из условий, приведших к сокрушительному краху романовской монархии.

Общей причиной кризиса самодержавия во второй половине XIX — начале XX вв. была несостоятельность его попыток приспособиться к развивающимся капиталистическим отношениям, не меняя своей природы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11.

² Там же, т. 40, с. 316.

³ Там же, т. 6, с. 279.

⁴ Там же, т. 31, с. 12.

⁵ Там же, с. 13.

⁶ Там же, с. 15.

Сила экономического развития, поражение в Крымской войне и угроза крестьянских восстаний заставили царизм пойти на отмену крепостного права, открыв тем самым путь развитию капитализма — быстрому, если сравнивать с темпами предшествующего периода, но медленному и наиболее мучительному для масс по сравнению с тем, каким могло быть это развитие в случае уничтожения пережитков крепостничества в экономическом и политическом строе страны.

Развитие капиталистических отношений может до известного (и как показал опыт России — довольно высокого) уровня идти и при сохранении старой, феодальной в своей основе надстройки — самодержавия, но рано или поздно упирается в сохранение этой надстройки и ставит вопрос о ее замене новой, буржуазной (республиканской или монархической), обеспечивающей экономическую и политическую свободу для капитализма. Отмена крепостного права и проведенные вслед за тем реформы суда и местного самоуправления представляли собой первый шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию.

Царизм оказался в состоянии сделать этот шаг потому, что располагал еще значительной свободой маневра как по отношению к революционно-демократическому движению, не обладавшему достаточными силами для того, чтобы помешать проведению реформ руками крепостников-помещиков, так и по отношению к собственной классовой опоре — помещику-дворянству, значительная часть которого выступала против самых ограниченных реформ. Свобода маневра по отношению к дворянству вытекала из той относительной самостоятельности государства от правящих классов, чьи интересы оно в конечном счете выражает, которая характерна для антагонистических формаций вообще и которая в России из-за особенностей ее исторического развития приобрела чрезвычайно большие размеры.

Вступлению царизма на путь к буржуазной монархии способствовало, как бы парадоксально это ни звучало, и то обстоятельство, что и совершавшие этот шаг, и противившиеся ему не вполне сознавали социальный смысл осуществляемых экономических мер. По необходимости ускоряя в меру своих возможностей и разумения промышленное развитие страны, царская бюрократия (как практики, так и идеологи ее) в течение долгого времени полагала, что сможет с помощью государственного вмешательства избежать нежелательных для царизма социальных последствий такого развития — победы капиталистических отношений в общественном строе, появления рабочего класса и рабочего движения. Осознание того, что создание современной промышленности равнозначно созданию капиталистической экономики пришло лишь к рубежу XIX—XX вв., когда капиталистические отношения в обществе стали господствующими, а пролетариат выступил как самостоятельная, политическая сила.

Параллельно с содействием развитию промышленности царизм упорно проводил политику искусственной консервации крепостнических пережитков в сельском хозяйстве, делая тем самым общее экономическое развитие страны внутренне противоречивым, увеличивая разрыв между «сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни...».⁷

⁷ Там же, т. 16, с. 301.

Широкому развитию капиталистических отношений в стране, а следовательно, и действительному превращению царизма в буржуазную монархию препятствовало и сохранение в пореформенный период неограниченности самодержавной власти. «Правительство Александра II, — отмечал В. И. Ленин, — и „задумывая“ реформы и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступать тогда же заявленному требованию политической свободы».⁸ В этом сказывались и инстинкт самосохранения самодержавия, для которого всякое, даже небольшое ограничение его власти есть отказ от собственной природы, и осознанный учет опыта других монархий, ранее оказывавшихся вынужденными вступить на путь политических уступок, и отсутствие в России силы, которая была бы в состоянии принудить царизм вступить на этот путь вопреки его нежеланию.

В итоге уже первый шаг царизма по пути к буржуазной монархии оказался неуверенным, колеблющимся, неудачным и несостоятельным.⁹ «Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на попрание несравненно более широким, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах».¹⁰ 1861-й год породил 1905-й.

Второй шаг по пути к буржуазной монархии, необходимость которого встала перед царизмом после революции 1905—1907 гг., был для него тем более непосильным. Приспособление к буржуазному развитию в эпоху империализма требовало от царизма достижения по крайней мере двух целей — создания прочного союза помещику-дворянству и контрреволюционной буржуазии в рамках представительных учреждений общенационального масштаба и решении «очередной национальной задачи» — аграрного вопроса. При этом царизм не располагал уже свободой маневра ни по отношению к рабочему классу, потерпевшему поражение, но не сломленному в 1905—1907 гг., ни по отношению к буржуазии и дворянству, экономические и политические противоречия между которыми обострились, несмотря на их общий страх перед революцией. К этому добавлялось обострение внешнеполитической ситуации. Если между 1861 и 1904 гг. Россия вела только одну войну — против еще более отсталой Турции, то после 1905 г. балканские войны ставили Россию, неоправдываясь от поражения в русско-японской войне, перед угрозой европейского конфликта, действительно разразившегося затем в 1914 г. Ни внутри страны, ни в ее взаимоотношениях с другими странами царизм не мог рассчитывать на «двадцать лет покоя», которые Столыпин с неоправданным оптимизмом считал достаточными для выхода самодержавного режима из кризиса.

Революция вынудила царизм пойти на создание системы дуалистической монархии с законодательной Думой при сохранении за короной всей исполнительной и значительной части законодательной власти, на чистку

⁸ Там же, т. 5, с. 62.

⁹ См.: там же, т. 20, с. 169.

¹⁰ Там же, с. 177—178.

действующего права от наиболее обветшалых юридических норм (отмена части правовых ограничений крестьян, старообрядцев и т. п.), на предоставление (в значительной мере — на бумаге) некоторых политических свобод. Поскольку классовая природа царизма при этом оставалась неизменной, проникновение «некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения» лишь обостряло противоречие этих феодальных по существу учреждений с капиталистическим направлением экономической эволюции.¹¹ Оказавшись поставленным перед необходимостью сосуществовать с общенациональным представительством, царизм с самого начала стремился предельно ограничить компетенцию этого представительства, сохранить в неприкосновенности как систему и методы управления в центре и на местах, так и «юридическое» основание всевластия бюрократии — Положение об усиленной охране 1881 г. Уже в силу этого попытка царизма, убедившегося в невозможности управлять только при помощи старых орудий власти, использовать и новое орудие, Думу, но «в общей обстановке старых порядков», сразу же обнаружила себя как «внутренне-противоречивая, невозможная попытка»,¹² причем выход из этого противоречия и крайне правые круги помещного дворянства, и «второе правительство» России — придворная камарилья — искали на путях более или менее открытого превращения Думы в законосовещательный орган.

К тому же, чем сильнее экономически становилась буржуазия, тем меньше оставалось у старой власти возможностей политически лавировать между буржуазией и дворянством. Ранее настойчиво распространявший иллюзии о своем «надклассовом» характере царизм был вынужден в последние годы своего существования, подобно другим абсолютистским режимам Европы в аналогичных ситуациях, особенно «открыто, голо, цинично поставить на один командующий класс, класс Пуришкевичей и Марковых»,¹³ который тоже именно потому, что он терял свои экономические позиции, особенно ревниво относился к сохранению своего политического влияния.

Углубление и обострение противоречий в стране и позиция дворянства делали невозможным не только осуществление широких буржуазных реформ, требуемых экономическим развитием, но и восстановление в полном объеме реформ 1860-х гг. Та степень крестьянского участия в земском самоуправлении, которую царизм считал для себя и для дворянства безопасной в 60-е гг. XIX в., казалась (да и была в действительности) опасной для оскудевающего дворянства в межреволюционный период. Так же обстояло дело с бессословным мировым судом. Поэтому было определено рациональное объяснение тому, что проекты реформ, восходившие в своей основе к 1860—80-м гг., вновь принимались к рассмотрению в недрах бюрократических комиссий только в моменты крайней опасности близкого революционного взрыва и опять откладывались как недопустимо либеральные, когда такая опасность отступала или считалась отступившей. К тому же громоздкая устаревшая государственная машина царизма, сохраняя до поры до времени определенную инерцию

устойчивости, была неспособна к переменам ни в своем собственном устройстве, ни тем более в устройстве общества, «ибо, — как подчеркивал В. И. Ленин, — тяжеловесность машины и безграничная волюнтаристичность ставят очень тесные пределы „возможному“ в полицейском государстве».¹⁴ Многовековая история страны, накопившая неразрешимые эволюционным путем противоречия российской действительности и связавшая их в единый узел, привела к тому, что в начале XX в. монархия в России могла быть только черносотенно-погромной.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что при иной расстановке политических сил столыпинская аграрная реформа была «экономически не возможна»¹⁵ и означала бы на практике приспособление старого землевладения к капиталистическим отношениям в интересах помещиков. Но проведение реформы требовало десятилетий насилия над крестьянской массой, которыми царизм не располагал. Попытка же форсированно осуществить принудительную ломку общины после того, как в течение полувека ее естественное разложение искусственно тормозилось, вела лишь к обострению классовой борьбы в деревне и к увеличению суммы противоречий, подтачивавших основы романовской монархии. Аграрная политика 1907—1914 гг. не создала «никаких новых классовых элементов, способных экономически обновить самодержавие»,¹⁶ а без этого было невозможно и сохранение существовавшего политического строя, без этого не было базы для прочного союза между помещиками и буржуазией, все более настойчиво требовавшей обеспечения экономических и политических условий для капиталистического развития.

В то время как растущее противоречие между увеличением экономической мощи буржуазии и сохранением власти в руках царизма и помещного дворянства вело к усилению недовольства и оппозиционности буржуазии, отношения царизма и помещного дворянства также, несмотря на сделанный царизмом шаг назад, к Пуришкевичам, оставались неоднородными. Часть дворянства, в большей мере приспособившаяся к капиталистическим отношениям, начинала вместе с буржуазией выражать неудовлетворенность неэффективностью существующей государственной машины. Другая часть, напротив, считала буржуазную эволюцию страны слишком быстрой и требовала новых мер по консервации докапиталистических элементов в экономике и политической жизни, оказываясь по отношению к бюрократическому аппарату в оппозиции с права. Растущее недовольство и дворянства, и буржуазии вызывала очевидная неспособность царизма справиться с надвигавшейся новой волной революционного движения. Уже выборы в IV Думу показали, что «правительство не может опереться ни на один класс населения. Оно не может даже поддерживать союз с помещиками и крупной буржуазией, ради которого совершено государственное переворот 3-го июня 1907 года».¹⁷

Еще до начала первой мировой войны В. И. Ленин пришел к выводу: «Третьеиюньская система была последней попыткой спасения черносотенной монархии царя, попыткой обновить ее союзом с верхами буржуа-

¹¹ Там же, с. 86.

¹² Там же, т. 49, с. 82.

¹³ Там же, т. 20, с. 375.

¹⁴ Там же, т. 4, с. 426.

¹⁵ Там же, т. 16, с. 417.

¹⁶ Там же, с. 415.

¹⁷ Там же, т. 22, с. 203.

зии, и эта попытка потерпела крах».¹⁸ В такой ситуации война не могла не нанести царизму последний удар. «Сила и слабость учреждений и порядков любого народа, — указывал В. И. Ленин, — определяется исходом войны и последствиями ее».¹⁹ Уже поражение в русско-японской войне показало, что царизм превратился в помеху для организации на высоте современных требований того самого военного дела, которому он уделял больше всего внимания, принося в жертву экономические и культурные нужды России. Тесная связь военной организации страны и всего ее общественно-экономического строя привели к тому, что военный разгром 1904—1905 гг. ускорил начало первой русской революции. В еще большей степени связь между внутриполитической прочностью государства и его способностью выдержать тяготы войны была продемонстрирована в 1914—1917 гг.

Важной особенностью кризиса самодержавия в России было то, что никогда за все время этого кризиса российская буржуазия не была главной силой в лагере противников царизма. Позднее развитие в XIX в., а в XX в. положение «класса, сжатого между самодержавием и пролетариатом»²⁰ определили контрреволюционность буржуазии, ее тяготение к сделке и дележу власти с царизмом. Экономическая отсталость России и прежде всего нерешенность аграрного вопроса сужали ту массовую социальную базу, на которую буржуазный либерализм мог опираться в своем торге с царизмом до Февральской революции и которую он мог противопоставить революционно-демократическому союзу пролетариата и крестьянства после Февраля.

Задача свержения самодержавия выпала в России на долю пролетариата и его партии, созданной В. И. Лениным. Бескомпромиссная критика большевиками идеологии либерализма и оппортунизма в период борьбы с царским режимом заложила основы быстрого освобождения масс от «доверчиво-бессознательного» отношения к буржуазному Временному правительству, проявленного в Февральские дни. Обстоятельства создания Временного правительства, получившего власть из рук революции, произошедшей вопреки желаниям либеральных лидеров, и вынужденного опираться на тех, с кем ему предстояло бороться; обстановка развала экономики и государственного аппарата в условиях военного поражения; давление голодных и требующих мира масс — все это подготавливало неизбежный крах буржуазного правительства. Свержение царизма было только первым этапом разгоравшейся революции в России, и уже при первых известиях о ней В. И. Ленин призвал рабочий класс «проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»,²¹ этапе, ведущем «к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу».²²

¹⁸ Там же, с. 257.

¹⁹ Там же, т. 20, с. 245.

²⁰ Там же, т. 10, с. 198.

²¹ Там же, т. 31, с. 21.

²² Там же, с. 22.

Абаза А. М. 271
Авдаков Н. С. 379, 439, 554, 584
Аверин Э. 172, 176
Аверз А. Я. 309—311, 379, 380, 394, 405, 488, 495, 524
Азеф Е. Ф. 152, 161
Акимов М. Г. 267, 291, 293—295, 468, 503
Аксаков И. С. 109
Аксаков К. С. 109
Александровский Ю. В. 353
Алексеев А. С. 182, 239
Алексеев М. В. 568, 572, 598, 599, 604, 605, 616, 617
Алексеев Н. А. 72
Алексеев С. А. 243
Амфитеатров А. В. 129, 130
Апаньич Б. В. 8, 33, 35, 38, 111, 173, 183, 226, 287, 421, 520, 529
Андрейчук М. С. 501
Андронников М. М. 237, 533, 576
Анский А. 313
Антонов Н. И. 522
Анфимов А. М. 12—16, 331, 367, 372
Апушкин В. А. 599
Аракчеев А. А. 217
Арандаренко В. И. 391
Арбузов А. Д. 381, 384—386, 399
Аргун А. М. 171
Арманд И. Ф. 535
Арутюнов Г. А. 476, 477, 500, 508
Астафьев А. С. 77
Астров Н. И. 581
Афанасьев М. А. 83
Ачкасов А. 154

Бабушкин И. В. 266
Бадаев А. Е. 409
Бадмаев П. А. 605, 606
Базилевский П. А. 638, 641
Балабанов М. 377, 378, 396
Балашов И. П. 454, 490, 496, 497
Балашов Н. П. 628
Балашов П. Н. 522, 524
Балашова М. Г. 625
Балк А. П. 634
Балмашев С. В. 60, 117
Бальц В. А. 614, 627
Баранов 378
Барк П. Л. 428—531, 533, 548, 554, 569, 582, 613, 627
Барятинский В. В. 146
Баян см. Кольшико И. П.
Бейлис М. 521, 628
Белецкий С. П. 403, 405, 406, 413, 576, 582, 583, 637, 638
Беллами Э. 34
Белокозский И. П. 26, 126, 139, 165
Беллев М. А. 583, 627
Беляев С. П. 379

Бейкендорф П. К. 233, 518
Бенца А. Н. 21
Бестужев П. В. 456, 464, 467—469, 517
Бирюлев А. А. 288, 287
Бисмарк О. 57, 181, 223, 224, 392, 473
Блажчук М. И. 383, 384
Блау А. А. 41
Блок А. А. 618, 630, 633, 641
Бобриков Н. И. 130
Бобринский А. А. 125, 165, 205—207, 209, 210, 410, 468, 488, 492, 494, 602, 603, 605, 613, 620, 621, 627, 633
Бобринский В. А. 524, 563
Бобринцев-Пушкин А. В. (Громобой) 498
Бовыкин В. И. 42, 516
Богданович А. В. 24, 25, 129—130, 453, 468, 469
Богданович Е. В. 527, 533, 605
Богучарский В. Я. 126, 161, 172
Бондаревская Т. П. 168, 242
Борисов С. П. 589
Бородин А. П. 502
Боткин П. С. 456
Бочкарева Е. И. 313
Брежневская Е. К. 153
Брук С. П. 14
Брусиллов А. А. 593, 619
Будберг А. А. 165, 234, 235, 237, 248, 252, 259, 495
Булаков С. Н. 323, 324
Булыгин А. Г. 68, 177, 179, 183, 184, 188, 191—195, 197, 199, 200, 215, 216, 221
Бунakov Н. Ф. 125
Бунге Н. Х. 21, 27, 28, 30—35, 40, 50, 56, 57, 71—73, 81, 94
Бухдидер Н. А. 87
Быковен Дик. 605, 620

Валк С. Н. 168, 323
Валуев П. А. 181
Валь В. В., фон 92
Ванновский П. С. 29, 130—132
Варзар В. Е. 385
Варун-Секрет С. Т. 584
Василевский Е. Г. 313
Васильева Н. И. 239, 240, 281, 298
Васильчиков Б. А. 169, 170, 174, 319, 422, 625, 640
Васильчикова С. И. 625
Вебер С. Ф. 439, 440
Ведерников В. В. 25
Вережкин А. Н. 628
Вернадский В. И. 196, 477
Вернейль М. 520
Верховский В. В. 206, 207
Викторин 21
Вильгельм II 25, 178, 179, 204, 205, 223
Виноградов Н. 132, 133
Вильбушев М. В. 87

Дуллон И. А. 169, 170, 171, 173—175

Жабалов С. С. 634

Жаритонов П. А. 212, 217, 284, 435, 439, 440, 553, 554, 566, 568—570

Жарламов Н. П. 390—394

Жвостов А. А. 555, 569, 576, 602

Жвостов А. Н. 504, 528, 576—584, 590, 592, 615, 637

Жилков М. И. 131, 206, 207

Жис Ч. 21

Жолдешников И. В. 269

Жомяков А. С. 109

Жомяков Н. А. 453, 463, 511

Жрипунов С. С. 411

Жромов П. А. 17

Жрусталева-Носарь Г. С. 252, 253

Жеретели И. Г. 312

Житович П. П. 40, 111

Жаплинский Г. Г. 628

Жарторийский А. В. 206

Желноков М. В. 324, 379, 549, 554, 573, 599, 643, 646

Жерменский Е. Д. 161, 168, 179, 201, 203, 217, 225, 237, 240, 337, 527, 564, 641

Жернин О. 632

Жернуца В. Г. 20, 113, 181

Жернышев Н. В. 55—58, 68, 69

Жетвериков С. И. 473, 553

Жижов С. 175

Жистяков И. 389

Жичерин Б. Н. 108

Жихачев Н. М. 116, 118, 229

Жулошников А. 212

Жуевидзе Н. С. 533

Жаевич Г. 92

Жайкевич Е. Г. 586

Жарапов С. Ф. 462

Жаховской В. С. 546, 553, 569, 593, 613, 620

Жаховской Д. И. 26, 125, 126, 560

Жаховской Н. В. 84, 129—132

Жаццлло К. Ф. 26, 125, 150, 160, 161, 168, 258, 516

Жауфус Н. К. 437

Жвансбах П. Х. 40, 41, 323

Жебалдин Ю. Н. 41

Жебеко В. Н. 554

Желозаев В. В. 168, 245

Жельмагин И. И. 406

Жепелев Л. Е. 27, 30, 31, 35, 40, 71, 81, 334, 429, 442, 444, 446, 595

Жервашидзе Г. Л. 158

Жереметев С. Д. 452, 466, 468

Жереметева И. И. 640

Жидловский Н. В. 116, 118, 178

Жидловский С. И. 354, 493, 510

Жилова А. 174

Жильдер Н. К. 21

Жингарев А. И. 547, 564, 647

Жипов Д. Н. 23, 112, 122—124, 159, 161—165, 190, 243, 244, 247, 254, 255, 258—261, 289, 318

Жипов И. П. 64, 386, 387, 389, 436

Жиринский-Жихматов А. А. 205, 207

Жляпников А. Г. 607, 635, 646

Жмидт К. 346

Жмидт П. П. 271

Жтюрмер Б. В. 157, 159, 271, 527, 582—584, 592—596, 598—607, 613—621, 631, 637

Жуваев Д. С. 593, 627

Жувалов П. А. 181

Жулейкин И. Д. 313

Жульгин В. В. 563, 581, 614, 617, 621, 634, 641, 647

Жумилов М. М. 304

Жустер У. А. 168, 170, 178

Жегловитов И. Г. 471, 513, 514, 517, 531, 552—555, 582, 619, 627, 630, 633, 635

Жепкин Н. Н. 404, 482

Жербатов Н. В. 554, 555, 562, 566, 569, 575, 576

Жечков Г. А. 471, 484, 519

Жукин Н. А. 553

Жвенчик С. Л. 25

Жйхельман О. О. 288, 289

Жлидин М. И. 56

Жнгельгардт Н. 25

Жнгельгарт Б. А. 599

Жнгельс Ф. 108, 346

Жренталь А. 465

Жрцберггер М. 632

Жозефович Б. М. 136

Жорьевич С. А. 218

Жосупов-Жумароков-Жльстон Ф. Ф. 625, 640

Жухт А. И. 112, 113

Жковлев А. Ф. 45

Жнжул И. И. 72, 91, 92

Жнушкевич Н. Н. 543, 548, 553, 554, 568

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Часть первая

РОССИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1895—1904 годы

Глава 1

Экономическое развитие и социально-политический строй России на рубеже XX столетия 11

Глава 2

Экономическая политика правительства. Реформы С. Ю. Витте 30

Глава 3

Политика царизма в крестьянском вопросе 46

Глава 4

Политика царизма в рабочем вопросе 70

Глава 5

Самодержавие и земство. Земская реформа 1898—1903 гг. 93

Глава 6

Самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В. К. Плеве 121

Часть вторая

ЦАРИЗМ в 1905 год

Глава 1

Начало первой русской революции и внутриполитический курс царизма 157

Глава 2

Вокруг проекта булыгинской Думы 189

Глава 3

От 6 августа к 17 октября 215

Глава 4

Внутренняя политика царизма в период наивысшего подъема революции 241

Глава 5

Реформа Государственного совета и принятие Основных законов 273

Часть третья ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ	Глава 6	
	Царизм и проблемы законодательства в период спада революции	300
	Глава 1	
	Самодержавие после третьейюньюнского переворота	327
	Глава 2	
	Столыпинская земельная реформа	349
	Глава 3	
	Третьейюньюнская монархия и рабочий вопрос	375
	Глава 4	
	Экономическая политика царизма в 1907—1914 гг.	417
	Глава 5	
	Борьба течений в правящих верхах по вопросам внутренней политики (1907—1909 гг.)	448
	Глава 6	
Часть четвертая ЦАРИЗМ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	Обострение классовых противоречий в России. Провал столыпинского «успокоения» (1909—1911 гг.)	473
	Глава 7	
	Разложение третьейюньюнской системы (1911—1914 гг.)	500
	Глава 1	
	Начало войны. Политический кризис лета 1915 г.	543
	Глава 2	
	Царизм и оппозиция (1915—1916 гг.). Обострение продовольственного кризиса	576
	Глава 3	
	Царизм накануне свержения	609
	Заключение	649
	Указатель имен	656